

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 08191427 1

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАННЫЙ Н. КАТКОВЫМЪ.

СТО ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

1875

І Ю Л Ъ

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. ПЕЗУИТЫ ВЪ ЛИТВѢ. Гл. I—III. И. Сливова.
- II. ОТЕЦЪ И СЫНЪ. Опытъ культурно-биографической хроники. Гл. VIII—IX. М. Э. Де-Пуле.
- III. СЕМЕЙСТВО БАКЛАНОВЫХЪ. (Изъ моихъ воспоминаній). Окончаніе. Н. Г. Чаплина.
- IV. МОЕ ДѢТСТВО И НАША СЕМЬЯ. (Воспоминанія Одиссея Подхромидеса, загорскаго Грека). Гл. X—IV. К. Н. Леонтьева.
- V. МЕГАЛИТИЧЕСКІЕ ПАМЯТНИКИ ВЪ КРЫМУ. М. Сосногоровой.
- VI. ЯМЩИКЪ ЗАСНУЛЪ, МЫ ъДЕМЪ ШАГОМЪ. Стихотвореніе. Д. Ц—ова.
- VII. СУДЕБНАЯ РЕФОРМА ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ. Гл. VI. М. П. Соловьева.
- VIII. ПАРИЖСКІЕ СИЛУЭТЫ И ОЧЕРКИ. Петра Петрова.
- IX. ПЕРВАЯ ГРОЗА. Разказъ. Л. Стецькиной.
- X. ПРИВЛЕЧЕНІЕ КЪ СТАТЬѢ: «ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ УКРАИНОФИЛАХЪ». С. С. Гоголецкаго.
- XI. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. А.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- I. ПАРИЖАНЕ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. Переводъ съ англійскаго. Окончаніе.
- II. ВОЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ НА ОКСУСЪ И ПАДЕНІЕ КРЫМЪ. Макъ-Гахана. Переводъ съ англійскаго (съ рисункомъ). Окончаніе.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

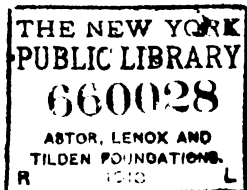
М. Батковичъ:

ТОМЪ СТО ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К^о).
На Страстномъ Бульварѣ.

1875.

ІЕЗУИТЫ ВЪ ЛИТВѢ

I.

Іезуиты въ Вильнѣ.—Виленьскій епископъ Протасевичъ.—Основаіе Коллегіума.—Знаменитѣйшіе члѣны іезуитовъ.—Положеніе римско-католической церкви въ Литвѣ.—Православіе и кальвинизмъ.—Первоначальныя дѣйствія іезуитовъ.

Въ октябрьскій вечеръ 1569 года, въ одной изъ западныхъ окрестностей города Вильны, въ лѣсу, на томъ мѣстѣ гдѣ рѣка Вилія дѣлаетъ крутой поворотъ направо къ городу, отъ чего это мѣсто и получило въ послѣдствіи названіе *Закреть* или *Закрутъ* (закретъ, по-польски поворотъ), два человекъ закутанные въ широкіе черные плащи неподвижно стояли подъ дубомъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, поближе къ городу, въ такомъ же плащѣ, стоялъ третій, а при немъ юноша въ польской чамаркѣ.

Еще съ утра въ этотъ день въ Вильнѣ замѣтно было особенное движеніе. Городскія ворота были залерты и окружены усиленными караулами. Лютеране, кальвинисты, социніане, анабаптисты и другіе послѣдователи новыхъ ученій, доселѣ безпрепятственно совершавшіе свои религіозные обряды и прославлявшіе благородную вѣротерпимость Сигизмунда-Августа, толпились на улицахъ и передавали другъ другу тревожное извѣстіе что въ этотъ день должны появиться

въ Вильнѣ враги ихъ, отцы іезуиты. Всѣмъ уже было извѣстно о миссіонерской дѣятельности этихъ поборниковъ Рима, нелегко поселившихся въ польской Вармии и обывавшихъ ожесточенную войну всѣмъ не-католикамъ. Покровитель и защитникъ реформатовъ, виленскій воевода и великій канцлеръ литовскій, князь Николай Радзивиллъ Рыжій (Rufus), зналъ болѣе: ему были извѣстны тайныя цѣли и намѣренія для которыхъ выписывались эти защитники лалскаго престола. Онъ зналъ также какъ враждебно настроены противъ нихъ жители и опасаясь столкновения или желая на первомъ шагу парализовать дѣйствія врага своего Валеріана Протасевича-Сущковскаго, виленскаго епископа, рѣшился воспользоваться своею властью чтобы затруднить имъ въѣздъ въ городъ. Съ этою-то цѣлію и поставлены были караулы на заставахъ. Но и епископъ имѣлъ свою собственную полицію, своихъ тѣлохранителей, и зналъ о сдѣланныхъ распоряженіяхъ. Онъ съ своей стороны принималъ мѣры. Когда начало темнѣть и народныя толпы стали расходиться, изъ Трокскихъ воротъ выѣхала закрытая ляддара (карета), окруженная конвоемъ вооруженныхъ всадниковъ. Часовые полагали что самъ епископъ ѣдетъ на прогулку и не смѣли остановить. Ляддара прибыла въ Закреть. Къ ней подошли три описанныя нами личности и были привѣтствованы посланнымъ отъ епископа прелатомъ. Они скинули свои плащи и явились въ длинныхъ черныхъ мантияхъ, съ Распятіями на груди, съ четками на рукахъ и книгами подъ мышками. * Это и были три первые іезуита выписанные въ Вильну: Валтасаръ Гостовицъ, Андрей Фризиусъ и Францискъ Зуннеръ. Сопровождавшій ихъ юноша Полякъ служилъ переводчикомъ. Въ 7 верстахъ отъ города, въ Понарахъ, ихъ встрѣтилъ посланный, предупредивъ объ угрожавшей опасности и провелъ лѣшкомъ въ Закреть. Два младшіе іезуита остались съ транспортомъ въ Понарахъ. Прелатъ предложилъ іезуитамъ сѣсть въ карету, но они отказывались, увѣряя что не достойны ѣхать въ епископскомъ экипажѣ, и сѣли только тогда когда имъ было приказано именемъ епископа. Наконецъ ляддара тронулась, окруженная со всѣхъ сторонъ конвоемъ, благополучно проѣхала ворота епископскихъ палатъ на Бискупской

* Уставы Тридентскаго собора и наставленія Игнатія Лойолы.

улицѣ. * Въ палатахъ иезуиты были встрѣчены виленскимъ капитуломъ и другими духовными лицами. Тотчасъ же провели ихъ къ епископу. Иезуиты пали предъ нимъ на колѣна, облобызали его руку, вручили письмо отъ епископа варминскаго, кардинала Гозиуса, и старшій изъ нихъ, Испанецъ Францискъ Зувверъ, произнесъ рѣчь по-латыни, въ которой между прочимъ сказалъ: „Съ благоговѣніемъ узнали мы что ваме преосвященство рѣшились мужественно и неустрашимо бороться съ ересью, чтобъ изгнать изъ своей епархіи эту чертовщину. О, еслибъ у насъ было болѣе такихъ епископовъ, тогда наша святая вѣра не подверглась бы такимъ колебаніямъ. Когда я былъ въ Варшавѣ, мнѣ много говорилъ апостольскій нунцій про благотворную дѣятельность вашего преосвященства. Онъ высоко цѣнитъ ваши пастырскія достоинства и выразился что едва ли кто изъ епископовъ можетъ съ вами сравниться.“ Епископъ расплакался отъ умиленія. Послѣ этой аудіенціи иезуитовъ проводили въ приготовленный для нихъ большой домъ, заранѣе купленный епископомъ, почти насупротивъ своихъ палатъ, принадлежавшій прежде Николаю Ясинскому, ** совершенно приспособленный для устройства въ немъ иезуитскаго коллегіума и удобнаго помѣщенія тридцати членовъ духовныхъ. Вблизи этого дома, черезъ улицу, стояли два дома съ обширными плацами, Альберта Стржалковскаго и Матвѣя Бржозовскаго. Епископъ купилъ и эти дома, подарилъ ихъ иезуитамъ, и здѣсь они предполагали построить для себя костель. На содержаніе иезуитовъ епископъ назначалъ ежегодно по 2.000 коль литовскихъ грошей, обезлежавъ эту сумму имѣніемъ своимъ Ширвинты; на устройство же школы подарилъ нѣсколько деревень, съ коихъ доходъ представлялъ возможность постоянно содержать сорокъ воспитанниковъ. Мало того, для рыбной ловли во время постовъ,

* Палаты виленскихъ епископовъ занимали все пространство гдѣ нынѣ дворецъ съ садомъ, дворцовая площадь и костель Св. Креста (Бонифратеровъ). Палаты были построены четырехугольникомъ, съ башнями, окружены камешною стѣной.

** Потомъ домъ Каминскаго, нынѣ гжи Баркенбергъ, гдѣ еще со времени иезуитовъ помѣщается аптека называемая *Свято-Янска*. Домъ тотъ входилъ въ составъ строемій университета, но въ послѣднее время продалъ аптекарю Каминскому Виленскимъ учебнымъ окру-

строго въ то время соблюдаемыхъ иезуитами, подарилъ имъ озеро Рыковты съ деревнею того же названія. Къ пожертвованіямъ епископа вскорѣ присоединились и другія, частныхъ лицъ. Сами же иезуиты купили домъ у прачки епископа, Катерины Ржелечка, находившійся насупротивъ главнаго фасада епископскихъ палатъ. *

Когда первые пришельцы поселились и народное волненіе, благодаря ихъ чрезвычайной скромности и смиренію, нѣсколько притихло, начали поодиночкѣ прибывать и другіе иезуиты. Когда же все уже было приготовлено для открытія коллегіума, въ іюль 1570 года, пріѣхалъ Лаврентій Магіусъ, присланный нарочно изъ Рима иезуитскимъ генераломъ Францискомъ Боргія. Съ нимъ прибылъ Станиславъ Варшевицкій, недавно занимавшій должность каноника Гнезненской и Познанской кафедръ, а теперь ревностный иезуитъ, ученый, придворный дипломатъ, любимецъ Анны Ягеллонки, сестры Сигизмунда-Августа, а потомъ супруга Стефана Баторія. Магіусъ, провинціалъ австрійскихъ и польскихъ иезуитовъ, считался орденомъ. Высокій умъ, глубокое пониманіе сокровеннѣйшихъ пружинъ начертанныхъ вождями, умѣнье пользоваться каждымъ случаемъ и преодолевать препятствія — отличали этого замѣчательнаго дѣятеля на пользу и славу общества Іисуса. Варшевицкій, сынъ варшавскаго кастелана, получившій отличное воспитаніе за границей, хорошо владѣвшій шестью языками, неоднократно былъ посланникомъ Сигизмунда-Августа къ разнымъ европейскимъ дворамъ и въ Турцію. Когда король бывалъ въ Краковѣ, Варшевицкій исправлялъ должность секретаря и составлялъ отъ имени короля грамоты. Варшевицкій былъ авторомъ нѣсколькихъ сочиненій богословскаго содержанія. Въ 1567 году, сорока лѣтъ отъ роду, онъ пріѣхалъ въ Римъ, отказался отъ всѣхъ своихъ должностей и духовныхъ званій и отдалъ себя на служеніе иезуитскому ордену, вполнѣ подчиняясь всѣмъ его правиламъ. Такое пріобрѣтеніе, конечно, было важно для иезуитовъ. Тогдашній генералъ ихъ, третій по очереди, Францискъ Боргія, освободилъ его отъ перехода шести обычныхъ, предписываемыхъ уставомъ, степеней, требовавшихъ не менѣе девяти лѣтъ чтобы сдѣлаться

* *Acta Capituli*, IV, p. 214, 247. Ростовскій *Hist. Lithuan.* p. 33, 65.

іезуитомъ. Такимъ образомъ Варшевицкій сразу занялъ въ средѣ іезуитовъ почетное мѣсто.

Извѣстная будда папы Павла III, 27го сентября 1540 года, начинавшаяся словами: *Regimini militantis Ecclesiae*, подтвердила основаніе общества *Societatis Iesu*, а въ 1570 году, то-есть черезъ 30 лѣтъ, въ ихъ обществѣ много уже было людей спускавшихъ громкую извѣстность своею ученостію, краснорѣчіемъ, самоотверженіемъ, силой воли и глубиной характера. Они уже и тогда во многомъ измѣняли первоначальному своему назначенію, сходили съ луги указаннаго имъ основателемъ общества Лойолой; при второмъ генералѣ, послѣ смерти Лойолы (1559), Яковъ Лайнезъ, дѣла мірскія уже всецѣло начинали занимать начальниковъ и главныхъ дѣателей удивительно организованной корпораціи, но въ общемъ настроеніи еще много было величія, христіанскаго смиренія и любви къ ближнему, проявлявшихся во многихъ ихъ дѣяствіяхъ.

Едва въ 1564 году іезуиты прибыли въ Вармию, къ тамошнему епископу-кардиналу Гозиусу, а въ слѣдующемъ году къ епископу Носковскому, въ Плоцкую епархію, но уже успѣли привлечь на свою сторону многихъ Поляковъ. Кроме Гозиуса и Носковского, сильнымъ поборникомъ ихъ былъ извѣстный лѣтописецъ Мартинъ Крамеръ, состоявшій тогда коадьюторомъ-епископомъ Вармійской епархіи. Кроме ученаго Варшевицкаго, мы видимъ въ ихъ средѣ знаменитаго Петра Скаргу-Повензскаго, * доктора философіи, вступившаго въ 1563 году, на двадцать седьмомъ году жизни, въ духовное званіе, состоявшаго львовскимъ каноникомъ и рогатынскимъ настоятелемъ, а въ 1570 году уже самаго ревностнаго іезуита; Якова Вуйка, двадцати пяти лѣтъ отъ роду, въ 1565 году, въ Римѣ, вступившаго въ орденъ іезуитовъ, въ послѣдствіи переведшаго Ветхій и Новый Заветъ на польскій языкъ и тоже славившагося своимъ краснорѣчіемъ, глубокою ученостію и необыкновеннымъ смиреніемъ. **

* Дядь Петра Скарги состоялъ при дворѣ послѣдняго князя Мазовецкаго, Януша, и часто жаловался на разныя обиды. Это было поводомъ что князь Янушъ проважал его *Скаргой* (то-есть жабой).

** Вуйкъ съ разрѣшенія папы Григорія XIII предпринималъ переводъ Библии съ латинскаго на польскій языкъ и посвящалъ на это пятнад-

Пріѣздъ изъ Рима провинціала Магіуса и изъ Польши такой знаменитости какъ Варшевицкій, доказываютъ какъ важно было для католическаго духовенства и для Рима учрежденіе іезуитскаго коллегіума въ Литвѣ.

Во второй половинѣ XVI столѣтія, высшія духовныя должности въ Литвѣ заняли два Протасевича. Въ 1556 году назначенъ былъ виленскимъ католическимъ епископомъ Валеріанъ Протасевичъ, занявшій епископскую кафедру послѣ князя Павла Гольшанскаго. Въ 1568 году посвященъ въ санъ православнаго митрополита Западной Руси Іона III Протасевичъ. Положеніе римско-католической церкви въ Польшѣ и Литвѣ въ то время не могло не тревожить людей преданныхъ лавѣ. Вѣра въ нелогрѣшимость лавы была поколеблена, многіе ксеядзы оставляли латинство. Мало того, самъ примасъ королевства, Іаковъ Уханскій, и еписколы куявскій, Дрогоевскій, хотя и оставались въ католическомъ исповѣданіи, но замыслили совершенно отложиться отъ лавы и учредить въ Польшѣ особое патріаршество. Замѣчательнѣйшій изъ ученыхъ того времени, Станиславъ Оржеховскій, перемышльскій каноникъ, женился, и имѣлъ не мало подражателей. * Въ наше

цать лѣтъ усерднаго труда. Новый Заѣтъ изданъ въ первый разъ въ 1593 году, а полное изданіе Ветхаго и Новаго Заѣтовъ послѣдовало послѣ смерти Вуйека, въ 1599 году. Изданіе одобрено соборомъ въ Петроковѣ и утверждено лавою Климентіемъ VIII въ 1607 году. Вуйекъ умеръ въ Краковѣ въ 1597 году, пятидесяти семи лѣтъ отъ роду. Библия его имѣла много изданій.

* Станиславъ Оржеховскій, Русскій изъ Галиціи, за свое краснорѣчіе прозванный польскимъ Цицерономъ, родился въ 1518 году; семнадцать лѣтъ пробылъ за границей, былъ дружелъ съ Лютеромъ и Меланхтономъ. Повинуясь волѣ отца, вступилъ въ духовное званіе; получилъ канонію въ Перемышльской епархіи и богатый приходъ. Онъ, тридцати восьми лѣтъ отъ роду, открыто вступилъ въ законный бракъ съ Магдалиною Хемской, въ 1551 году. Это вооружило противъ него епископа Дзядускаго, который предалъ его суду и хотѣлъ отлучить отъ церкви; но Оржеховскій, любимый и уважаемый всеми, какъ знаменитый писатель, имѣлъ сильныхъ защитниковъ. Дѣло было передано на сеймъ. Оржеховскій лично защищался, удивилъ всѣхъ необыкновеннымъ даромъ слова и оправдался. Епископы не могли ничего сдѣлать, ибо въ тогдшнемъ сенатѣ большинство состояло еще изъ имовѣрцевъ. Сеймъ постановилъ ожидать разрѣшенія отъ лавы Юліа III, къ которому Оржеховскій

время, одинъ изъ усердныхъ католическихъ писателей говоритъ что „тогда въ Литвѣ было время солнечнаго затмѣнія католической вѣры; что не только истина спасенія скрывалась въ тучахъ отступничества и облеклась помраченіемъ прейей, но и любовь въ сердцахъ потухла, единомысліе и согласіе разрушились“. Не только многіе ксендзы женились и переходили въ одно изъ реформатскихъ исповѣданій, но даже виленскій прелатъ, архидіаконъ Николай Паць, отказался отъ богатыхъ имѣній присвоенныхъ его духовнымъ званіямъ, принявъ лютеранское исповѣданіе, женился и много писалъ противъ католицизма. Сигизмундъ-Августъ, не желая лишать его, какъ бывшаго епископа, сенаторскаго званія, возвелъ его въ достоинство брестскаго кастелана. Въ Виленѣ же епископъ суфраганъ, Юрій Альбиусъ, открыто возсталъ противъ палы и латинства и началъ служить обѣданю

написавъ письмо, требуя чтобы онъ благословилъ его бракъ и дозволилъ всѣмъ ксендзамъ жениться. Что ни дѣлали епископы, Оржеховскій не оставилъ жены до самой ея кончины, посадовавшей въ 1566 году. Онъ умеръ въ 1583 году.

Оржеховскій оставилъ болѣе тридцати сочиненій. Писалъ по-латыни и по-польски. Въ особенности извѣстна его *Хроника*, переведенная на польскій языкъ А. Вальскимъ и имѣвшая три изданія: въ 1765, 1805 и 1826 годахъ. Письмо его къ палѣ тоже переведено на польскій языкъ и издано, вмѣстѣ съ подлинникомъ, въ Лейпцигѣ, въ 1781 году. Извѣстный польскій поэтъ Владиславъ Сырокома (Лудовикъ Кондратовичъ) избралъ его героемъ прекрасной поэмы *Перемышльскій Каноникъ*, въ которой художественно изобразилъ тогдашніе нравы и обычаи, борьбу мѣжой и поэтическую любовь каноника.

Въ замѣчательномъ письмѣ Оржеховскаго къ палѣ Юлію III, между прочимъ, говорится: „Александръ III (пала), въ 3й книгѣ палскихъ бумагъ, подъ предлогомъ воображаемой нравственности, изгналъ дѣйствительную нравственность изъ латинской католической церкви. Потому что предписывая въ этой книгѣ, вопреки заповѣдямъ Господнимъ и естественнымъ побужденіямъ природы, чтобы ксендзы не жили съ своею женой, вѣроятно полагалъ что ежели не можетъ воздержаться, то можетъ имѣть чужбую“ (стр. 19). „Римскій пала (Александръ) не побоялся опровергнуть Божескій законъ: *нехорошо чтобы человекъ жилъ одинъ*, и постановилъ собственный приговоръ что законное мужа съ женой сожитіе, въ ксендзѣ должно быть почтено не супружествомъ, но наложничествомъ“ (стр. 21).

* Къ *Przyalgowski (Zywoty Biskupow Wilenskich)*.

на польскомъ языкѣ. Протасевичъ хотѣлъ лишить его должности суфрагана; пригрозили лишить его всѣхъ имѣній, и только этимъ удержали въ католичествѣ. Юрій Петроводскій, епископъ жмудскій, открыто исповѣдовалъ лютеранское ученіе. * На Жмуди, еще въ 1532 году, ксендзъ Голубка, настоятель Шидловскаго прихода, принялъ реформатское исповѣданіе, и костель обратилъ въ кальвинскій сборъ. Его примѣру послѣдовали другіе, такъ что во всей епархіи оставалось только семь ксендзовъ. Видя такое распаденіе своей епархіи, видя какъ съ каждымъ днемъ усиливается преобладаніе реформаторовъ, отъ которыхъ и самому епископу не разъ приходилось испытать оскорбленія, Протасевичъ, по совѣту кардинала Гозиуса, искалъ единственнаго спасенія въ прославившихся уже тогда иезуитахъ. Когда они пріѣхали, онъ плакалъ отъ радости и предался имъ всею душой. При его содѣйствіи Магіусъ окончателъно устроилъ въ Вильнѣ иезуитскую гимназію. Открытіе совершено (1570) въ присутствіи епископа Протасевича, прибывшаго во вновь учрежденный коллегіумъ съ цѣлымъ калитулумъ и духовенствомъ. Иезуиты встрѣтили своего покровителя латинскою рѣчью, а потомъ греческими и

* Варшавскаго, *Описаніе жизни Сигизмунда-Авуста*. Пясецкій, *Хроника*. Въ Польшѣ тоже были примѣры подобныхъ переходовъ въ одно изъ реформатскихъ исповѣданій. Іаковъ Уханскій, будучи самъ епископомъ хелмскимъ, а потомъ владиславскимъ, былъ открытымъ сторонникомъ реформатовъ и покровителемъ извѣстнаго ихъ ученаго Андрея Моджевскаго, которому даже подарилъ значительную часть епископскихъ имѣній. Предшественникъ его на владиславской кафедрѣ, Іоаннъ Дрогоіевскій, епископъ куравскій, самъ поощрялъ въ обѣихъ епархіяхъ распространеніе реформаціи. Епископъ венгерскій, Андрей Дудитиусъ, пріѣхавъ къ королю Сигизмунду-Авугусту посланникомъ отъ императора Максимилиана II и здѣсь женился на Зборовской, фрейлинѣ Екатерины, супруги Сигизмунда-Авугуста. Краковскій калитулъ обвинялъ своего епископа, Филиппа Падмевскаго, въ бездѣйствіи власти при усилившейся реформаціи. Въ числѣ любимцевъ Сигизмунда-Авугуста былъ ахшикъ Францъ Лисмали, бывшій монахомъ, а потомъ усерднымъ кальвинистомъ и консуломъ Сигизмунда-Авугуста въ Генуи; Бернарды Оханусъ калуцкиъ, а потомъ протестантскій проповѣдникъ, посвящавшій сочиненія свои королю и Радзивилу Черному, и многіе другіе.

еврейскими стихами. Затѣмъ Янъ Гаюсъ, родомъ Шотландецъ, произнесъ рѣчь къ присутствующимъ о пользѣ и необходимости всякаго рода знаній и развитія изящныхъ искусствъ. Пробывъ въ Вильнѣ два мѣсяца, Магиусъ увѣалъ, назначивъ первымъ ректоромъ Станислава Варшевицкаго.

Иезуиты раздѣлили свою гимназію на 5 классовъ, кои назывались: инфима, грамматика, синтаксисъ, поэтика и реторика. Главнымъ предметомъ преподаванія въ трехъ низшихъ классахъ былъ латинскій языкъ, потомъ греческій. Два высшіе класса назывались *humaniora*. Это была школа свѣтская. Въ то же время учреждена и духовная, предназначавшаяся собственно для тѣхъ кои желали поступить въ духовное званіе и въ особенности для тѣхъ коихъ иезуиты, имѣя въ виду знатность происхожденія, родовое богатство или замѣчательныя способности, старались залучить въ свою конгрегацію. Курсъ этой школы былъ семилѣтній: трехлѣтній философіи и четырехлѣтній богословія. Обѣ школы были учреждены по образцу основанныхъ иезуитами въ другихъ мѣстахъ, и собственно составляли гимназію, не имѣя еще характера академіи. *

Въ эту эпоху въ Вильнѣ и другихъ городахъ края было не мало школъ пользовавшихся извѣстностью. Еще въ 1539 году, Авраамъ Кульва, первый миссіонеръ лютеранскаго исповѣданія, основалъ для лютеранъ школу на 50 учениковъ. Вскорѣ послѣ этого, князя Николай Радзивилъ Черный и Николай Радзивилъ Рыжій, при содѣйствіи другихъ вельможъ, устроили для кальвинистовъ школы, изъ коихъ особенно замѣчательныя были въ Вильнѣ, Биржахъ, Брестъ-Литовскѣ, Несвижѣ, Сѣмятычахъ, Шидловѣ, а въ послѣдствіи въ Кейданахъ, въ Слуцкѣ, въ Забудовѣ и въ другихъ мѣстахъ. Виленская школа принадлежала къ разряду высшихъ и пользовалась извѣстностью не только въ Литвѣ и Руси, но въ Польшѣ и Пруссіи. Здѣсь восли-

* Спустя четыре года, то-есть въ 1574 году, Эммануилъ Альваръ написалъ свою латинскую грамматику, извѣстную подъ названіемъ *Альвара*, издаваную потомъ въ 1599 году подъ заглавіемъ: *De institutione grammatica*. Въ ней правила латинскаго языка составлены и собраны въ латинскихъ стихахъ съ латинскими же сбивчивыми объясненіями. Эта книга служила руководствомъ въ училищахъ еще и въ нынѣшнемъ столѣтіи.

тывались сыновья князей Радзивилловъ, князей Головицкихъ, Кшкковъ, Салъговъ, Гарабурдовъ, Тышкевичей и многихъ другихъ вельможъ. Сюда привозили юношей для воспитанія изъ Пруссiи, Инфляндъ, Курляндiи и изъ разныхъ мѣстъ Польши. Въ школахъ учили закону Божiю, исторiи, ариметикѣ, языкамъ: латинскому, нѣмецкому, русскому, польскому и литовскому. Въ Биржахъ школа тоже принадлежала къ разряду высшихъ и называлась гимназiей. При католическихъ костелахъ въ Вильнѣ, а именно при кафедральномъ соборѣ Св. Станислава и Св. Иоанна, еще съ XIV столѣтiя существовали училища, въ коихъ преподавались первоначальные предметы. Въ 1563 году вилеискiй каноникъ и Свято-Иоанновскiй настоятель Петръ Ройзiусъ (Испавецъ) возвелъ Св.-Иоанновское училище, съ согласiя Сигизмунда-Августа, на высшую степенъ. Здѣсь уже преподавались римское и греческое право, статутъ литовскiй, поэзiя, риторика и пр. Для православныхъ существовали особыя училища: въ Вильнѣ при Св.-Троицкомъ монастырѣ, въ Минскѣ, Брестѣ-Литовскѣ, Оршѣ, Слуцкѣ, Пинскѣ и Винницѣ. Въ этихъ училищахъ обучали греческому, латинскому, русскому и польскому языкамъ.

Трудная задача предстояла первому ректору иезуитской гимназiи: было заведенiе, были учителя, были и средства, но не было учениковъ. Старанiя епископа и папскiя его посланiя успѣли собрать едва нѣсколько человекъ воспитанниковъ. Общественное мнѣнiе было еще тогда противъ иезуитовъ. Воевода князь Радзивиллъ на каждомъ шагу стѣснялъ ихъ дѣятельность. Значительная часть высшаго дворянства принадлежала къ евангелическо-реформатскому исповѣданiю, многiе оставались еще въ православiи. Въ средѣ мѣщанскаго сословiя много было православныхъ, другiе перешли въ лютеранство. Некому было посѣщать иезуитскую школу. Во главѣ кальвинистовъ стояли люди давно спискавшiе извѣстность своею ученостiю. Изъ нихъ въ особенности славились: Андрей Волянъ и Андрей Тржецкскiй. Волянъ съ юныхъ лѣтъ находился при князѣ Николаѣ Радзивиллѣ Черномъ въ званiи секретаря. Онъ пользовался милостями короля Сигизмунда-Августа, который подарилъ ему нѣсколько имѣнiй. Въ дѣлахъ секретныхъ, имѣвшихъ особенное политическое значенiе, король всегда обращался къ Волянѣ. Даже и послѣ смерти князя Николая Радзивилла Чернаго, а

потомъ и Сигизмунда-Августа, Волянь былъ употребляемъ какъ извѣстный въ цѣлой Германіи ученый и глубокій дипломатъ. Сенатъ назначилъ его посланикомъ къ императору Максимилиану, а когда овъ исполнилъ возложенное на него трудное порученіе *, виленскій епископъ Протасевичъ изъявилъ ему публичную благодарность отъ имени всего сената. Этотъ-то Волянь, авторъ двадцати семи разныхъ сочиненій, является теперь главнымъ противникомъ іезуитовъ.

Тржецкій тоже пользовался извѣстностью какъ ученый. Оба они рѣшились испытать ученость іезуитовъ и отправились къ нимъ въ коллегіумъ, объявивъ что пришли для догматическаго диспута. Іезуиты униженно имъ кланялись и спросили: „*Boni Magistri novae Theologiae* (гг. учителя новаго богословія), вѣрите въ преданія церкви и посланія Св. Отцовъ?“ Волянь отвѣчалъ: „вѣруемъ; а скажите намъ, прибавилъ овъ,—гдѣ Христось? На небѣ, или въ кускѣ хлѣба?“ „Христось“, отвѣчали іезуиты, „на небѣ, на землѣ и въ алтарѣ, согласно словамъ произнесеннымъ Имъ же: „сіе есть тѣло Мое“. „Развѣ тѣло и кровь также бѣлы и круглы какъ гостія? Гдѣ же вкусъ? Въ Галилеѣ когда воду обращалъ въ вино, то вѣдь всѣ тотчасъ замѣтили эту перемѣну по вкусу.“ Тржецкій прибавилъ: „Гдѣ дѣйствительное измѣненіе, тамъ все измѣняется, какъ сказалъ пророкъ.“ Іезуиты ничего не отвѣчали. Но потомъ Варшевицкій спросилъ: „А вы, господа, что употребляете, простой хлѣбъ, или тѣло Господне?“— „Мы не ѣдимъ Христа, отвѣчалъ Волянь, но только чтимъ Святость тѣла и крови Его.“ „Какъ же это, подхватили іезуиты, заговоривъ всѣ вдругъ: какая можетъ быть святость безъ тѣла Его? Только знаменіе тѣла Господня, воспоминаніе, фигура? Такъ вы, господа, ѣдите какъ будто во снѣ? Такъ Христось обманулъ насъ, ежели Его нѣтъ въ Тѣлствѣ?“ Тржецкій и Волянь, выдержавъ этотъ градъ вопросовъ, отвѣчали: „Христось на небесахъ, предъ Вознесеніемъ что произнесъ? *Недолго останусь съ вами; еще не много времени, и не узрите Меня!*“ На это іезуиты отвѣчали: „*Но еще не много времени и слова узрите Меня; не осталю васъ сиротами.*“ Привесли изданія Св. Амвросія,

* Овъ выхлопоталъ у императора отправленіе пословъ въ Москву для переговоровъ о заключеніи мира съ Литвой.

Св. Августина; іезуиты указывали имъ разныя мѣста, каждый хотѣлъ высказать свою ученость, бросались съ предмета на предметъ и диспутъ кончился ничѣмъ. Каждая сторона приписывала себѣ побѣду. Однако самъ іезуитъ Ростовскій не признаетъ іезуитовъ побѣдителями.

Съ другой стороны, и кальвинисты не признаютъ побѣды за Воляномъ. Послѣдній убѣдился что при такой обстановкѣ пренія невозможны, и когда іезуиты приглашали его на публичный диспутъ, онъ отказался, находя болѣе удобнымъ письменныя и печатныя состязанія, коимъ и посвятилъ всю остальную жизнь († 1610).

Послѣ несомнѣннаго удачнаго для кальвинистовъ диспута Воляна съ Варшевицкимъ, іезуиты начали дѣйствовать энергичнѣе и настойчивѣе чтобы склонить на свою сторону жителей Вильны. Видя что протестантскіе духовные отказываются отъ публичныхъ схоластическихъ состязаній съ ними они рѣшились прибѣгнуть къ особаго рода драматическимъ представленіямъ. Одинъ изъ іезуитовъ, переодѣтый кальвинскимъ сеньйоромъ, садился предъ костеломъ Св. Іоанна и начиналъ диспутъ съ другимъ, игравшимъ роль дѣйствительнаго іезуита. Мнимый кальвинистъ защищалъ ученія Кальвина, Лютера, Цвинглія и другихъ; противникъ же его отстаивалъ католичество. Разумѣется, послѣдній всегда оставался побѣдителемъ, а противникъ его униженно соглашался что единственная святая и непогрѣшимая вѣра римско-католическая. Такого рода представленія привлекали толпы народа всѣхъ исповѣданій. Кальвинскіе министры и сеньйоры не придавали этому особеннаго значенія; но въ сущности было не такъ. Представленія производили свое дѣйствіе. Одни изъ кальвинистовъ смѣялись, другіе сердились, не разъ даже разговяли толпу и колотили спорящихъ, а третьи вслушивались, мирились съ іезуитами, мирились и съ католичествомъ.

Свято-Іоанновскій настоятель, ученый Ройзіусъ, не ладилъ съ іезуитами; онъ предчувствовалъ что они вытѣснятъ его изъ прихода и дѣлалъ имъ разныя затрудненія при совершеніи обрядовъ въ его костелѣ. Іезуитовъ это тяготило, они жаловались епископу; тотъ приказывалъ, но Ройзіусъ упорствовалъ и говорилъ: отчего іезуиты не строятъ для себя особаго костела, когда для этого закуплено уже мѣсто и имѣются средства? Среди этихъ споровъ, въ 1571 году, Ройзіусъ скорлостивно умираетъ. Іезуиты воспользовались этимъ

и успѣли повести дѣло такъ что костелъ Св. Іоанна, находившійся въ центрѣ города и преимущественно посѣщавшійся католиками, достался имъ. Тогда, разумѣется, схоластическія пренія безпрелютственно совершались уже внутри костела.

Въ 1573 году прибылъ въ Вильну знаменитый Петръ Скарга. Его прекрасная проповѣдь начала привлекать массы народа всѣхъ исповѣданій. У кальвинистовъ были замѣчательные проповѣдники: Симеонъ Заціусъ, Станиславъ Судровскій, Павелъ Гротъ и др., Варшевицкій славился также своимъ краснорѣчіемъ, но Скарга превосходилъ всѣхъ. Помянутое какое сильное впечатлѣніе должны были производить на слушателей его вдохновенныя рѣчи, когда и теперь, по истеченіи трехсотъ лѣтъ, нельзя ихъ читать безъ удивленія, нельзя не отдать полной справедливости его практическому, гибкому уму, глубокому знанію человѣческаго сердца, наконецъ, смѣлости его рѣчи. Скарга не стѣсняясь возставалъ и громилъ не одно отступничество отъ вѣры, но и всякаго рода злоупотребленія, правительственныя, административныя, нравственныя. Въ одно и то же время онъ являлся защитникомъ католицизма, порабощеннаго народа, королевской власти, лолируемой магнатами, наследственности престола и пр.; ожесточенно наладъ на своеволие польскихъ вельможъ, на неурядицу сеймовъ и т. д. Проловѣди Скарги съ перваго же дня имѣли громадныя успѣхъ.

Реформація, поддерживаемая знаменитѣйшими вельможами въ странѣ, Радзивиллами, Салѣгами, Ходкѣвичами, Кишками, Пацами и многими другими, имѣла еще преобладающую силу. Съ другой стороны, князья Острожскіе, Олельковичи-Слуцкіе, Курбскій, Сангушки, Четвертынскіе, Тышкевичи, Воловичи, Гарабурды поддерживали православіе. Иезуитамъ предстояла борьба на жизнь и смерть. Имъ надобно было найти точку опоры въ сильныхъ и могущественныхъ вельможахъ. Въ Литвѣ, кромѣ епископа, у нихъ еще не было защитника. Но Скарга и Варшевицкій не ограничивали своей дѣятельности одною публичною проповѣдью. Они и ихъ сотрудники входили въ дома, проникали въ семейную жизнь и по возможности въ семейныя тайны. Какъ Варшевицкій и Скарга, такъ потомъ знаменитый Вуіекъ и Высокій, по посяму общественному положенію и высокому образованію, мѣло пролагали себѣ путь въ палаты иновѣрцевъ. Въ то же

время іезуиты являлись на рынкахъ, базарахъ, площадяхъ, у городскихъ воротъ, вездѣ гдѣ собирался народъ и вездѣ проповѣдовали. Не разъ подвергались насмѣшкамъ, ругательствамъ, даже лобоямъ; но смиреніемъ, покорностію и своею настойчивостію успѣли преодолѣть ненависть. Къ нимъ уже стали привыкать, ихъ постоянство и сила воли приводили въ удивленіе, ихъ краснорѣчіе начало увлекать, стали прислушиваться къ ихъ проповѣдямъ. Мало-по-малу начали наполняться и школы ихъ, особенно дѣтymi бѣдныхъ родителей, потому что іезуиты ничего не требовали за обученіе, тогда какъ въ другихъ школахъ надобно было платить.

Однажды, когда Скарга возвращался лѣтшкомъ въ коллегіумъ, на него напалъ одинъ изъ придворныхъ воеводы Радзивилла, Войцѣхъ Слѣповронскій. Послѣдній былъ пьянъ и какъ усердный кальвинистъ воспользовался случаемъ чтобы отмстить за все то что слышалъ изъ устъ его противъ своихъ единовѣрцевъ. Скарга спокойно слушалъ брань; выведенный изъ терпѣнія Слѣповронскій ударилъ его саблей по головѣ, другіе же говорятъ что далъ ему пощечину. Скарга не произнесъ ни слова, поклонился и пошелъ въ коллегіумъ. Столпившійся народъ принялъ живое участіе въ іезуитѣ, не допустилъ Слѣповронскаго преслѣдовать его. Скандалъ получилъ извѣстность. Узналъ и епископъ и хотѣлъ потребовать Слѣповронскаго къ суду; но Скарга настоялъ чтобы дѣлу не давали хода. На другой день воевода приказалъ Слѣповронскому просить прощенія у Скарги. Тотъ принялъ его ласково, простилъ ему все, долго разговаривалъ и произвелъ такое глубокое впечатлѣніе что Слѣповронскій вышелъ отъ него католикомъ.

Въ царствованіе Александра Ягеллона, явился сначала въ Краковѣ, а потомъ въ Вильнѣ баденскій выходецъ Ульрихъ Гозиусъ, или Озіусъ, человекъ высокаго ума, пользовавшійся большимъ вліяніемъ при Александрѣ и Сигизмундѣ I. Онъ былъ начальникомъ Виленскаго монетнаго двора, ревностнымъ католикомъ и покровителемъ виленскихъ доминикановъ. Оставилъ трехъ сыновей: Станислава, Ульриха и Яна. Изъ нихъ Станиславъ въ юности поступилъ въ духовное званіе и былъ потомъ, какъ уже мы говорили, епископомъ-кардиналомъ вармійскимъ. Ульрихъ оставался въ Вильнѣ и наследовалъ богатство и значеніе отца. При общемъ стремленіи къ кальвинизму, и Ульрихъ сдѣлался рев-

ностнымъ его лоборникомъ. Всѣ увѣщанія брата-кардинала на него не дѣйствовали. Но Скарга успѣлъ покорить его своему вліянію и Гозиусъ перешелъ въ католицизмъ. Это было первое важное пріобрѣтеніе іезуитовъ въ Вильнѣ. Въ то же почти время Варшевицкій успѣлъ привлечь на свою сторону одного изъ знаменитѣйшихъ литовскихъ вельможъ, Яна-Геронима Ходкѣвича, маршала литовскаго, старосту жмудскаго и главнаго правителя инфляндскаго. Янъ-Геронимъ, вмѣстѣ съ сыномъ Яномъ-Карломъ, въ послѣдствіи великимъ гетманомъ, торжественно приняли католицизмъ. Вслѣдъ за симъ послѣдовали и другія обращенія, о которыхъ мы поговоримъ подробнѣе. Іезуиты окрѣпли; школы ихъ пріобрѣтали болѣе и болѣе учениковъ.

Еще въ 1571 году іезуиты имѣли возможность не только словомъ, но и дѣломъ доказать свое самоотверженіе и любовь къ ближнему. Вслѣдствіе страшнаго неурожая и голода, свирѣпствовавшихъ въ 1570 году, появилась ужасная моровая язва. Люди гибли тысячами. Кто могъ, спасался бѣгствомъ. Уѣхалъ и епископъ съ цѣлымъ калитуломъ, разѣхались почти всѣ другія духовныя лица, оставивъ своихъ викаріевъ, но и тѣ вскорѣ бѣжали, такъ что почти никому было совершать богослуженія. Изъ іезуитовъ ни одинъ не бѣжалъ. Они были на своихъ мѣстахъ: съ Евангелиемъ, съ Распятіемъ, со Святыми Дарами слѣшили къ больнымъ, утѣшали, лѣчили, помогали бѣднымъ, исповѣдовали, причащали, надутствовали умирающихъ. Изъ нихъ Лука Крассовскій, Ома Целяритцъ, Викентій Крассовскій, Юрій Боско, Станиславъ Мелецкій, скончались въ то самое время когда находились у одра умиравшихъ зараженныхъ. Болѣе двадцати изъ нихъ странствовали изъ мѣстечка въ мѣстечко, изъ деревни въ деревню, подвергаясь явной опасности. Такое самоотверженіе не могло не подѣйствовать на массы народа, не могло не усилить ихъ вліянія и значенія въ странѣ.

Эти успѣхи, давашіе имъ, такъ-сказать, уже нѣкоторыя гражданскія права въ Вильнѣ, дозволили смѣлѣе приступить къ осуществленію основныхъ цѣлей. Черезъ посредство Гозиуса и Поссевина іезуиты получили привилегію заводить особыя школы для обращенія въ католичество иновѣрцевъ. Эта мѣра открывала широкій луть для будущей ихъ дѣятельности.

Ректоръ Варшевицкій, по порученію палы Григорія XIII 7го іюня 1574 года уѣхалъ въ Швецію, чтобы склонить короля Іоанна оставить лютеранство и подчиниться палѣ. Управление коллегіумомъ принялъ на себя Скарга. Въ это же время образовано было отдѣльное главное управление іезуитскихъ коллегіумовъ въ Польшѣ и Литвѣ, составившихъ особую іезуитскую польско-литовскую провинцію, независимую отъ австрійской, къ коей они первоначально были причислены. Провинціаломъ назначенъ былъ Францискъ Зуннеръ Варшевицкій ничего не успѣлъ сдѣлать въ Швецію, и въ томъ же году, въ декабрѣ, возвратился въ Вильну. Тогда Скарга всецѣло посвятилъ себя проповѣди, исповѣди и обученію.

Главныя орудія іезуитовъ вездѣ гдѣ они селились, *ad maiorem Dei gloriam*, были: школа, исповѣдь, проповѣдь, обрядность. Къ этому не мѣшаетъ прибавить и жажду пріобрѣтенія. Безъ этого послѣдняго, конечно, и не мыслимы были бы ихъ гигантскія предпріятія, требовавшія большихъ средствъ. У виленскихъ іезуитовъ были уже для начала довольно значительныя средства; они владѣли завѣтною тайною исповѣди; была у нихъ и школа, были и знаменитые проповѣдники съ которыми для иновѣрцевъ соперничество было почти не возможно. Оставалось позаботиться объ усиленіи обрядности, о блескѣ церковнаго служенія. Недостаточно было дѣйствовать только на одинъ разумъ чтобы всецѣло завладѣть душою, особенно въ средѣ низшихъ классовъ; надобно было чтобы и зрѣніе, и слухъ, даже обоняніе, содѣйствовали душевнымъ потрясеніямъ, приводили къ самозабвенію, униженію. Іезуиты хорошо понимали все это, и позаботились въ такомъ великолѣпнѣ служенія, какого еще никогда никто въ Видаля въ столицѣ Ягеллоновъ. Костель Св. Іоанна перешелъ къ нимъ въ самомъ жалкомъ положеніи. Предъ костеломъ стояла висяца, нечистота, лежали кучи навоза и кирлича; не было почти проходу. Все это, говорили кальвинскія власти нарочно такъ устроили. вмѣстѣ съ костеломъ перешли во владѣніе іезуитовъ и имѣнія принадлежавшія оному. Капитулъ сначала не соглашался, и потомъ, по настоянію епископа, уже въ 1581 году (9го іюня сдѣлалъ отказную, утвержденную королемъ и палскимъ нуціемъ. Слѣдовательно, имѣлись и источники доходовъ на содержаніе костела. Іезуиты немедленно занялись очисткой

украшеніемъ храма, соорудили новые престоы, выписали прекрасныя иконы, Распятія, завели богатыя ризы, богатую церковную утварь*. Иезуитовъ считалось уже болѣе тридцати. Мальчики посѣщавшіе гимназію, хотя бы то и иновѣрцы, должны были каждый разъ присутствовать при богослуженіи; многіе же изъ нихъ въ соответственныхъ нарядахъ (*въ колѣжкахъ*) принимали участіе въ церемоніи какъ прислужники. Прекорный вождь иезуитовъ, епископъ Валеріанъ, несмотря на преклонныя лѣта, являлся для служенія въ большіе праздники, а съ нимъ весь калитулъ, духовенство и семинарія. Гремѣла музыка, курился *виліамъ*, раздавалась то трогательная, то грозная, но всегда вдохновенная рѣчь Скарги. Говорились проловѣди, на польскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и даже на италіянскомъ языкахъ. (Говорили ли иезуиты въ Вильнѣ проловѣди по-русски — нѣтъ никакихъ свѣдѣній.) Налерекоръ убѣжденіямъ реформатовъ, иезуиты каждую субботу совершали особенно торжественное богослуженіе въ честь Божіей Матери. Всего этого мало. Чтобы поколебать основныя принципы реформатовъ, Скарга въ 1573 году учредилъ *братство Св. Таинства* (причастія) или *Тѣла Господня***.

* Разказываютъ будто бы враги иезуитовъ изыскивали разные способы препятствовать имъ въ украшеніи храма. Такъ, напримѣръ, одинъ золотыхъ дѣлъ мастеръ получилъ отъ иезуитовъ заказъ сдѣлать богатую *монстранцію* (дарохранительницу). Протестанты будто бы, узнавъ объ этомъ, подожгли домъ золотыхъ дѣлъ мастера. Дубоделатели иезуитовъ разказываютъ много подобныхъ проказъ, едва ли достовѣрныхъ.

** Сохранилась братская книга, заведенная въ 1573 году. in folio, переплетенная въ бархатъ, съ серебряною каймой и застежками. На шести серебряныхъ пластинкахъ прикрѣпленныхъ къ бархату изображены ангелы, а посрединѣ чаша съ Дарами. На оборотной сторонѣ переплета сердце Іисуса. На первой страницѣ раскрашенная вишетка изображающая Тайную Вечерю, въ срединѣ сердце между двумя деревьями, внизу чаша, надъ нею потиръ окруженный лучами. На второй страницѣ слѣдующая надпись на польскомъ языкѣ: „Имена достойныя памяти братій и благодѣтелей духовнаго сословія братства Тѣла Господня и милосердіа, слѣдующихъ путемъ спасенія, указаннымъ ранами Распятаго и проложеннымъ ежегодною милостіею, съ 1573 года.“ Первый изъ духовныхъ подписался епископъ Валеріанъ Протасевичъ, потомъ кардиналъ Гозіусъ, иезуиты и т. д.

Папа и король утвердили уставъ онаго. Епископъ Протасевичъ, кардиналъ Гозиусъ, виленскій войтъ Мѣлескій и многіе другіе сейчасъ же вступили въ братство. Скарга выписалъ изъ Рима большое Распятіе прекрасной работы. Варшевицкій привезъ изъ Швеціи мощи Св. Теофила, помѣщенныя въ особой серебряной ракъ *. Число братчиковъ съ каждымъ днемъ возрастало. По уставу, кромѣ ежегодныхъ приношеній, они принимали участіе въ церемоніяхъ; изъ нихъ составлялся хоръ лѣвчихъ, они участвовали въ крестныхъ ходахъ, въ особыхъ костюмахъ, со знаменемъ, крестомъ, фонарями, бубенчиками. Все это содѣйствовало увеличенію и велелѣвію обрядности, а въ то же время привлекало болѣе сторонниковъ, ибо каждый братчикъ долженъ былъ заботиться о томъ чтобы число членовъ братства постоянно увеличивалось. Кромѣ внѣшней стороны, братства играли важную роль и въ нравственномъ отношеніи. Это былъ не только союзъ единомышленныхъ людей въ дѣлахъ вѣры, но въ то же время и политическая пролаганда, усвоившая идеи и направленіе своихъ вожаковъ и дѣйствовавшая по ихъ внушеніямъ.

Что же дѣлалъ въ продолженіе этихъ пяти лѣтъ покровитель и защитникъ кальвиновъ, князь Николай Радзивиллъ Рыжій?

Мы сказали что онъ понималъ важность пріѣзда іезуитовъ

Изъ свѣтскихъ первый *Augustinus Rotundus Mieski advocatus vniuersitatis*, потомъ Ома Томашевичъ, виленскій прокомсулъ, Ома Дголь, виленскій бургомистръ, 1573. Въ послѣдующіе годы встрѣчались имена всѣхъ знаменитѣйшихъ вельможъ и сановниковъ. Повидному, книга эта возобновлена въ XVII вѣкѣ, ибо съ 1573 года и 1687 имела вписаны одною рукой, а далѣе собственноручныя пописи. Число всѣхъ членовъ со времени учрежденія братства — 31 духовныхъ, 957 свѣтскихъ и 2,557 женщинъ.

* Распятіе и мощи и кышѣ находятся въ костелѣ Св. Іоанна, и часовнѣ во имя Тѣла Господня. Рукопись хранившаяся у Нарбутта и потомъ передавшая въ бывшій Виленскій музеумъ, повѣствуетъ про чудеса явленныя симъ Распятіемъ. Однажды, говорится въ этой рукописи, Великимъ Постомъ, когда ризничій (закрестіанъ) траурными занавѣсами покрывалъ престолъ и хотѣлъ опустить такую занавѣсу на Распятіе, послышался голосъ Господень изъ устъ Распятія, чтобы не смѣлъ закрывать. Съ того времени и до нынѣшнихъ дней никогда это Распятіе не закрывается.

и хотѣлъ тому воспрепятствовать даже вооруженною силой. Вскорѣ послѣ того, именно 2го марта 1570 года, назначенъ былъ синодъ въ Вильнѣ, общій для лютеранъ и кальвиновъ. Цѣль синода состояла въ изысканіи средствъ обсудить тогдашнее положеніе церквей, въ виду угрожавшей опасности, и кромѣ того, въ примиреніи обоихъ исповѣданій, ибо уже тогда возникали между ними несогласія по нѣкоторымъ религіознымъ вопросамъ. Несогласія эти были улажены, но болѣе ничего важнаго на синодѣ не рѣшено. Въ то время едва еще начиналась дѣятельность иезуитовъ; въ сущности успѣхи ихъ были уже довольно значительны, но еще не были замѣтны, не слишкомъ бросались въ глаза; князь Радзивиллъ не могъ не знать о тайныхъ цѣляхъ и стремленіяхъ иезуитовъ поработить кальвинство и православіе; но смиреніе и покорность иезуитовъ могли и его поколебать, а ихъ религіозное усердіе сочтено слѣпымъ фанатизмомъ. Однимъ словомъ, на собраніи не могли даже съ точностью опредѣлить въ какой степени и въ чемъ именно угрожаетъ имъ опасность. Въ томъ же году происходилъ вторичный синодъ, 26го и 27го іюня, посвященный исключительно догматическимъ преніямъ между лютеранами, кальвинами, моравскими братьями и другими послѣдователями разнородныхъ ученій. И этотъ синодъ не имѣлъ никакихъ важныхъ послѣдствій.

Еще въ то время жилъ Сигизмундъ-Августъ, коего вѣротерпимость была всѣмъ извѣстна. Князь Радзивиллъ, занима первыя должности въ странѣ, имѣлъ достаточно средствъ чтобы бороться съ врагами своей вѣры. Въ 1572 году умеръ Сигизмундъ-Августъ. Съ этого времени до вступленія на престолъ Баторія, Радзивиллъ, стоя во главѣ государства, былъ постоянно занятъ. Рѣшалась судьба Литвы и Руси. Радзивиллъ, по завѣщанію Сигизмунда-Августа, былъ однимъ изъ опекуновъ сестры его, Анны, которой рука пролагала путь къ престолу. Все это отвлекало вниманіе главнаго покровителя реформатовъ отъ иезуитовъ, а они между тѣмъ пролагали себѣ широкую дорогу для будущихъ дѣйствій.

Русскіе князья, Острожскій, Курбскій, врагъ всѣхъ новыхъ ученій, Омельковичи и другіе, хотя попрежнему защищали вѣру отцовъ, но ничего не предчувствовали, смотрѣли совершенно равнодушно и безучастно на успѣхи иезуитовъ и ни въ чемъ имъ не препятствовали.

II.

Внутреннее состояніе Литвы до 1569 года въ религіозно-политическомъ отношеніи.

Мы рассказали про первые шаги іезуитовъ въ Вильнѣ. Чтобы понять ихъ значеніе въ Литвѣ, надежды кои на нихъ возлагали одни и опасенія какія они возбуждали въ другихъ, мы должны прежде представить бѣглый очеркъ внутренняго состоянія Литвы и западной Руси до 1569 года, то-есть до Люблинской уніи, слившей судьбы этого государства съ судьбами Польши.

Религіозная борьба въ Литвѣ и западной Руси представляетъ любопытную и знаменательную страницу исторіи.

Прежде всего христіанство восточнаго и западнаго исповѣданій ведетъ борьбу съ язычествомъ; потомъ мы видимъ борьбу православія съ католичествомъ, видимъ Флорентинскую унію, едва не поработившую православіе вліянію палы. Православіе отстаиваетъ свою независимость, обѣ церкви, восточная и западная, крѣпнущъ, и нѣкоторое время мирно процвѣтаютъ; но постепенно католичество слабѣетъ, не поддерживаемое верховною властью утрачиваетъ значеніе и православіе. Лютеране, кальвинисты, аріане, соцініане, анабалтисты, антиринитаріи, вбіонисты, унитары—поднимаютъ знамя новыхъ ученій. Торжество ихъ однако непродолжительно: является новая грозная сила въ образѣ іезуита и съ небольшимъ въ пятьдесятъ лѣтъ наноситъ тяжелый ударъ всѣмъ новымъ ученіямъ и подкалывается подъ православіе. Далѣе является Брестская уніа и новая борьба, новый ударъ православію. Латинство торжествуетъ болѣе двухъ столѣтій. Наконецъ наступаетъ очередь православія. Подъ русскою державой оно становится господствующимъ, и нѣсколько миліоновъ унитовъ присоединяются къ нему... Сколько любопытнаго, сколько поучительнаго въ этой слишкомъ десяти-лѣтней борьбѣ!

Славянскія племена населявшія западную Россію исповѣдовали православную вѣру со временъ Св. Владиміра. Ли-

товцы и Ятвяги оставались въ язычествѣ; но христіанство свободно проникало въ эту страну еще съ XII, а въ особенности съ XIII столѣтія. Восточная вѣра была ввозима Русскими какъ переселенцами, такъ и кулцами, имѣвшими здѣсь обширныя торговыя связи, а потомъ Русскими подвластными династіи Гедимина. Римская—усиліями сосѣдственныхъ рыцарей и переселенцами изъ ганзейскихъ городовъ, во времена Гедимина получившими тѣ же права и преимущества коими они пользовались на родинѣ. Еще прежде 1252 года великій князь Миндовгъ принимаетъ католическое исповѣданіе, но черезъ восемь лѣтъ возвращается въ язычество. При Ольгердѣ въ Вильнѣ видимъ первыхъ христіанскихъ мучениковъ, тоже обоихъ исповѣданій, восточнаго и западнаго. Въ 1342 году, по настоянію жрецовъ, Ольгердъ велѣлъ казнить двухъ своихъ придворныхъ, Кукаля и Миклая, за принятіе греческой вѣры. Въ 1345 язычники напали на выписанныхъ бояриномъ Гостольдомъ монаховъ францисканскаго ордена и умертвили 14 человекъ. Въ 1347 году казненъ третій придворный, Нежило. * Несмотря на то, при Ольгердѣ воздвигнуты бояриномъ Гостольдомъ костелъ для францискановъ, въ 1332 году, а супругами Ольгерда, Марією, княжной витебскою, церкви Пятницкая и Св. Николая, и второю, Іуліанією, княжной тверскою, Пречистыя Богородицы и Св. Троицы. Во время осады Вильны, въ 1390 году, лѣтописи вспоминаютъ про виленскихъ православныхъ чернцовъ. Слѣдовательно еще до Ягайлы существовалъ въ Вильнѣ православный монастырь. ** Былъ еще деревянный костелъ во имя

* Кукалей, Миклаей и Нежило, въ христіанствѣ Антоній, Іоанкъ и Естафій, причислены къ лику святыхъ и покоятся въ Вильнѣ, въ церкви Свято-Духова монастыря (Четь-Минеи 14го апрѣля).

** Объ этомъ монастырѣ упоминаетъ Крашевскій въ исторіи Вильны, III, 43. Древнѣйшіе православные храмы въ Вильнѣ, нынѣ возобновленные, именно: Пятницкая церковь, гдѣ погребена великая княгиня Марія, супруга Ольгерда, гдѣ Петръ Великій приносилъ благодарственное молебствіе за одержанною надъ Шведами побѣду и подарилъ знамя отбитое у Шведовъ, гдѣ оны, по преданію, крестилъ Африканца Ганцибала, дѣда съ матерней стороны А. С. Пушкина; церковь Пречистыя Богородицы, освященная въ 1348 Св. Алексіемъ митрополитомъ московскимъ; потомъ митрополитальный соборъ, гдѣ служили митрополиты Западной Руси, гдѣ почилъ великая

Св. Николая, построенный поселившимися въ Вильнѣ Нѣмцами. Ягайло, въ 1387 году, женившись на польской королеви Ядвига, вводитъ въ Литвѣ католическое исповѣданіе. Онъ основалъ Виленское епископство, костелы въ Вильнѣ Св. Станислава, Св. Іоанна и Св. Мартина. Кромѣ того, имъ же воздвигнуты костелы: въ Нѣменчинѣ, Мейшаголѣ, Мѣдникахъ, Кревѣ, Обольдахъ, Гайнѣ, Лидѣ, Вилкомирѣ, Ошмянѣ и въ Быстржицѣ. Согласно обѣщанію данному Полякамъ заставить и русскихъ своихъ подданныхъ восточной церкви обратиться въ католичество, онъ издаетъ законъ чтобы православныя выходившія замужъ за католиковъ принимали исповѣданіе мужей своихъ, какъ равно чтобы мужа исповѣдовавшіе православную вѣру принимали исповѣданіе жень, то-есть римское. Но законъ остается мертвою буквою, ибо властителемъ Литвы и Западной Руси является знаменитый Витовтъ, въ продолженіи тридцатидевятилѣтняго царствованія возведшій Литву и Западную Русь на степень могущественнѣйшаго государства, простиравшагося отъ Балтійскаго до Чернаго Моря. *

Витовтъ, сынъ послѣдняго языческаго героя Литвы, Кейстута, и полангенской вайделотки Бируты, конечно не твердъ былъ въ дѣлахъ вѣры. Онъ перемѣнялъ ее согласно политическимъ своимъ видамъ и требованіямъ. Нуждаясь въ помощи Крестоносцевъ, онъ принялъ католичество, возвратясь въ свои русскіе удѣлы сдѣлался православнымъ; въ Краковѣ, вмѣстѣ съ Ягайлой и его братьями, опять принялъ католи-

княгиня Елена Іоанновна, супруга короля Александра, митрополиты Симваакъ и Солтакъ, бояринъ Петръ Ивановичъ Шуйскій; церковь и монастырь Св. Троицы, на мѣсто прежней церкви, воздвигнутой Іудіаніей, въ 1514 году, построены княземъ Константиномъ Ивановичемъ Острожскимъ. Имъ же воздвигнута каменная церковь во имя Св. Николая, нынѣ возобновленная, но неправильно смѣшиваемая съ древнею Никольскою церковью времени Ольгерда, находящеюся на Биржевой площадкѣ, на супротивъ нынѣшней гостиницы Нешковскаго.

* Во владѣніи Витовта состояло четырнадцать нынѣшнихъ губерній: Виленская, Ковельская, Гродненская, Минская, Могилевская, Витебская, Киевская, Черниговская, Екатеринославская, Херсонская, Подольская, Волынская, Смоленская и Сувацкая (въ Царствѣ Польскомъ).

чество и уже оставался въ немъ, потому что этого требовали его связи съ палой, съ Римскимъ императоромъ и надежда при ихъ содѣйствіи образовать независимое государство. Поляки знали къ чему онъ стремится и пользуясь обстоятельствами составили два сѣзда: Виленскій (1401) и Городельскій (1413), на основаніи коихъ литовское русское дворянство получало польскіе гербы и могло занимать высшія должности, ежели исповѣдало католическую вѣру. Такого рода договоры заставили Витовта принять особыя мѣры. Онъ былъ усерднымъ католикомъ, но въ то же время покровительствовалъ и греческой церкви. Большинство жителей въ русскихъ удѣлахъ исповѣдало православную вѣру, а эти удѣлы служили для него опорой — они должны были облегчать ему путь къ образованію независимаго государства. Съ этою цѣлію въ 1414 году онъ учредилъ особую западно-русскую митрополию, отдѣльную отъ Московской. „Мы хотячи“, говоритъ Витовтъ въ своей грамотѣ, „шторы ваша (восточная) вѣра не меншала, ни угубала, и церквамъ вашимъ бы строеніе было, учинили есмо такъ митрополита зборомъ, на Кіевскую митрополию шторы русская честь вся стояла на своей земли...“ и далѣе: „Мы учинили шторы пространнѣе митрополитъ сидѣль на своемъ столѣ въ Кіевѣ, какъ то лошло изъ давна; за не же то было недавно ея учинило, што начали митрополиты жити на Москвѣ, а издѣ церковь митрополитья схудѣла и пуста учинилася“. * Каедры митрополита назначены были въ Вильнѣ, въ Кіевѣ и Новогрудкѣ. Какъ прежде постановленія Ягайлы, такъ и приведенные выше Виленскій и Городельскій договоры не имѣли никакого вліянія на православіе и русскую народность. Въ собственной Литвѣ дворяне и вельможи принимали католичество, а съ нимъ гербы и должности, но главные дѣятеля, главные сподвижники Витовта, занимавшіе высшія должности, были православные, усердно защищавшіе своихъ единовѣрцевъ. Его окружали: Оленьковичи, князья Слуцкіе и Колымаьскіе, потомки Оленьки Владиміровича, внука Ольгерда и Гуаіаніи, основатели монастырей въ Слуцкѣ Троицкаго и Ильинскаго, Меречскаго-Успенскаго, Грозовскаго-Николаевскаго и многихъ церквей; князья Чарторыйскіе, потомки

* Акты Археогр. ком. I, № 25.

сѣверскаго князя Коригаилы; князя Сангушки, потомки Любарта Гедиминовича князя Владимірскаго; князя Салъги, происходившіе отъ Наримунда Гедиминовича, князя ливскаго и мозырскаго; князя Вишневецкіе, Збаражскіе, Порицкіе, Воронежскіе, отъ Корибута Ольгердовича; князя Друцкіе, Соколинскіе, Горскіе, Любецкіе, Озерскіе, Подберескіе, отъ Романа Галицкаго; князя Острожскіе, отъ Данила Галицкаго, и многіе другіе. Витовтъ особенно отличался вѣротерпимостью. Самъ строилъ православныя храмы, какъ напримѣръ въ Трокахъ, на островѣ; въ Пинскѣ, гдѣ онъ возобновилъ кафедральный соборъ существовавшій съ XII столѣтія; въ Луцкѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ. Слѣдуя мудрому правилу своихъ предшественниковъ, Гедимина, Ольгерда, онъ предоставлялъ полную свободу въ дѣлахъ совѣсти всѣмъ своимъ подданнымъ. Витовтъ далъ даже особыя права и преимущества поселеннымъ имъ въ Литвѣ Татарамъ и Караимамъ, и въ то время когда въ цѣлой Европѣ преслѣдовали Евреевъ, когда гнать и ругаться надъ Евреемъ считалось чуть не христіанскимъ подвигомъ, Витовтъ говорилъ: „еслибы Жида забито, а черезъ свѣдѣство не могъ довести своимъ пріятелемъ, который бы его забилъ: естлибы кого въ пытанью, нѣкотораго подозрѣннаго мѣти, мы Жидомъ на противку подозрѣннаго хотимъ оброчкомъ быти.“ *

Наслѣдникъ Витовта, Свидригаило, хотя и не имѣлъ государственныхъ способностей Витовта, въ главныхъ основаніяхъ слѣдовалъ его политикѣ, а когда низвергшии его съ престола Сигизмундъ началъ преслѣдовать Русскихъ, князь Чарторыйскій умертвилъ его.

При Казимірѣ, на сеймахъ въ Люблинѣ (1447), въ Парчевѣ (1451), въ Сгородскѣ (1452), въ Парчевѣ и Петроковѣ (1453), Нешавѣ и Опочнѣ (1454), много говорили о неразрывномъ соединеніи двухъ государствъ; но Литовцы и Русскіе держались упорно и отвергали самую мысль объ этомъ. Казиміръ любилъ свою родину; онъ неохотно даже принялъ польскую корону. Онъ поддерживалъ добрыя отношенія съ московскимъ Василиемъ. Въ договорѣ 1449 года они клянутся въ любви другъ къ другу и говорятъ что въ случаѣ смерти одного изъ нихъ, другой долженъ заботиться о семействѣ

* *Акты изд. Арх. ком. I, № 9.*

умершаго *; но на старость онъ легче поддавался внушеніямъ Поляковъ и ихъ постояннымъ стремленіямъ слить Литву съ Польшей. Еще при Сигизмундѣ состоялась Флорентинская унія (1439). Извѣстны послѣдствія ея. Послѣ изгнанія изъ Москвы главнаго дѣятеля, митрополита Исидора, назначенъ былъ Иона, который въ 1451 году свободно посѣщалъ западно-русскую паству. Потомъ, по желанію папы Евгенія, назначенъ былъ митрополитомъ Григорій, приверженецъ уніи; но онъ оставался митрополитомъ болѣе по имени, сидѣлъ при дворѣ, православные не уважали его, пребыли вѣрными завѣтамъ отцовъ и не соблазнулись никакими льстивыми общаніями. Казиміръ однако считалъ что унія совершилась на самомъ дѣлѣ, и въ изданной грамотѣ сравниваетъ права православныхъ съ католиками, потому что восточная церковь соединилась съ западною **. Но когда пришлось разочароваться, когда убѣдились что на дѣлѣ унія не существуетъ, Казиміръ издалъ новую грамоту, запрещающую строить православныя церкви. Нѣкоторое время законъ исполнялся; многія церкви пришли въ ветхость; но при Александрѣ мы уже видимъ вновь свободно воздвигаемые храмы, супругой его, Еленой, княземъ Острожскимъ и другими вельможами. Преемники Григорія были усердными православными пастырями.

Въ 1492 году Казиміръ обнародовалъ сводъ литовскихъ законоположеній: *Судебникъ* или *Статутъ Казиміра Ягеллона*. *** Этотъ Судебникъ, какъ и прежде изданная Казиміромъ *Земская Привилегія*, имѣютъ много общаго съ *Русскою Правдой* Ярослава. Одинъ изъ лучшихъ литовскихъ историковъ, Ярошевичъ, справедливо замѣчаетъ что хотя форма изложенія и распредѣленіе этихъ кодексовъ различны, въ частностяхъ постановленія имѣютъ много общаго, такъ какъ для этого края самыми соответственными въ то время были законоположенія *Русской Правды*.

Наслѣдовавшій Казиміру Александръ Ягеллонъ, несмотря

* *Акты Зап. Рос.* I, № 50. Сборникъ Мухомова, стр. 52.

** *Акты Зап. Рос.* I, № 124.

*** Въ *Актахъ относящихся къ Исторіи Западной Россіи* (I № 67) ошибочно обозначено подъ годомъ 1468. Давыдовскій къ XXVIII статьѣ прибавилъ еще не помѣщенныя въ *Актахъ* 6 статей о *пошлину Смоленску*.

на настоянія палы и еписколовъ, не принуждалъ свою православную супругу Елену принимать католичество. При немъ русскій князь Михаилъ Глинскій заправляетъ всѣми дѣлами. Самъ Александръ вникаетъ въ дѣла и нужды своихъ православныхъ подданныхъ. Онъ споритъ съ тестемъ Иоанномъ Васильевичемъ о постройкѣ придворной церкви для Елены въ замкѣ; Александръ и не построилъ ея, но Елена свободно воздвигала и украшала храмы. Въ Вильнѣ она построила Св. Духовскій монастырь, построила и возобновила нѣсколько церквей въ Минскѣ и въ другихъ городахъ. Минскому Вознесенскому монастырю подарила населенное имѣнiе Тростенець. Пречистенскому собору въ Вильнѣ подарила имѣнiе Жагоры, въ Трокскомъ уѣздѣ; въ Вильнѣ же ея попеченiемъ была возобновлена и украшаема, назначенная для нея придворною, Покровская церковь.

Не одна великая княгиня Елена, но и частные люди тоже оказывали усердiе къ православию, строили и возобновляли храмы. Особенными ревнителями были: великiй гетманъ, знаменитый князь Константинъ Острожскiй, котораго легатъ папскiй Пизони называетъ Нумой въ дѣлахъ гражданскихъ и Ромуломъ въ дѣлахъ военныхъ; князья Олельковичи, Слуцкiе и многiе др. Современные акты и грамоты представляютъ намъ много доказательствъ этого усердiя къ православнымъ храмамъ. Такъ въ Добучинѣ (нынѣ Пружана, Гродненской губернiи) князь Иванъ Семеновичъ Кобринскiй въ 1473 году основалъ православную церковь во имя Рождества Богородицы, съ десятиною съ панскаго двора Добучинскаго.* Пиа-

* Въ грамотѣ данной княземъ Кобринскимъ по этому случаю, между прочимъ, сказано: „А хто бы ся важилъ нашъ листъ фундушый вѣчно наданный до церкви нашей Добучинской Нарожденья Сына Божьяго наступовати, которымъ теперъ надади для збавенья нашего душнаго и помноженья хвалы Божой, нехай будетъ на нихъ клятва отцевъ святыхъ триста осмнадцать, которые были на комсылаиумъ Ницескомъ. А мы сами будемъ на страшный судъ позывати.“ Актъ этотъ хранится въ литовской метрицѣ. См. Балискаго: *tarozytna Polska*, III, 767. Родъ князей Кобринскихъ давно угасъ. Одинъ изъ этого рода, князь Сильвестръ Кобринскiй, былъ владѣлькой холмскимъ. (Кобринъ нынѣ уѣздный городъ Гродненской губернiи.)

скій князь Михаилъ Константиновичъ, въ 1489 году, отказою грамотой Луцкому Красносельскому Сласкому монастырю отказалъ десятину изъ своего имѣнія Млынца, то-есть десятую часть всѣхъ посѣвовъ, животныхъ, птицъ и пр. * Въ 1480 году, войтъ новгородскій, Макарь Кудричъ, и мѣщанинъ Волочекъ, сдѣлали значительные вклады Новгородской Борисо-Глѣбской соборной церкви. Слуцкая княгиня Анна Омельковичъ, съ сыномъ, княземъ Семеномъ Михайловичемъ, въ 1492 году подарили Слуцкому Троицкому монастырю село Дробышевское, съ правомъ продажи и передачи. ** Тотъ же князь Иванъ Семеновичъ Кобринскій и сузруга его Фодора подарили Киево-Печерской Лаврѣ село Осово съ доходами и даями. *** Въ 1494 году слуцкій архимандритъ Иосифъ нареченъ былъ епископомъ смоленскимъ; оставляя Слуцкѣ, овъ составилъ передаточную опись монастырскому имуществу, доказывающую богатства и зажиточность этой древней обители. **** Киевскій воевода князь Дмитрій Путята дѣлалъ вклады Минскому Вознесенскому монастырю. При Минскомъ Николаевскомъ монастырѣ находился особый домъ гдѣ останавливались митрополиты когда прѣзжали въ Минскъ. Домъ этотъ стоялъ въ самомъ замкѣ. Кромѣ того въ Минскѣ же существовали мужскіе монастыри: Св. Духовъ, Козьмо-Демьянскій, Петропавловскій; женскіе монастыри: Св. Духовъ и Петропавловскій, хотя сей послѣдній получилъ это наименованіе уже въ началѣ XVII столѣтія и воздвигнуть вмѣсто прежняго, неизвѣстнаго по имени, отнятаго унитамъ; вблизи Минска находилось тоже нѣсколько монастырей, какъ на примѣръ въ Прилукахъ, гдѣ были двѣ церкви: Св. Троицкая и Успенская, гдѣ хоронились князья Огинскіе, нѣкоторые изъ рода князей Вишневецкихъ, Стешкевичей и др., и гдѣ въ послѣдствіи Анна Стешкевичъ, урожденная Огинская, основала монастырь. Въ мѣстечкѣ Соломерецкѣ была древняя церковь, а потомъ князья Соломерецкіе основали монастырь. Въ мѣстечкѣ Раковѣ были двѣ весьма древнія церкви:

* *Акты отн. къ Ист. Зап. Рос.* I. № 96.

** Тамъ же, №№ 98 и 99.

*** Тамъ же, № 111.

**** Любопытный этотъ документъ хранится въ архивѣ бывшихъ греко-унитскихъ митрополитовъ при Свят. Синодѣ. См. № 115.

Преображенская и Георгіевская; въ мѣстечкѣ Новомъ Сверхѣ, около 1500 года, по преданію, явилась икона Богоматери, и здѣсь князь Николай Радзивиллъ, виленскій воевода и канцлеръ литовскій, основалъ православную церковь. Мы не говоримъ здѣсь о древнихъ православныхъ храмахъ существовавшихъ въ X столѣтіи въ Кіевѣ, Полоцкѣ и во многихъ другихъ городахъ западной Россіи. Въ Гроднѣ существовалъ славный Коложскій храмъ Свв. Бориса и Глѣба, знаменитый во всѣхъ славянскихъ земляхъ памятникъ первой половины XII столѣтія. * Въ Мстиславлѣ было нѣсколько древнихъ церквей и монастырей. Въ Могилевѣ-на-Днѣпрѣ древними храмами считались: Св. Спаса, Св. Ильи Пророка, Св. Николая, Свв. Козьмы и Даміана, Св. Троицы, Рождества Богородицы и Воздвиженія. Въ Новогородкѣ, въ Слуцкѣ, Пинскѣ, Брестѣ, Овручѣ, православныя церкви принадлежали къ числу древнѣйшихъ.

Въ 1498 году, Александръ грамотой данною православнымъ жителямъ Вильны ограждаетъ ихъ отъ излишнихъ поборовъ со стороны православнаго духовенства; „бо мы“, говоритъ Александръ, „старинны не рушаемъ, а новины не вводимъ.“ ** Въ этомъ же году, послѣ смерти митрополита Макарія, умерщвленнаго Татарами, избранъ былъ Іосифъ Солтанъ, бывшій земскій подскарбій литовскій.

Въ 1499 году Александръ, кромѣ Кормчей Книги, *** заключавшей древнія правила, подтвердилъ судебную грамоту Ярослава (свитокъ Ярослава), закрѣпивъ порядокъ духовнаго судопроизводства, въ коренномъ, древнемъ его видѣ. Митрополиту предоставлялась полная свобода дѣйствій; бургомистрамъ и радцамъ предписывалось чтобы „кривды церкви Божье и митрополиту и епископамъ не чинили, въ доходы церковныя и во вси sprawy и суды ихъ духовныя не вступали....“ ****

* Основанный Всеволодомъ Давидовичемъ или послѣ смерти его (1142) сыновьями его, Борисомъ и Глѣбомъ, получившими во владѣніе Гродненскій удѣлъ. Коложскою названа въ послѣдствіи, уже въ XV столѣтіи, когда въ 1406 году 11.000 Псковитякъ, жителей пригорода Коложе, поселились на берегу Нѣмана, близъ Гродны, вблизи древней Борисо-Глѣбской церкви.

** *Акты отн. къ Ист. З. Р.* № 152.

*** Въ Румянц. Муз., № 252—235.

**** *Акты. Зап. Рос.,* I, № 166.

Въ 1499 году Александръ отсудилъ епископа полоцкаго Луку отъ управленія селами, кои Свиригаило подарилъ не ему, во церкви Св. Софіи. * Въ 1509 году, въ Вильнѣ происходилъ соборъ подъ предсѣдательствомъ митрополита Юсифа Солтана, изъ восьми епископовъ, семи архимандритовъ, шести игуменовъ и семи протоіереевъ. Сигизмундъ, преемникъ Александра, согласно постановленію этого собора, подтверждаетъ права и преимущества православныхъ, данныя „отъ предковъ нашихъ великаго князя Витольда и отъ отца и брата нашего“. ** До какой степени въ странѣ не находилъ сочувствія переходъ въ католичество изъ православія, видно, между прочимъ, изъ того что когда литовскій вельможа князь Иванъ Салтъга (Солига), находясь въ Римѣ, совратился въ латинство, папа Иннокентій VIII писалъ къ королю польскому Ольбрахту, прося его покровительства для Салтъги, который не смѣлъ возвратиться на родину, въ Литву, боясь преслѣдованія.

Въ 1526 году послы литовско-русскіе говорили Сигизмунду: „Поляки хотятъ чтобы ланство вашей милости, великое княжество Литовское, было всегда въ униженіи и присоединено къ Польшѣ. Покорно просимъ вашу милость не допускать до того чтобы прирожденные слуги ваши стали подданными короны польской.“ Далѣе требовали чтобы Поляки возвратили корону высланную императоромъ Сигизмундомъ для Витовта, и чтобы Сигизмундъ короновалъ ею сына своего, Сигизмунда-Августа, на Литовско-Русское королевство, а если Поляки короны не отдадутъ, то „ваша милость постарались бы выпросить другую у папы и цесаря, и чего это будетъ стоить, мы охотно поднимемъ и ничего не пожалѣемъ.“ *** Въ 1544 году Сигизмундъ, согласно требованіямъ своихъ литовско-русскихъ подданныхъ, назначилъ сына своего Сигизмунда-Августа великимъ княземъ литовско-русскимъ. Въ 1548 году умеръ Сигизмундъ, и Сигизмундъ-Августъ вступилъ и на польскій престолъ.

Замѣчательнѣйшимъ дѣятелемъ временъ Сигизмунда-Августа является въ Литвѣ князь Николай Радзивиллъ Черный, двоюродный братъ супруги Сигизмунда - Августа,

* Ibid., II, № 174.

** У истр. Евг. стр. 52.

*** *Ак. Зап. Рос.*, II, № 144.

королевы Варвары. Онъ и родной ея братъ, князь Радзивиллъ Рыжій, послѣ смерти сестры, были главными сановниками окружавшими престолъ и пользовались неограниченнымъ довѣріемъ короля. Но изъ нихъ Николай Черный былъ выше умомъ, энергіею и силою воли, а потому естественно имѣлъ гораздо болѣе вліянія на общественныя дѣла.

По преданію, родъ Радзивилловъ производятъ отъ Ледейки, сына Наримунда, внука Гедимина. Выводъ этотъ впрочемъ сомнителенъ; ибо Радзивиллы не пользовались, подобно другимъ родамъ происходившимъ отъ Рюрика и Гедимина, княжескимъ титуломъ. Во всякомъ случаѣ это древнѣйшій родъ въ Литвѣ. Нѣкоторые утверждаютъ что Радзивиллы были сначала православные; * но на это нѣтъ положительныхъ доказательствъ. Извѣстно только что родоначальникъ ихъ, Войшундъ, былъ женатъ на православной княжнѣ Параскевіи витебской. Радзивиллы всегда занимали высшія должности. Николай Радзивиллъ, юность свою, подобно всѣмъ тогдашнимъ юношамъ знатнѣйшихъ, какъ русскихъ такъ и литовскихъ родовъ, провелъ за границею, учился въ нѣмецкихъ академіяхъ и возвратился на родину съ идеями новыхъ ученій, съ такою силою тогда распространявшихся въ Германіи. Одинъ изъ Радзивилловъ, виленскій воевода и канцлеръ литовскій, Николай, въ 1513 году, получилъ княжеское достоинство отъ императора Римскаго; но прямая линія его пресѣклась и когда въ 1547 году Николай Радзивиллъ Черный былъ посланникомъ у императора Карла V, то получилъ отъ него княжескій титулъ для всего рода Радзивилловъ. Современники, говоря про значеніе Радзивилла Чернаго въ государствѣ, присовокупляютъ что въ сенатѣ король сажалъ его возлѣ себя (то-есть возлѣ трона). Занимая должности канцлера великаго княжества, виленскаго воеводы, великаго маршала, владѣя огромными имѣніями: Олыкою, Несвижемъ, Клецкомъ, ** въ коихъ считалось до 50.000 душъ, а также богатѣйшими тогда староствами Брестскимъ, Шавельскимъ, Ковенскимъ и Борисовскимъ, этотъ первый въ государствѣ славникъ, имѣвшій неограниченное вліяніе на короля, конечно, легко привлекалъ къ себѣ всѣхъ знатнѣйшихъ вельможъ;

* Naramowski: *Facies Rerum Sarmat. Lib. II, pag. 355.*

** Къ одному Клецку принадлежало болѣе 16.000 душъ.

шляхта тѣснилась къ нему и заискивала его милости, кои значили едва ли не болѣе королевскихъ. Этотъ-то Радзивилъ, около 1553 года, принявъ евангелическо-реформатское исповѣданіе и началъ распространять оное по всему государству. Въ Вильнѣ основалъ кирху, или *сборъ*, на Лукискахъ, гдѣ были его палаты, а также въ самомъ городѣ, на рынкѣ,* и вслѣдъ за симъ такіе же сборы въ Клецкѣ, Несвижѣ, Девалятовѣ, Оршѣ, Ивѣѣ, Шпилянахъ, Кейданахъ, Биржахъ, Брестѣ, Дубинкахъ, Гольшанахъ, Минскѣ, Новогородкѣ, Ошмянѣ, Сморгоняхъ, Свислочи, Витебскѣ, Заблудовѣ, Шкловѣ, Жупранахъ, и въ разныхъ другихъ городахъ и мѣстечкахъ, вообще въ 163 мѣстахъ нынѣшнихъ сѣверо-западныхъ губерній.**

Пруссія и Ливонія, принявшія протестантство, своимъ приѣздомъ, политическими и торговыми сношеніями, имѣли не малое вліяніе на усвоеніе новаго ученія. Обычай посылать дѣтей своихъ учиться въ нѣмецкія школы тоже не мало содѣйствовалъ этому. Многіе ѣздили путешествовать, жевались на иностранкахъ протестантскаго исповѣданія и возвращаясь на родину пропитанные духомъ протестантизма, распространяли оное. Въ самомъ началѣ отецъ Сигизмунда-Августа, Сигизмундъ I, вооружился противъ реформатовъ; далъ право римскимъ католическимъ епископамъ увѣщевать еретиковъ и даже наказывать ихъ; потомъ издалъ постановленіе по которому принимавшій протестантское исповѣданіе лишался дворянскаго достоинства; запретилъ вызывать учителей изъ Германіи и посылать дѣтей въ нѣмецкія школы. Постановленіе это однако не исполнялось. Епископы не находили достаточной поддержки не только въ свѣтскихъ, но даже въ духовенствѣ. Когда же вступилъ на престолъ Сигизмундъ-Августъ, о постановленіи Сигизмунда I никто и не думалъ. Онъ даровалъ всѣмъ вообще христіанамъ равныя права. „Да не подумаютъ“ — говорилъ король на сеймѣ — „чтобъ я рѣшился принуждать къ вѣрѣ кого-либо жестокостью или мѣрами строгости и отягчать чью-либо совѣсть; не мое дѣло созидать вѣры, это совер-

* Въ домѣ бывшемъ Клауки, нынѣ Родкѣвича.

** См. исчисленіе этихъ мѣстъ съ подробными указаніями у Лукшевича. *Исторія Гельветской церкви*, т. II., а также: Griese, *Beitrag z. Reformatiionsgeschichte in Polen u. Litv.*

шается дѣйствиємъ Св. Духа." Такъ думалъ король и доказалъ на дѣлѣ свою вѣротерпимость.

Понятно послѣ этого какъ легко было могущественному Радзивиллу распространять новое ученіе. Кто только нуждался въ немъ, кто былъ съ нимъ въ родствѣ, дружбѣ, сношеніяхъ, принималъ реформатское исповѣданіе. Скоро почти все высшее сословіе отпало отъ католицизма; многіе покинули и православіе. Такъ напримѣръ въ Новгородскомъ воеводствѣ (Новгородскій, Слонимскій и Волковскій уѣзды) было 650 православныхъ церквей и болѣе шестисотъ православныхъ дворянскихъ родовъ, изъ нихъ осталось въ православіи едва шестнадцать. Многіе изъ принявшихъ реформатское ученіе старались распространять его посредствомъ печатныхъ книгъ на русскомъ языкѣ. Такъ напримѣръ въ 1562 году Матвѣй Ковачинскій и Лаврентій Крышковскій, прежде православные, а потомъ ученики и послѣдователи Симона Буднаго, напечатали въ Несвижѣ Катехизисъ и книгу: *Объ оправданіи грѣшнаго челоуѣка предъ Богомъ*. Но Радзивиллъ Черный не ограничился однимъ дворянствомъ. Онъ искалъ и находилъ сторонниковъ въ народѣ и мелкой шляхтѣ. Увѣщаніями, подарками, разными милостями, онъ привлекалъ цѣлыя толпы на свою сторону. Сигизмундъ-Августъ оставался при своемъ исповѣданіи, но его придворные и знаменитые въ то время проповѣдники Дискордіа и Кузьминчикъ лублично говорили рѣчи, объясняя и поощряя къ принятію новыхъ ученій. Изъ собственной бібліотеки короля всѣ лучшія тогдашнія реформатскія сочиненія Лютера, Кальвина, Меланхтона, Цвинглія и другихъ распространялись въ лублнкѣ. Сигизмундъ-Августъ пользовался извѣстностью въ этомъ отношеніи; Лютеръ посвятилъ ему свой переводъ Библіи, а Кальвинъ объясненія Посланій апостола Павла къ Евреямъ. Кальвинъ, Геснеръ, Буллингеръ были съ нимъ въ перелискѣ.

Князь Радзивиллъ Черный выписалъ извѣстнѣйшихъ въ то время проповѣдниковъ, кои развѣждали по всей странѣ и научали народъ. Съ этою же цѣлію онъ основалъ собственныя типографіи въ Брестѣ и Несвижѣ, гдѣ печатались духовныя книги, а въ Брестѣ издава имъ такъ-называемая *Кальвинская Библія*. Радзивиллу содѣйствовали въ особенноти: Кички, Ходкевичи, Глѣбовичи, Салѣги, Слушки, Завиши, Вашневекіе, Войны, Пацы, Абрамовичи, Воловичи,

Огиаскіе, Зиновичи, Пузины, Горскіе и многіе другіе, изъ православія перешедшіе въ кальвинизмъ. Въ декабрѣ 1557 года въ Вильнѣ былъ кальвинскій синодъ, на которомъ присутствовало уже около ста духовныхъ или, какъ тогда называли, *министровъ*.

При такомъ положеніи дѣлъ, конечно, вліяніе латинскаго епископа не могло остановить успѣхи новыхъ ученій. Епископъ съ своимъ калитуломъ оставались одинокими. Костелы превращались въ *сборъ*, ксендзы дѣлались *министрами* и вступали въ браки.

Въ городахъ и вообще на Жмуди преимущественно распространялось лютеранское ученіе. Въ Вильнѣ со времяъ Гедимиша жило много нѣмецкихъ семействъ. Съ того времени и до сихъ поръ сохранилось еще названіе Нѣмецкой улицы. Около 1539 года пріѣхалъ изъ Германіи, какъ уже мы упоминали, Авраамъ Кульва, прежде ксендзъ, докторъ богословія, теперь усердный лютеранинъ. Онъ первый началъ здѣсь распространять лютеранское ученіе, и привлекъ на свою сторону всѣхъ Нѣмцевъ. Въ 1555 году является въ Вильнѣ новый проповѣдникъ, нѣкто Виклефъ, изъ Германіи. Этотъ открыто началъ говорить лютеранскія проповѣди въ костелѣ Св. Анны. Епископъ воспретилъ своему духовенству пускать его въ костелъ; тогда Виклефъ нашелъ убѣжище въ домѣ богатаго виленскаго мѣщанина Морштына, на Нѣмецкой улицѣ, и такъ основалъ кирку, существующую на томъ же мѣстѣ и до сихъ поръ.

Торговья сношенія здѣшнихъ городовъ, особенно Вильны Ковна, Минска, Полоцка, Могилева и другихъ, съ ганзейскими городами и преимущественно съ Ригею, Кенигсбергомъ, Лейпцигомъ и Франкфуртомъ, много содѣйствовали распространенію лютеранскаго ученія. Какъ Николай Радзивиллъ Черный былъ распространителемъ Кальвинова ученія, такъ Альбрехтъ герцогъ прусскій покровительствовалъ лютеранскому. Въ 1545 году, по приказанію Альбрехта прусскаго, разныя лютеранскія духовныя книги переведены и напечатаны на литовскомъ языкѣ и распространены въ числѣ многихъ тысячъ экземпляровъ, особенно на Жмуди. При новоустроенномъ университетѣ въ Кенигсбергѣ, онъ учредилъ особа стипендіи для восьми Литвиновъ приспособлявшихъ себя къ духовному лютеранскому званію, предоставивъ казенду богословія тому же Аврааму Кульвѣ. На Жмуди пре-

емникъ католическаго епископа Юрія Пенткѣвича, открыто дѣйствовавшаго въ пользу реформатовъ. * Епископъ князь Мельхіоръ Гедройцъ, въ цѣлой епархіи нашель, какъ уже мы уломянули, едва семь ксендзовъ остававшихся еще вѣрными латинству. Жмудь или Самогитія, гдѣ до конца XIV столѣтія господствовало язычество, поддерживаемое ревностнымъ защитникомъ онаго княземъ Кейстутомъ, еще и въ то время, во многихъ мѣстахъ сохраняла языческіе обряды; ксендзы успѣли придать только наружный лоскъ, о внутреннемъ же настроеніи мало заботились. Пржеіе идолы, пржеіе праздники примѣнялись къ христіанскимъ, получали новое названіе, и народъ былъ доволенъ. Народъ вѣрилъ что плодovitая богиня Блинда была превращена въ дерево (вербу). Народъ окружалъ вербу и поклонялся ей. Ксендзъ повѣсилъ икону на вербѣ, и народъ продолжалъ молиться предъ нею. Въмсто Перуна, стали чтить *Перкунателе*. Предъ выходомъ замужъ, невѣста въ дѣвичій вечеръ отправлялась съ подругами къ своему кунигасу, или владѣльцу, принося ему по обычаю дѣвственность; на пути лѣли лѣсню къ солнцу и лунѣ, умаливали ихъ чтобы заступились за бѣдную и вдохнули *своему брату* (то-есть владѣльцу) мысль сохранить для суженаго ея невинность. Несчастный народъ радовался когда ему объясняли что ему, бѣдному, легче будетъ достигнуть неба, нежели его господину, отягченному сокровищами. Онъ поклонялся, какъ и пржеде, подземнымъ божествамъ Барстукамъ и ихъ начальнику Пушайтису, чтобы отводили господъ отъ тиранства. *Доужинки*, то-есть окончаніе жатвы, совершалось совершенно по языческимъ обрядамъ. Осенью, когда всѣ полевая работы уже окончены, на большомъ столѣ клали сѣно, потомъ застилали его скатертью. На столѣ ставили бочку *алуса* (пива) и вводили быка или корову, предназначавшихся для жертвоприношенія богу олодотворенія (Зяменику, Курго, Курхусъ). Присутствующіе съ ожесточеніемъ бросались на свою жертву съ кольями и лалками и убивали до смерти, восклицая: „вотъ тебѣ наша жертва, боже земли! благодаримъ тебя за то что сохранилъ нашу жизнь въ истекшемъ году, защити же насъ и въ слѣдующемъ отъ врага, огня, меча, мороваго повѣтрія!“ Мясо убитой ско-

* „Georgius Petrovicius Samogitiae episcopus penitus desciverat ad luteranismum.“ Пасецкіи.

тины тутъ же жарили и сѣвдали, а часть его закапывали въ землю для *Зяленика*.

Около Скидла въ Гродненской губерніи, уцѣлѣвшее племя Ятвяговъ приняло крещеніе едва въ 1553 году.

Ростовскій говоритъ * что когда въ 1618 году въ Крожахъ іезуиты основали свой коллегіумъ, то должны были начать съ того чтобъ уничтожить древніе священные литовскіе дубы и низвергнуть идоловъ, коимъ народъ поклонялся и приносилъ въ жертву животныхъ. Они же нашли въ окрестностяхъ Россіенъ, Динабурга, Кейданъ, Крожъ еще шесть языческихъ жертвенныхъ алтарей. Стрыковскій ** лично смотрѣлъ какъ еще совершались разные языческіе обряды въ Литвѣ и на Жмуди. Онъ же говоритъ что въ четырехъ миляхъ отъ Вильны, въ Лаврикахъ, народъ боготворилъ черныхъ ужей. *** Народъ измѣрялъ свою жизнь по языческимъ праздникамъ, и они были ближе его сердцу чѣмъ христіанскіе.

Праздникъ Рождества наминалъ праздникъ *колады*. Новый Годъ праздновался языческимъ *щедрымъ вечеромъ*; въ день Крещенія совершались обряды съ пирогами, нѣчто въ родѣ древнихъ обрядовъ въ честь Святовиту; Пасха Христова наминала шумное празднество *волочинья*; въ Георгіевъ день, шумное, веселое празднество въ полѣ съ плясками, лѣснями, играми; въ Троицынъ день завивали вѣнки; въ день Рождества Іоанна Предтечи скакали черезъ огонь; въ день Петра и Павла строили качели. Бѣльшая часть всего этого и до сихъ поръ сохранилась; но во второй половинѣ XVI столѣтія обряды эти имѣли еще всѣ знаменія язычества.

Въ Лабонарахъ (Лабеноры — по-литовски *очень гочу*), Виленской губерніи, въ Троицынъ день народъ собирался даже изъ отдаленныхъ мѣстъ и здѣсь послѣ вечерняго крестнаго хода, до слѣдующаго утра происходилъ страшный развратъ. Въ тотъ же Троицынъ день, въ Лелянахъ, въ Трокскомъ уѣздѣ, собираются Литовцы, завиваютъ вѣнки и бросаютъ въ озеро съ древне-языческими лѣснями. ****

* *Lituanicarum S. T. Histor. provin.*

** *Kronika*, 24.

*** Лаврики, вѣроятно Лаваршкі, въ Виленскомъ уѣздѣ, гдѣ и теперь дѣйствительно много ужей. Крестьяне ихъ уважаютъ и корятъ колокомъ. Дѣти ѣдятъ съ ужами изъ одной чаши.

**** Въ Лабонарахъ обычай этотъ существовалъ до сороковыхъ годовъ минувшаго столѣтія и едва искорененъ особенными усиліями

На Жмуди, говоримъ, и во времена Сигизмунда-Августа, даже до конца XVI столѣтїа, все еще дышало язычествомъ; латинство не укрѣлилось здѣсь, и новое ученіе могло свободно прививаться при содѣйствїи владѣльцевъ, преданныхъ лютеранизму или кальвинизму. Другія ученія, какъ аріанское, соцініанское и пр., также свободно распространялись.

Аріане, проклятые еще на Никейскомъ соборѣ, въ 325 году, въ XII столѣтїи возникли вновь. Въ 1563 году явился въ Польшу Валентинъ Гентилисъ, возстановившій это ученіе на новыхъ началахъ. Послѣдователь Михаила Сервета, Испанца, онъ усвоилъ новыя понятїа о Иисусѣ Христѣ и Св. Троицѣ и распространилъ свои идеи въ Литвѣ и Польшѣ. Аріане признавали единого Бога, но отвергали Св. Троицу. Спасителя считали боговдохновеннымъ человекомъ, но не Сыномъ Божиимъ. Не признавали крещенїа и другихъ таинствъ. Аріане раздѣлялись на эбіонитовъ, меннонитовъ, унитарїевъ, антитринитарїевъ, анабалтистовъ, новокрещенцевъ, раковянъ, куявянъ, нурковъ (ныряющихъ). Всѣ эти секты въ сущности то же что и аріане. Главный ихъ прїютъ былъ въ Раковѣ и Куявахъ (отъ чего ихъ и называли раковянами и куявланами). На Волини, Гавріилъ и Романъ Гойскіе основали двѣ аріанскія школы: одну въ Гоцѣ, на рѣкѣ Горинѣ, другую въ Соколѣ, на рѣкѣ Случѣ.

Соцініане находили послѣдователей даже между лютеранскими пасторами и кальвинскими министрами. Мотовило проповѣдовалъ что со вторымъ пришествїемъ Христовымъ откроется тысячелѣтнее царство чувственныхъ наслажденїй. Будный былъ покровительствуемъ княземъ Радзивилломъ и жилъ нѣкоторое время въ Луцкѣ. Въ Мозырѣ, ревностнымъ послѣдователемъ Мотовилы явился тамошній земскій судья Степанъ Лованъ. Въ это же время прибыли изъ Москвы въ Витебскъ Θεодосїй Косой и Игнатїй, а также Артемїй изъ Соловецкаго заточенїа и пристали къ сектѣ антитринитарїевъ.

епископовъ Клонгевича и Жилинскаго, по крайней мѣрѣ настолько что теперь ночныя оргїи не такъ публичны. Очевидцы разказываютъ ужасы про эти буйныя ночи! Отецъ не могъ защитить дочери, мужъ жены, женихъ невѣсты. Въ Ледянахъ и до сихъ поръ бросаютъ вѣнки въ заветное озеро. Много еще и другихъ языческихъ обрядовъ сохранилось и до сихъ поръ, какъ у Литовцевъ, такъ и у Бѣлоруссовъ. См. *Этнографическій взглядъ на Виленскую губернію*, Куркора, въ *Вѣст. Геогр. Общ.* 1858; о Литвѣ Крашевскаго (Litwa) Юн. вича, Безсокова—*Бѣлорусскія пѣсни* и мн. др.

Сигизмундъ-Августъ равнодушно смотрѣлъ на эти успѣхи реформаторовъ. Папа прислалъ въ Вильну посла своего, епископа Дипломани, который долго просидѣлъ здѣсь, но не успѣлъ ничего сдѣлать. Сигизмундъ-Августъ радушно принималъ его, но не согласился ни на одну изъ предлагаемыхъ Дипломани мѣръ, такъ что онъ уѣхалъ ни съ чѣмъ. Разказываютъ что Сигизмундъ-Августъ, постоянно находясь подъ вліяніемъ Радзивилла Чернаго, близокъ былъ даже и самъ принять Кальвиново ученіе. Однажды Радзивиллъ уговорилъ короля присутствовать при богослуженіи во вновь устроенномъ сборѣ, на Лукишкахъ. Король поѣхалъ. На пути, вблизи кафедральнаго собора, латинскій епископъ съ капитуломъ, въ полномъ облаченіи, съ Распятіемъ въ рукѣ, остановилъ поѣздъ, схватилъ лошадь за узду и сказалъ королю: „Не этимъ путемъ предки твои ходили въ храмъ Божій, а вотъ твой луть,“ причемъ указалъ на соборъ. Король возвратился во дворець. *

Но усердіе одного, двухъ епископовъ не могло остановить успѣховъ реформаціи. Въ самой Польшѣ, вліяніе папы на дѣла общественныя было значительно потрясено. Даже въ самой средѣ католическаго духовенства бывали случаи открытаго неповиновенія папѣ. Послѣ смерти Яна Дрогоевского, епископа Владиславовскаго, Сигизмундъ-Августъ назначилъ на его мѣсто любимица своего Іакова Уханскаго, епископа Хелмскаго, извѣстнаго своимъ особеннымъ сочувствіемъ къ новымъ ученіямъ. Но папа не одобрилъ этого выбора и, несмотря на настоянія короля, не прислалъ буллы. Тогда король издалъ повелѣніе чтобы, не ожидая буллы, капитулъ Владиславовскій передалъ во владѣніе Уханскаго всѣ епископскія имѣнія. Капитулъ противился. Архіепископъ Дѣржавовскій, кардиналъ Гозиусъ и нѣкоторые другіе польскіе епископы поддерживали капитулъ и писали къ королю

* Козловичъ (*Miscel.*, 13) называетъ епископомъ Кипріана, домициана, викарія вилежскаго епископа; но по другимъ свѣдѣніямъ, тотъ Кипріанъ сдѣланъ викарнымъ епископомъ послѣ Аабивуса, въ 1572. Кажется что это былъ епископъ князь Павелъ Гольшандскій; или же его преемникъ, Валеріанъ Протасевичъ; въ актахъ Вилежскаго капитула объ этомъ вовсе не упоминается. Соловьевъ и епископъ Филаретъ ошибочно повторили этотъ разказъ со словъ Козловича.

прося покориться волѣ папы. Иначе думали свѣтскіе сенаторы, великій гетманъ графъ Тарновскій, краковскій воевода графъ Тенчинскій и др. Они поддерживали мнѣніе короля въ совѣтѣ, и Уханскій, при помощи свѣтскихъ властей, вступилъ въ управление епархіей и завладѣлъ епископскими имѣніями. Это былъ первый случай въ Польшѣ явнаго ослушанія папѣ. Папа предалъ Уханскаго анаемѣ. Уханскій не испугался и самъ началъ проклинать папу въ костелахъ. * Несмотря на это, спустя четыре года, когда умеръ папа, преемникъ его Пій IV прислалъ буллу Уханскому. Когда же открылась вакансія примаса королевства, архиепископа Гнезненскаго, король назначилъ на эту первую въ государствѣ должность Уханскаго. Король не ошибался въ этомъ прелатѣ и находилъ въ немъ полное сочувствіе всѣмъ своимъ правительственнымъ мѣропріятіямъ. Еще въ 1552 году, повелѣніемъ Сигизмунда - Августа воспрецалось свѣтской власти приводить въ исполненіе епископскіе приговоры противъ иновѣрцевъ. Стараніями Уханскаго и реформатовъ, повелѣніе это въ 1562 году облечено въ законную силу, оно совершенно лишало епископовъ власти и предоставляло полную свободу вѣрованій. Уханскій былъ первый изъ епископовъ который заботился не о собственныхъ выгодахъ, но о пользахъ государственныхъ. Къ ужасу всѣхъ епископовъ и капитуловъ, онъ потребовалъ чтобъ его капитулъ и все духовенство платили опредѣленную подать въ государственную казну. Не подлежитъ, наконецъ, сомнѣнію что Уханскій, поддерживаемый ближайшимъ своимъ другомъ и совѣтникомъ Андреемъ Фричь-Модржевскимъ, однимъ изъ самыхъ умныхъ и сильныхъ двигателей реформаціи, стремился къ тому чтобы совершенно отложиться отъ папы, образовать независимый католическій польскій костелъ и самому стать во главѣ его. Съ этою цѣлію назначался даже соборъ, на которомъ должна была осуществиться эта идея и только усиліями папскаго легата, кардинала Коммендони созваніе собора было отложено до времени, а потомъ смерти Сигизмунда-Августа и успѣхи иезуитовъ не дозволили Уханскому осуществить свое намѣреніе.

* Въ другихъ странахъ подобныя примѣры были и прежде. Папа Виталианъ (Vitaliano, 657—672) предалъ анаемѣ епископа Равеннакаго Мавра; тотъ отвѣчалъ ему тѣмъ же, предалъ проклятію папу

Дѣйствовалъ ли князь Радзивиллъ Черный по религиозному убѣжденію, или единственно изъ любви къ родитѣ, или, наконецъ, изъ честолюбивыхъ видовъ, думая, быть-можетъ, что со смертію бездѣтнаго Сигизмунда-Августа онъ завладѣеть престоломъ, мы не беремса рѣшать. Не подлежитъ сомнѣнію только то что усиленное введеніе реформациі имѣло главнѣйшимъ образомъ политическую цѣль: сбросить со страны цѣль латино-польскаго подчиненія и въ единомышленномъ дѣйствіи съ православными, осуществить мысль Витовта, то-есть образовать независимое Литовско-Русское государство.

Такое мнѣніе подтверждается многими внутренними проявленіями.

Въ теченіе 182 лѣтъ, съ 1387—1569, литовско-русское дворянство сохраняло свою независимость, несмотря на девять разъ возобновляемая Поляками на разныхъ сеймахъ требованія окончательнаго саянія, именно въ 1413, 1438, 1451, 1499, 1501, 1563, 1564, 1566 и 1567 годахъ.

Во все это время Польша отдѣлялась отъ Литвы и западной Руси постоянными границами; Польша считалась страной чужеземною и Поляки людьми заграничными, чужеземными*.

Литовско-русское дворянство неоднократно жаловалось своимъ великимъ князьямъ на гвалты, забойства, наѣзды, пологи, грабежи, забирающа земель, дѣлаемая Поляками на границѣ, и потому требовало подтвержденія, левныхъ, вѣчныхъ границъ между двумя государствами**. Въ самомъ законоположеніи, во многихъ мѣстахъ Литовскаго Статута, Польша именуется чужою землей, а Поляки чужемцами. Такъ въ статутѣ 1529, разд. IV ар. IX, говорится между прочимъ: „Тежъ уставуемъ, которую бы дѣвку отецъ або matka или до чужое земли зъ великаго княжества Литовскаго до Польши“ и пр. Въ 1544 на просьбу литовско-русскаго дворянства, на Брестскомъ сеймѣ, въ отвѣтѣ, отъ имени короля, между прочимъ сказано: „Затымъ што есте просица, абы *Полякаль чужеземцалъ* владовъ и цивныхъ достоинствей у великомъ княжествѣ издавано, яко то есть давно статутомъ и привилеемъ послодичнымъ обваровано; а тые владники коронные, которые здѣся за его милостию пріѣзджаютъ,

* Zbiór praw lit. Дзяльскаго, стр. 406, 428, 469, 474, 490 и 501.

** *Акты см. къ ист. Зап. Р. III №№ 4, 11 и 12.*

абы ся въ жадные врады и справы не вдавали, але ижбы всю *владность свою на границы оставали*, яко за предковъ его милости щастливаго панована бывала“. * Это же самое подтверждаютъ и коренныя установленія государства. По этому предмету въ Литовскомъ Статутѣ ** говорится: „Тежъ шабуемъ и обѣцумъ, ижъ въ земляхъ нашихъ того великаго княжества, земель и городовъ, и мѣсть и которыхъ кольве дедицтвъ и держанья и тежъ которыхъ кольве вродовъ нашихъ, або честей и достоинства, обчому (то-есть чужеземцу), але только прирожонимъ а тубыльцамъ тыхъ земль нашихъ великаго княжества, не будемъ давати и потомки наши не будутъ давати въ держанье и въ лживанье.“

Когда Полякъ прѣвзжалъ въ предѣлы великаго княжества, онъ былъ здѣсь иностранцемъ и не имѣлъ права вмѣшиваться ни въ какія общественныя дѣла. На Виленскомъ сеймѣ 1547 именно постановлено по этому предмету: „Также што есте мовили его королевской милости, ижъ былъ тотъ обычай завжды и съ стародавна, за щастнаго панована предковъ его милости, ижъ гды касъвекъ ихъ королевская милость, съ коруны польское вѣджали до великаго княжества Литовскаго, тогда на границы вси вродники дворные коруны оставали; а естли который до княжества Литовскаго вхалъ, тогда бывалъ якобы гостемъ, а жадное моцы и владности въ справованю враду своего не мѣлъ, апися въ то вступовалъ, але вродники дворные великаго княжества Литовскаго поткавши на границы *** тые вси врады своими справовали и всякую владность въ нихъ мѣвали...“ ****

Радзивилль Черный умеръ не докончивъ начатаго. Умеръ въ самый разгаръ борьбы, 28го мая 1565, † въ Вильнѣ.

* Дзялынскій, 405.

** 1629 разд. III, арт. 3.

*** Слѣдуетъ исчисленіе придворныхъ чиновъ.

**** Дзялынскій, 433.

† Похороменъ въ часовнѣ имъ же воздвигнутой, гдѣ былъ каальвинскій сборъ и гдѣ потомъ была кауника, кылѣ д. Родкѣвича. Въ духовномъ завѣщаніи составленномъ наканунѣ смерти, онъ говоритъ: „А погреб тѣлу моему метъ хочу и томже костелѣ гдѣ и малжонка моя похована, въ дому моемъ, который есть въ ринку черезъ улицу противко дому пановъ Остиковъ“ (потомъ Паца, гдѣ кылѣ штабъ военнаго округа). Въ послѣдствіи прахъ его перевеземъ въ Дубинку, имѣніе князя Радзивилла, гдѣ былъ тоже сборъ существовавшій до 1704 года. Здѣсь же похороменъ и Радзивилль Рыжій.

Мы не станемъ повторять подробностей послѣдней уніи, 1569, въ Люблинѣ. Онѣ хорошо извѣстны.

Актъ соединенія подписанъ 1го іюля. Подписали, первые, воевода кievскій князь Острожскій и воевода вoльнскій князь Чарторыйскій. Положено что король избирается на общемъ сеймѣ; въ сенатѣ засѣдаютъ члены изъ обоихъ народовъ; на сеймахъ совѣщанія происходятъ сообща; Подлясье, Волинь, Киевское княжество остались за Польшею. Ливонія объявлена была принадлежностью обоихъ народовъ.

Сигизмунду-Августу суждено было недолго видѣть новые порядки. Онъ умеръ 7го іюля 1572 года, въ Кнышинѣ, на 52мъ году жизни.

Съ извѣстіемъ о смерти Сигизмунда-Августа отправленъ былъ въ Москву гонцомъ Воролай, который прямо объявилъ Іоанну о желаніи польской и литовской радѣ избрать сына его Теодора королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ. Изъ отвѣта Іоанна видно что онъ самъ желалъ быть избранъ королемъ и великимъ княземъ. Онъ даже оправдывался предъ Воролаемъ въ своихъ жестокостяхъ, объясняя ихъ необходимостью; говорилъ чтобы не дивились тому что измѣнники его говорятъ о немъ; упомянулъ даже о людяхъ вѣры Мартина Лютера, которые образа истребляютъ и коимъ не хочется видѣть его на престолѣ, присовокуливъ что о нихъ и говорить не хочетъ, ибо Священное Писаніе дано не на брань и не на гнѣвъ, а на тихость и покорность. Что касается до предполагаемаго избранія Теодора, то Іоаннъ отвѣчалъ: „у меня только два сына, какъ два глаза у головы; отдать котораго-нибудь изъ нихъ все равно что изъ человѣка сердце вырвать“.

Упомянувъ объ измѣнникахъ, Іоаннъ имѣлъ въ виду многихъ переселенцевъ изъ Москвы, бѣжавшихъ отъ его жестокостей къ Сигизмунду-Августу. Въ главѣ ихъ находился князь Андрей Михайловичъ Курбскій, получившій отъ Сигизмунда-Августа Криво, Ковель, Смединскую и Улитскую волости. Кроме его были стрѣлецкій голова Тимофей Тетеринъ, Марко Сарыговинъ, Козловъ и многіе другіе. Они распространяли извѣстія объ Іоаннѣ IV, и литовскіе чины, конечно, боялись Грознаго. Къ тому же они не желали соединять три государства подъ однимъ скипетромъ, опасались нарушенія своихъ вольностей и дворянскихъ привилегій, приобретенныхъ на Люблинскомъ сеймѣ. Слустя шесть мѣсяцевъ послѣ

возврата изъ Москвы Воропая, отправленъ былъ, въ началѣ 1573 года, Михаилъ Гарабурда. Онъ пріѣхалъ не отъ Польши, но отъ одной Литвы, хотя и обѣщаль отъ имени чиновъ уговорить Поляковъ дѣйствовать за одно. Гарабурда требовалъ рѣшительнаго отвѣта: желаетъ ли Іоаннъ самъ быть избраннымъ, или соглашается дать сына своего Феодора; требовалъ подтвержденія правъ и вольностей шляхетскихъ; уступки четырехъ городовъ: Смоленска, Полоцка, Усвята и Озерища, да сверхъ того придачи нѣсколькихъ городовъ и волостей. Іоаннъ отвергъ всѣ предложенія, кромѣ перваго. „Сына своего Феодора мы не дадимъ, отвѣчалъ Іоаннъ; нашъ сынъ не дѣвка чтобъ за нимъ еще приданое давать“. Онъ не только не соглашался отдать города, но требовалъ еще уступки Кіева. Мало того, другія условія были крайне щекотливы для народнаго самолюбія Поляковъ и даже Литовцевъ. Такъ на примѣръ Іоаннъ требовалъ чтобы вѣнчаніе было произведено православнымъ духовенствомъ, а не католическимъ, чтобы въ титулѣ прежде помѣщалось Королевство Московское; въ случаѣ смерти, хоронить въ Москвѣ, а не въ Вильнѣ или Краковѣ. Гарабурда опять заговорилъ о сынѣ Феодорѣ, объяснивъ что о польскомъ престолѣ нечего и думать безъ принятія римской вѣры. Іоаннъ самъ видѣлъ, кажется, послѣднее затрудненіе, и потому предлагалъ лучше избрать его самого только великимъ княземъ литовскимъ, „Польши не бойтесь, говорилъ Іоаннъ; я помирю съ нею Литву“. О томъ чтобы дать Феодора на литовскій престолъ, Іоаннъ и слышать не хотѣлъ.

III.

Избраніе короля. — Переговоры съ Москвою. — Стефанъ Ваторій. — Основаніе Академіи въ Вильнѣ.

Съ кончиною Сигизмунда-Августа прекращалась династія Ягеллоновъ въ мужскомъ колѣнѣ. Изъ женской линіи оставались еще въ живыхъ четыре дочери Сигизмунда I, сестры Сигизмунда-Августа: 1) Ядвига, супруга Ефима II, маркграфа (электора) бранденбургскаго, умершая въ 1573 году; 2) Софія, супруга Генриха, герцога брауншвейгскаго, умершая въ 1575; 3) Екатерина, супруга Іоанна, герцога финляндскаго, потомъ короля шведскаго, мать царствовавшего потомъ

въ Польшѣ Сигизмунда III, и 4) королева Анна, 48лѣтняя вѣста. * Рука ея пролагала путь къ престолу.

Мысль кто наследуетъ престолъ послѣ смерти Сигизмунда-Августа еще при жизни короля сильно интересовала всѣхъ, какъ Поляковъ, такъ Литовцевъ и Русскихъ.

Еще въ 1553 году въ Западной Руси образовалась партія изъ православныхъ вельможъ, намѣревавшихся, въ случаѣ если король не оставитъ наследника, избрать на престолъ Теодора, сына Иоанна IV. Въ томъ же году прїѣзжалъ въ Москву литовскій вельможа Юрій Тышкевичъ для поздравленія Иоанна съ покореніемъ Астраханскаго царства. Въ то же время Тышкевичъ имѣлъ переговоры съ митрополитомъ Макаріемъ и объявилъ ему о тайномъ намѣреніи православныхъ жителей Западной Руси. Узнавъ объ этомъ противная партія въ Литвѣ тоже пожелала принять участіе въ этихъ переговорахъ. Съ этою цѣлію ѣздилъ въ Москву виленскій купецъ Дементій и велъ переговоры съ митрополитомъ отъ имени виленскаго римско-католическаго епископа князя Павла Альгимунтовича Гольшанскаго и князя Николая Радзивилла Чернаго. Подробностей не знаемъ; можно однако сомнѣваться чтобъ эти переговоры были искренни. Радзивиллъ Черный скорѣе можетъ-быть желалъ только развѣдать дѣло и усилить бдительность Иоанна, чтобы легче было осуществить собственныя намѣренія.

Иоаннъ Грозный, какъ извѣстно, искалъ руки королевны Екатерины. Съ этимъ предложеніемъ прїѣзжалъ къ королю посолъ Иоанна, Теодоръ Сукинъ. Но ему отказали. Послѣдствія этого отказа извѣстны.

Послѣ смерти Радзивилла Чернаго партія сторонниковъ Теодора увеличилась. Въ 1570 году явилось въ Москву посольство (Кротошевскій и Тавлошъ) ** съ прямымъ предложеніемъ Иоанну насчетъ наследства престола, въ случаѣ смерти Сигизмунда-Августа. Замѣчательно что послы говорили отъ имени не только литовской, но и польской рады,

* Пята дочь Сигизмунда I, Изабелла, королева венгерская, скончалась въ 1550 году.

** Послами были кромѣ изъ Рафаилъ Лещинскій и Андрей Харитоновичъ Убриевскій, писарь великаго княжества Литовскаго. Кротошевскій, воевода пноврадавскій; Тавлошъ или Тоальвошъ, Николай, воевода мивскій. Цѣль посольства была заключеніе мира. Нарбутъ, 9, 454.

хотя Поляки, конечно, объ этомъ и не думали. Они говорили Иоанну: „Рады желаютъ избрать себѣ государя славянскаго рода, по волѣ, а не въ неволю, и склоняются къ тебѣ, государь, и къ твоему потомству.“ Иоаннъ ничего положительнаго не отвѣчалъ.

Еще въ 1564 году Коммендони доносилъ папѣ Пію V что жители Кіева благопріятствуютъ Иоанну, а послѣ смерти Сигизмунда-Августа онъ же доносилъ что православные жители въ Литвѣ думаютъ объ избраніи Иоанна. О Иоаннѣ положительно не думали, но, повторяемъ, была сильная партія желавшая избрать Θεодора. Встрѣчались однако непреодолимая прелятствія. Сохранилась статья аббата Джіованнини въ которой онъ говоритъ что прелятствіями къ избранію Иоанна служитъ его постоянная вражда съ Польшею, суровый нравъ и жестокость, привязанность его къ греческой вѣрѣ и, наконецъ, опасенія что тогда Москва сдѣлается центромъ государства. „Въ пользу же Иоанна, говоритъ Джіованнини, служитъ то что онъ можетъ доставить безопасность и спокойствіе Литвѣ и Западной Россіи и будетъ защищать отъ общихъ враговъ, Татаръ и Германской имперіи; наконецъ, самое главное, единство вѣры и языка съ большинствомъ населенія Западной Руси.

Между тѣмъ въ Польшѣ явились два кандидата на польскій престолъ: Эрнестъ, сынъ императора Максимилиана, и Генрихъ Анжуйскій, братъ французскаго короля Карла IX.

Избрали Генриха. 18го февраля 1574 года онъ пріѣхалъ въ Польшу и вступилъ на престолъ, а 18го іюня бѣжалъ изъ Польши, узнавъ о смерти брата своего, короля французскаго.

12го мая 1575 открытъ сеймъ съ цѣлію избранія новаго короля, такъ какъ на этотъ срокъ назначенный чинами Генрихъ не возвратился въ Польшу. Все это время въ Литвѣ сторонники Иоанна не переставали дѣйствовать въ пользу избранія сына его Θεодора. Староста (воевода) жмудскій, Юрій Бѣлевичъ Могила, писалъ къ Иоанну что королю Генриху у насъ не бывать, что Литовцамъ безвѣрно досадно что Поляки, ломимо ихъ, хотятъ избрать государя, что наша вѣра (то-есть православная) лучше съ московскою сошлась, и мы всѣ, Литва, государя желаемъ себѣ на государство. Извѣстно что когда у насъ прежде былъ король Витовтъ, то онъ всегда жилъ въ Вильнѣ и телерь намъ хочется

того же, чтобъ у насъ король былъ въ Вильнѣ, а въ Краковѣ бы ѣздилъ на время. Къ этому староста прибавилъ что жестоко людямъ кажется то что государь говоритъ о Кіевѣ, и что вѣнчать его на царство будетъ митрополитъ московскій (а не Иона III Протасевичъ, митрополитъ кievскій). Староста, какъ очевидно, совершенно преданный Иоанну, совѣтовалъ къ кому и какія послать грамоты. Замѣчательно что даже изъ Поляковъ, архіепископъ гезненскій Яковъ Уханскій тоже благопріятствовалъ Иоанну и входилъ въ переговоры съ прибывшимъ изъ Москвы посломъ Ельчаиновымъ. Иоаннъ милостиво отвѣчалъ примасу: „мы тебя за твою службу почестями и казною наградимъ; дай намъ знать какого отъ насъ жалованья хочешь, и мы станемъ къ тебѣ свое великое жалованье держать.“ Еслибъ Иоаннъ вмѣсто этихъ милостивыхъ словъ, да обѣщаній, прислалъ деньги, Уханскій и его приверженцы можетъ-быть заговорили бы иначе. На сеймѣ сильно дѣйствовала противная партія; къ тому же Иоаннъ не отказывался отъ прежнихъ условій, кои даже Литовцамъ казались обидными, какъ о томъ упоминалъ и староста. Въ декабрѣ 1575, императоръ Максимилианъ прислалъ своихъ пословъ, прося содѣйствія Иоанна чтобы сынъ императора, эрцгерцогъ Эрнестъ, могъ удержаться на польско-литовскомъ престолѣ, на который онъ избранъ былъ своею партіей 12го декабря; императоръ обѣщалъ за это вооружить всю Европу, выгнать Турокъ и отдать Иоанну Греческое государство, съ провозглашеніемъ его Восточнымъ цезаремъ. Иоанну эта мысль очень понравилась; но онъ предлагалъ Эрнесту одну только Польшу; Литва, говорилъ онъ, должна соединиться съ Московскимъ государствомъ. Иоаннъ олять не сумѣлъ воспользоваться случаемъ. Черезъ два дня послѣ избранія Эрнеста, именно 14го декабря, противная партія, составлявшая большинство, избрала, при сильномъ содѣйствіи Андрея Замойскаго, предложеннаго еще прежде въ кандидаты султаномъ Турецкимъ Стефана Баторія, князя седмиградскаго (трансильванскаго), обязавшагося жениться на сестрѣ Сигизмунда-Августа, Аннѣ Ягеллонкѣ.

Янъ Ходкевичъ былъ въ Литвѣ главнымъ противникомъ избранія Θεодора. Напротивъ, Янъ Глѣбовичъ, кастелянъ мѣдскій, былъ однимъ изъ главныхъ сторонниковъ Иоанна. По совѣту Глѣбовича, Иоаннъ обратился къ Ходкевичу чрезъ посла Новосильцева и прислалъ къ нему грамоту. Тогда Ход-

кѣвичъ и вилемскій воевода князь Николай Радзивилль Рижій объявила Новосильцеву что они рады служить царю, „лишь бы государь у насъ вольностей нашихъ не отнялъ, потому что мы люди вольные“. Къ этому дворянинъ Голубъ прибавилъ: „Папы (польскіе) за посулы выбираютъ цезаря Обитуру (то-есть Баторія); но рыцарство (дворянство) всею землею его не хочетъ, а хочетъ царя.“ Казалось дѣла улаживались; но Баторій предупредилъ всѣхъ. Онъ согласился на всѣ предложенныя ему условія, 18го апрѣля 1576 года торжественно вѣхалъ въ Краковъ и тѣмъ разрушилъ надежды Максимилиана и Иоанна. 1го мая Баторій коронованъ. Во всемъ этомъ однако Литва и Русь не принимали еще никакого участія.

Стефанъ Баторій родился 27го сентября 1533 года. Онъ происходилъ изъ знатной венгерской фамиліи. Въ молодости служилъ въ войскахъ Фердинанда, короля венгерскаго. Участвовалъ въ походахъ противъ Турокъ, въ одномъ изъ сраженій взятъ былъ въ плѣнъ, долго содержался въ неволѣ и потомъ перешелъ на службу къ Иоанну Заполюскому, князю семиградскому. Послѣдній отправилъ его посломъ къ императору Максимилиану I, который три года продержалъ его въ заточеніи. Въ 1571 году Баторій былъ избранъ княземъ семиградскимъ, а черезъ три года королемъ польскимъ.

Плѣнъ, потомъ трехлѣтняя неволя были достаточны для того чтобы выработать въ немъ силу и мужество. Онъ сумѣлъ воспользоваться опытомъ прошлаго, и когда достигъ престола, Европа увидѣла въ немъ великаго полководца и государя, въ странѣ гдѣ, особенно въ послѣдніе годы царствованія слабаго и болѣзненнаго Сигизмунда-Августа, анархія начала уже распространяться повсюду. На каждомъ шагѣ онъ долженъ былъ бороться съ своеволіемъ и завосчивостью магнатовъ, находя поддержку и сочувствіе во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ въ одномъ только Андрѣѣ Замойскомъ, канцлерѣ коронномъ, мужѣ великаго ума. Въ Литвѣ ему тоже предстояло много трудностей. 14го декабря 1575 года Баторій былъ уже избранъ королемъ, а Литовцы все еще вели переговоры съ царемъ Иоанномъ, и покорились Баторію едва въ маѣ 1576, только тогда когда Баторій былъ коронованъ и вступилъ въ бракъ съ пятидесятилѣтнею Анною Ягеллонкой, на которую Литовцы смотрѣли какъ на наслѣдственную свою государыню. Несмотря на это, въ Литвѣ долго еще таилось общее недоброжелательство

къ королю, и продолжались секретные переговоры съ Москвою. Во главѣ недовольныхъ стоялъ Григорій Григорьевичъ Остикъ, знатный литовскій вельможа (сынъ трокскаго воеводы, тоже Григорія Григорьевича, умершаго въ 1544). Онъ велъ переписку съ московскими боярами; слуга его, якто Миревскій, сдѣлалъ доносъ что Нащокинъ привезъ ему секретныя письма изъ Москвы, какъ полагали, отъ самого царя Иоанна. Баторій велѣлъ арестовать Остика и сдѣлать строгій обыскъ въ имѣнїи его Коварскѣ, близъ Вильны, а также въ палатахъ его въ самомъ городѣ *. Найдены ли были улики политическаго преступленія, неизвѣстно; но отыскали много бланковъ съ печатами и подписями разныхъ литовскихъ вельможъ, его единомышленниковъ. Угрожали будто бы Остикъ сознался что имѣлъ сношенія съ Иоанномъ IV, и чтобъ открыть ему путь къ литовскому престолу, намѣревался, при удобномъ случаѣ, лишить короля жизни. Многіе изъ знаменитыхъ вельможъ, связанные съ Остикомъ родствомъ и дружбою, старались всѣми силами выхлопотать ему прощеніе; но Баторію надобно было явить силу и устрашить своихъ противниковъ въ Литвѣ: онъ былъ непреклоненъ, и 18го іюля 1580 года Остикъ казненъ въ Вильнѣ **. Въмѣстѣ съ нимъ казнили какого-то Еврея, который, пользуясь благорасположеніемъ знатнаго вельможи, избралъ его палаты какъ самое безопасное мѣсто для поддѣлки монеты. Этимъ случаемъ воспользовались чтобъ оклеветать Остика, объявивъ и его соучастникомъ въ поддѣлкѣ. Имѣнія Остика конфискованы. Ованты въ Вилкомирскомъ уѣздѣ отданы извѣстному полководцу Бекешу, Остукъ, тоже въ Вилкомирскомъ уѣздѣ, гдѣ еще недавно видны были развалины древняго замка Остиковъ, перешелъ въ родъ Радзивилловъ. Польскія генеалогіи выводятъ родъ Остиковъ, вмѣстѣ съ Радзивиллами, отъ Лиздейки, сына великаго князя Наримунда.

* Гдѣ теперь домъ Познанскаго, насупротивъ бывшей ратуши, нынѣ театра. Былъ еще другой домъ Остика, потомъ принадлежавшій Царамъ, гдѣ нынѣ штабъ Виленскаго военнаго округа.

** По преданію, въ память этого событія, надъ воротами дома Остика, въ нишѣ, поставлена была статуя съ завязанными глазами, съ мечомъ въ одной рукѣ и вѣсами въ другой. Эта эмблема справедливости сохранилась и до сихъ поръ.

Основными задачами царствованія Баторія было: нанести рѣшительный ударъ Московскому государству, какъ постоянно прелютствовавшему слянію Литвы съ Польшею; учредить наследственный престолъ; остановить внутреннее своеволие магнатовъ, водворить въ дѣлахъ строгую справедливость, содѣйствовать распространенію просвѣщенія въ странѣ. Вотъ цѣли для которыхъ онъ трудился такъ усердно; но едва только въ первомъ случаѣ успѣлъ отчасти, во всемъ же остальномъ не могъ создать ничего прочнаго, не довершилъ ни одного изъ своихъ начинаній. Баторій не былъ фанатикомъ, какимъ его считаютъ нѣкоторые. Будучи княземъ трансильванскимъ онъ поддерживалъ протестантизмъ; теперь онъ покровительствовалъ католичеству; но когда его уговаривали дозволить силою совращать иновѣрцевъ, онъ произнесъ знаменательныя слова: „Я царствую только надъ людьми, а Господь надъ совѣстью; ибо Богъ предоставилъ одному только себѣ: 1) созидать изъ ничего; 2) предвидѣть будущее и 3) управлять совѣстью людей.“ Когда Еврей позвалъ въ судъ старосту львовскаго, Гербурта, и послѣдній считалъ это для себя обиднымъ, король велѣлъ ему явиться въ судъ, сказавъ: что какъ Еврей, такъ и староста, оба подданные одного короля. Точно также онъ рѣшилъ дѣло въ пользу Армянъ, обиженныхъ львовскими мѣщанами.

Баторій безспорно принадлежалъ къ числу рѣдкихъ государей и великія воинскія способности соединялъ съ непоколебимою силою воли. Эта-то сила и внушила ему смѣлость идти наперекоръ установившемуся порядку вещей, пораждавшему постоянную борьбу партій, своеволие магнатовъ, притѣсненія низшихъ сословій. Но одиннадцати лѣтъ проведенныхъ на конѣ, несмотря на усиленную дѣятельность и практичный умъ, недостаточно было для того чтобы искоренить зло, глубоко лустившее корни и подтачивавшее государственннй бытъ Польши. Мало того, несмотря на свою проицательность, Баторій безсознательно, двумя важными государственными ошибками, содѣйствовалъ низведенію Польши въ могилу.

Въ Литвѣ многіе сознавали необходимость высшаго учебнаго заведенія, но не въ рукахъ іезуитовъ. Дѣти богатыхъ людей посылались за границу для полученія образованія. Потребность эта еще глубже сознавалась католиками и ихъ

усерднымъ еписколомъ Протасевичемъ, такъ какъ именно изъ-за границы и привносились сюда смена новыхъ реформатскихъ ученій, охватившихъ весь край. Вотъ почему Протасевичъ и покровительствуемые имъ иезуиты обратились къ Баторію съ просьбою дать имъ привилегію на устройство академіи въ Вильнѣ. Баторій, въ свою очередь, не могъ не сочувствовать желанію распространенія просвѣщенія; образованные иезуитовъ онъ не зналъ никого, и чувствовалъ что они одни въ состояніи стать во главѣ народнаго обученія. До какой степени Баторій уважалъ иезуитовъ ясно видно изъ извѣстнаго его изреченія: *Si rex non esset, Iesuita esset*, то-есть еслибъ я не былъ королемъ, я былъ бы иезуитомъ. Иезуиты съ перваго дня вступленія на престолъ Баторія заискивали его милости, старались ему во всемъ угождать и распространять въ народѣ тѣ идеи и мысли кои его занимали. Такіе люди какъ Скарга, Варшевицкій, Вуфекъ, не могли не пользоваться особеннымъ его благорасположеніемъ. Вообще Баторій нашелъ въ иезуитахъ ревностныхъ исполнителей своей воли и своихъ стремленій. Скарга въ знаменитыхъ своихъ проповѣдяхъ открыто возставалъ противъ всякаго своевоія, училъ повиноваться папѣ, но въ то же время проповѣдовалъ о необходимости неограниченной и прочной королевской власти. Надобно, говорилъ онъ, чтобъ одна голова управляла тѣломъ, если же много головъ, то это служить предзнаменованіемъ что въ государствѣ развивается смертельная болѣзнь. Сильно возставалъ противъ сеймовыхъ пословъ, стремившихся къ ослабленію королевской власти; онъ не боялся публично заявлять что законъ не дозволявшій задерживать дворянина, пока онъ не будетъ уличенъ въ преступленіи, поощряетъ къ измѣнѣ и разбоямъ. Скарга притомъ являлся постояннымъ и самымъ краснорѣчивымъ защитникомъ крестьянскаго сословія. Такія рѣчи не могли не возбуждать сочувствія въ король-героѣ. Надобно еще замѣтить что племянникъ его, Андрей Баторій, былъ кардиналомъ. Черезъ него Баторій былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ папѣ.

Послѣ этого неудивительно что Баторій рѣшился идти противъ общественнаго настроенія въ Литвѣ, и въ 1578 году, выходя въ Вильнѣ, утупилъ настояніямъ иезуитовъ и далъ имъ привилегію на преобразование Виленскаго коллегіума въ академію, съ правомъ награждать ученыхъ степенями

бакалавровъ, магистровъ, лиценціатовъ и докторовъ свободныхъ наукъ, богословія и философіи. Когда грамота была подписана, король велѣлъ приложить большую печать; но великій канцлеръ литовскій, князь Николай Радзивиллъ Рыжій, не послушался короля и отказался приложить печать къ грамотѣ. Тогда Баторій велѣлъ вице-канцлеру, Остафію Волловичу, приложить меньшую печать. Замѣтивъ что и Волловичъ медлитъ, король сказалъ: „подай мнѣ печать, я самъ ее приложу; но знай что ты болѣе уже этой печати не увидишь“. Волловичъ, боясь потерять званіе вице-канцлера послѣшилъ приложить печать. *

Кто не согласится что по современному положенію страны, учрежденіе высшаго учебнаго заведенія въ Литвѣ было мѣрою вполне благоразумною? Нельзя осуждать Баторія и за то что онъ предоставилъ это заведеніе іезуитамъ, какъ образованнѣйшему тогда сословію въ государствѣ, какъ тогда казалось, исключительно посвятившему себя пользамъ науки и просвѣщенія. Представители этого сословія во всемъ содѣйствовали стремленіямъ и желаніямъ Баторія. А между тѣмъ учрежденіе іезуитской академіи, упрочившее силу и вліяніе іезуитовъ, было именно одною изъ тѣхъ роковыхъ ошибокъ о которыхъ мы уломили. Другою ошибкой было образованіе правильно организованнаго войска изъ казаковъ.

Съ самаго вступленія на престолъ Баторій обратилъ особенное вниманіе на поселенцевъ южнаго Днѣпра, извѣстныхъ своимъ удалствомъ и храбростію. Не разъ они наносили тяжелые удары Татарамъ и Туркамъ. Они крѣпко держали православной вѣры и русской народности, такъ что Литвецъ, Черкесъ, Полякъ, бѣжавшіе изъ родины и приставашіе къ нимъ, должны были во всемъ согласоваться съ завѣтными обычаями и основами быта вольнаго народа, снискашаго громкую извѣстность подъ именемъ казаковъ. Они иногда служили наемнымъ войскомъ Московскому государству, Литвѣ или Польшѣ, чтобы громить бусурманъ. Раздольныя степи ихъ находились почти въ границахъ Литовскихъ. Казаки однако и не думали ловиновать князьямъ литовскимъ. Во времена Баторія начальникомъ казаковъ является Остапъ Дашкевичъ, сумѣвшій до та

* Сошниковскій, 123.

степени подчинить своему вліянію вольную дружину что ему удалось устроить изъ нея болѣе правильное и организованное пограничное сторожевое войско. Дашкевичъ еще при Сигизмундѣ I предлагалъ свои услуги Польшѣ; но тогда не принимали значенія казаковъ и не умѣли ими воспользоваться. Баторій же осыпалъ Дашкевича милостями, сдѣлалъ его казачьимъ гетманомъ, вручилъ ему булаву, бунчукъ и знамя. Мѣстопребываніемъ гетмана назначилъ Батурпязъ. Казаки, раздѣленные на полки, исключительно зависѣли только отъ своего гетмана, который лично подчинялся королю, но не признавалъ надъ собою никакой власти короннаго гетмана, или сейма. Король же обязался покровительствовать православію, ни въ чемъ не нарушать ихъ внутренняго управленія и завѣщанныхъ отъ предковъ обычаевъ.

Кто не призналъ бы разумной принятую такимъ образомъ Баторіемъ мѣру учрежденія сильнаго живаго оплота южной границы государства? Могъ ли онъ предвидѣть что именно то что избралъ онъ орудіемъ для упроченія могущества Польши сдѣлается орудіемъ ея паденія? Могъ ли онъ предчувствовать что иезуиты своимъ фанатизмомъ и посягательствомъ на священнѣйшія права человѣка, на убѣжденія его совѣсти, успѣютъ превратить этотъ вольный и храбрый народъ въ непримиримыхъ враговъ Польши....

(До слѣд. №.)

И. СЛИВОВЪ.

ОТЕЦЪ И СЫНЪ *

ОПЫТЪ КУЛЬТУРНО-БИОГРАФИЧЕСКОЙ ХРОНИКИ

VIII.

(1815—1822)

Вопросъ о службѣ. — Уѣздные выборы. — Литературныя занятія. — Петровъ. — Губернскіе выборы. — А. А. Столыпинъ. — Второвъ секретарь и казначей дворянства и потомъ солянкой приставъ въ Самарѣ. — Поѣздки въ Симбирскъ и Казань. — М. Л. Магницкій и Библиейское Общество. — Второвъ секретаремъ комитета Самарскаго сотоварищества. — Семейныя дѣла Второвыхъ. — Путешествіе въ Казань. — Опрежденіе въ пансіонъ старшей дочери. — Встрѣча со Сперанскимъ. — Слушаніе лекцій. — Самарскіе слухи. — Пустота самарской жизни. — Новыя поѣздки въ Казань. — П. М. Нилова. — Источники дѣйствительныхъ страданій И. А. Второва и причины его внутренняго раздвоенія и ранней старости.

Первый мѣсяцъ 1815 года Иванъ Алексѣевичъ Второвъ провелъ въ разѣздахъ: онъ ѣздилъ въ Ставрополь, Симбирскъ и Казань. Въ Казани онъ жилъ въ домѣ своей „благодѣтельницы и друга“, такъ онъ называетъ уже извѣстную намъ Анну Васильевну Панову. Какъ въ этихъ городахъ, такъ и при посѣщеніи другихъ мѣстъ, онъ уломинаетъ о встрѣчахъ со старыми знакомыми, о связяхъ и отношеніи-

* См. *Русскій Вѣстникъ*, №№ 3, 4 и 5.

ахъ существовавшихъ до поѣздки въ Петербургъ и Москву; но эти упоминанія дѣлаются вскользь: очевидно, прежнія знакомства и отношенія отошли на второй планъ; о товарищахъ юности, объ учителяхъ Симбирскаго училища, о казанскихъ школахъ, совсѣмъ не упоминается послѣ этого путешествія. Теперь, послѣ поѣздки въ Москву, при невозможности новой поѣздки въ древнюю столицу, бывшая татарская столица, Казань, начинаетъ привлекать къ себѣ вниманіе нашего героя, именно университетъ, его профессоры и А. В. Панова, предъ которою онъ преклонялся. Тогдашняя университетская интеллигенція, естественно, интересовалась знакомствомъ съ человѣкомъ уже заявившимъ о себѣ въ печати. Такой человѣкъ въ ту пору, когда каждая печатная строчка сама по себѣ высоко цѣнилась, былъ дивомъ. Несмотря на существованіе въ Казани литературнаго общества (съ 1814) дѣятельность его и число его членовъ были весьма скромныхъ размѣровъ; литераторъ самарскій былъ, во всякомъ случаѣ, не лишнимъ. Во время этого пребыванія въ Казани Второвъ былъ въ университетской библіотекѣ, слушалъ лекціи нѣкоторыхъ профессоровъ и познакомился съ Перевощиковымъ и Кондыревымъ (Петръ Сергѣевичъ). Ему снова предлагали сдѣлаться членомъ Общества Любителей Словесности; но онъ почему-то опять не принималъ этого предложенія. По лѣту нашъ герой дѣлалъ обычныя и верандкія поѣздки въ Катериновку и Кротовку, одинъ и съ братомъ, В. Г. Пяткинымъ; послѣдній уѣхалъ въ армію въ началѣ іюля. Судя по возможности такихъ частыхъ и продолжительныхъ отлучекъ изъ мѣста служенія, надобно думать что судейство не очень много отнимало времени у Второва, по крайней мѣрѣ въ этотъ годъ: 1815 годъ былъ послѣднимъ годомъ выборной службы; въ концѣ его происходили новые выборы по уѣздамъ. Второвъ чувствовалъ себя утомленнымъ; онъ желалъ и не желалъ служить. Кромѣ жванна имѣнія, у него ничего не было; прожить безъ службы ему было трудно и скучно; служить... но его началъ глотать червь самолюбія, его томила совершенно справедливое недовольство. Другіе чиновники и служащіе по выборамъ пользуются почетомъ, получаютъ награды, наживаются; онъ — рыво ничего, попрежнему остается бѣднякомъ и въ какомъ-то, какъ онъ выражается, „презрѣніи“. Удивляться этому нечего, если вспомнимъ что въ ту пору такъ-называемая

„ученость“, то-есть стремленіе къ самообразованію, для большинства общества казалась скорѣе какимъ-то не безопаснымъ чудачествомъ, чѣмъ положительною заслугой. Второвъ былъ человѣкомъ неподкупной честности; въ этомъ убѣждаетъ откровенный до наивности его дневникъ, въ которомъ онъ непремѣнно проговорился бы, еслибы бралъ взятки; въ этомъ убѣждаютъ также его горячія филиппики противъ „подлой корысти“, его споры съ алогистами взятокъ, доходившіе до комической раздражительности. Пылкій по натурѣ, Второвъ не могъ оставаться хладнокровнымъ къ своему положенію, не могъ не тревожиться исходомъ уѣздныхъ выборовъ: отсюда явилось въ немъ раздраженіе и можетъ-быть чрезчуръ мрачный взглядъ на вещи. По крайней мѣрѣ въ своихъ сѣтованіяхъ онъ очевидно доходитъ до крайности. Такъ, наскучивъ новымъ исправленіемъ городнической должности, по случаю отпуска городничаго, онъ восклицаетъ, забывая частыя свои отлучки изъ Самары: „Такъ почти всѣ лекутся о своихъ служебныхъ должностяхъ, и всѣ сіи люди получаютъ награды отъ правительства!“ По тому же поводу онъ пишетъ: „Всевышнее Существо! ежели Ты имѣешь участіе въ дѣлахъ Твоихъ созданий, то на что терпишь Ты такія несправедливости? Одни только злые, лѣнивцы, безлечные и грабители отличаются почестями, а добрые, попечительные и сострадательные люди въ презрѣніи. Богатство, или подлая лесть, или нахальство получаютъ чины, кресты и важныя мѣста для хищеній.“ Но, имѣя всѣ права на служебное недовольство, герой нашъ, однакоже, не замѣчалъ того какъ онъ самъ мало-по-малу втягивался въ мелкіе интересы чиновничества и какъ нѣкоторыя его обличенія легко можно приписать и къ нему самому! Будь вѣрная надежда на продолженіе судейства, герой нашъ несомнѣнно благосклоннѣе отозвался бы о дворянскихъ выборахъ, къ которымъ онъ отнесся желчно. Объ уѣздныхъ выборахъ вотъ что записано у него въ ноябрѣ: „Черезъ полтора мѣсяца, думаю, кончатся наши выборы. Теперь идутъ подлая совѣщанія и заговоры—кому быть на какомъ мѣстѣ. Люди всѣ на перечесть, и людило фигурѣ только отличные отъ скотовъ!“ Подъ 30мъ ноябръ читаетъ: „О, Боже мой! избавь скорѣе меня отъ сихъ проклятыхъ оковъ по должности. Забуду все, буду жить в уединеніи... Еще узналъ я прекрасный подборъ должностныхъ лицъ: подлецы и даже воры назначены судьями; тѣмъ

лучше для прекраснаго правленія!“ Время уѣздныхъ выборовъ принесло нашему герою и другое огорченіе: онъ уѣз-
дился въ нравственной перемѣнѣ къ худшему въ одномъ
изъ прежнихъ друзей своихъ (имени котораго онъ, къ сожа-
лѣнію, не называетъ). „Боже мой! восклицаетъ онъ, какъ
люди перемѣняются, или я самъ перемѣнился! Какія прави-
ла! Какой образъ мыслей!.. Много узналъ и услышалъ я
оскорбительнаго для друзей человѣчества, много глулости,
подлости и даже плутовства! Невѣжды и подлецы подъ про-
текцію его. Какъ деспотъ, раздастъ онъ мѣста и должности,
и кому же!..“

Располагая значительнымъ досугомъ, собираясь жить въ
удаченіи и въ 42 года начиная уже поговаривать о прибли-
женіи старости, Иванъ Алексѣевичъ не разъ обращался въ
своихъ мысляхъ къ литературнымъ занятіямъ, къ оставлен-
нымъ имъ литературнымъ предпріятіямъ; но и здѣсь онъ по-
чувствовалъ недовольство собою, разочарованіе, упадокъ
силъ. „Кажется, съ лѣтами и разсѣяніемъ, говорить онъ, я
лишился дара писать мысли (?), и соображенія мои очень за-
путанны.“ Его занимала мысль описать свое путешествіе въ
столицы; но въ тревожную пору 1815 года, когда рѣшалась
его служебная карьера, онъ къ этому труду приступить еще
не могъ; самые переводы имъ были тогда оставлены. Впро-
чемъ, литературныя занятія не прекращались, и Второвъ
продолжалъ писать не только прозаическія статейки, но даже
стихи *. Одно изъ написанныхъ имъ стихотвореній надѣла-
ло ему много тревогъ. Въ Самарѣ жилъ въ это время нѣкто
Петровъ (Дмит. Иван.), пріѣхавшій изъ Петербурга на служ-
бу къ Струкову, по солянкой части. Господинъ этотъ былъ
уже не первой молодости, и отличался, по словамъ Второва,
скромностію и познаніями. Эти качества привлекли къ нему
вниманіе Второва, который до такой степени сблизился съ
нимъ что давалъ ему читать тетрадки своихъ сочиненій и
переводовъ, въ прозѣ и стихахъ. Въ одной изъ такихъ тет-
радокъ находился листокъ бумаги на которомъ было напи-
сано начало слѣдующаго стихотворенія Второва, набросан-
наго еще въ 1812 году, послѣ одного разговора съ гр. С. Г.
Салтыковымъ:

Какъ жалокъ человѣкъ, какой подвержень тѣмъ, —
Не знаетъ языковъ,

* Не сохранившіеся, впрочемъ, въ его бумагахъ.

Не пишетъ оъ стиховъ
 И даже, не слышалъ что значить Буриме.
 Такую мучь я и въ людяхъ не считаю,
 А вотъ какъ разсуждаю:
 Оъ равель со скотомъ, гаупте всѣхъ оаовъ,
 А хуже и того, когда.....

Только и было написано. Эти вирши Петровъ, почему-то, принялъ на свой счетъ, и никакія увѣренія автора стихотворенія не могли убѣдить его въ противномъ. Оъ прервалъ всякія сношенія со Второвымъ, кричалъ всѣмъ и каждому что случись это въ Петербургѣ, за подобныя стихи автора позвали бы въ *тайную*. Гнѣвъ его доходилъ до смѣшнаго, даже въ глазахъ тогдашняго самарскаго общества: хвалясь своими связями въ Петербургѣ, оъ грозилъ сдѣлать несчастными тѣхъ изъ своихъ близкихъ знакомыхъ которые продолжали прежнія отношенія ко Второву, несмотря на ихъ ссору. Справедливость требуетъ, впрочемъ, сказать что Петровъ былъ чѣмъ-то въ родѣ шлохондрика; тогдашнее общество, съ своей стороны, было отчасти право видѣть чудачество въ подобныхъ литературныхъ упражненіяхъ и исторіяхъ. Три года Петровъ дулся на Второва и окончательно примирился съ нимъ только предъ отъѣздомъ своимъ въ Петербургъ, и то во время проводовъ, когда развязался языкъ подъ вліяніемъ лишняго бокала шампанскаго.

Въ началѣ декабря 1815 года Иванъ Алексѣевичъ получалъ официальное предложеніе отъ губернатора, прибыть въ Симбирскъ, для присутствованія на выборахъ. Это предложеніе было для него совершенною неожиданностію. Оъ не торопился выѣздомъ; но послѣдовалъ новый вызовъ, заставившій его отправиться въ губернскій городъ, куда оъ прибылъ 20го числа. Новый симбирскій губернаторъ, Дубенскій (Никол. Порфир.), * принялъ его съ особенною любезностію, и, узнавъ что Второвъ уже подалъ отзывъ о нежеланіи своемъ служить по выборамъ, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ убѣждалъ его отказаться отъ этой мысли, соблазняя его возможностью быть уѣзднымъ предводителемъ. И при приѣмѣ, и на лишнемъ обѣдѣ въ тотъ же день у Кроткова (Ив. Степ.), куда собралась вся губернская знать, начальникъ губерніи не переставалъ убѣждать Второва служить по выборамъ; но послѣдній оставался твердъ въ своемъ рѣшеніи.

* Бывшій потомъ воронежскимъ губернаторомъ (1817—1819).

— Сколько за вами душъ? спросилъ его губернаторъ.

— За мною три, да за женою двадцать пять, отвѣчалъ Второвъ.

— Только-то! И вы не хотите служить! воскликнулъ изумленный губернаторъ.

— Потому и не хочу что я бѣденъ. Я получалъ жалованья только 300 руб., а теперь всякій плотникъ получить больше. Гораздо лучше быть въ партикулярной службѣ.

— Правда, сказалъ Дубенскій. — Вотъ этотъ, продолжалъ онъ, указывая на барона Криднера, сидѣвшаго за столомъ, — получаетъ 5.000 руб., а другой мѣсяць здѣсь играетъ въ карты.

Этотъ разговоръ происходилъ въ домѣ Кроткова, послѣ обѣда. Предъ этимъ обѣдомъ Иванъ Алексѣевичъ, вмѣстѣ съ Хардинымъ, другомъ своей юности, опять жившимъ въ Симбирскѣ, посѣдилъ открывшіеся въ этотъ день губерскіе выборы; но пробылъ въ собраніи очень не долго, озадаченный холоднымъ приѣмомъ губерскаго предводителя дворянства, Ермолова (Алекс. Федор.), внушительно замѣтившаго ему о позднему прибытіи. Такой приѣмъ имѣлъ, безъ сомнѣнія, вліяніе на послѣобѣденный разговоръ Второва съ Н. П. Дубенскимъ, но не помѣшалъ первому на другой же день сѣдѣть визитъ Ермолову и присутствовать въ собраніи на выборахъ, въ качествѣ простаго зрителя. Сверхъ ожиданія, Второвъ сдѣлался героемъ этого дня. Одинъ изъ значительныхъ въ губерніи дворянъ, Александръ Алексѣевичъ Столпичъ,* замѣтивъ Второва, подбѣжалъ къ нему, схватилъ его за руку, подвелъ его къ одному столу и обратился къ нашему герою съ слѣдующею рѣчью, сопровождаемою чуть не земными поклонами:

— Отецъ! воскликнулъ ораторъ, — выручи насъ, согласись быть дворянскимъ секретаремъ и казначеемъ. Эта должность

* Адютантъ Суворова, старшій братъ Аркадія Алексѣевича, друга Сперанскаго, который съ нимъ и его женою, Екатериной Александровною (рожденною Потуловой), познакомился уже въ Пензѣ (1817). „Она призвала къ намъ сердце и душою, хотъ и пристрастна къ Магницкому“, говорить объ этой четѣ Сперанскій въ письмѣ къ Аркадію Алексѣевичу. (*Руск. Арх.* 1868 стр. 1.200.) Когда познакомился Второвъ съ Александромъ А—чемъ, неизвестно. Братья Степаннымъ (ихъ было пять человекъ) были родными братьями бабушки Лермонтова, Е. А. Арсеньевой.

не унижаетъ васъ: вы будете равны со всѣми. Вся губернія просить васъ, зная достоинство и честь вашу.

Эта рѣчь была прервана гуломъ просящихъ голосовъ.

— Мое состояніе и мои обстоятельства, сказалъ, кланяясь, Второвъ,—не позволяютъ мнѣ жить въ Симбирскѣ. У меня семейство и маленькое хозяйство: съ переездомъ сюда, я долженъ разстроиться.

— Вы будете получать жалованья тысячу рублей, гремѣлъ Столыпинъ.— Ежели мало, полторы, дадимъ и двѣ, только сдѣлай милость согласись: поможемъ во всемъ!

Второвъ просилъ позволенія подумать, между тѣмъ оказалось что краснорѣчіе Столыпина имѣло въ виду не столько достоинства его, сколько желаніе свергнуть прежняго секретаря, любимца Ермолова. Вечеромъ опять было собраніе, на которомъ также присутствовалъ Второвъ. Столыпинъ съ своею партіей снова атаковалъ его, предлагалъ ему полторы тысячи жалованья и 300 р. квартирныхъ. Герой нашъ еще колебался, какъ неугомонный ораторъ притащилъ его къ губернскому столу и провозгласилъ что Второвъ согласенъ принять должность секретаря. Тутъ, къ удивленію послѣдняго, самъ Ермоловъ бросился обнимать его, сулилъ ему всевозможныя льготы и продолжительные отпуски, лишь бы только онъ согласился. Второвъ только сказалъ что у него не достаетъ словъ говорить болѣе и что онъ отдаетъ себя „на волю почтеннаго дворянства“. Многіе изъ присутствующихъ, принявъ эти слова за согласіе, начали обнимать его. Столыпинъ дѣлалъ это съ нѣкоторымъ энтузіазмомъ и клялся женою и дѣтьми что дворянство и еще поможетъ Второву, ежели онъ будетъ жить въ Симбирскѣ. Приступили къ выборамъ, и огромнымъ большинствомъ герой нашъ на самомъ дѣлѣ былъ избранъ секретаремъ Симбирскаго дворянства. Но это избраніе не привело его, однакоже, въ восторгъ: оно, напротивъ того, заставило его провести бессонную ночь. „Мнѣ представилась, замѣчаетъ онъ въ дневникѣ, переездъ мой въ Симбирскъ въ самомъ непріятномъ видѣ. Я воображалъ плачущую жену и всѣ невыгоды городской роскошной жизни. Ежели отказать, то боялся чтобы не оскорбить кого изъ почтенныхъ дворянъ, ибо цѣлая губернія баллотировала: этимъ нельзя шутить! Что оставалось мнѣ дѣлать? Я вздумалъ еще попытаться просить дворянъ объ отсрочкѣ на годъ.“ Вздумано, сдѣлано: и вотъ

Иванъ Алексѣвичъ пишетъ прошеніе на имя всего собранія Самбирскихъ дворянъ, въ которомъ проситъ уволить его на годъ, для поправленія своихъ домашнихъ обстоятельствъ, предлагая потомъ служить за жалованье положенное по штату. „Я не смѣю думать объ умышленномъ удаленіи себя отъ избранія къ должности, какая бы ни была мнѣ назначена“... говорится въ прошеніи; „ежели будетъ не уважена просьба сія, то *повинуюсь* безмолвно, также какъ *повиновался* я и при благосклонномъ вашемъ предложеніи, какой бы жертвы мнѣ ни стоило“. Второвъ не ограничился этимъ. Написавъ прошеніе, онъ поскакалъ рано утромъ къ Столыпину, но не засталъ уже его дома: сказали что онъ поѣхалъ къ Ермолову. Второвъ отправился къ этому послѣднему, но и у него Столыпина не оказалось. Убѣдившись въ „горести“ нашего героя, Ермоловъ согласился принять его сторону, но предварительно считалъ необходимымъ сѣздать къ губернатору, котораго дворянскіе выборы интересовали и по личнымъ отношеніямъ, и въ интересахъ земской полиціи, именно по количеству кандидатовъ въ исправники, такъ какъ большее число ихъ облегчало начальника губерніи при частой ихъ перемѣнѣ. У Дубенскаго Второвъ „неравнодушно“ и съ „смущеніемъ души“ продѣлалъ ту же исторію, съ изложеніемъ причинъ своего отказа. Губернаторъ еще не дочиталъ его прошенія, какъ является Ермоловъ и заводитъ рѣчь о томъ что вотъ де человекъ „просится назадъ, но этого нельзя сдѣлать“. Произошла новая сцена, окончившаяся трагикомически. „Я началъ говорить, пишетъ Второвъ, и не выговорить! Слезы покатались у меня изъ глазъ. Я не могъ удержать ихъ и со стыдомъ и всхлипываніемъ сказалъ только: вы видите, въ какомъ я положеніи; сжаьтесь надо мною!“

— Ну, что же дѣлать, Александръ Федоровичъ! воскликнулъ губернаторъ: — мнѣ очень жаль, что *онъ* не остается. Увольте *его*, ежели можно.

— Хорошо, я предложу дворянству, отвѣтилъ Ермоловъ. — Подѣлать вмѣстѣ, сказалъ онъ, обращаясь ко Второву.

Поѣхалъ въ экипажъ Ермолова. По пріѣздѣ въ собраніе, губернской предводитель занялъ свое мѣсто и вызвалъ прощателя; тотъ подавъ просьбу, которую заставили его прочесть; но, „чувствуя сильное волненіе“, то-есть новый приливъ послушныхъ слезъ, герой нашъ читать не могъ. Вмѣ-

сто него прочиталъ Василій Михайловичъ Карамзинъ, братъ историографа. Просьба Второва была уважена: его уволили на три года, съ тѣмъ чтобы на слѣдующее трехлѣтїе онъ непремѣнно служилъ въ должности секретаря дворянскаго депутатскаго собранія. Друзья Второва радовались что онъ отдѣлался „такимъ прекраснымъ образомъ“, но симбирскіе пріатели огорчались тѣмъ что онъ не будетъ жить съ ними. Столыпинъ съ тою же горячію обвинялъ его теперь, какъ и наканунѣ, когда былъ увѣренъ что Иванъ Алексѣевичъ принимаетъ его предложеніе. Во все время пребыванія своего въ Симбирскѣ Второвъ пользовался особеннымъ вниманіемъ губернатора. Н. П. Дубенскій воспользовался и литературными способностями нашего автора, хотя и самъ, по удостовѣренію послѣдняго, писалъ остро и бойко. По просьбѣ Дубенскаго, Второвъ написалъ двѣ бумаги, для предложенія отъ начальника губерніи дворянству: одну о возобновеніи Симбирскаго собора, другую о пансіонѣ при гимназіи. Отставку отъ судейства Второвъ получилъ 5го января 1816 года.

Но гражданскою свободою, которой онъ такъ добивался, Второвъ пользовался не долго, всего съ полгода. Волевымъ, безъ службы у него не доставало средствъ къ жизни; восторыхъ (и это важнѣе всего), онъ втянулся въ службу, пристрастился, не сознавая того, къ самымъ мелочамъ чиновнаго быта, и не имѣя никакихъ опредѣленныхъ занятій, скучалъ безъ дѣла; дома же, въ Самарѣ и деревнѣ, будучи, какъ увидимъ, плохимъ хозяиномъ, дѣла не находилъ. Въ первыя же минуты своей отставки онъ выражаетъ сожалѣніе что не воспользовался предложеніемъ дворянства. „Какой-то червякъ, онъ говоритъ, грызетъ честолюбіе. Я уже успѣлъ замѣтить людей которые больше уважали должность, нежели собственно человѣка.“ Цекотливость честолюбія доходила у нашего героя до мелочей. Не мало огорченія причинило ему то что ему пришлось позже другихъ получить медаль за Отечественную войну. Но благодѣтельный геній, въ лицѣ губернатора, не забывалъ его. Губернаторъ предложилъ ему мѣсто соляннаго пристава въ Самарѣ, съ жалованьемъ 600 руб. въ годъ. Начальникомъ Соляннаго Правленія (или „Защиты“) былъ въ это время уже извѣстный намъ Г. Н. Струковъ, давнишній пріатель Второва оставившій военную службу. Предложеніе это было непріятно

Струкову, который прочилъ на это мѣсто своего кандидата; но дѣлать было нечего, и въ началѣ іюня Второвъ уже занялъ это мѣсто. Новая должность давала ему много досуга: по крайней мѣрѣ, все лѣто 1816 онъ провелъ въ разъѣздахъ. Онъ не разъ былъ въ Катериновкѣ и Кротовкѣ и ѣздилъ на Сергіевскія сѣрныя воды. Эта поѣздка доставила ему новыя знакомства, напримѣръ, съ барономъ Криднеромъ, владѣльцемъ Царевщины, симбирскимъ помѣщикомъ, Георгіевскимъ (Иван. Вас.), докторомъ медицины изъ Москвы, Бергомъ и Мейснеромъ, племянниками Криднера, дерптскими студентами, перешедшими въ Казанскій университетъ, для усовершенствованія себя въ русскомъ языкѣ; въ это же время онъ увидѣлся и со старыми пріятелями, симбирскими, казанскими и даже московскими: Павовыми, Чемезовыми (отцомъ и братомъ А. В. Павовой), Мельгуновыми. Бывшій старый пріятель, Г. Н. Струковъ, сдѣлавшись ближайшимъ начальникомъ, тотчасъ началъ „отталкивать“ отъ себя нашего героя, будто бы, „надменностію начальническаго тона“; впрочемъ, отношенія ихъ никогда не доходили до разрыва и всегда оставались пріязненными. Струковъ, Трубниковъ (Яковъ Уляевъ), Тамаринъ, Племянниковъ, Гусевъ и Шмаковъ составляли кружокъ съ которымъ дѣлилъ свои досуги Второвъ; всѣ эти лица были его сослуживцами. Но соляная служба, по роду дѣятельности, менѣе всего могла занимать Второва, по крайней мѣрѣ, онъ сталъ хандрить больше прежняго. Такія вещи какъ малый чинъ и неполученіе медали приводили его въ отчаяніе. „Для чего честность и состраданіе? спрашиваетъ онъ: я былъ судьей, городаничимъ, имѣлъ случаи обогатиться и купить чины. Теперь меня же называютъ дуракомъ, пренебрегаютъ малый чинъ мой, и правительство поддерживаетъ сіе мнѣніе.... Натура безмолвствуетъ! Богъ... сіе непостижимое существо, съ коего берутъ примѣръ цари и правители, ужели Онъ соглашается съ мнѣніемъ людей и правительства? Нѣтъ, Онъ справедливъ, хотя на землѣ царствуетъ несправедливость.“ Но такія тирады, какъ мы видѣли, вырывались у Второва лишь въ минуту размышленій, когда онъ предавался своей философіи; свою хандру герой нашъ попрежнему разгонялъ поѣздками, въ особенности замѣчательными для него путешествіями въ Симбирскъ и Казань. Въ послѣдній городъ онъ ѣздилъ и въ 1817 году, гдѣ къ прежнимъ присоединилъ новыя знакомства, какъ-то:

архіерея Амвросія, губернатора графа Толстаго и коменданта барона Пирха (Альбертъ Карловичъ). * Сообщество Анны Васильевны Пановой, попрежнему, доставляло ему душевную отраду. Тяжкая болѣзнь посѣтила его въ концѣ этого года, онъ былъ близокъ къ смерти. Для Симбирской губерніи 1817 годъ ознаменовался важнымъ событіемъ: вмѣсто Дубенскаго, назначенъ былъ въ эту губернію новый губернаторъ, знаменитый Магницкій (Михаилъ Леонтьевичъ), переведенный изъ Воронежа, гдѣ онъ былъ вице-губернаторомъ. Слухи о новомъ губернаторѣ, на первыхъ порахъ его дѣятельности, были самые противорѣчивые; одни его бранили, другіе не скупились на похвалы. Въ то время извѣстность Магницкаго была еще безъ пятенъ, а во мнѣніи нѣкоторыхъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и Второвъ, онъ, какъ другъ Сперанскаго, какъ жертва клеветы, еще много выигрывалъ. На первыхъ порахъ онъ обнаружилъ свою дѣятельность нѣкоторыми либеральными выходками въ пользу помѣщичьихъ крестьянъ (напримѣръ въ деревнѣ Головкиной, у М. М. Наумова, гдѣ, по словамъ его, онъ нашелъ желѣзную шалку „для истязанія“ въ 16 фунтовъ, или, какъ утверждали очевидцы, старыя заброшенныя орудія пытокъ, валявшіяся въ подвалахъ). Потомъ онъ круто повернулъ въ противоположную сторону; сталъ ухаживать за святошами и юродивыми и началъ распространять по губерніи комитеты Библейскаго Общества, въ чемъ онъ обнаружилъ особенную ревность. Отношенія Второва къ Магницкому завязались по поводу исторіи о злополучной медали, которую не давали нашему герою за нахожденіе его подъ судомъ по какому-то неважному дѣлу. Свиданіе ихъ происходило въ мартѣ 1818 года въ Симбирскѣ, а знакомство состоялось при посредствѣ симбирскаго полудеймейстера Андреева (Еф. Ѳед.). Принадлежность Второва къ Библейскому Обществу очень много помогла ему въ бли-

* Протасовъ Амвросій (1816—1826), въ послѣдствіи архіепископъ Тверской. См. *Списки Архіереевъ*, стр. 96, а также въ *Воспоминанія* В. И. Панаева, га. III, стр. 78. Графъ Толстой (Илья Андреевичъ) управлялъ Казанскою губерніей въ 1815—1820. Онъ былъ родной дѣдъ графа Л. Н. Толстаго, автора *Войны и Мира*. Баронъ А. К. Пирхъ былъ потомъ (1831—41) казанскимъ военнымъ губернаторомъ. Онъ уже и въ эту пору принадлежалъ къ казанской аристократіи и былъ женатъ на сестрѣ М. Н. Мусина-Пушкина, въ послѣдствіи знаменитаго попечителя Казанскаго университета.

женіи съ губернаторомъ, хотя эта принадлежность была импровизованная, состоявшаяся лишь наканунѣ свиданія. Въ Общество привлекъ Второва полицеймейстеръ Андреевъ, ревностный агентъ его ex-officio, кажется тотъ самый который служилъ прежде въ уголовной палатѣ. Какая же цѣль этого Общества? спросилъ Второвъ Андреева. „Можно ли Ивану Алексѣвичу спрашивать у меня объ этомъ!“ воскликнулъ пропагандистъ-полицеймейстеръ: „я бы долженъ спросить его.“ Но, несмотря на эту оговорку, онъ началъ съ жаромъ говорить о пользѣ Общества, превозносилъ похвалами губернатора, какъ христианина и ревностнаго его члена, и показывалъ Второву переводъ Магницкаго Флери и какое-то его сочиненіе въ рукописи. Второвъ подписалъ одновременно 10 руб. и такимъ образомъ сталъ „благодетелемъ“ Общества. Магницкій принялъ его очень любезно и общалъ исполнить его промбу, сказавъ: „Будьте увѣрены что библейскіе члены всегда будутъ помогать другъ другу“. Просьба (о медали), дѣйствительно, была исполнена въ концѣ апрѣля. Но членомъ Библейскаго Общества Второвъ былъ плохимъ и краснорѣчіе полицеймейстера мало на него подѣйствовало, хотя въ докладной запискѣ къ Магницкому онъ воспользовался терминологіей Общества, называя губернатора „человѣкомъ просвѣщеннымъ и христианиномъ“, который, какъ таковой, долженъ оказать „всю справедливость подобному себѣ человѣку и христианину“. Больше искреннимъ образомъ, чѣмъ полицеймейстеръ, трудился надъ обращеніемъ Второва уже извѣстный намъ графъ В. А. Толстой. По словамъ Второва, у нихъ были долгіе и оживленные споры „о Библейскомъ Обществѣ и христианствѣ, за и противъ (pour et contre)“. Андреевъ и Толстой надѣялись Второва изданіями Общества и убѣдили его сдѣлаться постояннымъ членомъ, съ ежегоднымъ взносомъ по пяти рублей. Не безъ вліянія, конечно, Магницкаго, въ концѣ апрѣля 1818 года былъ открытъ въ Самарѣ Комитетъ Сотоварищества Симбарскаго Отдѣла, въ которомъ предсѣдателемъ былъ избранъ Г. Н. Струковъ, а секретаремъ И. А. Второвъ; но послѣдній менѣе чѣмъ черезъ годъ сложилъ съ себя эту должность. Изъ членовъ Самарскаго отдѣла Иванъ Алексѣвичъ упоминаетъ еще о баронѣ Крюднерѣ, писавшемъ для засѣданій рѣчи на нѣмецкомъ языкѣ. Повторяемъ, Второвъ былъ самымъ индифферентнымъ членомъ Библейскаго Общества,

и тѣмъ болѣе охладѣвалъ къ нему, чѣмъ болѣе сталъ замѣчать обскурантныя стремленія. Ненависть свою къ обскурантизму герой нашъ заявляетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ въ слѣдующей замѣткѣ, 12го мая 1818 года:

„Удивительную статью читалъ я въ московскихъ газетахъ одного изъ симбирскихъ членовъ Библейскаго Общества, злаго фанатика, о *Истребленіи книгъ несообразныхъ съ Св. Писаніемъ* и прекрасный отвѣтъ на сіе министра князя Голыцына. Много судили мы о семъ новомъ явленіи. Предвѣщали инквизицію и крестовые походы... но Богъ милостивъ! Какія книги сожжены симъ фанатикомъ! *На разрушеніе Лиссабона, Естественный Законъ, Принцесса Вавилонская, Задигъ, Кандидъ, Человѣкъ въ 40 талеровъ, Посланіе къ слугамъ моль Ванькы и Петруикъ, О неравенствѣ людей, Исповѣдь Савоярда, Мудрець, именуемый Энки* и пр. *

Въ 1818 году въ семьѣ Второвыхъ и въ кругу ихъ родныхъ произошли важныя перемѣны. Въ этомъ году родилася у нихъ сынъ Николай, герой второй части нашей хроники; старшая ихъ дочь, Катенька, уже озабочивала своихъ родителей необходимостію обученія. Старушка Пяткина (Лизавета Леонтьевна) умерла въ концѣ января; сынъ ея, Василій Гавриловичъ, наградилъ деньгами и вещами ея прислугу, а нѣкоторыхъ отпустилъ на волю. Въ семействѣ Мильковичей также произошли большія перемѣны. Одна сестра Марья Васильевна, Ф. В. Плотникова, въ это время умерла; Дарья вышла замужъ за Дзичканца (Венедикта Андреевича), Наталья—за лѣкаря Смирнитскаго (Ивана Ивановича). Старое старилось, молодое росло: состарилась и смирилась неугомонная Катерина Федотовна; возмужали и ея сыновья, Сергѣй и Николай Васильевичи. Послѣдній учился (1813—1815) въ Казанскомъ университетѣ и по окончаніи курса отправился съ

* Статья эта приводится также и г. Н. Половымъ въ его сочиненіи: *Общество Любит. Отечеством. Словесности и періодическ. литература въ Казани (Русск. Вѣстн. 1859, т. XXIII)*. Г. Феоктистовъ предполагаетъ что статья эта принадлежитъ Магницкому (*Русск. Вѣстникъ 1864, т. LII, стр. 17—18, въ примѣч.*) Но странно что Второвъ, будучи секретаремъ Симбирскаго отдѣла и близкій къ Струкову, вовсе не фанатикъ, ничего не зналъ объ этой принадлежности.

Паткинымъ въ армію, но прослужилъ всего три года и въ это время уже возвратился къ домашнимъ пенатамъ. Можно предполагать что экономическое положеніе Мильковичей было далеко не блестяще. Братья, при посредствѣ Второва, любовно раздѣлились, но между сестрами по этому поводу произошелъ разладъ, не имѣвшій, впрочемъ, никакихъ дурныхъ послѣдствій. Второвы въ кругу этого обширнаго рода начинаютъ теперь играть первую роль. Иванъ Алексѣвичъ становится теперь старшимъ въ родѣ: въ его совѣтъ нуждаются всѣ, а потому-то всѣ члены рода, не исключая и Катерины Ѳедотовны, къ нему часто обращаются; но, кажется, самыя дружелюбныя отношенія онъ сохранялъ съ братьями Марья Васильевны, которые почти безпрестанно бывали въ домѣ Второвыхъ. Въ 1818 году Иванъ Алексѣвичъ принялся за литературную обработку своего путешествія въ Москву и Петербургъ, мысль о которой занимала его очень долго; къ сожалѣнію онъ отдѣлалъ только одну половину (путешествіе въ Москву), съ которою уже познакомились читатели нашей хроники, изъ III и IV главъ этой части. Въ томъ же году Второву предстояла новая перемѣна службы, такъ какъ Соляное Правленіе переводилось въ Илецкую Защиту. Последнее распоряженіе болѣе всего сокрушало Струкова. Онъ обжился въ Самарѣ и игралъ въ ней первую роль, какъ крупный чиновникъ и откупщикъ, къ которому почти только относились сами губернаторы, но дѣла котораго были запутаны отъ неудачъ по винному откупу и отъ долговъ. Обширный кругъ знакомствъ Второва, распространеннѣйшійся съ каждымъ годомъ, въ 1818 году увеличился новыми лицами, какъ: князь Баратаевъ (Мих. Петр.), Обуховъ (Евг. Львов.), Лопатинъ (Григ. Никит.), Энгель (Ѳед. Ив.) и нѣкоторые другіе, которыхъ онъ зналъ прежде, но съ которыми пришлось ему ближе сойтись теперь. Почти всѣ они, на первыхъ порахъ, до перваго столкновенія на дѣлѣ, оказывались „людьми прекрасными, добрыми, умными и чувствительными“.

Дѣти составляли главный предметъ размышленій Ивана Алексѣевича. Ихъ будущасть его тревожила; изъ-за нихъ онъ волновался отъ своихъ служебныхъ неудачъ. Рожденіе сына увеличивало если не заботы, то размышленія, или то-скливость; но дочь, Катенька, требовала уже заботъ дѣйствительныхъ: пришла пора ее учить. Какъ человекъ, по своему времени, просвѣщенный, Второвъ хотѣлъ дать своимъ

дѣтямъ лучшее образованіе, чѣмъ то которое онъ приобрѣлъ самъ. Въ Самарѣ открылся было какой-то пансіонъ, устроенный двумя Француженками, „мадамой“ и „мамзелью“. Въ этотъ пансіонъ поступила Катенька; но пансіонъ почему-то разстроился. Тогда Второвъ рѣшился отвезти дѣвочку въ свою любимую Казань, побывать въ которой онъ всегда былъ не прочь. Онъ отправился въ путь 2го мая 1819 года, а прибылъ въ Казань только 8го числа. Обиліе досуга, несмотря на то что Струковъ уѣхалъ въ Петербургъ, давало Второву полную возможность прохлаждаться какъ въ продолженіе пути, такъ и во время пребыванія своего въ столицѣ русскаго востока. Здѣсь кстати сказать объ образѣ его путешествія, которому онъ оставался всегда вѣренъ. Поѣхалъ онъ на Катериновку, гдѣ провелъ сутки. Катериновка была теперь резиденціей старшаго Мильковича, куда обыкновенно съѣзжались всѣ родные. Изъ Катериновки вплоть до самой Казани Второвъ колесилъ справа налѣво и обратно, по разнымъ селамъ и деревнямъ, не миновалъ ни одного помѣщика, знакомаго и незнакомаго, которые съ охотою и радушіемъ предлагали нашимъ лутникамъ щедрое угощеніе. Такъ, по выѣздѣ изъ Самары, они заѣхали къ Балахонцеву, сына котораго, обучавшагося въ Казани, взяли съ собою. Изъ Катериновки они заѣхали въ деревню Кобельму, къ Борису (Фед. Давид.), а оттуда въ село Мошки, къ Аверкіеву и Мошкинскому. Отъ нихъ ѣхали всю ночь, а утромъ (5го мая) остановились въ Мелекенскомъ заводѣ у управляющаго Хлуднева (Ивана Гурьев.), человека совсѣмъ незнакомаго. Тутъ они обѣдали въ обществѣ такихъ же незнакомцевъ, князя Болховскаго (Якова Ник.) и Батурина (Ивана Осип.). Пробыли здѣсь до вечера, ночью опять ѣхали до села Никольскаго, куда прибыли на другой день рано утромъ. Въ Никольскомъ они пробыли цѣлый день у Хвостовыхъ (Фед. Ив. и Тат. Андр.) и Чуфаровскихъ (Христ. и Пав. Васильевичи), проводя время въ прогулкахъ, бесѣдахъ и въ карточной игрѣ, въ вистъ и бостонъ. Въ эту пору своей жизни Второвъ много игралъ въ карты и проигрывалъ большіе куши. Изъ Никольскаго, вмѣстѣ съ Хвостовымъ, утромъ 7го мая наши самарскіе путешественники отправились въ Юркули, къ Наумову (Пав. Мих.). Этому послѣдняго они не застали дома, что однакоже не помѣшало имъ пообѣдать въ его домѣ. Изъ Юркулей они поѣхали въ другое Никольское,

имѣніе Молодцова (Христоф. Льв.), у котораго нашли чуть не весь его родъ-племя и который продержалъ ихъ до полудни, Богъ знаетъ какъ обрадовавшись прїѣзду неожиданнѣйшихъ гостей. Онъ не только накормилъ ихъ до отвала, но и отправилъ на своихъ лошадяхъ до слѣдующей по пути своей же деревни Измери, или Христофоровки. * Въ суровомъ климатѣ русскаго востока май рѣдко бываетъ „удыбляющимся“ весеннимъ мѣсяцемъ; по крайней мѣрѣ теперь, когда нашъ самарскій философъ странствовалъ съ своею маленькою дочкой, дождь почти не переставалъ и дорога обращалась въ море грязи, въ которой тонули лошади и ломался экипажъ, русская классическая бричка. Бѣдная дѣвочка должна была набраться не малыхъ страховъ во время такихъ ночныхъ переѣздовъ, какъ до Измери и отъ этого села до перевоза на Камѣ, когда не разъ опрокидывался и ломался экипажъ, получали ушибы и ломали члены „люди“, а „господа“, въ ожиданіи помощи, стояли по колѣно въ грязи на одномъ мѣстѣ и дрожали, продуваемые холоднымъ вѣтромъ! Разливами Камы, на дощаникѣ, ѣхали они 20 верстъ, до села Еланчина, гдѣ какой-то добродѣтельный Татаринъ, Махмудъ Максютовъ, угощалъ ихъ чаемъ и досталъ имъ двѣ пары лошадей, на которыхъ они и приехали къ вечеру 8го мая въ Казань. Такъ-то назадъ тому пятьдесятъ лѣтъ путешествовалъ русскій человѣкъ по своей родинѣ.

Въ Казани пробылъ Второвъ три недѣли и жилъ все это время на квартирѣ сестры своей А. А. Ефремовской. Въ Казани нашъ герой оживалъ и молодѣлъ: здѣсь былъ университетъ, обширный кругъ знакомства, старинныя дорогія для него связи и отношенія; здѣсь жила Анна Васильевна Павлова, предметъ его восторженныхъ удивленій; здѣсь жили ея отецъ, Василій Ивановичъ, и братъ Николай Васильевичъ, уже семейный, особыми домами. Здѣсь онъ опять очутился въ кругу Юшковыхъ, Булыгиныхъ, Геркениныхъ, Мусина-Пушкина, гр. И. А. Толстаго и Салтыкова (Мих. Александр.),

* Каждое изъ названныхъ имѣній было центромъ, изъ котораго шли радіусы къ разнымъ помѣщичьимъ дачамъ. Такъ, изъ Юркулей, о которыхъ намъ придется говорить ниже, гдѣ жила П. М. Наумовъ и В. В. Аристовъ, путь лежалъ въ Матѣевку, Шмедевку и другія деревни помѣщиковъ: Ростовскаго, Маркова, Игума, Бекетова и т. д. Второвъ въ своей бричкѣ не разъ изъ такихъ центровъ дѣлалъ экскурсіи по окрестностямъ.

полечителя учебнаго округа, съ которымъ познакомился, кажется, раньше. Дома Чемезовыхъ и Пановыхъ принадлежали къ первымъ въ Казани по богатству и роскоши: въ нѣкоторомъ родѣ это были дворцы, окруженные обширными садами, украшенные статуями, гротами и затѣшливыми бесѣдками. Большой шумный городъ съ такими чудесами и съ оригинальною, полу-татарскою, полу-московскою физиономіею пріятно поразилъ дѣтскую фантазію Катеньки; отецъ и тетка не жалѣли времени на то чтобы познакомить ее съ казанскими достопримѣчательностями, начиная отъ Кремля и Сюмбековой башни до Арскаго Поля и Швейцаріи. Для всего низоваго Поволжья Казань была въ ту пору истинною столицей, но крайней мѣрѣ въ образовательномъ отношеніи. Кромѣ университета и гимназій, здѣсь были пансіоны, мужскіе и женскіе; по крайней мѣрѣ, объ одаомъ мужскомъ (Лейтера), въ которомъ учились дѣти Н. Л. Хардина, упоминаетъ Второвъ въ своихъ запискахъ. * Женскихъ пансіоновъ было два: „мадамы“ Пото и „мадамы“ Юнгвальдъ. Между ними надобно было сдѣлать выборъ, чѣмъ и занялся отецъ Катеньки. Пото, женщина за 50 лѣтъ, была бойкая и наглая Француженка, ненавидѣвшая свою соперницу и распускавшая о ней по городу самые келѣпые и оскорбительные слухи. Благодаря ли такому злословію, или чему другому, высшее казанское общество предпочитало ея пансіонъ и съ охотою отдавало въ него своихъ дочерей, что давало поводъ тщеславной Француженкѣ говорить что у Юнгвальдъ учатся дѣти только „низкихъ“ людей. Эта послѣдняя была еще молодая, лѣтъ 30, особа, должно-быть нѣмецкаго происхожденія, съ кроткою и привлекательною физиономіею. Добродушіе ея простиралось до того что на вопросы о злословившей ея соперницѣ она отвѣчала незнаемъ и незнакомствомъ съ нею. Иванъ Алексѣевичъ былъ пораженъ такою порядочностью этой женщины, а потому и рѣшилъ, вопреки общему мнѣнію своихъ казанскихъ знакомыхъ, отдать ей на воспитаніе свою дочь. Одна Анна Васильевна была не противъ такого рѣшенія. Итакъ, Катенька поступила въ пансіонъ гжи Юнг-

* Лейтеръ былъ лекторомъ нѣмецкаго языка въ университетѣ, изгнавъ потомъ Магницкимъ, вмѣстѣ съ профессоромъ естественнаго права Солнцевымъ.

взвѣдь, и обстоятельства при которыхъ это случилось, то-есть разоблаченіе Второвымъ и Пановою продѣлокъ Пото, высоко подняли ея кредитъ въ ущербъ ея солерницѣ.

Въ это пребываніе въ Казани Второву пришлось присутствовать въ засѣданіи Библейскаго Общества, бывшемъ въ Дворянскомъ Собраніи. Здѣсь были: архіерей Амвросій, какой-то архимандритъ, протоіерей Герасимовъ, губернаторъ, Перелешинъ, Трескинъ, Фуксъ, Лебедевъ, Киселевъ и нѣкоторые другіе. Не разъ онъ былъ и въ университетѣ, для обзорѣнія и для слушанія лекцій. 12го мая осматривалъ Казанскій университетъ знаменитый Сперанскій, солутствуемый Цейеромъ (Францъ Иван.) и нѣсколькими молодыми людьми. * Его провожали профессора: Солдцевъ, Фуксъ, Ковдыревъ, баронъ Врангель и Лобачевскій. Не мало было и любителей, въ числѣ которыхъ находился Второвъ съ своимъ затемъ Ефребовскимъ. Больше трехъ часовъ улотребилъ Сперанскій на обзорѣніе университета и всѣхъ очаровалъ своею любезностью и „приятною рѣчью“. Изъ профессорскихъ лекцій Второвъ слушалъ: у Ковдырева, о коммерціи въ Россіи, и у Срезневскаго, о философіи; послѣдній опровергалъ Кондильяка **. Ковдыревъ былъ университетскимъ бібліотекаремъ; это обстоятельство сблизило его со Второвымъ, тѣмъ болѣе что тогда въ университетскихъ бібліотекахъ продавались книги. Герой нашъ не оставилъ безъ вниманія и Казанской гимназіи, одной изъ древнѣйшихъ въ Россіи: онъ былъ тамъ на урокахъ и на экзаменахъ по французскому языку. На этотъ разъ Второву пришлось видѣть и казанскія подземныя древности, раскопанныя

* См. *Жизнь графа Сперанскаго*, соч. гр. М. А. Корфа. Томъ II, стр. 189—190. Переписка Сперанскаго съ Цейеромъ, въ *Русскомъ Архивѣ* 1870 года, стр. 176—200.

** О Солдцевѣ и о Фуксѣ будетъ говорить ниже, какъ о замѣчательнѣйшихъ представителяхъ Казанскаго университета. Профессоръ Врангель читалъ русское уголовное право и былъ затемъ Яковкинъ, директора гимназіи и профессора. Вмѣстѣ съ своимъ тестемъ и въ числѣ другихъ одиннадцати профессоровъ, Врангель былъ изгнанъ потомъ Магницкимъ. Срезневскій (Іосифъ Евсеевичъ), братъ харьковскаго профессора политической экономіи, родной дядя теперешняго петербургскаго академика И. И. Срезневскаго. Изъ студентовъ Педагогическаго Института, Срезневскій поступилъ въ

могилы, цѣлые и расправшіея гробы съ человѣческими костями. Эти раскопки находились посрединѣ самаго города и были дѣломъ простаго случая, при постройкѣ памятника на могилѣ воиновъ лавшихъ при взятіи Казани, и при переносѣ колокольни на Воскресенской улицѣ, выдавшейя изъ-за линіи домовъ. Всякій разъ Казань возбуждала въ нашемъ героѣ историческія воспоминанія, и мрачная фигура Іоанна Грознаго живо представлялась его воображенію. Посѣтилъ онъ и окрестности Казани, какъ на примѣръ, Зилантьевъ монастырь, откуда любовался прелестною панорамой города. Но живое человѣческое общество болѣе всякихъ архаическихъ и ландшафтныхъ рѣдкостей его занимало. Число казанскихъ знакомыхъ Второва было почти несчетно; каждый разъ къ старымъ прибавлялись новые. Чаше другихъ онъ бывалъ, кромѣ Чемезовыхъ и Пановыхъ, у Фукса, Чернышева, Пустобоярова (Александра Дмитриевича), Балохонцевой (Мар. Захар.), у Булыгиной (Варв. Алекс.), Лазарева (Вас. Петр.), у Реслейна *. Простившись съ сестрой и дочерью, обливавшимся слезами и раздиравшими его сердце рыданіями, Иванъ Алексѣевичъ выѣхалъ изъ Казани 29го мая и совершалъ свой обратный путь до Самары цѣлыхъ

Казанскій университетъ профессоромъ философіи и изъ первыхъ былъ избранъ Маглицкимъ. Возвратившись въ Петербургъ, онъ нашелъ себя покровителя въ лицѣ великаго князя Михаила Павловича, который далъ ему мѣсто профессора совѣсности въ Артиллерійскомъ Училищѣ. Результатомъ занятій совѣсностью І. Е. Срезневскаго было его сочиненіе *Исторія Словесности древнихъ и новыхъ народовъ* (ошибочно приписываемая Росписью Смирдина брату его Ивану Евсеевичу, харьковскому профессору), напечатанная Воейковымъ въ *Собран. Образц. Русск. Сочин. и Перевод.* (1822—1824, Слб. 2е изд. 12 частей). Онъ окончилъ живль свою монакомъ Александро-Невской Лавры.

* Изъ названныхъ здѣсь фамилій одні, какъ Балохонцева (вѣроятно симбирская), Булыгина и Лазаревъ, принадлежали къ самымъ стариннымъ знакомымъ Второва, о другихъ здѣсь упоминаемыхъ, равно какъ и о бывшихъ въ застѣжьи Библейскаго Общества, мы ничего не можемъ сказать. Не однихъ десятковъ фамилій, внесенныхъ въ дневникъ Второва, нами вычеркнутъ, потому что кромѣ имевъ о нихъ ничего не говорится. Реслейнъ былъ, кажется, начальникомъ пороховаго завода, генералъ.

десять дней. Онъ ѣхалъ на Ставрополь и Катериновку. Слово путешествія было тотъ же, тѣ же остановки и угощенія, та же страсть къ новымъ знакомствамъ.

По возвращеніи въ Самару Второвъ погрузился въ прежнее бездѣлье и въ прежнія меланхолическія размышленія. Возня съ солью и перелиска по этой части, естественно, не могли его занимать; кромѣ картъ, другихъ развлеченій не было; читалъ онъ попрежнему съ большою охотой и даже имѣлъ сотоварища себѣ въ этого рода занятіяхъ, Шмакова (Алек. Иван.), но послѣдній, подобно Хардину, Постанкову и другимъ, обнаруживавшимъ когда-то и какія-то стремленія къ умственной дѣятельности, на самомъ дѣлѣ ничѣмъ не отличался отъ заурядныхъ людей. Самъ Второвъ богатъ былъ только замыслами, но не исполненіемъ. Онъ собирался въ это время писать исторію своей жизни, въ поученіе сыну, и хотѣлъ собрать матеріалы нужные для подобнаго труда, никогда впрочемъ не увидавшаго свѣта. Главнымъ побужденіемъ къ этой работѣ были недовольство, неудовлетворенность жизнью и нѣкоторый родъ озлобленія на неудачи. На порогѣ старости, недовольный людьми, при всей своей общительности, при снисходительности своей критики, досадуя на перемены которыя онъ замѣчалъ въ нихъ съ лѣтами, досадуя на себя самого за то что въ нихъ ошибался, онъ началъ признаваться что у него теперь нѣтъ друзей кромѣ женщинъ. Признаніе въ устахъ почти пятидесятилѣтняго человека говорящее въ пользу тогдашняго женскаго поколѣнія. Такія мысли, безъ сомнѣнія, навѣяло на Второва пребываніе въ Самарѣ Анны Васильевны, прогостившей у него въ домѣ двѣ недѣли, по лѣту 1819. Пріѣздъ ея привлекъ въ домъ Второвыхъ толпы гостей, старыхъ и новыхъ знакомцевъ; къ числу послѣднихъ принадлежали два генерала: Жемчужниковъ (Алш. Стел.) и Головинъ (Вас. Дан.), оренбургскій комендантъ. По осени этого года Марья Васильевна ѣздила въ Казань съ сыномъ и дочерью, провѣдать Катеньку.

Долетали до самарской глуши темные слухи и о событіяхъ случившихся въ это время въ противоположныхъ концахъ Россіи; такъ, въ половинѣ сентября, здѣсь сдѣлалась извѣстію Чугуевская исторія, случившаяся въ тамошнихъ военныхъ поселеніяхъ. Черезъ Самару прогоняли въ Сибирь десять уланъ, по словамъ которыхъ, виновниками всего про-

иществія были генералы Александровъ и Лисаневичъ. По ихъ словамъ, поселенскимъ солдатамъ за шесть лѣтъ не давали жалованья, отнимали у нихъ лошадей и вообще разоряли ихъ въ конецъ. Когда вспыхнуло возстаніе, то, при усмиреніи его, болѣе 800 человѣкъ залерли въ острогъ и болѣе 90 человѣкъ прогнали сквозь строй; изъ числа послѣднихъ умерло де 36 человѣкъ. Подобные же ужасы передавалъ въ Самарѣ сосланный въ Сибирь поручикъ Щербина, харьковскій помѣщикъ; его сослали, даже не дозволивъ проститься съ женою и дѣтми. Залодозрѣнныхъ въ возмущеніи наказывали безо всякаго суда и даже допроса. У бѣдныхъ помѣщиковъ насильно брали земли, выдавая за нихъ деньги по крѣпостямъ. * Семеновская исторія прошла по Самарѣ глухо, подробности ея остались неизвѣстны; но въ общемъ положеніе тогдашнихъ нашихъ дѣлъ было хорошо извѣстно и въ самарской глуши, по крайней мѣрѣ людямъ подобнымъ Второву. Вотъ что у послѣдняго записано подъ 5мъ октября 1820 года: „Третьяго дня, возвращаясь изъ Петербурга, Андрей Гавриловичъ Ждановъ разказывалъ о грабительствѣ и несправедливостяхъ министровъ и подминистровъ. Боже мой! Къ чему все это идетъ? Никакого вниманія не обращаютъ на гражданскую часть. Неужели всей Имперіи надобно только стоять во фронтѣ съ ружьемъ и маршировать! Кровью обливается сердце, вида ужасный развратъ и несправедливость гражданскаго управленія. Кто же управляетъ? Невѣжды, грабители и эгоисты. На что ни посмотришь, всё выдумываютъ только какъ бы отнять у бѣдныхъ крестьянъ плоды трудовъ ихъ! Въ какомъ состояніи теперь выборы! Кто судить и рядить!.. Ежели есть еще у кого-нибудь и сколько-нибудь патриотизма, съ какою горестію долженъ тотъ видѣть, страдать и терпѣть! Достоинство только въ богатствѣ и въ умѣнн маршировать.“

Въ концѣ 1822 года въ жизни И. А. Второва случилось довольно крупное событіе, вторая поѣздка его въ Москву и Петербургъ. Она вызвана была причинами о которыхъ скажемъ ниже, а между тѣмъ самарская его жизнь за

* Чугуевская и семеновская исторіи изложены у Богдановича, въ V томѣ его *Исторіи Царствованія Императора Александра I*, глава LXVI, стр. 467—472 и вся LXVII глава.

послѣдніе три года (1820—1822) была пуста и бездѣтна. Службная его дѣятельность, какъ мы уже и замѣтили, ничѣмъ особеннымъ не проявлялась. Струковъ возвратился изъ Петербурга; но дѣла его нисколько не поправились: онъ былъ въ неоплатныхъ долгахъ; по этой, вѣроятно, причинѣ, отношенія его къ Ивану Алексѣвичу стали весьма неровны. Онъ то былъ, попрежнему, добрымъ и любезнымъ начальникомъ, то „какъ злодѣй“, хотя вина такой перемѣны заключалась не въ одномъ Струковѣ, но несомнѣнно и въ самомъ подчиненномъ, въ его непрактичности, можетъ-быть, въ неспособности къ подобнымъ занятіямъ. Изрѣдка и вскользь упоминаетъ Второвъ въ своихъ запискахъ о нѣкоторыхъ безпорядкахъ по солянному управленію, но не объясняетъ причинъ отъ кого они происходили, отъ начальника или же отъ его помощниковъ. Итакъ, служба шла кое-какъ, время убивалось на лустыя занятія и карты; но не рѣдко долгіе вечера и безсонныя напролетъ ночи проводилъ Второвъ самъ съ собою, въ тоскѣ и скукѣ, въ мучительномъ сознаніи неудачно протекшей жизни. Привычка усвоенная съ юности, раздвоиться, жить такъ-сказать двумя жизнями, увлекаться пустотою одной и вздыхать искренно и глубоко по другой, противоположной, росла и крѣпла въ немъ съ годами. Въ этомъ живомъ, общительномъ человѣкѣ, котораго зналъ почти цѣлый край (а не одна губернія), жилъ другой человѣкъ, никому неизвѣстный, недовольный, размышляющій, все критикующій: Въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія люди недовольные, люди отрицатели тогдашней русской дѣятельности, какъ извѣстно, уже появились. Второвъ не принадлежалъ къ ихъ числу: онъ былъ представителемъ стараго поколѣнія людей первыхъ годовъ вѣка, въ которомъ впрочемъ уже таился зародышъ этого недовольства. Какъ увидимъ, были дѣйствительныя причины, а не одна праздная мечтательность, по которымъ герой нашъ имѣлъ основаніе считать себя несчастнымъ и мрачно смотрѣть на жизнь. Въ глазахъ людей онъ не рисовался подобнымъ возрѣваемъ; его мизантропія проявлялась въ его внутренней, психической жизни, и была искренна, по крайней мѣрѣ въ особенно важные моменты его жизни. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ рожденіе младшаго сына (въ августѣ 1821 года), прожившаго всего 9 мѣсяцевъ. Вотъ чтó у него записано въ дневникѣ по этому поводу: „Къ чему еще судьба произвела

новое животное? Всемогущій Творецъ! Избавь дѣтей моихъ отъ подобныхъ чувствованій и моральныхъ скорбей какія испыталъ и испытываетъ отецъ ихъ, особливо при прекрасномъ нашемъ управленіи, гдѣ столь явно угнетаются добрые и честные, а торжествуютъ одни подлецы и злодѣи.“

Если что и было занимательнаго въ послѣдніе три года жизни нашего героя, прель его вторичною поѣздкой въ столицу, такъ это обычныя его странствованія въ Ставрополь, Симбирскъ и Казань и его новыя знакомства. Конецъ двадцатаго и начало двадцать перваго года провелъ онъ олять въ Симбирскѣ и Казани; въ этотъ послѣдній городъ влекло его, независимо отъ указанныхъ причинъ, пребываніе дочери. Въ Казани онъ остановился сначала въ домѣ сестры, Ефремовской, но потомъ перѣхалъ къ Пановой, жившей въ домѣ отца на Арскомъ Полѣ. На другой день послѣ этого перѣзда онъ до глубины души былъ обрадованъ сценою, окончившею романъ, начатый четырнадцать лѣтъ тому назадъ. „Утромъ часу въ двѣнадцатомъ, говорилъ онъ, сказываютъ мнѣ что въ залѣ какой-то господинъ съ дамою спрашиваютъ меня и желаютъ видѣться. Я выхожу къ нимъ; вижу прекрасную женщину и среднихъ лѣтъ мужчину мнѣ незнакомыхъ. Это была Елизавета Филипповна, она выросла и похорошѣла; а мужчина—ея мужъ, Яковъ Петровичъ Песковъ, который въ Казани исправлялъ должность губернскаго землемѣра. Они оба пришли благодарить меня за участіе въ несчастномъ ея дѣтствѣ и ходатайства объ улучшеніи судьбы ея. Всѣ мы трое плакали, и эти слезы, непритворныя, отъ искренняго чувства происходящія, были для меня лучшею наградой за доброе дѣло.“ Въ эту поѣздку Второвъ сблизился съ проживавшею тогда въ Казани повѣстесою Наумовой (Анна Александровна), сестрою кн. Хованской, съ которою онъ, вѣроятно, былъ знакомъ раньше и которая была уже извѣстна своею книжкою стихотвореній подъ названіемъ: *Уединенная Муза Закамскихъ Береговъ* (Москва, 1819). Въ эту пору въ Казани издавался *Казанскій Вѣстникъ* (1821—1824 годовъ, 9 книгъ), который, казалось бы, долженъ былъ оживить мѣстную литературу; но Казанскій университетъ и учебный округъ уже были въ это время подъ тяжелымъ гнетомъ Магницкаго (1819—1826). Этотъ фанатикъ, разгромившій университетъ и создавшій систему преподаванія на „началахъ Священнаго Союза“, обратилъ *Вѣстникъ* въ духовный журналъ съ ультрамонтанскимъ направленіемъ

и безпощадно преслѣдовалъ малѣйшее проявленіе свободной мысли. Но все это нисколько не мѣшало обычному теченію жизни, поэтому Святки 1820—1821 годовъ въ Казани проходили очень весело: баламъ и вечерамъ не было конца. Пребываніе въ Казани сенаторовъ, графа Санти и Кутникова, способствовало къ такому оживленію. Второвъ бывалъ вездѣ, гдѣ услѣвлялъ, возилъ съ собою и дочь, такъ какъ въ казанскомъ обществѣ и дѣти принимали участіе въ вечернихъ собраніяхъ. Изъ казанскихъ собраній этого года замѣчательны: балъ у Геркенихъ и маскарадъ въ Дворянскомъ Собраніи, гдѣ публики собралось болѣе восьмисотъ человекъ. У Геркенихъ былъ также маскарадъ, но дѣтскій. Оригинальны были танцы. Нѣкто дѣвица Штейнъ восхищала публику какимъ-то танцемъ съ шалью; одинъ мальчикъ, сынъ какого-то учителя, плясалъ по-цыгански; хозяйскія дочери дѣлали то же подъ звуки лѣсни: „По улицѣ мостовой“, послѣ ужина танцовали грессъ-фатеръ „въ старика, говоритъ Второвъ, бѣснлись въ танцахъ“. Въ слѣдующую поѣздку въ Казань, въ маѣ 1821 года, Иванъ Алексѣвичъ познакомился съ казанскимъ губернаторомъ Ниловымъ (Петръ Андреевичъ) * и его женой Прасковьей Михайловной, урожденной Бакуниной. Ниловъ стоялъ въ домѣ В. И. Чемезова; Анна Васильевна въ это время жила въ Петербургѣ, братъ ея Николай Васильевичъ въ домѣ отца. Второвъ явился къ Чемезовымъ въ день Троицы и нашелъ въ ихъ великолѣпномъ саду необычайное зрѣлище, толпы гостей, почти все дворянство и знать, приглашенныя губернаторомъ по случаю дня его рожденія. Прасковья Михайловна Нилова занималась литературой, то-есть писала стихи, по словамъ Второва это была необыкновенная женщина, „по ловкости, уму, свѣдѣніямъ и учености“, и къ тому же очень остроумная и большая насмѣшница: отъ нея особенно доставалось профессору Фуксу, надъ которымъ она жестоко трунила по поводу его свадьбы. Устройство праздника въ саду было дѣломъ Прасковьи Михайловны. Въ большой аллеѣ сада предъ китайскою бесѣдкой была раскинута палатка съ надписью *трактиръ*. Предъ палаткой настиланы были большой досчатый помостъ для танцевъ. Нѣсколько молодыхъ женщинъ были одѣты крестьянскими дѣвухами,

* Управлялъ губерніей съ 1820 по 1823 годъ.

нѣсколько кавалеровъ кондитерами и половыми. Эти замаскированные слуги разносили остальнымъ гостямъ чай, мороженое, аршадъ, лимонадъ, алельсины и разныя сласти. Съ одной стороны помоста стояли музыканты, съ другой, пѣсенники. Послѣдніе пѣли стихи сочиненные хозяйкою праздника въ честь своего супруга. Танцы открыла тогдашняя львица казанскаго общества, красавица собой, полицеймейстерша и полковница Станъ, урожденная Анненская; она привела въ восторгъ всю публику своею пляскою подъ звука русской пѣсни: „Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту“. Танцы продолжались до глубокой ночи. Садъ былъ иллюминированъ площадками и фонарями, праздникъ завершился фейерверкомъ. Второвъ нѣсколько разъ встрѣчался съ Ниловой у Чemezовыхъ, встрѣчался и съ ея мужемъ, но этими встрѣчками и ограничилось ихъ знакомство. Въ своихъ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ о Казани герой нашъ совсѣмъ забылъ о Ниловыхъ, но мы не можемъ ограничиться одною выше приведенною сценою изъ его разказовъ, потому что Прасковья Михайловна принадлежала къ числу замѣчательныхъ женщинъ своей эпохи. Ниловы были тамбовскіе помѣщики, знакомые Державину, бывшему, какъ извѣстно, губернаторомъ въ Тамбовѣ. Мать Петра Андреевича, Елизавета Корниловна, занималась литературой и была извѣстная въ свое время переводчица. До назначенія въ Казань, Петръ Андреевичъ былъ губернаторомъ въ Тамбовѣ и находился тамъ во время достопамятнаго 1812 года, отличаясь такимъ же отношеніемъ къ лѣтянымъ Наполеоновской арміи, какъ и герой нашей хроники, съ тою лишь разницею что тамбовскій губернаторъ, къ тому же и родственный фельдмаршала Кутузова, не имѣлъ причинъ ими стѣсняться, и ради ихъ ни съ кѣмъ не полемизировалъ. Прасковья Михайловна, какъ сказано, урожденная Бакунина, была двоюродною сестрою Дары Алексѣевны Дьяковой, второй жены Державина, въ домъ котораго она жила до замужества и нѣкоторое время по выходѣ замужъ. Знаменитый поэтъ посвятилъ ей стихотвореніе подъ названіемъ: *Парашъ*, написанное въ 1798 году, за годъ до свадьбы, и начинающееся слѣдующимъ куплетомъ:

Бѣлокурая Параша,
Сребророзова лицомъ,
Коей мало въ свѣтѣ краше
Взромъ, сердцемъ и умомъ! *

* Сочиненія Державина, Я. К. Грота. Т. II, стр. 184—186.

представляющимъ весьма правдивую ея характеристику. Поэтъ Батюшковъ, коротко знакомый съ Ниловыми, увлекался Прасковьей Михайловной и вотъ въ какихъ выраженіяхъ отзывался о ней въ одномъ изъ своихъ писемъ: „Нилова... которая, которую... ея опасно видѣть!“ * Но Батюшкова и его современниковъ привлекало къ Ниловой не одно ея „серебросовое лицо“, мѣнявшееся и увядавшее съ годами, но ея высокій умъ и сильный характеръ, соединенный съ необыкновенною добротой сердца. Намъ неизвѣстно гдѣ жили Ниловы до выѣзда изъ Казани. Кажется въ этомъ городѣ окончилось служебное поприще Петра Андреевича, но самостоятельная и притомъ весьма крупная общественная дѣятельность его супруги началась гораздо позже, въ концѣ тридцатыхъ годовъ, въ Кіевѣ, въ званіи первой директриссы и основательницы тамошняго Института Благородныхъ Дѣвицъ. Въ этомъ званіи она находилась шестнадцать лѣтъ, почти до самой смерти своей, воспослѣдовавшей въ Москвѣ въ 1853 году. По разказамъ лицъ коротко ее знавшихъ, всѣ поступки и дѣйствія Ниловой обнаруживали прямоту ея души и теплое, любящее сердце, привлекавшіе къ ней всѣхъ ея воспитанницъ. „Это былъ самый открытый и благородный характеръ, всегда и во всемъ соблюдающій самую строгую правду и дѣйствующій неуклонно и послѣдовательно, направляя всѣхъ и каждого къ добру и благу вѣрнѣшаго ей заведенія.“ Ниловой пришлось дѣйствовать въ Кіевѣ одновременно съ Дмитріемъ Гавриловичемъ Бибиковымъ, генераль-губернаторомъ юго-западнаго края, облеченнымъ почти неограниченною властью отъ покойнаго государя. Предъ этимъ энергическимъ человѣкомъ все преклонялось и всѣ его трелетали, кромѣ Ниловой, дѣйствовавшей самостоятельно и смѣло на глазахъ таготившей надъ нею всеильной власти. Однажды при посѣщеніи Бибиковымъ Института, между нимъ и директриссой произошелъ слѣдующій разговоръ (вадѣя въ совершенствѣ языками французскимъ и англійскимъ, Нилова иначе не говорила въ Кіевѣ какъ по-русски).

— Странное дѣло, сказалъ Бибиковъ,—всѣ три губерніи привыкли ловиноваться моей волѣ и всѣ, какъ мнѣ кажется, меня слушаютъ и многіе боятся. Одна Мпе Нилова дѣлаетъ исключеніе и, кажется, вовсе меня не боится. Не правда ли,

* *Русская Старина* 1871 года. Кн. I, стр. 236.

Прасковья Михайловна,—прибавилъ онъ со свойственною ему любезностью:—вѣдь вы вовсе меня не боитесь?..

— Нисколько, генераль, отвѣчала Нилова очень твердо. Да и чего мнѣ васъ бояться?—продолжала она:—вѣдь я и чиновникъ и даже не мущина. Ну а что вы сдѣлаете со сторукою бабой, да и охота ли вамъ съ нею возиться! У васъ вѣдь много дѣла поважнѣе этого.

Къ характеристикѣ Ниловой можно прибавить еще одну черту. Въ послѣднія пять лѣтъ пребыванія своего въ Кіевѣ она страдала ракомъ въ груди. Несмотря на то что ея окружали врачебныя знаменитости университетскаго города, никто не зналъ о ея страшномъ недугѣ. Выраженіе лица ея было всегда веселое и спокойное; дѣло объяснилось только при переездѣ въ Москву, гдѣ она вскорѣ и умерла отъ рака.

Въ эту повѣдку въ Казань Второвъ взялъ изъ пансіона Юнгвальдъ свою старшую дочь; но несмотря на достоинства „медамы“, дѣвочка, какъ увидимъ ниже, ничего не вынесла изъ этой школы, кромѣ поверхностнаго знанія французскаго языка. Не говоримъ о новыхъ знакомыхъ Второва казанскихъ и симбирскихъ, такъ какъ онъ заносилъ въ свои дневникъ почти одни имена; но кажется и знакомиться ея было болѣе уже не съ кѣмъ: чиновная и земельная аристократія двухъ губернскихъ городовъ и университетскія корпорація уже давно считали его своимъ человѣкомъ. Однажды пора о которой идетъ рѣчь была переходною въ жизнь нашего героя: отсюда начинается онъ спускаться къ своему закату; отсюда начинается долгій старческій періодъ его жизни. Въ Симбирскѣ, съ конца 1822 года, на мѣсто Магницкаго былъ назначенъ новый губернаторъ, Лукьяновичъ (Андрѣй Федор.), съ которымъ Второвъ послѣдшій познакомился, котораго онъ очень хвалитъ. Охотно знакомился онъ и другими не такъ высоко поставленными лицами; но кажется побужденіями къ знакомствамъ теперь начинается являться простое желаніе какъ-нибудь убить время, а не тревожащая ботающая мысль, какъ въ былое время. Если Казанскій университетъ, подъ управленіемъ Магницкаго, не проявлялъ какой умственной дѣятельности, то никакъ нельзя сказ

* Всѣ эти подробности передаемъ со словъ Э. С. Цыцурика, брата шаго въ то время ординарнымъ профессоромъ Кіевскаго университета, директоромъ Терапевтической Клиники и консультантомъ Института.

чтобы въ тогдашнемъ провинціальномъ обществѣ царствовало непробудный сонъ. Вспомнимъ что въ это время уже дѣйствовали возобновленныя масонскія ложи, у Второва почти подъ бокомъ была своя, Симбирская ложа, „Ключъ къ добродѣтели“ (*La Clef de la Vertu*), въ которой „мастеромъ ложи“ былъ князь Михаилъ Петровичъ Баратаевъ, чело-вѣкъ котораго зналъ Второвъ еще мальчикомъ. Мы ничего не знаемъ о дѣятельности казанскихъ масоновъ; но тамъ еще процвѣталъ одинъ изъ ревностѣйшихъ послѣдователей Новикова, С. А. Москотильниковъ, окончившій свое служеб-ное поприще совѣтникомъ губернскаго правленія. Но Вто-ровъ не принималъ никакого участія въ новомъ масонскомъ движеніи, а съ Москотильниковымъ, кажется, прекратилъ всякія сношенія. Онъ равнодушно сталъ встрѣчаться съ людьми отъ которыхъ прежде приходилъ въ неподдѣльный вос-торгъ: это, напримѣръ, обнаружилось при встрѣчѣ его по-зимѣ 1821 года въ Симбирскѣ съ Николаемъ Ивановичемъ Тургеневымъ, котораго онъ зналъ съ дѣтства и который въ это время былъ уже авторомъ очень извѣстнаго тогда сочине-нія, *Опытъ Теоріи Налоговъ*, въ короткое время выдержавшаго два изданія. По поводу этой встрѣчи Второвъ замѣчаетъ только что Николай Тургеневъ очень похожъ на своего брата Александра. Впрочемъ, съ княземъ Баратаевымъ Второвъ по-столяно находился въ самымъ добрымъ отношеніяхъ. Когда открывалось въ Самарѣ уѣздное училище, князь, какъ гу-бернскій предводитель дворянства, предложилъ Ивану Але-ксѣевичу принять должность почетнаго смотрителя, въ ува-женіе, какъ сказано въ любезномъ письмѣ, „его способности къ наукамъ“; но Второвъ почему-то отклонилъ отъ себя эту честь. Героя нашего крѣпко стала уже угнетать „злоба дна“: домашніе, служебные и экономическіе интересы ста-ли ему теперь дороже всякихъ иныхъ, — точнѣе, они не да-вали ему покоя и давно разрушили ту идиллическую обеща-новку которою онъ хвалился, тотчасъ послѣ женитьбы, въ письмѣ къ другу.

Проживъ полстолѣтія, Второвъ какъ нельзя серіознѣе счи-талъ себя глубоко несчастнымъ: онъ безпрестанно вздыхалъ, безпричинно тосковалъ, призывалъ смерть и былъ увѣренъ что она сидитъ у него за плечами, хотя очень долго при-шлось ему ожидать этой неприятой гостьи. Мы говоримъ

• Второвъ размышляющемъ, а не о томъ котораго зналъ

почти весь Поволжскій край, который вездѣ бывалъ, шутил и веселился, нравился женщинамъ, игралъ въ карты и проигрывалъ большіе куши. Что же за причины были страданія этого *другаго*, внутренняго Второва? Мы уже замѣтили что въ эту пору его жизни онъ былъ очень реальны; ихъ в всякомъ случаѣ нельзя смѣшивать съ сентиментальнымъ изнываніями. Второвъ страдалъ отъ того что онъ былъ дворянинъ, что онъ былъ въ маленькомъ чинѣ. Онъ раздражался и выходилъ изъ себя за то что, служа чуть не 4 лѣтъ, онъ достигъ только до коллежскаго секретаря, что прослужа нѣсколько сроковъ по выборамъ, онъ не получалъ Владиміра 4й степени, дающаго дворянство. Итакъ, или чинъ коллежскаго ассессора или орденъ дающій дворянство былъ предметомъ вождѣвній нашего героя. Была еще слабая надежда получить дворянство — служба его дѣда, то-есть чинъ коллежскаго секретаря полученный послѣднимъ еще въ ту пору когда чинъ соотвѣтствовалъ должности, когда секретарскія мѣста давались только дворянамъ и когда сами этотъ чинъ возводилъ въ дворянство человекъ происхожденія изъ „подлости“. Словомъ, на полученіе дворянства Второвъ имѣлъ всѣ права по теоріи, не имѣя только и практикѣ необходимыхъ для сего условій; чтобы пріобрѣсти ихъ, нужно было, по его словамъ, хлопотать, кланяться, *полицать*. Безъ исканій, низколоклонства и всякаго рода подлости, увѣряетъ Второвъ, *интересные* чины и ордена тогда не давались, а онъ ни кланяться, ни подличать не былъ способенъ. Отсюда, изъ этого источника, происходили всѣ его страданія. Страдать, считать себя жертвой, было вообще и характеръ людей сентиментальнаго закала; но Иванъ Александровичъ страдалъ искренно, что доказываетъ его желчь, его озлобленіе противъ существовавшихъ въ его эпоху порядковъ, отъ которыхъ *de facto* онъ не всегда отходилъ далеко. Жена — дворянка, помѣщица; всѣ ея родные — дворяне и помѣщички, хотя небогатые, но знатные. Самъ же онъ, Второвъ, не дворянинъ, а мелкій чиновникъ, дѣти его — дворяне, а несчастные, такъ-называемые, *оберъ-офицеры* дѣти.... Авторство, само по себѣ, не стоило мѣднаго гроша: оцѣнилось еще немногими, въ какомъ-нибудь профессорской или учительскомъ кружкѣ, гдѣ-нибудь въ Казани; притомъ авторству герой нашъ измѣнилъ, и литераторомъ, въ истинномъ смыслѣ этого слова, онъ не сдѣлался; и наконецъ, ка

человѣкъ умный и постоянно читающій, Второвъ не могъ не замѣтить что и дѣла авторскаго дѣла онъ не годится, что онъ отсталъ, устарѣлъ.... Честность служебная ничего не дала ему, кромѣ бѣдности; а бѣдность и нѣкоторый родъ экономической зависимости отъ жены не могли поставить его на такое мѣсто въ обществѣ на какое онъ, по своему уму и развитію, имѣлъ полное право. Онъ замѣчалъ что въ обществѣ его только *терпѣть*, что къ нему относятся съ обидною *снисходительностью*; могло это только такъ казаться, а не быть; но такого рода подозрѣніе, само по себѣ, доказываетъ что герой нашъ былъ въ вѣчной тревогѣ, что счастливымъ онъ не былъ. „Будь я одинъ и холостъ, я былъ бы доволенъ; но предрасудки, освященные обычаями и самыми законами, — тираны“, говоритъ Второвъ въ одномъ мѣстѣ своего дневника. Предрасудками этими онъ называетъ исканіе чина и ордеровъ, полученіе которыхъ „надобно просить, и для чего? для того что это необходимо для счастья дѣтей: чинъ и ордера нашей Имперіи и едва ли не всѣхъ правленій!“ Безъ принадлежности къ „благородному“, привилегированному сословію, въ эту эпоху жилось плохо; поэтому вполнѣ понятно что Второвъ вопросъ о дворянствѣ сдѣлалъ теперь своимъ жизненнымъ вопросомъ, такъ какъ съ нимъ связывалась будущая судьба его дѣтей. „Безпокойныя мысли не могутъ мнѣ спать“, пишетъ онъ въ одну, проведенную безъ сна, ночь. „Все прошедшее представляется мнѣ и я терзаюсь что былъ прежде столько неискателемъ, не просилъ, не просыкался. Не было, и нынѣ (въ 1819 году) не достасть духу просить о себѣ“. Но въ 1822 году онъ рѣшается искать и просить: совѣты Струкова и А. В. Пановой, переѣхавшей въ Петербургъ, убѣждаютъ его отправиться въ сѣверную волость, куда и безъ того влекло его собственное душевное расположеніе, желаніе отдохнуть, освѣжиться отъ провинціальной атмосферы, въ которой онъ былъ двадцать лѣтъ закуренъ.

Какъ „философъ“ (этимъ именемъ назывались тогда люди подобные Второву), Иванъ Алексѣевичъ не разъ чувствовалъ всю тягость нравственнаго противорѣчія съ самимъ собою. Искренно жалѣя крѣпостныхъ людей, подвергающихся взорному наказанію, онъ считалъ себя вынужденнымъ самъ ихъ наказывать, даже при помощи полиціи, какъ это видно изъ слѣдующихъ его словъ, сказанныхъ по поводу какого-то

романа изъ быта собственной его прислуги: „Бго и бго чием сего мѣсяца (июнь 181^о) я былъ точный страдалецъ в аду: не спалъ и не ѣлъ болѣе сутокъ; отъ чего же? Отъ простулка моихъ людей, которыхъ долженъ я былъ наказывать, и не самъ, а чрезъ полицію! Простулокъ весьма естественный, но развратный и нетерпимый въ семействѣ. Мы болѣе всѣхъ жалко Софью. Я не ожидалъ чтобы работа могло до такой степени унижить человѣка.“ Къ сказанному прибавимъ что Второвъ былъ несчастенъ въ своей семейной жизни: дальнѣйшія страницы его романа далеко не имѣютъ того идиллическаго характера, какъ тѣ на которыхъ мы остановились въ VI главѣ. Семейныя обстоятельства были таковы что могли только увеличить его желаніе оставить Самару и уѣхать въ Петербургъ, хотя на время. Все сказанное нами до сихъ поръ, независимо отъ бремени 50 лѣтъ измѣняло, конечно, къ худшему нравственную личность нашего героя, въ чемъ и самъ онъ откровенно сознается. „Я бы ужился со всѣми, но пылкость и страсти только тянутъ меня, больше никого! Я вреденъ только себѣ; я добродушою и сердцемъ“... „Иногда, говорится въ другомъ мѣстѣ ничтожная бездѣлица можетъ меня беспокоить, на примѣръ для чего спили мнѣ теплый капотъ изъ немоченаго казеннаго міра!“

Но прежде чѣмъ продолжать разказъ нашъ о вторичномъ путешествіи въ столицу нашего героя, для полноты его характеристики, обращаемся къ прерванному нами его роману къ его супружескимъ отношеніямъ съ Марьей Васильевною

IX.

И. Н. Второвъ и современныя ему женщины.—Характеристика В. Второвой.—Семейныя ссоры.—Непрактичность Второва.—Общечіе его недостатковъ женою.—Жалобы Второва на характеръ и слабды.—Отношеніе Марьи Васильевны къ крѣпостнымъ людямъ. Мнѣніе сына о взаимныхъ отношеніяхъ его родителей.—Марья Васильевна, какъ мать.—Ея заботы о приданомъ дочери.—Отношеніе ея къ А. В. Павовой и ихъ переписка.—Практичность и домохозяйственность Марьи Васильевны и ея умѣнье ладить съ людьми.—Жизнь ея въ отсутствіе мужа.—Развитіе чахотки.

Ивану Алексѣвичу Второву, въ эпоху его молодости, много ходило не разъ имѣть вліяніе на женщинъ. Почва для р

нтія идей болѣе благодарная, чѣмъ мужская половина его современниковъ, провинціальныя чиновники и помѣщики. Прежде всего онъ старался дѣйствовать на чувства, развитію болѣе чуждую, сентиментальную чувствительность, которою самъ онъ хотя и не былъ вполнѣ провѣнать, но которая востановилась у него на языкѣ; быть человѣкомъ прежде всего „чувствительнымъ“, Эрастомъ Карамзина, стало для него путеводнымъ жизненнымъ идеаломъ. Затѣмъ уже, послѣ сентиментальнаго воспитанія, онъ старался вліять на интеллектуальную сторону женщинъ; но чѣмъ и какъ? Онъ приучалъ ихъ къ веденію дневниковъ, пріохотчивалъ къ чтенію „книжекъ“ повѣствовательнаго содержанія, стиховъ и, можетъ-быть, къ писанію этихъ послѣднихъ; но прочитанныя „книжки“ давали скудный матеріалъ для бесѣдъ и размышленія и почти ничего для развитія и самообразованія. Такъ онъ поступалъ съ своею любимою сестрой Александрой Алексѣевной, въ которой когда-то находилъ богатые задатки; такъ онъ поступалъ съ „барышнями“ Мильковичъ, ея подругами, изъ которыхъ одна сдѣлалась его женою, и съ тѣми неизвѣстными намъ особами которыхъ онъ страстно любилъ. Кодексомъ его морали, энциклопедіей его философіи и всякаго рода свѣдѣній (историческихъ, географическихъ и пр.) были произведенія масонской и сентиментальной литературы, преимущественно *Письма Русскаго Путешественника* и вообще сочиненія „любезнаго“ Карамзина, коимъ онъ заставлялъ сестру и „барышень“. Похвальная дѣль, вѣроятно, была достигнута; но сестра и „барышни“ остались на всю жизнь женщинами почти необразованными, натурами невоздѣланными; по крайней мѣрѣ сколько-нибудь грамотно онъ не умѣли писать. Впрочемъ, грамотное писаніе между женщинами современницами Второва было рѣдкимъ исключеніемъ, и сама Анна Васильевна Галова, „великій человѣкъ“ между ними, писала такими же архаическими и также безграмотно, какъ жена и сестра Второва. Чтеніе „книжекъ“ не было уже рѣдкостью; читала „книжки“ даже Катерина Федотовна Мильковичъ; но „книжки“ читались для препровожденія времени и мало вліяли на современницъ нашего героя: мы не знаемъ ни одной изъ женщинъ близкихъ къ нему которая равнялась бы съ нимъ въ умственномъ развитіи, за исключеніемъ можетъ-быть

одной Пановой, образъ которой, къ сожалѣнiю, рисуется имъ лишь общими, неясными чертами.

Марья Васильевна Второва не только не подчинилась умственному влiянiю своего мужа, но даже пошла наперекоръ ему, сдѣлалась горячею его обличительницею. Отсюда возникъ между ними разладъ; разладу помогло несходство характеровъ, совершенная противоположность ихъ натуръ, разница во взглядѣ на ихъ взаимныя супружескiя отношенiя. Марья Васильевна осталась тѣмъ чѣмъ она была, „барышней“, полуобразованнымъ, но совершенно цѣльнымъ, непосредственнымъ, какъ говорится, созданиемъ; Иванъ Алексѣевичъ, какъ мы знаемъ, былъ олицетворенною рефлексiей, полнѣйшимъ раздвоенiемъ нравственной человѣческой природы. Въ исторiи его женитьбы, обставленной безъ особенной надобности всѣми романтическими затѣями, мы уже видѣли что настоящею героиней является Марья Васильевна: ею руководитъ сильное чувство, если не страсть; она распоряжается событiями. Второвъ, какъ мы видѣли, только нылъ, и если увлекался, то развѣ романческою стороною этихъ событiй. По выходѣ замужъ, послѣ частыхъ и нерѣдко продолжительныхъ ссоръ, во время такихъ же отлучекъ изъ дому одного изъ супруговъ, въ ней съ тою же силою вспыхиваетъ прежнее чувство, горячая привязанность къ мужу, къ свосму милому Ванѣ, или „Вавюшкѣ“. Иванъ Алексѣевичъ несомнѣнно любилъ жену, но менѣе сильно: чувство его къ ней было больше въ головѣ, въ воображенiи, чѣмъ въ сердцѣ. Въ первые годы женитьбы онъ до нѣкоторой степени увлекался другими женщинами, но только до нѣкоторой. Полнаго увлеченiя не было; его онъ боялся, вѣроятно изъ боязни жены; еслибъ оно было, то непремѣнно возбудило бы въ Марьѣ Васильевнѣ сильную ревность, которой въ ней и признака никогда не было. Въ дневникѣ, открытомъ для жены, Второвъ записалъ, и то по-французски, то-есть на языкѣ незнакомомъ для жены, всего два случая такого увлеченiя и притомъ только намеками; такихъ случаевъ могло быть больше. Одинъ изъ этихъ случаевъ даетъ разумѣть что предметомъ увлеченiя была Анна Васильевна Панова, но при другомъ прямо говорится что она и жена были забыты. Въ Аннѣ Васильевнѣ было дѣйствительно что-то увлекающее и манящее, красота, кокетство и вообще любезность свѣтской, богатой женщины, очерь же глухой и относительно образованной. Явное предпочтенiе

казываемое ею нашему герою, могло сначала увлечь его; заставить самообольщаться на счетъ ея чувствъ; но потомъ она стала для него только *другомъ*, а еще позднѣе, при неравенствѣ ихъ общественнаго положенія, другомъ и „благодѣтельницей“. Дальше любезностей, можетъ-быть неяснаго объясненія (кажется въ 1809 году) у нихъ не заходило дѣло; Второвъ по крайней мѣрѣ не рѣшился на дальнѣйшій шагъ. Черезъ десять лѣтъ, въ 1819 году, вотъ что онъ между прочимъ къ ней пишетъ: „Я всегда почиталъ и нынѣ почитаю моего друга и благодѣтельницу не только необыкновенною женщиною, но и необыкновеннымъ человѣкомъ“. Такимъ лжкомъ влюбленные не говорятъ. Словомъ, къ Аннѣ Васильевнѣ Пановой Второвъ не питалъ „вѣжнаго чувства“; это всего лучше доказывается отношеніями къ ней Марьи Васильевны, также очень дружественными и почтительными. Въ письмахъ своихъ Марья Васильевна называетъ Панову „благодѣтельницей“, „матушкой-благодѣтельницей“ и вообще относится къ ней съ крайнею почтительностію, какъ это водилось въ ту пору въ отношеніяхъ людей болѣе низшаго общественнаго положенія къ выше ихъ стоящимъ. Панова была крестною матерью второй дочери Второвыхъ, Анны, и пользовалась великимъ авторитетомъ въ ихъ семьѣ; ея совѣта слушались какъ въ дѣлѣ нарядовъ, такъ и въ дѣлѣ воспитанія. Всю семью Второвыхъ она очень любила и въ особенности ласкала Катеньку, когда она была въ пансіонѣ у Юнгвальдъ и дѣлала ей богатые подарки. Можетъ-быть, воспоминаніе о вслыхнувшемъ въ ней когда-то вѣжномъ чувствѣ къ нашему герою было причиною ея симпатичныхъ отношеній ко Второвымъ; но объ этомъ чувствѣ, если оно только дѣйствительно было, Марья Васильевна не могла догадываться. Словомъ, со стороны сердечной, по отношенію къ другимъ женщинамъ, Иванъ Алексѣевичъ былъ безупреченъ, но страстной и любящей Марья Васильевнѣ онъ не нравился именно недостаткомъ въ немъ дѣйствительной страсти, отсутствіемъ горячей любви къ ней. Марья Васильевна поняла что она для мужа не составляетъ „перваго блага въ жизни“, какъ онъ для нея; что это благо для него—книги и литературныя занятія. Это открытіе тѣмъ болѣе оскорбляло и раздражало ее когда она убѣдилась что мужъ ея не былъ холоднымъ флегматикомъ, что, напротивъ, натура его была живая и не менѣе чѣмъ она сама страстная и увлекаю-

щаяся. Оскорбленіе и раздраженіе не могли привести ни къ чему хорошему. Появъ мужа, Марья Васильевна не сумѣла и не захотѣла приладиться къ нему; вмѣсто того чтобъ, имѣя подъ руками цѣлую бібліотеку, имѣя образованнаго мужа, подумать о собственномъ образованіи, она возненавидѣла книги; словомъ, она объявила войну своему Ванѣ, и не безъ умысла, кажется, сама начала оскорблять и раздражать его. Начались ссоры, безпреставныя сцены, переходившія черту приличія въ супружескихъ отношеніяхъ; Марья Васильевна нерѣдко бросала Самару и по цѣлымъ недѣлямъ жила въ Катериновкѣ у матери и брата. Проходила досада, супруги начинали переписываться, — привычка къ сожитію, дѣти и общіе интересы снова влекли ихъ другъ къ другу. Несмотря на тогдашнее общественное благодушіе, на легкость установленія отношеній общественныхъ и личныхъ, а можетъ-быть и по причинѣ этого, между многочисленными друзьями Второвыхъ не нашлось никого кто бы попробовалъ водворить миръ и тишину въ этомъ семействѣ, для счастья котораго, повидимому, немногаго недоставало; но за легкостью, если не за пустотою общественной жизни, семейная драма не могла быть замѣтна, да и Второвы тщательво ее скрывали даже отъ своей „благодѣтельница“. Итакъ, супруги не были счастливы; но Марья Васильевна была гораздо несчастнѣе своего мужа. Въ семейнаго счастья, Второва не находила и не могла найти другихъ интересовъ, и вотъ она вся погрузилась въ заботы о дѣтяхъ, въ хлопоты по хозяйству, въ скопидомство; все это ее мучило, терзало. Крѣпкое здоровье ея нагломилось; съ нею сдѣлась злая чахотка, и тогда-то, на самомъ дѣлѣ, раздражительность ея дошла до крайнихъ предѣловъ. Самому Второву жилось легче: помимо семьи, у него были другіе интересы, были идеалы; одною половиною своей психической природы онъ жилъ въ другомъ, мечтательномъ мірѣ; онъ совершенно отстранилъ отъ себя всѣ прозаическія домашнія заботы, взваливъ ихъ на плечи жены. Иванъ Алексѣевичъ былъ плохой практикъ вообще; плохой онъ былъ и хозяинъ; плохимъ оказывался и служакой, когда служба занимала его и требовала практической дѣятельности, къ которой онъ былъ мало способенъ, а такова была послѣдняя его служба по соляной части. Службой и доходами съ имѣнія, принадлежащаго Марьѣ Васильевнѣ, Второвы жили. Н

ишнѣе, доставшееся ей въ приданое, до послѣдняго времени оставалось невыдѣленнымъ, а потому и доходъ съ него, съ 25 душъ, былъ самый ничтожный; даже по выдѣлѣ, его далеко не хватало на содержаніе семьи. Извлеченіе этого дохода лежало на обязанности Второвой и было одною изъ причинъ ея частыхъ отлучекъ въ Катериновку. Тогдашнія потребности людей находящихся въ положеніи Второвыхъ были не велики; содержаніе, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, было ни почемъ; но все чего не производила русская деревня, всѣ мануфактурныя произведенія и иностранныя товары, сдѣлавшіеся насущною потребностью, продавались по баснословной цѣнѣ: чай продавался по 7—8 р. за фунтъ, сахаръ по 1½ и до 2 руб., кофе по 2 р. 50 кол., миндаль по 1 руб.; сукно и шелковыя матеріи были доступны только немногимъ богачамъ: приходилось рядиться въ ситецъ, каленкоръ, казимеръ и нанку. Потребности Второвыхъ были несравненно выше чѣмъ людей равнаго съ ними экономическаго положенія. Сверхъ того, Иванъ Алексѣевичъ покупалъ книги, выписывалъ журналы, игралъ въ карты и, кажется, чаще проигрывалъ; очевидно, 600 руб. жалованья и деревенскихъ доходовъ для удовлетворенія семейныхъ нуждъ едва ли бы достало, а между тѣмъ эти нужды не только удовлетворялись, но довольно значительная по тогдашнему времени сумма денегъ (кажется отъ 3 до 5 тысячъ) ходила по долгамъ: въ числѣ должниковъ былъ Струковъ и нѣкоторые сослуживцы Второва. Очевидно что должность солянаго приетава доставляла послѣдному нѣкоторый, и притомъ не малый, такъ-называемый „безгрѣшный доходъ“, пользование которымъ узаконялось тогдашнюю служебную практикой. Но и собраніемъ этого дохода Иванъ Алексѣевичъ не занимался какъ слѣдуетъ: и здѣсь ему содѣйствіе Марьи Васильевны, умной, расторопной, мѣтко и быстро оцѣнивавшей людей, оказалось положительно необходимымъ. Не безъ основанія, поэтому, она обличала его въ одномъ изъ писемъ къ матери (письмо безъ даты; орфографія восстанавливается), представляющемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, любопытную характеристику мужа.

„Онъ (мужъ) лѣнивъ, и вы знаете его не совѣмъ. Скажу вамъ что онъ деспотъ и философъ; но Богу извѣстно, какой секты. Онъ и свѣтскій человекъ, смѣсь всего, а я—небольшая фигура, человекъ съ завязанными руками и глазами.

На всякомъ шагу онъ меня останавливаетъ: Оставь это! Я больше тебя знаю, опытыѣе. Привыкай къ нуждѣ, береги деньги. Словомъ, чтобы только имѣть (то) чтѣ требуетъ натура человѣка, (надобно) согласиться съ Діогеномъ что человѣкъ для того имѣетъ руки чтобы употреблять ихъ и вмѣсто ковша, и вмѣсто гребня, и жить въ бочкѣ. Словомъ, что у людей называютъ порядкомъ, у насъ — прихоти! Но это не всегда (такъ): по утру — Діогенъ, послѣ обѣда — свѣтскій человѣкъ: зоветъ ѣхать въ гости, къ себѣ зоветъ гостей Домъ нашъ похожъ на философскую бочку: двери скрилятъ, однѣ не открываются, другія не створяются, полы трясутся, печи забыты, нельзя топить, мы терлимъ холодъ и тѣснясь въ двухъ комнатахъ. Вотъ, матушка, наша жизнь кака! Цѣлое семейство терлитъ нужду отъ того что онъ лѣнивъ. Жалуюсь вамъ на него въ надеждѣ что вы его пожурите. Письмо мое безпорядочно, но пишу отъ полноты сердца. Смертельно горько жить безъ цѣли и надежды, имѣвши обязанности, — двое дѣтей: чтѣ мы доставимъ (имъ) и какое дадимъ воспитаніе! Старшей (дочери) 10 лѣтъ; она умѣетъ только читать, а пишетъ худо. Отецъ любитъ ученость, но не хочетъ ею заняться: все недосуги! Зимой читаетъ книги и переводить, лѣто занять должностью; не знаетъ когда будетъ свободенъ.“

Въ счастливыя минуты согласія вотъ чтѣ Марья Васильевна писала къ своему мужу: „Дай Богъ чтобы мы поумнѣли съ тобой подъ старость и узнали цѣну семейственной жизни. Признаюсь тебѣ, какъ другу, что это одна мечта, и я не жду лучшаго. Твой характеръ таковъ что ничего не стоить огорчить меня. Ты великій деспотъ и эгоистъ, но только противъ меня, и хочешь до гробовой доски приучать меня къ нуждамъ и терпѣнію. Но оставимъ это! Мнѣ стало грустно; я плачу; Богъ милостивъ! Можетъ, Онъ сжалятся надъ моимъ терпѣніемъ, откроетъ тебѣ глаза, и ты позволишь мнѣ человѣческія чувства и самолюбіе и снимешь (съ меня) иго рабства многихъ деспотовъ.“

А вотъ отрывокъ изъ письма писаннаго въ мрачномъ расположеніи ея духа:

„По письму твоему вижу что ты сердиться на меня. Скажу тебѣ что стыдно и грѣшно тебѣ. Ты знаешь что я и такъ много страдаю отъ истерики; такъ тебѣ кажется что еще мало: ты хочешь еще быть другимъ моимъ тираномъ; Богъ тебя накажетъ за меня! Я ужъ давно тебѣ сказывала что я

близка къ сумашествію; такъ ты хочешь ускорить или чтобы задушила меня истерика. Но, еслибы случилось послѣднее,— явлюсь тебѣ что я того желаю. Болѣзнь моя сдѣлала мнѣ жизнь несносною, но боюсь сумашествія: я знаю что я тогда буду тяготить тебя, или моихъ родныхъ: такъ сжался для Бога и для бѣдныхъ дѣтей! Ты будешь имѣть жену, но дѣти матери—никогда! Еще тебѣ скажу, если ты забудь что я другой мѣсяцъ брюхата; и я въ это время болѣе подвержена истерикѣ: такъ хотя для этого невиннаго пожалѣй меня и не лишай его, при самомъ рожденіи, матери. Ежели, для твоего спокойствія, нужно знать причину моихъ слезъ, то вотъ (она): Этотъ день я была расположена къ истерикѣ, а въ это время Богъ знаетъ о чемъ я не думаю! Мнѣ пришла на умъ всѣ мои дѣла и заботы и что ты принимаешь въ нихъ участіе; но когда мнѣ нужно было переговорить, ты не вышелъ ко мнѣ. Я сочла всѣ твои пріѣзды въ Катериновку: ты не участвовалъ въ моихъ дѣлахъ и не удостоивалъ своими совѣтами. Вина, конечно, велика что я тебѣ не сказала, когда ты спрашивалъ меня; но ты знаешь, когда я въ истерикѣ, то я не могу говорить, а вечеромъ ты былъ сердитъ и бѣгалъ меня. Но теперь, ежели повѣришь мнѣ, въ моемъ сердцѣ не было ничего болѣе* и т. д.

А вотъ еще замѣтка въ болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ, писанная вскорѣ послѣ крупнаго разлада, въ концѣ апрѣля 1891 года, о которомъ будетъ сказано ниже:

„Что со мною дѣлается? Весь день я лежу, но у меня ничего не болитъ, только чувствую слабость и бѣшеніе сердца. Ужасная пустота занимаетъ мое сердце. Мужъ уѣхалъ; я, кажется, довольна: я его болѣе не люблю; всегдашнія обиды отравили меня (отъ него). Боже мой, какъ онъ язвительно ругаетъ! Я — злая, мстительная, упрямая, словомъ, фуриѣ! Но я же должна хозяйничать, распоряжаться всѣмъ. Никто меня не уважаетъ. Я должна быть бережлива, хранить всякую крошку, потому что мужъ наживаетъ. Мнѣ нельзя взыскать, а взыщу, бѣда! Я была нѣсколько разъ обругана, за что же? что на колѣнку купила рубль. Много бы было исчислять всѣхъ случаевъ скаредства и ужасныхъ мнѣ обидъ отъ его добродѣтели. Короче сказать, когда я носила послѣднюю беременность* и была въ такомъ состояніи что

* Вторымъ, вскорѣ умершимъ, сыномъ.

не могла сидѣть и обѣдала на ногахъ, была ужасно разругана (за то) что положенъ былъ лукъ въ щи. Ни увѣренія мои что я не приказывала, ни молчаніе, ни шутки, ни что не оставило! Во все время обѣда продолжались ругательства, чему была свидѣтельница Жедринская, она даже плакала.... Писать не могу, кружится голова. Я одна, дѣтей выслала, и кажется, какъ будто не имѣю никакихъ обязанностей. Боже мой! я и этого счастья лишена; дѣти не утѣшаютъ меня, а тяготятъ меня. Катю отослала къ Адодѣвъ Петровнѣ, Аннушку въ огородъ, Николай всегда на дворѣ, маленькій едва дышетъ отъ болѣзни, и того отсылаю! Боже, какъ я несчастна!“

Выслушавъ одну сторону, слабѣйшую и обвиняемую, мы обязаны прослушать и показанія обвинителя, замѣтивъ пока что онъ въ скаредничествѣ и скопидомствѣ былъ всего мѣнѣ повиненъ, они просто не были въ основѣ его характера. Мы имѣемъ основаніе предполагать что ворчливость Второва, по поводу денежныхъ тратъ, имѣла лучшій источникъ желаніе ограничить свои „безгрѣшные доходы“, которые не могли его не тревожить, хотя, съ другой стороны, частые и значительные проигрыши въ карты уменьшаютъ вѣроятности такого предположенія. Пока просимъ судью-читателя не забывать что подсудимая — умная помѣщица, барыня, а подсудимый — человѣкъ образованный, литераторъ, но скорѣе чиновнаго, чѣмъ помѣщичьяго, закала.

„Вся жизнь моя, пишетъ Иванъ Алексѣевичъ, 5го іюня 1827 года, была какъ невольника; но никогда еще не былъ я под такимъ тяжкимъ деспотизмомъ, какъ нынѣ. Много было случаевъ что у самыхъ жестокихъ людей выпрашивалъ себѣ помилованіе; но нынѣ ни просьбы, ни слезы, ни ужасныя страданія мои, ничто не преклоняетъ къ спасенію жизни моей. И отъ кого же такая жестокость и непреклонность! От моего друга, для котораго жертвовалъ я не только свободѣ моему (въ неизвѣстности), но и самую жизнь, друга котораго люблю еще и жалѣю, тѣмъ болѣе что онъ самъ не легко и едвали въ силахъ будетъ перенести смерть мою; кромѣ того, до смерти еще, молва, сужденія людей, а можетъ-быть и презрѣніе, убійственны будутъ для насъ обоихъ. А дѣти. Несчастливыя дѣти! вы, кромѣ ужасныхъ примѣровъ нашей жизни, останетесь безъ помощи, можетъ-быть безъ пріюта безъ воспитанія! Будущая участь ваша болѣе всего терзаетъ

ное сердце, ежели вы получите такой же несчастный нравъ или такую же несчастную чувствительность, какъ ваши родители.“

Въ этихъ изнывающихъ lamentаціяхъ Иванъ Алексѣевичъ весь: онъ невольникъ, жертва чрезмѣрной чувствительности, которую всѣ обижаютъ,—теперь жена, а прежде мать, сестра, Чекановъ, литераторъ Петровъ, Струковъ и т. д. Внутреннему, интеллектуальному Второву, именно сентиментальной сторонѣ его природы, нуженъ былъ какой-нибудь матеріалъ для того чтобъ изнывать въ тоскѣ, плакать, призывать смерть. Второвъ собирался умирать чуть не съ дѣтства. Тутъ же, послѣ приведенныхъ выше словъ, мы у него читаемъ: „Предвѣстіе близкаго конца моей жизни началось въ самый день моего рожденія (1го іюня); въ день именинъ (2го іюня) еще было мнѣ прискорбіе, а теперь, кажется, все совершилось!..“ Сравнивая эти сентиментальныя фразы съ дѣйствительною скорбію Марьи Васильевны, читатель несомнѣнно приметъ ея сторону и готовъ безусловно осудить нашего героя. Но мы просимъ читателя пообозрѣть своимъ приговоромъ, ибо еще разбирательство не кончено. Сентиментальныя фразы, заѣдавшія Второва и переклаивавшія рѣчь его, были выраженіемъ лишь одной стороны его психической природы; наконецъ, эти фразы не были его измышленіемъ, а общею манерою людей его развитія и эпохи. Но у него была другая сторона, мыслящая, творящая идея и вносящая ихъ въ жизнь; эта сторона была совершенно чужда Марьѣ Васильевнѣ. Этою другою стороною, дѣйствующею на сентиментальной подкладкѣ, Иванъ Алексѣевичъ имѣлъ въ своемъ кругу не малое общественное значеніе. Но женщины подобныя Марьѣ Васильевнѣ не годятся въ поощрители подобнымъ людямъ.

Уже на другой годъ послѣ своей женитьбы, Иванъ Алексѣевичъ начинаетъ жаловаться на свои домашнія обстоятельства, говоря что они жестоко его оскорбляютъ. Конечно, неумышленно и не сознавая, но Марья Васильевна, дѣйствительно, навесела ему тяжкое оскорбленіе, когда, не возлюбивъ почему-то стараго слугу его Гаврилу, вмѣстѣ съ нимъ лутествовавшаго въ столицѣ, заставила мужа удалить его изъ дому и отпустить на оброкъ. Мужу было больно смотрѣть, когда, по калризамъ жены, перебирался старый одуга изъ семейнаго гнѣзда. Послѣ этого происшествія, жалобы на несчастный, сварливый, вслыльчивый, злобный нравъ“

Марья Васильевна не прерываются: ими переполненъ дневникъ Второва. Упоминаются въ немъ и ссоры, хотя какъ бы мимоходомъ; впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ авторъ дневника сознается что едва удержался чтобы не „проучить“ жены. Жалуетса онъ и на ея роскошь и какіе-то „церемоніалы“, по случаю долгаго гощенія у нихъ въ Самарѣ кучи родныхъ всѣ эти жалобы высказывались (въ журналѣ) въ формѣ мягкой, съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ къ характеру жены. Крупный разладъ произошелъ въ мартѣ 1821 года, и также по поводу слуги, но уже другаго, молодого парня, „Митьки“ кажется, того самаго который соблазнилъ горничную Софью. За это, или за чтò иное, но только Марья Васильевна ея не влюбилась и начала преслѣдовать. Разъ этотъ „Митька“ съ позволенія барина, купилъ себѣ мерлушекъ. Увидѣвши это, Марья Васильевна вышла изъ себя и потребовала чтобы его посадить въ тюрьму. Несчастный упалъ на колѣна со слезами просилъ пощады; но грозная барыня была неумолима. Иванъ Алексѣевичъ вступился, и сталъ дымъ коромыслемъ! Марья Васильевна объявила что она не прочь расстаться съ мужемъ на вѣки. Иванъ Алексѣевичъ, признавая невозможность личныхъ объясненій, пишетъ къ ней длинное письмо, которое въ извлеченіи приводится ниже:

„...Я не помню ни одного случая когда бы могла ты меня выслушать хладнокровно и хотя чрезъ годъ послѣ того, и болѣе, когда уже успокоится сердце, могла признаться что поступки твои были несправедливы. Бываютъ такіе несчастные нравы; но когда пройдетъ первый пылъ и утихнетъ гѣвъ, тогда заглаживаютъ сами прошедшую несправедливость и признаются.... Ты могла видѣть какъ легко я переносилъ всегда несчастныя минуты твоего изступленія и я слѣдъ того всегда старался, сколько могъ, кротостію и угоденіемъ щадить и утишать твою раздражительность; вальдѣ тивъ того, никогда не видалъ чтобы хотя единожды ты меня пощадила... Будемъ говорить о вчерашнемъ происшествіи. Какая вина человѣка, съ позволенія моего купить мерлушекъ и, не дообѣдавши, не скоро убрать ихъ? Вотъ все изступленіе! Можно ли за это посылать въ тюрьму, и тогда, когда, по вѣрности и усердію его, возложена на него проща соли, когда не достаетъ рукъ и для другихъ дѣлъ окрѣ дома! Я испыталъ съ малолѣтства его нравственность; бы и есть проступки его, приличные молодости, но подыхн

гнусныхъ никогда! Усердіе его, способность, вѣрность и трезвость ничѣмъ неоцѣнимы въ человѣкѣ его состоянія, особливо при нашемъ беззаконіи. Я самъ замѣтилъ что въ теченіи трехъ или четырехъ мѣсяцевъ, послѣ послѣдняго, довольно строгаго наказанія, онъ расторопностью, усердіемъ, послушаніемъ могъ бы загладить и важнѣйшее преступленіе, особливо во время лоуздки моей въ Симбирскѣ, сберегши меня, самъ подвергался опасности. Но ты съ тѣхъ поръ не удостоила его не только ни однимъ ласковымъ словомъ, даже взглядомъ, и точно смотришь всегда какъ на злодѣя. Давно ли было что за честный отказъ отъ предполагаемыхъ ему на сапоги двадцати рублей было ужасное ругательство и потомъ какъ будто лодыски и придирки находить его виноватымъ. Въ отсутствіе твое въ Казань, онъ со слезами объяснилъ мнѣ это, а вчерась, стоя на колѣняхъ, не могъ промолвить слова отъ рыданія: за что на него такой гнѣвъ!—и просить для успокоенія тебя продать его. Я прошу тебя именемъ дружбы, именемъ дѣтей нашихъ и Бога: разсмотри съ холоднымъ духомъ все прошедшее, разсуди и о томъ, гдѣ мы найдемъ слугу — ангела непогрѣшимаго, и много ли такихъ въ другихъ домахъ? Ты имѣешь столько разсудка видѣть что человѣка можно довести до крайности непрерывнымъ гнѣвомъ и взысканіями и отнять отъ него усердіе и привязанность къ господамъ. Прошу тебя, ежели не можешь въ несчастныя минуты укротить своего гнѣва; то, не огорчая себя, скажи мнѣ: неужели я когда настоящую вину пропустилъ безъ взысканія?... Вспомни еще и то, каковы нынѣшнія обстоятельства въ цѣломъ свѣтѣ.... Ты знаешь что у насъ скоро прорвется рабство, * по многимъ тираниамъ господь.... Пощади меня, милый другъ! У меня давно явдятся въ душѣ тайныя скорби. Можетъ-быть не болѣе эти гнѣвы продолжится мое существованіе; я это чувствую въ припадкахъ душевной и тѣлесной болѣзни. Для Бога, для нашей дружбы и любви и для бѣдныхъ дѣтей, прошу Бога: не ускоряй смерти моей такимъ несогласіемъ и раздоромъ и т. д."

На эти строки, на оборотѣ того же письма, черезъ мѣсяцъ,

* Случаи объ освобожденіи крестьянъ распространились по всей Россіи еще съ 1818 года (Богдановичъ, *Исторія Царств. Импер. Александра I*, V, 449).

Марья Васильевна отвѣчала приведенною выше патетическою замѣткою, въ которой она съ такою искренностію говоритъ о своемъ несчастіи. По словамъ Ивана Алексѣевича, преслѣдованія слуги, о которомъ шла рѣчь и который сопровождалъ его теперь въ столицу, не прекращались до самаго отъѣзда. Исторія съ „Митькой“ послужила поводомъ къ нескончаемому ряду сценъ; если вѣрить Второву, сцены переходили даже за черту „пристойности“. Послѣдній предъ отъѣздомъ въ столицу разладъ, несомнѣнно ускорившій и самую поѣздку Второва, произошелъ изъ-за одного Нѣмца, нѣкоего Кантера (Александръ Самойловичъ), торговавшего модными товарами. Благодаря своему нѣмецкому происхожденію и страстишкѣ къ бостону, онъ былъ принятъ въ лучшихъ самарскихъ домахъ, но страшно проигрывался и часто расплачивался разными женскими нарядами, челпачами, лентами, бахромой и т. п. Бывалъ онъ и у Второвыхъ, и Марья Васильевна сначала къ нему благоволила; но потомъ этотъ чудакъ надоѣлъ ей, можетъ-быть потому что товары его позалежались. Ничѣмъ не стѣсняясь, она высказывала ему свое нерасположеніе, а по ея примѣру, дѣти и даже горячивыя „дѣвки“, къ немалому конфузу хозяина, прямо въ глаза говорили Кантеру: „Вы намъ надоѣли, Александръ Самойловичъ!“ Наконецъ Кантеру отказываютъ отъ дому. Не чувствуя за собою вины, Нѣмецъ является ко Второву и требуетъ у него объясненія. Этотъ послѣдній началъ былъ распекать прислугу за отказъ, какъ вдругъ вбѣгаетъ въ комнату, гдѣ происходило объясненіе, Марья Васильевна прерываетъ его слѣдующими словами, сказанными въ изступленіи гнѣва: „Я приказала не пускать сюда *трактирщика*!“ Исторія съ Нѣмцемъ тянулась нѣсколько дней, сопровождаясь разными сценами. Послѣдняя, т.-е. самоличное изгнаніе Нѣмца, окончательно поразила Ивана Алексѣевича. Онъ счелъ жеу сумашедшей и закончилъ свой разказъ объ этомъ случаѣ думющимъ восклицаніемъ: „Можно ли еще послѣ сего жи въстать!“

Для того чтобы дать полную возможность судья-читателю произнести окончательный приговоръ о подсудимыхъ, мужѣ и женѣ Второвыхъ, приводимъ еще свидѣтельское показаніе ихъ сына, знавшаго впрочемъ мать свою лишь по дѣтскимъ воспоминаніямъ: „.....Я могу указать въ немъ (отцѣ), говоритъ Второвъ-сынъ, только на одинъ недостатокъ, который въ

чемъ слѣдуетъ назвать скорѣе особеннымъ свойствомъ его характера. Онъ былъ дурной семьянинъ въ томъ отношеніи что не умѣлъ удержатъ за собою власти, которая ему принадлежала какъ главѣ семейства, и былъ какъ бы совершенно къ ней равнодушенъ. Въ свободное время отъ службы, будучи дома, онъ почти постоянно сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, читалъ или писалъ и вовсе не вступался ни въ хозяйство, ни вообще въ домашнія распоряженія. Жена и дѣти рѣдко видали его и еще рѣже пользовались его ласками. Но въ обществахъ онъ любилъ бывать и даже искалъ ихъ. Мало найдется, я думаю, людей которые имѣли бы такое множество знакомыхъ, какъ отецъ мой. При всемъ видимомъ равнодушіи къ семейству, едва ли кто болѣе заботился о дѣтяхъ своихъ, какъ отецъ мой заботился обо мнѣ и сестрахъ, а обо мнѣ особенно: только теперь я могу вполне оцѣнить это... Послѣдніе годы жизни маменьки, памятные мнѣ, протекли въ болѣзни. Нѣсколько лѣтъ до кончины своей она страдала чахоткой, и, какъ почти всѣ больные этого рода, была чрезвычайно раздражительнаго характера. Не проходило почти дня въ который бы она не ссорилась съ отцомъ моимъ; сестры мои и я нерѣдко бывали свидѣтелями этихъ непріятныхъ сценъ. Главною причиною этихъ ссоръ была безлечность его въ семейственныхъ дѣлахъ; всего же болѣе раздражало мать мою его чрезмѣрное потворство прислугѣ и особенно одному любимому его человѣку, который былъ довольно разгульнаго поведенія.

Итакъ, въ дѣйствительности не было той идилліи супружескаго счастья которую нѣкогда рисовалъ Иванъ Алексѣевичъ и которую мы представили въ главѣ VI; была не идиллія, а драма весьма серьезная, хотя и безъ трагическихъ ужасовъ, до которыхъ не могли, еслибъ и желали, дойти враждующіе супруги. Чувство привязанности въ нихъ другъ къ другу было сильнѣе неудовольствія, досады и даже зародыша вражды. Послѣдняя не разгоралась, а скорѣе потухала въ разлукѣ и при воспоминаніи о прожитыхъ годахъ и о дѣтяхъ. Марья Васильевна въ этомъ случаѣ первая сдавалась на миръ, отъ котораго тѣмъ болѣе былъ не прочь ея супругъ, съ сорока лѣтъ начивавшій считать себя старикомъ и убѣжденный что ему не долго жить на свѣтѣ. Живя вмѣстѣ, супруги ежедневно почти ссорились, а разлучившись, начинали тосковать другъ о другѣ. Чѣмъ продолжительнѣе была

разлука, тѣмъ она была для нихъ полезнѣе: то же случилось и съ поѣздкой въ столицу, на которую, конечно, не безъ страха взирала Марья Васильевна, такъ какъ она была рѣшена тотчасъ же послѣ крутой ссоры изъ-за слуги. Какъ женщина умная и практическая, какъ родовитая дворянка, она не могла не понимать необходимости этой поѣздки: Владимірскій крестъ для нея былъ едва ли не болѣе нуженъ, чѣмъ для ея мужа; но возвращеніе послѣдняго было дорожее ей Владимірскаго креста. „Когда ты, мой миленькій, ко мнѣ пріѣдешь?“ „Когда мы будемъ вмѣстѣ? кажется, я не дождуся, милый другъ! Даже не умѣю и представить себѣ этой радости.“ „Если не получу твоего письма, право, я умру.“ „Пріѣзжай скорѣе, милый другъ Вавюшка! Прежде мнѣ была сносна разлука, но теперь въ письмахъ твоихъ ласки возбудили всю мою нѣжность и даже страсть, какъ за 17 лѣтъ тому назадъ. Хочу тебя видѣть; пріѣзжай, ради Бога!“ Вотъ какія нѣжныя фразы писала Марья Васильевна къ своему мужу. При всей веселости самарской жизни, окруженная дѣтьми и кучею родныхъ и знакомыхъ, Марья Васильевна сильно скучала и во все время разлуки находилась въ какомъ-то меланхолическомъ настроеніи. Этому, впрочемъ, способствовала ея послѣдняя беременность, очень тяжелая, почти лишавшая ее свободы движенія. Она не шутила и безъ фразъ стала думать о смерти, что и высказывала въ первыхъ своихъ письмахъ къ мужу; но содержаніе писемъ послѣдняго и дружественный тонъ ихъ совершенно ее успокоили, до такой степени что она совѣтуетъ Ивану Алексѣевичу терпѣливо ждать, терпѣливо хлопотать о томъ для чего онъ поѣхалъ въ Петербургъ: „какъ быть, она говоритъ, проживемъ и въ разлукѣ, за то свиданіе будетъ пріятнѣе“. Но несмотря на скуку по мужѣ, Марья Васильевна жила не дурно и въ его отсутствіи: она стала спокойнѣе. Она жила, уже никѣмъ не стѣсняемая, въ той сферѣ къ которой привыкла и лучше которой не знала; свободѣ въ ея дѣятельности не было теперь помѣхи ни съ чьей стороны. Прежде всего, конечно, ея заботы сосредоточились на дѣтяхъ. Дѣти росли. Въ это время старшей дочери, Катенькѣ, было уже шестнадцать лѣтъ, Аннѣ, или „Аннушкѣ“—десять, Николаю—четыре года. Катя была уже невѣстой. Пора было думать о приданомъ для нея, о нарядахъ; пора было и вывозить ее въ свѣтъ. Надобно было, сверхъ того, показать всѣмъ и каждому что

Катя хотя дѣвушка бѣдная, но *воспитанная*, что не даромъ она училась въ Казанскомъ пансіонѣ у „мадамы“. Катя охотно предавалась веселостямъ самарской жизни. Молодая дѣвушка любила и принарядиться, и потанцовать; но прожить свою *благовоспитанность* она почему-то не желала; вслѣдствіе этого нежеланія, между ею и матерью пробѣжала тѣнь неудовольствія. Мать требовала чтобы Катя говорила по-французски, сначала съ сестрою Аннушкой, потомъ съ „большими“, преимущественно съ мужчинами; но Катя не слушалась матери. Второвы, мужъ и жена, при воспитаніи своихъ дѣтей, никогда не прибѣгали къ насильственнымъ мѣрамъ, стараясь дѣйствовать на нихъ ласкою и совѣтомъ. Совѣты Марьи Васильевны не повліяли на дочь,— и вотъ она обращается за помощью къ авторитету сильнѣйшему, предъ которымъ преклонялась вся Самара и даже Симбирскъ, къ А. В. Пановой. „Благодѣтельница“ пишетъ къ Катѣ какое-то письмо, къ сожалѣнію не сохранившееся. Письмо производитъ чудеса: Катя заговорила по-французски. „Катя, пишетъ Марья Васильевна мужу, отъ 2го января 1823 года, вчерась же громко заговорила по-французски. Письмо вашей благодѣтельницы много подѣйствовало на нее. Я читала со слезами его и, во секрету отъ Анны, отдала Катеринѣ и видѣла что (она, т.е. дочь) привала съ чувствомъ ея наставленія. Услыши, Господи, мою горестъ, исправь ее! Но ты не думай чтобъ я жестоко съ ней обходилась; ужели думаешь что не люблю ее?..“ „Милости, (читаетъ въ письмѣ отъ 21го февраля того же года), полеченіе и любовь къ намъ нашей благодѣтельницы столько велики что уже нѣтъ словъ благодарить ее, но остается чувствовать. Письмо ея много подѣйствовало на упрямство Катерины: съ Анной говоритъ всегда по-французски и даже съ Лизавькой (Хардиной), а что всего чудеснѣе—съ мужчинами! Практикантъ Мейеръ говоритъ (по-французски?) съ нею. Вотъ видишь что сдѣлала наша мать (т.е. А. В. Панова)! И противъ меня не лищитъ, а ласковѣе прежняго. Анна—что за дѣвочка! Ласкова, послушна, не отходитъ отъ меня. Сидитъ вечера со мной, читаетъ книги мнѣ изряднехонько и рѣдко выѣзжаетъ съ Катей, говоря: „я съ маменькою буду дома.“ Вообще отъ маленькихъ своихъ дѣтей Марья Васильевна была въ восторгѣ. Иванъ Алексѣевичъ былъ завалецъ всякаго рода порученіями; но большею частью они относи-

лись до нарядовъ. Хотя Марья Васильевна, въ припадкѣ супружеской откровенности и писала: „Не смѣйся, пожалуста, надо мной, а, право, мнѣ хочется брюхомъ пощегодать. Купи хорошенькой матеріи на калотъ и пришли къ Масляной. Можетъ, это послѣдній будетъ убытокъ. Ежели умру, вѣдь въ немъ положить себя. Если откажешь, то совѣсть тебя упрекнетъ.“ Но главные заказы и порученія дѣлались для Кати, для ея приданого, и калотъ, кажется, не былъ купленъ. Для себя Иванъ Алексѣевичъ купилъ какое-то старое платье, но на книги издержалъ 100 руб. При исполненіи порученій относящихся до нарядовъ, самое дѣятельное участіе принимала Анна Васильевна Панова. Она подарила Катѣ на фермуаръ богатый перстень, подаренный ей однимъ изъ великихъ князей; она выбирала вещи и предлагала Второву свой кредитъ. Здѣсь, при этомъ случаѣ, выясняются отношенія Пановыхъ ко Второвымъ. Пановы, какъ видно, и въ Петербургѣ играли нѣкоторую роль; но какую, неизвѣстно. Жили они очень открыто, на Большомъ Владимірскомъ проспектѣ, въ домѣ купца Тычилкина, № 766. Но роль собственно играла Анна Васильевна, а не супругъ ея, Василій Николаевичъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніяхъ къ семьѣ Второвыхъ: она и „мать“, и „благодѣтельница“, онъ—просто Василій Николаевичъ; о немъ мы знаемъ только по краткимъ его припискамъ къ Марьѣ Васильевнѣ, писаннымъ почеркомъ прошлаго вѣка. Очевидно, человекъ онъ былъ уже старый, да и Анна Васильевна въ это время была уже особой немолодою: у ней было двое дѣтей; старшій сынъ ея былъ уже офицеромъ. Чтобы покончить съ ея отношеніями ко Второвымъ, приводимъ слѣдующія письма:

„Почтенная моя благодѣтельница, матушка Анна Васильевна! Нѣтъ словъ выразить мою благодарность за всѣ ваши материнскія поличенія. Я читала ваше письмо со слезами, видя, сколько вы насъ любите; Богъ вамъ воздастъ и утѣшитъ вашими дѣтьми за вашу добродѣтель. Уже вижу начало вашихъ благодѣтельныхъ совѣтовъ: Катерина вчера уже говорила громко по-французски и я могла слышать это еще въ первый разъ, а что будетъ далѣе, напишу еще къ вамъ. Мой старикъ, видно, насказалъ не то что бы вы сами увидѣли, о нарядахъ Кати. Она, кромѣ бѣлыхъ шитыхъ и простыхъ каленкоровыхъ и кисейныхъ платьевъ, не имѣетъ; одно дымковое у нея платье. Вотъ онъ дома великіи

кропотунъ: ему все кажется, я мотовка. Вѣдь нельзя, матушка, съ дѣтymi безъ локулокъ; надо чтò и носить! Вѣдь я самъ-четверть: по лоскуту, такъ и много денегъ! У Анны нарядное изъ платьевъ—уже негодное Катериинѣ, а домашнее надо новое, а старыя идутъ на подкладку. Не вѣрите, матушка! Вы видѣли сколько я богата гардеробомъ, и теперь то же. Признаюсь что бываетъ и стыдно: вѣдь теперь самарская публика умножилась и всѣ рядятся. Часто шутать надо мной что я скула. Молчу что муженекъ не даетъ мнѣ денегъ и самъ ими распоряжаетъ, а я не имѣю его добра.

„М. Второва.“

Письма Анны Васильевны очень лаконичны, въ родѣ слѣдующихъ:

1) „Милая моя кумушка, Марья Васильевна! Обнимаю васъ и съ дѣтyшками цѣлую. Старичокъ вашъ худо услѣвываетъ въ дѣлахъ своихъ и рвется къ вамъ, но я его не пускаю: неблагоуразумно! Заѣхавъ сюда, надобно все попробовать, чтобы послѣ себя не упрекать, что вотъ это пропустилъ. Милая Катенька! очень благодарна за письмо твое, а еще больше за то что обѣщаешься совѣту моему слѣдовать. Прости те, писать некогда, на вѣкъ вашъ другъ Панова.“

2) „Милый другъ, кумушка! Очень благодарна, мой другъ, за приписку. Твой старикъ куда не годится: груститъ о тебѣ, плачетъ; а ты, мой другъ, его еще огорчаешь, воображая о смерти: развѣ это ему легко! Вѣрь Богу что я насилу его уняла отъ слезъ. Какъ получилъ твое письмо и читалъ, сталъ съ тѣхъ поръ хавдрить, да и только! Ну, прости, моя любезная! Стыдно: умная женщина обезкураживаетъ и воображаетъ смерть! Когда-нибудь и всѣ помремь. Дѣтей цѣлую. Твой другъ Панова.“

Катенька относилась къ „благодѣтельницамъ“ своихъ родителей уже гораздо свободнѣе: въ письмахъ своихъ она называла ее „милостивою государыней“. Здѣсь кстати замѣтить что обѣ дочери Ивана Алексѣевича писали несравненно грамотнѣе своей матери и „матушки-благодѣтельницы“. Несмотря на это, Марья Васильевна чувствовала необходимость въ образованіи для своей десятилѣтней „Аннушки“, и вотъ, вмѣстѣ съ другими заказами, она поручаетъ мужу прислать въ Петербургъ институтку. Не по одному инстинкту

она была недовольна ламсонскимъ воспитаніемъ: ее огорчало что Катя была не способна заняться не только маленькимъ братомъ, но и сестрою. Но петербургскія институтки въ эту пору не охотно ѣхали въ провинціальную глушь, а если и соглашались, то брали непопулярныя цѣны; поэтому Самарянки рѣшились выписать этотъ товаръ въ складчину, даже соглашались, въ случаѣ неудачи, ограничиться привознымъ столичнымъ учителемъ. Добывъ шляпки и челчки, Иванъ Алексѣвичъ не могъ, однакоже, достать ни институтки, ни учителя, ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ: и за пять тысячъ рублей никто не соглашался ѣхать въ такую даль, увѣрялъ онъ жену.

Домоводствомъ Марья Васильевна занималась усердно. Въ послѣднее время Иванъ Алексѣвичъ выстроилъ себѣ въ Самарѣ новый домъ, но онъ оказался не лучше стараго: печи дымились, полы прыгали, съ потолковъ сыпалась земля, отовсюду дуло; крысы и мыши производили страшныя опустошенія. Семья спасалась отъ холоду свѣжыми завалинами и ограниченіемъ себя болѣе необходимыми покоями,—мѣра стѣснительная даже и при тогдашнихъ понятіяхъ о комфортѣ, такъ какъ для Ивана Алексѣвича, для его письменныхъ занятій и для библіотеки; былъ необходимъ настоящій кабинетъ. Отпуская дѣтей на цѣлые дни веселиться къ барышнямъ-подругамъ или къ своимъ пріятельницамъ, Марья Васильевна почти все свое время „домовничала“, то-есть жила дома и хозяйничала по программѣ тогдашняго *Домостроя*; независимо отъ этого, она исправляла должность домашняго врача не для однихъ своихъ дѣтей, но и для слугъ и даже вахтеровъ, приставленныхъ къ солянымъ амбарамъ. Зоркій, практическій взглядъ ея не оставлялъ безъ вниманія и мужнинаго казеннаго хозяйства; поэтому она была въ безпрепятственныхъ сношеніяхъ со Струковымъ, Энгельке и Турбинымъ, лицами стоящими выше ея мужа въ соляной іерархіи; она не гнушалась и вахтерами. Сношенія эти были дружественныя и враждебныя, смотря по обстоятельствамъ, по количеству отпускаемой на долю Второва соли и по ея качеству, то-есть была ли она „комовал“, или же мелкая, мѣшецѣнная; изъ этихъ долей, какъ мы видѣли, образовался тотъ „безгрѣшный доходъ“ которымъ всѣ пользовались и безъ котораго Второвымъ не достало бы денегъ на пищу, такъ какъ они въ это время покупали всѣ свѣтые припасы и даже

ржавую муку; часть Марьи Васильевны изъ Катерининской дачи была въ это время, кажется, продана ея брату Сергѣю Васильевичу. Но всѣ эти заботы и тревоги не отягощали Марьи Васильевны. Она была положительно всѣми довольна, что и высказывала почти въ каждомъ письмѣ къ отсутствующему мужу: „Я покойна (говорится въ ояномъ изъ нихъ), какъ давно не была. Прислуга моя въ повиновеніи; всѣ исполняютъ мои приказанія, даже Василій не былъ лѣнивъ. Знакомые ко мнѣ также хороши. Не только презрѣнія я не имѣла, но всѣ очень ласковы болѣе обыкновеннаго.“ Этихъ знакомыхъ Иванъ Алексѣевичъ, конечно, не чуждался; но занятый своими „страданіями“, сѣтованіями о своихъ слухебныхъ неудачахъ, онъ почти совсѣмъ не упоминаетъ о нихъ на послѣднихъ страницахъ своихъ записокъ, кажется, иррезчуръ уже залодозривъ ихъ въ чинюманіи. Какъ бы ни было, но эти знакомые не только не отвернулись отъ него скужающей подруги, но можно сказать, не давали ей покоя своими любезностями. Это происходило частію отъ того что поѣздка пріятеля въ столицу давала имъ матерію для бесѣдъ и разказовъ и удобный способъ для заказа изваго рода порученій въ столицу, частію же потому что въ домѣ Второвыхъ теперь была взрослая дѣвушка „ба-мшла“, выѣзжающая въ собраніе, танцующая и говорящая по-французски. По словамъ Марьи Васильевны, зимой 1822—1823 годовъ въ Самарѣ было „веселье безконечное“, Самара шумѣла“, а Самаряне совсѣмъ закружились въ вихрѣ всякаго рода увеселеній. Этому отчасти способствовали дворянскіе выборы, то-есть новыя лица избранныя на должности исключительно предоставленныя дворянству; частію же возбудилъ общее веселье посторонній гость, братъ Второвой, Николай Васильевичъ Милькевичъ, женившійся въ концѣ 1822 года на дочери генерала Харитонова, Аннѣ Александровнѣ. Молодые пріѣхали въ Самару, перезнакомились по-чти со всѣмъ городомъ, и почти весь городъ дѣлалъ для нихъ вечеринки, дѣлала ихъ и Марья Васильевна, какъ это тяжело было въ ея положеніи, при ея тяжелой беремености. Анна Александровна очаровала всѣхъ своею любезностію и ловкостію въ танцахъ. Имя „генеральской дочери“ давало ей немалую важность; имя „генеральскаго зятя“ вышало въ глазахъ Самарянъ и значеніе Николая Васильевича онъ какъ-то выросталъ предъ ними вдругъ и они

почему-то прониклись къ нему необычальнымъ уваженіемъ. Марья Васильевна была въ восторгѣ и вотъ что писала мужу: „Николай братъ заслужилъ особенное уваженіе. Какъ меня радуетъ что его не только любятъ, но и уважаютъ! Второва тѣмъ болѣе радовалась этому браку что старшій братъ ея, Сергѣй Васильевичъ, былъ женатъ на побочной дочери помѣщика И. М. Микулина. Приѣздъ молодыхъ поддерживалъ въ ней доброе настроеніе духа и располагалъ ея къ пріязненнымъ отношеніямъ; но она не увлекалась въ крайности, въ которыя впадалъ ея мужъ, напримѣръ, сентиментальность, надъ которою она положительно смѣялась. Добрыя и пріязненныя отношенія не мѣшали ей рѣзко и, можетъ-быть, справедливо отзываться о людяхъ: по крайней мѣрѣ она не скулилась на названія *шутъ* и *дуракъ*, которыхъ совсѣмъ не было въ лексиконѣ ея мужа. Въ самыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ она находилась съ семействомъ Хардина, Христа и Путиловой (Катерины Александровны). Христъ не пользовался ея уваженіемъ, но жена его, Варвара Николаевна, какая-то родственница Ивана Алексѣевича была большою ея пріятельницей; въ такихъ же отношеніяхъ находилась она и съ Путиловой. У Христовъ и Хардиновъ были взрослые дочери, сверстницы Катеньки, ея подружки. Николай Львовичъ въ это время страдалъ водяною и все сидѣлъ дома, по словамъ Марьи Васильевны, „словно медвѣдь въ берлогѣ“; но дружба молодыхъ дѣвушекъ поддерживала старую пріязнь ихъ родителей. Изъ новыхъ лицъ, вступившихъ въ это время въ самарское общество, слѣдуетъ упомянуть: Данненберга (Андрея Андреевича), предводителя Племянникова (Василія Абрамовича), судью, Аристову (Силія Васильевича), исправника, Мордвинова, Скобельцына, Скрыбина, засѣдателей. Марья Васильевна какъ-то умѣла всѣми ими ладить; даже Г. Н. Струковъ, непосредственно и главный начальникъ ея мужа, запутавшійся въ это время въ долгахъ, но не потерявшій присутствія духа (а главныя должности), являлся ея покорнѣйшимъ слугою и оказывалъ ей всевозможныя любезности. Въ послѣднее время Г. Н. Струковъ большею частію проживалъ въ Илецкой Западнѣ являясь гостемъ въ Самару. Будучи человекомъ образованнымъ, Струковъ любилъ и окружать себя людьми не только образованными, но и литературными. Кромѣ уже названныхъ Фурмана, при немъ находился нѣкто Литвиновъ (Никал

Алексѣевичъ), натуралистъ, философъ и поэтъ, большой пріятель И. А. Второва, очень бойко владѣвшій перомъ. Онъ разводилъ въ Илецкой Защитѣ виноградъ, проектировалъ уредить тамъ экономическое общество, для распространенія хлѣбопашества и садоводства, ботанизировалъ, заводилъ ланкастерскія школы, дѣлалъ сельско-хозяйственныя машины, мечталъ разбогатѣть, и въ то же самое время разсуждалъ о происхожденіи матеріи и объ отношеніи ея къ духу, осуждалъ философію Канта и писалъ сентиментальныя письма и стихи.

Итакъ, повидимому, пятимѣсячная разлука съ мужемъ сулила Марьѣ Васильевнѣ счастье. Недавншіе супруги ишли время одуматься, понявъ необходимость покоя въ годы приближающейся старости. Все это они сдѣлали и ничего такъ искренно не желали какъ покоя. Во имя его они рвались къ свиданію съ пыломъ почти юношескимъ; но крайней мѣрѣ Иванъ Алексѣевичъ съ болѣе сильнымъ чувствомъ слѣдилъ изъ столицъ къ своей подругѣ, чѣмъ назадъ тому семнадцать лѣтъ, когда онъ *полицалъ* ее. Но... ихъ надежды не сбылись: счастье, его условія, были обломаны, а потому и желанный покой не являлся. За тысячу до возвращенія мужа, Марья Васильевна разрѣшилась отъ своего тяжелаго бремени рожденіемъ дочери Юліи. После этихъ родовъ, здоровье ея стало еще хуже. Она видимо разрушалась и сдѣлалась еще раздражительнѣе чѣмъ прежде. Прежнія сцены возобновились и еще въ большей степени.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

М. ДЕ-ПУЛЕ.

СЕМЕЙСТВО БАКЛАНОВЫХЪ *

(ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ)

XI.

У Софьи Львовны былъ братъ, жившій съ семействомъ постоянно въ Москвѣ и пріѣзжавшій въ деревню лишь на лѣтніе мѣсяцы; восьмага іюня онъ былъ именинникъ и Баклановы считали непремѣнною обязанностью день этотъ проводить у него. Къ поѣздкѣ этой они готовились обыкновенно за нѣсколько дней, точно собирались въ какую-нибудь экспедицію. Такъ какъ отъ Бакланова до Кудеярова было не менѣе пятидесяти верстъ и сдѣлать ихъ въ одну упряжку въ тяжеломъ экипажѣ и притомъ въ жаркую лѣтнюю пору для лошадей было тяжело, да и Софья Львовна не могла вынести шестичасоваго сидѣнія въ душной каретѣ; то на половинѣ дороги останавливались для кормежки и отдыха. Еще наканунѣ поваръ съ провизіей и посудой отправлялся туда очистить избу и приготовить обѣдъ. Баклановы выезжали изъ дома рано утромъ, чтобъ успѣть сдѣлать первую упряжку до наступленія дневнаго жара; пріѣхавъ на привалъ, обѣдали, отдыхали, и часовъ въ пять, когда жаръ начиналъ спадать, продолжали путь свой. Такимъ образомъ совершали они путешествіе свое не торолясь, съ подобающимъ комфортомъ.

* См. *Русск. Вѣстн.* № 6.

На этотъ разъ предполагалось на возвратномъ пути захватить провѣдать стариковъ Кузминыхъ, и Оленька ожидала эту поѣзду съ дѣтскимъ нетерпѣніемъ. Правда, въ Кудярово ѣхаа она неохотно, такъ какъ хозяйка дома почему-то къ ней не благоволила и зачастую не стѣсняясь довольно рѣзко высказывала ей свое нерасположеніе; но неминуемая непріятность эта достаточно вознаграждалась ожиданіемъ ее вслѣдъ за тѣмъ радостью свиданія съ отцомъ и матерью.

Въ день выѣзда погода какъ нарочно стояла великолѣпная. Выѣхали раннимъ утромъ: въ воздухѣ еще было свѣжо, на травѣ крупными каплями лежала роса, листья на деревьяхъ блестя яркою молодою зеленью, въ саду высвистывала мелодичную пѣснь свою иволга, весело чирикали и щебетали въ кустахъ воробьи и малиновки, все предвѣщало красивый, ведренный день. Путешественники размѣстились въ двухъ экипажахъ: въ каретѣ сѣли старики съ Лизой и прынчикъ, въ коляскѣ Оленька, Mme Condert и Аркадій.

— Какое прекрасное утро, говорила Оленька, съ наслажденіемъ вдыхая полною грудью свѣжій, еще обдававшій ночью прохладой воздухъ.—Какъ я люблю дорогу. Еслибъ отъ меня зависѣло, я, кажется, ни минуты не сидѣла бы дома.

— А я такъ полагаю что это совершенно отъ васъ зависитъ: вамъ только стоить намекнуть объ этомъ шапан, и она съ радостью поѣдетъ съ вами путешествовать. Ей это было бы даже очень полезно; но она до того засидѣлась и обивалась что сама собою ничего не предприметь. И я поѣхалъ бы охотно съ вами, добавилъ онъ.—Мы объѣхали бы живописный италіанскій берегъ Средиземнаго моря, отъ Корнича до Неаполя, побывали бы въ странѣ поэзіи и любви, гдѣ все дышетъ нѣгой.

И онъ устремилъ на Оленьку тотъ же глубокій, страстный взглядъ который въ первый разъ привелъ ее въ такое смѣненіе; но теперь онъ уже не произвелъ на нее того же вѣдствія, потому ли что она въ эту минуту была иначе настроена, потому ли что уже освоилась съ нимъ. Она чувствовала какъ онъ проникъ прямо въ ея сердце, какъ тревожно забилось оно; но тревога эта была уже не та: въ ней уже не было ни прежняго страха, ни услуга. Было оно, казалось ей, тревожнымъ ожиданіемъ чего-то ей невѣдомаго, чего-то такого что должно было пополнить ея еще неполное

счастье; но чего такъ настоятельно просило оно, чего съ такимъ трепетнымъ волненіемъ ожидало—она и сама не знала. „Неужели же можетъ быть еще болѣе полное блаженство?“ спрашивала она себя. Высоко и тяжело подымалась ея грудь отъ неровнаго, прерывистаго дыханія, и она невольно, какъ бы за отвѣтомъ на волновавшій ее вопросъ, еще разъ взглянула на Аркадія, и снова встрѣтила она тотъ же взглядъ, казалось, онъ и не сводилъ его съ нея. Но на этотъ разъ она уже не вдругъ олустила глаза и не потому чтобы не хотѣла, а потому что не могла олуститъ ихъ. И въ эти нѣсколько мгновеній они высказали ему помимо воли такъ давно мучившую ее и такъ старательно скрываемую ею сердечную тайну. На сердцѣ у нея вдругъ сдѣлалось такъ легко и отраднo какъ будто съ него скатилось тяжелое, давившее ея бремя.

— Ah oui, тарантила между тѣмъ Mme Coudert, не замѣчавшая того что около нея происходило,—c'est un beau pays que l'Italie avec son ciel d'azur, sa mer diaphane et ses brises embaumées! C'est la patrie de Petrarque, d'Arioste, le berceau de la civilisation et des beaux arts, и т. д. и т. д. Она могла говорить не останавливаясь цѣлый часъ, не обращая вниманія слушаютъ ее или нѣтъ.

На половинѣ дороги, по обыкновенію, былъ сдѣланъ привалъ и путешественники наши добрались до Кудеярова лишь къ вечеру.

Домъ Кудеяровыхъ былъ старинный, барскій; предъ широкимъ подъѣздомъ разбитъ былъ большой скверъ, съ разбросанными по нему и по сторонамъ дома вѣковыми вязами и липами. На встрѣчу Баклановымъ высылали на крыльцо чуть не полдюжины лакеевъ въ ливрейныхъ фракахъ и штучкахъ; въ передней встрѣтили ихъ сами хозяева. Федоръ Львовичъ былъ впрочемъ у себя хозяиномъ лишь по имени, настоящею же хозяйкой не только въ домѣ, но и по имѣнію была жена его, умѣвшая и самого его держать въ полнѣйшей подчиненности; да это было и не трудно, онъ былъ человѣкъ пустой, безхарактерный, вполне пассивный, точно созданный для того чтобы вѣкъ свой быть въ чьей-нибудь зависимости. Марья Петровна Кудеярова была женщиною въ сорока, полная, дородная. Она смолоду была не дура собою слыла даже когда-то московскою красавицей, да и теперь несмотря на годы свои, заботилась о поддержаніи сво

улавлившей красоты и одѣвалась съ большою изысканностію. Она была дочь нѣкогда очень богатаго, но въ послѣдствіи окончательно промотавшагося князя Г—— и вышла за Кудярова лишь для того чтобъ имѣть возможность поддерживать блескъ своего дома и достойно занимать въ обществѣ почетное мѣсто принадлежавшее ей по праву рожденія. Она очень кичилась своимъ родствомъ и связями, съ равными себя была любезна; съ тѣми же которыхъ почему-либо считала ниже себя обращалась съ пренебреженіемъ и подавляющею надменностію. Марья Петровна была женщиною далеко неглупая; но умъ ея былъ какой-то желчный, безлокойный, искавшій себѣ пища въ семейныхъ и другихъ скандалахъ, слетняхъ и пересудахъ. У нея были вездѣ свои агенты, чрезъ которыхъ она всегда первая узнавала о семейныхъ тайнахъ и подпольныхъ интригахъ; ничего, казалось, не могло укрыться отъ нея. Вслѣдствіе этого если никто не любилъ, то всѣ боялись ея; тѣ же которые имѣли серіозныя причины опасаться ея злаго языка, относились къ ней не только съ особымъ уваженіемъ, но даже съ какимъ-то подобострастіемъ.

— Насилу-то пріѣхали, говорила она обнимая Софью Львовну. — Мы съ княгиней Татьяной Юрьевной ждали тебя.

— А она здѣсь?

— Ужь третій день, и съ дочерьми, добавила она ей на ухо.

У Марьи Петровны, какъ и у большей части подобныхъ ей пожилыхъ московскихъ барынь, была страсть устраивать партіи: рѣдкая свадьба въ ея кружкѣ обходилась безъ ея боже или менѣе дѣятельнаго участія. Матушки и тетушки обращались къ ней если не за содѣйствиемъ, то уже зная чтобъ она злымъ языкомъ своимъ не разстроила дѣла. Она еще прежде какъ-то говорила Софьѣ Львовнѣ о лочеряхъ княгини Татьяны Юрьевны, какъ объ очень выгодныхъ для Аркадія невѣстахъ, но онъ тогда былъ еще ешккомъ молодъ и не было причины торопиться его женитьбою, а потому она пропустила слова ея мимо ушей; въ настоящемъ же случаѣ они нашли отголосокъ въ ея материнскомъ сердцѣ.

— А вамъ ужь, братецъ, и вовсе стыдно, продолжала Марья Петровна, цѣлуя въ високъ подошедшаго къ ней къ рукѣ Александра Васильевича. — Сами не могли пріѣхать провѣ-

дать старуху; такъ хотъ гвардейца своего прислали бы; мы ужь двѣ недѣли какъ переѣхали въ Кудеярово.

— Ah! je vous tiens enfin, mangeur de coeurs, обратилась она къ Аркадію. — Пріѣхалъ за нашими деревенскими простушками ухаживать. *Autant de peines perdues, mon cher* Вѣдь это не въ Петербургѣ; мы здѣсь живемъ еще въ простотѣ патриархальныхъ нравовъ: *on ne se laisse courtiser ici que pour le bon motif.* А вѣдь Эрнестинка-то въ Парижѣ уѣхала, добавила она шелотомъ, но такъ что всѣ могли слышать.

— Я право не знаю о комъ вы говорите, сказалъ Аркадію нѣсколько сконфуженный.

— *Ne faites donc pas l'ingénu:* нечего скрывать-то, о чемъ ужь давно Москва во всѣ колокола протрезвонила.

— А тебя, дружокъ, я и не замѣтила, бросилась она обвинять Лизу. — Ужь думала: опять не заболѣла ли. *Mais comme tu as embelli, comme tu deviens intéressante, ma parole.* Турецкити-а-английска: blonde, mince, élancée.

— Посмотри, Sophie, сколько она, *avec son air de sainte Nitouche*, на своемъ вѣку несчастныхъ сдѣлаетъ, — *vous verrez* Ольгуша, и ты здѣсь? Благодарю за память. Да какъ ты милая, похорошѣла, да пополашѣла. Видно Бакаловскій хлѣбъ тебѣ въ прокъ пошелъ.

Она постоянно звала Оленьку Ольгушей, можетъ-быть потому что такъ звали въ домѣ одну изъ ея горничныхъ и ея доставляло удовольствіе называть ихъ обихъ однимъ именемъ.

Пока хозяйка дома расточала вправо и влево свои пріѣтствія и любезности, не былъ безъ дѣла и хозяинъ: онъ услѣлъ со всѣми переѣловаться; въ общей суматохѣ чуть по ошибкѣ не поцѣловалъ и Оленьку, что очень ее сконфузило и чему долго отъ души смѣялись Лиза съ Аркадіемъ.

— *Soyez les bienvenus,* продолжала безъ умолка трещати Марья Петровна, вводя гостей своихъ въ залъ.

Въ диванной они нашли за чаемъ цѣлое общество: тутъ была и княгиня Татьяна Юрьевна съ двумя дочерьми и не помѣрно высокою и сухопарою Англичанкой; былъ какой-то сосѣдъ помѣщикъ съ женою и пожилая барыня съ маленькою дѣвочкой. Любезная хозяйка тотчасъ же всѣхъ перезнакомила. Съ княгиней Бакаловы были знакомы еще прежде скандальная хроника говорила даже что она, еще бывши

дѣвухой, была влюблена въ Александра Васильевича, когда тотъ былъ еще молодымъ гвардейскимъ офицеромъ, что впрочемъ если и было, то разумѣется уже очень давно.

— Возьмите мою деревенскую простушку, говорила Марья Петровна князю, подводя къ нимъ Лизу, — да порастормошите ее хорошенько. Что ты, Sophie, не свозишь ее хоть на зиму въ Москву. Кого она здѣсь видитъ? Братецъ, отпустите жену свою на зиму въ Москву. Пора Лизу въ свѣтъ вывозить, и ее показать и ей дать на людей посмотреть. Что вы ихъ въ самомъ дѣлѣ въ вашихъ Бакаанахъ какъ отшельницъ взаперти держите?

— Я и не думаю ихъ держать, отвѣтилъ Бакаановъ. — Пусть идутъ себѣ хоть въ Петербургъ. Самъ я не считаю себя въ правѣ въ настоящую минуту отсюда трогаться, и не трогаюсь; а ихъ не удерживаю.

— Ну и оставайтесь съ вашими мужаанами, если ужъ они вамъ такъ милы.

— А ты, сестра, обратилась она къ Софьѣ Львовнѣ, — поѣзжай-ка. Я тебѣ и квартиру найму и омеблирую и все устрою какъ слѣдуетъ; а тамъ и мужъ, какъ одинъ соскучится, самъ къ тебѣ пріѣдетъ; право такъ. У меня кстати для Ольгуши и женихъ есть въ городѣ, изъ служащихъ въ судѣ, человекъ нелющій и дѣло свое хорошо знаетъ. Состоянія, правда, кромѣ жалованья нѣтъ; ну да и за ней вѣдь не золотыя розсыпи какія.

— Прошу васъ, сестрица, о ней не безпокоиться, сказалъ Бакаановъ твердо, но спокойно: — мы приняли ее къ себѣ въ домъ какъ родную дочь и слѣдовательно взяли на себя и обязанность пещись о ней какъ о дочери, и заботиться объ устройствѣ судьбы ея никого не просимъ.

— Дѣло ваше, отвѣтила сухо Марья Петровна. — Можетъ-быть вамъ въ самомъ дѣлѣ удастся выдать ее за какого-нибудь принца Оранскаго: *on a vu des rois épouser des bergères.*

Послѣ чая все общество отправилось въ садъ. Онъ располженъ былъ вдоль крутаго берега довольно большой и широкой рѣки и раслаивированъ въ старинномъ французскомъ вкусѣ, съ прямыми, подстриженными и крытыми аллеями и множествомъ кіосковъ, бесѣдокъ и павильоновъ; къ одному изъ послѣднихъ и повела Марья Петровна церемоніальнымъ образомъ гостей своихъ, полюбоваться живописнымъ видомъ

на противоположный берегъ рѣки. Оленька была въ самомъ грустномъ настроеніи духа: приемъ сдѣланный ей хозяйкою дома и послѣдній разговоръ оскорбили ея самолюбіе; изъ пріѣзжихъ гостей она никого не знала и никому изъ нихъ не была представлена; княжны, казалось ей, чуждались ея старшая даже смотрѣла на нее съ какимъ-то высокомернымъ презрѣніемъ. Предстоявшая прогулка не сулила ей ровно ни какого удовольствія и она охотно осталась бы дома одна; но законы приличія заставляли ее волею-неволею слѣдовать за прочими.

— Что вы такъ грустны? спросилъ подошедъ къ ней Аркаді

— Отъ избытка удовольствія, отвѣтила стараясь улыбнуться Оленька.

— Понимаю: танта и эта княжая Московщина. Зачѣмъ же вы за ними идете? Чтобы наскочить на новыя непріятности? Поидемте лучше кататься на лодкѣ.

— Какъ это можно, въ умѣ ли вы?

— А почему же нѣтъ? Мы поведемъ не одни: возьмемъ собою madam Coudert съ Лизой.

— Нѣтъ; это было бы слишкомъ... Cela se jetterait aux yeux.

— Это право очень забавно, перебилъ ее Аркадій. — Vous fait toute sorte d'avaries, а вы будете предъ ними заднихъ лалкахъ ходить? Гдѣ же ваше самолюбіе? Да и конечно рѣзкаго или бросающагося въ глаза тутъ ничего будетъ: я сейчасъ приглашалъ кататься и квяженъ; но княжна Вѣра сказала что она любитъ кататься лишь по морю; пусть ее по морю и катается. Смѣшно бы было намъ отзывать себя въ удовольствіи только потому что этого угодно ея сіятельству. Quand à maman je prends tout sur moi, я знаю что ей сказать.

И не дожидаясь отвѣта, онъ любѣжалъ догонять Лизу.

Аркадій былъ не въ духѣ. Онъ былъ золъ на тетку за неумѣстную болтовню: онъ зналъ цѣль съ которою она пришла къ себѣ княгиню съ дочерьми и очень хорошо нималъ что ничѣмъ не могъ ей такъ досадить какъ эти катаньемъ; а главное, не по нутру былъ ему пріѣздъ княжны ни какъ нарочно въ этотъ день, когда онъ послѣ шести дѣльныхъ ухаживаній за Оленькой начиналъ наконецъ, по крайней мѣрѣ ему казалось, достигать своей цѣли. Аркадій зналъ что княжны были очень богаты, младшая изъ нихъ, княжна Вава, была не дурна собою, и жениться на

особенно послѣ положительнаго отказа отца платитъ за него долги, онъ былъ не прочь и понималъ что имѣя это въ виду такого удобнаго случая сблизиться съ нею улускаться не слѣдовало, другаго такого пожалуй послѣ никогда и не представилось бы; но съ другой стороны, какъ было вдругъ для нея бросить Оленьку и притомъ бросить въ ту минуту когда она, оставленная всѣми, конечно болѣе нежели когда-либо ощущала бы всякій сдѣланный имъ для нея шагъ. Такое пренебреженіе оскорбило бы ея щекотливое самолюбіе и безвозвратно испортило бы все дѣло. Недолго впрочемъ думалъ Аркадій надъ этою дилеммой. „Поѣду кататься съ Оленькой, рѣшилъ онъ; она увидитъ въ этомъ доказательство моей искренней, можетъ-быть даже самоотверженной любви и это подвинетъ значительно дѣло впередъ: вѣдь эти деревенскія барышни особенно слободны всѣмъ восторгаться и во всякомъ вздорѣ видѣть проявленіе какого-нибудь высшренняго чувства. На княгиню же съ княжнами это также можетъ лаяваться не дурно: обидѣться этимъ катаньемъ особнякомъ онъ не могутъ, не виноватъ же я въ самомъ дѣлѣ что нѣтъ въ Кудяровѣ къ услугамъ княжны Вѣры моря; а что я не остался съ ними любезничать и предпочелъ отправиться кататься съ Лизой и Оленькой, то онъ изъ этого ясно увидятъ что я не участвую въ заговорѣ тетяшки и пріѣхалъ сюда вовсе не для того чтобъ ухаживать за ними, а этимъ я могу въ глазахъ ихъ лишь выиграть. Что же касается до ухаживанія за ними, то у меня впереди вечеръ и цѣлый завтрашній день. А ужъ какое dolce riasege доставлю я этимъ катаньемъ таятѣ! Она его во всю жизнь свою не позабудетъ.“ И онъ отъ удовольствія заранѣе потиралъ себѣ руки.

Аркадій нашелъ Лизу внизу террасы съ Mme Coudert, оставившею ее чтобы поправить не ней платье. Mme Coudert приняла предложеніе съ удовольствіемъ, она была очень рада отдѣлаться отъ неразговорчивой Англичанки; Лиза же долго не соглашалась, боясь прогнѣвать мать, и Аркадію стоило большаго труда уговорить ее.

Общество уже давно скрылось за густыми деревьями аллеи. Отъ террасы веда дорожка внизъ, прямо къ купальнѣ, у плотика которой привязана была лодка. Аркадій сбѣжалъ къ плотнику, отвязалъ лодку и помогъ войти въ нее своимъ спутникамъ; лотомъ взялъ въ руки весла, Оленька сѣла у руля,

управлять которымъ выучилась еще катаясь по Баклановскому пруду.

— Et vogue la galère! сказалъ онъ, отчаливъ и направивъ лодку внизъ по теченію рѣки.

XII.

Погода была прекрасная и видъ съ рѣки на стоявшій на горѣ домъ и тянувшійся вдоль берега садъ былъ очаровательный: солнце уже садилось и послѣдними яркими лучами своими золотило багровымъ отблескомъ длинный рядъ оконъ дома, рельефно выдвигая впередъ его массивный фасадъ изъ подъ освѣнявшихъ его вязовъ и липъ. По скату горы, какъ бы цѣпляясь другъ за друга, спускались къ самой водѣ цвѣтушіе кустарники: темною листвою своею рѣзко отдѣляясь отъ свѣтлой зелени газона, они издали казались разбросанными по немъ громадными, причудливо перелутавшимися гирляндами. Тамъ и сямъ одинокими великанами высались вѣковые дубы и вязы; мѣстами игриво выбѣгали на самую крутизну берега пестрые кіоски или задумчиво выглядывали изъ-подъ раскидистыхъ вѣтвей кудрявой рябины уединенныя бесѣдки. Лодка плыла то вдоль окаймлявшего берегъ камыша, то между небольшими островами, которыми въ этомъ мѣстѣ усѣяно было русло рѣки, прокладывая себѣ путь по плававшимъ на поверхности воды широкимъ и плоскимъ листьямъ кувшинчиковъ, лока, наконецъ, не выбрала на просторную водяную гладь, въ которой какъ въ зеркалѣ отражался опрокинутый крутой берегъ съ разбросанными по немъ деревьями и кустарникомъ. Выѣхавъ на середину Аркадій подобралъ весла и лодка, предоставленная одному теченію рѣки, едва замѣтно подвигалась впередъ.

— Какъ здѣсь хорошо, сказала Оленька, любуясь живописнымъ ландшафтомъ.

И дѣйствительно было хорошо. Только-что закатившееся за горою солнце, какъ бы посылая покинутой имъ землѣ зѣмгальную привѣтъ свой, золотило прощальными лучами окраины медленно плывшихъ по небу легкихъ, полупрозрачныхъ облаковъ. Въ воздухѣ стояла тишь, изрѣдка возмущаемая рѣвками вѣтеркомъ, разгонявшимъ теплый паръ, отдѣлявшійся отъ нагрѣтой въ теченіе дня воды. Отъ времен

до времени вскакивали на гладкой поверхности ея пузыри или слышались всплески игравшей и выпрыгивавшей наружу рыбы и тогда зеркальная гладь ея отъ концентрически расходящихся и расплывавшихся по ней круговъ покрывалась легкой, едва замѣтною рябью. Въ кустахъ щелкалъ залоздаый соловей, съ поля доносилась бойкая перекличка перепеловъ: въ лугахъ рѣзко и отчетливо отдергивалъ скрипучую гвсьню свою болотный коростель. Съ воздухомъ вдыхалось благоуханіе цвѣтущихъ кустарниковъ и дышалось такъ легко и привольно.

Всѣ молчали, погруженные въ нѣмое созерцаніе. Оленька была въ подлномъ упоеніи. День этотъ, несмотря на непріятности сдѣланныя ей Марьей Петровной, былъ едва ли не самый лучший въ ея жизни: утромъ она высказала Аркадію тайну своего сердца и, казалось ей, прочла и въ его взглядѣ больше нежели сколько онъ могъ бы высказать ей словами. То что она до сихъ поръ такъ старательно скрывала отъ него, уже перестало быть для него тайной. И теперь, сидя у руля, противъ него, она могла смотрѣть ему прямо въ глаза: онъ все зналъ и ей скрывать отъ него уже было нечего. Наконецъ, самое устроенное имъ катанье развѣ не показывало самымъ нагляднымъ образомъ любви его къ ней?

— Куда же мы ѣдемъ? прервала наконецъ общее молчаніе Луза.

— А куда бы ни ѣхать, не все ли равно, лишь бы быть подальше отъ танти, отвѣчалъ Аркадій.

— А знаете ли, сказала Оленька, — если ѣхать все внизъ по рѣкѣ, мы пріѣдемъ въ Кузминку. Палаша не разъ говорилъ что покойный вашъ дѣдушка пріѣзжалъ къ нему иногда изъ Кудеярова на лодкѣ.

— И отлучно, подхватила Аркадій, — ѣдемъ въ Кузминку.

— Вы кажется съ ума сошли, чуть не закричала Луза; — *Avez-vous entendu Mme Coudert? Et maman m'a recommandé de ne pas quitter les princesses.*

Оленька съ Аркадіемъ отъ души расхохотались.

— *Ne voyez vous donc pas que ce n'est qu'une plaisanterie,* утѣшала Лизу Mme Coudert.

— Да и вамъ не слѣдовало бросать ихъ такъ одявѣхъ, продолжала Луза вънушительно, — совсѣмъ неприлично. Разъ вы, Mme Coudert?

— Правда, сказала вполголоса Оленька, взглянувъ на Аркадія.

— Успокойтесь, перебилъ ее Аркадій, — валите все на меня, я устрою дѣло такъ что ничего такого не будетъ.

— Какимъ же это образомъ?

— Очень просто: приударю за которою-нибудь изъ княженъ и все будетъ прощено и забыто.

— Какая самоувѣренности! вскрикнула Лиза. — Посмотримъ. За которою же? добавила она: — за Вавой?

— Пожалуй хотъ за ней.

— Въ такомъ случаѣ смотри не влюбись въ нее въ самомъ дѣлѣ.

— Влюбюсь ли, не знаю; а что притворюсь влюбленнымъ и увѣрю въ томъ и маменькѣ и тетушкѣ — это вѣрно.

— Слышишь, Оленька? Да это будетъ преинтересно.

— Nous allons vous admirer à l'oeuvre, вмѣшалась Mme Coudert, которую разговоръ этотъ, казалось, почему-то очень интересовалъ.

— Vous verrez, заключилъ Аркадій.

Онъ взглянулъ на Оленьку; но та сидѣла, опустивъ голову, будто о чемъ-то задумалась.

И снова всѣ замолчали, точно боясь продолженіемъ этого разговора профанировать торжественность царившей кругомъ тишины. Казалось остановилась и лодка, и лишь по лучеобразно расходившемуся за нею по водѣ слѣду видно было что она, относимая легкимъ теченіемъ, хотя и медленно, но подвигалась впередъ.

Такъ прошло нѣсколько минутъ.

— Однакожь въ самомъ дѣлѣ какъ здѣсь ни хорошо, а пора и возвращаться домой, сказала наконецъ Оленька: — вверхъ по теченію вѣдь мы такъ скоро не поѣдемъ.

— Je suis de l'avis de Mlle Olga, присоединилась къ ней Mme Coudert.

— Если хотите, сказалъ Аркадій и взялся за весла.

Пока плыли по широкому разливу рѣки, лодка шла легко, но когда вѣхала въ протокъ отдѣлявшій острова отъ берега, теченіе оказалось такъ сильно что она несмотря на всѣ усилія Аркадія едва подвигалась впередъ.

— Вы, кажется, очень устали? спросила его съ участіемъ Оленька.

— Пока еще не очень; но къ крайнему прискорбію вижу то такъ мы далеко не уѣдемъ.

— Что же мы будемъ дѣлать? спрашивала со страхомъ Луза.

— Перевочуемъ здѣсь à la belle étoile,—это будетъ очень оригинально.

— Mais qu'allons nous devenir? Que dira maman? продолжала волноваться Луза.

— Cela vous fait honneur, сказалъ Аркадіи; — въ минуту опасности вспоминаешь о родителяхъ: это очень похвально. Но утѣшься; есть еще одно средство. Держите прямо въ камыши, вотъ такъ.

Пробравшись кое-какъ между камышей къ берегу, Аркадіи сложилъ весла въ лодку и взявъ въ руки багоръ сталъ, цѣпляясь имъ за стоявшія у воды деревья, тащить ее такъ-сказать на себѣ; но тяжелая работа эта вскорѣ же оказалась не только непосильною, но и невозможною. Въ камышахъ кромѣ кочекъ было много цѣлкихъ водяныхъ растеній, которыя перелутываясь около носа лодки не давали ей хода.

— Дѣло дряннъ, сказалъ Аркадіи послѣ долгихъ, но напрасныхъ усилій сдвинуть ее съ мѣста.

Луза пришла въ совершенное отчаяніе.

— Fi donc, Lise, говорила ей Mme Coudert, никогда не терпавшая присутствія духа.—Les braves meurent, mais ne se rendent pas et vous vous laissez decourager pour si peu de chose. M. Arcadie, si nous allions faire une descente sur cette rive inhospitalière? Qu'en pensez vous?

— Savez-vous que c'est une idée, comme une autre, сказалъ Аркадіи,—et nous allons la mettre à exécution.

— A l'oeuvre donc et vive le gouvernement! весело кричала Mme Coudert, желая примѣромъ своимъ ободрить упавшую духомъ Лизу.

Аркадіи причалилъ лодку къ самому берегу, высадилъ на него своихъ слугицъ и привязавъ ее къ дереву выпрыгнулъ изъ нея.

— Что если это еще не настоящій берегъ, а какой-нибудь островъ? говорила Луза, недоувѣрчиво смотря вверхъ по крутому скату, на которомъ кромѣ кустарника и кое-гдѣ торчавшихъ особлякомъ огромныхъ вязовъ ничего не было видно.

— И въ добавокъ необитаемый, сказалъ Аркадїй.

— Il ne vous manquerais que d'y rencontrer des sauvages, добавила Mme Coudert.

Вотъ засмѣялись; повеселѣла и Лиза. Стали взбираться по крутому склону берега; но тутъ представилось совершенно неожиданное препятствіе: подъемъ оказался до того крутъ что взобраться по немъ нельзя было иначе какъ хватаясь и крѣпко держась за кустарникъ, рискуя оборвавшись скатиться прямо въ рѣку. Легкая Лиза и сухая какъ щепка Mme Coudert принялись за эту операцію довольно ловко и удачно; но Оленька не могла сдѣлать и двухъ шаговъ: на ней были новыя ботинки, подошвы которыхъ скользили по сухой, выгорѣвшей травѣ.

— Обопритесь крѣпче на мою руку, говорилъ ей Аркадїй.

Но и это не помогало: ноги Оленьки продолжали скользить и она ни на шагъ не подвигалась впередъ.

— Боже, что мнѣ дѣлать! сказала она почти со слезами на глазахъ.

— А вотъ что: представьте себѣ что мы идемъ вальсировать; положите вашу руку мнѣ на плечо, вотъ такъ, а я... и онъ хотѣлъ обхватить ея талію, но Оленька остановила его руку.

— Pour rien au monde, сказала она и отодвинулась отъ него.

— Послушайте, вѣдь это ребячество, уговаривалъ ее Аркадїй.—Мы не разъ съ вами вальсировали и полькировали и я держалъ васъ точно также.

— Да; но мы здѣсь не полькируемъ.

— Какая же разница?

— Вопервыхъ, мы тамъ были не одни... проговорила едва внятно Оленька.

— Перестаньте пожалуста. Ну подумайте сами: ночь на дворѣ; пока Лиза взберется на гору, отыщеть тамап и та пришлетъ за нами людей, пройдетъ по крайней мѣрѣ часъ, и развѣ лучше будетъ если лакеи найдутъ насъ здѣсь съ вами вдвоемъ? Что скажете наконецъ объ этомъ тавта? Вѣдь это дать ей пищу для нескончаемыхъ сплетенъ.

Этотъ послѣдній аргументъ подѣйствовалъ на Оленьку сильнѣе всѣхъ другихъ. Она положила дрожащую отъ волненія руку на плечо Аркадія, и онъ, обхвативъ ее правою рукою, а лѣвою хватаясь за кустарникъ, началъ, хотя и не

съ труда, совершать восхождение. Въ мѣстахъ гдѣ подъя былъ очень крутъ и непослушныя ноги Оленьки начали скользить, она инстинктивно сильнѣе опиралась на плечо Аркадія, и онъ, чтобы поддержать ее, долженъ былъ крѣпче прижимать ее къ себѣ. Ея волосы касались его щеки, онъ чувствовалъ на ней ея горячее дыханіе, слышалъ какъ у рта его тревожно билось ея сердце...

Ишовавъ самую крутизну подъема, Оленька могла наконецъ вздохнуть свободнѣе: она какъ бы очнулась отъ упоительнаго сна и тихо высвободилась изъ объятій Аркадія.

— Arrivez donc retardataires, говорила имъ Mme Coudert, голя на верху горы съ Лизой.

Уже становилось темно и она торопила ихъ скорѣе возвратиться домой, гдѣ вѣроятно Софья Львовна ждала ихъ съ терпѣніемъ.

— Откуда это вы? раздался вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ знакомый имъ голосъ.

Всѣ вздрогнули и оглянулись.

Изъ боковой аллеи медленно подвигалось къ нимъ все общество. Впереди шла Марья Петровна съ княгиней и Софья Львовной; за ними слѣдовали княжны съ длинною Англичанкой и двѣ пріѣзжія дамы; не было лишь мушкетера. Княжна со страхомъ окинула мѣстность бѣглымъ взглядомъ нѣсколько успокоилась: аллея эта шла не вдоль берега и къ ней совершеннаго ея съ Аркадіемъ восхождения видѣть было нельзя.

— Что это съ тобою, мать моя? спросила Марья Петровна, оставаясь предъ нею:—волосы растрепаны, платье изорвано; а какое было хорошенькое платьице, я все любовалась въ. Да и не мудрено: коли станешь обо всѣхъ кустарники ползать обивать, ихъ и не наготовишься. Ты бы хоть нареченъ мамашу свою пожалѣла.

Оленька стояла ни жива, ни мертва. Софья Львовна пошла къ ней, какъ бы для того чтобъ опривить на ней пальцы, и, узнавъ о случившемся, пожурила ее.

— Развѣ ты не понимаешь, сказала она ей, — что такія дѣла въ порядочномъ обществѣ не дѣлаются, что это противно всѣмъ приватнымъ законамъ приличія.

Досталось, разумѣется, и Лизѣ, и madame Coudert, которыя вслѣдствіи взвалили всю вину на Аркадія.

— Хорошъ и кавалеръ, нечего сказать, продолжала между

тѣмъ, проходя мимо него, Марья Петровна. — Я думала онъ поможетъ мнѣ гостей занимать, а онъ отправился кататься на лодкѣ. Впрочемъ нынче вѣдь не принято чтобы хозяева занимали гостей своихъ. Это, говорятъ, лишь стѣсняетъ, всякому должна быть предоставлена полная свобода дѣйствій.

— Принято по крайней мѣрѣ не оскорблять ихъ въ домѣ своемъ, сказалъ Аркадій, хотя и вполголоса, но довольно громко.

Марья Петровна сдѣлала видъ что ничего не слышала; примѣру ея послѣдовали и прочіе; лишь княжна Вава не могла сдержать невольную улыбку: она прикусила перекусившіяся губки и вскользя брошенный ею на Аркадія взглядъ выражалъ сочувственное одобреніе.

Весь этотъ вечеръ Марья Петровна была въ особенно дурномъ расположеніи духа: она болѣе для того и пригласила къ себѣ княгиню съ дочерьми чтобы сосватать одну изъ нихъ за Аркадія, а онъ какъ нарочно точно избѣгалъ ихъ. Она приписывала это вліянію на него Оленьки, что, по мнѣнію ея, какъ нельзя лучше доказывалось катаньемъ на лодкѣ, которое, конечно, предпринято было по ея инициативѣ и настоянію, и потому сосредоточила на ней всю злобу свою.

Послѣ ужина мушкетеры отправились курить на балконтъ; въ столовой съ дамами осталася одинъ Аркадій. Марья Петровна завела рѣчь о безнравственномъ направленіи современной молодежи и о непочтительности ея къ старшимъ.

— Въ наше время, говорила она, — молодыя дѣвушки дорожили своею репутаціей; а теперь онѣ ея въ грошъ не ставятъ, гуляютъ по ночамъ съ молодыми людьми, чуть на шемъ не вѣшаются; а стариковъ нынче не только не почтуютъ, а относятся къ нимъ съ дерзкимъ пренебреженіемъ.

Обвиненіе было такъ прямо направлено противъ Оленьки что она не могла совладать съ собой и слезы въ три ручья хлынули изъ глазъ ея. Она вышла изъ комнаты; за нею пошла и Софья Львовна.

— О чемъ, матушка, разюмилась? спросила Марья Петровна. — Или нервы слабы? Ты бы хрѣнку поюхала.

— Я полагаю, сказалъ Аркадій, — что маадшіе въ ваше время потому и были почтительны къ старшимъ что въ послѣдніе своимъ съ вами обращеніемъ вѣроятно не ставляли ихъ терять къ себѣ всякое уваженіе.

Сказать это, вышелъ и онъ.

Послѣдовало общее молчаніе. Марья Петровна вся покровѣла, но не сказала ни слова; всѣ были видимо сконфузены. Уходя, Аркадіи замѣтилъ что княжна Вава по-рѣжнему прикусила губки и посмотрѣла на него тѣмъ же, не знакомымъ ему, сочувственнымъ взглядомъ.

— Пока все идетъ хорошо, подумалъ онъ.

XIII.

День именинъ Кудеярова прошелъ очень шумно; съѣздъ былъ большой. Марья Петровна была необыкновенно любезна; она бѣгала отъ одного гостя къ другому, находя для каждаго привѣтливое слово и оставляла въ локоѣ лишь изъ которыхъ не считала достойными особаго своего вниманія. Вывовника торжества почти не было видно: онъ встрѣчалъ гостей и тутъ же незамѣтно ступевывался. Софья Павловна не отходила отъ княгини Татьяны Юрьевны, которая, въ свою очередь, казалось, была очень довольна ея сообществомъ. Княжна Вава сблизилась съ Лизой и Оленькой и была очень любезна съ Аркадіемъ; старшая княжна хотя мало говорила и ходила съ Лизой, но Оленьки видимо чуждалась. Аркадіи, какъ блестящій гвардейскій офицеръ и богатый женихъ, былъ постояннымъ point de mire матушекъ и ихъ красавыхъ дочекъ; но онъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія и былъ занятъ исключительно одною княжною Лизой. Александръ Васильевичъ былъ всѣми очень любимъ и уважаемъ, а потому былъ безотходно окруженъ толпою внимательныхъ, если не подобострастныхъ собесѣдниковъ. Вообще, все шло какъ и слѣдовало ожидать; лишь одна Mme Coudert никакъ не могла сойтись съ догавязою Анны Павловны.

„Est-elle insipide cette grue d'Anglaise, говорила она, окончивъ отъ нея отступившись,—à peine parlant du bout de ses lèvres et roide comme dix manches de balai.“ Вечеромъ, когда водится, были танцы; сожженъ былъ даже фейерверкъ. Но всѣ эти увеселенія Оленьку не веселили: она только и думала какъ бы скорѣе вырваться изъ Кудеярова и пріѣхать въ Кузнецку, гдѣ ее ожидали материнскія ласки, и когда

наконецъ на третій день подѣхали къ крыльцу Бакаловскіе экипажи, она чуть не заплакала отъ радости.

— Какъ жаль что мы такъ далеко живемъ другъ отъ друга, говорила княгиня Татьяна Юрьевна, прощаясь съ Софьей Львовной;—иначе я просила бы и васъ пріѣхать ко мнѣ съ Маріе 27го, въ Красноселье, на освященіе церкви.

Хозяева вышли провожать Бакаловыхъ на крыльцо, и Марья Петровна обошла на этотъ разъ съ Оленькой много ласковѣ: отъ Аргусова взгляда ея не укрылось что Аркадіи наканунѣ былъ очень любезенъ съ княжной Вавой и это нѣсколько помирило ее съ нею. Къ тому же княгиня пригласила Аркадія принять участіе въ устраивавшемся у нея домашнемъ спектаклѣ, и она надѣялась уладить тамъ задуманное ею сватовство, почему и была въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

До Кузминки было всего пять верстъ, и переѣздъ этотъ былъ сдѣланъ въ какихъ-нибудь полчаса. Когда карета стала спускаться съ такъ хорошо знакомаго Оленькѣ еще съ дѣтства бугра и съ него открылся домъ съ садомъ, огромнымъ прудомъ и шумѣвшею въ далекѣ водяною мельницею, сердце ея запрыгало и казалось готово было выскочить. Бакаловы, чтобы не стѣснять стариковъ неожиданнымъ пріѣздомъ цѣлою семьей, еще наканунѣ извѣстили ихъ о немъ, и потому они встрѣтили ихъ на крыльцѣ. Изъ постороннихъ у нихъ былъ лишь одинъ Погорѣловъ, котораго пригласилъ Кузминъ, зная какъ Александръ Васильевичъ любилъ говорить съ нимъ о Крымской кампаніи. Встрѣча была, разумѣется, самая трогательная; Оленька нѣсколько разъ переходила отъ отца къ матери, цѣлуя и обнимая то того, то другую, пожала дружески руку Погорѣлову, сбѣгала провѣдать старую няню, перецѣловалась съ дѣвушками, не забыла и Трезора, который узнавъ ее бросился къ ней лапами на плечи и чуть не повалилъ ее.

— Посмотрите какая прелесть, говорила она, показывая его Аркадію.

— Да, не по шерсти клучка, сказалъ онъ.—Зачѣмъ дали въ ему такое вульгарное имя. Назовите его лучше хоть Дозоромъ.

— И въ самомъ дѣлѣ, имена такъ похожи что онъ перемѣны и не замѣтитъ. Дозоръ! Дозоръ! звала она его и прыгала отъ радости что тотъ бѣжалъ на новую свою клучку.

Глафира Андреевна была въ страшныхъ полыхахъ, не зная какъ и чѣмъ угощать гостей, хотя, разумѣется, въ ожиданіи ихъ пріѣзда всего наготовлено было больше чѣмъ нужно, и поминутно совѣщалась съ Оленькой.

— Какъ ты думаешь: хорошо ли будетъ телерь подать кофе? спрашивала она ее.

— Лучше ничего быть не можетъ, отвѣчала та, цѣлуя ее;— къ тому же у васъ всегда такія сливки и такія превосходныя сдобныя булочки и крендельки, какихъ въ Бакланахъ печь не умѣютъ.

— Да не подать ли его подъ вязомъ? спрашивала ее снова черезъ минуту старуха.

— И отлучно. На чистомъ воздухѣ какъ это будетъ хорошо.

Въ саду, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома, стоялъ огромный, раскидистый вязъ, около толстаго ствола котораго устроенъ былъ круглый столъ со скамьями. Сюда приглашено было все общество. Къ кофе, кромѣ сдобныхъ печеній и только-что сбитаго сливочнаго масла, поданы были окорокъ домашней ветчины и еще кое-какія произведенія незатѣливой кухни. Все это подаю было просто, но чрезвычайно опрятно.

— Какъ у васъ отлучно идетъ домашнее хозяйство, говорила Софья Львовна;— я у себя такого печенья и такого превосходнаго масла никакъ добиться не могу.

— Правда, замѣтилъ Баклановъ;—а ветчина ваша и вестфальской не уступитъ.

— Ну ужъ извините, чѣмъ Богъ послалъ, отвѣчала, суетясь около стола, Глафира Андреевна, у которой отъ всѣхъ этихъ похвалъ были, что-называется, ушки на макушкѣ.

— Жаль что у насъ здѣсь нѣтъ такой же лодки какъ въ Кузнецовѣ, сказала Оленька, когда послѣ завтрака пошли гулять по саду.

— И какъ бы здѣсь хорошо было покататься, добавила Лиза,—нѣтъ ни кочекъ, ни камышей, ни заросшихъ травою узкихъ проѣздовъ между островами.

— За то нѣтъ и такихъ живописныхъ, крутыхъ, неудобно-исходныхъ береговъ, замѣтилъ Аркадій, ударяя на предвсѣднее слово.

Оленька взглянула на него и легкій румянецъ выступилъ на ея щекахъ: воображеніе ея живо представило ей всѣ

мельчайшія подробности восхожденія на крутой берегъ. И брошенномъ ею на Аркадія взглядъ было и внезапно пробу дежное словами его воспоминаніе о пережитыхъ блаженныхъ минутахъ и укоръ за профанацию ихъ неумѣстнымъ и пошутливымъ на нихъ намекомъ.

— А главное: нѣтъ вашей милой, такъ искренно любимъ вами тетюшки, замѣтила она.

— Однако какъ ты ее послѣ ужина отдѣлалъ, сказа Лиза.—Я даже испугалась за тебя. Я такъ и думала что о бросится....

— И съѣстъ меня, добавилъ Аркадій.

Лиза повторила сказанныя имъ слова, и Аркадій мо прочесть въ глазахъ Оленьки выраженіе живой, искренн благодарности.

— Да и какой ты искусный актеръ, продолжала она;—если я не была предупреждена тобою заранѣе, то готова была лари поддержать что ты не въ шутку влюбился въ княж Ваву и ухаживалъ за нею.

За обѣдомъ у стариковъ зашелъ съ Погорѣловымъ разговоръ о военныхъ дѣйствіяхъ.

— Какъ слушаешься объ этихъ битвахъ да сраженіяхъ такъ даже жутко становится, сказала Глафира Андреевна. Подумаешь какъ человекъ-то можетъ на человека озлобиться; готовъ кровь свою до послѣдней капельки пролить. Вотъ хоть бы Павелъ Яковлевичъ: сколько разъ жизнь его ч называется на волоскѣ висѣла.

— И въ голову вамъ никогда, а чай, не приходило что ее не въ дровахъ нашли? спросилъ Бакаановъ.

— Если они сознавали правоту дѣла и сочувствовали е сказалъ Аркадій, очень хорошо понимавшій въ чей огор брошенъ былъ камень,—легко быть можетъ что они въ самы опасностяхъ находили своего рода наслажденіе.

— Стоять подъ непріятельскими выстрѣлами наслажде мало, сказалъ очень хладнокровно Погорѣловъ;—да и не маю чтобы кто-либо испытавшій это чувство, какихъ онъ ни былъ убѣжденій, сказалъ что онъ находилъ въ не наслажденіе.

— Но если вы такъ самоотверженно рисковали жизнью!

— Я сознавалъ лишь долгъ свой и исполнялъ его. Въ рошо дисциплинированномъ войскѣ, исполненномъ довѣ къ начальству, всякій солдатъ помнитъ свой долгъ и сѣ

исполняетъ его. Вѣдь вы, конечно, говорите не о партизанской войнѣ, гдѣ всякій дѣйствуетъ отдѣльно, замѣтилъ Погорѣловъ.

— Стало-быть по вашему въ регулярномъ войскѣ для личной храбрости не можетъ быть и мѣста.

— По моему истинная храбрость состоитъ въ умѣннѣ владѣть собою и сохранять присутствіе духа въ минуту опасности и, не отступая ни на шагъ предъ нею, оставаться на мѣстѣ которое указываетъ вамъ долгъ.

— Но какже назовете вы тотъ благородный порывъ который неудержимо влечетъ васъ съ явнымъ рискомъ для жизни отличиться въ какомъ-либо доблестномъ дѣлѣ? спросилъ Аркадія.

— Не знаю право какъ назвать этотъ порывъ; но полагаю что человѣкъ убѣжденный что онъ приноситъ пользу на мѣстѣ которое занимаетъ, не позволитъ себѣ увлечься порывомъ и оставить постъ свой.

— Помнишь, Оленька, вмѣшался Баклановъ,—читала ты о капитанѣ корабля который во время кораблекрушенія остался послѣднимъ на палубѣ?

— Помню очень хорошо.

— Кому ты больше сочувствуешь: ему или отчаянному храбрецу который очертя голову несется на вѣрную погибель?

— Конечно капитану, отвѣтила Оленька, взглянувъ украдкой на Аркадія.

— Люблю, Олечка! не вытерпѣлъ Кузминъ.—Дай Богъ чтобы и братья твои также думали.

— Да, продолжалъ вполголоса, какъ бы разсуждая самъ съ собою Баклановъ,—вѣрность долгу основа какъ истинной храбрости, такъ и гражданского мужества; на мимолетный же, хотя бы и благородный, порывъ способенъ и трусъ, и человѣкъ безъ твердыхъ правилъ и убѣжденій.

Но пора ближе познакомить читателя съ личностью Погорѣлова. Я уже сказалъ что Павелъ Яковлевичъ Погорѣловъ былъ не богатый хотя и не бѣдный помѣщикъ, близкій сосѣдъ Кузминыхъ. Въ наружности его не было ничего такого что могло бы съ перваго раза обратить на него вниманіе восторженнаго наблюдателя: онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей которые въ толпѣ проходятъ незамѣченными и вытравываютъ лишь при ближайшемъ съ ними знакомствѣ. Онъ

не былъ хорошъ собою; но высокій, открытый лобъ, большіе умные глаза, сосредоточенный, нѣсколько задумчивый взглядъ и постоянно игравшая на губахъ привѣтливая улыбка давали выраженію лица его что-то симпатичное, неволью рапедававшее въ его пользу. Въ приемахъ и разговорѣ его была мягкость и предупредительность, но сквозь самую мягкость эту видно было что онъ былъ человѣкъ съ характеромъ, что если не высказывалъ, то тѣмъ не менѣе зналъ себѣ цѣну; что если былъ внимателемъ и предупредителемъ къ другимъ, то считалъ себя въ правѣ требовать того же и къ себѣ. Любознательный и свѣтлый умъ его, развитый университетскимъ образованіемъ, направленъ былъ болѣе на предметы положительныя и практическіе; онъ много читалъ, много видѣлъ, но не любилъ парадировать ни умомъ, ни свѣдѣніями своими. Говорилъ онъ, особенно въ большомъ обществѣ, мало и споры вступалъ не охотно, но если обращались къ нему о какомъ-нибудь вопросѣ, всегда давалъ дѣльный и вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ. Замѣчательною чертой характера его было то что онъ никогда и ни о комъ дурно не отзывался, никогда не позволялъ себѣ ни надъ кѣмъ подтрунить или посмѣяться и остроту ума считалъ пустымъ, недостойнымъ положительнаго человѣка скоморошествомъ. На большихъ съѣздахъ, преимущественно же въ дамскомъ обществѣ, онъ чувствовалъ себя не на своей почвѣ и потому избѣгалъ ихъ; онъ на нихъ какъ-то ступевывался, чему впрочемъ всегда отъ души былъ радъ; въ небольшомъ же семейномъ кружкѣ и съ людьми коротко ему знакомыми онъ былъ подѣ часъ разговорчивъ, особенно если рѣчь шла о предметахъ ея близкихъ и хорошо извѣстныхъ. Вообще онъ былъ человѣкъ не общественный и не свѣтскій, а дѣловой и практическій, созданный не для трибуны и не для салона, а для тѣснаго кружка людей одымыслящихъ и для тихой семейной жизни.

Погорѣловъ еще въ молодыхъ лѣтахъ остался круглымъ сиротой. Александръ Семеновичъ Кузминъ, выйдя въ отставку и пріѣхавъ хозяйничать въ Кузминку, засталъ отца его уже на смертномъ одрѣ. Они были старые пріятели, тотъ, умирая, просилъ его не оставить его малолѣтнаго сына и быть ему отцомъ. Когда ему минуло двѣнадцать лѣтъ Кузминъ опредѣлилъ его по желанію отца въ гимназію. Мальчикъ былъ прилежный и съ большими способностями и черезъ пять лѣтъ выдержалъ блистательно экзаменъ.

иверситетъ. Три года слушалъ онъ лекціи въ университетѣ; ему оставался лишь годъ до окончанія курса и онъ мечталъ уже о поѣздкѣ за границу, какъ вдругъ случилось роковое несчастіе разбившее въ прахъ всѣ его мечты. Въ Петербургѣ открыто было тайное общество. Общество это имѣло цѣль своихъ и между учащеюся молодежью. Не разъ изучалъ предложеніе вступить въ него и Погорѣловъ; но въ постоянно отговаривался тѣмъ что, посвятивъ себя наукѣ, не имѣетъ времени заниматься социальными вопросами. Онъ былъ очень любимъ товарищами, и тѣ, зная что онъ почти безвыходно сидѣлъ дома, часто собирались у него болѣе или менѣе многочисленнымъ обществомъ, причемъ происходили иногда шумные токи. Погорѣловъ, смотрѣвшій на ихъ затѣи какъ на пустое ребячество, не придавалъ дѣлу никакого значенія; и во время такихъ преній уходилъ въ свою небольшую, отдельную комнатку. Въ числѣ посѣщавшихъ его товарищей былъ одинъ студентъ, которому, зная что тотъ не имѣетъ средствъ, онъ по возможности помогалъ, оставляя его у себя обѣдать и ночевать, причемъ приносимыя имъ въ соборъ бумаги оставались зачастую по нѣскольку дней у него на квартирѣ. Въ одинъ прекрасный день сдѣланъ былъ полиціею у Погорѣлова обыскъ и вмѣстѣ съ его собственными бумагами захвачены были и бумаги принадлежащія студенту. Онъ оказались весьма компрометирующаго свойства; между ними найденъ былъ и списокъ членовъ общества, въ числѣ которыхъ значился и Погорѣловъ. Несмотря на протестъ его что онъ никогда къ обществу не принадлежалъ и принималъ собиравшихся у него по вечерамъ студентовъ лишь въ качествѣ товарищей по университету, несмотря на показаніе самого студента, владельца бумагъ, что найденный списокъ не былъ спискомъ настоящихъ членовъ общества, а лишь лицъ которыхъ предполагало завербовать къ себѣ въ члены, Погорѣловъ былъ арестованъ и преданъ слѣдствию. Старикъ Кузнецовъ, узнавъ о постигшемъ питомца его несчастіи, прискакалъ къ нему на выручку, хлопоталъ гдѣ только могъ; но хлопоты его, разумѣется, остались безуспѣшными: улики были слишкомъ ясны, и Погорѣловъ приговоренъ былъ къ разжалованію въ солдаты, съ зачисленіемъ въ одинъ изъ полковъ. Старикъ чуть не сошелъ съ ума, и Погорѣловъ же долженъ былъ утѣшаться его.

— Пожалуста не безпокойтесь за меня, говорилъ онъ ему;—человѣкъ твердый въ своихъ правилахъ и получившій кое-какія основательныя познанія пропастъ не можетъ.

— Другъ ты мой, возражалъ ему Кузьминъ;—нешто я объ этомъ сокрушаюсь? Кабы погибалъ ты за свою вину, у меня бы и сердце не болѣло; а сокрушаетъ меня то что пропадаешь ты невинно, за другихъ.

— А развѣ лучше бы было еслибъ я дѣйствительно былъ виновенъ въ томъ въ чемъ обвиняютъ меня? успокоивалъ его Погорѣловъ.—Всѣ смотрятъ на меня какъ на несчастную жертву случая, самый судъ обвинилъ меня лишь потому что имѣя въ рукахъ такъ сильно компрометирующіе меня факты и документы, не могъ поступить иначе; роптать же въ несправедливость судьбы не значило ли бы вызывать на бо вътряныя мельницы?

Кузьминъ, слушая его, лишь пожималъ плечами.

Судьба оказалась, впрочемъ, къ Погорѣлову не совсѣмъ жестока. Командиръ полка въ который онъ былъ назначенъ былъ человѣкъ образованный и гуманный: узнавъ ея грустную исторію, онъ принялъ въ немъ живое участіе дѣлалъ все что отъ него зависѣло для облегченія его положенія. Съ своей стороны, и Погорѣловъ, движимый чувствомъ благодарности, старался не употреблять во зло его снисхожденія и чтобы не возбудить даваемыми ему льготами зависть въ сослуживцахъ своихъ, исполнялъ со всевозможною актиратностью требованія службы. Такъ тянулъ онъ лямку въ плъ долженіи долгихъ пяти лѣтъ, пока наконецъ не объявлена была Крымская война. Послѣ перваго же дѣла съ непріятелемъ произведенъ былъ въ офицеры. Примѣрная исполнительность его обратила на него вниманіе начальства: въ теченіе кампаніи онъ получилъ одинъ за другимъ два чина и, бывши полковникомъ, командовалъ уже ротой, которую въ короткое время поставилъ на отличную ногу. Служба начинала ему улыбаться, какъ при одномъ бластательно совершенномъ имъ отепленіи предъ втрое сильнѣйшимъ непріятелемъ онъ раненъ былъ осколкомъ гранаты въ ногу и уволенъ въ отпускъ излѣченія раны. Съ дѣтскою радостію увидалъ онъ снова свою родину. Небольшое имѣніе свое нашелъ онъ въ отличномъ положеніи; имъ съ самой смерти его отца завѣдывалъ Еминъ, сначала въ качествѣ опекуна, а потомъ попечителя.

устроилъ его такъ что оно приносило дохода втрое противъ прежняго. Старикъ обрадовался ему какъ родному сыну.

— Что тебѣ съ равеной ногой продолжать службу, сказали онъ ему; — слава Богу, послужилъ; хлѣба кусокъ у тебя хорошій, и женишься, будетъ чѣмъ жену прокормить. А я ужь, призваться, сталъ старъ и хворъ: мнѣ и съ своими дѣлами тяжело становится управляться.

Оставить службу, когда еще продолжались военные дѣйствія, казалось ему недобросовѣстнымъ и онъ, конечно, никогда бы на это не рѣшился, еслибы вскорѣ не заключенъ былъ миръ. Погорѣловъ вышелъ въ отставку и занялся сельскимъ хозяйствомъ.

Жизніе Погорѣлова было всего въ двухъ верстахъ отъ Кузминыхъ; онъ очень любилъ и часто навѣщалъ ихъ; болѣзнь старика еще болѣе ихъ сблизила, и онъ съ тѣхъ поръ считался какъ бы членомъ ихъ семейства. Тутъ же познакомился онъ съ Бакажовымъ и очень понравился ему практичностью взглядовъ своихъ; раза два былъ онъ по приглашенію его въ Бакажовыхъ и теперь встрѣтились они уже какъ старые знакомые.

Обѣдъ былъ что-называется на славу; такого въ Кузминкахъ никогда и не было. Правда, готовилъ его не поваръ, а старая кухарка, но Глафира Андреевна за всѣмъ наблюдала сама: ничего не было ни недовареннаго, ни пережареннаго. Еще слишкомъ за мѣсяцъ до этого дня она сообразила что Бакажовы на возвратномъ пути отъ Кудеяровыхъ по всей вѣроятности заѣдутъ въ Кузминку, а потому выложила къ приѣзду ихъ телка и телокъ вышелъ великолѣпный. Домашнія заливки и водянки были превосходныя; была даже какая-то запеканка, отзывавшаяся именно тою ягодою которую любилъ пившій ее и секретъ приготовления которой и осталась никому неизвѣстнымъ. О соленьяхъ и маринадахъ и говорить нечего: огурцы соленые въ тыквѣ на морщинявомъ листу были такъ хороши что Александръ Вальевичъ объявлялъ что такихъ въ жизнь свою не ѣдалъ; а мы знали что онъ лгать не любилъ и что если сказалъ что что-нибудь не видалъ или не ѣдалъ, то можно было смѣло бѣгать объ закладъ что онъ дѣйствительно ничего такого не ѣдалъ и не видывалъ.

Послѣ обѣда всѣ отправились въ садъ. На берегу пруда

разостлавъ былъ коверъ и принесены подушки, на которыхъ Софья Львовна расположилась на отдыхъ. Подлѣ нея села Глафира Андреевна, съ чулкомъ, который взяла больше потому что привыкшія къ работѣ руки ея не могли ни на минуту оставаться безъ дѣла.

— Какой у васъ отсюда живописный видъ, говорила Софья Львовна прилегли на подушки и смотря на раскидывавшееся по косогору противоположнаго берега пруда село,—встоящій русскій сельскій пейзажъ: кривыя улицы, по обѣ стороны ихъ крытыя соломомъ избы съ плетневыми сараями и гумнами; за ними старинная деревянная церковь съ провисшею и потемнѣвшею отъ времени крышею, и все это утопаетъ въ густой зелени раскидистыхъ березъ и ветель. Посмотрите на эту пошатнувшуюся, полураскрытую избушку, у самого берега пруда, съ ея подпертымъ покачнувшимся угломъ, покрывившеюся въ плетневыхъ сѣняхъ дверью и этою кайтушкой на курьихъ ножкахъ. На завалинкѣ сидитъ старуха, у ногъ ея бѣлокурая дѣвочка и два мальчика валяются на травѣ. Что можетъ быть картиннѣе?

— Да, отвѣтила пригорюнившись Глафира Андреевна; — мужиченки пораздѣлились да пропались, скоро всѣ въ такихъ же избушкахъ жить будутъ; а то такъ и вовсе станутъ въ землянкахъ какъ кроты зимовать, да Христовымъ именемъ кормиться.

— А какъ этотъ гулъ наломиваетъ мнѣ Шафгаузенскіе водопадъ, продолжала Софья Львовна, прислушиваясь къ доносившемуся съ мѣльницы шуму ладавшей съ колесъ воды. И она предалась сладкимъ воспоминаніямъ и убаюкивающимъ мечтамъ; отъ нихъ мало-по-малу перешла къ еще болѣе сладкой дремотѣ, а наконецъ и опочила уже не мечтательнымъ, а настоящимъ прозаическимъ сномъ.

Пока она отдыхала, Оленька успѣла съ Лизой и Аркашею обѣгать весь садъ, сводила ихъ и на огородъ, гдѣ они поражены были разнообразіемъ самыхъ причудливыхъ формъ тыквъ, которыя Глафира Андреевна разводила не столько для хозяйственнаго употребленія, сколько для красоты; впрочемъ это была чуть ли не единственная прихоть которую она себѣ позволяла. Возвратившись съ прогулки, усажившись подъ большимъ вѣвомъ около круглаго стола, на которомъ, въ ожиданіи пробужденія Софьи Львовны, уже посты-

лязъ былъ десертъ. Порывался присоединиться къ нимъ и Погорѣловъ, но Александръ Васильевичъ такъ завладалъ его особой что онъ никакъ не могъ отъ него отдѣлаться.

— Amenez vous donc ce brave fantassin, говорилъ Оленькъ указывая на него Аркадій.

— Я, право, не знаю о комъ вы говорите, отвѣтила она, издавъ губки.

— Конечно о Севастопольскомъ героѣ, о героѣ дня. Faites vous le voir de plus près.

— Вы, кажется, его за обѣдомъ очень близко видѣли, даже вступали съ нимъ въ бой... въ которомъ, впрочемъ, вамъ не совсемъ посчастливилось, добавила Оленька, лукаво улыбувшись.

— Какъ же тутъ посчастливиться когда человека атакуютъ и съ суши, и съ моря. Какъ явился этотъ храбрый капитанъ корабля, да сказалъ: „не сойду съ этой самой лубы пока останется на ней жива душа,“ меня оторопь взяла и я, разумѣется, скорѣе въ кусты.

— Полноте пожалуста острить на мой счетъ. Когда явился на сцену капитанъ корабля, вы давно уже были побиты и сложили оружіе.

— Правда, подтвердила Лиза;—ужь лучше согласись прямо что Павелъ Яковлевичъ и храбрѣе, и умнѣ тебя.

— Развѣ я противъ этого спорю. Что онъ храбръ, доказывается уже тѣмъ что онъ носитъ такой гаалстукъ и не боится удушиться имъ, и я убѣжденъ что еслибъ онъ урѣзалъ его на полвершка, да хоть на вершокъ свои брыжжи, то, конечно, говорилъ бы еще умнѣе. Посмотрите, вѣдь онъ въ этомъ хомутѣ и голову повернуть какъ саѣдуетъ не можетъ. Какая же тутъ можетъ быть свобода мышленію?

— Это ужь вовсе и не остроумно, сказала Оленька, но, тутъ же взглянувъ невольно вскользь на Погорѣлова, не могла не улыбнуться.

Вечеромъ, предъ закатомъ солнца, отправились на мельницу: Бакалову, какъ любознательному хозяину, уже давно хотѣлось взглянуть на нее. Пока онъ лошелъ съ Погорѣловымъ ее осматривать, молодежь осталась съ Mme Couderet и плотникъ удить рыбу. Аркадій съ перваго же раза поймалъ огромнаго лязя; у Оленьки сначала рыба вовсе не клевала, и она хотѣла уже бросить эту скучную забаву, какъ вдругъ удочку ея потянуло въ воду съ такою силой что она,

стараясь удержать ее, сорвалась съ нею съ плиты и еслбъ Аркадiй не успѣлъ вовремя схватить ее за руку, происшествiе могло бы кончиться очень плачевнымъ образомъ. Всѣ страшно перепугались.

— J'avais bien prédit que cette partie de plaisir ne menerait pas à bonne fin, говорила Mme Coudert.

Послѣ ужина вскорѣ всѣ стали расходиться.

— Покойной ночи, сказала Оленька, протягивая Аркадiю руку. — Никогда не забуду чѣмъ я сегодня вамъ обязана. Еще разъ благодарю васъ.

— За что?

— Какъ за что? Вы ужъ и забыли что спасли меня отъ смерти, подвергая жизнь свою явной опасности.

— Нѣтъ не забылъ, но благодарить вамъ меня все-таки не за что, вопервыхъ, потому что я тогда опасности этой и не подозрѣвалъ, а вовторыхъ, потому что спасая васъ я можетъ-быть сдѣлалъ для себя больше нежели для васъ самихъ.

Слова эти онъ сказалъ почти шопотомъ, хотя подлѣ нихъ и не было никого кто бы могъ ихъ услышать, точно хотѣлъ тѣмъ дать имъ значенiе котораго они, произносимыя обѣмъ новеннымъ голосомъ, не имѣли бы.

Оленька взглянула на него: онъ смотрѣлъ прямо въ глаза крѣпко сжималъ ея руку. Во взглядѣ этомъ она прочла столько сосредоточенной, какъ бы съ трудомъ сдерживаемой страсти что невольно опустила глаза. Слова эти глупоко вѣзались въ ея сердцѣ и, легши въ постель, она еще долго думала надъ ними.

— Да, онъ любитъ меня, рѣшила она наконецъ, — но не моему: я люблю въ немъ его одного, а онъ, какъ признался самъ, любитъ меня для самого себя.

XIV.

Не прошло и недѣли съ возвращенiя Бакалановыхъ домъ какъ совершенно неожиданно прiѣхала къ нимъ Кудеяровъ. Прiѣздъ ея крайнѣ всѣхъ удивилъ; Софья Львовна предугадывала впрочемъ его причину и потому встрѣтила свѣдѣльницу не безъ сердечной тревоги. Онъ залепился спать и просидѣли вдвоемъ болѣе часа, послѣ чего л

гласили къ себѣ и Александра Васильевича. Послѣ обѣда Марья Петровна вскорѣ же уѣхала. У Лизы въ этотъ день болѣли зубы и она, простившись съ теткой, ушла въ уборную матери, тамъ прилегла на кушетку и нѣкѣмъ незамѣченная заснула. Проснувшись, она услышала въ спальнѣ разговоръ отца съ матерью. Они говорили довольно громко и она не проронила ни одного слова.

— Стало-быть Аркадій поѣдетъ вмѣстѣ съ теткой двадцатаго, говорилъ Александръ Васильевичъ.

— Да; надо ему быть тамъ дней за пять до спектакля. Ничто такъ не сближаетъ молодыхъ людей какъ репетиціи; на нихъ главнымъ образомъ Магіе и возлагаетъ свои надежды.

— Домашній спектакль по случаю освященія церкви, сказалъ Баклановъ,—придуманно недурно. Что жь, продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія,—я противъ этой женитьбы ничего не имѣю; я и покойнаго князя зналъ, въ одной дивизіи служилъ. Состояніе прекрасное: и свое было хорошо и за женою взялъ; вѣдь она рожденная Кунакова. Я и ея-то отца помню: подагрикъ былъ, въ бархатныхъ салогахъ хаживалъ, тоже тузъ былъ въ свое время. Родство, связи, все есть; да и сама княжна не дурна собою, не дюжинная невѣста. Не знаю нравится ли она Аркадію. Посовѣтовать я ему съ своей стороны посовѣтую, а настаивать не стану, не такое дѣло.

— Серіозно я съ нимъ объ этомъ еще не говорила, сказала Софья Львовна,—хотѣла напередъ узнать мнѣніе княгини; а изъ разговоровъ кажется что княжна Вава ему понравилась. Я и въ Кудеяровѣ за нимъ наблюдала: онъ часто къ ней подходилъ, шутилъ, разговаривалъ; вечеромъ много танцевалъ съ ней. Магіе говоритъ что и онъ ей понравился, да я и сама замѣтила: мазурку Аркадій танцевалъ съ княжною Вѣрой, а она то и дѣло его выбирала. Говорить что ей особенно понравилось въ немъ что-то такое, знаешь, рыцарское, благородное.

— Что же она нашла въ немъ такого рыцарскаго? какъ бы противъ воли усмѣхнулся Баклановъ.

— Ну ужъ не знаю; стало-быть что-нибудь такое замѣтила въ его словахъ или обращеніи.

— Вотъ этого-то именно въ немъ и нѣтъ, оказалъ старикъ какъ-то особенно грустно;—нѣтъ въ немъ этого благороднаго гонора, который я такъ желалъ бы въ немъ видѣть.

И онъ сталъ молча ходить по комнатѣ.

— Княгиня относится къ этому дѣлу, повидимому, очень сочувственно, продолжала Софья Львовна,—чуть ли она не съ этою дѣлюю и домашній спектакль устроила. Да тутъ нѣтъ ничего и удивительнаго: чѣмъ Аркадiй для княжны не женихъ? По моему партiя для обѣихъ сторонъ выгодная и Магiе говоритъ что она взялась бы сладить дѣло, еслибы не одно обстоятельство, добавила она какъ-то нервнѣе и таинственно.

— Чтò такое? спросилъ, остановясь предъ нею, Баклановъ.

— Сама я ничего не замѣчала, а Магiе говоритъ будто Аркадiй влюбленъ въ Оленьку и что даже будто между ними ужъ есть какая-то взаимность.

— Изъ чего же она это заключаетъ?

— Вѣдь ты знаешь ее: все ей извѣстно, вездѣ у нея есть свои тайные агенты. Говоритъ что будто бы когда Аркадiй еще былъ въ Петербургѣ, они переписывались, и что телерь вечерами гуляютъ по парку обнявшись.

— Вздоръ, перебилъ ее рѣзкимъ голосомъ Баклановъ,—однѣ сплетни и я удивляюсь какъ ты могла дать имъ вѣру. Перелиска велась между Аркадiемъ и Лизой, а не Оленькой, переходила всегда черезъ наши руки и многiя изъ писемъ мы читали. Въ нихъ кромѣ дѣтской болтовни никогда ничего не было; а даже не разъ удивлялся что они о такихъ пустякахъ пишутъ. Что же касается до прогулокъ по парку, то это чистая клевета: однихъ ихъ гуляющихъ я никогда не видалъ; съ ними всегда неотлучно бываетъ Лиза, если и не Mme Couderc, и обнявшись при нихъ они конечно гулять не стали бы; да и Оленька не такая дѣвушка чтобы дозволила такъ съ собою обращаться. Вотъ въ ней такъ именно есть тотъ гоноръ, тотъ point d'honneur, о которомъ мы сейчасъ говорили и который я такъ желалъ бы видѣть въ Аркадiи.

— Да и я, повторяю тебѣ, ничего подобнаго пока не замѣчала; но согласись что если объ этомъ говорятъ и дошло до Магiе, то вѣроятно есть же что-нибудь такое: выдумывать ей не для чего. Наконецъ, если до сихъ поръ серьезнаго ничего и не было, то за будущее поручиться трудно. Мы больше объ этомъ съ ней и говорили; потому она Оленьку такъ и брюскировала у себя. Какъ знаешь,—добавила Софья Львовна послѣ непродолжительнаго молчанiя;—а по моему на-

и либо поскорѣе женить Аркадія, либо... принять какія-нибудь мѣры. Я Оленьку отъ души люблю и желаю ей возможнаго счастья; но согласись что она для Аркадія не партія.

— Не партія, пробормоталъ, какъ бы разсуждая самъ съ собою, Бакаловъ.—Для семейнаго счастья лучшей жены я ему не желалъ бы: и умна и съ прекраснымъ сердцемъ и съ благороднымъ характеромъ; но на немъ лежитъ долгъ поддержанія своего имени; а чѣмъ поддержишь его на надлежащей высотѣ, какъ не родственными связями?

— Видъ женившись на Оленькѣ Аркадій вступить въ родство и съ ея родными, продолжала Софья Львовна, очень хорошо зная какъ задѣть за слабую струну мужа.—Кузины люди хорошіе; но не думаю чтобы тебѣ пріятно было породниться съ какими-нибудь полуодводворцами и ввести ихъ въ наше родство.

Послѣдовало молчаніе; лишь слышно было какъ Бакаловъ быстрыми шагами ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Да наконецъ я увѣрена, послышался снова голосъ Софьи Львовны,—что если Аркадій и ухаживаетъ за Оленькой, то это такъ раг desoeuvrement, а не потому чтобы былъ влюбленъ въ нее, а тѣмъ менѣе съ цѣлю жениться на ней: онъ слишкомъ хорошо знаетъ себѣ цѣну и понимаетъ что она ему не ровня.

— Рыцарскій образъ дѣйствія, процѣдилъ сквозь зубы Бакаловъ.— Но если уже дѣйствительно есть что-нибудь такое,—сказалъ онъ твердо и рѣшительно;—то съ какою бы цѣлю онъ ни ухаживалъ, всѣ эти соображенія уже не могутъ имѣть мѣста. Мы взяли къ себѣ Оленьку какъ родную дочь и сѣдовательно приняли на себя и обязанность лецишь о ней какъ о родной дочери и если дѣло у нихъ зашло такъ далеко, я первый стану требовать отъ Аркадія чтобы онъ желалъ на ней. Долгъ чести выше всѣхъ этихъ соображеній.

— Такого пока еще ничего нѣтъ, я въ этомъ убѣждена; потому-то я и говорю что намъ надо послѣшнить заблаговременно взять предупредительныя мѣры. Я ужь что думаю... продолжала Софья Львовна понизивъ голосъ. Тутъ она затворила дверь и продолженія разговора Лиза уже слышать не могла.

Долго была она въ дерзѣшности что ей дѣлать, то-есть писать или передать все слышанное ею Оленькѣ. „Будетъ

ли съ моей стороны благородно разглашать чужую тайну спрашивала она себя. Но вѣдь она не была мнѣ вѣрна; я не подслушала ее, а услышала совершенно нечаяннымъ образомъ. Да и въ правѣ ли я утаить отъ Оленьки такую серьезную и такъ близко касающуюся ея вещь. Можетъ быть сама судьба привела меня сюда для того чтобы могла вовремя предупредить ее и тѣмъ дать ей возможность все уладить и всѣхъ успокоить." Луза была очень высококачественнаго мнѣнія объ умѣ и находчивости Оленьки; къ тому же она не раздѣляла по этому предмету взглядовъ стариковъ и от души была бы рада еслибъ Аркадїй женился на ней. После долгихъ колебаній она наконецъ рѣшилась на послѣднее: она потихоньку вышла въ боковую дверь, прокрадась въ комнату Оленьки и пересказала ей слово въ слово весь разговоръ.

— Ради Бога, прости меня, заключила она, — если я удежала выраженія которыя, можетъ-быть, покажутся тебѣ оскорбительными; но, измѣнивъ ихъ, я боялась какъ-нибудь исказить смыслъ самаго разговора.

Оленька отъ искренняго сердца поблагодарила Лuzu за дружескую услугу и взяла съ нея слово держать все въ строжайшей тайнѣ.

По уходѣ ея она долго не могла привести въ порядокъ мысли свои. Она очень хорошо понимала положеніе своего дома Баклановыхъ, понимала чѣмъ была имъ обязана; вдругъ оказывается что она становится прелютствиемъ и осуществленію ихъ самыхъ заветныхъ плановъ и притомъ плановъ имѣющихъ цѣлью устроить будущность того когочу она такъ любила, и что самая любовь эта и была тому помехой. Она любила Аркадія искренно, безкорыстно, безъ какой-либо задней мысли; въ любви своей къ нему полагала свое счастье, все свое блаженство; любовь эта была для нее средствомъ къ достиженію другаго, болѣе полного и прѣвѣщаго счастья, а конечною цѣлью всѣхъ ея желаній и стремленій, и потому она никогда не думала не только объ исходѣ ея, но и о томъ что она должна была рано или поздно имѣть какой-нибудь исходъ. Теперь только, ближе и положительнѣе всмотрѣвшись въ дѣло, она поняла все значеніе какъ замысленнаго Кудяровой, такъ и высказанныхъ Софьей Львовою опасеній, поняла и то что какъ тѣ такъ и другія бы очень естественны. Марья Петровна, конечно, должно бы

казаться страннымъ, даже немислимымъ чтобы восемнадцатилѣтняя дѣвушка могла уважаться такою безкорыстною любовью такую любила она Аркадія; понятно что и Софья Львовна могла опасаться чтобы любовь эта не кончилась женитьбой, которая такъ мало входила въ ея планы; возмущало Оленьку и оскорбляло ея самолюбіе лишь то что она такъ легко потеряла этимъ слетаямъ и давала такой унижительный для нея характеръ ухаживаніямъ за ней Аркадія. Съ другой стороны, чѣмъ болѣе вдумывалась она въ это дѣло, тѣмъ сильнѣе говорило въ ней чувство глубокаго уваженія и искренней благодарности Александру Васильевичу за его благородную увѣренность въ ней. Она готова была идти къ нему и, открывшись въ любви своей къ Аркадію, высказать ему что какъ ни сильна была эта любовь, она была настолько свята и безкорытна что всякія опасенія на счетъ возможнаго и такъ страшившаго Софью Львовну исхода ея совершенно напрасны и что наконецъ она дастъ слово заглушить ее въ сердцѣ своемъ, если только для счастья Аркадія необходима эта жертва. „Но если и Аркадію любить меня также какъ я люблю его, спросила она себя, развѣ могу я заставить его разлюбить и позабыть меня, да и будетъ ли еще онъ счастливъ, женившись въ угоду старикамъ на княжнѣ Вавѣ?“ Приходила ей въ голову помимо ея воли и другая мысль. „Что если въ самомъ дѣлѣ Аркадію думаетъ жениться на мнѣ? спрашивала она себя; вѣдь сказалъ же онъ мнѣ что спасъ меня не для меня одной, но и для самого себя.“ Она отгоняла эту мысль. Могъ ли быть Аркадію счастливъ съ нею? Что могла она дать ему кромѣ любви и молодости? Когда прошелъ бы порывъ страсти, думала она, можетъ-быть онъ сталъ бы раскаиваться въ необдуманности поступка своего; мучилъ бы и меня вѣчный упрекъ въ томъ что я доведя его до этого позднаго и ни къ чему не ведущаго раскаянія. И что бы это была за жизнь? Нѣтъ, прочь отъ меня эта мысль. Пусть онъ женится на княжнѣ Вавѣ, этого желаютъ его отецъ и мать; она умна, кажется, съ добрымъ сердцемъ и можетъ-быть составитъ его счастье. Я же постараюсь сдѣлать все что отъ меня будетъ зависѣть чтобы заставить его позабыть о мнѣ“....

Оленька вполнѣ повимала всю горечь грустной доли на которую себя обрекала и искала утѣшенія въ сознаніи добросовѣстнаго и свято исполненнаго долга. Она опустила го-

лову на грудь и нѣсколько минутъ сидѣла въ тяжелоиъ раздумьи. „Но вѣдь я люблю его, зарыдала она вдругъ, какъ бы очнувшись отъ давившаго ее кошмара и задыхаясь отъ душившихъ ее слезъ.—И вдругъ заглушить, задушить все въ себѣ собственными руками!“

Оленька закрыла глаза руками и зарыдала горько, безутѣшно, какъ плачутъ только прощаясь съ безжизненными остатками дорогаго существа, которое за часъ предъ тѣмъ еще было полно жизни, съ которымъ вы вчера еще мечтали о свѣтломъ, улыбавшемся будущемъ. „Довольно, сказала она наконецъ рѣшительно, отеревъ оставшіяся еще на глаза слезы, — къ дѣлу.“ Она подошла къ столу и взяла листъ почтовой бумаги.

„Милый другъ мамаша, написала она.—Умоляю васъ, привѣжайте за мною въ Бакланы какъ можно скорѣе, если не затруднить васъ, то завтра же. Придумайте благовидный предлогъ подъ которымъ вамъ удобно было бы, не возбуждая никакихъ подозрѣній, увезть меня отсюда. Почему это нужно, объясню вамъ подробно при свиданіи.“

Написавъ это письмо, Оленька залерла его въ столъ. „Пусть оно лежитъ здѣсь совсѣмъ готовое, думала она. Какъ только Аркадій уѣдетъ къ княгинѣ, я тотчасъ же отправлю его мамашѣ, чтобъ она пріѣхала за мною во время его отсутствія. Прощаясь съ нимъ, я могла бы какъ-нибудь неволью высказаться.“

Спрятавъ письмо Оленька подошла къ окну, чтобы сколько-нибудь освѣжить лицо и согнать съ него слѣды недавнихъ слезъ и, принявъ по возможности спокойный видъ, пошла къ Софьѣ Львовнѣ. Та лежала у себя въ комнатѣ на кушеткѣ и жаловалась на мигрень. Оленька прочла ей что-то изъ *Revue des deux Mondes* и отъ нея пошла по обыкновенію разливать чай въ столовую, куда аккуратно въ семь часовъ неизмѣнно являлся старикъ Баклановъ съ сигарою и нумеромъ газетъ и очень любилъ если заставаъ все общество уже въ полномъ сборѣ.

XV.

Медленно шли для Оленьки оставшіеся до отъезда Аркадія дни: и цѣпила ей сердце приближеніе этого роковаго отъезда и ждала она его съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, какъ ждутъ неминуемое горе чтобы скорѣе встрѣтить его и закончить съ нимъ. Ее тяготила неестественность отношеній ея къ Аркадію: ей хотѣлось быть съ нимъ, вдоволь съ нимъ поговориться, а между тѣмъ согласно принятому ею плану она должна была избѣгать его и притомъ такъ чтобъ онъ не замѣтилъ что она его избѣгаетъ. Замѣтна была перемѣна и въ немъ; но онъ, напротивъ, казалось слѣдилъ воспользоваться этими оставшимися днями и давалъ полную волю тѣмъ чувствамъ которыя такъ упорно сдерживала въ себѣ Оленька: онъ искалъ случая остаться съ ней наединѣ, ловилъ и крѣпко жаль ея руку. Временами онъ какъ будто недоволенъ былъ собою, точно досадовалъ на что-то; порою же шепталъ ей невнятные слова, приводившія ее въ смущеніе. Въ немъ не было прежней сдержанности и обращеніе сдѣлалось неровнымъ. Разъ, послѣ катанья въ лодкѣ по Бакаановскому пруду, выйдя на берегъ, стали они подниматься по его отлогому спуску. Лиза, по обыкновенію своему, лобызала впередъ, Оленька съ Аркадіемъ шли сзади шагомъ. Оба они молчали.

— А помните восхожденіе по крутому Кудеяровскому берегу? сказалъ вдругъ полупешелотомъ Аркадій, наклонившись къ Оленькѣ.

Та промолчала.

— Если позабыли, можно повторить, продолжалъ онъ и уже протянулъ было руку чтобъ обхватить талию Оленьки.

— Вы, кажется, съума сошли, вскрикнула она, услѣвъ вовремя отскочить и удержать его руку.

— А не хотите, такъ и не надо, сказалъ тотъ, казалось, очень хладнокровно.

Въ другой разъ — это было за день до отъезда Аркадія — послѣ обѣда старики ушли къ себѣ отдыхать; была ненастная погода и потому всѣ изъ столовой перешли въ гостиную. Оленька сѣла на диванъ у стола, на которомъ лежали альбомъ и кипсеки и, взявъ одинъ изъ нихъ, стала рассматри-

вать какой-то уже давно знакомый ей лейзажъ. На одну руку оперлась она головой, другая лежала у нея на колѣнахъ.

— Что вы такъ сегодня скучны? спросилъ, сѣвъ подѣ на диванѣ, Аркадїй.

— Не знаю почему это вамъ такъ кажется, отвѣтила она, продолжая разсматривать кипсекъ.

— Ужь не сердитесь ли за что-нибудь на меня?

— За что же мнѣ на васъ сердиться?

— Можетъ-быть за попытку повторить восхождение на Кудеяровскій берегъ?

Оленька не сказала ни слова.

— А если сердитесь, такъ простите, впередъ не буду, продолжалъ Аркадїй, взявъ лежавшую у нея на колѣнахъ руку и крѣпко сжалъ ее.

— Довольно, невольно вскрикнула Оленька, отдернувъ ее.— Какъ вы всегда крѣпко жмете.

— Я ничего не умѣю дѣлать въ половину, сказалъ Аркадїй, выпустивъ ея руку, но не отнимая своей.

Оленька стала тихо сдвигать ее.

— Est-ce que je vous gêne comme-ça? спросилъ Аркадїй, стараясь заглянуть ей въ глаза.

— Mais vous le voyez je crois très bien vous même, отвѣтила она отодвигаясь и не сводя глазъ съ кипсека.

Аркадїй снова поймалъ ея руку.

Оленька вспыхнула и встала; на глазахъ ея навернулись слезы и она вышла изъ комнаты.

Пришедши къ себѣ, она долго плакала. „Что значитъ эта необъяснимая въ немъ перемѣна?“ спрашивала она себя. „Ужь полно любить ли онъ меня, если позволяетъ себѣ такъ обращаться со мной.“

Насталъ наконецъ и канунъ отъѣзда Аркадїя. Погода была великолѣпная и Александръ Васильевичъ вечеромъ предложилъ ѣхать пить чай въ роцу, около которой производилась въ это время покосъ. Все общество, за исключенїемъ Аркадїя и Оленьки, отправилось на дрогахъ; они же конвоировали ихъ верхомъ. Аркадїй дорогой больше молчалъ и видимо былъ чѣмъ-то недоволенъ; Оленька объясняла себѣ это нежеланїемъ его ѣхать на другой день къ княгинѣ и мысль эта утѣшала ее. За чаемъ о предстоявшей поѣздкѣ Аркадїя не говорено было ни слова, да и вообще съ самаго возвращенїя Баклановыхъ изъ Кудеярова о ней поминан

было, что не могло не броситься Оленькѣ въ глаза, такъ какъ при замкнутой жизни которую вели въ Бакалангахъ, такая поѣздка была цѣлымъ происшествіемъ, выходящимъ далеко изъ ряда обыкновенныхъ. Софья Львовна не говорила о ней потому что хотѣла держать ее въ тайнѣ, хотя она ни для кого таймой не была; Александръ Васильевичъ — потому что не находилъ никакой надобности о ней распространяться, Аркадій же молчалъ потому что ему и говорить о ней было не совсѣмъ ловко: сквозь предлогъ поль который она предпринималась, слишкомъ ясно просвѣчивала настоящая ея цѣль.

Послѣ чая, Софья Львовна расположилась на коврѣ подъ развѣсистымъ дубомъ, слушая неустанную болтовню Мше Condert; старикъ Бакалановъ отдавалъ какія-то приказанія бурмистру; Аркадій же съ Лизой и Оленькой отправились на покосъ. Луговъ при Бакалангахъ было много и потому они не могли быть скошены и убраны одновременно: мѣстами сѣно сметано уже было въ копны, мѣстами же трава только что полкашивалась. Работа шла дружно и весело было смотреть на нее. Крестьянскія бабы и дѣвки въ праздничныхъ нарядахъ съ граблями въ рукахъ, разбросанные по степи, кинули какъ муравьи: одни перетрахаали сѣно на рядахъ, другія сгребали его въ валы, третьи копчили его, между тѣмъ какъ косцы, дружно взмахивая блестящими на солнцѣ косами, длинною косвенною линіей подвигались впередъ, оставляя за собою густые ряды скошенной травы.

— Скажи пожалуйста Аркадій, спросила вдругъ Лиза, — зачѣмъ ѣдешь ты съ тактою къ княгинѣ Татьянѣ Юрьевнѣ? Неужели въ самомъ дѣлѣ лишь для того чтобы принять участие въ домашнемъ спектаклѣ?

— Творю волю посылающихъ меня, отвѣтилъ Аркадій, видимо смущенный этимъ неожиданнымъ вопросомъ. Онъ хотѣлъ дать отвѣту своему ироническій тонъ; но это выходило какъ-то втянуто: тонъ этотъ не вязался со смысломъ отвѣта. — Танта находитъ что назначенную мнѣ роль никто кромѣ меня достойно выполнить не можетъ, добавилъ онъ съ усмѣшкой, какъ бы желая поправиться.

— Какую же вамъ назначили роль? спросила Оленька, боже для того чтобы что-нибудь сказать и выйти изъ тягостнаго ее положенія.

— Роль Юлія Цезаря, отвѣтилъ Аркадіи тѣмъ же тономъ,— я долженъ пріѣхать, увидѣть и побѣдить.

Лизѣ отвѣтъ этотъ очень понравился и она расхохоталась какъ ребенокъ; Оленьку же онъ привелъ въ совершенное недоумѣніе. Хотя сказанъ онъ былъ прощически, съ явнымъ намѣреніемъ отвѣять у предстоявшей поѣздки всякое серьезное значеніе; но зачѣмъ же онъ ѣдетъ, спрашивала она себя, если знаетъ съ какою цѣлью его посылаютъ и онъ ей не сочувствуетъ? Неужели же только для того чтобы насмѣяться надъ отцомъ съ матерью и таятой, а вмѣстѣ съ ними и надъ ни въ чемъ неповинною княжной Вавой? Если онъ не сочувствуетъ плану стариковъ, то не лучше ли прямо объясниться съ ними, нежели ставить и ихъ и себя въ фальшивое положеніе? Если, наконецъ, онъ не хочетъ огорчить ихъ прямымъ отказомъ и надѣваетъ на себя маску послушнаго сына, съ предвзятымъ намѣреніемъ обмануть ихъ ожиданія, то и это далеко не такой поступокъ которымъ порядочный человекъ могъ бы хвастаться и о которомъ дозволилъ бы себѣ говорить съ прощическою усмѣшкой. Словомъ, образъ дѣйствій Аркадія въ настоящемъ случаѣ былъ для Оленьки загадоченъ и необъяснимъ.

Разговоръ на этомъ и оборвался. Правда, Аркадіи не разъ порывался заговорить о чемъ-то съ Оленькой, но присутствіе Лизы видимо стѣсняло его и вскорѣ же отправились въ роццу, гдѣ Софья Львовна уже поджидала ихъ чтобы возвратиться домой.

— А знаете что мнѣ пришло въ голову, сказалъ Аркадіи Оленькѣ, сѣдую съ лею верхомъ за дрогами:—я ѣду нѣко-
торымъ образомъ какъ рыцарь на турниръ; а въ этомъ случаѣ la dame de ses pensées обыкновенно давала ему какой-нибудь талисманъ, который долженъ былъ какъ предохранять его отъ всякихъ злополучій, такъ и быть залогомъ благополучнаго и скорого возвращенія его къ ногамъ ея.

Оленька молчала.

— Дадите мнѣ на прощанье такой талисманъ?

— Какой же? я право не знаю, отвѣтила въ замѣшательствѣ Оленька.—Что-нибудь моей работы?

— Нѣтъ. Какже буду я носить при себѣ всюду такой талисманъ? Я желалъ бы имѣть что-нибудь невещественно

— Что же могу я вамъ дать? едва могла она проговоритъ

— На первый разъ хоть то что я уже давно долженъ

былъ бы получить отъ васъ.... и безъ чего вы, конечно, меня и отпустите, добавилъ Аркадій почти шепотомъ, хотя ни-ко кромѣ Оленьки слышать его не могъ.—Prenez donc garde! вскрикнулъ онъ вдругъ, схвативъ лошадь за поводья.— Вы совсѣмъ наѣхали на дороги, лошадь ваша чуть не попала ногою въ колесо.

Къ счастью для Оленьки они въ это время уже подѣхали къ дому и такъ смутившій ее разговоръ тѣмъ и прекратился.

Въ ясные дни Аркадій съ Оленькой и Лизой обыкновенно ходили вечеромъ на pointe, смотрѣть на закатъ солнца. Такъ называли они вдававшійся въ прудъ мысъ съ стоящею на немъ у самой воды бесѣдкою, хотя солнце садилось не въ воду, а за зеленѣвшимъ за прудомъ овсянымъ полемъ, представляла такимъ образомъ воображенію дологнать то чего не было въ натурѣ. Пошли они туда и въ этотъ вечеръ. Уже около часа сидѣли они въ бесѣдкѣ, но разговоръ все кикъ-то не клеился. Оленька была еще подъ впечатлѣніемъ загадочной просьбы Аркадія; онъ также, казалось, что-то обдумывалъ и видимо былъ не въ своей тарелкѣ. Давно сѣло солнце; отъ воды подымался туманъ и густою росой стлался по берегу; становилось свѣжо и сыро. Лиза встала чтобы пойти въ домъ за теплымъ платкомъ; Оленька хотѣла также идти за нею.

— Куда же ты? сказала ей Лиза.—Я сейчасъ вернусь назадъ, привесу и твой плащъ.

— Оставайтесь, упрашивалъ ее умоляющимъ голосомъ Аркадій.—Проведемте хоть послѣдній вечеръ вмѣстѣ.

Оленька не рѣшалась; но Аркадій такъ убѣдительно упрашивалъ ее что отказать ему въ его просьбѣ было не-можно; это значило бы ясно высказать ему недовѣріе. Она осталась.

Съ минутою просидѣли они вдвоемъ молча.

— Что жь, не отгадали вы что желалъ бы я имѣть отъ васъ на прощанье? спросилъ наконецъ Аркадій.

— Право не знаю, едва слышно отвѣтила Оленька;—вы шепчите такъ загадочно.

— А мнѣ кажется ужъ черезъ-чуръ ясно, продолжалъ онъ, и крѣпко сжавъ ее руку.

— Ахъ пустите, невольно вскрикнула Оленька, выдерживая ее.

— Послушайте, сказалъ Аркадій;—долго еще мы будемъ с вами играть въ эту дѣтскую игру? Я здѣсь ужь больше двухъ мѣсяцевъ и мы еще сидимъ на азбукѣ; пора бы и безъ скандовъ читать выучиться.

И обнавъ другою рукой ея талию, онъ притягивалъ ее къ себѣ.

— Что съ вами? говорила совершенно растерявшись Оленька. — Пустите меня.

— Нѣтъ, ужь это выше силъ моихъ, произнесъ Аркадій едва внятнымъ голосомъ, и горячій поцѣлуй прозвучалъ на ея шеѣ.

— Ради Бога, оставьте меня, умоляла Оленька, стараясь высвободиться изъ его объятій.

— Нѣтъ, ты не любишь меня такъ какъ я люблю тебѣ говорилъ Аркадій, едва переводя духъ отъ волненія и пурпурная лицо ея страстными поцѣлуями.

— Mais laissez moi donc, ayez enfin pitié de moi, чуть кричала Оленька выбиваясь изъ рукъ его.

— Еще одинъ, одинъ, послѣдній, шепталъ задыхаясь Аркадій; онъ притянулъ ее къ себѣ на грудь и, крѣпко обнявъ обѣими руками, влился въ ея губы долгимъ, жгучимъ поцѣлуемъ.

— Оленька! Матан приказала сказать тебѣ что пора мой, кричала Лиза, еще не добѣжавъ до бесѣдки; говорит и поздно и сыро.

XVI.

Прибѣжавъ въ свою комнату, Оленька въ изнеможеніи бросилась на свою постель и долго оставалась въ полусознательномъ состояніи. Случившееся съ нею казалось ей такъ неправдоподобнымъ что она готова была вѣрить что ничто этого не было, что все это было не болѣе какъ игра ея разстроеннаго воображенія и лишь еще горѣвшій на губахъ поцѣлуй не позволялъ ей сомнѣваться въ дѣйствительно совершившагося факта. Она не могла дать себѣ отчета волновавшемъ ее чувствѣ: тутъ былъ и испугъ, и возмущенное чувство стыдливости, и негодованіе на Аркадія, и даже на себя. „Но можетъ-быть, шепталъ тайный голосъ, поступилъ такъ въ минуту неудержимаго порыва удивленія, когда человѣкъ теряетъ всякую власть надъ собою?“ И вольно припомнились ей мельчайшія подробности только происшедшей сцены. При одномъ воспоминаваніи о н

вкрывало ей въ груди дыханіе, замирало сердце, тревожно бился учащенный пульсъ, и вслѣдъ затѣмъ овладѣвалъ въ какой-то безотчетный страхъ и ледяной холодъ пробѣгавшій по жиламъ. То громко говорило въ ней чувство оскорбленнаго достоинства и благороднаго негодованія; то другое, еще болѣе сильное чувство тихо и вкрадчиво подсказывало: чѣмъ же выловать оны, если такъ горячо, такъ безумно любить тебя?

Оленька встала, вынула изъ стола написанное ею за пять дней предъ тѣмъ письмо къ матери и приписала: „Ангель мой, мамаша, если только возможно, пріѣзжайте за мною завтра же; словомъ, чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.“ Запечатавъ письмо, она отдала его своей горничной, очень преданной ей дѣвушкѣ, для немедленной отправки тайно ото всѣхъ съ нарочными.

Остальное время вечера она не выходила изъ своей комнаты, отговариваясь нездоровьемъ; на другой же день утромъ Аркадія въ Бакавахъ уже не было.

— А ты такъ и не вышла проститься съ Аркадіемъ, выговаривала ей Лиза.

— Я простилась съ нимъ еще съ вечера, отвѣтила Оленька.

— Да, что ты такое подарила ему на прощанье? Онъ говорилъ мнѣ что ты долго не соглашалась отдать ему эту вещь, и что оны почти отняла ее у тебя.

Оленька вслыхнула и недовѣрчиво посмотрѣла на Лизу. „Ужъ не смѣется ли она надо мною?“ невольно пришло ей въ голову; но встрѣтивъ ея простодушный, прямо на нее устремленный взглядъ она тотчасъ же успокоилась. Ей даже стало совѣстно предъ нею что, зная ее, могла хотя на минуту задоверить ее въ такомъ несвойственномъ ей поступкѣ.

— Онъ вѣрно шутилъ: никакого подарка я ему не дѣлала, отвѣтила Оленька, стараясь скрыть свое смущеніе. Слезы негодованія навернулись на ея глазахъ.

День этотъ прошелъ очень скучно: старики были молчаливы и озабочены. Оленька хорошо знала тому причину и, показывая вида что замѣчаетъ что-либо или о чемъ-нибудь догадывается, наблюдала за ними. Характеры обоихъ выказались при этомъ случаѣ особенно рельефно. Софья же старалась скрыть отъ Оленьки озабочивавшія ее дѣла и планы, была къ ней внимательнѣе и ласковѣе обыкновеннаго; но эта самая необычная внимательность и

выдавала ее. Александръ Васильевичъ, напротивъ, не стараясь принять личины: его видимо тяготила ненормальность и натянутость положенія въ которое онъ былъ поставленъ силой обстоятельствъ, и для Оленьки было ясно что если онъ тутъ же не высказалъ ей прямо и откровенно всего лежавшаго у него на сердцѣ, то лишь потому что, съ одной стороны боялся огорчить ее, съ другой же, саишкомъ былъ въ ней увѣренъ чтобы раздѣлять подозрѣнія жены и Кудеяровой. Къ тому же онъ не вѣрилъ чтобъ Аркадій могъ серьезно полюбить кого-нибудь, а потому не раздѣлялъ и ихъ опасеній насчетъ такъ страшившаго ихъ исхода этой любви. Тѣмъ не менѣе не могъ онъ оставаться къ происходившему около него равнодушнымъ и безучастнымъ: дѣло было семейное, и на немъ, какъ на главѣ семейства, лежала обязанность не только обсудить, но и отвѣчать за него предъ людьми и совѣстью, а потому естественно онъ и былъ болѣе обыкновеннаго молчаливъ и сосредоточенъ.

На другой день къ вечеру пріѣхала наконецъ и Глафира Андреевна. Оленька встрѣтила ее на крыльцѣ и провела прямо въ свою комнату.

— Что такое случилось? спрашивала ее озабоченно мать.

— Ничего такого что могло бы особенно тревожить васъ, успокоивала она ее. — Я объясню вамъ все подробно когда вы все разойдутся спать и мы останемся съ вами здѣсь вѣднѣ. Теперь же пока скажите мнѣ подъ какимъ предлогомъ увезете вы меня отсюда?

— Предлогъ-то вышелъ не придуманный, а заправскій отвѣтила та, вздохнувъ: — отецъ твой опять заболѣлъ теперь же болѣзью. Когда вы еще были у насъ, онъ все жаловался на головную боль и кое-какъ перемогался; но отъѣздъ въ вашемъ приключился съ нимъ въ ночь припадкомъ. Спасибо еще Павлу Яковлевичу. Кабы не прискакалъ въ то время съ податкаремъ да не отворилъ кровь, отца твоего и живыхъ бы ужъ не было. Послалъ намъ Господь Божий кладъ въ этомъ сосѣдѣ, такой прекрасный человекъ. По два дня даже спать вовсе не ложился, все около него хлопоталъ; да и теперь почти не отходитъ. „Поѣзжай говорить, Глафира Андреевна, Ольгу Александровну продать, видно что-нибудь серьезное; а я пока около больного посижу.“ Еслибы не онъ, такъ мнѣ и оторваться-то изъ дома нельзя бы было.

— Что же вы тотчасъ же за мною не прислали? сказала съ вѣжливомъ упрекомъ Оленька.

— Я было, признаться, и хотѣла, да Павелъ Яковлевичъ отговорилъ. Что, говорить, безъ особой нужды Ольгу Александровну тревожить; можетъ дать Богъ и полегчаетъ. Да, нѣтъ: лучшаго лока ничего нѣтъ. Такое ужъ горе.

И мать съ дочерью обнявшись долго плакали.

Оправившись съ дороги и отъ слезъ, Глафира Андреевна вышла съ Оленькой въ столовую, гдѣ уже все семейство собралось къ вечернему чаю. Старики были ей очень рады.

— Вотъ ужъ никакъ не ожидала такъ скоро свидѣться съ вами, говорила цѣлуясь съ нею Софья Львовна.

— Да что, со мною опять горе, отвѣтила та, утирая слезы.

И она повторила все только-что сказанное ею Оленькѣ.

— Ужъ вы пожалуста завтра же Оленьку-то отпустите со мною къ больному отцу, добавила она.

Софья Львовна какъ-то особенно взглянула на мужа и хотя во взглядѣ этомъ Оленька прочла именно то что и ожидала прочесть, тѣмъ и менѣе грустно сдѣлалось у ней на сердцѣ.

На просьбу Глафиры Андреевны возраженій, конечно, никакихъ не было; да трудно было бы найти ихъ, еслибы Бакажовы и дѣйствительно не желали отпустить Оленьку; темъ же просьба эта совладала какъ разъ съ ихъ собственнымъ желаніемъ.

Когда послѣ ужина всѣ разошлись на покой, и Оленька осталась въ комнатѣ своей одна съ матерью, она рассказала ей все что лежало у ней камнемъ на сердцѣ. Она чистосердечно призналась въ любви своей къ Аркадію и передала свою грустную исторію.

Добрая старушка съ усиленнымъ вниманіемъ выслушала повѣсть дочери.

— Нѣтъ; онъ не такъ любитъ тебя какъ любить будущую жену, сказала она съ глубокимъ вздохомъ, когда Оленька кончила разказъ; — онъ никогда и не думалъ жениться на тебѣ. Хорошо еще что все такъ кончилось. Спасибо тебѣ что ты вовремя меня сюда вызвала. Тебѣ здѣсь оставаться не ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ. Ты и для благополучія своихъ теперь только одна обуза; еслибъ они все знали, они и сами попросили бы меня взять тебя отсюда для твоего же благополучія. Я еще какъ вы въ послѣдній разъ говорили въ Кузьминку, посмотрю этакъ на васъ, да и

думаю себѣ: не ладное что-то творится. Признаться, всѣ эти дни сердце было у меня какъ-то не на мѣстѣ: не даромъ говорится что сердце материнское вѣщуетъ. Ну, да Богъ все дѣлаетъ къ лучшему. Не вѣкъ же въ самомъ дѣлѣ тебѣ въ чужомъ углѣ жить, когда есть свой собственный, есть родной отецъ и мать. Въ гостяхъ хорошо, а дома все лучше. Олять-таки ужь года твои такіе и мы съ отцомъ старымъ стоимся; надо и впередъ подумать. Поблагодаримъ благодѣтелей твоихъ за ихъ хлѣбъ-соль, за ихъ ласки, заботы о тебѣ и попеченія, да и....

— Какъ, мамаша. Вы хотите теперь же имъ прямо объявить что совсѣмъ меня отъ нихъ увозите?

— Чего же намъ таиться-то? Мы не дурное какое дѣло дѣлаемъ.

— Но это можетъ очень огорчить ихъ и возбудить пошлѣе зрѣніе. Мнѣ кажется надобно приискать еще какую-нибудь другую уважительную причину кромѣ болѣзни лалаши. Въѣвъ не все же онъ будетъ боленъ. Богъ милостивъ, можетъ-быть скоро и выздоровѣетъ.

— Понимаю что ты боишься. Будь покойна: объ васъ съ Аркадіемъ Александровичемъ и помина не будетъ. Я и вы не покажу что знаю о вашей другъ къ другу склонности. Причинъ же материнское сердце всегда много найдетъ, когда дѣло идетъ о благополучіи роднаго дѣтища, и причинъ съмыхъ уважительныхъ. Ну, Христосъ съ тобою, заключа. Глафира Андреевна, перекрестивъ и поцѣловавъ въ лобъ Оленьку;—мнѣ съ дороги пора и отдохнуть. Утро вече мудренѣе.

Утромъ, помолясь Богу, отправилась она къ Софьѣ Львовнѣ, куда вскорѣ же пришелъ и Александръ Васильевичъ: толковали болѣе часа и позвали наконецъ Оленьку. Софья Львовна бросилась къ ней на шею и, рыдая, объявила что мать пріѣхала за нею чтобъ увезть ее изъ Бакаановъ. Всегда, что сколько она ее ни упрасивала, никакъ не могла убѣдить ее переменить свое рѣшеніе и что болѣе упрасивать ее не считаетъ себя и въ правѣ, такъ какъ это лавіе и ея большого отца. Въ заключеніе она просила Оленьку не забывать ея, помнить что она всегда будетъ прощать любить ее какъ родную дочь, что лишь тогда буд считать себя вполнѣ счастливою когда будетъ знать что она счастлива и пр. и пр.

Весь день прошелъ въ сборахъ. Оленькѣ очень не хотѣлось брать съ собою цѣнные подарки сдѣланные ей въ разное время Софьей Львовной; но не брать ихъ значило бы оскорбить ее. На прощаньи Софья Львовна подарила ей еще въ знакъ памяти цѣнный брилліантовый фермуаръ. Все то она должна была принять, за все благодарить, съ веселымъ лицомъ, не показывая и вида какъ тяжелы были для нея эти щедроты.

Разставаніе было самое трогательное. Старикъ Баклановъ позвалъ Оленьку къ себѣ въ кабинетъ, гдѣ на столѣ стоялъ образъ Св. Ольги въ богатомъ золотомъ окладѣ, который онъ заказалъ въ Москвѣ еще года за два предъ тѣмъ, на случай еслибъ ему пришлось отпустить Оленьку изъ дома къ вѣнцу. У него, какъ у человѣка аккуратнаго и предусмотрительнаго, все обдуманно было заблаговременно.

— Другъ мой, сказалъ онъ ей,—я принялъ тебя къ себѣ въ домъ въ качествѣ дочери, любилъ и люблю тебя какъ дочь и заботился о тебѣ какъ о родной дочери, чего впрочемъ ты вполнѣ и заслуживаешь. Дай же мнѣ клятву предъ этимъ образомъ исполнить въ точности мою отцовскую волю: ты знаешь что я отъ тебя невозможнаго не потребую. Онъ вынулъ изъ стола конвертъ, залечатанный большою гербовою печатью. Я изложилъ ее вотъ здѣсь,—продолжалъ онъ,—береги этотъ конвертъ пока я буду живъ, какъ зѣницу ока, по смерти же моей, распечатай его и исполни все что въ немъ написано.

Когда Оленька принесла требуемую клятву, онъ отдалъ ей пакетъ, потомъ взялъ со стола образъ и благословилъ ее.

— Утѣшай, сказалъ онъ ей,—отца и мать, какъ утѣшала насъ, и Господь Богъ не оставитъ тебя Своими милостями.

Софья Львовна, прощаясь съ Оленькой, обнимала ее, рыдала, казалось немогла разстаться съ нею; не обошлось разумѣется и безъ приладковъ истерики, но безутѣшнѣе всѣхъ была Лиза. Внезапный отъѣздъ Оленьки до того поразилъ ее неожиданностью своею что она долго не вѣрила ушамъ своимъ. Она не могла себѣ представить чтобъ ей когда-либо пришлось разстаться съ ней, такъ она уже съ ней сошлась, такъ привыкла къ ней. Все утро проходила она какъ потерянная, бессознательно глядя на происходившую въ домѣ суматоху, порой принималась помогать Оленькѣ укладывать вещи, сама не понимая что дѣлала. Настала наконецъ и

роковая минута разлуки: всѣ по принятому издревле обычаю присѣли, потомъ молча встали, помолдились Богу и дашь когда Оленька, простившись со стариками, подошла къ Лизѣ, она будто очнулась отъ тяжелаго сна, бросилась къ ней и безъ чувствъ повисла у ней на шеѣ.

Еще рано утромъ, по уходѣ Глафиры Андреевны къ Софьѣ Львовнѣ, Оленька написала Аркадію письмо, которое просила Лизу передать ему по его возвращеніи.

„Когда вы получите письмо это, писала она ему, я буду давно уже въ Кузминкѣ и въ Бакланы больше не возвращусь. Не думайте чтобы причиною внезапнаго отъѣзда моего былъ вашъ послѣдній, такъ сильно оскорбившій меня, поступокъ. Конечно, вы совершили его въ минуту одного изъ тѣхъ страстныхъ порывовъ о которыхъ вы говорили, и потому я прощаю вамъ его. Оставляя навсегда Бакланы, я исполняю священный долгъ, которому приношу въ жертву все, даже свою искреннюю, святую къ вамъ любовь. Съ этой минуты между нами все кончено. Не прѣзжайте въ Кузминку и не старайтесь увидѣть меня, я къ вамъ не выйду. Прощайте. Забудьте меня и будьте счастливы.“

Къ крыльцу подѣхалъ небольшой двухмѣстный тарантасъ, запряженный тройкой простыхъ, но крѣпкихъ и хорошо содержанныхъ лошадей; на кучерѣ ловко сидѣлъ армякъ изъ домашняго сѣраго сукна. Все это было просто, но чисто и въ порядкѣ; видно было что за всѣмъ наблюдалъ хозяйскій глазъ.

Всѣ вышли провожать Оленьку на крыльцо. Она еще разъ со всѣми простилась и сѣла съ матерью въ тарантасъ.

— Gardez nous un bon souvenir, кричала ей вслѣдъ Mme Condert.

Лошади тронулись. Лиза побѣжала на балконъ, съ котораго видна была Кудеяровская дорога. Вскорѣ изъ-за деревьевъ показался спускавшійся на плотину тарантасъ. Она подняла надъ головой свой носовой платокъ; Оленька отвѣтила ей тѣмъ же, это былъ ихъ условный знакъ. И долго еще потомъ видѣлся съ балкона развѣвавшійся надъ тарантасомъ прощальнымъ сигналомъ бѣлый платокъ Оленьки, пока наконецъ не исчезъ за высокими ветлами сельскаго поселка.

XVII.

Въ Кузминку Оленька съ матерью прѣехали уже предъ разсвѣтомъ. Большой лежалъ въ постель; подавъ него въ большихъ кожаныхъ креслахъ дремалъ Погорѣловъ. На столѣ горѣла лампа съ абажуромъ, ярко освѣщая стоявшія подлѣ нея въ свѣтовомъ кругѣ полуопорожненныя стаканы съ сахаромъ, вмѣстѣ съ лежавшими тутъ же столовою ложкой и карманными часами, и оставляя воѣ прочіе предметы въ таинственномъ, усложнительномъ, для глазъ полусвѣтѣ. Какъ ни осторожно вошла Оленька въ комнату, Погорѣловъ проснулся и вкочилъ съ кресель; старикъ не смѣлъ и дѣлалъ усилія чтобы приподняться и поздороваться съ дочерью. Погорѣловъ помогъ ему. Оленька бросилась къ отцу и покрывала лицо и руки его поцѣлуями.

— Какъ благодарить васъ за спасеніе дорогой намъ жизни? сказала она, обратившись потомъ со слезами на глазахъ къ Погорѣлову и крѣпко сжимая ему руку.

— Я сдѣлалъ лишь то что, конечно, на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы всякій другой, отвѣтилъ тотъ, видимо тронутый.

— Одинъ развѣ Богъ можетъ достойно наградить Павла Яковлевича за его доброе сердце и ничѣмъ не оцѣнимыя хлопоты, сказала, утирая слезы, Глафира Андреевна.

— Вы бы пошли отдохнуть съ дороги, говорилъ едва внятно старикъ.

— Я всю дорогу слала, усложнивала его Оленька;—а вотъ Павлу Яковлевичу сдѣловало бы отдохнуть; я слышала отъ мамы что они ужъ нѣсколько ночей не спали.

Погорѣловъ сначала отговаривался; но потомъ согласился, болѣе для того чтобъ оставить стариковъ однихъ съ Оленькой. Онъ понималъ что они шли много о чемъ переговорить между собою и что присутствие его могло стѣснять ихъ.

Онъ не ошибался: имъ дѣйствительно было о чемъ переговорить, но для этого больной еще былъ слишкомъ слабъ. Глафира Андреевна пока лишь объяснила ему въ короткихъ словахъ что Оленька прѣехала къ нимъ съ тѣмъ чтобъ ихъ уже не оставлять. Извѣстіе это очень его обрадовало. Ему давно хотѣлось взять ее отъ Бакаловыхъ; но, зная ихъ привязанность къ ней, боялся тѣмъ огорчить ихъ. Глафира Андреевна, чтобъ усложнить его на этотъ счетъ, доиспидила тутъ же обѣщать ему что, узнавъ о его болѣзни,

Баклановы сами, хотя и не безъ сожалѣнiя, предложили ей взять Оленьку.

— Что жь, заключила она,—они теперь не одни: при нихъ сынъ и дочь на возрастѣ, имъ и безъ Олечки не будетъ скучно.

Старикъ не совсѣмъ довѣрчиво посмотрѣлъ на нее, но не сказалъ ни слова.

— И Олечка-то послѣ такой жизни какъ бы съ нами не соскучилась, сказалъ онъ, перенеся на нее свой взглядъ, какъ бы желая прочесть въ глазахъ ея отвѣтъ на волновавшее его сомнѣнiе.

Оленька вмѣсто отвѣта снова бросилась обнимать отца, и ея непритворныя ласки, искреннiя слезы и увѣренiя что она только съ ними и можетъ быть вполнѣ счастлива, наконецъ окончательнo успокоили его. Она уговорила мать пойти отдохнуть и заняться по хозяйству; сама же, получивъ отъ нея наставленiе какъ давать больному лѣкарство, сѣла у его изголовья.

— Еслибы вы только знали, лалаша, какъ я въ эту минуту счастлива, говорила она,—то конечно такiя опасенiя и въ голову вамъ придти не могли бы.

И она говорила правду: она дѣйствительно въ эту минуту была счастлива тѣмъ тихимъ, къ сожалѣнiю не во всемъ знакомымъ счастиемъ, которое даетъ чистая совѣсть и сознаниe свято и добросовѣстно исполненнаго долга.

Ушедши въ сосѣднюю комнату, Погорѣловъ сѣлъ на диванъ и, закуривъ папироску, погрузился въ нѣмое раздумье. Внезапное появленiе Оленьки, среди ночной тишины, у постели больного отца, ея трогательная съ нимъ встрѣча, искреннiя слезы, привѣтливая улыбка, съ которою она благодарила его, Погорѣлова, за спасенiе дорогой ей жизни, все это произвело на него глубокое и вмѣстѣ съ тѣмъ отрадное впечатлѣнiе. Докуривъ папиросу, онъ было прилегло чтобы сколько-нибудь подкрѣпить себя сномъ, но не удалось ему заснуть и на минуту. Едва смыкалъ онъ отяжелѣвшiя вѣки и начиналъ предаваться сладкой дремотѣ, какъ живо рисовался предъ нимъ образъ Оленьки. „Вы спасли жизнь отцу моему, говорила она ему; благодарю, еще разъ благодарю васъ.“ Онъ вздрагивалъ и, очнувшись отъ минутнаго забытiя, протиралъ себѣ глаза, недоувѣрчиво озирался кругомъ: ему не вѣрилось чтобы все видѣнное имъ было лишь одною игрой воображенiя. Такъ въ напрасномъ ожиданiи сна прошло болѣе двухъ часовъ. Онъ снова сѣлъ на

диванъ и сталъ съ нетерпѣніемъ выжидать минуту когда, по соображенію его, ему можно бы было благовиднымъ образомъ, не выдавая себя преждевременнымъ приходомъ, войти въ комнату больного. Наконецъ пробило восемь часовъ; онъ всталъ, подошелъ къ висѣвшему на стѣнѣ зеркалу и привелъ по возможности въ порядокъ свой туалетъ, вошелъ въ нее такими шагами. Старикъ спалъ; Оленька сидѣла у его изголовья, въ тѣхъ самыхъ большихъ креслахъ въ которыхъ за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ сидѣлъ онъ самъ, и также, казалось, дремала. Голова ея была нѣсколько запрокинута назадъ; одна рука лежала на колѣняхъ, другая на локотникѣ кресла; около пальцевъ послѣдней намотанъ былъ бисерный шнурокъ отъ лежавшихъ подлѣ на столѣ отцовскихъ карманныхъ часовъ: она видимо справлялась съ ними чтобы не пропустить времени дачи больному лѣкарства; но, утомленная дорогой и сценой свиданія съ отцомъ, не могла пересилить клонившаго ея сна. Густые, слегка перелутавшіеся волосы волнистыми темнорусыми прядями обрамляли ея дышавшее молодостью и здоровьемъ лицо; яркая полоса дневнаго свѣта, проходя между косякомъ окна и спущенною шторой, ударяла прямо на нее. Она, казалось, была подъ обаяніемъ то сладкихъ, то мучительныхъ грезъ.

Переступивъ за порогъ кабинета, Погорѣловъ остановился, съ минуту простоявъ на мѣстѣ, не шевелясь, боясь потревожить сонъ Оленьки и хотѣвъ уже возвратиться въ свою комнату, какъ она очнулась.

— Это вы, Павелъ Яковлевичъ? сказала она шепотомъ, чтобы не разбудить спавшаго отца.

Погорѣловъ вдрогнулъ какъ преступникъ пойманный на мѣстѣ преступленія.

— Добраго утра, продолжала она, протягивая ему руку.— Что же вы такъ мало отдыхали?

— Пришелъ васъ смѣнить, отвѣчалъ онъ, слегка пожавъ протянутую ему руку;— надо и вамъ отдохнуть съ дороги.

— Благодарю васъ. Когда же теперь отдыхать? Кажется машина ужъ чай разливаетъ. Я пойду принесу вамъ стаканъ сюда.

— Ахъ, ради Бога, не безлекойтесь, началъ было Погорѣловъ, но Оленька не дала ему договорить.

Минуты черезъ двѣ она возвратилась, держа въ одной рукѣ стаканъ, въ другой чашку.

— Сейчасъ и съдобныхъ булочекъ принесу, продолжала она;— машина говоритъ только-что изъ печки вынули.

Погорѣловъ совершенно растерялся: онъ не зналъ брать ли ему изъ рукъ Оленьки принесенный ею стаканъ, предупредить ли ее и бѣжать самому за булками; пока же онъ рѣшалъ что ему дѣлать, она уже успѣла поставить стаканъ съ чашкою на столъ и выйти изъ комнаты.

— А вотъ и булочки, сказала Оленька, возвращаясь съ лоткомъ леченій и сливками.—Согласитесь что вы и сами себѣ такъ скоро не услужили бы. Давайте же теперь чай пить.

И она сѣла къ столу.

— Мнѣ право совѣстно что заставилъ васъ такъ безлокуться, бормоталъ Погорѣловъ, придвигая стулъ.

Вскорѣ проснулся и старикъ и Оленька дала ему принять лѣкарство, принимать которое давно уже было время; но онъ всю ночь не спалъ и она не хотѣла тревожить его утренняго сна.

Хотя прїездъ Оленьки и давалъ Погорѣлову возможность прекратить уходъ свой за больнымъ, но онъ видѣлъ что для нея одной уходъ этотъ былъ бы не по силамъ; а потому рѣшился продолжать его пока онъ окажется совершенно лишнимъ; но такъ какъ и Оленька хотѣла непремѣнно принять въ немъ участіе, то они и уговорились между собою чередоваться.

— А я буду отъ времени до времени смѣнять васъ, чтобы дать вамъ свободу погулять или чѣмъ-нибудь заняться, сказала Глафира Андреевна.—Да и по ночамъ у меня бессонница: мнѣ все равно что у себя, что здѣсь на диванѣ лежать.

Такъ и было сдѣлано. Такой способъ ухода за больнымъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе сближалъ между собою принимавшихъ въ немъ участіе. Погорѣловъ, проведеній всю жизнь свою въ мужскомъ обществѣ, сначала отъсылся присутствіемъ Оленьки; но простота ея съ нимъ обращенія мало-по-малу развязала ему руки и языкъ, и онъ вскорѣ же сталъ чувствовать себя у Кузминыхъ какъ и до ея прїезда, то-есть какъ у себя дома. Полюбила его и Оленька какъ близкаго, добраго роднаго.

XVIII.

Незамѣтно прошелъ мѣсяцъ съ отъѣзда Оленьки изъ Бакаловъ, и она въ продолженіе этого времени получила отъ Лизы лишь одно письмо, переданное ей Александромъ Васильевичемъ, прїѣзжавшимъ вскорѣ же по прїѣздѣ ея въ

Кузминку провѣдать ея больнаго отца. Она и придумать не могла чему приписать такое упорное молчаніе. Правда что постоянного сообщенія между Бакалами и Кузминкой не было; но еслибъ ее интересовало имѣть о ней извѣстіе, могла бѣ она прислать съ письмомъ и нарочнаго. Больше же всего удивляло и вмѣстѣ огорчало ее что такъ скоро забыла ее Аркадій. „Положимъ,“ думала она, „что я сама просила его забыть обо мнѣ, даже написала что не выйду къ нему еслибъ онъ вздумалъ прійхать въ Кузминку; но еслибъ онъ любилъ меня хотя на половину противъ того какъ я люблю его, развѣ это могло бы его остановить?“ Часто сидѣла она по часу погруженная въ горькое раздумье, та ото всѣхъ волновавшія ее чувства; но какъ ни старалась она скрывать ихъ, нерѣдко высказывались они, помимо ея воли, то выстулавшею на щекахъ краской, то повисавшею на рѣсницѣ предательскою слезой. Не разъ такъ заставлялъ ее Погорѣловъ; но онъ уважалъ ея грусть, уважалъ и тайну которою она ее окружала, и никогда не позволялъ себѣ спросить о причинѣ этой грусти; Оленькѣ казалось даже что онъ угадывалъ ее, хотя ни разу и полусловомъ не намекалъ онъ ей о томъ.

Разъ вечеромъ Оленька сидѣла въ кабинетѣ у отца и читала ему только-что привезенную Погорѣловымъ газету, какъ увидѣла изъ окна въѣзжавшую въ ворота небольшую рогожную кибитку, запряженную въ одну лошадь; кибитка, проѣхавъ мимо оконъ, остановилась у двѣчьаго крыльца и изъ нея вышла ложащая женщина, одѣтая вся въ черномъ, съ такимъ же большимъ шерстянымъ платкомъ накинутымъ на голову. Несмотря на то что платокъ этотъ закрывалъ ея лицо, оставляя лишь кончикъ носа и подбородокъ, Оленька тотчасъ же узнала въ ней богомолку, въѣзжавшую иногда въ Бакалы. Въ настоящую минуту она обрадовалась ей какъ родной: она надѣялась узнать отъ нея что-нибудь о Бакалахъ, о Лизѣ, а можетъ-быть и объ Аркадіи; а потому, передавъ газету Погорѣлову, побѣждала встрѣтить ее. Казалось не менѣе ея обрадовалась ей и богомолка.

— Наконецъ-то Господь Богъ привелъ меня увидеть васъ въ вашемъ собственномъ родномъ гнѣздышкѣ, говорила она, цѣлуя ее въ плечо.

— Давно были вы въ Бакалахъ? спросила ее Оленька.

— А вотъ, благослови Богъ, прямо оттуда: выѣхала чуть

евѣтъ, на полудорогѣ покормила, да вотъ къ вечеру къ вамъ и дотащилась,—дорога-то ужъ больно хороша.

— Ну что? какъ тамъ живутъ? Нѣтъ ли чего новенькаго? допрашивала ее Оленька, введя къ себѣ въ комнату, чтобъ остаться съ нею наединѣ.

— Новенькаго какъ не быть, да радостнаго-то мало, отъѣхала та, присаживаясь на диванъ.

— Что жъ такое? Говорите пожалуста.

— Особаго-то такого ничего. Аркадію Александровичъ, какъ вамъ извѣстно, уѣхалъ въ Москву свататься за какую-то княжну; живетъ тамъ ужъ никакъ близъ мѣсяца, а толку настоящаго и о сю пору никакого нѣтъ. Родителей стало брать сомнѣніе; оба такіе муругіе, слова отъ нихъ не добьешься. Лизавета Александровна все по васъ груститъ, да, коли правду сказать, какъ и не груститъ: ей тамъ сердечной и слова вымолвить не съ кѣмъ. Стала такъ усердно меня упрашивать: поѣзжайте, говорить, добрая моя Фаина Егоровна, отъ насъ къ Оленькѣ, снесите ей это письмо, да скажите то-то и то-то, всего вѣдь въ письмѣ не умѣстить. Да что же я, перебила она себя вдругъ, слохватившись, письма-то вамъ до сихъ поръ не отдамъ. Ужъ такъ обрадовалась увидѣвши васъ что о письмѣ-то совсѣмъ было и забыла.

Она вынула изъ кармана бережно завернутое въ бумагу письмо и подала его Оленькѣ. Та съ дѣтскимъ нетерпѣніемъ почти вырвала его у нея изъ рукъ, сорвала печать и съ жадностію принялась читать его.

„Ты конечно сердилъся на меня, моя добрая, безцѣнная Оленька, за мое долгое молчаніе, писала ей Лиза; но когда, прочта письмо, узнаешь ему причину, узнаешь что я безъ тебя вытерпѣла и какъ страшно по тебѣ скучаю и тоскую, отъ души пожалѣешь обо мнѣ. Но не стану пока говорить о себѣ, время коротко. Мысль переслать тебѣ это письмо черезъ добрую Фаину Егоровну явилась у меня, къ сожалѣнію, лишь предъ самымъ ея отъѣздомъ; кубитка ея стоитъ ужъ у крыльца и я, удерживая ее, боюсь возбудить въ шамапъ недозрѣніе что пишу къ тебѣ. Да, другъ мой Оленька, мнѣ запрещено писать къ тебѣ,—но объ этомъ послѣ. Слѣшу сообщить тебѣ что могу объ Аркадіи, хотя все что я имѣю сказать о немъ до того грустно и возмутительно что желала бы вовсе не говорить о немъ, но я поклялась тебѣ ничего отъ тебя не утаивать и потому, скрѣпя сердце, рѣшаюсь высказать всю истину. Послѣдній прїѣздъ его въ Бакаланъ

убѣдилъ меня что онъ далеко не любитъ тебя такъ какъ ты воображала, да врядъ ли когда и любилъ тебя искренно. Я предполагала что извѣстiе о твоёмъ отъѣздѣ и переданное ему твоимъ письмомъ приведутъ его въ отчаянiе; ничуть не было; даже распространившiйся у насъ слухъ что Глафира Андреевна взяла тебя для того чтобы выдать замужъ нисколько не огорчилъ его, и онъ прехладнокровно пожелалъ тебѣ счастья, счастья въ замужествѣ съ другимъ! Я ушамъ своимъ гдѣть не хотѣла. И въ заключенiе, представь себѣ: *quelle infamie!* Видь я въ простотѣ душевной повѣрила ему что ѣздилъ онъ съ тавтой къ княгинѣ Татьянѣ Юрьевнѣ лишь въ угоду рара и шаман; а оказалось что онъ ѣздилъ туда *tout de bon pour faire la cour à la princesse Vava* и теперь уѣхалъ въ Москву сдѣлать ей формальное предложенiе, какъ будто бы тебя и на свѣтѣ не существовало. Такого безчестнаго поступка или лучше сказать ряда безчестныхъ поступковъ я и объяснить себѣ не могу. И еслибы ты знала какъ онъ измѣнился съ того вечера какъ произошла между вами сцена въ бесѣдкѣ, а на другое же утро, прощаясь съ нимъ, замѣтила это. Да, бѣдная моя Оленька, я знаю объ этой возмутительной сценѣ и что всего ужаснѣе, узнала о ней отъ него же самого. По этому одному ужъ ты можешь судить что это за человекъ. Еслибы ты только слышала *avec quel indicible air de fatuité* разказывалъ онъ мнѣ о ней, точно хвастался безстыдствомъ своимъ. Хорошо ты сдѣлала что уѣхала отсюда. Перешну въ немъ я замѣтила еще съ поѣздки въ Кудеарово: онъ сдѣлался уже не тотъ, сталъ обращаться съ тобою какъ-то фамильярнѣе, сталъ позволять себѣ то чего прежде не позволялъ, и все это дѣлалъ онъ съ какою-то самонадѣянностью, которой до того у него не было. Ты можетъ-быть тогда, по любви своей къ нему, того не замѣчала; меня же это страшно шокировало, и если я тебѣ ничего не говорила, то лишь потому что боялась огорчить тебя. Не могу объяснить себѣ для чего онъ игралъ съ тобою такую комедiю, когда онъ давно зналъ что ты любишь его. Чего же онъ хотѣлъ, чего добивался отъ тебя? Это для меня совершенно загадка."

Дальше Лиза описывала Оленькѣ жизнь свою въ Бакалатѣ, и притомъ которую она терпѣла отъ матери, вымещавшей въ ней досаду свою на Аркадiа.

„Ты еще не знаешь, другъ мой Оленька, писала она, какъ я

виновата предъ тобою. Представь себѣ что письмо твое къ Аркадію, по оплошности моей, попало въ руки пашапа. Кажется она изъ него заключила что вы въ постоянной перепискѣ, и вотъ причина почему она запретила мнѣ не только писать тебѣ, но и получать отъ тебя письма. И услокойся, о поступкѣ Аркадія, о которомъ ты въ немъ упоминаешь, она ничего не знаетъ и пока это тайна между тобою, Аркадіемъ и мною; да и самое письмо она вѣроятно уничтожить, чтобъ о немъ какъ-нибудь не узналъ рара, который конечно дѣла этого такъ не оставилъ бы и тогда Аркадію не одобровать. Прости же мнѣ ради Бога мою оплошность,—я уже достаточно наказана за нее прецѣненіемъ быть съ тобою въ перепискѣ. Письмо это я посылаю тебѣ чрезъ Фаину Егоровну украдкой отъ пашапа, заключала Лиза; не найдешь ли и ты возможность отвѣтить мнѣ на него такимъ же путемъ; иначе боюсь чтобъ отвѣтъ твой не былъ перехваченъ и мнѣ не досталось бы за то что писала тебѣ. Не сердись же на меня за мое долгое молчаніе и не думай чтобъ я когда-нибудь могла тебя забыть, а какъ добрый другъ пожалѣй обо мнѣ.“

Письмо это такъ поразило Оленьку что прочитавъ его она еще съ минуту держала его предъ собою, стараюсь сообразить и привести въ головѣ въ порядокъ прочитанное.

— Да, уѣхалъ въ Москву свататься за княжну, сказала соболѣзвающимъ голосомъ слѣдившая за нею богомолка.

Оленька совсѣмъ было позабыла о ней и тутъ только вспомнила что была въ комнатѣ не одна: высказанное соболѣзваніе самымъ неприятнымъ образомъ подѣйствовало на нее.

— Какое мнѣ дѣло за кого бы онъ ни поѣхалъ свататься, отвѣтила она почти съ досадою.

— Конечно все равно, продолжала тѣмъ же голосомъ богомолка;—за ту ли, за другую ли, дѣло отъ этого не полегчаетъ.

Оленька невольно посмотрѣла на нее чтобы прочесть въ ея глазахъ настоящій смыслъ сказанныхъ ею словъ и встрѣтила ея грустный, сочувственно устремленный на нее взглядъ. Взглядъ этотъ выражалъ то же искреннее соболѣзваніе которое слышалось и въ ея голосѣ; ясно было что любви ея къ Аркадію не была для нея тайной.

„Стало-быть весь свѣтъ знаетъ о любви моей къ нему“ подумала она.

— А и гордиться-то ужь слишкомъ не слѣдуетъ, утѣшала ее, не свода съ нея глазъ, богомолка;—мы не рѣдко и сами не знаемъ чего желаемъ и чего у Бога просимъ, зачастую своей же погибели ищемъ. Да будетъ во всемъ Его святая воля. Я такъ и Лизаветъ Александровнѣ сказала, никто, говорю, какъ Богъ.

Какъ ни искренни были эти утѣшенія, Оленька лишь тогда когда придти въ себя и спокойно обсудить свое положеніе, когда, сдавъ богомолку съ рукъ на руки матери, осталась наконецъ въ своей комнатѣ одна. Она еще разъ прочла со вниманіемъ письмо отъ начала до конца и молча погрузилась въ самое себя.

Въ неутѣшительномъ раздумьи провела Оленька остатокъ дня, съ нимъ легла и въ постель и могла заснуть лишь на разсвѣтѣ.

Утромъ она проснулась измученная, утомленная, будто послѣ долгой, тяжкой болѣзни. Съ ней произошелъ точно нравственный кризисъ: минувшія отношенія ея къ Аркадію представлялись ей какимъ-то мучительнымъ, тяжелымъ кошмаромъ, изъ-подъ гнета котораго она только-что освободилась. Оленька не чувствовала къ Аркадію ни ненависти, ни даже презрѣнія, онъ просто былъ ей противенъ; ей гадко было вспомнить о немъ и досадно на себя что могла хотя бы и на одну минуту полюбить такого человѣка.

XIX.

Мѣсяцъ проведенный Погорѣловымъ подъ однимъ кровомъ съ Оленькой, въ заботахъ по уходу за больнымъ ея отцомъ, сблизилъ ихъ, давъ имъ возможность узнать и оценить другъ друга; но въ чувствахъ которыя они питали другъ къ другому была большая разница: если Погорѣловъ любилъ Оленьку какъ дѣвушку соединявшую въ себѣ всѣ тѣ качества которыя по понятіямъ его могли составить счастье семейной жизни, и получивъ руку которой, онъ считалъ бы себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ; то Оленька любила его не болѣе какъ брата, какъ испытаннаго друга, которому готова была повѣрить самыя сокровенныя свои тайны, зная что всегда найдетъ въ немъ искреннее сочувствіе. Часто сидѣли они вдвоемъ, передавая другъ другу свои мысли, свои убѣжденія, свои взгляды на жизнь;

но ни разу Погорѣловъ не намекнулъ Оленькѣ о чувствахъ своихъ къ ней: онъ хотѣлъ напередъ узнать объ отношеніяхъ ея къ Аркадію, хотѣлъ узнать дѣйствительно ли любила она его или только переносила его ухаживанья.

Таковы были ихъ взаимныя отношенія, когда пріѣхала въ Кузминку богомолка съ письмомъ отъ Лизы. Узнавъ изъ разказовъ ея что Аркадій уѣхалъ въ Москву жениться на какой-то княжнѣ, Погорѣловъ вздохнулъ свободнѣе и съ восторженіемъ ждалъ появленія Оленьки чтобы прочесть въ газетѣ какое дѣйствіе произвело на нее это извѣстіе. Весь вечеръ она не выходила изъ своей комнаты, и Погорѣловъ уже совсѣмъ было порѣшилъ что роковое извѣстіе сильно подѣйствовало на нее и что слѣдовательно она еще любила Аркадія, какъ на другое утро она, къ крайнему удивленію его, вышла совершенно спокойною, казалось даже была веселѣе обыкновеннаго, точно тяжелое бремя скатилось у нея съ сердца. „Что бы это могло значить? спрашивалъ онъ себя въ недоумѣніи: дѣйствительно ли она никогда не любила его или подъ этою поддѣльною веселостію ли хочетъ скрыть свои настоящія чувства?“

Какъ ни интересовалъ Погорѣлова этотъ вопросъ, но онъ ни въ этотъ, ни въ слѣдующіе дни разрѣшить его не могъ. Для этого надо было навести на него разговоръ съ Оленькой, а сдѣлать это было не легко, такъ какъ она въ разговорахъ съ нимъ постоянно избѣгала всего что хотя сколько-нибудь касалось этого щекотливаго предмета. Видя не возможность добиться прямымъ путемъ истины, онъ сталъ надать за Оленькой и вскорѣ же убѣдился что и она въ очередь была чѣмъ-то серіозно озабочена, день ото дня новилась какъ-то сосредоточеннѣе, точно что-то соображала или обдумывала, иногда какъ будто хотѣла о чемъ-то говорить съ нимъ; не разъ даже обращалась къ нему съ просьбами, которые, казалось, должны были вести къ какому-то объясненію, но на первыхъ же словахъ останавливалась и измѣняла направленіе начатаго разговора.

Такъ прошло еще двѣ недѣли. Благодаря бдительному надзору которымъ окруженъ былъ больной, выздоровленіе ея шло быстро, чему, конечно, не мало способствовала и чрезвычайно неиспорченная его натура. Хотя Погорѣловъ отъ этого и радовался, но при мысли что скоро помощь его будетъ лишняя и что ему снова придется возвратиться къ

одинокой жизни, сердце его болѣзненно сжималось. Онъ очень хорошо понималъ что ему нельзя будетъ ѣздить къ Кузминымъ даже и полпрежнему: у нихъ теперь жила въ домѣ дочь невѣста и частыя посѣщенія его могли дать лицу разнымъ толкамъ и пересудамъ; онъ зналъ что сплетницъ-кумушекъ много вездѣ и что деревенскія кумушки, какъ и деревенскія осевнія мухи, злѣе и неотвязчивѣе и кусаются больнѣе городскихъ. Въ эти полтора мѣсяца онъ такъ уже привыкъ проводить время въ тѣсномъ семейномъ кружкѣ Кузминыхъ что начинать сызнова свою прежнюю жизнь ему было тяжело: въ ней недоставало именно того что даетъ такъ-сказать жизни жизнь, въ ней недоставало семейнаго элемента. Тяжелѣе же всего было ему отказаться отъ общества Оленьки, отъ возможности встрѣчаться съ нею по нѣскольку разъ въ день, по цѣлымъ часамъ бесѣдовать съ нею или молча смотрѣть какъ она заботливо ухаживаетъ за больнымъ отцомъ. Въ эти шесть недѣль онъ успѣвалъ коротко изучить ее, и чѣмъ ближе узнавалъ ее, тѣмъ болѣе привязывался къ ней.

Сколько ни откладывалъ Погорѣловъ, по просьбѣ Кузминыхъ, день отъѣзда своего и какъ самому ему ни было пріятно откладывать его, но время шло, больной уже могъ ходить съ помощію костыля одинъ и благовидныхъ предлоговъ къ дальнѣйшему пребыванію его въ ихъ домѣ никакихъ не было; онъ чувствовалъ что ему долѣе оставаться не слѣдуетъ, и въ одно прекрасное утро онъ объявилъ своимъ гостеприимнымъ хозяйкамъ что вечеромъ того же дня онъ долѣе ихъ оставить.

Оленька возвращалась съ обычной послѣобѣденной прогулки своей, какъ увидала шедшаго къ ней на встрѣчу Погорѣлова.

— Вы уѣзжаете? спросила она.

— Я уже давно собирался провѣдать тетюшку Анну Артаповну. Сегодня въ ночь думаю ѣхать и пришель съ вами проститься.

— И надолго? спросила Оленька.

— Дней десять проѣзжу.

Они раза два прошлись по аллеѣ; видно было что Погорѣловъ былъ чѣмъ-то сильно озабоченъ, даже отвѣчалъ какъ-то не со всемъ вполнѣ.

— Итакъ, до свиданія, сказалъ онъ, сжимая Оленькѣ руку.

Она проводила его до дому, гдѣ онъ еще разъ простился со стариками и уѣхалъ. Оленька хотѣла было возвратиться въ садъ; но Глафира Андреевна остановила ее.

— Тебѣ Павелъ Яковлевичъ ничего не говорилъ такого? спросила она ее.

— Особеннаго ничего, отвѣтила она, удивленно взглянувъ на мать. — А развѣ есть что-нибудь?

Глафира Андреевна въ свою очередь такъ же какъ-то недоувѣрчиво посмотрѣла на нее.

— Мнѣ надо поговорить съ тобою объ очень серьезномъ дѣлѣ, сказала она и увела ее въ свою комнату.

— Послушай другъ мой, начала она, посадивъ Оленьку подлѣ себя на диванъ съ подобающею случаю торжественностію. — Мы съ отцомъ становимся стары, а онъ и вовсе дряхлъ, ты ужь на возрастѣ, и пора намъ подумать какъ бы тебя при жизни своей пристроить.

Сдѣлавъ этотъ стереотипный приступъ, Глафира Андреевна на минуту пріостановилась чтобы собраться съ духомъ и проглотить давившія ее отъ избытка чувствъ слезы; передошла изъ нихъ такъ-таки и повисла предательски на ея рѣсницѣ.

— Ты конечно замѣтила въ продолженіе шестинедѣльнаго пребыванія у насъ Павла Яковлевича что онъ къ тебѣ не равнодушенъ, продолжала она, собравшись съ силами; — могла ты это понять и изъ того что просидѣлъ онъ здѣсь безвыѣздно послѣднія двѣ недѣли, когда помощь его отцу почти уже не была нужна.

Затѣмъ слѣдовало исчисленіе душевныхъ качествъ Погорьлова, служившихъ вѣрнымъ по мнѣнію ея ручательствомъ что онъ будетъ такимъ же прекраснымъ мужемъ, какимъ былъ превосходнымъ хозяиномъ.

— Но онъ развѣ объяснилъ вамъ о намѣреніи сдѣлать мнѣ предложеніе? едва могла выговорить Оленька: такъ поразили ее слова матери.

— Прямо онъ мнѣ ничего такого не говорилъ, да и не скажетъ пока не увѣрится что предложеніе его будетъ тобою принято благосклонно; но я уже давно знаю какъ ты ему нравишься: и спать и видѣть какъ бы жениться на тебѣ. Потому-то я сочла нужнымъ предупредить тебя, чтобы ты имѣя это въ виду, такъ съ нимъ себя и держала. Сейчасъ прощаюсь съ вами, хотя прямо и не говорилъ, а такъ в:

ротъ и плалъ. Я такъ и думала что онъ въ саду ужь съ тобою объяснился. — И Глафира Андреевна еще разъ тѣмъ же недвѣрчивымъ и вмѣстѣ испытующимъ взглядомъ посмотрѣла на Оленьку. — Я впрочемъ, другъ мой, не принуждаю, даже не уговариваю тебя, — заключила она, — ты ужь въ такихъ дѣлахъ что и сама не хуже меня все можешь обсудить. Скажу тебѣ только что это давнишнее, сердечное желаніе наше съ отцомъ твоимъ, и если ты выйдешь за Павла Яковлевича, обоихъ насъ неслыханно обрадуешь и утѣшишь, и Господь Богъ въ награду за твое послушаніе пошлетъ вамъ съ нимъ совѣтъ и счастье.

Сказавъ что Погорѣловъ ничего такого ей не говорилъ, Глафира Андреевна не солгала: онъ дѣйствительно ничего такого не сказалъ; но ей, давно дѣлѣвшей въ сердцѣ мысль видѣть за нимъ Оленьку, почему-то представилось что, прощаясь съ нею, онъ не могъ не сдѣлать ей предложенія. Разстроенный видъ Погорѣлова по приходѣ съ нею изъ сада еще болѣе утвердилъ ее въ этомъ предположеніи. Она даже не повѣрила словамъ Оленьки, думая что она не рѣшается признать ей въ происшедшемъ объясненіи, и потому сочла настоящую минуту самою удобною и благоприятною чтобы выказать ей свое сочувствіе этому дѣлу и тѣмъ, если не теперь, то позднѣе, вызвать ее на откровенность.

По уходѣ матери, Оленька еще долго сидѣла на диванѣ, какъ ошеломленная. Мысль чтобы Погорѣловъ могъ искать ея руки, быть ея женихомъ, ей и въ голову не приходила. Правда, она въ послѣднее время облизилась съ нимъ, искренно полюбила его, но полюбила не болѣе какъ друга, пожалуй какъ старшаго брата. Она искренно уважала Погорѣлова, могла быть-можетъ еще болѣе уважать его, но несмотря на всѣ его достоинства, чувствовала что полюбить его тою любовью какою любила Аркадія положительно не могла.

Протью нѣсколько дней. Глафира Андреевна не возобновила разговоръ, Оленька избѣгала всякаго напоминанія о Павлѣ Яковлевичѣ. Въ одно утро сидѣла она въ саду на любимомъ мѣстѣ своемъ у берега пруда и читала какую-то книгу; но сколько ни старалась сосредоточить на ней мысли свои, онъ блуждалъ далеко, и она, олутивъ книгу на колѣна, предалась преслѣдовавшей ее думѣ, какъ вдругъ послышался стукъ отъѣзжавшаго отъ крыльца экипажа. „Ужь не Павелъ ли Яковлевичъ?“ подумала она. Сердце ея

тревожно забилось, и она не знала радоваться ли ей его приѣзду или нѣтъ. Но не можетъ быть, раздумала она тутъ же; онъ аккуратенъ и раньше десяти дней, какъ сказалъ, не приѣдетъ. Кто же бы это могъ быть? И вспомнивъ что отецъ ея былъ въ долѣ, а мать варила въ кладовой варенье, она сложила книгу и, кликнувъ лежавшаго на солнцѣ Дозора, пошла домой встрѣтить нежданнаго гостя; но едва повернула она въ ведшую отъ пруда къ дому аллею какъ встрѣтилась лицомъ къ лицу съ Аркадіемъ.

Здѣсь я долженъ воротиться нѣсколько назадъ и перевестись съ читателемъ въ Бакланы, которые мы оставили со дня отъѣзда изъ нихъ Оленьки.

XX.

Читатель уже знаетъ съ какою цѣлю поѣхалъ Аркадіи къ княжнѣ Татьянѣ Юрьевнѣ; но еслибы кто тогда спросилъ его имѣлъ ли онъ серьезное намѣреніе преслѣдовать ее онъ, положи руку на сердце, конечно затруднился бы дать на вопросъ этотъ категорическій отвѣтъ.

„Страсть же у этихъ тетусекъ и матусекъ всѣхъ женить и всѣхъ выдавать замужъ, разсуждалъ онъ самъ съ собою, лѣниво покачиваясь въ своей Шитовской коляскѣ. И что имъ отъ этого? Удивительнаго всего что и родители за ними туда же. Ужь не боятся ли они въ самомъ дѣлѣ что я не женился на какой-нибудь Эрнестинкѣ или Оленькѣ? Вѣдь должны же они понимать что я не какой-нибудь безрассудный дуракъ или молокососъ, только что сорвавшійся школьной екамью. Могу увлечься, надѣлать тысячу глупостей, но не такую капитальную. А впрочемъ, жениться и не прочь. Немного казалось бы и раненько; ну да что въ этомъ? Женитьба не есть еще отрѣшеніе отъ міра и отъ удовольствій: женатый человекъ въ дѣйствіяхъ своихъ не пожалуй свободнѣе нашего брата; надо лишь умѣть какъ онъ сначала поставитъ. Если правда что у Вавы на поминкахъ состоянія, такъ тутъ много и раздумывать нечего. Къ тому же Вава и собой недурна, въ бальномъ платьѣ должна производить эффектъ. Ко всему этому, есть родство и свѣтъ. И что сидѣлъ я здѣсь сиднемъ цѣлыхъ три мѣсяца, — а залъ онъ вдругъ съ досадою, возвратясь изъ міра фактъ

къ дѣйствительности. — Ухаживалъ за этой дѣвчонкой, селадонничалъ, и чѣмъ же все это кончилось? Какою-то глупою сценой, чуть не скандаломъ. Завлекла меня новость положенія, идиллическая любовь. И какихъ я пошлостей ми продѣлалъ? Виталъ въ поднебесьи, восхищался видами и красотами природы, декламировалъ, катаался въ лодкѣ, даже спасъ ее отъ какого-то караса, и на ловѣрку вышло что я выдѣлывалъ всѣ эти продѣлки что-называется pour le roi de Prusse. Вспомнить стыдно. Въ послѣдней неудачѣ я впрочемъ самъ виноватъ: повернулъ вдругъ слишкомъ круто. А если разсудить хорошенько, такъ и поступить нельзя было иначе: смѣшно было бы, бросивъ одно дѣло, не окончивъ его какъ слѣдуетъ, приняться за другое. Ну, да хорошо. Je ne me tiens pas encore pour battu. Какъ жениюсь на Вавѣ, сблизжу ее съ ней и настрою чтобъ она уговорила ее ѣхать съ нами въ Петербургъ; а разъ въ Петербургѣ, тамъ и стѣны помогутъ.“ И Аркадій самодовольно улыбался своей счастливой мысли.

Не станемъ сѣдить за Аркадеемъ въ поѣздкѣ его къ княгинѣ Татьянѣ Юрьевнѣ; скажемъ только что результатъ поѣздки этой былъ вполнѣ удовлетворительный: онъ умѣлъ понравиться и княгинѣ и княжнѣ Вавѣ, сближенію съ которой, какъ не ошиблась въ расчетахъ своихъ Марья Петровна, много способствовали релетициі къ готовившемуся домашнему спектаклю. Да строго говоря и не было причины, почему онъ могъ бы имъ не понравиться: онъ соединялъ въ себѣ всѣ нужныя для того внѣшнія качества и достоинства; сердце же такой потаенный ларецъ проникнуть въ который постороннему человѣку трудно, если самъ хозяинъ не откроетъ его или какъ-нибудь не наладешь на секретную пружинку посредствомъ которой онъ открывается. А Аркадій былъ искусный актеръ: сердца своего никому безъ надобности не открывалъ и умѣлъ показаться тѣмъ чѣмъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ казался считалъ нужнымъ. Къ тому же онъ шѣлъ при себѣ прозорливаго ментора и опытнаго въ предстоившемъ ему дѣлѣ эксперта въ лицѣ тетюшки Марьи Петровны, а она такъ довольна была образомъ его дѣйствій во все время пребыванія ихъ въ Красносельѣ что совершенно позабыла о надѣянныхъ имъ ей въ Кудяровѣ дерзостяхъ. Впрочемъ въ характерѣ ея была та особенность что злоязычица не по злобѣ, а по привычкѣ или по какому-то

врожденному влеченію, она также скоро забывала какъ дѣлаемая ею, такъ и получаемыя оскорбленія.

Въ Бакланахъ ждали возвращенія Аркадія съ нетерпѣливостію, даже ложились спать позже обыкновеннаго, такъ какъ по расчетамъ Софьи Львовны онъ долженъ былъ пріѣхать непременно ночью. Дѣйствительно такъ и случилось: онъ пріѣхалъ далеко за полночь и засталъ ее еще у отца въ кабинетѣ.

— Ну что? спросила она, задыхаясь отъ волненія.

— Пока все идетъ хорошо, отвѣтилъ Аркадій. — Вотъ лисьмо отъ тетюшки Марьи Петровны, изъ котораго вы узнаете подробно о результатахъ поѣздки.

Софья Львовна взяла лисьмо и прочла его мужу вслухъ.

Марья Петровна писала что княжна и княгиня отъ Аркадія безъ ума, но княгиня рѣшительнаго ничего сказать не можетъ пока не познакомитъ его съ родными своими и не посоветуется съ ними. Имѣніе она уже все раздѣлила между дочерьми, оставивъ себѣ лишь домъ въ Москвѣ. На будущей недѣлѣ уѣзжаетъ въ свою подмосковную, заключаала она, посылайте туда Аркадія и дѣло, кажется, уладится.

— Терпѣть не могу этихъ фамильныхъ совѣщаній, сказалъ Баклановъ, — какъ будто она дочери своей не мать. Нѣтъ, надо еще тамъ посоветоваться, да перешелтаться.

— Нельзя же, вступилась Софья Львовна, — дѣла эти такъ скоро не дѣлаются.

— Почему жь не дѣлаются? А какъ я за тебя посватаюся?

— Тогда было время, а теперь другое.

— Тутъ не время, а глупая фанаберія: нельзя, дескать, такъ сразу въ родство свое принять, надо прежде съ родословной справиться. Слава Богу: родъ нашъ не хуже ихняго. Честь что ли въ самомъ дѣлѣ какую намъ дѣлаютъ?

— И вовсе они не о томъ хлопочуть, они его самого хотятъ рассмотреть хорошенько.

— А его что разсматривать? Понравилса невѣстѣ съ матерью, и дѣло въ шляпѣ. И съ кѣмъ она тамъ будетъ совѣтоваться? Князь Василій глупъ какъ лукошко: кромѣ скачекъ, да Англійскаго Клуба ни о чемъ лонятія не имѣетъ, у княгини Марьи Ильинишны своихъ пять дочерей и какъ сбыть ихъ съ рукъ не знаетъ; о князѣ Персилѣ и говорить нечего, двухъ словъ связать не умѣетъ; Григорій Юрьевичъ для какихъ-нибудь поглядѣшекъ изъ Петербурга конечно не

подѣтъ. Кому же будетъ она его показывать и съ кѣмъ ставить разсматривать? Все вздоръ, жеманство одно.

И Вахламовъ, заложивъ руки за спину, сталъ, молча, смотреть изъ угла въ уголъ.

— Да тебѣ-то она нравится? спросилъ онъ вдругъ, остановясь прямо противъ Аркадія.

Вопросъ этотъ сдѣланъ былъ такъ неожиданно что тотъ сразу не нашелся что отвѣтить на него.

— Ничего, едва внятно пробормоталъ онъ сквозь зубы.

— А ничего такъ и съ Богомъ, заключилъ Александръ Васильевичъ. — Чтобы жениться, влюбятся нечего, хуже: амуръ, говорятъ, слѣпой, а рукой водить дурачество. Я и самъ въ твою мать влюбленъ никогда не былъ; а, слава Богу, почти четверть вѣка прожили. А если ужъ такъ благоугодно ея сіятельству,—добавилъ онъ послѣ минутнаго молчанія;—что жъ, ѡѣзжай къ ней въ подмосковную. Пускай консилиумъ собираютъ, да на ставку тебя ставятъ, авось найдутъ и годнымъ. Недѣлю эту проживи съ нами, а тамъ и въ путь. А теперь время и спать, ужъ скоро два часа.

На другой день съ ранняго утра Лиза ожидала Аркадія къ гостинной.

— Ты знаешь, встрѣтила она его въ дверяхъ;—вѣдь Оленька уѣхала отъ насъ совсѣмъ.

— Слышала, сказала Аркадій. — Какая же причина?

— Говорятъ: мать увезла ее чтобы выдать замужъ.

— Какъ выдать? Въ нынѣшнихъ словаряхъ такого и слова нѣтъ.

— Стало-быть надѣется уговорить ее.

— За кого же?

— Говорятъ за Погорѣлова. Помнишь....

— Знаю. Что жъ, муцина хорошій и фамилія, если не пропала, за то съ сюжетомъ.

— Человѣкъ, какъ я слышала, дѣйствительно очень хорошій, сказала Лиза, оскорбленная какъ равнодушіемъ съ которымъ Аркадій принялъ сообщенную ею новость, такъ и нѣмъ сдѣланнаго имъ замѣчанія.

— А если такъ, то лошади имъ Богъ совѣтъ и счастье.

— И тебѣ ея не жаль? спросила укоризненно Лиза.

— Что жъ ее жалѣть, если этотъ Погорѣловъ, какъ ты говоришь, въ самомъ дѣлѣ хорошій человѣкъ.

— Стало-быть ты ужъ не любишь ее?

— Изъ чего жъ ты это заключаешь? Еслибъ не любилъ развѣ сталъ бы я желать ей счастья?

Лиза грустно посмотрѣла на него.

— Я думала ты не такъ любишь ее, сказала она, вздохнувъ; въ голосѣ ея слышались слезы.—А она, утѣжая, и лишь мо тебѣ оставила. Не знаю отдавать ли ужъ тебѣ его.

— Какъ? Письмо?

Онъ взявъ изъ рукъ Лизы извѣстное намъ письмо, и прочитавъ, сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, стибалъ и перегибая его и насвистывая какую-то арию. Лиза сѣла на диванъ и молча слѣдила за нимъ.

— Можно прочесть? спросила она нерѣшительно.

— Почему же нѣтъ, отвѣтилъ Аркадiй, бросивъ ей на колѣни свернутого изъ письма лѣтушка.

— О какомъ же это такомъ послѣднемъ твоёмъ поступкѣ говорить она? спросила Лиза, пробѣжавъ письмо.

— Une folie, отвѣтилъ Аркадiй, продолжая ходить по комнатѣ.

— Какъ же folie, если она такъ сильно оскорбилась имъ?

Тутъ вспомнила она какъ Оленька выбѣжала къ ней въ встрѣчу изъ бесѣдки совершенно растерянная, какъ поразили ее тогда ея смущенный видъ и несвязанность отвѣтовъ; и, олутивъ письмо на колѣни, она въ недоумѣнiи посмотрѣла на Аркадiя выкатившимися отъ страха глазами.

— *Esouter donc*, спросила она его едва внятнымъ голосомъ, въ которомъ слышались и испугъ и упрекъ и недовѣрiе къ собственному предположенiю. — *Vous s'engiez-vous emporté au point..*

— *De l'avoir fâchée*, договорилъ Аркадiй, разразивши громкимъ хохотомъ.—О наивная Лиза!

— Но вѣдъ сдѣлалъ же ты что-нибудь такое чтò такъ оскорбило ее?

— Я просто разцѣловалъ ее на прощанье, вотъ и все, сказалъ Аркадiй полухвастливымъ, полумебрежнымъ тономъ.

— Разцѣловалъ! повторила въ ужасъ Лиза. — Ахъ, какъ стыдъ! со слезами проговорила она, закрывъ лицо руками.

— Съ вами ни о чемъ говорить нельзя, сейчасъ вздохи, слезы, сказалъ съ досадою Аркадiй и вышелъ изъ комнаты.

Признанiе Аркадiя, а еще больше тонъ съ которымъ о

было сдѣлано, до того возмутили и оскорбили нравственное чувство Лизы что она не могла превозмочь себя и долго мучительно плакала.

— Опять слезы, сказала съ неудовольствіемъ, проходя черезъ гостиную, Софья Львовна. — У меня и безъ того отъ этихъ ожиданій да проводовъ всѣ нервы разстроены; а тутъ еще... это что? Вѣрно отъ Оленьки, продолжала она поднимая съ пола соскользнувшее съ колѣнъ Лизы письмо.

Лиза хотѣла схватить его, но уже было поздно: оно было въ рукахъ Софьи Львовны.

— Такъ и есть. Что это значитъ—вы? говорила она, читая его. Стало-быть она это не къ тебѣ пишетъ? А, помнишь... какой же это такой поступокъ? воярительно взглянула она на Лизу.

— Право не знаю шатап, едва могла та проговорить.

— Не знаешь. О чемъ же ты такъ плакала?

— Я плакала, потому что.....

И она снова зарыдала.

— Ну и не нужно, сказала Софья Львовна, также охотно плававшая сама отъ всякаго вздора, какъ не любившая видѣть чужія слезы. — Я и безъ тебя узнаю.

И съ письмомъ въ рукѣ она ушла въ свою комнату.

Лиза была въ отчаяніи. Она черезъ оплошность свою выдала тайну, сохраненіемъ которой такъ дорожила, компрометировала единственное существо въ мірѣ которое ее любило и которое сама она чуть не боготворила. Еслибъ она успѣла выхватить это письмо изъ рукъ матери, она положила себѣ тутъ же изорвать его въ мелкіе клочки и выбросить за окно, чтобъ ихъ и собрать было нельзя. И случилось это такъ неожиданно, что она спохватиться не успѣла.

Софья Львовна, заручившись письмомъ, хотѣла тотчасъ же показать его мужу, какъ неоспоримое доказательство того что опасенія ея на счетъ отношеній Аркадія къ Оленькѣ были вполне основательны и что слѣдовательно она хорошо сдѣлала выпроводивъ ее изъ Бакаановъ, но прочитавъ его еще разъ, измѣнила свое намѣреніе: ее оставилъ уломивавшійся въ немъ поступокъ Аркадія. Она знала что старикъ этого такъ не оставитъ. Пожалуй, думала она, окажется въ самомъ дѣлѣ что-нибудь серьезное и оное, чего добраго, еще заставитъ Аркадія жениться на Оленькѣ. На основаніи этого соображенія она рѣ-

шила запереть письмо въ шкатулку и до поры до времени держать его у себя какъ камень за пазухой. Съ Аркадіемъ до отъѣзда его въ Москву разсудила лучше объ этомъ не говорить. „Къ чему, спрашивала она себя, стану я доискиваться истины? Когда онъ женится на Вавѣ, да Оленька выйдетъ замужъ, тогда, если между ними и въ самомъ дѣлѣ что было, все будетъ шито, да крыто.“

XXI.

Черезъ недѣлю Аркадій уѣхалъ въ Москву, давъ слово старикамъ увѣдомлять ихъ какъ можно чаще о ходѣ такъ интересовавшаго ихъ дѣла и дѣйствительно извѣстія отъ него приходили аккуратно черезъ каждые два дня. Само собою разумѣется что они ожидались и читались въ Бакалахъ съ тѣмъ же нетерпѣніемъ и лихорадочно возбужденнымъ любопытствомъ съ какими во время войны ожидаютъ и читаются бюллетени приходящіе съ театра военныхъ дѣйствій. Аркадій описывалъ въ нихъ поѣздки свои въ Подмосковную княгини, знакомство съ будущими своими родными, не упуская малѣйшихъ мало-мальски интересныхъ подробностей, и судя по нимъ, дѣло, казалось, шло успѣшно. Ссфья Львовна была въ восторгѣ. „Подожди еще восторгаться-то, говорилъ ей Александръ Васильевичъ, цыплятъ по осени считаютъ; хлѣбъ, пока стоитъ въ полѣ на корню, меньше какъ трава.“ Такъ продолжалось первая двѣ недѣли; на третью, хотя письма приходили съ тою же аккуратностью, въ нихъ не было уже прежней искренности и самоувѣренности: видна была какая-то сдержанность: въ сообщеніяхъ своихъ Аркадій былъ кратокъ, точно боялся, войдя въ подробности, выдать себя и ломимо воли высказать то что было у него на сердцѣ. Старикъ первый замѣтилъ это.

— А что-то барометръ какъ будто сталъ опускаться, сказалъ онъ женьѣ, прочитавъ одно изъ послѣднихъ писемъ.

— Не можетъ же онъ вѣкъ на одной точкѣ стоять, отвѣтила та тономъ опытнаго въ дѣлѣ экслерта:— у любви, какъ и у погоды, есть свои ведренные, есть и ненастные дни. Видно что ты никогда влюбленъ не былъ.

— Да, признаться, въ эти глулости и не вѣрю. Ну что онъ тамъ о сю пору селадонничаетъ и не дѣлаетъ предложенія?

Съ роднею со всею перезнакомился, разсмотрѣть его давно ужъ успѣли вдоухъ и полерекъ. Что жъ безъ толку капитель таять?

Прошла еще недѣля.

— А дѣло-то кажется вовсе дрянъ, сказалъ Бакаловъ, прочитавъ женѣ только-что полученное отъ Аркадія письмо.

На этотъ разъ Софья Львовна промолчала, она видѣла что дѣло дѣйствительно пошло какъ-то не ладно.

На другой день въ спальнѣ ея снова послышался залахъ лавровишневыхъ капель; Александръ Васильевичъ все утро проходилъ молча по залѣ съ сигарою въ зубахъ и заложенными за спину руками. Къ обѣду пріѣхала Марья Петровна.

— Ну что нашъ ловеласъ? спросила она поздоровавшись съ хозяйками; такъ называла она Аркадія. — Вернулся съ воевои.

— Онъ еще не пріѣзжалъ, сказалъ Бакаловъ.

— Странно. Что же онъ дѣлаетъ когда нарѣчная невеста его выходитъ замужъ за другого?

— Какъ? спросили въ одинъ голосъ озадаченные старики.

— Да также, какъ выходятъ. Или на нашемъ Аркадіи свѣтъ кивкомъ сошелся? И подѣломъ ему. Когда укаживаютъ за порадочною дѣвушкой съ цѣлю на ней жениться, по Цыганкамъ не вѣзять, публично съ Француженками подъ ручку не гуляютъ и ночи на пролетъ за картами не просиживаютъ.

— Мы вичего не знаемъ, сказалъ въ недоумѣніи Бакаловъ.

— Гдѣ же вамъ знать, сидя въ четырехъ стѣнахъ вашего неприступнаго замка и не видя круглый годъ души человѣческой.

— Откуда же ты-то это знаешь? спросила Софья Львовна.

— Не даромъ прозвала ты меня *Съверною Пчелою*: вотъ я вѣду съ чего могу медъ собираю да имъ друзей своихъ и угощаю.

— Хорошо угощеніе, промычалъ сквозь зубы Александръ Васильевичъ.

— Ну ужъ не прогнѣвайтесь, какое есть.

— Да вѣрно ли еще это? снова спросила недовѣрчиво Софья Львовна.

— Я привезла съ собою и свои *pièces justificatives*, сказала Кларова вынимая изъ кармана два письма. — Вотъ это отъ сестры Вѣры, а это отъ самой княгини Татьяны Юрьевны.

Софья Львовна взяла ихъ дрожащею рукою и пробѣжала.

— Ну что, теперь повѣрила, Гома невѣрный? продолжала Марья Петровна. — Ну посудите сами на что это похоже! Пріѣзжаетъ княгиня съ дочерьми въ Москву и отправляется съ ними въ Петровскій на дачу къ княгинѣ Марьѣ Ильиницкѣ. Вечеромъ пошла онѣ цѣлымъ обществомъ гулять въ Паркъ, какъ вдругъ встрѣчаютъ лицомъ къ лицу нашего ловеласа подъ руку съ какою-то извѣстною всею Москвѣ камеліей. Это конечно всѣхъ страшно взволновало: вѣдь мы Москвичи ретрограды, держимся старыхъ традицій и всѣхъ этихъ распуцелостей нынѣшнихъ нравовъ не признаемъ и среди себя не допускаемъ. Княгиня тутъ же стала наводить справки и нашлись конечно злые языки которые рассказали то чего можетъ-быть никогда и не было. Узнала она и про петербургскую исторію съ Эрнестинкой и о томъ какъ баловникъ отецъ за блуднаго сына до ста тысячъ долговъ заплатилъ. Вывели на сцену и Ольгушку: какъ съ ней Аркадія амурничалъ, ѣздилъ вдвоємъ видами любоваться, по ночамъ по парку прогуливался, какъ она его у себя въ комнатѣ en cachette принимала, да въ бесѣдкѣ съ нимъ цѣловалась.

— Ложь! перебилъ ее побагровѣвъ Баклановъ.

— Ахъ батюшки! Вы-то почему знаете что это ложь?

— Потому что мы взяли Оленьку къ себѣ въ домъ вмѣсто дочери и слѣдили за нею какъ за родною дочерью.

— Да развѣ за дѣвкой услѣдишь?

— За нею и слѣдить было нечего, продолжалъ взволнованнымъ голосомъ старикъ. — Я знаю ее: она дѣвушка съ благороднымъ сердцемъ и возвышенною душой, что она недавно еще доказала самымъ неопровержимымъ образомъ. Полобить Аркадія она могла, но дѣйствовать такъ какъ вы говорите она положительно неспособна.

— Скажите пожалуйста? Да она и теперь съ нимъ въ пелюскѣ; можетъ-быть она его и отъ сватовства-то за Ваву отклонила.

— Не можетъ быть, сказалъ задыхаясь отъ сдерживаемого негодованія Баклановъ.

— Не правда? обратилась Марья Петровна къ Софьѣ Львовнѣ.

— Ничего не знаю, едва могла та проговорить, окончательно растерянная. Она смотрѣла на Кудеярову въ недуміи, смѣшавномъ съ какимъ-то необъяснимымъ, чуть н

сверьнымъ страхомъ: все что она сказала объ отношеніяхъ Аркадія къ Ольгѣ было, можетъ-быть, преувеличено, искажено, но имѣло свое основаніе и пожалуй свою долю правды. Аркадій разъ дѣйствительно вѣдалъ съ ней верхомъ на рѣчку любоваться видами и, если по ночамъ съ ней взодемъ по парку никогда не гулялъ, то поздними вечерами въ сопровожденіи Лизы прогуливался очень часто. Ея *sachette* у себя въ комнатѣ Ольгѣ его никогда не принимала; но въ тотъ день когда отецъ оставилъ его безъ обѣда, онъ дѣйствительно тайкомъ отъ него обѣдалъ у нея въ комнатѣ, и хотя тайну эту знали въ домѣ всѣ, но для него она такъ-таки и осталась тайной. А потому, строго говоря, ни одного изъ этихъ обвиненій положительно отвергать было нельзя. То же самое и съ перепиской: велась ли между Аркадіемъ и Ольгой постоянная переписка, она не знала; но что она писала къ нему, доказательство тому лежало у нея въ шкапулкѣ. Наконецъ, не знала она до сихъ поръ о томъ что былъ за оскорбительный поступокъ о которомъ говорила Ольгѣ въ письмѣ своемъ, и ничего не было мудреного что всезнающая Марья Петровна, утверждая что Аркадій вѣдалъ Ольгу, объ немъ и говорила. Всѣ эти соображенія съ быстротою молніи промелькнули въ головѣ Софьи Львовны. „Откуда она все это знаетъ?“ спрашивала она себя.

— Послушайте сестра, сказалъ Бакаловъ, остановясь прямо противъ Кудеяровой. — Чтобы обвинять кого-либо, а тѣмъ болѣе дѣвушку, въ томъ въ чемъ вы обвиняете Ольгу, надо имѣть въ рукахъ вѣрныя и неопровержимыя доказательства. Вспомните что она бѣдная дѣвушка, все богатство которой состоитъ въ добромъ имени и что для защиты ея чести у нея лишь престарѣлый отецъ, лежащій на смертномъ одрѣ, и что слѣдовательно обвинять ее голословно, лишь на основаніи какихъ-либо невѣрныхъ слуховъ, есть дѣло недостойное благороднаго человѣка.

— Такихъ положительныхъ доказательствъ, какъ тѣ какія я сейчасъ представила Sophie, я конечно не имѣю, такъ какъ я за отношеніями Аркадія къ Ольгѣ не слѣдила; но все что я вамъ сказала, знаю я изъ вѣрныхъ источниковъ, и сама я имѣю на эти вещи вѣрный взглядъ, который меня никогда еще не обманывалъ, и если вы дадите себѣ трудъ все сказанное мною хорошенько провѣрить, увидите сами права ли я или нѣтъ.

Баклановъ задумался.

— Во всякомъ случаѣ, сказалъ онъ,—еслибы во всемъ этомъ и была своя доля правды, то все-таки виновата въ томъ, конечно, не она. За кого же выходитъ замужъ княжна Варвара? спросилъ онъ вдругъ, видимо для того чтобы переменить разговоръ.

— За какого-то Картенева.

— За какого это Картенева? спросилъ онъ снова, оставаясь предъ Кудеяровой.—Ужь не за сына ли Михаила Степановича?

— Дѣйствительно зовутъ его, кажется, Александромъ Михайловичемъ.

Это совершенно сразило старика. Надо сказать что въ кругъ его міросозерцанія или вѣрнѣе взгляда на жизнь входило нѣчто похожее на идею о мѣстничествѣ, съ тою только разницею что въ идеѣ этой главную роль играли не чины или должности которыя занимали отецъ или дѣдъ даннаго лица, а ихъ положеніе въ обществѣ и почетъ которымъ они въ немъ пользовались. Надо же было такъ случиться что отецъ Картенева, жениха княжны Вавы (если только этотъ послѣдній былъ дѣйствительно сынъ того Картенева), служилъ въ одно время съ Баклановымъ въ гвардіи и, не говоря уже о томъ что былъ какого-то темнаго происхожденія, пользовался незавидною репутаціей картежнаго игрока и шулера; не разъ имѣлъ онъ скандальныя исторіи, вслѣдствіе которыхъ чуть не былъ выгнанъ изъ полка обществомъ офицеровъ. И вдругъ сынъ этого самаго Картенева, мало того что становится рядомъ съ его сыномъ, искателемъ руки княжны Вавы, но—о посрамленіе роду Баклановыхъ!—предпочитается ему. Самолюбіе старика было сильно затронуто.

— Но какъ же княгиня и ея родные могли дать согласіе на такой неравный бракъ? спросилъ онъ въ недоумѣніи.

— А развѣ вы про него что-нибудь такое знаете?

— Про молодого человѣка я ровно ничего не знаю; но вѣдь княгиня аристократка до мозга костей, гордится своимъ знатынымъ родствомъ, держится фамиліальныхъ традицій, и вдругъ... Скажите наконецъ, какъ же все это могло такъ скоро устроиться?

— Это сдѣлалось вовсе не такъ скоро. Картеневъ уже болѣе года какъ ухаживалъ за Вавой; но на него до сихъ поръ не обращали никакого вниманія; встрѣча же съ Аркадіемъ въ Паркъ такъ, говорятъ, на нее сильно подѣйствовала что

она въ тотъ же вечеръ дала слово Картенеу экспромптомъ, *par dépit*.

— Чудеса! сказалъ Баклановъ, пожавъ плечами.

— Да; я и позабыла вамъ сказать, продолжала Кудеярова — если сынокъ вашъ и прозѣвалъ руку Вавы; то за то, говорятъ, въ страшномъ выигрышѣ: съ одного князя Грегри выигралъ сорокъ тысячъ и денежки всѣ съ его полечителя вистоганомъ получилъ.

— Какъ съ полечителя? спросилъ Баклановъ, совершенно ошеломленный этимъ новымъ извѣстіемъ.

— Въдъ князь Грегри несовершеннолѣтній, нѣтъ ни отца, ни матери, такъ полечитель за него и раслачивался. Представьте: прѣхалъ въ Москву на скачки, да триста тысячъ въ одинъ вечеръ и ухуль. Противъ него, говорятъ, подобрава была цѣлая компанія.

Это было для старика *coup de grâse*. Сынъ его, Баклановъ, выигралъ, чуть ли еще не въ компаніи съ шулерами, и кого же? несовершеннолѣтняго. Конечно, во сто разъ легче было бы для него еслибъ онъ самъ проигралъ эти триста тысячъ. Онъ чувствовалъ какъ полъ заходилъ у него подъ ногами, кружилась голова, краска стыда и негодованія выступила въ щекахъ багровыми пятнами; онъ едва могъ невѣрными шагами дойти до кабинета и почти безъ чувствъ улялъ на диванъ.

Сильно взволнована была этимъ извѣстіемъ и Софья Львовна. Ее, впрочемъ, не столько возмущалъ фактъ обыгранія, сколько тревожила мысль что если Аркадій могъ въ одну ночь выиграть такую сумму, то точно также могъ и проиграть ее.

— Неужели же онъ въ самомъ дѣлѣ такой игрокъ? проворчала она едва слышимымъ голосомъ.

— Страшный. Говорятъ, готовъ двое сутокъ просидѣть за карточнымъ столомъ. Долго, думаешь ты, удержишь у него эти выигрышные деньги? онъ ихъ можетъ уже и слустить. *Se qui vient par la flûte s'en va par l'ambour*, дѣло извѣстное. А то такъ и своихъ еще прихватитъ. Вамъ надо непременно скорѣе женить его; авось итса, перемѣнится.

— Хотѣла, не удалось, сказала, какъ бы оправдываясь, Софья Львовна.

— Не удалось разъ, удастся въ другой. А у меня какъ разъ и невѣста есть на примѣтъ, пожалуй не хуже Вавы.

— Кто жь такая?

— А вотъ послушай.

И у матушки съ тетушкой началось совѣщаніе. Рѣшено было Аркадія, по возвращеніи его изъ Москвы, прислать въ Кудеярово; остальное брала на себя Марья Петровна.

— Пришлите же ко мнѣ вашего enfant prodigue, какъ вернется подъ отчій кровъ, говорила она, прощаясь съ Александромъ Васильевичемъ. Задумавъ разъ планъ сватовства она до тѣхъ поръ не была покойна пока не приводила его въ исполненіе.

— Это его долгъ, отвѣтилъ тотъ, и онъ конечно поспѣшитъ самъ его исполнить.

XXIII.

Прошли два тревожныхъ дня съ посвѣщенія Кудеярово на третій пріѣхалъ наконецъ и Аркадій. Старики судя вдвоемъ въ спальнѣ Софьи Львовны, толкуя о такъ замѣшавшемъ ихъ волроствѣ, какъ онъ совершенно неожиданно вошелъ въ комнату.

— Поздравляю съ выигрышемъ, сказалъ увидавъ его Александръ Васильевичъ;—несовершеннолѣтнихъ-то видно легко обыгрывать чѣмъ взрослыхъ.

— Вамъ, конечно, не такъ передали, сталъ оправдываться Аркадій, озадаченный словами отца;—я самъ и карты руки не бралъ и былъ лишь въ долѣ.

— Такъ я и слышала, что подобрана была цѣлая ша шулеровъ.

Аркадій вспыхнулъ, Софья Львовна залилась слезами, Елановъ всталъ и, не поздоровавшись съ сыномъ, вышелъ изъ комнаты.

— Расскажи пожалуйста какъ это было, а главное, какъ почему разстроилось твое сватанье за княжну, спрашивая рыдая Софья Львовна.

Аркадій рассказалъ, разумеется, все по своему, объясняя неудачу своего сватовства тѣмъ что княжна уже болѣе влюблена была въ Картенева, но скрывала любовь эту матери и призналась въ ней лишь тогда когда та с

требовать отъ нея положительнаго отвѣта на сдѣланное имъ, Аркадіемъ, предложеніе. Разспросамъ, конечно, конца не было, и онъ долженъ былъ дать объясненіе на каждое изъ взведенныхъ на него теткою обвиненій. Такъ объяснилъ онъ что въ паркѣ гулялъ не съ камеліей, а съ знакомою ему петербургскою артисткой, пріѣхавшею въ Москву давать концерты, и подалъ ей руку лишь чтобы довести до ея экипажа; у Цыганъ дѣйствительно былъ раза два, но въ этомъ, конечно, кромѣ танцы никто не найдетъ ничего предосудительнаго; въ карты же игралъ не въ компаніи шулеровъ, а съ людьми очень порядочными, принятыми въ Москвѣ въ лучшемъ обществѣ, и князь Грегори молодеже его всего двумя годами и слѣдовательно въ отношеніи къ нему несовершеннолѣтнимъ названъ быть не можетъ; а что онъ не игрокъ, достаточно доказываетъ то что самъ онъ и картъ въ руки не бралъ, а лишь былъ въ юлтѣ съ однимъ изъ игравшихъ. Словомъ, онъ умѣлъ совершенно успокоить мать, и она, выслушавъ его объясненія, перешла на его сторону и негодовала на мужа за то что онъ такъ незаслуженно рѣзко обошелся съ нимъ. О перехваченномъ письмѣ она Аркадію не сказала ни слова: она боялась что прямыми разспросами правды отъ него не добьется и лишь заставить быть на сторожѣ и тѣмъ пожалуй испортить все дѣло.

Послѣ объясненія, она, чтобы не откладывать дѣла въ дальній ящикъ, тутъ же объявила Аркадію о новой найденной для него невѣстѣ, соединявшей въ себѣ, по словамъ ея, всевозможныя достоинства, не говоря уже о богатствѣ. Тотъ выслушалъ ее безъ возраженій и изъявилъ полную готовность исполнить ея желаніе.

— Такъ на дняхъ же поѣзжай къ теткѣ, заключила она; — отъ нея узнаешь всѣ подробности.

За обѣдомъ старикъ былъ угрюмъ и молчаливъ и спросилъ только Аркадія не знаетъ ли онъ какъ зовутъ отца Картезиуса; вечеромъ же вовсе не выходилъ изъ кабинета. Такъ прошелъ и слѣдующій день: Бакаановъ не сказалъ сыну ни слова; лишь выходя изъ-за стола замѣтилъ что ему слѣдовало бы съѣздить къ теткѣ, поблагодарить за ея хлопоты. Если дѣло не сладилось, не она виновата, добавилъ онъ себѣ.

Вотъ тоска, думалъ про себя Аркадій, оставшись послѣ вечерняго чая вдвоемъ съ Лизою и доливая свой простывшій стаканъ.

— А ты совсѣмъ забылъ Оленьку, сказала ему грустно Лиза.

— Изъ чего же ты это заключаешь?

— Вотъ ужь два дня какъ ты здѣсь, а о ней даже и не спросилъ.

— А развѣ есть что-нибудь новое?

— Еслибы что и было, отъ кого же могла бы я узнать? Матанъ запретила мнѣ не только къ ней писать, но и получать отъ нея письма.

— За что же такая къ ней немилость?

— Подозрѣваетъ что она съ тобой въ перепискѣ.

— Это на какомъ основаніи?

— Ужь не знаю, сказала покраснѣвъ Лиза.—Грѣхъ тебѣ такъ скоро разлюбить ее,—продолжала она сквозь слезы:—она такъ искренно любила тебя, да и теперь, конечно, любить попрежнему.

— Ты думаешь? спросилъ зѣвая Аркадій.

— Я въ этомъ увѣрена, хотя ты и далеко того не заслуживаешь, и ей давно слѣдовало позабыть тебя. Развѣ такая женщина какъ Оленька можетъ полюбить на нѣсколько дней?

— А если она меня такъ до сихъ поръ любитъ, зачѣмъ же она отсюда уѣхала? спросилъ онъ полуразсѣянно.

— Я уже сказала тебѣ что ее увезла мать чтобы выдать замужъ, и отецъ, говорятъ, при смерти. Да и развѣ легко ей было переносить эту ежеминутную пытку: любить тебя, встрѣчаться съ тобой чуть не на каждомъ шагу и знать что никогда не можетъ быть твоей? Ахъ, Аркадій, еслибы ты только зналъ какъ она тебя любитъ! Она съ тобой, кажется, готова была бы бѣжать хоть на край свѣта. *Et puis un amour si noble, si désintéressé!* Нѣтъ, Аркадій! *C'est mal, très mal à vous!* досказала она, всхлипывая, и, закрывъ глаза платкомъ, выбѣжала изъ комнаты: она боялась чтобы мать не застала ее въ слезахъ и, узнавъ о ихъ причинѣ, не сдѣлала ей сцены.

— Нѣтъ, это изъ рукъ вонъ, подумалъ Аркадій:—въ одномъ углу истерики да стоны, въ другомъ по цѣлымъ днямъ молчать, да губы дуютъ, здѣсь выговоры да слезы. Этакъ пожить здѣсь недѣлю, силъ никакихъ не останется, съ ума сойдемъ.

Онъ пошелъ къ себѣ наверхъ и сталъ у отвореннаго окна чтобы сколько - нибудь освѣжиться вечернимъ воздухомъ; но и на дворѣ было также душно какъ и въ домѣ. Уже слыо за видѣвшимся вдаль бугромъ солнце, оставивъ по себѣ багряную полосу догаравшей зари; надъ прудомъ съ визгливымъ крикомъ сновали непосѣстные ласточки; изъ камышей отъ времени до времени слышался тоскливый пискъ какой-то водяной птицы, да бойко отдергивалъ въ лугахъ скрипучую лѣсъ свою дергачъ. Въ воздухѣ стояла тишь: не шелохнется листъ на деревьяхъ, не подернется рябью зеркальная поверхность соннаго пруда.

— Нѣтъ, скучно, сказалъ Аркадій, отходя отъ окна. — Вду, вперемѣнно вду. Долго здѣсь оставаться я положительно не могу, одурь беретъ. Завтра же къ танти, чтобы узнать объ этой belle inconnue. Чтò жь, если она въ самомъ дѣлѣ, какъ говоритъ татап, единственная дочь миллионера, бывшаго откупщика, ces choses là ne se trouvent pas tous les jours. Пусть отсчитаетъ мнѣ миллиончикъ чистоганомъ въ день свадьбы, остальные я ему пожалуй и прощу. Ба!—сказалъ онъ вдругъ, ударивъ себя по лбу;—вѣдь я буду проѣзжать всего въ трехъ верстахъ отъ Кузминки. Надо завѣхать. Чтобы она ко мнѣ не вышла, se sont des пустяки; чтобы пошла за этого Погорѣмова, я тоже не вѣрю. А чтò если она въ самомъ дѣлѣ до сихъ поръ такъ влюблена въ меня что готова со мною, какъ говоритъ Лиза, хоть на край свѣта,—славная была бы матеря. А не мудрено. Эти деревенскія простушки, если разъ къ кого влюбятся, такъ, говорятъ, любятъ что-называется до пробовой доски. Надо только дѣйствовать смѣлѣе и рѣшительнѣе. Чѣмъ чортъ не шутить: легко быть можетъ что и у нея на умѣ то же самое чтò у меня, не достанетъ лишь рѣшимости высказаться и достаточно будетъ одного намека чтобы вызвать ее на объясненіе; мало будетъ намека, nous mettrons les points sur les i и постараемся представить дѣло въ самомъ соблазнительномъ свѣтѣ. Да, еслибъ удалось, штука была бы не глупая, заключилъ Аркадій, оставаясь предъ стоявшею у камина на мольбертѣ женскою головкой. Это былъ тотъ самый портретъ Ольѣнки который онъ выпросилъ у нея въ послѣднюю поѣздку въ Кузминку и которому она, по его желанію, дала фантастическій видъ унадины съ распущенными волосами и лежащимъ на нихъ вѣнкомъ изъ водяныхъ лилій.

Слабый отблескъ потухавшей зари, освѣщая предметы мерцающимъ полусвѣтомъ и очерчивая ихъ невѣрными контурами, придавалъ всему какой-то таинственный видъ. Аркадiй выдвинулъ мольбертъ на середину комнаты и, поставивъ его такъ чтобы свѣтъ изъ окна падалъ прямо на головку, прилегъ на диванъ и, облокотясь на подушку, предался нѣмому созерцанiю. Головка, выдвляясь изъ окружавшаго ее полумрака, казалось, глядѣла на него какъ живая, точно сама Оленька стояла предъ нимъ и смотрѣла на него грустнымъ и укоризненнымъ взглядомъ. Живо припомнились ему и первый брошенный ею на него взглядъ, и скатившаяся по щекъ ея предательская слеза; еще казалось ему, чувствовалъ онъ какъ тревожно билось на груди его ея сердце; еще жегъ его губы сорванный имъ съ ея губъ поцѣлуй.

Взглядъ этотъ точно прошелъ ему прямо въ сердце и будто что-то тоскливо и болѣзненно зашевелилось въ немъ. Онъ всталъ съ дивана и нѣверными шагами подошелъ къ окну. На небѣ блестялъ отлогiй серпъ мѣсяца; поднявшiйся отъ пруда легкiй вѣтерокъ подернулъ зеркальную поверхность его мелкою рябью; казалось, серебряныя змѣйки перебѣгали по ней; въ воздухѣ пахло болотною сыростью; кричалъ попрежнему дергачъ; попрежнему вторила ему изъ камышей та же невѣдомая болотная птица, да глухо доносилась изъ села угомонная переключка собакъ.

„Тоска!“ сказалъ Аркадiй и сошелъ внизъ.

Въ залѣ накрытъ уже былъ столъ, и вскорѣ же сѣли ужинать. Опять всѣ молчали, не жужжали даже и мухи; лишь ночная бабочка, ожегши себѣ на свѣчкѣ крылья, вертѣлась и кружилась на скатерти.

Утромъ рано Аркадiй уѣхалъ.

Былъ ужъ полдень когда онъ подѣвзжалъ къ дому Кузминыхъ. Сердце его болѣзненно сжалось, онъ чувствовалъ себя какъ-то меловко. Былъ ли то укоръ совѣсти или боязнь за неудачу задуманнаго имъ плана; конечно скорѣе послѣднее нежели первое, а можетъ-быть и то и другое вмѣстѣ.

— Дома господа? спросилъ онъ, подѣхавъ къ крыльцу, у выѣзжавшаго къ нему навстрѣчу взъерошеннаго мальчишки.

— Дома-съ.

— Есть кто-нибудь изъ гостей?

— Никакъ нѣтъ.

„Ну, слава Богу“, подумалъ Аркадій.

— Гдѣ же господя?

— Баринъ уѣхали въ поле, барыня въ кладовой варенья варятъ, барышня въ саду печатную книжку читаютъ.

— Какъ бы прямо пройти въ садъ?

— А вотъ-съ пожалуйте.

И мальчикъ провелъ Аркадія въ садъ черезъ калитку. Читатель уже знаетъ какъ, пройдя аллею, онъ въ концѣ ея встрѣтился съ Оленькой.

— Васъ, конечно, удивляетъ мое посѣщеніе или, лучше сказать, смѣлость съ которою я дозволилъ себѣ ослушаться приказанія запрещающаго мнѣ даже всякую попытку видѣться съ вами, сказалъ подойдя къ ней Аркадій.

— Признаюсь: я никакъ не думала чтобы послѣ моего письма... едва могла проговорить Оленька дрожащимъ отъ волненія голосомъ, такъ поразило ее неожиданное его появленіе.—Къ тому же ужъ прошло столько времени что я была вполнѣ увѣрена...

„А, упрекъ! подумалъ Аркадій, начало не дурно.“

— Если я до сихъ поръ еще не былъ здѣсь, перебилъ онъ Оленьку, стараясь придать словамъ и голосу по возможности мягкую и заискивающую интонацію, — то это только доказываетъ безусловную покорность съ которою я подчинился наложенному вами на меня наказанію. Но, какъ бы оно ни было заслуженно, согласитесь что черезчуръ ужъ жестоко, и переносить его долѣе было выше силъ моихъ, тѣмъ болѣе что у насъ носятя слухи будто вы выходите замужъ.

— Можетъ-быть, сказала, слегка покраснѣвъ, Оленька.

— Говорятъ, за вашего сосѣда; конечно я этому не вѣрю.

— Почему же? Павелъ Яковлевичъ человекъ вполнѣ достойный....

— Достоинствъ его я отъ него не отнимаю, отвѣтилъ Аркадій; особенно съ точки зрѣнія вашихъ почтенныхъ родителей; но чтобы вы по собственному вашему выбору рѣшились... Да и не сами ли вы сказали: кто полюбитъ искренно разъ, полюбитъ навсегда? Послушайте,—сказалъ вдругъ Аркадій остановясь и смотря Оленькѣ прямо въ глаза.— Я буду съ вами откровененъ. Ради Бога выслушайте меня.

— Говорите, какъ бы противъ воли сказала Оленька и тихими шагами продолжала идти по направленію къ дому. Пошелъ за нею и Аркадій.

— Что я васъ люблю, началъ онъ,—вы знаете уже давно, не знаете лишь того что любовь эта заставила меня въ послѣднее время выстрадать; что и вы продолжаете попрежнему раздѣлять чувства мои къ вамъ, въ томъ достаточно ручаются какъ только-что приведенныя мною слова ваши, такъ и то что вы такъ великодушно простили мнѣ мое минутное увлеченіе. Скажите: что жь мѣшаетъ намъ принадлежать другъ другу? Уѣдьте отсюда. Я какъ разъ имѣю въ настоящую минуту нужныя для того средства. Поѣдьте въ Петербургъ, за границу. Отправитесь на зиму въ Италію. Поѣдьте во Францію, въ Англію, наконецъ, къ антиподамъ, n'importe où, лишь бы подальше отъ здѣшней закорузлой плесени....

Оленька молча слушала Аркадія. Сначала она приняла слова его за пустое, ни къ чему не ведущее фразерство, что было совершенно въ его духъ; но когда онъ высказалъ предложеніе свое такъ ясно и опредѣлительно что словамъ его уже нельзя было дать никакого двусмысленнаго значенія, она такъ была поражена имъ и озадачена что въ первую минуту не нашлась что и отвѣчать.

— Довольно, перебила она его наконецъ. — Взгляды наши на жизнь и убѣжденія такъ противоположны что мы никогда не поймемъ другъ друга. Оставьте при своихъ, также какъ и я останусь вѣрна тѣмъ въ которыхъ выросла. Оставьте меня, между нами общаго ничего быть не можетъ.

— И это ваше послѣднее слово? спросилъ ее вслѣдъ Аркадій.

Но отвѣта не было. Оленька ужъ успѣла взойти на террасу дома и проскользнуть въ дверь; лишь Дозоръ оглянулся на него и, глухо прорывавъ, лѣтвивою поступью ушелъ въ домъ за своею госпожею.

— Не выгорѣло, сказалъ сквозь зубы, садясь въ коляску, Аркадій,—а жаль, славная была бы штука. Съ чего же это взяла Лиза будто она меня такъ любить что готова бѣжать со мною хоть на край свѣта?

Оленька едва могла дойти до своей комнаты и, бросившись на диванъ, долго и безутѣшно плакала. „Такъ вотъ она, моя чистая, святая любовь,“ думала она; „вотъ тотъ кумиръ которому я поклонялась,—обруганный, разбитый въ дребезги, втоптанный въ грязь!“

XXIV.

Въ Кудярово пріѣхалъ Аркадій въ самомъ дурномъ настроеніи духа: онъ досадовалъ и на Ольгу, и на Лизу, и на самого себя, и очень не любезно отблагодарилъ тетку за ея хлопоты. Разспросы ея о пребываніи его въ Москвѣ и о подробностяхъ неудавшагося сватовства за княжу Валу еще болѣе раздражили его, такъ какъ онъ изъ нихъ ясно видѣлъ что она знала обо всемъ не хуже его самого и разспрашивала больше для того чтобы поймать и уличить его во лжи. Новая, найденная ею для него невѣста также далеко не удовлетворяла его требованіямъ. Правда, она была единственная дочь миллионера, но отецъ ея хотѣлъ чтобы зять жилъ у него въ домѣ, и при жизни своей, дочери ничего не давалъ кромѣ нужнаго и довольно ограниченнаго по средствамъ его содержанія. Условія эти такъ далеко не подходили подъ составленную себѣ Аркадіемъ по этому предмету программу что онъ не только отказался наотрѣвъ отъ предложенныхъ ему теткою услугъ, но, принявъ самое сватовство за злую съ ея стороны насмѣшку, наговорилъ ей колкостей. Онъ до того былъ раздраженъ что не хотѣлъ провестъ у нея остатокъ дня и тотчасъ же послѣ обѣда уѣхалъ. Въ Бакааны возвратился онъ уже поздно и нашелъ стариковъ въ кабинетѣ. Онъ передалъ матери письмо отъ Марьи Петровны, которое та написала предъ самымъ его отъѣздомъ. Софья Львовна пробѣжала его и, не сказавъ ни слова, положила въ карманъ; когда же Аркадій ушелъ, она перемала его мужу.

— Вотъ это скорѣе убѣдитъ тебя въ справедливости моихъ опасеній, сказала она.

Старикъ взялъ письмо и прочелъ его съ начала до конца съ большимъ вниманіемъ.

„Если братъ Александръ Васильевичъ продолжаетъ сомнѣваться въ существованіи переписки и античныхъ отношеній между Аркадіемъ и Ольгустей, писала Кудярова, то пусть проситъ его зачѣмъ заѣзжалъ онъ въ Кузминку, о чемъ творилъ украдкой отъ отца и матери въ саду наединѣ съ своею возлюбленною и почему старался всачески скрыть это отъ меня, какъ вѣроятно скроектъ поощреніе свое и отъ насъ. Для меня же все это очень ясно, равно какъ совер-

шенно ясно и то, почему онъ наотрѣвъ отказался отъ невѣсты о которой я тебѣ въ послѣдній разъ говорила, причемъ даже замѣтилъ мнѣ довольно колко, что напрасно вѣшиваюсь я въ чужія дѣла, что онъ ужь не малолѣтній чтобы другіе заботились объ устройствѣ его судьбы, и что этакимъ онъ можетъ заняться и самъ. Очень жалѣю что въ подтвержденіе догадокъ моихъ на счетъ переписки не могу представить вамъ до сихъ поръ никакого документа; но надѣюсь что и за этимъ дѣломъ не станетъ.“

Прочитавъ письмо, Баклановъ, не торопясь, сложилъ его и возвратилъ женѣ.

— По моему, сказалъ онъ очень хладнокровно, — все это ровно ничего не доказываетъ. Что Аркадій заѣзжалъ повидаваться съ Оленькой, это очень естественно; меня даже, признаюсь, удивляло почему онъ до сихъ поръ еще этого не сдѣлалъ. Что онъ говорилъ съ ней наединѣ, это вѣроятно было дѣломъ случая, и предосудительнаго въ этомъ я опять таки ничего не вижу; да и говорить украдкой отъ отца и матери какъ пишетъ сестра, имъ нѣтъ никакого резона. Если онъ скрывалъ отъ нея что заѣзжалъ въ Кузминку, то это конечно потому что боялся ея сплетней, что съ его стороны даже умно. Что же касается до этого новаго сватовства, то, признаюсь тебѣ, оно меня и самого коробило: молодой человекъ долженъ сыскать себѣ дѣвушку по мыслямъ, а не засылать свах. Вотъ что онъ съ теткой такъ обошелся, такъ это дѣйствительно скверно.

— Стало-быть ты въ существованіе этой переписки и цѣпкихъ отношеній между Аркадіемъ и Оленькой не вѣришь.

— Не только не вѣрю, но положительнѣйшимъ образомъ убѣжденъ что ея никогда не было, а теперь нѣтъ и подавно.

— Такъ я вотъ сейчасъ же докажу тебѣ, сказала Софья Львовна, вскочивъ съ дивана.—И мать-то за Оленькой не сама по себѣ пріѣзжала; а она же ее выписала и просила увезти изъ Бакланъ чтобъ ей тамъ свободнѣе было Аркадіемъ любезничать. Вся эта исторія была придумана подстроена. Я добралась съ кѣмъ она и письмо-то къ матери посылала, добавила она, выхода изъ комнаты.

Черезъ нѣсколько минутъ она возвратилась съ известнымъ намъ письмомъ въ рукѣ.

— Читай, если не вѣришь, сказала она съ торжествующимъ видомъ.

Бакаловъ взялъ письмо, прочиталъ его, обернулъ чтобъ удостовѣриться нѣтъ ли чего на другой сторонѣ, и потомъ перечелъ еще разъ.

— Письмо это, по моему, сказалъ онъ съ разстановкой,— доказываетъ самымъ неопровержимымъ образомъ что подозрѣваемой вами переписки никогда не было, а въ связи съ вызовомъ матери, что Оленька такой благородной и высокой души дѣвучка какую въ наше время найти трудно.

— Это какъ? спросила Софья Львовна, выкативъ отъ недоумѣнія глаза.

— Да, продолжалъ Бакаловъ сосредоточенно, какъ бы не слыша ея вопроса; — счастливы отцы которыхъ Богъ награждаетъ такими дѣтми.

Послѣднія слова онъ произнесъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ, и опустивъ голову сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Но о какомъ же это такомъ оскорбительномъ поступкѣ Аркадія говорить она? спросилъ онъ вдругъ, остановясь предъ женою.— Поступокъ долженъ быть дѣйствительно очень оскорбителенъ, если она проситъ его не подумать что онъ былъ причиною ея отъѣзда. Ты не знаешь?

— Нѣтъ.

— И не старалась узнать?

— Отъ кого же я узнать могла бы?

Бакаловъ покачалъ головой.

— Вѣдь мы взяли ее съ тобою вмѣсто родной дочери, сказалъ онъ укоризненно.— Какъ по крайней мѣрѣ письмо это попало къ тебѣ въ руки?

Софья Львовна разказала.

— И Лиза не знаетъ? спросилъ онъ.

— И она не знаетъ.

— Странно, сказалъ старикъ, и заложивъ руки за спину сталъ снова ходить по комнатѣ.— Ну, да утро вечера мудренѣе, завершилъ онъ, остановясь предъ часами.— А теперь пора и спать. Письмо это я оставляю у себя.

Заварила я кашу, подумала, уходя къ себѣ въ спальню, Софья Львовна. Доказать этимъ письмомъ ничего не доказала, лишь пустила его въ холъ. Пойдутъ теперь долпросы, на очныя ставки, и если въ самомъ дѣлѣ окажется что-нибудь такое, тогда....“

И она велѣла подать себѣ свою домашнюю алтечку.

Утромъ Баклановъ позвалъ въ кабинетъ Лизу.

— Какъ это письмо попало къ тебѣ? спросилъ онъ пока завъ ей его.

— Мнѣ далъ его Аркадій, отвѣтила она покраснѣвъ.

— Зачѣмъ?

— Я просила дать его мнѣ прочесть.

— Знаешь ты о какомъ такомъ поступкѣ Аркадія говорить она въ немъ?

Лиза молчала.

— Что же ты, другъ мой, молчишь? спросилъ ее старикъ мягкимъ, ласковымъ голосомъ, какимъ онъ только съ нею одною и говорилъ.—Ты, кажется, со мною всегда была откровенна. Или ты потеряла ко мнѣ прежнее довѣріе?

Лиза грустно посмотрѣла на него: дружескій упрекъ этотъ подвѣствоваль на нее сильнѣе выговора.

— Знаю, едва внятно проговорила она.

— Какой же это такой поступокъ?

Лиза снова молчала. Въ ней происходила борьба: съ одной стороны, ей не хотѣлось выдать брата, съ другой, недовѣріемъ своимъ она боялась огорчить и оскорбить отца, котораго она такъ любила и который, въ свою очередь, такъ вѣжно любилъ ее.

— Говори правду, увѣщевалъ онъ ее;—тутъ можетъ-быть дѣло идти о чести Оленьки.

— Ахъ, палаша! Не спрашивайте меня объ этомъ, умоляла она его.

— Почему же?

— Потому что.... Мнѣ стыдно, мнѣ кажется я даже не имѣю правъ сказать вамъ....

— Отцу-то? Въ умѣ ли ты, другъ мой?

Лиза все еще колебалась. „Что же, рѣшила она наконецъ, вѣдь Аркадій не повѣрилъ мнѣ какую-нибудь тайну, а скрывать о поступкѣ своемъ какъ о пустой шалости, даже какъ бы хвастался имъ, къ тому же половина признанія уже сделана. Легче было бы сначала сказать что я ничего не знаю а теперь скрывать уже поздно.“

— Онъ.... начала было она, но языкъ точно не слушался ея и она невольно остановилась.

— Ну, сказалъ отецъ, стоя предъ нею въ выжидательномъ положеніи.

— Оня цѣловаль ее при прощаньи, проговорила она и горько заплакала.

— Какъ? при тебѣ? спросилъ старикъ, и краска багровыми пятнами выступила на щекахъ его.

— Нѣтъ, я узнала объ этомъ позже.

— Отъ Оленьки?

— Нѣтъ, мнѣ сказалъ самъ Аркадій ужъ по ея отъѣздѣ.

— Благородно, сказалъ Баклаѳовъ;—влохнѣ рыцарскій поступокъ. Ну, благодарю тебя, другъ мой, за довѣріе твое ко мнѣ, заключилъ онъ, поцѣловавъ ее въ лобъ,—хотя мнѣ грустно что заставилъ тебя краснѣть за брата.

По уходѣ Лизы онъ позволилъ и приказалъ позвать къ себѣ Аркадія.

— Письмо это тебѣ знакомо? спросилъ онъ, держа его въ рукѣ.

— Да, это письмо ко мнѣ, сказалъ тотъ нерѣшительно.

— Вы развѣ съ Оленькой въ перепискѣ?

— Нѣтъ, это единственное письмо которое я отъ нея получила.

— О какомъ оскорбительномъ поступкѣ говоритъ она въ немъ?

Аркадій замаялся.

— Вѣроятно она хотѣла.... началъ было онъ.

— Не лги, остановилъ его старикъ;— я все знаю. Ты позволилъ себѣ цѣловать дѣвушку взятую въ домъ отцомъ твоимъ и матерью вмѣсто дочери и имѣлъ духъ встать этимъ гнуснымъ поступкомъ предъ сестрою своєю. Вопервыхъ, когда получаютъ подобныя письма отъ честной и благородной дѣвушки, ихъ никому не показываютъ и е бросаютъ.—Онъ зажегъ свѣчку и сжегъ письмо.—Вовторыхъ, такимъ низкимъ поступкомъ не хвастаютъ и тѣмъ болѣе предъ сестрой, молодою, семнадцатилѣтнею дѣвушкой, дѣрзкихъ, если благородный и лорядочный человекъ въ минуту увлеченія, противъ воли своей, поступитъ такъ какъ поступилъ съ Оленькой, то слѣдуетъ тотчасъ же признаться въ зависящія отъ него мѣры чтобы загладить вину свою. Назавъ это, онъ сдѣлалъ лаузу, выжидая что отвѣтитъ Аркадій, но видя что тотъ продолжаетъ молчать.

— Для чего заѣзжалъ ты вчера къ Оленькѣ? спросилъ онъ.
— Я спрашиваю тебя объ этомъ потому что послѣ такого поступка и получивъ такое письмо какъ то которое я сейчасъ

сжегъ, съ пустыми визитами не ѣздить, и если ты рѣшился ѣхать, то конечно съ какою-нибудь опредѣленною цѣлю?

Вопросъ былъ поставленъ слишкомъ ясно и категорически чтобы можно было отвѣчать на него уклончиво.

— Меня тяготили неопредѣленность и двусмысленность отношеній нашихъ, сказалъ Аркадій, заливаясь, видимо для того чтобы сказать что-нибудь,—и я хотѣлъ узнать отъ нея лично о чувствахъ ея ко мнѣ.

— Для чего же?... продолжалъ вопросительно старикъ.

— Чтобы, выслушавъ ее, прибѣгнуть къ тѣмъ мѣрамъ которыя... проговорилъ съ разстановкой Аркадій, такъ-сказати приставляя слово къ слову, самъ едва понимая что говорит и что хотѣлъ сказать.

— Тутъ другихъ мѣръ кромѣ женитьбы никакихъ быть не можетъ, перебилъ его отецъ.—Что жъ она?

— Она сказала что ужъ дала слово Погорѣлову, отвѣтилъ Аркадій, обрадовавшись что эта отговорка такъ кстати полвернулась ему на помощь.

Старикъ недоувѣрчиво посмотрѣлъ на него и задумался.

Въ отвѣтѣ этомъ ясно слышалась фальшивая нота и она заставила его усомниться въ правдоподобности даннаго объясненія. „Что-нибудь не такъ, рѣшилъ онъ, и моя обязанность доискаться истины.“

— Ты мнѣ пока не нуженъ, сказалъ онъ Аркадiю; — мы еще поговоримъ объ этомъ дѣлѣ позже.

Черезъ часъ та же коляска, въ которой наканунѣ пріѣхалъ Аркадiй, выѣзжала изъ воротъ Бакалановской усадьбы; и ней сидѣлъ Александръ Васильевичъ.

XXV.

Неожиданное и черезчуръ короткое посѣщеніе Аркадія крайне удивило стариковъ Кузминыхъ. На разспросы и Оленька не знала что и отвѣтить: не хотѣлось ей и лгать не хотѣлось и сказать правду, чтобы не встревожить и огорчить ихъ, и потому она рѣшилась прибѣгнуть къ лжи. Она сказала что Аркадiй спѣшилъ къ Кудеярову обѣдать и, боясь опоздать, не могъ дожидаться возвращенія отца съ поля; мать же не хотѣла отрываться отъ хозяйственныхъ занятій.

На другой день Кузмины уже собирались сѣсть за столъ, какъ вдругъ совершенно неожиданно пріѣхалъ Бакаановъ. Старики всполошились, не зная чему приписать его пріѣздъ; Оленька даже испугалась его: ей что-то говорило что онъ былъ не даромъ и долженъ былъ имѣть связь съ посѣщеніемъ Аркадія.

— Вы къ намъ, Александръ Васильевичъ, какъ разъ къ хлѣбу-соли пожаловали, говорила, встрѣчая его, Глафира Андревна. — Ну ужъ не взыщите, чѣмъ Богъ послалъ.

— А насъ вчера удивилъ Аркадій Александровичъ, сказалъ Кузминъ; — пріѣхалъ на такое короткое время что намъ съ женою не удалось даже и взглянуть на него. Оленька говоритъ: слѣшилъ къ тетущкѣ Марьѣ Петровнѣ, боялся опоздать къ обѣду.

Бакаановъ взглянулъ на Оленьку; та видимо смутилась, но никто изъ нихъ не сказалъ ни слова.

За обѣдомъ говорили о хозяйствѣ, объ обязательныхъ работахъ крестьянъ, о трудностяхъ приложенія новаго положенія къ дѣлу. Бакаановъ, казалось, говорилъ и отвѣчалъ на дѣлаемые ему Кузминымъ вопросы охотно; но Оленька, успѣвшая хорошо изучить его, видѣла что мысли его сосредоточены были на чемъ-то другомъ и уже почти не сомнѣвалась что пріѣздъ его былъ не безъ дѣла.

Послѣ обѣда онъ предложилъ ей пройтись по саду. Когда она прошла большую аллею, Бакаановъ остановился у скамьи и пригласилъ Оленьку сѣсть.

— Мнѣ надо поговорить съ тобою объ очень серьезномъ дѣлѣ, сказалъ онъ. — Зачѣмъ пріѣхалъ къ тебѣ вчера Аркадій? спросилъ онъ ее, когда они сѣли.

Оленька молчала; лишь выстулившая на щекахъ краска говорила что происходило у нея на сердцѣ.

— Скажи мнѣ пожалуста всю правду, какъ говорила ее мнѣ въ бывае время, продолжалъ Бакаановъ. — Я спрашиваю это у тебя не изъ лустаго любопытства, и ты знаешь что я не употреблю во зло твоего довѣрія.

Оленька сидѣла, потупивъ глаза. Она была до того смущена что не могла выговорить ни слова.

— Я ловимаю какъ тебѣ тяжело отвѣчать на вопросъ мой, сказалъ старикъ послѣ небольшой паузы, — и потому не заставляю тебя ни скрывать отъ меня истину, ни краснѣть, вызывая ее. Я все знаю: и причину выѣзда твоего изъ

Баклановъ и о такъ оскорбившемъ тебя поступкѣ Аркадія, читалъ и оставленное тобою ему письмо. Я всегда зналъ тебя за дѣвушку съ возвышенною душою и благороднымъ сердцемъ, образъ же дѣйствій твоихъ въ этомъ случаѣ еще болѣе утвердилъ меня во мнѣніи которое я имѣлъ о тебѣ. О поступкѣ Аркадія и о письмѣ твоемъ къ нему я узналъ лишь вчера вечеромъ, по возвращеніи его домой, и у меня тотчасъ же естественно родилась мысль что если онъ послѣ всего этого рѣшился ѣхать къ тебѣ, то конечно не безцѣли и объ этой-то цѣли я и хотѣлъ поговорить съ тобою.

Оленька заплакала.

— Наконецъ, я и объ этой цѣли тебя не спрашиваю, продолжалъ Баклановъ послѣ минутнаго молчанія. — Аркадій мнѣ признался въ ней: онъ хотѣлъ загладить вину свою предъ тобой и прибѣгнулъ къ единственной мѣрѣ которая была у него въ рукахъ.

Оленька отняла платокъ отъ глазъ.

— Развѣ этой мѣрой можно загладить вину? спросила она, взглянувъ ему прямо въ глаза.

Во взглядѣ этомъ было удивленіе и какъ бы недоумѣніе къ самой себѣ, точно она спрашивала его такъ ли разслыхала она и такъ ли поняла слова его.

— На этотъ разъ будь и ты справедлива, сказалъ ласково Баклановъ. — Молодой человѣкъ можетъ увлечься и въ минуту увлеченія сдѣлать недостойный себя поступокъ. Какое же въ рукахъ его остается средство загладить его какъ не сдѣлать оскорбленной имъ дѣвушкѣ предложеніе какое сдѣлалъ тебѣ Аркадій?

— Его предложеніе? спросила Оленька.

— Единственное предложеніе которое въ этомъ случаѣ можетъ сдѣлать честный человѣкъ: просить руки оскорбленной имъ дѣвушки.

Оленька еще болѣе раскрыла удивленные глаза: казалось она не могла сразу уяснить себѣ смысла слышанныхъ ею словъ и лишь вдругъ какъ бы понявъ ихъ значеніе, слова закрыла лицо платкомъ и горько, безутѣшно заплакала.

— Но какого же рода предложеніе могъ сдѣлать тебѣ Аркадій? спросилъ Баклановъ, въ свою очередь съ недоумѣніемъ взглянувъ на Оленьку. — Вѣдь онъ сдѣлалъ же тебѣ его, если ты отказала ему на томъ основаніи что дала уже слово Погорѣлову.

Но Оленька не могла отвѣтить: она рыдала навзрыдъ, слезы душили ее, казалось ей не доставало воздуха чтобы перевести дыханіе.

— Да, едва могла она наконецъ проговорить прерывавшимъ голосомъ, — я дѣйствительно отказала ему, я дала уже слово Павлу Яковлевичу.

Бакаановъ молча посмотрѣлъ на нее.

— Другъ мой, сказалъ онъ ей съ участіемъ, въ которомъ слышался легкій оттѣнокъ укоризны, — ты обманываешь меня: ты не могла дать слово Павлу Яковлевичу. Еслибъ это было такъ, старики твои давно бы уже меня о томъ увѣдомили, наконецъ, объяснили бы сегодня, да и сама ты, конечно, позволила бы извѣстить меня. Будь же со мною откровенна, скажется, ничѣмъ не заслужилъ такого съ твоей стороны вѣрья. Скажи мнѣ правду: вѣдь ты не давала слова Павлу Яковлевичу?

И онъ взялъ сухою, морщинистою рукою своей ея молодую, дрожавшую отъ волненія руку.

— Палата, ангель мой! Простите меня, сказала она, брошусь къ нему. — Я виновата предъ вами: я обманула васъ. Я приняла предложеніе Аркадія я все-таки не могу, еслибъ и сталъ просить руки моей: со вчерашняго дня между нами все кончилось и кончилось навсегда.

— Скажи же по крайней мѣрѣ какое предложеніе сдѣлалъ тебѣ вчера?

— Ахъ, не спрашивайте ради Бога! Пожалуйте меня, не ставьте меня краснѣть предъ самой собою! точно вышло у Оленьки противъ ея воли. Она тутъ же остановилась, какъ бы раскаиваясь въ произнесенныхъ ею словахъ, но бы желая вернуть ихъ назадъ, но уже было поздно.

— И не нужно, сказалъ угрюмо старикъ, вставая со скамьи — я все понялъ. Да благословить и утѣшить тебя Богъ, личное же вмѣшательство тутъ безсильно. Помни что ты есть другъ, связанный съ тобою общностью безутѣшной горя; а эти друзья вѣрныѣ другихъ и надежныѣ.

Онъ, наклонясь къ ней, тихо поцѣловалъ ее въ голову. Бакаановъ зашелъ на короткое время къ старикамъ и, прощаясь съ ними, уѣхалъ. Въ Бакааны пріѣхалъ онъ уже поздно. Хотя въ спальнѣ Софьи Львовны виденъ былъ еще огонь, онъ къ ней не зашелъ и, пройдя прямо въ кабинетъ, захватилъ за собою дверь.

Въ восемь часовъ утра онъ позвалъ Аркадія.

— Завтра въ этотъ часъ, сказалъ онъ ему твердо, сдержаннымъ голосомъ, показывая на часы,—чтобы тебя здѣ не было. Ты срамишь имя которое носишь, безчестишь кровь подъ которымъ живешь. Пока я живъ чтобы не твоей въ Бакланахъ не было. Забудь что у тебя есть отецъ точно также какъ я забылъ что у меня былъ сынъ. Если не лишаю тебя наследства, то лишь потому что не счит себя на то въ правѣ: имѣніе перешло ко мнѣ вмѣстѣ съ и немъ отъ предковъ, и какими получилъ я ихъ, такими д жень передать ихъ потомкамъ. Если ты когда-нибудь нишься, разумѣется, на достойной женщинѣ, можешь л савать ее сюда, я приму ее какъ родную дочь; если буд законныя дѣти, приму и ихъ, какъ родныхъ дѣтей свои если, наконецъ, и самъ ты сумѣешь какими-нибудь доблест ми дѣлами возстановить олозоренную и поправную че свою, приму, можетъ-быть, и тебя. До тѣхъ же поръ другъ для друга чужіе. Деньги на содержаніе свое ты буд получать прямо изъ Баклановской конторы; я самъ буду блюдать за аккуратностью ихъ высылки; всякія же лич отношенія между нами съ этого дня прекращаются. До я всѣ за тебя залатилъ, новыхъ же улачивать не б Затѣмъ прощай.

Аркадію хотѣлъ что-то сказать, но онъ остановилъ ея

— Ни слова больше, сказалъ онъ, показывая ему на д

Аркадію сдѣлалъ было движеніе, какъ бы желая с предъ нимъ на колѣни, но онъ не допустилъ его.

— Вспомни что я уже тебѣ не отецъ, сказалъ онъ сухо и, выведя его изъ кабинета, залерь за нимъ дверь замокъ.

Сцена эта произошла между отцомъ и сыномъ наел но мать, разумѣется, тотчасъ же узнала о ней отъ А дія и хотя очень хорошо знала что вмѣшательство е приведетъ ни къ какому результату, материнское чу взяло верхъ и она рѣшилась попытать счастья. Долго ляла она мужа простить провинившагося сына, не ста даже его оправдывать, чтобы тѣмъ болѣе не раздражит и моля лишь о помилованіи; но тотъ остался непреклон

На другой день утромъ Бакаановъ всталъ рано и, ривъ сигару, понуро ходилъ взадъ и впередъ по ком отъ времени до времени лосматривая на часы. Проба

Юнецъ восемь, прошло еще съ полчаса и послышался стукъ въѣзжавшаго отъ крыльца экипажа. Онъ подошелъ къ окну, въ котораго была видна лежавшая по другую сторону пруду большая дорога. Вскорѣ показалась въѣзжавшая на нее коляска и замедкала между танувшимися по обѣ стороны ветлами. Долго стоялъ онъ, не трогаясь съ мѣста, съ зажатными за спину руками, молча слѣдя за удалявшимся экипажемъ. Онъ весь погруженъ былъ въ самого себя: то лилою вереницей проносился предъ нимъ цѣлый рядъ близкихъ сердцу воспоминаній, то осаждали его грустныя, тяжелыя думы. Припомнилось ему дѣтство Аркадія: и его первый обаяческій лепетъ, и первыя дѣтскія игры; казалось ему, видитъ онъ еще какъ онъ десятилѣтнимъ мальчикомъ въ сѣткою въ рукѣ гоняется предъ этимъ самымъ окномъ въ бабочкой или, возвратясь съ прогулки съ Тиссомъ, показываетъ ему собранные имъ камни и растенія; вспомнилъ онъ какъ позже отвезъ онъ его въ Петербургъ и, помѣстивъ въ учебное заведеніе, возвращался домой полный свѣтлыхъ надеждъ на такъ заманчиво и привѣтливо улыбавшееся будущее. Невольно вспомнилась ему и его собственная давно миновавшая молодость: и пылкія, юношескія мечты и пережитыя разочарованія, и составленные имъ въ болѣе зрѣлую пору жизни планы. Нѣкоторые изъ нихъ удалось ему уже осуществить, другіе только-что приводились въ исполненіе; онъ чувствовалъ что для послѣднихъ нужно было время, что по всей вероятности ему и не удастся дожить до ихъ полнаго осуществления; но онъ возлагалъ надежды на сына, который долженъ былъ продолжить начатое и завершить его благія начинанія. И вотъ этотъ сынъ-надѣжа, вотъ эти свѣтлыя, блестящія мечты!... Угрюмо смотрѣли изъ-подъ нависшихъ темныхъ бровей его свѣтившіеся умомъ глаза; отъ времени отъ времени надвигались на высокому лбу морщины, какъ бы облако глубоко затаенной грусти пробѣгало по нему, сурово подергивалась губа и слеза готова была повиснуть на ресницѣ....

Бакамовъ отошелъ отъ окна, тихими шагами направился къ двери, отперъ ее и пошелъ въ комнату жены.

— Тебѣ уже извѣстно рѣшеніе принятое мною относительно Аркадія, сказалъ онъ сухо и отрывисто, — оно безповоротное. Прошу тебя никогда не произносить при мнѣ имени его, какъ онъ не соотреть съ него поворотаго пятна которымъ

заклеймилъ его. Но ты мать и можешь свободно слѣдовать тому что укажетъ тебѣ твое материнское сердце. Можешь видѣться съ нимъ, конечно, только не въ Бакланахъ, можешь съ Лизой ѣхать въ Петербургъ; кстати, пора ее и вывезти въ свѣтъ. Сестра Вѣра Васильевна будетъ вамъ очень рада. Можешь, наконецъ, ѣхать съ нею за границу; я же изъ Баклановъ не тронусь ни на шагъ. Не хочу бросить начинанія. Здѣсь мой постъ, и если будетъ нужно, я умру на немъ.

Осенью Софья Львовна отправилась съ Лизой за границу. Она поѣхала было въ Петербургъ, чтобы провести тамъ съ сыномъ всю зиму, но въ продолженіе двухъ недѣль проведенныхъ ею въ Петербургѣ, едва видѣла его: онъ заѣхалъ къ ней какъ-то урывками на самое короткое время. Финансы его были въ самомъ незавидномъ положеніи: сорокъ тысячъ, выигранныхъ имъ въ Москвѣ, онъ уже давно успѣлъ слустить, снова надѣлалъ долговъ и Софья Львовна должна была удѣлить ему часть изъ взятыхъ ею на прожитокъ въ Петербургѣ денегъ. Все это, разумѣется, очень огорчило ее и она по совѣту Вѣры Васильевны рѣшилась отправиться съ дочерью за границу, тѣмъ болѣе что возвращаться въ Бакланы, гдѣ все вызывало бы въ ней грустные воспоминанія, ей и самой не хотѣлось.

Въ ту же зиму, въ приходской церкви села Ильинскаго, совершилось бракосочетаніе Оленьки съ Павломъ Яковлевичемъ Погорѣловымъ. Приглашенныхъ было мало: былъ стрикъ Баклановъ, въ качествѣ посаженнаго отца невесты, два, три сосѣда. Оленька въ послѣднее время много измѣнилась: она похудѣла и поблѣднѣла, что впрочемъ придавало въ подвѣнечномъ нарядѣ особую, какъ бы неземную прелесть.

По возвращеніи молодыхъ изъ церкви, ихъ встрѣтили крыльцѣ съ образомъ и хлѣбомъ-солью старики.

— Чего пожелать вамъ? сказалъ Александръ Семеновичъ обнимая ихъ и не удерживая катившихся по морщинистымъ щекамъ слезъ.—Любите другъ друга и свѣкуйте вѣкъ свой такъ же счастливо какъ мы свѣковали его съ Глафирой Андреевны.

Прошло еще три мѣсяца, и въ одинъ ясный весенній день изъ Баклановской усадьбы тянулась къ сельской церкви длинная погребальная процессія: то были похороны отставнаго гвардіи полковника Александра Васильевича Бакланова. За три дня предъ тѣмъ получилъ онъ изъ Петербурга

извѣстіе что сынъ его Аркадій замѣшанъ былъ въ какомъ-то сборищѣ неблагонамѣренныхъ людей, обвинялся въ соучастіи съ ними въ поддѣлкѣ государственныхъ бумагъ и оставленіи фальшивыхъ актовъ и едва отдѣлался по недослатку уликъ. Старикъ не могъ перенести этого новаго для него позора и въ ту же ночь умеръ скорлостажно отъ апоплексическаго удара.

На похоронахъ были представители всѣхъ сословіи: тутъ были и дворяне и крестьяне, были даже и городскіе обыватели. Всѣ любили и уважали старика за его прямоту, стойкость характера и справедливость и, узнавъ о кончинѣ его, собрались со всѣхъ сторонъ отдать ему послѣдній долгъ. Было лишь никого изъ близкихъ родныхъ покойнаго. За робомъ шли Оленька съ Павломъ Яковлевичемъ, который рыдалъ на себя и хлопоты по погребальной церемоніи.

На другой день смерти Бакаланова, согласно желанію его, открытъ былъ врученный имъ Оленькѣ при отъѣздѣ ея изъ Бакалановъ конвертъ. Въ немъ было письмо слѣдующаго содержанія:

„Любезный другъ Оленька!

Принявъ тебя въ свой домъ вмѣсто дочери, я кромѣ многого тебѣ воспитанія естественно долженъ былъ озабочиться какъ объ обезпеченіи положенія твоего въ будущемъ, такъ и о доставленіи тебѣ нужныхъ средствъ для удовлетворенія тѣхъ потребностей которыя должны были въ тебѣ возникнуть привычкою къ довольству и о которыхъ ты, оставшись у себя дома, можетъ-быть не имѣла бы и понятія. Въ виду этого я положилъ на имя твое тогда же въ Олекунскій сберѣчь небольшой капиталъ, который со временемъ дастъ тебѣ возможность жить безбѣдно въ своемъ собственномъ домѣ и, если Богъ благословитъ тебя выйти замужъ, имѣть свои независимыя средства, что въ семейной жизни дѣло не легкое. Капиталъ этотъ составляетъ едва половину моихъ годовыхъ доходовъ; а потому не думай чтобъ удѣляя его тебѣ, я сколько-нибудь стѣснялъ себя. Прими его какъ извѣщаніе и заgrabной заботливости отца о вѣжно любимой имъ дочери. Если я не вручалъ его тебѣ прямо при отъѣздѣ твоёмъ изъ Бакалановъ, то потому что зная тебя, боялся смутить твое щекотливое и вполне похвальное самолюбіе, и пока я живъ, я буду и издали слѣдить за тобою и до смерти твоей не долущу. Ты дала мнѣ клятву исполнить эту

последнюю волю мою, исполни же ее также свято, какъ исполняла до сихъ поръ и всѣ лежавшія на тебѣ обязанности.“

При письмѣ приложенъ былъ билетъ Московскаго Опекунскаго Совѣта въ тридцать тысячъ рублей.

Софья Львовна въ Россію уже не возвращалась, а съ нею разумѣется, и Лиза. Старикъ Баклановъ оставилъ имъ и завѣщанію зачателъный капиталъ, и онѣ не только могли жить на въ чемъ себѣ не отказывая, но и купили на берегахъ Комскаго озера живописную виллу, гдѣ и проводили замъ Аркадія по смерти отца только одинъ разъ пріѣзжалъ въ Бакланы и то лишь болѣе для того чтобы заложить ихъ Нерѣдко доходили о немъ до Софьи Львовны самыя неутѣшительныя слухи; но это не мѣшало ей любить его попрежнему, и она, живя и за границей, не переставала хлопотать пріискаиію для него невѣсты, даже какъ-то выписывала и этотъ предметъ Марью Петровну, но та, къ немалому удивленію ея, отъ содѣйствія ей въ этомъ дѣлѣ положительна отказалась. Пріѣзжала провѣдать Софью Львовну съ Лизой Оленька съ сыномъ, котораго привозила по совѣту докторовъ въ Крейцнахъ. Софья Львовна встрѣтила ее съ разпростертыми объятіями; о Лизѣ и говорить нечего: онѣ встрѣтились какъ родныя сестры. Оленька много разказывала имъ о своемъ житьѣ-бытьѣ: говорила что на часъ оставленныхъ ей Александромъ Васильевичемъ денегъ успѣла она въ память его сельскую школу и больницу, и лично наблюдала за ними; Павелъ Яковлевичъ выбранъ былъ въ равныя судьи и весь предался своей новой обязанности, не бывая впрочемъ и собственныхъ дѣлъ своихъ, и хозяйство шло великолѣпно. „Ждемъ не дождемся, заключила она, ко Саша съ Лизой подростутъ настолько чтобы можно было серьезно заняться ихъ воспитаніемъ.“ По словамъ ея, она была вполнѣ счастлива, хотя и не питала къ мужу никакихъ другихъ чувствъ, кромѣ того которое имѣла къ нему замужества, то-есть искренней дружбы, основанной на взаимномъ уваженіи и довѣріи, и утверждала что чувства эти совершенно достаточно для полноты семейнаго счастья.

Н. ЧАПЫГИН

МОЕ ДѢТСТВО И НАША СЕМЬЯ*

ВСПОМИНАНІЯ ОДИССЕЯ ПОЛИХРОНИАДЕСА, ЗАГОРСКАГО ГРЕКА).

Х.

Брикъ и шумъ которые разбудили меня, не имѣли ничего страшнаго: это докторъ Коввино разказывалъ отцу моему о своихъ дѣлахъ и чувствахъ. Онъ пришелъ въ то время когда я спалъ, и обрадовавшись искренно пріѣзду моего отца, то гнѣвса, то объяснялъ ему какъ ему иногда горько и тяжело. Грозный голосъ и умоляющій, оба принадлежали доктору. Я присѣлъ на диванъ поближе къ дверямъ и слушалъ.

— О! другъ мой, другъ мой! говорилъ Коввино грустнымъ голосомъ (и мнѣ казалось даже что онъ можетъ-быть и плакать). — Другъ мой! Во имя Божіе прошу тебя посаужай меня!

— Я слушаю тебя, Коввино, услокойся... отвѣчалъ ему отецъ...

— Слушай, другъ мой! Я тебя прошу во имя Божіе, слушай меня внимательно и разсуди потомъ. Мы сидѣли всѣ на диванѣ вокругъ. Онъ, этотъ гаулець, этотъ архонтъ, этотъ богачъ... сидѣлъ противъ меня. Разговоръ продолжался.

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 64.

Онъ говоритъ: „Всякій патриотъ долженъ согласиться чѣмъ Эпироты сдѣлали много для эллинской цивилизаціи...“ возразилъ на это, съ гордостью, могу сказать, что я патриотъ!... „Да, я не патриотъ.. Клянусь честью моею, я признаю эллинскій патриотизмъ... Онъ для моего ума неловителен“, сказалъ я. А Куско-бей, вообрази себѣ, другъ мой, садонически усмѣхнулся и говоритъ: „Для вашего ума, докторъ?... быть-можетъ!“

Я заинтересовался разсказомъ, я зналъ имя Куско-бей. Изъ христіанъ, онъ былъ первый богачъ въ Янинѣ и умѣло было въ горахъ и по долинѣ Янинской до пяти имѣній и обязанными крестьянами.

Но передавши отцу колкій отвѣтъ Куско-бей, Козвину надолго замолчалъ. Потомъ вдругъ какъ вскрикнетъ, какъ застучитъ ногами...

— Мнѣ! Мнѣ это сказать? и кто же?... Янинскій архонтъ. Который торговлей и мошенничествомъ составилъ себѣ огромное состояніе... Развратный человѣкъ... Развратъ и полнанный, могу сказать, ума, граціи, изящества. „Мой умъ, мой умъ, животное? сказалъ я ему. Ты дуракъ и неумѣешь развѣ въ силахъ судить о малѣйшей изъ идей моихъ. Ты подлецъ и *хамалъ**, знаетъ ли твой янинскій мозгъ, наконецъ что такое идея? Я былъ въ Европѣ, осель! мнѣ во Флоренціи рукоплескали профессора, когда я выдержалъ экзаменъ. Я ежедневнымъ трудомъ, познаніями, хотѣлъ приобрести средства къ жизни... Выйдемъ вмѣстѣ отсюда сейчасъ, чѣмъ бы не оскорблять хозяина дома, и я, сойдя съ лѣстницы, размозжу тебѣ голову этою тростью! Ха, ха, ха! есть ли у тебя человѣческій мозгъ или свиной, или лошадиннй, могу сказать!“ Да! или лошадиннй, могу сказать! Да!... А? Полюбилъ ли тебѣ; а? другъ мой, хорошо я его отдѣлалъ?... Скажи, улюблю ли тебѣ, будь ты живъ и здоровъ всегда, скажи что хорошо.

— Что жъ хорошаго, отвѣчалъ ему отецъ,—столькожъ въ тебѣ говѣ себѣ создавать. Куско-бей человѣкъ сильный, богатый.

Я слышалъ что Козвину передразнилъ отца голосомъ: — Сильный, богатый... архонтъ янинскій, подлецъ! Архонтъ аристократія... Нѣтъ, я понимаю аристократію, я люблю аристократію, я самъ, могу сказать, аристократъ... Да! аристократія имѣетъ мечъ, мечъ! Рыцарство. Заслуги государству, великія отъ

* *Хамалъ* — мосальщикъ.

тѣ науки и ума, наконецъ... такъ какъ въ Европѣ. Но здѣсь эта наша низкая плутократія, господство капитала, интересъ... А! насколько Турки благороднѣе, возвышеннѣе ихъ, чѣмъ этихъ разнощиковъ нашихъ. Согласенъ ты?

Отецъ ему на это сказалъ:

— Не согласенъ, другъ мой, не согласенъ, извини. Я и самъ разнощикъ, вдобавокъ, скажу тебѣ, и не богатый. Хорошо тебѣ Турокъ хвалить, когда ты докторъ и съ нихъ берешь деньги, а я изъ тѣхъ съ которыхъ они берутъ что хотѣть. Знаешь ты это? Да, я самъ былъ разнощикомъ и халломъ какъ есть. Мальчишкой я согнувшись ситцы и колескоръ разносилъ на этихъ плечахъ. Хозяинъ посылалъ меня и въ жаръ и въ дождь по архонтскимъ жилищамъ и я носилъ. Согласиться я съ тобой не могу!...

— О! прости маѣ, другъ мой, если я тебя оскорбилъ! воскликнулъ Козевино нѣжнымъ голосомъ.—Обними меня... и прости... Ты, я знаю, честный и благородной души человекъ... Нѣтъ, я честный трудъ люблю и уважаю. Я самъ трудомъ насущный хлѣбъ приобретаю. Но, видишь, я люблю сердце, священный огонь люблю въ человекѣ, умъ, могу сказать, чувства возвышенные...

И помолчавъ немного докторъ продолжалъ такъ тихо, что я принужденъ былъ напяркъ все мое вниманіе.

— Вотъ тебѣ примѣръ возвышенныхъ чувствъ въ бѣдности. Эта несчастная женщина Гайдуша. Она вспыльчива какъ демонъ, но предана маѣ по-рабски. Вчера вечеромъ она разсердилась и убѣжала изъ дома. Я былъ этимъ крайне разстроенъ. Но, замѣть какая любовь, какая преданность... Какая глубина и тонкость чувствъ... Она ушла къ одной знакомой ей монахинѣ въ „Архимандрію“ и увидѣла оттуда вашъ прїѣздъ... „Гости! у доктора!“ Въ одинъ мигъ забыты гнѣвъ, месть и злоба... Она бѣжитъ, летитъ на крыльяхъ. Она елужитъ вамъ. И все это для чего? чтобъ я не осрамился предъ гостями... А? Это не умъ? Скажи. А? Это не чувство?

— Дѣвка умная, сказалъ отецъ.

А докторъ опять къ нему:

— А? скажи? умная? А? скажи, развѣ не возвышенно это. А? скажи...

— Возвышенно, но зачѣмъ же она тарелки у тебя вчера къ перебила. Она, проклятая, должна бы помнить что ты ежедневнымъ трудомъ приобретаешь деньги.

Коевино въ отвѣтъ на это отцовское замѣчаніе захохоталъ изо всѣхъ силъ и должно-быть запрыгалъ даже, потому что полъ затрясся во всемъ домѣ. А потомъ закричалъ:

— А! Тарелки! браво! Мнѣ это нравится. Я люблю этотъ грозный гнѣвъ! Этотъ пламень чувствъ... Тарелки бьеть! Браво! Паликаръ женщина! Я люблю эту фуріозность, фурію, гнѣвъ, эту страсть! И потомъ замѣть что она разбила двѣнадцать дешевыхъ тарелокъ, а фарфоровыя не тронула... О! нѣтъ... Я тебѣ сейчасъ покажу ихъ... Одинъ сервизъ мнѣ подарилъ Абдурраимъ-эффенди, благородный Турокъ!

Докторъ кликнулъ Гайдушѣ, сказалъ ей повелительно и грознымъ голосомъ:

— Бѣги скорѣй и принеси оба сервиза фарфоровыхъ сюда, показать господину Полихроміадесу. И голубой и тотъ который съ разноцвѣтными узорами. Оба! живо! О! голубой. Это прелесть! Его мнѣ подарилъ Абдурраимъ-эффенди, благородный Турокъ.

Гайдуша отвѣчала:

— Хорошо, но дитя тамъ спитъ гдѣ спрятанъ фарфоръ.

Тутъ Коевино закричалъ:

— А! да, дитя. Сынъ! Это правда. Я его забылъ. Тѣмъ лучше, пусть онъ встанетъ, мы и его посмотримъ... Сынъ... Онъ вѣроятно телеръ большой... Одиссей, вставай!

Я послѣшью поправился предъ зеркаломъ и пошелъ въ гостиную съ нѣкоторымъ страхомъ и смущеніемъ.

Увидавъ меня докторъ отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ и улыбаясь, разсматривалъ меня долго въ лорнетъ.

— А! сынъ... Дитя! Одиссей! А! Въ халатикѣ, по-древнему! браво! обернись слиной... Въ саванѣ турецкомъ. Живи и будь здоровъ!

Меня ужасно оскорбило замѣчаніе доктора насчетъ моего халатика или „турецкаго савана“ и я послѣ этого цѣлый вечеръ былъ разстроенъ и печаленъ. „Лучше провалиться подъ землю, думалъ я, чѣмъ жить такъ какъ я живу! Чтò за несчастіе! Лучше бы меня уже въ цвѣтъ юности моей Харонъ взялъ. Это мученье! Консулъ смѣется надо мной что я не такъ говорю; этотъ сумашедшій говоритъ что на мнѣ саванъ турецкій! И правда! я уже давно думалъ что надо бы мнѣ франкское платье сшить, какъ всѣ благородные люди нынче носятъ. Увы! Все горе намъ бѣднымъ! На чужбину телеръ меня увезли изъ роднаго гнѣздышка, бѣднаго меня и

всчастливаго! А пристанища нѣтъ, нѣтъ убѣжища! Консульство безъ консула стоитъ, а здѣсь оставаться я не могу. Голубушка мать моя, канарейка моя золотая, хорошо сказала что въ этомъ домѣ мнѣ жить нельзя... Женщина эта дьяволъ самъ во образѣ женщины. Шутка это, вчера на жандарма на турецкаго закричала! Что же я такое для нея послѣ этого? Червь, котораго она растолтать можетъ. А самъ докторъ? И онъ тоже не заслуживаетъ никакой похвалы; ибо неприлично образованному и благородному человѣку оскорбить и срамить такъ своихъ гостей. Саванъ турецкій! увы! это не жизнь, а мученье, это чужбина. Въ Франгадесѣ, въ отчизнѣ моей, никто меня такъ не оскорблялъ и никто надо мной не смѣялся!"

Хорошо дѣлаютъ люди что осуждаютъ этого Коввино. Пристойно ли человѣку въ лѣтахъ такъ кричать и прыгать? И выдумалъ еще что! Простую свою и безграмотную Гайдушю возвышаетъ надъ янинскими архонтами, надъ землемѣльцами и великими торговцами, которые въ училищахъ обучались. Нѣтъ, онъ гауль и дурной души человѣкъ и я скажу отцу что я въ домѣ этомъ жить боюсь и не буду!

Весь вечеръ послѣ этого я провелъ въ подобныхъ мысляхъ. Пойти мнѣ было некуда безъ отца, потому что я никого въ Янинѣ не зналъ. Итакъ я сидѣлъ въ углу и смотрѣлъ до полуночи почти съ отвращеніемъ какъ Коввино безъ умолку разказывалъ и представлялъ отцу разные вещи. И чего онъ ни разказывалъ, чего онъ ни представлялъ! И чего онъ только ни осуждалъ и кого ни бранилъ!

И на вѣру христіанскую нападалъ, и на духовенство наше греческое.

И про Италію очень долго разказывалъ, какія улицы и дворцы, и какіе графы и графини въ Италіи его уважали и какъ палу выставляютъ на площадь. И олять какъ ему рукошескали. Говорилъ и о консулахъ янинскихъ; разказывалъ какъ они всѣ его уважаютъ и какъ принимаютъ прекрасно. Хвалилъ г. Благова. „Милый, благородный, жить умѣть.“ Хвалилъ старика Англичанина: „Прекрасной фамиліи... Корбетъ де-Леси! Почтенный старецъ! Корбетъ де-Леси. Прекрасной фамиліи... Голубой крови человѣкъ... Почтенный старецъ Корбетъ де-Леси!..“ Француза Monsieur Бреше хвалилъ меньше; „не воспитанъ, сказалъ онъ, и довольно грубъ.“ Про австрійскаго консула отозвался что онъ толстый, добрый поваръ,

изъ пароходной компаніи „Лойда“. А про эллинскаго закричалъ три раза: „дуракъ, дуракъ, дуракъ! Кукла, кукла въ мундирѣ, кукла!“

И патриотизмъ опять порицалъ.

— Я патриотъ? Я? О, это оскорбленіе для меня. Это обида! Эллада! Какіе-то босые крикуны... Ха-ха-ха! Великая держава въ одинъ миллионъ! Ни ума, ни остроумія, ни аристократіи, ни пріятнаго калриза и фантазіи! Мой патриотизмъ для всего міра; патриотизмъ вселенскій. Англичанинъ-лордъ, джентльменъ, который при женѣ безъ фрака за столъ не сядетъ. Французъ любезный. Русскій бояринъ. О! Русскіе, это прелесть. Дѣльяѣе Французовъ и любезнѣе Англичанъ. Вселенная, вселенная! Я ее обнимаю въ душѣ моей. Турокъ, наконецъ, Турокъ! Абдурраимъ-эффенди, тотъ самый который мнѣ голубой сервизъ подарилъ.

И потомъ начиналъ приставать къ отцу:

— А? скажи? цвѣтъ небесный съ золотомъ. Это хорошо? Скажи, благородный вкусъ? благородный? Абдурраимъ - эффенди! Вкусъ. Абдурраимъ-эффенди! Вкусъ!

Бѣдный отецъ чуть живъ отъ усталости и сна сидѣлъ. Я отдохнуть успѣлъ послѣ завтрака, а несчастный отецъ сидѣлъ на диванѣ чуть живой отъ утомленія и сна. Иногда онъ и пытался возражать что-нибудь безумному доктору, вѣроятно для того лишь чтобы рѣчью самого себя немного развлечь и разбудить, но Коввино не давалъ ему слова сказать. Отецъ ему: „А я тебѣ скажу...“ А Коввино громче: „Абдурраимъ-эффенди! Аристократія! графъ... Гайдуша... архонты всѣ подлецы!“

Отецъ еще: „Э! лстой же, я тебѣ говорю...“ А Коввино еще погромче: „Разнощики всѣ... А? скажи мнѣ? А, скажи? Благовъ, Корбетъ де-Леси, Абдурраимъ, Корбетъ де-Леси, Благовъ, Италія, лала, фарфоръ, голубой: у меня три жакетки изъ Вѣны послѣдней моды... Фарфоръ... Благовъ, Корбетъ де-Леси!..“

Самъ смуглый, глаза большіе, черные, [выразительные, волосы и борода густые, и черные и сѣдые. Въ одинъ мигъ онъ мѣнялся весь; взглядъ то ужасный, грозный, дикій, то сладкій, любовный; то выражалъ онъ всѣми движеніями и голосомъ и глазами страшный гнѣвъ; то нѣжность самую трогательную; то удивленіе, то восторгъ; то ходилъ тихо и величаво какъ царь всемогущій по комнатамъ, только бровями

сверкая слегка, а то вдругъ начиналъ хохотать, и кричать, и прыгать.

Господи, помилуй насъ! Силъ никакихъ не было терпѣть, наконецъ! У отца голова на грудь падала, но докторъ все говорилъ ему: „А, скажи? А, скажи?..“ А сказать не давалъ.

Било десять на большихъ часахъ; отецъ всталъ съ дивана и сказалъ:

— Время позднее, докторъ, не свята ли уже намъ съ тебя бремя бесѣды нашей?

— Нѣтъ, говорить,—я не усталъ и радъ тебя видѣть.

Било одиннадцать. То же. Било двѣнадцать, полночь...

— Ты уже слышь, я вижу, сказалъ наконецъ Коввино отцу.

— Слаю, другъ мой, прости мнѣ, сплю, отвѣчалъ отецъ не поднимая уже и головы, бѣдный!

Коввино огорчился и я съ досадою замѣтилъ что у него какъ бы презрѣніе выразилось на лицѣ: посмотрѣлъ на отца съ пренебреженіемъ въ дорнетъ, замолчалъ и позвалъ Гайдусу чтобъ она намъ стелила.

— Я давно постелила, отвѣчала Гайдуса. — Я сама деревенская и знаю что деревенскіе люди привыкли рано спать. Это мы только съ вами, господинъ докторъ, привыкли такъ поздно бесѣдовать.

И усмѣхнулась хромушка и прыгнула какъ заяцъ въ сторону.

Опять оскорбленіе! Этотъ изступленный и на отца, котораго самъ же до полусмерти измучалъ, смотреть съ презрѣніемъ въ стекло свое франкское, лалистанъ такой, еретикъ ничтожный! И на меня стекло это оскорбительно наводитъ. И, наконецъ, эта хромая мамія, эта колдунья, смѣетъ про насъ Загорцевъ говорить что мы деревенскіе люди.

Нѣтъ, я скажу отцу: „Отецъ! ты меня родилъ, ты и похорони меня, отецъ, золотой ты мой, а я жить здѣсь не буду.“

Когда мы остались одни, я снялъ съ отца сапоги и ложь ему раздѣться, и онъ все время принималъ услуги мои юнца и съ закрытыми глазами.

Раздѣся онъ и улалъ на постель не помолвившись даже по обычаю, а только успѣлъ сказать:

— Помилуй насъ Боже, помилуй насъ!

Я тоже легъ, помолчалъ и говорю:

— Отецъ!

А онъ спрашиваетъ:

— Что?

Я говорю:

— Отецъ, ты меня родишь, ты и похорони меня, а я здѣсь жить не могу.

Отецъ ни слова даже и не отвѣтилъ; онъ уже глубокимъ сномъ спалъ.

А я, какъ отдохнулъ послѣ завтрака, то не могъ такъ скоро заснуть и довольно долго тосковалъ и вздыхалъ на постелѣ, размышляя о томъ какъ тяжела въ самомъ дѣлѣ чужбина. Теперь еще и отецъ мой золотой со мною; есть кому защитить, и отъ турецкой власти, отъ паши, и отъ Коввино и отъ Гайдущи. А когда одинъ останусь... Бѣдная голубка мать моя что-то думаетъ теперь? И бабушка моя дорогая? И Константинъ? И Несториди? И служанка наша добрая?

И вся молитва моя была чтобы г. Благовъ, русскій консулъ, возвратился поскорѣе и чтобы мнѣ жить у него подъ свѣию двуглаваго орла Всероссійскаго. Онъ хотъ и пошутить надо мною, но совсѣмъ иначе. А этотъ во весь вечеръ даже и вниманія не обратилъ на меня.

Кромѣ комплимента о турецкомъ саванѣ ничего не напелъ сказать!

Нѣтъ, онъ даже очень гаулъ, послѣ этого, я вижу.

Съ этими мыслями я заснулъ наконецъ и на другое утро проснулся довольно поздно, олять отъ шума и хохота. Опять Коввино хохоталъ и кричалъ уже въ самой нашей комнатѣ.

Я открылъ глаза и съ изумленіемъ увидалъ что онъ самъ точно въ такомъ же турецкомъ саванѣ какъ и я, т.-е. въ ситцевомъ халатѣ, въ длинной шубѣ (джюбѣ) съ широкими рукавами, въ фескѣ, шалью подпоясанъ по нижнему халату курить чубукъ, отца кофеемъ угощаетъ, хохочетъ и говоритъ ему:

— Теперь къ тебѣ съ визитами многіе пріѣдутъ! Архонты Полю!.. Принимай ихъ пока у себя въ гостиной, а мнѣ для туалета моего нужно еще по крайней мѣрѣ два часа... Зараньше и къ больнымъ никогда не выхожу. Что я носилъ щикъ что ли? Архонтъ я явискій чтобы я сталъ равно въ ходить изъ дома! А? скажи мнѣ? А! Правъ я? А!

На меня онъ олять взглянулъ небрежно въ лорнетъ, даж и съ добрымъ утромъ не привѣтствовалъ меня и ушелъ и другую половину дома. А мы съ отцомъ остались, наконецъ одни. Дожидался я этой минуты!

— Что, Одиссей, спросилъ отецъ ласково:—здоровъ ли ты?

— Я сказалъ что здоровъ, но нарочно придалъ себѣ очень печальный видъ.

— Однако ты не веселъ, вижу? спросилъ опять отецъ:—мордочку свою внизъ повѣсилъ?.. Что такъ?

— Отецъ! сказалъ я тогда съ чувствомъ складывая предъ нимъ руки:—прошу тебя не оставляй меня въ этомъ домѣ!..

Отецъ молчалъ задумчиво.

А я воодушевился и передалъ ему что Гайдуша назвала насъ съ нимъ деревенскими людьми, на что онъ отъ усталости не обратилъ вѣроятно вниманія. Сказалъ и о саванѣ турецкомъ и о страхѣ который наводятъ на меня Коввино испльчивостью своей, а Гайдуша своей змѣиною злобой...

— Это вѣдьма хромая, вѣдьма, а не женщина! говорилъ я.—Отдай меня въ Русское консульство. Прошу я тебя и умоляю!

Отецъ долго молчалъ еще и слушалъ меня и, наконецъ, сказалъ:

— Оно и правда что мытарства наши еще не кончились, видно. Однако съ надеждой на Бога подождемъ еще немного. Гайдуша—вѣдьма; это ты хорошо сказалъ. Ей, я думаю, и убить въ гнѣвѣ человека не трудно. Ничего, однако, подождемъ еще.

Мнѣ этотъ отвѣтъ отца показался жестокимъ и я подумалъ про себѣ:

„Подождемъ! Подождемъ!.. Вотъ и отецъ иногда ко мнѣ не сострадательнъ. О саванѣ турецкомъ вотъ ни слова не упоминалъ. Отчего бы ему не сказать прежде всего:—Сынъ мой Одиссей! Я сошью тебѣ скоро, какъ можно скорѣе, модный сюртучокъ à la franca, чтобы не смѣялись люди надъ твоимъ турецкимъ халатикомъ. Подождемъ! Да, а каково жить такъ, объ этомъ отецъ не спросить? Каково жить мнѣ такъ. И въ турецкомъ платьѣ ходить и оскорбленія терпѣть отъ чужихъ людей ежечасно. Сельскіе люди:—слите рано! Говорить не умѣете! Ну, чужбина. Истину говорить пѣска наша народная про злую чужбину:

Ахъ! Не могу ходить я, бѣдный, не могу я..

Ахъ! ножки моютъ у меня, ахъ! и козѣла гнутса.

Нѣтъ матушки поплакать обо мнѣ и нѣтъ жены со мною.

И братецъ милыхъ нѣтъ чтобъ съ мими пошептаться.

Алагема тебѣ, чужбина, да! алагема, со всѣмъ твоимъ добромъ.

XI.

Мы прожили у доктора Коввино въ домѣ около трехъ келѣвъ. Я за это время думалъ иногда что умъ потеряю. У доктора всякій день что-нибудь новое: то ссоры опять съ Гайдушей, то миръ; то крикъ и разговоры за полночь. Мы ходили съ отцомъ по городу, смотрѣли, принимали визиты, отдавали ихъ. Сколько я новыхъ людей за это время увидалъ! Сколько памятниковъ старины! Сколько новыхъ рѣчей услышалъ! Какъ же на всѣхъ этихъ людей и на всѣ эти новые для меня предметы смотрѣлъ, открывъ широко глаза, и какъ я многому дивился! Всѣхъ чувствъ моихъ я и передать тебѣ не могу!

Мы ходили съ отцомъ въ старую крѣпость, которая такъ романтически высится на неприступныхъ скалахъ надъ озеромъ.

Мы видѣли высокую деревянную башню надъ крѣпостными воротами; съ нея въ послѣдній разъ съ горестью смотрѣлъ Али-паша элпирскій на поражение своихъ дружинъ султанскими войсками. Видѣли его гробницу, подобную бесѣдкѣ изъ узорнаго желѣза... Подъ этимъ узорнымъ, уже ржавымъ, навѣсомъ лежитъ его безгавое тѣло. Голова его, многодумная, голова рождающая, женская *, какъ у насъ говорятъ, была отправлена въ Стамбуль. Вездѣ и до сихъ поръ по всему Элиру видны слѣды его мысли и слышно его имя.

Здѣсь идетъ заброшенная мостовая по дикой горѣ. Кто вель дорогу эту, теперь забытую нерадѣниемъ? Али-паша элпирскій вель ее. Тамъ остатокъ канала, старый мостъ; тутъ мѣсто гдѣ у него содержались для забавы дикіе звѣри. Вотъ здѣсь жила несчастная Евфросинія, которую любилъ его сынъ Мухтаръ и которую старикъ Али утопилъ ночью въ Янинскомъ озерѣ изъ ревности, ибо и самъ влюбился въ нее страстно.

Здѣсь оль однажды въ гнѣвѣ повѣсилъ на окнѣ сына одной вдовы... Вотъ околы его, окружавшіе городъ. Вотъ старый

* Голова женская въ просторѣчїи у Грековъ, голова женскаго пола, не значить такая какъ у женщины, а рождающая, плодovitая голова.

и богатый бей турецкій который помнить страшнаго владыку. Онъ здоровъ, но ходитъ согбенный. Еще онъ былъ отрокъ невзвѣный, когда Али-паша приковалъ его, по злобѣ на отца его, въ тѣсномъ углубленіи стѣны въ темницѣ, и такъ держалъ его долгіе годы.

Вотъ другой старикъ, христіанинъ, дряхлый и молчаливый капитанъ. Молодымъ паликаромъ онъ служилъ сыновьямъ пашы, сражался въ рядахъ его стражи, былъ имъ любимъ и она не погибъ вмѣстѣ со всею семьей его отъ султанскаго гнѣва.

Тамъ, за горами, христіанскій древній скитъ, котораго съдой игумень такъ помнить его. Онъ посѣщалъ этотъ бѣдный скитъ, заѣзжая отдыхать въ него съ охоты, читалъ, любилъ его, иногда одарялъ.

Вотъ зеленѣетъ издали на озерѣ небольшой островокъ; среди деревьевъ видны зданія. Это тоже скитъ. Туда скрылся побѣжденный Али съ любимой женой своей и лишь однимъ вѣрнымъ слугою; тамъ умертвили его люди султана. Старый покъ смиренной обители хранить еще тѣ отверстія которыя пробили въ немъ пуды и подъ навѣсомъ простаго досчатаго крыльца еще цѣлъ деревянный столбъ разсѣченный глубоко атаганомъ столь долго нелокорнаго сатрапа.

Мы входили съ отцомъ и въ деревянный желтый колакъ городской, который онъ построилъ и въ которомъ жилъ. Теперь въ немъ засѣдаетъ правитель края и производитъ судъ и расправу. Мы посѣтили по дѣламъ отцовскимъ нѣсколькихъ турецкихъ чиновниковъ и одинъ изъ нихъ, молодой Сабри-бей, очень образованный и вѣжливый, водилъ насъ даже въ большую залу съ колоннами и расписнымъ золоченымъ потолкомъ, въ которой Али-паша принималъ иногда важные посѣщенія. „Здѣсь онъ сидѣлъ вооруженный,“ разсказываютъ люди, „и посѣтителю слѣзили проходить, низко кланяясь, мимо его въ противоположную дверь. Онъ внимательно присматривался къ ихъ движеніямъ, ибо остерегался враговъ и въ толпѣ гостей столь почтительныхъ и преданныхъ съ виду“....

Мнѣ показалъ отецъ издали и ту часть зданія гдѣ у Али былъ гаремъ. До сихъ поръ на наружной стѣнѣ видны какія-то грубыя, неясныя изображенія оружія, знаменъ и какъ будто огонь пылающій и дымъ.

Въ просторномъ жилищѣ старикъ былъ окруженъ свирѣ-

люю и отважною дружиной, которая вѣрно охраняла его Суліотъ православный, явнскій Турокъ, приверженный исламу, и Арнаутъ, равнодушный ко всякой вѣрѣ, ему были одинаково дороги, лишь бы всѣ они молодецки творили грозную волю его.

Пятьсотъ дѣвиць, одна моложе и красивѣе другой, и пятьсотъ отроковъ и юношей прекрасныхъ служили ему, веселили и развлекали его.

И дѣвушки эти, и юноши были нарядны, разукрашены у него, въ шелку, въ червонцахъ, въ фуставеллахъ бѣлыхъ зимой въ шубкахъ, богато расшитыхъ золотыми узорами. Когда ему, подъ старость его, становилось иногда скучно онъ выбиралъ самыхъ красивыхъ изъ юношей этихъ, заставлялъ ихъ веселиться и обниматься при себѣ съ дѣвицами, а самъ сидѣлъ на софѣ, курилъ и любовался на нихъ.

Когда онъ вѣхалъ въ дорогу верхомъ, лѣшіе паликары бѣжали вокругъ него и музыка играла, когда онъ приказывалъ.

Мнѣ показалъ отецъ еще на башнѣ у входа въ крѣпость изваянное изъ темнаго камня лицо человѣка съ усами.

Я спросилъ, чтѣ это значитъ? И отецъ сказалъ мнѣ такъ: „Говорятъ что внутри хранится голова одного смѣлаго разбойника, который опустошалъ страну; Али-паша изволилъ его, снялъ ему съ лица еще живому кожу, вставилъ отрубленную голову его въ стѣну и велѣлъ въ этомъ мѣстѣ имбразить изъ камня его лицо, на вѣчный страхъ другимъ.“

Грозное было то время. Не всякому такое время было подъ силу.

Мы ходили также на поклоненіе мощамъ мученика нынѣшняго вѣка, чтимаго святымъ, Георгія Новаго, Явнскаго, въ домъ его сына, который только-что женился на молодой дѣвушкѣ, одной изъ первыхъ красавиць въ городѣ. Тихая кроткая и прелестная дѣвушка.

Но еще ты знаешь ли когда и какъ пріялъ свой вѣдній и свѣжій мученическій вѣнецъ нашъ Георгій Явнскій? Боюсь что ты забылъ о немъ, или даже вовсе и не знаешь этой новой славы твоего племени, славы смиренно погребенной въ тихихъ долинахъ нашего полуострова Элира... Боюсь что классическіе мраморы древнихъ эллинскихъ Пропилеи отъ соседства которыхъ ваша современная аѳинская жемчужина все-таки не становится ни лышнѣе, ни изящнѣе, боюсь что эти вѣчные мраморы угасили въ тебѣ всякую искру и

къ инымъ проявленіямъ греческаго духа, къ тѣмъ суровымъ и живѣе восторженнымъ примѣрамъ, которыхъ сіяло столько и въ циркахъ языческихъ царей, и въ тюрьмахъ Византійскихъ еретиковъ-гонителей, и подъ грозою сарацанской, и подъ страхомъ еще недавней турецкой кровожадности, подъ страхомъ необузданнаго своеволія надмѣнныхъ намѣстниковъ султана!..

Икона нашего эпирскаго святаго ходатая за насъ бѣдныхъ и грѣшныхъ у престола Господня лишется по обычаю такъ: молодой паликаръ, въ обыкновенной арнаутской одеждѣ, въ бѣлой фустанелѣ и фескѣ, покрытый багрянымъ плащомъ, означающимъ его мученичество, его царственную заслугу предъ церковью христіанской, стоитъ держа въ правой рукѣ крестъ, а въ лѣвой *пальму* страданія. Рядомъ съ нимъ, на каменной стѣнѣ повѣшена полуобнаженный его же трупъ съ глубокою раной въ груди источающей кровь. На небѣ дальнее сіяніе...

Я бы желалъ чтобы когда-нибудь мою загорскую родную комнату украсила бы подобная икона того изящнаго русскаго искусства которое намъ, Грекамъ, такъ нравится и которое умѣетъ сочетать такъ трогательно для вѣрующаго прелестную идеальность византійскихъ орнаментовъ, золотое поле усѣянное матовыми цвѣтами и узорами, съ естественностью лика; сочетать выраженіе живое, теплое, близкое намъ, одежду и складки полныя правды, съ вѣковой неподвижностью позы, съ нерушимыми правилами преданія и церковнаго нашего вкуса, которому такъ чуждъ чужденъ кажется разнузданный идеалъ италіянскихъ церковныхъ картинъ... Я первый.. не скажу, сознаюсь, о, нѣтъ, съ радостью и гордостью скажу тебѣ что я могу любоваться на картину Делароша или Рафаэля, я могу восхищаться ими. Но молиться я могу лишь на *икону*, какова бы она ни была; бѣдной ли и мрачной нашей греческой работы, или русской кисти, въ одно время и щегольской, и благочестивой, и веселой, и строгой.

Такой бы кисти дорогую икону нашего святаго Элпирота я желалъ бы повѣсить въ моемъ загорскомъ жилищѣ, чтобы молиться предъ нею по вечерамъ, когда старикомъ сподобитъ меня Господь Богъ провести на родинѣ хоть десять или двадцать послѣднихъ лѣтъ предъ страшнымъ и неизбѣжнымъ концомъ...

Св. Георгій жилъ въ тридцатыхъ годахъ нашего вѣка и былъ еще молодъ когда смерть постигла его неожиданно. Онъ долго саужилъ *сеисомъ* * у богатыхъ Турокъ. Турки его любили за его тихій и серьезный нравъ.

Въ Янииъ одинъ ходжа, увидавъ разъ что онъ исполняетъ христіанскіе обряды, по злобѣ (а можетъ-быть и по ошибкѣ) обвинилъ его въ томъ что онъ не христіанинъ отъ рожденія, но мусульманинъ измѣнившій исламу. Георгій еще наканунѣ былъ смущенъ предчувствіемъ, и ужиная вечеромъ съ семьей, всталъ вдругъ изъ-за стола и воскликнувъ печально что судьба его скоро свершится, вышелъ вонъ.

Въ странѣ тогда царствовалъ ужасный безпорядокъ. Паша былъ бессмысленъ и жестокъ. Георгія судили; убѣждали и лаской, и угрозами отречься отъ Христа, заключали въ тюрьму, били, давили ему грудь большимъ камнемъ, наковнецъ повѣсили и приставили къ тѣлу стражу. Одинъ изъ низамовъ осмѣлился изъ кощунства выстрѣлить въ висащій трулъ мученика; но внезапный свѣтъ который разлился вокругъ священнаго тѣла привелъ и его самого и всѣхъ товарищей его въ такой ужасъ что они покинули свой постъ, бѣжали оттуда и клялись начальству своему что этотъ убитый человекъ святъ и угоденъ Богу...

Въ маленькой церкви на дворѣ митрополіи стоитъ его высокая мраморная гробница. Надъ нею на стѣнѣ изображены судъ и страданія святаго.

И когда видишь на этихъ простыхъ и неискусныхъ картинахъ столько правды, когда видишь молодого сеиса, одѣтаго не въ хитонъ или древнюю тогу, а въ ту самую одежду въ которой тутъ же стоятъ и молятся и янинскіе и сельскіе наши люди, когда видишь что солдаты турецкіе которые кладутъ тяжелый камень на грудь герою вѣры и стрѣляютъ въ его удушенный трулъ, тоже одѣты въ нынѣшнюю европейскую, низамскую одежду, когда смотришь на все это внимательно, тогда дѣйствіе на душу христіанина становится еще живѣе и глубже... Видишь тогда и чувствуешь ясно что для великихъ примѣровъ вѣтъ намъ, Грекамъ, нужды обращаться къ вѣкамъ Діоклетіана или первыхъ сарацинъ.

* *Сеисъ*—кошелекъ, кучеръ.

стихъ нашествій; и что вчерашній день нашей Восточной церкви также великъ какъ и глубокая древность.

Мы приложились къ мраморной ракъ и отслужили *пαραклисъ** за здравіе наше и всей семьи.

Бѣлый домикъ въ которомъ живетъ почти у выѣзда изъ города сынъ святаго такъ и зовется домикъ Св. Георгія. Овъ не очень малъ и не старъ съ виду. Покои его чисты и просторны; диваны турецкіе въ приемной покрыты простымъ и толстымъ льнянымъ полотномъ домашней работы, бѣлымъ съ голубыми полосками. Одна большая комната увѣшана шонами и лампадами какъ церковь; въ нее, также какъ и въ придѣлъ митрополіи, заходятъ люди вспомнить о мученикѣ и помолиться и жертвуютъ что-нибудь на свѣчи и масло для лампады; частью, вѣроятно, и на нужды семьи. Хозяинъ и молодая стыдливая красавица, жена его, приняли насъ съ великимъ почтеніемъ и лаской. Мы молились и пили у нихъ кофе. Мнѣ очень понравилось у нихъ все; но отецъ думалъ иначе.

Вышедши изъ дома на улицу, овъ съ сожалѣніемъ сказалъ мнѣ:

— Еслибы меня сподобилъ Богъ родиться сыномъ святаго или мученика, я бы никогда не женился, а постригся бы сразу въ иноки и жилъ бы одинъ или съ почтеннымъ старцемъ какимъ-либо въ этомъ домѣ. Такъ было бы гораздо пристойнѣе!

Подумавъ и я согласился что отецъ былъ правъ.

Всѣ эти воспоминанія кровавыхъ событій, видъ всѣхъ этихъ мѣстъ, еще хранящихся столько живыхъ и не остывшихъ слѣдовъ прежняго порядка, были бы, конечно, страшны еслибы думать о нихъ глубоко; и точно, позднѣе я не разъ, вспоминая о первыхъ прогулкахъ моихъ съ отцомъ по Ялты, содрогался и снова благословлялъ Россію, которая любовью своими смирила гордость Турокъ и достигла того что съ нами теперь не только можно жить, но и любить ихъ можно иногда сердечно; ибо до тѣхъ поръ пока не возбуждено въ нихъ религіозное чувство до изступленія, до пожирающаго пламени, они добры, уступчивы, великодушны, ласковы....

Я готовъ сознаться что многіе изъ нихъ по прекраснымъ

* *Параклисъ*—придѣлъ; но употребляется обыкновенно и въ смыслѣ молитвы.

своимъ душѣ, по добротѣ и милосердію, стоятъ гораздо выше насъ... Еслибы ты былъ иностранецъ, я бы не сказалъ тебѣ этого; но зачѣмъ я буду скрывать правду отъ Грека?

Все это, и хорошее и худое про Турокъ, я обдумалъ гораздо позднѣе... А тогда я, гуляя съ отцомъ по городу, смотрѣлъ на все то разсѣянно, то внимательно; слушалъ рассказы про Али-пашу, про столькія убійства, грабежи, про всѣ эти войны, набѣги и казни; но слушалъ такъ какъ будто бы я читалъ занимательную книгу. Особеннаго страха я не чувствовалъ даже и на улицѣ. Мы встрѣчали довольно много ходжей въ чалмахъ, и яинскихъ беевъ съ суровымъ выразительнымъ глазами: я взглядывалъ на нихъ и робко и внимательно, мгновенный страхъ овладевалъ мною; но отецъ шепталъ мнѣ что всѣ яинскіе Турки потому и фанатики? что ихъ мало, что Грековъ много, что граница свободной Жады близка, и гордость смѣнила въ немъ сердца тотчасъ минутное это движеніе страха. Встрѣчались намъ солдаты цѣлыми партіями: они шли тяжело стулая по мостовой и бряцая дослѣхами; отецъ провожалъ ихъ полу-насмѣшливо глазами и говорилъ: „какъ мало у нихъ здѣсь войска, у бѣдвыхъ!“ И мы шли спокойно дальше; встрѣчались чиновные Турки; мы имъ почтительно уступали дорогу и нѣкоторые изъ нихъ намъ вѣжливо кланялись. Чего жъ мнѣ больше? Чтѣ мнѣ нужно? Живи, Одиссей, веселись, мой бѣдвыи, и будь покоенъ!

И чтѣ я буду дѣлать противъ Турокъ чтобы мнѣ такъ бороться ихъ? Уступить дорогу, я съ радостію всегда уступаю поклониться имъ не трудно.... На войну противъ нихъ я никогда не рѣшусь идти, думалъ я, избави Боже.... И гдѣ война? Гдѣ казни? Гдѣ ужасы? Гдѣ кровь? Городъ попрежнему, какъ въ первый день пріѣзда нашего, все также тихъ и миренъ; предметъя его всѣ въ садахъ веселыхъ; за предметъями въ обѣ стороны такъ кротко зеленѣетъ узкая и длинная долина... Осенніе дни ясны и теплы. Люди всѣ спокойно заняты работой и дѣлами; Грековъ такъ много и между ними столько отважныхъ молодцовъ; у столькихъ въ домѣ есть оружіе, у столькихъ за поясомъ или въ обуви спрятанъ острый ножъ; Турокъ меньше; сивія горы свободныхъ Эалинскихъ предѣловъ близки... И еще ближе вѣтетъ надъ высокою каменистою стѣной трехцвѣтный русскій флагъ...

Благовъ! Благовъ мой милый! О, мой молодчикъ! Гдѣ ты? Возвратись скорѣй, мой молодой и красивый эфенди! У тебя въ домѣ, подъ стѣною русскаго ораа, я не боялся бы и самого грознаго султана! Я не ужаснулся бы и его царскаго главы подъ твоей защитой!

ХІІ.

Г. Благовъ все еще не возвращался и скоро мы получили извѣстіе что онъ уѣхалъ въ Македонію для свиданія съ другимъ консуломъ русскимъ, и неизвѣстно когда возвратится. „Посмотримъ что задумала еще Россія?“ говорили люди. „Прежде она все съ обнаженнымъ мечомъ надъ Турціей стояла, а теперь за развалинами Севастопольскими прилегла и въ подворную трубку смотреть.“

Первые дни мы, по старому обычаю, принимали посѣщенія, сѣдя дома съ ранняго утра, а потомъ отдавали ихъ.

Много перебивало у насъ разныхъ людей за эти дни, и большихъ и простыхъ людей. Пріѣзжалъ самъ митрополитъ, архомты, были доктора, священники, монахи, учителя, ремесленники разные, были даже нѣкоторые Турки и Евреи, которые знали давно отца.

Отецъ всѣхъ принималъ хорошо, сажалъ, угощалъ; имъкъ, кто былъ выше званіемъ или богатствомъ, онъ провожалъ до самой улицы.

Я же всѣмъ этимъ посѣтителямъ, безъ различія вѣры и званія, прислуживалъ самъ, подносилъ варенье съ водой и кофе, чубуки подавалъ и сигарки имъ дѣлалъ. Чубуки, конечно, предлагали только самымъ высшимъ по званію, а другимъ сигарки.

Всѣ меня поздравляли съ пріѣздомъ, привѣтствовали, хвалили и благословляли на долгую жизнь и всякіе успѣхи.

„Мы тебя теперь, Одиссей, яніотомъ нашимъ сдѣлаемъ,“ говорили мнѣ всѣ. Такъ меня всѣ одобряли и я уже подъ конецъ сталъ меньше стыдиться людей. Вижу, всѣ меня хвалятъ и ласкаютъ.

Докторъ иногда выходилъ къ гостямъ; но большею частію онъ уходилъ утромъ изъ дома къ больнымъ, чтобы показать что не къ нему гости, а къ отцу моему приходятъ, и что онъ это знаетъ.

Взойдетъ иногда на минуту въ гостиную, посмотритъ на всѣхъ въ дорветъ, поклонится, высокую шаалу свою въискую тутъ же надѣнетъ и уйдетъ, только бровями подергается.

Ненавидѣлъ онъ яніотовъ.

Гайдуша была во все это время очень гостепріимна, помогала мнѣ служить гостямъ, ничего не жалѣла для угощенія. Когда я просилъ у нея: „Еще, киръ Гайдуша, одолжите по добротѣ вашей кофе на пять чашечекъ.“ Она отвѣчала: „И на десять, дитя мое, и на двадцать, палакаръ прекрасный.“

Такъ она была гостепріимна и ласкова что я уже подъ конецъ недѣли пересталъ ее почти и ламіей* звать.

Видѣлъ я довольно многихъ Турокъ за это время.

Видѣлъ я и самого Абдураимъ-эффенди, о которомъ такъ часто говорилъ Коввино; онъ приходилъ не къ отцу, а къ своему другу доктору. Наружность у него была очень важная, повелительная; худое лицо его мнѣ показалось слишкомъ строгимъ, и хотя докторъ клялся что онъ добрейшій человекъ, я все-таки нашелъ что обращеніе его съ отцомъ моимъ было уже слишкомъ гордо.

Докторъ представилъ ему отца какъ своего стараго знакомаго; бей сидѣлъ въ эту минуту съ ногами на диванѣ, завернувшись въ длинную кунью шубку, и съ важною благосклонностію взглянулъ въ сторону отца. Отецъ подошелъ къ нему послѣшно, согнувшись изъ почтительности, и коснулся концами пальцевъ руки которую бей чуть-чуть ему протянулъ, даже и не шевелясь съ мѣста.

Я замѣтилъ еще что Абдураимъ-эффенди какъ будто бы брезгливо отдернулъ и отряхнулъ тѣ пальцы къ которымъ отецъ прикоснулся.

Когда отецъ говорилъ потомъ что-нибудь, очень почтительно, бей выслушивалъ его какъ будто бы и вѣжливо, но почти не отвѣчалъ ему, а смотрѣлъ съ небольшимъ удивленіемъ, какъ будто спрашивая: „А! и этотъ деревенскій старый райа тоже говорить что-то?“

Онъ даже иногда слегка улыбался отцу; но обращался тотчасъ же къ доктору и говоря съ нимъ становился веселъ и свободенъ какъ равный съ равнымъ.

* Ламія—вѣдьма, съѣдающая иногда молодыхъ людей.

Искренно ли или лицемерно, но отецъ хвалилъ бѣя за глаза; но я не могъ долго простить ему это надменное обращеніе съ бѣднымъ моимъ родителемъ и со злобною завистью двинлся, почему онъ оказываетъ такое предпочтеніе безумному Коввино?

Гораздо пріятнѣе было для меня знакомство со старымъ ходжей Сеферъ-эффенди.

Вотъ былъ истинно добрый Турокъ, почтенный, простодушный и забавный. Носъ у него былъ преогромный и красивый; чалма зеленая; борода длинная, бѣлая; руки ужъ немножко трясались и стулалъ онъ не очень твердо ногами, но глаза его были еще живые и блистали иногда какъ искры. Все онъ шутилъ и смѣялся. Знакомъ онъ былъ съ отцомъ моимъ давно.

Въ ту минуту когда онъ пришелъ къ намъ, ни отца, ни доктора не было дома. Мы съ Гайдушей его приняли и просили подождать; я самъ подалъ ему варенье и кофе. Онъ спросилъ меня, знаю ли я по-турецки? Я сказалъ что на Дунаѣ, когда былъ малъ, ведуро зналъ, но что здѣсь, въ Эпирѣ, немного забылъ.

Сеферъ-бей, все улыбаясь, смотрѣлъ на меня пристально и долго не пускалъ отъ себя съ подвостомъ, долго собирался на это отвѣтить мнѣ что-то; думалъ, думалъ и сказалъ наконецъ по-турецки:

— Видишь, дитя, никогда не говори что ты зналъ хорошо по-турецки! Слушай. Арабскій языкъ — древность, персидскій — сахаръ, а турецкій — великій трудъ! Понимаешь?

Я сказалъ что понимаю. Старикъ тогда безъ ума обрадовался и хохоталъ.

Я хотѣлъ унести подвостъ; но ходжа схватилъ подвостъ за край рукою и спросилъ:

— Знаешь ли, дитя мое, кто былъ Саади?

Я сказалъ что не знаю и не слыжалъ.

— Саади, дитя, былъ стихотворецъ, продолжалъ Сеферъ-эффенди, одушевляясь. — Вотъ что онъ сказалъ про тебя, мой сынъ: „Этотъ кипарисъ прямой и стройный предсталъ предъ мои очи; онъ похитилъ мое сердце и повергъ его къ стопамъ своимъ. Я подобенъ змѣѣ съ раздавленной головой и не могу болѣе двигаться.... Этотъ юноша прекрасенъ; взгляни, даже когда онъ гнѣвается, какъ пріятна эта строгая черта между его бровями!“ А Гоммакъ-Эддинъ, другой стихо-

творецъ, сказалъ цѣлыя слова, про тебя же: „Однимъ взглядомъ ты можешь устроить наши дѣла; но ты не желаешь облегчать страданія несчастныхъ.“ Это что значитъ, мой сынокъ? Это значитъ что ты долженъ всегда оставаться добродѣтельнымъ!

Я отъ этихъ неожиданныхъ похвалъ и совѣтовъ его такъ застыдилса что ушелъ въ другую комнату и услышавъ что Гайдуша вслѣдъ мнѣ смѣется громко (она безъ церемоній сбѣга и бесѣдовала съ хаджей) еще больше растерялся и не зналъ уже что и дѣлать. Слышалъ только что Гайдуша сказала Турку:

— Да, онъ у насъ картиночка писаная, нашъ молодчикъ загорскій, какъ дѣвочка вѣжливый и красивый. А глаза, хаджа эффенди мой, у него какъ сливы черныя и большія. На мать свою онъ похожъ.

— Это счастливый сынокъ, я слышалъ, который на мать похожъ, отвѣчалъ старикъ.

Сознаюсь что хотя я и стыдился, а похвалы эти мнѣ были... ахъ, какъ пріятны!

Понравился мнѣ также тотъ молодой чиновникъ Сабри-бей, который показывалъ намъ въ конакѣ залу Али-паши.

Ничего въ немъ не было страшнаго или грубаго. Такой тихій, ласковый, съ отцомъ моимъ почтительный, руку все къ сердцу: „эффендимъ, эффендимъ!“ Собой хоть и не особенно красивый, но такой высокенькій, худенькій, пріятный, съ усиками небольшими. По-французски онъ говорилъ свободно; а когда онъ начиналъ говорить по-турецки, азыкомъ высокимъ, литературнымъ, то это было просто очарованіе его слушать; гармонія и сладость!

— Эффендимъ! говорилъ онъ отцу моему вкрадчиво, сила у насъ;—прошли времена мрака и варварства, и мы надѣемся что всѣ подданные султана будутъ наслаждаться совокупно и въ неслыханномъ блаженствѣ равенствомъ и свободой подъ отеческою и премудрою властью!

— Есть еще, увы! многое, многое, эффенди мой, достойное сожалѣнія и жалобъ, сказалъ ему отецъ.

— Аманъ, аманъ! эффенди мой, кто этого не видитъ! возразилъ Сабри-бей съ достоинствомъ.—Но справедливо говорить Французы: „Les jours se suivent, mais ne se ressemblent pas!“ Постепенно и неслышно все измѣняется! Все, рѣшительно все, вѣрьте мнѣ! И еще древній Латинянинъ сказалъ:

сѣла медлительно! И сверхъ того прошу у васъ прощенья, сказалъ и другое хорошее слово Французъ: „Tout est pour le mieux dans le meilleur des mondes possibles.“

Я, слыша это, вышелъ въ другую комнату и воскликнулъ самъ съ собою: „Нѣтъ, дѣйствительно Турки сильно идутъ впередъ! Такъ что это для насъ даже не выгодно! Истинно сказано: „пути Провидѣнія неисповѣдимы!“ И я печально задумался съ подвѣсомъ въ рукѣ.

Въ эту минуту на дѣтницѣ раздался страшный, дикій ревъ и крикъ; ревъ этотъ не походилъ ни на визгъ Гадауши въ гнѣвѣ, ни на восторженные клики Коввино. Я вскочилъ съ испугомъ и встрѣтился вдругъ лицомъ къ лицу со страшнымъ человѣкомъ. Это былъ дервишъ. Смуглый, мнелыкій и сѣдой, въ высокомъ остромъ колпакѣ на бекрень, въ длинной одеждѣ и съ огромною алебардой въ рукѣ.

Взглядъ его былъ ужасно грозенъ и на одномъ вискѣ его подъ колпакъ былъ всунутъ большой букетъ свѣжихъ цвѣтовъ.

— Га! га! кричалъ онъ, — га-га!

Не знаю какъ даже изобразить тебѣ на бумагѣ его ужасный крикъ и ревъ! Я совсѣмъ растерялся и не зналъ что подумать, не только что сдѣлать. Варваръ однако шелъ прямо на меня съ алебардой и сверкая очами. Порывившись со мной онъ не останавливаясь поднесъ свою руку къ моимъ губамъ; и я поспѣшилъ поцѣловать ее, радуясь что не случилось со мной ничего худшаго. Отецъ въ эту минуту приподнял занавѣсъ на дверяхъ и воскликнулъ какъ будто съ радостью:

— Bravo! bravo! Добро пожаловать, Хаджи-Баба! Живъ ты еще? Милости просимъ, дѣдушка Сулейманъ!

Хаджи-Сулейманъ не обратилъ на слова отца никакого вниманія, движеніемъ руки отстранилъ его отъ дверей, прошелъ черезъ всю комнату, едва взглянувъ на Сабри-бей, и важно сѣлъ на диванъ, потомъ уже сядя онъ осчастливилъ всѣхъ по очереди и небольшимъ поклономъ. Отецъ подалъ мнѣ знакъ и я принесъ старику варенье и кофеи (страхъ мой уже прошелъ и смѣнился любилыствомъ). Сабри-бей съ презрительною усмѣшкой спросилъ тогда у дервиша: „Какъ его здоровье?“

— Лучше твоего; дуракъ, негодяй, рогоносецъ! отвѣчалъ старикъ спокойно.

Мы засмѣялись.

— Мнѣ сто двадцать лѣтъ, продолжалъ хаджи,—а я скорѣй тебя могу содержать по закону четырехъ жезъ, дуракъ, негодяй ты ничтожный.

— Отчего жь у тебя одна телерь только жена, да и та черная Арабка? спросилъ бей, не сердясь за его брань.

Старикъ молча показалъ пальцами что денегъ мало, вздохнулъ и сталъ молиться на образъ Божьей Матери, который былъ подаренъ доктору г. Благовымъ и висѣлъ въ гостиной на стѣнѣ.

Онъ молился въ подголоса въ носъ и на расплѣвъ, поднимая руки и глаза къ небу, и я только слышалъ разъ или два: „Маріамъ, Маріамъ.“

Потомъ онъ сошелъ съ дивана и, не кланяясь никому, опять важно, величественно, тихо пошелъ къ дверямъ и лѣствицѣ. Мы съ отцомъ и Гайдусей проводили его въ стѣни.

— Прощай хаджи, прощай дѣдушка, говорилъ ему отецъ.— Не забывай насъ, заходи.

Хаджи-Сулейманъ, не обращаясь и не отвѣчая, шелъ къ лѣствицѣ медленно и гордо, но какъ только коснулся онъ босой ногой своей первой ступени, такъ вдругъ любѣжалъ внизъ, помчался съ лѣствицы вихремъ какъ дитя или легкая птичка кака-то! Даже стука не было слышно отъ его босыхъ ногъ.

Это было такъ неожиданно и забавно что не только мы съ Гайдусей смѣялись отъ всего сердца, но и отецъ дога безъ улыбки не могъ этого вспомнить.

Возвратившись въ пріемную, отецъ разказалъ Сабри-бею о выходкѣ столѣтняго дервиша и дивился его здоровью и легкости его движеній. Но Сабри отозвался о старикѣ очень дурно.

— Нехорошій человекъ, сказалъ онъ.— Злой человекъ. Телерь онъ не можетъ ничего сдѣлать; но знаете ли вы какой онъ былъ прежде фанатикъ и злодѣй? Я знаю о немъ много худаго. Ему точно что болѣе ста лѣтъ; отецъ мой и многіе другіе Турки издавно помнятъ его почти такимъ же каковъ онъ теперь на видѣ. Но поведеніе его было иное. Когда въ двадцать первомъ году была война съ Элианами, онъ, знаете ли вы, что дѣлалъ? Онъ лилъ кровь убитыхъ Грековъ и выкалывалъ лѣвнымъ христіанамъ глаза. Ужасъ! Я, эфенди мой, къ такимъ свирѣлымъ людямъ питаю отвращеніе, какой бы вѣры и націи они ни были. Это ужасно, эфенди мой,

ны въ домъ отца моего никогда его не принимаемъ и потому онъ меня такъ бранить какъ вы слышали.

— Времена такія были тогда жестокія, эфенди мой, сказалъ вздохнувъ отецъ. — Будемъ надѣяться что подобныя сцены не повторятся больше никогда.

Сабри-бей замѣтилъ еще что иные Турки все прощаютъ хаджи-Судейману и считаютъ его какъ бы святымъ; но я, сказалъ онъ, презираю подобныя заблужденія!

Потомъ онъ простился съ нами и сказалъ отцу:

— Я, эфенди мой, слуга вашъ во всякомъ дѣлѣ; если вамъ или вашему сыну нужно что-нибудь у паши, господина нашего, обратитесь ко мнѣ и я всегда буду готовъ, хоть сила моя и званіе еще не велики.

Отецъ съ тысячами благодареній и благословеній проводилъ его внизъ съ дѣстаицы, не безъ труда однако; бей часто оставался, умоляя отца не утруждаться для него и не дѣлать ему столько незаслуженной чести; отецъ отвѣчалъ ему всякій разъ: „это долгъ мой“. А бей: „благодарю васъ“. И черезъ три или четыре стулени они повторяли опять то же самое.

Я глядя на нихъ думалъ: „Вотъ вѣжливость! Вотъ приѣзды которые подаютъ намъ.... И кто же? Турки.“ И дивился. Скоро я узналъ и другія подробности о Сабри-бей.

Рауфъ-паша, который въ то время управлялъ Эпиромъ, былъ человѣкъ не злой, не жестокій, не фанатикъ, но за то и неспособный, слабый человѣкъ. Самая наружность его, ничуть не видная и ничѣмъ не замѣчательная, соответствовала его ничтожеству. Въ молодости онъ былъ военнымъ и имѣлъ двѣ раны отъ русскихъ пуль въ рукѣ. Но и на войнѣ распорядительностью онъ не славился: Онъ старался не притѣснять народъ, сколько могъ, по крайней мѣрѣ явно не оскорблялъ никого; охотно готовъ былъ защитить иногда христіанъ отъ нападокъ и обидъ, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ желали бы имѣть дѣлать явившіеся Турки; но тягѣбными и даже административными дѣлами занимался слишкомъ неохотно. Любимымъ занятіемъ его была турецкая археологія. По смерти его осталась любопытная книга о турецкихъ старинныхъ одеждахъ съ очень хорошими раскрашенными картинками, которыя онъ заказывалъ въ Парижѣ. Книга эта была издана имъ на двухъ языкахъ, на французскомъ и турецкомъ.

Это занятіе было его отрадой въ старости и недугахъ; ибо бѣдный старикъ часто болѣлъ. Всѣмъ тѣмъ людямъ которыхъ онъ хоть немного любилъ или уважалъ, онъ показывалъ картины рисованныя акварелью по его заказу въ Константинополь и объяснялъ подробно какъ измѣнялись моды со времени Османа Гази до султана Махмуда; объяснялъ что съ теченіемъ времени, для каждаго званія, чина и занятія опредѣлялась особая одежда, вѣствѣ съ особыми правами; что ни великій визирь, ни релсъ-эффенди * чалмы не носили, а имѣли высокія коническія шалки, подобныя шалкамъ дервишей Мевлевы; разказывалъ какъ самыя фасоны чайны у султановъ мѣнялись съ теченіемъ времени и почему онъ находитъ что красивѣе всѣхъ была чалма султана Селима III, который и самъ былъ первѣйшій красавецъ.... Въ дѣлахъ же имъ самимъ правилъ диванъ-эффенди, ** Ибрагимъ-бей, его зять.

Гайдуша, которая знала все на свѣтѣ, разказывала намъ о томъ какъ женился Ибрагимъ-бей на дочери Рауфъ-паши. Она была въ большой дружбѣ съ Арабкой, служанкой Ибрагима, и отъ нея узнавала все что ей было угодно.

Рауфъ въ то время когда въ первый разъ встрѣтилъ Ибрагима не былъ еще пашею, но занималъ уже значительную и выгодную должность. Онъ пріѣхалъ на короткое время въ Стамбулъ. Тамъ, однажды, пришелъ къ нему по дѣлу отца своего молодой мальчикъ Турокъ, софта. *** Ему было всего пятнадцать лѣтъ. Рауфъ-эффенди въ эту минуту былъ голоденъ и домъ его былъ далеко отъ той канцеляріи въ которой онъ сидѣлъ. Онъ обратился къ другимъ Туркамъ сидѣвшимъ съ нимъ и сказалъ: „Знаете ли что я бы дорого далъ теперь за простую головку свѣжаго лука и за кусокъ хлѣба!“

Не успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ маленькій и умный софта Ибрагимъ досталъ изъ кармана своего головку лука и большой кусокъ хлѣба, завернутый въ чистую бумагу; вынулъ ножикъ, разрѣзалъ лукъ, положилъ его на хлѣбъ и съ низкимъ поклономъ поднесъ его Рауфъ-эффенди.

* Релсъ-эффенди — министръ иностранныхъ дѣлъ.

** Это происходитъ еще до учрежденія виаветевъ и новыхъ должностей.

*** Студентъ мусульманскаго богословія.

Рауфъ-эффенди воскликнулъ: „Вотъ умъ!“ приласкавъ Ибрагима, далъ ему денегъ, устроилъ очень скоро дѣло его отца и взялъ его потомъ къ себѣ. Отецъ Ибрагима былъ бѣднѣе, дѣтей имѣлъ много и сказалъ Рауфу: „Господишь мой! У меня есть другія дѣти. Ибрагимъ больше не принадлежитъ мнѣ. Онъ твой. Хочешь имѣть его сыномъ, воля твоя; хочешь имѣть его рабомъ послѣднимъ, и на то твоя воля.“

Рауфъ-эффенди] скоро сталъ пашою. Мальчикъ подавалъ ему долго чубуки и варгиле и вмѣстѣ съ тѣмъ переписывалъ ему разныя бумаги и письма, прилежно читалъ и учился, исполняя всѣя порученія. Рауфъ-паша хотя и держалъ его болѣе какъ сына, чѣмъ какъ слугу, но Ибрагимъ самъ старался служить ему и когда Рауфъ возвращался усталый домой, Ибрагимъ не позволялъ черному рабу снять съ него салогу. „Ты не умѣешь!“ говорилъ онъ, бросая на колѣна самъ предъ Рауфомъ и снимая съ локронтеля своего салогу такъ ловко, такъ нѣжно дергалъ чулки за носокъ чтобы они отстали отъ разгоряченныхъ и усталыхъ подошвъ, такъ хорошо надѣвалъ туфли что Рауфъ-паша говорилъ за глаза про него съ наслажденіемъ: „Не вижу я еще человѣка который бы такъ сладко снималъ салогу, какъ этотъ маленькій Ибрагимъ!“

И варгиле раскуренаый милымъ Ибрагимомъ, и чубукъ набитый имъ, и кофе поданный иногда имъ съ умильнымъ взглядомъ и поклономъ, казались для Рауфа-паши сладче чѣмъ варгиле, и чубукъ и кофе поданные другимъ кѣмъ-нибудь, и бумага написанная Ибрагимомъ была всегда для Рауфа умнѣе и красивѣе чѣмъ бумага написанная другимъ писаремъ.

Между тѣмъ у Рауфа-паши росла единственная дочь. Она была немного моложе Ибрагима. Ростомъ она была высока и стройна; имѣла большіе и красивые глаза, но лице ея было немножко рябовато. Скоро она уже перешла за тѣ года въ которыя вообще и христіанки и мусульманскія дѣвушки выходятъ замужъ; ей было уже около двадцати лѣтъ. Рауфъ-паша былъ богатъ, дочь была единственная, онъ прочилъ ее и Ибрагима и не торопился сватать ее.

Однажды паша призвалъ дочь и сказалъ ей: „Пора тебя выдать замужъ.“ Потомъ онъ повелъ ее въ одну комнату, въ которой было окошко въ другое жильѣ, закрытое занавѣ-

вѣской. Онъ подвѣялъ занавѣску и сказалъ: „Смотри, вотъ тебѣ мужъ.“ Въ той комнатѣ, на диванѣ, сидѣлъ Ибрагимъ и читалъ книгу. Ему тогда было двадцать два года. Онъ былъ очень бѣлъ, чернооко́ и чернобровъ, но слѣшкомъ бѣднѣе и худъ. Дочь паши, живя съ нимъ въ одномъ домѣ, хотя и на разныхъ половинкахъ, конечно, не разъ видала его и прежде. Турчанки все видятъ и знаютъ все то что имъ нужно или хочется знать. Она отвернулась съ досадою и сказала: „за-ѣфъ-деръ“ (слишкомъ слабъ, нѣженъ или худъ). Паша возразилъ ей на это: „Онъ еще почти дитя. Съ годами попоправѣтъ. Ты богата и отецъ твой паша; если я отдамъ тебя за сына паши или бея богатаго, что будетъ? Богъ одинъ знаетъ. Можетъ-быть онъ тебя уважать не станетъ и всякое зло ты отъ него увидишь. Я старъ и умру: кто защититъ тебя? Ибрагима же мы нашего знаемъ и онъ будетъ вѣчныя молитвы Богу возсылать за счастье которое Онъ въ тебѣ ему послалъ!“

Дочь согласилась тогда и такимъ образомъ Ибрагимъ сталъ зятемъ паши, сталъ беємъ. Предсказанія отца сбылись. Ибрагимъ очень пополнилъ и такъ какъ ростомъ онъ былъ всегда высокъ, то самолюбивой женѣ теперь на наружность его жаловаться нельзя. Она смѣло можетъ любоваться имъ изъ-за рѣшетокъ своего окна, когда онъ ѣдетъ верхомъ по улицѣ, окруженный лѣшими слугами, и я любовался на него; вскорѣ послѣ прѣзда нашего въ Янину, я встрѣтилъ его на Крѣпостномъ мосту. Лошадь подъ нимъ была сытая и прекрасная, самъ онъ былъ дороденъ и красивъ, бурнусъ на немъ былъ хорошій, изъ тонкаго сукна, съ башлыкомъ и кистями. Лошадь слегка играла подъ нимъ, медленно и гордо выступала. Я позавидовалъ.

Занявъ при тестѣ своемъ должность „диванъ-эффенди“, Ибрагимъ-бей, къ сожалѣнью, сталъ слѣшкомъ гордъ и заносчивъ. Онъ обращался съ богатыми и почтенными христианами гораздо суше и надменнѣ чѣмъ простой и опытный паша, его тесть; бѣдныхъ нѣрѣдко и билъ своей рукой въ самомъ конакѣ. Онъ любилъ роскошь; держалъ много слугъ и лошадей, купилъ карету, которая по нашимъ горнымъ дорогамъ вовсе не могла проѣхать и ее отъ морскаго берега до Янины, на половину разобранную, несли носильщики на плечахъ за огромную цѣну. Самъ онъ щеголялъ; двоихъ мальчиковъ своихъ онъ одѣвалъ въ бурнусы изъ чернаго

сука, густо расшитые золотомъ: ковры дорогіе заказывалъ, безцѣнные коврики шитые золотомъ по атласу, для праздничной молитвы въ мечетахъ при народѣ; заказывалъ много вещей серебряныхъ, нашей тонкой янцовой работы.

Отцу моему (которому все это было необходимо знать для его дѣла) пріятели скоро объяснили что Рауфъ-паша самъ златокъ не беретъ въ руки; но что берутъ ихъ иногда диванъ-эффенди, а иногда тотъ самый Сабри-бей который такъ цѣнилъ меня своею образованностью. Они дѣлятся оба полкомъ съ пашою. Ибрагимъ-бей былъ по восточному очень образованъ и писалъ даже хорошіе турецкіе стихи, но европейскихъ языковъ не зналъ ни онъ, ни паша. Поэтому Сабри-бей былъ имъ обоимъ очень нуженъ; Сабри зналъ хорошо по-французски и по-гречески; почти всѣ дѣла иностранцы поданныхъ или шли черезъ его руки, или по крайней мѣрѣ не обходились безъ его вліянія. Всѣ воты и тамошнія консуламъ, которыя часто писались по-французски, сочинялъ Сабри-бей; почти всѣ переводы на турецкій языкъ дѣлалъ онъ. И сверхъ того онъ своей уклончивостью и вкрадчивостью достигалъ нерѣдко большаго, чѣмъ въ паша своею гордостью и гнѣвомъ. Зять паша на людей ростыхъ, нерѣдко, какъ я сказалъ ужъ, поднималъ руку въ именѣ комакъ; Сабри-бей никогда никого не билъ. Зять паша, кромѣ митрополита и двухъ или трехъ самыхъ важныхъ гарнизонъ, никому изъ христіанъ визитовъ не дѣлалъ и не вѣдалъ. Сабри-бей знакомился со всѣми. Въ самыхъ прощальныхъ рѣчахъ и обычныхъ восклицаніяхъ между ними была большая разница; и тотъ и другой въ разговорѣ обращались нерѣдко къ собесѣднику со словомъ: „эффендимъ!“ (господинъ мой!), но какъ говорилъ одинъ и какъ произносилъ это слово другой!

„Эффендимъ!“ говорилъ Сабри-бей и взглядъ его былъ смѣлый; онъ прикладывалъ руку къ сердцу, онъ, улыбаясь, какъ будто говорилъ тебѣ: „О! какъ я счастливъ что я съ тобой знакомъ и могу отъ души назвать васъ „господинъ мой!“

„Будь счастливъ ты, несчастный, говорилъ, казалось, другъ, что я такъ благосклоненъ и вѣжливъ съ тобою, и ломни такъ что только известная всѣмъ моя вѣжливость вынуждаетъ меня говорить тебѣ „господинъ мой!“ „Эффендимъ!“ „Эффендимъ! Да! А поза надменная на софѣ, взглядъ,

движеніе руки повелительное, всё говорило у Ибрагима: „твой эффенди, глулецъ, а не ты, несчастный!“

Сабри-бей былъ принятъ хорошо во всѣхъ консульствахъ а зять лаши ни къ кому изъ консуловъ не вѣхалъ, претендуя неслышанно чтооъ они первые его поспѣтили. Одинъ толь Благовъ, который любилъ Турокъ и хвѣлъ и между нихъ быть популярнымъ, былъ знакомъ съ Ибрагимомъ. Благовъ подъ предлогомъ слѣшнаго дѣла, зашелъ однажды самъ, вѣходя отъ лаши, въ канцелярію диванъ-эффенди и посидѣлъ тамъ пять минутъ; Ибрагимъ-бей былъ тронутъ этимъ и черезъ нѣсколько дней прѣвхалъ торжественно въ консульство Русское и пробылъ у Благова больше часа.

Сабри-бей былъ пріятель со всѣми, онъ не пренебрегалъ ни Евреями, ни Греками и отъ этого нерѣдко получалъ отъ нихъ деньги и подарки тайкомъ отъ лаши и его зятя, и какъ слышно было, въ такомъ случаѣ уже не дѣлился съ ними.

Онъ и съ отцомъ моимъ поступилъ очень вѣжливо. Черезъ два дня, не болѣе, послѣ того какъ отецъ мой былъ у не въ конакѣ, Сабри-бей пришелъ къ доктору въ домъ и сказалъ отцу что хотя онъ съ докторомъ и давно знакомъ любить его какъ прекраснаго человѣка, но что при этомъ посѣщеніи имѣлъ въ виду именно отца моего.

На другой же день послѣ этого визита, я утромъ увидалъ что отецъ торгуетъ ковры въ стѣняхъ у одной женщины. Онъ купилъ у нея, наконецъ, большой меццовскій коверъ семь лиръ турецкихъ, прекрасный, бѣлый съ пестрыми и точными узорами.

Потомъ, когда стемнѣло, онъ приказалъ мнѣ взять носочника, отнести коверъ, аккуратно его свернувши и прикрывши, къ Сабри-бею на домъ и сказать ему такъ:

— Отецъ мой кланяется, бей, эффенди мой, вашей всеобности * и спрашиваетъ о дорогомъ для него вашемъ здорое. Онъ слышалъ что вы хвалите ковры здѣшной меццовой работы и проситъ васъ принять этотъ коверъ, который бѣ у насъ уже давно, но лежалъ сохранно безъ употребленія потому онъ какъ новый. Онъ проситъ также извиненія, скромное приношеніе это не сообразно съ добротой васъ и цѣнности большой не имѣетъ. Но отецъ мой желалъ

* *Вселепность, эндоксітисъ*— титулъ даваемый по-гречески бѣ это также чинъ *экзохотисъ*—превосходительство.

чтобы вы сохранили его на память объ Элпирѣ и о тѣхъ людяхъ которыхъ вы осчастливили вашею дружбой.“

— Понимаете? прибавилъ отецъ шелкотомъ и тонко взглядывая на меня.

Какъ не понимать. Конечно понимаю я все какъ слѣдуетъ понимать Греку загорскому.

Г. Благовъ посмѣялся бы вѣроятно олять надъ нашей реторикой, еслибъ онъ слышалъ нашъ разговоръ, но мнѣ такая возвышенная рѣчь отца моего была какъ разъ по душѣ. Я и не спросилъ даже почему и зачѣмъ коверъ нарочно купленный былъ названъ давнишнимъ: я сейчасъ понялъ что гораздо вѣжливѣе именно такъ сказать бею, понялъ какой въ этомъ есть чувствительный отгѣнокъ и послѣдовалъ къ Сабри-бею.

Молодой Турокъ принялъ меня почти съ восторгомъ, какъ бы младшаго брата.

— Садись, прекрасный юноша, садись!

И ударилъ въ ладоши, чтобы принесли мнѣ сигары и кофе.

Я всталъ тогда, велѣлъ внести коверъ, самъ ловко раскинулъ его предъ беємъ по полу и началъ было мою рѣчь.

„Напрасно говорилъ Несториди, думалъ я про себя въ то же время, что я не хитеръ, не мошенникъ, не кулець. Вотъ какъ и мудрые люди ошибаются иногда! Чѣмъ я не кулець? Чѣмъ не, мошенникъ? Я все могу!“

Сабри-бей, увидавъ прекрасный бѣлый коверъ нашъ, представился изумленнымъ и спрашивалъ почти съ неудовольствіемъ:

— Что такое это? Зачѣмъ, скажите, такое безпокойство?

Но я продолжалъ рѣчь мою твердо и, воодушевляясь, прибавилъ въ нее еще нѣсколько моихъ собственныхъ цвѣтовъ, импримѣрь: „на память объ Элпирѣ, котораго жители, съ своей стороны, никогда не забудутъ отеческаго управления Рауфъ-паши и его благородныхъ помощниковъ!“ *

Взоръ Сабри-бея становился все пріятнѣе и пріятнѣе, улыбка радости смѣнилась на лицѣ его выраженіе притворной юсасы; онъ взялъ меня за руку и сказалъ:

— Коверъ этотъ будетъ мнѣ столь же дорогъ сколько могъ бы быть дорогъ подарокъ роднаго отца моего. Такъ скажи, другъ мой, отъ меня родителю твоему.

Я съ восхищеніемъ послѣдовалъ домой.

Осудить мнѣ Сабри-бея за взятку тогда и на умъ не при-

ходило. Я и не задавалъ себѣ вопроса: „слѣдуетъ ли брати или нѣтъ, когда хорошіе люди даютъ?“ Я и не подозревалъ даже что такой вопросъ возможенъ. И еслибы тогда у меня кто-нибудь спросилъ, я бы отвѣчалъ: „это не взятка, не лихоимство неправеднаго судьи; это даръ, это искреннее приношеніе пріятели, въ надеждѣ на будущее защитничество, въ надеждѣ на будущій трудъ ласковаго и образованнаго чиновника.“ Что же тутъ худаго?

Таково было мое первое знакомство съ Турками въ Яниѣ.

Ты видишь что оно не было ни страшно, ни особенно печально или оскорбительно.

Изъ христіанъ, я сказалъ уже тебѣ прежде, у отца моего было въ Яниѣ много старыхъ знакомыхъ; съ другими они познакомилса въ этотъ пріѣздъ; и насъ полюбила многіе изъ нихъ тотчасъ по пріѣздѣ нашемъ. И мы были у многихъ Архонтовъ настоящихъ янискихъ, природныхъ Янистовъ калыщенныхъ своимъ городскимъ происхожденіемъ, и многихъ богатыхъ Загорцевъ, Эссалийцевъ, жившихъ въ Яниѣ, я видѣлъ за эти двѣ, три недѣли или у нихъ самихъ, или у насъ, или въ церкви, или въ пріемной преосвященнаго Анеѣма янискаго, или на улицѣ. Видѣлъ стараго предателя Стеріо Влахолуло, котораго всѣ боялись и которому всѣ кланялись. Незадолго еще предъ нашимъ пріѣздомъ онъ ломѣшалъ достроить зданіе для училища въ родномъ своемъ горѣдѣ, увѣривъ Турокъ что это училище только для вида, а въ самомъ дѣлѣ будетъ боевымъ пунктомъ, зданіемъ изъ котораго христіанамъ легче будетъ въ случаѣ возстанія поражать низамовъ, заключенныхъ въ малайской цитадели. Мыъ показали также и одного загорскаго патріота нашего который такъ былъ строгъ и скупъ для себя и для домашнихъ своихъ что жена его иногда не могла подать безъ него варенья и кофе гостямъ; ибо онъ и не всегда довѣрялъ ключи отъ провизіи. Но этотъ скупъ человекъ жертвовалъ сотни лиръ на учрежденіе эллинскихъ школъ въ Загорахъ, на починку нашихъ сельскихъ дорогъ и мостовъ. Видѣтъ обоихъ этихъ людей было очень поучительно. Загорець былъ скупъ для себя и для всѣхъ людей но щедръ для отчизны. Влахолуло былъ предатель отчизны своей, особенно когда его раздражали люди сильныя противъ ему партіи, но за то онъ былъ верѣдко добръ и щедркъ людямъ бѣднымъ, ко всѣмъ тѣмъ кто не могъ или хотѣлъ бороться противъ его вліянія.

Прежде всѣхъ другихъ знакомцевъ посетилъ отца моего его давнишній пріятель и сверстникъ Загорецъ Чувалиди, который былъ тогда уже предсѣдателемъ Янни夫скаго торговаго суда. Про него мнѣ еще дорогой, подѣвзая къ городу, отецъ сказалъ что онъ далеко превзойдетъ въ хитрости и даже въ мошенничествѣ самого тульчинскаго Болгарина Петраки Стояновича. Я не помню, писалъ ли я тебѣ тогда о немъ подробно? я не держу черновыхъ тетрадей, когда пишу къ тебѣ, мой другъ. Если я повторяюсь, прости мнѣ. Чувалиди былъ бѣдѣвъ и вдругъ сдѣлался богатъ; онъ былъ сначала скромнымъ учителемъ, потомъ сталъ на время невѣрнымъ купцомъ; потомъ онъ скрылся изъ Элпира и вотъ вернулся теперь, въ триумфѣ, предсѣдателемъ торговаго суда, вернулся чиновникомъ Порты; такимъ чиновникомъ который можетъ бороться съ консулами, и съ которыми самимъ лашамъ нерѣдко надо считаться! Все это чудо совершилось вотъ какъ. Одинъ соотчичъ Чувалиди, Загорскій одоселець его и добрый патриотъ, довѣрилъ ему отвезти на родину 400 лиръ золотыхъ для нашихъ общественныхъ нуждъ. Чувалиди ѣхалъ подъ вечеръ горами. Съ нимъ были слуги и турецкій жандармъ.

— Мнѣ дурно что-то, молодцы! сказалъ онъ имъ, вдругъ останавливаясь мула.—Поѣзжайте вы впередъ тихо; я слѣзу и помочу здѣсь у ручья голову мою водой. Люди удалились. Не прошло и десяти минутъ, какъ Чувалиди внезапно выбѣжалъ изъ-за скалы, разтерзанный, безъ фески, съ ужаснымъ выраженіемъ въ лицѣ и голосѣ, сталъ звать людей и кричать имъ: „Стрѣляйте, ловите! Разбойники!... Сюда! сюда!.. Когда люди подѣхали, Чувалиди сказалъ имъ что уже поздно, что разбойниковъ было всего двое и что они скрылись въ скалахъ неизвестно въ какую сторону. Онъ подробно описывалъ ихъ примѣты и объявлялъ что его ограбили... Не своихъ денегъ мнѣ жалко! прибавилъ онъ почти со слезами:—мнѣ жалко тѣхъ 400 лиръ которыя я везъ для общественныхъ нуждъ!“

Ты скажешь: это невѣроятное безстыдство; ты можешь-быть не повѣришь этой молвѣ: однако такъ всѣ говорятъ въ этомъ дѣлѣ у насъ и всѣ знаютъ что Чувалиди скоро послѣ этого сталъ торговать и богатѣть; потомъ прожилъ нѣсколько времени въ Константинополѣ, поступилъ тамъ на царскую службу и возвратился на родину, какъ я сказалъ, въ триумфѣ и почетѣ, важнымъ чиновникомъ.

Какъ бы то ни было, но отца моего Чувалиди любилъ;— они еще съ дѣтства были дружны и на второй же день нашего прїѣзда я увидалъ что въ приемную доктора вошелъ какой-то чисто и хорошо одѣтый человѣкъ, полный, средняго роста и прїятной наружности; вошелъ и простирая объятія отцу моему воскликнулъ: „Йоргаки! Это ты, мой бѣдный Йоргаки!“ Отецъ дружески обнялъ его и казалось чрезвычайно былъ обрадованъ этимъ посѣщеніемъ.

Долго сидѣлъ онъ у отца моего, долго они бесѣдовали, и когда Чувалиди, наконецъ, ушелъ, отецъ мой провожалъ его до самой улицы, благодаря и еще разъ обнимая его. Держалъ себя Чувалиди, надо сказать, съ большимъ достоинствомъ, говорилъ очень хорошо, и самъ докторъ, который былъ такъ окулъ на похвалы Грекамъ, сказалъ про него: „Очень умный человѣкъ! Очень умный человѣкъ! Мало чести, но много ума, много начитанности и даже, скажу, остроумія... И даже скажу остроумія!“ Въ послѣдствіи, какъ ты увидишь, Чувалиди сталъ почти благодѣтелемъ нашей семьи. Онъ подержалъ насъ въ такія тяжелыя минуты, въ которыя мы и отъ самыхъ благородныхъ людей не имѣли ни помощи, ни даже добраго совѣта!

Вспоминая теперь обо всѣхъ этихъ людяхъ и о моей первой встрѣчѣ и съ ними, и съ жизнью вообще, вспоминая о томъ что у каждаго изъ этихъ людей былъ хоть какой-нибудь лучъ свѣта среди мрака ихъ пороковъ и грѣховъ, что каждый изъ нихъ хоть чѣмъ-нибудь, хоть для кого-нибудь, былъ иногда добръ или полезенъ, я повторяю всегда притчу о древнемъ мудрецѣ и о мертвой собакѣ которая лежала на пути и на которую съ отвращеніемъ плевали люди проходя мимо.

„Не плюйте на нее и не ругайтесь надъ ея труломъ, сказалъ людямъ мудрецъ. Вѣрьте, боги такъ устроили міръ что и у мертвой собаки этой можетъ быть нѣчто хорошее и даже лучшее чѣмъ у насъ!“ Сказавъ это, онъ посохомъ своимъ раскрылъ ей губу и воскликнулъ: „Скажите у кого изъ васъ такіе ровные, прекрасные и бѣлые зубы, какъ у этой издохшей собаки?“

Я видѣлъ еще многихъ людей въ эти дни.

Я видѣлъ и того богача Куско-бея, котораго, помнишь, такъ разбранилъ и осрамилъ нашъ отчаянный докторъ.

Куско-бей зналъ тоже отца давно. Онъ прислалъ сказать

ему, что счелъ бы долгомъ лобызать у него, еслибъ отецъ жилъ не у врага его, доктора Коввіно въ домѣ.

Мы послѣ этого сами пошли къ нему.

Куско-бею было тогда болѣе тридцати пяти лѣтъ. Но онъ былъ еще удивительно красивъ; въ бородѣ его уже показались сѣдины; но черты лица его до того нѣжны, тонки и правильны, глаза такъ выразительны что я понимаю почему его звали смолоду Адонисомъ Янины. Говорятъ, жена одного прежняго лаши была безъ ума влюблена въ него. Она умѣла сочинять стихи и прислала къ нему старую Еврейку съ маленькой бумажкой на которой было написано по-турецки:

Я люблю одного свѣжаго Грека больше самой жизни моей.

Когда фига созрѣла, какой садовникъ можетъ укрыть ее отъ людей?

Куско-бей и молодая Турчанка видались не разъ у Еврейки, которой домикъ былъ близко отъ сада лаши; стали видаться и въ самомъ гаремѣ. Наконецъ лаша узналъ объ измѣнѣ жены.

Пылая гнѣвомъ, онъ неожиданно вечеромъ возвратился домой; Куско-бей успѣлъ, однако, выбѣжать съ помощью служанки въ садъ, перелѣзъ черезъ стѣну на дворъ къ Еврейкѣ; но соскакивая съ высокой стѣны ушибъ себѣ ногу такъ сильно что и до сихъ поръ замѣтно хромаетъ.

Я замѣтилъ что его никто не хвалилъ; и самъ отецъ мой, который отзывался о людяхъ очень осторожно и злословить не любилъ, и тотъ сказалъ мнѣ про него: „Развратный человекъ! Не христіанскаго поведенія человекъ!“

Не понравилось мнѣ также вотъ что у Куско-бея: этотъ богачъ, этотъ первый архонтъ, который скупалъ столько шбайи у Турокъ, этотъ Адонисъ, изъ-за котораго жены лаши подвергались опасностямъ, отъ скуности носилъ сюртукъ до того старый что все сукно его на груди и отворотѣхъ блестѣло какъ стекло, а на рукава его было даже отворотительно взглянуть. Хотя я тогда и мало понималъ еще толку въ европейской одеждѣ и, по правдѣ сказать, всякій сюртукъ и пальто казались мнѣ тогда одеждой благородства и просвѣщенія, но все же я былъ не настолько сдѣлъ чтобы не различать что опрятно и что грязно и гадко для богатаго человека!

Однако и у него въ послѣдствіи мнѣ удалось открыть тѣ *бѣлыя зубы*, на которыя указалъ своимъ посохомъ древній мудрецъ!

Гораздо больше Куско-бея, и вообще больше всѣхъ янникскихъ архонтовъ, понравился мнѣ старикъ Бакырѣ-Алмазъ-Бичо.

Разсужденія его о политикѣ мнѣ показались очень тонки и глубоки. Наружность его была почтенная, истинно архонтская, патріархальная. Ростомъ и видомъ всѣмъ онъ былъ молодецъ и настоящій эфенди. Худой, сухой, бороды не носилъ, а только большіе усы, сѣдые, калитанскіе. Носилъ низамскій однобортный черный сюртукъ, чистый, новый всегда и, конечно, феску, какъ подданный султана. Входилъ въ комнату тихо, уходилъ важно; говорилъ не слѣша; по улицѣ ѣхалъ верхомъ тоже какъ слѣдуетъ архонту пожилому, шагомъ, на смирномъ и статномъ бѣломъ конѣ и съ двумя слугами. Одинъ изъ нихъ несъ за нимъ вездѣ его собственный чубукъ и особый табакъ перваго сорта.

Онъ (мнѣ такъ показалось съ перваго раза) очень хорошо говорилъ о Восточномъ вопросѣ.

— Восточный вопросъ, говорилъ онъ отцу,— подобенъ котлу. Котель стоитъ и варится!

Мнѣ это понравилось; но несносный докторъ Козвино (съ которымъ я было сталъ соглашаться насчетъ развратнаго и скупаго Куско-бея, у котораго уже неломѣрно блестявъ сюртукъ) не могъ и въ этомъ случаѣ не раздражить меня и не оскорбить моихъ чувствъ. Онъ возвратился въ ту минуту когда Бакырѣ-Алмазъ уходилъ отъ насъ. Они поздоровались между собою, и потомъ, пока почтенный архонтъ ѣхалъ медленно верхомъ черезъ площадь, докторъ долго смотрѣлъ на него въ лорнетъ и, засмѣявшись громко, вдругъ воскликнулъ:

— О, дубина! О, добрая христіанская душа! О, истуканъ деревянный, разсуждающій о котлѣ Восточнаго вопроса! Какъ глупы и бессмысленны всѣ наши эти Греки, всѣ эти потомки Фукидидовъ и Солоновъ, и самихъ чертей, когда они говорятъ о политикѣ! Ты замѣть... Нѣтъ, я тебѣ говорю, ты замѣть какую лукавую рожу дѣлаетъ этотъ Бичо, и глазъ одинъ... о, Маккіавель! и глазъ одинъ прищуришь и палецъ къ виску; указательный приложить, когда говорить о Восточномъ вопросѣ... Ха, ха, ха! „Мы дипломаты, значитъ, насъ не обманетъ никто!“ О, дубина! О, Валаамова ослаца, ода-

ревая словомъ! Замѣтилъ ты какъ они разсуждаютъ? Заболѣлъ французскій консулъ лихорадкой. „А! Интрига! Прологагда! Восточный вопросъ!“ Выздоровѣлъ русскій консулъ отъ простуды. „А! демонстрація! Восточный вопросъ!“ Приѣхалъ австрійскій консулъ, уѣхалъ англійскій. „Ба! Мы знаемъ мысли этого движенія; отъ насъ, Грековъ, ничто не утаится... Мы Эллины! Мы соль земли!“ О, дурацкія головы! О, архонтскія головы!

— Перестань, докторъ, сказалъ ему на это отецъ. — Вѣдь и ты архонтъ янинскій. Всѣ люди съ вѣсомъ и положеніемъ въ городѣ зовутся по-янински архонтами.

— Я? я? Архонтъ? Никогда! я могу быть бей, могу быть аристократъ, могу быть, наконецъ, ученый. Но архонтъ янинскій... о, нѣтъ!

Съ этими словами докторъ обратился къ образу Божіей Матери и воскликнулъ, простирая къ нему руки, съ выраженіемъ невыразимаго блаженства въ лицѣ:

— О, Панагія! будь ты свидѣтельницей какъ я былъ радъ и какъ мнѣ было лестно слышать когда мой другъ Благовъ говорилъ мнѣ что въ Янинѣ есть только два замѣчательные и занимательные человѣка, это—хаджи-Сулейманъ, дервишъ, и докторъ Козвино.

— Да, да! продолжалъ онъ потомъ, грозно насканивая то на отца, то на меня, то на Гайдушю, которая стояла у дверей. — Да, да! Я вамъ говорю, хаджи Сулейманъ и я. Да! Одинъ уровень—хаджи Сулейманъ и я. Но только не съ Бакыр-Алмазомъ и Куско-беємъ я сравню себя... Нѣтъ, нѣтъ! я вамъ говорю: нѣтъ, нѣтъ!

Наконецъ бѣдный отецъ уже и самъ закричалъ ему въ отвѣтъ:

— Хорошо! довольно! вѣрнѣе, дай отдохнуть!

И тогда только взволнованный докторъ замолчалъ и нѣсколько успокоился.

Что за несносный человѣкъ, думалъ я, все онъ судить не такъ какъ другіе люди. Никого изъ своихъ соотечественниковъ не чтитъ, не уважаетъ, не хвалитъ. Не зависть ли это въ немъ килить при видѣ ихъ богатства, ихъ вѣса въ Портѣ и митрополіи, при видѣ ихъ солидности? За что напалъ онъ теперь на г. Бичо, на человѣка столь почтеннаго? Что жъ, развѣ не правда что Восточный вопросъ похожъ на котелъ который стоитъ и варится. Очень похожъ. И къ тому же

Бичо человекъ семейный какъ слѣдуетъ, жена, дочка, два сына; домъ хорошій; патриотъ, хозяинъ; не съ Гайдусей какой-нибудь открыто живетъ (всѣ это знаютъ и понимаютъ! И стыдъ, и грѣхъ, и безчестіе имени). Бичо Бакырѣ-Алмазъ живетъ съ женой законною, которая была одною изъ первыхъ красавицъ въ городѣ когда-то; она женщина и добродѣтели непреклонной; ей одинъ турецкій ферикъ или муширъ * въ ея молодости предлагалъ двѣсти лиръ подарку и она не взяла, отвергла ихъ и осталась вѣрна своему мужу.

Имѣніе еще недавно новое они купили въ горахъ; говорятъ вода тамъ превосходная ключевая и лѣсъ значительный.

Нѣтъ, Коввино все блажитъ и хвастается. Я увѣренъ что г. Благовъ уважаетъ Бакырѣ-Алмаза больше чѣмъ этого, можетъ-быть и не злаго, но все-таки безпутнаго Коввино. Хороша честь съ юродивымъ дервишемъ быть на одной ступени! Безумный Коввино!

Въ домѣ у Бичо мнѣ также очень понравилось. Такой обширный, хозяйскій домъ; дворъ внутренній устланъ большими плитами; цвѣты и кусты хорошіе на дворѣ; весной и лѣтомъ вѣроятно они прекрасно цвѣтутъ. Покоевъ множество, диваны просторные, старинные, кругомъ, ковры, зеркала большія, портреты европейскихъ государей. Супруга пожилая, почтенная, въ черномъ шелковомъ платьѣ и въ платкѣ. Идетъ отъ дверей къ дивану долго, тихо, какъ прилично архонтиссѣ; точно также какъ и мужъ, говоритъ не торолясь и съ достоинствомъ. И во всемъ она согласна съ мужемъ, во всемъ она ему вторитъ и поддерживаетъ его.

— Погода хороша; но скоро начнетъ портиться, замѣтил мужъ.—Зима. „Зимой всегда погода портится“, подтвердитъ и она. Мужъ едва успѣетъ вымолвить: „Наполеонъ прехитрившая лисица!“, а она уже спѣшитъ поддержать его и говорить съ негодованіемъ: „Ба! конечно, его двоедушіе всѣмъ извѣстно.“

И я, внимая рѣчамъ этихъ почтенныхъ людей, радовался на ихъ счастье и думалъ про себя, сидя скромно въ сторонѣ „Не шумятъ и не говорятъ эти люди съ утра до ночи, какъ докторъ, но что ни скажутъ они, все правда. Правда что и погода къ зимѣ всегда портится, это и я замѣчалъ не разъ

* Военные генеральскіе чины.

правда и то что хитрость императора Наполеона всѣмъ известна!

Тогда, конечно, я не могъ предвидѣть что Бакырѣ-Алмазъ и жена его будутъ со временемъ мнѣ тесть и теща и что въ этомъ самомъ обширномъ домѣ, въ этой комнатѣ гдѣ я теперь такъ почтительно молчалъ сидя на краю стула, будетъ уже скоро, скоро—о! какъ быстро льется время!—будетъ здѣсь въ честь мнѣ, именно мнѣ, гремѣть музыка громкая, будутъ люди пѣсни пѣть, прославляя меня, и вино пить, и ѣсть, и веселиться, и дѣти будутъ ударять въ ладоши, прыгая съ криками по улицѣ при свѣтѣ факеловъ вокругъ моей невѣсты.

И даже невѣста моя будущая подавала мнѣ сама тогда варенье и кофе и я смотрѣлъ на нее разсѣянно и думалъ: дочка однако у нихъ не такъ-то хороша. Худа слишкомъ и очень блѣдна.“ Вотъ что я думалъ принимая угощеніе изъ ея рукъ.

И точно маленькая Клеопатра была собой непривлекательна, личико у ней было какъ будто больное, сердитое, или испуганное. Ей было тогда тринадцать лѣтъ, и не пришло еще время скрываться по эфирскому обычаю отъ чужихъ мужчинъ до дня замужества.

Когда она внесла варенье, Бакырѣ-Алмазъ сказалъ отцу моему:

— Это дочь моя, Клеопатра.

— Пусть она живетъ у васъ долго, отвѣтилъ отецъ.

Потомъ Бакырѣ-Алмазъ велѣлъ ей поставить подносъ и казалъ:

— Она знаетъ сатирическіе стихи на нынѣшнее правительство короля Оточа. „О, доколь саранча чужестранная... Доколь, о Греки, Баварецъ глухой... * Несчастной отчизны...“ Садись Клеопатра и слюй эту пѣсню; почти нашихъ гостей.

Клеопатра молчала.

— Слои, Пятра, когда отецъ желаетъ. Почти гостей. подтвердила мать.

Но Клеопатра вышла тотчасъ же изъ комнаты, не говоря ни слова и съ недовольнымъ видомъ.

— Некрасивая и непослушная дѣвочка, подумалъ я тогда,

* Известная на Востокѣ пѣсня. Король Оточъ былъ точно немножко глухъ.

и тѣмъ кончилось наше первое свиданіе. Съ того дня я ее почти до самой свадьбы моей не видалъ, ибо вскорѣ послѣ этого ея уже перестали пускать въ пріемную при мужчинахъ.

Въ первое воскресенье которое пришлось послѣ нашего пріѣзда, мы съ отцомъ были въ митрополіи у обѣдни.

Старого митрополита нашего я видѣлъ не въ первый разъ. Года полтора тому назадъ онъ объѣзжалъ Загорье: служилъ обѣдню въ нашемъ Франгадестѣ; я при немъ пѣлъ и читалъ Апостола; онъ далъ мнѣ цѣловать свою руку, хвалилъ мое усердіе и сказалъ мнѣ: „Вотъ ты начинаешь жизнь свою службой при храмѣ. Начало доброе; смотри чтобы птицы злыя не расклевали эти благія сѣмена. Не связывайся никогда съ безумными юношами твоего возраста! Турокъ и тотъ хорошо говорить: „Дели базаръ—бокъ базаръ“; то-есть—общество безумныхъ есть рынокъ грязи.“

Я поклонился ему въ ноги и еще разъ поцѣловалъ старческую дрожащую его десницу. Краткая встрѣча эта, эта торжественная епископская служба, которую я въ первый разъ видѣлъ въ нашей Загорской церкви, милостивое вниманіе которымъ отличилъ меня преосвященный Анѣимъ отъ другихъ моихъ сельскихъ сверстниковъ, все это оставило въ сердцѣ моемъ глубокое впечатлѣніе, и я ужасно обрадовался когда увидалъ что преосвященный еще бодръ и крѣпокъ на службѣ. Онъ былъ росту огромнаго, и бѣлая короткая борода очень шла къ его полному и очень красному, но предоброму и даже иногда немного застѣнчивому лицу.

Послѣ обѣдни мы зашли къ нему и застали у него нѣсколько янинскихъ старшинъ. Казалось, полное, примѣрное согласіе царствовало между архиластыремъ и мірскими богатыми представителями христіанской общины. Архонты (въ ихъ числѣ былъ и Бичо) почтительно цѣловали его руку, низко ему кланялись, подавали ему туфли, говорили безпрестанно „преосвященнѣйшій“, „отче святыи“; улыбались ему: онъ имъ тоже всѣмъ улыбался и, прикладывая руку къ сердцу, называлъ то одного, то другаго съ большимъ, ловидимому, чувствомъ „благословенный ты мой!“ Я радовался.

Однако скоро разговоръ принялъ не совсѣмъ любезное направленіе, а одно слово преосвященнаго и мнѣ показалось очень колючимъ. Одинъ изъ архонтовъ спросилъ его, доволенъ ли онъ послѣднимъ своимъ путешествіемъ по епархіи.

Преосвященный вздохнулъ, подумалъ и переспросилъ его: „доволенъ ли я путешествіемъ по епархіи?“ Еще разъ вздохнулъ и сказалъ наконецъ вотъ что:

— Всякое путешествіе, благословенный мой, поучительно чѣмъ-нибудь. Въ этотъ разъ я видѣлъ нѣчто весьма полезное, видѣлъ людей которые пасли овецъ и другихъ людей, которые за свиньями смотрѣли. Боже мой; думалъ я, какая благодать кроткихъ овецекъ пасты! Всѣ онѣ вмѣстѣ, всѣ согласны, куда одна, сердечная, бѣжитъ, бѣгутъ и другія. Пастырю доброду и радость. Совсѣмъ иное дѣло свинья. Пасты свиней это мука адская; съ утра выгнали ихъ вмѣстѣ, а къ вечеру уже и собрать ихъ нельзя; онѣ всѣ разбѣжались по рошѣ. Тогда что долженъ дѣлать бѣдный пастухъ? Онъ раскалываетъ небольшую палочку, ловить одну свинью и ущемляетъ ей ухо. Услышавъ только визгъ этой свиньи и вся остальная скотина сбѣгается въ ту сторону! Вотъ что я видѣлъ, и на многія мысли навело меня подобное зрѣлище, благословенный ты мой.

Нѣкоторые изъ старшинъ улыбнулись; другіе громко застѣались; Бакырѣ-Алмазъ, который съ архіереемъ былъ очень друженъ, обвелъ все собраніе торжествующимъ взглядомъ, постучалъ пальцемъ по виску, моргнувъ отцу моему глазомъ и сказалъ:

— Гм! понимаете?

Но красивый Куско-бей, который съ небрежною важностью,iota и все въ томъ же отвратительномъ сюртукѣ, почти лежалъ въ углу на диванѣ, замѣтилъ на это довольно дерзко и съ презрѣніемъ въ лицѣ:

— Разныя вещи бываютъ на свѣтѣ!.. Но я полагаю, ваше преосвященство, что тотъ пастухъ и почитается больше который умѣетъ примѣняться къ характеру пасомыхъ!..

Послѣ этого Куско-бей всталъ и, поклонившись почитательно архіерею, вышелъ. За нимъ вскорѣ ушли и другіе почитатели; поднялся и отецъ; но преосвященный еще при другихъ показалъ ему рукой и глазами на диванъ и сказалъ ему:

— Мы съ тобой, киръ Георгій, давно не видались. Я Загоры ваши всегда помню и когда вижу вдали высоты ваши изъ яинскихъ оконъ, то всегда вспоминаю псаломъ: „Лучше день одинъ во дворахъ Твоихъ, лаче тысячь“!

Когда мы остались одни съ архіереємъ, онъ указалъ рукою на дверь и сказалъ отцу:

— Видѣлъ ихъ? видѣлъ ты ихъ?.. Распри, корысть, зависть, лицепріятіе. Увы! благословенный ты мой... Когда бы зналъ кто изъ васъ какъ тяжело и многотрудно положеніе христіанскаго епископа въ Турціи!

— Знаемъ, святой отче, знаемъ! сказалъ отецъ.—Епископъ здѣсь не только пастырь церкви, онъ и народный начальник... Знаемъ мы вашу скорбь!

— Нѣтъ, ты не знаешь скорбей нашихъ... Ты думаешь что знаешь, ибо у тебя сердце мягкое, христіанское, благочестивое. Вотъ ты и жалѣешь иногда старика; думаешь: „трудно, бѣдному старику!“ А какъ трудно, почему—ты сердца моего не можешь понять... Скорбь мою, ты, мірской человѣкъ, едва ли можешь понять. Взгляни на этихъ богатыхъ Яніотовъ. Раздоры, вражда, я тебѣ говорю, зависть! Суммы пожертвованныя благолѣтелями Эпира на добрыя дѣла не хорошо расходуются. Ужасный грѣхъ! Простой народъ нашъ янинскій тоже раздачей этой денежной избалованъ. Все онъ бѣденъ, все онъ жалуется. Молодые работники наши отчаянные люди, разбойники, вожеизвлекатели. Турокъ самихъ не боятся. Не такъ давно одинъ молодецъ ножомъ издали грозился старику Бакырѣ-Алмазу на праздникъ, чтобъ и ему дали денегъ при раздачѣ. Влѣзъ на камни и показалъ Бакырѣ-Алмазу ножъ. Должны были и ему дать, хотя онъ молодецъ и крѣпкое. Но Бакырѣ-Алмазъ вытребовалъ для него денегъ: „Не то чтобъ я его боялся, говорить, а не хорошо благородному человѣку съ такимъ разбойникомъ дѣла имѣть...“ А Турки свое, а консула свое, а наши попы и монахи, тоже и они не ангелы, самъ знаешь. Наши люди говорятъ: „Когда же у насъ колокола будутъ звонить? пора бы гатти-гумайювъ исполнять!“ А Турки янинскіе говорятъ: „Погибнемъ всѣ, а проклятаго звона гяурскаго не услышимъ!“ Трудно архіерею въ Турціи, трудно! Къ кому пойти о колоколахъ просить? съ кѣмъ дружбу сводить митрополиту? Съ Русскимъ? и Турки, и Англичане, и Французы крикъ и шумъ поднимаютъ... Патріархъ совѣтуетъ осторожность, среднимъ „царскимъ путемъ идти!“ Какъ же это идти? попросить западныхъ представителей о колоколахъ? Скажу тебѣ, и сердце не расположено; я человѣкъ старый, изъ тѣхъ еще ржавыхъ людей которые говорили

что лучше чаду въ Цареградѣ видѣть чѣмъ митру лал-скую... А къ тому же, пойду я къ Англичанину—Русскаго оскорблю! И этого не хочу, и не должно. А Янюты меня осуждаютъ... Митрополитъ у нихъ виновать все!... Одинъ изъ нихъ недавно сказалъ: „Хорошо что у протестантовъ епископы женатые, и алостоль говорить: „Еписколъ долженъ быть одной жены мужъ...“ Монахи люди жесткіе и семейныхъ дѣлъ не понимаютъ ничуть.“

— А что сами они дѣлають, я тебѣ скажу сейчасъ. Приходить ко мнѣ недавно протосингелъ мой и говорить: „Посмотрите что у насъ въ Янинѣ дѣлается.. Старая вдова Алексина дочь свою хочетъ за Турка отдать. Я посылаю за вдовой. Неидетъ. Послалъ за ней кавасса, насильно привели. Привела съ собой и дочь. Женщина смѣлая; остановилась вотъ тутъ въ дверяхъ, взяла дочь за руку и закричала не женскимъ голосомъ, а лютымъ: „Отче! видишь ты сироту?“— Я говорю, вижу. Она олятъ: „Отче! видишь ты сироту?“ Я опять говорю ей кротко: „Вижу, благословенная, вижу!“— „Возми же ее; я уйду и откажусь отъ нея. Ты ей будь отецъ; если ты на дашь мнѣ воли судьбу ей сдѣлать...“ Я и такъ ей и иначе говорю; нѣтъ силъ. „Видишь ты сироту?“—Вижу. „Ну возьми ее.“ Шумъ, крикъ, дѣвушка плачетъ, скандалъ великій! Въ чемъ же дѣло? А вотъ въ чемъ. Люди они точно бѣдные, отца нѣтъ: домикъ только есть одинъ и больше ничего; кромѣ этой старшей дочери еще есть шестеро дѣтей. Пришла она предъ послѣдней раздачей милостыни къ Куско-бею и говоритъ: „Дайте мнѣ на приданое сколько можно изъ благотѣльскихъ суммъ; я нашла ей жениха.“ А Куско-бей отвѣчаетъ...

Тутъ архіерей остановился и посмотрѣлъ на меня... Отецъ хотѣлъ было удалить меня, но старецъ одумался и сказалъ: „Нѣтъ, пусть и онъ слышитъ все; пусть учится отличать добро отъ зла съ равныхъ дѣтъ!...“ И продолжалъ:

— Куско-бей говоритъ ей на это: достану ей двойное приданое, пусть поцуетъ тамъ гдѣ я ей скажу. Ушла вдова. Къ другому, и другой то же, „я ей и своихъ прибавлю“. Третій, постарше, говоритъ: „У архіерея проси, я не знаю этого.“ Еще одинъ, тотъ говоритъ: „И бѣднѣ васъ есть, у Куско-бея проси.“ Бакиръ-Алмазъ сказалъ: „Радъ бы, но одинъ безъ другихъ и я не могу обѣщать.“ По несчастію увидалъ въ это время дочь ее одинъ вдовый Турокъ; чело-

вѣкъ лѣтъ тридцати, не болѣе; хозяйнѣ, лавочку на базарѣ имѣеть. Поправилась Турку дѣвушка, онъ и говоритъ вдовѣ: „Не ищи для дочери приданого, я ее возьму такъ. Въ вѣрѣ же ея, клянусь тебѣ, я стѣснять ее не буду. И церковь, и постъ, и все ей будетъ на свободѣ. Даже и полу приходскому старику не возбраню входъ въ жилище мое.“ Посуди, каково искушеніе? и посуди еще каковъ скандалъ? Лукавая женщина въ этотъ первый разъ мнѣ ничего не сказала искренно, а ушла отсюда и оставила тутъ дочь, закричала на нее: „Проклятіе мое, если отсюда за мною пойдешь!“ Долго сидѣла сирота и плакала здѣсь на лѣстницѣ. Наслау старуха одна и кавассъ увели ее домой. „Чтобы не прокляла меня мать“, боится сердечная. „На насъ грѣхъ, на насъ!“ сказали мы ей всѣ. Потомъ призвалъ я ихъ съ матерью при старшинахъ и при всѣхъ сталъ уговаривать ее чтобы не выдавала замужъ за Турка. Тогда-то она стала вдругъ какъ львица лютая и съ великимъ гнѣвомъ обличила при мнѣ всѣхъ старшинъ. Вѣрѣ мнѣ что отъ стыда я въ этотъ часъ не зналъ что мнѣ сказать и что дѣлать. Больше всѣхъ она обличала этого Куско-бея, и онъ не находилъ уже словъ въ свое оправданіе; только гладилъ бородку свою, плечами пожималъ и обращаясь ко мнѣ говорилъ презрительно: „Клевета, святой отецъ, одна клевета. Все это отъ простоты и неразвитости происходитъ. Женщина неученая и неграмотная. Все это отъ того недостатка воспитанія, которымъ страдаетъ нашъ бѣдный народъ..“ Другіе ему не возражаютъ. Однако рѣшили ей дать хорошее приданое и она отказала Турку и выдала теперь дочь за одного бѣднаго христіанина. Что ты на это мнѣ скажешь, благословенный другъ мой?

Не помню что сказалъ на это архіерею отецъ мой; я былъ потрясенъ негодованіемъ, слушая это, и съ удивленіемъ вспомнилъ о презрѣннѣ которое литалъ къ архонтамъ этотъ, казалось бы, столь легкомысленный и безумный Коввисъ.

На время я совершенно перешелъ на его сторону и готовъ былъ признать его умнѣйшимъ и справедливейшимъ изъ людей.

Въ ту минуту когда, уходя изъ митрополіи, мы спускались съ лѣстницы, на дворѣ послышался какой-то шумъ, раздались крики и мужскіе, и женскіе. Мы увидѣли у порога толпу; служители архіерея; старухи, нищія, дѣти окружили осла на которомъ лежала, испуская жалобные вопли, молодая

женщина въ простой и бѣдной сельской одеждѣ. Около нея стоялъ худой, высокій, тоже бѣдно одѣтый мужчина; лицо его было ожесточено гнѣвомъ; волосы растрепаны; онъ спорилъ съ дьякономъ и произносилъ самыя ужасныя проклятія, и потрясалъ съ отчаяніемъ на груди изношенную одежду свою. Это былъ мужъ несчастной привязанной веревками на сплнѣ осла. Такъ привезъ онъ ее изъ села; такъ сопровождаемый толпой проѣхалъ онъ черезъ весь городъ до митрополіи. Мы остановились самъ преосвященный вышелъ на лѣстницу.

— Что ты дѣлаешь, варваръ, съ женой своей? сказалъ онъ шурлому мужу.

— То что должно ей. непотребной. дѣлать, отвѣчалъ мужъ резко взглядывая на архіерея.— Я знаю свой долгъ, старче мой и ты должное, разведи меня съ этою блудницей или убью ее.

— Молчи, звѣрь воскликнулъ старецъ, поднимая на него свой посохъ.

— Пойдемъ отсюда, сказалъ отецъ, увлекая меня за руку. Мы вышли изъ воротъ митрополіи и долго шли молча и шумчиво. Наконецъ отецъ мой вздохнулъ глубоко и воскликнулъ. „Свѣтъ сѣтныи свѣтъ Земля жизнь ничтоное какъ мука.“ И я вздохнулъ, и мы опять пошли молча. Такъ пріятно началось и такъ печально кончилось это раздичное утро.

За завтракомъ докторъ немного развлекъ насъ. Онъ самъ жаловаться на небрежное служеніе греческаго духовства, сталъ хвалить католиковъ (наканунъ ужасно бралъ ихъ за фанатизмъ), выскочилъ изъ-за стола и сперва представилъ въ лицахъ какъ должно кадить почтительно разамъ, читать и молиться съ благочестіемъ и солидно, а потомъ сталъ передразнивать нашихъ здѣшнихъ поповъ какъ они слѣшаютъ и не уважаютъ святыни.

Отецъ уговаривалъ его перестать кощунствовать, говорилъ: „Грѣхъ, Ковнявъ, грѣхъ.“ Но отъ смѣха воздержаться онъ не могъ; я же до слезъ смѣялся.

Докторъ наконецъ усталъ, сѣлъ опять за столъ и сказалъ: „Мнѣ грѣхъ, а тѣмъ кто дурно литургисуетъ; не мнѣ грѣхъ. Бѣдный старикъ архіерей все-таки лучше ихъ всѣхъ. Пусть онъ и служитъ въ церкви хорошо, благолѣпно. Я его за это люблю. Къ тому же тамъ гдѣ нѣтъ, какъ у насъ здѣсь

ни рыцарскихъ преданій, ни чувства чести, ни высокой учности, ни, могу такъ сказать, аристократическаго воспитанія, тамъ остается одно—религія. Архіерей чловѣкъ искрено религіозный; а эти архонты... эти архонты...

Опять мнѣ пришлось согласиться съ докторомъ. Я чувствовалъ что онъ все возвышается и возвышается въ моихъ глазахъ; я не понималъ только того, что онъ хочетъ сказать своимъ аристократическимъ воспитаніемъ?

Развѣ не аристократы Куско-бей и другіе архонты? Развѣ старые торговые роды Элира; они богаты, имѣютъ хорошіе дома, начальствуютъ надъ ремесленниками и сельскими людьми, садятся у консуловъ въ пріемной, имѣютъ доступъ въ митрополи и въ Потрѣ...

Посмотримъ что скажетъ объ этомъ г. Благовъ; когда придетъ, я, можетъ-быть, рѣшусь спросить у него, если онъ попрежнему будетъ ко мнѣ благосклоненъ.

XIII.

Консулы не подчиняются у насъ въ Янивѣ старому вѣстному обычаю, по которому живущій въ городѣ дѣлаетъ первый визитъ новопрїѣзжему.

Они и тогда когда сами вновь прїѣзжаютъ, и тогда когда наши мѣстные люди послѣ нихъ прибываютъ въ городъ ждутъ первыхъ посвщеній отъ насъ. Между собой, какъ равные съ равными, они слѣдуютъ нашему примѣру; новый консулъ ждетъ дома посвщеній отъ консуловъ прежде его бывшихъ въ Элирѣ. Исключеніе одно—паша. Къ нему какъ къ сановнику гораздо ихъ высшему по чину, консулы идутъ первые. У эллинскаго консула отецъ мой былъ послѣ прїѣзда своего, но не засталъ его дома. Не засталъ дома и г. Бакѣва, который въ отсутствіе г. Благова управлялъ Русскимъ консульствомъ. Я очень желалъ видѣть г. Бакѣва и посмотрѣть какой онъ. На мое несчастіе, онъ самъ два раза заходилъ къ доктору, на первой же не засталъ послѣ нашего прїѣзда, но оба раза меня не было дома. Однажды меня увелъ къ себѣ на домъ старикъ ходжа Сеиффенди, чтобы познакомить меня съ сыномъ своимъ, милымъ, очень милымъ юношей, моихъ лѣтъ; а другой

я, по приказанію отца, ходилъ кое-какія вещи покупать на базарь.

Такъ я дней около десяти, думаю, прожилъ въ городѣ и не видалъ еще ни одного иностраннаго агента. На второе воскресенье отецъ сказалъ мнѣ: „Одѣнься и причешись по-чине: мы пойдемъ сегодня ко всѣмъ консуламъ.“ Онъ сказалъ мнѣ при этомъ еще что г. Бакъевъ много разговаривалъ съ нимъ, когда въ послѣдній разъ сидѣлъ у доктора, и приглашалъ его заходить почаще въ консульство; принималъ изъ рукъ его тѣ статистическія тетради которыя мы заготовляли въ Загорахъ по просьбѣ г. Благова и даже просилъ его совѣта по тяжбному дѣлу между однимъ турецкимъ бекъ и бѣдными христіанами.

— Я знаю коротко это дѣло; оно старое, оно возобновлялось въ двухъ лапахъ, сказалъ отецъ.—И Козвино крѣпко просилъ меня объяснить г. Бакъеву всю правду. Г. Бакъевъ оказалъ мнѣ: „Я вамъ вѣрю. Я даже согласенъ показать вамъ ту записку которую я составилъ объ этомъ дѣлѣ.“ Посмотримъ.

— Кто же этотъ бей? спросилъ я у отца.

— Этотъ самый Абдурраимъ-эффенди, котораго ты здѣсь видѣлъ, отвѣчалъ отецъ.

— А какъ вамъ показался г. Бакъевъ? послѣшилъ спросить я съ любопытствомъ.

Отецъ улыбнулся и подумалъ, потомъ сказалъ:

— Ни перваго нумера, ни самаго послѣдняго, а средняго. Той выдѣлки къ которой относится нашъ Благовъ, а по-моему. Вотъ самъ увидишь.

Я одѣлся и причесался не безъ волненія внутренняго; мнѣ было и пріятно и очень страшно что я пойду теперь къ представителямъ европейскихъ державъ. Феска у меня была новая, но полосатый халатикъ мой (хотя тоже свѣтлый и изъ хорошей матеріи) и верхняя широкая одежда моя изъ тонкаго сѣраго сукна меня очень тревожили и смущали. Какъ я бы радъ былъ въ эту минуту самой дешевой европейской жакеткѣ. Быть-можетъ и Консула подумаютъ про себя то же самое что Козвино громко сказалъ: „Этотъ молодой мальчикъ носить „турецкій саванъ“. Но что дѣлать? Дѣлать! Имя эллинскаго консула было г. Куркориди; мы полагаютъ что родной отецъ его былъ изъ Армянъ. Онъ состоялъ на службѣ по разнымъ городамъ Турціи. Въ городѣ про него говорили что онъ человѣкъ опыт-

ный, но слишкомъ осторожный, смиренный и тяжелый и потому ни вреда, ни пользы большой никому не дѣлалъ. Онъ былъ вдовъ и жилъ скромно и уединенно, съ незамужнею дочерью, уже не слишкомъ молодою.

Жилище его было бѣдно и довольно пусто.

Мы увидали здороваго, свѣжаго, очень толстаго старика: степеннаго, солиднаго, дѣйствительно очень осторожнаго.

Принялъ онъ отца, не могъ я и понять хорошо ли худли. Какъ будто внимательно, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто и холодно. Отецъ тоже хитрый; началъ его испытывать по немногу. Это я сейчасъ же понялъ. Сперва онъ разказалъ ему о своемъ затруднительномъ положеніи въ Тудлѣ и томъ что отъ англійскаго вице-консула Вальтеръ Гей, вѣдѣлъ больше защиты чѣмъ отъ своихъ греческихъ конкурентовъ, и прибавилъ что онъ и теперь очень боится быть въ нужденнымъ прежде времени отсюда уѣхать съ большими глазами.

— Да, непріятно, говорилъ консулъ. И потомъ прибавилъ вздохнувши—Турція!

Потомъ отецъ сталъ говорить про г. де-Леси, дѣшлага англійскаго консула.

— Я его давно знаю, сказалъ отецъ,—онъ у меня дома занимается. Старъ, ничѣмъ не занимается, кавасса своего, Тука говорить во всемъ слышется.

На это консулъ нашъ отвѣчалъ

— Да. Онъ въ лѣтахъ, это правда. И только.

Отецъ опять:—Дѣлъ не любить.

А консулъ:—Что жъ ихъ любить? За что? Человѣкъ а куратный, почтенный. Люди вездѣ много слишкомъ слогомъ говорятъ. Всему вѣрить нельзя.

Отецъ похвалилъ г. Благова и консулъ согласился:—Прекрасный молодой человѣкъ; умный молодой человѣкъ.

Отецъ говоритъ:—Не молодецъ ли слишкомъ для своей должности?

А консулъ:—Молодецъ, но очень хорошій человѣкъ.

Отецъ спрашиваетъ:—Вотъ про управляющаго, г. Бакфея не такъ-то хорошо отзывается общественное мнѣніе. Почему, говорятъ, Благова умомъ?

— Не вѣрьте, сказалъ Киркориди. — Не вѣрьте людскимъ разговорамъ. Онъ тоже очень хорошій человѣкъ. Онъ ученъ. Имѣетъ золотую медаль изъ университета русскаго

— Я думаю зайти къ нему. Какъ вы скажете, ваше сіятельство? спросилъ отецъ.

— Зайдите, зайдите, отвѣчалъ Киркориди.— Ко всѣмъ иностраннымъ агентамъ зайдите. Отчего не зайти и не предаться? И къ французскому консулу зайдите. Великія при державы, которымъ Эллада равно обязана. Вы знаете, ей долгъ защищать ваши интересы; хотя вашъ паспортъ неправиленъ. Но Турки подозрительны, а мы не сильны. Личное знакомство ваше съ консулами облегчитъ ваше положеніе. Жаль что у насъ въ Греціи такъ охотно выдаютъ грекамъ подданнымъ паспорта. Это большое неудобство! Все это онъ говорилъ тихо и равнодушно и толстыми пальцами по столу, барабанилъ.

Отецъ всталъ и говорить:

— Позвольте, господинъ консуль, снять съ васъ бремя него послѣщенія.

А онъ какъ будто бы обрадовался.

— А! говорить: — куда же это вы? Слѣзайте вѣроятно? боцайте. До свиданія.

Отъ него мы пошли къ г. Корбетъ де-Леси, великобританскому консулу. Онъ (ты вѣроятно не забылъ этого) нами давно нашъ явнскій домъ и платилъ за него намъ немалыя хорошія деньги.

Мы очень обрадовались когда увидали въ какомъ порядкѣ держитъ онъ все наше хозяйство. Дворъ былъ чистъ; въ саду цвѣтники мило зеленѣли, несмотря на осеннее время. Не видно было ни одной сорной травы, ни щелки, ни мажки, ни разбитой посуды, какъ бываетъ у другихъ. По каменному двору ходили павлины; красивыя, красныя утки недавней породы плавали въ маленькомъ мраморномъ бассейнѣ, который посреди двора нашего устроилъ Англичанинъ на свой собственный счетъ.

Въ особенномъ, очищенномъ и огороженномъ мѣстѣ, у Корбетъ де-Леси разводились въ послѣднее время бѣлыя голубы и лѣтухи. Онъ былъ уже старъ, холостъ и должно было скучать. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ еще любилъ охотиться и держалъ хорошихъ верховыхъ лошадей. Но съ возрастомъ охотой онъ началъ тяготиться; что касается до лошадей, то онъ ихъ всѣхъ продалъ вдругъ, въ досадѣ на своего конюха. У него былъ тогда прекрасный конюхъ, молодой полу-Арабъ, бронзоваго цвѣта, сынъ того юродиваго

дервиша хаджи-Судеймана, который меня такъ и напугалъ и насмѣшилъ у доктора въ домѣ. Консулъ наряжалъ богатъ молодого сеуса въ разноцвѣтныя и разукрашенныя куртки и шаровары и давалъ ему много свободы, требуя только одного — послушанія и чистоты. Однажды сеусъ подвелъ ему лошадь. Г. де-Леси хотѣлъ ѣхать къ лашѣ. Завося ногу въ стремя, консулъ увидалъ вдругъ на этомъ стремяху кусокъ прилипшей грязи. Онъ сказалъ тогда со вздохомъ: „У меня нѣтъ слугъ! И такой службы не называю службой.“ Отправилъ лошадь назадъ въ конюшню; пошелъ къ лашѣ пѣшкомъ; Араба разчелъ въ тотъ же день и отпустилъ его, лошадей тотчасъ же продалъ.

Съ тѣхъ поръ онъ сталъ заниматься археологіею византийской и бѣлыми курами. Онъ хотѣлъ сдѣлать ихъ какъ можно болѣе хохлатыми и не желалъ видѣть на перьяхъ ни малѣйшей желтой или черной отмѣтины.

По нѣскольку разъ въ день онъ самъ посѣщалъ ихъ и ботился усердно обо всемъ что до нихъ касалось.

Зная эту страсть его, отецъ мой привезъ изъ Заго очень большаго и хорошаго лѣтуха, почти совсѣмъ бѣлаго и курицу въ такомъ же родѣ.

Они кормились у доктора; мы съ Гайдусей все время смотрѣли за ними; въ этотъ же самый день, когда мы утра собрались дѣлать консуламъ визиты, отецъ послалъ еще прежде себя пораньше нарочнаго человѣка съ лѣтухомъ и курицею къ г. де-Леси. На дворѣ, однако, мы напрасно высматривали. Ихъ не было съ другими курами.

Полюбовавшись на прекрасное ховяйство, мы вошли, наконецъ, въ разубранное жилище. Я былъ пораженъ! Коматы наши были полны древностями, раковинами, рѣдкими камнями изъ горъ; китайскими, сирійскими, персидскими пестрыми вещами; разною мелочью; на столахъ стояли ящики подъ стеклами съ древними монетами и другими антикми. Книгъ было много, въ золотыхъ и разноцвѣтныхъ переплеткахъ: хорошихъ гравюръ и картинъ такъ много и на стенахъ, и по столамъ что я въ одно посѣщеніе не успѣлъ и рассмотреть. Ковровъ и ковриковъ разной величины, цвѣта и цѣта было вездѣ множество. Какъ выставку большой пріемной диванъ былъ турецкій, крытый желтымъ атласомъ, и страшный тигръ разостланный около него.

дѣлъ на посѣтителей большими стеклянными глазами какъ живой.

Самъ консулъ былъ старъ; онъ казался старше Киркориди и больше походилъ, по моему мнѣнію, на калпризную старушку чѣмъ старца. Ростомъ маленькій; лицо то веселое, то сердитое, красное-прекрасное, головка бѣлая, немного трясется; борода и усы гладко выбриты. Чистенькій, чистенькій; на рукахъ рукавчики не такіе какъ у другихъ, а мягкіе и со сборками, какъ у дамъ.

Несмотря на двукратное приглашеніе консула, я долго не сѣлъ и сѣсть даже на желтый шелковый диванъ. Такой матеріи на диванѣ я никогда еще не видалъ и мнѣ все казалось что здѣсь можетъ сидѣть только самъ великій визирь или по крайней мѣрѣ такой раздушенный ароматами и даже въ дорогѣ въ бархатъ одѣтый паликаръ благородный, какъ мой будущій благодѣтель г. Благовъ. Сѣлъ, однако, вспоминая приказаніе отца не быть слишкомъ уже дикимъ и чрезъ мѣру не стыдиться.

Разговоръ, впрочемъ, и здѣсь, какъ у Киркориди, былъ не слишкомъ занимателенъ сначала. Консулъ съ радостью сказалъ отцу моему что онъ недавно узналъ одну прелюбопытную вещь: „Я узналъ что куры ѣдятъ муравьевъ“.

Потомъ когда отецъ мой передалъ г. Корбетъ де-Леси поклонъ отъ г. Вальтера Гея, старичокъ вдругъ раздражился, покраснѣлъ и какъ бы съ презрѣніемъ спросилъ: „Вспомнилъ онъ обо мнѣ? Это удивительно! удивительно!“

Отецъ послѣ сознался мнѣ что г. Вальтеръ Гей никогда поклона гну де-Леси не посылалъ и вообще не хвалилъ и не любилъ его. Но отецъ лучше ничего не могъ придумать для того чтобы начать рѣчь о своихъ дѣлахъ, и о томъ что нагнетается на помощь могущественной Англіи, если Турки начнутъ сильно тѣснить его по дѣлу его съ Петраки-беемъ и Хахамопуло.

Пока отецъ съ восторгомъ разказывалъ о подвигахъ г. Вальтера Гея въ Тульчѣ, о томъ какъ онъ на базарѣ прибилъ соадитъ, я внимательно смотрѣлъ на стараго джентльмена и замѣчалъ что онъ недоволенъ. Онъ то дѣлалъ прерывательное лицо, то слегка пожималъ плечами, то перемѣнялъ позу въ своемъ огромномъ креслѣ. Головка его старушечья еще больше затряслась.

Когда отецъ мой кончилъ и прибавилъ: „Я очень ему бла-

годаренъ! Я могъ пріѣхать на родину благодаря его энергіи достойной представителя такой великой державы, какъ Великобританія!" Г. де-Леси нѣсколько времени помолчалъ и потомъ, слегка наклонивши голову на сторону, засмѣялся съ пренебреженіемъ: хе! хе! хе!...

— Вы не согласны со мной, г. консулъ? спросилъ отецъ

Г. де-Леси еще разъ: хе! хе! хе! и притомъ очень строго:

— Я, къ сожалѣнію, скажу вамъ что не согласенъ съ вами г. Полихроніадесъ!

— Съ чѣмъ же именно? спросилъ отецъ.

— Со всѣмъ! еще строже повторилъ старичокъ.

Отецъ смутился и я за него тоже покраснѣлъ.

Подумавши, г. де-Леси вдругъ послѣшно прибавилъ:

— Нѣтъ! извините меня, г. Полихроніадесъ, я согласенъ... не съ вами.... О, нѣтъ, но съ г. Вальтеръ Геемъ, въ одномъ.... Въ одномъ я съ нимъ согласенъ, именно въ томъ что онъ самъ гораздо болѣе варварски и незаконно поступилъ въ нашемъ дѣлѣ, чѣмъ Турки, на которыхъ онъ такъ нападаетъ. О! съ этимъ я согласенъ.... О! это съ его стороны было очень остроумно сознаться громко что онъ обнаружитъ, какъ онъ тогда сказалъ, болѣе варварства, чѣмъ Турки.

— И такъ вы, ваше сіятельство, находите что насъ христіанъ не надо защищать и тогда когда мы правы? спросилъ отецъ съ негодованіемъ и даже измѣнился въ лицѣ.

— Я этого крайняго мнѣнія, кажется, не выразилъ, отвѣчалъ старичокъ и замолчалъ.

Онъ довольно долго сидѣлъ послѣ этого молча и разглядывалъ внимательно рѣзной потолокъ; потомъ указывая на него сказалъ съ пріятною, почти восторженною улыбкой:

— Вотъ искусство къ которому нѣкоторые Элироты, по видимому, естественно склонны, искусство точить изъ дерева. Въ митрополіи прекрасный иконостасъ. Жаль если эта отрасль будетъ предана забвенію.

Отецъ молчалъ. Онъ былъ взволнованъ. Онъ больше всего ждалъ помощи отъ Англійскаго консульства. Онъ всегда говорилъ: „Русскимъ трудно; ихъ считаютъ Турки врагами. Французы умѣютъ дѣйствовать только одною дерзостью; но если Англичанинъ захочетъ намъ помочь у паши, ему это легче всякаго. Въ общихъ дѣлахъ надо вѣрить Русскимъ и на нихъ надѣяться; въ мелочахъ же Англичанинъ, которому

Турки больше вѣрятъ, можетъ быть полезнѣе.... Если только мочеть!...“

Отецъ ничего не отвѣтилъ на замѣчаніе консула о рѣзбѣ и глубоко вздохнувъ, спросилъ его наконецъ:

— Итакъ, г. консулъ, чего я могу ожидать отъ вашего сѣательства въ случаѣ какихъ-либо притѣсненій? Наше Эдльское консульство, вы знаете, не сильно, а несвоевременный отъѣздъ на Дунай можетъ быть пагубенъ и здоровью моему и разстроить всѣ мои расчеты. Чего, смѣю повторить, могу я ждать?

— Отъ меня? спросилъ съ притворнымъ удивленіемъ Корбетъ де-Леси. И опять: „Хе! хе! хе!...“

Бесчастный отецъ, я видѣлъ, ужасно стыдился и мучался. А бы, кажется, убилъ на мѣстѣ эту капризную старуху, которая жарила моего добраго и больнаго родителя в медленномъ огнѣ.

Посмѣявшись такъ оскорбительно консулъ всталъ и мы вѣнѣ. Онъ протянулъ отцу руку чтобы сказать этимъ: „пора вамъ и уходить отсюда“ и нѣсколько минутъ стоялъ передъ нами, опустивъ глаза въ землю; наконецъ вдругъ вдвинувъ ихъ на отца и воскликнулъ: „Отъ меня? Чего вы ждете ждать отъ меня? Я полагаю, хотя и не навѣрное.... эта и не навѣрное, что вы можете ожидать отъ меня всегда прекраснаго совѣта!

— Въ какомъ родѣ, г. консулъ? спросилъ отецъ.

— Въ родѣ того что нужно придерживаться большей правды относительно эдльскихъ и вообще иностранныхъ шпортовъ въ Турціи, г. Полихроніадесъ. Несомнѣнные автотоны Эдлады стѣсненій не имѣютъ въ этой странѣ.

Мы поклонились и стали уже слускаться съ дѣвственны, къ вдругъ услышали что Корбетъ де-Леси слѣштитъ за нами по большой залѣ и зоветъ отца. Мы остановились.

— Я долженъ извиниться еще и просить васъ объ одномъ предметѣ убѣдительно, сказалъ онъ любезно. — Убѣдительно прошу васъ ни куръ, ни тѣмъ болѣе пѣтуховъ съ рыжими перьями привѣшанными къ бѣлымъ мѣ не присылать болѣе, ибо если даже и выдергать эти рыжія перья, о которыхъ вы рѣчь, то расположеніе къ этому отбѣнку остается въ мнѣ у птицы и она можетъ мнѣ испортить не исправимо, всю породу. Особенно пѣтухи! Курицу вашу я

лустилъ временно гулять по двору; но лѣтухъ вашъ и до сихъ поръ лежитъ связанный въ углу комнаты кавассовъ и вы его можете тамъ найти.

Кончивъ рѣчь, консуль вѣжливо поклонился намъ и вернулся въ свои внутренніе покои.

На улицѣ отецъ приостановился и сказалъ мнѣ:

— Этотъ старикъ, слушай, рѣдкое сокровище! Вотъ ядовитый старичокъ какой. Онъ прежде былъ лучше, съ годами сталъ хуже. Ничего, ничего!... Терпѣвай!

Отъ Корбетъ де-Леси, мы пошли къ мсье Бреше, французскому консулу.

У него квартира была тоже не дурна: но я не замѣтилъ у него тѣхъ рѣдкостей, древнихъ сосудовъ, монетъ, разныхъ ковровъ и ковриковъ, какъ у Англичанина. Кавассы его были горды, суровы и одни изъ всѣхъ консульскихъ кавассовъ одѣты не по-албански, въ фустанеллы и разноцвѣтныя куртки, а въ низамское турецкое платье, въ паталовы и черныя сюртуки, съ кривыми саблями съ боку. Люди городъ говорили что это ввела мадамъ Бреше отъ скупости низамское платье проще и дешевле. Другіе говорили что это есть иная причина. Разказывали будто бы гжа Бреши выражается такъ: „Je déteste l'habit Albanais; c'est trop Grèc“. Я ненавижу Грековъ. Вездѣ простой народъ золъ; но эдакого парижскаго работника и простаго Грека ничего вътѣ свѣтъ! стоить только послушать какъ ссорятся и какии голоса люди кричатъ въ Пирей, чтобы понять это!“

Насъ провели въ холодную, большую приемную, въ которой не было ни печки, ни жаровни, и заставили ждать насъ тамъ по крайней мѣрѣ цѣлый часъ.

Все было тихо въ домѣ. Мы прислушивались. Консуль показывался.

Гордые кавассы не подали отцу даже табаку и бумаги чтобы скрутить сигары, какъ дѣлаютъ всегда слуги хорошихъ домовъ, чтобы гость не скучалъ, ожидая хозяина.

Видя это обращеніе, отецъ изъ своего кармана вынулъ табакъ и сталъ курить. Онъ сидѣлъ повѣсивъ голову и грустно. Долго тишина не нарушалась ничѣмъ; только разъ мы услышали издали громкій женскій голосъ, который довольно близко кричалъ: „Alfred!“ Мужской голосъ изъ другой комнаты отвѣтилъ на это: „Tout-à-l'heure, Mathilde!“

И потомъ опять все умолкло. Наконецъ дверь растворилась

и вошелъ г. Бреше гордой посылкой и съ необычайною строгостью во взорѣ.

Мы стремительно вскочили съ дивана. Г. Бреше былъ худъ и довольно высокъ; онъ казался еще не старъ; волосы и бороды его были еще не сѣды; но все лицо было въ меакихъ морщинахъ и, какъ мнѣ и тогда уже показалось, онъ втягивалъ себѣ внутрь животъ насильно, чтобы выставить больше грудь впередъ и казаться гордѣе.

Онъ не сѣлъ, а стоялъ у стола, оперся на него одною рукою и спросилъ у отца по-гречески, но очень неправильно и неприятно:

— У васъ есть дѣло? Что вамъ нужно?

— Дѣла у меня есть, это правда, г. консуль, отвѣчалъ отецъ почитительно.—Но на этотъ разъ я осмѣлился придти къ вашему сіятельству лишь для того чтобы рекомендовать себя представителю одной изъ трехъ великихъ державъ сохранившихъ нашу свободную Грецію. Я загорскій уроженецъ и элиинскій лодданный, а это мой единственный сынъ.

Г. Бреше молча кивнулъ головой. Онъ наводилъ на меня ужасъ. „Французы никого и ничего не боятся“, говорили Яніоты. „Они дѣлаютъ вездѣ что хотятъ. А мсье Бреше не только вспылчивъ; онъ жестокъ и бьетъ людей крѣлко, не разбирая ни вѣры, ни званія, ни возраста.“

— Eh bien? сказалъ г. Бреше.—Ваши дѣла? Ваши тяжбы? Говорите. Быть-можетъ васъ Турки оскорбили или ограбили? Скажите смѣло. Я выучу ихъ обращаться получше съ людьми. Русскіе учили ихъ, но мало. Теперь возьмемся мы. Говорите! у меня мало времени (онъ взглянулъ на часы).

Изъ другой комнаты опять раздалось восклицаніе: „Alfred! Dois-je encore attendre?“ И консуль отвѣчалъ опять: „Tout-à-l'heure!“

— Я могу зайти въ другое время, послѣшилъ сказать отецъ.—Извините что я осмѣлился обезлокоить васъ.

— Нѣтъ, это ничего, отвѣчалъ г. Бреше, все также сурово.— Говорите, если у васъ есть дѣло не терпящее отсрочки. Консульство императора Французовъ открыто всегда для тѣхъ кто нуждается въ поддержкѣ. Тотчасъ же по пріѣздѣ моемъ сюда, при первомъ посѣщеніи которое мнѣ сдѣлали здѣшніе христіанскіе старшины, я сказалъ имъ: „Здѣсь вашъ папа! Здѣсь вашъ конакъ! идите сюда смѣло и будьте увѣрены что вамъ будетъ всякъ хорошо. Франція никогда не будетъ потворствовать неразумію преждевременныхъ грече-

окихъ стремленій. Турки, при всей ихъ необразованности, имѣютъ больше государственнаго смысла, чѣмъ вы, и свобода была бы гибельна для васъ самихъ. Но ваши личныя, ваши гражданскія права, ваша жизнь и собственность обезпечены отъ нихъ!.. съ той минуты какъ я здѣсь, говорю вамъ, нѣтъ болѣе конака! я низвергъ уже трехъ лашей въ разныхъ мѣстахъ и выгналъ изъ ихъ епархій двухъ греческихъ архіереевъ, которые дѣлали свои лоповскія глупости. Въ этомъ домѣ телерь, повторяю я, вашъ конакъ! *Entendez vous!*? грозно прибавилъ онъ, возвышая голосъ и стуча по столу рукою.

Отецъ мой въ отвѣтъ на это поклонился и отвѣчалъ:

— Кому же неизвѣстно, г. консулъ, что Франція телерь преобладающее государство въ Европѣ?

— Телерь? повторилъ г. Бреше съ презрительнымъ выраженіемъ въ лицѣ. — Телерь? Франція была такой и прежде, государь мой, и будетъ вѣчно! Франція была всегда во главѣ человечества. Она предназначена распространять всегда и вездѣ свободу и равенство, противодѣйствовать всѣмъ вреднымъ и варварскимъ началамъ, откуда бы они ни исходили...

— *Alfred! Je pars!* произнесъ въ дверяхъ женскій голосъ и вслѣдъ за этимъ черезъ комнату прошла послѣдняя сама гжа Бреше. Она была очень наряда одѣта. Шелковое платье ея было такое широкое и длинное, какого я никогда до тѣхъ поръ не видывалъ.... Развѣ только на царскихъ портретахъ. Серьги у нея были длинныя, самой нѣжной работы; на плечахъ дорогой мѣховой воротникъ; а шляпка—просто игрушка!

За то лицомъ она была очень некрасива; худая, блѣдная; носъ слишкомъ длиненъ. Проходя, она едва-едва отвѣтила на нашъ почтительный поклонъ и сказала мужу что-то вполголоса по-французски. Я тогда еще говорить по-французски не могъ; но понималъ уже немного, когда предметъ разговора былъ не очень трудный.

Вслушиваясь въ то что сказала Француженка мужу, я запомнилъ два слова: „*se morfondre*“ и „*ces individus*“. Потомъ, разспрашивая я узналъ что первое значить что-то въ родѣ „возиться“, „связываться“, а второе „эти недѣлимые, эти люди“, но съ отгѣнкомъ пренебреженія.

Итакъ гжа Бреше, мало заботясь о томъ что мы могли бы и хорошо знать по-французски, такъ невѣжливо и дерзко выражалась о насъ въ нашемъ присутствіи. И эти люди, эти

чловѣки императора, эти защитники просвѣщенія и свободы, хотѣли пріобрѣсти популярность у насъ на Востокѣ. Чѣмъ же? Хвастовствомъ, дерзостью, оскорбленіями и... католическою проповѣдью, прозелитизмомъ вѣры которую (какъ будто мы не знаемъ этого!...) они у себя въ государствѣ всячески потрясли и стѣснили

Не правда ли какъ умно?

Г. Бреше тогда взялъ со стола свою шляпу и перчатки и сказалъ отцу

— Если нѣтъ спѣшнаго дѣла то извините меня. — Зайдите въ другой разъ: я сдѣлаю вамъ нѣсколько вопросовъ касающихся вашей родины.

Съ этими словами онъ вышелъ въ большую залу и вмѣстѣ съ женой и двумя кавассами важно спустился съ лѣстницы.

Осторожно, издали, спускались за ними и мы.

Поворота изъ воротъ на улицу, мы увидали что г. Бреше подавъ руку своей женѣ и лицо его здѣсь на улицѣ, при видѣ встрѣчнаго народа, сдѣлалось уже не суровымъ, какъ дома, а вполнѣ свирѣлымъ. Кавассы махали бичами во всѣ стороны. Народъ разступался.

Не прошло и десяти шаговъ, какъ уже пришлось намъ быть свидѣтелями одной сцены, въ которой г. Бреше показывалъ какъ Франція защищаетъ вездѣ равенство и свободу.

Молодой деревенскій мальчикъ, Куцо-Влахъ, почти дитя, непосытый, ловидимому, и совсѣмъ невнятный, вѣшалъ на ослѣ своемъ, спустивши ноги въ одну сторону съ сѣдла. Онъ, кажется, былъ утомленъ и дремалъ.

Консулу показалось что онъ осмѣлился слишкомъ близко проѣхать по узкой улицѣ около шелковаго платья гжи Бреше.

— Бей его! закричалъ консулъ.

Кавассы тотчасъ же сорвали мальчика съ сѣдла и начали бѣгло бить его толстыми бичами своими по спиѣ и даже въ головѣ, куда вздумалось. Несчастный молчалъ, пригибаясь. Мадамъ Бреше сперва лосмѣялась этому, а потомъ сказала: „Assez!“ И они пошли дальше.

Мнѣ до того было жалко бѣднаго мальчика (который былъ шикъ лѣтъ со мною), что я еще при консулѣ довольно громко закричалъ, всплеснувъ руками: „Боже мой! Чтò за глупы! Чтò за жалость? За чтò это?“

Подшли, оглядываясь на удаляющагося Француза, и другіе ады, и христіане, и Турки, и Евреи. Всѣ утѣшали маль-

чика, который съѣлъ на камнѣ и горько плакалъ. Его подняли олять на осла, старались шутками развеселить и говорили ему: „Айда! айда! дитя, добрый часъ тебѣ, паликаръ; не плачь, поѣзжай домой!“

Мы пошли дальше; отецъ задумчиво качалъ головой; а я съ изумленіемъ и ненавистью думалъ еще долго, долго о гордомъ и морщинистомъ лицѣ французскаго консула и объ его нарядной, но злой и отвратительной мадамѣ.

XIV.

Едва мы сдѣлали еще нѣсколько шаговъ по улицѣ, какъ вдругъ предъ нами предсталъ самъ Крѣвино. Несмотря на всю необузданность и живость своего характера, докторъ по улицамъ ходилъ медленно и важно, въ ринсе-пез, въ новомъ цилиндрѣ, въ свѣжихъ перчаткахъ; серьезно, солидно, изрѣдка только и грозно сверкая бровями.

Увидавъ насъ, онъ однако, повеселѣлъ, подошелъ къ отцу и воскликнулъ:

— А, добрѣйшій мой, я искалъ тебя! Знай что ты завтракаешь сегодня поздѣе обыкновеннаго, на островѣ, и въ монастырѣ Св. Пантелеймона, со мной, съ Бакѣевымъ и съ другомъ твоимъ Чувавалиди. Жаль что Бакѣевъ любитъ этого глупаго патріота Исаакидеса... Ты знаешь, того который пишетъ иногда корреспонденціи въ аѳинскія газеты... Я ненавижу этого лакея и боюсь чтобы Бакѣевъ не пригласилъ и его... Но что дѣлать!.. Готовься; домъ мой будетъ залепт сегодня.

— Господи помилуй! возразилъ отецъ.—Теперь зима, ноябрь Развѣ дѣлаютъ зимой чумбуши * за городомъ?.. Положимъ что погода хороша и тепла...

— А! А! воскликнулъ докторъ съ восторгомъ.—О! развѣ это не причина, развѣ не наслажденіе сдѣлать именно такъ какъ дѣлаютъ другіе! Яніоты ѣдутъ на островъ лѣтомъ, а я не ѣду! Яніоты говорятъ „теперь зима!“ Они ѣдутъ, а я ѣду! Слѣши, мой другъ, между тѣмъ къ Бакѣеву. Онъ ждетъ тебя чтобы поговорить о дѣлѣ Абдурраимъ эфенди. Ему доставили ложныя свѣдѣнія и онъ хочетъ

* Чумбушь—увеселеніе, пирушка, пикникъ.

дѣйствовать противъ него и въ Константинополѣ и здѣсь. Иди, прошу тебя.

Отецъ сказалъ что зайдетъ только на минуту въ Австрійское консульство.

Я былъ очень огорченъ, не зная возьмутъ ли меня на островъ или нѣтъ; но, къ счастью, докторъ, уходя, вдругъ остановился, позвалъ олатъ отца и съ улыбкой, разсматривая меня въ лорнетъ, сказалъ:

— И сына, и сына, и сына однороднаго привези!

Добрый человѣкъ докторъ! Истинно доброй души!

Видѣться съ австрійскимъ консуломъ, отецъ мой не слыхомъ заботился. Онъ имѣлъ мало вліянія на дѣла. И потому, мы были очень рады что его не было дома. Отецъ велѣлъ мнѣ латинскими буквами написать на бумажкѣ нашу фамилію (такъ какъ карточекъ визитныхъ мы, конечно, не употребляли), и просилъ кавассовъ убѣдительно не забыть сказать г. Ашенбрехеру что Георгій Полихроніадесъ, Загорецъ и греческій подданный, приходилъ засвидѣтельствовать ему свое почтеніе.

Пока отецъ говорилъ съ кавассами, я взглянулъ вокругъ себя и замѣтилъ что это консульство было какъ будто хуже бѣдѣе всѣхъ. Прихожая была довольно тѣсна; на вступаемъ дворѣ висѣло и сушилось бѣлье,—все на виду, какъ у простыхъ людей. Кавассы были одѣты бѣдѣе чѣмъ у Англичанина и Француза; наверху ужасно шумѣли и кричили дѣти; изъ кухни пахло жаренымъ. Надъ дѣвственницей на минуту показалась и сама мадамъ Ашенбрехеръ. Она была лишь просто одѣта, беременна и держала на рукахъ маленькаго сына; за ней съ топотомъ, визгомъ и крикомъ бѣжало еще трое дѣтей... Лицомъ она была моложава и пріятна. Увидавъ насъ она покраснѣла и скрылась, а дѣти побѣжали шалить съ визгомъ за ней.

Оттуда мы пошли въ Русское консульство.

Г. Благовъ занимаетъ огромный и прекрасный домъ одного трехкаго бей. На обширномъ зеленомъ дворѣ, окруженный высокою, толстою и древною стѣной, по которой какъ бы вѣтвями разрослася темный и величественный плющъ, этотъ домъ показался мнѣ царскимъ жилищемъ. Широкая была галерея, вся въ стеклахъ, два изящныхъ выстула съ балюстрадами по бокамъ, дѣвственница каменная, просторная, на

верхній этажъ; мраморными плитами выложенныя кажныя стѣны... За домомъ садъ хорошій.

Внутри было еще лучше; на этотъ разъ мнѣ пришлось видѣть только канцелярію, въ которой, несмотря на праздничный день, занимался г. Бакъевъ слѣдственными дѣлами.

Увидавъ насъ, г. Бакъевъ всталъ, пожалъ руку отцу, ласково поклонился мнѣ и предложилъ намъ сѣсть.

Отецъ спросилъ у него доволенъ ли онъ тѣми статистическими свѣдѣніями которыя онъ составилъ въ Загорахъ по желанію г. Благова?

— Свѣдѣнія? спросилъ г. Бакъевъ, какъ бы разсѣянно.— Извините я не помню. Вы знаете такое обиліе дѣлъ.

— Тетради котловыя.... сказалъ отецъ.

— Ахъ да тетрадки!.. Да!.. Извините, помню, помню. Но что дѣлать, я не успѣлъ просмотрѣть. Знаете управленіе очень трудно... Впрочемъ, я увѣренъ что ваши свѣдѣнія прекрасныя

На видъ если хочешь г. Бакъевъ былъ еще болѣе консуль чѣмъ Благовъ. Очень рослый, плотный, хотя и очень еще молодой, онъ при всемъ этомъ былъ и лицомъ чрезвычайно красивъ; гораздо красивѣе Благова. Глаза его, большіе и выразительные, одни уже могли бы украсить и облагородить всякую физиономію. Въ одеждѣ его не было ничега фантастическаго, какъ у Благова но онъ одѣтъ былъ щеголовски и по послѣдней модѣ.

Говорилъ онъ гораздо лавнѣе, величавѣе и сообразнѣе консульскимъ званіемъ чѣмъ Благовъ, который былъ ипогн уже слишкомъ живъ и какъ бы безпеченъ въ рѣчахъ, тон и пріемахъ.

У Бакъева всѣ движенія были тихи и величественны, какъ у трагическаго актера, и глядѣлъ онъ въ лицо собесѣдника серіознѣе и даже какъ будто несравненно лукавѣе, чѣмъ ея съ виду слишкомъ веселый и легкомысленный начальникъ.

Г. Бакъевъ угостилъ насъ сигарами и кофе и сказалъ еще что не прочь отъ скуки провести сегодня день на островѣ вмѣстѣ съ отцомъ и *бѣднымъ* докторомъ (такъ онъ и звалъ Коввино, — *бѣдный!*).

Потомъ онъ началъ разспрашивать отца о Загорахъ. Говорилъ онъ обо всемъ какъ будто осторожно и загадочно, пожалуй что и безтолково (но такъ я помялъ съ теченіемъ

времени; въ первый же разъ я принялъ это за высшую дипломатию и образованность).

— А! Загоры? Загоры? Да, Загоры! А скажите прошу васъ: Франгадесъ, это въ Загорахъ?

— Это наше село, государь мой, сказалъ отецъ.

— А, это ваше село! Самое ваше?... То-есть оно вамъ принадлежитъ?... Вамъ самимъ?

— Нѣтъ, какъ можно, г. управляющій.—Это село большое, богатое, свободное; я одинъ изъ простыхъ жителей его— больше ничего.

— Житель.... А.... Житель... Прекрасно... Франгадесъ?... Франгадесъ? Тутъ что-нибудь Франки въ древности.... Въ-прямую! А позвольте еще спросить: Негадесъ, это тоже Загоры?

— Тоже Загоры, г. управляющій.

— Тоже Загоры. И Линьядесъ тоже Загоры?

— И Линьядесъ принадлежитъ къ нашему округу. Наши Загоры, г. управляющій, имѣютъ издревле особыя права; насъ нѣтъ вовсе Турокъ и турецкаго начальства. Наши Загоры можно бы назвать особою маленькою республикой изъ вѣдѣній султана и въ прямой зависимости отъ яничарскаго лаши.

— Да, это извѣстно, сказалъ равнодушно г. Бакъевъ.—Загоры? Загоры? славянское имя. Впрочемъ это я такъ... Что значить имя? Пустой звукъ. Здѣсь все Греки... Франгадесъ, Линьядесъ, да, у одного изъ нашихъ подданныхъ въ селѣ Негадесъ есть дѣло... Прескучное! Такъ вотъ вы изъ Франгадеса.... А, кстати о тяжбахъ: Мнѣ докторъ Козвино сказалъ что вы знакомы коротко съ тяжбой нашихъ огородниковъ съ Туркомъ Абдураимомъ-эффенди-который.... Это дѣло идетъ о землѣ которая простирается вправо.... почти вправо.... До чего она вправо, мсье Бостанджи-Оглу?

Бостанджи-Оглу былъ молодой писецъ Русскаго консулята; онъ, въ отсутствіи настоящаго драгомана, который ушелъ съ Благовымъ, замѣнялъ драгомана. На вопросъ г. Бакъева, Бостанджи-Оглу отвѣтилъ что земля эта идетъ „вправо“ до двора и дома Еврея Менахема Варуха“.

— Да, да, Варуха! сказалъ г. Бакъевъ.—Вотъ и прекрасно. Вы знаете, значить, коротко эту плачевную исторію, этотъ

образецъ, одинъ изъ безчисленныхъ образцовъ, здѣшнихъ прѣисненій и страданій... Это ужасно!

Потомъ г. Бакъевъ велѣлъ лицу запереть дверь и обращаясь къ отцу моему таинственно сказалъ:

— Я довѣрю вамъ нѣкоторыя отрывки изъ мемуара который я составилъ по этому вопросу. Вы знаете конечно что сообщать постороннимъ лицамъ то что мы пишемъ, не въ правилахъ нашихъ. Но вы даже и здѣсь, въ городѣ, давно извѣстны какъ пламенный руссофилъ; я слышалъ объ васъ еще прежде. Я знаю и то что въ 54мъ году ваша жизнь черезъ Русскихъ была въ сильной опасности... Намъ все извѣстно къ тому же, долгомъ считаю прибавить что я не настолько невиненъ чтобы безъ цѣли прочитывать мои деленія и мемуары постороннимъ лицамъ... Безъ цѣли... Понимаете? Надо чтобы единовѣрцы наши знали какъ мы горячо любимъ ихъ интересы... Надо... Знаете...

Говоря это, г. Бакъевъ съ улыбкой простеръ предъ бою руку и представилъ какъ надо сѣсть сѣмена на почву земли.

Отецъ скромно склонилъ голову.

Тогда г. Бакъевъ обратился къ лицу Бостанджи-Оглу приказавъ ему читать, не слѣша и перевода прямо и точною съ русскаго на греческій. Хотя отецъ мой Дунавъ и въ Бессарабіи выучился говорить по-русски, литературный и дипломатическій языкъ были ему недоступны и потому г. Бакъевъ и велѣлъ читать мемуаръ по-гречески.

„Осмѣливаюсь почтительнѣйше повергнуть на благожелательное вниманіе ваше дѣло Абдурраимъ-эффенди съ янычарскими огородами.“

Такъ началъ Бостанджи-Оглу. Онъ былъ родомъ Фригіецъ, но ребенкомъ еще жилъ долго въ Одессѣ и потомъ равныхъ лѣтъ служилъ лицомъ при генеральномъ Русскомъ консульствѣ въ Константинополѣ. Поэтому онъ оба языка греческій и русскій, зналъ отлично и переводилъ очень хорошо и не долго думая.

„Многосложность моихъ теперешнихъ занятій могла дать мнѣ нѣкоторое право замедлить этими сообщениями слезы бѣдныхъ огорожниковъ, обильно пролитыя подъ сѣдужаваго ора, лобудили меня къ усиленной дѣятельности во имя гуманности и самыхъ священнѣйшихъ интересовъ нашей великой отчизны. Элементъ православія несомнѣнно

страдаетъ на Востока! Дѣло огородниковъ тому живой при-
чѣнъ. Теперь это дѣло мнѣ ясно. Гордіевъ узелъ разруб-
ленъ. Абдураимъ-эффенди, негодяй и отъявленный фанати-
къ, стремится завладѣть давнею собственностью единоутре-
бныхъ намъ бѣдняковъ, собственностью, дававшей имъ и
свѣтствамъ ихъ вполнѣ достаточное и приличное содержаніе.“

Отецъ внимательно выслушалъ всю бумагу до конца. Я
тоже старался выкинуть въ ея смыслъ.

Когда Бостанджи-Оглу кончилъ, я посмотрѣлъ на отца.
Онъ былъ, казалось, несовсѣмъ доволенъ этимъ изложеніемъ
дѣла и молчалъ, глядя въ землю.

— Что же вы имѣете сказать въ пользу или противу этого
мемуара? спросилъ г. Бакъевъ.—Быть-можетъ, найдутся ка-
кія-нибудь погрѣшности въ подробностяхъ и вы... конечно...
вы здѣшній житель. Но, главное, я желаю бы знать ясно
ли изложено... хорошо ли изображены всѣ обстоятельства
этого дѣла? Вотъ что главное!

— Мемуаръ прекрасный, отвѣчалъ отецъ,—и написанъ вы-
сокимъ дипломатическимъ языкомъ, которому я, по недо-
статку ученаго воспитанія, едва ли и судьей быть въ си-
лахъ. Но, если вы желаете чтобъ я откровенно выразилъ
мое мнѣніе, г. управляющій, я осмѣлюсь возразить одно...
только одно... я спрашиваю, не полезнѣе ли будетъ для насъ
христианъ, если высшія власти великихъ державъ будутъ
забываемы лишь о дѣйствительныхъ притѣсненіяхъ и обя-
занъ? Они найдутся въ обиліи. Дружественно ли или враж-
дебно держава расположена къ христианамъ и къ Турціи,
все равно. Имѣя какъ можно болѣе фактовъ, избѣгая, какъ
можно болѣе, увлеченій, ошибокъ и клеветъ, высшія власти
какой бы то ни было иностранной державы, будутъ знать
лучше на чемъ основывать свои дѣйствія, на что надѣяться
и чего опасаться... Ложныя свидѣнія даютъ оружіе въ руки
фаганъ, которые могутъ обвинять дипломатію въ несправ-
дливости въ клеветѣ...

— Какъ такъ! воскликнулъ, краснѣя и мѣняясь въ лицѣ
г. Бакъевъ.—Развѣ эти свидѣнія ложны?

— Извините! вы желали знать правду, оказалъ отецъ, по-
хлопавъ глаза и прикладывая руку къ сердцу.

г. Бакъевъ, видимо смущенный и недовольный, обратился
къ Бостанджи-Оглу и сказалъ ему:—Не вы ли провѣряли эти
дѣла...

Бостанджи-Оглу покраснѣлъ еще болѣе чѣмъ начальникъ его, и съ досадою обратился къ отцу моему:—Мнѣ все подробно изложилъ Кускѡ-бей. Кускѡ-бей былъ самъ здѣсь многое я записалъ прямо съ его словъ.

— Вы никого больше не спрашивали? спросилъ его отецъ.

— Кого же спрашивать? возразилъ Бостанджи-Оглу:—Исаакидеса спрашивали. Онъ сказалъ что не знаетъ дѣла этого основательно: слышалъ только что Абдуorraимъ-эффенди правѣе... Но Кускѡ-бей предупредилъ меня чтобъ Исаакидесу мы именно въ этомъ дѣлѣ не вѣрили, потому что у него есть старая тяжба съ Шерифъ-беємъ, племянникомъ Абдуorraимъ-эффенди. У племянника съ дядей дѣла почти всѣ общія и г. Исаакидесу желательно чтобъ у Шерифъ-бея было больше средствъ и денегъ для уплаты ему... Ему невыгодно чтобъ другіе выигрывали тяжбы противъ этой семьи. Докторъ Коввино приходилъ нарочно три раза и тоже говорилъ въ пользу бея. Но Коввино въ подобныхъ дѣлахъ не чаетъ вѣкъ...

— Конечно, Коввино не человѣкъ! подтвердилъ г. Бакъевъ.

— Приходилъ еще вчера дьяконъ отъ митрополита и говорилъ также въ пользу бея, но г. Бакъевъ не изволилъ съзойти...

— Разумѣется! воскликнулъ г. Бакъевъ:—митрополитъ Акимъ извѣстный туркофилъ, я же имѣлъ въ пользу противнаго мнѣнія два элемента: народъ... понимаете, народъ, притомъ свенный въ своихъ правахъ, и кого же еще?.. Кускѡ-бей, неваго изъ здѣшнихъ архонтовъ. И аристократію и демократію!.. Ясно?

Отецъ молчалъ. Г. Бакъевъ настаивалъ, однако, и хотѣлъ знать непремѣнно его мнѣніе. „Хотя бы для того чтобъ лучше опровергнуть его!“ нѣсколько разъ повторилъ онъ.

Тогда отецъ, со всевозможными смягченіями, съ вѣжливостію и даже съ лестію и COMPLAIMENTAMI, но за то и съ большою точностію, доказалъ ему что все дѣло изложено такъ и что даже вовсе о немъ какому доносить не нужно.

— Волервыхъ, сказалъ отецъ: всѣмъ извѣстно что я туркофилъ. Избави Боже! Не проходитъ дня чтобъ я возсылалъ молитвы объ удаленіи Агарянь туда откуда они пришли. Но національная ненависть моя не такъ слѣпа что я не могъ различать одного Турка отъ другаго и не отдавать каждому должное. Абдуorraимъ-эффенди не только

негодий, а напротивъ того, одинъ изъ самыхъ лучшихъ въ Яничъ Турокъ. Человѣкъ онъ умный и благородный. Лично я познакомился съ нимъ недавно; но характеръ его давно мнѣ извѣстенъ и родъ къ которому онъ принадлежитъ древній яничскій родъ, никогда фанатизмомъ и христіаноборствомъ не отличавшійся. Къ тому же въ этой тѣлѣ, которую я знаю давно, онъ не что иное какъ маска для иной души. Часть доходовъ съ этой земли была предоставлена извѣстному одному христіанскому небольшому монастырю, который даже и построенъ былъ Туркомъ, дѣдомъ этого Абдурраима-эффенди, по слѣдующему странному случаю. Этотъ онъ запоздалъ однажды зимою въ дорогѣ. На горахъ началъ въ вечеру дуть сильный вѣтеръ и съ утра уже падалъ снѣгъ. Шелъ, наконецъ, бѣи верхомъ, со всеми людьми и выюками своими, на большое и гладкое поле, по глубокому снѣгу. Были они долго ли, мало ли, только ѣхали на ладъ собакъ рвѣсь собою, догадываясь что Яница близко; огня же горелыхъ за бурей снѣжной не было видно. Наконецъ съ большими усиліями достигли они до города и тогда только въ ужасомъ и радостію поняли что переѣхали по новому мѣду поперекъ всего Яничскаго озера. Озеро наше замерзаетъ очень рѣдко: съ тѣхъ поръ, кажется, и не случилось этого еще ни разу... И не слышано было никогда что кто-либо рѣнулъ переходить у насъ лѣшкомъ по льду, не говоря уже о лошадяхъ и тяжелыхъ выюкахъ. Бѣи сообразилъ тогда что онъ сплутился на ледъ около того мѣста гдѣ стояли скалины одного древняго маленькаго скита, разореннаго турманами въ смутную годину. Онъ благодарилъ Мать „Борока-Исуса“, столь дивно его сохранившую; отстроилъ ново на свой счетъ маленькій и красивый скитъ и назначилъ ему въ пользованіе ту самую землю о которой идетъ дѣль рѣчь. Г. Бостанджи-Оглу упомянулъ о Шерифъ-бей, яничанинѣ Абдурраима. Отецъ Шерифа, по имени Омеръ, онъ былъ женатъ на христіанской дѣвушкѣ, плѣненной въ тѣхъ годахъ. Эта дѣвушка была матерью Шерифъ-бей; она была до сихъ поръ; сохранила христіанскую вѣру, бываетъ рѣдко въ церкви и общается. Шерифъ-бей очень ее уважаетъ, какъ слышно, и любитъ. Съ братомъ покойнаго мужа, Абдурраимомъ-эффенди, она въ хорошихъ отношеніяхъ: Земля же о которой идетъ рѣчь находится по наследству во владѣніи Шерифъ-бей и его матери и они выплачиваютъ

постоянно доходы на монастырь; земля эта издавна отдавалась вънаймы подъ огороды; теперь же, повидимому, Шериф-бей и его дядя хотять распорядиться ею иначе и выгоднѣе; во всякомъ случаѣ, увеличеніе дохода съ земли увеличитъ и монастырскій доходъ.... Куско-бей, съ своей стороны, имѣетъ претензіи на эту землю, на основаніи какихъ-то дѣлъ его отца съ отцомъ Абдураима-эффенди, и дѣла это вообще крайне запутано и темно. Но ясно одно, что Абдураимъ-эффенди, потомокъ спасеннаго Турка, является въ этой табѣ защитникомъ православной церкви и ея доходовъ; а противники его, эти огородники, вовсе и не собственники этой земли; они лишь орудіе Куско-бея. Куско-бей, благодаря своей ловкости и деньгамъ, сумѣлъ выиграть нѣсколько процентовъ противу богатыхъ Турокъ, которымъ онъ часто даетъ деньги на большіе и незаконные проценты для ихъ роскоши и разныхъ прихотей восточнаго воспитанія. Этимъ путемъ онъ пріобрѣлъ въ собственность же нѣсколько чифликковъ, и обязаннымъ селянамъ, какъ слышно, не стало лучше при немъ, чѣмъ было при Туркахъ. По какимъ-то соображеніямъ, онъ въ этомъ дѣлѣ не хочетъ являться самъ въроатво, стыдится открыто показать себя грабителемъ церкви, и потому посылаетъ огородниковъ плакать по консуламъ.

Кончивъ это объясненіе отецъ еще разъ наговорилъ тысячу извиненій, сказалъ что онъ не дипломатъ и можетъ-быть не дальновиденъ, но что по мѣрѣ силъ своихъ раздѣляетъ мнѣніе г. Благова, который просилъ при собираніи свидѣнія ничего не преувеличивать.

Услыхавъ что ему какъ будто ставятъ въ примѣръ Благова, Бактевъ опять измѣнился въ лицѣ и холодно сказалъ отцу что онъ все-таки благодаритъ за объясненія, прибавилъ

— Хотя, конечно, сущность дѣла.... или лучше сказать сущность моего взгляда измѣнить уже не можетъ никто, я благодарю васъ все-таки за трудъ который вы на се взяли.

И обратившись къ Бостанджи-Оглу, онъ сказалъ ему пожелательно:

— Чтобы мемуаръ былъ переписанъ вовремя.... Завтра его непременно отправлю.... Слышите?

Позднѣе мы отъ того же Бостанджи-Оглу узнали что г. Бактевъ бранилъ его за дурнаго свидѣнія; мемуаръ ра

рвалъ, ничего объ этомъ больше не писалъ, и когда огородники пришли опять плакать, онъ ихъ не принималъ, а велѣлъ имъ сказать что онъ все уже сдѣлалъ что могъ и никакая сила всѣхъ здѣшнихъ безпорядковъ прекратить не можетъ. Г. Благоевъ возвратясь сдѣлалъ замѣчаніе г. Бакѣеву за это дѣло, говоря:

— Вотъ еслибы вы меньше занимались слезами огородниковъ, которые вовсе не такъ несчастны.... То вы бы не забросили тетради Полихроніадеса, которыя надо было тотчасъ же перевести по-русски.

Они даже, разказываютъ люди, сильно по этому поводу испорили.

Но обо всемъ этомъ я узналъ, разумѣется, гораздо позже, тогда когда я сталъ почти своимъ человѣкомъ въ Русскомъ консульствѣ. А теперь впечатлѣніе отъ всѣхъ визитовъ консуламъ было для насъ не слишкомъ веселое и одобрительное.

Эллинскій консулъ принялъ насъ, разумѣется, вѣжливо, и до дверей провожалъ, и говорилъ о долгахъ своемъ относительно греческихъ подданныхъ; но сознался что защищать ихъ интересы въ Турціи иногда очень трудно державѣ слабой и Туркамъ недружественной. Англичанинъ, несмотря на старое знакомство свое съ отцомъ, насмѣшливо отказалъ ему въ помощи.

Французъ принялъ его какъ простаго носильщика или дощаника, не посадилъ и руки не подаль. Обѣщавъ все, не далъ даже въ чемъ дѣло. Можно ли ему вѣрить?

Русскаго управляющаго отецъ, вопреки своей обычной осторожности, некстати огорчилъ и оскорбилъ, увлекшись на минуту своимъ старымъ расположеніемъ къ русскимъ чиновникамъ, желаніемъ своимъ видѣть ихъ всегда толковыми и дѣловыми.

Простившись съ г. Бакѣевымъ, мы поспѣшили къ доктору, который ждалъ насъ уже давно и сердился собираясь на островъ. Г. Бакѣевъ, недовольный отцомъ, даже не оказалъ ему: „До свиданія, на островѣ“, когда мы прощались.

Онъ едва кивнулъ ему головой, а я, несчастный, успѣлъ поклониться только слухъ его.

Досадно и грустно.

Тѣмъ болѣе досадно что наканунѣ пріѣхалъ въ Янину съ Лукой одинъ Еврей и сказалъ что въ Тульчѣ Русское кон-

сульство непременно и скоро откроется. Какъ бы кстати было еслибы здѣшніе русскіе чиновники послали бы хорошее рекомендательное письмо тульчинскому консулу, для того чтобъ онъ могъ поддерживать дядю противъ Петраки-бея.

Не досадно ли!

Блестящій серебромъ и золотомъ кавассъ-баша Манолу, брядая доспѣхами, выскочилъ къ намъ, когда мы слушались въ нижнія сѣни консульства. Онъ не могъ покойно слышать въ сѣняхъ никакого движенія, и ни одинъ кавассъ, ни одинъ слуга не послѣдовалъ прежде него выбѣжать изъ кавасской комнаты чтобы взглянуть что дѣлается, чтобы вытянуться и сдѣлать честь лашѣ или иностранному агенту, когда они посѣщали Русскихъ; сказать два, три любезныхъ слова другимъ посѣтителямъ, понижать, подать пиастръ нищему по приказанію консула или усмирить какого-нибудь бунана.

Отецъ подалъ ему руку и спросилъ у него тихо:

— Есть ли надежда чтобы г. Благовъ скоро вернется? Что слышно объ этомъ? Будь живъ и здоровъ вѣчно, Манолу! Скажи мнѣ всю правду, что слышно?

— Съ удовольствіемъ, даже съ великимъ удовольствіемъ я скажу вамъ всю правду, г. Йоргаки, отвѣчалъ Манолу, улыбаясь, поправилъ усы свои.—Я васъ уважаю и люблю. Я скажу вамъ; слушайте, прошу васъ, меня внимательно. У г. Благова есть великія цѣли. Я его любимецъ, потому что онъ знаетъ твердо что такое значить калитанъ злой Лакки Сулійской. * Злая Судія! Одно слово и одно названіе! Злая! Это что значить? Значить—злая; не покоряется никогда. У г. Благова есть великія цѣли, но онъ ихъ никому не открываетъ. Открываетъ и не открываетъ. Напримѣръ со мной... „Манолу!“ „Что прикажете, эффенди.“ (Это мы вмѣстѣ ѣдемъ верхомъ въ полѣ.) „Манолу!“ „Эффенди?“ „Когда жь ты Манолу, будешь въ самомъ дѣлѣ элпирскимъ архистратигомъ?“ Я отвѣчаю: „Это, эффенди, въ вашей волѣ. Вы, эффенди мой сіятельный г. консуль, можете всѣ элпиро-еессалійскія обстоятельства поставить вверху дномъ.“ „Ты думаешь?“ говоритъ. Я говорю: „Не только думаю, и увѣренъ въ этомъ.“ Онъ замолчалъ. Вѣрьте мнѣ, г. Йоргаки, что онъ даже иногда лежитъ по цѣлымъ часамъ на диванѣ, закрывъ глаза; это все думы и думы. Напримѣръ теперь, развѣ безъ цѣли онъ

* Лакка Сулійская—долина Сулійская.

меня (меня—кавассъ-башу) здѣсь оставилъ и не взялъ съ собой? Нѣтъ. Онъ знаетъ что г. Бакъевъ управляетъ первымъ разъ консульствомъ, что онъ не опытенъ. Поэтому онъ и сказалъ мнѣ: „Манолу, ты останешься здѣсь и со мной не пойдешь. Смотри.“ Я поглялъ и смотрю.

— А гдѣ же теперь г. Благовъ и скоро ли, слышно, возвратится? Еще разъ спросилъ отца ласково и терпѣливо.

— Это трудно сказать, отвѣчала архистратигъ.—Быть-можетъ онъ скитается по горамъ и страну изучаетъ, духъ! Духъ! Быть-можетъ онъ веселится уже въ самой столицѣ въ Босфорѣ. Вы не были никогда, киръ-Йоргаки, въ Буюкъ-Дере? Я былъ. Что за великолѣпіе. Какіе цвѣты. Что за прекрасныя деревья. Церковь; архимандритъ; дзмы молодья, офиціальныя дамы! Какки съ золотомъ. Драгоманъ, и не спрашивайте, это левъ. Борода до сихъ поръ... Туркамъ трепать... Деревья, ужасъ... Дамы! Церковь!

Едва-едва избавились мы отъ героя Сулійской Лакки; онъ преслѣдовалъ насъ еще долго по улицѣ.

Итакъ что же, наконецъ? Что же мы узнали и чего достигли?

Узнали мы что г. Благова едва ли скоро дождемся и что въ Тульчѣ скоро будетъ Русское консульство... А достичь, мы ничего не достигли.

Захочетъ ли Бакъевъ, послѣ этого разговора, трудиться за отца, поддерживать его здѣсь, писать для него въ Тульчу? Сомнительно.

Вотъ какъ иногда люди самыя осторожныя могутъ поступить необдуманно въ ущербъ своимъ интересамъ.

Бѣдный отецъ мой! Бѣдный отецъ!

(До слѣд. №.)

К. ЛЕОНТЬЕВЪ.

МЕГАЛИТИЧЕСКІЕ ПАМЯТНИКИ ВЪ КРЫМУ

Мегалитическіе памятники, столь важныя для исторіи первыхъ временъ человѣчества и разбросанныя въ такомъ огромномъ количествѣ по всей западной Европѣ: во Франціи, Великобританіи, Давіи и Германіи и во многихъ мѣстахъ Италіи, постоянно интересовали ученый міръ. Но съ тѣхъ поръ какъ эти загадочныя сооруженія глубокой древности найдены были въ Сѣверной Африкѣ, вопросъ о мегалитическихъ памятникахъ получилъ новое значеніе.

Кто, хотя немного, интересуется древними судьбами человѣчества, для того не могутъ не быть интересны эти замѣчательныя памятники, столь непохожіе на все что строитъ человѣкъ теперь и что онъ строилъ вообще въ историческія времена. Памятники эти невольно обращаютъ на себя вниманіе каждаго сколько-нибудь просвѣщеннаго человѣка.

Мегалитическіе памятники бываютъ весьма разнообразны: нныя состоятъ изъ громадныхъ, грубо вытесанныхъ столбовъ, въ видѣ пилястровъ, ихъ называютъ *менгирами* и *пельсонами* (menhir, pelven); они имѣютъ иногда отъ 10 до 12 футовъ въ окружности и даже болѣе и отъ 20 а иногда и до 50 футовъ вышины, вверхъ идутъ суживаясь. Всѣ пилястры очень грубой работы, часто даже состоятъ изъ совершенно неотесанныхъ громадныхъ глыбъ.

Подобныя столбы составляютъ часто цѣлыя ограды въ два и въ три ряда и тогда этими столбами окружены насыпи или курганы: нижніе ряды столбовъ обходятъ основаніе кургана, второй рядъ обводитъ его среднюю часть и наконецъ третій рядъ стоитъ еще выше; на самой же высотѣ кургана находятся обыкновенно *долмены*. Домень — это родъ каменнаго стола или ящика, 4 плиты, обыкновенно неотесанныя, стоятъ ребромъ и неглубоко врыты въ землю, и поверхность лежитъ лятая плита, которая покрываетъ ящикъ, такъ какъ она бываетъ больше самаго ящика и концы ея немного выдаются по краямъ, то все сооруженіе имѣетъ видъ стола.

Иногда каменные столбы или пиластры стоятъ длинными рядами и образуютъ цѣлыя аллеи.

Домены часто находятся и внутри кургановъ, иногда же стоятъ отдѣльно, или рядами или группами.

Домены большею частью служили гробницами, въ нихъ почти всегда находятся человѣческія кости. Большею частью они заключаютъ въ себѣ каменные орудія, почему ихъ и относятъ къ памятникамъ *каменнаго періода*. Иногда въ нихъ находятъ и бронзу, рѣдко золото, но попадаются иногда въ доменахъ и желѣзные вещи, хотя рѣдко.

Менгиры же не всегда сооружались на мѣстахъ погребенія умершихъ, цѣль ихъ сооруженія вообще совершенно не извѣстна.

Такъ какъ домены бываютъ обыкновенно невелики, аршина въ два квадратныя, не болѣе, то покойниковъ невозможно было хоронить въ нихъ въ лежачемъ положеніи. Да и обычай или религіозныя вѣрованія того времени заставляли вѣроятно строителей этихъ памятниковъ класть своихъ покойниковъ въ могилы въ сидячемъ положеніи, съ согнутыми коленями, въ положеніи именно такомъ какъ находятся мадеды въ утробѣ матери.

Менгиры или пиластры образуютъ иногда сооруженія въ видѣ воротъ, тогда на столбахъ лежитъ каменная переключина. Въ Бретани, гдѣ мегалитическихъ памятниковъ чрезвычайно много, такихъ воротъ находится до 150, расположенныхъ вмѣстѣ. Во Франціи ихъ называютъ *pierres levées*. Иногда столбы и ворота *pierres levées* идутъ рядами и образуютъ цѣлыя аллеи; такія аллеи называютъ *кромлексы*. Въ Бретани кромлексовъ чрезвычайно много, они тянутся по берегу моря на двѣ географическія мили.

До настоящаго времени всѣ мегалитическіе памятники въ западной Европѣ ученые приписывали обыкновенно Кельтамъ; памятники же эти слыли у нихъ подъ названіемъ *кельтискихъ памятниковъ*. Но съ тѣхъ поръ какъ точно такіе же памятники, а именно: *долмены, менеиры, краплеши* и курганы съ долменами и окруженныя плитастрами, открыты въ Сѣверной Африкѣ, въ Константинѣ, то большая часть европейскіхъ ученыхъ измѣнили прежнее предположеніе и многіе приписываютъ ихъ неизвѣстному народу *туранскаго* происхождения.

Крымскій полуостровъ также заключаетъ въ себѣ очень много мегалитическихъ памятниковъ, на которые до сихъ поръ почти никто не обращалъ серьезнаго вниманія, никто ихъ не изслѣдовалъ исторически. Мало даже кто зналъ тѣ мѣста гдѣ они находятся въ Крыму.

Знаменитый Палласъ первый обратилъ на нихъ вниманіе, замѣтивъ эти необыкновенныя сооруженія на Тамани, и въ Крыму, неподалеку отъ Судака, за мысомъ Меганомъ, который замыкаетъ съ востока Судакскую бухту.

О памятникахъ которые находятся на Тамани и которые и понынѣ еще никто не изслѣдовалъ и не описалъ, Палласъ говоритъ что это многочисленныя гробницы, сложенныя изъ большихъ плоскихъ плитъ, которыя поставлены ребромъ, въ формѣ продолговатаго четырехугольника. Между ними замѣтна лара узкихъ столбовъ вышиною болѣе сажени.

Продолговатые четверугольники замѣченныя Палласомъ и суть собственно долмены, а узкіе столбы должны быть менгиры.

Дюбуа (*Voyage autour du Caucase*), путешествуя по Крыму въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, видѣлъ эти памятники въ сумерки, мелькомъ; въ Крыму же онъ осматривалъ ихъ подробно за мысомъ Меганомъ и въ Гаспрѣ, между Ялтой и Алулкой, и называетъ ихъ *pietres livées*. Но онъ ихъ не изслѣдовалъ.

О долменахъ сказалъ нѣсколько словъ г. Чекалевъ (*Записки Одесскаго Общ. Дрв. т. VI*), онъ даже полюбознательствовалъ разрыть изъ нихъ два три, замѣтилъ что это не „кельтическіе жертвенники“, какъ предполагали прежде, а гробницы. Онъ нашелъ въ могилахъ, кромѣ костей, нѣсколько грубо выдѣланныхъ бронзовыхъ вещей: удилаки, наконечники стрѣлъ и пр., желѣзный ножъ иди мечъ, глиняныя бу-

сы, и на этомъ основаніи рѣшилъ что могилы которыя онъ открывалъ — *греческія могилы*.

О памятникахъ этихъ въ Крыму говоритъ г. Карауловъ, въ статьѣ *Крымскіе пещерные города и кривты*. (*Записки Одесскаго Общ. Дрв. т. VIII.*) Памятники упомянутые въ этой статьѣ суть собственно домены, и тѣ изъ нихъ которые удалось изслѣдовать автору статьи находятся не далеко отъ рѣчки Качи, верстахъ въ двухъ, а можетъ-быть и менѣе отъ замѣчательнаго пещернаго города Черкесъ-Кермень, и въ грехъ верстахъ отъ Мангуна, знаменитой Столовой Горы въ Крыму, на которой находятся замѣчательныя развалины некогда-быльшаго когда-то города, съ пещерами въ скалѣ.

Памятники эти расположены на довольно высокомъ и трудно доступномъ холмѣ, форма ихъ совершенно одинакова съ памятниками описанными Палласомъ, разица только въ размѣрѣ. Плиты поставлены вертикально на ребро и покрыты сверху платою плитой, положенною горизонтально, верхняя плита вѣскольکو выдается по краямъ. Всѣхъ памятниковъ здѣсь девять.

Въ другомъ мѣстѣ, также вблизи рѣчки Качи, именно тамъ гдѣ рѣка Марта впадаетъ въ Качу, г. Карауловъ нашелъ 11 памятниковъ точно такой же формы. Всѣ эти памятники были изслѣдованы г. Карауловымъ, но костей въ нихъ не найдено ни въ одномъ, и ничто не показывало чтобъ это были когда-либо гробницы.

Оба мѣста гдѣ находились памятники окружены густымъ лѣсомъ, на высотѣ. Ни вокругъ ихъ ни по близости не видно никакихъ слѣдовъ, которые бы могли указать что здѣсь когда-то находились человѣческія жилища. Нигдѣ не видно никакихъ признаковъ или остатковъ отъ прежнихъ селеній или городовъ.

Неутомимый Палласъ, описывая памятники за мысомъ Мешомъ, говоритъ что это гробницы неизвѣстнаго и немногочисленнаго народа, окруженныя плоскими камнями врытыми въ землю: четыре камня образуютъ четвероугольникъ въ 8 футовъ и 9 дюймовъ съ каждой стороны, иныя гробницы образуютъ параллелограммы, бока которыхъ имѣютъ только 4 фута и 5 дюймовъ. Немного далѣе отъ этихъ гробницъ, прѣбываетъ Палласъ, находится плоскій холмъ обнесенный вокругъ плитами съ двумя отдѣльными квадратами.

Какъ изъ описанія Палласа, такъ и изъ того что иковынѣ осталось отъ этихъ памятниковъ, видно что здѣсь, кромѣ долменовъ, находился еще и курганъ обнесенный столбами.

Всѣ памятники эти заключаютъ въ себѣ человѣческія кости, которыя видны даже на поверхности земли въ разрушенныхъ долменахъ. Но череповъ не видно нигдѣ, и чтобы отыскать ихъ, необходимо производить раскопки. Къ сожалѣнію этимъ, столь важнымъ для исторіи, дѣломъ, не занялся еще никто.

Далѣе отъ мыса незамѣтно долменовъ до самой Ялты. Г. Чекалевъ хотя и говоритъ что подобнаго рода памятники находятся близъ деревни Гурзуфъ и въ Никитскихъ лѣсахъ, но мнѣ не удалось отыскать ихъ.

Въ окрестностяхъ Ялты находится довольно много долменовъ. Они всѣ имѣютъ почти одинаковый видъ съ памятниками находящимися за мысомъ Меганомъ; нѣкоторые стоятъ на небольшихъ возвышеніяхъ, другіе же на равнинахъ.

За Ялтой, не доѣжая деревни Госпры, почти около самой почтовой дороги, находится нѣсколько совершенно цѣлыхъ долменовъ. Дюбуа, который ихъ видѣлъ, говоритъ о нихъ „Des pierres levées dans toute leur pureté“. Здѣсь четверугольникъ имѣетъ 7 футовъ длины и 3 фута съ половиною ширины. Плиты изъ которыхъ состоятъ ящики имѣютъ 10 дюймовъ толщины; каждая сторона ящика имѣетъ по одной плитѣ. Крышка ящика въ 5 футовъ ширины и 8 длины. Здѣсь памятники эти болѣе похожи на столбы чѣмъ на ящики. Всѣ плиты ихъ не обдѣланы и не обтесаны.

Далѣе къ морю, на мысѣ Ай-Тодоръ (Св. Θεодора), на которомъ построены маякъ, и гдѣ сохранились остатки много численныхъ древнихъ построекъ, находится очень много долменовъ, около сорока и больше, но очень многіе совершенно разрушены. Огромные камни, которые могли служить мегалитами, лежатъ здѣсь опрокинутыми, и навѣрное нельзя сказать точно ли это были мегалиты или эти камни попали сюда случайно.

Кромѣ упомянутыхъ здѣсь памятниковъ мнѣ удалось отыскать подобнаго рода сооруженія и въ другихъ мѣстахъ Крима, гдѣ до сихъ поръ никто не замѣчалъ ихъ и никто не описывалъ. Памятники эти находятся на противоположномъ южнаго берега отъ Лимены и въ Байдарской долинѣ.

Первые два подобныя памятника, долмена, я видѣла не подальше отъ Лименскихъ утесовъ, на небольшой площадкѣ; но они лишены верхнихъ плитъ и уцѣлѣли только ящички. Затѣмъ, на сѣверо-западъ отъ мыса Сарычъ, надъ обрывистою тролой, посреди небольшой площадки, замѣтно три долмена, одинъ совершенно цѣлъ, остальные два лишены верхнихъ плитъ, уцѣлѣли только ящички.

Какъ около Лимены, такъ и за мысомъ Сарычъ, памятники эти не имѣютъ болѣе 6 футовъ длины и почти столько же ширины. Въ разрушенныхъ памятникахъ замѣтны кости, но череповъ не видно, слѣдовательно и здѣсь эти каменные ящички служили могилами, какъ и вездѣ вдовѣ южнаго берега; только долмены находящіеся по сѣверную сторону хребта Яйлы и изслѣдованные г. Карауловымъ не вмѣщаютъ въ себѣ человѣческихъ костей, слѣдовательно эти сооруженія и не были гробницами. Ящички ихъ и гораздо больше южно-бережскихъ и замѣчательно въ этихъ памятникахъ то что они находятся въ такихъ мѣстахъ гдѣ по крайней мѣрѣ на версту разстоянія нѣтъ камня, а тѣмъ болѣе такого твердаго крымскаго известняка изъ котораго сложены здѣсь плиты. Известнякъ надъ рѣчкою Качей и Бельбекомъ вездѣ очень мягкій, легко косящійся и легко вывѣтривающійся; плиты же доленовъ, какъ видно, взяты изъ того твердаго камня изъ котораго состоитъ весь южный хребетъ Крымскаго полуострова. И строителямъ памятниковъ не малаго труда стоило перетаскивать на десятки верстъ, по ужаснымъ горамъ, такія огромныя плиты и втаскивать ихъ на довольно крутыя холмы. Это могло сдѣлать только религіозное рвеніе. Единственный стимулъ народа вѣнчавшаго сюда эти плиты могъ быть только вѣра или слѣпое повиновеніе своимъ предкамъ.

Въ этихъ уединенныхъ горахъ, вдали отъ всякихъ жилищъ, могли только совершаться тайные мистическіе брады. Эти густые лѣса громадныхъ дубовъ и теперь еще вросшихъ омелой (*viscum album*), этимъ священнымъ и чудесныхъ растеніемъ, можетъ-быть служили мѣстомъ какго-нибудь чудовищнаго культа, гдѣ лилась неповинная человѣческая кровь.

Но самое многочисленное собраніе долменовъ въ Крыму являла въ знаменитой Байдарской долинѣ.

Байдарская долина самая обширная изъ всѣхъ долинъ въ

Крыму; она имѣеть шестнадцать верстъ въ длину и отъ восьми до десяти въ ширину, и вся окружена высокими горами, которыя и замыкають ее со всѣхъ сторонъ. Вся долина была усѣяна многочисленными греческими деревнями, жители которыхъ вѣроятно были потомками древнихъ Херсонисцевъ. Преобразовавшіеся въ Татаръ, подобно всѣмъ Грекамъ южнаго берега, байдарскіе жители почти всѣ оставили свою прелестную долину и ушли въ Турцію во время Крымской войны 1855—56 года.

Теперь осталось, сравнительно, очень немного Татаръ въ Байдарской долинѣ; совершенно олуствѣвшія деревни заселены теперь нѣсколькими семействами Русскихъ и Грековъ; собственно Татары живутъ только въ двухъ деревняхъ, въ Буюкъ и въ Кучукъ-Мускомья.

Зеленые луга, разбросанныя кулы деревъ, пестрые домики деревень и многочисленные прозрачныя ручьи и рѣчки, все это вмѣстѣ дѣлаеть изъ Байдарской долины самое очаровательное мѣсто въ Крыму.

Кто бы хотѣлъ вполнѣ насладиться прекрасными видами, грандіозными и вмѣстѣ сельскими картинами природы, тому слѣдуетъ отправиться въ Байдарскую долину съ южнаго берега чрезъ знаменитую лѣстницу „шайтанъ мердынь“ (чортова лѣстница).

Мердынь находится около самой почтовой дороги въ восьми верстахъ отъ станицы, не доѣзжая *теннела*.

Хребетъ Яйлы подымается здѣсь стѣнообразно и въ этой скалистой стѣнѣ врублена въ твердомъ известнякѣ лѣстница по которой можно ходить только гигантамъ. Огромныя ступени идутъ, извиваясь въ скалѣ, и подымаются на самую вершину хребта Яйлы. Въ опасныхъ мѣстахъ надъ пропастями навалены громадные камни по бокамъ лѣстницы, что дѣлаеть подъемъ по ней совершенно безопаснымъ; съ каждаго поворота гигантскихъ ступеней открывается величественный видъ на южный берегъ и на открытое море. Картины поразительныя.

Поднявшись тролою наверхъ безо всякой усталости (можно лѣшкомъ и верхомъ) спускаемся въ Байдарскую долину, къ деревнѣ Сकेле (влѣво есть трола и въ деревню Байдары). Сकेле находится отъ мердыни въ шести верстахъ разстоянія. Здѣсь уже не видно моря, тропа углубляется въ чащу лѣса; влѣво шумитъ быстрый горный

потокъ, стремясь небольшоими каскадами съ высокой горы. Растительность здѣсь самая разнообразная и видны вмѣстѣ и южныя и сѣверныя растенія. Звонкое лѣтнее пѣніе птицъ порхающихъ по густымъ деревьямъ увеличиваетъ очарованіе мѣстности. Въ маѣ мѣсяцѣ, даже днемъ, здѣсь поютъ соловьи, пѣніе которыхъ въ Байдарскихъ лѣсахъ гораздо громче, трели продолжительнѣе, нежели на южномъ берегу; оттого, можетъ-быть, что жары здѣсь умѣряются богатствомъ растительности и влаги.

Версты три ниже начинаютъ показываться зеленныя лужайки, покрытыя разнообразными цвѣтами, въ особенности герани здѣсь пионы и тюльпаны. Чѣмъ ниже спускаешься въ долину, тѣмъ обширнѣе становятся лужайки и тѣмъ больше на нихъ цвѣтовъ. Шумъ падающей воды сопровождаетъ лужайку всю дорогу. Наконецъ оканчивается спускъ и открывается обширная равнина покрытая роскошною растительностью. Вдали пестрѣютъ деревеньки, кое-гдѣ вьется дымъ изъ трубъ домиковъ, крытыхъ черепицей. Пройдя первые покинутые татарскіе сады встрѣчаемъ долмены: они идутъ то рядами, то отдѣльными группами; не замѣтить ихъ невозможно, такъ они бросаются въ глаза своимъ необыкновеннымъ строеніемъ, и удивительно что столько путешественниковъ, описывая красоты Байдарской долины, не замѣтили этихъ необыкновенныхъ памятниковъ.

Миная первые долмены, направо, на широкой равнинѣ, неподалеку отъ деревни Сकेде, находимъ высокіе камни, которые, какъ кажется, можно назвать менгирами. Они изъ светло-сѣраго твердаго известняка, издали и на солнцѣ кажутся бѣлыми. Всѣхъ ихъ три, стоятъ они въ одной линіи. Это четырехугольные неправильные столбы, на верху округленные. Первый имѣетъ аршинъ съ четвертью вышины, но кажется что верхняя часть его отколота. Другой три аршина и три четверти вышины, значительно суживается къ верху. Третій имѣетъ два аршина съ четвертью вышины. Въ трехъ шагахъ отъ этихъ столбовъ лежитъ еще столбъ, какъ видно, опрокинутый, еще далѣе находится большой камень, отъ котораго идетъ рядъ камней на подобіе остатковъ стѣны.

Долмены разбросаны по всей Байдарской долинѣ, и ихъ здѣсь чрезвычайно много. Мѣстами ящички ихъ не составлены изъ плитъ, какъ вездѣ на южномъ берегу, но сдѣланы

изъ неправильныхъ, неровныхъ камней; иной камень больше, иной меньше, и лустыя мѣста между камнями задѣланы осколками камня, а на всемъ этомъ лежитъ плита, которая всегда гораздо больше ящика. Почти всѣ плиты изъѣдены временемъ и непогодой. Многія лежатъ сброшенныя, иныхъ верхнихъ плитъ и совсѣмъ не видно; ясно замѣтно что могилы были размываемы, а плиты съ нихъ вѣроятно свезены на постройку.

Есть много долменовъ которые окружены четвероугольниками изъ камней представляющихъ родъ ограды.

Есть также въ Байдарской долинѣ очень большіе долмены аршина четыре въ ширину и столько же въ длину, окруженные оградой изъ камня. Можетъ-быть эти большіе долмены служили семейными могилами и вмѣщали въ себѣ вѣ сколько нибудь покойниковъ.

Искающая большихъ долменовъ, въ четыре аршина величины, которыхъ сравнительно не много, всѣ остальные не болѣе двухъ аршинъ, а иногда и менѣе, и хоронить въ нихъ покойниковъ въ лежащемъ положеніи не было никакой возможности.

Очень многіе ящички, особенно тѣ которые расположены по косогорамъ, почти до верху засыпаны землей, такъ что боковыхъ плитъ мало и видно, а видна только верхняя плита. Мѣстами между долменами замѣтны возвышенія въ видъ вала, иногда же видны остатки стѣнъ тянущіеся на вѣ сколько сажень и прекращающіеся тамъ гдѣ прекращаются долмены.

Всѣ долмены Байдарской долины на видъ древнѣе южн бержскихъ долменовъ. Камень плитъ въ Байдарской долине сильно вывѣтрился. Это можетъ-быть оттого что плиты долменовъ на южномъ берегу взяты изъ скалъ хребта Яды состоятъ изъ твердаго юрскаго известняка; въ Байдарск же долинѣ нѣкоторыя плиты долменовъ болѣе мягкой породы, способной легче вывѣтриваться. Разница еще та въ долменахъ Байдарской долины отъ южнобережскихъ, что здѣ много подобныхъ памятниковъ устроено не изъ плитъ, а изъ простыхъ камней, положены эти камни часто очень неплотно и только покрыты плитой. Южнобережскіе же долмены сложены всѣ съ большею тщательностью, всѣ яды состоятъ изъ плитъ правильно отколотыхъ, и не имѣя вокругъ себя оградъ. Въ Байдарской же долинѣ и верх

литы не всегда правильной формы, не всѣ представляютъ четырехугольникъ, многія плиты кругловаты или представляютъ неправильный овалъ.

Долмены въ Гаспрѣ и на мысѣ Ай-Тодоръ имѣютъ видъ стола, долмены же Байдарской долины совсѣмъ не напоминаютъ форму стола и имѣютъ видъ ящика, не всегда правильнаго. Они и ниже долменовъ южнаго берега и глубже врыты въ землю. Засыпаться такъ глубоко они не могли, потому что большая ихъ часть расположена на равнинѣ.

Что всѣ эти памятники служили могилами, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, потому что гдѣ только сброшены верхнія плиты служившія крышей могилъ и гдѣ перерыта земля, вѣроятно кладопоскателями, вездѣ видны, даже на поверхности, человѣческія кости.

Послѣ моего путешествія въ Байдарскую долину я сообщилъ В. П. Келлену, сыну покойнаго академика, объ открытых мною въ этой долинѣ многочисленныхъ долменахъ; онъ полюбозытствовалъ видѣть ихъ на мѣстѣ и вскрылъ одинъ долмень около деревни Буюкъ Мускомья, и вотъ что писалъ онъ мнѣ послѣ своего путешествія.

„Я вскрылъ, при помощи Татаръ деревни Буюкъ Мускомья, одинъ изъ долменовъ, покровная плита котораго была очевидно нетронута. Ящикъ былъ засыпанъ внутри землю и щебнемъ до уровня окружающей почвы, среди щебня находилось множество раковинъ большой улитки, *Neix ramatia*, мѣстами цѣлыми гнѣздами, очевидно брошенными туда вмѣстѣ со щебнемъ, при разрытіи могилы. Тутъ же нашлось нѣсколько черепковъ обожженной глины, отчасти черной, принадлежавшей кувшину или горшку небольшой величины, отчасти красной, безформенной. На глубинѣ поларшина оказалась первая человѣческая кость, верхняя часть черепа, но лица черепа не было, онъ нашелся лишь гораздо ниже въ могилѣ. Затѣмъ до глубины одного аршина множество человѣческихъ костей, повидимому лежащихъ въ совершенномъ безпорядкѣ, между прочимъ еще два разбитыхъ черепа. Всѣ кости были въ такомъ ветхомъ и рыхломъ состояніи что ложились въ рукахъ при самомъ осторожномъ выкалываніи; такъ какъ черепа я откалывалъ самъ, то могу сказать положительно что они находились уже въ землѣ разбитыми и между отдѣльными частями ихъ лежали другія кости, щебень и земля. Нѣсколько костей бедряныхъ и другихъ были

совершенно черныя и губчатая, очевидно обугленные. Въ-стѣ съ человѣческими костями лежали и кости небольшихъ животныхъ, напримѣръ позвонки, принадлежность которыхъ я, за недостаткомъ матеріала для сравненія, пока не могу опредѣлить, и два клыка собаки или лисицы. На глубинѣ пяти четвертей найдено восемь или девять бронзовыхъ браслетъ, простыхъ колецъ изъ круглой проволоки, толщиной отъ 3—4 миллиметровъ, концы которой не соединены вмѣстѣ; также шесть или семь колецъ для пальцевъ, имѣющихъ 31—33 миллиметровъ въ поперечникѣ, и состоящихъ изъ бронзовой проволоки толщиной въ миллиметръ, загнутой спирально въ два или въ три завитка. Затѣмъ въ большомъ числѣ бусы двухъ сортовъ, какъ изъ согнутой въ узкую спираль бронзовой проволоки, такъ и изъ желтаго вещества, пористаго въ разломѣ и при нагрѣваніи надъ пламенемъ свѣчи не измѣняющагося. Тутъ же найдены двѣ бронзовыя пуговицы, на подобіе нынѣшнихъ военныхъ, но съ петлей прикрѣпленной только однимъ концомъ, и загнутой такъ что вся пуговица представляетъ родъ согнутаго гвоздя съ большою головкой. Наконецъ тутъ же лежалъ обдѣланный кусокъ песчаника, длиною въ одиннадцать и шириной въ два съ половиною сантиметра, нѣсколько плоскій, съ кольцеобразнымъ надрѣзомъ и просверленною дырой на одномъ концѣ. Очевидно, и то и другое для привязыванія веревки, можетъ-быть это брусочекъ. Въ самомъ виду могилы лежали три нижнихъ челюсти человѣческія, которыя, за исключеніемъ выходящихъ вѣтвей своихъ, хорошо сохранились. Внутренніе размѣры ящика которымъ окружена могила: одинъ аршинъ 15 вершковъ длины и одинъ аршинъ 14 вершковъ ширины, высота боковыхъ плитъ одинъ аршинъ 14 вершковъ. Я прекратилъ раскопку достигши до чистой, ничего не содержащей земли и до основанія боковыхъ плитъ.

„Всѣ найденныя мною въ могилѣ предметы искусства и наиболѣе замѣчательныя кости будутъ переданы мною Академіи Наукъ.“

Очень жаль что г. Келленъ не открылъ еще нѣсколькихъ могилъ, можетъ-быть нашлись бы черепа лучше сохранившіеся и еще какіе-нибудь предметы искусства, которые могли бы дать хоть какое-нибудь понятіе о соорудителяхъ этихъ любопытныхъ гробницъ. Цѣнныхъ вещей, то-есть вещей золотыхъ и серебряныхъ, вѣроятно не заключается ни въ одной

могилъ. Еслибы жителямъ Байдарской долины, разрушившимъ столько долменовъ, въ надеждѣ найти что-либо стоящее, по ихъ мнѣнію, вниманія, хоть разъ лопалось что-нибудь цѣнное, то непремѣнно всѣ долмены были бы разрушены и перерыты; между тѣмъ сохранилось еще очень много совершенно цѣлыхъ долменовъ.

Всѣ подобнаго рода памятники не носятъ на себѣ не только никакихъ надписей, но и никакихъ рѣшительно изображеній, знаковъ или какихъ-либо украшеній. И судя по раскрытому г. Келленомъ долмену, можно думать что и внутренность ихъ не содержитъ никакихъ надписей или знаковъ.

Еще надо замѣтить что всѣ группы долменовъ въ Байдарской долинѣ расположены около деревень. Оттого ли это происходитъ что строители деревень выбирали мѣста для своихъ селеній подлѣ долменовъ, съ цѣлью воспользоваться готовымъ матеріаломъ для своихъ построекъ, или же соорудители долменовъ имѣли въ этихъ мѣстахъ селенія, которыми и воспользовались въ послѣдствіи Греки, занявъ эти мѣста?

Народъ которому принадлежало обширное кладбище Байдарской долины занималъ, должно полагать, весь юго-западный уголъ Крымскаго полуострова, то-есть, отъ скалъ Лимены до Бзаклавскихъ утесовъ, включая сюда и часть хребта Яйлы, а именно такъ-называемую Байдарскую и Кикенеизскую Яйлу.

Замѣчательные и живописные гребни Лименскихъ скалъ начинаются у самаго моря, гдѣ они образуютъ неприступные утесы, мысомъ выдающіеся въ море.

Отъ этого мыса они поднимаются вверхъ и упираются прямо въ стѣну хребта Яйлы.

Теперь, когда проложена здѣсь почтовая дорога, у самой стѣны хребта, это соединеніе Лименскихъ гребней съ хребтомъ Яйлы незамѣтно; но прежде, когда здѣсь все было дико и необработано, Лименскіе утесы составляли непроходимую преграду, природную стѣну. И всѣ разрывы Лименскихъ гребней были заложены толстыми такъ-называемыми *якопическими* стѣнами. Правда, эти укрѣпленія носятъ на себѣ явные слѣды позднѣйшихъ временъ, временъ греческихъ, но основанія греческихъ укрѣпленій Лимены слу-
зятъ все-таки стѣны циклолическія.

Во время устройства почтовой дороги, когда разрывали

порохомъ скалы, разорвали вмѣстѣ и часть Лименскихъ гребней и въ то же время разрушили стѣну упирающуюся въ скалы; стѣна эта была явно не греческая и она никакъ не могла принадлежать къ позднѣйшимъ греческимъ постройкамъ крѣпости Лимены, существующей и понынѣ въ своихъ остаткахъ, которые слѣдуетъ отнести къ постройкамъ временъ Юстиніана.

Всѣ сколько-нибудь удобные проходы чрезъ хребетъ Яйлы были заложены также стѣнами, толщиною въ 5 и 6 аршинъ, замѣтными во многихъ мѣстахъ и теперь во всѣхъ переходахъ черезъ горы Байдарской долины.

Сообщенія прибрежной части съ Байдарскою долиною, которая служила, какъ кажется, общимъ мѣстомъ погребенія, святилищемъ для обитателей этого замкнутаго уголка Крыма, состояли изъ лѣстницъ пробитыхъ въ скалахъ хребта Яйлы.

Первое сообщеніе шло черезъ такъ - называемый Ески Богазъ, разрывъ утесовъ Яйлы противъ Кикенеуза, гдѣ теперь почтовая станція. Разрывъ этотъ также былъ укрѣпленъ стѣнами, слѣды которыхъ нынѣ уже почти совсѣмъ незамѣтны, такъ какъ горы здѣсь постоянно разрушаются отъ дѣйствія подземныхъ ключей, и съ ихъ разрушеніемъ исчезаютъ и слѣды древнихъ укрѣпленій, находившихся въ этомъ мѣстѣ.

Подъемъ на Яйлу черезъ Ески Богазъ очень удобенъ; поднявшись на Яйлу дорога идетъ равниною до самаго лѣса горы Карадагъ, мимо прекраснаго и глубокаго колодезя холодной чистой воды, выложеннаго камнемъ, и мимо озерка, не высыхающаго даже въ самое знойное лѣто. За полчаса пути отъ озерка идетъ къ Байдарской долинѣ лѣстница, вырубленная въ горѣ посреди густаго лѣса. Спускъ по лѣстницѣ очень отлогій, но теперь весьма неудобенъ, потому что лѣстница поросла лѣсомъ.

Лѣстница эта доводитъ до луговъ деревни Скле. Второе сообщеніе съ Байдарскою долиною было чрезъ знаменитую и выше описанную Мердвень. Третье было также посредствомъ лѣстницы, которая выводитъ изъ Байдарской долины на Яйлу, почти противъ долины Ласпи. Съ сѣверной и сѣверо-западной стороны всѣ выходы чрезъ окружающія Байдарскую долину горы были, какъ сказано, замкнуты толстыми стѣнами, сложенными изъ громадныхъ камней; слѣды этихъ стѣнъ ясно замѣтны и понынѣ.

Вообще надо замѣтить что всѣ эти укрѣпленія отдаленныхъ временъ состояли только изъ однихъ чрезвычайно толстыхъ стѣнъ, иногда стѣны были двойныя; башенъ нигдѣ не видно въ подобнаго рода укрѣпленныхъ мѣстахъ.

Прибрежье между Лименою и Балаклавой сохранило еще много остатковъ строеній тѣхъ отдаленныхъ временъ; кромѣ вышеупомянутыхъ стѣнъ между утесами Лимены, у моря, въ Мухоматкѣ, близъ имѣнія г. Шатилова, въ 1842 году находилась загадочная постройка. Это былъ родъ неправильной пирамиды изъ громадныхъ камней, верхняя часть которой образовала площадку; высота пирамиды была не болѣе двухъ сажени, объ ея объемѣ трудно было судить, потому что она была разрушена волнами, которыя въ бурное время заливаютъ эту часть берега; надо предполагать что берегъ моря, въ то время когда строили эту пирамиду, былъ гораздо шире въ томъ мѣстѣ гдѣ она стояла, но вѣками волны, мало-по-малу смывая берегъ, размыли и постройку, несмотря на ея прочное сооруженіе. Теперь, кажется, она не существуетъ болѣе, вѣроятно окончательно размывта волнами.

Ласпи, крайній заливъ южнаго берега Крыма, неподалеку отъ Балаклавы, представляетъ не мало слѣдовъ построекъ отдаленнаго времени; тамъ можно отыскать и циклопическія стѣны и пещеры сдѣланныя рукою человѣка, съ выложенными камнемъ входами, и уже на этихъ древнихъ постройкахъ воздвигнуты были строенія временъ позднѣйшихъ.

На мысѣ Айя, замыкающемъ съ западной стороны заливъ Ласпи, находились также замѣчательныя древнія постройки. Къ несчастію волны такъ размываютъ и разрушаютъ этотъ мысъ что скоро съ него исчезнутъ и послѣдніе слѣды этихъ любопытныхъ сооружений.

Можно, кажется, съ достовѣрностью предположить что постройки на мысѣ Айя видѣнныя Палласомъ и слѣды которыхъ мыѣ также удалось осмотрѣть, служили для прибрежныхъ жителей мѣстомъ гдѣ разводили огонь по ночамъ, не для того можетъ-быть чтобы спасти мореплавателей отъ кораблекрушенія, а напротивъ для того чтобы привлечь ихъ къ своимъ скалистымъ и опаснымъ берегамъ, и ограбивъ ихъ, привести въ жертву своему божеству въ храмъ который стоялъ здѣсь же на вершинѣ, и остатки котораго можно еще найти и теперь. Углубленіе въ большомъ камнѣ, который здѣсь находился на самой оконечности

мыса, именно и могло служить для разведенія огня въ видѣ маяка.

Мысъ Айя виденъ съ моря на далекое растояніе, слѣдовательно и огонь на мысѣ былъ виденъ очень далеко и море привлекать къ себѣ мореходцевъ, плававшихъ въ древности на небольшихъ судахъ, на которыхъ они не отваживались лускаться въ открытыя моря и держались береговъ, чтобы въ случаѣ бури можно было спасти себя и легкія суда свои вытащить ихъ на берегъ. Разведенный огонь на мысѣ могъ быть принимаемъ въ темную ночь за гостепріимный огонь селенія, и мореллаватели незнакомые съ берегами Крыма, во время непогоды должны были терпѣть здѣсь крушеніе, такъ какъ у мыса Айя и въ тихую погоду бываютъ постоянныя теченія, а въ бурю берега его крайне опасны.

Подобныя разбои и въ прочихъ прибрежныхъ странахъ бывали еще и въ позднѣйшія времена, даже въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Прибрежные жители Бретани часто грабили суда выбрасываемыя бурей на ихъ негостепріимный берегъ, и чтобы заманить несчастныхъ мореллавателей, они разводили огни на берегу въ темныя бурныя ночи, и когда спасающіеся на лодкахъ или вплавъ подплывали къ берегу, ихъ обирали, умерщвляли и бросали обратно въ волны.

Предположеніе что мысъ Айя служилъ средствомъ для морскихъ разбоевъ прибрежнымъ жителямъ этихъ мѣстъ въ отдаленныя времена, основывается на свидѣтельствѣ Страбона, который говоритъ что подлѣ города Херсониса, у залива Симвалонъ (Балаклавы), обитали дикіе народы занимавшіеся морскими разбоями.

Надо полагать что владѣнія ихъ простирались и далѣе вдоль морскаго берега, а именно до укрѣпленныхъ утесовъ и залива Лимены, ибо еслибъ они жили въ одной Балаклавѣ, то число ихъ, слѣдовательно, было бы весьма невелико, и Херсонисцы, для которыхъ подобныя сосѣди не могли быть пріятны, легко бы справились съ ними. Но Херсонисцы не только не изгнали ихъ и не покорили, а напротивъ, защищали себя отъ нихъ, построивъ со стороны Балаклавы прочныя укрѣпленія, состояція изъ линіи толстой стѣны, перерѣзанной многочисленными башнями, развалины которыхъ видны были до войны 1855 года.

Если Херсонисцы такъ сильно укрѣплялись со стороны

Балаклавы, то это доказываетъ что они боялись своихъ непокойныхъ сосѣдей, и что эти сосѣди были народъ многочисленный, который, разумѣется, не могъ весь помѣститься въ одной Балаклавѣ, а долженъ былъ занимать побережье и далѣе. А слѣды укрѣпленій, о которыхъ упомянуто было выше, заставляютъ предполагать что они владѣли всѣмъ берегомъ до Лимены, такъ какъ за Лименою уже не находятъ болѣе подобныхъ укрѣпленій.

Постройка изъ громадныхъ камней существовавшая въ Мухлаткѣ надъ моремъ и имѣвшая на поверхности площадки, тоже могла служить для разведенія огня у самого моря. И очень вѣроятно что долмены Байдарской долины принадлежали дикимъ прибрежнымъ обитателямъ.

Причина которая могла побудить эти народы сдѣлать изъ Байдарской долины мѣсто общаго погребенія, могла быть та что на побережьи гдѣ они жили, между Лименою и Балаклагою, не находится нигдѣ такого удобнаго ровнаго мѣста для устройства общаго кладбища.

Наблюдательный Палласъ замѣтилъ что Татары деревень Ишканы, и на востокъ отъ нея строеніемъ своего черепа и физиономіей своей рѣзко отличаются отъ прочихъ прибрежныхъ Татаръ въ Крыму. Онъ считалъ ихъ потомками Генузцевъ. Еслибы Генузцы и могли оставить по себѣ какое значительное населеніе, которое бы не смѣшавшись съ сосѣдями сохранило свою особенность физиономіи, то это скорѣе могло случиться около Феодосіи и Судака, гдѣ ихъ жило много. Здѣсь же, хотя Генузцы и владѣли всѣмъ берегомъ до Балаклавы, была только генузская администрація, а не народъ настолько многочисленный что могъ сохранить до сихъ поръ особенность своей физиономіи.

Что наружность Татаръ Лимены отличается отъ прочихъ южнаго берега, это можно замѣтить и теперь, отъ уже многіе изъ нихъ отсюда выселились. И не будетъ ли вѣрнѣе предположить что жители этихъ деревень могутъ быть потомками строителей долменовъ?

Безъ сомнѣнія только тщательныя раскопки въ долменахъ Байдарской долины и въ другихъ мѣстахъ южнаго берега могли бы, хотя нѣсколько, освѣтить этотъ темный вопросъ; и нѣкоторыя череповъ отысканныхъ въ долменахъ съ чере-

лами жителей Лимены можетъ-быть могли бы отвѣтить и него.

Но какой расѣ принадлежали строители крымскихъ долменовъ и вообще мегалитическихъ ламатаиковъ? Раскопки въ долменахъ если и не могутъ дать на это положительный отвѣтъ, то все же онѣ могли бы бросить искру свѣта въ этотъ трудный для разрѣшенія вопросъ.

Г. Карауловъ, въ упомянутой выше своей статьѣ, допускаетъ что устройство крымскихъ пещерныхъ городовъ, равно какъ и долменовъ въ Крыму, принадлежитъ Кимеріянамъ. Но мнѣ кажется что смѣшивать долмены вблизи пещерныхъ городовъ съ долменами южнаго берега было бы не основательно.

На южномъ берегу всѣ долмены суть могилы. Вблизи пещерныхъ городовъ въ долменахъ нѣтъ никакихъ признаковъ которые бы указывали что это были мѣста для погребенія. Долмены близъ пещерныхъ городовъ могли быть жетвенниками или *камями злата*, въ родѣ тѣхъ которые ставили Израильтяне по повелѣнію Іеговы.

Въ каменныхъ саркофагахъ, изсѣченныхъ въ скалѣ пещернаго города Тере Кермень, версты двѣ отъ долменовъ отъ санныхъ г. Карауловымъ, находятся черепа не принадлежащіе ни монгольской, ни индо-германской расѣ. Черепа вѣ почти не имѣютъ лба, прямо отъ глаза черепъ округляетъ форма его почти круглая, черепъ маленькій, впадины глазъ круглыя. Такихъ череповъ есть нѣсколько въ этихъ саркофагахъ. Подобный черепъ найденъ былъ также и въ пещере Суухъ-Коба подъ Чатырдагомъ. Черепа эти наподобіе финскія головы, но финскія головы еще круглѣе и, кажется менѣе. Только специалисты могли бы можетъ-быть опредѣлить по этимъ черепамъ расу къ какой принадлежали ихъ обладатели.

Приписывать эти черепа строителямъ пещерныхъ городовъ и соседнихъ съ ними долменовъ, впрочемъ, едва ли было бы основательно, ибо въ Крыму проходило столько различныхъ народовъ, которые оставили здѣсь своихъ предковъ, и пещерные города также были занимаемы различными народами.

Какъ могли бы уцѣлѣть могилы первыхъ строителей пещерныхъ городовъ, когда онѣ устроены въ неглубокихъ

саркофагахъ, изрытыхъ въ скалѣ, и въ срединѣ храма, который носитъ на себѣ явные признаки христіанской церкви, съ полуистертою и неразборчивою греческою надписью и остатками христіанскаго алтаря? Очень возможно что черела здѣсь находящіеся принадлежатъ христіанамъ. Но какой расы были эти христіане?

Пещерные города, долгое время принадлежали Хазарамъ. Въ VIII вѣкѣ, когда Хазарское царство было завоевано Свято-славомъ, хазарскій князь Давидъ, принявшій Иудейство, заложилъ городъ Мангунъ, * если же Хазары занимали городъ и крепость Мангуна, то вѣтъ сомнѣнія что они занимали и со-единеніе съ Мангуномъ пещерные города, въ особенности Тене Керменъ, гдѣ, кромѣ множества хорошо устроенныхъ жилищъ въ скалѣ, находились и многочисленныя строенія на поверхности скалы. Между этими строеніями хорошо сохранились остатки большой церкви.

Извѣстно что между Хазарами были народы различныхъ племенъ и вѣроисповѣданій. Между ними были христіане, Евреи, магометане и язычники. И вѣроятно все это Хазары, живя долгое время въ пещерныхъ городахъ, обработали эти города съ тѣмъ своего рода комфортомъ какой мы видимъ въ нихъ и до нынѣ.

Ф. Сумъ (*Историческое изслѣдованіе о Хазарахъ, 1779 года*) говоритъ что Хазары долгое время владѣли сѣвѣрною частью Крыма. Ясно что они продолжали жить въ пещерныхъ городахъ, такъ какъ близъ Мангуна, да и вообще въ сѣвѣрной части горъ, вѣтъ остатковъ другихъ городовъ кромѣ пещерныхъ, съ воздвигнутыми на ихъ скалахъ строеніями. И очень возможно что круглоголовые покойники лежащіе въ саркофагахъ Тене Кермена были Хазары принявшіе христіанство, слѣдуя примѣру Грековъ, подъ покровительствомъ которыхъ они жили въ Крыму.

Сумъ, въ своемъ сочиненіи о Хазарахъ, говоритъ что большая часть Хазаръ еще въ IX вѣкѣ приняли христіанство, но между ними и послѣ этого было еще много Евреевъ, **

* Гольдсоль, *Восемнадцать еврейскихъ надписей въ Крыму*, стр. 75.

** Реливъ, *Histoire des langues semitiques*, p. 166, говоритъ что жили въ Крыму Караимы или Караиты—суть остатки Ха-

магометанъ и даже язычниковъ. Не было ли между казарскими язычниками народа который построилъ загадочныя памятники на Кочъ и Мартъ?

Что касается дольменовъ южнаго и юго-западнаго берега, то кажется нельзя сомнѣваться что они принадлежатъ другой эпохѣ и другому народу, нежели памятники на Кочъ и Мартъ.

Адри Мартенъ, въ сочиненіи *De l'origine des monuments mégalithiques*, старается доказать что всѣ мегалитическіе памятники принадлежатъ Кельтамъ и приводитъ весьма убѣдительныя свидѣтельства; но вмѣстѣ съ тѣмъ, перечисляя всѣ мѣстности гдѣ Кельты оставили свои памятники, утверждаетъ что сѣверо-западная Азія лишена этихъ памятниковъ. Между тѣмъ именно вся сѣверо-западная Сибирь, какъ кажется, усыяна ими.

Невысокія насыпи или курганы, шаговъ шестнадцать въ діаметрѣ, обставленныя большими округленными гранитнымъ массама, называемые *чудскими могилами*, описанныя Палласомъ, Риттеромъ и другими, вполнѣ напоминаютъ менгиръ. Нѣкоторыя изъ насыпей и столбовъ очень велики и на вершинахъ насыпи стоятъ коническія могилы или домики. В Европѣ и въ Африкѣ наверху насыпи стоятъ обыкновенныя дольмены, тогда какъ въ Сибири дольменовъ не видно, но происходитъ ли это оттого что гранитъ, изъ котораго сооружались могилы въ Сибири, матеріалъ слишкомъ твердый не способный для раскалыванія плитъ бронзовыми орудіями какими владѣли строители *чудскихъ могилъ* въ Сибири?

Иныя *чудскія могилы* обставлены гранитными столбами вышиною въ нѣсколько локтей, поверхность ихъ сильно вътрилась, что доказываетъ ихъ глубокую древность. Если могилы въ Сибири огорожены нѣсколькими рядами гранитныхъ глыбъ, а въ центрѣ возвышается гряда камней. Риттеръ, описывая эти памятники, говоритъ что въроят подобныя могилы принадлежали какому-нибудь князю и герою совершенно забытыхъ и безыменныхъ народовъ, аригеновъ тѣхъ мѣстъ. И онъ прибавляетъ что эти памятники напоминаютъ намъ подобные же памятники давно преданныхъ забвенію народовъ жившихъ въ землѣ Ировъ, въ Иландіи, и Косковъ (Cosci), въ древнемъ Лаціумѣ.

Близъ рѣчки Коинды, владѣющей въ Иртышъ, находятъ около *чудскихъ могилъ* рядъ стоящихъ каменныхъ ли

стровъ, находящихся другъ отъ друга на расстоянии ста локтей. Этотъ рядъ лиастровъ чрезвычайно напоминаетъ подобнаго рода сооруженія въ Бретани.

Въ *чудскихъ могилахъ*, встрѣчаются не рѣдко драгоценныя металлы. Въ мегалитическихъ же памятникахъ Европы большая часть долменовъ содержитъ въ себѣ одни камни орудія и иногда бронзу, весьма рѣдко золото. Но въ Сибири строители *чудскихъ могилъ* добывали золото и гдѣ и имѣли обыкновеніе класть въ свои могилы золотыя вещи.

Для открытія какому народу принадлежатъ мегалитическіе памятники, кромѣ раскопокъ въ этихъ памятникахъ и кромѣ сличенія череловъ, необходимо изслѣдовать какому языку принадлежатъ древнія названія мѣстъ тамъ гдѣ находится мегалитическіе памятники. Какому языку принадлежатъ названія горъ и рѣчекъ около *чудскихъ могилъ*, напримѣръ слова: *Кюна*, *Берна*, *Балза*, *Балира*, *Кокса* (названія горскихъ рѣчекъ близъ *чудскихъ могилъ*)? Какому языку принадлежитъ слово *Ардабда*? Слово *Бриксаба*, переведенное Греками *Криуметонъ* (бараній лобъ), точно ли кимврское слово, какъ думаетъ профессоръ Брунь, * ссылаясь на *Исфенбаха*? И точно ли *Криуметонъ* слѣдуетъ искать на мысѣ Ай-Тодоръ, какъ полагаетъ этотъ почтенный ученый? Вотъ рядъ вопросовъ жаждущихъ разъясненія.

Мысъ *Криуметонъ* назывался Греками также и *Мысомъ Гери*. Въ Крыму много выдающихся въ морѣ мысовъ, но только одинъ *Криуметонъ* называли *Мысомъ Таври*, слѣдственно онъ былъ самымъ высокимъ и замѣтнымъ съ моря мысомъ. Мысъ Ай-Тодоръ лежитъ довольно высоко надъ уровнемъ моря, видъ его совсѣмъ не напоминаетъ бараній лобъ. Мысъ этотъ не имѣетъ опасныхъ скалъ, къ скаламъ его легко приставать маленькимъ лодкамъ. Онъ также имѣетъ около своихъ утесовъ опасныхъ теченій и съ моря довольно не особенно далеко. Мысъ Аія, который, мнѣ кажется, вѣрнѣе принять за *Криуметонъ*, виденъ съ моря на расстоянии десяти миль разстоянія со своими обрывистыми утесами и по своему видомъ гораздо скорѣе могъ быть названъ *Мысомъ Таври*, а своею обнаженною скалою туловою въ волны гораздо болѣе походить на *Криумето-*

* *Исфенски Од. Об. Древ. Т. VII.*

нонь, то-есть *бараний лобъ*, нежели Ай-Тодоръ или какой-либъ другой мысъ Крымскаго полуострова. И наконецъ, словъ Страбона—что *противъ мыса Крїуметона можно видѣть правый и лѣвый берегъ Понта, если судно стоитъ посредъ моря*—ясно говорятъ въ пользу того что именно мысъ Ай былъ Крїуметоновъ или *Мысъ Таври* Грековъ.

Скимность Хіосскій, писавшій въ I вѣкѣ до Р. Х., говоритъ о Крїуметоновѣ: „Тавры здѣсь особенно распространены ихъ многочисленныя толпы ведутъ въ горахъ бродячую жизнь. * Варвары по своимъ жестокостямъ и убійствамъ они поклоняются божеству столь же жестокому какъ и они сами.“

Если предположить что Крїуметоновъ есть мысъ А Тодоръ, то въ какихъ же горахъ были распространены Тавры когда кругомъ находились греческіе города, греческія селенія и многочисленныя греческія укрѣпленія, разбросаны по утесамъ? И около самаго мыса Ай-Тодоръ совсѣмъ видно обширныхъ укрѣпленій, которыя бы тянулись по рамамъ; а пираты, внушавшіе къ себѣ такой страхъ Грекамъ должны были хорошо замкнуть свои владѣнія чтобы не бы изгнанными или побѣжденными окружающими ихъ обитателями Крыма.

Но кто же были эти *Тавры*, жившіе около Крїуметона и строившіе домены и менгиры, родственные мегалитическимъ памятникамъ Европы, Азии и Африки? Были ли Фивны, какъ хотятъ думать нѣкоторые ученые? Но этъ

* Въ горахъ Крымскаго полуострова, особенно на каменистыхъ склонахъ, кажется, вести жизнь бродячую не особенно удобно. Чѣмъ питаться въ этихъ скалистыхъ мѣстахъ? Плодо много ли дикорастущихъ плодовъ могло здѣсь находиться, к рымы могъ бы питаться многочисленный народъ? Не вѣрнѣ ли большая часть *Тавровъ* жившихъ около Крїуметона имѣла постоянныя жилища въ Байдарской долинѣ и спускались къ рамамъ, на разбой или на поклоненіе божеству, храмъ котораго вѣроятно находился или на мысѣ Айа или на утесахъ въ долинѣ Ласпи также есть остатки языческаго храма; въ Байдарской же долине народъ этотъ могъ имѣть стада которыми онъ и долженъ былъ преимущественно питаться, такъ какъ морскіе разбой не всегда бывъ удачны.

заключенію противорѣчить то что во всѣхъ странахъ гдѣ жия и живутъ финскіе народы, не находится ни одного мегалитическаго памятника.

Можетъ-быть вѣрнѣе было бы согласиться съ Анри Мартевомъ что строители мегалитическихъ памятниковъ были Кельты; но были ли Кельты въ юго-западной Сибири?

Только серіозное изслѣдованіе можетъ разъяснить этотъ вопросъ.

М. СОСНОГОРОВА.

Ямщикъ заснулъ, мы ѣдемъ шагомъ,
По лѣсу стелется туманъ;
Кой-гдѣ, склоняясь надъ оврагомъ,
Торчитъ сосна какъ великанъ.

Скользятъ дорогой ровной сани,
Порою вѣтеръ набѣжитъ,
И закачается въ туманѣ
Сосновый боръ, и заскрылитъ.

Но впереди огней мерцанье,
Свѣтлѣй, прозрачнѣй небосклонъ,
На немъ я вижу очертанье
Дворца, садовъ, ряды колоннъ.

Крыльца отлогія ступени
Богатымъ устланы ковромъ,
За окнами мелькаютъ тѣни,
И музыки я слышу громъ.

И надвигается видѣнье
Все ближе, ближе и яснѣй;
Но вдругъ толчокъ — въ одно мгновенье
Исчезъ дворецъ и блескъ огней;

И вновь скользятъ дорогой сани,
И колокольчикъ вновь звенитъ,
Скрыля качается въ туманѣ
Сосновый боръ, да снѣгъ хруститъ.

Д. Ц—ЕВЪ.

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА

ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ.*

VI.

Въ первой статьѣ нашей мы уже говорили что преобразование польскаго судебного вѣдомства входило въ категорію сложныхъ преобразованій въ Царствѣ по программѣ 1863 г. По Высочайшему повелѣнію, 23го сентября 1864 года образованъ былъ при Учредительномъ Комитетѣ юридическій съездъ, юридическая коммиссія, для пересмотра матеріаловъ старыхъ юридическаго кодекса, юридическая коммиссія, для пересмотра матеріаловъ старыхъ кодификаціонною коммиссіей и изготовленныхъ проектовъ по судебной части и затѣмъ для установленія главныхъ началъ на которыхъ судоустройство и процессъ должны быть преобразованы. Цѣлью реформы предположено было возможное сближеніе законодательства Царства и Имперіи. 2го іюля 1865 года дѣятельность юридической коммиссіи была опредѣлена подробно. Изъ инструкціи видно что правительство возвратилось къ мысли не покидаваемой съ 1833 года, но постоянно тормозившейся незримыми подспудными силами: объединить не только администрацію края и Имперіи, но и положить начало объединенію

гражданской жизни установленіемъ общаго законодательства, первымъ шагомъ къ которому должно служить преобразование польскаго гражданского права. По этой инструкціи на комиссію возложено: 1) начертаніе основныхъ началъ для преобразованія нынѣ дѣйствующаго въ Царствѣ Польскомъ законодательства съ соблюденіемъ, *по возможности*, слѣдующей постепенности: а) основныя начала суда устройства и судопроизводства какъ гражданского, такъ и уголовного; б) основныя начала гражданского кодекса; в) основныя начала уголовного кодекса; г) основныя начала торговаго права и процесса. 2) Начертаніе проектовъ основныхъ законовъ. 3) Изготовленіе лѣснаго устава и другихъ законоположеній касающихся охраненія ловемельной ответственности. 4) Составленіе предварительныхъ соображеній или проектовъ по всѣмъ юридическимъ вопросамъ, возбуждаемымъ правительственными учрежденіями или въ самой комиссіи, а равно передаваемымъ на разсмотрѣніе комиссіи Учредительнымъ Комитетомъ. Въ первой очередь стояли работы надъ реформою суда и процесса. Характеръ работъ юридической комиссіи, въ силу самыхъ обстоятельствъ при которыхъ открылась ея дѣятельность, былъ иной нежели характеръ работъ комиссіи для составленія основныхъ положеній преобразованія судебной части Имперіи. Предпринимая въ Имперіи судебную реформу началахъ совершенно новыхъ, противоположныхъ прежнему порядку, комиссія могла и должна была начать съ изслѣдованія главныхъ, коренныхъ основаній судебного устройства, не имѣя въ виду инструкцій съ заранѣе опредѣленными исходными точками. При иныхъ условіяхъ предпринималось начертаніе основныхъ положеній для Царства. Судебные уставы Имперіи опредѣлили уже вполне тотъ рядокъ судопроизводства и судопроизводства который прителествомъ признавъ за лучший и который основанъ на началахъ принятыхъ совершеннѣйшими законодательствами западной Европы. Юридической комиссіи не приходило въ теоретическія изслѣдованія: задача ея состояла въ *примѣненіи* судебныхъ уставовъ Имперіи къ *мѣстнымъ условіямъ* Царства. Эти мѣстныя условія состояли въ особенностяхъ строя гражданской жизни, насколько они вылились въ мѣстномъ гражданскомъ правѣ, и въ особенностяхъ отношеній активныхъ элементовъ мѣстнаго населенія

государственной власти, насколько они выяснились изъ новейшей политической исторіи Привислинскаго края. Тѣ и другія имѣли важное вліяніе на организацію новыхъ судебныхъ порядковъ. Имѣя въ виду эти мѣстные условія, коммиссія подвергла подробному анализу недостатки дѣйствовавшей организаціи и составила рядъ предположеній относительно устраниенія ихъ. Труды ея, составившіе нѣсколько печатныхъ фоліантовъ, легли въ основаніе Положенія 19го февраля 1875 года. Кромѣ устраниенія наличныхъ недостатковъ дѣйствующей судебной организаціи и объединенія законодательствъ примѣненіемъ къ Царству основныхъ началъ имперскаго судоустройства и процесса, въ виду юридической коммиссіи стояла задача, которою обуславливались ея работы: упроченіе дарованнаго указомъ 19го февраля 1864 года права участія въ отправленіи правосудія въ общинномъ судѣ, какъ общемъ для всѣхъ жителей гмины, безъ различія сословія. Главныя начала положенныя въ основу трудовъ коммиссіи состояли въ слѣдующемъ: 1) Уголовная юстиція не будетъ отдѣляема отъ гражданской: по образцу имперскаго законодательства производство дѣлъ уголовныхъ и гражданскихъ должно быть сосредоточено въ однихъ и техъ же судебныхъ установленіяхъ. 2) Многочисленность инстанцій и неудовлетворительное распредѣленіе предметовъ юрисдикціи между судами 1й и 2й степени устраниются тѣмъ что всякое дѣло по существу будетъ разсматриваться только въ двухъ инстанціяхъ, и что мировыя судебныя установленія будутъ отдѣлены отъ общихъ судебныхъ мѣстъ, тѣмъ что каждая изъ группъ будетъ имѣть свою особую юрисдикцію. 3) Вѣдомство кассационныхъ департаментовъ юстиціи распространено и на Царство Польское, чѣмъ достигается единообразное примѣненіе законовъ и единство надзора за правильнымъ дѣйствіемъ судебныхъ учрежденій. Недостатки слѣдственнаго производства положено устранить введеніемъ института судебныхъ слѣдователей, по примеру Имперіи. Виѣсть съ этимъ мѣстныя условія потребовали некоторыхъ отступленій отъ судебныхъ уставовъ Имперіи. Мировыя судебныя установленія по проектамъ коммиссіи отличались иной видъ нежели въ Россіи. Когда коммиссія приступила къ работамъ, въ 1865 году, гминныя суды, по власти которая имъ была предоставлена, сдѣлались

весьма значительнымъ органомъ правосудія, привились къ сельской жизни, приобрѣли симпатію сельскаго населенія, и потому при судебномъ преобразованіи въ Царствѣ главный вопросъ состоялъ въ опредѣленіи ихъ положенія въ ряду будущихъ судебныхъ учрежденій. Ради единства учрежденій не представлялось никакой возможности и никакой дѣйствительной необходимости вычеркивать этотъ живой институтъ мѣстной организаціи, не имѣющей аналогіи въ Имперіи. Вслѣдствіе этого исходною точкой реформы были приняты существующіе гминные суды, но затѣмъ слѣдовало опредѣлить то положеніе которое долженъ былъ занять наш институтъ мировыхъ судей въ ряду судебныхъ учрежденій Царства. Путеводною нитью при разрѣшеніи этого вопроса послужили соображенія высказанныя комитетомъ по дѣламъ Царства Польскаго 24го февраля 1865 года, при составленіи инструкцій для юридической комиссіи: судебные уставы составлены для страны находящейся въ другихъ политическихъ и общественныхъ условіяхъ нежели Царство Польское, гдѣ враждебныя правительству элементы легко могутъ найти себѣ убѣжище подъ покровомъ судебныхъ гарантій и даже обратить ихъ въ политическое орудіе противъ законной власти, и что посему при новомъ устройствѣ судовъ необходимо имѣть преимущественно въ виду интересы государственныя и интересы большинства населенія, вызванныя правительствомъ къ новой гражданской жизни. „Въ учрежденіи мировыхъ судей, разсуждала комиссія, выразилось стремленіе правительства видѣть на судебномъ поприщѣ лицъ владѣющихъ болѣе или менѣе значительнымъ имуществомъ, наиболѣе заинтересованныхъ въ сохраненіи общественного порядка и наиболѣе соединяющихъ въ себѣ условія образованія, общественного довѣрія и опытности. Такое стремленіе не могло найти себѣ осуществленія въ Царствѣ гдѣ нѣтъ ручательства въ томъ что лица подходящія по возвышенному цензѣ наиболѣе заинтересованы въ сохраненіи общественного порядка, наиболѣе связаны съ большинствомъ населенія тождествомъ общихъ интересовъ; правительство могло не ослѣпнуть что высшія сословія обратятъ дарованную имъ власть и вліяніе въ политическое орудіе противъ законнаго правительства, ко вреду народа.“ Поэтому въ Царствѣ выборное начало въ мировой магистратурѣ оказалось, по мнѣнію комиссіи, неприложимымъ, и предложено

было ввести мировой институтъ при томъ условіи что мировые судьи будутъ назначаться отъ правительства, изъ лицъ непричастныхъ политическимъ увлеченіямъ. Нельзя было не обратить, съ другой стороны, вниманія на то что, принимая въ этомъ измѣненномъ видѣ мировой институтъ какъ общій для Царства, правительству предстояло бы трудное дѣло заставить множество должностей людьми извѣданной благонадежности и нести огромныя издержки, оплачивая труды этихъ лицъ имперскими окладами; затѣмъ, допуская мировыхъ судей рядомъ съ гминными судами, проектъ значительно осложнилъ бы судебный механизмъ, умножилъ бы безъ нужды число судебныхъ мѣстъ и воскресилъ бы въ судебной организаціи тѣ затрудненія при опредѣленіи подсудности, противъ которыхъ ратовалъ въ старой организаціи. Исходъ былъ одинъ: опредѣлить положеніе гминныхъ судовъ какъ судовъ общихъ, замѣнить ими мировыхъ судей для жителей сельскихъ гминъ, обезпечить возможно правильное, безпристрастное отправленіе правосудія и дать вмѣстѣ съ тѣмъ гминнымъ судамъ дальнѣйшее развитіе. Для этой цѣли предположено надъ гминными судами установить апелляціонную и кассационную инстанцію. Для городовъ положено было чередить мировыхъ судей, назначаемыхъ отъ правительства. Единство мировой юстиціи выражалось въ мировомъ сѣздѣ, апелляціонной инстанціи для гминныхъ и мировыхъ судовъ, организованномъ по образцу имперскихъ сѣздовъ.

Политическія соображенія которыми руководилась коммиссія при устройствѣ судебно-мироваго института внушили ей мысль что слѣдовало отступить отъ имперскихъ правилъ о надзорѣ за судебными мѣстами и должностными лицами судебного вѣдомства и усилить прокурорскій надзоръ и единоличную власть предсѣдателей. По мнѣнію коммиссіи, условія при которыхъ возросла судебная власть въ Царствѣ представляютъ много отрицательныхъ сторонъ и едва ли могутъ быть сразу измѣнены вмѣстѣ съ преобразованиемъ судебного вѣдомства. Пока новые элементы преобразованной юстиціи не окрѣпаютъ и не станутъ твердымъ основаніемъ законнаго порядка и правосудія въ странѣ, *правительство должно располагать върными средствами воздѣйствія на судебныя установленія и на самое отправленіе правосудія.* Какими средствами прежде всего были признаны усиленіе прокурорскаго надзора: лицамъ прокурорскаго надзора, сверхъ

тѣхъ функций которыми она облечена по уставамъ Имперіи, вмѣнено въ обязанность имѣть наблюденіе за скорымъ и правильнымъ отправленіемъ правосудія, движеніемъ дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ и за точнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей должностными лицами судебного вѣдомства; по первоначальнымъ проектамъ предполагалось дать имъ право входить съ представленіями о поясненіи или дополненіи законовъ; если о томъ возникнутъ недоразумѣнія или вопросы по судебному вѣдомству; кромѣ того, имъ вмѣнялось въ обязанность наблюдать и распоряжаться по приведенію въ исполненіе судебныхъ рѣшеній по тѣмъ гражданскимъ дѣламъ по коимъ законами гражданского процесса и другими узаконеніями требуется предварительное заключеніе прокурора. Это, однако, оказалось недостаточнымъ: кромѣ имперскаго надзора высшаго суда надъ низшими, предполагалось учредить *личный* надзоръ предсѣдателя высшаго суда надъ всѣми дѣйствіями подчиненныхъ судебныхъ мѣстъ. Къ сожалѣнію, слѣдуетъ признать что проекты комиссіи въ этомъ отношеніи страдаютъ увлеченіями не находящими себѣ оправданія въ фактахъ. Единственныя мѣстныя условія коими обусловлены были эти предложенія заключались въ проектахъ различныхъ комиссій, существовавшихъ до учрежденія юридической комиссіи: законодательные проекты по дѣламъ нашихъ окраинъ вообще поражаютъ своимъ обиліемъ и своею безплодностью. Слабость прокуратуры въ Польшѣ влекла составителей проектовъ къ противоположному недостатку, къ организаціи прокуратуры съ такою силою какою она, по обычаю, не пользуется и въ романскихъ законодательствахъ. Комиссія предполагала такую организацію прокуратуры которая, совершенно неестественно, въ дѣлѣ юстиціи переносила центръ тяжести изъ магистратуры на прокурора, причемъ едва ли такой надзоръ за должностными лицами судебного вѣдомства могъ бы имѣть какой-нибудь иной результатъ, кромѣ нескончаемыхъ личныхъ столкновеній и интригъ. Организуя такимъ образомъ прокурорскій надзоръ, комиссія становилась въ отрицательное отношеніе къ своимъ предложеніямъ объ устройствѣ судебныхъ мѣстъ. Устраняя старое судоустройство новымъ, комиссія, оставивъ всѣми гарантіями государственные интересы, выражала такимъ устройствомъ прокуратуры недовѣріе и къ новымъ судебнымъ установленіямъ, и односторонне развила принципы русской прокура

туры. Весьма важнымъ представляется также соображеніе комиссіи относительно необходимости для правительства имѣть вѣрныя средства воздѣйствія на судебныя установленія и на самое отправленіе правосудія: судъ лишь тогда хорошъ когда никакому воздѣйствію, кромѣ требованій ясно выраженныхъ въ законѣ, не подвергается, но въ этомъ смыслѣ организація судебныхъ мѣстъ Имперіи достаточна; судъ лишь тогда достигаетъ своей цѣли, быть олаотомъ консервативныхъ началъ строгой законности, когда онъ совершенно независимъ и никто не вмѣшивается въ отправленіе правосудія; всякое вмѣшательство въ дѣла суда несудебныхъ властей подрываетъ значеніе суда, расшатываетъ довѣріе къ суду, ослабляетъ поддержаніе законнаго порядка, охраняемаго въ нормальной общественной жизни единственно судомъ: установленіе такого нормальнаго порядка на возможно прочныхъ основахъ было и есть руководящимъ принципомъ всѣхъ реформъ въ Привислинскомъ краѣ, и, безъ нужды отступая отъ типа судебныхъ уставовъ въ ущербъ самостоятельности суда, комиссія едва ли вѣрно поняла свою задачу. Судъ есть одна изъ функцій общегосударственной власти, и воздѣйствіе правительства на самого себя является непонятнымъ и излишнимъ; если же подъ этимъ разумѣть воздѣйствіе на судъ со стороны администраціи, то такой принципъ, признаваемый повсемѣстно вреднымъ, составляетъ рѣшительное отрицаніе одного изъ главныхъ основаній и достоинствъ нашихъ судебныхъ уставовъ: отдѣльности суда отъ администраціи. Это заблужденіе, какъ мы увидимъ ниже, раздѣлялось и другими учрежденіями, на разсмотрѣніе которыхъ поступали проекты комиссіи. Тѣми же соображеніями обусловилось и то что принципъ несмѣняемости судей былъ отвергнутъ комиссіей, хотя временно. Далѣе въ числѣ политическихъ отступленій мы находимъ иную организацію адвокатуры и устраненіе института присяжныхъ засѣдателей, о чемъ будемъ говорить подробнѣе при изложеніи постановленій 19го февраля 1875 года, а въ числѣ мѣстныхъ особенностей — удержаніе плотечной системы.

Исходныя начала и отступленія въ судоустройствѣ принятыя комиссіей обусловили и тѣ особенности уголовного процесса которыя она признавала необходимыми въ своемъ проектѣ. Главныя отличія отъ судебного устава Имперіи заключаются, во первыхъ, въ нѣкоторыхъ особенностяхъ про-

изводства въ мировыхъ учрежденіяхъ: власть обвинительная отдѣлена отъ судебной: по собственному усмотрѣнію ни гминный судъ, ни городской судья дѣла вчинить не могутъ; 2) судебнымъ слѣдователямъ вмѣнено въ обязанность исполнять всѣ требованія прокурора; 3) предсѣдателямъ судовъ предполагалось предоставить личное право совершать нѣкоторыя распорядительныя дѣйствія, которыя по уставу Имперіи возложены на судъ, и то непосредственное усмотрѣніе въ собраніи доказательствъ которое принято всеми германскими и французскимъ законодательствомъ и извѣстно под именемъ *rouvoir discrétionnaire*; 4) отсутствие присяжныхъ засѣдателей вызвало необходимость учрежденія особаго обвинительнаго департамента въ судебной палатѣ и предоставленіе права апелляціи на приговоры о всѣхъ преступленіяхъ влекущихъ за собою лишеніе всѣхъ или всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ; 5) особая организація суда по дѣламъ о преступленіяхъ государственныхъ; 6) особый порядокъ отвѣтственности должностныхъ лицъ судебного вѣдомства, состоящій въ томъ что взысканіе возбуждается не только судебными мѣстами, но и предсѣдателями высшихъ судовъ по отношенію къ членамъ и должностнымъ лицамъ низшихъ судебныхъ установленій. Французскій кодексъ гражданскаго судопроизводства, построенный, какъ и нашъ уставъ, на чистомъ состязательномъ началѣ, при заимствованіи его уставомъ русскимъ, не существенно измѣнялъ порядокъ гражданскаго процесса. Вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстно что редакція его такъ несовершенна что въ самой Франціи, гдѣ уставъ этотъ дѣйствуетъ болѣе полувѣка, онъ и до нынѣ возбуждаетъ безпрестанные споры и разнорѣчія какъ на практикѣ такъ и въ наукѣ. Отступленія отъ уставовъ Имперіи, сдѣланныя въ проектѣ юридической комиссіи, мотивированы тѣмъ обстоятельствомъ что они неразрывно связаны съ дѣйствующими въ Царствѣ гражданскими законами: ипотечнымъ уставомъ 1818 и 1825 годовъ, гражданскимъ кодексомъ 1804 года, гражданскимъ уложеніемъ 1825 года и положеніемъ о союзѣ брачномъ 1836 года. Кромѣ того особенные законы и условія для гминныхъ судовъ сдѣлали необходимымъ нѣсколько видоизмѣнить общеимперскій порядокъ дѣлопроизводства въ примѣненіи къ гминнымъ судамъ. По предположеніямъ комиссіи, такія отступленія заключались въ слѣдующемъ: 1) предоставить гминнымъ судебнымъ установле-

нѣмъ основывать свои рѣшенія не только на доказательствѣхъ представленныхъ тяжущимися, но и указывать послѣднимъ на тѣ доказательства которыя, по ихъ мнѣнію, необходимы для рѣшенія дѣла; 2) въ извѣстныхъ, закономъ опредѣленныхъ, случаяхъ гминные суды имѣютъ право требовать личной явки тяжущихся; 3) за гминными судами сохранить право при рѣшеніи дѣлъ руководствоваться мѣстными обычаями, исключая тѣ случаи когда имъ предписано именно руководствоваться законами; 4) чтобъ устранить изъ производство обременительныя для сельскихъ судей формальности, положено было изъять изъ вѣдомства гминныхъ судовъ всѣ споры и заявленія относительно подлинности актовъ и документовъ и предоставить рѣшеніе этихъ споровъ окружнымъ судамъ; 5) такъ какъ исполненіе рѣшеній, въ томъ случаѣ когда взысканіе обращается на недвижимое имущество, сопряжено съ формальностями, особенно при существованіи плеточной системы, то принято за правило приводить такіа рѣшенія въ исполненіе всегда и немедленно судебными приставами, состоящими при мировыхъ учрежденіяхъ. Наконецъ, отступленія въ правилахъ охранительнаго судопроизводства, сдѣланныя въ виду особенностей гражданскаго права, въ проектированномъ комиссіей мѣ въшли въ положеніе 19го февраля 1875 года, при разсмотрѣніи котораго мы и укажемъ ихъ.

Работы начатыя юридическою комиссіей въ августѣ 1865 года были окончены въ октябрѣ 1866 года и въ декабрѣ представлены ею на усмотрѣніе намѣстника, который поручилъ разсмотрѣть ихъ особому комитету изъ мѣстныхъ юристовъ и, съ замѣчаніями этихъ послѣднихъ, представилъ затѣ въ Собственную Его Величества Канцелярію по дѣламъ Царства Польскаго. По Высочайшему повелѣнію всѣ работы комиссіи были переданы на заключеніе Учредительнаго Комитета въ Варшавѣ, который и разсматривалъ проекты комиссіи въ девяти засѣданіяхъ, съ 21го марта по 14 апрѣля 1867 года. Комитетъ, какъ всегда, работалъ подъ предсѣдательствомъ намѣстника графа Берга. Кромѣ постоянныхъ членовъ Учредительнаго Комитета, при этихъ совѣщаніяхъ присутствовали, съ правомъ рѣшительнаго голоса, въ особому приглашенію, второй предсѣдатель юридической комиссіи, С. Н. Карцовъ, и представитель мѣстныхъ юристовъ, главный директоръ правительственной комиссіи

юстиціи г. Восинскій, явивъ оба умершіе. Учредительный Комитетъ разсматривалъ отступленія отъ судебныхъ уставовъ Имперіи, принятыя комиссіею сначала въ судоустройствѣ потомъ въ судопроизводствѣ уголовномъ и гражданскомъ и наконецъ въ охранительномъ уставѣ.

Приступая къ разсмотрѣнію отступленій въ уставѣ судопроизводства, предсѣдатель предложилъ на обсужденіе комитета слѣдующіе вопросы: 1) слѣдуетъ ли оставить гминныя суды въ такомъ составѣ и съ такою компетенціей какіе они имѣютъ въ настоящее время, или же допустить измѣненіе въ ихъ устройствѣ и предметахъ вѣдомства? 2) должны ли быть посредствующія судебныя установленія между гминными и окружными судами? 3) если должны быть учреждены таковыя, то какое дать имъ устройство? 4) какія должны быть предѣлы вѣдомства и предѣлы власти этихъ посредствующихъ установлений? 5) въ какомъ отношеніи должны находиться къ нимъ гминныя суды? Первый вопросъ былъ раздѣленъ на два и, кромѣ членовъ юридической комиссіи, большинство голосовъ Учредительнаго Комитета высказалось въ томъ смыслѣ что существующій личный составъ гминнаго суда не требуетъ никакихъ измѣненій, и потому что *не есть* законодательства допускаютъ такое послѣдовательное проведеніе принципа отдѣленія власти судебной отъ административной; что вышѣшнее подчиненіе войта гмины, предсѣдателя гминнаго суда, административнымъ властямъ отнюдь не роветъ достоинства этой должности; что желательно поддержать вліяніе администраціи на сельскіе населеніе; что слѣдуетъ при отдѣленіи судебнопредсѣдательскихъ функций отъ административныхъ ожидать соперничества войтовъ гмины съ гминными судьями, что будетъ очень вредно. Далѣе, въ гражданской компетенціи то же большинство Учредительнаго Комитета полагало что слѣдуетъ оставить существующую компетенцію относительно дворянскихъ имуществъ, обязательствъ, договоровъ и исковъ о вознагражденіи за ущербы и убытки. Комитетъ признавалъ расширение юрисдикціи гминныхъ судовъ по этимъ дѣламъ состоявшееся уже послѣ указовъ 19го февраля 1864 года отнюдь не повредило этимъ судамъ, что, напротивъ того при расширенной компетенціи гминныя суды совершенно удовлетворяютъ своему назначенію, но, вмѣстѣ съ тѣмъ усматривалъ что проектъ въ этомъ отношеніи страдалъ

теоретичностью, а законодательство, которое введено недавно, не должно быть колеблемо на основаніи однихъ только теоретическихъ соображеній, безъ прямыхъ практическихъ указаній необходимости такихъ измѣненій. Касательно недвижимыхъ имѣній относительное большинство членовъ Учредительнаго Комитета пришло къ тому заключенію что гдѣнью гмианныхъ судовъ по дѣламъ о недвижимыхъ имуществахъ должны подлежать не только споры по наследствамъ, но и всѣ иски о тѣхъ имуществахъ кои подходят подъ дѣйствіе указовъ 19го февраля, но при этомъ необходимо предоставить сторонамъ приносить апелляціонныя жалобы на рѣшеніе гмианныхъ судовъ, и потому слѣдуетъ возложить на послѣдніе разбирательство означенныхъ исковъ только въ качествѣ первой инстанціи, съ допущеніемъ не только кассациі, но и апелляціи въ посредствующія учрежденія. Но дѣламъ уголовнымъ большинство положило оставить безъ измѣненія предметы вѣдомства и предметы власти предоставленные гмианнымъ судамъ въ то время. Для разбирательства и рѣшенія дѣлъ изъятыхъ изъ вѣдѣнія общихъ судебныхъ уставовленій и не подлежащихъ вѣдомству мировыхъ судовъ, учредить мировыхъ судей и ихъ сѣзды, пообразно судебнымъ уставамъ Имперіи, съ тѣмъ лишь отличіемъ чтобы въ должности этихъ судей назначались чиновники отъ правительства и чтобы съ обязанностями ихъ были соединены предметы вѣдомства по крестьянскому дѣлу; поэтому въ мировыхъ судей должны быть обращены, по возможности, настоящіе комиссары, а въ сѣзды—комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ. Вѣдомству мировыхъ судей по дѣламъ гражданскимъ большинство комитета полагало предоставить: 1) иски о личныхъ обязательствахъ, движимости и вознагражденія за убытки цѣнностью до 250 р.; 2) иски о личныхъ обидахъ и оскорбленіяхъ; 3) дѣла о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, когда съ нарушеніемъ не соединяется основнаго на формальномъ актѣ спора о самомъ правѣ на владѣніе, причемъ, по отношенію къ жителямъ городовъ, предоставить мировымъ судьямъ право рѣшать окончательно безъ апелляціи, вышеозначенныя дѣла на сумму не свыше 100 р.; по отношенію же къ жителямъ гминыхъ сдѣлать мировыхъ судей первою инстанціей по рѣшенію всѣхъ исковъ этого рода цѣнностью свыше 100 и не болѣе 250 р. Всѣ же споры о правѣ собственности на владѣніе недвижимостью

должны быть исключены изъ вѣдомства мировыхъ судей. Пѣлаамъ уголовнымъ большинствомъ комитета полагало предъ оставить мировымъ судьямъ рѣшать въ первой инстанці дѣла: а) по проступкамъ жителей гминъ за которые въ законѣ полагаются наказанія свыше 10 р. штрафа и семи дней ареста, но не превышающія 150 р. штрафа, шести недель ареста и шести мѣсяцевъ тюремнаго заключенія; б) по проступкамъ городскихъ жителей за которые въ законѣ полагается наказаніе не свыше 150 р. штрафа, шести недель ареста и шести мѣсяцевъ тюремнаго заключенія. Окончательно мировой судья долженъ былъ рѣшать дѣла о проступкахъ городскихъ жителей за кои полагается взыскаіе и свыше трехъ дней ареста и 10 рублей штрафа. Посредствующею инстанціей большинство положило учредить стѣзъ мировыхъ судей, который составлялъ бы аппелляціонную кассационную инстанцію на рѣшенія мировыхъ судей, одну аппелляціонную инстанцію на рѣшеніе гминныхъ судовъ и дѣлаамъ о недвижимымъ имуществвахъ и кассационную инстанцію для окончательныхъ рѣшеній гминныхъ судовъ. Въ томъ видѣ думалъ Учредительный Комитетъ установить мировую юстицію въ Царствѣ Польскомъ, и слѣдуетъ признавать что его комбинаціи далеко не принадлежали къ числу удачныхъ. Проектъ комитета прежде всего страдаетъ отсутствиемъ стройности; сельская мировая юстиція дробится между гминными судами и мировыми судьями. Въ однихъ случаяхъ мировые судьи составляютъ параллель гминнымъ судамъ, въ другихъ они рассматриваютъ жалобы на гминные суды. Оставляя за гминными судами право рѣшать дѣла по обычному праву, вмѣстѣ съ этимъ учреждаютъ аппелляціонную кассационную инстанцію, исключая изъ нея судей обычного права. Дѣлая упрекъ юридической комиссіи въ излишней теоретичности, комитетъ забывалъ что нельзя признать практичнымъ его непремѣнное требованіе чтобы въ пользу опредѣленной указомъ 1864 года и инструкціей 1865 уголовной юрисдикціи суда была приносима въ жертву указанная юридической комиссіи государственная цѣль: объединеніе, возможности полное, судебныхъ учрежденій Имперіи и Царства. Въ Учредительномъ Комитетѣ, составленномъ изъ высшихъ административныхъ чиновниковъ Царства, вообще въ отношеніи къ организаціи судебныхъ мировыхъ учреждений слышится сильное вліяніе тогда только-что совершившей

крестьянской реформы. Почтенные члены этого собранія улускали изъ виду что аграрная реформа, временная, чрезвычайная, по своему характеру не имѣеть ничего общаго съ реформой имѣющею въ виду постоянныя, всегда дѣйствующія, органическія судебныя установленія, и признавали даже совершенно возможнымъ соединить функціи комиссаровъ съ функціями судьи, подчинивъ ихъ одновременно и учрежденіямъ по дѣламъ крестьянскимъ и Министерству Юстиціи. Этимъ вліяніемъ указовъ 19го февраля 1864 года и административнымъ составомъ комитета объясняется и горячая оппозиція оказанная предложенію комиссіи о раздѣленіи власти гминнаго судьи отъ административной власти юста. Комитетъ очень ясно сознавалъ что невозможно отождествить всесословный гминный судъ съ волостнымъ судомъ Имперіи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, останавливаясь на полупорогѣ, рѣшительно высказывался противъ обращенія гминнаго суда въ органъ коллегіальной сельской мировой юстиціи, соответственно городскимъ мировымъ судьямъ.

Предложенія юридической комиссіи объ усиленіи власти прокуратуры рѣшительно были отвергнуты большинствомъ членовъ Учредительнаго Комитета, причемъ мнѣніе большинства раздѣлялъ и второй предсѣдатель юридической комиссіи, хотя признано было необходимымъ нѣсколько усилить прокурорскій надзоръ по дѣламъ судебнымъ. Въ вопросѣ о несмѣняемости судей мнѣніе комитета тоже было противъ проекта комиссіи. Комитетъ находилъ что въ принципѣ, несмѣняемость судей должна быть введена въ судопроизводство Царства Польскаго, но что временно слѣдуетъ воздержаться отъ полнаго проведенія этого начала, съ тѣмъ однакожь чтобъ это временное положеніе представляло достаточныя гарантіи независимости для магистратуры. Комитетъ полагалъ что слѣдуетъ установить правило по которому замѣщеніе и увольненіе лицъ судебного вѣдомства производится не иначе какъ по опредѣленію 1го департамента Правительствующаго Сената и съ Высочайшаго утвержденія. Комиссія предполагала таксу для присяжныхъ защитниковъ сдѣлать обязательною. Въ виду полной непрактичности такого предложенія комитетъ положилъ не отступать въ этомъ случаѣ отъ судебныхъ уставовъ Имперіи и вмѣсто названія присяжныхъ защитниковъ оставить названіе присяжныхъ австрійскихъ, по уставамъ. Въ проектѣ уголовного судопроизводства

производства комитетъ нашелъ что нѣтъ оснований уси-
 ливать значеніе полиціи и прокурорскаго надзора противъ
 имперскихъ уставовъ и согласился съ мнѣніемъ комиссіи
 относительно невозможности въ Польшѣ суда присяжныхъ.
 Въ обрядѣ преданія суду комитетъ согласился съ предполо-
 женіями комиссіи, но постановилъ не дѣлать никакихъ
 отступленій отъ русскаго устава уголовного судопроизводства
 во всѣхъ подробностяхъ которыя относятся къ единоличной
 власти предсѣдателя суда. Затѣмъ всѣ остальные измѣне-
 нія сдѣланныя комиссіей въ проектѣ устава уголовного
 судопроизводства оставлены были безъ измѣненія. Въ проек-
 тѣ устава гражданского судопроизводства предположенія
 комиссіи были приняты комитетомъ, кромѣ случаевъ
 обусловленныхъ организаціей мировой юстиціи по проекту
 комитета. Въ дѣлахъ охранительнаго судопроизводства, со-
 гласно своему возрѣнію на гражданый судъ, комитетъ постано-
 вилъ дѣйствія возлагаемыя проектомъ комиссіи на граждан-
 скую судью возложить на гражданского войта. Таково было заключеніе
 проектъ юридической комиссіи. Несостоятельное по вопросу
 объ организаціи мирового судебного института, заключеніе
 Учредительнаго Комитета имѣетъ то неоспоримое достоинство
 что комитетъ не считалъ нужнымъ стѣснять, во имя времен-
 ныхъ, политическихъ интересовъ, тѣ гарантіи правительственнаго от-
 правленія правосудія которыя содержатся въ судебныхъ уста-
 вахъ Имперіи: большинство тѣхъ отступленій которыя были
 допущены проектами юридической комиссіи въ интересахъ
 администраціи и въ ущербъ независимости суда и личной
 свободы, были отвергнуты комитетомъ, какъ не имѣющія себѣ
 оправданія въ мѣстныхъ условіяхъ. Возрѣніе на институтъ
 присяжныхъ засѣдателей какъ на *учрежденіе политическое*
 было причиною того что комитетъ согласился съ проектомъ
 и призналъ введеніе его въ Царствѣ одновременно съ судеб-
 ною реформой преждевременнымъ.

Проектъ юридической комиссіи, разсмотрѣнный Учреди-
 тельнымъ Комитетомъ, былъ представленъ вмѣстѣ съ заклю-
 ченіемъ комитета въ Петербургъ. Въ декабрѣ 1867 года со-
 стоялось Высочайшее повелѣніе объ образованіи въ С.-Петер-
 бургѣ совѣщательнаго комитета для разсмотрѣнія проектовъ
 судебной реформы. Въ составъ комитета приглашены были
 сенаторы кассаціонныхъ департаментовъ, чиновники Школы
 дѣленія, Министерства Юстиціи, Министерства Внутреннихъ

Дѣль и Канцеляріи по дѣламъ Царства Польскаго. Изъ мѣстныхъ дѣателей въ работахъ комитета приняли участіе три члена Учредительнаго Комитета и извѣстный своими трудами по составленію Уложенія о Наказаніяхъ сенаторъ Б. М. Губе. Комитетъ разсматрѣлъ проектъ реформы въ тринадцатъ засѣданій (31го декабря 1867—14го февраля 1868 года).

До сихъ поръ и юридическая коммиссія, и совѣщательный комитетъ мѣстныхъ юристовъ, работы котораго остались не опубликованы, и Учредительный Комитетъ смотрѣли на дѣло такъ что цѣль объединенія законодательствъ Имперіи и Царства можетъ быть достигнута и тогда когда для Имперіи и Царства будутъ составлены особые уставы, лишь бы содержаніе этихъ уставовъ было по возможности одинаковымъ. Иначе отнесся къ этому вопросу совѣщательный комитетъ. Опредѣляя исходную точку съ которой онъ долженъ отнестись къ предстоящей ему задачѣ, комитетъ высказываетъ слѣдующія соображенія: „въ преобразованія въ прусскихъ губерніяхъ въ послѣднее время клонились къ объединенію законодательствъ Царства и Имперіи. Цѣль эта должна лежать въ основѣ и предстоящаго судебного преобразованія въ означенныхъ губерніяхъ. Это положительно выражено и въ Высочайшемъ повелѣніи 24го февраля 1865 года. Проекты юридической коммиссіи, заключаая въ себѣ некоторыя значительныя отступленія отъ основныхъ началъ судебныхъ уставовъ 20го ноября 1864 года, не представляютъ однакоже такихъ коренныхъ измѣненій установленнаго для Имперіи порядка судоустройства и судопроизводства которыя вызывали бы необходимость изданія для Царства отдѣльныхъ отъ Имперіи уставовъ; поему совѣщательный комитетъ не находилъ, съ своей стороны, ни основанія, ни надобности издавать для Царства Польскаго какіе-либо особые судебные уставы, въ которыхъ, на ряду съ нѣкоторыми новыми статьями, повторялась бы безъ существенныхъ измѣненій цѣлая масса правилъ общихъ для Имперіи и для губерній Царства. По мнѣнію комитета, было бы и правѣе, и цѣлесообразнѣе распространить на Царство существующіе уставы 20го ноября 1864 года съ тѣми лишь измѣненіями кои, по ближайшемъ соображеніи мѣстныхъ условій, потребностей и потребностей края, признаны будутъ необходимыми, подобно тому какъ это допущено въ положеніи и приложеніи судебныхъ уставовъ къ Закавказскому краю

въ 1866 году. Разсмотрѣніе представленныхъ проектовъ началось съ судоустройства и главнымъ спорнымъ пунктомъ олять сдѣлались неизбѣжныя гминныя суды. Юридическая коммиссія находила что нужно обратить гминныя суды въ общія мировыя судебныя установленія, усовершенствовать ихъ организацію, расширивъ компетенцію и поставивъ ихъ въ органическую связь съ остальными новыми судами. Учредительный Комитетъ сузилъ проектъ коммиссіи и находилъ болѣе полезнымъ не измѣнять ни организаціи, ни компетенціи суда. Совѣщательный комитетъ не согласился ни съ коммиссіей, ни съ комитетомъ. Аргументы въ пользу вышеприведенныхъ мнѣній совѣщательный комитетъ сводилъ къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) гминныя суды не могутъ быть приравнены къ волостнымъ судамъ Имперіи, потому что вѣдомству ихъ подлежатъ не одни крестьяне, но всѣ лица безъ различія сословій, имѣющія въ гминѣ жительство или даже временное пребываніе; 2) установленіе гминныхъ судовъ составляетъ право сельскаго населенія, при существованіи котораго только и возможно правильное развитіе его быта; 3) ограниченіе вѣдомства гминныхъ судовъ одними крестьянами невозможно, по причинѣ несуществованія въ губерніяхъ Царства особаго крестьянскаго сословія; 4) предоставленіе мирового разбирательства единоличной власти судей, выборныхъ отъ народа, не обезличивало бы охраненія общественнаго порядка и правильнаго отправленія правосудія въ такой мѣрѣ какъ суды коллегіальныя; 5) введеніе мирового института по назначенію отъ правительства потребовало бы значительныхъ издержекъ и встрѣтило бы затрудненіе въ недостаткѣ лицъ способныхъ къ замѣщенію судебныхъ должностей. Эта аргументація представлялась совѣщательному комитету недостаточно убѣдительною. Онъ находилъ что гминныя суды Царства учреждены по образцу имперскихъ для замѣны вотчинной юрисдикціи, какъ подручная сельская расправа для разрѣшенія на мѣстѣ, по обычаю, мелкихъ споровъ, не обращаясь къ общимъ судамъ; такимъ образомъ, *хотя законъ и подчиняетъ гминному суду всѣхъ жителей гминъ, но тѣмъ не менѣе при учрежденіи гминныхъ судовъ имѣлись въ виду главнѣйшимъ образомъ поселеніе, а подчиненіе прочихъ классовъ общества было вызвано частью недоумѣніемъ правительства къ личному составу общихъ судовъ Царства, частью продолжительностью судопроизводства и ли*

маловажнымъ дѣламъ, обусловленною несовершенствомъ общей судебной организаціи. Расширеніе компетенціи гминныхъ судовъ послѣ 1864 года было обусловлено тѣми же политическими причинами и желаніемъ расширить сферу безспорнаго примѣненія обычнаго права, такъ какъ оказалось что французскіе законы вообще имѣютъ мало примѣненія въ сельскомъ быту, опредѣляющемъ свои отношенія преимущественно обычнымъ правомъ. „Устроенные на такихъ началахъ гминные суды, говорится въ соображеніяхъ комитета по дѣламъ Царства Польскаго, представляютъ именно то учрежденіе на которое всего удобнѣе и ближе возложить разборъ споровъ между крестьянами по наслѣдству и раздѣламъ имущества. Въ такомъ видѣ мѣра представляется соответствующею порядку существующему въ Имперіи, по которому разборъ волостныхъ судовъ предоставлены дѣла по спорамъ о недвижимомъ имуществѣ крестьянъ находящемся въ предѣлахъ крестьянскаго надѣла.“ Установивъ такую аналогию между возрѣвіями законодательной власти на гминные и волостные суды и находя что при реформѣ общихъ судебныхъ установленій на началахъ устава 1864 года не представляется уже причинъ къ недовѣрію правительства къ новымъ судамъ, совѣщательный комитетъ призналъ что не существуетъ препятствій къ пересмотру постановленій о гминныхъ судахъ, имѣющихъ временное значеніе, съ цѣлью оставить гминные суды въ то же отношеніе къ судамъ обрѣтымъ въ какомъ находятся волостные суды. Вводя учрежденія имитирующія „судъ скорый, правый и милостивый“, не представляется никакихъ основаній въ пользу сохраненія гминныхъ судовъ какъ суда общаго. Ихъ невозможно сравнивать ни по составу, ни по порядку дѣлопроизводства съ установленіями судебныхъ уставовъ; напротивъ того, въ отношеніи является полное основаніе полагать что гминные суды весьма неудовлетворительный и несовершенный органъ правосудія. Имущественный цензъ (6 морговъ) при избраніи въ судьи такъ низокъ что личный составъ полагается лицами неудовлетворяющими требованіямъ достаточнаго образованія и часто даже неграмотными, тогда какъ примѣненіе къ разбирательству однихъ существующихъ въ сельскомъ быту обычаевъ и такъ-называемыхъ понятій сродныхъ сельскому быту весьма часто можетъ оказаться не только недостаточнымъ, но и совершенно невозможнымъ;

неизбѣжно будетъ прибѣгнуть къ писаному гражданскому закону; потому образованіе и знакомство съ положительнымъ правомъ составляютъ существенныя условія, удовлетвореніе которыхъ со стороны судьи только и даетъ право ожидать отъ него правильнаго отправленія правосудія. При такихъ условіяхъ легко себѣ представить насколько опасно поставленіе проекта юридической комиссіи по которому вѣдомству гминнаго суда предоставлены всѣ совершаемыя въ предѣлахъ гмины преступленія за которыя опредѣлены закономъ наказанія: выговоръ, замѣчаніе и внушеніе денежное взысканіе не свыше 75 р. и арестъ не свыше трехъ недѣль, причемъ назначеніе какъ рода, такъ и мѣры наказанія за каждый поступокъ не подчинено никакимъ закономъ установленнымъ нормамъ, но предоставлено непосредственному усмотрѣнію самого суда въ каждомъ данномъ случаѣ, лишь бы только не выходило за предѣлы установленныхъ для гминнаго суда взысканій. Апелляція весьма мало исправляетъ этотъ органическій недостатокъ. Проектъ комиссіи даетъ гминному суду такую власть которая, при проектированной организаціи, легко можетъ выродиться въ безнаказанность, послабленіе и произволь, а такія явленія лишь увеличиваютъ число преступленій и возбуждаютъ нареканія за неправосудіе. Всѣ эти недостатки весьма живо чувствуются въ волостныхъ судахъ Имперіи и вслѣдствіе ихъ замѣчается повсемѣстное недовольство крестьянъ этими судами, общее желаніе перенести дѣло на рѣшеніе мировыхъ судей. Поэтому, если нельзя совсѣмъ сократить гминныя суды, слѣдуетъ по крайней мѣрѣ ограничить сферу ихъ дѣятельности одними крестьянами, которымъ они могутъ приносить пользу какъ органы обычнаго права, въ разборѣ всякихъ споровъ, преимущественно же въ дѣлахъ по наслѣдству и раздѣламъ наслѣдуемаго имущества. Отсутствие тѣхъ рѣзкихъ сословныхъ различій въ Царствѣ которыя замѣчаются въ Имперіи не составляетъ достаточныхъ доказательствъ въ пользу проекта: указы говорятъ *крестьянамъ*, подъ которыми, на основаніи тѣхъ же указовъ слѣдуетъ признавать всѣхъ лицъ которыя надѣлены по положенію изъ земель казенныхъ и частныхъ, и внесены въ ликвидационныя табели и данныя. Это законодательное опредѣленіе, по мнѣнію комитета, можетъ устранить всѣ недоразумѣнія при опредѣленіи подсудности. Равнымъ образо-

по мнѣнію комитета, не можетъ быть принято возраженіе что безземельные жители гминъ (батраки) будутъ лишены гминнаго правосудія: батраки найдутъ болѣе безпристрастія у мировыхъ судей по назначенію отъ правительства, чѣмъ въ гминныхъ судахъ. Безземельные батраки, находящіеся по большей части въ услуженіи по найму у землевладѣльцевъ, изъ которыхъ составленъ гминный судъ, не всегда могутъ ожидать справедливаго рѣшенія въ искахъ къ своимъ хозяевамъ-землевладѣльцамъ, такъ какъ интересы ихъ противоположны, а *справедливость не составляетъ безусловнаго понятія сроднаго сельскому быту.* Точно также легко устраняется, по мнѣнію комитета, и то возраженіе что обращеніе гминныхъ судовъ въ сословные обременитъ массою дѣлъ мирового судью: положеніе мировыхъ судей въ Царствѣ не будетъ въ этомъ отношеніи отличаться отъ положенія мировыхъ судей Имперіи, гдѣ, рядомъ съ ними, существуютъ волостные суды.

Подробный разборъ гминнаго института привелъ совѣщательный комитетъ къ заключенію что въ Царствѣ Польскомъ учрежденіе мировыхъ судебныхъ установленій не только необходимо для единообразія органовъ судебной власти въ Царствѣ и Имперіи, а также въ интересахъ правильной юстиціи, *но сверхъ того важно и потому что можетъ служить лучшимъ проводникомъ русскаго вліянія* и средствомъ распространенія русскаго языка, на которомъ, по мнѣнію совѣщательнаго комитета, вмѣстѣ съ введеніемъ уставовъ 20го ноября, должны производиться всѣ судебныя дѣла въ Царствѣ, составляящемъ неразрывную составную часть Имперіи. Но имперское устройство мировыхъ судебныхъ установленій требуетъ, по мнѣнію комитета, нѣкоторыхъ измѣненій при перенесеніи его въ Царство. Главное отступленіе отъ уставовъ 20го ноября должно заключаться въ порядкѣ назначенія должностей мировыхъ судей. По учрежденію судебныхъ установленій мировые судьи избираются всѣми сословіями и утверждаются правительствомъ; только за недостаткомъ лицъ могущихъ быть избранными въ участковые мировые судьи, недостающее число судей назначается, до слѣдующихъ выборовъ, первымъ департаментомъ Правительствующаго Сената, по представленію министра юстиціи. Разсматриваемый проектъ признаетъ возможность допустить выборное начало, организовавъ выборный гминный, коллегіальный

ный судъ и даже понижая цензъ. Комитетъ находилъ что такъ какъ болѣе высокій цензъ недопустимъ въ интересахъ земскаго мира, то полезнѣе совсѣмъ устранить выборное начало изъ судоустройства въ Царствѣ, какъ потому что на выборы можетъ имѣть вліяніе революціонная партія, такъ и потому что тамъ не существуетъ учрежденій подобныхъ нашимъ земскимъ собраніямъ; стало-быть благоразумнѣе остановиться на назначеніи мировыхъ судей отъ правительства. Недостатка въ людяхъ, по мнѣнію комитета, не будетъ, въ виду многочисленнаго контингента дѣятелей по крестьянскому дѣлу, услѣвшихъ ознакомиться и съ мѣстными обычаями и съ положительнымъ законодательствомъ; наконецъ, нужно обратить вниманіе и на то что наши университеты ежегодно выпускаютъ сотни молодыхъ юристовъ, весьма затрудняющихся въ пріисканіи занятій соответствующихъ ихъ специальности, и въ числѣ ихъ, безъ сомнѣнія, найдется много такихъ которые не откажутся посвятить себя служенію закону въ крайъ вызванномъ къ новой гражданской жизни.

По этимъ соображеніямъ большинство совѣщательнаго комитета пришло къ слѣдующему заключенію: 1) Исключивъ всѣ правила о гминныхъ судахъ и городскихъ судьяхъ, дополнить ст. 1 примѣчаніемъ: „судебная власть гминныхъ судовъ простирается на лицъ подходящихъ подъ дѣйствіе указовъ 19го февраля 1864 года и послѣдовавшихъ въ развитіи этихъ указовъ законоположеній и постановленій и опредѣляется особыми о сихъ судахъ постановленіями.“ 2) Включить въ проектъ двѣ статьи, въ которыхъ изложить: а) мировые судьи опредѣляются къ должностямъ, увольняются отъ нихъ и перемѣщаются первымъ департаментомъ Правительствующаго Сената, по предложенію министра юстиціи; б) должность почетнаго мирового судьи не учреждается; кромѣ того, при введеніи въ дѣйствіе судебной реформы въ губерніяхъ Царства Польскаго, установить правило, что, сверхъ обязанностей лежащихъ на мировыхъ судьяхъ и ихъ сѣздахъ по уставамъ 1864 года, на нихъ же возлагаются нѣкоторыя обязанности по устройству крестьянъ и упраздненію вотчинныхъ повинностей въ городахъ.

Отвергнувъ проектированную организацию гминныхъ судовъ и ограничивъ кругъ ихъ дѣйствія дѣлами одного крестьянскаго сословія, совѣщательный комитетъ не находилъ

возможнымъ и необходимымъ учреждать и апелляціонную инстанцію, постановивъ что рѣшенія этихъ судовъ должны быть окончательными и нуждаются только въ кассационномъ учрежденіи, а потому призналъ что отмѣну окончательныхъ рѣшеній и приговоровъ гминныхъ судовъ въ кассационномъ порядкѣ слѣдуетъ предоставить тѣмъ установленіямъ которыя будутъ разсматривать въ апелляціонномъ и кассационномъ порядкѣ жалобы на рѣшенія мировыхъ судей, съ тѣмъ чтобы къ разсмотрѣнію гминныхъ рѣшеній, постановленныхъ на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, непременно приглашались свѣдущіе люди, могущіе засвидѣтельствовать о существованіи въ извѣстной мѣстности того или другаго обычая и дать нужныя разъясненія о способѣ его пониманія и примѣненія.

Относительно второй инстанціи мировыхъ судебныхъ установленій, въ комитетѣ были различныя мнѣнія. Меньшинство полагало что въ Царствѣ Польскомъ нѣтъ необходимости учреждать мировые съѣзды, а лучше, подобно тому какъ на Кавказѣ, подчинить мировыхъ судей прямо окружнымъ судамъ, находя полезнымъ, между прочимъ, чтобы мировой судья назначенный правительствомъ, и слѣдовательно не зависящій отъ общественнаго мнѣнія въ таковой степени какъ выборный судья, находился подъ контролемъ окружнаго суда, безъ сомнѣнія болѣе строгимъ нежели контроль съѣзда, состоящій изъ товарищей контролируемаго. Но большинство комитета находило что кавказскіе порядки, обусловленные значительнымъ пространствомъ мировыхъ участковъ и особыми функциями тамошнихъ мировыхъ судей, не примѣнимы въ Царствѣ Польскомъ, а потому и не представляетъ необходимости отступать отъ имперской организаціи съѣздовъ. Сенаторъ Губе, соглашаясь съ большинствомъ, находилъ, однако, не безполезнымъ распространить на Царство нѣкоторыя изъ постановленій дѣйствующихъ въ Закавказскомъ краѣ, а именно: назначить 2—3 помощниковъ къ мировому судѣ и возложить на нихъ обязанности слѣдователей; затѣмъ, при каждомъ участкѣ учредить должность прокурорскаго надзора, секретаря съ помощникомъ, пристава и слѣдственную тюрьму: закавказскіе порядки, по предложенію почтеннаго сенатора Губе, обращались въ существующіе мировые суды, состоящіе изъ судьи, подсудка (онъ же и слѣдователь), секретаря и помощника секретаря.

Послѣ этого совѣщательный комитетъ приступилъ къ разсмотрѣнью проектированнаго устройства общихъ судебных установленій. Онъ оставилъ безъ разсмотрѣнія, по преждевременности, проектъ межеваго устройства и остановился на проектѣ устройства прокуратуры. Признавая полезнымъ, ввиду мѣстныхъ условій, усилить прокурорскій надзоръ въ Царствѣ, комитетъ, однако, далеко не вполне раздѣляя мнѣнія юридической комиссiи. Прежде всего онъ единогласно отвергъ предположеніе комиссiи о томъ что судебнымъ мѣстамъ не предоставлено о неправильныхъ и незаконныхъ дѣйствіяхъ лицъ прокурорскаго надзора сообщать по принадлежности или доводить до свѣдѣнія министра юстиціи. Комитетъ справедливо призналъ что принятіе такой мѣры дало бы результаты совершенно противоположныя тѣмъ которыя ожидались комиссiей. Бдительность и законность дѣйствій прокурорскаго надзора усилятся именно отъ контроля суда, а безконтрольность дастъ обратныя послѣдствія. Давая вмѣстѣ съ тѣмъ прокурорскому надзору право наблюденія за дѣйствіями лицъ судебного вѣдомства, проектъ неминуемо вызвалъ бы антагонизмъ между магистратурой и прокуратурой тогда какъ необходимо именно полнѣйшее согласіе между ними. Наконецъ, практикой выяснено что правила судебныхъ уставовъ, отъ которыхъ проектъ отстаетъ, не только не возбуждаютъ никакихъ недоразумѣній, но получаютъ весьма полезныя для юстиціи примѣненія. Далѣе, независимо отъ обязанности возлагаемыхъ на лицъ прокурорскаго надзора уставами, проектъ предлагалъ поручить имъ наблюденіе за исполненіемъ рѣшеній по всѣмъ тѣмъ гражданскимъ дѣламъ по коимъ они обязаны давать предварительное заключеніе, и юридическая комиссiя мотивировала такое правило тѣмъ что оно, между прочимъ, принято французскимъ кодексомъ, долженствующимъ сохранить свою силу и послѣ судебного преобразованія: совѣщательный комитетъ не согласился съ этимъ, вѣдая что такое правило противно началу состязательнаго процесса, общему порядку исполненія рѣшеній, обременяетъ прокуратуру множествомъ дѣлъ ей, строго говоря, постороннихъ, возложить на нее слишкомъ большую отвѣтственность и, безъ нужды отступая отъ уставовъ, не вызываетъ никакими мѣстными условіями; но совѣщательный комитетъ находилъ полезнымъ поручить надзоръ за исполненіемъ рѣшеній

нейшей прокуратурѣ въ тѣхъ случаяхъ гдѣ лица прокурорскаго надзора являются въ качествѣ истцовъ, на примѣръ въ дѣлахъ объ исправленіи актовъ гражданского состоянія. Предложеніе комиссіи: возложить на прокуроровъ обязанность давать судамъ предложенія на основаніи данныхъ имъ инструкцій отъ Министерства Юстиціи и разъясненій кассационнаго суда, для установленія единообразія въ примѣненіи закона и для одинаковости соблюденія правилъ и формъ судопроизводства, совѣщательный комитетъ нашелъ нецѣлесообразнымъ. Никакою инструкціей нельзя предусмотрѣть всѣхъ недоразумѣній могущихъ возникнуть на практикѣ. Единство примѣненія закона можетъ установить лишь кассационная власть. Наблюденіе чиновъ прокурорскаго надзора должно быть ограничено лишь тѣмъ что они о всѣхъ замѣченныхъ ими улучшеніяхъ лицъ судебного вѣдомства, смотря по важности, или сообщаютъ предсѣдателямъ судебныхъ мѣстъ, или доносятъ прокурорамъ палатъ, которые и представляютъ о томъ министру юстиціи. Хотя въ законѣ не опредѣлено какія именно мѣры принимаетъ министр юстиціи вслѣдствіе такихъ донесеній, но не подлежитъ сомнѣнію что онъ, какъ генераль-прокуроръ, въ правѣ предложить принять необходимыя мѣры кассационнымъ департаментамъ Правительствующаго Сената, коимъ принадлежитъ надзоръ за всѣми судебными установленіями и должностными лицами судебного вѣдомства Имперіи. Не соглашаясь съ проектомъ комиссіи, тѣмъ не менѣе совѣщательный комитетъ согласился съ полезностью мысли заключающейся въ проектированномъ положеніи и постановилъ такую редакцію этой статьи: „Лица прокурорскаго надзора, наблюдая за точнымъ и единообразнымъ примѣненіемъ законовъ судебными установленіями и за соблюденіемъ ими правилъ и формъ судопроизводства, о всѣхъ уклоненіяхъ судебныхъ установленій къ законамъ и формъ судопроизводства доводятъ, въ порядкѣ подчиненности, до свѣдѣнія министра юстиціи, который, если признаетъ донесеніе заслуживающимъ уваженія, предлагаетъ его кассационнымъ департаментамъ Правительствующаго Сената по принадлежности, для надлежащаго направленія судебныхъ мѣстъ къ единообразному исполненію и примѣненію законовъ.“ Остальные отступленія юридической комиссіи отъ уставовъ Имперіи относительно организаціи про-

курорскаго надзора совѣщательный комитетъ призналъ ихъ лишними, согласившись съ комиссiей лишь въ необходимости предоставить прокуратурѣ входить съ представленiями въ случаѣ необходимости, о переносѣ дѣла изъ одного суда въ другой и относительно права судовъ и прокуратуры переводить дѣло отъ одного судебного слѣдователя къ другому, примѣняясь къ французскому закону объ этомъ предметѣ. Въ числѣ постановленiй о внутреннемъ устройствѣ судебныхъ мѣстъ, составляющихъ изъятие изъ уставовъ 1864 года, юридическая комиссiя предполагала, для доставленiя министерству большаго влiянiя на судебное управленiе въ дѣлахъ Царства, изъять изъ вѣдѣнiя судебныхъ установленiй всѣ обязанности по судебной администрацiи, возложить ихъ на предсѣдателя высшаго суда и такимъ образомъ замѣнить коллегiальный надзоръ высшаго суда за низшимъ личнымъ надзоромъ предсѣдателя высшаго суда за всѣми находящимися въ подвѣдомственномъ ему округѣ низшими судами. Въ комитетѣ произошло разногласiе. Большинство съ соображенiями комиссiи не согласилось. Оно указало на то что существующiй порядокъ надзора не вызываетъ никакихъ практическихъ неудобствъ и слѣдовательно не нуждается въ отмѣнѣ, тогда какъ нововведенiе предлагаемое комиссiей ставитъ членовъ судебныхъ установленiй въ совершенную зависимость отъ власти предсѣдателя. Такой порядокъ нарушилъ бы коллегiальное значенiе суда, въ которомъ предсѣдатель есть только первый членъ между равными (*primus inter pares*); оно было бы вредно для отправленiя правосудiя, ибо члены суда въ угодность предсѣдателю вынуждены были бы раздѣлять его мнѣнiя, часто, можетъ-быть, одностороннiя и неправильныя. Равнымъ образомъ совѣщательный комитетъ не согласился съ особенностями организацiи судебныхъ приставовъ и нотарiата: комитетъ находилъ что необходимо въ Царствѣ учредить должность старшаго нотарiуса, подъ управленiемъ котораго и должны состоять ипотечныя отдѣленiя. При разсмотрѣнiи проекта основныхъ положенiй уголовного судопроизводства наибольшiй интересъ имѣють соображенiя высказанныя по вопросу о присяжныхъ засѣдателяхъ. Комитетъ пришелъ къ тому убѣжденiю что условiя препятствующiя введенiю присяжныхъ засѣдателей въ губернiяхъ Царства дѣйствительно существуютъ и что они заключаются въ исключительномъ политическомъ поло-

жени края и *въ бѣрѣѣ народностей и вѣроисповѣданій*. Что касается до политическаго положенія края, то оно засвидѣтельствовано высшимъ установленіемъ въ этомъ край, Учредительнымъ Комитетомъ, и въ особенности такою компетентною властью по этого рода вопросамъ какъ канцелярскій. Возраженія относительно признанія за присяжными политическаго характера, по мнѣнію совѣщательнаго комитета, требуютъ ближайшаго разсмотрѣнія. Соединенные департаменты Государственнаго Совѣта, при начертаніи основныхъ положеній преобразованія судебной части, положительно высказали означенную мысль въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „мнѣніе нѣкоторыхъ теоретиковъ что судъ присяжныхъ имѣть политическій характеръ много препятствовало введенію въ разныхъ государствахъ этого учрежденія. *Не говоря о томъ что такое мнѣніе не имѣетъ надлежащаго основанія*, нельзя не замѣтить“ и т. д., но Государственный Совѣтъ присовокупляетъ что „отъ законодателя зависитъ обставить учрежденіе присяжныхъ такими условіями при которыхъ оно не могло бы имѣть никакого политическаго характера“. Дѣйствительно, разсуждалъ комитетъ, при спокойномъ положеніи страны учрежденіе присяжныхъ засѣдателей, съ изытіемъ изъ ихъ вѣдомства государственныхъ преступленій и съ недопущеніемъ ихъ компетенціи по проступкамъ печати, есть установленіе только процессуальное, какимъ оно и есть въ Имперіи; но въ странѣ подобной Царству, гдѣ политическія смуты продолжались столько лѣтъ, которая прошла чрезъ столько политическихъ волненій, *всякое общественное установленіе* вызывающее гражданъ къ участию въ судѣ принимаетъ, или, смотря по обстоятельствамъ, можетъ принять политическій отбѣнокъ и сдѣлаться орудіемъ въ рукахъ партій. Что касается до антагонизма между народностями и вѣроисповѣданіями, то оны, по мнѣнію вѣрнаго управленія, еще весьма сильны. Конечно, было бы слишкомъ преувеличенныя предполагать *осужденіе по національнымъ или религіознымъ предубѣжденіямъ лицъ* положительно невинныхъ, и также трудно *осудить частыхъ и систематическихъ оправданій виновныхъ*; но нельзя было бы разчитывать на совершенное безпристрастіе приговоровъ присяжныхъ засѣдателей въ сомнительныхъ случаяхъ, а главное, слѣдуетъ опасаться того недовѣрія которое присяжные одной народности, одного

вѣроисловѣданія будутъ неизбѣжно обнаруживать къ подсудимымъ принадлежащимъ къ другой народности, и наоборотъ: подсудимые къ присяжнымъ; подобное недобѣріе ослабляетъ существенное значеніе этого института. Если допустить предположеніе объ уничтоженіи вреднаго политическаго характера установленія присяжныхъ засѣдателей посредствомъ нѣкотораго измѣненія въ учрежденіи судебныхныхъ установленій, то въ такомъ случаѣ пришлось бы измѣнить существенныя основанія того устройства которое усвоено этому учрежденію судебными уставами; такимъ образомъ было бы необходимо понизить цензъ присяжныхъ засѣдателей и ввести въ составъ ихъ массу сельскаго населенія, а такого пониженія ценза, по мнѣнію Учредительнаго Комитета, нельзя было бы ввести въ городахъ. Затѣмъ отсутствіе земскихъ учрежденій въ губерніяхъ Царства и самыхъ элементовъ общественнаго управленія въ городахъ потребовало бы измѣненія 89, 97 и др. ст. учрежд. суд. устан. При такихъ и другихъ отступленіяхъ отъ учрежденія судебныхъ установленій институтъ присяжныхъ засѣдателей получилъ бы въ привислинскихъ губерніяхъ совершенно иной характеръ чѣмъ тотъ который онъ имѣетъ въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи, и тѣмъ самымъ, вмѣсто единства въ судебныхныхъ установленіяхъ, получилось бы въ результатѣ лишь разьединеніе ихъ. По такимъ соображеніямъ, совѣщательный комитетъ, соглашаясь съ юридическою комиссіей и Учредительнымъ Комитетомъ, призналъ необходимымъ отложить введеніе установленія присяжныхъ засѣдателей до болѣе благоприятнаго времени.

Юридическая комиссія предполагала при производствѣ слѣдствій совершенно подчинить судебныхъ слѣдователей лицамъ прокурорскаго надзора, безусловно обязывая первыхъ исполнять всѣ прокурорскія требованія, отмѣняя ст. 285 Уст. Угол. Суд., по которой пререканія между ними по вопросу о личномъ задержаніи разрѣшаются судомъ. Такое положеніе проектъ мотивируетъ тѣмъ что судебныхъ слѣдователей потребуется много, что нельзя будетъ обойтись безъ туземцевъ, что поэтому не всѣ слѣдователи окажутся благонадежными. Но совѣщательный комитетъ находилъ такое отступленіе отъ устава не оправдывающимся мѣстными условіями. Прежде всего вопросъ о будущей неблагонадежности представлялся ему ни на чемъ не основаннымъ, гада-

тельными. Отмѣна такой гарантіи какая дается и подсудному и государству въ 285 ст. Уст. Угол. Судопр., поставила бы прокурорскій надзоръ не только выше слѣдователей, но и выше цѣлой судебной коллегіи, а между тѣмъ стремясь предупредить произволъ судебныхъ слѣдователей, отмѣна этой статьи легко можетъ вызвать злоупотребленія и произволъ со стороны лицъ прокурорскаго надзора. Подчиненіе слѣдователя прокурору нарушило бы начало равенства обвиненія и защиты, поставивъ участь залодозрѣннаго, не имѣющаго притомъ же защитника во время предварительнаго слѣдствія, въ полную зависимость отъ представителя обвинительной власти, который долженъ преслѣдовать его и предъ судомъ. По этимъ основаніямъ совѣщательный комитетъ полагалъ безусловно необходимымъ сохранить 285 ст. Уст. Угол. Судопр. для Царства Польскаго.

Изъ приведенныхъ извлеченій достаточно выяснено мнѣніе совѣщательнаго комитета о проектѣ комиссіи. То же направленіе въ смыслѣ уменьшенія числа отступленій отъ уставовъ и защиты коллегіальности суда отъ преобладанія единоличнаго начала совѣщательный комитетъ провелъ и въ остальныхъ, мѣлче существенныхъ, волросахъ уголовного процесса, почему мы и не будемъ излагать въ подробности его совѣщаній по этимъ волросамъ. Измѣненія внесенныя совѣщательнымъ комитетомъ въ проектъ гражданскаго судопроизводства, главнымъ образомъ, обусловились его мнѣніемъ объ организаціи судебныхъ мѣстъ Царства, а такимъ образомъ подсудность согласно судебнымъ уставамъ была признана удобною и для Царства, за исключеніемъ дѣлъ плотечныхъ. Затѣмъ совѣщательный комитетъ находилъ возможнымъ распространить наши правила о доказательствахъ судебныхъ и на Царство Польское, не стѣсняясь тѣмъ что тамъ эти правила вошли въ кодексъ гражданскаго права. Изъятія были допущены имъ съ крайнею осторожностью и основательностью, лишь въ тѣхъ случаяхъ которые обусловлены несомнѣнными по содержанію особенностями мѣстнаго гражданскаго права. То же самое повторилось и въ уставѣ охранительнаго судопроизводства; кромѣ крестьянскихъ наслѣдствъ, совѣщательный комитетъ изыалъ изъ вѣдѣнія гмианныхъ судовъ всѣ охранительныя производства, распредѣливъ ихъ между мировыми и общими судебными установленіями.

Въ 1868 году проектъ юридической комиссіи, съ заключеніями комитетовъ, былъ переданъ на разсмотрѣніе во

II Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи, затѣмъ на заключеніе министра юстиціи, и въ 1871 году всѣ работы по преобразованію судебной части въ Царствѣ Польскомъ были рассмотрѣны и сведены въ одно систематическое цѣлое въ Собственной Его Величества Канцеляріи по дѣламъ Царства Польскаго, откуда онѣ перешли на рассмотрѣніе въ комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго, затѣмъ подверглись подробному, всестороннему обсужденію Государственнаго Совѣта и получили Высочайшую санкцію закона.

Не вдаваясь въ подробности, мы полагаемъ излишнимъ отмѣтить тѣ коренныя отличія отъ уставовъ Имперіи которыя признано было необходимымъ допустить въ судебной организаціи Царства и которыя составляли самый видный пунктъ совѣщаній по этому дѣлу: гминные суды, усиленіе прокуратуръ, отсутствіе присяжныхъ засѣдателей. Относительно гминныхъ судовъ, и II Отдѣленіе, и Министерство Юстиціи высказались за мнѣніе совѣщательнаго комитета, причемъ II Отдѣленіе признавало полезнымъ не соединять гминныхъ судовъ съ мировыми судебными установленіями даже въ кассаціонномъ отношеніи, а оставить до времени кассаціонную власть за комиссіями по крестьянскимъ дѣламъ; а Министерство Юстиціи находило излишнимъ и нецѣлесообразнымъ вводить учрежденіе сѣздовъ, предполагая, по порядку закавказскому, подчинить мировыхъ судей непосредственно окружнымъ судамъ.

Усиленіе прокурорскаго надзора въ размѣрахъ установленныхъ проектомъ также не нашло себѣ поддержки и вошло въ Положеніе въ значительно смягченномъ видѣ. Съ мнѣніемъ о присяжныхъ засѣдателяхъ выраженнымъ въ проектѣ согласились всѣ учрежденія разсматривавшія проектъ. Наконецъ, мнѣніе комиссіи объ усиленіи единоличной власти предсѣдателя было отвергнуто. Съ своей стороны, канцелярія по дѣламъ Царства Польскаго приводила весьма вѣскіе аргументы въ пользу проектовъ юридической комиссіи, и въ большинствѣ случаевъ основныя положенія проекта были утверждены въ законодательномъ порядкѣ. Результатомъ этихъ долговременныхъ работъ было Положеніе о примѣненіи судебныхъ уставовъ въ Царствѣ Польскомъ 19го февраля 1875 года, къ рассмотрѣнію котораго мы перейдемъ въ слѣдующей статьѣ.

(До слѣд. №.)

М. СОЛОВЬЕВЪ.

ПАРИЖСКІЕ СИЛУЭТЫ И ОЧЕРКИ *

Букетъ Русскихъ.

Не даромъ обошлась Парижу лестное званіе столицы міра. Съ усовершенствованіемъ лутевыхъ сообщеній, каждый человекъ мало-мальски имѣющій возможность удовлетворять прихоти передвиженія, прихоти присущей почти каждому, исключая какихъ-нибудь отлѣтыхъ сурковъ, считающихъ верхомъ блаженства сидѣть съжившись у себя въ норкѣ, каждый такой человекъ считаетъ непремѣннымъ долгомъ посѣтить *свою* столицу, свою потому что трудно найти субъекта который бы не считалъ себя принадлежащимъ къ образованному міру, твори онъ съ утра до вечера то чего въ образованномъ мірѣ и совсѣмъ не полагается.

Въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ число этихъ образованныхъ людей иностраннаго привоза возрасло въ Парижѣ до столь значительной цифры что повліяло очень замѣтно и на складъ жизни коренныхъ обитателей и на физиономію нѣкоторыхъ частей новаго Вавилона.

Много было гостиницъ и отелей въ Парижѣ; они оказались недостаточны. Спросъ на отельныя помѣщенія съ каждымъ днемъ увеличивался; пришлось удвоить, утроить, учетверять количество отелей и гостиницъ. Нѣкоторыя изъ нихъ,

* См. Русск. Вѣст. № 6.

какъ на примѣръ *Grand Hôtel* и *Grand Hôtel du Louvre*, выросли на диво. Оказалось мало. Ремесло было выгодное; болѣе мелкая спекуляція набросилась на эксплуатацію „меблированныхъ комнатъ“. Все мало. Увеличивавшійся спросъ вызывалъ промыселъ; съ каждымъ днемъ обѣ спекуляціи разрастались; дома захватывались за домами, улицы за улицами, подѣ отели и меблированныя комнаты.

Благодаря этому, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ города своеобразный характеръ парижскихъ жилыхъ помѣщеній совсѣмъ исчезъ, уступивъ мѣсто вульгарному, блестящему отсутствіемъ всякаго внутренняго смысла трактирному жилью.

Что можетъ быть безсодержательнѣе, глупѣе, по наружности, домовъ превращенныхъ въ гостиницы или „меблированныя комнаты“? Какой отпечатокъ, какой характеръ могутъ имѣть эти ничего не говоряція вамъ квартиры, комнаты въ которыхъ вы только проходите, въ которыхъ сотни случайныхъ постояльцевъ перебивали до васъ, не удостоивъ вниманіемъ глупыя стѣны пріютившія ихъ на нѣскольکو часовъ? Физиономію кого и чего могутъ имѣть и сохранить эти стѣны, ничего не говоряція, ничего не помняція ничего кромѣ грязи не сохранившія отъ своихъ мимолетныхъ жильцовъ?

Вы вступаете въ такой домъ. Съ перваго шага, отъ встрѣчающаго васъ со сладенькою, пытливою улыбкой гарсонъ и до послѣдняго, до консьержа подсаживающаго васъ въ карету на повѣздъ, вы чувствуете и знаете что изображаетъ для этого люда не что иное какъ дойную корову подъ тѣмъ-то номеромъ. Имени своего вы даже не имѣете!

Завтракъ номеру двѣнадцатому!

Одиннадцатый требуетъ карету!.

Пятый бранится.. недоволенъ сервировкой.

Точь-въ-точь въ острогѣ.

Вамъ улыбаются—ждутъ подачки; прислуживаются—ждутъ подачки; вамъ расточаютъ медоточивыя рѣчи—ждутъ подачки. Каждая ваша фраза, каждое слово, каждый жестъ идутъ въ счетъ.

Одного вамъ желаютъ отъ души — здоровья..: потому что болѣзнь производитъ дурное впечатлѣніе на другихъ жильцовъ.

Вы имѣете неловкость быть при смерти.

— Извольте съѣзжать.

— Какъ! Помилуйте! Дайте душу Богу отдать спокойно.

— Невозможно. Здѣсь этого нельзя сдѣлать. Что подумаетъ объ отелѣ? Отправляйтесь въ госпиталь...

Сколько выросло этихъ меблированныхъ домовъ и отелей, сколько ихъ поминутно нарождается, сколько цѣлыхъ улицъ превратилось изъ осмысленныхъ, полныхъ историческихъ воспоминаній, блестявшихъ собственно своеобразною физиономіей, въ глухія, ничего не говорящія трактирныя улицы.

Нѣтъ причины чтобы движеніе пріостановилось, напротивъ, съ каждымъ днемъ иноземный и провинціальный наплывъ усиливается и будетъ все усиливаться. Слѣдовательно, и трактирное жильё неминуемо должно по мѣрѣ того разрастаться, затирая своею слекудативною вульгарностью коренную физиономію города и характеристичныя его черты. Что станетъ съ этимъ дивнымъ городомъ когда въ одинъ прекрасный день онъ превратится весь въ одну громадную гостиницу? Что станетъ тогда съ Парижаниномъ?

И теперь уже нынѣшній коренной житель Парижа далеко не Парижанинъ сороковыхъ годовъ. И теперь уже мирное вѣдѣніе иноземцевъ до того велико, наплывной элементъ до того наводнилъ Парижъ, что иностранецъ вытѣснялъ кореннаго жителя съ полрица нѣкоторыхъ специальностей.

Банкиры—Евреи и Нѣмцы.

Зубные врачи—Американцы.

Окулисты—Пруссаки.

Трубочисты—Пиемонтцы.

Пѣвцы—Италіянки и Бельгійки.

Гувернантки—Англичанки.

Няньки—Альзаски.

Лакеи—Швейцарцы и пр., и пр.

Идеаль французскаго кучера тикара походить на англійскаго *coachman*; французскаго грума быть принятымъ за чистокровнаго *jockey*; идеаль французскаго любителя лошадей—изобразить чистокровнаго спортсмена великобританской марки.

Баронъ Люпенъ, собственникъ извѣстной скаковой конюшни*, показывалъ съ гордостью друзьямъ и знакомымъ

* Прошаго бго іюня лошадь этой конюшни, *Сальваторъ*, взяла первый призъ французскаго Дарби (129.000 франка), побивъ англійскихъ конкурентовъ.

двадцатифранковую монету полученную имъ „на чай“ отъ Англичанина-туриста явившагося осмотрѣть знаменитую ко-нюшню.

— Онъ принялъ меня за моего Англичанина-жокея! приговаривалъ съ восторгомъ баронъ Люлень.

Шикарные кокотки стараются смахивать на русскихъ экстра-шикарныхъ барынь и на ультра-эманципированныхъ Американокъ. Надо впрочемъ сказать что и ультра-шикарныя и эманципированныя барыни обѣихъ названныхъ народностей, съ своей стороны, изъ кожи лѣзутъ вонъ чтобъ угодиться, по наружному виду конечно, парижскимъ Фринамъ девяносто шестой пробы...

Пьянство, и то имѣетъ свою спеціальную народность. *Gris comme un Polonais*, значить быть „еле можахомъ“; *gris comme toute la Pologne*, значить нализаться до положенія ризъ

Всѣ народности вы здѣсь найдете, всѣ. И негровъ, и Австралийцевъ, и министровъ Дагомейскаго короля, прѣхавшихъ невѣсть для чего; и Японцевъ, слушающихъ курсъ медицинскихъ наукъ, и Кокинхинцевъ, упражняющихся въ военномъ артикулѣ; и Сіамцевъ, и Китайцевъ и Патагонцевъ, отщепенцевъ умоляющихъ бывшего своего короля адвоката, Орели-Антоня I (*vulgo*, гослодина де-Тонненъ) вернуться вслѣдъ, что послѣдній, не взирая на пламенное желаніе, не рѣшается исполнить, боясь снова лопасть на копь, съ котораго, во время око, его сняли, по мѣстному выраженію, послѣ первой стадіи. Тутъ есть даже самыя фантастичныя „народности“: данники и подданные пре словутаго „монарха Пелазговъ“ Кастриото-Скандерберга принимавшаго въ своей убогой кокурѣ поздравленія на Новый Годъ, воссѣдая на рваномъ креслѣ, съ „византийскою короной“ на головѣ; подданные и куртизаны, и фавориты, и штатъ круля польскаго, лана Чарторыйскаго; подданные и приверженцы какого-то кандидата на Сивдскій престолъ подданные „короля Килрскаго и Иерусалимскаго“, нѣкоего Лагаша, выдающаго себя за прямѣйшаго потомка Готфрида Бульфонскаго, подданные и приверженцы „короля Венгерскаго“, авантюриста Круи-Шавеля, псевдо-принца еврейскаго происхожденія, считающаго корону Св. Стефан своимъ законнѣйшимъ головнымъ украшеніемъ. Тутъ есть подданные неаполитанскихъ Бурбоновъ, Франциска II сулруги оного; здѣсь вы найдете полнѣйшую коллекцію

испанскихъ сектантовъ всѣхъ династій и режимовъ какіе когда-либо только обрушивались на эту счастливую страну: альфонсистовъ, и изабелистовъ, и карлистовъ, и кабреритовъ, и кастелларистовъ, и сагастистовъ, и серранистовъ, и примистовъ, и конституціоналистовъ, и жунтистовъ, и монпансьистовъ, и лигеровъ, и „передовыхъ“, и рационалистовъ, и интернаціоналистовъ, и наконецъ богатѣйшую коллекцію заговальщиковъ, субъектовъ могущихъ заткнуть за поясъ любой подборъ коммуналіи мѣстнаго восхода. Тутъ бывшіе короли умирають въ мансардахъ, короли самые неожиданные: Коиа, король острововъ На-Вити-Леонъ (Австралія), король-Сти-Тшели, бывший монархъ Сандвичевыхъ острововъ, Киза, бывший владетель верхней территоріи Нижняго Сулава, Итурбиде, бывший Мексиканскій императоръ, Альмейда, бывший повелитель Чуки-Заки. Здѣсь воспитывались и сынъ-Альфонсъ XII, и сынъ Такомбавы, короля острововъ Риджи. Здѣсь „владѣтельнаго“ принца Абдаллу-бенъ-Геннари сажаютъ на шесть мѣсяцевъ въ „кутузку“ за „произвольное и незаконное ношеніе орденскихъ знаковъ“. Здѣсь король Пелазговъ Энира и Албаніи“ (Скандербергъ) продаетъ патенты на орденъ *Энирской Звѣзды* большого креста и двѣсти франковъ, малаго—за сто. Здѣсь Орели-Антонъ I, снорхъ Патагонцевъ (онъ же адвокатъ де-Тонненъ), раздаетъ за двадцать лять франковъ орденъ *Желтой Патагонской Звѣзды*, а за лятьдесятъ—патентъ на званіе патагонскаго гофмаршала.... Тысячу франковъ, и вы въ какія-нибудь двѣ недели можете здѣсь преобразоваться изъ простаго смертнаго в кавалера необычайнѣйшихъ, оригинальнѣйшихъ и поразительнѣйшихъ орденовъ и отличій, начиная отъ почетнаго креста *„Иноземнаго любезателя ногъ сіамскаго лучезарнаго омерза, кои вѣчно пахнутъ ароматами и нѣзжнѣ“*, до большой звѣзды *Дагомейскаго Носорога*. Здѣсь на фабрикахъ вышиваются сотнями дюжинъ кресты, орденскіе знаки, патенты, дипломы различныхъ тролическихъ владѣтелей; здѣсь шьютъ и выдѣлываютъ и шьютъ придворные костюмы и шапочки для „штата“ такихъ владѣтелей; здѣсь есть спеціальныя агентства для „награжденія“ васъ, за извѣстную услугу, такими знаками отличія.... Какъ же не сѣзжаться на все со всѣхъ краевъ?

Здѣсь драматическое искусство высшаго давленія, въ тридцать шесть театральныхъ силъ, дѣйствуетъ непрестанно,

увеселяя и умилая ежедневно десятки тысячъ зрителей. Н тридцать седьмой сценѣ, въ Версали, подвизается отборна политическая трупа, по жару, игривости и мелодраматичности пріемовъ первая въ мірѣ, съ превосходнымъ репертуаромъ пьесъ всѣхъ жанровъ: элическаго, героическаго, трагическаго, драматическаго, комическаго, водевильнаго.... Какъ же сюда не съѣзжаться со всѣхъ концовъ міра?

Хотите вѣчную масляницу—обретайтесь съ утра до вечера на Италіянскомъ бульварѣ. Хотите Великій Постъ—сидите въ Сель-Жерменскомъ предмѣстьѣ. Хотите быть въ Парижѣ—живите въ Елисейскихъ кварталахъ, окруженные Русскими, Американцами и Англичанами. Хотите окунуться в уши въ коренной Парижъ—кружитесь въ улицахъ Монмартр, Пуассоньеръ и пр.

Хотите произведеній печати—васъ ими завалятъ здѣсь какъ нигдѣ: *девятьсотъ шестьдесятъ* періодическихъ ежедневныхъ, еженедѣльныхъ и ежемѣсячныхъ изданій помалуются на свѣтъ Божій въ чертѣ парижскихъ укрѣпленій!

Хотите.... Но къ чему этотъ перечень? Я могу говорить такъ цѣлые часы, и все-таки и десятой доли не пересчитаю. Здѣсь все что вы только можете себѣ представить, и что вамъ и въ голову никогда не забредеть, все. Какъ же люди Божьему не собираться сюда отовсюду?

Англичанъ здѣсь видимо-не-видимо.

Нѣмцевъ столько же пожалуй сколько у насъ.

Насъ здѣсь постоянно около двадцати тысячъ.

Италіянцевъ, Испанцевъ, Американцевъ, Австрійцевъ, Пляковъ множество. Турокъ, Грековъ, Шведовъ, Черкесовъ Грузинъ.... Крымскіе Татары и тѣ есть.

Всѣ эти иноплеменники дѣлятся на двѣ главныя категории: на имущихъ и неимущихъ. Первые наѣзжаютъ въ Парижъ слускать деньги, вторые—наживать ее. И тѣ и другіе являются, какъ видите, съ опредѣленною цѣлью. Счастливы говорятъ себѣ приблизительно слѣдующее: „У меня стоко-то тысячъ франковъ, или фунтовъ, или долларовъ и гульденовъ, которые я ишью благое намѣреніе слустать свою радость и усладу....“ И счастливецъ мчитъ во всемирный эдемъ—гдѣ какъ не тамъ ему повеселиться? Мчитъ на всѣхъ парахъ, на *экспрессъ*, въ отдѣльномъ куле или ли вокзалскомъ вагонѣ.

„У меня приготовлено столько-то на обзорніе великі

города, этого интеллектуальнаго центра, горнила“ и пр.... говорить болѣе положительный человѣкъ и мчится.

„Нагдѣ какъ тамъ мнѣ не обдѣлать дѣла“, разсуждаетъ коммерсантъ и мчится.

„Тамъ мнѣ всего легче будетъ пустить это въ ходъ“, рѣшаетъ дѣлецъ-аферистъ и мчится.

„Гдѣ какъ не тамъ ложила“, заключаетъ мазурикъ и мчится.

„Тамъ всего скорѣе прищу я себѣ то-то и то-то“, говоритъ ищущій „мѣста“.

Словомъ, и счастливыцы и несчастливцы отправляются въ Парижъ рѣшивъ предварительно зачѣмъ и лочто они туда ѣдутъ.

Изъ этого общаго правила исключается одна только народность, наша. Наша широкая, безлечная, „авосьная“. Нашихъ тутъ, правда, также двѣ категоріи, имущіе и неимущіе, но вторая категорія, относительно мотивовъ появленія и пребыванія въ Парижѣ, рѣшительно не подходитъ подъ соотвѣтственную категорію остальныхъ народностей, и представляетъ вѣчто совершенно своеобразное, вѣчто такое на что только одна наша русская натура способна.

Категорію нашихъ *и мущинъ* описывать въ подробностяхъ мнѣ нечего. Тилы птицъ перелетныхъ болѣе или менѣе богатаго пера вамъ знакомы; достаточно будетъ представить нѣсколько фотографическихъ карточекъ на выдержку.

I.

Она—бобелина; онъ—лиголица. Ей подѣ тридцать пять; ему стѣкнуло тридцать. Она болше витаетъ въ сентиментахъ, направляя ихъ основательною дозой реальности; онъ ярится и мечтаетъ о перерожденіи общества и разсуждаетъ о „нормальномъ человѣкѣ“. Она, какъ говорится, въ соку и очень красива, несмотря на то что расплывлась не на шутку; онъ—мизерная темная фигурка, съ тощею, убого натыканною безцвѣтною растительностью. Она ретроградка; онъ самаго передоваго загла, вольности взгляда необычайной. Она въ душѣ любитъ Россію, но за границей игнорируетъ ее, и кромѣ какъ считать извозчиковъ да магазиновъ не пускается ни на какія сравненія; онъ только и дѣлаетъ что сравниваетъ и громко хлестко отечественные порядки, причемъ горячится,

кипятится и злится заднимъ числомъ, немилосердно корчась и ерзая на мѣстѣ. Она ничего не читала; онъ по уши напичканъ литературой подпольнаго издѣлія; въ итогѣ оба круглые невѣжды, съ тою только разницею что она судить обо всемъ сллеца, напрямикъ, со своею, правда, необтесанною, но женскою логикой; онъ же ко всему относится съ подвохомъ, стараясь, за положительнымъ отсутствіемъ собственнаго мѣнія, подводитъ умозрительныя заключенія о видѣнномъ и слышанномъ подъ зарубленнаго на носу печатныя формулы. Она не мастеръ на слово, не знаетъ большею частью какъ окончить начатую фразу, почему и дополняетъ обыкновенно рѣчь мѣрною пантомимой, разводя колесообразно руками и приговаривая: „*знаете? такъ вотъ*“; онъ, напротивъ, о предметахъ гражданскихъ качаетъ безъ остановки, рѣжетъ какъ по печатному и завирается при этомъ не хуже...

Какъ сошлись эти два полюса? *Les extrêmes se touchent*, гласитъ французская пословица. Впрочемъ до насъ не касается какъ они сошлись; дѣло въ томъ что въ одно прекрасное утро они очутились въ Парижѣ, оба въ первый разъ, хотя онъ послѣ трехдневнаго пребыванія и заявлялъ кому угодно что навѣзжаетъ въ восьмой разъ въ этотъ „вертець“ на „вольное житье“.

Первые дни она сповала въ какомъ-то чаду, положительно теряя голову среди лихорадочнаго движенія и суеты парижской жизни. Онъ тоже осовѣлъ совершенно, но рѣшился укрыть недоумѣніе, растерянность и незнаніе за крайнимъ скептицизмомъ, относясь ко всему видѣнному и слышанному какъ къ чему-то давно знакомому, давно прискучившему давно безапелляціонно осужденному собственнымъ приговоромъ и вылучивалъ глаза только когда былъ одинъ.

По прошествіи нѣсколькихъ недѣль она осмотрѣлась, въ костюмъ свой ввела разныя болѣе или менѣе мудренныя завитухи, насчетъ ботинокъ нашла что „*иныхъ какъ а талон Луи каязъ * и носить нельзя, потому гадость*“. Похожъ приняла болѣе игривую и даже рѣшилась попробовать „мулей“ (*moules*, ракушки), на которыя первое время не могла смотрѣть безъ отвращенія. Вскорѣ она совсѣмъ освоилась разгуливая по Парижу какъ дома, позировала въ коляскѣ разваливалась картинно въ ложѣ и улетала невѣроятнаго количества мулей. „*Потому, мули—прелесты!*“

* *A talons Louis XV.*

Анализъ „нормальнаго челоѣка“ оказался къ тому времени совершенно стертымъ на зады. Сначала онъ было ярко и желчно протестовалъ противъ такого остракизма, но, встрѣчая постоянный отпоръ, въ концѣ-концовъ смирился, изливъ предварительно море яду и желчи о женщинахъ вообще и о ней въ особенности; и

Сбросивъ съ своихъ плечъ
Шикарные хаамиды,

и облекшись для вящаго эффекта въ мягкую широкополую шляпу, предался шатанію по радикальнымъ кафе, проводя время въ назидательныхъ бесѣдахъ съ прогорѣвшими субъектами мѣстной демагогіи, угощая ихъ и заявляя на нижегородско-парижскомъ нарѣчій о полнѣйшей преданности своей принципамъ сизо-багроваго оттѣнка.

Она межъ тѣмъ весело порхаетъ, не взирая на свою тучность.

II.

Она плотель, неуклюжъ и невзраченъ; она стройна, эфирна и весьма взрачна. Онъ въ люстриновомъ черномъ пальто-сакѣ, широкихъ лавталонахъ въ большую клѣтку, козловыхъ полусаложекъ и широкополой соломенной шляпѣ; у ней на головѣ художественная игрушка отъ Mme Виро, на тѣлѣ художественное твореніе М. Ворта, на ножкахъ два художественныя миниатюрныя произведенія М. Ферри. Онъ вѣчно безъ перчатокъ, не взирая на постоянныя ея замѣчанія; она всегда „гантирована“ безукоризненно, *chatois*, *gris-perle* или *bois clair* (единственныя „возможныя“ цвѣта), несмотря на постоянныя его протесты. Для него въ мірѣ снѣгъ только центръ—Москва, гдѣ онъ можетъ парадировать въ „штатскомъ“, и въ вицъ-мундирѣ; остальное такъ себѣ, загородныя увеселительныя станціи гдѣ можно поглазѣть на разныхъ диковинки. Она считаетъ Парижъ такимъ центромъ, такимъ центромъ!... Онъ лорывается идти въ циркъ, посмотрѣть *Le Tour du Monde en 80 jours* Жюль Верна, посмотрѣть *Большую Панораму*, спуститься въ подземный Парижъ, посмотрѣть *морей* и Национальное Собраніе; она предпочитаетъ отправиться въ *Variétés*, посмотрѣть развеселый *Chateau de Picordi*, или въ оперу, или во вторникъ въ *Comedie Fran-*

caise. Онъ встаетъ въ восемь и пьетъ чай съ лимономъ; она въ десять и закусываетъ кофе со сливками. Онъ съ четырехъ часовъ начинаетъ заговаривать объ обѣдѣ; она ранѣе шести и слышать о немъ не хочетъ. Ей стоило величайшихъ усилій и хитрѣйшихъ дипломатическихъ комбинацій чтобъ уговорить его свести ее *incognito*—„съ однимъ условіемъ: сударыня, строжайшее *incognito*“ — въ *Bal Mabille*. Ему стоило трехдневныхъ сценъ чтобъ убѣдить ее отправиться съ нимъ утромъ въ *Jardin des Plantes*. Онъ предпочитаетъ яркіе цвѣта; она полутоны. Онъ любитъ сосусть послѣ обѣда; она предпочитаетъ въ это время кататься. Словомъ, какъ есть супруги обрѣтающіеся лѣтъ восемь въ счастливомъ сожителствѣ.

Онъ западничаетъ какъ школьникъ; она парижствуетъ какъ маленькая шалуныя. Онъ фамильяренъ съ мѣстнымъ плебсомъ, считая демократическія рукопожатія высшимъ доказательствомъ своего просвѣщеннаго либерализма, но притомъ каждый разъ взвѣшивая внутренно: „Такъ ли это однако что онъ со мною за ланибрата?“ Она обращаетъ вниманіе только на то что ей нравится, пренебрежительно игнорируя все остальное. Онъ судить и радить о мѣстной политикѣ съ словъ прочитанной наканунѣ статьи первой попавшейся газеты; ея взглядъ въ этомъ отношеніи собственный, рѣшительный, установившійся: она желаетъ возврата Имперіи, съ празднествъ и роскоши, „*car c'était tout autre chose alors!*“

— Всѣмъ было лучше. Какъ веселились! стоить только сравнить тогдашнія *Champs-Elysées* съ нынѣшними, заключаетъ она безапелляционно, измѣряя и оцѣнивая благополучіе и благоденствіе народное по количеству и качеству *совершенно* экипажей встрѣчаемыхъ въ Елисейской аллеѣ.

— Да, если судить съ этой точки зрѣнія, оно положимъ: что такъ; но тутъ другое, совсѣмъ другое — принципы, возмущаетъ глубокомысленно заматорѣлый бюрократъ, никогда не подававшій болѣе двухъ пальцевъ отечественнымъ смертнымъ не имѣющимъ счастья обрѣтаться въ одинаковомъ с нимъ или болѣе высокомъ „классѣ“.

III.

Онъ ультра-панцеръ. Тридцать пять лѣтъ съ хвостикомъ, богообразнѣйшая наружность, великолѣпнѣйшія бакенбарды геометрической стрижки и математическаго подобія, разчесанная удивительно, благоухающія *опопонаксомъ*. Два глазныхъ украшенія: *pinse-nez* и монокль. Первый для внушительныхъ визитовъ, второй для обрѣтанія ореди болѣе игриго люда. Взглядъ глубокій, какъ вообще у всѣхъ близорукихъ. Принесъ на алтарь отчества посильную мелту, посвятивъ служенію нѣсколько моментовъ своего драгоценнаго времени.

Первый моментъ. Кратковременная служба въ отборной юнкерской когортѣ: Дюссо, Борель, Доротъ; пара рысаковъ въ дышлѣ, *гёмшере* для прогулокъ верхомъ; кресло въ балетѣ, кресло въ Михайловскомъ театрѣ; морганатическіе союзы съ акселарамы петроградскаго кокетизма заграничной марки, и неисчислимое количество вальсовъ, кадрили и болѣе или менѣе знаменательныхъ мазурокъ.

Антрактъ. Легкое отбытіе за границу.

Второй моментъ. Служеніе по мировымъ. Стадія гражданскаго дѣятельности: фраки и жакетки отъ Сарра; специальныя сюртуки строгаго покроя для преній; первое появленіе монокля; невинныя и не смѣлыя упражненія въ доморощенномъ демократизмѣ; провинціальныя „услѣхи“; дѣла, по справедливой лѣнѣ и неумѣлости, никакого.

Антрактъ. Легкое отбытіе за границу.

Третій моментъ. Возвращеніе съ совершенно новымъ складомъ мыслей, крутымъ въ высшей степени и съ отгѣнкомъ крайнихъ „убѣжденій“. Появленіе въ околоткѣ прозвища: Ниль Робеспьеръ. Фраки и жакетки заказываются у Лоранъ-Рашара; возложеніе на плечи *макъ-ферлана à la Rochefort*. Звѣзда монокля болѣе внушительнымъ *pinse-nez*. Столкновения съ мѣстными властями и консервативными фракціями. Услѣзные „услѣхи“. Рѣчи, рѣчи, рѣчи безъ конца, крутыя и внушительныя. Дѣла попрежнему никакого. Часть мѣстныхъ обитателей относится къ нему испуганно, другая пожимаетъ плечами; дамы называютъ *le beau Ténébreux* и мѣшались. Въ концѣ концовъ очень плачевная „исторія“, ничуть

не политико-гражданская, но чисто бокаччезскаго стиля, съ извергомъ мужемъ необтесаннѣйшаго и лервобытнѣйшаго склада мыслей и мускуловъ. Благоразумное исчезновение, рапортъ о болѣзни и отставка. Безсрочное отбытіе за границу. Парижъ, то-есть *Италинскій Бульваръ* въ три часа, *Эмсецкія Поля* или *Bois-de-Boulogne* въ пять, кафе *Riché* или *Brévant*, отъ шести до осьми, „полвечера“ въ театрѣ изъ легкихъ; ночь у *Fleur-de-Pêché* или у *Mme Patrice de Saint-Yldefonce* „avec un petit bac * de famille à un louis la fiche“, или же снотворный вечеръ у богатой *tante* Биби, въ обществѣ нѣсколькихъ исколаемыхъ юрскаго формациі мужскаго пола, нѣсколькихъ разбитованныхъ египетскихъ мумій женскаго пола, да трехъ, четырехъ отборныхъ экземпляровъ мѣстнаго международнаго іезуитизма.

Но довольно. *Имуцие*, какъ видите, болѣе или менѣе знакомыя все лица. Не то наши *неимуцие*. Здѣсь, я убѣжденъ, мнѣ удастся разказать вамъ нѣчто совсѣмъ новенькое.

Англичанинъ, Американецъ, Нѣмецъ, Италианецъ и пр., имѣющіе несчастье принадлежать къ незавидной категоріи неимущихъ, пускаются въ путь, рассудивъ предварительно такъ: „Здѣсь (то-есть дома) мнѣ *это* не удастся — попытаюсь тамъ.“ Или: „Тамъ на *это* будетъ спросъ“, и пр. и пр. Они говорятъ себѣ: „У меня скоплено столько-то, что дастъ мнѣ возможность доѣхать и прожить тамъ такое-то количество дней, пока все не устроится.“ Или опредѣлительнѣе: „У меня двѣ тысячи франковъ въ карманѣ. Буду крѣпиться, издерживать пять франковъ въ сутки, ни гроша не болѣе, пока не устрою дѣла. Слѣдовательно, предо мною столько-то времени“, и пр. и пр. Въ такомъ родѣ разсужденія.

Нѣмецъ неимущій высаживающійся на парижскій асфальтъ такъ тотъ съ перваго же шага, тутъ же на станціи, ужъ справляется, нѣтъ ли для него какой работы, чтобы два и проладо даромъ.

Этотъ людъ крѣпится сколько можетъ, изъ доски сокъ выжимаетъ, разчитываетъ каждый грошъ до поры до времени—пока дѣла не достигнута. Не выгорѣло дѣло, не прии́калъ овъ мѣста, занятій—что весьма рѣдко—овъ немедленно, или при первой возможности, старается вернуться и

* *Bac*, сокращеніе *Baccarat*, азартная карточная игра. „Съ мѣлькимъ семейнымъ *бакомъ* по двадцата франковъ фишка“.

своими, обиваетъ пороги своего посольства, консульства, умоливаетъ о субсидіи на возвратъ, выхлопываетъ даровой билетъ на провѣздъ, и такимъ или другимъ путемъ возвращается.

Не то наши неимущіе.

Тащиться въ Парижъ пріискивать работы нашимъ незачѣмъ—своихъ рукъ мало. Кто хочетъ трудиться, скорѣе у себя дома найдетъ работу и занятія. Кроме того, языкъ нашъ здѣсь не нуженъ, за рѣдкими исключительными случаями. Съ другой стороны, предпринять здѣсь какое-нибудь дѣло, попытаться лустить въ ходъ какое-нибудь открытіе или предпріятіе, вѣхать нашимъ сюда нѣтъ расчета: общихъ интересовъ почти нѣтъ, для Французовъ мы еще *terra incognita*, и потому дома всегда найдется возможность легче устроить дѣло. Слѣдовательно, нашимъ дѣловымъ неимущимъ сюда не дорога. Они сами это знаютъ и не ѣдутъ. Остаются неимущіе другого рода—не дѣловые, исключительный продуктъ нашей народности.

Какимъ бы то ни было классификаціямъ и общимъ выводамъ—вы сами это увидите—здѣсь не можетъ быть мѣста, а потому начну прямо съ того что представляю вамъ нѣсколько оригинальнѣйшихъ экземпляровъ изъ субъектовъ этого рода полавшихся мнѣ на глаза.

То что я вамъ сейчасъ разкажу можно озаглавить такъ:
О томъ какъ прожить три мѣсяца въ Парижѣ безъ копѣйки денегъ.

IV.

Однажды вечеромъ, это было въ концѣ ноября 1872 года, погода стояла ужаснѣйшая, я сидѣлъ у камина и читалъ вечернія газеты; ко мнѣ робко постучались въ дверь.

— *Entrez!*

Дверь медленно пріотворилась, изъ-за нея сперва выглянула какая-то неопредѣленная фигура, и затѣмъ, на мое вторичное приглашеніе, въ комнату вошла личность въ престранномъ костюмѣ, сняла торопливо шалку, положила ее на полъ и, повернувшись ко мнѣ задомъ, силчалась залереть за собою дверь, приговаривая при этомъ по-русски: „Извините пожалуйста, извините пожалуйста“.

Покончивъ свои суетливыя манипуляціи съ дверью, вошедшій подобралъ шапку, сунулъ руку въ карманъ и, шаркнувъ ногой неловко и торопливо, подавъ мнѣ карточку.

Я окинулъ взглядомъ вошедшаго.

Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати двухъ-трехъ, средняго роста, красивой наружности, восточнаго типа, смуглый, съ маленькими едва пробивавшимися усиками. На немъ было длиннѣйшее, широчайшее, необъятнѣйшее и толстѣйшее пальто охро-стального цвѣта, обшитою черною тесьмой, пальто очевидно допавшее на эти утлыя плечи съ другихъ, богатырскихъ, геркулесовскихъ. Хотя застегнутое на все пуговицы, пальто неуклюже топырилось впередъ; безкомечья позы его почти совершенно скрывали ноги; безобразный воротникъ отдѣлялся отъ затылка на добрыхъ пять-шесть пальцевъ. Въ рукѣ вошедшій держалъ мерлушечью шапку.

Карточка была одного Русскаго, изъ моихъ знакомыхъ, проживающаго въ Парижѣ. На оборотѣ крападомъ написано было слѣдующее:

„Посылаю вамъ такого-то, это Русскій. Не можете ли вы что-нибудь для него сдѣлать? Онъ самъ вамъ все разкажетъ.“

Извѣстную часть разговора я выпускаю, не желая ближе указать откуда и кто именно субъектъ о которомъ мнѣ приходится говорить.

— Давно вы изъ изъ Россіи?

— Четыре мѣсяца.

— А въ Парижѣ?

— Да вотъ съ три мѣсяца скоро будетъ.

— Вы говорите по-французски?

— Ни слова. Это, я вамъ скажу-сь, очень затруднительно особенно при моемъ нынѣшнемъ положеніи.

— Но вы понимаете по крайней мѣрѣ когда съ вами говорятъ?

— Нѣтъ. Почти ничего. Такъ, слово, другое.....

— Гм... Да, это, признаюсь, не весело. И вы хотите кихъ-нибудь занятій? Какого же рода?

— Да мнѣ все равно что бы тамъ ни было. Только зарабатывать бы что-нибудь.

— У васъ, слѣдовательно, никакихъ нѣтъ средствъ?

— Въ эту минуту никакихъ нѣтъ; но я жду денегъ изъ Россіи.

— Чѣмъ же вы живете?

— Я покажѣть въ отелѣ.... ѣздъ тоже тамъ...

Я пошелъ въ чемъ дѣло.

— Мнѣ надо васъ предупредить, сказалъ я ему.—Здѣсь долго кредита не „дѣлають“; медѣлая, много другая, а тамъ вѣдь заберутъ вещи и оставятъ васъ на улицѣ.

— Ахъ вѣтъ! она ужъ третій мѣсяцъ ждутъ.

— Третій мѣсяцъ?! ну, на хорошихъ же людей вы напали. Но можетъ-быть у васъ много вещей съ собою, потому они и спокойны?

— Нѣтъ. У меня всего чемодамчикъ съ книгами да узелъ.

— Ну, хозяинъ вашъ фениксъ какой-то... какъ же вы съ нимъ объясняетесь однако? одною пантомимой невозможно было внушить ему такого необычайнаго довѣрія.

— По-турецки. Онъ Турка.

— Вы знаете по-турецки?

— Да.

— Слѣдовательно съ „насущенной точки“ вы покажѣть нѣсколько обезлечены, если этотъ добрый человекъ согласенъ держать васъ и ожидать присылки вамъ денегъ изъ Россіи?

— О! вѣтъ-съ, потому что-съ третьяго дня онъ пересталъ мнѣ давать ѣсть.

— Ну это скверно. Почему же онъ вдругъ пересталъ, покудавъ уже такъ долго?

— Бойтся. Вы, говорить, три мѣсяца все общаете.

— Вы мнѣ сказали, кажется, что вы третій мѣсяцъ въ Парижѣ?

— Да. Это онъ такъ ужъ прибавилъ. Нѣтъ еще трехъ мѣсяцевъ что я у него. Я перешелъ къ нему на шестой день моего пріѣзда въ Парижъ.

— Вы, слѣдовательно, пріѣхали сюда безъ денегъ?

— Да, случилось такъ. Дорога обѣщалаь дорого... У меня было всего два франка когда я сюда пріѣхалъ.

— И съ тѣхъ поръ вы ничего не долучали изъ Россіи?

— Ничего.

— Но вы имѣли къ кому-нибудь рекомендательныя письма? Напались найти здѣсь какого-нибудь знакомаго человека?

— Нѣтъ. Никого рѣшительно, и никакихъ писемъ не имѣлъ.

— И не зная здѣсь ни души, не понимая ни слова по-французски, вы рѣшились явиться сюда безъ кепѣйки?! Что же васъ заставило ѣхать въ такомъ случаѣ? Извините за нескромный вопросъ.

— Я прїѣхалъ сюда учиться французскому языку.

Этотъ необычайный отвѣтъ поставилъ меня въ тупикъ. Что это? верхъ ли наивности, юношескаго увлеченія и незнанія, или просто-на-просто неумѣлая, столь же наивная ложь?

Я пристально възглянулъ на моего собесѣдника.

Глаза его меня неприятно поразили: юркіе, безпокойные, избѣгающіе встрѣчи, исчезающіе по временамъ подъ пошлостью, длинными рѣсвидами, они составляли рѣзкій контрастъ съ лицомъ, на которомъ почти не проявлялась игры фисіономіи, и съ рѣчью, мѣрною, съ выдержкою, будто каждое выпущенное слово было впередъ обдуманно. Я рѣшился спросить юношу поподробнѣе.

— Какъ же вы нашли этого Турку?

— Мнѣ нашелъ его В***.

Онъ назвалъ одного Русскаго, содержащаго отель въ Парижѣ, очень добраго и хорошаго человѣка, оказавшаго мнѣ мало услугъ наѣзжимъ соотечественникамъ.

— А В*** какъ вы нашли?

— Я еще въ Россіи, въ газетахъ прочелъ его объявленіе и записалъ адресъ. Со станціи желѣзной дороги я навѣсилъ карету и сказалъ кучеру чтобы везъ по адресу.

— Ну, а потомъ?

— А потомъ вотъ какъ было...

Этотъ разказъ мнѣ надо передать вамъ дословно.

— Прїѣзжаю я въ отель поздно вечеромъ, часовъ въ одиннадцать. Меня принимаютъ отлично; заплатили за карету отводятъ номеръ, дали поужинать. На другой день самъ В*** пришелъ спросить какъ мнѣ, не хочу ли чего, доволенъ ли всѣмъ; предложилъ проводить меня по городу если пожелаетъ. Я съ нимъ прошелся. Закупили лалларось на остальные два франка... Дней такъ черезъ пять подають мнѣ счетъ Мой номеръ, вижу, стоить три франка въ сутки. Дорого, думаю; надо найти подешевле. „Послушайте, говорю я В***, вы дадите мнѣ квартиру со столомъ подешевле, франковъ такъ за пятьдесятъ въ мѣсяцъ.“— „Такихъ, говоритъ, здѣсь нѣтъ.“ „Ну такъ франковъ въ семдесятъ пять.“— „И такой не найдете.“— „Ну такъ какъ знаете, только какъ можно дешевле.“ „Хорошо, говоритъ, поищу.“ На другой день онъ нашелъ мнѣ этого Турку.

— Ну какъ же вы разчитались съ В***?

— Я ему тутъ такъ и сказалъ прямо: денегъ у меня теперь нѣтъ, но на дняхъ пришлютъ.

— Что жь онъ?

— Ничего, согласился ждать. Могли бы, замѣтилъ только, сказать мнѣ это раньше. Заходилъ ко мнѣ нѣсколько разъ послѣ того и прискалъ работу.

— Какую же?

— Маленькіе переводы дѣлать, объявленія по-русски для одной конторы, франка на два, на три въ недѣлю. Какъ разъ на табакъ.

— Какъ же вы дѣлали переводы не зная языка?

— Просилъ переводить одного Русскаго съ которымъ познакомился у В***, а то и самъ В*** мнѣ переводилъ.

— И съ тѣхъ поръ вы живете такимъ образомъ?

— Да. Хозяинъ мой, Турка, ждалъ, ждалъ денегъ, началъ приставать наконецъ и ворчать. Вамъ, говоритъ, и простыхъ-го писемъ не присылаютъ изъ Россіи, и сталъ прижимать: переехъ изъ втораго этажа въ третій и пересталъ давать завтракъ; только обѣдомъ кормилъ. Потомъ помѣстилъ въ четвертомъ; маленькій такой номеръ. А съ прошлой недѣли переехъ въ пятый; совсѣмъ чуланъ съ такимъ вотъ окошечкомъ на дворъ. До двухъ часовъ только и видно. Третьяго дня онъ мнѣ объявилъ что обѣда я больше не буду получать.

— Что же это ваши родители такъ васъ забыли? спросилъ я его когда онъ объявилъ мнѣ что кромѣ двухъ фунтовъ хлѣба ничего не ѣлъ за два дня.

— Не забыли. Отецъ долженъ прислать деньги въ январѣ.

— А отъ кого же вы ожидаете теперь?

— Отъ пріятели одного.

— И вы говорите что пріѣхали сюда только для французскаго языка?

— Да.

— Сколько же времени вы думаете остаться здѣсь чтобы учиться?

— Годъ или мѣсяцевъ девять, полагаю, будетъ достаточно.

— А потомъ вы намѣрены вернуться въ Россію?

— Нѣтъ. Я хочу ѣхать въ Турцію.

— Въ Турцію?

— Да, для одного дѣла; но прежде мнѣ надо выучиться по французски.

Я остановился въ своемъ допросѣ, понявъ что продолжат его долѣе не слѣдовало, да и не стоило. Что это за субъектъ зачѣмъ онъ сюда явился, что намѣренъ предпринять, — все это до меня ни чуть не касалось, коль скоро онъ самъ и хотѣлъ говорить. До меня тутъ касалось одно: этотъ часъ въкѣ третій день почти ничего не ѣлъ...

Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ я узналъ что онъ воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ, не кончилъ курса, былъ учителемъ въ земской школѣ. Не понравилось; захотѣлось ему искать „болѣе широкой дѣятельности“, и онъ, помимо отцовской воли, уѣхалъ изъ Россіи. Денегъ у него скопилось было около двухсотъ пятидесяти рублей, но онъ пробылъ нѣсколько дней въ Вѣнѣ, придержался тамъ, такъ что хватило только на проѣздъ до Парижа. По дорогѣ отъ Вѣны до Парижа „ѣлъ одну только булку“.

На счетъ того что именно подразумѣвалъ юноша под „болѣе широкою дѣятельностью“, я воздержался разспрашивать.

— И все это только для французскаго языка?

— Да, только.

Дней черезъ восемь, новый мой знакомый сталъ разспрашивать меня о томъ гдѣ и какъ можно видѣть или встрѣтить военнаго министра (въ то время былъ генералъ де Сиссе).

— Зачѣмъ вамъ его? спросилъ я.

— Такъ. Нужно по одному дѣлу...

— Секретному?

— Нѣтъ; но видите ли, пока не будетъ отвѣта, не говорите никому объ этомъ.

— Что же это такое?

— Откровенно говоря, отвѣтилъ онъ съ нѣкоторою сосредоточенностью и таинственностью.—Я представилъ въ Военное Министерство проектъ изобрѣтенной мною митральезы новаго устройства.

Мнѣ стало жалко этого бѣднаго, предоставленнаго самому себѣ, растерявшагося юношу, жалко и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣшно, потому что какъ нарочно, за нѣсколько дней до того, мнѣ привелось видѣть другаго соотечественника, како

го-то прогорѣваго въ конецъ совѣтника, явившагося въ Парижъ съ проектомъ новаго торпедо.

Митральеза новаго устройства, по словамъ юноши, должна была оказаться на дѣлѣ столь смертоносною что всѣ Мольтке и Фридрихи-Карлы становились отнынѣ не мыслимыми.

То же заявлялъ почтенныхъ лѣтъ совѣтникъ: его торпедо было „могущества и силы страшныхъ“. Словомъ, эти два сына далекаго Сѣвера судили бѣдной Франціи возможность скораго „возмездія“ при помощи двухъ означенныхъ убійственныхыхъ снарядовъ, долженствовавшихъ превратить, по ихъ словомъ, конечно, стотысячныя арміи и столушечныя корабли въ Либиховъ бульфонъ.

— Давно вы представили вашъ проектъ?

— Мѣсяца два тому назадъ. Да вотъ до сихъ поръ нѣтъ никакихъ извѣстій.

— Для этого-то вы и пріѣхали сюда?

— Да, но мнѣ совѣстно было вамъ говорить.

— Отчего же вы не предложили ваше изобрѣтеніе нашему правительству?

— Не поняли бы!... Вы знаете.... у насъ!!

Отвѣтъ министерства не заставилъ себя долго ждать. Французское правительство,—что прикажите, рутина!—отнеслось преступно равнодушно къ обоимъ великимъ открытіямъ. Планъ митральезы, я его видѣлъ, безобразно начерченная дѣтская, безтоковая игрушка, былъ возвращенъ юношѣ безъ всякихъ объясненій. Та же участь постигла и изобрѣтателя торпедо „могущества и силы страшныхъ“. Модель этого разрушительнаго снаряда и по днесь ожидаетъ скромно лучшихъ дней на кухнѣ гениальнаго, но легковѣрнаго совѣтника, въ обществѣ кострюль и сковородокъ.

Я взглянулъ очень снисходительно на эту продажку юноши. Мнѣ казалось что онъ дѣйствовалъ такъ, вдругъ, смаху, не постигая вполнѣ того что дѣлалъ; что онъ, какъ утопающій за соломенку, удѣлился за свою митральезу, надѣясь получить субсидію за изобрѣтеніе.

Разъ какъ-то онъ вбѣгаетъ ко мнѣ взволнованный, залыпавшись.

— Позвольте васъ очень попросить пойти со мной.

— Куда? случилось съ вами что-нибудь?

— Нѣтъ; не то чтобы случилось, а вотъ что: мнѣ прислали съ почты повѣстку, такъ хозяинъ задержалъ и не выдаетъ.

- Почему же?
- Говорить, получите деньги, а тамъ ищи васъ.
- Чего же онъ хочетъ? Ему вѣдь денегъ не выдадутъ.
- Знаю. Онъ хочетъ самъ идти со мной на почту.
- Ну такъ что жь?
- Повтому-то я и пришелъ васъ просить отправиться со мною. Придется тамъ вѣроятно объясняться по-французски и спорить.... Онъ ужь пошелъ на почту; будетъ тамъ насъ ждать.

Я отправился съ нимъ.

У воротъ зданія *почтовой администрации* мы нашли ожидавшаго насъ хозяина Турку.

— *Done kvitanca*, обратился дерзко къ нему юноша, похваставшійся храбрости, благодаря вѣроятно моему присутствію.

— *Là je donnegai*, отвѣтилъ ему, на столь же фантастическомъ французскомъ языкѣ, Турка, сдержаннымъ, мрачнымъ голосомъ, дѣлая рукой жестъ выразившій нѣчто въ такомъ родѣ: погодите, погодите почтеннѣйшій, не горячитесь, и затѣмъ указывая на почтамтъ.

Они оба вѣроятно впервые изъяснялись между собою по-французски.

— Вы, милостивый государь, свидѣтель, обратился ко мнѣ Турка, подавая квитанцію пріемщику. Юноша при этомъ заявлялъ чиновнику, тыкая себя пальцемъ въ грудь: *пуръ муа, пуръ муа*.

— Это не деньги, а посылка, сказалъ чиновникъ. — Ступайте въ то отдѣленіе.

Турка повелевалъ и остерегавшійся, онъ сгоряча не забралъ что повѣстка была не денежная; юноша повидимому ошѣшилъ и удивился. Мы пошли въ другое отдѣленіе.

— Кому же? спросилъ чиновникъ когда къ благодатной посылкѣ—небольшому пакету зашитому въ черную клеенку—потянулись четыре руки.

Я образумилъ Турку и увѣрилъ его что постоялецъ насколько не намѣренъ бѣжать съ посылкой. Юноша расплылся. Имя и фамилію свои онъ выучился писать по-французски.

— Извольте при мнѣ вскрыть, обратился къ нему Турка дрожащимъ отъ раздраженія голосомъ.

— Да вѣдь это не деньги, отвѣтилъ тотъ по-турецки.

— Почему знать, можетъ-быть тамъ и деньги есть, возра-

шил на томъ же нарѣчїи Турка съ возрастающимъ ожесточенїемъ.

— Надо вскрыть, чтобъ усложнить эту собаку, обратился ко мнѣ по-русски соотечественникъ.

— Конечно, вскрыйте.

Подъ клеенкой оказалась бѣлая картонная коробка. Турка пригнулся съ жаднымъ любопытствомъ. Крышка сдвѣла съ коробки, и очамъ нашимъ представилось сажающее зрѣлище:

На днѣ коробки лежали:

Два куска казанскаго мыла безъ обертки;

кусочекъ розоваго рахатъ-лукума, фунта въ полтора;

съ подложныи книжечекъ лалиросмой бумаги.

Видъ этихъ великолѣпнѣй явившихся въ Парижъ изъ-за тридцать земель, изъ глубины Россїи, произвелъ повидимому расслабляющее дѣйствїе на хозяина Турку. Ярость его вдругъ какъ рукой свало. Онъ, кажется, просто не вѣрнулъ своимъ глазамъ; изумленїе отняло языкъ.

— Приподнимите мыло, замѣтилъ онъ только, питая вѣроятно слабую надежду что подъ мыломъ окажется что-нибудь.

Увы! кромѣ вышепоименованныхъ предметовъ въ коробкѣ ничего не было.

Турка выпрямился съ совершенно осовѣвшимъ видомъ, сѣлъ молча на скамейку и усталась задумчиво и тоскливо на злосчастную „посылку“.

— Я вотъ при этомъ почтенномъ господнѣ, началъ онъ вдругъ медленнымъ тономъ, — хочу вотъ что вамъ сказать... До всѣхъ вещей доходить человекъ своимъ разумомъ; до всего можно додуматься: отъ чего то происходитъ, отчего это.. до одного только, какъ ни стараюсь, какъ ни бьюсь, никакъ я не додумаюсь: зачѣмъ вы вѣхали сюда изъ Россїи? Неужто только для того и вѣхали чтобъ меня, такого-то, надуть?..

Юноша между тѣмъ послѣшнно завертывалъ посылку въ клеенку.

— Нѣтъ! какъ вамъ это нравится, милостивый государь? обратился ко мнѣ у выхода Турка, не пришедшїй еще, повидимому, въ себя.—Послѣ трехъ мѣсяцевъ, кусочекъ рахатъ-лукума!... Насмѣшка надъ честнымъ человекомъ! Просто насмѣшка

— Что же вы думаете дѣлать? спросилъ я, желая узнать его намѣренїя относительно своего постояльца.

— Да что дѣлать! теперь повеловѣ надо держать пока не пришлетъ ему денегъ. Вѣдь должны же ему когда-нибудь

прислать. Неправда ли? должны же вѣдь? Не пропадать и моимъ четыреста франкамъ!.. И повѣрите ли, никогда ея не имѣлъ у себя такого общипаннаго постояльца: девять книгъ да одна смѣна исподняго бѣлья. Вотъ и все его имущество. Все тутъ!.. И что на меня нашло такъ долго ея вѣрнуть? Понять не могу! Просто столбнякъ какой-то напал.

Прошло около мѣсяца. Юноша продолжалъ жить въ отелѣ Турки, какъ говорится, на Шереметьевскій счетъ. Ни денег ни письма, по его словамъ, изъ Россіи не являлось. Питалъ чѣмъ Богъ послалъ, обѣдая раза три, четыре въ недѣлю у знакомыхъ, а въ промежуткахъ закусывая самымъ элементарнымъ образомъ. Работы у него вѣскольکو прибавилось: онъ сортировалъ русскія газеты въ одной конторѣ, за что получалъ двадцать франковъ въ мѣсяць. Эти двадцать франковъ (6 р.) составляли его единственный ежемѣсячный доходъ, который шель цѣлакомъ на курево и элементарныя закуски.

Однажды овъ явился ко мнѣ съ какимъ-то сосредоточеннымъ, многознаменательнымъ, таинственнымъ видомъ, и, вынувъ изъ кармана сложенный четверо листъ бумаги, обратился съ такою рѣчью:

— Лестное довѣріе и расположеніе ваше ко мнѣ... тутъ овъ обился въ начатой фразѣ ...что я рѣшаюсь обратиться къ вамъ съ просьбой помочь мнѣ въ одномъ дѣлѣ вашей просвѣщенной...

Это высокопарное вступленіе, произнесенное заученнымъ тономъ, меня непріятно поразило.

— Что такое?

— Будьте такъ добры перевести вотъ это на французскій языкъ.

— Что это такое?

— А вотъ прочтите, увидите, отвѣтилъ овъ какимъ-то страннымъ голосомъ, подавая мнѣ сложенную бумагу.

Смотрю: безобразно намараканная, кшащая орфографическими грубѣйшими ошибками, просьба. „Ваше превосходительство...“ и пр. Читаю внимательно, и глазамъ не вѣрю.

„Ваше превосходительство... старая давно желаніемъ послать свои способности и жажду дѣятельности просвѣщенному правительству его величества султана... обращаю къ вашему превосходительству съ глубочайшею и выжайшею просьбой помочь мнѣ въ этомъ... Просвѣщенный человѣкъ желанный въ самомъ дѣлѣ принести пользу не можетъ бы

ловать въ необразованной средѣ я жилъ и находился до этихъ поръ...“ и пр. Словомъ, просьба турецкому посланнику способствовать пріятію автора въ лоно турецкихъ подданныхъ. Въ концѣ заявленіе о необыкновенной митральезѣ изобрѣтенной авторомъ прошенія, которую митральезу нижеподписавшійся предлагаетъ его величеству султану.

— И вы хотите чтобъ я вамъ это перевелъ? обратился я къ нему.

— Да-съ, отвѣтилъ онъ, не понимая сразу смысла моего вопроса, — потому что французскій языкъ принятъ и въ турецкомъ посольствѣ официальнымъ языкомъ для дипломатическихъ сношеній.

— Вы справлялись объ этомъ?

— Да. Я это навѣрно знаю.

— Такъ, по вашему, эта просьба причисляется къ „дипломатическимъ сношеніямъ“?

— Да мнѣ кажется что... И онъ замаялся.

Я былъ возмущенъ. Невѣжественный молокососъ, недоучка кадетъ, осмѣливающійся говорить о своемъ „просвященіи“, просить турецкое правительство вырвать его изъ варварской отечественной среды, ищущій „просвященія“ въ Турціи, и рѣшившійся явиться ко мнѣ съ просьбой перевести ему всѣ эти безобразія.

При взглядѣ на него мнѣ пришло однако въ голову сѣдующее смягчающее обстоятельство. Сознать всю гнусность своего поступка онъ, повидимому, не могъ, потому что въ такомъ случаѣ врядъ бы рѣшился обратиться ко мнѣ. Не смотреть ли онъ на это просто какъ на ловкую, молодецкую продѣлку, какъ на средство поправить свои въ самомъ дѣлѣ тяжкія обстоятельства, не надѣется ли просто выманить у разчувствовавашагося *посланника* — такъ произносилъ онъ это слово — субсидію посредствомъ такой „лихой штуки“.

И это было бы мило, но здѣсь оно являлось смягчающимъ обстоятельствомъ, принимая во вниманіе личность субъекта.

Соотечественникъ, вѣроятно, наконецъ заключилъ по моему виду о впечатлѣніи произведенномъ на меня *просьбой*, опѣшилъ и сильно покраснѣлъ. Раза два, три онъ принимался было говорить что-то, пока я пересматривалъ прошеніе, но каждый разъ оставался на многоточіяхъ, дополняя рѣчь свою движеніями правой руки, причемъ средній палецъ игралъ роль указательнаго, глоталъ усиленно и безлокойно мигалъ глазами.

На мои вопросы о причинахъ побудившихъ его на такое дѣло, онъ отвѣчалъ довольно безсвязно что средствъ онъ никакихъ не имѣетъ, что, не всирая на всѣ „задатки которые онъ чувствуетъ въ себѣ“, будущности для него въ Россіи нѣтъ, что его тамъ не поняли, забили, что въ Турціи иностранцы знающіе турецкій и французскій языки могутъ сдѣлать „очень блистательную“ карьеру, что воспитаніе получаемое въ Россіи „совершенно недостойно человѣка идущаго на дѣятельность“, и въ концѣ-концовъ что „истинно развитый человѣкъ—*космополитъ*“, причемъ указалъ на нѣкоторыхъ извѣстныхъ демагогическихъ свѣточей русской марки, калѣкъ переходящихъ, шатающихся бобылями по западной Европѣ, и отъ времени до времени собирающихся въ сизо-багровыхъ центрахъ вольной Гельвеціи, для обсуждения, совмѣстно съ нѣсколькими Поляками, будущихъ судебъ Россіи.

— Вы воспитывались въ кадетскомъ корпусѣ?

— Да-съ. Въ такомъ-то.

— Отчего вы не кончили курса?

— Я не чувствовалъ, когда ужъ созрѣлъ, расположенія къ военщины.

— Что же? это вашъ отецъ хотѣлъ чтобы вы служили въ военной службѣ?

— Нѣтъ; но онъ не имѣлъ никакихъ средствъ. Я былъ принятъ на казенный счетъ.

— И въ благодарность сочли, разумѣется, первымъ долгомъ пожаловаться образованной Турціи на невѣжественную Россію, и свалить всю вину вашего намѣренія перемѣнить подданство на неразвитость и безобразіе нашего общества. Странно только что при такой жадѣ образованія вы даже не выучились правильно писать по-русски.

Онъ сталъ объяснять что „считалъ себя въ учителяхъ какъ въ гробу“, что рѣшился ухватить за границу съ тоски, самъ не зная для чего, „такъ просто“. Что мысль о турецкомъ подданствѣ явилась ему только при нынѣшнемъ безпомощномъ положеніи, что онъ слышалъ о многочисленныхъ благодѣяніяхъ турецкаго посланника въ Парижѣ, и надѣялся — „чтобы ужъ во всемъ признаться“ — что почтеннѣйшій Али-Паша его выручитъ и пр. и пр.

При этомъ слезы.

Взглянулъ я пристально ему въ глаза... Ничего не разбе-

решь: что-то дрянненькое, плачущее и кающееся, натворивъ разныхъ гадостей, а какія это слезы, Богъ ихъ разберетъ.

Въ такихъ случаяхъ я имѣю склонность — одни говорятъ хорошую, другіе — дурную — вѣрить скорѣе въ хорошую сторону. Такъ и есть, подумалось мнѣ, просто окончательно свихнувшійся негодяй мальчишка, нахватавшійся, вмѣсто ученья, литературныхъ прелестей подпольнаго издѣлія. Правда, когда я слѣдилъ за игрой его безлокошыхъ, юркихъ, фальшивыхъ глазъ, меня брало сомнѣніе въ искренности этихъ объясненій, но слезы, которыя соотечественникъ пролилъ въ изобиліи, распространяясь о своихъ невзгодахъ въ Россіи и за границей, сдѣлали свое дѣло. Кончилось тѣмъ что онъ схватилъ вдругъ „просьбу“, повидимому съ совершенно искреннимъ порывомъ, изорвалъ ее и бросилъ клочки въ каминъ, ужасно краснѣя при этомъ и конфузясь.

Для два послѣ этой сцены мнѣ пришлось поселить соотечественника у себя. Ему прислали наконецъ, на его бѣду, двадцать пять рублей изъ Россіи. Хозяинъ, потерявшій вѣроятно всякую надежду, рѣшился сорвать хоть клочъ шерсти съ своего постояльца. Предложивъ очень любезно размѣнять русскую бумажку, онъ, разъ завладѣвъ ею, вышвырнулъ узелокъ съ книгами и чемоданчикъ на лѣстницу, залерь номеръ и попросилъ юношу убираться вонъ, куда угодно. Соотечественникъ такъ и явился ко мнѣ, съ узелкомъ и чемоданчикомъ. Я помѣстилъ его у себя и посоветовалъ ему написать отцу, разказать совершенно откровенно свое безвыходное положеніе, молить о прощеніи, и просить о высылкѣ денегъ на возвращеніе въ Россію.

Съ мѣсяцъ спустя, онъ радостно объявляетъ мнѣ что отъ отца получилъ, что денегъ придется на двѣхъ мѣстахъ рублей, что сейчасъ же затѣмъ онъ вернется въ Россію, и при этомъ разсыпался въ выраженіяхъ глубочайшей благодарности за совѣты, внушенія и кровъ.

— Вы меня спасли! повторилъ онъ нѣсколько разъ.

Тѣмъ не менѣе, полученнаго отъ отца письма онъ мнѣ не показалъ.

Общанныя деньги дѣйствительно явились. Съ той минуты какъ благодатные семьсотъ франковъ очутились у него въ карманѣ, въ юношѣ произошла рѣзкая, почти моментальная перемѣна: онъ будто выросъ, взглядъ сталъ самоуверенный, голова откинулась назадъ.

— Позвольте мнѣ поблагодарить васъ очень за все что вы сдѣлали для меня, обратился онъ ко мнѣ.—Я не хочу васъ болѣе стѣснять.... Сегодня я переѣду въ отель....

— Да съ какой же стати вы это сдѣлаете? Здѣсь, въ Парижѣ, ничего васъ болѣе не держитъ; вы можете завтра же или послѣзавтра ѣхать.

— Конечно, но мнѣ бы хотѣлось предъ отъѣздомъ хорошенько осмотрѣть Парижъ.

— Для этого вамъ ненужно брать номера. Оставайтесь у меня эти нѣсколько дней; отсюда прямо и поѣжайте съ Богомъ. Повѣрьте, будетъ лучше: прибережете копейку—пригодится. Онъ сталъ непріятно мяться.

— Какъ же мнѣ сдѣлать? у меня тогда вѣдь пропадетъ задатокъ.

— Какой задатокъ?

— Я думалъ-съ что стѣсняю очень васъ, заговорилъ онъ разводя рукой и уставившись озабоченно въ сторону.—Я сейчасъ же нанялъ номеръ и далъ задатокъ.

Мнѣ стало гадко; я понялъ что онъ просто отбояривается отъ меня. Продолжать роль „благороднаго отца“ и настаивать я счелъ совершенно излишнимъ и бесполезнымъ съ такою личностью.

— Вы пожалуйста ничего не думайте.... продолжалъ мяться соотечественникъ.—Я очень вамъ благодаренъ за все что вы оказали....

— Оставьте это, перебилъ я его, желая локочить эту водевильную сцену.—Поступайте какъ знаете, мое дѣло кончено. Объясненія и извиненія мнѣ вовсе не нужны и непріятны, какъ и вамъ самимъ, вѣроятно. Когда вы думаете переѣхать?

— Вотъ видите, я право не знаю.... но номеръ у меня считается съ сегодняшняго дня.

Черезъ полчаса юноша уѣхалъ съ своими пожитками. Натретьй день послѣ его отъѣзда гарсонъ доложилъ мнѣ что заходилъ *le petit jeune homme* и не заставъ меня дома оставилъ записку.

Въ запискѣ говорилось опять о „большой благодарности за все сдѣланное“, выражалось крайнее сожалѣніе что не засталъ меня дома, и затѣмъ: „Я теперь вижу что вы были совсѣмъ правы и что мнѣ не слѣдуетъ оставаться здѣсь, а надо уѣхать, и потому я собрался и ѣду сегодня. Я приодидъ къ вамъ для того чтобы прощаться и поблагодарить васъ за все сдѣланное.“

Новую штуку милѣйшаго земляка разгадать было не трудно. Часъ для прощальнаго визита онъ выбралъ умышленно, зная что въ это время меня никогда нѣтъ дома, но при этомъ считалъ по своему: записку, задуманную, разумеется, заранее, написалъ у меня.

Недѣли двѣ спустя, гуляя по Итальянскому бульвару, я скрещиваюсь съ открытымъ фіакромъ вмѣзжававшимъ изъ улицы Лафиттъ. Смотрю: въ фіакрѣ сидитъ картинно развалился мой недавній сожитель, въ сѣромъ клѣтччатомъ костюмѣ, съ красною мусульманскою феской на головѣ. Онъ сдѣлалъ видъ что не замѣтилъ меня и отвернулся въ противоположную сторону.

Въ тотъ же день я зашелъ въ отель куда онъ переѣхалъ. Тамъ мнѣ сказали что такой-то уѣхалъ дней десять уже тому назадъ въ Россію. Юноша счелъ долгомъ „замести сабѣ“.

Совершенно случайно узналъ я въ послѣдствіи что онъ уѣхалъ въ Турцію съ какимъ-то константинопольскимъ кулцомъ.

V.

А вотъ вамъ другая фигура.

Приходить ко мнѣ разъ человекъ лѣтъ тридцати, маленькаго роста, худой, чахлаго, изможденнаго вида, замѣчательно невзрачный собою, рябой, курносый, съ сѣрыми, крошечными, впалыми глазами, съ сѣроватымъ лицомъ, на которомъ тамъ-самъ насажены клочки убогой бѣлесоватой растительности; козлиная тщедушная бородка, такая что, какъ говорится, волосъ отъ волоса не слышать дѣвичьяго голоса; безцвѣтные тусклые волоса лежавшіе плоско, „латлаи“. Осанка никакой. Не то забитостью, не то убожествомъ и безлощностью дышала вся эта фигура. Одѣтъ какъ унтеръ-чиновникъ какого-нибудь послѣдняго заходустья: „пара“ толстаго чернаго сукна, спитая обрубкомъ, черный жилетъ почти безъ вырѣзки, со стеклянными луговицами въ мѣдной оправѣ; соломенная широкополая шляпа.

Явился онъ ко мнѣ просить защиты.

— Я такой-то, Русскій. Языка французскаго совсѣмъ не знаю. Изволите видѣть, меня здѣсь вокругъ обдули. Пріѣхалъ я, три дня прошло, въ Парижъ, и думаю: надо размѣнять русскія деньги. Выгодаже здѣсь, думаю, да притомъ и оста-

валось-то у меня всего восемь франковъ французскихъ нетъ. А денегъ русскихъ со мною было шестьдесятъ срявныхъ Екатерининскихъ рублевиковъ.... Вынулъ я ихъ мѣшка, иду по улицѣ, вижу лавку, на окна лежатъ золотыя и серебряныя и депозитки — мѣняло, знаю. Захожу. Показываю рубли. *Біанъ*, говоритъ конторщикъ началъ выводить на бумагѣ. Взялъ потомъ мои рубли считалъ и даетъ мнѣ ихнія кредитныя бумажки. Я ему дѣлаю головою, что вѣтъ; давайте, говорю, *оръ, оръ*. Далъ мнѣ золотыя и серебромъ самую малость. Вышелъ я сей на улицу и сталъ считать деньги на подоконникѣ. Вижу даль оны мнѣ, подлець, сто девяносто франковъ. Какъ думаю, сто девяносто, когда получить мнѣ слѣдуетъ двасорокъ, потому франкъ ровно четвертакъ по нашему серебру. Я къ нему. Показываю на бумагѣ, прежде ру сто девяносто, а потомъ двѣсти сорокъ, чтобъ по... Чтѣ жъ вы думаете, только плечами пожимаетъ. Я о ему то же. Нахмурился и тыкаетъ пальцемъ въ та... Смотрю: дѣйствительно выставлено на ней что сто ру ходятъ тутъ триста лятнадцать франковъ. „Куръ мове, ве“, все твердить и такъ вотъ дѣлаетъ головою. „Да это про бумажныя деньги, говорю, а тебѣ дано серебря чеканныя рубли!“ Плечами только пожимаетъ, подаецъ сталъ кричать. Такъ я и ушелъ. Вышелъ на улицу и с шиваю, гдѣ нашъ посланникъ живетъ.

— Какъ же вы спросили?

— А по книжечкѣ. Вотъ по этой, отвѣтилъ оны, пок вая мнѣ томикъ „русско-французскихъ разговоровъ, съ кимъ словаремъ“.—Ну такъ вотъ-съ, спрашиваю я по в нашемъ посланникѣ; спрашиваю одного, другаго, третья. Не знаютъ. Наконецъ кучеръ одинъ показалъ мнѣ на ла. Пошелъ я туда. Тамъ мнѣ говорятъ: стулайте въ коно ство. Пошелъ въ консульство. Въ консульствѣ говор стулайте къ переводчику, туда-то. Пошелъ я къ перево ку. У переводчика мнѣ говорятъ: нѣтъ его теперь въ П жѣ, на дняхъ будетъ. Чтѣ жъ мнѣ дѣлать? говорю.—А и стулайте къ такому-то, сказали. Дали адресъ. Я туда. Т мнѣ дали вашъ адресъ. Совсѣмъ, доложу я вамъ, измори

— Чѣмъ же я могу вамъ помочь? спрашиваю.

— Да вотъ если вамъ будетъ благоугодно отпривитесьс мною къ мѣняль... Объяснить тамъ ему все и пристыд

— Олз выдалъ вамъ какую-нибудь расписку?

— Нѣтъ. Какой расписку! Самъ далъ мнѣ подписать.

— Гм! Ну я вамъ долженъ оказать впередъ что надежды вернуть ваши деньги нѣтъ никакой. Отправимтесь пожалуй, но это будетъ напрасно... Какъ это вы такъ неосторожно поступили?

— Да видите ли, на честность положился ошпахомъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, мѣняло самымъ нахальнѣйшимъ образомъ показалъ мнѣ расписку земляка на которой значилось что шестьдесятъ рублей были размѣнены по курсу на сто девяносто франковъ. Ни о какихъ серебряныхъ рубляхъ онъ и слышать не хотѣлъ. Подробовалъ я было обратиться въ биржевой синдикатъ съ жалобою. Тамъ мнѣ объявили что ранѣе мѣсяца „дѣло“ не получить хода, и притомъ требовались нѣкоторые расходы.

— Нѣтъ, ужъ бросимъ лучше, сказалъ мнѣ соотечественникъ;—ждать я не могу, да и можетъ-быть напрасно.

На возвратномъ пути мы съ нимъ разговорились.

— Ужасный должно-быть здѣсь народъ, замѣтилъ онъ. — Нигдѣ, ни въ Турціи, ни въ Италіи, ни тамъ въ другикъ мѣстахъ, со мною не выдѣлывали такой штуки.

— Вы сюда черезъ Турцію и Италію?

— Да-съ, я иду прямо изъ Одессы.

— Какъ? идете?

— Да.

— Пѣшкомъ?!

— Да: Я вотъ ужъ пятый мѣсяцъ иду.

— Сюда изъ Одессы?

— Если считать съ перваго пункта, будетъ подальше. Я иду изъ Вятской губерніи.

Я просто не вѣрилъ своимъ ушамъ.

— Какъ же вы шли?

— Да вотъ, прежде пришелъ въ Одессу. Тутъ я много пути проѣхалъ на пароходѣ по Волгѣ: пѣшкомъ шелъ совсѣмъ ужъ на „виду“, когда пришлось идти поперекъ рѣкъ... У насъ или ничего, хорошо. Приѣмъ вездѣ отличный. Одинъ только городъ попался страшный... Это, я вамъ доложу, городъ!.. Изъ Одессы до Константинополя проѣхалъ на пароходѣ буксирномъ, а тамъ пошелъ на своихъ.

— По-турецки вы говорите?

— Нѣтъ.

— Какъ же вы объяснялись?

— Да зачѣмъ же? Народъ тамъ отаичный; кормятъ, поятъ, и отобить самый пустакъ: часто даже такъ просто кормятъ и денегъ не хотятъ брать.

— Но кто же вамъ указывалъ дорогу?

— Дорогу я самъ выбиралъ; больше все держался берега, а гдѣ нельзя, гдѣ по картѣ на перерѣзъ идти, такъ я по бусоли. У меня съ собой бусоль и карта подробѣйшая.

Я не зналъ вѣрить мнѣ или нѣтъ этому антику, разглаголюющему, по его словамъ, лѣшкомъ, съ бусолью для ориентированія, по Европѣ, въ благословенномъ тысяча восьмисотъ семьдесятъ третьемъ году. Но разказывались эти эпическія вещи такъ просто, такъ, ловидимому, чистосердечно, что трудно было не вѣрить.

— Ну, и такъ вы прошли всю Турцію?

— Да. Далмацію прошелъ. Совсѣмъ дрянъ страна... распутная такая. Тутъ ужъ я много понималъ, потому у нихъ наши есть слова. Много словъ... А гдѣ мнѣ было житье, такъ это, я вамъ доложу, въ Италиі. Очень это хорошій народъ; гостепріимный такой. Сейчасъ спрашиваетъ: „Кисаму?“ — „Русъ“, говорю.

— „О! Русъ!“ и такъ весело прививается. Внизу (на югъ) такъ даже вотъ какъ: двѣ двадцать ни колѣнки не пришлось выдавать.

— Какъ ни колѣнки?

— Да такъ. Придешь подъ вечеръ въ какую деревню. — Я тамъ, по Италиі, все берегомъ шель; такъ и обогнулъ. — Какъ придешь, сейчасъ тебя накормятъ, положить спать и ничего не берутъ, ничего. Честные очень. И довольны что Русскій. Утромъ олять спросятъ: „Русъ?“ — „Русъ“. — „Русъ!“ и такъ, знаете, весело смѣются и хахотъ по лаечу подружески... Изъ портоваго города Ливурны я поѣхалъ на пароходѣ до Марсели, потому разчелъ что выгодѣе: дешево очень за проѣздъ берутъ. Тутъ ужъ, я вамъ доложу, пошло совсѣмъ другое дѣло, совсѣмъ другое. Куда имъ до Италиявцевъ!... Первое время отъ самой Марсели было еще ничего; кормили кой-гдѣ, и провизія не дорога. А тамъ, выше, на шестой, на седьмой день, пошло такъ что бѣда просто. Подозрительныя какіе и ядовитыя! Стали приставать, зачѣмъ, видите, иду. Я имъ кой-какъ, по книжечкѣ по моей, объясняю что иду такъ, просто. Не вѣрятъ! Пуркуа да пуркуа, и смотрятъ такъ какъ

будто всего пронизать хотятъ насквозь. Иной разъ у домовъ щель, восьми попросишь пристанища; не впускають. И слушать не хотятъ; махаютъ только рукой: съ Богомъ, значить.

— И вы такъ добрели до Парижа?

— Нѣтъ-съ. Сюда я ужъ пріѣхалъ по желѣзной дорогѣ, потому мочи не стало.

— Чтò же? приставали очень?

— Какое! Только бы приставали, такъ это еще ничего; а вотъ, извольте видѣть, чтò они подъ конецъ со мною сдѣлали. Иду я ужъ дней десять. Промель городъ Авиньонъ. Переночевалъ я въ одномъ селѣ. Со мною чемоданчикъ съ кой-какими вещами — я вамъ его покажу какъ зайдете. Поутру, только я собираюсь, вижу чемоданчикъ разворачивали. Испугался я, провѣрилъ — все на лицо. Ошибся, думаю, или такъ просто полюбоблѣтствовали, и пошелъ себѣ. Вдругъ-съ, не промелъ я и часа еще, нагоняють меня два жандарма на подводѣ, въ большихъ треуголкахъ. Остановили. „Панъе дайте“, говорятъ. Я имъ паспортъ — въ порядкѣ онъ у меня, какъ свидуетъ, извольте сами посмотрѣть. „Покажите чемоданчикъ“, требуютъ. Я имъ даю. Рожтса. Сейчасъ одинъ вытащилъ астролябію и бусоль изъ чемоданчика, и показывають мнѣ. *Экекеса?*

— Астролябію-то зачѣмъ же вы таскаете съ собой? спросилъ я.

— Да такъ. Иногда обозрѣваю, когда интересная мѣстность, а ваваю. Я, извольте видѣть, топографъ. Взялъ ее съ собою такъ, на всякій случай; а потомъ жалъ было бросить.

— Ну чтò же жандармы?

— Я имъ объясняю по книжечкѣ, говорю: топографъ и что шу такъ просто, для самого себя. Не повѣрили. „Амонъ“, говорятъ, и повезли меня назадъ на подводѣ. Цѣлый день держали въ своемъ управленіи; отобрали бумаги. Спрашиваютъ: „Зачѣмъ у тебя астролябія?“ Я имъ кой-какъ объясняю опять. Поговорили, поговорили между собою и вышли. Пришла потомъ, ужъ подъ вечеръ, опять. Принесли имъ тутъ какую-то бумагу. Прочитали. „Ну, говорятъ, отулай“. — „Да куда же мнѣ теперь идти подъ вечеръ?“ отвѣчаю. — „Ну хорошо“, говорятъ, „переночуй тутъ“. На другой день, поутру, посадили меня на подводѣ съ однимъ, и доставили къ тому самому мѣсту гдѣ взяли. А какъ сѣдился и вѣхали по деревнѣ, собрался народъ кругомъ и кричитъ: „*Espionъ! espionъ!*“

За Нѣмца приняла. Плохо, думаю, бѣда! Надо по желѣзной. Спрашиваю у жандарма, гдѣ станція. Онъ показалъ дорогу; часа два, три ходьбы, объяснилъ. Я пошелъ. Вдругъ—шелъ я такъ съ часъ — поднялась такая буря что страсть Совѣмъ стало какъ ночь; молнія сильнѣйшая, громъ. Вижу пригорокъ сбоку. Укрылся за него. Какъ начало хлестать, какъ начало! Ни зги не видать. Вѣтеръ такъ и рветъ; дождь холодный такой. Просидѣлъ я тутъ въ нѣщи почти цѣлыя сутки. Продождъ насквозь. Какъ стало полегче, хочу идти—вѣтеръ мочи: ноги отянулись, дрожу весь какъ листъ, въ глазахъ помутилось. Чтѣ дѣлать? Посидѣлъ опять нѣсколько времени, и голода совѣмъ даже не чувствую. Опять попробовалъ идти. Тутъ я пошелъ, только все съ остановками: пройду такъ съ версту, нѣтъ больше силъ, и присяду на часикъ, другой. Добрелъ я до станціи къ полудню. Просушился въ вокзалѣ, и пріѣхалъ сюда въ третьемъ классѣ.

— Зачѣмъ же вы собрались въ такое путешествіе? У васъ была какая-нибудь цѣль?

— Не то чтобы цѣль, а, видите, я хотѣлъ на все посмотреть. Денегъ было мало чтобы разгуливать по желѣзнымъ дорогамъ, такъ я лѣшкомъ.

— А теперъ вы не раскаиваетесь что забрались такъ далеко?

— Съ какой стати раскаиваться? Это чтѣ я вамъ рассказывалъ про непріятности, это вѣдь только тутъ со мною случилось—пустяки самые.

— Куда же отсюда думаете направиться?

— Отсюда я въ Америку.

Собесѣдникъ сдѣлалъ мнѣ это необычайное признаніе тѣмъ же ровнымъ, тихимъ, чуть ли не забытымъ голосомъ, какъ и весь остальной разговоръ. Ну любезный, подумалось мнѣ, ты однако начинаешь, какъ кажется, сильно завираться.

— Какъ же вы думаете пробраться въ Америку? Туда ужъ вѣдь лѣшкомъ нельзя.

— Какое же лѣшкомъ, хе-хе! отвѣтилъ онъ съ простоватою улыбкой. — Черезъ Океанъ вѣдь надо. Я на пароходѣ ѣду изъ портового города Гавра, а до него лѣшкомъ.

— Да вѣдь переѣздъ на пароходѣ стоить денегъ, и немалыхъ.

— У меня все разчитано еще дома. Денегъ сто пятидесятъ рублей нашими депозитками я приберегъ на то чтобы взять пароходный билетъ.

— Ну, а въ Америкѣ?

— Все разчиталъ-съ, какже. Я вѣдь причалю въ городѣ Нью-Йоркѣ, не такъ ли-съ?

Она засунула руку въ боковой карманъ, достала оттуда старенькій сафьянный бумажникъ, лорылся въ немъ, и подалъ мнѣ бумажку. Это былъ переводъ въ двѣсти рублей на Нью-Йоркъ изъ Одессы.

— Ну такъ вотъ-съ, изволите видѣть... Я такъ и распредѣлялъ, чтобы на возвратъ было, да на первое время на прожительство.

— Чтò жъ вы сдѣлаете тамъ съ какими-нибудь ста рублями? Жизнь тамъ очень дорога; страшно дорога. Вы не имѣете понятія объ этой дороговизнѣ.

— Это ничего не значитъ-съ; я буду искать какой-нибудь работы. Нашихъ вѣдь тамъ не мало.

— Да, не мало; но почти всѣ они терпятъ нужду ужасную, и горько на себя пеняютъ.

— Это потому что они все по городамъ сидятъ. Мнѣ у насъ разказывали про нихъ много. Сами виноваты. Нѣтъ, ужъ я знаю какъ сдѣлать. Денегъ на проѣздъ назадъ трогать не стану, а какъ прѣйду, сейчасъ вонъ изъ города. Ни дня не останусь. На фермы пойду. Работа, говорятъ, тамъ всегда есть. Наполятъ, накормятъ, да еще заработаешь на кое-что.

— Знаете вы по-англійски?

— Нѣтъ; но у меня есть книжечки для всѣхъ языковъ, для англійскаго, для французскаго, для италіянскаго, для нѣмецкаго... Нѣмцевъ я выглажу на обратномъ пути. Пріѣду, высажусь на материкъ въ портовомъ городѣ Гамбургѣ, и пойду отсюда лѣшкомъ домой.

— Какъ вы увѣренно про это говорите. Признаюсь вамъ, если Америка, съ такою ничтожною заручкою, меня ужасаетъ. Позвольте дать вамъ совѣтъ: пораздумайте хорошенько...

— Нѣтъ ужъ вы не безпокойтесь, перебилъ онъ меня съ той же пошленькою улыбочкой. — Я навѣрно это знаю. До сихъ поръ все выходило такъ какъ я думалъ, даже меньше, увѣряю васъ. Только тутъ и нагрѣли меня вотъ съ этими пятьюдесятью франками. Я вѣдь дома три мѣсяца подрядъ все пригонялъ и высчитывалъ, какъ и чтò.

— Да, но я вамъ долженъ сказать что это самое дѣло-съ

мѣнялои доказываетъ какъ васъ легко можно обману! Случись съ вами здѣсь что-нибудь въ такомъ родѣ посе; ознѣе, это было бы еще полу-горе; здѣсь вы, въ сравнен съ Америкой, почти дома. А тамъ-то? подумайте.

— Нѣтъ-съ. Зачѣмъ же тамъ случится такая вещь? Дене; я не трону тѣхъ что на обратную дорогу положено; а ; счетъ тѣхъ что будутъ при мнѣ—за промѣномъ буду теле; строже смотрѣть.

— Наконецъ, вы ни слова не говорите и не понимаете п; англійски. Что вы станете тамъ дѣлать?

— Ничего, обойдусь какъ-нибудь. Какіе же мнѣ и раз; воры-то особенные вести. У меня все съ собою есть. Е; угодно ли вамъ зайти ко мнѣ—сами увидите.

Я отправился съ нимъ. Помѣщеніе нашель онъ себѣ с; мое наи-архи-ультра-скромнѣйшее: крошечную кокуру по; крышей на второмъ дворѣ дряценькаго отеля, близъ ста; ции Ліонской желѣзной дороги. Плата: семьдесятъ лять са; тимовъ (22 колѣйки) въ сутки. Я спросилъ у него какъ е; удалось откопать это диво.

— Какъ пріѣхаль—днемъ это было — вышелъ я на улиц; съ чемоданчикомъ и сталъ обходить всѣ дома, и спрашива; вездѣ: *Ла шалбрь сѣнкантъ сѣнтимъ*. Много я ихъ та; обошелъ, все спрашивая, штукъ двадцать. Только голо; киваютъ, что нѣтъ молъ. Потомъ ужъ тутъ мнѣ говорят; *Унъ франъ*. Посмотрю, думаю. Посмотрѣлъ я; вижу что ; казиста, должно-быть уступать. Хочу поторговаться, ; вдругъ никакъ не припомню какъ по-французски выходи; семьдесятъ лять. А книжечка, какъ нарочно, внизу остал; съ чемоданчикомъ. Высчиталъ я что придется за четы; дня, если по семидесяти лати сѣнтимовъ въ сутки, и говор; *Катръ журъ ттуа франъ*. Мотнули головой что нѣтъ. ; тогда сталъ сходить внизъ; а они лустали меня немного со; ти, видать, въ серіозъ ухожу, и крикнули: *Біане!* Я тогда ; расположился съ вещами.

Въ комнатѣ лежалъ на полу слутвикъ любознательна; толографа — небольшой кожаный чемоданчикъ, а на сто; аккуратно разставлены были слѣдующія вещи:

1) Астролябія. 2) Бусоль. 3) Складная карта Европ; ислещренная помѣтками; карта Франціи. 4) Таганчикъ ; жаровней для угольевъ. 5) Маленькая кастрюля. 6) Спиртов; лампочка. 7) Стекланная баночка на которой налѣплена бы

продольно полоска бумаги съ отмѣтками на разныхъ высотахъ: *сухъ, зелень, говядина, кипѣніе воды.*

— Вотъ вамъ всѣ мои пожитки и снаряды тутъ, скавалъ онъ указывая на столъ.—Двѣ смѣны еще бѣлья, да и все.

— Чтò это за отмѣтки у васъ на баночкѣ? спрашиваю.

— Это мѣрочка для спирту. Оно выгоднѣе самому себѣ варить; такъ я куплю просто провизіи, мяса или тамъ чего-нибудь, и варю. Когда не накормятъ сами, если въ городѣ или деревнѣ приходилось, такъ я на таганчикѣ и угольяхъ—дешевле; угольковъ только попросишь или купишь. А гдѣ нельзя угольковъ, или въ полѣ, такъ на спирту приходится варить. Мясца положу кусокъ въ кастрюлечку, подолью воды, соли посылаю, и отолью спирту въ лампочку по мѣркѣ. У меня прямо такъ и мѣчено въ аккуратъ; столько-то для супа нужно, столько-то для чего другаго. Выгоритъ спиртъ—и готово, значитъ.

Показавъ онъ мнѣ свой дневникъ, который велъ изо дня въ день съ перваго дня странствованія. Просмотрѣвъ я его искоро. Отмѣчены всѣ мѣстности гдѣ ему приходилось останавливаться на ночлегъ. Кой-гдѣ замѣтки: „*Интересная мѣстность. Дѣлалъ съемку.*“ Затѣмъ значилось какъ привалили, даромъ ли или во чтò обошлась ѣда, сколько часовъ прошелъ за день, каковъ былъ луть и чтò встрѣтилъ.

Вижу, все іота въ іоту согласуется съ его разказомъ. Посмотрѣвъ я внимательнѣе на эту оригинальную фигуру, странно! ничего кромѣ простоватенькой заботности нельзя было прочесть на ней....

— Когда вы думаете отправиться изъ Парижа?

— Да завтра безпремѣнно. Дорого здѣсь все ужасно. Я вамъ скажу прямо, приступу нѣтъ просто: мясо одно стòитъ полтора франка фунтъ.... Какъ тутъ жить? посудите сами.

— Но вѣдь вы ничего еще не успѣли здѣсь осмотрѣть порядкомъ. Къ чему же вамъ было тащиться сюда въ такомъ случаѣ?

— Какъ не успѣлъ! Нѣтъ-съ, извините, я прошелъ его моль и поперекъ, по плану, какъ слѣдуетъ. Сперва прошелъ въ длинну всего — громада! страсть какой! А потомъ осмотрѣлъ на перерѣзъ, чрезъ рѣку Селу.

Этотъ новый способъ осмотра Парижа заставилъ меня немально разсмѣяться.

— Да нѣтъ-съ, замѣтилъ онъ мнѣ на мой смѣхъ, — это вы

напрасно. Дорого здѣсь; нельзя оставаться, вотъ и все. А осмотрѣть мнѣ что? какъ тутъ главныя улицы и бульвары эти, да и на народъ глянуть. Съ меня довольно. Рѣку Сэву осмотрѣлъ. Дворецъ ихній Лувръ осмотрѣлъ снаружи — не важная штука! посмотрѣли бы вы въ Римъ! Одно только вотъ что въ Парижѣ, такъ и разговоръ идетъ о немъ особенный. Церкви тоже не то чтобъ на удивленіе; подъ Исакию ни одна не подойдетъ. Куда! Вотъ театръ у нихъ, такъ дивная штука. Такого не видывалъ нигдѣ; почище будетъ всего здѣсь....

На другой день, въ семь часовъ утра, новый мой знакомый явился ко мнѣ съ чемоданчикомъ за плечами и съ толстою палкою въ рукѣ.

— Пришелъ проститься и благодарить васъ за вниманіе. Сейчасъ иду-сь.

На новыя мои увѣщанія, пораздумать хорошенько предъ отплытіемъ въ Америку, соотечественникъ только отвѣчалъ съ своею простоватенькою улыбочкой:

„Нѣтъ-сь, ужъ вы не трудитесь отговаривать. Я ужъ со всѣмъ рѣшился такъ сдѣлать. А на счетъ дороги въ городъ Гавръ, я ее разучилъ по картѣ вотъ какъ-сь, и онъ мнѣ показал свою широко раскрытую правую ладонь.“

Черезъ часъ онъ отправился, и съ тѣхъ поръ я ничего о немъ не слыхалъ.

Городъ Вьсьегомскъ и зуавская куртка съ французскими медалями за компанію, сидѣлецъ бакалейной лавки и сержантскіе шевроны иностраннаго алжирскаго легіона, тармалами и зуавская шалочка, *Мамыкэ, хочэ кимжиниз* и *Allons en fans de la patrie*, все это, не правда ли, вещи вельми не подходящія другъ къ другу; а между тѣмъ, мнѣ случилось здѣсь видѣть и одного соотечественника бывшаго лавочнаго прикащика, въ расшитой курткѣ и галунахъ сержанта 3го зуавскаго полка; и „восточнаго человѣка“ изъ Кутаиса, въ живописномъ мундирѣ *капорала* * африканскаго иностраннаго легіона.

Я видѣлъ ихъ когда они, окончивъ свои года службы въ французскомъ войскѣ (первый прослужилъ въ Африкѣ въ семь лѣтъ, второй шесть), явились въ Парижъ съ увольня-

* Ефрейтора.

тельными аттестатами. Оба пришли ко мнѣ, въ мундирахъ, просить „заятій“. Аттестаты выданные имъ начальствомъ оказались блестящими.

Экс-прикащикъ говорилъ по-французски довольно сносно, и успѣлъ выработать себѣ совершенно захватски шовинистскій видъ. По наружности головой можно было бы поручиться что это чистокровный Французъ. Исторія его, по крайней мѣрѣ такъ какъ онъ мнѣ ее разказалъ, очень интересна и романична, но, до поры до времени, передать не имѣю права.

„Восточному человѣку“ труднѣе было справиться съ хобю. Онъ только сталъ страшно вертокъ и разго-мистъ въ движеніяхъ, будто весь былъ на винтахъ и ниты эти поослабли: руки, ноги, голова, станъ, безпрестанно выдѣлывали самыя размахистыя эволюціи. Онъ вѣроятно считалъ это верхомъ утонченнѣйшаго цивилизованнаго шика. По-французски калякалъ убого, съ гортанными надбавками и подщелкиваніями, но понималъ все. Этотъ на-рралъ мнѣ такую ахинею о причинахъ отъѣзда своего изъ Россіи что слушать было тошно, а передать печатно совершенно неудобно. Было тутъ и лохищеніе, съ мотивами са-мого скандальнаго свойства, и безпробудный сонъ продол-жавшійся безъ просыпа шесть дней, въ теченіе которыхъ то перевезли на суднѣ въ Константинополь, и заточеніе въ особеннымъ причинахъ, и фантастическое странствованіе по Средиземному морю на турецкомъ суднѣ, и бѣгство съ судна въ Алжирѣ, и пр. и пр., словомъ, малый вралъ во сто.

И тотъ и другой здѣсь вскорѣ довольно хорошо при-троились.

Оставаясь пока на этихъ первыхъ цвѣточкахъ мѣст-наго русскаго букета. Ягодки впереди.

ПЕТРЪ ПЕТРОВЪ.

ПЕРВАЯ ГРОЗА

РАЗКАЗЪ.

I.

Въ 186— году, мнѣ, по дѣламъ, пришлось быть на родной въ Т—ской губерніи. Я воспользовался случаемъ чтобы навѣстить моего школьнаго товарища и пріятеля, Ава Алексѣевича Пронина, который недавно получилъ очень рядочное наслѣдство и изъ скромнаго судебного сабдвалдья, весьма тяготившагося своей безлокойною обязанностію и все имущество котораго состояло изъ маленькой, и женной деревушки, успѣлъ превратиться въ богатаго лютика.

Новое имѣніе его, село Парашино, оказалось далеко живописнымъ. Довольно большая деревня вытянулась на совершенно ровной мѣстности и бурое, некрасивое одностороннее крестьянскихъ избъ не прерывалось ни малѣйшимъ кустомъ зелени, даже и огороды были еще пусты, когда я вѣхалъ туда. Только нѣсколько тощихъ ивъ стѣснились на берегу небольшого прудика, но онѣ своимъ видомъ и усиливали невеселое впечатлѣніе всего ландшафта, котораго дополнялся недавно вспаханымъ ровнымъ полемъ, чершимъ вправо отъ деревни, насколько охватывалъ взгл

Наѣво видѣлась часть рзимаго поля, покрытаго низенькими землями.

Не скрасилъ Парашина и новенькій, съ игопочки, господскій домъ, построенный нѣсколько поодаль, на мѣстѣ прежняго, заваливагоса, холоднаго флигелька о двухъ комнаткахъ, назначавшагоса на случай чрезвычайно рѣдкаго прѣзда владѣльцевъ. Вокругъ новаго дома было немного пусто: окружавшія его службы еще строились, а большой садъ былъ разведенъ такъ недавно что пока нисколько не выполнялъ своего назначенія, и тѣни не давалъ, и виду отъ него было мало пользы.

На крыльцѣ меня встрѣтилъ Максимъ, старый лакей Пролина, его бывшій крѣпостной, помнившій своего барина еще въ пеленкахъ. Онъ ничего не перемѣнился съ тѣхъ поръ какъ я видѣлъ его въ послѣдній разъ. Та же сгорбленная фигура съ лысою головою на короткой шеѣ и съ плохо слушающеюся нижнею губой, тотъ же старомодный сюртукъ, съ которымъ онъ никакъ не могъ разстаться и по образцу котораго передѣлывалъ получаемое отъ барина платье.

— Чтò, Максимъ, дома Андрей Алексѣевичъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. Изволили на охоту уйти и Грачевскаго мужичка прислали: дома, говоритъ, кушать не будутъ.

— Жаль! Я такъ умираю съ голода.

— Кого-съ?

— Ъсть мнѣ хочется. Нельзя ли хоть закусить?

— Да я ужъ и не знаю. Окромѣ вчерашняго жаркаго... Баринъ вѣдь съ утра ушли.

— Ну хоть вчерашняго жаркаго, да сыру, если есть. Да умыться дай.

Пока старикъ возился и, по своему обыкновенію, громко-гласно вздыхалъ: „Охъ, Господи, Боже Ты мой!“ я обошелъ всѣ комнаты. Обои, мебель, портьеры—все было ново и свѣжо. Пронинъ видимо не собирался щегольнуть оригинальностью убранства: каждая вещь стояла такъ какъ она стоитъ въ сотнѣ другихъ домовъ; но за то не было и безвкусныхъ затѣй. Изъ дома я перешелъ въ садъ и подробно осматрѣлъ газоны съ группами молодыхъ деревьевъ въ англійскомъ вкусѣ. Времени было довольно. Максимъ ничего не мѣлъ дѣлать скоро и прошло добрыхъ три четверти часа,

прежде чѣмъ онъ позвалъ меня умываться и доложилъ что кушать готово.

Я сѣлъ за столъ, а старикъ, который былъ страшно любопытенъ и въ особенности охотникъ поразказать свѣженькую новость, прислонился къ притолкѣ и привѣтливо скосивъ губы, причеиъ одинъ глазъ совсѣмъ почти зажмурился, началъ выспрашивать у меня что я подѣлывалъ, да какъ это все тамъ въ Петербургѣ. Но остатки жаркаго были такъ миниатюрны что я только раздражилъ аппетитъ и не чувствовалъ позыва къ разговорчивости. Максимъ остался недоволенъ, замолчалъ, нахмурился и сталъ съ суровымъ видомъ убирать со стола. Я подошелъ къ окну, поглядѣлъ какъ на дворѣ одинъ замазанный мальчишка отнималъ у другаго полузадушеннаго галченка, а третій, совсѣмъ маленькій, валился на дорожкѣ; земля набилась ему въ ротъ и въ носъ, и онъ кричалъ благимъ матомъ.

Отъ нечего дѣлать я принялся удивляться новому образу жизни моего пріятеля.

Не странно ли въ самомъ дѣлѣ что человѣкъ всегда цѣнившій выше всего свое милое *far niente* и совершенно не умѣющій стрѣлять, охотится въ маѣ, въ запрещенное закономъ время? Поразувать у Максима.

Я вышелъ въ переднюю. Старикъ лѣнливо приподнялся со стула, зѣвнулъ, прикрывшись рукой, наклонилъ нѣсколько на сторону свою голову съ прилизанными клочками рѣдкихъ свѣдхъ волосъ и равнодушно глядя куда-то, ждалъ пока его спросятъ.

— А что, Максимъ, скоро воротится твой баринъ?

— Кого-съ?

— Скоро вернется Андрей Алексѣевичъ?

— Не могу знать-съ.

— И часто это онъ не обѣдаетъ дома?

— Да вотъ ужъ, почитай, другую недѣлю каждый день на охоту уходить, такъ оно, извѣстно, иной разъ и не кушаютъ дома. А то такъ къ Грачевской барынѣ зайдутъ.

Онъ усмѣхнулся, какъ бы давая понять что знаетъ кое что, да ужъ только не проговаривайтесь, надо было его давеча задобрить чтобъ онъ теперь пустился въ объясненія.

Видя что отъ него въ данную минуту ничего не добьешься, я опять ушелъ въ садъ. Максимъ поглядѣлъ мнѣ вслѣдъ съ непередаваемымъ выраженіемъ въ лицѣ, опустилсѧ с

вдохомъ на стулъ, зѣвнуль, перекрестилъ ротъ, и когда я проходилъ мимо окна передней, онъ уже дремалъ съ отвисшею губой.

День только начиналъ клониться къ вечеру; было жарко, несмотря на первую половину мая. Народъ еще не возвращался съ поля и по пустой дорогѣ только изрѣдка дребезжа проѣзжала телега. Я сталъ ходить по солдцу, такъ какъ тѣмъ не имѣлось.

— Борисъ Михайловичъ, дружище! раздался вдругъ на балконѣ сильный, добродушный голосъ и я увидѣлъ коренастую фигуру Пронина, послѣшно сбѣгающаго съ лѣстницы.

Надо вамъ сказать что другъ мой Андрей Алексѣевичъ далеко не взялъ красотой. Мелкія черты его полного лица какъ-то расплылись и несмотря на выраженіе ума и доброты, оно даже нѣсколько смѣшно. Роста онъ небольшого, сложень крѣпко и неуклюже. Даже его густые, выщипанные волосы пепельнаго цвѣта лежатъ всегда крайне неграціозно. Обѣгая съ лѣстницы, онъ былъ поразительно похожъ на топащагося медвѣдя.

— Пстой-ка, любезнѣйшій, сказала я какъ только мы обмались,—пожалуйте на расправу. Я тутъ совсѣмъ теряюсь въ догадкахъ: ты, съ женою, проводишь цѣлые дни на охотѣ, а пріѣхавъ къ тебѣ какъ къ порядочному человѣку, пріѣденъ вѣсть Богъ вѣсть какую дрянь, потому что барина она нѣтъ и они сегодня у себя кушать не будутъ, вслѣдствіе чего обѣда вовсе не готовили.

Пронинъ сконфузился.

— Извини, милый мой, я право никакъ не ожидалъ тебя, бормоталъ онъ.—Ну, что, какъ здоровье Софьи Петровны?

— Нѣтъ, нѣтъ, объ этомъ послѣ. А ты прежде всего скажи мнѣ какъ прикажешь объяснить эти чудеса?

— Да помилуй, никакихъ чудесъ нѣтъ. Я просто пошелъ прогуляться.

— А ружье?

— Ну, ружье взялъ на всякій случай, если попадется какая птица. Въ молодомъ лѣсу встрѣтился съ Петрушей Максимычъ; онъ зазвалъ меня къ нимъ обѣдать. Я и велѣлъ провожавшему мужику сказать людямъ чтобы меня не ждали къ обѣду. Вотъ почему тебя и покормили такъ плохо. А теперь мнѣ опять надо къ нимъ: Педагога Васильевна про-

сила непремѣнно сейчасъ же воротиться. Ты, конечно, тоже поѣдешь со мной?

— Ну, нѣтъ, Андрей Алексѣвичъ. Я, пожалуй, готовъ даже вѣрить вашему не совсѣмъ правдоподобному объясненію, но вѣхать съ вами къ Пелагеѣ Васильевнѣ.... pardon, это выше силъ моихъ. Я предпочту скорѣе просидѣть двое сутокъ съ глазу на глазъ съ Максимомъ и слушать его „кого-съ?“ нежели провести часъ съ почтеннѣйшею Пелагеѣй Васильевной. Кстати, какого рода ея теперешняя *idée fixe*? Въ послѣдній разъ она, я помню, бредила медициной и разказывала мнѣ о какомъ-то маслѣ изъ комариныхъ жалъ, которое помогло Федосьѣ Сидоровнѣ, тетущкѣ какой-то неизвѣстной мнѣ Натальѣ Ивановны.

— Не хорошо. Ты не справедливъ къ Пелагеѣ Васильевнѣ. Она дама почтенная и очень умная, хоть и имѣетъ нѣкоторыя странности. Да къ тому же она теперь не одна; у нея гоститъ ея тетка, то-есть вдова ея дяди, съ внучкой.

Я не могъ не разсмѣяться.

— Вотъ оно что! Такъ бы и говорилъ, а то охота, про гулки съ ружьемъ на всякій случай, почтенная дама съ нѣкоторыми странностями и т. д.

Надо было видѣть смущенную физиономію Андрея Алексѣвича.

— А что, хороша она? спросилъ я его.

— Очень.

— Ну, въ такомъ случаѣ, я ѣду. Хоть мое дѣло тутъ сторона, но мнѣ любопытно посмотрѣть на твой вкусъ! Правда сказать, я въ душѣ не на шутку боялся остаться олять съ Максимомъ и его безпреставнымъ: „кого-съ?“

Не прошло четверти часа какъ мы, оправивъ свой костюмъ, сѣли въ кабриолетъ. У меня подъ ногами оказалось что-то обернутое рогожкой.

— Что это такое? спросилъ я Провина.

— Это Пелагея Васильевна просила привезти на лодку буравъ. У нея тамъ строится загородка, такъ этимъ скорѣе и лучше дѣлать ямки.

— О Боже! Такъ вотъ о чемъ мы будемъ имѣть удовольствіе бесѣдовать сегодня. Право, меня страхъ беретъ.

Я даже было вернулся на крыльцо.

— А какъ зовутъ ея внучку? обратился я къ Провину

— Да она ей вовсе не внучка.

— Ну, все равно, какъ зовуть внучку ея тетки?

— Нона Николаевна.

Не умѣю сказать, подѣйствовало ли тогда на меня это немого странное имя, или уже очень усталился я Максимомъ, но только я рѣшительно съѣлъ и мы поѣхали.

II.

Пелагея Васильевна Ольхина, Грачевская барыня, какъ звать ее Максимъ, была точно дама почтенная и даже по-заму не глупая, но, благодаря своимъ странностямъ, она приобрѣла во всемъ околѣдѣ незавидную репутацію чудачки. Характеръ у нея былъ увлекающійся и все тщедушное существо ея бывало обыкновенно проникнуто одной какою-нибудь мыслью. Приходило ей, напримѣръ, въ голову заняться агрономіей: выписываются книги, машины; гостиная завалена образцами хлѣбныхъ сѣмянъ; сама Пелагея Васильевна развѣзжает по своимъ владѣніямъ, вырѣзываетъ въ разныхъ мѣстахъ собственноручно по куску земли, подвергаетъ эту землю химическому анализу, по особенному, ей самой изобрѣтенному, способу, и потомъ толкуетъ всѣмъ знакомымъ что вотъ подлѣ такой-то вершинки у нея почва пролитана натромъ, а что въ землѣ взятой изъ двухъ десятиз примыкающихъ къ парку, она замѣтила присутствіе сѣры и серьезно полагаетъ что если покопаться хорошенько, такъ въ Грачевкѣ можно будетъ открыть сѣрные источники. Нужно ли прибавлять что Пелагея Васильевна весьма затруднилась бы отвѣтить на вопросъ что такое натръ? По счастью никто ей такого не предлагаетъ и услуживающіе гости думаютъ только о томъ какъ бы имъ поскорѣе раскланяться. А тамъ прошелъ хлѣпецъ и, глядишь, объ агрономіи вѣтъ уже и ломана, а маа барыня бредитъ еще чѣмъ-нибудь. Понятно что при такой безалаберности, дѣла Пелагеи Васильевны, несмотря на большое состояніе, были очень запутаны. Управляющій краемъ ничего не дѣлалъ; въ хозяйствѣ и въ домѣ царствовалъ величайшій безпорядокъ.

Одна только страсть никогда не покидала ее, страсть копаться имена на иностраннѣй ладъ. При этомъ она не довольствовалась переводомъ, а просто замѣняла ихъ совсѣмъ

другими, руководствуясь внушеніями собственнаго вкуса. Такъ покойнаго мужа своего она звала Samuel, а онъ былъ просто-на-просто Семень Федоровичъ; дочку свою, названную въ честь бабушки Варварой, она переименовала въ Берту и видѣла уже въ ней героиню какой-то фантастической эпопеи; но, къ несчастію, а можетъ-быть и къ счастью, маленькая Берта прожила только три мѣсяца, благодаря особенной системѣ воспитанія, придуманной ея изобрѣтательною мамею.

Самое себя Пелагея Васильевна окрестила было Поликсеной, но скоро принуждена была отказаться отъ поэтическаго имени; прислуга совершенно искажила его. Съ горя она удовольствовалась Паулой, что произошло Пала Васильевна.

Мы съ Пронинымъ нашли ее въ гостиной, красивой комнатѣ, убранной со вкусомъ, но весьма плохо прибранной. Она сидѣла на диванѣ и суетливо перебирала какіе-то ламы и рисунки. Маленькое, худенькое личико ея имѣло обычное озабоченное выраженіе; жидкіе, съ просѣдью, волосы были повязаны черною кружевною косыночкой, съѣхавшей нѣсколько на сторону. Я не видалъ ее четыре года и она за это время успѣла совершенно сморщиться. Подлѣ нея сидѣла въ креслѣ старушка лѣтъ около семидесяти, еще бодрая и даже красивая; какъ оказалось, ея тетка. Спокойное выраженіе ея добродушнаго, довольно полнаго лица и плавныя движенія рукъ, занятыхъ чулкомъ, составляли разительный контрастъ съ болѣзненною торопливостью хозяйки.

Увидавъ меня, Пелагея Васильевна вскрикнула, побросала ламы и побѣжала ко мнѣ на встрѣчу.

— Васъ ли я вижу, cher M. Bernard?! ахнула она.—Вѣдь вы позволите мнѣ называть васъ такъ, по старой памяти n'est-ce pas?

И не давъ мнѣ выговорить ни слова, она схватила меня за руку, потащила къ теткѣ и принялась рекомендовать.

Прасковья Ивановна, не понимая ни слова по-французски не сообразила что Mme Volgine—это она сама, а что M Bernard'омъ можетъ зваться православный христіанинъ, и поклонившись мнѣ, пожелала узнать объ имени и отчествѣ. Я, желѣвши удовлетворить ея законному любопытству Старушка замѣтила на это: „Такъ, такъ, батюшка“, и сочла

нужнымъ предложить мнѣ еще нѣсколько вопросовъ: какъ зовутъ моихъ родителей? живы ли они, или померли, и какъ давно? чѣмъ я занимаюсь? какой имѣю чинъ? и т. д. Я обстоятельно отвѣтилъ на каждый изъ этихъ вопросовъ, зная что старуха, дѣлая ихъ, исполняетъ, по своему мнѣнію, необходимый долгъ вѣжливости. Прасковья Ивановна слушала меня очень внимательно, мѣрно перебирая спицами.

Но у Пелагеи Васильевны рука такъ и протягивалась къ шаванъ. Наконецъ она не выдержала, прервала меня иlustралась излагать свои мнѣнія о сходствѣ швейцарской архитектуры съ русской. У меня даже голова закружилась. По счастью Пронинъ напомнилъ ей о буравѣ и мы всѣ вышли на дворъ, посмотрѣть какъ онъ дѣйствуетъ. Пелагея Васильевна и Пронинъ подошли къ строящейся загородкѣ, гдѣ послѣдній тотчасъ собственноручно принялся сверлить яму для столба. Я посмотрѣлъ на нихъ нѣсколько минутъ и потомъ вернулся на крыльцо къ Прасковьѣ Ивановнѣ.

Она сидѣла на верхней ступенькѣ, внимательно глядя на дорогу; когда я подошелъ, она встала чтобы пропустить меня.

— На что вы такъ пристально смотрите, Прасковья Ивановна? спросилъ я ее.

— Да вотъ Нонушка не ѣдетъ, произнесла она съ разстановкой.— Охъ, ужъ этотъ мнѣ Петруша съ своими катаньями! Нешто онъ смыслитъ что дитя можетъ умориться. Посмотрите-ка, батюшка, что это тамъ, какъ будто пыль? прибавила она послѣ короткаго молчанія.

— Это, кажется, телѣжка.

— Ну, слава Богу!

Прасковья Ивановна перекрестилась и лицо ея просіяло.

Нѣсколько минутъ спустя къ крыльцу подкатила маленькая щегольская телѣжка въ одну лошадь. Съ нея проворно соскочилъ сынъ Пелагеи Васильевны, гимназистъ съ едва пробивающимися усиками, и высадилъ красивую дѣвушку лѣтъ двадцати, въ простенькомъ синемъ холстиновомъ платьѣ.

— Ну что, Нонушка, уморилась ты, моя красавица? спросилъ Прасковья Ивановна, развязывая кисейный платочекъ, которымъ была покрыта голова дѣвушки, причемъ мнѣ бросилась въ глаза роскошная, волнистая коса, отливавшая яркимъ золотомъ.

— Ничего, бабушка, весело возразила дѣвушка,—мы такъ славно прокатились.

Она вѣжно поцѣловала старушку и побѣжала вверхъ по лѣстницѣ.

Бабушка ползлелась за нею, бормоча:

— Вѣдь вздумаетъ теперь, чего добраго, холодною водою умываться. Нѣтъ того чтобъ огуречнымъ молокомъ или сливками съ водкой.

Петруша между тѣмъ усѣлся на крыльцѣ, закурилъ папирску и нетерпѣливо крикнулъ:

— Ну что же чаю, мамаша.

Восклицаніе это заставило Пелагею Васильевну прекратить дальнѣйшіе опыты надъ буравомъ и воротиться домой.

— Сейчасъ, сейчасъ, потерпи минуточку, Пьеръ, робко заделетала она, послѣшно взбираясь на лѣстницу и поправляя на ходу свалившуюся косыночку.

Пелагея Васильевна побаивалась-таки сына, который обращался съ нею не слишкомъ почтительно. Характеръ его былъ съ дѣтства испорченъ безобразнымъ воспитаніемъ, съ рѣзкими переходами отъ излишней взыскательности къ крайнему баловству.

Четверть часа спустя насъ пришли звать къ чаю. Мы вернулись въ гостиную, гдѣ уже кипѣлъ самоваръ.

— А гдѣ же Nanny? спросила Пелагея Васильевна.—Пусть бы она разливала чай.

— Я здѣсь, тетя, раздался изъ другой комнаты звучный голосъ и Нона Николаевна тотчасъ же вошла въ гостиную. Пелагея Васильевна послѣшно вскочила и опять принялась за рекомендацію, что, между нами сказать, она очень любила.

— Nanny, monsieur Невицынъ; M. Bernard, ma pièce.

Проговоривъ это, не переводя духа, она успокоилась и сѣла опять на диванъ.

Молодая дѣвушка съ улыбкой протянула мнѣ руку и подошла къ чайному столу. Я проводилъ ее глазами и принужденъ былъ сознаться что мнѣ еще не случалось встрѣчать такой оригинальной красоты. Она не перемѣнила наряда, но ея высокая, стройная фигура еще болѣе выигрывалась отъ его простоты. Черты лица были тонки и правильны особенно хорошъ былъ носъ съ маленькимъ горбикомъ и вѣжно обрисованными ноздрями—большая рѣдкость у насъ въ Россіи, гдѣ много прекрасныхъ глазъ и ртовъ и очень

мало хорошихъ носовъ. Пушистыя черныя брови почти соединялись вмѣстѣ и придавали лицу выраженіе энергіи и силы; прекрасныя, добрыя, сѣрые глаза смотрѣли прямо и серьезно, а очертанія губъ и складъ лица были нѣжны какъ у ребенка. Кожа ея имѣла какой-то особенный, горячій, золотистый оттѣнокъ, чрезвычайно гармонировавшій съ рыжими волосами, которые сверкали золотомъ въ маленькихъ завиткахъ около лба и шеи, но залетѣнные были цвѣта прекраснѣйшей бронзы. Волосы эти были просто зачесаны назадъ и сплетены въ одну косу, свернутую на затылкѣ; при естественной ихъ волнистости и густотѣ прическа эта казалась артистическою.

Нона Николаевна съ спокойною граціей сѣла къ столу и принялась разливать чай. Разговоръ какъ-то не вязался. Я разсматривалъ новую знакомую, насколько позволяла вѣжливость; Пронинъ былъ отъ природы молчаливъ, а теперь еще не на шутку усталъ, сверля ямки. Пелагея Васильевна суетилась, а Прасковья Ивановна кшала чай также неторопливо какъ предъ тѣмъ вязала чулокъ и была, кажется, совершенно погружена въ свое занятіе. Одинъ только Петруша разглагольствовалъ, перебирая всѣхъ сосѣдей и самъ смѣясь своему остроумію. Но сосѣдей было немного и тема эта скоро истощилась. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Между тѣмъ Пелагея Васильевна, отъ усталости ли или еще отъ чего (врядъ ли кому удастся объяснить причину безпрестанныхъ перемѣнъ ея расположенія духа), вдругъ влала въ сентиментальность. Просидѣвъ минутъ пять съ глазами неподвижно устремленными на дверной косякъ, она неожиданно обратилась ко мнѣ и Пронину и произнесла со вздохомъ, продолжая впрочемъ смотрѣть куда-то черезъ наши головы.

— Вотъ смотрю я на васъ. Сколько васъ было на школьной скамьѣ! *Tous unis par la pure et sainte amitié du printemps de la vie...* И что изъ этого вышло? *Que sont tous ces rêves naïfs de vos blondes têtes?* (Я совершенный брюнетъ, а цвѣтъ волосъ остальныхъ моихъ товарищей, за исключеніемъ Пронина, рѣшительно неизвѣстенъ Пелагеѣ Васильевнѣ, да такъ ужь къ слову пришлось.) Ничего не осталось! *Tout se perd...* (она лопскала элитета) разлетѣлось...

Всѣ съ недоумѣніемъ обернулись къ ней и отчего-то скон-

фузились. Петруша фыркнулъ, а Провинъ, желая придать разговору менѣе оригинальный оборотъ, промолвилъ:

— Да, я дѣйствительно какъ-то потерялъ изъ виду всѣхъ своихъ товарищей, кромѣ Невидына, да и съ тѣмъ мы были не одноклассники.

— Ахъ да, вспомнилъ онъ вдругъ,—знаешь ли, Борисъ Михайловичъ, о чьей смерти я слышалъ недавно?

— О чьей?

— Коврова.

— Въ самомъ дѣлѣ! Ну, Богъ съ нимъ. Если судить по началу, такъ бѣдняга, кажется, не могъ ничего лучшаго и прилумать.

На доброе лицо Провина набѣжала тѣнь.

— И смерть-то его была какая ужасная. Онъ, какъ мы говорили, замерзъ, улавъ мертвецки пьяный и въ одномъ дырявомъ пальто, шагахъ въ тридцати отъ кабака. Незадолго до этого, онъ вслѣдствіе пьянства же лишился мѣста.

— Qui était ce Ковровъ? поторопилась вмѣшаться Пелагея Васильевна.

Видя что ей не слѣдуетъ отвѣчать, она прибавила, переводя глаза съ одного изъ насъ на другаго:

— Un de vos camarades?

— Это былъ мой товарищъ, Пелагея Васильевна, нехота отвѣтилъ Провинъ.

— Но вы говорили про какое-то начало, qui.... дурное начало. Oh! contez moi donc cela.

— Право, нечего разказывать. Ковровъ былъ довольно лустой и безхарактерный мальчикъ; влюбился или воображалъ что влюбился въ тогдашнюю мѣстную знаменитость, актрису, которою онъ восхищался каждый вечеръ изъ райка. Какъ ни дешево стоитъ подобное удовольствіе, а все на него нужны деньги; Коврову достать ихъ было не откуда, онъ и сталъ играть въ карты съ товарищами, какъ оказалось, нечестно. Его уличили, назвали негодяемъ, выгнали вовъ. Онъ пропадалъ нѣсколько недѣль; затѣмъ его исключили. По бѣдности, некуда было дѣться; онъ пошелъ въ лисцы и, какъ вы слышали, спился съ кругу. Вотъ и все.

— А кто же виноватъ въ томъ что онъ погибъ? заговорила вдругъ Нона Николаевна.

Я обернулся.

Она смотрѣла прямо въ глаза Пронину: щеки ея покрылы яркій румянецъ, черныя брови сдвинулись.

— Виноваты вы, продолжала она, и звучный голосъ ея слегка дрогнулъ.—Развѣ вы сами были безгрѣшны, что имѣли право бросить въ него камень? Вы погубили его.

— Ну, наша Нона Николаевна олять полала въ свою колею, вѣшался Петруша.—Она, видите ли, прочла недавно какую-то французскую книжку: *Les Misérables*, кажется, она называется, да вотъ теперь и носится съ тѣмъ что оттуда вычитала. Изволите видѣть, я де не виноватъ въ томъ что я вистальникъ. Это вы меня такимъ сдѣлали, зачѣмъ по лодкѣ не гладили.

— Ты напрасно разсуждаешь о томъ чего не читалъ, заговорила олять Нона Николаевна.—Я ни съ чѣмъ не пошусь и прежде всегда думала то самое что говорить Гюго. Да и Евангеліе не даетъ намъ права карать.

— Ну, а вы развѣ теперь сами не бросаете камень? вступила я.

Она на мгновеніе замолчала; потомъ подняла на меня свои большіе, лучистые глаза, освѣтившіе мягкимъ, кроткимъ свѣтомъ ея поблѣднѣвшее лицо.

— Да, вы правы, сказала она;—я виновата, я дурно поступила. Простите меня, прибавила она обращаясь къ сконфуженному Пронину, который отъ этого еще болѣе смутился.

— Ну, вотъ, видите ли-съ? Вотъ этакъ у насъ все въ слезы принимается, заговорилъ олять Петруша.—Летаетъ у меня мимо носа муха; я подумалъ про себя: „Э, чортъ бы тебя побралъ!“ По *илней* теоріи мнѣ сейчасъ слѣдуетъ извиниться предъ нею.

Онъ самъ засмѣялся, воображая что сказалъ что-то очень острое, но видя что никто ему не вторитъ, послѣшню обратился къ матери и сказалъ съ натянутою развязностью, закуривая папироску:

— Теоріи теоріями, а я хотѣлъ предложить всѣмъ отправиться на мельницу, а оттуда прокатиться на лодкѣ хоть до обала. Что вы объ этомъ скажете?

Целая Васильевна пришла въ экстазъ, порывисто облобызала сына и полетѣла распоряжаться на счетъ ливейки. Напрасно заявляли ей что будетъ уже поздно, что лучше что пѣшкомъ; она чуть не разсердилась и велѣла позвать тѣра. Но пока отыскивали этого саовника, ветерана въ

родѣ Максима, пока Пелагея Васильевна въ ожиданіи его металась изъ угла въ уголъ, говорила что она несчастлѣйшая женщина, что ее задержали, что она всюду одна и нѣтъ у нея помощниковъ; пока она объяснялась съ явившимся наконецъ кучеромъ, примѣшивая въ свою рѣчь совершенно не относящіяся къ дѣлу вещи, пока тотъ ломался, заявляя о полнѣйшей невозможности ѣхать и разказывая всякіе фантастическіе ужасы имѣющіе случиться во время дороги, мы всѣ успѣли взбунтоваться и такъ рѣшительно объявили что идемъ лѣшкомъ, что Пелагеѣ Васильевнѣ осталось только плакать, постѣловать и покориться.

Дамы взяли зонтики. Пелагея Васильевна надѣла огромную шляпу, подъ которой высохшее лицо ея совершенно ступе валось, Нона Николаевна накинула олять свой кисейный пла точекъ и всѣ отправились въ путь. Линейкѣ приказали прі ѣхать на мельницу, чтобы возвратиться на ней домой.

До мельницы было всего полчаса ходьбы. Петруша сей часъ же распорядился насчетъ лодки, которая оказалась совершенно новой и достаточно просторной для пяти человекъ. Пелагея Васильевна нарочно купила ее для прогулокъ но любила дѣлать видъ что лодка эта принадлежитъ изъ во шеніи, и что существованіе ея составляетъ нѣчто въ род пріятнаго сюрприза. Петруша и я взялись за весла, а Пел гея Васильевна овладѣла рулемъ, утѣряя что безъ нея никто не знаетъ рѣчки и гибель неизбежна. Между тѣмъ какъ на дѣлѣ Грачевка (отъ которой получила названіе и сама деревня) скорѣе могла назваться порядочнымъ ручьемъ а жели рѣчкой. У мельницы она была запружена и это дава возможность кататься по ней на разстояніи около верст

Лодка плыла медленно, такъ какъ приходилось поднимат ся противъ теченія. Пелагея Васильевна правила изъ ру вонъ плохо, то вправо, то влево; я не былъ особенно хор шимъ гребцомъ, да, по правдѣ сказать, больше глядѣ на Нону Николаевну. Она сидѣла молча и смотрѣ сквозь воду на длинную палку своего зонтика - трости, торую пробѣгавшія по ней струйки, порывисто отброш ныя весломъ, заставляли казаться волнообразной. На ли ея было опять то же спокойно-привѣтливое выраженіе, ка въ началѣ вечера. Проникъ сидѣлъ рядомъ съ нею, не свс глазъ съ ея красивой руки, игравшей водою.

Рѣчка мало-по-малу уходила въ лѣсъ. Берега ея стѣ

круче и скоро превратились въ двѣ почти отвѣсныя стѣны, поросшія мать-и-мачихой и той низкою породой ивняка съ пушистыми сережками, которыя во второй половинѣ лѣта осылаются и лежать на болотахъ и небстрыхъ рѣчкахъ бѣловато-сѣрою, луховою пленкой. Глинистая почва, какъ видно, осылалась каждую весну, о чемъ свидѣтельствовали безпрестанно попадавшіяся красноватая, обнаженные мѣста. Недавно раслущившійся лѣсъ не доходилъ до берега сажень на десять; только нѣсколько тоненькихъ дубковъ выбѣгали впередъ, почти къ самому краю, и ихъ молодая листва, не успѣвъ хорошенько позеленѣть, отливала свѣжимъ, золотистобурнымъ оттѣнкомъ на заходящемъ весеннемъ солнцѣ, арко просвѣчивавшемъ сквозь еще жидкія вѣтви.

— Тетя, сказала Нона Николаевна, когда рѣчка вдругъ круто повернула направо,—выпустите меня пожалуста тутъ. Мнѣ хочется взобраться на обвалъ.

— Mais la place n'a aucun effet, vue de là haut, Nanny! вопротивилась было Пелагея Васильевна.

— Но вѣдь я уже видѣла его снизу, тетя, возразила смѣясь Нона Николаевна. — Надо же когда-нибудь посмотреть и сверху.

Она перегнулась черезъ Пелагею Васильевну, взяла руль и повернула лодку.

— Хотите идти со мною, Андрей Алексѣвичъ? спросила она легко выпрыгивая на берегъ и обращаясь къ нему съ какой-то особенною, ей только свойственною улыбкой, составлявшей едва ли не главную прелесть ея лица, улыбкой, которая и сіяла и словно грѣла, можетъ-быть потому именно что въ ней вовсе не было замѣтно желанія злоупотребить могуществомъ своей красоты, всегда болѣе или менѣе проглядывающаго въ лѣтвительнѣйшей изъ улыбокъ, называемой кокетливою улыбкой. Улыбка Ноны Николаевны была добрая, ласковая, правдивая, цѣломудренная улыбка.

Проникъ поспѣшно прыгнулъ на берегъ и принялся вслѣдъ за нею взбираться на гору.

Лодка отчалила и поплыла дальше. Лѣсъ дѣлался старше и тѣснѣе обступалъ рѣчку; становилась замѣтна легкая волнѣтость почвы, на которой онъ росъ. Я началъ внимательнѣе осматриваться, не переставая грести. Для средней

полосы Россіи, гдѣ такая бѣдность видовъ, мѣсто дѣйствительно было не дурно.

— C'est un coin de la Suisse! восклицала Пелагея Васильевна. (Замѣчу мимоходомъ что она никогда не бывала въ Швейцаріи и знала ее только по гравюрамъ.)

Вдругъ въ прозрачномъ, неподвижномъ воздухѣ зазвенѣла нота, за ней другая и далеко разлились по лѣсу и водѣ. Я вздрогнулъ и оглянулся; но за деревьями ничего не было видно. Превосходный, богатый, хотя и мало обработанный контрабль пѣлъ не вдалекѣ незнакомую мнѣ мелодію. Вслушавшись, я разобралъ слѣдующую строфу изъ *Музыри*:

О, милый мой! не утѣю,
 Что я тебя люблю,
 Люблю какъ вольную струю;
 Люблю какъ жизнь мою.

Строгий критикъ можетъ-быть нашелъ бы недостатки въ этомъ пѣніи; но, будь онъ хоть ледяной изъ ледяновокъ, ему пришлось бы сознаться что необыкновенная вѣрность слуха и замѣчательное музыкальное чутье обличали въ невидимомъ пѣвцѣ весьма недюжинное дарованіе. Что же касается до манеры пѣнія, то въ ней была своеобразная прелесть, такая искренность и природная грація, не мыслимая подъ сводомъ залы, наполненной народомъ, что сердце невольно начинало биться сильнѣе и радостно вздрагивать какъ въ то время когда смотришь изъ только-что выставленнаго окна на пропитавшую водою землю, чуть начинающую зеленѣть, на лежащій еще мѣстами снѣгъ, который уже не производитъ грустнаго впечатлѣнія, на сверкающія повсюду струйки весенней воды, согрѣтыя радостнымъ, улыбающимся апрѣльскимъ солнцемъ.

— Ага! замѣтилъ Петруша, — Андрей Алексѣевичъ упрямъ-таки ее слѣть его любимое.

Лодка между тѣмъ стала подвѣзжать къ самому обвалу. Рѣчка тутъ расширилась и образовала микроскопическое озеро; берегъ былъ замѣтно выше и представлялъ совершенно вертикальную стѣну; лѣсъ подступалъ почти къ самому краю.

Пѣніе прекратилось. Наверху, держась рукой за молодотъ кустъ ивы и нѣсколько наклонивъ впередъ корпусъ, освѣщенная послѣдними лучами солнца, горѣвшими какъ рас-

пашенное золото въ ея волосахъ, на которыхъ уже не было пыточка, стояла Нона Николаевна. Подлѣ нея видѣлась фигура Провина.

— Здравствуйте, весело раздался ея звучный, вѣжливый какъ колокольчикъ, голосъ, — причальте отсюда саженяхъ въ пяти, тета, туда можно будетъ спуститься въ обходъ.

Она проворно отошла отъ берега и скрылась за деревьями. Лодка двинулась впередъ и, проплывъ немного, остановилась у пологого мыска. Нона Николаевна и ея спутникъ уже стояли на немъ. У нея въ рукахъ было нѣсколько вѣтвей дикой яблони, осыпанныхъ розовыми цвѣтами.

— Вотъ вы какъ поете! сказалъ я, помогая ей устояться.

— Да, отвѣчала она, — у меня есть голосъ, но училась-то я уже слишкомъ мало.

— Вы не смѣйтесь надо мною, Нона Николаевна, я вѣдь всегда въ этомъ дѣлѣ. Скажите пожалуйста, чью это вещь вы пѣли? Слова мнѣ, конечно, знакомы; но я долженъ признаться, къ стыду моему, что не знаю кто авторъ музыки.

Она подвѣла на меня свои сіяющіе глаза, засмѣялась какъ-то всеми чертами и проговорила:

— Я.

— Вы! невольно воскликнулъ я. — Да вѣдь у васъ, значить, замѣчательный талантъ. Вамъ слѣдуетъ позаботиться о немъ, назвать его.

— *C'est mon avis*, вмѣшалась вдругъ Пелагея Васильевна. — *Adore la musique*; а все-таки архитектура стоитъ гораздо выше. Ужъ это какъ вамъ угодно.

У меня сердце такъ и замерло.

— Мамаша опять свернула на свое, замѣтилъ Петруша.

Но Пелагея Васильевна не слыхала его словъ. Попавъ на свой любимый предметъ, она, какъ заведенный будильникъ, не могла уже остановиться пока не развернется пружина, которая у нея, къ несчастію, была много длиннѣе чѣмъ въ будильникахъ. На этотъ разъ ея хватило на весь обратный путь. Пелагея Васильевна такъ увлеклась что забывала о смертельной опасности грозящей всемъ намъ, сама ругаясь будетъ управлять не она, и согласилась, безъ возраженій, помѣняться мѣстами съ племянницей. Я, какъ гонимый за соломинку, схватился было за весло и сталъ бороться съ величайшимъ рвеніемъ; но оказалось что надежды мои возлагались дѣйствительно на соломинку. Пелагея

Васильевна объявила что ей необходимо немедленно посоветоваться со мною и попросила Пронина взять мою обязанность на себя. Дѣлать было нечего. Я отдалъ весло и битый часъ терпѣливо слушалъ ее. Педагога Васильевна говорила очень горячо и старалась представить все образно, съ помощію пальцевъ.

Положеніе мое не улучшилось и съ прїѣздомъ на мельницу. Она опять посадила меня подлѣ себя и опять заговорила. Но тутъ я не выдержалъ, и когда мы вернулись домой и Педагога Васильевна, стоя на крыльцѣ и продолжая размахивать руками, стала приглашать насъ зайти:

— Пойдемте въ комнаты. Мнѣ сейчасъ пришло въ голову какъ отлично можно будетъ примѣнить готическій стиль къ хозяйственнымъ постройкамъ. Мнѣ вотъ, кстати, надо строить новую кухню. Я вамъ это сейчасъ объясню, Bernard; нужно сдѣлать только самыя маленькія приспособленія. Пойдемте.

Я извинился и сказалъ что долженъ сейчасъ же ѣхать въ Парашино, такъ какъ жду съ часу на часъ важнаго извѣстія, можетъ-быть даже телеграммы. Пронинъ сѣдался надъ мною и поддержалъ меня, хотя самъ не прочь былъ остаться и даже, пожалуй, прослушать объясненіе маленькихъ приспособленій необходимыхъ для устройства готической кухни.

III.

— Ну, Андрей Алексѣевичъ, поздравляю тебя, сказалъ Пронину на возвратномъ пути въ Парашино. — Вкусъ тво дѣлаетъ тебѣ честь, и Нона Николаевна дѣйствительно красавица какихъ встрѣтишь не каждый день.

Онъ тщательно спустился подъ горку, объѣхалъ промена и потомъ уже проговорилъ съ разстановкой:

— Она и во всѣхъ отношеніяхъ прекрасная дѣвушка.

— Прекрасная дѣвушка, передразнилъ я его. — Отчего э весь влюбленный народъ... (Пронинъ замоталъ головой.) Да да, отчего это всѣ вы употребляете тѣ же избитѣйшія выраженія? Ты бы ее еще ангеломъ назвалъ. Однако мы все уже подѣвжаемъ, а дадутъ ли намъ поуживать? Максимъ будетъ уживать?

Старикъ успѣлъ сбѣжать съ крыльца и стоялъ, вытянувъ

руку и готовясь поддержать господъ *подъ локотокъ*, отчего вся его фигура подалась нѣсколько на одну сторону и даже ротъ пріоткрылся.

— Да, поди-ка раскуси его, вашего повара-то, обратися озъ къ своему барину. — Не то, прости Господи, человекъ, не то тетеревъ.

Я расхохотался, а Пронинъ спросилъ почти съ испугомъ:

— Неужто же въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ужина?

— Готово-съ, пожалуйста, проворчалъ Максимъ.

Мы, помирая со смѣху, пошли въ столовую и долго не могли унятьсь. Максимъ сурово подавалъ намъ кушанья. Была мы за четверыхъ. Пронинъ хоть и былъ влюбленъ, но его здоровая натура и молодая лѣта не позволяли ему литься воздухомъ. Я не обѣдалъ, да кромѣ того чувствовалъ необходимость подкрѣпиться послѣ бесѣды съ Пелагеей Васильевной.

Послѣ ужина мы сейчасъ же разошлись. Я отправился въ отведенную мнѣ комнату, легъ въ постель и сталъ читать. Къ несчастію набралось множество комаровъ. Напрасно стараясь съ озлобленіемъ ловить ихъ; пришлось погасить свѣчу и попытаться заснуть. Не тутъ-то было. Злодѣи начали выводить такія пронзительныя ноты, то взлетая кверху, то спускаясь къ самому моему уху, что весь сонъ прошелъ. Я всталъ и отворилъ окно. Струя свѣжаго воздуха ворвалась въ комнату и охватила меня всего. Я накинулъ халатъ и усѣлся въ креслѣ подлѣ раскрытаго окошка. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, было не душно, и самыя укушенія комаровъ не такъ раздражали нервы.

Я долго смотрѣлъ на садъ, казавшійся при лунномъ освѣщеніи весьма ведурнымъ; откуда-то, очень издалека, слышался соловей. Мысли мои стали путаться. Предъ глазами что-то заструилось. Садъ сталъ гуще и старше, деревья краше. Особенно вотъ эта большая старая ветла, совсѣмъ наклонившаяся надъ водой.

Странно, подумалъ я, что я давеча не замѣтилъ этой ветлы. Здѣсь вѣрно и въ прежнее время былъ садъ; дерево очень старо...

— Боря, поскорѣе, голубчикъ, шелчетъ задыхающимся отъ страха и восхищенія голоскомъ хорошенькая, черноглазая и кудрявая дѣвочка, наша маленькая сосѣдка.

Я послѣштво разубаюсь; Лиза уже вошла въ воду и храбро идетъ съ доской по тивистому дну пруда.

— Ну вотъ посмотри, если не сдѣлаю я моста, говоритъ она.

Вдругъ съ балкона раздается голосъ матушки:

— Enfants! le déjeuner est servi. Venez donc vite.

— Какъ бытъ! Мы слѣшимъ обуваться; но я, словно на бѣду, никакъ не могу отыскать чулка. Сердце у меня бьется и я чуть не плачу, пока Лиза обуваетъ мнѣ другую ногу. Боже мой! балконъ какъ-то пододвинулся къ пруду и мать видитъ меня. Я со страху прилежъ къ землѣ и потихоньку смотрю на нее изъ-за травы.

Только это уже не матушка; это Нона Николаевна и солнце золотыми пятнами сверкаетъ въ ея волосахъ. Она протягиваетъ мнѣ руку и говоритъ:

— Хотите идти со мною?

Я вскакиваю и беру ее за руку.

Но вотъ ноги мои начинаютъ погружаться въ воду; я чувствую что тону и крѣпче сжимаю руку Ноны Николаевны. Она вся перевѣсилась надъ водой: свободною рукой она хватается за иву, и я вижу какъ кровь течетъ изъ-подъ ея ногтей.

...Наконецъ я выпустилъ ея руку и упалъ въ воду. Въ первую минуту я совсѣмъ окунулся, но потомъ вынырнулъ.

Вотъ я оглядываюсь: это уже не прудъ, это озеро, это море! Вода льется мнѣ въ уши, въ ротъ, въ носъ; я хочу дохнуть и захлебываюсь водой.

— Прикажете умываться?

Я вздрогнулъ и открылъ глаза.

Максимъ стоитъ предо мною съ вычищенными салогамъ въ рукахъ; солнце такъ и заливаетъ комнату.

Мнѣ вдругъ сдѣлалось ужасно совѣстно. Я боялся что Максимъ ляжетъ въ разспросы, почему я почиваю не въ кровати, а въ креслѣ, и я поскорѣе одѣлся и вышелъ въ столовую, гдѣ Пронинъ давно уже сидѣлъ за чаемъ.

— Я получилъ телеграмму, сказалъ онъ мнѣ, кажда одною рукой сахаръ, а другою поднимая синій конвертъ.

— Отъ кого?

— Отъ моего управляющаго изъ В—. Въ Боровичкахъ оказался каменный уголь, и предлагаютъ очень выгодныя усло-

на разработку его. Не судьба мнѣ, видно, побыть съ тобой. Впрочемъ ты непременно дождись меня: я вѣду послѣ завтрака и черезъ недѣлю буду опять дома. У тебя же вѣдь все равно, есть тутъ дѣло.

— Голубчикъ, Андрей Алексѣевичъ, да неужто ты серьезно вѣдешь сегодня? Какъ успеешь ты такъ скоро вернуться?

— Что же дѣлать, братъ! Этотъ дуракъ управляющій обѣщавъ отвѣтъ на воскресенье. Сегодня среда, а мнѣ предстоитъ почти двое сутокъ въ вагонѣ, да около ста верстъ проселкомъ. Надо вѣдь тоже и осмотрѣть услѣть. Нельзя же мнѣ поручить все ему; онъ, самъ знаешь, ничего не возьметъ ободрать меня какъ лилку. Поневоѣ повернешься.

И точно они съ Максимомъ *повернулись*, къ не малому моему удивленію; только чего же это имъ и стоило! Старикъ узналъ новость еще пока я спалъ и сильно не по душѣ пришлась ова ему. Онъ было выставилъ на видъ что и бѣлье еще не готово у прачки, и въ чемоданѣ ремень, кажется, допнулъ, и т. д.; но видя что все напрасно, покорился и только громко издыхалъ всякій разъ какъ выходилъ за дверь. Слышалось протяжное: „О, Господи, Иисусе Христе!“ сопровождаемое шумнымъ втягиваніемъ воздуха. При господахъ онъ сдерживался и больше солѣлъ, стоя на колѣняхъ подлѣ раскрытаго чемодана. Изрѣдка лишь поднималъ онъ голову и сурово обращался къ барину съ вопросомъ: „Этотъ жилетъ прикажете-съ положить?“ или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Провинъ и самъ былъ не въ духѣ: кряхтѣлъ, безпрестанно вставалъ и опять садился, барабанилъ пальцами по колѣвкамъ и старался припомнить, не забыто ли что. Я сидѣлъ на окнѣ съ папирсой.

Наконецъ Максимъ, лыхтя и перекосивъ на сторону ротъ, застегнулъ ремни чемодана, пока баринъ придавливалъ крышку. Провинъ одѣлся, позавтракалъ и отправился на станцію ожидать поѣзда.

Проводивъ его, я постоялъ съ минуту на крыльцѣ, посмотрѣвъ на Максима, который шелъ въ кухню дать наконецъ волъ своему языку, и закрывался рукою отъ солнца, безлободно палившего его лысую голову безъ фуражки, и сѣлъ было заниматься. Но день выбрался такой жаркій что хоть бы и не въ маѣ. Работать было рѣшительно невозможно. Я началъ новый романъ, взятый съ собою изъ Петербурга, и

толкнулся въ садъ, но поскорѣе воротился опять въ столовую, куда солнце показывалось только предъ вечеромъ. Усѣвшись удобно въ креслѣ и протянувъ ноги на стулъ, я принялся читать. Романъ былъ невыносимо скученъ. Я, впрочемъ, не имѣя ничего другаго въ виду, читалъ довольно терпѣливо до самаго обѣда. Приходило мнѣ, правда, въ голову съѣздить въ Грачевку, да показалось что-то неловко.

За обѣдомъ Максимъ наконецъ разговорился и съ довольно злымъ юморомъ, составлявшимъ отличительную черту его характера, разказалъ цѣлую кучу сплетень обо всѣхъ безъ исключенія. Я смѣялся отъ души его оригинальной маверѣ. Однако нельзя же было продлить этого на цѣлый день, и я, выливъ ксфе, долженъ былъ волей-неволей взяться опять за свой романъ, но на этотъ разъ не выдержалъ, закрылъ книгу и велѣлъ закладывать кабриолетъ. Посѣщеніе мое оказалось крайне неудачнымъ. Я засталъ дома одну Пелагею Васильевну. Прасковья Ивановна отправилась навѣстить очень старинную знакомку, которую не видала Богъ знаетъ сколько лѣтъ. Нона Николаевна и Петруша поѣхали съ нею. Но за то Пелагея Васильевна влопѣвъ насладилась. Она заадила меня рисовать и выпустила часа черезъ четыре.

Когда я надѣвалъ въ передней пальто, Прасковья Ивановна съ внучкой вернулась домой. Нона Николаевна въ свѣтлолиловомъ барежевомъ платьѣ и въ бѣлой шляпкѣ, украшенной вѣткой сирени, показала мнѣ едва ли еще не ослабительнѣе чѣмъ вчера. Но я не рѣшился остаться, изъ боязни обидѣть хозяйку, которой наказалъ всякихъ важныхъ дѣлъ ожидающихъ меня дома.

„Боже мой, какъ она хороша! думалъ я дорогой. Неужели же она будетъ женой Андрея Алексѣевича? Какая же она ей пара, когда у нея въ самой маленькой жилкѣ больше огня чѣмъ во всей его флегматической особѣ! Впрочемъ крайности, говорятъ, сходятся. Отчего же бы ему и не посвататься! Его, по крайней мѣрѣ, не заподозрятъ въ корыстныхъ цѣляхъ, если она даже и богата. У Прокина у самого четыре тысячи десятинъ, цифра довольно крупная, да еще разные каменные угли. Это не нашъ братъ, голышъ. А она ли разительна хороша!“

Максимъ, по вчерашнему, подбѣжалъ высадить меня.

— Баринъ изволилъ прислать назадъ лошадей и что бы съ почты. Къ вамъ письмо есть-съ, доложилъ озя.

Меня словно что-то кольнуло въ сердце. Я протрель въ свою комнату, и первое что бросилось мнѣ въ глаза, былъ конвертъ надписанный знакомымъ почеркомъ, со штемпелемъ одной изъ прибалтійскихъ губерній. Я почему-то не сразу взялся за него, а прежде просмотрѣлъ, всѣ ли нумера газетъ присланы. Газеты оказались всѣ на лицо. Я распечаталъ и сталъ читать:

„Милый мой!

Ты писалъ мнѣ съ дороги что погостишь у Андрея Алексѣевича. Не загащивайся, дорогой, слишкомъ долго. Я чувствую что гуло и не захѣмъ это писать, что ты прїѣдешь какъ только позволятъ дѣла, что у Андрея Алексѣевича необходимо немножечко пожить, потому что ты самъ всегда говорилъ что онъ прекрасный человекъ и вы съ нимъ давно друзья (чуть не написала *wie zarte Brüder*; вотъ что значить съ Нѣмцами водиться). Все я это знаю, милый. Очень мнѣ ужъ безъ тебя грустно. Сегодня я нечаянно уронила твой портретъ и стекло разбилось; я страшно расплакалась. Богъ вѣсть что пришло мнѣ въ голову. Я знаю, тебѣ не понравится такое сентиментальничанье. Что же дѣлать! Свалимъ все на вліяніе Нѣмцевъ; вѣдь невольно заразишься. Боже, какъ мнѣ надоѣли Нѣмцы и особенно кислая Нанки, а вмѣстѣ съ ними и лучший другъ мой исторуская Надежда Федоровна! Она, какъ тебѣ извѣстно, считаетъ меня героиней и ставитъ себѣ въ непремѣнную обязанность повторять это мнѣ цѣлый день. Сегодня у меня глаза ужасно покраснѣли и опухли, и мнѣ вовсе не хотѣлось чтобы кто-нибудь видѣлъ это; вдругъ слышу, идетъ Надежда Федоровна. Я скорѣе бросилась къ умывальному столику и принялась плескать себѣ въ лицо водой; она застала меня за этимъ, и я сказала ей что у меня болятъ глаза. Она сейчасъ предложила десятка три разныхъ средствъ, и какъ я не отказывалась, почти силой примочила мнѣ вѣчки розовою водою и надѣла синія очки, въ которыхъ я крайне уморилась. Кстати, пришла ей, пожалуста, ежевичнаго варенья и ежевичныхъ смоквъ, и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше; она безпрестанно твердитъ о нихъ. Больше писать не стану. Новельскаго ничега нѣтъ; наслаждаюсь гостепрїимствомъ Надежды Федоровны, т.-е. ужасно скучаю и не могу ни на минутку освободиться отъ нея. О другомъ же писать не могу, боюсь расслакаться.

„Голубчикъ мой, вѣдь ты знаешь что я люблю тебя и о тебѣ только одномъ и думаю.

„Твоя Sophie.“

Смеркалось. Я подошелъ къ окну и открылъ медальонъ, который постоянно носилъ. Предестное, смѣющееся личико съ большими глазами и вьющимися волосами глянуло на меня изъ золотой рамки. „И я тоже люблю тебя и ни о комъ больше не хочу думать!“ невольно вырвалось у меня.

IV.

Не хочу ни о комъ думать! Этого мало. Я не долженъ, а не имѣю права ни о комъ больше думать.

Но что же дѣлать, если въ голову такъ и тѣснится непрощенный вопросъ: а что, еслибы не случилось то что было четыре года тому назадъ?

А за четыре года, я, почти прямо съ университетской скамьи, получилъ мѣсто въ одномъ изъ нашихъ большихъ губернскихъ городовъ. Мнѣ было двадцать три года; но обстоятельства моего дѣтства и ранней молодости сложились такъ что я, во многихъ отношеніяхъ, былъ гораздо моложе своихъ сверстниковъ. Отецъ мой окончилъ разореніе великолѣпнаго состоянія, начатое задолго до него цѣлымъ рядомъ сумасбродныхъ баръ; чудачества ихъ до сихъ поръ поминуются въ Т... Мать моя была Француженка, гувернантка, поразившая отца своимъ очаровательнымъ личикомъ. И точно, она, говорятъ, была замѣчательная красавица. Я могу судить только по сохранившемуся акварельному портрету, такъ какъ рожденіе мое стоило ей жизни.

Вышедши замужъ, она немедленно выписала къ себѣ свою троюродную сестру, недавно вышедшую изъ монастыря — это была ея единственная родственница.

„Кузина“, какъ звали ее всѣ, послѣ смерти моей матери, вполнѣ замѣнила ее мнѣ. Привычка ли слышать что я называю ее „мама“ или вслушка чего-то въ родѣ любви къ хорошенькой, веселенькой дѣвушкѣ, подала отцу мысль сдѣлать ей предложеніе. Кузина стала моею мачихой. Наши отношенія, впрочемъ, нисколько не измѣнились отъ этого: у нея не было дѣтей, и я, попрежнему, оставался ея единственною заботой и радостью, такъ какъ мужъ скоро охладѣлъ къ ней и они часто не видались по цѣлымъ недѣлямъ.

Мнѣ было семь лѣтъ когда отецъ мой умеръ скоропостижно отъ удара, а недѣлю спустя, мы узнали что мы нищіе. Мачиху мою не сломили этотъ неожиданный ударъ; она на другой же день напечатала въ Т—ской газетѣ что ищетъ мѣста гувернантки. Желающихъ принять ее къ себѣ въ домъ оказалось множество. Одни хотѣли сдѣлать доброе дѣло, другимъ льстило что вдова чуть не перваго лица въ губерніи будетъ у нихъ въ зависимости, а третьи просто надѣялись, не возьметъ ли она, въ виду грозящей нужды, меньше выписавной изъ столицы учительницы; и выгодно это будетъ, да и имѣть гувернантку-Француженку все какъ-то важнѣе чѣмъ Русскую. Благодаря этой возможности выбирать, мачихѣ моей удалось помѣститься въ порядочную семью, на недурное жалованье и съ правомъ имѣть меня при себѣ, что она поставляла непремѣннымъ условіемъ.

Бодро и весело переносила она связанныя съ ея положеніемъ мелкія непріятности, поводомъ къ которымъ служило большею частью мое присутствіе. При живости и вспыльчивости характера, ей, вѣроятно, стоило иногда большаго труда сдерживать себя и сохранять вышнее спокойствіе; но мнѣ не случалось видѣть чтобы вслѣдствіе этого обычная беззаботная улыбка слетѣла съ устъ ея.

Я рано выучился понимать что крылось подъ этою улыбкой, и привязался къ ней какъ только способенъ привязаться пылкой, впечатлительный ребенокъ. Одна очень значительная родственница хозяевъ, уѣзжая за границу, завезла къ нимъ двѣнадцатилѣтняго своего сына, погостить мѣсяца два. Хозяева наперерывъ ухаживали за мальчикомъ, въ сладкой надеждѣ на протекцію его вліятельнаго папаша. Ребенокъ былъ очень испорченъ: хвастался, важничалъ, смотрѣлъ на всѣхъ свысока—будущій фатъ такъ и выдавался въ немъ. Онъ сразу забралъ въ руки хозяйскаго сына и его маленькихъ сестеръ, а со мною обошелся такъ презрительно что я въ тотъ же вечеръ, ложась спать, объявилъ матери что не намѣренъ говорить съ этимъ дряннымъ мальчишкой. Я буквально исполнилъ это; и еслибъ она не приказала мнѣ здороваться съ нимъ наравнѣ съ прочими, я ни за что не сталъ бы отвѣчать на небрежный кивокъ которымъ онъ изрѣдка удостоивалъ меня. Дѣло и ограничилось бы этимъ, не вздумай онъ непочтительно отозваться о ней.

Мы были всё въ залѣ. Матери моей не было дома; она побѣжала въ ларки съ всею старшею ученицей, отпросившеюся покупать шерсти для работы. Анатолий ходилъ по залѣ съ хозяйскимъ сыномъ; я игралъ въ мячикъ на другомъ концѣ комнаты. Мальчики разговаривали довольно громко, такъ что я невольно все слышалъ.

— Удивляюсь, какъ это твоя мать не обратитъ вниманія на вашу гувернантку, говорилъ Анатолий;—вѣдь она одѣвается просто непозволительно. Ну что это на ней за уморительный допотопный бурнусъ? Съ нею просто неприлично показываться на улицѣ. Твоей матери слѣдовало бы заставить ее купить себѣ новый бурнусъ, или хоть подарить ей какой-нибудь свой прошлогоднй.

— Это будетъ неловко.

— Совсѣмъ не неловко. У насъ сама старшая горничная пашап постоянно носить ея прошлогодня pardessus.

Онъ не договорилъ. Двѣ звонкія лощечины повалили его на полъ. Не помня себя отъ бѣшенства, я бросился на него и началъ колотить что было мочи. Хозяйскій сынъ любѣжалъ звать большихъ, дѣвочки подыали страшный крикъ; я не обращалъ ни на что вниманія и продолжалъ неистовствовать. Въ глазахъ у меня было темно, духъ захватывало.

Сбѣжались хозяйка, хозяйка, мать моя, въ шляпкѣ и злополучномъ бурнусѣ, какъ воротилась изъ лавокъ, прислуга. Меня оттащили; избитаго и перелуганнаго Анатолия подыали, положили на диванъ и послали поскорѣе за докторомъ.

Хозяйка была въ себя: всё его ланы рушились. И если бы хозяйка, одаренная, какъ женщина, болѣе тонкимъ пониманіемъ дѣтскихъ поступковъ, не приняла во вниманіе причины драки, о которой узнала отъ сына, и не заступилась за меня, мы были бы немедленно выпровожены со скандаломъ. Пока всё хлопотали вокругъ Анатолия, мать взяла меня за руку и увела въ свою комнату; голова у меня кружилась и я не могъ говорить отъ сильнаго слеза въ горлѣ. Она усадила меня, дала напиться воды и сѣла сама подлѣ, положивъ мою голову къ себѣ на плечо. Я понемногу опомнился и началъ рыдать. Насилу добилась она какъ было дѣло. Въмѣсто всякаго выговора, она засмѣялась своимъ добрымъ, ласковымъ смѣхомъ и сказала: „Какой же ты глупый мальчикъ!... Вѣдь я не стала хуже отъ его насмѣшекъ.“

Если ты меня любишь, то не станешь больше этого дѣлать“, прибавила она серьезно.

Я долго еще не могъ успокоиться, пока не заснулъ.

Между тѣмъ гнѣвъ хозяина послѣ первой вспышки полегся, и онъ сообразилъ что изъ-за пустяковъ отказывать отличной наставницѣ глупо; съ другой стороны, нельзя было, изъ уваженія къ важнымъ родственникамъ, оставить дѣло вовсе безъ всякихъ послѣдствій. Однимъ словомъ, меня надо было удалить подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ. И вотъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, онъ сообщилъ моей матери что я буду принять пансіонеромъ въ гимназію въ качествѣ стипендіата покойной генеральши Ш***, какъ только она представитъ нужныя бумаги. Она не ожидала ничего подобнаго, но, по обыкновенію, выдержала характеръ, поблагодарила и сказала что подумаетъ.

Всю ночь не спала бѣдная. Невыносимо больно было ей разстаться со мною: мнѣ только-что минуло десять и она рассчитывала еще года два продержатъ меня при себѣ, а тамъ уже опредѣлить въ какое-нибудь заведеніе, но не иначе какъ приходящимъ. Отказаться же отъ предложенія хозяина значило лишиться мѣста и быть напередъ увѣренною что послѣ этого никто въ Т... не согласится взять ее вмѣстѣ со мною. Взять въ другой городъ, гдѣ обаяніе ея имени уже не могло заставить смотрѣть сквозь пальцы на стѣснительное условіе какимъ вообще считается присутствіе въ семьѣ чужаго ребенка, было вовсе невысказуемо. Проснувшись среди ночи, я увидалъ что она не спитъ: охвативъ колѣна крѣпко сжатыми руками, она сидѣла на постели; глаза ея были устремлены куда-то предъ собою, и слезы катились по блѣдному, мокрому лицу.

— Мама, ты плачешь? съ испугомъ вскрикнулъ я.

— Ничего, голубчикъ, это пустяки, проговорила она улыбаясь и лоспѣшно вытирая глаза.—Я читала очень печальную повѣсть, да вдругъ и расплакалась. Почивай, милый, мнѣ и самой пора.

Она погасила свѣчу; но я еще долго прислушивался, спитъ ли она, и наконецъ самъ заснулъ. Наутро она объявила хожу что рѣшилась отдать меня. Онъ остался очень доволенъ, пожалъ ей руку и сказалъ что всегда былъ увѣренъ въ ея разсудительности. Потомъ, собравшись съ духомъ, она сказала о томъ же и мнѣ, налегая особенно на то что мы

все-таки будемъ видѣться каждое воскресенье. Я какъ сумасшедшій повисъ у нея на шеѣ и рыдая просилъ не гнать меня. Она сама заплакала, но твердо оказалась:

— Боря, безцѣнный мой, сдѣлай это *для меня*.

Этого было достаточно. Съ горькими слезами, но очень рѣшительно, я отвѣтилъ ей:

— Хорошо, мама, для тебя я сдѣлаю.

Первые дни по поступленіи мнѣ, конечно, было ужасно тяжело, но потомъ я довольно скоро привыкъ къ новой обстановкѣ и новому образу жизни. Разлука не только не охладила моей любви къ матери, но я думаю что благодаря именно ей-то она и поддержалась въ такой силѣ. Я всю недѣлю жилъ исключительно однимъ ожиданіемъ воскресенья. Съ товарищами я былъ хорошъ, но особенно не подружился ни съ кѣмъ. Все что я ни дѣлалъ, имѣло связь съ воскресеньемъ: учился я для того чтобы не оставили въ этотъ день въ пэ-сіонѣ и для того чтобы угодить ей; читалъ книгу только потому что она похвалила ее; думалъ о ней одной.... За то когда наступалъ желанный день, съ какимъ восторгомъ, какими огромными шагами летѣлъ я къ ней! Она встрѣчала меня въ передней; я здоровался со всѣми, и мы уходили къ ней въ комнату. Хозяйка очень жалѣла ее и позволяла по воскресеньямъ не надзирать за дѣтьми, такъ что мы до самаго обѣда просиживали вдвоемъ.

Годы шли. Я кончилъ въ гимназіи и поступилъ въ университетъ.

Мать моя давно копила деньги чтобы имѣть возможность отправить меня въ Москву. Разчитывая каждую копѣйку и покупая только самое необходимое для себя и для меня, она достигла того что я теперь могъ тратить въ годъ 200 руб. слишкомъ, то-есть не видать крайней нужды. Я поступилъ сперва на медицинскій факультетъ, но пробывъ на немъ полтора мѣсяца, перешелъ на юридическій, куда всѣ бросились тогда. Тутъ я случайно познакомился съ однимъ моимъ дальнимъ родственникомъ. Мы сошлись довольно коротко; онъ предложилъ мнѣ давать уроки его младшему брату и ввелъ въ свою семью. Люди они были очень богатые, но простые и добрые; меня приняли совершенно по родственному и съ первыхъ словъ стали звать племянникомъ; за уроки платили щедро, что мнѣ было особенно пріятно, такъ какъ дѣлало осуществимою самую душевную мечту мою. Я написалъ

штери невозможно безтолковое отъ восхищенія письмо, гдѣ изображалъ себя чуть не миллионеромъ (мнѣ еще не было восемнадцати лѣтъ), и горячо умолялъ ее пріѣхать жить со мною. Она поколебалась сначала, но потомъ не выдержала и согласилась.

Я какъ прочелъ ея письмо утромъ въ университетѣ, такъ и бросился, не заходя на лекціи, искать квартиру. Въ два дня, не отдыхая съ утра до вечера, обѣгалъ я чуть не всю Москву, осмотрѣлъ нѣсколько сотъ помѣщеній и наконецъ отыскалъ очень маленькую квартирку на дворѣ, но за то окнами на югъ, чего я особенно добивался, зная ея страсть къ цвѣтамъ. Вся квартира состояла изъ одной небольшой комнаты о двухъ окнахъ и двухъ крошечныхъ комнатокъ объ одномъ окошкѣ каждая. Передней служилъ темный коридорчикъ, отдѣленный отъ кухни не доходившей до потолка перегородкой. Я тотчасъ же оклеилъ стѣны простенькими обоями, купилъ двѣ желѣзныя кровати, бѣлыя занавѣски къ окнамъ и нѣсколько горшковъ резеды.

Съ мебелью мнѣ было пропастъ хлопотъ: за все просили такъ дорого что я пришелъ положительно въ отчаяніе и не зналъ бы что дѣлать, еслибы жена дворника не дала совѣта посмотреть на Смоленскомъ рынкѣ. Здѣсь я пріобрѣлъ мягкій диванъ безъ дерева, такія же два кресла и четыре стула. Все это было очень грязно и оборвано, но когда обилось сѣжишь, хотя и недорогимъ ситцемъ, то вышло довольно прилично. Преддиванный столъ, купленный вмѣстѣ съ остальными, былъ сдѣланъ подъ орѣхъ и не отличался изящною формою; чтобы какъ-нибудь помочь горю, я купилъ красивую филейную скатерть, такъ какъ на цвѣтную у меня не хватило денегъ. Къ довершенію убранства, сосѣдъ мой, старикъ Нѣмецъ, музыкальный учитель, съ которымъ мы свели знакомство на дворѣ, обираясь уѣзжать куда-то очень далеко и узнавъ что я жду мать, подарилъ мнѣ низкорослое померанцевое дерево, горшокъ мѣсячныхъ розъ и превосходный большой лягушъ, покрывшій всѣ стѣны нашей маленькой гостиной. Я уже думалъ что все готово, когда та же дворничиха замѣтила что надо бы завести самоварчикъ, посуду (и для обихода, и въ кухню), шаечку, лоханочку, и даже вызвалась сама *превыгодно* купить всѣхъ предметы. Я обрадовался ея предложенію, а она, конечно, не преминула обмануть меня; впрочемъ мы остались

совершенно довольны другъ другомъ. Остальное все я купилъ самъ и даже взялъ четыре серебряныя ложки: двѣ столовыя и двѣ чайныя. Всю ночь накануне ея пріѣзда я не сомкнулъ глазъ. Всталъ я часовъ въ шесть и сейчасъ же принялся прибирать въ квартирѣ, хотя, по правдѣ сказать, все было въ отличномъ порядкѣ. Сердце у меня такъ и колотилось отъ нетерпѣнія и радости. Насилу дождался я вечера, зажегъ въ гостиной лампу, въ остальныхъ комнатахъ по двѣ свѣчи, старательно разставилъ на столѣ простой бѣлый сервизъ, сахарники и тарелку съ яблоками и виноградомъ и, распорядившись чтобъ у дворничихи былъ готовъ самоваръ, отправился въ вокзалъ Н—ской желѣзной дороги, куда все-таки прибылъ, несмотря на дряннаго извозчика, почти за полтора часа до прихода поѣзда... Наконецъ прошли и эти полтора часа. Раздался пронзительный вопль останавливающагося паровоза; толпа хлынула изъ вагоновъ... А вотъ и она въ своемъ салолѣ, на которомъ не увидите ни одного пятнышка, съ большимъ, потертымъ мѣшкомъ въ рукахъ. Я бросился бѣгомъ черезъ всю платформу и понесъ ее почти на рукахъ. Она очень похудѣла и измѣнилась за это время, но на лицѣ у нея было такое счастливое выраженіе, когда мы вошли въ нашу квартиру, какого мнѣ прежде никогда не случалось видѣть. Самоваръ уже кипѣлъ на столѣ. Она оглянулась кругомъ и сказала радостно: „Даже и цвѣты!“ Но тотчасъ же остановилась и покачала головой. Я поскорѣе объяснилъ какъ они мнѣ достались. Мы проговорили далеко за полночь, и послѣ этого я заснулъ такъ какъ спалъ только въ дѣтствѣ.

Счастливое это было для меня время, хотя мы жили болѣе чѣмъ скромно. Весь доходъ нашъ состоялъ изъ денегъ получаемыхъ съ дяди и платы за репетиторство двухъ мальчиковъ, жившихъ въ томъ же домѣ. Матушка, съ своей стороны, тоже нашла себѣ ученицу, приносившую намъ пятнадцать рублей серебромъ въ мѣсяцъ. Что же до скопленныхъ ею денегъ, то онѣ берегались на черный день.

Мнѣ оставалось только полгода до окончанія курса, когда ея не стало.

Здоровье ея уже давно было не въ цвѣтущемъ состояніи хотя она и не была положительно больна. Но тутъ она вдругъ начала такъ замѣтно слабѣть что я уговорилъ ее посоветоваться съ докторомъ. Онъ выслушалъ и спросилъ ее, ска

знь что это ничего, просто малокровіе и ослабленіе нервной системы, и прописалъ какія-то капли; но когда я вышелъ проводить его, онъ прямо объявилъ мнѣ:

— У вашей матушки давнишняя и запущенная болѣзнь сердца. Братъся лѣчить ее я считаю шарлатанствомъ.

Я едва устоялъ на ногахъ: возможность потерять ее никогда не приходила мнѣ въ голову. Весь день меня била лихорадка. Ночью, какъ только я начиналъ засыпать, мысль что я не застаю ее въ живыхъ когда проснусь сейчасъ же будила меня и я вскакивалъ, обливаясь холоднымъ потомъ. Наконецъ наступило утро, и я такъ обрадовался узнавъ что она не умерла что на минуту совершенно забылъ о всякой опасности. Въ университетѣ на меня опять напалъ страхъ; я не дождался конца лекцій и вернулся бѣгомъ домой. Въ недѣлю проведенную въ подобной тревогѣ, я до того измучился что едва держался на ногахъ, и отодвинулся катастрофа еще на нѣсколько времени, я, пожалуй, сошелъ бы съ ума.

Матушка умерла на десятый день послѣ визита доктора...

Прошло болѣе двухъ тяжелыхъ мѣсяцевъ прежде чѣмъ я могъ опять пойти въ университетъ. Острый періодъ моего горя миновался, но страшная тоска грызла меня. Докторъ совѣтовалъ отложить экзамень, но я не послушался его. Усиленная, утомительная работа была мнѣ необходима: она замѣняла мнѣ опиумъ, притуляя боль. Послѣ экзаменовъ я уѣхалъ въ Т..., кандидатомъ на судебную должность при тамошнемъ окружномъ судѣ. Дядя, принимавшій во мнѣ большое участіе, думалъ что возвращеніе на родину благотвѣтельно подѣйствуетъ на меня; мнѣ было все равно куда ни ѣхать.

Въ Т... я встрѣтился съ Процинымъ, съ которымъ былъ хорошъ въ гимназіи. Онъ тогда еще не получалъ наслѣдства и былъ судебнымъ слѣдователемъ. Принадлежавшая ему маленькая деревенька находилась всего въ двухъ верстахъ отъ города, и я почти безвыѣздно гостилъ у него. Онъ зналъ рѣшительно всѣхъ и меня со всѣми перезнакомилъ. Многие изъ этихъ новыхъ знакомцевъ помнили моего отца, въ томъ числѣ Пелагея Васильевна Ольхина, съ перваго же раза окрестившая меня Бернардомъ. Свѣжій воздухъ и новыя лица принесли большую пользу моимъ больнымъ нервамъ. Молодость взяла верхъ, и чувство безотрадной пустоты начало постепенно исчезать. Но тутъ я самъ придумалъ

себѣ новую муку. Лишь только я замѣчалъ что тоска не такъ сильно гнететъ меня, какъ сейчасъ же принимался упрекать себя въ неблагодарности, безсердечности, лютворять до слезъ что я забываю ее и т. п., и обыкновенно достигалъ того что заболѣвалъ и физически, и морально. Замѣчательно что такое растравленіе чуть заживающей раны я считалъ своимъ долгомъ. Быть живымъ человѣкомъ мнѣ почему-то казалось оскорбленіемъ ея памяти. Въ такомъ состояніи застала меня и зима. Я получилъ мѣсто въ В— и отправился туда.

В— по справедливости, можетъ быть названъ веселымъ городомъ; по крайней мѣрѣ всѣ сановники его, начиная съ губернатора, и всѣ богатые жители, хотя бы они и не состояли ни на какой службѣ, наперерывъ стараются увеселять мѣстное общество, то-есть заставляя его какъ можно болѣе плясать. Балы и вечера даются безпрестанно, и балы очень роскошные, потому что всѣ знаютъ другъ друга, и какой-нибудь Иванъ Павловичъ ни за что не хочетъ ударить въ грязь лицомъ предъ Петромъ Николаевичемъ, а тотъ, въ свою очередь, боится осрамиться предъ Семеномъ Александровичемъ и т. д.

Я было рѣшился уклониться отъ всякаго участія въ этихъ празднествахъ, но дѣло оказалось неудобноисполнимымъ и поневолѣ пришлось постулатъ какъ другіе.

У вѣскога Александра Федоровича Песцова былъ костюмированный балъ. Про залуванна дѣла хозяина уже десять лѣтъ разсуждалъ весь городъ и между тѣмъ онъ жилъ такъ великолѣпно что никто и не пытался тягаться съ нимъ. Поговаривали и про этотъ балъ что онъ собственно дается для поддержанія кредита, на деньги взятыя у свояченицы Песцова, очень доброй и смѣшной старой дѣвы, готовой изъ-за бала пожертвовать послѣднимъ грошежъ. Не знаю, имѣлъ ли хозяинъ въ виду разсвѣять сомнѣнія заимодавцевъ, какъ сплетничали, или хотѣлъ отуманить тѣхъ отъ кого надѣялся получить новую ссуду, но онъ дѣйствительно ничего не пожалѣлъ чтобы пустить пылъ въ глаза. Зала убранная камеліями въ полномъ цвѣту, превосходный оркестръ нарочно выписанный изъ столицы, роскошный буфетъ, поздній сѣздъ гостей, все было разчитано на эффектъ.

Я явился около одиннадцати часовъ, а танцы еще не начинались.

Дамъ было множество и въ самыхъ разнообразныхъ наря

дахъ: отъ вѣчныхъ маркизъ и пастушекъ и до оригинальнаго костюма двухъ, трехъ губернскихъ львицъ, немного смѣлаго для частнаго маскарада.

Я пробрался въ гостинную, гдѣ возсѣдала хозяйка дома, красивая и моложавая женщина, въ богатомъ русскомъ костюмѣ, очень шедшемъ къ ея высокой и полной фигурѣ. Не успѣлъ я съ ней поздороваться и отвѣтить на вопросъ нравится ли мнѣ праздникъ, какъ изъ сосѣдняго будуара выпорхнула ея щедрая сестрица, подъ руку съ другой дамой. Старая дѣва была одѣта швейцарскою поселянкой; двѣ фальшивыя косы, распуценныя по спинѣ, и толстый, какъ штукатурка, слой бѣдилъ и румянь довершали ея туалетъ. Она выбѣжала въ припрыжку на средину комнаты и, схвативъ свою спутницу за креповыя крылья, привязанныя за плечами, воскликнула тономъ семилѣтней дѣвочки и немилосердо картава:

— Посмотрите, какую я бабочку поймала.

Бабочка, въ отвѣтъ на это, засмѣялась звонкимъ, откровеннымъ смѣхомъ, отчего у нея на щекахъ и вокругъ рта образовался цѣлый десятокъ ямочекъ. Поселянка не захотѣла отстать отъ нея, закинула назадъ голову и выдѣлала престранную гамму, доходившую до поразительно высокихъ нотъ и долженствовавшую изображать смѣхъ. Окинувъ послѣ этого всѣхъ убійственно-кокетливымъ взглядомъ, она замѣтила меня, губы ея сложились въ привѣтливую улыбку, показавъ дурные зубы, и она граціозно поманила меня пальчикомъ.

Я послѣдшилъ подойти.

— Подите, подите сюда, медвѣдь, дикарь, залелетала дѣва.— Вотъ, постоитъ, я васъ познакомлю съ моею бабочкой; она васъ расшевелитъ. Это М. Невицынъ, а это моя душка, мой котеночекъ, Софи. У, злодѣйка я тебя зацѣлаю

Послѣднее слѣдовало понимать не въ собственномъ значеніи. Дѣва только лискнула, сдавила руками талию Софи и мазала по ея хорошенькому личику ухомъ и щекой, усердно разрисованными карминомъ. Губы свои она берегла, боясь чтобы не потускъ ихъ коралловый блескъ.

Бабочка незамѣтно сняла ея руки съ своей талии и скакала смѣясь:

— Однако ты умѣешь рекомендовать, Тоничка. М. Не-

вицына, мнѣ кажется, не слишкомъ далеко подвинуло то что меня зовутъ котеночекъ Софи.

— Pardon, monsieur, прибавила она, обращаясь ко мнѣ. — Il faut que je décline moi-même mes titres: Софья Петровна Вельчинская.

Я снова поклонился ей и, пока Тоницка приходила въ неистовый восторгъ отъ своего наивнаго неумѣнья, попросилъ новую знакомку уступить мнѣ какую-нибудь кадрили.

— Я уже ангажирована на всѣ. Ахъ нѣтъ, слыхватилась она вдругъ, — мой кавалеръ на вторую кадрили бодеетъ.

— Такъ позволяете мнѣ замѣнить его.

— Извольте.

Съ этими словами она обернулась къ Тоницкѣ и показала мнѣ глазами на ея кислую мину. Я послѣдствіемъ сказалъ:

— А вы которую позволите мнѣ танцевать съ вами?

— Первую. Я берегла ее для васъ, добавила она, понизивъ голосъ и томно прищуривъ глазки.

Изъ залы раздались звуки оркестра.

— Ахъ вальсъ! Я обожаю вальсъ!

И Антонина Петровна съ дѣтскою стремительностью положила руку мнѣ на плечо. Мы завертѣлись.

Софья Петровна летала по залѣ уже со вторымъ кавалеромъ. Я заглядѣлся на нее. И въ самомъ дѣлѣ бабочка!

Представьте себѣ молоденькую женщину, почти ребенка, чрезвычайно миниатюрную, съ изящными, мелкими чертами, съ большими, черными, широко раскрытыми глазами, съ улыбкой искренняго, дѣтскаго веселья, не сходившей съ хорошенькихъ губъ, сверкавшей во всѣхъ ямочкахъ кругленькаго личика, при этомъ ямочки на локтяхъ и на плечахъ, какъ у маленькихъ дѣтей. А какъ шелъ къ этой восхитительной фигуркѣ фантастическій костюмъ въ стилѣ Louis XV! Воздушная бѣлая юбка съ пышнымъ рюшег, усыпанная разноцвѣтными бабочками, оставляла на виду, немного выше щиколки, стройную ножку въ голубомъ башмачкѣ, съ огромнымъ краснымъ каблукомъ и бабочками вмѣсто бантовъ. Бархатный корсажъ съ поперечными полосами темнокоричневаго и золотистаго цвѣта очень удачно подражалъ тѣмъ бабочки; вмѣсто точекъ которыми оно разукрашено искрились брилліанты. Прическа изъ взбитыхъ и налудренныхъ локоновъ окаймлялась брилліантовыми же усиками, а за пле

чаки были привязаны голубыя крылья съ жилками и тѣнными пятнами. Не я одинъ залюбовался ею въ тотъ вечеръ.

Но вотъ и вторая кадрили. Я пустился отыскивать свою даму.

Мнѣ немного льстило что я буду танцовать съ самою хорошенькою изъ всѣхъ, и я былъ, противъ обыкновенія, довольно веселъ. Проворно обѣжавъ всѣ комнаты, я остановился у отворенныхъ дверей будуара. Софья Петровна болтала съ нѣсколькими дамами; мужчинъ тамъ никого не было, и я не зналъ, войти мнѣ, или нѣтъ. Она, какъ нарочно, не обращивалась въ мою сторону.

Пока я колебался и, конечно, конфузился, какъ всякій мало бывавшій въ свѣтѣ, расположеніе моего духа начало портиться. Мысль что у меня теперь, вѣроятно, преглулая физиономія, и я кажусь всѣмъ очень смѣшонъ, щипнула меня за сердце, самолюбіе шевельнулось; я послѣшилъ упрекнуть себя въ лошлости и мелочности. Но такъ какъ Софья Петровна продолжала стоять ко мнѣ спиной, то я успѣлъ раздражиться, задать себѣ вопросъ: „къ чему я здѣсь?“ и окончательно поласть въ свою обычную колею прежде чѣмъ она замѣтила мое присутствіе.

Уставляя стулья и выдѣлывая первую фигуру, я былъ отчаянно мраченъ и золъ. Софья Петровна поглядывала на меня съ задорною улыбкой.

Антрактъ начался молчаніемъ. Она подождала, не заговорю ли я, вдругъ обратилась ко мнѣ съ вопросомъ:

— Хотите видѣть откуда я взяла мой костюмъ?

Я оглянулся. Что это, насмѣшка, или наивность?

Она засмѣялась и подала мнѣ свой вѣеръ. На немъ былъ артистически нарисованъ хороводъ цвѣтовъ и растѣкомыхъ, олицетворенныхъ въ видѣ граціозныхъ лажей и хорошенькихъ женщинъ. Я хоть и не знатокъ въ подобныхъ вещахъ, но изящный и оригинальный рисунокъ очень завялъ меня.

— Это престаринный вѣеръ, пояснила Софья Петровна. — Онъ принадлежалъ еще прабабушкѣ моего мужа. Я хотѣла было составить цѣлую такую кадрили, да кавалеры вздумали не костюмироваться; одна конечно скудость со стороны всѣхъ насъ. А вѣдь сознайтесь, это было бы прелестно. Въ концѣ, среди самаго grand rond, являлись бы вы, въ видѣ мокрой, надувшейся улитки, и разгоняли бы своимъ присутствіемъ все общество.

— Ну ужъ позвольте мнѣ замѣтить что это рѣшительно несогласно съ натуральною исторіей. Гдѣ же видано чтобы бабочки и стрекозы пугались улитки?

— Намъ начинать, прервала она.

— Ну что же, сказалъ я, когда мы сѣли,—будемъ продолжать нашъ разговоръ объ улиткахъ?

Надо же было какъ-нибудь занимать эту видимо пустую бабенку.

— Въмѣсто отвѣта, она быстро глянула на меня своими черными глазами и спросила ласково, какъ будто извиняясь:

— Вы не сердитесь что я назвала васъ такъ?

— Нисколько, увѣряю васъ.

— И не разсердитесь, если я скажу вамъ правду?

Она такъ хорошо смотрѣла мнѣ въ глаза что я разомъ перемѣнилъ свое мнѣніе и сказалъ ей отъ души:

— Нѣтъ, не разсержусь!

— Дайте честное слово.

— Даю.

Она помолчала съ минуту и вдругъ серьезно спросила:

— Зачѣмъ вы пріѣхали сюда?

— Мнѣ нельзя было отклонить приглашенія не сдѣлавъ положительной невѣжливости.

— Хорошо. Но разъ вы уже здѣсь, зачѣмъ смотрите вы букой?

— У меня можетъ-быть есть горе, Софья Петровна.

— Мнѣ сказывала Тоничка. Только знаете ли на вашемъ мѣстѣ я бы ни за что не выказала своего горя при чужихъ людяхъ. Мнѣ думается что это, какъ вамъ сказать, оскорбляло бы мое чувство. Ну, а потомъ.... потомъ, я боялась бы быть.. смѣшной. (Я вздрогнулъ.) Вѣдь вы дали слово не сердиться, помните?

Какимъ милымъ выраженіемъ искрилось ея покрасѣвшее личико; она не хотѣла оскорбить меня. Болѣзненное чувство охватившее меня исчезло.

— Помню, сказалъ я,—и нисколько не сержусь. Даже больше, соглашаюсь что вы совершенно правы.

— Вотъ и отлично, а теперь начинайте фигуру!

— Софья Петровна, заговорилъ я олять въ антрактѣ,—позвольте мнѣ быть у васъ.

— Выслушайте прежде отъ своей мрачности. Предупреждаю впередъ что я укажу вамъ дверь, какъ только вы замуритесь.

— Я не буду.

— Какая кротость. Побожитесь!

— Ей Богу.

Софья Петровна такъ раскохоталась что принуждена была закрыться вѣеромъ.

— Ну хорошо, выговорила она наконецъ.—Проводите меня послѣ кадрили къ мужу.

Послѣ кадрили она познакомила меня съ худощавымъ господиномъ лѣтъ двадцати пяти, одѣтымъ съ немного педантическою безукоризненностью и очень смахивавшимъ на Англичанина.

На другой день я поѣхалъ къ нимъ съ визитомъ. Меня принялъ самъ Вельчинскій въ изящной tenue de matin и безподобнѣйшей сорочкѣ. Не успѣлъ еще онъ пригласить меня садиться, какъ изъ соседней съ гостиной комнаты раздался голосъ Софьи Петровны.

— Съ кѣмъ это ты, Georges?

— Съ М. Невидинымъ, душа моя.

— Войдите сюда.

— Но вѣдь ты, кажется, не одѣта..

— М. Невидинъ извинить. Ты ужъ черезчуръ придержи-вашься этикета.

Вельчинскій поднялся съ кресла и умѣреннымъ, безупречно-красивымъ жестомъ пригласилъ меня слѣдовать за нимъ. Мы вошли въ маленькую гостиную, кокетливо убранную розовымъ атласомъ и вишневымъ бархатомъ. Софья Петровна сидѣла на кушеткѣ подобравъ подъ себя ножки. На ней былъ бѣлый утренній капоть, весь въ кружевахъ. Темно-каштановые волосы распущены длинными кудрями и немного влажны—видно что она недавно смыла съ нихъ вчерашнюю пудру. На колѣняхъ у нея колошились двое прехорошенькихъ котятъ.

— Здравствуйте, сказала она мнѣ и улыбнулась такъ что показала всѣ свои ямочки. — Дайте-ка посмотрѣть на себя...

— И рѣшить, слѣдуетъ ли указать мнѣ дверь? прервалъ я ее, смѣясь.

— Вы угадали.

— Такъ какое же ваше рѣшеніе, Софья Петровна?

— На первый разъ можете остаться. А чтобы вамъ было съ кого брать примѣръ, извольте познакомиться съ моими котятами. Каковъ вотъ этотъ сѣренькій! Особенно въ салфе-

точкѣ. Она взяла конецъ своего широкаго рукава и завѣсила имъ котенка: тотъ разсердился и оцарапалъ ей руку. Софья Петровна прибила его, сдвинула отъ боли брови и посадила другаго котенка на голову сѣренькому. Началась драка. Она пресеріозно дразнила ихъ, словно дѣло дѣлала.

— Однако что же вы все молчите? обратилась она вдругъ къ намъ.—Представленіе я что ли вамъ даю, или не знаете о чемъ говорить? Ну, въ судѣ скоро, говорятъ, интересное дѣло будетъ: вотъ вамъ и тема.

— А въ самомъ дѣлѣ очень интересное дѣло, подхватилъ Вельчинскій.

Мы заговорили о процессѣ про который толковалъ весь городъ. Софья Петровна замѣтила только: „Ну вотъ и слава Богу!“ и опять занялась своими котятами. Не прошло, впрочемъ, и десяти минутъ, какъ она вдругъ оборвала мужа на полусловѣ.

— Дѣло-то, какъ я вижу, вовсе неинтересное. Позвоните, Georges, и велите подать мнѣ серьги: я забыла надѣть ихъ.

Горничная подала ей коробочку съ великолѣпными опаловыми серьгами.

— Это мой камень, сказала она мнѣ, вдѣвая ихъ въ уши.— А кстати, въ какомъ мѣсяцѣ вы родились?

— Въ сентябрѣ.

— Такъ вамъ надо носить хризолитъ.

— Какой это камень?

— Желтый, очень блестящій камень. Считается предохранительнымъ средствомъ отъ сумашествія.

Въ гостиной пробилъ часъ. Я вспомнилъ что положенные на визитъ полчаса уже прошли и сталъ откланиваться. Софья Петровна протянула мнѣ ручку и крикнула вслѣдъ:

— Совѣтую вамъ купить хризолитъ. Всякому полезно носить сей камень.

Я засмѣялся и не исполнилъ совѣта.

А между тѣмъ не прошло и мѣсяца, какъ я совершенно обезумѣлъ. Я влюбился въ Софью Петровну со всею беззавѣтностью перваго увлеченія. Она, съ своей стороны, не давала никакого повода думать что отвѣчаетъ мнѣ тѣмъ же. Ея кокетливое, почти дерзкое поддразниваніе ничего незначило, какъ я скоро убѣдился; она обращалась точно также и со всѣми. Тѣхъ золотыхъ рѣчей, вырвавшихся у нея среди

шутокъ въ первый вечеръ нашего знакомства, мнѣ не приходилось болѣе слышать. Я вступилъ въ число тридцати ухаживателей, которыхъ такъ пріятно подурачить, зная что ни одному изъ нихъ нечѣмъ похвалиться. Лишней насмѣшки даже не приходилось на мою долю; это могло бы подать надежду.

Я мучился, позволялъ ставить себя въ смѣшное положеніе, кусалъ потомъ отъ бѣшенства руки, проклиналъ ее и любилъ безумно...

Наступила Масляница.

Однажды утромъ пріѣзжаю я къ Вельчинскимъ. Софья Петровна сидитъ въ маленькой гостиной и шьетъ съ чрезвычайнымъ прилежаніемъ.

Я подсѣлъ къ ней. Дѣло, какъ видно, не особенно клеилось. Она безпрестанно колола пальцы и морщась подносила ихъ къ губамъ, приподнимала и перевертывала на воздухѣ дѣтскую кофточку, которую шила, и вдругъ принималась что-то торопливо лороть. Мы просидѣли такъ съ четверть часа.

— Что же вы молчите? заговорила она наконецъ.

— Смотрю на васъ.

— Съ чего же это вамъ пришла охота смотрѣть на меня?

— Какъ же не смотрѣть, когда вы показываетесь намъ въ новомъ видѣ?

— Въ какомъ это новомъ видѣ? Просто шью фуфаячку бѣдавому ребенку.

— Ну да, я вотъ именно и говорилъ про видъ благодѣтельной феи.

— А съ какой бы цѣлью, позвольте спросить, я принимаю эти виды?

— Съ какой цѣлью вы кокетничаете?

Я начиналъ сердиться; меня словно душило.

— Такъ, по вашему, я кокетка?

— Еще бы! И даже изъ самыхъ оласныхъ: вы кокетничаете чувствомъ. Хоть бы вотъ въ данную минуту, или пригласите наше знакомство у Песцовыхъ.

— А почему вы знаете что я кокетничаю? Я, можетъ-быть... люблю васъ...

Она немножко задышалась.

— Такъ не любятъ, Софья Петровна.

— А вамъ нужно доказательствъ?

— Вы смѣтаетесь надо мной!

— Всеконечно смѣюсь!

Она залилась громкимъ смѣхомъ.

— Однако, прощайте; мнѣ пора одѣваться и ѣхать съ визитами.

Она встала и ушла къ себѣ въ уборную. Я поѣхалъ домой.

Одному Богу извѣстно какой день провелъ я. Я пробовалъ и читать, и работать, и просто переписывать, но что-то мучительное, разбитое, олеванное колошилось у меня въ груди и съ болѣзненною настойчивостью лезло на умъ. Наступила ночь, о снѣ нечего было и думать и я остался сидѣть у письменнаго стола.

Часу во второмъ кто-то вдругъ позвонилъ тихонько, разъ, потомъ другой. Мальчикъ мой опалъ въ кухнѣ, совершенно не обитаемой, такъ какъ у меня не готовили дома, и ничего не слышалъ. Волей-неволей, я пошелъ отворять.

Софья Петровна!

Она стояла въ дверяхъ, робко опустивъ руки, въ мѣховомъ плащѣ, наброшенномъ на бальное платье.

Я схватилъ ее на руки, внесъ въ комнату и принялся цѣловать ея голову, руки, платье. Она прижалась къ моей груди и прошептала.

— Ъдемъ скорѣе!

— Куда?

— Въ мое имѣніе. Это всего верстъ шестьдесятъ. Я не могу воротиться домой, я не хочу его обманывать, я ему завтра все напишу, а теперь, ради Бога, ѡдемъ.

— Но вѣдь это невозможно; ты замерзнешь въ своемъ открытомъ платьѣ.

— Ты дашь мнѣ что-нибудь изъ своихъ вещей. Только поскорѣе лошадей.

Видя что всѣ убѣжденія будутъ напрасны при ея напряженномъ состояніи, я отправился на поиски. Съ большимъ трудомъ и за двойную цѣну мнѣ удалось нанять вольныхъ лошадей. По правдѣ сказать, я не отдавалъ себѣ отчета въ томъ что дѣлаю. Случившееся было такъ неожиданно, счастье пришло такъ молно что оглушило меня. Софи прислонилась къ моему плечу и не выговорила ни одного слова въ продолженіе всей дороги.

Мы прибыли на мѣсто когда уже совершенно разсвѣло. Она сейчасъ же написала мужу письмо въ которомъ созналась во всемъ и просила простить что оставила его. Отпустивъ посланнаго, она подошла ко мнѣ, схватила мои руки, закрыла ими себѣ лицо и зарыдала.

Боже мой, она ли это?

Вельчинскій, въ отвѣтъ, прислалъ ей ея вещи, видѣ на свободное прожительство и коротенькое письмо, гдѣ заявлялъ что не въ его принципахъ стѣснять чью бы то ни было свободу и нарасно только она не устроила все безъ скандала. Можно бы подъ какимъ-нибудь предлогомъ уѣхать за границу; вышло бы много благовиднѣе. Прочтя эту сдержанную и репроницаемо-холодную записку, Софи пришла къ тому заключенію что онъ очень огорченъ. Ей лучше было знать.

Я тотчасъ же подалъ прошеніе объ отставкѣ. Мы залерлись въ деревнѣ. Я добылъ свидѣтельство о болѣзни и съѣздилъ въ В.... только разъ, сдать должность; Софи совсѣмъ ни куда не показывалась.

Въ половинѣ поста мы переселись въ Петербургъ. У нея независимое состояніе, я занялся адвокатурой.

И эту женщину мнѣ разлюбить!

V.

Я всталъ съ головою болью и твердою рѣшимостью не измѣнять Софи. Чтобы постороннія мысли не шли на умъ, думалъ я, лучше всего заняться ея дѣломъ. Настоящей цѣлью моего пріѣзда въ Парашино было устройство разверстанія съ крестьянами въ ея имѣніи, лежавшемъ по близости. Управитель писалъ такіе ужасы о строптивости и ни съ чѣмъ не сообразныхъ требованіяхъ мужиковъ что заставилъ усомниться въ истинѣ своихъ показаній; я пріѣхалъ въ качествѣ повѣреннаго помѣщицы разузнать въ чемъ дѣло.

Напившись чаю, я отправился прямо на мѣсто. Проѣхать приходилось всего верстъ десять. Крестьяне, сверхъ чаянія, оказались очень стоворчивыми, тѣмъ боаѣе что я, имѣя полномочіе распорядиться какъ мнѣ угодно, предложилъ имъ совершенно выгодныя для нихъ условія. Угостивъ ихъ водкой, я, предъ вечеромъ, воротился домой.

На слѣдующее утро я написалъ письмо Софи, извѣщая ее объ успѣшности моихъ переговоровъ съ крестьянами и обѣщая всеелпрѣмѣнно воротиться черезъ двѣ недѣли, и то только потому такъ не скоро что въ противномъ случаѣ мнѣ вовсе не придется увидѣться съ Пронимымъ, уѣхавшимъ въ свое степное имѣніе. Я былъ въ болѣзненно страстномъ и нѣжномъ настроеніи и это отозвалось и въ моемъ письмѣ.

Потомъ я тщательно пересмотрѣлъ планы и бумаги, написалъ посреднику, еще разъ побывалъ въ имѣніи и въ продолженіи четырехъ дней дѣйствительно почти не вспоминалъ о сосѣдяхъ. Но одна изъ сосѣдокъ не забыла меня. Я только что собирался, вечеркомъ, пойти посмотрѣть на постройку, какъ въ комнату ко мнѣ ворвался Петруша, провожаемый недоброжелательнымъ взглядомъ Максима, весьма не жаловшаго такого *сорванчества*.

— Я за вами, закричалъ юноша еще изъ передней.

— Попросите, пожалуйста, Пелагею Васильевну извѣстить меня, отвѣтилъ я;—мнѣ право нельзя. Я буквально заваленъ дѣлами.

— Вздоръ! Чтѣ вы такое особенное услѣдете сдѣлать въ выѣзній вечеръ? Мамаша не велѣла возвращаться безъ васъ; ѣдьте!

— Увѣряю васъ что мнѣ было бы чрезвычайно пріятно, но я рѣшительно не могу.

— Послушайте, не ставьте же меня въ такое ужасное положеніе, жалобно произнесъ Петруша, съ шумомъ усаживаясь на столъ.—Мнѣ житья отъ матери не будетъ!

Ему самому стало смѣшно.

— Впрочемъ и для васъ лучше ѣхать сегодня. Завтра она собирается лично явиться за вами и вѣдь тогда ужъ васъ въ гробъ положить своею архитектурой. Сегодня же у васъ гости и потому опасность все-таки не такъ велика.

Я нехотя покорился.

У Пелагеи Васильевны я засталъ нѣсколько барынь и барышень, церемонно сидѣвшихъ вокругъ стола въ гостиной и кушавшихъ варенье. Изъ мушкетѣровъ были мужья и отцы этихъ дамъ, очень недовольные что имъ не дали выспаться вслѣдствіе послѣ обѣда, и сынки и братцы, почти всѣ еще очень молодые и очень конфузившіеся: кто откровенно, а кто прикрываясь неловкою развязностью. Былъ еще одинъ уже пожилой господинъ, замѣтно ухаживавшій за Новой Николаев-

ной, или за ее приданнымъ. Я видалъ его и прежде. Довольно ограниченный отъ природы, онъ считалъ себя чрезвычайно остроумнымъ и влюбдимымъ соперникомъ въ спорѣ. Остроуміа его, впрочемъ, хватало только на передѣлываніе фантій неприятныхъ ему личностей такъ чтобы вышла какіи-нибудь образомъ медвѣжья клочка, окончаніе на дуркня, и т. п. Секретъ же того что въ спорѣ послѣднее слово всегда оставалось за нимъ заключался просто въ его манерѣ тотчасъ переходить въ дерзости, такъ что противнику оставалось или обидѣться и тѣмъ поставить себя въ смѣшное положеніе, или поскорѣе прекратить состязаніе, что онъ обыкновенно и дѣлалъ.

Я пріѣхалъ въ дурномъ расположеніи духа и просто взбѣсился отъ потока пріѣтствій и упрековъ хозяйки, а потоку отнесся очень холодно какъ къ старымъ знакомымъ, съ которыми пришлось тутъ встрѣтиться, такъ и къ тѣмъ которымъ меня вновь представили. Новѣ Николаевнѣ я поклонился крайне сухо и старался не смотрѣть на нее. Въ душѣ я сильно боялся чтобы не возобновилось впечатлѣніе произведенное ею на меня въ первый разъ и почувствовалъ ужасную ненависть къ одной изъ дѣвицъ которая принялась упрашивать ее слѣть. „Глухая трещетка“, мысленно выбранилъ я всѣхъ барынь поддержавшихъ просьбу дѣвицы. Съ мучительною тревогою, сознавая всю невозможность своего плана, принялся я искать предлога какъ-нибудь помѣшать этому и успокоился только когда раздались первыя ноты.

Пѣніе Ноны Николаевны на этотъ разъ далеко не такъ подѣйствовало на меня. Въмѣсто оригинальнаго мотива, такъ сильно поразившаго меня тогда, она пропѣла небольшую арію изъ оперы, очевидно, разученную съ учителемъ; пропѣла вѣрно и со вкусомъ, но голосъ ея былъ слишкомъ великъ для гостиной Пелагеи Васильевны и мягкость его тембра терялась вслѣдствіе дурнаго резонанса. Къ тому же эффектная обстановка дѣса и рѣчки, при свѣтѣ потухающаго дня, смѣнилась теперь обыкновенною комнатою въ помѣщеніи домѣ, вдобавокъ еще наполненной шуршащими юбками, на которыхъ не пожалѣли крахмала. Я былъ такъ радъ что она пѣла хуже нежели въ тотъ разъ, что отъ души присоединился къ другимъ гостямъ когда тѣ рассыпались въ похвалы. У меня точно гора свалилась съ плечъ, и я даже повсмыслу разговорился съ моимъ сосѣдомъ, толстымъ

помѣщикомъ. Оказалось что помѣщикъ читалъ газеты, и, какъ бывшій военный, любилъ потолковать о разныхъ улучшенияхъ по этой части. Другой, уже совершенно сѣдой баринъ принялся доказывать что все это можно было бы сдѣлать гораздо лучше и высказалъ свой собственный проектъ; онъ у него всегда были наготовѣ по всѣмъ предметамъ. Мнѣ трудно было поддерживать этотъ разговоръ, такъ какъ даже и по газетамъ мало слѣдилъ за военными улучшениями между тѣмъ какъ мои собесѣдники, хоть и не отличавшіеся особенною ученостью, чуть не цѣликомъ цитировали *Русскій Инвалидъ*. Я незамѣтно свелъ рѣчь на значеніе войны вообще, желая, по возможности, вовлечь въ разговоръ и другихъ членовъ общества. Въ результатѣ вышло только то что скоро я оказался одиноко ораторствующимъ, среди общаго молчанія, о томъ блаженномъ времени когда не будетъ больше войны, когда всѣ народы сольются въ братскую семью. Природа не обидѣла меня краснорѣчіемъ; я увлекся, такъ что даже не замѣтилъ оборотной стороны медали, хоть бы на примѣръ, неумѣстности моей вдохновенной импровизаціи среди невыславшихся помѣщиковъ. На этотъ разъ мнѣ еще по правдѣ сказать, развязала языкъ сверкнувшая вдругъ мысль что это, кажется, должно быть въ духѣ Новы Николаевны и инстинктивно проявившееся желаніе чуть-чуть порисоваться предъ нею, произвести на нее впечатлѣніе, и отместку за то что она сама заставила меня ощутить.

Но когда я взглянулъ на нее, когда встрѣтился съ ея внимательно устремленнымъ взглядомъ, мнѣ вдругъ стало странно стыдно, и я остановился. Это прелестное лицо, нѣсколько приподнятое сложенными, изящными, точно изваянными рѣсниками, такъ незаучено граціозно опиравшимися на столъ, эти большіе, серіозно смотрѣвшіе глаза свѣтились такимъ чистымъ одушевленіемъ что мнѣ показалось будто я совершилъ святотатство.

Пожилой господинъ, непобѣдимый въ спорахъ, восполнялся происшедшею отъ этого паузой чтобъ однимъ ударомъ сразить меня.

— Псмилуйте, презрительно изрекъ онъ, — да въ нашъ вѣкъ вѣрить такимъ бездѣльнымъ фантазіямъ смѣшно и доказываетъ незрѣлость мысли.

Выходка эта имѣла обычный успѣхъ. Я оглянулся на чудака и конечно не счелъ нужнымъ отвѣчать ему, тѣмъ

богѣ что у меня совершенно прошла охота продолжать этотъ разговоръ. Но Нона Николаевна вступилась за меня и принялась было горячо доказывать что это вовсе не бездѣльно и вовсе не смѣшно. Мнѣ было тяжело слышать ее. Получивъ въ отвѣтъ что она становится еще красивѣе когда горячится, и что увлекаться такъ естественно въ ея возрастѣ, она чуть-чуть не разсердилась, но удержалась и чтобы разомъ прекратить разговоръ предложила танцовать.

— Извольте-ка лучше приглашать даму и визави, обратилась она къ Б—, сіязшему восторгомъ отъ своего умѣнья вести разговоръ съ дамой.—Я буду играть, пока готовятъ чай.

— Я стану перевертывать воты, предложилъ онъ.

Но Нона Николаевна поблагодарила и сказавъ что играетъ наусусть, пошла было къ роялю. На поддорогѣ она что-то вспомнила, вернулась назадъ и подошла ко мнѣ.

— Вы танцуете? спросила она.

Я чувствовалъ себя ужасно виноватымъ предъ нею и отвѣчалъ смиренно:

— Да, если не достанетъ кавалера; хотя мнѣ вовсе не хотѣлось танцовать.

Она быстро окинула глазами присутствующихъ и сказала:

— Не достанетъ. Пойдемте, я представляю васъ дамѣ.

Я всталъ и покорно пошелъ за нею. Она подвела меня къ полстенькой, весьма не дурной дѣвушкѣ, которую я и ангажировалъ, попросивъ Б— быть моимъ визави. Тотъ выбралъ единственную замужнюю даму, уже не молодую но сильно желавшую молодиться. Она собиралась отказаться отъ тако-го, какъ она выразилась, вынужденнаго приглашенія, но подумала и согласилась. Мою даму нечего было занимать, она сама болтала безъ умолку и поминутно смѣялась. Послѣ чаю устроились *petits jeux*, непремѣнная принадлежность деревенскихъ сборищъ, и мнѣ не пришлось ни слова сказать съ Ноной Николаевной. Да я бы и не осмѣлился, меня ужъ слишкомъ тяготило сознание моей вины. Прощаясь она ласково взяла на меня и крѣпко пожала мнѣ руку.

Это за мою давшиннюю-то живость! упрекнулъ я себя, а сердце вдругъ такъ забилось что я не помню какъ вышелъ, какъ съѣлъ въ ѣкипажѣ и какъ очутился дома: Кончено, все оборвалось! стояло у меня въ головѣ.

VI.

Я влюбился въ Нону Николаевну, влюбился безумно, без надежды. Если первое чувство сдѣлало меня способнымъ къ всякимъ сумасбродствамъ, въ угоду любимой женщины, то теперь, кажется, я былъ готовъ на преступленія.

Посвѣщенія мои въ Грачевку сдѣлались ежедневными. Безъ ролота, по цѣлымъ часамъ, рисовалъ Пелагеѣ Васильевнѣ всякіе готическіе и не готическіе эскизы, лишь бы только она была здѣсь, или хотя говорилось о ней.

Въ послѣднемъ не было недостатка, благодаря Прасковѣ Ивановнѣ. Изъ ея неистощимыхъ, наивныхъ разказовъ зерно за зерномъ навизывалъ дѣтство и недавнее прошлое этой дѣвушки, такъ неожиданно и всецѣло овладѣвшей мною.

Нона Николаевна не помнила матери; она потеряла ее по дутора года отъ рожденія. Лѣтъ до восьми дѣвочка была вполнѣ предоставлена попеченіямъ Прасковьи Ивановны своей бабушкѣ съ отцовской стороны; Николай Степановичъ Волжинъ, постоянно занятый уѣздною политикою и псовой охотою, рѣдко бывалъ дома и еще рѣже видалъ дочь.

Послѣ одной попытки, кончившейся весьма неудачно, онъ и не пробовалъ болѣе вступаться въ ея воспитаніе. Дѣла было такъ: маленькая Нонушка зашла однажды предъ вечернимъ чаемъ въ кабинетъ отца; тотъ только-что проснулся и, по неизмѣнному обычаю, облекшись въ халатъ докуривалъ свою ежедневную порцію. Дѣвочки дали какую-то книгу, и она ушла принимать отъ прачки бѣлье, а самого Николая Степановича позвали въ скорости для какихъ-то совѣщаній со старостой.

Воротившись черезъ часъ въ кабинетъ, онъ не нашелъ тамъ дочери и, заводя лежавшіе на столѣ карманные часы замѣтилъ что они испорчены, видно было что какая-то умѣлая рука пробовала завести ихъ. Николай Степановичъ предположилъ что это нашла Нонушка и отправился въ половину матери.

Малютка пила чай подлѣ бабушки. Онъ показалъ ей свои карманные часы и спросилъ не она ли это сдѣлала. Дѣвочка съ нѣкоторымъ любопытствомъ посмотрѣла на часы и на томъ совершенно спокойно отвѣтила „нѣтъ“.

Отец счелъ нужнымъ повторить свой вопросъ и получилъ опять тотъ же отвѣтъ, но уже произнесенный нѣскольکو обиженнымъ тономъ; бабушка всегда вѣрила ей съ перваго слова.

Видя что ребенокъ не сознается, Николай Степановичъ сердито крикнулъ „ты лжешь!“

Нонушка поблѣдѣла, глаза ея сверкнули, и она проговорила немного дрожащимъ голосомъ: „Нѣтъ я не лгу, а ты лжешь, папа“. Отецъ взбѣсился, схватилъ малютку за руку, вытащилъ ее на средину комнаты и поставилъ на колѣна, называя лгуней и грубиянкой. Онъ объявилъ что не проститъ ея пока она не сознается въ своей винѣ.

Нонушка не заплакала; она скрестила руки и смотрѣла прямо въ глаза отцу съ страшно блѣднымъ лицомъ и крѣпко сжатыми губами.

Николай Степановичъ въ продолженіи получаса ждалъ что она попроситъ прощенія; но она молчала и продолжала смотреть на него. Ему стало даже какъ будто жутко и онъ ушелъ къ себѣ.

Бабушка, обливаясь слезами, подошла къ дѣвочкѣ и стала уговаривать ее попросить прощенія; та только мотнула головой и осталась на колѣняхъ. Часа черезъ три ея подняли въ обморокъ, за которымъ послѣдовалъ нервный припадокъ, такъ что испуганный отецъ принужденъ былъ послать въ городъ за докторомъ.

Винновымъ въ порчѣ часовъ оказался казачокъ Николая Степановича, котораго дядя черезъ два засталъ за развѣчиваніемъ подзорной трубы; но, съ этихъ поръ, Нонушка никогда не входила къ отцу, несмотря на всѣ его ласки.

Николай Степановичъ, послѣ этого случая, сталъ какъ будто побаиваться своей дочери и не позволялъ себѣ даже слышать ей выговора. Бабушка, съ своей стороны, не запрещала ей ничего, и такимъ образомъ дѣвочка росла совершенно на свободѣ. Она цѣлые дни была на воздухѣ, рылась въ землѣ, и съ самыхъ раннихъ лѣтъ пристрастилась къ садоводству.

Прасковья Ивановна попробовала ее учить; но собственныя познанія старушки были очень малы и смутны; она не сумѣла заинтересовать живаго и впечатлительнаго ребенка, и ученіе пошло очень плохо, такъ что въ восемь лѣтъ Нонушка едва умѣла читать, и всякое дачное слово

было для нея истиннымъ мученіемъ. Въ это время Николаі Степановичъ вздумалъ отдать ее въ институтъ.

Нонушка даже обрадовалась что ей придется жить съ другими дѣвочками. У нея не было товарищей: единственнымъ ребенкомъ въ дворѣ былъ маленькій сынъ кучера, но ему было всего два года, и Нонушка хоть и ласкала его постоянно, но къ любви ея примѣшивалось слишкомъ большое сознаніе своего превосходства. Переѣзжая мѣста пріятно подѣйствовала на дѣвочку, не видавшую ничего кромѣ стариннаго помѣщичьяго дома и полузаланушеннаго сада съ когда-то стриженными аллеями; во время всей дороги она была очень весела и съ любопытствомъ высовывалась изъ окна кареты, особенно когда на третій день путешествіе на долгихъ благополучно завершилось прибытіемъ въ Москву. Но когда въ институтской пріемной пришлось прощаться съ плачущею бабушкой, она съ воплемъ повисла на шеѣ старушки; съ трудомъ разжали ея судорожно стиснутые пальцы.

Много горя ждало Нонушку въ стѣнахъ института: постоянный надзоръ, невозможность выдти изъ комнаты безъ позволенія, заняться чѣмъ хочется и когда хочется; всѣ эти мелочи монокотной жизни въ закрытомъ заведеніи были невыносимо тяжелы для дѣвочки выросшей среди неограниченной свободы. Къ этому присоединились насмѣшки сверстницъ надъ ея мальчишескими манерами, невѣжествомъ и даже самою наружностью, которая казалась очень странною для дѣвочкамъ.

Нонушка задумала бѣжать. Ей это, конечно, не удалось: ея хватились въ дортуарѣ, нашли заблудившеюся въ корридорахъ и наказали. Она опасно заболѣла и доктора посоветовали взять ее изъ заведенія.

Возвращеніе въ деревню благотѣльно подѣйствовало на нее: она быстро оправилась и въ продолженіе полугода жизни ея шла прежнимъ порядкомъ. Объ ученіи не было и помину: бабушка даже почувствовала къ нему нѣкоторую вражду считая его виновникомъ всѣхъ бѣдъ.

Въ это время въ сосѣднее имѣніе пріѣхала гостить къ старику отцу бывшая подруга Нонушкиной матери; она съѣздила визитъ Прасковьи Ивановны и выразила желаніе познакомиться съ Нонушкой своею маленькую дочь.

Прасковья Ивановна собралась черезъ недѣлю отвѣтить ей на визитъ. Нонушку нарядили въ бѣлое платьице съ

голубыми бавтами, причемъ бабушка пришла въ отчаяніе отъ того что она загорѣла какъ Цыганка; она разъ до трехъ заставляла ее умываться огуречнымъ молокомъ и тереть лицо, шею и руки миндальными отрубями. Не меньше хлопотъ было съ ея густыми, кудрявыми волосами, которыя никакъ не хотѣли лежать гладко и все ладали ей на глаза. Наконецъ, послѣ часоваго путешествія (предстояло проѣхать не болѣе шести верстъ, но Прасковья Ивановна боялась лошадей и ѣздила всегда шагомъ), послѣ частыхъ остановокъ и вымѣзаний на всякомъ пригоркѣ, бабушка и внучка вошли въ гостиную сосѣдей Бѣжецкихъ. Молодая хозяйка радушно встрѣтила ихъ и тотчасъ послала за своею дочерью Леночкой, которая и не замедлила явиться въ сопровожденіи гувернантки. Мше Бѣжецкая представила дочь обѣимъ гостямъ.

Леночка, миленькая блондинка съ голубенькими глазками и тщательно причесанною головкой, сдѣлала реверансъ и, взявъ за руку Нонушку, спросила по-французски, не хочетъ ли она идти въ садъ. Нонушка вспыхнула и на глазахъ у нея навернулись слезы; хозяйка и ея дочь сконфузились, а Прасковья Ивановна, желая поправить дѣло, принялась утѣшать внучку, чѣмъ, конечно, еще болѣе увеличила всеобщее смущеніе.

Эта маленькая сцена сдѣлала глубокое впечатлѣніе на Нонушку: она была все время молчалива и принужденна, несмотря на усердныя старанія Леночки занять ее. Бабушка замѣтила что она не сказала ни слова во время обратнаго пути, не стала ужинать и безлокойно ворочалась всю ночь. Прасковья Ивановна даже окликнула ее нѣсколько разъ; но она сдѣлала видъ что спитъ. На слѣдующій день, послѣ чаю, она вдругъ, вмѣсто того чтобъ идти въ садъ, подошла къ бабушкѣ и сказала ей:

— Я хочу учиться.

— Да вѣдь ты устанешь, голубушка моя, молвила изумленная Прасковья Ивановна.

— Нѣтъ, бабушка, не устану, мнѣ очень хочется.

И она нѣжно поцѣловала старушку.

Прасковья Ивановна взяла книгу. Онѣ просидѣли два часа, и Леночка не выказала ни малѣйшаго нетерпѣнія, тогда какъ прежде тяготилась получасовымъ урокомъ. Бабушка сошла это просто калризомъ, но прилежаніе ученицы скоро разубѣдило ее.

Нонушкѣ взяли гувернантку, пожилую, обрусѣвшую Нѣмку. Почтенная особа эта не могла нахвалиться ученицей. Усидчивое прилежаніе Нонушки тѣмъ больше поражало гувернантку что, по окончаніи класса, дѣвочка совершенно измѣнялась и дѣлалась уже вовсе не похожею на благонаправнаго ребенка. Первое время Каролина Андреевна пробовала приходить въ ужасъ, но дѣло кончилось тѣмъ что Нѣмка махнула рукой и предоставила Нонушкѣ дѣлать что ей угодно.

Попавшееся подъ руку какое-то путешествіе пробудило въ дѣвчкѣ страсть къ чтенію.

Нонушка читала съ жадностію, безъ подготовки, безъ разбора и безъ руководителя и потому, конечно, не все понимала; но она была далеко не глупа, любознательность пробудилась въ ней, и чтеніе болѣе помогло ей развиться и дало ей больше познаній нежели уроки Каролины Андреевны и семинариста, сына священника.

Года черезъ три почтенная Нѣмка скоропостижно умерла и Нонушка убѣдила бабушку переѣхать въ губернской городъ и пригласить учителей. Но ей не пришлось долго пользоваться ихъ уроками; неожиданный случай прервалъ ея воспитаніе на шестнадцатомъ году. Съ Николаемъ Степановичомъ сдѣлался ударъ, лишившій его употребленія ногъ и правой руки. Больной не соглашался переѣхать въ городъ, а такъ какъ его нельзя было оставить на попеченіи слугъ, то Прасковья Ивановна и Нонушка принуждены были воротиться въ деревню. Для Нонушки это было тѣмъ грустнѣе что приходилось оставить уроки лѣвія, которые она только не давно начала брать и къ которымъ успѣла уже пристраститься, такъ какъ въ городѣ случайно нашлся очень дѣльный и знающій учитель. У нея, вообще, были огромныя музыкальныя способности и она, еще учась у Каролины Андреевны далеко обогнала ее.

Поселившись въ деревнѣ, Нонушка стала нѣжно ухаживать за больнымъ отцомъ; но бабушка дѣлила съ нею заботы о немъ, и, такимъ образомъ, у нея оставалось много свободнаго времени, которое она отдавала чтенію и музыкѣ.

Въ то время когда судьба свела меня съ нею, Никола Степановича уже полтора года какъ не было на свѣтѣ. Но на Николаевна первое время послѣ его смерти продолжал вести тотъ же образъ жизни. Теперь она, по желанію бабушки, пріѣхала погостить на лѣто къ Пелагеѣ Васильевнѣ.

Что шевелилось въ молодой головѣ и молодой груди ея?

VII.

Май подходилъ къ концу. Такое положеніе дѣлъ становилось невозможнымъ; надо было кончить, такъ или иначе. Я цѣлыхъ два дня не заглядывалъ въ Грачевку, чтобъ образумиться. Очевидно мнѣ слѣдовало уѣхать и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше. Я собрался съ духомъ и отправился проститься. Утро было великолѣпное. Въ передней встрѣтился мнѣ Петруша. Мы поздоровались.

— Что же это васъ не видно было? спросилъ онъ.—А мы сейчасъ ѣдемъ на именины къ предводителю. Мамаша одѣвается. Слышите? прибавилъ онъ, когда мы вошли въ гостиную.

Изъ уборной Пелагеи Васильевны, расположенной рядомъ, раздавались отчаянные вопли:

— Гдѣ рукавичкѣ, гдѣ рукавичкѣ? Дуляша! Аннушка! Вотъ ты всегда такъ. Съ вами ни за что не одѣнешься, чистое наказаніе Божіе!

— Да вы извольте оглянуться, вѣдь онъ у васъ на тувалетѣ. Ужь у господъ, извѣстно, завсегда горничная виновата. Жисти съ вами радъ не будешь!

— Не ворчи, не ворчи; я этого терпѣть не могу. Гдѣ картонка съ наколкой? Да не эта, Господи Боже мой.... уф-ф-фъ!...

— Гдѣ Нона Николаевна? спросилъ я Петрушу.

— Она пошла нарвать букетъ.

— Я пройду къ ней.

— Вотъ и прекрасно. А я потороплю мамашу.

Я сошелъ въ садъ. Старыя деревья огромнаго парка стояли неподвижно: день обѣщаль быть жаркимъ. Весеннія растенія были въ полномъ цвѣту. Пелагея Васильевна одно время была помѣшана на ортикультурѣ и выписала множество рѣдкихъ кустовъ; часть ихъ существовала до сихъ поръ. Я прошелъ длинною липовою аллеей и повернулъ на небольшую поляну, засаженную разными сортами сиреней.

Нона Николаевна стояла у одного изъ кустовъ и старалась достать довольно высокую вѣтку. Подлѣ, на каменной скамѣ, лежалъ большой букетъ. Услыжавъ мои шаги, она обернулась и пошла ко мнѣ на встрѣчу, подбирая длинную юбку своего бѣлаго кисейнаго платья.

Боже мой, какъ она была хороша!

— Посмотрите какой великолѣпный букетъ, сказала она весело, протягивая мнѣ руку. — Что за прелесть вотъ эта вѣтка сирени, какая кружная, какой превосходный цвѣтъ. Садитесь, а я сорву еще вѣтку....

Я опустился на скамейку. Она опять потянулась къ кустарнику. Страшная минута наступила. Я чувствовалъ что у меня холодѣютъ руки и ноги и вотъ, вотъ сдѣлается дурно. Я сдѣлалъ отчаянное усиліе.

— Нона Николаевна, заговорилъ я,—я пріѣхалъ проститься съ вами.

Она уронила вѣтку и испуганно обернулась ко мнѣ.

— Вы уѣзжаете? почти вскрикнула она, и ея чудный голосъ дрогнулъ.

— Да, я уѣзжаю. Я долженъ ѣхать.

Она побѣдѣла и стояла неподвижно съ опустившимися руками. Я такъ любилъ ее! Развѣ я помню какъ вырвался у меня безумный стонъ:

— Я люблю васъ, Нона Николаевна!

Она быстро подняла на меня глаза. Яркая краска облила ея лицо.

— Зачѣмъ же уѣзжать? заговорила она.—Я тоже люблю васъ.

— Вы, Нона Николаевна?! О Боже!... Нонушка!

Все закружилось въ моей бѣдной головѣ; я упалъ лицомъ на скамью.... Чуждые руки легли на мои плеча. Я подвѣлъ голову. Какъ глядѣли на меня ея чудные, алмазные сѣрые глаза!

— Нанну! послышался съ балкона голосъ Пелагеи Васильевны.—Я готова, ѣдемъ!

Она подняла цвѣты, еще разъ взглянула на меня и проворно ушла домой.

Сутки прошли въ какомъ-то ослѣпленіи. Она любитъ меня! Я не могъ ни спать, ни думать.... Я не мечталъ, не строилъ плановъ, страшная мысль о томъ что вылететь изъ этого не приходила мнѣ въ голову. Безумное настоящее охватило меня всего. Я пришелъ въ себя только когда вспомнилъ что увижу ее опять сегодня. Я посмотрѣлъ на часы: еще рано. Они, по всей вѣроятности, ночевали въ гостяхъ и теперь еще не вернулись.

Я утѣлся на крыльцѣ; отъ горячаго, душнаго неба вѣяло же нѣгой, а какимъ-то мучительнымъ сладострастіемъ. Я

сталъ ждать вечера. Предъ обѣдомъ, совершенно неожиданно пріѣхалъ Пронинъ, страшно загорѣлый, веселый. Максимъ выскочилъ къ нему съ сіяющею физиономіей и приложился къ плечу.

— Здравствуйте, сударь! Съ пріѣздомъ, батюшка.

Тотъ поцѣловалъ старика и бросился обнимать меня.

— Ну что, заждался, старый дружище? весело спросилъ овъ.

— Скажи прежде какъ кончилъ дѣла.

— Отлично. Послѣ все расскажу, а теперь бы поскорѣе выкупаться. А у васъ тутъ все благополучно? Былъ ты въ Грачевкѣ?

— Какъ же.

— Всѣ ли здоровы?

— Слава Богу.

— Ну и отлично. А къ тебѣ есть письмо съ почты. Отъ Софьи Петровны, если не ошибаюсь.

Меня словно чѣмъ ударили по головѣ. Я насилу успѣлъ схватиться за дверную ручку. Пронинъ, между тѣмъ, уже вынулъ изъ сумки роковой конвертъ и передалъ мнѣ. Какъ поддался я къ себѣ въ комнату, какъ распечаталъ его, какъ потомъ сидѣлъ за обѣдомъ и слушалъ рассказы Андрея Алексѣевича, все это представляется мнѣ очень смутно, словно было не со мною. Письма этого я такъ и не дочелъ до конца. Первыхъ строкъ было достаточно.

„Я все молчала, хорошій мой, писала Софя, а тебѣ, пожалуйста, ужъ и Богъ знаетъ что приходило въ голову. Ну, да ты поймешь отчего это случилось. Сестра Лидія писала мнѣ что до нея дошли слухи о его смерти. Не скажу чтобы я обрадовалась; это было бы ужъ слишкомъ возмутительно; но и не могла же я принять это извѣстіе совсѣмъ равнодушно. Выходить что все это не правда. Милый мой, вѣдь мы не могли бы быть ближе? Вѣдь ты не можешь любить больше, чѣмъ любишь меня теперь? Скажи, вѣдь такъ?...“

Съ этимъ письмомъ я пошелъ въ Грачевку, какъ только Пронинъ легъ отдохнуть съ дороги. Скажу, къ своей чести, что мнѣ не приходило въ голову обмануть Нону Николаевну, скрыть отъ нея все, но, странное дѣло, въ груди у меня повелась смутная надежда что все еще, можетъ-быть, устроится; какъ? я и самъ не зналъ.

Я прошелъ прямо въ паркъ, разчитывая что она навѣрное

гуляетъ. Она, дѣйствительно, шла по одной изъ дальнихъ аллей. Увидавъ меня, она пошла скорѣе, протянула мнѣ обѣ руки и сказала здравствуйте, своимъ чуднымъ, бархатнымъ голосомъ.

Должно-быть на мнѣ лица не было, потому что она вдругъ испуганно взглянула мнѣ въ глаза и спросила: Чтѣ съ вами?

У меня такъ сдавило горло что я не могъ выговорить ни слова. Я вынулъ письмо и подалъ ей. Она послѣдшне схватила его и принялась читать.

Нѣсколько мгновений спустя, я рѣшился взглянуть на нее. Боже мой! у нея даже губы стали совершенно бѣлы, только глаза горѣли какъ-то страшно. Она съ невѣроятною быстротою пробѣжала письмо съ начала до конца и подняла на меня свои согнѣмъ черные глаза.

— Вамъ надо ѣхать, сказала она.

— Но я васъ люблю! вскрикнулъ я, чувствуя что земля уходитъ у меня пзъ подъ ногъ.

— Она васъ любитъ.

— Нона Николаевна, ради Бога, подумайте о себѣ, обо мнѣ. Я васъ люблю; Софи пойметъ, она не захочетъ злоупотребить своимъ правомъ и сдѣлать меня несчастнымъ.

— Замолчите, заговорила она прерывистымъ голосомъ, — не ищите лазѣекъ. Вы не имѣете права жертвовать чужимъ счастьемъ своему собственному. Неужели у васъ хватало бы духа сказать ей что разлюбили ее, когда вы для нея все? Такъ я же не могу, не хочу краденнаго рая!

Я схватилъ ее за руки.

— Нона Николаевна, погодите еще минуточку. — Я умру, я не вынесу.

Она оперлась головой о дерево, сдѣлала усиліе чтобы сложить руки, но я крѣпко держалъ ихъ, и простонала:

— Сжальтесь!

Въ этой мольбѣ было столько страшнаго страданія что я невольно выпустилъ ее руки. Она быстро отдѣлилась отъ дерева и пошла по аллей.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, она внезапно повернулась, подошла ко мнѣ, схватила обѣими руками мою голову и съ не женскою силой прижала ее къ груди. Страстные, безумные поцѣлуи посылались на меня. Я отвѣчалъ подъ ихъ отуманивающимъ потокомъ.

Вдругъ она словно опомнилась, съ неимовѣрнымъ усиліемъ

разжала руки, такъ что даже пальцы хрустнули, и быстро ушла.

Когда я пришелъ въ себя, было уже почти темно: небо заволокло тучами, молнія сверкала часто и ярко. Я всталъ и машинально вышелъ изъ парка, дошелъ до лѣса и побрелъ по лавшеюся тропинкой. Гроза, первая весенняя гроза, разыгралась съ полною силой. Лѣсъ гудѣлъ и трещалъ. На меня вапало олять то же притуллевное состоянiе, какъ и послѣ полученiя письма, заставлявшее меня смотрѣть какъ-то со стороны на то что дѣлалось со мной.

Дождь полилъ какъ изъ ведра. Какое-нибудь отдѣльное, ни къ чему не относящееся слово, вдругъ приходило мнѣ въ голову и неотвязно повторялось нѣсколько сотъ разъ. Къ утру, совершенно измокшій, я олучайно очутился подлѣ Парашина. Я пробрался черезъ никогда не запиравшійся балконъ къ себѣ въ комнату и легъ на постель. Часа два провелъ я въ какомъ-то странномъ не то бдѣнiи, не то кошмарѣ, но наконецъ заснулъ.

VIII.

Проснулся я часу въ десятомъ. Въ сосѣдней комнатѣ Прошва въпилъ чай и разговаривалъ съ заѣзжимъ кулцомъ, богатымъ старикомъ, не оставившимъ сибирки, у котораго постоянно покупалъ лѣсъ для постройки.

— А какъ здоровье Бориса Михайловича? слышался степавый и важный голосъ.— Они, какъ слышно, прiѣхали къ вамъ погостить?

— Онъ слава Богу.

— Почиваютъ?

— Да. Его должно-быть гдѣ-нибудь застала вчерашняя гроза. Мы съ Максимомъ такъ и не слышали когда онъ вернется. Максимъ входилъ: говорить, спать.

— Очень заморился?

— Вѣроятно.

Вопелъ Максимъ, своею тяжелою, неровною походкой.

— Дай еще чаю мнѣ и Ивану Федотовичу, обратился къ нему Прошва.

— Они покрыли-сь.

Старикъ говорить это хрипавымъ шепотомъ, но такъ что

я ясно слышу, можетъ-быть потому что слѣжу за разговоромъ съ безучастною, но напряженною внимательностью какъ всегда бываетъ во время сильнаго потрясенія.

— Я тебѣ говорю, принеси чаю.

— Они закрыли-сь.

— Какъ закрыли?

— Нешто не изволите-сь видѣть: ложечка въ стаканѣ. Покрыто.

Въ эту минуту на дворѣ раздался лошадиный топотъ кто-то хлопнулъ дверью въ передней и послѣдшне вбѣжалъ въ столовую.

— Вы, Петръ Семеновичъ? Что случилось? испуганно спросилъ Пронинъ.

— Меня прислали къ вамъ: не знаете ли вы какого-нибудь доктора? У насъ вѣдь, какъ вамъ извѣстно, мамаша забрала всю медицину въ свои руки.

— У васъ кто-нибудь боленъ?

— Нона Николаевна что-то захворала.

— Ахъ, Боже мой! Я сейчасъ самъ поѣду. У васъ тутъ экилажъ?

— Нѣтъ, я верхомъ.

— Максимъ! Вели скорѣе фаятонъ. Да чтобы не мѣшкали.

Я было вскочилъ съ постели, но голова такъ закружилась что я принужденъ былъ опять сѣсть. Пронинъ продолжалъ отдавать приказанія и, въ промежуткахъ, разспрашивалъ Петрушу.

— Скажите пожалуйста, какъ это случилось?

— Богъ знаетъ. Вчера она воротилась изъ сада, прошла къ себѣ въ комнату и велѣла сказать горничной что не хочеть чаю и чтобъ ее не беспокоили. Прасковья Ивановна ходила къ ней; она сказала что голова болитъ и что сейчасъ ляжетъ, и опять просила ее не беспокоить. Прасковья Ивановна такъ и не пустила къ ней мамашу. Сегодня встала она, по своему обыкновенію, часу въ шестомъ, проходить мимо внучкиной комнаты и заглянула въ щелку: въ комнатѣ свѣтло. Она вошла потихоньку. На постели никого; Нона Николаевна сидитъ у окна и такъ пристально куда-то смотритъ. Окошко отворено, и съ лодоконника льется вода: видно, оно такъ и простояло открытымъ во время грозы. На Нонѣ Николаевнѣ платье тоже мокрое. Прасковья Ивановна бросилась къ ней: „Что“, говорить, „съ тобой, Но-

лушка?" Она какъ будто оломилась. „Ничего“, говоритъ, „бабушка.“ Однако позволила уложить себя въ постель. А теперь уже бредить начала.

— Андрей Алексѣвичъ! закричалъ я.

Онъ вошелъ.

— Скажи, ради Бога, что же это такое случилось? спросилъ я его.

— Нона Николаевна больна. Однако прощай, лошади, кажется, готовы.

Они уѣхали съ Петрушей.

Въ смертельномъ безлокойствѣ не отходилъ я весь день отъ окна, пока не воротился Пронинъ. Для меня лично это можетъ-быть было и лучше, потому что я право не знаю что стало бы со мною если бы эта вѣсть не заставила меня отчасти позабыть о собственномъ, эгоистическомъ страданіи. Пойти самому въ Грачевку у меня не хватало духа.

Пронинъ пріѣхалъ предъ вечеромъ. Я встрѣтилъ его въ передней.

— Ну что же? спросилъ я его, какъ только онъ переступилъ черезъ порогъ.

— Докторъ предполагаетъ что нервная горячка, а впрочемъ ничего не берется рѣшать навѣрное. Она въ безпамятствѣ. Вообще болѣзнь, кажется, серьезная.

По счастью, оласекія эти не оправдались. На третій день Нона Николаевна пришла въ себя, а еще дня три спустя, узнавъ что тутъ Пронинъ, пріѣзжавшій лостоянно утромъ и вечеромъ въ Грачевку, она пожелала видѣть его. Вернувшись домой, онъ сообщилъ мнѣ что на будущей недѣлѣ Волжины уѣзжаютъ въ Херсонскую губернію, гдѣ у Прасковьи Ивановны есть имѣніе. Мнѣ, конечно, не на что было надѣяться, а все-таки обдало какимъ-то холодомъ при этомъ извѣстіи.

— Ну, какъ ты нашелъ ее? спросилъ я.

— Похудѣла очень; впрочемъ уже сидитъ въ креслахъ.

Онъ вдругъ всталъ и вышелъ въ садъ, хотя кушанье стояло на столѣ. Я рѣшился во что бы то ни стало взглянуть на нее въ послѣдній разъ. Насталъ день отъѣзда; свѣтлый, теплый лѣтній день. Поѣздъ останавливался на сосѣдней станціи въ седьмомъ часу утра. Я всталъ рано. Пронинъ уже отправился въ Грачевку, провожать уѣзжающихъ. Я пошелъ лѣшкомъ, станція была не далеко. До прихода поѣзда оста-

валось около получаса, я вышелъ на дебаркадеръ и сѣлъ на скамейку. Пріѣхали всѣ Грачевскіе обитатели, въ вокзалѣ началась возня. Пришелъ поѣздъ; Пелагея Васильевна пробѣжала въ вагонъ размѣщать какіе-то мѣшки и корзинки, съ нею Петруша. Прасковья Ивановна показалась было въ дверяхъ, но вдругъ что-то вспомнила и бросилась назадъ. А вотъ и она, Пронинъ ведетъ ее подъ руку. Она увидала меня, высвободила руку и пошла въ мою сторону. Я всталъ къ ней на встрѣчу и насилу рѣшился взглянуть ей въ лицо.

Какая поражающая красота! Новая, незнакомая черта легла на ея похудѣвшее лицо; въ нѣсколько влавшихъ глазахъ меньше огня, но яснѣе чувствуется сила. Она вся словно выросла.

— Прощайте, сказала она.

— Нона Николаевна, сказалъ я, — простили ли вы мнѣ что я испортилъ вашу жизнь?

— Не сокрушайтесь, другъ мой, ласково отвѣчала она, — вамъ больнѣй! Мнѣ, конечно, теперь очень тяжело; но знаете ли, я не хотѣла бы умереть.

— Нона Николаевна, сейчасъ будетъ звонокъ, слышался голосъ Пронина.

— Прощайте! опять сказала она и знакомъ подозвала его къ себѣ. Поѣздъ тронулся и исчезъ; полоса дыма расплылась въ воздухѣ...

Меня вывелъ изъ оцѣпененія голосъ Пелагеи Васильевны:

— Ахъ, это вы Bernard!

Я бѣгомъ бросился въ вокзалъ и оттуда дальше по лѣсу. Домой вернулся я совершенно выбившись изъ силъ и легъ на диванъ. Пронинъ пріѣхавъ со станціи заходилъ ко мнѣ, но я продолжалъ лежать лицомъ къ стѣнѣ. Максимъ звалъ меня обѣдать, я сказалъ что не хочу. Предъ вечернимъ чаемъ Пронинъ опять вошелъ ко мнѣ, отворилъ окно, перевѣсилъ и началъ что-то нескладно насвистывать. Я лежалъ молча. Наконецъ онъ заговорилъ со мной.

— Не выпьешь ли ты хоть чаю?

Мнѣ вдругъ показалась обидною такая навязчивость.

— Оставь меня, ради Бога, произнесъ я чуть не со слезами. — Неужели ты не понимаешь какво мнѣ!

— А развѣ ты думаешь мнѣ легко? вырвадось у него.

Онъ залеръ окно и ушелъ.

Я заболѣлъ. То напряженное состояніе въ которомъ я находился послѣднее время необходимо должно было вызвать реакцію. Я впалъ въ какую-то страшную апатію. Цѣ-

ный день не вставалъ я съ дивана и лежалъ бездумно, закрывъ глаза. Пронинъ не тревожилъ меня.

Прошло недѣли двѣ со времени отъѣзда Ноны Николаевны. Разъ вечеромъ услыхалъ я шумъ въ передней. Пронинъ уѣзжалъ куда-то и теперь только-что воротился.

— Погодите, говорилъ онъ кому-то вполголоса.—Дайте мнѣ прежде приготовить его.

— Ахъ, Андрей Алексѣевичъ (голосъ былъ мнѣ слишкомъ знакомъ). Извините меня, но какой вы, посмотрю я, смѣшной. Что же вы его не приготовляли съ тѣхъ поръ какъ послали письмо? Да и съ чего вы это взяли что онъ меня испугается?

— Ну Богъ съ вами, ступайте.

Она отворила мою дверь. Я лежалъ съ закрытыми глазами. Она подошла и поцѣловала меня.

— Здравствуй Борисъ! ласково сказала она.

Я взглянулъ на нее.

— Здравствуй, Софи.

Она сѣла ко мнѣ на диванъ и посмотрѣла мнѣ въ лицо.

— Какъ ты однако пережился! грустно проговорила она.—И что это ты вздумалъ болѣть? Да еще не пишеть! Спасибо ужъ Андрею Алексѣвичу. Головоушкой тебѣ бы за это сѣдовало.

Ея веселый характеръ такъ и прорывался сквозь безлокойство.

— Однако ты, кажется, дремалъ; я не стану больше разговаривать.

Она сѣла къ окну, а я закрылъ глаза. Прошло томительныхъ минутъ двадцать. По счастью пришелъ Пронинъ и предложилъ выпить всѣмъ чаю у меня въ комнатѣ. За чаемъ разговоръ шелъ о моемъ здоровьѣ. Софи спрашивала советовался ли я съ докторомъ, и пеняла зачѣмъ объ этомъ не подумали. Отвѣчалъ ей больше Пронинъ.

Но послѣ чая онъ нашелъ нужнымъ опять оставить насъ медлѣть. Я опять закрылъ глаза; Софи сѣла подлѣ. Часы постукивали въ столовой.

— Борисъ, вдругъ позвала она меня.

Я вздрогнулъ отъ страннаго тона ея голоса. Она пристально смотрѣла на меня расширившимися глазами.

— Ты не боленъ; ты разлюбилъ меня.

Она, кажется, ждала чтобъ я сказалъ: „нѣтъ“. У меня не хватило духа солгать.

Она быстро встала, подошла къ окну и принялась что-то разсматривать.

— Ну, да объ этомъ мы поговоримъ завтра.

Голосъ ея дрожалъ; видно было что она едва владѣеть собой.

— Теперь отдохни; я и сама устала.

Она послѣшнно поцѣловала меня въ лобъ и ушла.

Я остался на своемъ диванѣ. И вдругъ вспомнилъ я все чѣмъ была для меня эта женщина. Слезы медленно подступили мнѣ къ горлу и хлынули изъ глазъ. Словно въ ореолѣ нарисовался предо мною ея любящій образъ.

Я всталъ и на минуту остановился, соображая въ какой комнатѣ ее помѣстили, потомъ прошелъ залу, гостиную и отворилъ дверь угольной.

Софи стояла среди комнаты со свѣчей въ рукахъ, устремивъ глаза на огонь. Слезы одна за другой такъ и бѣжали по ея блѣдному лицу.

Я подошелъ и обнялъ ее. Она опустила голову ко мнѣ на плечо и зарыдала.

— Софи, безцѣнная моя, заговорилъ я,—забудь что этотъ призракъ на минуту сталъ между нами. Ея нѣтъ больше. Я твой. Прости меня.

Она подняла на меня свои заплаканные глаза.

— Ахъ, Борисъ, ты совсѣмъ не такой какъ я думала. Зачѣмъ я такъ люблю тебя!

Я прижалъ ее къ сердцу.

Что ждетъ насъ впереди?

Л. СТЕЧЬКИНА.

ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ СТАТЬѢ

„ЩЕ НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ УКРАЙНОФИЛАХЪ“ *

Къ статьѣ нашей напечатанной въ июньской книжкѣ *Русскаго Вѣстника*, считаемъ нужнымъ сдѣлать небольшое доповненіе. Въ этой статьѣ мы говорили о странныхъ тенденціяхъ нѣкоторыхъ украинолюбцевъ—вытѣснить нашъ русскій языкъ и замѣнить его южно-русскимъ просторѣчіемъ; но мы не упоминали о томъ что тѣ же украинолюбцы не только воображаютъ себѣ Украину чѣмъ-то самостоятельнымъ и отдѣльнымъ отъ общей и единой Русской земли, но думаютъ что и нашъ русскій юго-западъ долженъ подчиниться требованіямъ и планамъ какихъ-то нѣкѣмъ не прошенныхъ представителей украины. Не распространяемся и теперь о первой половинѣ украинофильскихъ стремленій—придать украинѣ, этому обыкновенному названію мѣстности, территориальной окраины, такое значеніе котораго она никогда не имѣла, не имѣть и имѣть не можетъ. ** Упомянемъ только о второй, не менѣе странной половинѣ ихъ притязаній. Въ своихъ украинофильскихъ порывахъ они увлеклись иллюзіей, будто ихъ украинскія мечты можно распространить и на весь

* См. *Русскій Вѣстникъ*, № 6.

** Говорить, поэтому, *украинскій* и *русскій*—недѣльность (скажутъ птичка со свачкой), которую пора уже покать и устранишь.

нашъ русскій юго-западъ. Но нашъ юго-западъ не украинъ; съ древнѣйшихъ временъ русской исторіи этотъ русскій край носитъ уже названіе Руси, русскаго. Еще въ тѣ времена когда древняя Русь простиралась на югъ быть-можетъ не-далеко рѣки Роси и Переяслава, когда за этими предѣлами къ югу были степи, да рыскали бродячіе кочевники, на юго-западѣ уже далеко и крѣпко намѣчена была историческая полоса русской земли и русскаго строя жизни. Оттого тамъ утвердилось названіе Руси и русское самосознаніе почти одновременно съ началомъ русской исторіи въ Кіевѣ и Руси сѣверо-восточной, на берегахъ Клязьмы и Оки. Оттого и до сихъ поръ на юго-западѣ говорятъ, напримѣръ, *русскій фольварокъ*, въ отличіе отъ польскаго, *русскія* ворота, *русскія* школы, *русская* книга, но никто никогда не говорилъ и не говоритъ: *украинскія* ворота, *украинскій* фольварокъ * и т. д.

Украина это названіе вовсе не одновременное съ происхожденіемъ первичныхъ частей древней Руси, а гораздо позднѣйшее, и при томъ названіе, какъ мы сказали, только полосы территоріи на югъ отъ Кіева, или даже отъ Роси, и особенно по лѣвую сторону Днѣпра, населившійся уже въ то время когда древнюю Русь постигли сперва бѣдствія Татарскаго погрома, а потомъ преобладаніе Литвы и Польши. По какому же праву мы позволяемъ себѣ вторгаться съ украинскими планами въ землю издревле русскую, а не украинскую? Вѣдь подобныя названія—не клочка которую можно перемѣнять какъ угодно. Кто въ самомъ дѣлѣ уполномочивалъ украинолобцевъ отнимать у насъ древнее названіе Русскихъ и всѣ принадлежности этого названія, а въ томъ числѣ и нашъ общій, культурный русскій языкъ, выработавшійся такимъ долговременнымъ и многотруднымъ процессомъ нашей исторіи, и все это замѣнять чѣмъ-то *украинскимъ*, т. е. возникшимъ гораздо позднѣе, чисто частнымъ и обозначающимъ только *крайнюю льстивость*? Неужели же мы не поймемъ, наконецъ, смѣшнаго и жалкаго увлеченія въ нашей самоувѣренности, будто *украинское* можетъ

* Сказаннаго нами достаточно на первый разъ чтобы понять весь сумбуръ въ оглавленіи брошюрки: *Литература російска, велико-русска, украинска и галицка, Львовъ, 1873*. Такъ и напоминаетъ она Украинску абетникъ добродѣвъ, гдѣ азбука раздѣлялась на *московскую, украинскую и польскую*.

быть для насъ выше и важнѣе *русскаго*? Можно, конечно, прибѣгать къ различнымъ искусственнымъ приѣмамъ чтобы какъ-нибудь сообщить привлекательный видъ украинофильству, особенно предъ людьми неприготовленными къ подобному вопросу; можно, съ другой стороны, различно унизить русскихъ людей, отстаивающихъ свое русское имя, русское слово, единство Русской земли и Русскаго народа, называя ихъ бюрократами, Ташкенцами, и т. п.; но все это только уловки, только конёкъ на которомъ обыкновенно вытѣзаютъ чтобы смутить людей не понимающихъ этой фразеологии: внутренняя сила дѣла такова что раньше или позже и дѣти поймутъ пошлаю сторону украинофильства, поймутъ и то что оно имѣетъ крайне мутный источникъ и придумано для оживленія, а для замедленія нашего развитія и для повторенія того пораженія которое было уже и такъ надолго нанесено всему нашему русскому западу. Поэтому, наши украинолюбцы сдѣлали бы, по нашему мнѣнію, гораздо лучше еслибы оставили весь нашъ западъ въ покоѣ и, не мудрствуя лукаво, называли бы нашу древнѣйшую русскую страну просто русскою, а не навязывали бы ей названія приднѣпровской мѣстности и ея позднѣйшаго, въ сравненіи съ нашимъ, населенія. Названіе украинцевъ для насъ непригодно; мечтанія нѣкоторыхъ украинолюбцевъ для насъ по меньшей мѣрѣ смѣшны; а названіемъ Русскихъ мы гордимся, и въ единствѣ, только въ единствѣ нашей русской земли съ центральною Россією, въ единствѣ ихъ образованія и культурнаго языка, мы видимъ крѣпкій залогъ нашего всесторонняго развитія, преуспѣянія и силы.

С. ГОГОЦКІЙ.

1875 года, июля 6го,
Кіевъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

I. Наши литературныя предавіа.

Что современное состояніе русской литературы есть состояніе уладка, въ этомъ наша критика, какому бы направленію она ни слѣдовала, соглашается безъ спору. Правда, съ точки зрѣнія иныхъ журналистовъ какъ будто выходитъ что этотъ уладокъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ своего рода прогрессъ, но даже и такая критика, исходящая изъ модной газетной тенденціи, въ концѣ-концовъ такъ или иначе признаетъ что художественное содержаніе почти изсякло въ нашей литературѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ понизилось и ея значеніе для общества.

Соглашаясь въ самомъ фактѣ, критика расходится, какъ скоро думаетъ объяснить его. Большинство относитъ уладокъ литературы ко временному и какъ бы случайному оскудѣнію ея талантами; другіе признаютъ что условія времени, поглощеннаго практическими задачами и заботами общественнаго характера, мало благопріятствуютъ интересамъ чисто литературнымъ; третьи, наконецъ, указываютъ на то что переживаемая нами эпоха, представляя лишь переходный моментъ въ нашемъ развитіи, не выработала никакихъ установившихся требованій, никакихъ опредѣленныхъ и ярко очерченныхъ типовъ, и потому художникъ не находитъ въ современной дѣйствительности твердаго матеріала для дѣлки

Не трудно однакоже обнаружить несостоятельность такихъ объясненій. Волевымъ, талантами наше время едва ли не богаче предыдущаго періода. Мы не ищемъ, конечно, ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Гоголя; но мы можемъ указать цѣлый рядъ даровитыхъ поэтовъ и романистовъ, которые, при другихъ условіяхъ, конечно, создали бы весьма серьезную литературу. Живы еще литературные корифеи сороковыхъ годовъ, и уже успѣли заявить себя въ которые весьма талантливые молодые писатели. Правда, произведенія какъ старыхъ, такъ и новыхъ авторовъ не производятъ уже на публику того впечатлѣнія подъ какимъ воспиталось предыдущее поколѣніе; но причина этого явленія лежитъ, какъ мы надѣемся показать, не въ индивидуальности литературныхъ дарованій, не въ пониженіи творческой силы, а въ чемъ-то иномъ. Однако и теперь, когда появляются произведенія высочайшаго и зрѣлаго таланта, отыкнутое отъ художественныхъ наслажденій общество обнаруживаетъ живѣйшій интересъ и бросается на такія произведенія съ прежнею жадностью, даже въ такомъ случаѣ если не находитъ въ нихъ праваго отношенія къ волнующимъ его очереднымъ практическимъ интересамъ. Подобный примѣръ мы видѣли при появленіи *Вѣны и Мира* графа А. Толстаго и видимъ нынче когда печатается новый большой романъ того же автора.

Не трудно обнаружить также несостоятельность и втораго рѣшенія занимающаго насъ вопроса. Безспорно, въ наше время не существуетъ такого общественнаго слоя который былъ бы исключительно занятъ литературными и художественными интересами; практическіе вопросы и задачи входятъ широкою струей въ жизнь образованнаго класса, поглощая значительную часть тѣхъ досуговъ которые предыдущее поколѣніе могло посвящать умственнымъ и эстетическимъ наслажденіямъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, при расширившихся и усложнившихся интересахъ дѣятельной жизни, пребываніе въ области поэтическаго вымысла должно потерять часть своего обаянія. Но непосредственное дѣйствіе этихъ причинъ на литературу могло бы имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, еслибы область последней была ограничена извѣстнымъ содержаніемъ, еслибы она могла отражать въ себѣ лишь явленія извѣстной категоріи. Такого условія однакоже не существуетъ. Романъ и комедія—двѣ преобладающія и любимыя формы новой поэзіи—давно уже вступили въ

т. XVIII. 14

такую тѣсную связь съ дѣйствительностью что черпаетъ изъ нея все свое содержаніе. Чѣмъ сложнѣе и содержитъ дѣйствительная жизнь, чѣмъ болѣе заключается въ условій и мотивовъ драмы, тѣмъ содержательнѣе и интереснѣе литература. Интересъ ея, даже съ точки зрѣнія дѣла, а не слова, всегда можетъ быть поднятъ до высотъ самой жизни. Это ужъ дѣло самой литературы — вѣрныя талантовъ и правильнаго отношенія ихъ къ жизни — имъ задачамъ. Въ сороковыхъ годахъ наша критика и беллетристика наши жаловались на бѣдность и однообразіе русской жизни, доставлявшей литературѣ лишь весьма скудный матеріалъ; и дѣйствительно, при отсутствіи въ обществѣ вопросовъ и явленій захватывающаго интереса при однообразномъ, будничномъ прозябаніи этого общества литературѣ приходилось достигать своего значенія исключительно художественностью въ тѣсномъ смыслѣ слова, или разработкой общихъ идей гуманности, цивилизаціи, народности и пр. Въ настоящее время мы слышимъ противоположныя жалобы: жизнь [будто бы] стала такъ однообразна и разнообразна что литературѣ уже нѣтъ въ ней ничего новаго. Но два противоположныя понятія, очевидно, не могутъ существовать въ равной степени основательныя; и если мы придемъ къ второму, то это случилось, конечно, лишь потому что литература наша, вмѣсто того чтобы вобрать въ себя расширеннаго содержаніе жизни, осталась при прежнихъ ограниченныхъ задачахъ и даже еще болѣе сузила ихъ.

Остается третье объясненіе указывающее — и не безъ основания — на переходный характеръ нашею культуры, мало благопріятствующій выработкѣ какъ строго дѣльныхъ началъ руководящихъ жизнью общества, такъ и рѣзко-очерченныхъ положительныхъ типовъ. Но нельзя замѣтить что въ этомъ отношеніи текущее десятилѣтіе значительно отличается отъ предыдущаго. Расшатанная повсемѣстно стремится освѣсть на тѣхъ или другихъ основахъ или новыхъ, основахъ, взбудораженное общество ищетъ войти въ какое-либо русло. Правда, нынѣшнія основы не отличаются устойчивостью, обрѣтенныя не всѣ ведутъ въ страну обѣтованную. Но наша литература никогда не отличалась ни богатствомъ положительныхъ типовъ, ни твердостью тѣхъ точекъ опоры отъ которыхъ исходила въ своихъ воззрѣніяхъ на жизнь и ея правду.

ныя задачи. Типы отрицательныя у насъ всегда преобладали, даже въ то время когда господствующимъ стремленіемъ нашей литературы было отыскать во что бы то ни стало положительный идеалъ русской жизни. Отрицательными же типами настоящая минута едва ли менѣе богата чѣмъ эпоха оороковыхъ годовъ. Объ этомъ можетъ засвидѣтельствовать сама новая литература, въ которой уже намѣчены многіе „новые“ типы, и если они являются не съ тою художественною выпуклостью и опредѣленностью къ какой насъ приучили старѣйшіе писатели, то вина въ томъ лежитъ, конечно, на самой литературѣ. Всякій живой типъ существующій въ дѣйствительности непремѣнно опредѣлененъ; отъ направленія и силы таланта зависитъ возсоздать его со всеми тѣми чертами съ какими онъ существуетъ въ дѣйствительности. Типы созданные Гоголемъ, безъ сомнѣнія, мало замѣчались до появленія *Мертвыхъ Душъ* и *Ревизора*; безъ сомнѣнія, и тогда многимъ казалось невозможнымъ сдѣлать что-нибудь изъ рыцаряго, сѣраго матеріала какой представляли эти типы въ жизни. Но до этого, повидимому неблагоприятнаго, матеріала коснулась рука великаго художника, и создала изъ него образы пережившіе самую жизнь.

Такимъ образомъ, ни наличность нынѣшнихъ литературныхъ силъ, ни условія эпохи и общественной жизни не могутъ назваться рѣшительно неблагоприятными для успѣховъ нашей литературы. А между тѣмъ, успѣхи эти безспорно крайне слабы, и за исключеніемъ нѣкоторыхъ единичныхъ явленій, современная русская беллетристика свершаетъ обратное движеніе. Гдѣ же дѣйствительныя неблагоприятныя условія нашей литературы, осуждающія ее клониться къ упадку, въ то время когда въ рядахъ ея подвизаются многіе несомнѣнно талантливые писатели, и когда расширившееся теченіе дѣйствительной жизни должно было бы, повидимому, расширить ея внутреннее содержаніе и возвысить ея общественный интересъ? Укажемъ на одно изъ этихъ условій, имѣющее по нашему мнѣнію существенное значеніе. Мы разумеетъ отсутствіе литературной школы.

У насъ сыздавна большимъ авторитетомъ пользуется англійская беллетристика, и не мы, конечно, будемъ ослаблять этотъ авторитетъ. Но кому же неизвѣстно что дѣлать, выдающихся талантовъ между англійскими романистами всегда было немного, а въ настоящее время,

когда умерли Диккенсъ, Теккерей и Булверъ, трудъ даже указать кому изъ наличныхъ романистовъ можно приписать значеніе первокласснаго таланта. На поприщѣ беллетристики подвизаются второстепенные и третьестепенные писатели, которыхъ, по силѣ художественнаго дарованія, нельзя поставить выше нѣкоторыхъ нашихъ беллетристовъ. А между тѣмъ никто не рѣшится сказать чтобъ отсутствіе яркихъ дарованій уничтожило англійскую литературу, чтобъ она утратила свое значеніе; и безъ великихъ мастеровъ изящнаго слова эта литература продолжаетъ лить въ другія, доставляетъ попрежнему лучший въ итогѣ матеріалъ для чтенія. Разгадка этого явленія заключается въ томъ что англійская литература выработала извѣстную школу, съ сильными авторитетными преданіями, съ опредѣленнымъ отношеніемъ къ жизни, съ несложнымъ, но общепризнаннымъ литературнымъ кодексомъ приемовъ, приличій, стиля и т. д. Значеніе всѣхъ этихъ условій для второстепенныхъ писателей громадно: для нихъ заранѣе рѣшенъ выборъ матеріала, рѣшены общіе литературные законы, опредѣлены требованія публики и критики. Отсюда происходитъ что какъ бы ни былъ зауряденъ англійскій романъ, онъ никогда не оскорбитъ читателя ни своимъ тономъ, ни пренебреженіемъ къ существеннымъ требованіямъ беллетристическаго искусства. Такимъ образомъ школа, преданія, замѣчаютъ у англійскихъ писателей то что у насъ достигается лишь выходящемъ изъ ряда силою дарованія или счастливыми условіями воспитанія и жизни.

Выраженіе „литературная школа“, опредѣлить не составляетъ трудности: самое выраженіе это у насъ не новость. Въ пятидесятыхъ годахъ наша критика много толковала о такъ называемой Гоголевской или натуральной школѣ, къ которой причисляла почти всѣхъ талантливыхъ прозаиковъ той эпохи. Подъ школой мы подразумѣваемъ совокупность традицій и началъ дѣйствующихъ въ литературѣ и связанныхъ единствомъ извѣстныхъ требованій и условій, внутреннихъ и внешнихъ. Нельзя сказать чтобъ у насъ вовсе не было такихъ началъ и преданій, но крайней мѣрѣ въ той части литературы въ которой дѣйствуютъ несомнѣнные таланты и которая не идетъ по завѣдомо-ложному пути; но наибольшую живучесть, къ сожалѣнію, обнаруживаютъ у насъ именно тѣ начала которыя особенно содѣйствовали нашему литературному паденію.

Если мы спросимъ, какими существенными чертами определяется англійская литературная школа, намъ не трудно будетъ дать себѣ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Англійская беллетристика, во первыхъ, выработала положительное отношеніе къ англійской жизни, уваженіе къ національнымъ учрежденіямъ и правамъ, теллую привязанность къ установившемуся складу, государственному и общественному—что однако не кѣпшаетъ англійскимъ романистамъ обладать большимъ запасомъ сатирическаго содержанія. Вторыхъ, англійская беллетристика имѣетъ твердо установленную нравственную точку отправленія. О современномъ англійскомъ романѣ можно сказать что какъ бы ни были различны авторскія индивидуальности, онъ всегда отвѣчаетъ основному началу англійской литературной критики: изящная словесность есть школа добрыхъ нравовъ. Наконецъ, англійская беллетристика приняла въ себя ту, иногда даже щелетивающую, строгость культурныхъ формъ обществѣ, которая господствуетъ въ дѣйствительной жизни Англичанъ. Благоприличіе внутреннее и внѣшнее составляетъ неотъемлемую, характеристическую черту англійской беллетристики; англійскій авторъ не напишетъ такого произведенія котораго онъ не могъ бы прочесть въ любой гостиной, ничѣмъ не прокируя собравшагося фашонабельнаго общества. Такъ какъ романъ имѣетъ дѣло преимущественно съ частною жизнью, гдѣ такъ-называемыя условныя приличія и обычаи играютъ существенную роль, то послѣднее изъ указанныхъ нами отличительныхъ свойствъ англійской беллетристики, очевидно, имѣетъ большую важность.

Въ нашей русской литературѣ мы не найдемъ ни одного изъ условий образующихъ школу въ томъ смыслѣ въ какомъ мы видимъ ее въ Англии. Мы не выработали никакихъ общепризнанныхъ началъ, не соединились никакому объединяющему требованію. Каждый писатель у насъ въ правѣ идти той дорогою какою ему заблагорассудится, хотя бы онъ самъ не сознавалъ куда она приведетъ его. Литературныя преданія, кромѣ нѣкоторыхъ, и притомъ не лучшихъ, для насъ не обязательны. Еще менѣе обязательны для насъ требованія публички, да едва ли и существуютъ въ нашемъ образованномъ обществѣ какія-либо опредѣленные требованія. Обязательность извѣстныхъ отношеній къ жизни, извѣстныхъ нормъ тона и внѣшняго благоприличія, для насъ

овсѣмъ не понятна: писателю у насъ ничего не стоить олевать то что во всякой болѣ цивилизованной странѣ считалось бы неприкосновеннымъ, и внести въ литературу такіа выраженія и слова которыя авторъ можетъ-быть затруднился бы произнести изустно не только въ гостиной, но и на улицѣ.

Когда говорятъ о паденіи нашей литературы, обыкновенно относятъ начало ея попятнаго движенія къ шестидесятымъ годамъ. На самомъ дѣлѣ это движеніе началось гораздо ранѣе, и литературныя сатурналіи шестидесятихъ годовъ были подготовлены предшествующимъ періодомъ нашего общественнаго развитія. Элементы упадка вошли въ нашу литературу съ того времени когда впервые сталъ замѣчаться въ публикѣ вкусъ къ журнальному блатерству и зубоскальству. Случилось это еще въ тридцатыхъ годахъ, еще въ то время когда въ нашей литературѣ блистала Пушкинъ. Онъ же первый и замѣтилъ опасность. Извѣстно съ какимъ презрѣніемъ отзывался онъ о Полевомъ, онъ, такъ снисходительный къ литературнымъ современникамъ, такъ щедрый на похвалу и сочувствіе. Въ Полевомъ онъ признавалъ гораздо болѣе опаснаго врага для нашей литературы, для нашего просвѣщенія вообще, чѣмъ была Грець и Булгария, потому что Полевой впервые ввелъ въ нашу печать заигрываніе съ публикой, потаканіе ея инстинктамъ, ея всегдашней готовности глумиться надъ тѣмъ что выше ея умственнаго уровня. Мысль о необходимости противодѣйствовать этому новому элементу, входившему въ нашу литературу, постоянно преслѣдовала Пушкина. Еще въ 1830 году хлопоталъ онъ о разрѣшеніи большой политической газеты; которая серіознымъ отношеніемъ къ вопросамъ общественнымъ и литературнымъ могла бы воспитательно дѣйствовать на публику. Газета, какъ извѣстно, не состоялась, но шесть лѣтъ спустя Пушкинъ приступилъ къ изданію журнала, имѣвшаго тѣ же цѣли, но уже въ болѣе ограниченной области чисто-литературныхъ и научныхъ интересовъ. Въ *Материалахъ для біографіи Пушкина*, собранныхъ г. Авненковымъ, мы читаемъ: „Причины основанія этого журнала или обзорнія, какъ называлъ его Пушкинъ, долж но прежде всего искать въ противодѣйствіи тому насильственному взгляду на литературу нашу, который высказался въ послѣднихъ годахъ, и поддерживаемый съ остроуміемъ и замѣчательною диалектической ловкостью, имѣлъ сильное влія-

не, особенно на людей полуобразованныхъ, изъ которыхъ
 велѣтъ и состоитъ большинство читателей. Пушкинъ думалъ,
 и мнѣтъ со многими изъ друзей своихъ, что несмотря на
 безобразіе многихъ отдѣльныхъ явленій, литература наша
 въ общности всегда была сильнымъ орудіемъ образованно-
 сти, что легкое, постоянно шутовское обращеніе съ нею ли-
 шено и основанія и цѣли, если не полагать цѣль въ достав-
 леніи одной забавы праздному чтенію.“ Преждевременная
 смерть Пушкина разрушила его начинанія; основанный имъ
Современникъ попалъ въ мало-способныя руки и затѣмъ пе-
 решелъ къ совершенно новой редакціи, завершившей свое
 поприще самымъ необузданнымъ глумленіемъ надъ Пуш-
 кинимъ и надъ всѣмъ тѣмъ что онъ силился создать въ
 Россіи. Зло на которое указывалъ Пушкинъ, не встрѣчая
 по смерти его никакого сопротивленія, росло и множилось;
 въ журналистикѣ воцарился Сенковский, возведшій зубо-
 скальство и гаерство на степенъ художества; *Отечественныя*
Записки попали въ руки Герценовскаго кружка, принесшаго
 на помощь отрицательному направленію свои таланты, свою
 образованность, свой энтузіазмъ. Въ этомъ кружкѣ, выска-
 зывавшемся преимущественно посредствомъ Бѣлинскаго, вы-
 рабатались и луцены въ русскую литературу главныя нача-
 ла, продолжающія дѣйствовать въ ней и до сихъ поръ: идея
 общаго, неопредѣленнаго протеста противъ русской дѣйстви-
 тельности, демократическое направленіе, подразумѣвающее не-
 опредѣленную вражду къ такъ-называемому свѣтскому обще-
 ству, то-есть ко всему тому что не раздѣляетъ вкусовъ, при-
 вычекъ и нравовъ литературныхъ закоулковъ, и наконецъ,
 реализмъ, понимаемый болѣе въ смыслѣ тривіально-циниче-
 скаго отношенія къ жизни. Всѣ эти начала, легшія съ сороко-
 выхъ годахъ въ основу русской литературы, прикрывались
 именемъ Гоголя, хотя вліяніе этого писателя было лишь кос-
 венное и дѣйствовавшее помимо его намѣреній. Совокупность
 этихъ началъ составляетъ, пожалуй, то что можно назвать на-
 шими литературными преданіями; но эти преданія, подчинивъ
 себѣ известную часть литературы, встрѣчали постоянный про-
 тивъ со стороны болѣе даровитыхъ писателей, чувствовав-
 шихъ ихъ фальшь и узкость. Если они и образовали вначалѣ
 что въ родѣ *школы*, то господство этой школы было лишь
 количественное, такъ какъ главное русло художественной
 литературы направлялось мимо нея. Гоголь эвергически

отрекса отъ нея, когда увидѣлъ какое употребленіе дѣлаетъ изъ его литературнаго имени критика Бѣлинскаго.

Безъ всякаго сомнѣнія, нѣкоторая связь между Гоголемъ и псевдо-Гоголевскою школою существуетъ; будучи чисто-вѣдомною, эта связь однакоже сильно бросается въ глаза, и весьма многіе у насъ до сихъ поръ привыкли производить даже современную реальную беллетристику прямо отъ Гоголя. Между тѣмъ не трудно убѣдиться что во всѣхъ злоупотребленіяхъ своего имени Гоголь повиненъ лишь ковеннымъ образомъ, и что вся вина односторонняго пониманія его твореній лежитъ на петербургской критикѣ времени Бѣлинскаго.

Въ критической оцѣнкѣ какого-нибудь писателя, если эта оцѣнка касается его нравственнаго содержанія, важенъ не матеріалъ какимъ пользуется писатель, но орда воспроизводимая имъ, а важно личное отношеніе автора къ изображаемой и наблюдаемой дѣйствительности, важна его точка зрѣнія. Сатирикъ, взявшійся изобразить недуги и язвы своего общества, конечно не будетъ выводить предъ читателемъ лица и тѣлы изъ той среды интеллектуальный и нравственный уровень которой сравнительно выше; онъ, напротивъ, принужденъ опускаться въ самыя низменныя слои общества, принужденъ изображать, пошлость, да бѣдность, да несовершенства нашей жизни. Но значить ли чтобы самъ онъ принадлежалъ обществу заходящему, стоялъ бы на уровнѣ наблюдаемой низменной дѣйствительности? А между тѣмъ мало-по-малу литература наша пришла какъ будто именно къ такому пониманію Гоголя. Отношенія автора *Мертвыхъ Душъ* къ пошлости и бѣдности нашей жизни были забыты; общественное и умственное заходящее, представлявшееся Гоголю предметомъ сатиры, сдѣлалось для многихъ послѣдователей знаменитаго писателя чуть не предметомъ поклоненія. Литература наша столько возилась съ заходящемъ, такъ долго жила въ асѣ, что привыкла къ его спертому воздуху, къ его грязи, къ его умственному и матеріальному ниществу. Для новой беллетристики заходящее уже не является предметомъ сатиры; напротивъ, она противопоставляетъ его верхнимъ сферамъ общности, какъ такую орду въ которой еще сохранилось простота жизни, неспорченные честные люди, несправедливо забытые и обиженные. Направленіе получило такую силу что

ему не остались чужды и талантливые писатели. Кто слѣдилъ за драматическою дѣятельностью г. Островскаго, тотъ не можетъ не замѣтить какъ мало-по-малу измѣнились его личныя отношенія къ средѣ продолжающей доставлять исключительный матеріалъ для его комедій и сценъ. Г. Островскій не безъ основанія считается у насъ главнымъ представителемъ Гоголевскихъ яредалий. Первая комедіи которыми онъ подарилъ нашу сцену вышла изъ *Ревизора* и *Женитьбы*; это было сатирическое воспроизведеніе уродливыхъ явленій и нравовъ мѣсто въ замкнутой средѣ замоскворѣдкаго „темнаго царства“, средѣ столько же безобразной какъ и та которую воспроизвелъ Гоголь. При всей объективности автора, каждому было понятно его отрицательное отношеніе къ изображаемой дѣйствительности. Какъ у Гоголя, среди выведенныхъ имъ жалкихъ и дурныхъ личностей, невидимо присутствовалъ единственный честный герой комедіи, смѣхъ, такъ и у г. Островскаго, надъ грубостью и лошлостью самодуровъ, свакъ и лодьячицъ, чувствовалось незримое влѣяніе просвѣщенной гуманности, во имя которой и осмѣивалась эта лошлость и грубость. „Темное царство“ противопоставлялось подразумеваемому свѣтлому царству, то-есть культурной жизни, стоящей надъ обособившимся нижнимъ слоемъ. Таково было нравственное значеніе первыхъ комедій г. Островскаго, несомнѣнно дѣйствовавшихъ на извѣстную часть нашего общества такимъ же воспитательнымъ образомъ какъ и комедіи Фонвизина, Грибоедова, Гоголя. Но въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ, талантливый сатирикъ, любуясь, уже значительно отступилъ отъ первоначальной точки зрѣнія и значительно измѣнилъ свои отношенія къ „захолустью“, продолжающему служить матеріаломъ его комедій. Нравственная идея этихъ позднѣйшихъ произведеній получаетъ нѣкоторую мутносмысленность и какъ бы застилается туманомъ; зритель остается въ неопредѣленномъ отношеніи къ воспроизводимой предъ нимъ дѣйствительности, подчиняясь неопредѣленнымъ отношеніямъ самого автора. Особенною немощью въ этомъ смыслѣ отличается жесса *Трудовой Хлѣбъ*, помѣщенная въ январской книгѣ *Отчужденныя Записки* за прошлый годъ.

Жесса названа авторомъ „сценами изъ жизни захолустья“, и дѣйствительно среда въ которую вводится читатель представляется совершенномъ захолустьемъ. Трудно найти уголокъ болѣе удаленный, отъ всѣхъ интересовъ общественной жизни,

болѣе увязшіи въ грязи умственнаго и матеріальнаго ищущества. На сценѣ появляется прежде всего нѣкто Корнѣловъ, старый учитель, промышляющій дешевыми частными уроками. Онъ возвращается домой послѣ неудачнаго хожденія за деньгами и держитъ къ самому себѣ такую рѣчь: „Во-тще! (по-молчаеъ) напрасно, такъ-сказать все! и безъ денегъ и тощъ вслѣать возвратися! Но мудрый унывать не долженъ, мудрый всегда найдетъ себѣ усладу въ горести. Обращусь къ живительной влагѣ! (подходитъ къ шкафу и открываетъ его.) Сей источникъ радостей.... (осматривая графинъ).... изсякъ.“

Другое дѣйствующее лицо — молодой человекъ Грунцовъ, кончившій курсъ въ университетѣ и ищущій мѣста. Авторъ замѣчаетъ что онъ одѣтъ прилично, и описываетъ этотъ приличный костюмъ такъ: „короткій пиджакъ, красивые, хорошо вычищенные салого по колѣна; фуражка всегда немно-го на затылкѣ, въ рукахъ толстая палка“. Онъ точно также промышляетъ частными уроками и въ свободное время ухаживаетъ за проживающею у Корнѣлова дѣвицею, дальнею родственницею. Ухаживанье это происходитъ въ такомъ тонѣ:

„Евгенія. Конечно, мнѣ все равно, есть ли вы на свѣтѣ, нѣтъ ли васъ; только пожалуйста не разговаривайте со мною.“

„Грунцовъ. Извольте.“

„Евгенія. А когда жь конфеты? (Грунцовъ молчитъ.) Чтѣ же вы молчите? Какъ это учтиво съ вашей стороны.“

„Грунцовъ. Да вѣдь вы сами не велѣли съ вами говорить.“

„Евгенія. У васъ на все отговорки есть. Только надо вамъ знать что благородные люди всегда свое слово держать. Да и я-то глула — жду отъ васъ. Вамъ либо жаль рубля, либо у васъ нѣтъ его.“

„Грунцовъ. Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ.“

„Евгенія. Когда это?“

„Грунцовъ. А вотъ поѣду въ Уфу, такъ вамъ пять фунтовъ куплю.“

„Евгенія. Вы давно собираетесь, а все ни съ мѣста.“

Въ концѣ пьесы, предполагаемая поѣздка Грунцова въ Уфу должна состояться: ему обѣщаютъ мѣсто въ такомъ-то гимназій. „Закабалился, говоритъ онъ, задатокъ взялъ, завтра вѣхать.“ На Святкахъ онъ собирается вернуться въ Москву и жениться на Евгеніи. Племянница Корнѣлова, Наташа, также сочетается бракомъ съ влюбленнымъ въ нее ку-чникомъ, который присаживалъ у Корнѣлова пить чай, какъ

дый разъ кладеть на столъ десять копѣекъ, съ словами: извольте и мой гривенничекъ получить.

Всѣ эти лица, Корнѣловъ, Грумцовъ, Евгения и Наташа, все замѣ и по-своему честные люди. Но ихъ жизнь, ихъ интересы, ихъ страсти и даже ихъ добродѣтели, та ли это дѣйствительность къ которой писатель долженъ относиться положительно? Не въ правѣ ли мы сказать что и это своего рода „темное царство“, гдѣ вмѣсто произвола грубой силы господствуетъ полнѣйшее отсутствіе культурно-общественныхъ интересовъ, безволіе и бездѣйствіе, трата молодости и образованія на какое-то бездѣльничество и захоластное прозябаніе?

Къ сожалѣнію, въ значительной части произведеній современной нашей беллетристики, къ подобнымъ типамъ и къ подобной дѣйствительности установилось именно положительное отношеніе. Эти *смирные* типы, суть которыхъ заключается однако въ полнѣйшемъ нравственномъ ничтожествѣ, наполняютъ нашу беллетристику въ качествѣ носителей гуманной идеи; они противопологаются типамъ изъ другихъ общественныхъ слоевъ со стороны простоты, правды, личной честности и т. д. Но если вы спросите, въ чемъ заключается положительное содержаніе этихъ типовъ, чѣмъ оправдывается ихъ полнѣйшее отчужденіе отъ общественныхъ интересовъ, о которыхъ такъ много говоритъ современная критика, та же критика отвѣтитъ вамъ что эти „простые бѣдные люди“, эти „униженные и оскорбленные“ суть жертвы общественной неправды, что самое ничтожество ихъ полно значенія, какъ обличеніе безнравственной дѣйствительности, въ которой личность поработчена и уничтожена.

„Простой бѣдный человѣкъ“ проходитъ по русскому роману въ тысячу воплощеній, являясь съ характеромъ то слезливо-сентиментальнымъ, то трагическимъ, то просто забудыжно-лакейскимъ. Благодаря этому культу простаго человѣка, утвердилась въ нашей литературѣ особый псевдо-демократическій отпечатокъ, который отличаетъ ее и нынѣ. Мы назвали его псевдо-демократическимъ, потому что дѣйствительныя демократическія идеи тутъ собственно ни при чемъ. Такія идеи есть во французской литературѣ, въ нѣмецкой, въ англійской, но выгдѣ не являются онѣ съ тѣмъ отпечаткомъ къ какому мы привыкли въ произведеніяхъ нашей

литературы. Нашей публикѣ очень знакомы нѣкоторые романы Шпильгагена и Ауэрбаха, въ которыхъ выведены на сцену, съ положительной стороны, демократы. Успѣха того и другаго автора заключались прежде всего въ томъ чтобы сообщить этимъ демократамъ общій отпечатокъ порядочности, и даже съ значительною подмѣсью идеализма. Недавно въ *Русскомъ Вѣстникѣ* всѣми прочтанъ былъ романъ англійскаго писателя, въ которомъ выведенъ лортовой сватающійся за благородную дѣвушку. Чтобы заинтересовать въ личности этого демократа англійскаго читателя, романистъ понималъ что прежде всего ему надо сдѣлать своего героя джентльменомъ въ полномъ значеніи слова. У насъ обнаружилось иное явленіе. Верхній слой общества былъ какъ бы объявленъ внѣ покровительства литературы: выводить героевъ изъ этого класса разрѣшалось только ради осмѣянія и казни. Сначала, конечно, предполагалось что литература осмѣиваетъ пустоту и безсодержательность свѣтской жизни, протекающей въ праздности и въ пожираніи доходовъ съ крѣпостнаго труда; но мало-по-малу повѣтія о такъ-называемомъ „свѣтскомъ“ обществѣ очень раздвинулись, такъ что сюда стали относить едва ли не каждаго кто носить перчатки и говорить по-французски. Повѣсти изображающія жизнь этого круга подвергались дружному осмѣянію; одинокій голосъ раздавшійся какъ-то въ защиту ихъ, былъ заклеименъ прозвищемъ „желто-перчаточной критики“. Составилось какъ бы единоголасное мнѣніе, что внѣшніе признаки благовоспитанности и порядочности служатъ свидѣтельствомъ умственной и нравственной несостоятельности, и наоборотъ. Большинство литературы стало тщательно обѣгать тѣ классы общества гдѣ сохранились эти внѣшніе признаки, и искать героевъ частью въ простонародной средѣ, частью въ томъ летучемъ словѣ который носится между народомъ и культурнымъ обществомъ, не имѣя корней ни въ томъ, ни въ другомъ.

Но интересы необразованной или полуобразованной массы, конечно, не могутъ быть ни особенно разнообразны, ни достаточно высоки. Вращаясь исключительно въ сферѣ этихъ низшихъ, чисто-бытовыхъ интересовъ, беллетристика мало-по-малу необходимо должна низойти на стелень бытовой живописи, задача романиста свестись къ тому чтобы какъ можно вѣрнѣе изучить и передать бытовья черты непо-

дѣльнаго стоянія, въ какомъ находится масса. Такъ и случилось. Большинство второстепенныхъ слодвижниковъ бытовой или реальной школы утратило предъ собою всякую руководящую цѣль, и ихъ произведенія представляютъ часто лишь одинъ подборъ простонародныхъ выраженій и ругательствъ. Дѣйствіе такой литературы на общество, конечно, ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться воспитательнымъ. Находя въ литературѣ по преимуществу одну только грубость, общество незамѣтно и невольно вливается въ себя часть этой грубости; и мы видимъ что къ современнымъ нравамъ дѣйствительно уже примѣшалось много грубаго, и то что въ прежнее время казалось совершенно невозможнымъ въ печати, нынче никого почти не удивляетъ и не оскорбляетъ. *Тонъ*, какъ общества, такъ и литературы, понизился въ замѣчательной степени.

Если нравы и не вырабатываются литературой, то во всякомъ случаѣ въ значительной степени ею питаются. Дѣйствовать облагораживающимъ образомъ на общественныя нравы, конечно, одно изъ главныхъ призваній литературы, особенно съ тѣхъ поръ какъ поэзія вступила въ такую тѣсную связь съ жизнью, съ дѣйствительностью. У насъ, въ нашемъ позднѣйшемъ литературномъ періодѣ, беллетристика въ массѣ не только ничего не дѣлаетъ для воспитанія общественныхъ нравовъ, но еще потакаетъ нашей раслуцченности и безпринципности.

II. Женскій романъ.

Осенникъ. Романъ въ трехъ частяхъ. С. С. Смирновой. С.-Петербургъ.

Предъ нами одна изъ самыхъ изящныхъ книгъ когда-либо выпущенныхъ изъ русской типографіи. Велетеная бумага, красивые шрифты, широкія поля, изящная до причудливости обложка, все это до такой степени роскошно что не уступаетъ лучшимъ парижскимъ изданіямъ. Напомнившись наружнымъ видомъ книги, не безъ страха принимаешься читать ее, памятуя что у книгъ чаще чѣмъ у женщинъ наружность бываетъ обманчива. Ни Пушкинъ, ни Лермонтовъ, ни Гоголь никогда не были такъ роскошно изданы; конечно не потому чтобъ они того не заслуживали, а потому

что тилографская роскошь есть принадлежность новѣйшаго времени и какъ-то болѣе подходит къ продуктамъ новѣйшей словесности. Въ нашъ вѣкъ мануфактурнаго прогресса, зеркальныхъ стеколъ, фальшивыхъ косъ и искусственныхъ брилліантовъ, является естественное стремление возмѣстить въ изящной внѣшности современныхъ изданій ихъ внутреннюю лустоту и неряшливость. Раззолоченные рестораны, раззолоченныя книги—въ равной мѣрѣ отвѣчаютъ потребностямъ и вкусамъ современной публики.

Конечно не одинъ только изящный видъ книги, о которой мы намѣрены бесѣдовать, привлекъ къ ней наше вниманіе. Намъ заинтересовало, главнымъ образомъ, то что эта книга—произведеніе женскаго пера. Авторъ ея, какъ говорятъ, молодая дѣвушка. Въ пятидесятыхъ годахъ у насъ было нѣсколько весьма извѣстныхъ писательницъ, болѣею частью уже замолкнувшихъ, но въ то время съ честью занимавшихъ довольно видное мѣсто въ литературныхъ рядахъ. Между талантами второй степени женщины-писательницы даже преобладали, какъ это съ давнихъ поръ уже замѣчается въ англійской литературѣ. Но то было время когда романы и повѣсти считались „изящною словесностью“, когда понятія о задачахъ этой изящной словесности не заключали въ себѣ ничего непреодолимаго для женскаго пера. Въ настоящее время женщины выступать въ нашей литературѣ сдѣлалось гораздо труднѣе. Ея естественная сфера, жизнь образованнаго общества, образованной семьи, представляется большинству наличной журналистики утратившею свой интересъ. Беллетристика лытается найти себѣ новое русло, по которому женщины-писательницы едва ли могутъ сдѣлать. Современная критика хотя и перестала, кажется, восхищаться произведеніями Рѣшетникова и гг. Успенскихъ, но продолжаетъ утверждать что этими писателями указанъ настоящій путь для нашей литературы, и что если на этомъ пути имъ не удалось произвести нѣчто необычайное и совершенное, то только вслѣдствіе недостаточности ихъ личныхъ дарованій, а не вслѣдствіе ложности самаго пути. Между тѣмъ, чтобы сдѣлать этому пути, приходится наблюдать дѣйствительность въ кабакахъ и на съѣзжихъ дворахъ, что, конечно, вовсе неудобно для женщины-писательницы. Ей приходится такимъ образомъ становиться въ разрѣзъ съ господствующимъ теченіемъ журнализма, на что олять-таки

могутъ рѣшиться лишь таланты значительной силы, болѣе добрыя самимъ себѣ, чѣмъ газетному крику и требованіямъ литературной моды. Вотъ почему, принимаясь за романъ гжи Смирновой, мы не могли избѣжать нѣкоторыхъ опасеній за автора, и когда мы читали его, намъ постоянно приходило на мысль что вмѣсто непосредственныхъ творческихъ цѣлей, гжѣ Смирновой предстояло стремиться къ цѣли нѣсколько посторонней, т.-е. сдѣлать такой романъ который въ одно и то же время былъ бы возможенъ для женскаго пера и отвѣчалъ бы вкусамъ и требованіямъ современной петербургской критики.

Чѣмъ далѣе мы читали *Огонекъ*, тѣмъ болѣе убѣждались что эта посторонняя задача совершенно овладѣла авторомъ. Весь романъ окончательно представился намъ литературнымъ упражненіемъ въ которомъ авторъ заботился лишь о томъ чтобы не выходя изъ сферы образованнаго общества, доступнаго его наблюденію, и не измѣняя даже внѣшнимъ приѣмамъ старой беллетристики, внести въ свое произведеніе какъ можно болѣе тенденцій господствующаго журнализма. Гжѣ Смирнову, очевидно, одушевляла мысль что и не предпринявъ экскурсіи на постоялыя двory и въ сѣвѣжіе дома, можно какъ нельзя лучше угодить современнымъ вкусамъ. И надо отдать ей справедливость, она исполнила эту задачу не безъ ловкости. Отъ ея романа такъ и брызжетъ современностью, но современностью не во вкусѣ гг. Успенскихъ или Рѣшетникова, а совсѣмъ другою, чистенькою, дѣвическою, слегка отполированную будуарнымъ лакомъ. Половина дѣйствія проходитъ въ свѣтскихъ гостиныхъ и въ дорогихъ нумерахъ отеля; изображаются все больше свѣтскіе люди, хотя и съ сильнымъ отпечаткомъ цинизма; женщины дѣйствуютъ все больше красивыя, изящныя, одна даже со всеми претензіями на львицу. И при всемъ томъ читатель постоянно чувствуетъ что романъ гжи Смирновой не имѣетъ ничего общаго съ преданіями прежней нашей литературы, жившей интересами образованнаго общества, что это только старый мѣхъ въ который влито новое вино, съ его кислымъ и острымъ букетомъ. Читатель убѣждается что свѣтская лолитурa которой покрыты дѣйствующія лица романа прикрываетъ крайне-мѣщанскую закваску, что кумуурность изображаемой авторомъ среды идетъ отъ вчерашняго дня и очень походить на позолоту украшающую

модные рестораны и петербургскіе клубы средней руки. Однимъ словомъ, все, начиная основною идеей произведенія и кончая его отѣнками, носить на себѣ несомнѣнную печать современности, представляется выхваченнымъ изъ послѣдней книжки журнала.

Съ этими признаками рецелтурнаго происхожденія, съ взятыми на прокатъ у журналистики идеями, съ дѣйствующими лицами одѣтыми по послѣдней выкройкѣ и устрашающими свою жизнь такимъ образомъ чтобъ она во всѣхъ повседневныхъ мелочахъ своихъ кипѣла газетными тенденціями — въ нынѣшней беллетристикѣ нашей появляется не мало произведеній. Но романъ гжи Смирновой только отчасти принадлежитъ къ этой категоріи. У автора, при всей несамостоятельности и неопытности, обнаруживаются признаки дарованія, дарованія поверхностнаго, усвоившаго себѣ дурную привычку наблюдать явленія жизни сквозь призму журнальных тенденцій, но тѣмъ не менѣе владѣющаго извѣстною литературною ловкостью. Къ сожалѣнію, гжа Смирнова, поставивъ свою задачу въѣ что-творческіе дѣла, старалась какъ бы скопировать по драматическимъ моментамъ, какіе представило содержаніе романа, и потому эти моменты трюкнуты слегка, не разработаны и передамы что-называется совершенно прямолинейно. Но нѣкоторыя сцены въ послѣдней части романа ведены не дурно, и еслибы надъ авторомъ не тяготѣла злополучная тенденція, взятая притомъ въ довольно смѣшной формѣ, характеръ героини вышелъ бы не лишеными дѣльности и красоты. Вогъ почему мы не считаемъ невозможнымъ посвятить нѣсколько страницъ этому произведенію и приложить нѣкоторый трудъ чтобы соваче съ идею романа ея довольно красивый тумаетъ, подѣ которыми бытъ-можетъ сама авторъ не вполнѣ ясно различаетъ все что въ этой идее есть смѣшнаго и надутаго. Мы беремъ за эту задачу тѣмъ охотнѣе что гжа Смирнова принадлежитъ къ писательницамъ очень плодовитымъ, и послѣ *Олема* напечатала уже два большіе романа, въ которыхъ тѣлаять ея хотя и не сдѣлалъ успѣховъ, но обнаружалъ много глубокости, обшцающей въ будущемъ.

Въ Москвѣ проживаетъ семейство Ракиныхъ. Отецъ состоитъ товарищемъ директора въ акціонерномъ „обществѣ дешеваго продовольствія“, затѣяваемъ съ цѣлію облагодѣтельствовать родъ чельвѣческій устройствомъ продоволь-

ственныхъ складовъ, въ которыхъ Москвичи находили бы за дешевую цѣну необходимые предметы потребления. Цѣль эта впрочемъ существовала только въ воображеніи доврчиныхъ акціонеровъ; на самомъ же дѣлѣ директора просто обирали кассу правленія. Домашній бытъ Ракиныхъ изображенъ авторомъ въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ. Квартира ихъ раздѣлена на двѣ половины, парадную и внутреннюю. Въ первой все богато и вычурно, все бьетъ на глаза; въ послѣдней все грязно и безпорядочно. „Какъ квартира раздѣлялась на сальную и парадную, говоритъ авторъ, такъ и хозяева бывали величественны и грязны, смотря по тому на какую половину переходили.“ При гостяхъ обѣдали на богатой сервировкѣ, безъ гостей обходились рваными скатертями и салфетками.

Въ этой-то семьѣ выросла героиня романа, Клавдія. Ей принадлежатъ всѣ сочувствія автора. Вотъ какъ изображена она на первыхъ страницахъ:

„Дѣвушка откинула вуаль, прошлась по комнатѣ, сняла шаль и бросила ее на стулъ. Во всѣхъ ея движеніяхъ заглядывала была нервная торопливость; она и говорила какъ-то торописто, хотя голосъ ея былъ пріятный. Она была хороша собою. Смуглый, почти бронзовый цвѣтъ кожи придавалъ ей лицу особенный, оригинальный оттѣнокъ. На щекахъ прощивалась легкая краска. Темные глаза съ длинными рѣсницами, при яркомъ освѣщеніи, дѣлались свѣтлыми, почти прозрачными. Каштановые волосы съ золотыми искорками были зачесаны назадъ и падали по плечамъ. По сложенію ее можно было назвать скорѣй худощавою чѣмъ полною женщиной, но даже и эта худоба очень шла къ ней. Туалетъ былъ простъ: темное репсовое платье, на которомъ рѣзко выдѣлялась золотая цѣпочка; высокія кожаныя ботинки. Никакой отдушки, ни одного бантика или ленточки.“

Читатели могутъ замѣтить что даже и въ этомъ заурядномъ изображеніи внѣшности героини есть кое-какіе оттѣны исключительно свойственные „современной барышнѣ“. Но главное, конечно, въ „убѣжденіяхъ“: извѣстно что нынѣшніе герои и героини разнятся между собою убѣжденіями, а прежніе разнились носами и характерами. Клавдія Ракина полна убѣжденіями. Пріѣхавъ къ своему брату, инженеру, работающему гдѣ-то на желѣзнодорожной линіи, она итчасъ напоминаетъ ему что у нея есть „плавы жизни“.

„А ты ихъ еще не забыла?“ спрашиваетъ братъ. Клавдія вслѣхивается и отвѣчаетъ: „Я не могу жить безъ цѣли. Если не будетъ этой, придется отыскивать другую. А ты знаешь какъ скучно начинать сызнова, когда почти все уже готово.“

Послѣ „убѣжденій“ слѣдуетъ „борьба“. Клавдія готова къ борьбѣ, счастлива тѣмъ что ей предстоитъ борьба. „Знаешь Денисъ, отчего мнѣ быть несчастной?“ говоритъ она брату „До сихъ поръ мнѣ почти все удается что я задумала. До ма есть неприятности, конечно, и впереди будетъ еще и одна. Но это пустяки: нельзя же пугаться всякаго столкновенія. Безъ нихъ что и за жизнь. Какъ хочешь, а это борьба и борьба пріятная.“ Братъ слушаетъ эти рѣчи и восхищается. Глядя на ея восторженное, пылающее лицо, Денисъ подумалъ, какъ счастливъ будетъ человѣкъ который на нее женится. Онъ хорошо зналъ свою сестру: въ ней было много юности, неподдѣльнаго увлеченія жизненными вопросами и какого-то страннаго пренебреженія къ богатству, нарядам и свѣтскому обществу. Да, безъ сомнѣнія, она составляла пріятное исключеніе между женщинами.

Все это, покажѣсть, только отдѣльныя черты изъ которыхъ читатель еще не видитъ ясно въ чемъ заключается „планъ жизни“ Клавдіи и съ кѣмъ и изъ-за чего она собирается вести „пріятную борьбу“. Продержавъ нѣкоторое время читателя въ состояніи неизвѣстности, авторъ разъясняетъ загадку во всѣхъ подробностяхъ:

„Клавдія не была изъ числа непонятныхъ натуръ. Такъ природы обыкновенно осуждены всю свою жизнь томить страдать, искать призванія, находить его, снова терять такъ до могилы. Она, благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, призваніе свое поняла очень скоро. Прогрессъ общества въ которомъ отецъ ея числился директоромъ была ей хорошо знакома, конечно не черезъ отца, а черезъ брата. Всякое общественное дѣло получало для нея особую привлекательность. Она старалась проникнуться тѣмъ что общество преслѣдуетъ высшія цѣли. У Клавдіянки горались глаза когда она думала о томъ какъ бы хороша и ей быть, выражаясь слогомъ палы, колесомъ въ этой новой машинѣ. Не женскія мечты о килучей дѣятельности блестящихъ рѣчахъ на собраніяхъ, тревожащи эту странную головку. Часто съ тоской думала она о томъ что ей впереди надежды, что выходъ одинъ: замужество, да и“

никуда не приведетъ, но крайней мѣрѣ не туда куда бы она желала. Ей хотѣлось забыть что она женщина и жить вмѣстѣ со всеми, окунуться въ самую глубину житейской борьбы.

„Какъ? ей тѣсно въ семьѣ? Она отрицаетъ семейную жизнь? Позвольте, никто не говорилъ что она отрицаетъ ее. Она была бы самая несчастная женщина еслибъ ее заставили постоянно прожигать рѣчи, искать популярности, блистать въ тоалѣ и лишали бы ее людей близкихъ, своего домашняго уголка. Но едва ли она была бы счастливѣе еслибъ ее заставили въ четырехъ стѣнахъ, съ кухней, дѣтской, спальней и пріятными развлеченіями въ родѣ занятій изящными искусствами. Это была одна изъ тѣхъ натуръ которыя требуютъ непрѣменно простора и на этихъ условіяхъ удовлетворяются самою простое дѣятельностью. Чѣмъ она виновата что пришла къ убѣжденію будто все бѣдствія наши оттого и происходятъ что мы изъ-за семейныхъ интересовъ не видимъ общественныхъ, и не хотимъ удѣлать имъ ни капли времени? Не могутъ же люди всегда дѣйствовать въ разбродѣ, думала Клавдинька; бываютъ же минуты когда имъ нужно непрѣменно работать сообща. Что буквально невозможно одному лицу, дѣлается шутя многими. Кому-нибудь надо же заниматься общественными дѣлами. Если скажутъ на это что это работа мужчины, а не женщины, то Клавдія заткнетъ себѣ уши и объявитъ что женскій вопросъ для нея не существуетъ, что онъ ее также мало интересуетъ какъ какой-нибудь Шлезвигъ-Гольштейнскій, но той простой причинойъ что тутъ и вопроса-то совсѣмъ нѣтъ, а есть давно готовый отвѣтъ: я женщина, стало-быть я человѣкъ; стало-быть я и хочу жить какъ люди, а не какъ вѣчто среднее между людьми, ангелами и животными. Я буду сама кормить и воспитывать вашихъ дѣтей и не посажу васъ околомъ люльки своего сына. Но когда я свободна, я выберу себѣ занятіе по душѣ и не подумаю справляться въ вашемъ календарѣ дозволено оно мнѣ или „запрещено“.“

Такимъ образомъ мы уже довольно близко знакомимся съ тѣмъ что составляетъ кругъ „убѣжденій“ Клавдиньки. Она сама вводитъ насъ въ этотъ заповѣдннй кругъ, заранее какъ бы поминизируя съ нами, потому что вѣроятно заранее считаетъ насъ сторонниками тѣхъ взглядовъ которые отводятъ женщинамъ мѣсто „среднее между людьми, ангелами и животными“. Она не отрицаетъ семью — Боже сохрани! Выйда

замужъ, она не заставитъ мужа сидѣть надъ люлькой ребенка; вѣроятно возьметъ также на свою долю и „страдать муками рожденія“. Ей хочется чтобы семья не навязывала ей „приятныхъ развлеченій въ родѣ занятій изящными искусствами“. Изящныя искусства слишкомъ унижительны для женщины не считающей себя „чѣмъ-то среднимъ между людьми, ангелами и животными“. Въмѣсто этихъ постыдныхъ развлеченій, она „выберетъ себѣ занятіе по душѣ“ и не полагаетъ справляться въ вашемъ календарѣ позволено оно ей или нѣтъ. Конечно въ этомъ занятіи „по душѣ“ не будетъ ничего предосудительнаго. Это будетъ только пожертвованіе собой, своими семейными интересами, ради интересовъ общественныхъ. „Кому-нибудь надо же заниматься общественными дѣлами?“ разсуждаетъ Клавдинька, безъ сомнѣнія замѣчая что эти дѣла остаются на бѣломъ свѣтѣ безъ всякаго призрѣнія. „Но“, продолжаетъ авторъ, „Клавдіяшла пока только идею. До исполненія было еще далеко.“ Посмотримъ же вблизи на эту идею и послушаемъ далѣе гжу Смирнову.

„Дѣло вотъ въ чемъ. Знаменитое общество, въ числѣ прочихъ благотѣльныхъ учрежденій, предполагало устройство народныхъ кухонь. Эти кухни существовали до сихъ поръ только на бумагѣ, и Москвичи ихъ не видали. Клавдіи пришла несчастная мысль предложить брату устроить ихъ на свой собственный счетъ. Я говорю: несчастная, потому что съ этой минуты для нея начался рядъ неудачъ и несчастій, которымъ суждено было окончиться очень печально.

„Начало было хорошее. Братъ не только согласился на ея предложеніе, но даже самъ увлекся имъ, при всей своей наружной грубости и шероховатости. Онъ, работавшій постоянно изъ-за денегъ и только изъ-за денегъ, и хорошо знававшій всю силу ихъ, теперь почти не задумываясь рѣшился пожертвовать частью своего небольшого капитала. Этого мало: такъ какъ самъ онъ не имѣлъ времени посвящать себя новому учрежденію, то и задумалъ передать его окончательно въ руки сестры.

„Но“, замѣчаетъ авторъ, „Клавдія Васильевна, въ числѣ своихъ добродѣтелей, не досчитывалась двухъ: скромности и умѣренности. Удовольствоваться частнымъ заведеніемъ устроеннымъ на небольшія средства, ей никакъ не хотѣлось. Сколько она ни толковала о томъ что великія затѣи на

предоставить исключительно великимъ людямъ, но кончила тѣмъ что сама улодобилась тому ребенку который кричалъ: „donnez m'en trop“. Мало ей показалось братниной помощи; къ тому же она знала что капитала его хватить не надолго: развѣ только на первое обзаведеніе, много-много если на годъ. Другое дѣло, фантазировала Клавдія, еслибы составилось общество. Тогда, рядомъ съ народными кухнями, можно бы было начать другое, болѣе выгодное производство, и такимъ образомъ, дѣлая прибыльныя операціи на сторонѣ, покрывать убытокъ, который по всей вѣроятности получится въ результатѣ дешевыхъ кухмистерскихъ.“

Найдя себѣ такимъ образомъ „цѣль и планъ жизни“, Клавдія начала готовить себя къ будущей „общественной“ дѣятельности. Она стала брать уроки бухгалтеріи. Но, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, „милліонныя обороты нашей столицы не научили бы Клавдію узнавать затхлую и гнилую муку, или отличать свѣжую говядину отъ несвѣжей“. Поэтому „она очень усердно посѣщала кухню и входила во всѣ мелочныя домашніе расколы, чѣмъ неслыханно радовала мамѣ, которая надѣялась увидеть въ дочкѣ современемъ экономную мать семейства“. Воспитанная въ старыхъ понятіяхъ мамѣ и не подозревала что для ея дочки семейная кухня вовсе не представляла такого интереса какъ общественная кухмистерская.

Какъ скоро дѣло идетъ объ общественныхъ кухмистерскихъ, возможно ли не воскресить знаменитой легенды о „бѣдномъ студентѣ“ умершемъ съ голоду? И вотъ авторъ замѣчаетъ что, „посматривая на домашнюю суетню, Клавдія съ тайнымъ удовольствіемъ думала о томъ времени когда откроются ея кухни, которыя предполагалось сдѣлать доступными для самыхъ бѣдныхъ классовъ, и между прочимъ для недостаточныхъ студентовъ, о которыхъ она слышала очень много грустнаго отъ Лизаветы Ивановны“. Эта Лизавета Ивановна была жена учителя, съ которой мужъ очень дурно обращался. Клавдія конечно сообразила что женщину недовольную мужемъ и домашнею обстановкой можно приобрести для „народныхъ кухонь“. Объ вступаютъ въ разговоръ — одна противъ родительской власти, другая противъ супружеской. Лизавета Ивановна рѣшается покинуть мужа и отдаться всецѣло кухмистерской дѣятельности. Но она женщина не такого твердаго характера какъ Клавдія; въ одно прекрасное утро мужъ

становится къ ней ласковъ, обѣщаетъ свезти въ театрѣ, и у Лизаветы Ивановны возникаетъ роковой вопросъ: имѣть ли она право покинуть такого добраго мужа? Клавдія на это „нервно засмѣялась“.

„Нѣтъ, конечно, если ужъ онъ васъ въ театрѣ свозитъ, такъ не имѣете права“, промизивуетъ она. „Я вамъ только одно скажу, Лизавета Ивановна: вы вотъ тронуты его довѣріемъ, его щедростію; вы думаете, онъ ужъ въ самомъ дѣлѣ и Богъ-знаетъ какую жертву приноситъ если ложу во второмъ ярусь возьметъ. Вамъ представляется что онъ это отъ своихъ трудовыхъ денегъ отрываетъ. Прекрасно. Все это такъ, молодежь. А не приходитъ вамъ въ голову сколько онъ отнимаетъ у васъ тѣмъ что не позволяетъ вамъ обработать своего голоса? Вы бы поступили на сцену. Вы бы получали деньги. У васъ такой сопрано какого во всей Москвѣ нѣтъ, да пожалуй въ русской оперѣ никогда и не бывало. Вы никогда не подумали о томъ чего онъ васъ лишаетъ. Да не васъ однихъ, и вашихъ дѣтей. Тутъ вы считаете себя вправѣ отнимать у нихъ средства и губить даромъ свой талантъ.“

Клавдія, конечно, и въ голову не приходитъ сколько грубой неделикатности заключается въ этомъ непрощенномъ и навязчивомъ вниманіи въ чужую интимную жизнь. Разочаровавшись въ Лизаветѣ Ивановнѣ, она переноситъ пропаганду на брата, который только-что предъ тѣмъ развѣхался съ своею женой и слѣдовательно могъ свободно посвятить себя „народнымъ кухмистерскимъ“. Клавдія даже всячески поддерживаетъ его вражду съ женой, справедливо опасаясь что если онъ опять сойдется съ нею, то для „кухмистерскихъ“ будетъ уже потерянь. Она старается пріобрѣсть для „кухмистерскихъ“ дочь директора „общества дешеваго продовольствія“, молоденькую и пустельскую Либочку. Изъ-за тѣхъ же „кухмистерскихъ“ она готова разрывать съ своими родителями. Отецъ и мать приходятъ и ужасъ при одной мысли что ихъ дочь будетъ стоять прилавкомъ въ народной столовой. Но какъ краснорѣчиво и горячо увѣщеваетъ ихъ Клавдія! „Неужели вы думаете говорить она, „что человѣкъ легко разстанется съ тѣмъ на чѣмъ онъ продумалъ два года? Гдѣ вы найдете такого кто бы уступилъ молча? Работать, работать... и вдругъ отъ одного слова все разлетѣлось! Да для чего же и жить тогда“

Пошлите меня лучше въ поденщицы. Я скорѣе буду поденщицей и кухаркой, но только не барышней. Я не хочу, я не могу больше оставаться барышней!!!“

Картина общаго ужаса. Невѣжественныя палà и мамà не могутъ понять отчего такъ омерзительно для ихъ дочки положеніе барышнн. „Вотъ какъ!“ восклицаетъ палаша: „вы находите унизительнымъ званіе барышнн? Но что же именно тутъ унизительнаго?“ „Все!“ кратко отвѣтствуетъ Клавдія, и продолжаетъ: „вотъ это платье, которое теперь на мнѣ надѣто и котораго я, конечно, ужъ не стою. Да и самыя ваши отношенія ко мнѣ. Вы не видите во мнѣ равной. А почему? Потому что я барышня, потому что я сижу у васъ на плечахъ. Вы мнѣ даете все. Понятно что за это „все“ вы и требуете отъ меня покорности. Но дайте мнѣ жить самостоятельно, а вы тогда сами станете смотрѣть на меня иначе,“ и т. д. Однако ни что не помогаетъ, и закоснѣлые въ предрасудкахъ родители не соглашаются предоставить дочеря „общественнымъ“ затѣямъ кухмистерскаго характера. Тогда Клавдія рѣшается пожертвовать собой, выдти замужъ за человѣка ей противнаго, чтобъ употребить относительную свободу замужней женщины на осуществленіе того „съ чѣмъ ей такъ не легко разстаться“. У нихъ въ домѣ давно уже приняты, въ качествѣ чаемаго жениха, нѣкто Любарскій, адвокатъ, красивый свѣтскій человѣкъ, пользующійся уваженіемъ въ московскомъ обществѣ. Клавдія его терпѣть не можетъ за то что онъ придерживается нѣкоторыхъ устарѣлыхъ идей: онъ находитъ, наприимѣръ, что дѣвушка не должна ходить одна по городу, что она не должна имѣть знакомствъ безъ вѣдома родителей, что скромность есть украшеніе женщины и т. под. Отецъ и мать Клавдіи, напротивъ, очень расположены къ Любарскому и желали бы пристроить за него дочку. Для нихъ это тѣмъ важнѣе, что старикъ Ракитинъ сильно пользовался акціонернымъ капиталомъ, и Любарскій можетъ спасти его съ помощью краснорѣчія, интригъ и связей. Потерявъ надежду приобрести сочувствіе родителей своимъ кухмистерскимъ планамъ, Клавдія рѣшается принять предложеніе Любарскаго. Когда мать замѣчаетъ ей что она слишкомъ мало заботится угодить своему жениху, что своимъ противорѣчіями и странностями можетъ оттолкнуть его, между матерью и дочерью происходитъ слѣдующая сцена:

„Я не люблю своего жениха, и вы это знаете! говоритъ

Клавдія. Вамъ, какъ матери, я это скажу. Но помните: для другихъ это неизвѣстно. То что я вамъ сейчасъ сказала, останется между нами. Но вы должны это знать. Я хочу чтобы вы это знали, чтобы вы знали въ какую бездну вы меня толкнули.

„Она говорила медленно, почти задышающимъ голосомъ, и не сводя съ матери своего взгляда. Та совсѣмъ опустилась.“

„— Клавдія, если ты его не любишь.... дѣйствительно.... Никто тебя не заставляетъ.“

„— Нѣтъ, вы, вы меня заставляете....“

„Дѣвушка стремительно обратилась къ ней. Глаза у нея гнѣвно заблестѣли.“

„— Вы все слѣдали чтобы выжить меня изъ родительскаго дома — и выжили! будьте спокойны. Съ адвокатомъ у насъ дѣло не разойдется, не бойтесь. Онъ меня возьметъ даже и безъ наивности. Онъ васъ избавитъ отъ такого сокровища какъ я!“

Вѣроятно, Клавдинька была бы поставлена въ большое затрудненіе, еслибъ ей пришлось объяснить въ точности и по совѣсти, что такое все слѣдала ея мать, чтобы выжить ее изъ родительскаго дома. Въ романѣ этого не показано; быть-можетъ слѣдуетъ разумѣть что мать сопротивлялась кухмистерскимъ затѣямъ дочери и въ простотѣ отсталого ума своего совѣтовала ей держать себя „барышней“ и выйти замужъ за человека за которымъ она стала бы „барышней“. Но современнымъ дѣвицамъ — не всѣмъ конечно, а тѣмъ для которыхъ лишутся романы подобные *Огоньку* — быть-можетъ пріятно узнать что означенныхъ преступленій со стороны матери достаточно для того чтобы дочь считала себя ничѣмъ относительно ея не связанной, и слушала бы ея рѣчи „точно это говоритъ не ея родительница, а такъ кто-нибудь на улицѣ“.

Увы, какъ мало современные маманьки знаютъ своихъ дочекъ! Могла ли Мме Ракитина уразумѣть свою Клавдиньку, внутри которой горѣлъ невѣдомый огонекъ? Вглядитесь въ этотъ безлокойный образъ, рисуемый авторомъ:

„Что-то толкало ее впередъ, туда гдѣ есть дѣятельность. Но куда именно и какая дѣятельность — почему она знала? Она искала забытыя въ этой лихорадочной работѣ (въ чтеніи конторскихъ книгъ своего отца). Она утѣшала себя“

тѣмъ что это ей пригодится въ послѣдствіи, что практика ей нужна для будущаго. Одна мысль о возможности полного покоя и отдыха пугала ее. Даже на перепутьи, какъ сама она иногда выражалась, называя такъ свою жизнь съ той поры какъ стала невѣстой — даже на перепутьи она не умѣла жить день за днемъ; безъ занятія. Она готова была броситься очертя голову куда угодно чтобы только не просидѣть смирно цѣлую недѣлю. Прожить мѣсяць такъ какъ живутъ всѣ порядочныя барышни: тихо, безцвѣтно, но приятно, для нея равнялось тому чтобы быть заживо зарытой *въ могилу семейной жизни*. Она готова погубить свою репутацію, разыграть трагедію, разрушить локопъ цѣлаго дома, чтобы только не помириться съ тѣмъ съ чѣмъ ей мириться не хочется.“

Все это пожалуй даже красиво и должно непремѣнно нравиться многимъ современнымъ дѣвицамъ, тяготящимся тѣмъ что судьба сдѣлала ихъ „барышнями“. Въ этой картинкѣ дѣвичьей эманципациі семейная жизнь представляется могилкой—а кому же охота ложиться живымъ въ могилу? Нѣтъ рѣчи о скучныхъ домашнихъ заботахъ, и даже скучное бремя обязательныхъ отношеній къ родителямъ легко можетъ быть сброшено съ плечъ: вѣдь эти нравственныя обязательства происходятъ оттого что дочь носить платье сдѣланное ей родителями; слѣдовательно, стоить только заработать собственнымъ трудомъ свое платье—и всѣ обязанности прекращаются, и дѣвушка получаетъ полное право смотреть на мать какъ на „кого-нибудь на улицѣ“. Притомъ, впереди шумная и блестящая дѣятельность, рѣчи въ акціонерныхъ собраніяхъ, рукоплесканія толпы, изумляющей дѣвическому генію, широкій кругъ заботъ по управленію общественными кухмистерскими...

Къ сожалѣнію, дѣйствительная жизнь стоитъ еще на такомъ низкомъ уровнѣ, что ее трудно уложить по этому великолѣпному рисунку. Въ нашемъ обществѣ еще мало мужественныхъ и узорныхъ характеровъ, подобныхъ Клавдыѣ. Идея „общественныхъ кухмистерскихъ“ слабо и трудно прививается въ кругу гдѣ дѣйствуетъ пропаганда героини романа. Легкомысленная Любочка измѣняетъ ей. „Знаешь, Клавдія—признается она своей подругѣ—по правдѣ тебѣ сказать, мнѣ не хочется тебя обманывать. Я не

стану просить отца чтобъ онъ подписался на эти акціи („народныхъ кухонь“).

„— Ты? Клавдія вдругъ остановилась.

„— Да, я. Я ему послѣднее время столько надѣлала расходовъ, что право ужь совѣстно. Приставать къ нему еще съ глулостями (съ глулостями!), это значить ужь прямо разворасть. Какое я имѣю на это право?

„Любочка остановилась, но пріятельница ея молчала.

„— Ты понимаешь, продолжала она немножко сконфуженная:—вѣдь въ сущности все это дѣло, чистая фантазія“, и т. д.

Клавдія выслушала сконфуженныя рѣчи легкомысленной подруги и произнесла великолѣпную реплику:

„Окончите вашу защитительную рѣчь. Я васъ не обвиняю. (Она на минуту остановилась.) Виновата я, что не помала сразу съ кѣмъ имѣю дѣло. Я удивляюсь только какъ я не узнала прежде. Вѣдь вы всегда были точно такой же. Вы нимаало не измѣнили своимъ принципамъ. А въ нашихъ принципахъ идти туда куда подуетъ вѣтеръ.

„— Вотъ! Я такъ и знала, что ты подымеешь цѣлую бурю.

„— О! гдѣ жь тутъ буря? Я только все ближе и больше знакоплюсь съ людьми. Я научаюсь уважать ихъ.

„Она ядовито подчеркнула послѣднія слова, потомъ отвернулась и стала глядѣть въ окошко.“

На этой ядовито-величественной репликѣ хорошо было бы кончить; но Клавдія увлеклась и продолжала еще на двухъ страницахъ перебраниваться съ Любочкой, съ задоромъ узвальной кумушки. „Сердиться на тебя, шпиговала она, въ самомъ дѣлѣ смѣшно. Въ тебѣ я потеряла такъ мало, что пожалуй мы можемъ остаться друзьями!“

Это было уже не первое разочарованіе Клавдіи съ тѣхъ поръ какъ она, по собственному ея выраженію, нашла себѣ забвеніе въ народныхъ кухняхъ. Но разочарованія не охлаждали, а только поджигали ее. Кухмистерская осталась единственнымъ раемъ куда стремилась ея мечта; съ кухмистерской она рѣшилась слить свою жизнь. „Я теперь болѣе чѣмъ когда-либо, писала она къ брату, ухватилась за свою любимую мысль. Прежде у меня были еще разныя отвлекающіе интересы, теперь я ихъ покоронила; въ этой мысли для меня все мое настоящее и будущее. Съ нею я не боюсь ничего. Въ ней я искала и кажется нашла забвеніе. И знаешь что мнѣ приходитъ въ голову? Что еслибы ты отъ сво-

изъ семейныхъ неудачъ искалъ лѣкарства въ такихъ интересахъ которые охватили бы тебя всего, которые не дали бы тебѣ опомниться и толкали бы все впередъ, повѣрь что ты утѣшился бы скорѣе, чѣмъ въ этой безцвѣтной жизни, въ этихъ вѣчныхъ размышленіяхъ надъ самимъ собою. Неможко грущу, неможко скожу съ ума, а тамъ вспомню что есть у меня готовый вопросъ, который давно жора разрѣшить, и совѣстно станетъ предаваться скорби. За то съ какой жадностью ухватилась я теперь за этотъ вопросъ. Конечно, думаю, всѣ мои дни будутъ теперь наполнены однимъ: я пойду къ своей цѣли и добьюсь таки своего.“

Къ сожалѣнію, блестящій адвокатъ, женихъ Клавдиньки, требовавшій отъ своей невесты благовоспитанной наивности, думалъ иначе.

„Я имѣла маленькое объясненіе съ женихомъ, продолжала въ томъ же письмѣ Клавдія.—Я наконецъ открыла ему что имѣю виды на такія-то и такія-то обстоятельства, и спросила, что онъ, Михайло Константиновичъ, на это скажетъ? Мой адвокатъ оказался упрямымъ, да еще какъ! Онъ упрямымъ меня, а это, согласись Денисъ, что-нибудь да значить. Онъ принялъ мое заявленіе такъ скверно что наша дружба и согласіе висѣли на волоскѣ.“

Опасность скоро обнаружилась. Клавдинька напрасно была увѣрена что „съ адвокатомъ у нихъ не разойдется“. Любарскій скоро догадался что она его вовсе не любитъ; между ними произошло объясненіе, окончившееся разрывомъ. Характерно въ этомъ объясненіи то что оно произошло во время акціонернаго собранія.... Адвокатъ далъ своей невестѣ маленькій урокъ: „Я вамъ скажу на прощанье два слова. Клавдія Васильевна, вы напрасно думаете что обманули меня. Впервыхъ, вы меня не любите. Сознайтесь, теперь все равно. Да, я догадывался объ этомъ уже съ нѣкотораго времени. Я нарочно давеча завелъ объ этомъ разговоръ. Вы сами выдали себя. Ну, такъ какъ же вы, достойная дѣвушка, не играли со мной комедіи? нѣтъ? имѣли вы право сказать что я комедіантъ? Вы поступили въ тысячу разъ хуже меня. Вы могли разбить жизнь человѣку. И если мою жизнь вы не разбили, такъ это потому что я изъ-за женщины погибать не могу. Будь на моемъ мѣстѣ другой, онъ можетъ быть проклялъ бы васъ не одинъ разъ. Но я! я оплакивать васъ не стану; только помните: мы съ вами въ жизни стол-

кнемся еще не разъ. Вы отъ меня не ждите сожалѣнiя, или какихъ-нибудь деликатностей. Я не умѣю жалѣть такихъ женщинъ какъ вы.“

Клавдiя опасалась что размолвка съ женихомъ подыметъ въ домѣ бурю. Она рѣшилась бросить своихъ родителей. Заложивъ свою единственную драгоценность, часы, она наала себѣ комнату въ какой-то трущобѣ и выжила тамъ нѣсколько недѣль, промышляя шитьемъ и стиркой бѣлья и зачастую голодая. Братъ ея въ это время прiѣхалъ въ Москву и снова сошелся съ женой. Клавдiя, измученная жизнью, какую теперь пришлось ей вести, пришла къ нему просить чтобъ онъ помирилъ ее съ родителями. Братъ вызвался поѣхать къ Ракитинымъ, но Клавдiя сдавалась не безусловно: она требовала чтобъ ей все-таки позволили содержать... народныя кухни. Тутъ между братомъ и сестрой произошла единственная въ своемъ родѣ сцена; ее необходимо привести здѣсь, хотя бы съ сокращенiями.

„— Я тебѣ долженъ сказать, Клавдiя, что кухни эти, по всей вѣроятности, не устроятся.“

„Она измѣнилась въ лицѣ.“

„— Отчего?“

„— Средства мои не позволяютъ мнѣ...“

„— Постой! Денись, ради Бога, говори со мною прямо...“

„— Изволь. Жена моя надѣлала страшныхъ долговъ. Она, какъ женщина, не имѣла понятiя о денежныхъ дѣлахъ. Ее всѣ надували. Теперь я долженъ заллатить ихъ. У меня останутся какiе-нибудь пустяки, и такъ какъ я живу теперь не одинъ....“

„— Довольно.“

„Денись вздохнулъ свободнѣе: у него точно тяжесть какая спала съ души. А она стояла какъ окаменѣлая, широко раскрывъ свои темныя глаза, которые въ эту минуту казались какъ-то еще темнѣе. Страшныя складки легли у нея около рта. Она дышала тяжело. Наконецъ, вдругъ, ни слова не говоря, повернулась и пошла къ двери.“

„Братъ бросился за ней...“

„— Я сию минуу поѣду къ отцу.... Я тебя помирю съ нами; даю тебѣ честное слово.“

„— А потомъ? Я опять буду жить съ вами?“

„Этотъ вопросъ вырвался у нея какъ стоиъ. Она закрыла лицо руками.“

„— Ахъ, еслибъ я могла только знать это заранѣе!

„— Послушай меня, Клавдія. Я имъ вобью наконецъ въ голову что ты ужь не ребенокъ, что тебѣ нужно больше свободы.

„— Да на что она мнѣ теперь? Что я съ ней буду дѣлать?

„— Какъ?

„— Это насмѣшка, а не свобода! Отнять у меня занятіе, бросить меня опять въ руки родныхъ! Я буду жить на ихъ счетъ и стану мечтать о свободѣ! Прощайте, Денисъ Васильевичъ.

„— Я тебя такъ не пуцую. Куда ты теперь дѣнешься?

„— Неужели васъ это занимаетъ? А мнѣ и такъ ужь это надоѣло. Гдѣ я буду, что со мной будетъ—мнѣ это рѣшительно все равно. Не держи же меня, Денисъ. Ужь не удержишь тебѣ меня никакими силами!“

Молодая жизнь разбита безжалостною рукою.... Наступаетъ трагическій моментъ романа. Клавдія слала свое существованіе съ мечтою сдѣлаться содержательницею народной кухмистерской; ради этой мечты она разорвала со всѣми близкими, ради нея готова была пожертвовать собою, выходя замужъ за нелюбимаго человѣка. И все напрасно! Она испытала нравственныя терзанія, холодъ, голодъ, непосильный физическій трудъ. Измученная, разбитая, она готова вновь жертвовать собою, примириться съ родными, лишь бы позволили ей содержать кухмистерскую. И вдругъ ей предлагают примиреніе и свободу—но какую свободу?—безъ кухмистерской! На что ей такая свобода? „Это насмѣшка, а не свобода!“

Клавдія вернулась въ свою жалкую комнатку и рѣшилась покоячить съ своею разбитою жизнью. Она сняла съ себя ботинки и чулки и босая вошла въ водосточную канавку. „Стуливши ногою въ холодную воду, она вздрогнула; отъ прикосновенія полузамерзшей жидкости дрожь пробѣжала по всему ея тѣлу. Потомъ ощущеніе это смѣнилось отвращеніемъ: она чувствовала жидкую грязь подъ ногами. Затѣмъ и это чувство притулилось, и все въ ней точно замерло. Она стояла въ этой сырой мглѣ и жадно вбирала въ себя воздухъ. Она еще глубже спустилась въ канавку, да такъ и застыла въ этомъ положеніи.... Да, это ужь смерть! Она чувствовала какъ все внутри ея леденѣетъ, какъ стынуть ноги и начинается стынуть самая мысль. А она все стояла и

вычисляла, насколько каждая секунда приближаетъ къ ней роковую минуту.“

Къ утру съ ней сдѣалась горячка, и она умерла.

Мы рассказали только главную *суть* романа, отдавъ его идею отъ постороннихъ подробностей, выпустивъ всѣ вводныя сцены и вводныя лица. Нашею цѣлью было именно представить вниманію читателей основную идею романа въ ея наготѣ, такъ какъ романъ, очевидно, собственно для этой идеи и написанъ. Нѣкоторые же подробности романическаго интереса повидимому примѣшаны къ разказу лишь въ видѣ уступки тѣмъ отсталымъ требованіямъ, которыя въ беллетристическомъ произведеніи непремѣнно ищутъ исторіи любящихся сердець. Гжа Смирнова тоже заставила свою героиню влюбиться, но конечно не такъ какъ это дѣлается въ другихъ романахъ. Женское сердце наполненное планами общественныхъ кухонь не можетъ отдаваться всякому восторженному; оно способно полюбить только человѣка необыкновеннаго, да и то полюбить лишь слегка и отчасти даже въ связи съ вопросомъ о кухняхъ. Такимъ необыкновеннымъ человѣкомъ оказывался нѣкто Арсеній Филипповичъ Домейко. „Ходили слухи что онъ былъ замѣшанъ въ нѣкихъ политическихъ смутахъ, что онъ сидѣлъ въ крѣпости и только чудомъ спасся отъ Сибири; что характеръ у него невыносимый, почему даже и родная мать не живетъ съ нимъ, а ищетъ гдѣ-то одна. Но все это были пока гадательныя предположенія, придававшія этой личности нѣкоторую таинственность. Вѣрно только то что Домейко былъ дѣйствительно человѣкъ очень раздражительный и болѣзненный. Мозгъ сильно страдалъ отъ избытка умственного напряженія, и доктора не разъ предсказывали ему скорую смерть. Но природа любить иногда подшутить надъ учеными. Молодость брала свое, и смерть не являлась. Арсеній Филипповичъ и самъ какъ будто издѣвался надъ своимъ здоровьемъ. Онъ просиживалъ за работой цѣлыя ночи напролетъ, хватывалъ одну простуду за другой, и медики давно ужъ махнули на него рукой. Въ умъ его никто не сомнѣвался, въ близко сойтись съ нимъ не было никакой возможности. Поклонниковъ у него было много, друзей — никогда. Онъ всякаго оттолкнулъ бы своей раздражительностью и нетерпимостью. Безпощадный къ самому себѣ, онъ не щадилъ и другихъ. Несомнѣнный талантъ, блестящій слогъ, умъ

изложить популярно самый сужой предметъ, поражали въ его статьяхъ. Издали это была звѣзда первой величины, близи — первый человѣкъ, опасный для всякаго силою своей ядовитой насмѣшки.“

Такой человѣкъ, разумѣется, долженъ украшать блескомъ остроумія страницы романа, на которыхъ онъ появляется. Разговоръ его не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ яркимъ фейерверкомъ, отличающимся „избыткомъ умственного напряженія“. Вотъ напримѣръ первая бесѣда его съ героиней романа:

„— Что, въ Малиновкѣ, послѣ моего отъѣзда, не случилось ничего необыкновеннаго? спрашиваетъ Клавдія.

„— Какъ вамъ сказать... Землетрясенія не было.

„— Никакихъ пакниковъ? Ничего въ этомъ родѣ?

„— Позвольте! Какже, какже... бѣгали съ корзинками куда-то въ лѣсъ. Предполагается что за пятнадцать верстъ отъ дома сыръ и колбаса бываютъ гораздо вкуснѣе.

„— Вы участвовали?

„— Въ уничтоженіи сыра и колбасы? Какже. Только я всегда просилъ чтобы мнѣ выдавали провизію заранее, и поѣдалъ ее тутъ же на мѣстѣ. Послѣ этого, разумѣется, ужъ не было надобности отправляться за пятнадцать верстъ.“

Какъ же было докторамъ не предсказать этому человѣку скорой смерти отъ „избытка умственного напряженія“?

Мы не безъ намѣренія знакомимъ читателя съ романомъ гжи Смирновой исключительно посредствомъ цитатъ. Мы и теперь оласаемся чтобы наша статья не была принята за мистификацію; еслибы мы пересказывали содержаніе романа собственными словами, не многіе быть-можетъ повѣрили бы что все это вовсе не шутка съ нашей стороны, что все разказанное нами дѣйствительно пропечатано en toutes lettres въ изящной книгѣ, лежащей предъ нашими глазами. Смѣемъ увѣрить что мы ничего не искали, ничего отъ себя не прибавили; если и затѣмъ статья наша кажется похожею на мистификацію, то это свидѣтельствуешь только до какой степени раздвоилось у насъ пониманіе задачъ и условій изящной литературы. Романъ гжи Смирновой вовсе не есть продуктъ личной авторской бездарности; нѣкоторыя отдѣльныя сцены, характеристики нѣкоторыхъ вводныхъ лицъ, исполнены довольно живо, въ нихъ даже положено чувство.

Если это чувство отзывается фальшью, если идея романа представляетъ нѣчто смѣхотворное, если въ подкладкѣ всего произведенія замѣчается нѣчто въ высшей степени ложное, такъ что читатель иногда принужденъ принимать лаеосъ за иронію и иронію за лаеосъ, то причина всему лежитъ въ невообразимой фальши внесенной въ литературныя и нравственныя понятія нашего времени. Гдѣ существуетъ здоровая и дѣльная критика, гдѣ существуютъ въ особенности крѣпкія литературныя преданія, тамъ романы подобныя *Огоньку* невозможны; тамъ даже начинающій, далеко не первокласный талантъ находитъ въ общепризнанныхъ критическихъ принципахъ и въ преданіяхъ литературной школы необходимыя и твердыя указанія, являющіяся на помощь его собственной неопытности.

А.

Сего 1го іюля 1875 года вышла и разослана подлищикамъ VII, іюльская, книга ежемѣсячнаго историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА.“

Содержаніе книги: I. Архимандритъ *Фотій*, настоятель Новгородскаго Юрьева монастыря: біографическій очеркъ 1798—1838 гг., распоряженія его по монастырю; переписка съ графиней Анной Орловой и пр.—II. Вильгельмъ Карловичъ *Кюльбекеръ*: очеркъ его жизни и литературной дѣятельности; письма къ нему друзей 1817—1825 гг.—III. Воспоминанія О. А. *Пржевальскаго* о министрѣ народа, просвѣщ. Александрѣ Семеновичѣ *Шшковѣ*.—IV. Французская армія предъ войной съ Россіей, 1792—1806 гг. (окончаніе).—V. Александръ Сергѣевичъ *Даргомыжскій*: его письма и замѣтки; идеалъ художника; характеристика М. И. Глинка и пр.—VI. Листки изъ записной книжки *Русской Старины*. 1) Афиша времени Петра Великаго.—2) Отправка сыновей русскихъ купцовъ въ Англію, 1766 г.—3) Пугачевскіе листы 1774 г.—4) Проектъ удаленія Турокъ съ Чернаго Моря, 1780 г. (съ рисункомъ проекта Медали на предполагавшееся взятіе Константинополя Русскими въ 1780хъ гг.).—5) Два приказа Павла I 1799 г.—6) Замыселъ Фигнера въ 1812 г.—7) Гидрографическая карта Россіи въ 1842 г.—8) Разказъ о кончинѣ А. П. Ермолова.—9) Стихотвореніе *Печорина*.—10) Разказы и анекдоты.—VII. Петербургская Старина: новости, объявленія и распоряженія правительства въ 1798 г.—VIII. Замѣтка о портретѣ Фотія.—IX. Библиографическій листокъ русскихъ книгъ.

Приложенія: I. Записки генерала *Манштейна* о Россіи, 1728—1744 гг., переводъ съ французскаго подлинной рукописи автора. Гл. VIII—IX: событія: 1733—1738 гг.—II. Снимки автографовъ русскихъ писателей 1817—1825 гг.—III. Портретъ архимандрита *Фотія*. Рисоваль *К. О. Броуэзъ*, гравироваль академикъ *Л. А. Стряковъ*.

Подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1875 года продолжается. Цѣна за 12ть книгъ, со всѣми приложеніями: портретами, рисунками и снимками—*восемь* рублей съ пересылкой.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ *Русской Старины*—въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова (Нев-

скій, 30); въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ Ив. Григорьевича Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Гг. иногороднимъ подписчиковъ просятъ обращаться *исключительно* въ редакцію *Русской Старины* въ С.-Петербургѣ, Надеждинская, въ домѣ № 42, кв. № 12.

Подписчики получаютъ всѣ вышедшія съ января книги „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1875 г. (Осталось 132 экз.).

РУССКАЯ СТАРИНА 1870 г. (два изд.), 1871 г., 1873 г. и 1874 г. *стала разошлись по подпискѣ. Русскую Старину 1872 г. (второе изданіе) можно получить всѣ 12 книг. (Осталось 35 экз.).*

Оканчивается печатаніемъ въ двухъ типографіяхъ и къ 1му августа 1875 года выйдеть новое, третье, изданіе „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870 г., годъ первый, въ трехъ томахъ всего до 2.600 страницъ съ приложеніемъ портретовъ и до пятидесяти рисунковъ (вишнетокъ), гравированныхъ ака. Сѣряковымъ.

Цѣна за новое изданіе „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870 г. съ приложеніями— 8 руб. съ пересылкой. 6.939.

нашла меня сына. Въ минуту отчаянія я обратилась за утѣшеніемъ къ нашей святой церкви. Въ священникѣ, моемъ духовникѣ, я нашла друга. Я была поражена появленіемъ его словъ какъ я преступна. Довода церковныя ученія до крайности, онъ не допуская чтобы мой первый бракъ, хотя и действительный по закону, не былъ действителенъ предъ лицомъ Неба. Не была ли смерть моего любимого ребенка заслуженнымъ наказаніемъ за грѣхъ мой противъ другаго ребенка, котораго я покинула?

Эти мысли преслѣдовали меня день и ночь. Съ совѣта и одобренія добраго священника я рѣшилась оставить домъ мистера Селби и посвятить себя отыскавію моей покинутой дѣвчѣ.

У меня было тяжелое объясненіе съ мистеромъ Селби. Я объяснила ему о моемъ намѣреніи разойтись съ нимъ. Причиной я выставила мое отвращеніе жить съ еретикомъ, врагомъ святой нашей церкви. Когда мистеръ Селби увидѣлъ что не можетъ поколебать мое рѣшеніе, онъ покорился ему съ терпѣніемъ и великодушіемъ которыя всегда обнаруживалъ. Приступленію моемъ въ бракъ, онъ закрѣпилъ за мной пять тысячъ фунтовъ, которые въ случаѣ его смерти должны были перейти въ полную мою собственность. Онъ предложилъ теперь выдать мнѣ проценты съ этой суммы пока будетъ живъ; оставилъ на своемъ пожеланіи мою падчерицу Исавру и завѣщалъ ей все остальное свое состояніе, кромѣ земельной собственности въ Англіи, которая должна была перейти къ его родственникамъ.

Такъ мы растались, безъ всякой злобы — оба проливая слезы. Я отправилась въ Кюбленцъ. *Madame* Сюрвилъ давно оставила этотъ городъ, посвятивъ нѣсколько лѣтъ по повѣздки въ разнымъ минеральнымъ водамъ, тщетно пытая исцѣленія. Не безъ труда разыскала я послѣднее ея мѣстопребываніе по близости Парижа, но ея уже не было — смерть ея была ускорена потерей всего состоянія, которое ее убѣдили помѣстать въ одну моденническую компанію, разорившую многихъ. Жюли, бывшая при ней во время ея смерти, вкорѣ послѣ того исчезла, никто не могъ сказать мнѣ куда именно; но по нѣкоторымъ намекамъ я поняла что бѣдное дитя, оставленное въ такомъ безпомощномъ положеніи, было увлечено на луть порока.

Можетъ-статься что продолжая поиски я могла бы найти

ее. Вы скажете что предпринять такіе розыски были моимъ долгомъ. Безъ сомнѣнія. Теперь я съ сокрушеніемъ вижу что это такъ. Но не такъ думала я въ то время. Италіанскій священникъ далъ мнѣ вѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ французскимъ дамамъ съ которыми онъ познакомился во время ихъ пребыванія во Флоренціи. Дамы эти были очень благочестивы и чрезвычайно строги къ той вѣтшей обстановкѣ въ которой благочестіе выказывается предъ глазами свѣта. Онѣ приняли меня не только любезно, но съ явнымъ уваженіемъ. Онѣ готовы были видѣть подвигъ самоотверженія въ томъ что я покинула Селби. Преувеличивая простую причину этого поступка приведенную священникомъ въ его письмѣ онѣ представляли что я рѣшилась покинуть роскошный домъ мужа идолопоклонника, не желая жить съ врагомъ моей религіи. Эта новая лесть отуманила меня. Я страшилась мысленно спуститься съ пьедестала на который была такимъ образомъ возведена. Что еслибъ я узнала мою дочь въ такой жецандіи прикосновенія къ платью которой эти благочестивыя дамы также страшились какъ прикосновенія къ рубищу прокаженнаго! Нѣтъ, я не могла бы признать ее, не могла бы дать ей убѣжища подъ моею кровлею. Еслибъ открылось что я состою въ какихъ бы то ни было сношеніяхъ съ такою отверженною никакія объясненія, никакія извиненія, какъ бы далеки ни были они отъ истины, не были бы приняты этими строгими судьями человѣческихъ ошибокъ. Истина же была бы еще хуже. Я постаралась успокоить свою совѣсть. Ища примѣровъ въ томъ кругу гдѣ я заняла такое почетное мѣсто, я не находила ни одного случая чтобы дѣвушка уклонившаяся отъ пути добродѣтели не была отвергнута ближайшими своими родственниками. Я вспомнила о своей матери; не отказал ли отецъ видѣть ее, признавать ея ребенка, только потому что считалъ бракъ ея за *misalliance*, оскорблявшій фамильную гордость? Такая гордость, увы! была у меня въ единственное мое фамильное наследство.

„Такъ продолжалось до тѣхъ поръ пока я почувствовала серьезныя признаки болѣзни, заставившей опасаться за мою жизнь. Тогда совѣсть во мнѣ проснулась и стала мучить меня. Я рѣшила вступить въ монастырь. Опять это была гордость и тщеславіе! Рѣшеніе мое было восхваляемо тѣми чьи мнѣнія надѣивали мой умъ и мое поведеніе. Прежде удаленія изъ монастыря, гдѣ я пишу это письмо, я сдѣлала формальныя

пораженіе относительно капитала который за смертію герцога Сеаби перешелъ въ полную мою собственность. Тысячу фунтовъ было достаточно для вклада въ монастырь; остальные четыре тысячи отданы на храненіе извѣстному нотаріусу *Monsieur N — Rue — —*. Отъ него вы узнаете что въ это, съ выросшими процентами, завѣщана вамъ, какъ въ благодарности за помощь оказанную мнѣ въ то время когда вы сами нуждались, и за доброту съ какою вы признавали мое родство и сострадали моимъ несчастіямъ.

Но постарайтесь разузнать — для мужчины это легче чѣмъ для женщины — что стало съ бѣдною Жюли, и увидѣть сколько найдете нужнымъ и справедливымъ изъ завѣщанной суммы чтобъ обезлечить ее отъ нужды и искушенія. Я не желаю что вы лошадите при этомъ мое имя: я не желала бы чтобъ безчестіе его бросило тѣнь и на васъ.

Я начала писать это длинное письмо съ того дня какъ узнала что вы въ Парижѣ. Оно истощило слабые остатки моихъ силъ. Письмо будетъ передано вамъ прежде свиданія, ибо я такъ боюсь и такъ пламенно желаю. Вы не будете упрекать меня во время этого свиданія, любезный дядя, вы только пожалѣете и постараетесь утѣшить меня; правда ли?

Иногда я считала себя достойною молиться за другихъ, я желала бы: да сохраняютъ васъ всѣ святыя подъ своимъ покровомъ, и приведутъ васъ къ вѣрѣ во святую церковь, которая имѣетъ власть отпускать грѣхи тѣмъ кто раскаивается; а теперь."

Письмо вышло изъ рукъ Виктора. Онъ подвѣялъ его, машинально расправилъ, съ разсѣяннымъ, сострадательнымъ изумленіемъ. Права была настоятельница затрудняясь передать въ его руки исповѣдь въ которой раскрывалась душа такъ проникнутая истинною религіозною вѣрою. Очевидно только долгъ избавить отъ нужды и грѣха покинутую писавшей могъ пересилить всѣ другія соображенія въ пользу женщины и священника съ которымъ она совѣтовалась. Но за странное извращеніе понятій во всемъ письмѣ! какъ почти бессознательное смѣшеніе праваго и неправаго! въ которомъ она упоминаетъ такъ настоятеля и она обращается къ нему съ такимъ пренебреженіемъ; даже религіозное чувство возбужденное совѣстью такъ далеко отъ нрав-

ственныхъ побужденій! опасеніе прослыть менѣе благо стивою между чужими людьми сильнѣе нежели нравствен ная обязанность найти и взять къ себѣ дочь, въ ошибкахъ ко рой, если она впадала въ ошибки, мать, такъ эгоистиче ски покинувшая ее, одна была отвѣтственна! даже предъ ко домъ, при приближеніи смерти, эта забота объ имевш, безупречности котораго она никогда ничѣмъ не жертвовала и это заключительное увѣщаніе, эта увѣренность въ сво раскаяніи, въ которой столько самодовольства!

Еще болѣе изумился бы Викторъ де-Молеонъ еслибы зна о сходныхъ чертахъ въ характерѣ и объ одинаковости за щаній Луизы Дюваль и ея мужа отъ котораго она скры лась. По одному изъ тѣхъ странныхъ совпаденій котор ые если о настоящемъ трудѣ будутъ судить по обыкновеннымъ правиламъ, предъ обыкновенными читателями романъ критикъ можетъ не безъ основанія отнести къ недоста точности изобрѣтательности автора, средства къ жизни для этого ребенка, покинутого родителями при жизни, довѣрены были матери и скромности душеприкащиковъ, съ порученіемъ стороны удалившейся отъ міра Луизы и „безупречнаго Ки нга“ уважать ихъ свѣтскую репутацію. Родители этого ребенка такъ несхожіе по общественному положенію, религіознымъ убѣжденіямъ, наклонностямъ, сошлись въ той сторонѣ лю бимаго характера которая прикасается къ неопредѣленному ко лодскому мнѣнію. Для Ричарда Кинга здѣсь было довольно важное оправданіе, такъ какъ онъ желалъ сохраненія репутации не ради себя, но ради памяти той которую свѣтъ знаетъ какъ его уважаемую жену. Поведеніе Луизы не имѣло никакого оправданія; предъ смертью она осталась тѣмъ чѣмъ была всю жизнь, себялюбивсю эгоисткой. Но каковы бы ни были побужденія родителей, какая судьба по сле покинутого ребенка? Какая кара общественнаго мнѣнія избѣгнутая родителемъ, падетъ на невинное дитя, кото рому должно быть тайно передано все ихъ земное достояніе? дѣть ли все золото Офира достаточнымъ вознагражденіемъ для нея?

Де-Молеонъ медленно поднялся и перешелъ съ уединеннаго мѣста гдѣ сидѣлъ къ болѣе люднымъ частямъ укрѣпленія. Онъ проходилъ мимо группы молодыхъ *Moblots*, у котор ыхъ ружейные стволы были обвиты цвѣтами. „Если въ Парижѣ достаетъ хлѣба“, сказалъ одинъ изъ нихъ, „за то никогда н

достатка въ цвѣтахъ“. Товарищи его весело засмѣялись и пустили непристойную лѣсню, въ которой осмѣивался Троцкий. Въ это время, въ нѣсколькихъ саженяхъ впереди группы, разорвалась бомба. Взрывъ ея только на минуту прервалъ лѣсню, но сразу поразили человѣка въ грубой, оборванной одеждѣ мертвого и слышавшаго лѣніе. На крикъ его къ нему подняли двое: одинъ былъ Викторъ де-Молеонъ; другой докторъ, оставившій другую группу зѣвакъ, національгардовъ, и шедшій туда гдѣ требовалась его помощь. Несчастный лежалъ страшно изувѣченъ. Медикъ, взглянувъ на де-Молеона, указавъ на него руками и сказалъ: „безнадеженъ!“ Страдалецъ обратилъ свои бауждающіе глаза на виконта и проговорилъ задыхаясь:

— *Monsieur* де-Молеонъ?

— Да, это я, отвѣчалъ Викторъ удивленный и не сразу понявъ умирающаго.

— Живъ Лебо! посмотрите на меня: узнаете меня теперь? Я былъ Леру, *concierge* Тайнаго Совѣта. Я давно узнавалъ васъ такой, я свидѣлъ за вами послѣднѣе засѣданіе, которое вы распустили. Но я не выдавалъ васъ, иначе давно были бы убиты. Берегитесь прежнихъ сообщниковъ, берегитесь....

Слова его замерли въ страшныхъ крикахъ отъ боли. Прерывая со страшнымъ усиленіемъ послѣднюю агонію онъ съ трудомъ проговорилъ:

— Вы должны мнѣ услугу... навѣстите малютку дома... она умираетъ съ голода.

Слова эти послужили предсмертнымъ хрипѣніемъ; черезъ нѣсколько минутъ онъ не стало.

Викторъ отдалъ приказъ увести тѣло и послѣдовалъ прочь. Докторъ, который измѣнился въ лицѣ услышавъ имя какимъ-то шепотомъ называлъ де-Молеона, молча смотрѣлъ вслѣдъ удаляющагося виконта, потомъ также оставивъ мертваго, возвратился къ группѣ гдѣ стоялъ прежде. Нѣкоторые изъ бывшихъ здѣсь, въ послѣдствіи, во время войны съ коммунистами, приобрѣли дурную славу и имѣли печальный конецъ: въ ихъ числѣ были Полякъ Лубинскій и другіе члены Тайнаго Совѣта. Итальянецъ Разелли также былъ тутъ, но не придавая значенія своимъ французскимъ *confrères*, онъ предсказывалъ судьбу коммунистовъ и бѣжалъ на родину, гдѣ безъ сомнѣнія ожидаютъ его посмертныя почести.

и долгая слава, которою Италия награждаетъ тѣхъ изъ ихъ сыновъ что проповѣдовали рѣзню изъ любви къ чести.

Среди этой группы былъ также одинъ національгардуншій съ своего поста и растянувшійся на мерзлой землѣ; смотри на равнѣй часъ онъ спалъ глубокимъ своимъ пьян

— Чтѣ, сказалъ Лубинскій, — помощь ваша была напрасна, гражданинъ Ленуа? Еще одна жертва глупости сихъ генераловъ.

— И это одинъ изъ нашихъ, отвѣчалъ *Médecin des Pauvres* помните бѣднаго Леру который стерегъ развилку гдѣ сражался Совѣтъ Десяти? Оазъ лежитъ тамъ.

— Не вспоминайте о Совѣтѣ Десяти. Какіе глупцы и стаки были мы въ рукахъ этого *vieux grédin* Жана Л Желалъ бы я еще разъ встрѣтиться съ нимъ!

Гаспаръ Ленуа уаыбнулся саркастически.

— Тѣмъ хуже было бы для васъ. Спичаъ и безпоцаа человекъ этотъ Жанъ Лебо.

Онъ повернулся къ спавшему пьяному національгарду сталъ будить его.

— Арманъ, Арманъ Монье, вставайте говорить вамъ, трите глаза! Чтѣ если васъ потребуютъ къ вашему по Чтѣ если васъ сочтутъ за труса и дезертира?

Арманъ повернулся, поднялся изъ лежачаго въ сидачее ложеіе и уставился безмысленными глазами въ лицо *Médecin des Pauvres*.

— Мнѣ снилось что я схватилъ за горло, сказалъ Арманъ Монье свирѣло,—того *aristo* чтѣ убилъ моего брата; и, в те ли, ихъ было двое, Викторъ де-Модеонъ и Жанъ Лебо

— А! сны иногда что-нибудь да значать, сказалъ медикъ Изъ тысячи разъ одинъ сонъ сбывается.

Г Л А В А V.

Настулило время когда въ скромномъ хозяйствѣ Исаври оставалось болѣе никакихъ запасовъ, ни провизіи, ни топлива то и другое было нужно ей не только для себя и для Венюло и для слугъ которыхъ она привезла съ собой изъ Италии которыхъ теперь не могла рѣшиться отпустить, зная что угрожала бы голодная смерть. Правда, одинъ изъ троихъ, и

да, вернулся на родину до начала осады; но двѣ женщины остались. Онѣ поддерживали себя теперь какъ могли скудными раціонами выдаваемыми отъ правительства. Исавра продолжала посѣщать лазаретъ въ устройствѣ котораго принимала участіе. Дамы занимавшіяся тамъ вмѣстѣ съ ней охотно могли бы снабдить ее всѣмъ необходимымъ: но онѣ не имѣли восятія о ея недостаткахъ; между высшими классами преобладала ложная гордость, которой не чужда была и Исавра, гордость побуждавшая скрывать свои лишенія изъ опасенія получить подаяніе.

Недостатки въ хозяйствѣ тщательно скрывались отъ родителей Густава Рамо, пока однажды *Madame* Рамо, войдя въ тотъ часъ когда она ежедневно, а мужъ ея по временамъ, находили мѣсто у очага и готовый приборъ за столомъ, нашла въ каминѣ одну золу, а на столѣ раціонъ, состоявшій изъ черной отвратительной смѣси замѣнявшей хлѣбъ.

Исавра не было дома, она ушла въ госпиталь, ушла съ намѣреніемъ избѣжать тяжелой обязанности сообщать роднымъ своего сына что не можетъ продолжать свою помощь имъ, помощь въ которой отказывалъ имъ сынъ; и еще болѣе избѣгая слышать упреки по поводу его поведенія и жалобы что въ послѣднее время, среди такой нужды и такихъ испытаній, онъ совершенно оставилъ и ихъ и ее. Правда, насколько это касалось лично она была довольна его отсутствіемъ. Она поинтересовалась была не была ли она теперь свободна отъ обязанности вынужденнаго у нея увѣреніемъ что она имѣетъ силу направить къ добру жизнь того кто теперь добровольно удался отъ нея. Такъ какъ она никогда не любила Густава, то не была огорчена равнодушіемъ какое онъ выказывалъ своимъ поведеніемъ. Напротивъ, она радовалась, видя въ этомъ доказательство что разрывъ ихъ будетъ также пріятенъ ему какъ и ей. Еслибъ это случилось, она могла бы сохранить къ нему ту сострадательную дружбу какую привыкла питать во время его болѣзни и раскаянія. Она рѣшилась воспользоваться первымъ случаемъ чтобы поговорить съ нимъ съ полною откровенностью и прямотой. Но ея мягкая натура не позволяла ей до сихъ поръ осознаться въ своемъ рѣшеніи и обратиться къ Густаву съ предложеніемъ разойтись навсегда.

Итакъ Вевоста одна встрѣтила *Madame* Рамо, и пока она сидѣла все еще оглядываясь вокругъ, будучи слѣшкомъ полна чтобы начать говорить, вошелъ ея мужъ; выраженіе

лица его не было похоже на обыкновенное; онъ имѣлъ видъ человѣка раздраженнаго до бѣшенства и пришедшаго къ какому-то суровому рѣшенію. Это перемѣна въ лицѣ обыкновенно добродушнаго буржуа не была замѣчена женщинами. Веноста даже не подвѣла на него глазъ и проговорила смѣрными тономъ:

— Простите, *Monsieur*, простите, *Madame*, недостатокъ гостеприимства съ нашей стороны; это происходитъ не отъ недостатка радушія. Мы скрывали отъ васъ наше положеніе сколько могли. Теперь оно говоритъ само за себя: *la fame è una brutta festina*.

— О, *Madame!* о, моя бѣдня Исавра! воскликнула *Madame* Рамо заливаясь слезами. — Все это время мы были для васъ лишнею обузой, мы помогаи вамъ дойти до такой крайности! Можемъ ли мы когда-нибудь получить прощеніе? А сына нашъ.... оставить насъ такимъ образомъ.... не сказать намъ даже гдѣ найти его!

— Не унижай насъ, жена, сказалъ Рамо съ неожиданнымъ достоинствомъ, — будто мы можемъ кланяться прося помощи нашего неблагодарнаго сына. Нѣтъ, мы не умремъ съ голоду! Я еще достаточно силенъ чтобы добывать для васъ хлѣбъ. Я буду просить чтобы меня опять приняли въ національную гвардію. Жалованье для женатыхъ увеличено; теперь отъ семейства даютъ почти два съ половиной франка въ день, и на эти деньги мы можемъ по крайней мѣрѣ жить. *Courage*, жена! Я сейчасъ же иду проситься на службу. Многие старшие мѣсяцъ службу на укрѣпленіяхъ и пойдутъ въ битву при слѣдующей вылазкѣ.

— Нѣтъ, этому не бывать, воскликнула *Madame* Рамо съ страстью обвивая руками шею мужа. — Я больше тебя любила сына — и тѣмъ стыднѣе для меня. Теперь же я окорѣю люте рьяла бы двадцать такихъ сыновей, нежели подвергать опасности твою жизнь, милый Жакъ! *Madame*, — продолжала она обращаясь къ Веностѣ, — ты была умнѣе меня. Ты всегда противилась союзу твоего молодого друга съ моимъ сыномъ. Я тогда сердилась на тебя за это — мать всегда себѣ бива если ставитъ себя на мѣсто своего ребенка. Я думала что только женитьба на такой чистой, благородной, святой дѣвушкѣ, можетъ спасти Густава отъ волъ и грѣховъ. Я обманулась. Для человѣкъ который такъ безсердеченъ къ родителямъ, такъ пренебрегаетъ своею невѣстой, нѣтъ спасенія!

Я устроила это сватовство; теперь скажи Исавръ что я освобождаю ее. Я внимательно наблюдала за ней. Я знаю сколько несчастія приносила ей мысль объ этой помолвкѣ, хотя съ своею высокою преданностью давнему слову она старалась скрыть отъ меня настоящее состояніе своего сердца. Если помолвка приносить ей столько горя, что же было бы послѣ свадьбы! Передай ей это отъ меня. Уйдемъ, Жакъ, уйдемъ.

— Остановитесь, *Madame!* воскликнула Веноста; ея впечатлительная натура была тронута такимъ честнымъ порывомъ чувства. — Правда что я противилась насколько могла помолвкѣ моей *Piccola* съ *Monsieur* Густавомъ. Но я не рѣшусь исполнить вашей просьбы. Исавра не станетъ слушать меня. И, будьте справедливы; *Monsieur* Густавъ можетъ-быть разъяснить удовлетворительно свое кажущееся равнодушіе и пренебреженіе. Здоровье его всегда было очень слабо; можетъ-быть онъ опять опасно заболѣлъ. Онъ служитъ въ національной гвардіи; можетъ-быть....

Она остановилась, но мать отгадала недосказанное слово, и влещущъ руками воскликнула съ отчаяніемъ:

— Можетъ-быть умеръ! А мы такъ оскорбляли его! О, Жакъ, Жакъ! Какъ намъ найти его, какъ найти нашего мальчика? Кто можетъ сказать намъ гдѣ искать его: въ госпиталѣ, или на кладбищѣ?

При послѣднихъ словахъ она упала въ кресло и все тѣло ея потрясало рыданіями.

Жакъ приблизился къ ней съ вѣжностью и олутившись около нея на колѣни сказалъ:

— Нѣтъ, *m'amie*, утѣшься, если только можно найти утѣшеніе въ томъ что твой сынъ живъ и здоровъ. Хотя лучше было бы еслибъ онъ умеръ еще ребенкомъ. Я видѣлъ его, говорилъ съ нимъ. Я знаю гдѣ можно найти его.

— Ты знаешь и скрывалъ отъ меня? О, Жакъ!

— Послушай меня, жена, и вы также, *Madame*; потому что то что я скажу должно сдѣлаться извѣстнымъ *Mademoiselle* Шаронъ. Нѣсколько времени тому назадъ, въ ночь славной свадьбы, когда я былъ на укрѣпленіяхъ, мнѣ сказали что Густавъ присоединился къ самымъ ярнымъ изъ красныхъ республиканцевъ, и произносилъ въ *Club de la Vengeance* такія рѣчи о которыхъ я могу сказать одно, что я, его отецъ и Французъ, со стыдомъ повѣсилъ голову когда мнѣ ихъ по-

вторили. Я рѣшилася самъ пойти въ этотъ клубъ. Я слышала какъ онъ говорилъ, слышала какъ онъ отвергалъ христіанство, называя его орудіемъ тирановъ.

Обѣ женщины вскрикнули и затрелетали.

— Когда собраніе стало расходиться, я отвелъ его къ дѣрямъ. Я говорилъ съ нимъ серьезно. Сказалъ въ какое отчаяніе повергнетъ его рабскую мать если она узнаетъ о такихъ богохульныхъ рѣчахъ. Сказалъ что считаю своею обязанностью передать это *Mademoiselle* Чигонь, и предостеречь ее отъ союза къ которому, по его словамъ, его влекла сердечная склонность. Онъ повидимому былъ искренно тронутъ моими словами; умолялъ меня не говорить ничего ни матери, ни невѣстѣ, обѣщая съ этимъ условіемъ тотчасъ же отказаться отъ того что онъ называлъ „своей карьерой оратора“, и никогда больше не показываться въ этихъ ужасныхъ клубахъ. Это побудило меня не говорить ни слова. Зачѣмъ, когда такъ много другихъ поводовъ къ огорченію и страданію, сталъ бы я рассказывать тебѣ, жена, о такомъ грѣхѣ въ которомъ я надѣялся что онъ раскается и исправится? И Густавъ сдержалъ слово. Съ этого вечера онъ никогда больше, насколько мнѣ извѣстно, не бывалъ по крайней мѣрѣ не произносилъ рѣчей, въ красныхъ клубахъ.

— Благодареніе Богу, прошептала *Madame* Рамо.

— Да; но послушай дальше. Черезъ вѣсколько времени послѣ того какъ я встрѣтился съ нимъ, онъ перемѣнилъ квартиру, и не сообщилъ намъ своего новаго адреса, выставая причиной что хочетъ избѣгнуть этой несносной *Mademoiselle* Жюли.

Говоря это Рамо понизилъ голосъ до шепота, такъ чтобъ его слышала только жена, но слухъ Вевосты былъ достаточно тонокъ чтобъ уловить эти слова, и она повторила:

— *Mademoiselle* Жюли! *Santa Maria!* кто это такая?

— О, сказалъ Рамо пожимая плечами, и съ истинно парижскимъ хладнокровіемъ отвоеся къ такимъ предметамъ морали,—пустяки на которые не стоить обращать вниманія. Понятно что красивый *garçon* какъ Густавъ имѣлъ маленькія сердечныя дѣлшки прежде чѣмъ устроился въ жизни къ несчастію, въ числѣ другихъ, Густавъ встрѣтилъ дѣвушкѣ съ ужаснымъ характеромъ, которая, съ тѣхъ поръ какъ онъ оставилъ ее, не перестаетъ его преслѣдовать, и онъ естественно желалъ избѣгать всякаго повода къ глупому скандалу, хотя бы изъ уваженія къ своей невѣстѣ. Но я открылъ что это не былъ

настоящій, или по крайней мѣрѣ не былъ единственный поводъ его укромательства. Мужатся, бѣдная жена моя. Ты слышала объ этихъ ужасныхъ журналахъ которые появились у насъ послѣ *déchéance*. Нашъ бѣдный мальчикъ главный поставщикъ одного изъ худшихъ между ними, гдѣ онъ пишетъ подъ именемъ Дидеро *le jeune*.

— Какъ! вскрикнула Веноста,—это чудовище! Добрый аббатъ Вертире говорилъ намъ о статьяхъ съ этою подписью. Самъ аббатъ названъ въ нихъ по имени, какъ одинъ изъ священниковъ которые навязчиво вмѣшиваются въ чужія дѣла и которые должны или служить какъ солдаты или подвергнуться мщенію *canaille*. Женихъ Исавры богохульникъ!

— Пойдите! пойдите! сказала *Madame* Рамо вставая, сильно поблѣднѣвъ, но сохраняя самообладаніе.—Какъ ты узналъ это, Жакъ?

— Изъ словъ самого Густава. Я въ первый разъ услышалъ объ этомъ вчера, отъ одного изъ молодыхъ негодяевъ съ которыми онъ обыкновенно водилъ дружбу, и который даже поздравлялъ меня съ возникающей славой моего сына и восхищалъ краснорѣчіе его статьи появившейся въ этотъ день. Но я не далъ ему вѣры. Купилъ номеръ журнала—вотъ онъ; посмотрѣлъ имя и адресъ издателя, пошелъ сегодня утромъ въ его контору; тамъ мнѣ сказали что Дидеро *le jeune* занятъ просмотромъ корректуры; я подождалъ на улицѣ у дверей, и когда Густавъ вышелъ, я схватилъ его за руку и спросилъ его *да или нѣтъ*, онъ ли авторъ нечестивой статьи—вотъ этой, которую я держу теперь въ рукахъ. Онъ съ гордостью призналъ себя авторомъ; съ увлеченіемъ сталъ говорить какой онъ великій человекъ; какія великія дѣла ему суждено совершить; говорилъ что если онъ до сихъ поръ скрываетъ свое имя, то дѣлалъ это только изъ снисхожденія къ ханжеству и предрасудкамъ своихъ родителей и своей мѣсты; и что если гений, подобно пламени, пробиваетъ себѣ путь, то онъ въ этомъ не виноватъ; что время когда его идеи станутъ господствующими быстро приближается; что начиная съ октября коммунисты приобрѣтаютъ все большую власть, и только выжидаютъ окончанія осады чтобы свергнуть настоящее правительство, и вмѣстѣ съ нимъ все лицемеріе, всю ложь, религіозную и социальную. Жена, онъ былъ грубъ со мною, былъ оскорбителемъ; но онъ былъ лъганъ, такъ объясняется его неосторожность: онъ продолжалъ идти

рядомъ со мной до своей квартиры и тамъ насмѣшливо пригласилъ меня войти, говоря что я встрѣчу людей „которые скоро заставятъ меня отказаться отъ моихъ устарѣлыхъ мнѣнй“. Теперь ты можешь идти къ нему, жeda, если хочешь. Я не пойду, и не приму отъ него ни крохи хлѣба. Я пришелъ сюда рѣшившись передать все это молодой особѣ, если найду ее дома. Я былъ бы безчестнымъ человѣкомъ еслибъ допустилъ чтобъ она была обманута и сдѣлалась несчастною. Вотъ, *Madame Веноста*, вотъ! Возьмите этотъ журналъ, передайте его *Mademoiselle* и повторите все что отъ меня слышали.

Monsieur Рамо, обыкновенно самый кроткій изъ людей, говоря это пришелъ въ совершенное бѣшенство.

Жена его, хотя сохранявшее большое спокойствіе, но болѣе глубоко тронутая, сдѣлала Веностѣ жалобный знакъ чтобъ она не говорила больше, и не прощаясь, взяла мужа за руку и вывела изъ дому.

Г Л А В А VI.

Получивъ отъ мужа адресъ Густава, *Madame* Рамо, одна, по темнѣвшимъ улицамъ, послѣдила на квартиру сына. Домъ гдѣ онъ жилъ находился въ кварталѣ не похожемъ на тотъ въ которомъ навѣщала его Исавра. Тогда улица гдѣ онъ жилъ была въ центрѣ *beau monde*; теперь же его помѣщеніе находилось въ тѣхъ мѣстностяхъ многолюдной столицы гдѣ къ *beau monde* относятся съ презрѣніемъ или насмѣшкой; тѣмъ не менѣе домъ былъ съ нѣкоторыми претензіями; при немъ былъ дворъ для экипажей и ложа привратника. Пройдя по указанію во второй этажъ, *Madame* Рамо нашла дверь отворенною настежь и войдя увидѣла на столѣ въ небольшой залѣ остатки пира, которые, хотя не прельстятъ бы никого въ болѣе счастливые дни, но все-таки сильно отличались отъ скудной пищи дѣлать которую за столомъ его его невѣсты родители Рамо почитали за счастье; это были остатки кушаній представлявшихъ новинку для роскошнаго эпикурейца и слишкомъ дорогихъ для болѣе простыхъ желудковъ: великолѣпные куски слонины, гиллопотама, волка, въ перемежку съ опорожненными до половины бутылками. Пройдя мимо этихъ доказательствъ несвоевременной расточитель-

ности съ чувствомъ злобы и отвращенія, *Madame Рамо* проникла въ маленькій кабинетъ, куда дверь также не была притворена, и увидѣла сына, который лежалъ въ постелѣ полуодѣтый, и тяжело дыша спалъ сномъ пьянаго. Она не пыталась потревожить его. Тихо сѣла около постели, глядя съ грустью на его лицо, на которое когда-то взирала съ гордостью и которое теперь было угрюмо и поблекло, но все еще сохранило свою красоту, хотя это была красота руины.

Время отъ времени онъ безпокойно шевелился, произносилъ отрывочныя слова, перемѣшивая выдержки изъ собственныхъ изящно отдѣланныхъ стиховъ съ грубымъ *argo*, съ которыми обращался къ воображаемымъ собесѣдникамъ. Въ свидѣніи онъ очевидно слова переживалъ свою послѣднюю попойку, по временамъ уклоняясь въ поэтическій міръ, въ которомъ онъ былъ скорѣе блуждающимъ вомадомъ, нежели ослѣднымъ дѣлателемъ. Тогда она осторожно смачивала его горѣвшіе виски душистою водою которую нашла на его туалетномъ столѣ. Такъ сидѣла она и стерегла его, пока среди ночи онъ проснулся, и возвратился къ сознанию съ быстротою изумившей *Madame Рамо*. Онъ дѣйствительно былъ однимъ изъ тѣхъ людей у которыхъ сильное опьяненіе, если оно сопровождалось сномъ, сѣвляется необычайною кротостью, происходящею отъ улады нервовъ, и сокрушеннымъ раскаяніемъ, которое для матери показалось благопріятнымъ проблескомъ нравственнаго чувства.

Увидавъ ее онъ припалъ къ ней на грудь и залился слезами. *Madame Рамо* не имѣла духу сурово упрекать его. Но кротко и постепенно дала ему понять горе какое онъ причинилъ отцу и бѣдственное положеніе въ какомъ онъ покинулъ своихъ родителей и невѣсту. Въ настоящемъ настроеніи духа Густавъ былъ глубоко тронутъ этимъ разказомъ. Онъ слабо защищался, ссылаясь на тревожныя времена, слишкомъ сильныя умственныя занятія, примѣръ товарищей; среди извиненій у него со страстью вырывались выраженія раскаянія; и еще до разсвѣта мать и сынъ совершенно примирились. Послѣ того онъ заснулъ спокойнымъ сномъ; и *Madame Рамо*, крайне измученная, также заснула сидя въ креслѣ около его постели и обвивъ рукой его шею. Онъ проснулся прежде ея, въ поздній часъ утра; тихо освободившись отъ ея руки онъ пошелъ къ своей *escritoire*, вынулъ оттуда деньги какія на-

шелъ тамъ; половину положилъ къ ней на кофѣи и принялся цѣловать ее пока она проснулась.

— Матушка, сказалъ онъ, — отнынѣ я буду работать для тебя и для отца. Возьми эту бездѣлицу; остальное я сохрѣю для Исавры.

— Какая радость! я опять нашла моего сына. Но Исавра, я боюсь что она не возьметъ твоихъ денегъ и всякая мысль объ ней должна быть оставлена.

Густавъ уже повернулся къ зеркалу и старательно разчесывалъ свои темныя кудри: это денежное пожертвованіе приорило его съ собою, и тщеславіе его снова оживило.

— Нѣтъ, сказалъ онъ весело, — я думаю что я не покину ее; и когда она увидитъ и услышитъ меня, не можетъ быть чтобъ она сама захотѣла отъ меня отказаться! Теперь мы позавтракаемъ и послѣ того я тотчасъ же отправляюсь къ ней.

Между тѣмъ Исавра, возвращаясь домой при наступленіи ранней ночи, увидала у дверей своей квартиры телѣгу на которую нагружалась часть мебели, не особенно необходимой, и Веносту стоящую на порогѣ и распорядившуюся перевозкой.

— А, *Piccola!* сказала она стараясь казаться веселой; — я ждала тебя такъ рано. Послушай! я сдѣлала великолѣпную спекуляцію. Я нашла покупщика на эти вещи, которыя теперь не особенно нужны, и вмѣсто которыхъ можно купить другія еще лучше, когда кончится осада и у насъ опять будутъ деньги. Покупщикъ платитъ чистыми деньгами и ты сегодня не ляжешь спать безъ ужива. Всѣ бѣды перенесутся легче когда покушаешь.

Исавра слабо улыбнулась, поцѣловала Веносту въ щеку и прошла утомленными шагами въ гостиную. Тамъ она сѣла, смотря разсѣяннымъ взоромъ на олуствѣвшую комнату, освѣщенную единственною свѣчкой.

Когда Веноста вернулась въ комнату, за ней шли служанки и несли кушанье какого онъ не видалъ уже нѣсколько дней: настоящаго кролика, картофеля, *marrons glacés*, бутылку вина и охапку дровъ. Огонь въ каминѣ, который Веноста раздувала мѣхами, скоро ярко разгорѣлся. Только тогда когда кушанье, къ которому Исавра, несмотря на свою слабость, едва прикоснулась, было передано служанкамъ, и въ каминѣ подложено новое полено дровъ, Веноста приступила къ предмету который тяготилъ ея сердце. Она сдѣлала это съ веселою улыбкой, взявъ Исавру за обѣ руки и нѣжно пожимая ихъ:

— Дитя мое, у меня для тебя такія хорошія вѣсти! Ты освобождена, ты свободна!

Она повторила то что разказывалъ *Monsieur* Рамо и въ заключеніе передала ей нумеръ безбожнаго журнала Густава.

Пока Исавра читала его, губы ея были сжаты, цвѣтъ лица мнѣлся. Прочтя она опустилась на колѣни—не для того чтобы благодарить Небо что оно избавило ее отъ союза который былъ такъ тяжелъ для ея души—но молясь со слезами чтобы Господь спасъ, обратилъ на истинный путь душу которую она не имѣла силъ обратить къ Нему. Все прежнее неудовольствіе противъ Густава прошло: оно смѣнилось невыразимымъ состраданіемъ.

Г Л А В А VII.

Когда, незадолго предъ полуднемъ, Густавъ былъ введенъ служанкой въ залу квартиры Исавры, печальный видъ комнаты, лишенной своего прежняго изящества, поразилъ его чувствомъ недовольства, которое заглушило въ немъ чувство раскаянія. День былъ очень холодный; единственное пламя дровъ въ каминѣ не горѣло; въ комнатахъ было всего два или три стула; даже прекрасный яркій коверъ исчезъ. Зубы его стучали; и онъ отвѣтилъ однимъ сухимъ кивкомъ служанкѣ которая доложила ему что *Madame* Веноста вѣтъ дома, а *Mademoiselle* Чиговья еще не выходила изъ своей комнаты.

Истинный Парижанинъ такого сорта какъ Рамо всегда соединяетъ съ любовью къ женщинамъ нѣкотораго рода изящную обстановку, красивый будуаръ, веселый огонь въ каминѣ, покойное кресло. При отсутствіи этихъ атрибутовъ, *fugit retro Venia*. Если Англичанинъ изобрѣлъ слово *комфортъ*; то Парижанинъ больше всего цѣнитъ его. И отсутствіе комфорта въ домѣ гдѣ онъ привыкъ встрѣчать его представляется ему какъ бы оскорбленіемъ его личнаго чувства.

Оставшись на нѣсколько минутъ одинъ въ комнатѣ, Густавъ принялся растапливать каминъ, ворча про себя: „*Par tous les diables, quel chien de rhume je vais attraper!*“ Услышавъ шелестъ платья и легкую, медленную походку онъ оглянулся. Предъ нимъ стояла Исавра. Видъ ея изумилъ его. Онъ прищелкнулъ готовясь встрѣтить серьезное недовольство и холодный

пріемъ. Но въ выраженіи лица Исавры было столько доброты, столько кротости и нѣжности, сколько ему не случалось видѣть со времени ихъ помолвки.

Зная отъ матери что было разказано отцомъ къ его осужденію, онъ подумалъ про себя: „Однакоже эта дѣвушка любить меня больше чѣмъ я полагаалъ. Она умна и не можетъ претендовать на то чтобы руководить мѣнѣями такого человека какъ я.“

Онъ приблизился съ веселымъ, самоувѣреннымъ выраженіемъ, взявъ ея руку, которую она уступила спокойно, подвел ее къ одному изъ немногихъ оставшихся стульевъ и сѣлъ рядомъ съ ней.

— Милая Исавра, сказалъ онъ, не переставая быстро говорить во все время пока исполнялъ эту церемонію.—Нужно ли увѣрять васъ что я не имѣлъ понятія о томъ положеніи до какого довела васъ глупость нашего правительства и трусость или скорѣе предательство нашихъ генераловъ. Я только вчера вечеромъ узналъ объ этомъ отъ матери. Я постыжился заявить мое право раздѣлить съ вами скромныя средства которыя я добылъ умственнымъ трудомъ, поглащающимъ все время которею тяжелая военная служба оставалась для талантовъ, поддерживавшихъ меня даже теперь, когда менѣе энергичныя умы влали въ алатію.

Съ этими словами онъ выложилъ около нея на столъ нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ монетъ.

— Густавъ, сказала Исавра,—я очень рада видѣть доказательство что я не ошибалась утверждая что несмотря на все несмотря на всѣ ваши ошибки, у васъ доброе сердце. Слѣдуйте только его влеченіямъ, и....

— Оно всегда влечетъ меня къ твоимъ ногамъ, прервалъ ее Густавъ съ пафосомъ который звучалъ нѣсколько театрално и искусственно.

Дѣвушка улыбнулась, безъ горечи, безъ насмѣшки; тѣмъ не менѣе улыбка ея не понравилась Густаву.

— Бѣдный Густавъ, сказала она съ грустнымъ отрывкомъ въ голосъ, звучащемъ кротостью, — развѣ вы не понимаете что настало время когда такіе избитые комплименты не соответствуютъ нашимъ измѣнившимся отношеніямъ. Нѣтъ, выслушайте меня терпѣливо; и пусть мои слова прі этомъ послѣднемъ нашемъ свиданіи не оскорбляютъ васъ. Если кто-нибудь изъ насъ заслуживаетъ упрека за эт

попешную помолвку, такъ это я Густавъ, когда вы, преувеличивая въ своемъ воображеніи ваши чувства ко мнѣ, говорили съ такимъ жаромъ что отъ моего согласія на вашъ союзъ зависитъ ваше здоровье, ваша жизнь, ваша карьера, что мой отказъ погубитъ васъ и съ отчаянія заставить искать спасенія въ томъ отъ чего ваши друзья, ваша мать, долгъ служать благу человечества и божественнымъ цѣлямъ кажны были удалить и спасти васъ—когда вы говорили это я вѣрила всему, мнѣ казалось что само Небо повелѣваетъ мнѣ не покидать душу взывающую ко мнѣ въ критическую минуту своей борьбы и опасностей. Густавъ, я раскаиваюсь теперь, я была виновата.

— Какимъ образомъ?

— Я преувеличивала мое вліаніе на ваше сердце; еще больше можетъ-быть преувеличивала свою власть надъ собственнымъ сердцемъ.

— Надъ вашимъ? Теперь я ловимаю. Вы не любите меня?

— Я никогда не говорила что любила васъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ вы употребляете это слово. Я говорила что такой любви какую вы описывали въ вашихъ стихахъ и о какой, — забывала она заливаясь; щеки ея вспыхнули и руки крѣпко жались.—я можетъ-быть мечтала, что такой любви я не могу дать вамъ. Вы объявляли что удовольствуетесь тѣмъ чувствомъ какое я могу вамъ дать. Позвольте! дайте мнѣ договорить. Вы сказали что расположеніе мое къ вамъ увеличится, можетъ перейти въ любовь, когда я больше узнаю васъ. Но этого не случилось. Нѣтъ, расположеніе мое прошло даже прежде нежели въ эти дни испытаний и горя я убѣждалась насколько мое пренебреженіе непохоже было на любовь о какой вы говорили. Вамъ вѣтъ надобности извиняться въ немъ, потому что оно не огорчило меня.

— Вы поистинѣ жестоки, *Mademoiselle*.

— Нѣтъ, я поистинѣ добра. Я желаю чтобы вы не чувствовали боли при нашемъ разставаньи. Я рѣшила, когда кончится осада, и наступитъ время говорить откровенно о нашей помолвкѣ, оказать вамъ какъ страшить меня мысль о нашемъ союзѣ; сказать что для счастья насъ обоихъ будетъ лучше если мы возвратимъ другъ другу данное слово. Время это казалось раньше чѣмъ я думала. Еслибы даже я любила васъ, Густавъ, такъ глубоко какъ... какъ напримѣръ любятъ герои коммандовъ, я и тогда не осмѣлилась бы выйти замужъ за чело-

вѣка который призываетъ смертныхъ къ отреченію Божества къ разрушенію его алтарей, и признанію благоговѣнія предъ Нимъ за преступленіе. Нѣтъ; я скорѣе умерла бы отъ разбитія сердца, чтобы быть въ числѣ душъ которыя имѣютъ счастье молить Божеотвеннаго Искупителя о милостивомъ ие посланіи свѣта на тѣхъ кого любили и кто остается въ земной тьмѣ.

— Исавра! воскликнулъ Густавъ; на его измѣничивыи тепераментъ произвели впечатлѣніе не слова Исавры, но страстная горячность съ какой они были высказаны, и изящество духовной красоты какою озарилось ея лицо. — Исавра, я заслужилъ ваше неодобрѣніе, вашъ приговоръ, но не просите меня возвратить вамъ ваше слово. У меня нѣтъ силъ сдѣлать этого. Теперь больше чѣмъ когда-нибудь, больше чѣмъ когда впервые получили ваше согласіе, я нуждаюсь въ помощи, въ сооществѣ моего ангела хранителя. Вы были для меня когда-то этимъ ангеломъ; не покидайте меня теперь. Въ настоящее ужасное революціонное время, впечатлительныя натуры заражаются безуміемъ другъ отъ друга. Писатель въ горячкѣ страсти говоритъ больше чѣмъ онъ думаетъ въ дѣйствительности, и въ болѣе холодныя минуты раскаивается и отступаетъ. Подумайте также о тягости лишеній, о голодѣ. Только тѣ мнѣнія которыя вы осуждаете доставляютъ въ настоящее время хлѣбъ писателю. Но скажите что вы еще простите меня если я откажусь отъ всякихъ наладокъ на ваши убѣжденія, на вашу релігію, если я скажу „твой Богъ будетъ моимъ Богомъ, твой народъ моимъ народомъ“.

— Увы! сказала Исавра кротко,—спроси себя самъ можли я опять повѣрить этимъ словамъ. Постой!—продолжала она, прерывая его возраженіе съ болѣе мягкимъ выраженіемъ въ лицѣ и болшею горячностью въ голосѣ.—Развѣ мужчина долженъ обращаться къ женщинамъ съ этими словами? Развѣ по силу женщины долженъ оспаривать мужчина? Развѣ ей должно говорить оиъ: „Руководи мои и мнѣніями во всемъ что составляетъ достоиніе мужскаго ума; измѣни убѣжденія которыя я составилъ себѣ и которыя често отстаивалъ; научи меня какъ я долженъ жить въ этой жизни и разсѣй мои сомнѣнія относительно будущей“? Нѣтъ, Густавъ; въ этомъ мужчина никогда не можетъ найти поддержки въ женщинахъ. Въ настоящую минуту ты говоришь искренно, мой бѣдный другъ

но еслибъ я повѣрила тебѣ сегодня, ты завтра же сталъ бы свѣдѣть надъ тѣмъ чему можно заставить повѣрить женщину.

Задѣтый за живое истиной заключающейся въ обмѣненіи Исавры Густавъ воскликнулъ со страстью:

— Все что ты говоришь есть ложь, и ты знаешь это. Вліяніе женщины на человека для добра или зла превосходить всякія разсужденія. Оно опредѣляетъ всю его земную дѣятельность; оно или направляетъ или омрачаетъ все его будущее которое лежитъ между его жизнью и могилой и тѣмъ что можетъ быть за могилой. Если ты покинешь меня, ты будешь отвѣчать за меня, за всѣ мои дѣйствія, которыя могутъ быть направлены противъ всего что ты считаешь святымъ. Но сохрани свое слово еще на время, и испытай меня. Если я покажу тебѣ насколько я могъ вредить и какъ ради тебя я не только щадилъ, но отстаивалъ все то что составляетъ предметъ твоей вѣры и почитанія, доставитъ ли у тебя смѣлости тогда сказать мнѣ: „Ступай одинъ своимъ путемъ, я покидаю тебя!“

Исавра отвернулась, но протянула ему руку—рука эта была холодна какъ мертвая. Онъ зналъ что она уступила и тщеславіе его было удовлетворено; онъ улыбался съ тайнымъ торжествомъ когда напечатлѣлъ поцѣлуй на этой ледяной рукѣ и вышелъ.

„Это долгъ, это не можетъ не быть долгомъ“, сказала про себя Исавра. „Но гдѣ же то возвышающее наслажденіе которое принадлежитъ исполненному долгу? гдѣ оно? гдѣ?“ Она медленно прошла, тяжелою походкой и съ опущенною головою, въ свою комнату, ушла тамъ на колѣни и начала молиться.

ГЛАВА VIII.

Люди тщеславные, какъ мужчины такъ и женщины, чувствуютъ радостное самоудовольствіе при минутномъ личномъ успѣхѣ, какъ бы мало этотъ успѣхъ ни содѣйствовалъ, даже если бы сильно онъ ни вредилъ, тѣмъ цѣлымъ которымъ составляетъ болѣе сильный предметъ желаній ихъ тщеславія. Тщеславная женщина можетъ сильно желать обмѣненія съ великодушнымъ А — —, вида въ немъ будущаго мужа, и въ то же время чувствовать нѣкоторое торжество если ея взглядъ доставитъ ей на одинъ вечеръ побѣду надъ жалкимъ В — —, хотя бы чрезъ это она могла лишиться А — — навсегда.

Такъ, когда Густавъ Рамо вышелъ отъ Исавры, первымъ чувствомъ его было торжество. Его краснорѣчіе подчинило себя ея волю, она не отказала ему окончательно. Но пока онъ разсѣянно блуждалъ на морозномъ воздухѣ, самодовольство его смѣнилось огорченіемъ и недовольствомъ. Онъ чувствовалъ что связалъ себя обѣщаніями которыхъ ни мало не намѣренъ былъ исполнять. Правда, обѣщанія эти были высказаны очень неопредѣленно, но въ сущности были совершенно ясны—„не только упасть, но отстаивать все то чтó чтѣла и уважала Исавра“. Возможно ли это было для него? Какъ могъ онъ внезапно измѣнить весь характеръ своей литературной дѣятельности? Какъ сдѣлаться защитникомъ брака и собственности, церкви и религіи? Какъ объявить себя такимъ отступникомъ? Рѣшившись на это, можно ли сдѣлаться вождемъ новой революціи? и какъ избѣжать чтобы не сдѣлаться ея жертвою? Перестать писать вовсе? Но въ такомъ случаѣ чѣмъ же жить? Перо было единственною его поддержкой, не считая 30 су въ день въ качествѣ національ-гарда — тридцать су въ день для человѣка который чтобъ имѣть возможность быть сибаритомъ въ жизни, былъ Спартавцемъ въ своихъ теоріяхъ. Спартавскія доктрины были самыми лучшими въ настоящую минуту: питаться черною похлебкой и биться съ врагомъ. Но патриотическія чувства доставляли моднымъ журналистамъ такую важность что они меньше всѣхъ согласились бы сами ѣсть черную похлебку или биться съ врагами.

„Эти женщины такъ глулы когда вмѣшиваются въ политику“, проворчалъ сквозь зубы защитникъ женскихъ правъ къ всемъ чтó касалось любви. „И, продолжалъ онъ бесѣду съ собою, у этой дѣвушки нѣтъ не только большаго, но даже приличнаго приданаго; она не можетъ сказать: „въ замѣлъ того что ты жертвуешь своею популярностью, своими надеждами и мѣчтами, а дамъ тебѣ не только преданное сердце, но и прекрасный столъ, и теплую квартиру и достаточно карманныхъ денегъ“. *Sacre bleu!* какъ подумаешь объ этой морозной комнатѣ, да можетъ-быть мышиною лалкѣ на обѣдѣ и добродѣтельными проповѣдьяхъ, такая будущность не особенно привлекательна; да и сама дѣвушка вовсе не такъ хороша какъ была прежде, такъ похудѣла; *Sur mon âme*, а лучше что она требуетъ слишкомъ многого, гораздо больше чѣмъ сдѣлать сама. Нѣтъ, нѣтъ; лучше было принять ея отказъ. *Elle n'est pas digne de moi.*“

Въ то время какъ онъ пришелъ къ этому выводу, Густавъ Рамо почувствовалъ легкое прикосновение къ своей рукѣ мягкой, теплой, но сильной руки. Онъ обернулся и увидалъ лицо женщины которой старался избѣгать въ теченіи многихъ скучныхъ недѣль, лицо Жюли Комартенъ. Жюли не имѣла того жалкаго вида какъ тогда когда встрѣтилъ ее Саваренъ въ поношенномъ платьѣ, ни такого какъ видѣлъ ее Лемерсье въ кафе; въ старомъ театральномъ костюмѣ. Жюли никогда не была такъ красива, не имѣла такого сіяющаго вида какъ теперь; и въ ея голосѣ была удивительная сердечная живость когда она воскликнула:

— *Mon homme! mon homme! seul homme au monde à mon yeux, Gustave, chéri adoré!* Я нашла тебя, наконецъ-то, наконецъ!

Густавъ смотрѣлъ на нее изумленными глазами. Невольно взглядъ его перешелъ съ ея свѣжаго румянаго лица, которое яло на морозѣ еще большимъ здоровьемъ, на ея платье, новое и прекрасное черное платье — онъ не зналъ что это трауръ — и шубку олушенную дорогимъ соболемъ. Ясно было что не являя ожидающая подавляя напоминала дрожащему Адаму о правахъ Венеры. Онъ пробормоталъ ея имя: „Жюли“, и остановился.

— *Oui, ta Julie! Petit ingrat!* Какъ я искала тебя! Какъ я ждала видѣть тебя! Чудовище Саваренъ! Онъ не хотѣлъ отвѣчать на мои разспросы о тебѣ. Это было цѣлую живость тому назадъ. Наконецъ Фредерикъ Лемерсье, которого я послѣ встрѣтила, обѣщалъ напомнить тебѣ что я все еще жива. Онъ не сдѣлалъ этого, иначе я бы ужъ увидѣла тебя — *n'est ce pas?*

— Разумѣется, разумѣется; только, ты знаешь, *chère amie*, то... что... какъ я прежде говорилъ тебѣ, я... я женюсь...
и...

— Но ты еще не женатъ?

— Нѣтъ, нѣтъ. Слышишь! Берегись, кажется это свистъ шара.

— Чтò жь? Пусть оно летитъ сюда! Еслибъ оно убило насъ бохъ лока моя рука лежитъ въ твоей рукѣ!

„О! подумалъ Густавъ про себя, какая разница! Вотъ это любовь! Затѣсь нѣтъ проповѣдей! *Elle est plus digne de moi que l'autre.*“

— Нѣтъ, сказалъ онъ вслухъ, — я не женатъ. Во всякомъ

случай женитьба не больше какъ жалкая церемонія. Но если ты хотѣла имѣть обо мнѣ извѣстія, ты не могла не слышать о моемъ успѣхѣ какъ оратора въ *Salle Favre*. Впрочемъ я оставилъ эту карьеру. Но какъ журналистъ я могу льстятъ себя что имѣлъ *un beau succès*.

— Конечно, конечно, мой Густавъ, мой поэтъ! Гдѣ бы ты ни былъ, ты вездѣ долженъ быть первымъ. Но увы! это мое вѣна, мое несчастье. Я не бывала въ свѣтѣ, который можетъ быть прославляетъ твое имя.

— Не мое имя. Осторожность побудила меня скрывать его. Тѣмъ же менѣе гонимъ не скроешь ни подъ какимъ именемъ. Ты могла узнать меня подъ моимъ *mon de plume*.

— Прости меня, я всегда была *bête*. Но столько вѣдь я была такъ бѣдна, въ такой нуждѣ. Я никуда не могла показаться кромѣ какъ—ты не будешь стыдиться меня—кромѣ...

— Чтѣ жь? продолжай.

— Кромѣ того мѣста гдѣ я могла получить нѣсколько денегъ. Сперва я танцовала—ты помнишь мой *bolero*. Потомъ получила лучшее занятіе. Помнишь какъ ты училъ меня декламировать стихи? Еслибъ я думала только о себѣ, я была бы рада умереть съ голоду. Но ты можетъ-быть помнишь Маделену, старую няньку. Она ходила за мной еще въ то время какъ я жила такъ хорошо у матери. Матери! Нѣтъ; оказывается что *Madame* Сюрвилль вовсе не была моею матерью. Разумѣется я не могла допустить чтобы Маделена умерла съ голоду, и потому, хотя сердце мое было тяжело какъ свинецъ, я танцовала и декламировала. Но мнѣ не было такъ тяжело когда я декламировала твои глѣсы.

— Мои глѣсы! *Pauvre ange!* восклицуешь поэтъ.

— Въ то время я думала: о, эта ужасная осада! Онъ такъ же можетъ-быть бѣденъ; онъ можетъ терпѣть нужду и голодъ; и все чтѣ у меня оставалось я откладывала въ шкатулку для тебя, да случай если ты вернешься ко мнѣ когда-нибудь *Mon homme*, могла ли я ходить въ *Salle Favre*? Могла ли я читать журналы? Но ты не женовъ, Густавъ? *Parole d'honneur!*

— *Parole d'honneur!* Но не все ли равно?

— Нѣтъ! О, а теперь вовсе не такая *méchante*, не такая *mauvaise tête* какъ была нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Еслибы ты былъ женовъ, а сказала бы: Богъ да благословитъ!

твою жену. Забудь меня. Но такъ какъ этого нѣтъ, то еще одно слово. Любишь ты эту дѣвушку, кто бы она ни была? Или любить ли она тебя настолькоъ что съ твоей стороны было бы грѣхомъ болтать теперь съ Жюли? Говори правду, какъ еслибы ты не былъ поэтомъ.

— По чести, она никогда не говорила что любитъ меня. Я никогда и не думалъ этого. Но, видишь ли, я былъ очень боленъ, родные мои и друзья и мой докторъ говорили что маѣ слѣдуетъ правильно устроить свою жизнь, жениться и такъ далѣе. У дѣвушки были деньги и она была хорошею партией. Бороче, дѣло было рѣшено. Но, Жюли, она никогда не выучивала моихъ стиховъ наизусть! Она не любила меня какъ любила ты и какъ любишь еще теперь. И теперь когда я опять встрѣтилъ тебя, когда смотрю на твое лицо, когда слышу твой голосъ. Нѣтъ, я не люблю ее такъ какъ любилъ и еще могу любить тебя. Но... но....

— Но что же? О, я догадываюсь. Ты видишь что я хорошо одѣта, не танцую больше и не декламирую въ кафе, и ты думаешь что Жюли обезчестила себя? Что она не вѣрна тебѣ?

Густавъ не ожидалъ такой откровенности, и не эта мысль была главною его мыслью когда онъ сказалъ „но... но...“ У него были многіе но, и всѣ очень неопредѣленно представлялись его уму пока онъ говорилъ. Однакоже онъ отвѣчалъ какъ естественно отвѣчалъ бы всякій не лишенный благовоспитанности скептической Парижанинъ:

— Милый другъ мой, милое дитя мое (Парижане очень любить употреблять слово дитя, *enfant*, обращаясь къ женщинамъ), я никогда не видалъ тебя такою блестящею какъ теперь; и когда ты говоришь что ты не бѣдна, и подтвержденіемъ этихъ словъ служатъ такіе мѣха какихъ я не въ состояніи купить тебѣ, что долженъ я думать?

— *Oh, mon homme, mon homme!* ты всегда былъ очень уменъ и за то я любила тебя. Я очень гаула, и это можетъ извѣщать тебя что ты не могъ любить меня. Но можешь ли ты не знать что я не могла бы посмотреть на тебя такъ прямо какъ смотрю теперь, еслибы была невѣрна тебѣ хотя бы въ помысленіи? *Viens chez moi*, пойдемъ, я все разкажу тебѣ. Только, повторяю, если другая имѣетъ на тебя права котормя воспрещаютъ тебѣ идти ко маѣ, скажи прямо, и я никогда больше не потревожу тебя.

Густавъ все это время медленно шелъ рядомъ съ Жюли. Вдали раздавался громъ пушекъ осаждающихъ. Короткій день склонялся къ вечеру; встрѣчавшіеся на опустѣлыхъ бульварахъ зѣваки оборачивались чтобы взглянуть на эту молодую прекрасную, хорошо одѣтую женщину, представлявшую такой контрастъ со столицей, прежнюю роскошь которой при императорскомъ правительствѣ олицетворяла собою эта „Удлина Парижа“. Теперь Густавъ подавъ руку Жюли и ускорив шагъ проговорилъ:

— Нѣтъ причины почему я отказался бы проводить тебя домой и выслушать объясненія которыя ты такъ великодушно предлагаешь.

Г Л А В А IX.

„О, какая разница, какая разница!“ сказалъ Густавъ про себя войдя въ квартиру Жюли. Въ ея лучшіе дни, когда она впервые познакомилась съ ней, квартира ея была несравненно великолѣпнѣе, тамъ было больше шелку и бахромы, больше цвѣтовъ и бездѣлушекъ; но никогда не казалась она такою веселою, комфортабельною и уютною какъ настоящее ея помѣщеніе. Какая противоположность съ холодною, лишенною мебели комнатою Исавры! Она подвела его къ ярко пылавшему камину, подложила еще дровъ, усадила его въ самое покойное кресло, опустилась предъ нимъ на колѣни и стала грѣть его оочевѣвшія руки въ своихъ рукахъ. Когда ея блестящіе глаза были нѣжно устремлены на него, она казалась такъ молода и невинна! Вы не назвали бы ее тогда „Удлиною Парижа“.

Но когда немного спустя, оживленный тепломъ и очаровательный ея красотой, Густавъ обнялъ ее и попытался привлечь къ себѣ на колѣни, она выскользнула изъ его объятій, тихонько покачавъ головой, и съшла, съ милымъ видомъ церемонности, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него.

Густавъ смотрѣлъ на нее въ недоумѣніи.

— *Самозоя*, сказала она съ важностью, — ты долженъ узнать почему я такъ хорошо одѣта, имѣю такую хорошую квартиру, и я стараю отъ нетерпѣнія разказать тебѣ все. Нѣсколько дней тому назадъ, только-что я кончила свое чтеніе въ кафе и надѣвала шаль, одинъ высокій господинъ, *fort bel homme*, съ видомъ *grand seigneur*, вошелъ въ кафе и

пошла ко мнѣ вѣжливо сказала: „кажется я имѣю честь видѣть *Mademoiselle* Жюли Комартенъ?“ „Это мое имя“, сказала я удивившись; посмотрѣвъ на него внимательно, я узнала его лицо. За нѣсколько дней предъ тѣмъ онъ приходилъ въ кафе съ твоимъ старымъ знакомымъ, Фредерикомъ Лемерье, и стоялъ рядомъ съ нимъ когда я просила Фредерика сообщить мнѣ что-нибудь о тебѣ. „*Mademoiselle*, продолжалъ онъ съ серьезною, грустною улыбкой, я удивлю васъ если скажу что по завѣщанію вашей матери мнѣ поручено быть вашимъ покровителемъ.“—„Моей матери, *Madame* Сюрвиаль?“—„*Madame* Сюрвиаль взяла васъ къ себѣ вмѣсто дочери, но она не была вашей матерью. Но намъ не удобно говорить здѣсь. Позвольте просить васъ пойти со мною въ контору *Monsieur N*—, *avoué*. Это не далеко отсюда; дорогою я передамъ вамъ нѣсколько извѣстій которыя могутъ огорчить о образѣ васъ.“ Въ голосѣ и во взглядѣ его была искренность и серьезность, которая убѣдила меня. Онъ не предложилъ мнѣ руки; я шла рядомъ съ нимъ куда онъ шелъ. По дорогѣ онъ разказалъ мнѣ въ короткихъ словахъ что моя мать разошлась съ своимъ мужемъ, и по нѣкоторымъ семейнымъ обстоятельствамъ не могла воспитывать меня сама и приняла предложеніе *Madame* Сюрвиаль, которая хотѣла взять меня вмѣсто дочери. Когда онъ говорилъ я смутно припомнила даму которая взяла меня изъ дому гдѣ, сколько я могу полагать, а жила у кормилицы, и оставила меня у бѣдной, милой *Madame* Сюрвиаль, сказавъ: „теперь вотъ будете твоя *maman*“. Я никогда больше не видала этой дамы. Кажется что нѣкогда гдѣ слухи моя настоящая мать хотѣла опять взять меня къ себѣ. *Madame* Сюрвиаль тогда уже умерла. Но она не могла разыскать меня, вслѣдствіе, увы! моей ошибки, что я перебрала имя. Тогда она ушла въ монастырь, оставивъ 100.000 франковъ этому господину, который былъ съ ней въ давнемъ родствѣ, съ тѣмъ что онъ могъ по своему усмотрѣнію или оставить эти деньги себѣ или же передать ихъ если найдетъ меня. „Я прошу васъ“, продолжалъ этотъ господинъ, „пойти со мною къ *Monsieur N*—, потому что деньги эти находятся у него. Онъ подтвердитъ то что я скажу. Мнѣ остается прибавить еще вотъ что: если вы примете мое покровительство, будете въ точности сѣдывать моимъ советамъ, то я распоряжусь чтобы проценты наросшіе со времени передачи этой суммы *Monsieur N*— были выданы

вамъ; а самый капиталъ будетъ вашимъ приданнымъ при выходѣ замужъ, если выборъ вашъ будетъ сдѣланъ съ моего согласія.“

До сихъ поръ Густавъ слушалъ очень внимательно и не прерывая, теперь онъ взглянулъ на нее и сказалъ со своею обычною насмѣшливостью:

— Сообщилъ ли вамъ вашъ *Monsieur, fort bel homme*, какъ вы говорите, цѣну своихъ совѣтовъ или скорѣе приказаній которымъ вы должны въ точности слѣдовать?

— Да, отвѣчала Жюли, — не тогда, а послѣ. Дай мнѣ продолжать. Мы пришли къ *Monsieur N* — —, важному, почтенному человеку. Онъ сказалъ что знаетъ только что деньги завѣщаны господину который пришелъ со мной и долженъ быть выданъ ему, вмѣстѣ съ наросшими процентами, по смерти дамы которая поручила ему эту сумму. Имѣетъ ли этотъ господинъ инструкцію какъ распорядиться этими деньгами, ему неизвестно. Онъ можетъ сдѣлать только одно, передать эти деньги ему вломивъ, по полученіи надлежащаго удостовѣренія о смерти дамы. Такимъ образомъ ты видишь, Густавъ, что онъ могъ вовсе не давать мнѣ этихъ денегъ если захотѣлъ.

— Вашъ *Monsieur* очень великодушенъ. Можетъ-быть вы теперь скажете мнѣ его имя.

— Нѣтъ; онъ до времени воспретилъ мнѣ это.

— И онъ нанялъ для васъ эту квартиру и далъ вамъ денегъ на покупку этого великолѣпнаго платья и шубы. *Вашъ mon enfant*, къ чему стараться обмануть меня? Развѣ я не знаю моего Парижа? Никакой *fort bel homme* не дѣлается покровителемъ *fort belle fille*, такой молодой и прекрасной какъ *Mademoiselle* Жюли Комартевъ, безъ которыхъ особенностей, которыя пусть останутся не названы, какъ и она сама.

Глаза Жюли заблестали.

— Ахъ, Густавъ! Ахъ, *Monsieur!* сказала она отчасти сердито, отчасти жалобно, — а вижу что мой покровитель знаетъ васъ лучше чѣмъ я. Но все равно, я не стану дѣлать тебѣ упрековъ; ты имѣешь право презирать меня.

— Прости меня! я не думалъ оскорбить тебя, сказалъ Густавъ, нѣсколько недовольный. — Но сознайся что это очень страшная исторія; и этотъ покровитель, который знаетъ меня лучше чѣмъ ты, имѣетъ ли онъ обо мнѣ какое-нибудь мнѣніе? Ты говорила ему обо мнѣ?

— Могаа ли я не сказать? Онъ говорилъ что это ужасная война, въ которой онъ принимаетъ дѣятельное участіе, съ каждымъ днемъ все болѣе подвергаетъ его жизнь опасности. Онъ желалъ докончить исполненіе завѣщаннаго ему и видѣть меня любимую женой достойнаго человѣка, который — она оставилась на минуту съ видомъ подавленнаго страданія и потомъ поспѣшно договорила: — который одѣлать то что есть во мнѣ хорошаго и никогда не будетъ упрекать меня за... за прошасе. Тогда я сказала что мое сердце принадлежитъ тебѣ, что я не могу быть ни чьей женой какъ только твоей.

— Женой, пробормоталъ Густавъ, — моею женой!

— И, продолжала дѣвушка, не обращая вниманія на перерывъ, — онъ возразилъ что ты не такой мужъ какого онъ выбралъ бы для меня; что ты не — я не могу огорчать тебя повторая что онъ говорилъ, безжалостно, несправедливо. Онъ просилъ меня не думать больше о тебѣ. Я повторила что это невозможно.

— Но, сказалъ Рамо съ притворнымъ смѣхомъ, — зачѣмъ думать о такой ужасной вещи какъ женитьба? Ты любишь меня, в....

Онъ опять приблизился желая обнять ее. Она отодвинулась.

— Нѣтъ, Густавъ, нѣтъ. Я покалалась, покалалась торжественно памятью моею покойной матери, что никогда больше не буду грѣшнить. Я никогда не буду для тебя ничѣмъ инымъ какъ только другомъ или женой.

Прежде чѣмъ Густавъ могъ отвѣтить на эти слова, которая была для него совершенною неожиданностью, раздались звонокъ у наружной двери и старая нянька звела Виктора де-Молесона. Онъ остановился на порогѣ и брови его сдвинулись.

— Такъ вы уже нарушили ваше обѣщаніе, *Mademoiselle!*

— Нѣтъ, *Monsieur*, я не нарушила моего обѣщанія, горячю воскликнула Жюли. — Я говорила вамъ что не буду разсказывать *Monsieur* Рамо. Я не искала его, но встрѣтила его случайно. Я должна была объясниться съ нимъ и пригласила его сюда чтобы дать это объясненіе. Безъ этого, что бы онъ подумалъ обо мнѣ? Теперь онъ можетъ идти, и я никогда больше не приму его безъ вашего разрѣшенія.

Виконтъ обратилъ свой строгій взглядъ на Густава, который, хотя, какъ мы знаемъ, не имѣлъ недостатка въ личной

храбрости, но почувствовалъ смущеніе въ виду своего ложнаго положенія; глаза его робко опустились предъ взглядомъ де-Молеона.

— Оставьте насъ на нѣсколько минутъ однихъ, *Mademoiselle*, сказалъ виконтъ.—Нѣтъ, Жюли, прибавилъ онъ болѣе мягкимъ голосомъ, — не бойтесь ничего. Я также долженъ дать объясненіе, дружеское объясненіе, *Monsieur* Рамо.

Съ обычною своею вѣжливостью относительно женщинъ онъ подалъ руку Жюли и проводилъ ее до дверей. Потомъ затворивъ двери, онъ сѣлъ и знакомъ пригласилъ Рамо сѣлать то же.

— *Monsieur*, сказалъ де-Молеонъ,—простите меня что я удержалъ васъ. Нашъ разговоръ можетъ кончиться въ нѣсколько словъ. Я полагаю что *Mademoiselle* передала вамъ что она не дочь *Madame* Сюрвилъ; что ея мать поручила ее моимъ заботамъ и покровительству, и оставила небольшое состояніе, которое я имѣю право отдать ей или удержать у себя. Недавнее мое знакомство съ *Mademoiselle* успѣло уже внушить мнѣ живой интересъ къ ея судьбѣ. Я смотрю съ состраданіемъ на ея прошедшее, съ надеждою на ея будущность. Я не прошу васъ раздѣлять моихъ взглядовъ. Но говорю откровенно что это мое желаніе, и могу прибавить, мое рѣшеніе, чтобы дѣвушка порученная моимъ заботамъ отнынѣ была безопасна отъ искушеній къ которымъ привели ее бѣдность и, если хотите, тщеславіе, но которыя не испортили ея сердца. *Bref*, я долженъ просить васъ дать мнѣ честное слово что вы не будете съ ней видаться. Я не могу допустить никакого враждебнаго вліянія между ея судьбою и честью.

— Вы говорите справедливо и благородно, *Monsieur le Vicomte*, сказалъ Рамо,—и я даю вамъ обѣщаніе какого вы желаете.—Онъ прибавилъ съ чувствомъ:—Правда что сердца ея осталось неиспорченными. Въ немъ столько доброты, столько чувства и безкорыстія какъ у ребенка. *J'ai l'honneur de vous saluer, Monsieur le vicomte.*

Онъ поклонился съ необычнымъ ему достоинствомъ и въ глазахъ его были слезы когда онъ прошелъ мимо де-Молеона и вышелъ въ переднюю. Тамъ внезапно отворилась боковая дверь и Жюли, встревоженная, любопытная, выглянула изъ нея.

Густавъ остановился.

— *Adieu, Mademoiselle!* Хотя мы никогда больше не уви-

дился, хотя судьба наша разделяет насъ, но вѣрьте что я вѣчно буду хранить о васъ добрую память.... и...

Дѣвушка не дала ему договорить, порывисто схватила его за руку и устремила на него дикій взглядъ.

— Замолчи! Ты хочешь сказать что мы должны разстаться, разстаться навсегда?

— Увы! сказалъ Густавъ, — намъ нѣтъ другаго выбора. Вашъ покровитель основательно воспрещаетъ мои посѣщенія; и еслибъ я былъ свободенъ предложить вамъ свою руку, вы сами сказали что вашъ покровитель не одобритъ этого брака.

Жюли обратила свой взглядъ на де-Молеона, который проводивъ Густава до передней, стоялъ молча и безучастно, прислонясь къ стѣнѣ.

Теперь онъ поглядъ въ чѣмъ дѣло и отвѣчалъ на трогательное обращеніе къ нему дѣвушки:

— Молодой другъ мой, сказалъ онъ, — *Monsieur* Рамо говорить честно и правдиво; позвольте ему уйти. Онъ принадлежитъ прошлой жизни; постарайтесь примирить себя съ новымъ.

Онъ приблизился чтобы взять ея руку и сдѣлалъ Густаву знакъ уходить. Но когда онъ подошелъ къ Жюли, она была слабый, жадобный стоить и безъ чувствъ упала къ его ногамъ. Де-Молеонъ подавъ ее и отнесъ въ ея комнату, гдѣ оставилъ ее на попеченіе няньки. Возвратясь въ переднюю онъ увидѣлъ Густава, который все еще медлилъ у дверей.

— Простите меня, *Monsieur*, сказалъ онъ виконту, — но я такъ разстроены, такъ несчастны. Чѣд она? Видите, видите что такое внезапное разотаванье, такой жестокой разрывъ опасенъ для ея здоровья, можетъ-быть для разсудка. Позвольте мнѣ зѣйти еще, или я не буду въ силахъ исполнить свое общаніе.

Де-Молеонъ помолчалъ нѣсколько минутъ. Потомъ сказалъ немотомъ:

— Войдите въ залу. Поговоримте откровенно.

Г Л А В А X.

— *Monsieur* Рамо, сказалъ де-Молеонъ когда они вернулись въ залу, — я скажу вамъ по чести что мое желаніе какъ можно скорѣе освободиться отъ надзора за этой молодой дѣвушкой. Теперь, когда я играю съ судьбою, единственная ограда

для нея моя жизнь. Я считаю своимъ долгомъ знать что она не будетъ оставлена, не будетъ одинока въ мірѣ послѣ моей смерти. У меня есть въ виду человекъ котораго я считаю самымъ подходящимъ для нея мужемъ во всѣхъ отношеніяхъ: красивый и храбрый молодой человекъ служащій въ моемъ баталіонѣ, хорошей фамиліи, у котораго кѣтъ въ живыхъ никого изъ родни съ кѣмъ бы онъ могъ совѣтоваться о своемъ выборѣ. Я имѣю основаніе полагать что если Жюли выйдетъ за него замужъ, ей нечего бояться услышать когда-нибудь упрекъ за прошлое. Приданнаго ея будетъ достаточно чтобъ онъ могъ исполнить свое желаніе поселиться въ провинціальномъ городкѣ Нормандіи. И тогда Парижъ съ его искушеніями скоро выйдутъ изъ головы этого ребенка какъ дурной сонъ. Но я не могу располагать ея рукой безъ ея согласія; и если ее и можно убѣдить оставить всякую мысль о васъ, то я не имѣю времени заниматься этимъ. Приступлю къ главному. Вы не такой человекъ какого бы я желалъ видѣть ея мужемъ. Но, очевидно что она готова избрать васъ. Расположены ли вы жениться на ней? Вы колеблетесь; это вполне естественно; я не имѣю права требовать немедленнаго отвѣта на такой важный вопросъ. Можетъ-быть вы обдумаете, и скажете мнѣ черезъ день или два? Я увѣренъ что если вы, какъ я слышалъ, до начала осады были помолвлены съ сивьорою Читовья, то теперь это разошлось.

— Почему вы увѣрены въ этомъ? спросилъ Густавъ въ смущеніи.

— Просто потому что встрѣчаю васъ здѣсь. Нѣтъ, избавьте меня отъ объясненій и извиненій. Я совершенно понимаю что вы были приглашены зайти. Но человекъ торжественно призванный женихомъ такой *demoiselle* какъ сивьора Читовья, во время такихъ ужасныхъ испытаній и опасностей, едва ли позволилъ бы себѣ соблазниться принявъ приглашеніе такой красивой и такъ горячо привязанной къ нему дѣвушки какъ *Mademoiselle* Жюли; и убѣдившись въ силѣ и страсти этой привязанности, не могъ бы говорить что не въ силахъ сдержать своего обѣщанія не повторять этихъ посѣщеній. Но если я ошибаюсь и вы не перестали быть женихомъ сивьорины, въ такомъ случаѣ разговоръ нашъ долженъ прекратиться. Густавъ опустилъ голову отъ стыда и смѣшаннымъ сожалѣніемъ.

Опытный наблюдатель человеческих характеров и изменчивости умовъ взглянулъ на растерянное лицо поэта съ полюбкой презрѣнія.

— Ваше дѣло судить насколько любовь къ вамъ такъ сильно обнаружена дѣвушкой, насколько соображенія противъ брака съ той чье прошлое не безупречно, могутъ вліять на меня передовыя мнѣнія объ общественныхъ связяхъ. Подобныя соображенія для артистовъ, кажется, не имѣютъ того значенія какъ для буржуазіи. Мнѣ остается прибавить что мужъ Жюли получитъ выкупъ съ ея рукою придаюмо въ 120.000 франковъ; и я имѣю основаніе полагать что это состояніе увеличится—насколько, сказать не могу—когда съ прекращеніемъ осады возобновится сообщеніе съ Англіей. Еще одно слово. Я желалъ бы считать будущаго мужа Жюли въ числѣ моихъ друзей. Есаибъ оиъ не противился политическимъ мнѣніемъ съ которыми я связываю собственную карьеру, я былъ бы радъ чтобы достигнутое мною возвышеніе помогло возмѣститься и ему. Но мои мнѣнія, какъ вы могли убѣдиться, мнѣнія практическаго свѣтскаго человѣка, и не имѣютъ ничего общаго съ коммунистами, социалистами, интернаціоналистами или со всякою другою партией какую старыя европейскія общества вздумаютъ положить въ Меденнъ котельности. Въ такую минуту какъ настоящая, число фанатиковъ и мечтателей такъ велико что по возобновленіи порядка необходима будетъ общая амнистія. То что писалъ въ такое время молодой поэтъ какъ вы, будетъ черезъ годъ или два охотно прощено и забыто, лишь бы оиъ не пытался насильственными дѣйствіями проводить свои мнѣнія. Но если вы предпочтете держаться мнѣній которыя теперь отстаиваете, пусть будетъ такъ. Они не уменьшаютъ увѣренности бѣдной Жюли въ вашей мудрости и гениальности. Они только отдалятъ часъ отъ меня, и можетъ настать день когда мнѣ придется исполнить печальнѣйшій долгъ и приказать разстрѣлять васъ—*Diei meliora*. Подумайте обо всемъ что я открываемо скажу вамъ. Дайте мнѣ отвѣтъ въ теченіе сорока восьми часовъ; а до тѣхъ поръ не старайтесь видѣться съ Жюли. Имѣю честь пожелать вамъ добраго дня.

Г Л А В А XI.

Короткій пасмурный день угасалъ когда Густавъ, выйдя изъ квартиры Жюли, снова очутился на улицахъ. Мысленно были встревожены и перелутаны. Омъ тѣмъ болѣе тронуть былъ страстною любовью къ нему Жюли, чѣмъ большому противоположность представляла она со словами и обращеніемъ Исавры во время послѣдняго ихъ свиданія. Его собственная старая склонность къ „Уддинѣ Парижа“ ожила встрѣтивъ препятствія въ ея неожиданной сдержанности и затрудненіяхъ поставленныхъ покровительствомъ де-Моллеона. Одинъ остроумный писатель такимъ образомъ опредѣлялъ страсть: „*un caprice inflammé par des obstacles*“. Въ обыкновенное мирное время, Густавъ, обладающій красотою, ищущій занять уважаемое положеніе среди *beau monde*, не допустилъ бы мысли компрометтировать себя женитьбою на *фигуранткѣ*. Но теперь, крайнія политическія доктрины съ которыми онъ связалъ свое имя положили преграду между намъ и *beau monde*, и поставили его во главѣ революціонной черни; ему пришлось бы отказаться и отъ этого положенія еслибы онъ продолжалъ быть женихомъ Исавры. Къ тому же немедленное обладаніе приданнымъ Жюли представляло искушеніе для человѣка который такъ любилъ свой личный комфортъ, и не зналъ бы гдѣ ему пообѣдать, еслибы, послушный „предразсудкамъ“ Исавры, отказался отъ заработка въ качествѣ сотрудника революціонныхъ журналовъ. Увѣщанія отказаться отъ двѣякаоторыхъ служилъ, выраженныя де-Моллеономъ съ такою высокомерною холодностью, не остались вовсе безъ вліянія на Густава, хотя и оскорбляли его самоуваженіе. Омъ имѣлъ, хотя смутное, понятіе о мужественныхъ талантахъ виконта къ публичной жизни; а высокая репутація, которую онъ уже приобрѣлъ между военными авторитетами и которая признавалась даже неопытными, но благоразумными людьми изъ числа не военныхъ, видѣла свой вѣсъ для впечатлительнаго темперамента Густава. Хотя совѣты де-Моллеона во многомъ совпадали съ требованіями Исавры, но они еще болѣе удаляли его отъ самой Исавры, потому что она не приносила съ собою состоянія которое доставило бы ему возможность пріостановить свои лубубраціи, выжидать оборота какой примуть событія и до времени

ить спокойно; приданое же которое онъ имѣлъ получить за Кюли имѣло эти преимущества.

Размышляя такимъ образомъ Густавъ завернулъ въ одну изъ *cantines*, еще отворенныхъ, чтобъ освѣжить свой умъ промѣтивъ *un petit verre*, и тамъ встрѣтилъ двухъ изъ сочленовъ бывшаго Совѣта Десяти, Поля Гримма и Эдгара Феррье. Въ поблѣднимъ изъ этихъ революціонеровъ Густавъ сошелся чель близко. Они писали въ одномъ журналѣ и онъ охотно принималъ приглашенія Эдгара на обѣды въ *Café Riche*, доставлявшемъ гостепріимство по сравнительно умѣреннымъ ваямъ. По мѣрѣ того какъ шла попойка, Густавъ становился откровеннымъ. Бѣдный юноша, онъ жаждалъ имѣть советника. Можетъ ли онъ жениться на дѣвушкѣ которая прежде была балетною танцовщицей и теперь получила неожиданное вслѣдство?

— *Est-tu fou d'en douter?* воскликнулъ Эдгаръ. — Прекрасный случай показать презрѣніе къ жалкимъ *banalités* буржуазіи! Это только усилитъ твое нравственное вліяніе на насъ. Наконецъ, подумай о деньгахъ. Какая подмога нашей дѣлу! Капиталь для начала! Весь журналъ будетъ твой! рожь того, когда наши принципы восторжествуютъ — а они мнѣмъ восторжествовать — что будетъ значить бракъ какъ не осталъ церемонія, которую можно нарушить какъ только ты дешь имѣть поводъ жаловаться на жену или тяготиться важными узамъ? Забери только приданое въ свои руки. *amour passe — reste la cassette.*

Хотя въ сынѣ *Madame* Рамо было еще достаточно хорого чтобы возмущаться тѣми выраженіями въ которыхъ въ былъ совѣтъ, тѣмъ не менѣе, такъ какъ пары лукава о больше затѣмили его умъ, то самый совѣтъ былъ ему итеевъ. И въ порывѣ безумной ярости, какую ольяне-е вызываетъ въ нѣкоторыхъ впечатлительныхъ натурахъ, Густавъ, когда шелъ домой, покачиваясь и опираясь на руку гдѣ крѣпкаго Эдгара Феррье, настоялъ чтобы свернуть съ роги и пройти мимо дома гдѣ жила Исавра. Остановясь въ окнами онъ прооралъ нѣсколько стиховъ дикой лѣсни швей тогда въ большой модѣ между поклонниками Фелик-Па, въ которой все что существующее общество почита-е святымъ, предавалось грубѣйшему поруганію. Къ счастью Исавра ничего не слышала. Преклонивъ колѣна около своей стелы она была вся поглощена молитвой.

ГЛАВА XII.

Три дня спустя послѣ вечера проведеннаго такимъ образомъ Густавомъ Рамо, Исабра была изумлена посѣщеніемъ Виктора де-Молеона. Она не видала его съ самаго начала осады и не сразу узнала въ военномъ мундирѣ.

— Надѣюсь что вы простите мое вторженіе, *Mademoiselle* сказалъ онъ тихимъ, приятнымъ голосомъ, свойственнымъ ему въ добрыя минуты, — но я счелъ своимъ долгомъ уведомить васъ о смерти той которая, я боюсь, не была такъ добра къ вамъ какъ бы слѣдовало въ силу родственныхъ отношеній. Вторая жена вашего отца, въ послѣдствіи *Madame* Селби скончалась. Она умерла въ монастырѣ, куда удалилась отъ міра.

Исабра не имѣла причинъ оплакивать умершую, но недавность извѣстія поразила ее, и съ тою нѣжной жеманскою сострадательностью которая составляла существенную черту ея характера и ея генія, она прошептала со слезами:

— Бѣдная сивѣора! Почему меня не было при ней во время ея болѣзни? Она могла бы тогда полюбить меня. И вы говорите что она умерла въ монастырѣ? Значитъ ея набожность была искренна! Она скончалась мирно?

— Не будемъ сомнѣваться въ этомъ, *Mademoiselle*. Будемъ надѣяться что она жила чтобъ оплакивать свои прежнія ошибки, и ея послѣдняя мысль была направлена къ тому чтобъ загладить ихъ сколько было въ ея власти. И это желаніе страннымъ образомъ заставляетъ меня вмѣшаться въ вашу судьбу. Желая загладить свои ошибки она оставила на мое поличіе, какъ родственника, правда дальняго, но все-таки можетъ-быть самаго близкаго котораго она знала лично, и роду дѣвушку. Принимая это порученіе, я страннымъ образомъ могу быть поставленъ въ необходимость оскорбить васъ.

— Оскорбить меня? Какимъ образомъ? Прошу васъ говорить откровенно.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ придется упомянуть имя Густава Рамо.

Исабра поблѣднѣла и отшатнулась, но не сказала ни слова.

— Правду ли онъ сказалъ мнѣ что во время послѣдняго изъ

данія съ нимъ, три дня тому назадъ, вы выражали сильное желаніе чтобы свадьба ваша съ нимъ не состоялась; и уступили, и то неохотно, только вслѣдствіе его убедительныхъ настояній и увѣреній что онъ измѣнитъ направленіе своихъ талантовъ, которыми, по собственному мнѣнію, онъ обладаетъ?

— Правда, правда, *Monsieur*, воскликнула Исавра и все ли до ея просило, — и вы пришли сказать мнѣ отъ имени Густава Рамо что, по размышленіи, онъ рѣшился не настаивать болѣе на нашемъ союзѣ и что я по чести и совѣсти свободна?

— Я вижу, отвѣчалъ де-Молеонъ съ улыбкой, — что я уже прощенъ. Я не огорчилъ бы васъ еслибы таково было принятое мною на себя порученіе?

— Огорчили бы? Нѣтъ. Но...

— Но что?

— Будетъ ли онъ продолжать идти по тому пути который разобьетъ сердце его матери и заставитъ отца его оплакивать день въ который онъ родился? Имѣете ли вы вліяніе на него, *Monsieur* де-Молеонъ? Если имѣете, не воспользуетесь ли имъ для его спасенія?

— Вы продолжаете интересоваться его судьбой, *Mademoiselle*?

— Можетъ ли быть иначе? Не согласилась ли я раздѣлить ее когда мое сердце содрагалось при мысли о нашемъ союзѣ? И теперь, когда, если я правильно поняла, я свободна, я могу думать только о томъ что было бы лучше для него.

— Увы, *Mademoiselle*, онъ лишь одинъ изъ многихъ — испорченное дитя этой Цирцеи, императорскаго Парижа. Куда вы взглянешь, вездѣ видна эта испорченность. Она была прикрыта ореоломъ, порожденнымъ этою самою испорченностью. Ореолъ исчезъ, и порча стала видима. Гдѣ теперь старое французское мужество? Исчезнувъ изъ сердець, оно осталось только на языкѣ. Будь наши дѣла подобны нашимъ словамъ, Пруссія на колѣняхъ стала бы умолять чтобы быть провинціей Франціи. Тщеславіе, желаніе сдѣлаться извѣстнымъ, все равно чѣмъ бы то ни было и кому бы то ни было, вотъ главный двигатель Парижанъ; ораторъ, воинъ, поэтъ, все одинаковы. Вы говорятъ красивыя фразы; презираютъ знаніе, трудъ, дисциплину; поносятъ Германцевъ, говоря что они варвары, поносятъ своихъ генераловъ называя ихъ измѣнниками,

само Небо за то что оно не помогаетъ имъ. Чтò можетъ сплотить эту массу пустыхъ болтуновъ въ сплошную форму націи— а они претендуютъ быть націей? Какое поколѣніе можетъ народиться отъ этого извѣжнаго племени, пролитаннаго хвостовствомъ и абсентомъ? Простите мнѣ эту тираду; я только-что дѣлалъ смотръ баталіону которымъ команду. Что касается Густава Рамо,—если мы переживемъ осаду и снова будемъ имѣть правительство которое будетъ въ силахъ утвердить порядокъ, и общество которое не будетъ награждать славою за трескучія фразы, — то я не удивляюсь если Густавъ Рамо будетъ въ числѣ лучшихъ подражателей равнѣ *Meditations* Ламартина. Еслибъ онъ родился при Лудовикѣ XIV, какимъ бы онъ былъ вѣроподобнымъ! Какія священные трагедіи въ стилѣ *Athalie* писалъ бы онъ въ надеждѣ на аудіенцію въ Версаи! Но я не долженъ откладывать долге порученіе передать вамъ письмо. Я дѣлалъ это съ камфрениемъ убѣдиться что вы не будете недовольны этимъ разрывомъ, потребовать котораго вамъ до сихъ поръ мѣшало деликатное чувство чести.

Онъ досталъ письмо, передалъ его Исаврѣ; и чтобы дать ей прочесть безъ помѣхи, отошелъ къ окну.

Исавра пробѣжала письмо. Въ немъ было слѣдующее:

„Я чувствую что соглашусь на мое предложеніе я обявлюсь единственно вашему состраданію. Еслибъ я могъ сомнѣваться въ этомъ прежде, то вашихъ словъ когда мы въ послѣдній разъ видѣлись было достаточно чтобы убѣдить меня. Подъ вліяніемъ оскорбленнаго самолюбія я сдѣлалъ тогда огромную ошибку. Я готовъ былъ снова связать васъ обѣщаніемъ отъ котораго вы желали освободиться. Простите мнѣ это, простите всѣ ошибки которыми я оскорблялъ васъ. Соглашаясь на нашъ разрывъ, позвольте мнѣ надѣяться что вы удостоите меня вашею дружбой, будете вспоминать обо мнѣ, посвятите мнѣ нѣсколько кроткихъ, добрыхъ мыслей. Моя жизнь отнынѣ будетъ идти въ сторонѣ отъ вашей; но вы всегда будете жить въ моемъ сердцѣ, чистый и благодатный образъ, какъ образъ святыхъ, въ которыхъ вы можете вѣрить, потому что они вамъ сродни.“

— Не могу ли я передать Густаву Рамо словесный отвѣтъ на это письмо? спросилъ де-Молеонъ, оборачиваясь когда она положила письмо на столъ.

Одно мое желаніе ему всякаго блага. Онъ оскорбился бы

еслиб я прибавила мою благодарность за великодушіе съ какиъ оны истолковываетъ движенія моего сердца и уступаетъ его желаніямъ.

— *Mademoiselle*, примите мои поздравленія. Я сожалѣю о бѣдой дѣвушкѣ порученной моимъ попеченіямъ. Къ несчастью она любитъ этого человѣка; и есть причины по которымъ я не откажу въ моемъ согласіи на ихъ бракъ, если оны те перь, получивъ вашъ отказъ, станутъ просить ея руки. Если я буду въ состояніи удержать его тщеславіе, я бы сдѣлалъ это, повинувшись, если вы позволите мнѣ сказать это, вашимъ добрымъ желаніемъ. Но отвыкшъ судьба дѣвушки оставленной на мое попеченіе будетъ побуждать меня интересоваться его карьерой. *Adieu Mademoiselle!*

Оставшись одна, Исавра стояла какъ бы преображенная. Въ цвѣта юности, казалось, вернулся къ ней. На щекахъ ея снова явились ямочки, безчисленныя отраженія очастливой улыбки. „Я свободна, я свободна, шептала она,—о радость, радость!“ И она вышла изъ комнаты чтобъ отыскать Веносту, раслилась весело, расливаясь громко; какъ птичка вырвавшаяся изъ кѣтки и возносящаяся къ небу, воспѣваетъ благодарную пѣснь о своемъ освобожденіи.

ГЛАВА XIII.

По мѣрѣ того какъ ближе слышался ревъ пушекъ осаждающихъ, и голодъ внутри стѣвъ усиливался, казалось, увеличилось и презрѣніе Парижанъ къ искусству враговъ, и ихъ увѣренность въ неприступности столицы. Всѣ ложные слухи принимались съ довѣріемъ за истину; всѣ достоверныя извѣстія отвергались какъ ложь. Прислушайтесь къ группамъ собравшимся около кафе. „Прусскіе фонды упали въ Берлинѣ на три процента,“ говоритъ оборванный биржевикъ (онъ служилъ когда-то въ ковчорѣ Луврѣ). „Э, восклицаетъ одинъ изъ національгардовъ,—прочтите статью въ *Liberté*. Варвары въ отчаяніи, мы угрожаемъ Нанси, Бельфоръ свободенъ. Бурбаки торгуются въ Баденѣ. Нашъ флотъ направилъ свои пушки на Гамбургъ. Страна ихъ въ опасности, отступление отрѣзано; единственная надежда Бисмарка и его перетрусившихъ легіоновъ найти убѣжище въ Парижѣ. Усиленная ярость бомбардировки доказываетъ ихъ отчаяніе.“

— Остается, шелгуль Саваренъ обращаясь къ де-Брезе,— предположить что мы отправили парламентаря въ Версаль съ посланіемъ отъ Трошю что если они отдадутъ назадъ свои завоеванія, уступятъ лѣвый берегъ Рейна, и заплатятъ намъ военныя издержки, то Парижъ, всегда великодушный къ побѣжденнымъ, позволитъ Прусакамъ отступить.

— Прусакамъ! Отступить! закричалъ Эдгаръ Феррье, подхватилъ послѣднія слова и свирѣпо глядя на Саварина.—Что это за прускіе шлюны среди насъ? Ни одинъ изъ варваровъ не долженъ сластись. Намъ стоить только прогнать имбавиковъ захватившихъ правительство, объявить коммуу и право на трудъ и мы произведемъ Геркулеса который даже въ колыбели будетъ удашать чудовищъ.

Эдгаръ Феррье былъ единственный представитель своей политической партіи среди группы къ которой онъ обращался; но ужасъ который уже начали внушать буржуаціи коммунисты былъ такъ великъ что никто не рѣшился возражать. Саваренъ взялъ де-Брезе подъ руку и благоразумно удалился.

— Я подозреваю, сказалъ первый,—что намъ скоро придется пережить еще большія бѣдствія нежели прусскія ядра и черныя хлѣбъ. День коммунистовъ можетъ настать.

— Я до тѣхъ поръ сойду уже въ могилу, сказалъ де-Брезе беззвучнымъ голосомъ. — Прошло уже двадцать четыре часа съ тѣхъ поръ какъ я истратилъ свои послѣднія пятьдесятъ су на покулку крысы, и сжегъ ножки отъ кровати чтобы изжарить это четвероногое.

— *Entre nous*, мой бѣдный другъ, я самъ точно въ такомъ же положеніи, сказалъ Саваренъ со слабой попыткой къ своему прежнему веселому смѣху. — Видите какъ я сузилася! Жена моя будетъ невѣрна тому Саварену о которомъ мечтаетъ, если позволитъ поцѣловать себя сухощавому любезнику котораго вы видите предъ собою! Но я думалъ что вы служите въ національной гвардіи и потому не исчезнете въ пространство.

— Я былъ національгардомъ, но не могъ перенести тяжести службы; а такъ какъ я вышелъ изъ лѣтъ, то и получилъ увольненіе. Что касается платы, то я былъ слишкомъ гордъ чтобы требовать себѣ одинъ франкъ и 25 сантимовъ жалованья. Я бы не былъ такъ гордъ теперь. О, да будутъ благословенны Небеса! вотъ идетъ Лемерсье; онъ долженъ мнѣ обѣдъ и обаянъ расквитаться. *Bon jour*, любезнѣйшій Фре-

дерикъ! Какимъ молодцомъ вы смотрите въ вашемъ келѣ! Вашъ блестящій мундиръ не проколтиса пороховымъ дымомъ! Какая разница противъ лохмотниковъ линейцевъ!

— Боюсь, сказалъ Лемерсье печально, — что мой костюмъ не будетъ такъ хорошъ черезъ день или два. Я только-что узналъ новость которая безъ сомнѣня будетъ громко привѣтствована въ газетахъ. Но газеты не находятся подъ выстрѣлами орудій.

— Что вы хотите сказать? спросилъ де-Брезе.

— Я встрѣтилъ, выходя изъ своей квартиры, нѣсколько минутъ тому назадъ, этого огневъда Виктора де-Молеона, который всегда сумѣетъ узнать что происходитъ въ главной квартирѣ. Онъ сказалъ мнѣ что дѣлаются приготовленія къ большой вылазкѣ. Вѣроятно всего что объявленія о ней пойдутъ утромъ въ прокламаціи и войска наши выступятъ завтра въ ночь. Національгарды (дураки и ослы которые орали о рѣшительныхъ дѣйствіяхъ) увидятъ исполненіе своего желанія и будутъ посланы въ авангардъ; въ числѣ передовыхъ будетъ баталіонъ въ которомъ я состою. Если настоящему вашему свиданію суждено быть послѣднимъ, вы можете говорить что Фредерикъ Лемерсье закончилъ свою роль въ жизни не безъ блеску.

— Благородный другъ, сказалъ де-Брезе, слабо беря его за руку, — если правда что твоей жизни грозитъ опасность, умри такъ какъ ты жилъ. Честный человекъ не оставляетъ долговъ безъ уплаты. Ты долженъ мнѣ обѣдъ.

— Увы! не требуйте отъ меня невозможнаго. Я отплачу втрое, если только буду живъ и получу свои ренты. Но сегодня у меня нѣтъ даже мыши которую бы я могъ раздѣлить съ Фоксомъ.

— Такъ Фоксъ еще живъ? воскликнулъ де-Брезе и голые глаза его заискрились.

— Да. Теперь онъ производитъ опыты какъ долго можетъ прожить животное безъ пищи.

— Сжался надъ нимъ; бѣдное животное! Окончи его страданія благородною смертью. Пусть онъ спасетъ отъ голодной смерти тебя и твоихъ друзей. Я не прошу за себя одного; я не болѣе какъ диллетантъ въ изящной словесности. Но Саваренъ, знаменитый Саваренъ — въ критикѣ французскій Ловгинусъ, въ поэзіи Парижскій Гораций, въ общественной жизни гений веселости и шутокъ, — напоми его умень-

жившееся тѣло! Неужели ему суждено погибнуть отъ недостатка пищи, когда у тебя такой избытокъ въ твоей кладовой? Я взываю къ твоему сердцу, къ твоей совѣсти, къ твоему патриотизму. Что значать въ глазахъ Франція тысячи Фоксовъ въ сравненіи съ однимъ Савареномъ?

— Въ настоящую минуту, вздохнулъ Саварень, — я способенъ проглотить все, какъ бы это отвратительно ни было, даже лесть, де-Брезе. Но, другъ мой Фредерикъ, ты идешь въ битву; что станется съ Фоксомъ если тебѣ суждено будетъ пасть? Развѣ онъ не достанется чужимъ? Безъ сомнѣнія для его предавшаго сердца была бы болѣе пріятною мысль что онъ доставилъ пищу твоимъ друзьямъ? Они одѣвиди бы его добродѣтели и благословили бы его памяти!

— Ты имѣешь такой тощій видъ, мой бѣдный Саварень! А какимъ хлѣбосоломъ ты былъ когда еще былъ толстѣ! сказалъ Фредерикъ съ лаѣсомъ. — И нѣтъ сомнѣнія что если я остаюсь живъ, Фоксъ умретъ съ голоду; если же буду убитъ, Фоксъ будетъ съѣденъ. Но, бѣдный Фоксъ, милый Фоксъ, который лежалъ на груди моей когда я замерзалъ! Нѣтъ; у меня нѣтъ силъ приказать вонзить его для васъ на вертелъ. Не требуйте этого.

— Я избавляю тебя отъ этой грустной обязанности, воскликнулъ де-Брезе. — Мы какъ разъ около твоей квартиры. Простите меня на минутку. Я добѣгу и отдамъ приказаніе твоей служанкѣ.

Говоря это онъ прыгнулъ впередъ съ легкостью какой никто бы не ожидалъ, судя по его прежней слабости. Фредерикъ хотѣлъ послѣдовать за нимъ, но Саварень ухватился за него, проговоривъ съ трудомъ:

— Постой; я упаду какъ пустой мѣшокъ безъ твоей поддержки, молодой герой. Фи! разумѣется де-Брезе только пошутилъ; это не больше какъ веселая шутка. Тм! по секрету: у него есть деньги и онъ хочетъ еще разъ угостить насъ обѣдомъ, подъ предлогомъ будто мы ѣдимъ твою собаку. Онъ составлялъ этотъ планъ когда ты подошелъ. Пусть его пошутить, а мы будемъ имѣть Вальтазаровскій лиръ.

— Гм! сказалъ Фредерикъ съ сомнѣніемъ: — ты увѣренъ что у него нѣтъ видовъ на Фокса?

— Разумѣется нѣтъ, онъ хочетъ только посмѣяться. Ослепитива вещь ве дурная, но стоить 14 франковъ за фунтъ. Пуларка превосходная вещь, но цѣна ей 30 франковъ. Поло-

живъ на де-Брезе; у насъ будетъ и ослатина и пулярка и Фоксъ насладится остатками.

Прежде чѣмъ Фредерикъ могъ отвѣтить, на нихъ набѣжала свадя и затолкала ихъ шумная толпа. Они только могли различить слова: „славная новость, побѣда, Федербъ, Шанзи“. Но этихъ словъ было достаточно чтобъ они охотно увлекались общими движеніемъ. Они забыли свой голодъ, забыли Фокса. На быстромъ ходу они узнали что получено довѣсеніе о совершенномъ отбитіи Прусаковъ Федербомъ при Амьентъ; и о еще болѣе рѣшительномъ пораженіи ихъ Шанзи на Дуаръ. Эти генералы съ своими торжествующими арміями слѣзатъ къ Парижу чтобъ ускорить истребленіе ненавистныхъ Германцевъ. Откуда взялось это извѣстіе, никто не зналъ въ точности. Всѣ вѣрили ему и слѣзили къ Ратушѣ чтобы слышать формальное его подтвержденіе.

Увы! прежде чѣмъ они дошли туда, ихъ встрѣтила другая толпа, съ уныніемъ и злобою. Подобныхъ извѣстій не было получено правительствомъ. Федербъ и Шанзи бились, безъ сомнѣнія, храбро, съ полною вѣроятностью успѣха; но...

Воображенію Парижанъ не требовалось болѣе.

— Мы всегда оставались бы побѣдителями, сказалъ Саваренъ,—еслибы не было этого *но*; и толпа, которая, скажи онъ это десять минутъ тому назадъ, разорвала бы его на клочки, теперь привѣтствовала эпиграмму; и съ проклятіями на Трошю, перемѣшанными со взрывами саркастическаго хохота, шумно расходилась.

Когда оба друга побрели назадъ къ той части бульваровъ гдѣ де-Брезе разотался съ ними, Саваренъ неожиданно оставилъ Лемерсье и перешелъ улицу чтобы привѣтствовать небольшое общество состоявшее изъ двухъ дамъ и двухъ мушкетеровъ направлявшихся къ церкви Св. Магдалины. Пока онъ обмѣнивался съ ними нѣсколькими словами, молодая парочка, идя подъ руку, прошла мимо Лемерсье; мушкетеръ былъ въ мундирѣ національгарда, такомъ же щегольскомъ какъ у Фредерика, но имѣлъ въ себѣ такъ мало воинственнаго какъ только можно себѣ представить. Походка его была тяжела, голова опущена внизъ. Онъ, казалось, не слушалъ свою спутницу, которая говорила скоро и оживленно и лицо ея сіяло улыбками. Лемерсье посмотрѣлъ имъ вслѣдъ какъ они прошли.

„*Sur ton âme*, пробормоталъ Фредерикъ про себя; вѣтъ

сомнѣнія что это *la belle* Жюли; наконецъ-то она нашла своего скрывавшагося повѣта!“

Пока Лемерсье говорилъ такъ самъ съ собою, Густавъ, продолжая смотрѣть внизъ, былъ увлеченъ своею спутницей черезъ улицу, въ средину маленькой группы съ которой оставилась поговорить Саваренъ. Случайно задѣвъ Саварена, онъ удивленно поднималъ глаза, готовый проговорить обычное извиненіе: въ это время Жюли почувствовала что рука на которую она опиралась задрожала. Предъ нимъ стояла Исавра и рядомъ съ ней графиня де-Вандемаръ; спутники ихъ, Рауль и аббатъ Вертире, были въ двухъ шагахъ отъ нихъ.

Густавъ сжалъ шляпу, низко поклонился и съ минутою стоялъ молча и неподвижно, пораженный неожиданностію и стыдомъ.

Внимательный взоръ Жюли, слѣдя за его взоромъ, устремился на то же лицо на которое смотрѣлъ онъ. Въ минуту она отгадала истину. Она видѣла предъ собою ту которой обязана была цѣлыми мѣсяцами мученій ревности, и надъ которой, бѣдное дитя, она думала что она восторжествовала. Но въ сердцѣ этой дѣвушки было столько инстинктивной доброты что чувство торжества исчезло, смѣнявшись чувствомъ состраданія. Соперница ея лишилась Густава. Для Жюли лишиться Густава значило лишиться всего для чего бы стоило жить. Съ своей стороны, Исавра была тронута не только красотою лица Жюли, но еще болѣе дѣтскою наивною его выраженіемъ.

Такимъ образомъ въ первый разъ въ жизни встрѣтились дочь и падчерица Луизы Дюваль. Обѣ онѣ были такъ покинуты, такъ одиноки и неопытны среди опасностей свѣта судьба обѣихъ была такъ различна и онѣ олицетворяли такіа противоположныя стороны женской природы. Исавра естественно первая прервала молчаніе, которое было такъ тягостно для всѣхъ присутствующихъ.

Она приблизилась къ Рамо, съ искреннею добротою во взглядѣ и въ голосѣ.

— Примите мои поздравленія, сказала она съ серьезною улыбкой. — Ваша матушка вчера вечеромъ передала мнѣ о вашей свадьбѣ. Безъ сомнѣнія я вижу *Madame* Рамо; и она протянула руку Жюли. Бѣдная Уакина отшатнулась на мигновение и вспыхнула до висковъ. Это была первая рука которую женщина съ безупречнымъ характеромъ протягивала ей,

въ тѣхъ поръ какъ она лишилась покровительства *Madame Журваль*. Прикоснувшись къ ней съ робостью и смиреніемъ, она отвела прочь своего мужа, и съ головою олущенною еще даже чѣмъ у Густава, прошла мимо группы не говоря ни слова.

Она не говорила съ Густавомъ пока ихъ могли видѣть или слышать тѣ которыхъ они только-что оставила. Потомъ, страстно сжавъ его руку, она сказала:

— И это та *demoiselle* отъ которой ты отказался для меня! Не говори что нѣтъ. Я такъ рада что увидѣла ее; это сдѣлало мнѣ много добра. Насколько глубже и чище стала моя любовь къ тебѣ! Я могу воздать тебѣ только однимъ, отдать тебѣ всю мою жизнь. Ты никогда не будешь имѣть повода бранить меня, никогда, никогда!

Саваренъ смотрѣлъ очень серьезно и задумчиво когда вернулся къ Лемерсье.

— Могу ли я вѣрить глазамъ? сказалъ Фредерикъ.—Несомнѣнно это была Жюли Камартенъ подъ руку Густавомъ Рамо! И онъ имѣлъ смѣлость въ такомъ обществѣ раскланиваться съ *Madame* де-Вандемаръ и *Mademoiselle* Чигонья, съ которой, какъ я слышалъ, онъ обрученъ? Развѣ я не видалъ также что *Mademoiselle* пожала руку Ундивѣ? Или же я сталъ жертвою одной изъ тѣхъ галлюцинацій которыя, какъ говорятъ, рождаются въ умѣ отъ голода?

— У меня нѣтъ силъ отвѣчать на всѣ эти вопросы. Я могъ бы разказать цѣлую повѣсть; но я сберегу ее къ обѣду. Послѣдимъ къ тебѣ на квартиру. Де-Брезе безъ сомнѣнія ждетъ насъ тамъ.

Г Л А В А XIV.

Не предчувствуя угрожавшей ему опасности, поглощенный чувствомъ настоящихъ невзгодъ, голодный и холодный, Фокось поддалъ свою печальную голову съ халата своего хозяина, въ которомъ онъ старался укрыть свое дрожащее тѣло при входѣ де-Брезе и консьержа того дома гдѣ Лемерсье занималъ квартиру. Узнавъ виконта какъ одного изъ знакомыхъ своего хозяина, онъ сдержалъ первый порывъ побуждавшій его издать слабый лай, и со слабымъ визгомъ допустилъ вынуть себя изъ-подъ покрывавшаго его лаття и отдался въ руки своему убійцѣ-посѣтителю.

— *Dieu des dieux!* проговорилъ де-Брезе,—какъ легко стало бѣдное животное! Онъ ущипнулъ за бока и бедра свою обреченную жертву. Однакоже,—сказалъ онъ,—на костяхъ осталось еще немного мяса. Вы можете поджарить ланки, сдѣлать фрикассе изъ лопатокъ, и ростбифъ изъ остальнаго. *Rognons* и голову возьмите себѣ за труды. Съ этими словами онъ передалъ Фокса на руки консьержа, прибавивъ:—*Vite au besogne, mon ami.*

— Да, *Monsieur*, я долженъ слѣзть пока жены вѣтъ дома. Она имѣетъ слабость къ этому животному. Оно должно быть уже на вертелѣ прежде чѣмъ она вернется.

— Пусть такъ; а на столѣ черезъ часъ—въ пять часовъ ровно; я проголодался.

Консьержъ исчезъ вмѣстѣ съ Фоксомъ. Де-Брезе занялся исканіемъ по шкафамъ и буфетамъ Фредерика, откуда досталъ скатерть и всѣ принадлежности для обѣда. Онъ накрылъ столъ въ большомъ порядкѣ и сталъ терпѣливо ожидать приближенія пира.

Пять часовъ било прежде чѣмъ Фредерикъ съ Савареномъ вошли въ комнату; завидя ихъ де-Брезе послѣдилъ къ лѣстницѣ и приказалъ консьержу подавать обѣдъ.

Фредерикъ, хотя и не зналъ какого рода ихъ ждетъ обѣдъ, сталъ оглядываться кругомъ лица собаки, и не видя ее началъ звать:

— Фоксъ! Фоксъ! Куда ты запрятался?

— Успокойся, сказалъ де-Брезе.—Не думай что я не...

Замѣтка сына автора.—Рука дописавшая до этого мѣста оставила недописанною послѣднюю сцену трагедіи бѣднаго Фокса. Забвеніемъ могилы безвозвратно покрыты юморъ и паеосъ этого пиршества кинофаговъ. Здѣсь можетъ быть приведенъ лишь одинъ эпизодъ этого пира который авторъ передалъ своему сыну на словахъ. Пусть сочувствующій читатель представить себѣ весь драматизмъ заключающійся въ борьбѣ между голодомъ и привязанностью; пусть представитъ онъ себѣ одно изъ тѣхъ сентиментально трогательныхъ настроеній, безъ сомнѣнія испытанныхъ имъ подъ часъ когда онъ въ первый разъ вкушалъ пищу послѣ долгаго поста, надѣемся менѣе жестокаго и продолжительнаго нежели тотъ который выдержали наши осажденные участники обѣда, и тогда онъ можетъ представить себя, хотя и безъ помощи авторской фангазіи создавшей столь исключительное положеніе, сколько слезъ и

вѣжлости наполняли глаза мягкосердечнаго Фредерика, когда онъ разсматривалъ хорошо обглоданныя кости своего закланнаго любимца, и отодвигая тарелку на которой онѣ лежали, произнесъ со вздохомъ: „О, бѣдный Фоксъ, съ какимъ удовольствіемъ поглотилъ бы онъ эти косточки.“

Глава непосредственно слѣдующая за этою также осталась недописанной. Она не должна была заключить собою этотъ неоконченный разказъ, но въ ряду многочисленныхъ и столь разнообразныхъ сочиненій англійскаго писателя, который составилъ себѣ почетное имя почти во всѣхъ отрасляхъ литературы, это была дѣйствительно послѣдняя глава. Еслибъ авторъ остался въ живыхъ и окончилъ свое произведеніе, онъ безъ сомнѣнія добавилъ бы къ своей *Илиадѣ* Парижской осады самый эпическій эпизодъ ея и описалъ бы затѣю мощную борьбу между двумя князьями Парижской биржи, великодушнымъ Дюлаеси и грознымъ Лувье. Немногія оставшія страницы недоконченнаго разказа, безъ сомнѣнія, изобразили бы намъ примиреніе между Грагамомъ Веномъ и Исаврою Чигонья. Къ счастью однако, читатели слѣдившіе до сихъ поръ за судьбами *Парижанъ* найдутъ удовлетвореніе своему любопытству по всѣмъ главнымъ пунктамъ во главѣ названной *L'Envoi*, которая была написана раньше окончанія романа.

Мы, правда, не знаемъ что стало съ двумя парижскими галами Красоты, но не святости, съ бѣднымъ тщеславнымъ потомъ уличной толпы и добросердечною Удивною этого мутнаго потока. Судя по тому что въ письмѣ Лемерсье къ Вену нѣтъ никакого уломиванія о нихъ, нельзя же придти къ заключенію что роль ихъ въ разказѣ окончилась прежде написанія этого письма; слѣдуетъ предположить что развязка ихъ судьбы имѣла быть описана въ одной изъ предшествовавшихъ главъ, и что авторъ навѣрное не оставилъ бы Густава Рамо постояннымъ обладателемъ его незаслуженнаго и дурно употребленнаго богатства. Сладкій запахъ домашняго *pot au feu*, хотя бы и приправленнаго пряностью сознанія что онъ презрѣлъ мнѣнія общества, конечно не могъ примирить этого французскаго представителя прамѣвенія къ народной поэзіи новыхъ идей, предпочитающихъ „розы и наслажденія порока“, „лиліямъ и скукѣ добродѣтели“, съ его себялюбивою измѣной дѣлу всеобщей эманципации отъ всѣхъ условій общегитія. Еслибы бѣдная Жюли Комартенъ погибла во время парижской осады, не успѣвъ еще утратить граціи добровольнаго покаянія, мы безъ сомнѣнія считали бы участь ея болѣе счастливою, чѣмъ та какая досталась бы ей на долю еслибъ она продолжала свое существованіе въ качествѣ *Madame* Рамо, и тогда извѣстная часть земныхъ благъ получила бы лучшее употребленіе въ рукахъ Грагама Вена. Къ этой увѣренности остается прибавить только описаніе участи постигшей Виктора де-Молеона, которое читатель найдетъ ниже, въ письмѣ Лемерсье, для полнаго удовлетворенія чувства повѣстической справедливости. И

если эти фигуры, вымѣ исчезающія со сцены, хорошо исполнили свои роли въ драмѣ паденія Имперіи, то каждое изъ нихъ кромѣ украшенія ловѣсти, представить и нѣкоторое назиданіе. *Valets et plaudite!*

I

ГЛАВА ПОСЛѢДНЯЯ.

Въ числѣ лицъ бѣжавшихъ отъ осады, которыхъ теперь Версальскій поѣздъ высаживалъ на Парижской станціи, было два человѣка которые пробираясь черезъ толпу внезапно встрѣтились лицомъ къ лицу.

— Ага! *Bon jour, Monsieur* Дюлеси, произвесь грубыи голосъ.

— *Bon jour, Monsieur* Лувье, отвѣчалъ Дюлеси.

— Какъ давно вы оставили Бретень?

— Въ тотъ день какъ извѣстіе о перемиріи дошло туда; чтобъ имѣть возможность вступить въ Парижъ въ первый день какъ будутъ отворены его ворота. А вы, гдѣ вы были?

— Въ Лондонѣ.

— А! въ Лондонѣ! сказалъ Дюлеси любѣзливо.— Я жалъ что у меня былъ тамъ врагъ.

— Врагъ! Я? *Vah! mon cher Monsieur*. Что заставляетъ васъ видѣть во мнѣ врага?

— Я помню ваши угрозы.

— А *propos* о Ротсбрианѣ. Когда вы съ любезнѣйшимъ маркизомъ найдете удобнымъ чтобъ я вступилъ во владѣніе этихъ помѣстьемъ? Вы не можете болѣе претендовать купить его въ приданое *Mademoiselle* Валеріи.

— Пока еще не знаю. Правда что всѣ финансовыя операціи которыя мой агентъ пробовалъ въ Лондонѣ были неудачны. Но я еще могу поправиться теперь, вернуться въ Парижъ. А пока у васъ еще шесть мѣсяцевъ вперед; потому что, какъ вы узнаете, или какъ это можетъ-быть вамъ уже извѣстно, слѣдующіе вамъ проценты внесены въ контору ***, и слѣдовательно вы не можете ссылаться на просрочку. еслибы даже законъ, въ сношеніяхъ должниковъ и кредиторовъ, не привалъ во вниманіе національныхъ бѣдствій.

— Совершенно вѣрно. Но если вы не будете имѣть возможности купить имѣнія, оно очень скоро должно перейти въ мои руки. И для васъ и для маркиза было бы лучше войти со мною

въ дружелюбное соглашеніе. А *propos*, я читалъ въ *Times* что Алексъ былъ въ числѣ раненыхъ во время декабрьской вылазки.

— Да; мы получили объ этомъ извѣстіе съ голубиною почтой. Мы болясь....

L' E N' V O I.

Просвѣщенный читатель замѣтитъ что разказываемая мною повѣсть только повидимому закончена послѣднею главою; хотя я радъ думать что то что можетъ быть названо ея завязкой не найдетъ своего *dénouement* среди преступленій и безумствъ войны коммунистовъ. Это предметъ для будущаго изслѣдователя общества. Когда преступления оскорбляющія человечество имѣютъ своей причиною или оправданіемъ принципы требующіе уничтоженія всѣхъ основъ на которыхъ зиждется цивилизація Европы, религіи, собственности, брака, дабы создать новую цивилизацію примѣнимую къ новому человечеству, тогда даже самый мирный изъ современниковъ едва ли можетъ сохранить то спокойствіе отвлеченнаго мышленія съ помощью котораго философія выводитъ изъ прошедшихъ золъ настоящее добро. Съ своей стороны, я вѣрю что черезъ всю извѣстную исторію человечества, даже въ тѣ эпохи когда разумъ наиболѣе омраченъ и совѣсть наиболѣе развращена, пролегаеть замѣтная, хотя тонкая какъ нить, цѣль судьбы, начало которой у престола Всевѣдущаго и Всеблагаго; что въ самыхъ дикихъ фантазіяхъ, приводящихъ въ бѣшенство массы, могутъ быть открыты проблески пророческихъ истинъ; что въ самыхъ ужасныхъ преступленіяхъ, подобно эпидемическимъ болѣзнямъ характеризующихъ извѣстныя эпохи ненормальнаго состоянія, могутъ быть открыты инстинкты или стремленія къ некоторымъ общественнымъ добродѣтелямъ, которымъ суждено осуществиться вѣка спустя, среди болѣе счастливыхъ поколѣній. Все направляется къ тому чтобы сласти человѣка отъ отчаянія въ будущемъ, хотя бы цѣлое общество въ безотрадный историческій моментъ соединилось въ отрицаніи души и существованія Божества, ибо все непобѣдимо утверждаетъ то неодолимое влеченіе къ незримому будущему которое составляетъ господствующую принадлежность души, обнаруживающую управленіе божественной Мысли, которая изъ разлада одного вѣка развиваетъ гармонію другаго, и какъ во внутрен-

некъ такъ и во вѣншемъ мірѣ, укрѣпляетъ во всякомъ не-
омерченномъ умѣ различіе между Провидѣніемъ и Случаемъ.

Прилагаемаго отчета можетъ быть достаточно чтобы полни-
нить недосказанное о тѣхъ лицахъ судьбою которыхъ, поми-
мо великихъ событій и лицъ принадлежащихъ болѣе серіоз-
ной исторіи, читатель можетъ интересоваться. Это переводъ
письма Фредерика Лемерсье къ Грагаму Везу, написаннаго
въ іюль, мѣсяцъ спустя послѣ пораженія коммунистовъ.

„Любезнѣйшій и знаменитый Англичанинъ котораго имя я
чту, но не могу произнести, примите мою сердечную благодар-
ность за тотъ интересъ который вы принимаете въ жалкіе
остаткахъ Фредерика Лемерсье, пережившихъ бѣдствія голо-
да, равенства, братства, петролеума и права на работу. Я не
оставилъ Парижа когда *Monsieur* Тьеръ, *partula non bene re-
lictâ*, увелъ своихъ преданныхъ друзей и свои храбрыя войска
въ Версальскія роци, и поручилъ намъ, безоружнымъ жите-
лямъ, охраненіе порядка и собственности отъ инсургентовъ,
которымъ оставилъ въ обладаніе наши форты и пушки. Мною
овладѣлъ захватывающій интересъ къ этой ужасной мелодра-
мѣ, съ ея быстрою смѣной сценическихъ эффектовъ, ареной
коей была столица міра. Наученный опытомъ я не стремился
быть дѣйствующимъ лицомъ; и даже въ качествѣ зрителя ста-
рательно воздерживался отъ аплодисментовъ и шиканья. Беря
примѣръ съ вашей счастливой Англіи, я соблюдалъ строжай-
шій нейтралитетъ; и оберегая себя отъ опасности, оставлялъ
своихъ лучшихъ друзей на волю боговъ.

„Что касается политическихъ вопросовъ, то я не рѣшаюсь
пускаться въ догадки. Объ этой игрѣ въ *rouge et noir* я могу
оказать только одно, что какаѣ бы карта ни вынулась, она
будетъ или красная или черная. Одинъ игрокъ временно вы-
игрываетъ когда проигрываетъ другой; игра обыкновенно раз-
зоряетъ обоихъ.

„Никто не вѣритъ чтобы настоящее правительство удержи-
лось; но никто не согласенъ въ томъ какое правительство мо-
жетъ удержаться. Рауль де-Вандемаръ неизмѣнно убѣждаетъ въ
возвратъ Бурбоновъ. Саваренъ задумываетъ новый журналъ
имѣющій быть органомъ партіи графа Парижскаго. Де-Брезе и
старый графъ де-Пасси, которые примыкали и становились въ
оппозицію поочередно къ каждому изъ прежнихъ правительствъ,
естественно стоятъ за совершенно новый опытъ и высказы-
ваются за конституціонную диктатуру, съ герцогомъ Омаль-

скимъ во главѣ, которую онъ можетъ сохранять сколько ему угодно и потомъ передать своему племяннику графу, со скромнымъ титуломъ конституціоннаго короля; это должно состояться въ томъ случаѣ если диктатору вздумается низложить самого себя. Для меня это представляется самымъ несообразнымъ предположеніемъ. Еслибъ управленіе герцога было успѣшно, Французы пожелали бы его сохраненія; въ случаѣ же еслибы дядя не имѣлъ успѣха, для племянника не было бы никакихъ шансовъ. Дюлеси сохранилъ свою преданность императорской династіи; и импералистская партія сильнѣе вежели кажется съ перваго взгляда. Такъ много буржуа которые со вздохомъ вспоминаютъ о восемнадцатилѣтнемъ представленіи промышленности; такъ много военныхъ офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ которые отождествляютъ свою карьеру съ милостями императора; и такъ много духовенства которое страшится республики, всегда имѣющей возможность перейти въ руки враговъ религіи. Не раздѣляя стремленій орлеанистовъ, всё они въ душѣ расположены къ Имперіи.

„Но я скажу вамъ одинъ секретъ. Я и подобные мнѣ мирные граждане (мы гораздо многочисленнѣе чѣмъ какая бы то ни было крайняя партія) готовы признать всякую форму правленія при которой будемъ имѣть больше шансовъ сохранить наши платья на плечахъ. *Liberté, Egalité, Fraternité* совершенно вышли изъ моды; и *Mademoiselle* *** перестала гдѣ *Марсельезу* и извлекаетъ слезы у слушателей патетическимъ исполненіемъ пѣсни *O Richard! o mon roi!*

„Перехожу къ тѣмъ друзьямъ о которыхъ вы пробите сообщить вамъ.

„Чудеса никогда не перестанутъ случаться. Лувье и Дюлеси прекратили свою смертельную вражду. Они стали закалатыми друзьями, и задумываютъ въ компаніи громадную спекуляцію, которая должна начаться какъ только долгъ Пруссакамъ будетъ уплаченъ. Викторъ де-Моллеонъ устроилъ это примиреніе въ одно свиданіе, во время краткаго междуцарствія между миромъ и войною коммунистовъ. Вы знаете какъ сильно желалъ Лувье завладѣть помѣстьемъ Алена де-Ротбриана. Повѣрите ли въ чемъ была дѣйствительная причина этого? Можете ли представить себѣ чтобы черствый торгашъ какъ Лувье руководился въ своихъ дѣйствіяхъ романтическимъ сентиментальнымъ горемъ. Между тѣмъ это такъ. Кажется что много дѣтъ тому назадъ онъ былъ отчаянно влюбленъ въ дѣвushку кото-

рая исчезла изъ его жизни и которую, какъ онъ полагалъ, со-
бывалъ покойный маркизъ де-Ротбрианъ. Чтобы отмстить за
это предполагаемое преступленіе, онъ сдѣлался главнымъ кре-
диторомъ покойнаго маркиза; и вымѣщая грѣхи отца на сы-
нѣ, подъ адскою маскою дружескаго интереса, сдѣлался
единственнымъ владѣльцемъ закладной на помѣстье Алена,
на условіяхъ повидимому самыхъ щедрыхъ. Демонъ вскорѣ
показалъ свои когти, и готовъ былъ наложить арестъ за про-
срочку, когда Дюлеси явился на помощь Алену, и Ротбри-
анское помѣстье было назначено въ приданое Валеріи при вы-
ходѣ ея замужъ за Алена. Прусскія война приостановила, раз-
умѣется, вышполненіе этихъ плановъ, какъ денежныхъ такъ и
брачныхъ. Дюлеси, средства котораго сильно пострадали
вслѣдствіе войны, пробовалъ начинать нѣсколько предпріятій
въ Лондонѣ въ надеждѣ приобрести сумму необходимую для
уплаты по закладной; но непонятнымъ образомъ не имѣлъ
удачи. Лувье былъ въ Лондонѣ и мѣшалъ агенту своего со-
перника во всѣхъ спекуляціяхъ. Дюлеси потерялъ возмож-
ность реализовать закладную. Оба финансиста, по заключе-
ніи мира, вернулись въ Парижъ. Лувье рѣшилъ захватить
Бретонское помѣстье въ свои руки и довершить разореніе
Дюлеси, когда узналъ отъ де-Молеона что половина жизни
его прошла въ заблужденіи лишенномъ всякаго основанія; что
отецъ Алена не былъ виновенъ въ преступленіи за которое
долженъ былъ пострадать его сынъ; и Викторъ, съ тою непо-
нятною властью надъ умами людей которая ему свойственна,
уговорилъ Лувье и тотъ раскаялся. Короче, состоялось согла-
шеніе относительно уплаты по закладной удобное для Дю-
леси. Свадьба Алена съ Валеріей должна послѣдовать черезъ
нѣсколько недѣль. Старый замокъ отдѣлывается для приема
молодыхъ и Лувье приглашаетъ на свадьбу.

„Я узналъ всю эту исторію отъ Алена и отъ самого Дю-
леси. Передаю ее такъ какъ она была разказана мнѣ, со все-
ми узорами какими чувство украсило ее основу. Но между
нами, я слишкомъ Парижанинъ чтобы не относиться скепти-
чески къ неподдѣльной искренности внезапнаго примиренія. Я
подозрѣваю что Лувье не имѣлъ болѣе возможности забав-
ляться непроезводительною фантазіей сдѣлаться землевладѣль-
цемъ. Онъ затратилъ крупныя суммы и вошелъ въ большія
обязательства на постройку улицы которая должна была на-
зываться его именемъ, и эта улица была дважды опустошена,

сперва при осадѣ Парижа, потому въ время войны съ коммунистами; и я могу найти еще много причинъ по которымъ дуавъ долженъ былъ счесть благоразумнымъ не только отказать отъ захвата Рошбріана и обезлечить себя возвратъ выданныхъ подъ него капиталовъ, но и спасти свои интересы и вступить въ quasi-товарищество съ такимъ блестящимъ финансовымъ какимъ до сихъ поръ заявилъ себя Арманъ Дюлеси.

„Самъ Аленъ не совсѣмъ оправился отъ раны и находится теперь Рошбріанѣ, на попеченіи своей тетки и Валеріи. Я обѣщалъ навѣститъ его на будущей недѣлѣ. Рауль де-Вандемаръ все еще въ Парижѣ, вмѣстѣ съ матерью, и говоритъ что нѣтъ другого мѣста гдѣ бы христіанинъ могъ быть такъ полезенъ. Старый графъ не хочетъ возвращаться въ Парижъ, говоря что нѣтъ другого мѣста гдѣ философъ подвергался бы большей опасности.

„Я отложилъ до конца мой отвѣтъ на важнѣйшій изъ вашихъ вопросовъ. Вы говорите что прочли въ газетахъ краткое извѣстіе объ убійствѣ Виктора де-Молеона, и спрашиваете меня о подробностяхъ этого происшествія и о причинахъ убійства.

„Мнѣ, разумѣется, нѣтъ надобности говорить вамъ какую грабростью отащался виконтъ во время осады; но своею строгостью и требованіемъ дисциплины онъ нажалъ себя много враговъ между худшими представителями національгардовъ; и если бы онъ былъ захваченъ уличною толпою въ тотъ же день какъ Кламанъ Тома, который былъ виновенъ въ такихъ же преступленіяхъ, несомнѣнно что и онъ раздѣлилъ бы участь этого генерала. Будучи избранъ депутатомъ, онъ остался еще нѣсколько дней въ Парижѣ послѣ того какъ Тьеръ и К° покинули его, оставаясь въ надеждѣ убѣдить партію порядка, къ которой примыкало не малое число національгардовъ, принять быстрыя и рѣшительныя мѣры для защиты города отъ коммунистовъ. Но возмущенный ихъ малодушіемъ онъ удалился въ Версаль. Тамъ онъ болѣе нежели оправдалъ высокую репутацію какую пріобрѣлъ во время осады, и наиболѣе способные люди получили увѣренность что ему предстоитъ играть одну изъ первыхъ ролей въ борьбѣ партій. Когда Версальскія войска вступили въ Парижъ, онъ былъ, разумѣется, въ ихъ рядахъ, командуя баталіономъ.

„Онъ остался невредимъ во время ужасной битвы на баррикадахъ, хотя никто больше его не презиралъ опасность.

Только тогда когда было подавлено возмущеніе, вечером 28го мая, онъ нашелъ смерть. Версальскіе солдаты, естественно озабоченные, дѣйствовали слишкомъ поспѣшно, сватывая и разстрѣливая всякаго прохожаго въ которомъ можно было залодозрить врага. Нѣсколько человекъ изъ отряда де-Молеона захватили одну изъ подобныхъ жертвъ и повлекли въ ближайшую улицу для исполненія казни, когда, увидавъ виконта, онъ закричалъ: „Лебо, спасите меня!“

„Де-Молеонъ бросился на этотъ крикъ, остановилъ своихъ солдатъ, сказавъ: „Этотъ человекъ невиненъ; безобидный докторъ. Я ручаюсь за него.“ Когда онъ произносилъ эти слова, одинъ раненый коммунистъ, лежавшій въ канавѣ, среди кучи грязи, выползъ оттуда, бросился на де-Молеона, вознилъ свой ножъ между лачъ виконта, и самъ упалъ мертвымъ.

„Виконтъ былъ отнесенъ въ ближайшій домъ, во всѣхъ окнахъ котораго развѣвалось трехцвѣтное знамя. Докторъ, котораго онъ только-что спасъ, осмотрѣлъ и перевязалъ его рану. Виконтъ мучился болѣе часа и умеръ стараясь произнести нѣсколько словъ, смыслъ которыхъ тщетно старались уловить окружающіе его.

„Имя убійцы и причины побудившія его къ этому преступленію узнали отъ доктора. Убійца былъ красивый республиканецъ и социалистъ, по имени Арманъ Монье. Прежде онъ былъ очень искусный работникъ и получалъ высокую плату. Но задумалъ стать дѣятельнымъ политикомъ революционеромъ, придя къ намѣренію перестроить міръ вълѣдствіе недовольства существующими брачными узаконеніями, связанными его съ женщиной которая бѣжала отъ него, но будучи все-таки его законною женой, прелятствовала ему жениться на другой женщинѣ, съ которою онъ жилъ и къ которой, какъ жетя, былъ страстно привязанъ.

„Онъ не пытался, однако, приводить своихъ фантазій въ исполненіе до тѣхъ поръ пока не ошелся съ нѣкоторымъ Жакомъ Лебо, который прибрѣлъ на него сильное вліяніе и приваскъ его въ одно изъ тайныхъ революціонныхъ обществъ имѣвшихъ цѣлю ниспроверженіе Имперіи. Тогда голова его закружилась. Съ паденіемъ Имперіи окончилось существованіе общества въ которое онъ вступилъ: оно было распущено Лебо. Во время осады Монье былъ въ нѣ которомъ родѣ вождемъ *ouvièrs*; по мѣрѣ того какъ тянулась осада и наступалъ голодъ, онъ прибрѣлъ привычку

къ пьянству. Дѣти его перемерли отъ голода и холода. Жена, съ которою онъ жилъ сошла вслѣдъ за ними въ могилу. Тогда, кажется, онъ сдѣлался жестокимъ безумцемъ и принималъ участіе въ худшихъ преступленіяхъ коммунистовъ. Онъ дѣлалъ дикую мысль отомстить этому Жану Лебо, которому приписывалъ всѣ свои несчастія и который, по его словамъ, застрѣлилъ его брата во время декабрьской вылазки.

„Здѣсь начинается странная часть исторіи. Увѣряютъ что тотъ Жанъ Лебо былъ никто иной какъ Викторъ де-Молеонъ. Докторъ о которомъ я уломиналъ и который хорошо извѣстенъ въ Бельвиллѣ и Монмартрѣ подъ именемъ *Medecin des Pauvres*, сознался что самъ принадлежалъ къ тайному обществу организованному Лебо; по его словамъ, виконтъ переряжался съ такимъ искусствомъ что онъ никогда бы не узналъ его тождества съ заговорщикомъ, еслибы не случай. Во время послѣдняго періода бомбардировки, онъ, *Medecin des Pauvres*, находился въ восточной части укрѣпленій, когда вниманіе его было привлечено къ умирающему человѣку, раненому осколкомъ бомбы. Пока онъ осматривалъ рану, де-Молеонъ, бывший также на укрѣпленіяхъ, подошелъ къ этому мѣсту. Умирающій сказалъ: „*Monsieur le vicomte*, вы должны мнѣ услугу. Меня зовутъ Маркъ Леру. До начала войны я служилъ въ полиціи. Когда *Monsieur* де-Молеонъ возвратился къ своему общественному положенію и заявилъ себя врагомъ Имперіи, я могъ довести на него какъ на заговорщика Жана Лебо. Я не сдѣлалъ этого. Осада привела меня въ крайность. У меня дома есть ребенокъ. Я не хочу чтобъ онъ умеръ съ голоду.“ „Я позабочусь объ немъ“, отвѣчалъ виконтъ. Раненый умеръ прежде чѣмъ его успѣли перевести въ госпитальную повозку.

„Любопытство побудило меня увидаться съ докторомъ который разказалъ эту исторію и самому разспросить его. Признаюсь что я вѣрю его разказу. Составлялъ ли де-Молеонъ заговоръ противъ лавшей династіи, которой онъ явно не сочувствовалъ, или нѣтъ, это мало или вовсе не можетъ омрачить его репутацію очень замѣчательнаго человѣка, съ большимъ мужествомъ и большими способностями, который, еслибы остался въ живыхъ, могъ бы сдѣлать блестящую карьеру. Но, какъ справедливо замѣчаетъ Саваренъ, первыя тѣла которыя лавать революціонная колесница, это тѣла тѣхъ кто первый задрался въ нее.

„Въ числѣ бумагъ де-Молеона найдена программа государственнаго устройства Франціи. Какъ она попала въ руки Саварена, я не знаю. Саваренъ по моей просьбѣ сообщалъ мнѣ главныя основанія этого проекта. Вотъ они:

„Американская республика есть единственная достойная изученія, потому что она имѣетъ продолжительность. Причины ея прочности заключаются въ обезпеченіяхъ противъ легкомыслія и нарушенія порядка со стороны демократіи: 1) Ни одинъ законъ касающійся конституціи не можетъ быть измѣненъ безъ согласія двухъ третей конгресса. 2) Для противо-дѣйствія увлеченіямъ свойственнымъ народному собранію избранному всеобщей подачей голосовъ, высшая законодательная власть, въ особенности по дѣламъ вѣншей политики, сосредоточена въ сенатѣ, который кромѣ законодательной имѣетъ и исполнительную власть. 3) Глава сената, избравъ свое правительство, можетъ сохранять его независимость противъ враждебнаго большинства всякаго собранія.

„Эти три основанія прочности должны лечь въ основу всякаго новаго образа правленія во Франціи.

„Для Франціи существенно необходимо чтобы глава правительства, каковъ бы ни былъ его титулъ, былъ также безответственъ какъ государь въ Англіи; потому онъ не долженъ ни предсѣдательствовать въ совѣтахъ, ни предводительствовать арміями. Время личнаго правленія прошло, даже въ Пруссіи. Для обезпеченія порядка въ государствѣ необходимо чтобы когда дѣла идутъ дурно, смѣнялось бы министерство, а государство оставалось неизмѣннымъ. Въ Европѣ республиканскія учрежденія будутъ прочны если верховная власть будетъ наследственная, а не избирательная.“

„Саваренъ говоритъ что эти аксіомы проведены до конца и развиты съ большимъ искусствомъ.

„Много благодаренъ вамъ за предлагаемое гостеприимство въ Англіи. Я воспользуюсь имъ на нѣсколько дней, если когда-нибудь рѣшусь избрать семейную жизнь и спокойствіе домашняго очага. Я имѣю склонность къ одной англійской миссѣ, но не имѣю еще точныхъ свѣдѣній о приданомъ. Тридцати тысячъ фунтовъ стерлинговъ будетъ съ меня довольно—я думаю это бездѣлица для вашихъ богатыхъ островитянъ.

„А пока мнѣ естественно приходится расплачиваться за бѣдствія этой ужасной осады. Нѣкоторые благоразумные журналы говорятъ намъ что, отрезвленные несчастіями, Парижане

начать новую жизнь, сдѣлаются прилежны и разсудительны, будутъ презирать роскошь и удовольствія, и заживутъ на подобіе нѣмецкихъ профессоровъ. Не вѣрьте ни слову изъ этихъ разсужденій. Я убѣжденъ что несмотря на все что можно сказать о нашемъ легкомысліи и расточительности при Имперіи, мы всегда остаемся такими же, при всякой формѣ правленія—самымъ храбрымъ, самымъ спокойнымъ, самымъ жестокимъ, самымъ добросердечнымъ, самымъ неразумнымъ, самымъ просвѣщеннымъ, самымъ протаворѣчивымъ, самымъ основательнымъ народомъ какой Юпитеръ, посовѣтовавшись съ Веверой и Граціями, съ Марсомъ и Фуріями, когда-либо создавалъ для наслажденія и ужаса міра,—словомъ, Парижанамъ. *Votre tout dévoué,*

„Фредерикъ Лемерсье.“

Въ прекрасный полдень, позднюю осенью 1871, у залива Сорренто, въ той части скалистаго берега, вѣзго отъ города, гдѣ впервые чтеніе превосходнѣйшей поэмы о христіанскомъ героизмѣ, въ которой возвышенность мысли соединилась съ серебристою изящностью рѣчи, очаровало ея дѣтство, теперь снова склонялась молодая жена Грагама Вена. Это былъ первый мѣсяць послѣ ихъ свадьбы. Исавра еще не оправилась отъ всѣхъ мученій какія пришлось пережить ей съ того часа когда она поняла что исканіе славы лишило ея любви которая украшала ея геній и наполняла ее мечты, до того въ который....

Доктора единогласно присовѣтовали ей провести зиму въ такомъ климатѣ, и послѣ свадьбы, которая была во Флоренціи, они прибыли въ Сорренто.

Исавра сидитъ на небольшомъ отлогомъ возвышеніи; Грагамъ склонился у ея ногъ; лицо его обращено къ ней съ невыразимою внимательною заботливостью и сострадательною нѣжностью.

— Ты увѣрена что чувствуешь себя лучше и крѣпче съ тѣмъ поръ какъ мы здѣсь?

БѢГСТВО. (Съ рисунка Верещагина изъ Лондонской Иллюстрации.)

въ первый день, валадевию неизбежно должны подвергнуться отстаеме, потому я рѣшаюсь остаться позади при штабѣ.

Кавалерія скоро исчезаетъ въ облакѣ пыли; пѣхота продолжаетъ твердо идти впередъ. Черезъ полчаса мы подходимъ къ узкому, глубокому каналу, наполненному водой, который пересѣкаетъ равнину подъ прямымъ угломъ къ линіи нашего движенія, и здѣсь страшная и страшная сцена представляется нашимъ глазамъ.

По равнинѣ разбросаны во всѣхъ направленіяхъ арбы или телѣги, нагруженныя домашнимъ скорбомъ Іомудовъ. Не имѣя возможности перейти каналъ по единственному узкому мосту, они выпрыгнули лошадей, оставивъ всѣ свои пожитки. Нѣкоторые однако не успѣли бѣжать; потому ли что у нихъ не было лошадей, или можетъ-быть потому что они сдѣлкомъ много полагались на великодушіе Русскихъ. Они были настигнуты и изрублены казаками.

Повсюду между тѣсно наставленными арбами лежали тѣла убитыхъ, въ крови, съ сабельными ранами на головахъ и на лицахъ; видъ ихъ былъ страшенъ. Но еще хуже былъ видъ женщинъ, которыя прятались подъ телѣгами, подобно безсловеснымъ животнымъ, смотря на насъ съ испуганными лицами и умоляющими глазами, безъ словъ, окруженныя мертвыми тѣлами своихъ мужей, возлюбленныхъ и братьевъ. Однѣ ожидали что съ нами поступятъ также какъ ихъ мужья, возлюбленные и братья поступаютъ съ побѣжденными при подобныхъ обстоятельствахъ.

Я вижу однакоже одну женщину которая не обращаетъ на малѣйшаго вниманія на то что происходитъ вокругъ нея. Она держитъ на колѣняхъ голову чедовѣка умирающаго отъ страшнаго сабельнаго удара въ голову. Она сидитъ, глядя ему въ лицо, неподвижно какъ статуя, даже не поднимая глазъ при нашемъ приближеніи; мы могли бы счесть это за выраженіе адотскаго равнодушія, еслибы не слезы тихо катившіяся съ ея длинныхъ рѣсницъ и капавшія на лицо умирающаго. Въ ней не было страха предъ Русскими. Горе пересилило страхъ.

Но хуже всего было видѣть множество малютокъ дѣтей, отцы которыхъ были вѣроятно убиты. Нѣкоторые съ плачемъ ползали между колесъ; другіе, все еще сидя на телѣгахъ среди поклажи, смотрѣли на насъ изумленными дѣтскими

глазами; одна маленькая дѣвочка ворковала и стѣлаась, увидавъ развѣвавшееся знамя.

Я передавалъ одного плачущаго ребенка женщицѣ которая сидѣла съ дикимъ взглядомъ подъ телѣгою; но она не обратила на него вниманія, и проѣзжая послѣ я видѣлъ что малютка лежитъ на землѣ близъ нея, крича изо всей мочи.

Генералъ и штабъ остановились на нѣсколько минутъ, а я поѣхалъ не слѣша впередъ. Повсюду были брошенные арбы, набитыя коврами, подушками, кухонною посудой, мѣшками лшеницы, мотками шелка и одеждой; то тамъ то сямъ опять тѣло зарубленнаго Туркмена. Тамъ старуха, лѣтъ восьмидесяти, по виду, сидитъ согнувшись посреди дороги съ ребенкомъ на рукахъ, склоняясь надъ нимъ съ видомъ безнадежности и отчаянiя. Она выжидала закрывъ глаза, какъ бы рѣшившись не видѣть сабли которая, она была убѣждена, должна убить ихъ обоихъ. Она не оставила своей внучки, которую можетъ быть оставила мать. Дальше подъ арбою молодая красивая женщина съ окровавленнымъ лицомъ, въ изодранной одеждѣ, съ убитымъ горемъ выраженiемъ лица, которое разказывало ея грустную повѣсть. Поддаваясь безсознательному порыву я предложилъ ей денегъ; она оттолкнула ихъ и съ рыданiемъ закрыла лицо руками.

Я долженъ сказать однако что случаи насилiя противъ женщинъ были крайне рѣдки; и хотя Русскiе сражались здѣсь съ варварами которые совершали всевозможныя жестокости надъ лѣнвыми, что въ значительной мѣрѣ могло бы извинить жестокость со стороны солдатъ, тѣмъ не менѣе поведенiе ихъ было безконечно лучше нежели поведенiе другихъ европейскихъ войскъ въ европейскихъ войнахъ.

Немного дальше старуха лежитъ близъ дороги, съ тяжелою сабельною раной на шеѣ; но ее легко было принять за мушкетера, потому что на головѣ у нея не было чалмы. Приказано было не щадить мушкетеровъ, будутъ ли они сопротивляться или нѣтъ, но это была единственная раненая женщина которую я видѣлъ, и мнѣ говорили что всего было три или четыре такихъ случая.

Я проѣхалъ около трехъ верстъ по равнинѣ, которая и здѣсь покрыта оставленными телѣгами. Онѣ разбросаны въ разныхъ мѣстахъ, по ляти, по шести вмѣстѣ, нѣкоторыя на самой дорогѣ, другiя въ разстоянiи полверсты или болѣе вправо и влѣво, какъ будто хозяева ихъ думали укрыться

въ пустынѣ когда приближеніе казаковъ принудило ихъ бросить эту попытку.

Пятнадцать или двадцать человекъ Іомудовъ верхами показались въ недалекомъ разстояніи въ пустынѣ, а такъ какъ пѣхота верстахъ въ трехъ позади, а кавалерія можетъ-быть въ пяти или шести верстахъ впереди, то я считаю безопаснѣе остановиться. Пока я стою и жду, одинъ Іомудъ, который вѣроятно прятался гдѣ-нибудь по близости, внезапно появляется, направляясь въ мою сторону. Онъ вооруженъ только дубиной, но имѣетъ такой вызывающій видъ что я схватился за револьверъ. Онъ и тогда не обнаружилъ ни малѣйшаго признака страха, перешелъ черезъ дорогу впереди меня въ разстояніи не больше десяти футовъ, сверкая своими свирѣпыми черными глазами, какъ бы собираясь броситься на меня со своею дубиной, несмотря на мою пару револьверовъ и винтовку.

Первымъ моимъ движеніемъ было заставить его бросить свою дубину и сдаться мнѣ какъ побѣдителю, но молодецъ этотъ имѣлъ такой видъ отваги и независимости что возбудилъ мое восхищеніе, кромѣ того я подумалъ что я этимъ не покажу храбрости, имѣя столько преимуществъ на своей сторонѣ. Онъ прошелъ мимо, даже не пожелавъ мнѣ добраго утра, и исчезъ среди мелкихъ песчаныхъ холмовъ.

Скоро подошла пѣхота и движеніе продолжалось еще версты шесть или семь дальше. Опять попадаютъ овцы, скотъ, опять верблюды, старые и молодые, но нѣтъ лошадей. Не малаго замѣчанія достойно что хотя многія тысячи головъ овецъ были захвачены въ теченіе похода, но не было поймано ни одной лошади; это показываетъ какъ умно распорядились Іомуды дорожа своими великолѣпными конями. Можетъ-быть только тѣ кто не имѣлъ лошадей и были взяты въ плѣнъ или убиты въ этотъ день.

Увидавъ въ сторонѣ отъ дороги двухъ или трехъ казаковъ расхищавшихъ груллу телѣгъ, я подѣхалъ къ нимъ чтобы взглянуть на ихъ работу. На землѣ лежали тѣла двухъ убитыхъ Іомудовъ, а возлѣ нихъ стояла дѣвочка лѣтъ трехъ, смотрѣвшая на казаковъ испуганнымъ, удивленнымъ взглядомъ и тихо, но горько плакавшая.

Малютка умерла бы отъ жажды еслибъ ее оставить тутъ, а я взялъ ее на свою лошадь, съ тѣмъ чтобъ отдать ее первой женщинѣ которую встрѣчу. Вскорѣ я увидалъ другую

дѣвочку и, передавъ первую моему слугѣ Черткову, подѣхалъ ко второй. У бѣднаго ребенка былъ большой разрывъ на подошвѣ; рана была полна песку, ничѣмъ не защищена отъ палящаго солнца и должна была причинять ей сильную боль. Дѣвочка не плакала, но смотрѣла на казаковъ хозяйничавшихъ около арбы, которая принадлежала можетъ-быть ей отцу, арболытвымъ, вызывающимъ взглядомъ. Когда я сказалъ ей что возьму ее съ собою, она пустилась бѣжать, и я принужденъ былъ сойти съ лошади и погнаться за ней.

Она отбивалась и визжала какъ дикая кошка, и я истощилъ весь мой татарскій лексиконъ прежде чѣмъ она согласилась довѣриться мнѣ. Но убѣдившись наконецъ что мои намѣренія были миролюбивы, она обвила мою шею руками и заснула.

Я долженъ былъ представлять довольно странное зрѣлище когда ѣхалъ между войскомъ, съ дикаркой крѣпко обнявшею мою шею и положившею голову, покрытую корою грязи, на мою грудь. Но вскорѣ я встрѣтилъ одного штабнаго офицера съ такою же находкой и убѣдился что я не былъ исключеніемъ. Иомуды, очевидно, покидали дѣвочекъ охотнѣе чѣмъ мальчиковъ.

Около одиннадцати часовъ мы нагнали кавалерію оставившуюся чтобы дать отдыхъ лошадямъ.

Бѣглецы разсѣялись во всѣ стороны, но главная масса ихъ, благодаря своимъ быстрымъ лошадямъ, должна была быть за нѣсколько миль дальше, и преслѣдовать ихъ было бы бесполезно. Генералъ Головачовъ рассудилъ что такъ какъ большая часть ихъ имущества захвачена, то они достаточно наказаны, и рѣшилъ вернуться въ Ильялы.

Даже здѣсь, такъ далеко отъ оазиса, было два или три канала, одинъ изъ коихъ былъ все еще полонъ воды, что показываетъ что эта равнина, теперь неплодная, была некогда обработана и можетъ быть снова сдѣлана плодородною. Судя по моимъ наблюденіямъ, Хивинскій оазисъ былъ некогда значительно больше чѣмъ теперь, такъ какъ вездѣ на этихъ песчаныхъ равнинахъ, начиная съ самаго города, который стоитъ на границѣ между плодородною землею и пустыней, видны слѣды прежней ирригаціи.

На пути въ лагерь я встрѣтилъ пять или шесть женщинъ и предлагалъ имъ взять мою маленькую protégée, но онѣ всѣ отказались, указывая на собственныхъ дѣтей. Дѣйстви-

тельно, онѣ были не въ такомъ состоянiи чтобы взять ребенка, потому что у каждой изъ нихъ было уже по пяти или шести ребятъ. Такимъ образомъ, я привезъ мою дѣвочку въ лагерь, самъ не зная что сдѣлаю съ ней. Всего проще было бы бросить ее въ пустынь, въ жертву шакаламъ, но въ такомъ случаѣ не для чего было и брать ее оттуда гдѣ я ее нашелъ. Обдумывая этотъ вопросъ, я устроилъ ей постель подъ телѣгой, на кучѣ хлѣпка, наваленнаго вокругъ большими грудями, вмѣстѣ съ шерстяными одѣялами, коврами и кухонною посудой изъ разграбленныхъ кибитокъ. Потомъ, съ помощью доктора, я обмылъ и обвязалъ ее раненую ногу.

Она была мужественная дѣвочка и вынесла эту операцію такъ терпѣливо что привела насъ въ изумленiе. Несмотря на то что мы должны были причинять ей сильную боль пока очищали рану, которая олухла и была сильно воспалена, она не выронила ни одной слезы. Послѣ долгихъ старанiй, мнѣ удалось отмыть и лицо ея отъ налипшей на немъ грязи, и я увидалъ что она прехорошенькая. Она съ жадностью пила воду. Увидавъ что солдаты доить корову, я принесъ дѣвочкѣ столько молока сколько она могла выпить, и уложилъ ее на приготовленную постель. Словомъ, я такъ привязался къ ней и она была такая славная дѣвочка что мнѣ было жаль расстаться съ ней, когда, немного позже, отыскалась ея мать. Мать была очевидно въ восторгѣ что нашла ее, но поблагодарила меня холодно и послѣ того даже ни разу не взглянула на меня. Это показалось мнѣ нѣсколько жестокомъ, тѣмъ болѣе что я возвратилъ ей дочь съ хорошимъ гардеробомъ, который выбралъ для нея въ захваченномъ имуществѣ ея соотечественниковъ, и съ золотою монетою, которая дѣтъ десять слустя можетъ послужить ей придавымъ. Но очень можетъ быть что, вопреки наружной холодности, въ глубинѣ сердца, мать горячо поблагодарила кафира.

Послѣ трехчасовой остановки, въ продолженiе которой были разобраны и сожжены всѣ кибитки найденныя здѣсь, мы пустились въ обратный луть въ Ильялы.

Солдатамъ приказано было отобрать и захватить съ собою все цѣнное, а остальное сжечь, и казаки охотно исполнили приказанiе. Ковры, шелковыя матерiи, носильное платье и серебряныя украшения — вотъ все что было цѣннаго; все же остальное, необработанный хлѣпокъ и шелкъ, старые ковры, признанные солдатами негодными, зерно, мука,

кухонная посуда, мѣхи съ молокомъ и разныи другой домашній скорбь, были разбросаны по землѣ.

Грустно было смотрѣть на разрушеніе столькихъ счастливыхъ хозяйствъ. Для этихъ бѣдныхъ людей каждая вещь была старымъ, знакомымъ другомъ, къ которому они привазились вслѣдствіе многолѣтняго употребленія, съ которымъ соединено было множество воспоминаній. Грустно было думать какъ женщины, возвращаясь по этой дорогѣ, будутъ стараться сласти хоть что-нибудь изъ общаго разрушенія и плакать надъ знакомыми, любимыми вещами, жалкими остатками ихъ нѣкогда счастливыхъ, теперь разрушенныхъ хозяйствъ.

Но было нѣчто еще болѣе достойное симпатіи и сожалѣнія.

Вотъ тѣла трехъ Иомутовъ залитыя ихъ собственной кровью и возлѣ нихъ шесть человекъ дѣтей, отъ четырехъ до шести лѣтъ, одни съ своими покойниками. Старшій, здоровый мальчикъ, ухаживалъ какъ умѣлъ за младшими. Онъ устраивалъ имъ постель изъ обрывковъ хлопка, шелка, старыхъ ковровъ и лохмотьевъ носильнаго платья, жалкихъ остатковъ ихъ нѣкогда зажиточной кибитки. Онъ не удостоилъ меня ни малѣйшимъ вниманіемъ когда я подѣхалъ, не поднимая глазъ онъ дѣлалъ свое дѣло, и я увѣренъ что его дѣтское сердце горѣло яростью и негодованіемъ противъ меня. Дѣтъ двадцать спустя, кто-нибудь изъ кяфировъ можетъ-быть узнаеть какъ сильна была ненависть посѣянная въ сердцѣ ребенка.

Я позаботился чтобы солдаты не сожгли телѣгу подъ которой пріютились дѣти, добылъ имъ мѣхъ съ молокомъ и поѣхалъ дальше, оставивъ ихъ однихъ съ ихъ покойниками въ необъятной пустынѣ. Хорошо сказалъ Викторъ Гюго: „Ceux qui n'ont vu que la misère des hommes n'ont rien vu; il faut voir la misère des femmes. Ceux qui n'ont vu que la misère des femmes n'ont rien vu; il faut voir la misère des enfants“.

Я видѣлъ только одного убитаго ребенка. Это былъ еще младенецъ и убитъ онъ былъ повидимому ударомъ лошадинаго копыта или какимъ-нибудь тупымъ орудіемъ, такъ какъ крови на немъ не было.

Весь нашъ обратный путь былъ отмѣченъ огнемъ и пламенемъ. Прибывъ къ каналу, о которомъ было упомянуто выше и гдѣ была оставлена первая масса кибитокъ, я замечалъ что онѣ были уже влодвѣ опустошены и что почти

всѣ женщины и дѣти исчезли. Но нѣкоторыя еще оставались, и любознательно было видѣть какъ солдаты отрывались отъ своего разрушительнаго занятія чтобы дать ребенку кусокъ хлѣба или воды изъ собственной фляжки. Она дѣлала это съ удивительною нѣжностью и потому снова принимались за свое дѣло.

Я нашелъ маленькую дѣвочку которая утромъ такъ радостно привѣтствовала знамя генерала Головачова все въ той же телѣгѣ. Были сумерки, а бѣдный ребенокъ провелъ тутъ весь день подъ палатимъ солнцемъ, не ѣвши и не пивши и терпѣливо дожидаясь чтобы кто-нибудь взялъ его. Я нашелъ въ грудѣ другихъ вещей мѣхъ съ молокомъ и напоилъ дѣвочку, хотя и съ большимъ затрудненіемъ, такъ какъ не нашелъ ни одной чашки.

Тутъ было отъ пяти до шести сотъ арбѣ, сдвинутыхъ такъ близко что когда одна или двѣ были подожены, пламя быстро охватило другія и теперь уже приближалось къ той въ которой сидѣла дѣвочка. Я отнесъ ее подалеже отъ опасности и посадилъ на коверъ, не зная, что дѣлать съ ней. Хотя тутъ оставались еще двѣ или три женщины, но одно то что онѣ оставляли ее весь день одну показывало ясно что на нихъ нельзя было разчитывать. Былъ вечеръ, возвращенія Юмудовъ нельзя было ждать раньше сѣдующаго дня, а шакаловъ было множество и вой ихъ уже слышался въ отдаленіи.

Я уже рѣшилъ было взять дѣвочку въ лагерь, когда увидалъ подходившую ко мнѣ женщину съ двумя дѣтьми, которую я до тѣхъ поръ не замѣтилъ. Я показалъ ей на дѣвочку и спросилъ: „ваша?“ „Юкъ“ (нѣтъ), отвѣчала она и указавъ на тѣло убитаго Юмуда прибавила: „его“. „Мать есть?“ спросилъ я. „Юкъ“ (нѣтъ). Тогда я объяснилъ ей знаками что хочу взять дѣвочку въ лагерь. Мое намѣреніе ей видимо не понравилось, и я спросилъ ее не возьметъ ли она ее на свое попеченіе. На это она охотно согласилась. Я далъ ей золотую монету и посоветовалъ не оставаться тутъ. Она взяла дѣвочку на руки и пошла вдоль канала, по обширной пустынѣ, Богъ вѣсть куда, въ сопровожденіи двухъ дѣтей, устало сѣдовавшихъ за ней.

Арриергардъ достигъ лагеря долго спустя послѣ захода солнца, такъ какъ наше возвращеніе замедлялось множествомъ

овець, рогатаго скота и верблюдовъ, которыхъ мы должны были завзатить съ собою. Ихъ мычаніе и блѣяніе въ темнотѣ ночи нагоняло тоску, а зарево на южной сторонѣ горизонта надъ горящими арбами, печальное свидѣтельство гибели и разрушенія, усиливало ее еще болѣе.

XV. Военная контрибуція.

Генералъ Кауфманъ съ значительнымъ войскомъ встрѣтилъ нашъ отрядъ въ Ильялы. Собщеніе съ генераломъ Головачевымъ было нѣсколько дней прервано, и это обстоятельство, въ связи со смутными слухами о большомъ сраженіи подъ Хивой, встревожило главнокомандующаго. Собразъ, при одѣйствіи хана, столько арбъ сколько возможно было собрать въ полюдя, онъ послѣшно отправился къ намъ на помощь. Но получивъ на пути донесеніе генерала Головачева о дѣлѣ 27го іюля, онъ, конечно, успокоился.

Могущество Туркменъ-Томудовъ было сокрушено, большая часть ихъ имущества захвачена, весь ихъ хлѣбный запасъ приготовленный на зиму и жилища ихъ сожжены.

Но ихъ гордый духъ повидимому остался непреклоннымъ. Они отказывались покориться и возвратиться въ свои жилища, какъ приглашалъ ихъ генералъ Кауфманъ. Они скитались по пустынѣ вблизи границъ оазиса въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцъ, до тѣхъ поръ пока генералъ Кауфманъ не перешелъ Оксусъ на обратномъ пути въ Ташкентъ. Тогда, какъ я узналъ по возвращеніи въ Европу, они напали на сосѣднихъ Узбековъ и отчасти вознаградили себя за ущербъ причиненный имъ Русскими.

Но сначала ихъ положеніе должно было быть ужасно. Генералъ Кауфманъ говорилъ мнѣ что слышалъ будто бы они посылали пословъ къ Туркменамъ Теке, на Каспійскомъ морѣ и на Атрекѣ, прося у нихъ позволенія переселиться въ ихъ владѣнія. Туркмены дали имъ братскій отвѣтъ что они могутъ переселяться, но что у нихъ будетъ отнято все что имъ удалось уберечь отъ Русскихъ. Если это справедливо, то я полагаю что немногіе изъ нихъ переселились въ страну Теке.

Генералъ Кауфманъ сталъ лагеремъ въ Ильялы и издалъ прокламацію къ другимъ племенамъ Туркменъ, въ которой

сообщилъ имъ что налагаетъ на нихъ военную контрибуцію, которую они должны представить чрезъ недѣлю, если не хотятъ подвергнуться такому же наказанію какое потерѣли Иомуды.

На эту прокламацію Туркмены отвѣчали чрезъ депутацію старшинъ, которые обѣщали заллатить, но просили продолжать срокъ. Нѣтъ никакой возможности, говорили они, собрать столько денегъ въ такое короткое время, и генераль Кауфманъ согласился дать имъ двухнедѣльный срокъ.

Размѣръ платежа составлялъ по пятнадцати тилъ съ кибитки для всѣхъ племенъ, кромѣ Кара-Егелды, которые должны были уплатить двадцать тилъ съ кибитки. Соответственно сравнительному богатству обоихъ народовъ эта контрибуція была значительно тяжелѣе той которую Германія взяла съ Франціи. Два два спуста, Туркмены, вѣрные своему слову, уже прислали нѣсколько сотъ рублей мелкою туземною серебряною монетою и нѣсколько фунтовъ серебра въ формѣ браслетъ и другихъ женскихъ украшеній.

Любопытное зрѣлище представлялъ лагерь въ слѣдующіе дни. Въ странѣ не оказалось, вѣроятно, достаточно денегъ для уплаты требуемой суммы, громадной для Туркменъ, и они приходили въ лагерь съ лошадьми, коврами и верблюдами, и сбывали ихъ за хорошую цѣну офицерамъ. Многимъ Русскимъ хотѣлось приобрести чистокровныхъ туркменскихъ лошадей, превосходство которыхъ было ясно доказано тѣмъ что во всю кампанію не было захвачено ни одной.

Судя однако по тѣмъ которыхъ я видѣлъ, я полагаю что Туркмены или не продавали своихъ лучшихъ лошадей или что лошади ихъ хуже чѣмъ у Иомудовъ. Немногіе изъ нихъ, сколько я могу судить, отличались особенностями свидѣтельствующими о силѣ и быстротѣ. Узкая грудь, переднія ноги расположены какъ у кролика, большая голова и большіе уши, почти полное отсутствіе гривы, жидкій хвостъ, очень высокій ростъ— вотъ характеристическія черты туркменскихъ лошадей. Лейтенантъ Штуммъ, судя по экземплярамъ захваченнымъ во время похода къ Хивѣ, готовъ былъ заключить что порода туркменскихъ лошадей выродилась, что онѣ теперь не лучше, а можетъ-быть даже хуже киргизскихъ. Но я расположенъ думать что онъ не видалъ настоящихъ туркменскихъ коней,

такъ какъ хозяева цѣляютъ ихъ дороже своихъ дочерей и скорѣе разстанутся съ дочерью чѣмъ съ лошадыю.

Во время похода противъ Юмудовъ наша кавалерія не могла подойти къ нимъ ближе чѣмъ на пятьдесятъ сажень, и Юмуды такъ полагались на превосходство своихъ коней что повидимому никогда не гнали ихъ, очевидно не удостоивая утомлять ихъ ради насъ, между тѣмъ какъ мы пускали въ ходъ нагайки и шпоры и употребляли всѣ старанія чтобы нагнать ихъ. А у казаковъ лошади тоже превосходныя.

Но каковы бы ни были лошади которыхъ Туркмены приводили продавать, они брали за нихъ хорошую цѣну, отъ ста двадцати до трехсотъ рублей.

Туркменскіе ковры также покупались охотно, несмотря на высокую цѣну и на то что множество такихъ ковровъ было захвачено во время похода противъ Юмудовъ. Коверъ въ двадцать футовъ длины и въ шесть ширины продавался за двадцать пять и за тридцать рублей. Любопытною чертой торговли было то что Юмуды, какъ ни сильно должны они были нуждаться въ это время въ деньгахъ, не уступали ни копейки изъ первоначально назначенной цѣны. Ковры ткуются женщинами и ничѣмъ не уступаютъ никакимъ другимъ коврамъ. У каждаго семейства особый рисунокъ, который передается изъ рода въ родъ безъ малѣйшаго измѣненія. Преобладающіе цвѣта красный и бѣлый, съ небольшою примѣсью коричневаго и зеленаго, очень красивые и прочныя.

Какъ ни странно это покажется, но большая часть военной контрибуціи была улачена женщинами. У каждой Туркменки множество серебряныхъ браслетъ, ожерельевъ, луговицъ и головныхъ уборовъ. Эти украшенія составляютъ, кажется, послѣ лошадей главный предметъ богатства Туркменъ. Они приносили ихъ сотнями, и Русскіе принимали ихъ по двадцати пяти рублей за фунтъ серебра. Всѣ украшенія были изъ серебра высшей пробы, очень грубой работы и очень массивныя. Пара браслетъ часто вѣсила больше фунта. Они очень широки и толсты, имѣютъ форму буквы С, въ которые отдѣланы золотомъ и всѣ съ сердоликовыми украшеніями.

Грустно подумать какъ тяжело было женщинамъ отдать эти незатѣйливыя драгоценности чтобы удовлетворить безграничное корыстолюбіе Уруса. Нѣкоторыя вещи были въ семействѣ въ нѣсколько поколѣній. Матери, бабушки и прабабушки современныхъ Туркменокъ надѣвали ихъ въ день

ТУРКМЕНСКАЯ ЖЕНЩИНА.

своей свадьбы и разчитывали что ихъ дочери, внучки и правнучки будутъ носить ихъ въ свою очередь. И вдругъ пришелъ ненавидимый кяфиръ и всѣ ихъ взялъ себѣ. Можно представить какія горькія слезы проливали женщины надъ этими простыми вещами, какъ онѣ раскладывали ихъ на полу своихъ кибитокъ, пересчитывали ихъ и любовались ими въ послѣдній разъ.

Для оцѣнки и взвѣшиванія серебра была назначена коммиссія изъ офицеровъ. Они были заняты съ утра до ночи, но тѣмъ не менѣе, когда прошелъ назначенный срокъ, они получили въ счетъ контрибуціи меньше половины требуемой суммы. Но такъ какъ Туркмены дали достаточныя доказательства своей готовности заплатить и такъ какъ невозможность собрать такую значительную сумму въ такое короткое время была слишкомъ очевидна, то генералъ Кауфманъ рѣшилъ отсрочить имъ уплату остальныхъ денегъ еще на годъ. Было ясно что Туркмены при всемъ желаніи не могли бы собрать эту сумму въ нѣсколько недѣль, а армія должна была перейти Оксусъ и приготовиться къ обратному походу до 1го сентября, чтобъ не быть застигнутою морозами въ лугахъ.

Уплата контрибуціи была дѣйствительно сопряжена для Туркменъ съ величайшими затрудненіями. Главнымъ изъ нихъ, послѣ недостатка монеты, было неумѣніе распредѣлить сборъ по кибиткамъ. У нихъ нѣтъ, какъ я уже говорилъ, никакого государственнаго устройства, нѣтъ верховной власти, уполномоченной назначать и распредѣлять подати и побуждать къ уплатѣ, нѣтъ оцѣночной вѣдомости собственности подлежащей налогу и нѣтъ никого кто могъ бы это сдѣлать, такъ какъ они никогда не платили податей. Поэтому организація вѣдомства для распредѣленія и сбора контрибуціи была для нихъ очень труднымъ дѣломъ. Генералъ Кауфманъ, желая помочь имъ, пробовалъ дать ихъ старшинамъ всѣ инструкціи возможныя при подобномъ положеніи дѣлъ. Онъ старался объяснить имъ что они должны распредѣлять налогъ по кибиткамъ, соразмѣрно съ принадлежащимъ каждой кибиткѣ количествомъ овецъ, рогатаго скота, лошадей и верблюдовъ. На это они возражали что часто тотъ кто богатъ скотомъ, бѣдѣетъ деньгами, и что поэтому ему труднѣе заплатить чѣмъ другому, а что тѣ у кого есть деньги, прячутъ ихъ и отказываются отдать ихъ для общаго блага. Генералъ Кауфманъ объяснялъ имъ что тѣ у кого есть деньги

могутъ дать ихъ взаимы тѣмъ у кого ихъ нѣтъ, что старшины могутъ сдѣлать заемъ во имя народа, съ тѣмъ что народъ заллатитъ его чрезъ годъ скотомъ. Словомъ, онъ сдѣлалъ все что могъ чтобы дать имъ понятіе о государственномъ строѣ и о народномъ займѣ, но все это было слишкомъ сложно для нихъ и онъ наконецъ предоставилъ имъ дѣйствовать какъ знаютъ.

Все это время мы стояли лагеремъ въ большомъ саду, окруженномъ высокою стѣной, примыкающею къ городу Ильдъ. Это небольшой городокъ, имѣющій около двухъ тысячъ жителей и обнесенный толстою стѣной, образующею прямоугольникъ около ста тридцати сажень длины и около восьмидесяти шести ширины. Въ городѣ есть базаръ, но ни одной мечети. Половина его построекъ въ развалинахъ, вслѣдствіе землетрясенія, и весь городъ имѣетъ жалкій видъ запустѣнія, несмотря на то что окружающая его мѣстность богата и плодородна.

Для тѣхъ изъ насъ кто не былъ занятъ пересчитываніемъ и взвѣшиваніемъ туркменскаго серебра, двѣнадцать дней проведенные здѣсь были довольно скучнымъ временемъ. Однообразіе лагерной жизни казалось нестерпимымъ послѣ возбужденія краткой, но интересной кампаніи. Бѣсть, пить, угощать другъ друга—вотъ все что намъ оставалось дѣлать, и мы предались этимъ занятіямъ со рвеніемъ удивлявшимъ насъ самихъ.

Мы начали смотрѣть на Хиву какъ на центръ дѣятельности, новостей и удовольствій, также какъ люди смотрятъ на Парижъ, на Лондонъ или на Петербургъ, послѣ долгаго пребыванія въ какомъ-нибудь захолустѣ, вдали отъ желѣзной дороги. Что же касается возможности увидать снова Лондонъ, Парижъ или Петербургъ, то мы помышляли объ этомъ какъ о чемъ-то очень далекомъ. Хива была теперь центромъ всѣхъ нашихъ желаній, и мы мечтали объ ея базарѣ какъ нѣкоторые изъ насъ нѣкогда мечтали о парижскихъ бульварахъ.

И наконецъ настала счастливая минута когда мы съѣхали опять на коней и направились къ Хивѣ, куда и прибыли послѣ пятидневнаго перехода.

ХІІ. Трактатъ.

Вскорѣ послѣ взятія Хивы, генералъ Кауфманъ написалъ проектъ трактата который предстояло заключить съ ханомъ, и послалъ его съ нарочнымъ въ Петербургъ на усмотрѣніе Государя Императора. Трактатъ былъ вполнѣ одобренъ Государемъ и вовремя возвращенъ въ Хиву. Для за два или за три до подписанія, хану дана была копія съ него на узбекскомъ нарѣчій, чтобъ онъ могъ заранѣе познакомиться съ его содержаніемъ.

Трактатъ былъ подписанъ генераломъ Кауфманомъ и ханомъ 23го августа, въ присутствіи офицеровъ штаба. Я приложу его цѣлкомъ:

1. Сеидъ-Мухамедъ-Рахимъ-Вогадуръ-ханъ признаетъ себя покорнымъ слугою Императора Всероссийскаго. Онъ отказывается отъ всякихъ непосредственныхъ и дружескихъ отношеній съ соседними владѣтелями и ханами, и отъ заключенія съ ними какихъ-либо торговыхъ и другихъ договоровъ, и безъ вѣдома и разрѣшенія высшей русской власти въ Средней Азіи не предпринимаетъ никакихъ военныхъ дѣйствій противъ нихъ.

2. Границей между русскими землями и хивинскими служатъ Аму-Дарья, отъ Кукертли внизъ по рѣкѣ, до отдѣленія изъ нея самаго западнаго протока Аму-Дарьи, а отъ этого мѣста по сему протоку до владенія его въ Аральское море. Далѣе граница идетъ по берегу моря на мысъ Ургу, а отсюда вдоль подошвы чинка Усть-Урта, по такъ-называемому старому руслу Аму-Дарьи.

3. Весь правый берегъ Аму-Дарьи и прилегающія къ нему земли, до нынѣ считавшіяся хивинскими, отходятъ отъ хана во владѣніе Россіи, со всеми проживающими и кочующими тамъ народами. Участки земель по правому берегу, составляющіе нынѣ собственность хана, и жалованныя имъ для пользованія савовникамъ ханства, отходятъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ собственность русскаго правительства, безъ всякихъ претевзій со стороны прежнихъ владѣльцевъ. Хану предоставляется вознаградить ихъ убытки землями на лѣвомъ берегу.

4. Въ случаѣ если по Высочайшей волѣ Государя Императора, часть этого праваго берега будетъ передана во владѣніе Бухарскаго эмира, то Хивинскій ханъ признаетъ сего послѣдняго законнымъ владѣльцемъ этой части прежнихъ своихъ владѣній, и отказывается отъ всякихъ намѣреній возстановить тамъ свою власть.

5. Русскимъ пароходамъ и другимъ русскимъ судамъ, какъ

правительственнымъ, такъ и частнымъ, предоставляется свободное и исключительное плаваніе по рѣкѣ Аму-Дарьѣ. Этими правомъ могутъ пользоваться суда хивинскія и бухарскія, не иначе какъ съ особаго разрѣшенія высшей русской власти въ Средней Азій.

6. Въ тѣхъ мѣстахъ на лѣвомъ берегу гдѣ окажется необходимымъ и удобнымъ, Русскіе имѣютъ право устривать свои пристани. Ханское правительство отвѣчаетъ за безопасность и сохранность этихъ пристаней. Утвержденіе избранныхъ мѣстъ для пристаней зависитъ отъ высшей русской власти въ Средней Азій.

7. Независимо отъ этихъ пристаней предоставляется Русскимъ право имѣть на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи свои факторіи для склада и храненія своихъ товаровъ. Подъ эти факторіи, въ тѣхъ именно мѣстахъ гдѣ будетъ указано высшею русскою властью въ Средней Азій, ханское правительство обязуется отвести свободныя отъ населенія земли въ достаточномъ количествѣ для пристаней и для постройки магазиновъ, помѣщеній для служащихъ въ факторіи и имѣющихъ дѣла съ факторіей, для помѣщеній подъ купеческія конторы и для устройства хозяйственныхъ фермъ. Эти факторіи со всеми живущими въ нихъ людьми и сложенными въ нихъ товарами находятся подъ непосредственнымъ покровительствомъ ханскаго правительства, которое отвѣчаетъ за безопасность и безопасность таковыхъ.

8. Всѣ вообще города и селенія Хивинскаго ханства открыты для русской торговли. Русскіе купцы и русскіе караваны могутъ свободно развѣзжать по всему ханству и пользуются особеннымъ покровительствомъ мѣстныхъ властей. За безопасность каравановъ и складовъ отвѣчаетъ ханское правительство.

9. Русскіе купцы торгующіе въ ханствѣ освобождаются отъ платежа закята и всякаго рода торговыхъ повинностей, такъ точно какъ хивинскіе купцы не платятъ съ давнихъ поръ закята ни по пути чрезъ Базанджскъ, ни въ Оренбургѣ, ни на пристаняхъ Каспійскаго моря.

10. Русскимъ купцамъ предоставляется право беспошлиннаго провоза своихъ товаровъ чрезъ хивинскія владѣнія во всѣ сосѣднія земли (безпошлинная транзитная торговля).

11. Русскимъ купцамъ предоставляется право, если они пожелаютъ, имѣть въ городѣ Хивѣ и въ другихъ городахъ ханства своихъ агентовъ (караванъ-башей) для сношеній съ мѣстными властями и для наблюденія за правильнымъ ходомъ торговыхъ дѣлъ.

12. Русскимъ подданнымъ предоставляется право имѣть въ ханствѣ недвижимое имущество. Оно облагается поземельною податью по соглашенію съ высшею русскою властью въ Средней Азій.

13. Торговля обязательна между Русскими и Хивинцамъ

должны быть исполняемы свято и ненарушимо какъ съ той, такъ и съ другой стороны.

14. Жалобы и претензіи русскихъ подданныхъ на Хивинцевъ ханское правительство обязуется безотлагательно разслѣдовать, и если онѣ окажутся основательными, то немедленно удовлетворить. Въ случаѣ разбора претензій со стороны русскихъ подданныхъ и хивинскихъ, преимущество при улаженіи долговъ отдается Русскимъ предъ Хивинцами.

15. Жалобы и претензіи Хивинцевъ на русскихъ подданныхъ, въ томъ даже случаѣ если послѣдніе находятся внутри предѣловъ ханства, передаются ближайшему русскому начальству на разсмотрѣніе и удовлетвореніе.

16. Хивинское правительство ни въ какомъ случаѣ не принимаетъ къ себѣ разныхъ выходцевъ изъ Россіи, являющихся безъ дозволеннаго на то вида отъ русской власти, къ какой бы національности они ни принадлежали. Если кто изъ преступниковъ, русскихъ подданныхъ, будетъ скрываться отъ преслѣдованія законовъ въ предѣлахъ ханства, то ханское правительство обязуется изловить таковыхъ и доставить ближайшему русскому начальству.

17. Объявленіе Сеидъ - Мухамедъ - Рахимъ-Богадуръ-хана, обнародованное 12го числа минувшаго іюля, объ освобожденіи всѣхъ невольниковъ въ ханствѣ и объ уничтоженіи на вѣчныя времена рабства и торгова людми, остается въ полной силѣ, и ханское правительство обязуется всѣми зависящими отъ него мѣрами слѣдить за строгимъ и добросовѣстнымъ исполненіемъ этого дѣла.

18. На Хивинское ханство налагается пеня въ размѣрѣ 2.200.000 рублей, для покрытія расходовъ русской казны на веденіе послѣдней войны, вызванной самимъ ханскимъ правительствомъ и ханскими народамъ. Такъ какъ хивинское правительство, по недостаточности денегъ въ странѣ, и въ особенности—въ рукахъ правительства, не въ состояніи уплатить эту сумму въ короткое время, то, во вниманіе къ этому затрудненію, предоставляется ему право улаживать эту пеню съ разсрочкой и съ разчетомъ процентовъ по 5% въ годъ, съ тѣмъ чтобы въ первые два года въ русскую казну вносилось по 100.000 руб., въ слѣдующіе затѣмъ два года—по 125.000 руб., затѣмъ два года—по 175.000 руб., а въ 1881 году, т.е. черезъ восемь лѣтъ—200.000 руб. и наконецъ до окончательной расплаты—не менѣе 200.000 руб. въ годъ. Вносы могутъ производиться какъ русскими кредитными билетами, такъ и ходячею хивинскою монетою, по желанію ханскаго правительства.

Срокъ первой уплаты назначается 1го декабря 1873 года. Въ счетъ этого взноса, предоставляется хану собрать по пенѣ съ населенія праваго берега за истекающій годъ, въ размѣрѣ установленномъ до сего времени; это взиманіе должно быть окончено къ 1му декабря, по соглашенію ханскихъ сборщиковъ съ русскимъ мѣстнымъ начальникомъ.

Слѣдующіе взносы должны быть производимы ежегодно, къ 1му ноября, до окончательной уплаты всей сены, съ процентами.

Черезъ 19 лѣтъ, къ 1му ноября 1892 года, по уплатѣ 200.000 руб. за 1892 годъ, останется за ханскимъ правительствомъ еще 70.064 руб., а къ 1му ноября 1893 года придется уплатить послѣдніе 73.557 руб. Ханскому правительству предоставляется право уплачивать и болѣе вышеопредѣленнаго ежегоднаго взноса, ежели пожелаетъ сократить число лѣтъ и проценты причитающіеся за остающійся еще долгъ.

Условия эти съ обѣихъ сторонъ, — съ одной стороны туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ, генералъ-адъютантомъ Фомъ-Кауфманомъ Имъ, а съ другою — владѣтелемъ Хивы, Сеидъ-Мухамедъ-Рахимъ-Богадуръ-ханомъ, установленны и приняты къ точному исполненію и постоянному руководству, въ саду Гемдеміанъ (лагерь русскихъ войскъ у города Хивы), августа въ 12й день 1873 года (мѣсяца Раджаба въ 1й день, 1290 года).

Подлинный договоръ подписали: туркестанскій генерал-губернаторъ, генералъ-адъютантъ *Фомъ-Кауфманъ 1й*, и приложилъ свою печать, и *Сеидъ-Мухамедъ-Рахимъ-Богадуръ-ханъ*, съ приложеніемъ своей печати.

XIII. Россія и Англія въ Азіа

До сихъ поръ я избѣгалъ говорить о причинахъ похода Русскихъ противъ Хивы. Причины могутъ быть перечислены въ весьма немногихъ словахъ. Главною изъ нихъ было задержаніе въ Хивѣ двадцати одного Русскихъ, обращенныхъ тамъ въ рабство, но освобожденныхъ еще до начала войны, затѣмъ частыя нападенія Хивидцевъ на русскіе купеческіе караваны, чему ханъ Хивидскій не хотѣлъ ни въ чемъ помогать.

Мирный трактатъ показываетъ что были и другіе, болѣе важныя поводы къ войнѣ. Русскіе имѣли въ виду покорить единственное изъ ханствъ все еще отказывавшееся признавать ихъ верховенство, подвинуть свою границу до Оксуса и овладѣть теченіемъ этой рѣки до границъ Бухары.

Результатомъ войны было то что Русскіе подвинули свою границу на 300 миль дальше на югъ, приобрѣли 80.000 квадратныхъ миль территоріи и нижнее теченіе Оксуса.

Исслѣдованіе рѣки, произведенное еще до выхода генерала Кауфмана изъ Хивы, привело къ заключенію что по уничтоже-

искусственныхъ преградъ въ каналѣ, устроенныхъ Хивинцами, рѣка можетъ быть доступна для русскихъ пароходовъ отъ устья до самаго города Хивы, а можетъ-быть и выше.

Теперь нельзя еще опредѣлить точно сколько новыхъ подданныхъ приобрѣла Россія, но такъ какъ правый берегъ рѣки заселенъ рѣдко, то я полагаю что ихъ не больше 50.000.

Мнѣ неизвѣстенъ точный смыслъ соглашенія между графомъ Шуваловымъ и лордомъ Гранвилемъ. По общему мнѣнію, оно состояло въ томъ что Россія условилась не занимать территорію на югъ отъ Оксуса. Трактатъ показываетъ что Русскіе не нарушили своего обѣщанія, но, въ то же время они подчинили себѣ хана и присоединили значительную часть его владѣній. Отъ теперь не можетъ сдѣлать шагу безъ разрѣшенія Русскихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ на немъ лежитъ вся отвѣтственность правленія. Всѣ преимущества такого соглашенія на сторонѣ Русскихъ. Они получаютъ около двухъ третей всѣхъ доходовъ ханства, безъ какихъ хлопотъ и издержекъ сопряженныхъ со сборомъ податей, страна до такой же степени въ ихъ власти какъ если бы была присоединена къ Россіи, и русскіе торговцы могутъ ходить по ней такъ же свободно какъ по собственной странѣ.

Такое положеніе дѣлъ для Россіи гораздо выгоднѣе полагая занятія страны, и мнѣ кажется что Русскіе не заняли бы ее немедленно еслибы даже не были связаны обѣщаніемъ даннымъ лорду Гранвиллю. Теперь Хивинцы мало-помалу привыкаютъ къ присутствію Русскихъ, предрасудки ихъ постепенно исчезаютъ, самъ ханъ служитъ орудіемъ чтобы лодготовить ихъ къ русскому правленію. И я не сомнѣваюсь что гораздо раньше чѣмъ будетъ улачена важная контрибуція, смерть хана или какое-нибудь другое событіе дастъ возможность Русскимъ взять спокойно правленіе въ свои руки, можетъ-быть даже по просьбѣ самого народа.

Отъ меня ожидаютъ можетъ-быть что я скажу что-нибудь политическомъ положеніи Русскихъ въ Средней Азій. Я долженъ сознаться что на этотъ счетъ я могу сказать очень немногое. Я не имѣю претензіи думать что одишь тотъ фактъ что я былъ въ Средней Азій, во время краткаго похода даетъ мнѣ право судить объ этомъ вопросѣ. Читате-

лей желающихъ получить вѣрное понятіе о положеніи дѣлъ въ Средней Азіи я отсылаю къ трудамъ такихъ людей какъ сэръ-Герри Роулинсонъ, мистеръ Мичель и другіе, которые изучали этотъ вопросъ вѣсколько лѣтъ. Мистеръ Скаллеръ и мистеръ Аштовъ Дилкъ также готовятъ къ печати свои труды о Средней Азіи.

Безполезно съ моей стороны было бы говорить и объ общихъ интересахъ Россіи и Англіи въ Средней Азіи. Факты относящіяся къ этому вопросу приведены во множествѣ у другихъ писателей; что же касается личныхъ мнѣній, они уже составлены людьми интересующимися дѣломъ.

Я скажу только что по моему мнѣнію покореніе Хивы и даже ея присоединеніе, если оно совершится, не могутъ имѣть важнаго значенія въ дѣлѣ приближенія Русскихъ къ Индіи. Паденіе Хивы будетъ, конечно, имѣть сильное нравственное вліяніе на все магометанское населеніе Средней Азіи. До сихъ поръ Хива считалась недоступною и непобѣдимой и послѣ паденія Бухары была послѣднею великою твердыней исламизма въ Средней Азіи. Ея покореніе подтвердитъ уже сильно распространенную вѣру въ непобѣдимость Русскихъ.

Но помимо этого нравственнаго престижа, покореніе Хивы имѣетъ мало значенія. При настоящемъ положеніи Русскихъ въ Средней Азіи, есть два пути для похода въ Индію. Одинъ отъ южнаго берега Каспійскаго моря, вдоль сѣверной границы Персіи, къ Герату и оттуда къ западной границѣ Индустана, путь въ 1.000 миль. Если даже есть возможность движенія по этому пути, то одинъ взглядъ на карту покажетъ что Хива въ этомъ случаѣ не будетъ имѣть никакого значенія съ военной точки зрѣнія. Другой и болѣе вѣроятный путь похода это путь отъ Самарканда чрезъ Бухару къ Керки и далѣе вдоль Оксуса въ Кундусъ. Хива отстоитъ отъ Керки на 375 миль къ сѣверо-востоку и слѣдовательно на столько же отъ прямого пути въ Индію. Большая часть этого пространства представляетъ пустыню, такъ какъ даже берега Оксуса въ этой части его теченія необитаемы. Слѣдовательно и въ случаѣ похода по этому пути Хива будетъ бесполезна для арміи.

Скажутъ что Россія можетъ переправить армію водными путями по Сыру, по Аральскому морю и вверхъ по Оксусу

Но не говоря уже о томъ что у Русскихъ на Аральскомъ морѣ только небольшое количество мелкихъ судовъ, далеко недостаточное для переправы большой арміи, весьма невѣроятно чтобы Оксусъ былъ судоходенъ на всемъ своемъ протяженіи до Керки. Следовательно и этотъ планъ похода неисполнимъ.

Я не изъ тѣхъ кто вѣрить въ русскую традиціонную политику завоеванія относительно Средней Азіи. Я не вѣрю также чтобы Русскіе имѣли какіе-нибудь виды на Индію. Они видятъ что между ихъ владѣніями и англійскими есть свободное пространство территоріи, которое должно рано или поздно попасть въ руки той или другой державы, и они не прочь присоединить себѣ сколько удастся.

XIV. Возвращеніе.

Я разкажу здѣсь подвигъ смѣлости полковника Скобелева, имя котораго было уже не разъ упомянуто въ моемъ разказѣ. Вопросъ о томъ удалось ли бы полковнику Маркозову, командовавшему отрядомъ выступившимъ отъ устья Атрека, дойти до мѣста своего назначенія, еслибъ онъ продолжалъ идти впередъ, вмѣсто того чтобы вернуться назадъ, былъ весьма важнымъ и интереснымъ вопросомъ. Для того чтобы рѣшить его, нужно было изслѣдовать часть пустыни которую оставалось пройти полковнику Маркозову до пункта съ котораго онъ вернулся. Но такая экспедиція для большаго отряда была бы слишкомъ тяжела, а для маленькаго слишкомъ опасна, потому что озлобленные Тумуды скитались въ этой сторонѣ. Къ тому же вопросъ былъ не настолько важенъ чтобы можно было подвергнуть опасности значительное число людей. Проѣхать опасный путь, набросать на карту мѣстность, изслѣдовать колодцы и рѣшить какое количество воды могли они доставить, долженъ былъ кто-нибудь одинъ или двоемъ и полагаясь только на свою ловкость и на быстроту своей лошади. Это дѣло было предпринято и блистательно исполнено полковникомъ Скобелевымъ. Переодѣвшись въ туркменскій костюмъ, онъ взялъ съ собой трехъ Туркменъ, которые служили у него нѣсколько лѣтъ на Каспійскомъ морѣ, и въ тотъ день когда

мы выступили изъ Ильдъ въ Хиву, углубился въ пустыню по другому направленію.

Мы не видали его десять дней и уже потеряли надежду на его возвращеніе когда онъ внезапно вошелъ къ намъ, сильно утомленный, но съ извѣстіемъ что предпріятіе его покончено. Онъ пришелъ къ заключенію что всякая попытка со стороны полковника Маркозова идти дальше съ утомленными людьми и животными, повела бы къ неминуемой гибели отряда, отъ недостатка воды въ той части пути которому оставалось пройти.

24го августа, Русскіе покинули Хиву и направились къ Оксусу. Утромъ въ этотъ день ханъ пріѣзжалъ въ лагерь чтобы проститься съ главнокомандующимъ и съ офицерами штаба, и всѣмъ имъ пожалъ руки. Я былъ въ это время въ городѣ, но на обратномъ пути въ лагерь повстрѣчался съ ханомъ, который ѣхалъ въ сопровожденіи свиты человекъ въ пятнадцать или двадцать. Моего переводчика не было со мной и мы не могли вступить въ разговоръ, но ханъ пожалъ мнѣ руку съ добродушною улыбкой и сказалъ нѣсколько прощальныхъ словъ. Въ его обращеніи замѣтно было то вазойливое добродушіе которое люди довольные обстоятельствами распространяютъ на всякаго встрѣчнаго. Его дружеское прощаніе со мной было конечно слѣдствіемъ его радости что Русскіе уходятъ.

Полковникъ Скобелевъ, только-что возвратившійся изъ своей опасной поѣздки, не написалъ еще донесенія которое намѣревался представить генералу Кауфману и не хотѣлъ выѣхать изъ Хивы пока оно не будетъ написано. Онъ попросилъ меня остаться съ нимъ въ лѣтнемъ дворцѣ хана, гдѣ мы стояли лагеремъ, и я согласился. Войска выступили около двухъ часовъ и къ тремъ часамъ скрылись изъ виду, и полковникъ Скобелевъ, его два служителя и я, ничтожный остатокъ побѣдоносной арміи, остались одни среди многочисленнаго непріятеля.

Полковникъ тотчасъ же сѣлъ за составленіе своего донесенія и сопровождавшей его карты, а я провелъ день перечитывая старые нумера *Revue des Deux Mondes* и бродя по покинутому лагерю. Шумъ и движеніе смѣнялись невозмутимую тишиной, земля была усыпана обрывками старыхъ картъ, ковровъ и палатокъ, и два Персіянина колдались въ оставленномъ сору въ надеждѣ найти что-нибудь цѣнное.

Ночью мы легли спать на небольшомъ внутреннемъ дворѣ двора. Полковникъ проспалъ всю ночь сномъ человѣка разбитаго усталостью, но его слуги и я не были такъ счастливы, насъ разбудили какіе-то громкіе взрывы, подобныя лучевымъ выстрѣламъ. Встревоженные мы взошли на одинъ изъ высокихъ портиковъ и взглянули на городъ. Мы не могли однако разглядѣть ничего особеннаго кромѣ зарева какое обыкновенно видѣется ночью надъ городами освѣщенными газомъ. Но такъ какъ въ Хивѣ нѣтъ ни газоваго, ни какого-либо другаго освѣщенія, то мы пришли къ заключенію что взрывы и свѣтъ были не что иное какъ потѣшныя огни которыми Хивинцы праздновали выходъ непріятеля.

На другой день рано утромъ мы пустились въ путь чтобы присоединиться къ войску. Было прекрасное солнечное утро и не безъ сожалѣнія бросили мы послѣдній взглядъ на мечети, минареты и стѣны Хивы. Ихъ неопрятный видъ при яркомъ свѣтѣ ранняго утра казался красивымъ, а привычка къ мѣсту въ которомъ мы провели болѣе двухъ съ половиной мѣсяцевъ придавала нашему прощанію съ нимъ отчасти не совсѣмъ непріятной грусти. Часа три или четыре мы ѣхали среди цвѣтущихъ полей и садовъ оазиса, встрѣчая на пути Узбековъ, которые кланялись намъ почтительно, но видимо радуясь что послѣдніе Русскіе уѣзжаютъ. Никто изъ нихъ не выказалъ однако ни малѣйшаго лолозовенія оскорбить насъ, и нашъ маленькій отрядъ въ четыре человѣка ѣхалъ также спокойно какъ еслибы насъ была тысяча.

Мы нагнали аррьергардъ въ Ханки и четверть часа спустя были на берегу Оксуса. Эту ночь армія перемочевала на берегу, а на слѣдующее утро началась переправа, сопряженная съ немалыми затрудненіями. Вопервыхъ, число каюковъ было далеко не достаточное, вовторыхъ, въ томъ мѣстѣ рѣки гдѣ переправлялась армія было два острова. Подѣхавъ къ острову, войска должны были высаживаться, переходить его лѣшкомъ и на другой сторонѣ снова садиться въ лодки. То же самое и на другомъ островѣ, хотя онъ былъ отдѣленъ отъ суши только узкимъ проливомъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ затрудненій переправа продолжалась около двухъ недѣль.

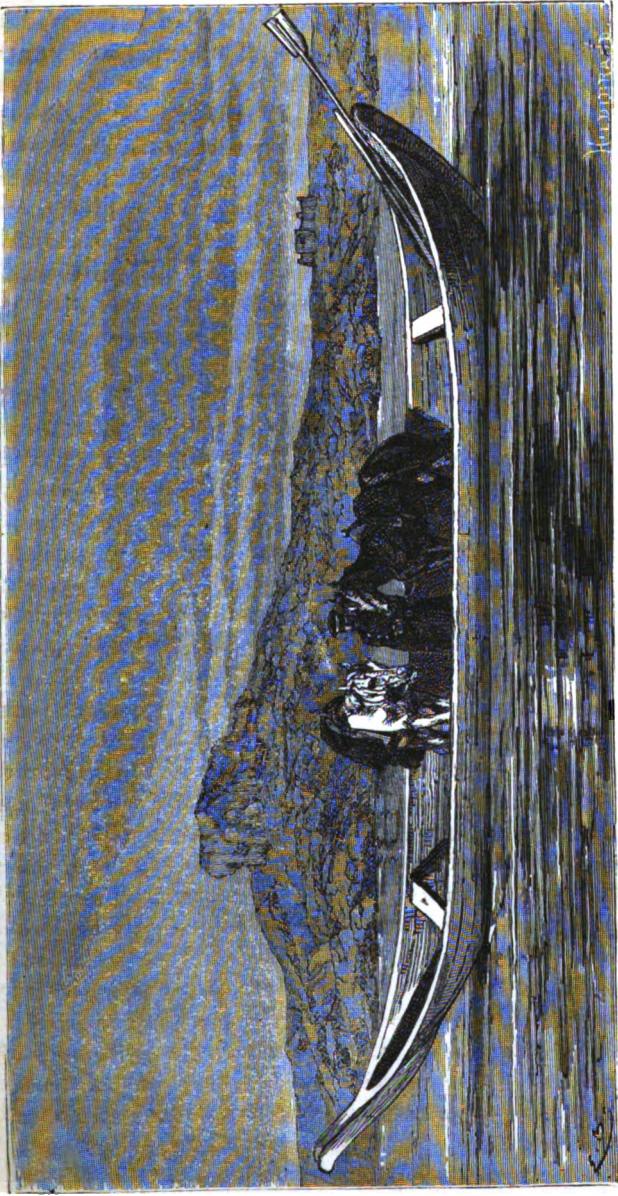
Между тѣмъ генералъ Кауфманъ и его штабъ осматривали правый берегъ рѣки, ища удобнаго мѣста для постройки укрѣпленія. Выборъ ихъ остановился наконецъ на большомъ

садъ, окруженномъ высокою стѣной. Это мѣсто было уже само-по-себѣ крѣпостью и нуждалось только въ нѣкоторыхъ приспособленіяхъ чтобы одѣяться вполне пригоднымъ для цѣлей Русскихъ. Немедленно было приступлено къ работамъ и фортъ вышелъ похожимъ на всѣ другіе форты Средней Азии. Готовыя стѣны были усилены земляными укрѣпленіями и пристройками для постановки пушекъ. По мѣстоположенію на берегу рѣки, въ плодородной мѣстности, гдѣ зимній холодъ и лѣтній жаръ довольно умеренны для этой части стѣты, это одинъ изъ лучшихъ фортовъ Средней Азии. Онъ стоитъ на разстояніи двадцати пяти миль отъ столицы. Гарнизонъ его состоитъ изъ двухъ батальоновъ пѣхоты въ 1.000 человекъ, 200 казаковъ, шести пушекъ и двухъ тяжелыхъ орудій, отнятыхъ у хама, гарнизонъ не большой, но вполне достаточный чтобы держать Хивинцевъ въ страхъ и повиновеніи.

При фортѣ оставлены полковникъ Ивановъ и подполковникъ Дреперъ, первый какъ военный комендантъ округа, второй какъ начальникъ форта. Лучшаго выбора нельзя было сдѣлать. Полковникъ Ивановъ и подполковникъ Дреперъ въ высшей степени способные офицеры. Они предали своей профессіи, любознательно и живо интересуются народомъ съ которымъ будутъ имѣть дѣло. Въ добавокъ они чрезвычайно популярны какъ между солдатами, такъ и между офицерами.

Рѣшено было что различные отряды пойдутъ назадъ по тѣмъ же путямъ по которымъ пришли. Отрядъ генерала Вревкина отправился въ Оренбургъ, отрядъ полковника Ламкина къ Киндермѣйской бухтѣ. Эти два отряда выступили недѣлю раньше генерала Кауфмана, возвратившагося въ Ташкентъ. Что же касается Кавалинскаго отряда, то большая часть его осталась въ новомъ фортѣ на берегу Оксуса.

Больныхъ и раненыхъ рѣшено было отправить на канкахъ къ устью Оксуса, гдѣ стояла флотилія подъ командой лейтенанта Ситаикова, а оттуда на пароходахъ въ Фортъ № 1. Желая ознакомиться съ нижнимъ теченіемъ Оксуса, а рѣшился присоединиться къ этому отряду. Такъ какъ лодки были необходимы для переправы войска, то намъ пришлось ждать пока большая часть его не была перевезена на другой берегъ. Но наконецъ намъ дали двадцать большихъ канковъ. Отрядъ

КАЮКЪ. (Съ рисунка Верещагина.)

нашъ состоялъ изъ тридцати или сорокъ раненыхъ и больныхъ, изъ пятидесяти человекъ конвоа и нѣсколькихъ офицеровъ получившихъ отпускъ и отправлявшихся въ Оренбургъ, въ Петербургъ и въ другія мѣста. Въ числѣ послѣднихъ былъ генералъ Колекальцовъ, одинъ изъ самыхъ храбрыхъ и опытныхъ офицеровъ русской арміи, баронъ Корфъ, съ которымъ я встрѣтился впервые въ Алты-Кудукѣ, и генералъ Пистолькорсъ, у котораго вѣроятно больше ранъ чѣмъ у кого-либо другаго въ русской арміи. Мы размѣстились человекъ по десяти и по пятнадцати въ лодкѣ, построили наивѣсы изъ тростниковыхъ циновокъ; у большинства офицеровъ были постели, въ концѣ каждой лодки былъ устроенъ очагъ для варки кушанья, словомъ, наше путешествованіе было обставлено всеми удобствами какія только возможны при подобныхъ обстоятельствахъ.

Утромъ 1го сентября мы отчалили отъ хивинскаго берега, четверть часа спустя вышли изъ узкаго канала въ Оксузъ и поплыли внизъ по рѣкѣ съ умеренною быстротою, то дѣйствуя веслами, то предоставляя себя теченію, быстрота котораго въ этомъ мѣстѣ около четырехъ миль въ часъ. Набже теченіе замедляется и близъ устья скорость его не болѣе полумили въ часъ.

Путешествіе наше было весьма пріятное. Мы запасались достаточнымъ количествомъ провизіи. Два раза въ день мы высаживались на берегъ, чтобы дать стануться лодкамъ и чтобы гребцы могли отдохнуть. Въ это время мы варили себѣ кушанье, ѣли и ложились отдыхать на травѣ, въ тѣни деревъ. Первые ночи мы воевали на сушѣ, находя возможнымъ спать въ темнотѣ. Дни проходили въ пріятной праздности. Мы играли въ карты, удили рыбу, купались разъ въ день, а иногда лежали по цѣлымъ часамъ на постеляхъ, слушая пѣніе солдатъ, сопровождаемое плескомъ веселъ, что составляло очень пріятную музыку.

Берега представляли мало признаковъ жизни. Рѣдко случалось намъ увидать человека, хотя мы видѣли множество домовъ окруженныхъ цвѣтниками и фруктовыми садами и не мало мечетей на кладбищахъ. Мечеть составляетъ такую же необходимую принадлежность въ хивинскомъ ландшафтѣ, какъ сельская церковь въ англійскомъ. Сельскія мечети имѣютъ высокій, стройный фасадъ, футовъ въ двадцать ширины и футовъ въ пятьдесятъ вышины и квадратную вершину. За

фасадомъ видѣется куполь, часто покрытый зеленою черепицей. Хивинскія могилы почти вездѣ такія же какъ тѣ которыя я описалъ подъ стѣнами города. Это небольшіе полу-сферическіе глинаемые холмы, мѣстами украшенные черепицей и изреченіями изъ Корана, написанными голубою краской.

Въ рѣкѣ намъ попалась прекрасная рыба, и во все время пути мы имѣли свѣжую икру. Здѣсь хотѣли упомянуть что рыба *Scaphyrhynchus*, встрѣчавшаяся до сихъ поръ только въ Миссисипи, водится и въ Оксусъ. Натураллисты сопровождавшіе экспедицію назвали этотъ новый видъ *Oxialis*.

Ширина Оксуса измѣняется отъ трехъ четвертей мили до двухъ миль съ половиной. Первый привалъ мы сдѣлали на хивинскомъ берегу, но потомъ постоянно высаживались на правый берегъ, ставшій по трактату русскимъ. Хивинскій берегъ покрытъ садами, деревьями и домами, на правомъ же рѣдко встрѣчается что-нибудь кромѣ тростника и высокой травы, и есть признаки что рѣка по временамъ затопляетъ эту сторону.

Намъ встрѣчались лодки, медленно поднимавшіяся вверхъ по рѣкѣ. Такъ какъ противъ теченія, вслѣдствіе его быстроты, нѣтъ возможности плыть на веслахъ, то эти лодки тащились обыкновенно на веревкахъ: два человѣка идя по берегу тащутъ веревку, а два другіе правятъ. Случалось намъ также разв два перегонять киргизскіе плоты. То были вѣроятно аулы совершавшіе свое ежегодное переселеніе.

Противъ Килчака мы высаживались на берегъ. Въ этой мѣстѣ рѣки есть небольшой порогъ, не препятствующій впрочемъ судоходству. Ниже до того пункта гдѣ Оксусъ выдѣляется Улкувъ-Дарью и въ самой Улкувъ-Дарѣ нѣтъ ни пороговъ ни утесовъ, и рѣка влоанѣ судоходна отъ самой Хивы. Немного ниже Килчака, на правомъ берегу возвышается рядъ низкихъ горъ или лучше сказать холмовъ. Они бесплодны и принадлежатъ къ той же формаціи какъ и Киваль-Кумекія горы. Здѣсь русло рѣки сдвигалось уже и глубже, и насъ отнесило теченіемъ отъ одного берега къ другому. На слѣдующій день, когда мы были на равстояннѣ ста миль отъ Хивы; горы на правомъ берегу, сады и поля на лѣвомъ сдѣлались болотомъ заросшимъ тростникомъ. Миль на тридцать ниже Ходжетли мы повер-

були въ Улукунь-Дарью, рукавъ Оксуса. Она гораздо уже и глубже главнаго русла рѣки и вслѣдствіе этого удобнѣе для судоходства. Впрочемъ она очень извилиста, и нѣкоторыя изгибы такъ круты что мы съ трудомъ поворачивали наши тяжелыя лодки. Случалось намъ также залутываться въ высокомъ тростникѣ которымъ заросли оба берега.

Когда мы приближались къ Ходжейли, командантъ Кунграда выѣхалъ къ намъ на встрѣчу въ небольшой лодкѣ съ двумя спутниками. Его обращеніе съ Русскими было теперь совсемъ иное чѣмъ въ то время когда онъ просилъ генерала Березкина дать ему три дня сроку чтобы собрать пушки. Онъ взялся быть нашимъ проводникомъ по Улукунь-Дарьѣ и дѣйствительно съ этого пункта его можно было постоянно видѣть впереди на его узенькой лодочкѣ. Въ это время мы не высаживались на берегъ, потому что тростникъ росъ такъ густо въ водѣ по обѣ стороны рѣки что не было возможности пробраться черезъ него. Въ продолженіе трехъ сутокъ мы даже не видали твердой земли и по ночамъ должны были привязывать лодки къ тростнику. Въ эти три ночи тѣ у кого не было сѣтокъ сильно страдали отъ москитовъ. Прежде, когда москиты одолевали насъ, мы высаживались на берегъ, зажигали костеръ изъ сухаго тростника и поддерживали его всю ночь. Теперь же это было невозможно.

Вечеромъ на седьмой день нашего пути узкое русло Улукунь-Дарьи обратилось въ обширное озеро, въ которомъ вода стояла почти неподвижно. Это озеро имѣетъ миль восемь или десять въ длину и изобилуетъ небольшими паювучими островками, поросшими тростникомъ и кустарникомъ. На другой день послѣ полудня мы наконецъ разглядѣли въ отдаленіи тонкія мачты кораблей.

Предъ вечеромъ мы выѣхали изъ тростниковыхъ болотъ, окружавшихъ насъ болѣе трехъ дней. Русло рѣки сузилось опять. Оно имѣло теперь отъ 300 до 600 футовъ въ ширину. На заходѣ солнца мы подошли къ флотиліи и вскорѣ были на борту, обмѣниваясь привѣтствіями съ друзьями и знакомыми.

Лейтенантъ Ситниковъ былъ нѣсколько удивленъ когда увидалъ меня, такъ какъ по отъѣздѣ моемъ изъ Казани онъ думалъ что я намѣреваюсь ѣхать въ Ташкентъ. Я передалъ ему вкратцѣ мои приключенія; и мы отъ души посмѣя-

лись надъ шуткой которую я сыгралъ надъ моимъ другомъ капитаномъ Верецагинымъ въ Казалѣ.

Я встрѣтилъ здѣсь между прочими молодого графа Шувалова. Этотъ храбрый молодой офицеръ, какъ извѣстно, былъ контужемъ при взятіи Хивы. Онъ былъ отправленъ домой съ Оренбургскимъ отрядомъ, но въ дорогѣ ему одѣалось хуже и его принуждены были отправить въ тарантасъ на флотилію. Я съ удовольствіемъ узналъ въ послѣдствіи что его здоровье совершенно поправилось.

Флотилія состояла изъ двухъ пароходовъ, *Самаркандъ* и *Перовскій*, и трехъ баржей. На эти суда перенесли всѣхъ больныхъ, *Перовскій* взялъ на буксиръ одну баржу, *Самаркандъ* двѣ, и на слѣдующій день мы попали на всѣхъ парахъ внизъ по Улкувъ-Дарѣ въ Аральское море. Въ тотъ же день вечеромъ мы достигли устья рѣки и стали на якорь, такъ какъ нельзя было пройти черезъ баръ въ темнотѣ. На другой день чѣмъ свѣтъ мы опять развели пары, четверты часъ сутокъ прошли баръ и попали по синимъ волнамъ Аральскаго моря. Спусти двое сутокъ мы достигли устья Сыръ-Дары, а еще черезъ тридцать шесть часовъ я былъ опять въ Казалѣ. Отсюда одни изъ офицеровъ уѣхали въ Ташкентъ, другіе въ Петербургъ.

Здѣсь я встрѣтился впервые съ изостеромъ Беромъ, который былъ посланъ съ такимъ же порученіемъ какъ и я въ газеты *Daily Telegraph*. Я узналъ съ сожалѣніемъ что оудѣ не была къ нему такъ милостива какъ ко мнѣ и что ему не удалось исполнить свое предпріятіе. Онъ уже издавна въ свѣтъ разказъ о своихъ приключеніяхъ, и я могу засвидѣтельствовать что его описанія мѣстности также вѣрны какъ и живыисны.

Мнѣ пришлось прождать почтовыхъ лошадей три дня. Я купилъ новый тарантасъ и 16го сентября былъ опять на почтовой дорогѣ въ Оренбургъ.

Расстояніе отъ Казалы до Саратова, которое въ первый разъ отняло у меня шесть недѣль, въ этотъ разъ я проѣхалъ въ двѣ, благодаря тому что лошади поправились на лѣтнихъ пастбищахъ. Въ дальнѣйшемъ путешествіи не было ничего особеннаго, и я оканчиваю мое повѣствованіе и прощаюсь съ читателемъ.

ТРОФЕЙ. (Съ рисунка Верещагина.)

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1875 году.

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, будетъ стоить въ 1875 г. въ Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки, пятнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ; съ доставкою на домъ въ Москвѣ и Петербургѣ шестнадцать рублей и съ почтовою пересылкою во всѣ мѣста Россіи семнадцать рублей.

Заграничные высылаютъ за доставку въ государства Германскаго Почтоваго Союза—18 р.; въ Италію, Бельгію, Нидерланды, Швейцарію, Сербію и Румынію—19 р.; въ Англию, Денію, Швецію, Грецію, Европейскую Турцію и Францію—20 р. 50 к.; въ Испанію, Португалію, Норвегію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты—21 р. 60 к. Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается:

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ Университетской Типографіи, на Страстномъ Бульварѣ; въ книжной лавкѣ Н. Г. Соловьева (бывшей Вазукова), на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Алексѣева.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжной лавкѣ Вазукова, Невскомъ Пресектѣ, у Кашанскаго моста, домъ № 30.

Въ почтовыхъ мѣстахъ Имперіи подписка на Русскій Вѣстникъ не принимается.

Иногородные адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1875 году.

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1875 годъ: въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, на 12 мѣсяцевъ, безъ казенныхъ объявленій тринадцать рублей сер.; съ доставкою на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкою во всѣ мѣста Россіи шестнадцать рублей сер.; съ казенными объявленіями, издаваемыми особо три раза въ недѣлю, цѣна безъ доставки пятнадцать рублей; съ доставкою и пересылкою восемнадцать рублей сер.

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, Страстномъ Бульварѣ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и П.),
на Страстномъ Бульварѣ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ И. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ СТО ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

1875

А В Г У С Т Ъ

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. СУДЕБНАЯ РЕФОРМА ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ. Окончаніе. М. П. Соловьева.
- II. МОЕ ДѢТСТВО И НАША СЕМЬЯ. (Воспоминанія Одиссея Подхроміадеса, загорскаго Грека.) Гл. XVI—XXIII. К. Н. Леонтьева.
- III. ОТЕЦЪ И СЫНЪ. Опытъ культурно-биографической хроники. Гл. X—XI. М. Э. Де-Пуле.
- IV. ВОЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ ПРУССИИ. Романъ Гакаендера. Часть первая
- V. ИЕЗУИТЫ ВЪ ЛИТВѢ. Гл. IV—VII. И. Сливова.
- VI. ВАДНІЙ ДЕНЬ И БОЖИЧЪ ВЪ СЕРВИИ. Князя А. Н. Церетелева.
- VII. НА РОГАЧЕВКѢ. Сельская драма. Часть первая. П. Е. Гусевой.
- VIII. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦІИ. Обзоръ майской сессіи національнаго собранія. Петра Петрова.
- IX. ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНѢНІЕ ВЪ ГЕРМАНИИ. Варона Н. Э. Кореа.

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ

VII.

Положеніе о примѣненіи судебныхъ уставовъ 20го ноября 1864 года къ Варшавскому судебному округу, Высочайше утвержденное 19го февраля 1875 года, было, какъ мы видѣли выше, плодомъ продолжительныхъ, девятилѣтнихъ работъ, которыя заняли почти такой же періодъ времени какой потребовался на составленіе судебныхъ уставовъ Имперіи. Особый уставъ проектированный комиссіей въ 1866 году, отдѣльный отъ устава Имперіи, хотя и приближавшійся къ нему, по своимъ основнымъ началамъ, былъ прямымъ результатомъ отдѣльности Царства, его обособленія отъ Имперіи. Вопросъ о полномъ сліянніи этой окраины съ остальнымъ государствомъ былъ выясненъ и рѣшенъ уже послѣ 1866 года. Съ опредѣлившимся государственнымъ положеніемъ Польскаго Царства уже не представлялось причинъ къ составленію особаго устава: мѣстный законъ долженъ былъ обратиться въ дополненіе общаго единого закона или въ изъятіе изъ него. Потому, если права была юридическая комиссія и

* См. № 6 и 7 Русскаго Вѣстника.

Учредительный Комитетъ въ 1866 году, то въ 1868 году былъ правъ совѣщательный комитетъ, отвергавшій необходимость особаго устава судебнаго и сводя вопросъ о судебной реформѣ въ Царствѣ Польскомъ на вопросъ о примѣненіи судебныхъ уставовъ къ Варшавскому судебному округу.

Работы юридическаго отдѣла Учредительнаго Комитета прошли нѣсколько инстанцій. Собраны были мнѣнія различныхъ правительственныхъ установленій, мѣстныхъ и центральныхъ. Вопросъ долженъ былъ поступить на окончательное разрѣшеніе освященнымъ со всѣхъ сторонъ. Въ этомъ дѣлѣ, какъ и вообще въ дѣлахъ касающихся нашихъ окраинъ, правительство выказало стремленіе къ крайней осторожности и постепенности, но, съ другой стороны, въ этомъ вопросѣ выясняются и нѣкоторые существенные недостатки подобной кодификаціонной процедуры. Прежде всего падаетъ въ глаза значительная медленность. Не подлежитъ сомнѣнію теперь, когда подробности работъ получили извѣстность (о нихъ своевременно писали во всѣхъ главнѣйшихъ повременныхъ изданіяхъ), что мѣстные дѣятели весьма мало высказали и выяснили тѣ мѣстныя препятствія которыя могли имѣть существенное значеніе для дѣла по своему политическому или бытовому характеру: главныя отступленія, достаточно мотивированныя, вытекали изъ отдаленности гражданскаго права, что удобно можно было бы изучать и въ Петербургѣ. Законопроектъ требуетъ, безъ сомнѣнія, знакомства съ тою средой на которую предполагается распространить дѣйствіе закона, но главное качество закона все-таки его объективность, главное качество законодателя его независимость отъ временныхъ пристрастій, отъ временныхъ, преходящихъ условій, способность провидѣть въ хаосѣ временныхъ тревоженій тотъ нормальный, продолжительный и постоянный порядокъ который долженъ наступить немедленно, — чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше, — какъ скоро улягутся возбужденныя страсти. Въ такомъ положеніи составитель закона можетъ быть лишь тогда, подобно совѣщательному комитету, имѣя всѣ данныя онъ все-таки стоитъ въ болѣе или менѣе возбужденнаго населенія окраинъ. Работы на мѣстѣ много выиграли бы если онѣ ограничены были однимъ собираніемъ данныхъ и фактовъ по преподанной программѣ. Совѣщательный комитетъ и отнесся къ предложеннымъ ему проектамъ почти къ

къ сырому матеріалу, но матеріалъ этотъ былъ собранъ не по той программѣ которую онъ находилъ бы можетъ-быть необходимою. Вопросъ о реформѣ, по тѣмъ матеріаламъ которые имѣются у насъ, представляется вопросомъ по преимуществу юридическимъ: политическихъ данныхъ въ этомъ матеріалѣ, кромѣ общихъ замѣчаній, почти нѣтъ; между тѣмъ, по количеству мнѣній, преобладающими при обсужденіи вопроса являются лица и органы административныя. Въ Учредительномъ Комитетѣ присутствовали лица стоящія во главѣ административныхъ учреждений, а представитель судебного вѣдомства, главный директоръ правительственной комиссіи юстиціи, былъ лишь по особому приглашенію. Самыя работы комиссіи были совершены ею не въ томъ составѣ какой былъ первоначально установленъ: онѣ были составлены членами-редакторами, а настоящихъ членовъ комиссіи, лицъ судебного вѣдомства, мы не видимъ при составленіи этихъ работъ, и отсутствіемъ этого элемента можно объяснить тѣ административныя увлеченія которыми страдаетъ законопроектъ ея, увлеченія, въ большинствѣ случаевъ, признанныя ненужными и исчезнувшія изъ закона. Такой составъ комиссіи, повліявъ на содержаніе ея работъ, повредилъ одновременно и авторитетности ихъ: въ известной мѣрѣ были правы тѣ кто относился къ ея проекту не какъ къ проекту, а болѣе какъ къ матеріалу, что постоянно проскальзываетъ въ разсужденіяхъ совѣтательнаго комитета.

Общій характеръ положенія 19го февраля 1875 года согласенъ съ мнѣніями тѣхъ учреждений на разсмотрѣніе которыхъ поступили варшавскіе проекты: положеніе это не есть особый мѣстный уставъ, а лишь дополненіе, въ существенныхъ чертахъ временное, къ общему закону, дѣйствіе коего распространяется на Царство съ нѣкоторыми изъятіями и особенностями, обусловленными мѣстнымъ гражданскимъ правомъ и политическими основаніями. Въ подробностяхъ мы можемъ усмотрѣть что комитетъ по дѣламъ Царства и Государственный Совѣтъ частію примирили рѣзко противоположные взгляды, частію отвесились къ обсуждаемымъ правнамъ самостоятельно.

Положеніе 1875 года предоставляетъ въ Царствѣ Польскомъ судебную власть: 1) гминнымъ судамъ и мировымъ судьямъ, 2) мировымъ създамъ, 3) окружнымъ судамъ,

4) судебной палатѣ и 5) Правительствующему Сенату, въ качествѣ верховнаго кассационнаго суда. Въ такомъ судеустройствѣ мѣстная особенность заключается въ томъ что въ системѣ мировой юстиціи, рядомъ съ мировыми судьями стоять гминные суды, соединенные съ мировыми судьями въ одной общей апелляціонной инстанціи, мировыхъ сѣздахъ, согласно первоначальному проекту Варшавской комиссіи. Признано было невозможнымъ оставить ихъ въ настоящемъ положеніи, учредивъ въ однихъ случаяхъ подсудности кассационную инстанцію, въ другихъ апелляціонную и кассационную инстанцію, какъ то предполагалось въ Учредительномъ Комитетѣ; или низвести ихъ изъ судовъ общихъ на степенъ сословной расправы, какъ предполагали прочія учрежденія разсматривавшія проектъ. Характеръ гминнаго суда двойкій: съ одной стороны, этотъ судъ общесословный, съ другой, онъ вѣдаетъ спеціально такіа дѣла сельскаго населенія которыя у остальныхъ классовъ общества изъяты изъ вѣдѣнія мировыхъ учреждений, и въ этомъ отношеніи гминный судъ весьма основательно могъ быть приравненъ къ волостнымъ судамъ Имперіи. Сословіи, въ томъ смыслѣ какъ у насъ, въ Царствѣ Польскомъ нѣтъ, но аграрная реформа создала въ средѣ сельскаго населенія особый классъ гражданъ, съ особыми поземельными и земскими правами, который, не будучи организованъ въ сословіе, тѣмъ не менѣе отличается отъ другихъ классовъ и имѣетъ весьма сильныя сословныя особенности, обуславливающія возможность особаго, спеціального суда. Недостатки существующей гминной судебной организаціи дѣлали необходимымъ пересмотръ и исправленіе ихъ при общемъ судебномъ преобразованіи и притомъ пересмотръ весьма существенный. Но при этомъ являлось то соображеніе что цѣль реформы — объединеніе государственныхъ учреждений, а новая организація гминнаго суда составляла бы отступленіе. Не будетъ ли потому цѣлесообразнѣе смотрѣть на общесудебную сторону гминныхъ судовъ какъ на временную политическую мѣру, обусловленную недоувѣріемъ правительства къ судамъ Царства, могущую при измѣнившихся обстоятельствахъ быть устраненною, а на сословнокрестьянскую — какъ на органическую, и потому, приравлявъ гминные суды къ волостнымъ, исключить ихъ изъ общей организаціи судебныхъ мѣстъ? По такимъ основаніямъ слѣ-

должно бы принять имперскую организацию судебных мѣстъ и гминные суды приравнять къ волостнымъ. Но противъ этихъ соображеній были представлены и вѣскіе противоположные доводы. Прежде всего слѣдуетъ признать мнѣніе о сословности гминныхъ судовъ не имѣющимъ основанія въ законѣ: ни въ одномъ правительственномъ актѣ не было выражено намѣреніе правительства ограничить гминный судъ одними поселянами, которымъ дарована поземельная собственность; напротивъ того, влоавѣ опредѣлительно и безусловно, указомъ 19го февраля 1864 года, утверждено начало общесословности въ административномъ и судебномъ устройствѣ гминъ. Гминное устройство издавна укоренилось въ Царствѣ и было признано правительствомъ, но въ гминѣ преобладалъ классъ крупныхъ землевладѣльцевъ, облеченныхъ значительною патримоніальною властью, судебною и административною; удерживая гминное устройство, правительство, при существенныхъ перемѣнахъ въ бытѣ и правахъ той части гминнаго народонаселенія которая обращалась въ самостоятельныхъ собственниковъ, призвало, въ огражденіе земскаго мира, необходимымъ перенести центръ тяжести гмины на надежно-консервативный классъ мелкихъ землевладѣльцевъ, призвавъ его къ участию во внутреннемъ управленіи гмины; но исходною точкой должны были остаться уже признанныя искони начала: фактъ отсутствія сословнаго дѣленія въ Царствѣ Польскомъ и то по гминное устройство издавна обнимало всѣхъ жителей гмины. Обезпеченіе интересовъ исключительно крестьянскаго сословія имѣлось, безъ сомнѣнія, въ виду правительства, но въ указахъ 1864 года эти цѣли достигнуты своимъ путемъ, устройствомъ сельскихъ обществъ и ихъ управленія, гминное же устройство сохранило свой общій характеръ, свободный отъ всякой примѣси сословнаго начала. Общесословность гминнаго суда была прямымъ послѣдствіемъ и необходимымъ условіемъ крѣпости гминной организации и устройство гминнаго суда въ 1864 году отнюдь не обуславливалось только временнымъ недоверіемъ правительства къ общимъ польскимъ судамъ. Гминное судебное и административное устройство, составляя фактъ мѣстной народной жизни, усвоенное въ своемъ преобразованномъ видѣ мѣстнымъ населеніемъ, было предложено правительствомъ въ основаніе органическаго обновленія и устройства привислинскаго края,

а не вводилось лишь на нѣкоторое время, съ тѣмъ чтобы вслѣдъ за симъ подвергнуть его существенному измѣненію. „Подобныя приемы, несвойственные важнымъ законодательнымъ мѣрамъ, ослабляющіе общее довѣріе къ прочности самихъ законовъ, могли тѣмъ менѣе имѣть мѣсто при такъ особыхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, среди которыхъ признано за необходимое съ особенною твердостью и строгою послѣдовательностью приступить къ общему преобразованію всего гражданскаго быта въ Царствѣ Польскомъ на началахъ прочныхъ, соответствующихъ дѣйствительнымъ потребностямъ края и способныхъ утвердить въ немъ въ надлежащей степенѣ власть и авторитетъ правительства.“ Заключеніе о необходимости низвести гминные суды на степенъ сельской крестьянской расправы, противорѣчащее буквѣ и духу указа 1864 года, мотивируется разсужденіями комитета по дѣламъ Царства Польскаго, при расширеніи компетенціи гминныхъ судовъ въ 1865 году, но сопоставленіе тамъ гминныхъ судовъ съ волостными отнюдь не имѣетъ того смысла въ которомъ принимаютъ его сторонники сословности этихъ судовъ. Тѣ и другіе суды, конечно, имѣютъ нѣкоторые общіе признаки, но еще болѣе отличаются другъ отъ друга коренными особенностями. Нѣкоторое сходство они имѣютъ *по роду дѣлъ* и *по выборному началу* замѣщенія судебныхъ должностей, хотя выборное начало въ Царствѣ обусловлено совершенно иначе нежели въ имперскихъ волостяхъ; но за тѣмъ остается коренное различіе по отношенію *къ личной подвѣдомственности* между этими видами судебныхъ учреждений: измѣнять личную подвѣдомственность гминныхъ судовъ значило бы коснуться основныхъ началъ всей гминной организаціи, и изъ этого вытекаетъ что „общій“ характеръ гминнаго суда мѣра временная, а органическая, одно изъ такихъ мѣстныхъ условій которое, въ виду государственныхъ интересовъ, требуетъ себѣ уваженія и признанія при преобразованіи судебного вѣдомства и служить достаточнымъ основаніемъ для измѣненія въ судебныхъ уставахъ 20го ноября 1864 года при примѣненіи ихъ къ Царству Польскому. Далѣе, защитники предположенія сословности не могли не имѣть въ виду что въ Царствѣ Польскомъ не существуетъ сословнаго дѣленія, отыскивая юридическіе признаки сословія долженствовало бы быть подсуднымъ гминному суду, остановились на тѣ

белыхъ и данныхъ укрѣплявшихъ поземельныя права той части народа которая подлежала устройству на основаніи указа въ 19го февраля 1864 года, принимая помѣщеніе въ этихъ актахъ за признакъ сословности. Это предположеніе при основательномъ разсмотрѣніи оказывается вполнѣ несостоятельнымъ. Указы 1864 года не могли объять всего населенія гмины которое по условіямъ жизни и роду занятій слѣдовало бы признать крестьянствомъ. Надѣлено землею не все населеніе крестьянскаго характера: огромная масса сельскаго населенія остается безземельною и состоитъ изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ; въ немъ есть лица крестьянскаго происхожденія, обѣдѣвшая мелкая шляхта, дошедшая до состоянія простыхъ батраковъ или состоящая при помѣщикахъ въ качествѣ официалистовъ, дворовой прислуги и въ другихъ званіяхъ; затѣмъ Еврей-земледѣльцы и ремесленники; наконецъ лица званіе и происхожденіе которыхъ опредѣлить трудно. Если всѣхъ этихъ лицъ изъять изъ вѣдомства гминныхъ судовъ, то у этихъ послѣднихъ осталось бы самое незначительное количество дѣлъ, а въ гминную организацію внесенъ былъ бы разладъ, грозящій весьма опасными послѣдствіями: единство сельскаго населенія и цѣльность его были бы нарушены. Мелкіе поземельные собственники были бы выдѣлены и, какъ политическій элементъ, неминуемо ослаблены. Мировые судьи, которыхъ потребовалось бы для сельскаго населенія отъ 300 до 320, были бы завалены тою массой дѣлъ которая нынѣ распределяется между 1.300 гминными судами, и содержаніе ихъ легло бы такимъ гнетомъ на мѣстное населеніе. Наконецъ, возникло бы множество пререканій о подсудности, такъ какъ все-таки табели и данныя составляютъ весьма шаткій признакъ, далеко не соответствующій прочному началу сословности, опредѣляющему сферу дѣйствій волостныхъ судовъ Имперіи. Слѣдуетъ замѣтить что малочисленность мировыхъ судей сравнительно съ гминными судами весьма невыгодна для доступности суда, составляющей одно изъ видныхъ удобствъ гминнаго суда.

Нельзя абсолютно отрицать тѣ недостатки которые замѣчаются въ нынѣшнемъ устройствѣ гминныхъ судовъ, хотя нельзя не признать что эти недостатки значительно преувеличены. Избирательный цензъ дѣйствительно низокъ, но размеръ его не составляетъ непреложнаго начала, ни въ какомъ

случаѣ не подлежащаго измѣненію; затѣмъ, цензъ болѣе возвышенный въ настоящее время могъ бы лишить возможности уравнивать относительное значеніе различныхъ элементовъ сельскаго населенія и перенесъ бы центр тяжести въ наименѣе благонадежную и заинтересованную въ охраненіи порядка среду; наконецъ, числовыя данныя свидѣлствуютъ что низкій имущественный цензъ не устраняетъ образованныхъ людей отъ гминныхъ судебныхъ должностей: въ 1871 году, въ 287 гминахъ должности гминныхъ войтовъ были заняты лицами не крестьянскаго званія, въ томъ числѣ въ 177 гминахъ помѣщиками; 378 должностей лавниковъ заняты по выборамъ также не крестьянами, въ томъ числѣ 178 помѣщиками. Замѣчается вообще что крестьяне охотно избираютъ въ управленіе тѣхъ лицъ землевладельческаго класса которыя не участвовали въ революціонныхъ замыслахъ и не противодѣйствовали мѣрамъ правительства. Возраженіе о неграмотности сельскаго населенія падаетъ въ виду значительнаго успѣха народнаго образованія въ привислинскомъ краѣ. Результаты достигнутые народными училищами дали полную возможность установить грамотность непремѣннымъ условіемъ для занятія представительскихъ должностей въ гминныхъ судебныхъ установленіяхъ. Точно также легко устраняется предположеніе о пристрастіи гминныхъ судовъ: опытъ нѣсколькихъ лѣтъ, достаточно провѣренный и засвидѣтельствованный, не даетъ никакихъ доказательствъ въ пользу такого мнѣнія. Напротивъ того, гминные суды всегда дѣйствовали съ замѣчательнымъ тактомъ, не поддаваясь никакимъ пристрастіямъ тенденціознымъ или религіознымъ. Признаніе за гминными судами нѣкоторыхъ недостатковъ отнюдь не свидѣлствуетъ въ пользу необходимости упраздненія или кореннаго измѣненія этихъ судовъ: цѣль всей реформы—устранить недостатки дѣйствующей судебной организаціи, слѣдовательно въ ея программу входитъ и дальнѣйшее развитіе гминной судебной организаціи, но такое развитіе не можетъ измѣнять общесословнаго сельскаго характера этихъ судовъ, а при такомъ условіи гминные суды должны занять мѣсто единичныхъ мировыхъ судей въ средѣ сельскаго населенія.

Таковы были соображенія высказанныя въ пользу проекта юридической комиссіи объ обращеніи гминныхъ судовъ въ органы сельской мировой юстиціи, послѣ разсмотрѣнія

проекта. Совѣщательнымъ комитетомъ эти соображенія, очевидно, были признаны настолько уважительными что гминные суды заняли проектированное имъ мѣсто въ судебной организаціи Царства. Дальнѣйшая организація гминныхъ судовъ нѣсколько отстаетъ отъ установленной въ первоначальномъ проектѣ, по причинамъ финансовымъ и политическимъ. Среди многочисленныхъ проектовъ и мнѣній бывшихъ у насъ подъ руками, мы не встрѣчались съ мыслью о соединеніи нѣсколькихъ гминъ въ одинъ округъ, при сохраненіи административной самостоятельности каждой изъ гминъ, и о необходимости измѣненія выборнаго начала, установленнаго указомъ 16го февраля 1864 года: положеніе 19го февраля 1875 года допускаетъ и то и другое. Гминный судъ учреждается на одну или нѣсколько гминъ. При соединеніи гминъ въ одинъ гминный судебный округъ наблюдается чтобы гмины не были раздробляемы, чтобы въ составъ округа входило не болѣе четырехъ гминъ и чтобы разстояніе между мѣстомъ постоянного пребыванія гминнаго суда и наиболѣе отдаленнымъ изъ подвѣдомственныхъ ему селеній не превышало двадцати верстъ (такой же максимумъ разстояній установленъ и для имперскихъ волостей). Гминный судъ состоитъ изъ судьи и лавниковъ, послѣдніе въ числѣ не менѣе трехъ. Судья и лавники избираются гминнымъ сходомъ на три года. При избраніи гминныхъ судей и лавниковъ наблюдается слѣдующее: 1) въ гминные судьи могутъ быть избираемы тѣ изъ жителей гмины которые: а) имѣютъ не менѣе 25ти лѣтъ отъ роду, б) имѣютъ право участія въ дѣлахъ схода, в) получили образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ, не исключая и начальныхъ училищъ, или выдержали соответствующее сему испытаніе, или же прослужили не менѣе трехъ лѣтъ въ такихъ должностяхъ при исправленіи которыхъ могли приобрѣсти практическія свѣдѣнія въ производствѣ судебныхъ дѣлъ, и г) владѣютъ на правѣ собственности предѣлахъ гмины землею въ размѣрахъ установленныхъ для избранія въ должность гминнаго войта, то-есть шестью моргами земли (около 3 десятинъ). Въ лавники могутъ быть избираемы тѣ изъ грамотныхъ жителей гминъ которые соединяютъ въ себѣ условія установленныя 67ю статьею указа 19го февраля 1864 года и состоявшимися въ развитіе онаго постановленіями. Обращаясь къ закону 19го февраля 1864 года, мы находимъ что право участія въ гминномъ сходѣ

имѣють всѣ жители гмины, совершеннолѣтніе домохозяева, безъ различія вѣроисповѣданія, влаждующіе на правѣ личной собственности не менѣе какъ тремя моргами земли; что этого права не имѣють: мѣстные мировые судьи, лица духовнаго званія и чины уѣздной полиціи (ст. 13); даже мы видимъ что въ гминныя должности не могутъ быть избираемы: 1) лица не христіанскаго вѣроисповѣданія; 2) лица моложе 25 лѣтъ; 3) лица состоящія подъ олекой или полечительствомъ; 4) лица не имѣвшія постоянного въ предѣлахъ гминъ жительства по крайней мѣрѣ въ теченіе трехъ лѣтъ; 5) лица подвергнутыя наказанію въ степеняхъ лишающей права занимать общественныя должности; 6) состоящія подъ судомъ и слѣдствіемъ или же подъ полицейскимъ надзоромъ (ст. 66); наконецъ, слѣдующая 67 статья указа устанавливаетъ что въ гминныя войты и лавники можетъ быть сходомъ избранъ, безъ различія сословій, всякій житель гмины, если оный имѣетъ право участія въ дѣлахъ схода и если въ предѣлахъ гмины имѣетъ, на правѣ личной собственности, не менѣе шести морговъ земли. Отъ лицъ удовлетворяющихъ этимъ условіямъ и не подходящихъ подъ дѣйствіе ст. 66 не требуется для занятія по выбору должности гминнаго войты или лавника никакихъ сверхъ того условій (квалификацій). Всѣ эти условія принимаются къ избранію въ судьи и лавники. Избирательный механизмъ состоитъ въ слѣдующемъ. Отдѣльно по каждой гминѣ, гминный войтъ, по совѣщанію съ соотысами (сельскими старостами), составляетъ списки лицъ имѣющихъ право быть избранными въ гминныя судьи и лавники. Въ эти списки вносятся всѣ лица имѣющія право на занятіе такихъ должностей. Такимъ образомъ составъ избирательныхъ списковъ въ первой инстанціи находится въ рукахъ мелкоземельнаго, крестьянскаго элемента. Для провѣрки правильности и полноты ихъ, списки представляются уѣздному начальнику (почти то же что уѣздный исправникъ), которому также поручено принимать жалобы на неправильное внесеніе въ списокъ или на сдѣланные въ немъ пропуски. Провѣривъ и исправивъ списки, уѣздный начальникъ препровождаетъ ихъ въ гмины по принадлежности, для производствъ выборовъ, согласно спискамъ; если же для нѣсколькихъ гминъ учрежденъ одинъ судъ, то въ каждую гмину сообщаются списки и по другимъ гминамъ, подвѣдомственнымъ общему суду. Самые выборы производятся большаго

ствомъ голосовъ явившихся на избирательный сходъ, и указъ 19го февраля 1864 года весьма заботливо охраняетъ дѣйствительность совершившагося избранія какъ отъ покушеній со стороны избирателей, такъ и отъ усмотрѣній административной власти. Жалоба на незаконность въ производствѣ выборовъ или на незаконность избранія лица въ одну изъ вышесказанныхъ должностей допускается лишь въ томъ случаѣ если она подана уѣздному начальнику не далѣе какъ въ теченіе двухъ недѣль по производствѣ выборовъ, и не менѣе какъ отъ одной пятой части лицъ имѣющихъ право участія на сходѣ избравшемъ должностное лицо. Законъ не требуетъ чтобы жалобщики присутствовали на этомъ сходѣ лично. Удовольряясь въ справедливости жалобы, уѣздный начальникъ распоряжается о производствѣ новыхъ выборовъ при себѣ. На всякое противозаконное распоряженіе уѣзднаго начальника по предметамъ указаннымъ выше можетъ быть подана въ тридцатидневный срокъ жалоба губернатору. Далѣе, законъ 1864 года послѣдовательно держится выбораго начала, несмотря на тревожное состояніе страны въ то время; вотъ что говоритъ 73 статья того указа, выражающая, по нашему мнѣнію, полную вѣру въ благоразуміе польскихъ избирателей: если уѣздный начальникъ признаетъ невозможнымъ допустить къ должности избранныхъ кандидатовъ, то распоряжается о производствѣ новыхъ выборовъ; если же и на сихъ вторичныхъ выборахъ будутъ избраны такіе кандидаты которыхъ, по мнѣнію уѣзднаго начальника, не слѣдуетъ допускать къ должности, то онъ представляетъ о семъ губернатору, отъ котораго зависитъ или утвердить избранныхъ кандидатовъ, или распорядиться о *производствѣ третьихъ, окончательныхъ выборовъ*. Противъ третьихъ выборовъ нѣтъ возраженій: нравится или нѣтъ администраціи избранное лицо, оно должно быть утверждено въ своей должности. Одинадцать лѣтъ спустя, въ устройствѣ судебныхъ выборовъ мы находимъ уже значительныя измѣненія. Во первыхъ, выборы утратили свою абсолютность: если гминный судъ учрежденъ на одну только гмину, то въ должность гминнаго судьи и на каждую должность лавника избираются *по два кандидата*; если же судъ учреждается на нѣсколько гминъ, то этотъ порядокъ усложняется такимъ образомъ что на должность гминнаго судьи избирается каждою гминой по одному кандидату изъ числа лицъ внесенныхъ въ списки гминъ имѣющихъ

общій гминный судъ; если же въ семи гминами будетъ избрано въ должность судьи одно и то же лицо, то назначаются дополнительные выборы для избранія втораго кандидата. Число должностей лавниковъ распредѣляется между гминами такъ чтобы каждая гмина замѣщала, по крайней мѣрѣ, одного члена гминнаго суда; на каждую должность избирается по два лица: лавникъ и кандидатъ. Лавниковъ и кандидатовъ утверждаетъ въ должности мѣстный губернаторъ по соглашенію съ прокуроромъ окружнаго суда. Выборы кассируются лишь въ случаѣ неправильности или незаконности ихъ: администраціи не предоставлено права предлагать произвести новые выборы только потому что по какимъ-либо инымъ соображеніямъ избранное лицо не можетъ быть допущено къ должности: въ этомъ отношеніи лавники поставлены въ болѣе твердое положеніе нежели въ 1864 году. Нельзя того же сказать о гминныхъ судьяхъ, то-есть предсѣдателяхъ судовъ, замѣнявшихъ войта на судѣ: списки избранныхъ гминами кандидатовъ на должности гминныхъ судей представляются губернаторомъ министру юстиціи. *Отъ усмотрѣнія министра юстиціи зависитъ утвердить избранныхъ лицъ, или же назначить помимо ихъ, до слѣдующихъ выборовъ, другихъ лицъ.* Если съ этой стороны послѣдовало уменьшеніе правъ выборныхъ, то въ порядкѣ устраненія или удаленія отъ должности этихъ лицъ судебного вѣдомства нельзя не замѣтить усиленія независимости суда отъ мѣстныхъ властей. По указу 1864 года, должностныя лица гминнаго и сельскаго управленія удалялись отъ должности съ разрѣшенія мѣстнаго губернатора; по положенію 1875 года гминные судьи и лавники, въ продолженіе установленнаго для нихъ выборнаго срока, могутъ быть временно устраняемы отъ должностей или вовсе отъ нихъ удаляемы только министромъ юстиціи: изъ мѣстныхъ властей они подчинены въ дисциплинарномъ отношеніи только подлежащимъ окружнымъ судамъ. Предсѣдатель мироваго съѣзда назначаетъ, по представленію гминнаго суда, писаря для письмоводства при гминномъ судѣ. Порядокъ разрѣшенія дѣлъ въ гминныхъ судахъ установленъ общій, коллегиальный. При рѣшеніи уголовнаго дѣла, если голоса раздѣляются поровну, приговоръ постановляется согласно съ мнѣніемъ болѣе снисходительнымъ къ участи подсудимаго.

Такимъ образомъ выборное начало, хотя и въ измѣнен-

номъ нѣсколько видѣ, осталось факторомъ образованія гминнаго суда. Колебанія обнаружившіяся при обсужденіи выборной организаціи этого суда, очевидно, обуславливались политическимъ характеромъ выборнаго начала. Въ странѣ зарекомендовавшей себя недружелюбіемъ къ русской власти, доходившемъ не разъ до возстанія, власть государственная должна, естественно, съ недоувѣріемъ относиться если не къ результатамъ выборовъ, то къ самому производству ихъ, которому необходимо должна предшествовать нѣкоторая агитація въ пользу того или другаго лица, въ пользу того или другаго принципа, который представляется тѣмъ или другимъ изъ кандидатовъ. Политическія неудобства въ приложеніи выборнаго начала и имѣлись въ виду противниками гминнаго суда при обсужденіи судебной реформы. Правительство, однако, не раздѣлило такихъ опасеній и, довѣряя здравому смыслу населенія, надѣясь на свои силы, сохранило выборную организацію гминнаго суда, тѣмъ болѣе что тѣмъ же началомъ опредѣляется и у насъ составъ мировой юстиціи.

Выборное начало искони было сродно нашему общественному устройству. Оно постоянно было присущимъ и нашему суду. Въ судебномъ дѣлѣ можно бы, однако, многое возразить противъ этого явленія. Выборные судьи, въ ту эпоху когда юридическая жизнь народа регулируется не общеобязательнымъ писаннымъ закономъ, но юридическими обычаями, мѣстнымъ неписаннымъ правомъ, конечно, необходимы, хотя и въ этомъ случаѣ можно бы многое сказать противъ срочности ихъ функций. Въ нихъ нѣтъ необходимости коль скоро является право общегосударственное, коль скоро набирается достаточный контингентъ юристовъ изучившихъ это право. Земскій миръ, законность жизненныхъ явленій, опредѣляются тогда уже общими для всего государства нормами, а не сомнительными мѣстными обычаями. Въ этихъ нормахъ выражается тотъ порядокъ въ которомъ государственное сознаніе признаетъ возможнымъ правильное и прогрессивное теченіе гражданской жизни и для охраненія этого государственнаго интереса является то истинно-консервативное учрежденіе въ которомъ лежитъ центръ тяжести общественнаго порядка—судъ. Но судъ имѣетъ главною и единственною цѣлью охраненіе

закона, его восстановление, его примѣненіе, то-есть цѣль общегосударственнаго, а не частнаго, не личнаго, не мѣстнаго; какъ такой представитель начала общегосударственнаго, судъ долженъ истекать изъ общаго источника государственныхъ отправленій, изъ верховной власти, которой и должно принадлежать право назначенія и утвержденія судей, судьями же могутъ быть только юристы, лица основательно изучившія то законодательство охранять которое они призваны. Съ другой стороны, какъ институтъ исключительно консервативный, каждое отправленіе коего совершается въ предѣлахъ закона, судъ долженъ быть независимъ и самостоятеленъ среди прочихъ государственныхъ установленій, и практически это достигается посадовительно проведенною системою несмѣняемости судей, обезпеченной правомъ судовъ представлять кандидатовъ на открывающіяся судебныя вакансіи. Консервативному характеру судебного установленія едва ли соответствуютъ періодическіе выборы на судебныя должности, выборы выражающіе въ сущности возможность перемѣны общественныхъ взглядовъ или на юстицію, или на отправленіе ея; вносящіе въ понятіе незыблемаго законнаго порядка, осуществляемое судомъ, элементъ вѣчно движущихся, вѣчно обновляющихся общественныхъ потребностей, интересовъ дѣла. Выборное начало у насъ обусловлено, кромѣ исторической привычки видѣть его въ судѣ—а наше законодательство любитъ традицію, — и малочисленностью класса правовѣдовъ. Число юристовъ у насъ такъ незначительно что организація судебно-мировой институтъ, законодатель не признавалъ возможнымъ сдѣлать для членовъ его теоретическо-юридическое образованіе общеобязательнымъ условіемъ, а устраняя это условіе, сѣдовало остановиться на томъ что мировые судьи должны быть главнымъ образомъ честными и добросовѣстными людьми. Допустивъ это условіе, государство оцѣнку честности и добросовѣстности нашло возможнымъ предоставить обществу, въ средѣ котораго честные и добросовѣстные люди въ ежедневныхъ сношеніяхъ могутъ проявить эти качества и привлечь ими къ себѣ общественное довѣріе. На этомъ основаніи у насъ допущено примѣненіе выборнаго начала при организаціи мировой юстиціи. Необходимое качество хорошаго суда, несмѣняемость, является при этомъ въ двухъ видахъ: несмѣняемость

коронныхъ судей и срочная несмѣняемость выборныхъ судей въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ. Последняго рода несмѣняемость, съ ограниченіями, введена и въ гражданскихъ судахъ Варшавскаго судебного округа, но этотъ принципъ остался непримѣненнымъ къ установленію мировыхъ судей въ городахъ привиславскаго края. Мировые судьи и председатели мировыхъ сѣздовъ опредѣляются министромъ юстиціи, по сношенію съ варшавскимъ генералъ-губернаторомъ, изъ лицъ удовлетворяющихъ условіямъ возраста и образовательнаго ценза, указаннымъ въ 1 и 2 пунктахъ 19 статьи учрежденія судебныхъ установленій; имущественный цензъ установленный въ Имперіи для нихъ не обязателенъ. По служебнымъ правамъ они сравниваются съ прочими членами магистратуры. Увольненіе и перемѣщеніе ихъ зависитъ отъ министра юстиціи по сношенію съ варшавскимъ генералъ-губернаторомъ. Въ этихъ чертахъ состоятъ существенныя отличія этого института отъ нашихъ мировыхъ судей. Допустивъ такія отличія, намъ кажется, не было однако препятствія строго держаться принципа неосмѣняемости, столь послѣдовательно проведеннаго въ нашихъ уставахъ. Мы не думаемъ чтобы недостатокъ лицъ получившихъ высшее юридическое образованіе былъ причиною устраненія этого принципа. Весь мировой институтъ, состоящій изъ мировыхъ судей и председателей сѣздовъ, въ Варшавскомъ судебномъ округѣ не превышаетъ 130 чело-вѣкъ: большинство кандидатовъ на судебныя должности, состоящихъ при Московской и Петербургской палатахъ, сотнями числящихся помощниками при присяжныхъ повѣренныхъ, съ большою охотой принимали бы на себя нетрудное, какъ мы увидимъ ниже, исправленіе должности мирового судьи и легко освоились бы съ новыми юридическими порядками. Не встрѣчалось бы никакихъ препятствій года черезъ два отправленія должности, при условіи возраста, утверждать ихъ несмѣняемыми судьями. Контингентъ на который мы указываемъ могъ бы послужить подспорьемъ при образованіи Варшавскаго мирового института. Но, повидимому, предпологаемый недостатокъ юристовъ не былъ основаніемъ при отрицательномъ разрѣшеніи вопроса о несмѣняемости: уставы даютъ доступъ не-юристовъ и въ нашу несмѣняемую магистратуру. Дѣятели по крестьянскому дѣлу въ Царствѣ Польскомъ, при разсмотрѣніи проекта судебной реформы, ука-

звали что должности по мировой юстиціи могли бы быть вполнѣ успѣшно замѣнены членами бывшихъ комиссій по крестьянскимъ дѣламъ, людьми близко знакомыми съ мѣстными обычаями и условіями и совершенно благонадежными. Мы полагаемъ что эти почтенные дѣятели, несомнѣнно полезные какъ сельскіе мировые судьи, по своему знакомству съ обычаями сельскаго населенія, едва ли съ такимъ же успѣхомъ могли бы быть городскими мировыми судьями, такъ какъ городской бытъ регулируется не обычаями, но кодексомъ Наполеона, а этотъ кодексъ неизвѣстенъ значительной части дѣателей по крестьянскому дѣлу, какъ не получившихъ юридическаго образованія, и потому не знакомыхъ съ римскимъ правомъ, облегчающимъ каждому юристу быстрое ознакомленіе съ этимъ законодательствомъ. Въ виду особенностей мѣстныхъ, вообще, ни что бы, кажется, не мѣшало удержать существовавшій въ Царствѣ Польскомъ порядокъ судебныхъ экзаменовъ, необходимыхъ при вступленіи на юридическую карьеру для всѣхъ лицъ судебного вѣдомства. Тѣмъ не менѣе, повторимъ, даже и изложенныя обстоятельства не могли бы препятствовать распространенію принципа несмѣняемости на Варшавскую мировую юстицію въ тѣхъ же предѣлахъ въ какихъ она допущена и для общихъ судовъ того округа, въ виду того обстоятельства что и въ средѣ русской магистратуры не мало достойныхъ судей не получившихъ юридическаго образованія. Намъ неизвѣстно какія были соображенія опредѣлившія узаконенный порядокъ назначенія мировыхъ судей, но, во всякомъ случаѣ, мы находимъ что устраненіе принципа несмѣняемости въ Варшавскомъ судебно-мировомъ институтѣ составляетъ болѣе крупное уклоненіе отъ судебныхъ уставовъ, нежели коллегиальный сельскій мировой судъ, нежели ограниченіе мировой подсудности. Конечно, можно ожидать что на практикѣ утвердится несмѣняемость, не признанная въ принципѣ, но это будетъ не въ силу закона, а по усмотрѣнію администраціи, а это различіе весьма важно для образованія характера и духа учреждений.

Апелляціонныя и кассаціонныя жалобы на рѣшенія гражданскихъ судовъ и мировыхъ судей вѣдаются мировыми съѣздами, которые такимъ образомъ составляютъ соединительное звено между сельскими и городскими мировыми судебными установленіями и объединяютъ ихъ въ одну общую систему. Устройство мировыхъ съѣздовъ сѣвдующее. Нѣсколько

уѣздовъ, съ находящимися въ нихъ городами, посадами и сельскими гминами, составляютъ мировой округъ, и такихъ предполагается на весь Варшавскій судебный округъ двадцать, то-есть по два на губернію. Мировой съѣздъ состоитъ изъ предсѣдателя и мировыхъ и гминныхъ судей каждаго мирового округа. Гминные судьи присутствуютъ въ съѣздѣ по очереди, въ числѣ опредѣляемомъ особыми расписаніями, составляемыми предсѣдателемъ съѣзда. Съѣзды собираются поочередно въ городахъ мирового округа. Время и мѣсто открытія срочныхъ съѣздовъ опредѣляются по соглашенію предсѣдателя мирового съѣзда съ губернаторомъ и прокуроромъ окружнаго суда. Мировой съѣздъ раздѣляется на отдѣленія, въ одномъ изъ которыхъ обязанъ предсѣдатель, временное же предсѣдательство въ другихъ отдѣленіяхъ возлагается на мировыхъ судей того города гдѣ собирается съѣздъ. Въ рѣшеніи каждаго дѣла на мировомъ съѣздѣ должны участвовать мировые и гминные судьи въ равномъ числѣ, съ соблюденіемъ притомъ послѣдними очереди, о которой мы упомянули выше. Въ такомъ видѣ организованъ судебно-мировой институтъ въ Варшавскомъ судебномъ округѣ по положенію 19го февраля 1875 года.

Переходимъ къ устройству общихъ судовъ (ст. 51—73 Пол. 19го февраля 1875 года).

Должности предсѣдателей, товарищей предсѣдателей, членовъ судебныхъ мѣстъ, судебныхъ слѣдователей, прокуроровъ и ихъ товарищей, секретарей и ихъ помощниковъ зачисляются не иначе какъ изъ числа лицъ имѣющихъ аттестаты университета или другихъ высшихъ учебныхъ заведеній объ окончаніи курса юридическихъ наукъ или о выдержаніи экзамена въ сихъ наукахъ, а также изъ лицъ проживавшихъ не менѣе трехъ лѣтъ въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ Имперіи. Отличіе, слѣдовательно, состоитъ въ томъ что устраняется изъ магистратуры категория лицъ не имѣющихъ юридическаго научнаго образованія, но доказавшихъ на службѣ свои познанія по судебной части, кромѣ тѣхъ которыя уже состояли въ имперской новой магистратурѣ. Безусловная несмѣняемость также допущена временно, въ ограниченіяхъ: сила ст. 243 Учрежд. Судебн. Установл. распространяется только на тѣхъ предсѣдателей, товарищей предсѣдателей и членовъ судебныхъ мѣстъ которые прослужили не менѣе *трехъ лѣтъ* въ означенныхъ должностяхъ.

или въ должностяхъ прокурора, товарища прокурора и судебного слѣдователя по новымъ судебнымъ учреждениямъ. Всѣ остальные отступленія, проектированныя комиссіею и постепенно отвергавшіяся различными комитетами, относительно особыхъ функцийъ власти предсѣдателей и прокуратуры, не вошли въ законъ.

Впредь до особаго распоряженія, не примѣняется постановленіе судебныхъ уставовъ о присяжныхъ засѣдателяхъ, и это важное изъятіе повлекло за собою перемѣну въ организаціи судебной палаты. Уголовныя дѣла, разрешаемыя окружнымъ судомъ безъ присяжныхъ, должны переходить въ палату, гдѣ, для отдѣленія власти обвинительной отъ судебной, потребовалось устройство спеціальнаго обвинительнаго департамента. Институтъ судебныхъ приставовъ въ Варшавскомъ судебномъ округѣ получилъ болѣе сложную организацію, съ несомнѣнною пользою для дѣла. Обязанности нашихъ судебныхъ приставовъ возложены тамъ на судебныхъ приставовъ, занятія которыхъ состоятъ въ исполненіи рѣшеній, и на судебныхъ разсылныхъ, на которыхъ возлагается сообщеніе тяжущимся повѣстокъ и бумагъ, а также исполненіе другихъ поручаемыхъ имъ предсѣдателями дѣлъ ствій, не относящихся къ исполненію судебныхъ рѣшеній. Наконецъ, со значительными отступленіями отъ уставовъ устроена адвокатура въ Варшавскомъ судебномъ округѣ. Различные проекты реформы давали судебной администраціи право приѣма и исключенія членовъ адвокатской корпораціи, предоставляли администраціи право назначать предсѣдателя и товарища предсѣдателя совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, но признавали совершенно возможнымъ сохранять за администратурою ея корпоративное устройство, какъ оно давно было въ Польшѣ, какъ оно учреждено по судебнымъ уставамъ Имперіи. Польза корпоративнаго устройства адвокатуры была такъ серіозно доказана составителями судебныхъ уставовъ Имперіи и такими общими, приложимыми для всѣхъ частей Имперіи, аргументами, что лица разсматривавшія проектъ реформы, ослабляя выборное управленіе корпораціи, не считали возможнымъ коснуться самой корпораціи. Положеніе 19го февраля 1875 года сдѣлало и въ Варшавѣ то же положеніе: оно безусловно опредѣляло, что совѣты присяжныхъ повѣренныхъ не образуются, права и обязанности сихъ совѣтовъ, согласно 378 ст. 1

Суд. Уст., присвоиваются окружнымъ судамъ. Это уже основное правило, а не временное распоряженіе, подобное тому которымъ приостановлено образованіе совѣтовъ въ новыхъ округахъ Имперіи. Очевидно что объ эти мѣры стоятъ въ связи, но намъ неизвѣстно чѣмъ мотивируется ихъ возникновеніе, потому что кромѣ вреда адвокатурѣ отъ нихъ не произойдетъ ничего, а трудно предположить чтобъ имѣлось какое-нибудь основаніе препятствовать развитію и усовершенствованію корпораціи установленной закономъ и организація которой подверглась всестороннему обсужденію при составленіи судебныхъ уставовъ и въ редакціонной комиссіи и въ Государственномъ Совѣтѣ. Когда писались судебные уставы 20го ноября 1864 года, составители ихъ сознавали необходимость дать обществу классъ юристовъ-повѣренныхъ, которыхъ знаніе и добросовѣстность были бы гарантированы строгимъ пріемомъ и неослабнымъ надзоромъ; имѣлось затѣмъ въ виду что порядочность и добросовѣстность не исчерпываются опредѣленіями закона, но что эти понятія развиваются и дополняютъ законъ путемъ обычая, образующагося въ сословіи, въ корпораціи, внѣ стѣнъ присутственныхъ мѣстъ. Достигнуть этихъ цѣлей и редакціонная комиссія и Государственный Совѣтъ полагали организаціей адвокатскаго сословія въ корпораціи. Корпораціи извѣстны не только знанія, удостоверяемая въ дипломѣ, но и практика этихъ знаній, она можетъ оцѣнить и неофіціальныя качества желающаго вступить въ сословіе, его личныя достоинства; она можетъ и по принятіи слѣдить за нимъ; въ средѣ ея образуются обычаи, примѣняемые ея совѣтомъ. Дѣятельность учрежденныхъ совѣтовъ также услѣла выясниться, и главною чертой ея служить нелицепріятная строгость къ проступкамъ товарищей, строгость обыкновенно *смягчаемая* судебною палатой, такъ какъ обычаи, управляющіе, главнымъ образомъ, совѣтомъ корпораціи, вообще строже и деспотичнѣе вежели общій законъ, руководящій судебною палатой; стало-быть, не было никакихъ основаній упрекать совѣты въ послабленіи при пріемѣ или въ дисциплинарномъ производствѣ. Едва ли нужно говорить что, разбирая и разрѣшая массу дѣлъ распорядительныхъ и дисциплинарныхъ, совѣты тѣмъ самымъ освобождали окружной судъ отъ производства этихъ дѣлъ, по 378 ст. Учр. Суд. Уст. Когда появилось распоряженіе о пріостановкѣ образованія новыхъ совѣтовъ,

одна изъ видныхъ представителей московской магистратуры замѣтилъ что всѣ безусловныя присяжные повѣренныя должны желать распространенія этой мѣры и на тѣ округа гдѣ совѣты услѣли возникнуть, такъ какъ суды до такой степени обременены судебными дѣлами что заиматься надзоромъ за адвокатурой у нихъ рѣшительно не остается времени. Еслибы даже такое время и нашлось, мы не можемъ признать надзоръ суда достигающимъ цѣли, если онъ не видоизмѣнитъ функцій суда. Судъ дѣйствуетъ по закону, и его обязанность строгое соблюденіе закона; въ такомъ случаѣ судъ долженъ буквально слѣдовать тому праву которое выражается пословицей: не пойманый—не воръ, но эту пословицу недостаточно исчерпываются тѣ качества порядочности которыя законъ требуетъ отъ присяжнаго повѣреннаго. Судъ неминуемо долженъ ограничиться одною формальною оцѣнкой, иначе, оцѣняя личныя качества кандидата, онъ владетъ въ произволъ, чуждый суду какъ суду. Въ корпорациі самъ собою устанавливается общій надзоръ всѣхъ за каждымъ, опредѣляемый частыми встрѣчами, общими дѣлами: ничего такого быть въ судѣ не можетъ. Въ корпорациі, рядомъ съ закономъ, развиваются обычаи, получающіе общеобязательную для корпорациі силу, практикуемые совѣтомъ: развитіе подобныхъ обычаевъ не только не мыслимо для суда, но, какъ мѣрило, было бы и незаконно, иначе суду придали бы власть законодательную. Но такъ какъ корпорациа учреждена для пользы общества, такъ какъ въ ней мыслимо развитіе лишь тѣхъ обычаевъ которые увеличиваютъ ея пользу, обусловленную ея полезностью и необходимостью для общества, то повятно что прекращеніе корпоративнаго устройства прямо противорѣчитъ интересамъ общества и обременяетъ судебныя учрежденія дѣлами посторонними, которыя съ бѣльшимъ удобствомъ могли бы разрѣшаться совѣтомъ корпорациі. Едва ли слѣдуетъ распространяться о политическихъ недоразумѣніяхъ: замѣчая видную политическую роль которую играютъ вербальныя члены адвокатскаго сословія въ западной Европѣ, многіе думаютъ что адвокатура вообще располагаетъ къ политической агитаціи, а потому можетъ быть, при извѣстныхъ условіяхъ, учрежденіемъ неулобнымъ, особенно когда лица принадлежащія къ этому сословію соединяются въ корпорациі. Не трудно разъяснить ошибочность и неясность тако

мнѣнія. Прежде всего слѣдуетъ различить здѣсь отдѣльныя личности адвокатскаго сословія, дѣйствующія на политическомъ поприщѣ, отъ адвокатской корпораціи. Видная роль выпадающая нѣкоторымъ адвокатамъ на Западѣ обуславливается прежде всего тѣмъ что тамъ не мыслима, какъ и въ античныхъ государствахъ, публичная государственная дѣятельность безъ основательнаго изученія законовъ; кромѣ знакомства съ правомъ, условія тамошней государственной жизни, чуждой канцеляризма, требуютъ способности къ словесной защитѣ своихъ мнѣній. Оба эти условія, въ связи съ знакомствомъ съ практическими интересами общества, находятъ въ адвокатурѣ чаще, нежели въ другомъ сословіи, и потому нѣтъ ничего удивительнаго что адвокатура нерѣдко даетъ тамъ видныхъ общественныхъ дѣятелей; но даетъ ихъ именно потому что законъ государственный дозволяетъ это; адвокатское сословіе, состоящее изъ юристовъ, слишкомъ уважаетъ право чтобы дѣйствовать внѣ легальныхъ путей. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ вызываютъ призракъ первой французской революціи, но фанатиковъ движенія дало и духовенство и войско: слѣдуетъ ли и эти общественные элементы признавать политически-вредными? Если же мы обратимся собственно къ корпораціи, то она, какъ самостоятельное цѣлое, нигдѣ не носитъ никакого политическаго характера, свято храня свои традиціи чисто судебного института и всегда пользуясь полнымъ общественнымъ уваженіемъ. Тотъ же строго легальный характеръ отличаетъ и наше адвокатское сословіе и избранные имъ совѣты, уцѣлѣвшіе до настоящаго времени. Это полезное и необходимое для государства и общества установленіе почему-то признано совершенно непримѣнимымъ въ Варшавскомъ судебномъ округѣ, гдѣ адвокаты давно уже состояли въ вѣдѣніи разныхъ судовъ, а надзоръ судовъ, едва ли многимъ отличавшійся отъ учреждаемаго, былъ такъ недостаточенъ что не могло вліять на общественное мнѣніе о многочисленной судебной адвокатурѣ.

Существованіе ипотечки въ гражданскомъ правѣ Царства Польскаго повело къ учрежденію при судѣ ипотечныхъ учреждений, соответствующихъ функціямъ нашихъ старшихъ нотаріусовъ. Ипотечки, по дѣйствующимъ законамъ, раздѣляются на губерскія и окружныя. Первыя сосредоточены при гражданскихъ трибуналахъ, вторыя при мировыхъ судахъ. Раз-

граниченія между тѣми и другими по стоимости имущества не существуетъ: законъ предоставляетъ каждому желающему обращаться къ той или другой ипотекѣ по усмотрѣнію. Преимущество губернскихъ ипотекъ заключается въ томъ что земское кредитное общество производитъ ссуды только подъ залогъ имѣній состоящихъ въ ихъ вѣдѣніи. На практикѣ обыкновенно крупныя землевладѣльцы обращаются къ трибуналамъ, мелкіе поземельные собственники — къ мировымъ судамъ. При каждомъ гражданскомъ трибуналѣ для ипотечныхъ дѣлъ учреждены: ипотечное отдѣленіе, земская канцелярія и ипотечный архивъ. Ипотечное отдѣленіе состоитъ изъ предсѣдателя и судьи (или двухъ судей), гражданского трибунала и изъ писаря (секретаря), имѣющаго равный голосъ съ членами. Канцелярію составляетъ тотъ же писарь и опредѣленное число нотаріусовъ. Архивомъ завѣдуетъ писарь, подъ наблюденіемъ предсѣдающаго въ отдѣленіи. Ипотечныя отдѣленія при мировыхъ судахъ (окружныя ипотeki) состоятъ изъ подсудка, писаря и подписаря того же суда. Лица эти пользуются равнымъ голосомъ въ засѣданіи отдѣленія. При отсутствіи одного изъ нихъ, въ случаѣ безотлагательности дѣла, приглашается къ участию въ засѣданіи мѣстный регентъ (нотаріусъ), а когда разсмотрѣнію подлежитъ актъ принятыи этимъ послѣднимъ, то одинъ изъ защитниковъ при мѣстномъ мировомъ судѣ. Порядокъ укрѣпленія правъ на недвижимыя имущества имѣетъ столь важное значеніе въ общественной жизни что почти повсемѣстно corroborативныя дѣла ввѣрены коллегіальнымъ учрежденіямъ, и многимъ нашимъ юридическимъ авторитетамъ основательно казался неестественнымъ и временнымъ переходъ отъ коллегіальныхъ гражданскихъ палатъ къ единоличному старшему нотаріусу. Другіе въ этомъ отношеніи идутъ еще далѣе. Они говорятъ что такія corroborативныя дѣла вообще имѣютъ слишкомъ мало связи съ собственно судебными дѣлами; что правильнѣе было бы, оставивъ за судомъ лишь разрѣшеніе споровъ о правѣ гражданскомъ, всѣ остальные дѣла, corroborативныя, какъ напримѣръ вводъ во владѣніе, утвержденіе въ правахъ наследствѣ и т. п., передать въ особое учрежденіе. Всѣ согласны въ томъ что нынѣшнее учрежденіе старшаго нотаріуса имѣетъ въ менное и переходное значеніе, въ ожиданіи новаго закона объ ипотекѣ, проектъ котораго изготовленъ уже

сколько лѣтъ тому назадъ. При обсужденіи проекта реформы было высказано въ Петербургѣ предположеніе оставить ипотечныя учрежденія въ Царствѣ въ томъ видѣ въ какомъ они существуютъ, впредь до утвержденія русскихъ ипотечныхъ уставовъ, которые потомъ и распространить на Царство, но это мнѣніе министра юстиціи не нашло себѣ поддержки, и въ положеніи 19го февраля 1875 года существующая ипотечная организація приспособлена къ судебнымъ уставамъ слѣдующимъ образомъ: для ипотечнаго производства по губернскимъ ипотечкамъ, при окружныхъ судахъ состоятъ ипотечныя отдѣленія съ особою канцеляріей и архивомъ. Присутствіе ипотечнаго отдѣленія образуется изъ членовъ окружнаго суда и завѣдующаго ипотечнымъ архивомъ секретаря. Для уѣздныхъ (бывшихъ окружныхъ) ипотекъ при мировыхъ судьяхъ состоятъ ипотечныя отдѣленія, по одному на каждый уѣздъ, съ особою канцеляріей и архивомъ. Присутствіе уѣзднаго ипотечнаго отдѣленія образуется изъ мирового судьи, секретаря, нотариуса или присяжнаго повѣреннаго, или же состоящаго при мировомъ судѣ кандидата на должности по судебному вѣдомству. Здѣсь мы обратимъ вниманіе читателей на два обстоятельства: 1) присяжные повѣренные призываются къ дѣйствіямъ въ качествѣ члена судебного учрежденія, а такое явленіе, нерѣдкое во французской организаціи, у насъ впервые появляется въ законѣ; 2) въ составъ коллегіи третьимъ членомъ можетъ быть приглашенъ кандидатъ на судебныя должности, то-есть лицо для котораго необязателенъ возрастъ требующійся закономъ отъ судьи, секретаря, нотариуса и присяжнаго повѣреннаго, лицо притомъ подчиненное мировому судѣ, зависимое отъ него во многихъ отношеніяхъ, а потому едва ли удобное какъ членъ коллегіи. Польскіе уставы не призывали аппликантовъ къ такимъ обязанностямъ и на практикѣ обходились безъ нихъ легко, такъ какъ всегда находилось достаточное количество и нотариусовъ и защитниковъ, а потому едва ли это дополненіе вызывалось мѣстными обстоятельствами.

Въ Варшавскомъ судебномъ округѣ положено открыть слѣдующія судебныя установленія:

1) Варшавская судебная палата съ тремя департаментами, въ составѣ одного старшаго предсѣдателя, двухъ предсѣдате-

лей департаментовъ и 12 членовъ, одна на 2220,4 кв. м., съ населеніемъ въ 6.225.525 душъ.

2) Десять окружныхъ судовъ: Варшавскій (семь отдѣленій, 1 председатель, 6 товарищей председателя, 14 членовъ), Калишскій (3 отдѣленія), Кѣлецкій (3 отд.), Ломжинскій (3 отд.), Люблинскій (3 отд.), Плоцкій (3 отд.), Радомскій (3 отд.), Сувалкскій (3 отд.), Петроковскій (3 отд.), Сѣдлецкій (2 отд.). Среднимъ числомъ одинъ окружной судъ полагается на 622.552 жителей и на 222 кв. м. Эти цифры въ отдѣльности колеблются такъ: 925.139—471.938 душъ и 294 —170 кв. миль.

3) Сто мировыхъ судей: въ Варшавѣ—11, въ Люблинѣ, Сувалкахъ, Плоцкѣ и Лодзи—4, въ остальныхъ уѣздахъ—85. Добавочныхъ мировыхъ судей—10. Мировыхъ сѣздовъ—20. Содержаніе мировымъ судьямъ производится изъ государственнаго казначейства. Участковые и добавочные мировые судьи получаютъ по штату 2.500 руб. въ годъ. На немъ писмоводителей, сторожей, канцелярскіе и другіе расходы, сверхъ того, полагается отпускать отъ 750 до 500 руб. Сѣзды и мировые судьи получаютъ помѣщеніе по отводу въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ эти установленія будутъ учреждены. Председатели мировыхъ сѣздовъ получаютъ по штату содержанія 2.500 руб., на разъѣзды по 500 руб., на секретарей—600 р. Содержаніе Варшавскаго городского мирового сѣзда, а равно содержаніе учреждаемыхъ для города Варшавы одинадцати, а для городовъ Люблина, Сувалокъ, Плоцка и Лодзи четырехъ мировыхъ судей съ ихъ канцеляріями относится на счетъ означенныхъ городовъ. Исключивъ эту сумму (44.900 р.) изъ бюджета, получимъ что ежегодный общій расходъ государственнаго казначейства на Варшавскій судебный округъ выразится въ цифрѣ 1.420.050 руб., то-есть болѣе нынѣшняго почти на полмилліона. Въ общемъ количествѣ народонаселенія Варшавскаго судебного округа, сельскихъ сословій считается 4.494.864 человекъ; военныхъ сословій 110.098. Исключивъ эти числа изъ народонаселенія Царства, получимъ что въ каждомъ мировомъ участкѣ города Варшавы будетъ около 26.243 душъ, въ городахъ Лодзи, Люблинѣ, Плоцкѣ и Сувалкахъ отъ 39.078 до 19.189 д.; и каждому изъ остальныхъ 85 судей подсудно среднимъ числомъ 20.823 души; гминнымъ же судамъ, число которыхъ опредѣлить въ настоящее время невозможно, подсудно всѣмъ вмѣстѣ около 4½ милліоновъ.

13го іюня 1875 года получили Высочайшее утвержденіе

правила о порядкѣ введенія въ дѣйствіе законоположеній объ устройствѣ судебной части въ Варшавскомъ судебномъ округѣ. Изъ этого акта мы узнаемъ что положено ввести новое судоустройство и судопроизводство въ дѣйствіе съ 1го іюля 1876 года. Съ открытіемъ новыхъ судебныхъ установленій упраздняются всѣ прежнія судебныя власти, начиная съ IX и X департаментовъ Сената, за исключеніемъ коммерческаго трибунала въ Варшавѣ, который переименовывается только въ коммерческій судъ. Защитники, адвокаты и патроны, состоящіе при упраздняемыхъ судахъ, переименовываются въ присяжные повѣренныя. Первоначальное назначеніе присяжныхъ повѣренныхъ зависитъ отъ министра юстиціи. Выборъ лицъ для первоначальнаго назначенія въ должности предсѣдателей и членовъ судебной палаты, предсѣдателей, товарищей предсѣдателей и членовъ окружныхъ судовъ и судебныхъ слѣдователей предоставляется министру юстиціи, и назначеніе это можетъ, по усмотрѣнію министра юстиціи, послѣдовать и ранѣе 1го іюля 1876 года. Содержаніе эти чины получаютъ со дня назначенія. Составленіе предположеній объ образованіи въ каждомъ уѣздѣ гминныхъ судебныхъ округовъ возлагается на особое уѣздное присутствіе, состоящее изъ предсѣдателя — уѣзднаго начальника, изъ мѣстнаго комиссара по крестьянскимъ дѣламъ и одного изъ должностныхъ лицъ высшаго судебного вѣдомства, по назначенію варшавскаго генералъ-губернатора. Въ этихъ совѣщаніяхъ можетъ принять участіе и предсѣдатель мѣстнаго мирового съѣзда. Проектъ представляется въ губерское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, въ составъ котораго въ этомъ случаѣ приглашаются: одно изъ должностныхъ лицъ высшаго судебного вѣдомства, по назначенію генералъ-губернатора, предсѣдатели мѣстныхъ мировыхъ съѣздовъ, а также прокуроръ окружнаго суда, если онъ будетъ къ тому времени назначенъ. Губерское присутствіе, кромѣ этихъ предположеній, обсуждаетъ свой проектъ о раздѣленіи губерніи на два мировые округа и свое заключеніе представляетъ варшавскому генералъ-губернатору. Въ такомъ же составѣ, съ участіемъ начальниковъ полиціи, составляются предположенія о раздѣленіи на мировые участки городовъ Варшавы, Лодзи, Люблина, Плоцка и Сувалокъ. Черезъ варшавскаго генералъ-губернатора эти предположенія поступаютъ на окончательное разсмотрѣніе министра внутрен-

нихъ дѣлъ и министра юстиціи, а послѣдній предлагаетъ ихъ первому департаменту Сената для разсмотрѣнія и утвержденія, утверждая своею властью предположенія о назначеніи мѣстъ постоянного пребыванія мировымъ судьямъ. Первоначальное избраніе и утвержденіе гминныхъ судей и лавниковъ производится съ соблюденіемъ такихъ правилъ. Списки лицъ имѣющихъ право быть избранными въ судьи и лавники составляются уѣзднымъ присутствіемъ и представляются въ губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и въ гмины. Губернское присутствіе разсматриваетъ жалобы на неправильность списковъ и кромѣ того имѣетъ право *безапелляціонно* исключать изъ списка тѣхъ лицъ къ избранію которыхъ представятя *особыя препятствія*. Проверенные и исправленные списки мѣстный губернаторъ препровождаетъ къ уѣзднымъ начальникамъ, по принадлежности, для производства выборовъ. Въ должности мировыхъ судей и предсѣдателей сѣздовъ могутъ быть назначаемы лица занимавшія должности предсѣдателей и товарищей предсѣдателей комиссій по крестьянскимъ дѣламъ, комиссаровъ по этимъ же дѣламъ и непремѣнныхъ членовъ губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, хотя бы поименованныя лица и не удовлетворяли условіямъ постановленнымъ въ 33 ст. Положенія 1875 года, то-есть 1 и 2 п. 19 ст. Учр. Судебн. Установленій. Архивы и канцеляріи губернскихъ и окружныхъ плотекъ переходятъ, по принадлежности, въ вѣдѣніе окружныхъ судовъ и мировыхъ судей. Ипотечные округа прежнихъ гражданскихъ трибуналовъ и мировыхъ судовъ распредѣляются между окружными судами и мировыми судьями по принадлежности. Депозиты упраздняемыхъ судебныхъ мѣстъ переходятъ въ вѣдѣніе новыхъ судебныхъ установленій. Для храненія дѣлъ старыхъ судебныхъ мѣстъ образуются въ каждой губерніи особыя архивы. Въ архивъ находящемся въ городѣ Варшавѣ хранятся всѣ дѣла упраздненныхъ судовъ полиціи исполнительной.

VIII.

Переходимъ къ отступленіямъ отъ русскаго уголовного процесса.

Уголовная компетенція мировыхъ судей въ Царствѣ значительно сокращена, сравнительно съ имперскою. Изъ вѣдѣнія мировыхъ судей и гминныхъ судовъ изъяты дѣла когда:

наказаніе за проступокъ соединено съ высылкой виновнаго изъ мѣста жительства, съ запрещеніемъ производить торговлю, или съ закрытіемъ торговаго или промышленнаго заведенія; когда искъ о вознагражденіи превышаетъ 250 р. (по 34 ст. Уст. Угол. Суд. 1864 года—500 руб.) и когда проступки совершены чинами войскъ расположенныхъ въ губерніяхъ Варшавскаго судебного округа, а также должностными лицами мѣстнаго гражданскаго управленія и полиціи. Сверхъ того вѣдомству ихъ не подлежатъ слѣдующіе проступки: 1) оскорбленіе полицейскихъ и другихъ стражей, служителей судебныхъ или правительственныхъ мѣстъ, а равно полевыхъ и мѣстныхъ стражей, во время отправленія ими должности, если обида нанесена дѣйствіемъ (ст. 31. п. 2, Уст. Нак.); 2) ссора, драки, кулачный бой или другаго рода буйство въ публичныхъ мѣстахъ и вообще нарушеніе общественной тишины, если въ этихъ нарушеніяхъ участвовала цѣлая толпа людей и если безпорядки должны были прекратиться силой, хотя безъ употребленія оружія (ст. 38 ib.); 3) устройство безъ надлежащаго дозволенія публичной лотереи, а равно недозволенная закономъ раздача билетовъ иностранной лотереи или промессовъ (ст. 47 ib.); 4) самовольное оставленіе мѣста назначеннаго для жительства по распоряженію надлежащей судебной или правительственной власти и самовольное возвращеніе въ мѣста изъ коихъ виновные высланы (ст. 63); 5) врачеваніе изъ корыстныхъ видовъ лицами неимѣющими права заниматься врачбною практикой, въ случаѣ послѣдовавшаго отъ того вреда (ст. 103); 6) нанесеніе обидъ дѣйствіемъ съ обдуманнѣмъ заранѣ намѣреніемъ, или же въ публичномъ мѣстѣ или многолюдномъ собраніи, а равно лицу хотя не состоящему съ обидчикомъ въ родствѣ по восходящей линіи, но имѣющему по особымъ къ нему отношеніямъ право и на особое уваженіе (ст. 135); 7) клевета на словахъ или на письмѣ, если клеветою оскорблена честь лица хотя и не состоящаго съ виновнымъ въ родствѣ по восходящей линіи, но которое по особымъ къ виновному отношеніямъ имѣетъ право и на особое уваженіе (ст. 136); 8) самоуправство и употребленіе насилія (ст. 142); 9) кража заготовленнаго лѣса, укрывательство и покулка его, кража, мошенничество и присвоеніе или растрата движимаго имущества ввѣреннаго для сохраненія, переноски или перевозка (ст. 154—156, 158, 169—177 ib.), если цѣна похищеннаго

или присвоеннаго превышаетъ тридцать рублей. Приговоры мировыхъ судей и гминныхъ судовъ считаются окончательными когда ими опредѣляются: внушеніе, замѣчаніе, выговоръ, арестъ не свыше трехъ дней, денежное взысканіе не свыше 15 р. и когда вознагражденіе за вредъ и убытки не превышаетъ тридцати рублей. Изъ особенностей гминнаго судопроизводства отмѣтимъ одну: свидѣтели римско-католическаго вѣроисповѣданія, по дѣламъ производящимся въ гминномъ судѣ, приводятся къ присягѣ предсѣдателемъ сего суда или, по его порученію, однимъ изъ членовъ суда. Когда въ составѣ суда нѣтъ ни одного члена принадлежащаго къ римско-католическому вѣроисповѣданію, то свидѣтель допрашивается безъ присяги, съ напоминаніемъ объ обязанности показать по чистой совѣсти все ему извѣстное и съ отобраніемъ отъ него подписки что онъ готовъ подтвердить присягою все показанное, если того потребуетъ кака-либо сторона. Это правило вызвано опасеніемъ увеличить авторитетъ латинскаго духовенства въ средѣ суевѣрнаго сельскаго населенія. Постоянное присутствіе ксендза въ судѣ, привычка къ присягѣ и въ обыденной жизни и важное значеніе присяги въ отмѣняемой процедурѣ, дѣйствительно, могли бы усилить значеніе духовенства, которое зарекомендовало себя недружелюбимъ къ русской власти. Во избѣжаніе этого и приняты сказанныя мѣры. Далѣе мы замѣтимъ что въ случаѣ коллизіи подсудностей мировому судѣ или гминному суду, дѣло подсудно мировому судѣ.

Изъ этого очерка видно что компетенція варшавскихъ мировыхъ судебныхъ установленій значительно тѣснѣе, нежели у мировыхъ судей Имперіи. Огромная масса дѣлъ о кражахъ, мошенничествѣ, растратѣ на сумму свыше 30 р. подсудна уже не мировымъ установленіямъ, но окружнымъ судамъ. Какъ велико число этихъ дѣлъ, видно уже изъ того что по уголовной статистикѣ, по такимъ преступленіямъ въ 1873 году судились у имперскихъ мировыхъ судей 30.095 подсудимыхъ обоюга пола. Еслибъ эти дѣла были подсудны окружнымъ судамъ Имперіи (42), то число подсудимыхъ въ каждомъ судѣ возвысилось бы среднимъ числомъ на 716 человекъ. Для Царства эта цифра мала и число дѣлъ въ окружныхъ судахъ Варшавскаго судебного округа должно быть болѣе, потому что въ Царствѣ силенъ еврейскій элементъ, обнаруживающій особое попятное отношеніе къ преступленіямъ

противъ уставовъ казенныхъ управленій и противъ нравственности: по тѣмъ же статистическимъ даннымъ въ числѣ преступниковъ противъ уставовъ казеннаго управленія, при общей незначительности еврейскаго населенія въ Россіи, Евреи составляютъ 13,17%; противъ нравственности—9,00%. Этотъ процентъ, безъ сомнѣнія, возрастетъ въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ процентное отношеніе еврейства къ славянству менѣе благоприятно, нежели въ Россіи. Такимъ образомъ, хотя территоріи окружныхъ судовъ Варшавскаго округа и мельчорусскихъ и населены менѣе, все-таки число дѣлъ будетъ если не больше, то во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ у насъ. По отчету правительственной комиссіи юстиціи за 1866 годъ, мировые судьи въ Царствѣ Польскомъ производили сѣдствія по 24.341 дѣлу; всѣ эти дѣла распредѣлятся между окружными судами и, если эту цифру признать среднею, то на каждый окружный судъ придется по 2.434 дѣла, тогда какъ въ 1873 году на каждый имперскій окружный судъ приходилось 1.298 дѣла; кромѣ того мировые суды (отчетъ 1866 года) постановили опредѣленія по 150.136 дѣламъ; напомнимъ читателямъ что въ 1866 году мировымъ судамъ подвѣдомственно было одно городское народонаселеніе. Трудно, при этомъ, разчитывать чтобы значительное количество дѣлъ прекращалось до суда, такъ какъ усиленіе уголовной репрессіи играло немаловажную роль при реформѣ судебныхъ установленій въ Царствѣ. Насколько облегчена и упрощена дѣятельность варшавскихъ мировыхъ учреждений, настолько же непосильно обременены будутъ новые окружные суды. Чрезмѣрное накопленіе дѣлъ прежде всего отзовется на количествѣ содержимыхъ подъ стражей. У насъ въ Россіи большинство дѣлъ (45%) производится въ судахъ около шести мѣсяцевъ, не считая, конечно, въ этомъ числѣ времени предварительнаго сѣдствія. Съ увеличеніемъ числа дѣлъ почти вдвое, эта средняя продолжительность соответственно увеличивается, а число шестимѣсячныхъ производствъ сокращается. Если изъ 1.298 дѣлъ оставалось въ Имперіи къ концу года неразрѣшенными 22%, то спрашивается, сколько же останется неразрѣшенныхъ дѣлъ въ Царствѣ, если на каждый судъ придется по 2.434 дѣла въ годъ? Между тѣмъ всѣмъ извѣстна щелетильная добросовѣстность нашихъ окружныхъ судовъ. Но мы говоримъ только объ окружныхъ судахъ: во всѣхъ судебныхъ палатахъ Имперіи въ 1873 году

было 423 дѣла; остальные дѣла окончательно рѣшались въ окружныхъ судахъ, благодаря институту присяжныхъ засѣдателей; иное въ Варшавскомъ судебномъ округѣ: „Дѣла о всѣхъ преступленіяхъ и проступкахъ подсудныхъ окружнымъ судамъ, вѣдаются сими судами безъ участія присяжныхъ засѣдателей“. Признано невозможнымъ примѣнить этотъ институтъ къ судебному устройству Варшавскаго округа, а вслѣдствіе этого всѣ уголовныя дѣла могутъ быть перенесены по апелляціи и протесту изъ окружныхъ судовъ въ Варшавскую судебную палату.

Вопросъ о присяжныхъ засѣдателяхъ въ Царствѣ Польскомъ имѣетъ свою исторію и самъ по себѣ такъ важенъ что необходимо съ нѣкоторою подробностью остановиться на тѣхъ аргументахъ которые приводились за и противъ суда присяжныхъ въ теченіе десятилѣтнихъ работъ по судебной реформѣ. За введеніе суда присяжныхъ высказывалось меньшинство юридической комиссіи и меньшинство Учредительнаго Комитета. Соображенія выставленныя совѣщательнымъ комитетомъ противъ суда присяжныхъ, такого свойства что можно было бы ожидать совершенно обратнаго заключенія; затѣмъ всѣ остальные дѣятели судебной реформы были противъ безотлагательнаго введенія этого института. Такое рѣшающее единодушіе заставляетъ насъ серьезно отнестись къ мотивамъ опредѣляющимъ это рѣшеніе. Обновимъ въ памяти читателей что юридическая комиссія и Учредительный Комитетъ, строго придерживаясь инструкціи 1865 года, имѣли въ виду составить проектъ особаго устава уголовного судопроизводства, хотя и построеннаго на началахъ одинаковыхъ съ законодательствомъ Имперіи и что вопросъ о примѣненіи судебныхъ уставовъ къ провинціальному краю возникъ въ совѣщательномъ комитетѣ и затѣмъ уже положенъ въ основу дѣла.

Въ 1866 году, при обсужденіи первоначальнаго проекта, юридическая комиссія большинствомъ голосовъ находила безотлагательное, одновременное съ общою судебною реформой, введеніе присяжныхъ засѣдателей въ Царствѣ неудобнымъ. Заключеніе мотивировалось слѣдующимъ образомъ: въ принципѣ это учрежденіе полезно, но это учрежденіе ново и въ самой Имперіи. Слѣдуетъ дожидаться результатовъ присяжной практики, убѣдиться что народъ можетъ безпристрастно относиться къ тяжкимъ обвиненіямъ, по которымъ присяж-

мы призываются дать свое рѣшеніе, что уголовная репрессія не ослабѣетъ, что общество выразитъ готовность нести жертвы которыя сопряжены съ отправленіемъ обязанностей присяжныхъ засѣдателей, и тогда уже думать о введеніи этого института въ Царствѣ, гдѣ, можно надѣяться, политическія страсти улягутся. По мнѣнію большинства, имперіа имѣетъ важное значеніе для Царства, потому что обѣ страны находятся на одинаковой почти ступени общественнаго развитія. Далѣе, большинство выражало опасеніе что введеніе этого института можетъ оказаться напраснымъ бременемъ для массы населенія, которое, подъ тяжестью такого бремени, могло бы стать въ равнодушныя, непріязненныя отношенія къ такому учрежденію, а при такихъ условіяхъ институтъ утратитъ свое значеніе. Благопріятными условіями введеніе суда присяжныхъ будетъ обставлено тогда когда военное положеніе будетъ снято, когда довѣріе правительства къ мѣстному населенію будетъ восстановлено окончательно, когда окончится крестьянская и административная реформа, когда подымется народное образованіе, когда, наконецъ, будетъ обнародовано уголовное уложеніе (1866). Препятствіемъ ко введенію суда присяжныхъ слѣдуетъ также признать трудность пріисканія общихъ, единообразныхъ нормъ для установленія поземельнаго и капитальнаго ценза. Къ этимъ общимъ соображеніямъ нѣкоторые изъ членовъ большинства указали что существуютъ мѣстныя препятствія ко введенію суда присяжныхъ. Судъ присяжныхъ, по ихъ мнѣнію, требуетъ чтобъ общество также искренно относилось къ поддержанію законнаго порядка, какъ и правительство, но такого согласія въ Царствѣ Польскомъ еще нѣтъ; напротивъ, шляхта и римско-католическое духовенство выразили свое явное нерасположеніе къ правительственнымъ мѣропріятіямъ. Далѣе, эти члены наши что въ Царствѣ существуетъ сильная сословная вражда, доказанная тѣмъ что помѣщики старались обойти законъ о крестьянахъ 1846 года. Между гражданами существуетъ племенная и религіозная вражда: христіане ненавидятъ Евреевъ; Евреи, составляя дружную массу и весьма многочисленный классъ народонаселенія, даютъ христіанамъ отпоръ: весьма опасно вести эту народную вражду и пристрастіе въ судъ присяжныхъ. Наконецъ, указывалось на то обстоятельство что въ Царствѣ замѣчается общая шаткость

нравственныхъ убѣжденій, воспитавшаяся подъ вліяніемъ смуть.

Большинство Учредительнаго Комитета находило что установленіе присяжныхъ засѣдателей въ принципѣ имѣетъ несомнѣнные достоинства и весьма полезно для отправленія правосудія, на что безотлагательное введеніе его въ Царствѣ было бы нынѣ крайне опаснымъ по политическому и общественному положенію края. Установленіе это имѣетъ де вообще политическое значеніе. Допущеніе народнаго и мѣстнаго элемента въ судѣ по тяжкимъ преступленіямъ могло бы снова возбудить политическія страсти, которыя еще далеко не успокоились, и повести въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ произнесенію неправильныхъ приговоровъ. Сильный антагонизмъ между различными народностями населяющими Царство также составляетъ непреодолимое препятствіе ко введенію въ немъ въ настоящее время присяжныхъ. Интересы русскаго населенія должны положительно пострадать отъ того что обыкновенный составъ присяжныхъ образовывался бы изъ мѣстныхъ жителей, которые могли бы жертвовать интересами правосудія удовлетворенію чувствъ народной вражды. Случаи въ которыхъ проявлялось политическое пристрастіе противу подсудимаго замѣчаются даже у судей по назначенію отъ правительства, лицъ которыхъ можно удалить отъ должности: какой же степени пристрастія, спрашиваетъ комитетъ, можно ожидать отъ судей не юристовъ, не связанныхъ ни теоріей доказательствъ, ни обязанностью приводить мотивы въ подкрѣпленіе своего приговора, ни вообще какою-либо отвѣтственностью предъ закономъ? При такихъ условіяхъ установленіе присяжныхъ не представляетъ достаточныхъ гарантій для подсудимаго, особенно же для правительства. Цензъ присяжныхъ засѣдателей Имперіи, какъ по отношенію къ поземельной собственности, такъ и калиталу, не весьма высокъ; его можно было бы понизить для поземельной собственности въ Царствѣ, въ тѣхъ видахъ чтобы допустить въ число присяжныхъ засѣдателей лицъ получившихъ надѣлы по указу 19го февраля 1864 и влоднѣ преданныхъ русскому правительству; но неразвитость крестьянъ Царства и слабость народнаго образованія не позволяютъ ожидать отъ присяжныхъ, которые въ большинствѣ состояли бы изъ сельскихъ обывателей, живаго участія къ исполненію обязанностей присяжныхъ, тѣмъ болѣе что они не

освоились еще вполнѣ и съ гражданскими судами. Распространяя на Царство условія ценза, требуемыя п. 4 и 5 ст. 84 Учр. Суд. Уст., слѣдуетъ имѣть въ виду что участіе крестьянъ Царства въ составѣ суда присяжныхъ будетъ значительнѣе, нежели участіе крестьянъ русскихъ. Судъ присяжныхъ можетъ еще открыть случай высшему сословію приобрести вліяніе на народную массу, а сближеніе элемента народнаго, представляющаго собой консервативное начало, съ элементомъ подозрительнымъ въ политическомъ отношеніи нежелательно. Городское населеніе не представляетъ надлежащихъ элементовъ для выбора благонадежныхъ присяжныхъ засѣдателей: масса его по настоящее время (1867 года) не оставила политическихъ предубѣжденій и политически несбыточныхъ надеждъ. Въ городахъ нельзя было бы понизить цензъ, какъ въ средѣ сельскаго населенія; оставить же 5й п. 84й статьи устава едва ли было бы мѣрой целесообразною, ибо въ составъ присяжныхъ могли бы попадать ремесленники и вносить въ судъ политическое раздраженіе. Къ этимъ соображеніямъ комитетъ присоединялъ и то что вопросъ о присяжныхъ не рѣшенъ и по отношенію къ западному краю, въ которомъ огромное большинство населенія русскаго происхожденія и по сему представляетъ менѣе элементовъ для политическаго волненія, нежели населеніе Царства.

Таковы были мотивы опредѣлившіе отрицательное разрѣшеніе вопроса о присяжныхъ засѣдателяхъ въ Учредительномъ Комитетѣ въ 1867 году. Дѣло перешло въ совѣщательный комитетъ въ Петербургъ.

Слѣдуетъ предварительно замѣтить что въ комитетѣ этотъ вопросъ обсуждался довольно суммарно. „Слѣдуя неуклонно принятому правилу допускать отступленія отъ устава Имперіи только при существованіи особенно важныхъ мѣстныхъ условій, совѣщательный комитетъ по настоящему вопросу пришелъ къ тому убѣжденію что такія условія которыя препятствуютъ введенію присяжныхъ засѣдателей въ губерніяхъ Царства дѣйствительно существуютъ и что они заключаются въ исключительномъ политическомъ положеніи края и въ борьбѣ народностей и вѣроисповѣданій. Что касается до политическаго положенія края, то оно засвидѣтельствовано высшимъ установленіемъ въ этомъ краѣ, Учредительнымъ Комитетомъ, и въ особенности такою компе-

тентною властью по этого рода вопросамъ, какъ мѣстникъ въ Царствѣ.“ Относительно антагонизма народностей и вѣроисповѣданій, совѣщательный комитетъ, повидимому, усвоилъ соображенія высказанныя въ юридической комиссiи. За совѣщательнымъ комитетомъ и всѣ остальные власти признали что въ настоящее время введеніе суда присяжныхъ въ Царствѣ преждевременно: новыхъ мотивовъ къ такому рѣшенію приведено не было.

По нашему личному убѣжденію, тѣ политико-соціальныя препятствія которыя имѣлись въ виду при отсрочкѣ введенія въ Царствѣ института присяжныхъ засѣдателей, едва ли имѣютъ ту силу какая имъ приписывалась и не находятъ себѣ достаточнаго подтвержденія въ фактахъ. Если существуетъ препятствіе трудно устранимое въ настоящее время, то это препятствіе заключается въ языкѣ. Разноязычіе Австріи, Пруссiи, Германіи не было поводомъ отсрочки введенія суда присяжныхъ, но тамъ уже давно правильно оставленъ вопросъ о необходимости государственнаго языка быть органомъ народнаго просвѣщенія. Въ Польшѣ за обученіе русскому языку взялись только съ 1864 года. Какъ ни блестящи достигнутые уже результаты, какъ ни умножаются народныя училища, какъ ни увеличивается число воспитанниковъ ихъ, услѣвующихъ иногда замѣчательно основательно усвоить себѣ русскій языкъ, однако, по официальнымъ даннымъ, нельзя признать чтобы теперь можно было вести уголовный процессъ на русскомъ языкѣ предъ присяжными засѣдателями изъ мѣстныхъ жителей, за исключеніемъ быть-можетъ Варшавы; трудно также допустить возможность передавать всѣ фазисы процесса присяжныхъ посредствомъ переводчика. Этихъ соображеній о языкѣ русскомъ не было, вообще, въ виду тѣхъ комитетовъ заключенія которыхъ намъ случилось имѣть подъ руками; вѣроятно, однако, что они имѣли немаловажное значеніе при обсужденіи вопроса въ высшемъ правительственномъ учрежденіи Имперіи. Такимъ образомъ та отсрочка которая признана необходимою для введенія суда присяжныхъ въ Польшѣ вызвана главнымъ образомъ положеніемъ народнаго просвѣщенія и степенью распространенія государственнаго русскаго языка, органа юстиціи и просвѣщенія, въ средѣ мѣстнаго населенія края; такимъ образомъ дѣятельностью мѣстнаго населенія на этомъ полприцѣ!

его усиліями усвоить себѣ русскій языкъ обусловливается и введеніе того института который повсемѣстно признанъ лучшею гарантіею уголовной юстиціи. Переходя къ разсмотрѣнію остальныхъ отступленій отъ уставовъ 1866 года, мы отмѣтимъ только важнѣйшія. Ст. 94я Положенія 1875 года предоставляетъ министру юстиціи, сверхъ случаевъ указанныхъ въ ст. 247 и 248 уст. Угол. Судопр., право, по представленіямъ прокуроровъ переносить дѣла изъ одного судебного округа въ другой, въ видахъ огражденія государственнаго или общественнаго интереса, *испрашивая на сіе каждый разъ особое Высочайшее разрѣшеніе*. Право такого перенесенія по уставу Уголовн. Судопроизв. имѣетъ чисто процессуальный характеръ и предоставлено въ Имперіи высшимъ судамъ и кассационному департаменту Сената. Дополненіе выраженное въ 94 ст. имѣетъ характеръ политическій, хотя оговорка о спеціальномъ Высочайшемъ соизволеніи даетъ понять что законодатель не разчитываетъ чтобы приходилось часто примѣнять 94ю статью. Усиленіе прокурорской власти допущено только въ одномъ случаѣ (ст. 97): „когда по мнѣнію судебного слѣдователя, получившаго предложеніе прокурора или его товарища о задержаніи обвиняемаго (ст. 235 уст. Уг. Судопр.), этотъ послѣдній не навлекаетъ на себя достаточнаго подозрѣнія въ преступленіи подвергающемуся лишенію всѣхъ правъ состоянія или потерѣ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, то, *исполняя требованіе прокурорской власти*, слѣдователь представляетъ о томъ суду“. въ Имперіи слѣдователь представляетъ о томъ суду, *не исполняя такого требованія*. Противъ всѣхъ приговоровъ постановленныхъ окружнымъ судомъ допускаются отзывы подсудимыхъ, частныхъ обвинителей и гражданскихъ истцовъ, равно какъ и протесты лицъ прокурорскаго надзора. Приговоры судебной палаты считаются окончательными. Изъ предыдущаго мы видѣли какая масса труда ожидаетъ почтенныхъ членовъ Варшавской судебной палаты. Уголовное судопроизводство по дѣламъ о бракахъ, ст. 1.012, 1.016 уст. Угол. Судопр., согласовано съ гражданскими законами Царства.

IX.

Гражданское судопроизводство, по своей близкой связи съ матеріальнымъ гражданскимъ правомъ, подверглось наибольшимъ дополненіямъ и измѣненіямъ, вызваннымъ необходимою согласовать нормы процесса съ особенностями мѣстныхъ гражданскихъ законовъ. Вслѣдствіе этого ст. 17, 19, 23, 26, 28 уст. Гр. Судопр., опредѣляющія процессуальную правоспособность и неспособность лицъ, процессуальныя права несостоятельныхъ и права представителей товариществъ на основаніи гражданскихъ законовъ Имперіи, отиънены или измѣнены Положеніемъ 19го февраля 1875, согласно тѣмъ постановленіямъ которыя имѣются по этому предмету въ мѣстномъ гражданскомъ и торговомъ правѣ.

Компетенція мировыхъ судебныхъ установленій уменьшена, вообще, на половину противъ имперской: имъ подсудны иски по личнымъ обязательствамъ и договорамъ о движимости и о вознагражденіи за ущербъ и убытки, когда цѣна иска не превышаетъ 250 р. Затѣмъ за гмиными судами осталось право судить дѣла по наслѣдованію и возникающимъ изъ сего раздѣламъ имущества между сельскими жителями, а) когда наслѣдственное имущество состоитъ изъ лоземельныхъ участковъ, постулившихъ въ собственность поселенъ на основаніи указовъ 19го февраля 1864 года, безъ различія пространства недвижимаго, равно и цѣнности принадлежащаго къ тому же наслѣдству движимаго имущества и б) когда имущество состоитъ изъ лоземельныхъ участковъ, постулившихъ въ собственность сельскихъ жителей на основаніи тѣхъ указовъ и, кромѣ того, изъ участковъ приобрѣтенныхъ независимо отъ сихъ указовъ, когда это послѣднее имущество обнимаетъ пространство не болѣе одной уволоки и на немъ нѣтъ другихъ строеній, кромѣ необходимыхъ въ обыкновенномъ хозяйствѣ, а стоимость движимаго не достигаетъ тысячи лятисотъ рублей. Этими гмиными суды отличаются отъ мировыхъ судей и въ дѣлахъ этого рода получаетъ особенное значеніе примѣненіе мѣстныхъ „общезвѣстныхъ“ обычаевъ. Къ сожалѣнію, для изслѣдованія юридическихъ обычаевъ польскаго сельскаго населенія сдѣлано еще меньше, нежели даже для русскаго обычнаго права,

а при неясности обычнаго права личное значеніе членовъ гминыаго суда усиливается до такой степени которая, вообще, едва ли желательна въ правильномъ устройствѣ органовъ правосудія. Для руководства при разбирательствѣ и рѣшеніи такихъ дѣлъ гминымъ судамъ дана будетъ особая инструкция. Констатируетъ ли эта инструкция общія основанія обычнаго наследственнаго права, или же ограничится указаніемъ одного формальнаго порядка, мы не знаемъ, но изъ того обстоятельства что мировые судьи и гминные суды рѣшаютъ окончательно дѣла только по искамъ на сумму не свыше 30 р., а затѣмъ допускается по всѣмъ дѣламъ апелляція въ мировой сѣздъ, можно предвидѣть частые случаи столкновенія мѣстныхъ обычаевъ съ общимъ правомъ, при чемъ едва ли много юридическихъ обычаевъ получать тотъ характеръ общеизвѣстности, отъ котораго зависитъ ихъ обязательная сила. Вопросъ о народныхъ юридическихъ обычаяхъ и о ихъ значеніи въ нашей юридической жизни, вообще, требуетъ внимательнаго разсмотрѣнія и изслѣдованія. Отступленія отъ правилъ русскаго процесса въ общихъ судахъ почти всѣ возникли вслѣдствіе ипотечнаго укрѣпленія правъ на недвижимыя имущества, неизвѣстнаго у насъ, и особенностей въ наследственномъ правѣ. Свободнѣе отнесся законодатель къ тѣмъ частямъ кодекса Наполеона которыя имѣютъ процессуальный характеръ: изъ 54 статей кодекса о доказательствахъ (ст. 1.315—1.369), только 19 сохранили обязательную силу: съ 1825 года это первое сокращеніе французскаго гражданскаго законодательства въ Польшѣ.

Если особенности гражданскихъ законовъ были причиною значительныхъ и многочисленныхъ отступленій отъ устава гражданскаго судопроизводства, то неудобство отдѣльнаго гражданскаго права еще сильнѣе сказалось при примѣненіи устава судопроизводства охранительнаго въ Варшавскомъ судебномъ округѣ. Въ этомъ отдѣлѣ, то законодательное объединеніе, котораго съ нѣкоторыми уступками достигли во другимъ частямъ нашего судейскаго, оказалось рѣшительно невозможнымъ, и для Варшавскаго судебного округа былъ оставленъ особый „уставъ объ особыхъ производствахъ“. Въ основу этого устава было принято положеніе высказанное при составленіи четвертой книги устава гражданскаго судопроизводства Имперіи: „сущность этой книги должна состоять исключительно въ опредѣленіи порядка производства

дѣлъ по удостовѣренію или охраненію правъ частныхъ лицъ въ тѣхъ случаяхъ когда, по дѣйствующимъ нынѣ законамъ гражданскимъ, требуется, въ удостовѣреніе воли частныхъ лицъ, содѣйствіе мѣстъ или лицъ судебного вѣдомства. Такимъ образомъ задача этой книги заключается не въ томъ чтобы косвеннымъ образомъ измѣнять въ чемъ-либо начала гражданского права,—что могло бы быть сдѣлано съ полнымъ успѣхомъ лишь при общемъ и всестороннемъ пересмотрѣ сихъ началъ и взаимнаго ихъ соотношенія, а только въ томъ чтобы означить съ большею точностью тѣ, собственно до судопроизводства относящіяся, правила, коими установленный въ гражданскихъ законахъ порядокъ охраняется и производится въ дѣйствіе." Такимъ образомъ IV книга Гражд. Судопр. въ Имперіи имѣетъ характеръ временныхъ правилъ, срочность которыхъ зависитъ отъ преобразованія гражданскихъ законовъ, всеми желаемого, давно признаннаго дѣломъ первой необходимости. Слѣдуетъ надѣяться что съ наступленіемъ этого вождедѣльнаго событія не будетъ основаній къ сохраненію отдѣльнаго устава объ особыхъ производствахъ въ Варшавскомъ судебномъ округѣ. Уставъ объ особыхъ производствахъ раздѣляется на двадцать двѣ главы и содержитъ въ себѣ постановленія: объ исправленіи актовъ гражданского состоянія, объ уполномочіи замужнихъ женщинъ, объ усыновленіи, о признаніи дѣтей рожденныхъ внѣ брака, о семейныхъ совѣтахъ, о признаніи лица состоящимъ подъ законнымъ прещеніемъ, объ ограниченіи дѣеспособности посредствомъ назначенія судебного совѣтника, подробныя правила относительно наслѣдованія и наслѣдниковъ, о безвѣстности отсутствующихъ, о предложеніи платежа и о взносѣ его на храненіе, о судебной уступкѣ имущества въ пользу кредиторовъ и объ опредѣленіи вознагражденія за экспроприацію имущества. Входитъ въ подробное изложеніе институтъ права, вызвавшихъ особый уставъ, мы не имѣемъ въ виду. Замѣтимъ только что изъ этого подробнаго обзора можно было бы убѣдиться въ томъ что какъ наше, такъ и варшавское гражданское право требуютъ кореннаго пересмотра. Если въ нашемъ гражданскомъ правѣ замѣчается полное отсутствіе тѣхъ общихъ юридическихъ положеній которыя относятся одинаково ко всемъ спеціальнымъ отдѣламъ кодексовъ и обыкновенно излагаются въ общей ихъ части; если у насъ

замѣчается слабое и одностороннее развитіе семейнаго права, то съ другой стороны, и польское право требуетъ тѣхъ лѣтъ, которыя практикою признаны желательными и для нѣкогда образцоваго французскаго кодекса (ограниченіе дѣеспособности женщинъ, отсутствіе разводовъ, факультативный характеръ инвентарнаго наслѣдства и т. п.). Согласованіемъ нотаріальнаго дѣлопроизводства съ новымъ судоустройствомъ и процессомъ и примѣненіемъ правилъ сокращеннаго судопроизводства въ процедурѣ коммерческой, завершено преобразование судебного вѣдомства въ Царствѣ Польскомъ. Всего легче и стройнѣе согласовалось съ новыми правилами коммерческое дѣлопроизводство: общія основанія нашего сокращеннаго процесса совершенно аналогичны съ началами дѣйствовавшаго кодекса торговой процедуры, а подробности только облегчили и отмѣнили то что уже устарѣло и что всегда имѣло въ Польшѣ чуждый характеръ, вызванный дѣйствительною необходимостью только во Франціи, на примѣръ, недопущеніе адвокатуры.

Этимъ мы заключаемъ наше обзорнѣе закона 19го февраля 1875 года. Смотра на него съ мѣстной точки зрѣнія, вѣрнѣе не признать что прувислинскій край получаетъ судебное устройство и судопроизводство простое, стройное, оставляющее далеко за собой то что было въ немъ до сего времени. Въ исторіи мѣстнаго законодательства законъ 1875 года составляетъ, безъ сомнѣнія, огромный шагъ впередъ. Разсматривая совершившійся фактъ съ общегосударственной точки зрѣнія, слѣдуетъ признать что новое судебное устройство представляетъ болѣе гарантій надежнаго охраненія законнаго порядка, можетъ быть несравненно лучшимъ представителемъ государственнаго консерватизма нежели прежнее, но не одна эта цѣль достигается новымъ закономъ: онъ кромѣ того представляетъ дальнѣйшее осуществленіе мысли правительства, положенной въ основаніе всѣхъ совершившихся реформъ въ Царствѣ, начиная съ 1864 года, а мысль эта, не покидавшая наше правительство съ тридцатыхъ годовъ, состоитъ въ установленіи органическаго объединенія Царства съ Имперіей. Постепенно ладали рѣзкія грани отличавшія соціальныи бытъ окраины отъ Имперіи: таможенная особность, крѣпостное право, особенноти въ администраціи, различія въ судебномъ дѣлѣ. Все что вносила въ прувислинскую окраину Россія въ

послѣднее десятилѣтіе клонилось къ улучшенію и развитію мѣстныхъ условій, но при этомъ мѣнялась почва: это развитіе должно было уже отрѣшиться отъ мѣстной и племенной обособленности и идти неразрывно однимъ путемъ съ сосѣднимъ великимъ и роднымъ племенемъ.

Но совершившееся объединеніе далеко нельзя признать полнымъ, пока ливонскій край будетъ имѣть особое гражданское законодательство. Мысль о такомъ объединеніи уже въ тридцатыхъ годахъ занимала русское правительство. Тридцать лѣтъ безплодно работала надъ этимъ дѣломъ кодификаціонная коммиссія и этотъ трудъ былъ вмѣненъ въ обязанность юридической коммиссіи. Но объединеніе законодательствъ сперва было невозможно вслѣдствіе рѣзкихъ соціальныхъ различій существовавшихъ между польскимъ и русскимъ обществомъ, а когда эти препятствія пали, тогда явилось убѣжденіе что не два аналогическія, но одно единое для всего государства законодательство должно составить предметъ законодательной реформы, совершеніе которой не можетъ уже быть поручено какой-либо мѣстной коммиссіи, но должно быть результатомъ совокупной работы юристовъ-представителей всякой мѣстности имѣющей свое мѣстное право, способное дать полезный вкладъ въ общерусское гражданское уложеніе.

Составленіе такого уложенія, въ виду неудовлетворительности каждаго изъ мѣстныхъ законодательствъ, есть дѣло съ тѣмъ и дѣло первѣйшей государственной важности. Въ наше время только крѣпкое единство даетъ силу и безопасность. Опредѣляя одинаковымъ образомъ права личности и семьи, указывая однѣ и тѣ же для всѣхъ нормы общежитейской дѣятельности въ сферахъ имущественныхъ и договорныхъ отношеній, устанавливая общіе всѣмъ средства обезпеченія своей семьи наслѣдствомъ, единое и всеобщее гражданское законодательство можетъ положить прочное основаніе объединенію нашихъ ивородцевъ. Всѣ особенности и изыятія переработаются и исчезнутъ въ общемъ руслѣ одной гражданской жизни...

М. СОЛОВЬЕВЪ.

МОЕ ДѢТСТВО И НАША СЕМЬЯ*

(ВОСПОМИНАНІЯ ОДИССЕЯ ПОЛИХРОНИАДЕСА, ЗАГОРСКАГО ГРЕКА).

XV.

Отецъ разказалъ доктору о своемъ разговорѣ съ г. Бакъевымъ. Онъ полагалъ что управляющій Русскимъ консульствомъ очень недоволенъ имъ, и что теперь причинѣ будетъ ему вовсе не вѣхать на островъ.

Но Козевино вышелъ изъ себя и воскликнулъ что отецъ мой судить слишкомъ по-гречески.

— Греки, кричалъ онъ,—до того обезумѣли отъ политики и глѣбъ что не умѣютъ вовсе отдѣлять дѣловыхъ отношеній отъ личныхъ. Но Бакъевъ, каковъ бы онъ ни былъ, Бакъевъ все-таки Русскій! Онъ все-таки сынъ великой Имперіи, онъ дитя общества въ которомъ умѣютъ жить, забывая политическіе отгѣвки и дѣла. Это не то что здѣшніе ваши маленькіе презрѣваемые народцы!... Не Греки, не Сербы и не Болгаре, которые *лопаются* съ досады что ихъ мало.... Это не то что вы! Не то что вы! Я говорю тебѣ, Русскіе не то что вы! кричалъ онъ съ лѣвой у рта.

Отецъ уступилъ. Гайдуша взяла корзину съ виномъ, фруктами и сладостями и мы всѣ четверо сѣли въ лодку и поехали.

* См. Русскій Вѣстникъ №№ 6й и 7й.

Погода была осенняя, но прекрасная; чуть-чуть прохладная, лучше чѣмъ бываетъ лѣтомъ.

На островѣ мы нашли уже цѣлую толпу слугъ изъ Русскаго консульства; повара, который готовилъ что-то въ монастырской кухнѣ, и партію Цыганъ-музыкантовъ. Вскорѣ вслѣдъ за нами пріѣхалъ и г. Бакъевъ съ Бостанджи-Оглу и тѣмъ самымъ Исаакидесомъ который имѣлъ тяжбу съ помещикомъ Абдурраима-эффенди и не хотѣлъ доставлять Бакъеву вѣрныхъ свѣдѣній. Они привезли съ собою тоже вина хорошаго и портера. Недоставало только Чувалиди. Его Ковчино пригласилъ чтобы доставить удовольствіе отцу. Впрочемъ и самъ докторъ, открыто и вездѣ называя Чувалиди мошенникомъ, чрезвычайно уважалъ его умъ, его начитанность и умѣнье вести себя въ обществѣ.

— И еще за то, говорилъ докторъ,—что онъ одѣвается чисто и хорошо; приличенъ и похожъ болѣе на турецкаго чиновника, чѣмъ на греческаго патріота.

Немного погодя и лодка Чувалиди причалила къ берегу. Докторъ приказалъ музыкантамъ играть. Цыгане заплѣли по-Турецки:

Ахъ! Аманъ! Аманъ! мой Багдадскій другъ,
Ахъ! какъ лѣтомъ гулять хорошо....

Печальныя впечатлѣнія этого утра понемногу разсѣивались. Я видѣлъ что разговоръ между старшими оживлялся; замѣтилъ что г. Бакъевъ смѣялся и говорилъ благосклонно съ моимъ отцомъ; видѣлъ также что и самъ отецъ, слушая музыку и турецкія пѣсни, понемногу свѣтлѣлъ и успокоивался. Любя бѣднаго отца моего всѣмъ сердцемъ, я обрадовался; забылъ все худое и предался вполне блаженной беззаботности....

Я выпилъ въ сторонѣ съ кавассами немного вина и началъ пѣть вмѣстѣ съ Цыганами всѣ тѣ пѣсни которыя зналъ; а зналъ я ихъ много еще съ дѣтства.

Завтракъ на открытомъ воздухѣ былъ очень оживляемый. Музыка все время играла.

Отца, какъ старшаго по возрасту, посадили на лучшее мѣсто. Самъ г. Бакъевъ любезно сказалъ ему:

— Мы всѣ Яніоты, а вы гость. Займите мѣсто председателя. Докторъ снялъ съ головы отца феску и восклицалъ съ восторгомъ:

— Клянусь честью! Я крѣпко люблю твою почтенную лѣшь, мой добрый Полихроніадесъ! Люблю твои сѣдые волосы, спадающіе по бокамъ такъ низко. Взгляните, мсье Бакъевъ, развѣ онъ не похожъ на великаго французскаго поэта Беранже? Клянусь честью! Взгляните всѣ... Это самъ Беранже!

Съ этими словами докторъ сорвалъ вѣтвь люща, который стелился неподалеку по скалѣ, свилъ ее вѣнкомъ и увѣчалъ отца, восклицая: „Беранже!“

— Я твоего Француза Беранже не знаю и объ немъ не слыхивалъ, любезный мой другъ, отвѣчалъ отецъ смѣясь. — Можеть-быть онъ былъ іезуитъ какой-нибудь...

— О! О! закричалъ Коввино, простирая съ хохотомъ руки къ небу. — О! Беранже іезуитъ! Беранже, лѣвецъ веселой доброты и военной славы... „Vous, que j'appris à pleurer sur la France!“ „А! мой Беранже... Мой благородный Беранже! Онъ выше Горація... Онъ полнѣе его; онъ возвышеннѣе!.. Могу такъ сказать... Да!

Господинъ Бакъевъ пожалъ плечами и замѣтилъ на это доктору что Беранже не стоить такъ хвалить въ наше время—онъ восхищался военною славой. „Кто же восхищается нынче военною славой? Нынче нуженъ прогрессъ, промышленность, всеобщее благо“... „Я не уважаю Беранже! Такой онъ Французъ!“ прибавилъ еще господинъ Бакъевъ съ презрѣніемъ.

Меня ужасно поразила тогда эта рѣчь господина Бакъева; несмотря на всю боязливость мою и невоинственность нашего загорскаго воспитанія, я безъ восторга не могъ читать о молодецкихъ подвигахъ нашихъ клефтовъ и въ первый разъ въ жизни услышалъ что военную славу неприлично вослѣвать въ стихахъ. Удивило меня также презрительное выраженіе Бакъева: „такой Французъ!“ Вѣдь Французы, говорятъ, самый образованный народъ въ мірѣ... Что жь это значитъ? О! какъ многому, бѣдный Одиссей, ты долженъ еще учиться.

Чувалиди, съ своей стороны, выразилъ такъ:

— На что намъ французскіе писатели, когда у насъ и свое здѣшнее, и греческое, и турецкое, такъ хорошо?... Прислушайтесь, докторъ, къ этой лѣсѣ... Развѣ не нравится вамъ это: „Я держу двухъ дѣвушекъ; одну правою рукой, а другую лѣвою и не знаю которую оставить и которую удержать!“

Слышите этотъ стихъ: *Чайръ! Чайръ!* (Трава! Трава!) Развѣ не мило это, господишь Бакъевъ?

— Дико нѣсколько, отвѣчалъ господишь Бакъевъ съ презрительною усмѣшкой. — Однако и я привыкать сталъ къ этой странной музыкѣ, прибавилъ онъ потомъ.

Когда кушанье было готово, я, по знаку данному отцомъ, не сѣлъ вмѣстѣ со старшими, но, взявъ изъ рукъ слуги блюдо, сталъ служить всѣмъ, начиная съ господина Бакъева и кончая отцомъ.

Докторъ навелъ на меня лорнетъ и закричалъ весело.

— А! Сынъ! Сынъ Одиссей служить! Ха! ха! ха! По дереву... А! а!

Господишь Бакъевъ, напротивъ того, казался недовольнымъ этимъ и замѣтилъ отцу моему что онъ напрасно приучаетъ меня къ такому рабскому духу.

— Я этого не люблю! сказалъ онъ.

Чувалиди заступился за нашъ старшій обычай и возразилъ Бакъеву:

— Вы сегодня, господишь Бакъевъ, сами объявили что хотите быть Яниотомъ. Поэтому не чуждайтесь, будьте такъ добры, нашихъ добрыхъ старыхъ обычаевъ. Пусть нашъ милый Одиссей не отучается чтить старшихъ своихъ, а мы за это женамъ его со временемъ на первой явической богачкѣ, на дѣвочкѣ распрекраснѣйшей изъ всего Элира и потанцуютъ старики на его свадьбѣ... Я тебѣ пророкъ, мой сынъ! прибавилъ Чувалиди и потрепалъ меня по щекѣ.

Я такъ былъ смущенъ и тронутъ этою лаской что счелъ за лучшее поблагодарить его и поцѣловалъ его руку, прикладывая ее и ко лбу.

Всѣ тогда засмѣялись. Отецъ былъ доволенъ мною. Я это видѣлъ по выраженію съ которымъ онъ смотрѣлъ на меня. Я служилъ, но, конечно, не обижалъ и себя; уходя отъ господскаго стола къ кавассамъ, я у нихъ утѣшался какъ приходилось то лирожкой, то барашкомъ, то фруктами и виномъ. Мнѣ было очень весело!

Послѣ завтрака всѣ пошли въ то маленькое монастырское строеніе гдѣ былъ убитъ Али-паша. Подъ старымъ явѣсомъ балкона еще былъ тогда цѣлъ простой деревянный столбъ, глубоко разсѣченный тогда ятаганомъ. Теперь этого столба уже нѣтъ; онъ сгнилъ и его бросили.

Мы вошли и въ низкую, темную, небольшую комнату со

старымъ очагомъ. Ея грязный полъ въ одну доску былъ во многихъ мѣстахъ пробитъ пулями. При монастырѣ живетъ еще и до сихъ поръ старушка которая помнитъ эти времена.

Она разказывала намъ о томъ какъ прекрасна и стройна была знаменитая Василикѣ; описывала ея бархатную одежду, изукрашенную червонцами и шитьемъ; показывала низенькую дверь въ темный чуланчикъ въ который скрылась красавица, когда посланные султана вошли на монастырскій дворъ. При падшемъ властителѣ не было никого кромѣ ея и одного вѣрнаго слуги. Паша и слуга заперлись вдвоемъ въ той самой комнатѣ въ которой мы теперь все задумчиво стоимъ. Султанскіе солдаты не стали выламывать дверь: они подошли полъ комнату въ низкія сѣни и стрѣляли вверхъ сквозь полъ, приставляя прямо къ доскамъ ружья. Али былъ скоро раненъ въ ногу. Онъ сѣлъ на диванъ и слуга сталъ ему перевязывать рану. Убіицы прислушались, конечно, къ ихъ движеніямъ.

— Еще одна пуля пробила снизу полъ... (Отверстіе мы сами трогали руками)... И эта пуля была послѣдняя; она попала прямо въ толстый животъ паша, который висѣлъ съ дивана надъ этимъ самымъ мѣстомъ въ то время когда слуга перевязывалъ ему ногу.

Прекрасную Василику пощадили. Иные утверждаютъ что она, какъ христіанка, предала пашу...

— Ужасная была эпоха! сказалъ г. Бакъевъ, выходя изъ этой мрачной комнатки на дворъ.

Ковчинъ говорилъ что онъ вѣрить не хочетъ будто-бы Василику предавала своего мужа и благодѣтеля...

— Я все - таки настолько Грекъ, сказалъ онъ, — что меня подобная низость въ Гречанкѣ возмущаетъ глубоко....

— А я вѣрю что она предавала его, сказалъ Исаакидесъ. — Можетъ развѣ душа хорошей, благородной Гречанки имѣть искреннее сочувствіе къ Турку, ко врагу ея націи? Нѣтъ, не можетъ.. Грязь предательства иногда простекаетъ изъ чистаго источника.

— Я не понимаю такой греческой нравственности, отвѣтилъ докторъ, отворачиваясь отъ него.

Оттуда мы все пошли въ маленькую церковь монастыря, приложились къ иконамъ, вслѣдъ за г. Бакъевымъ, и осмотрѣли въ ней все что было любопытнаго.

Монахъ поднесъ г. Бакъеву фигуру. (Такъ называютъ у

насъ въ Элирѣ образъ печатанный на бумагѣ, который кладется на блюдо и подносится тѣмъ лицамъ которыя въ первый разъ посѣщаютъ какой-нибудь храмъ.) Г. Бакъевъ положилъ на эту фигуру турецкую золотую лиру.

Потомъ, взглянувъ на всѣхъ, сказалъ значительно:

— Храмъ, кажется, древній!

И вышелъ вонъ.

Въ эту минуту я только замѣтилъ что съ нами нѣтъ ни г. Исаакидеса, ни отца моего.

Докторъ спрашивалъ, гдѣ отецъ; Бакъевъ искалъ Исаакидеса...

На дворѣ между тѣмъ разстелили ковры и принесли много подушекъ съ монастырскихъ дивановъ.

Музыка играла арнаутскій танецъ и кавассы собирались плясать.

Я вышелъ изъ монастыря въ село которое построено около него на островѣ и долго искалъ отца.

Наконецъ я увидалъ что онъ сидитъ задумчиво на камнѣ, а Исаакидесъ, стоя предъ нимъ, говоритъ ему о чемъ-то горячо и таинственно..

Они увидали меня и пошли ко мнѣ на встрѣчу... Я сказалъ имъ что ихъ ждутъ на монастырскомъ дворѣ.

Изъ разговора ихъ я слышалъ только что Исаакидесъ говорилъ отцу такъ:

— Попробуйте. Постарайтесь. Это дѣло будетъ вѣрное. Вы сами говорите что Благовъ какъ будто бы остался доволенъ вами въ Загорахъ...

— Да! сказалъ отецъ:—Благовъ! А гдѣ Благовъ?

— И этотъ, и этотъ добрый человѣкъ... Онъ съ вами былъ очень любезенъ здѣсь на островѣ.

— Възливый человѣкъ, образованъ, возразилъ отецъ...

— Не бойтесь; и я постараюсь. Конечно, онъ человѣкъ молодой, неопытенъ, съ краемъ нашимъ не знакомъ; управляетъ въ первый разъ, торопится, думаетъ по добротѣ души угодить намъ христіанамъ. Бостанджи-Оглу человѣкъ ничтожный, жалкій, онъ тоже не здѣшній; всѣхъ слетемій интересовъ здѣшнихъ еще не знаетъ, вѣрнѣе Куско-бею. Бакъевъ пожалѣлъ огородниковъ.

— У меня и своихъ дѣлъ достаточно, возразилъ отецъ.— Я и безъ того не имѣю покоя. И маѣ люди должны и не платять..

— Ничего, ничего! говорилъ Исаакидесъ.—Милый мой Одиссей, поѣди туда и скажи что мы сейчасъ придемъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ вызови лотихоньку сюда Бостанджи-Оглу...

Я исполнилъ желаніе Исаакидеса; сказалъ г. Бакъеву и доктору что было нужно и вызвалъ Бостанджи-Оглу изъ монастыря.

Исаакидесъ тотчасъ напалъ на него:

— Зачѣмъ же вы сообщили такія неосновательныя свѣдѣнія г. Бакъеву по дѣлу огородниковъ? Зачѣмъ вы повѣрили Куско-бею? Счастье еще что г. Бакъевъ благоразуменъ и спросилъ свѣдущихъ людей.

— И это не помогло, перебилъ отецъ.—Г. Бакъевъ завтра ломаетъ свой мемуаръ... Онъ такъ сказалъ.

— Нѣтъ! Нѣтъ! воскликнулъ Исаакидесъ.—Вы, Бостанджи-Оглу, человѣкъ молодой, умный, ученый, хороший. Если вы по молодости увлеклись, надо исправить это дѣло. Надо сдѣлать такъ чтобы мемуаръ уничтожить и чтобы г. Бакъевъ на киръ-Полихроніадеса не сердился. Устройте это, душечка моя, прошу васъ.

Бостанджи-Оглу сильно покраснѣлъ и смутился.

— Я не виноватъ, сказалъ онъ,—Бакъевъ самъ хотѣлъ этого. Онъ говорилъ: „довольно... я уже все понялъ!“ Можетъ-быть ему хотѣлось безъ Благова поскорѣй отличиться. Чѣмъ же я виноватъ?..

— Никто васъ винить не будетъ, отвѣчалъ ему Исаакидесъ,—добрый мой, если вы исправите это дѣло. Надо чтобы г. Бакъевъ убѣдился что киръ-Полихроніадесъ желалъ добра Русскому консульству. Заходите завтра ко мнѣ; вы такъ долго у насъ не были. И супруга моя спрашивала не разъ: „отчего Бостанджи-Оглу давно не былъ? Онъ такой пріятный и остроумный юноша!“ Заходите! мы поговоримъ. Какое варенье сварила моя киріакица! И не говорите!

Съ этими словами Исаакидесъ вошелъ на монастырскій дворъ и мы всѣ за нимъ.

Кавассы, взявшись за руки, плясали посреди двора.

Архистратигъ Элирскій, Манолу, кавассъ-баши, прыгалъ высоко, звеня оружіемъ и развѣвая оладки пышной фусталлы. Но онъ не могъ превзойти въ искусствѣ плясать семидесятилѣтняго старика Ставри, который сражался когда-то подъ начальствомъ Караискаки, былъ пятнадцать лѣтъ потомъ разбойникомъ въ горахъ и теперь жилъ процентами съ собственнаго капитала и служилъ при консульствѣ изъ

чести и для права носить оружіе. Ставри былъ первый тап-
поръ въ Янниѣ.

Г. Бакъевъ, Чуваиди и докторъ лежали на коврахъ и ско-
трѣли.

Мы присоединились къ нимъ.

Казалось, все такъ было весело и мирно. Сама воиствен-
ность арнаутская являлась въ этотъ пріятный мигъ лишь
въ свѣтломъ видѣ красивой и безобидной военной пляски.

Однако, конецъ этого дня долженъ былъ помрачиться и
вечернія мои ощущенія были еще хуже утреннихъ, когда я
видѣлъ раздоры въ митрополіи, невѣрительность греческаго
консула, насмѣшки британскаго, свирѣлость Бреше и досаду
Бакъева на моего обремененнаго заботами и дорогаго отца.

Утро этого дня было пасмурно, полдень ясенъ, а вечеръ...

Когда пляска кончилась, музыкантамъ приказано было от-
дохнуть.

Чуваиди возобновилъ случайно разговоръ объ Али-пашѣ.

— Объ этомъ человѣкѣ можно было бы написать книгу въ
высшей степени занимательную и героическую, сказалъ онъ.—
На днѣ этого тихаго озера которое насъ окружаетъ по-
гребено много человѣческихъ костей. Недавно еще былъ
живъ здѣсь одинъ старикъ, который еще юношей присут-
ствовалъ при гибели прекрасной Евфросиніи. Али-паша замъ
что сынъ его Мухтаръ любимъ этою красавицей. Онъ и самъ
влюбился въ нее страстно и не надѣясь или стыдясь отбить
ее у сына, рѣшился въ его отсутствіе утопить ее. Поздно
вечеромъ, призвалъ онъ христіанскихъ старшинъ и прика-
залъ немедля привести въ конакъ нѣсколькихъ молодыхъ
архонтасъ и въ ихъ числѣ Евфросинію. Ослушаніе было не-
возможно. Старшины пошли по домамъ; при нихъ былъ тотъ
юноша о которомъ я говорилъ; одна изъ несчастныхъ этихъ
женщинъ скрылась на чердакѣ, и быть-можетъ, жива была
бы и до сихъ поръ, еслибъ этотъ молодой человѣкъ (онъ не
зналъ даже съ какою ужасною цѣлью требуетъ ихъ всѣхъ
паша), еслибъ онъ не отыскалъ ее на чердакѣ. Уже стари-
комъ онъ со слезами говорилъ мнѣ: „О! грѣхъ мой! О! жа-
лосты! Зачѣмъ я, несмысленный мальчишка, это сдѣлалъ
тогда? Мнѣ даже никто ничѣмъ и не грозилъ.“ Евфросинія
только-что прилегла отдохнуть на диванъ и сказала своей
старой кавкѣ: „няня, я спать что-то хочу!“ Тутъ застуча-

ли въ ея дверь старшины. Ночь была темная; воѣхъ молодыхъ женщинъ посадили въ лодки и повезли по озеру. Посреди озера люди лодки остановились и начали ихъ топтать. Тогда Евфросинія сказала своей старой нянь: „Парамама *моя, мы разстанемся!“— „Нѣтъ, нѣтъ, мое дитя, мы будемъ вѣдь“, отвѣчала старуха, и сама кинулась въ воду вслѣдъ за нею.

Чувалиди разказывалъ хорошо, кратко, выразительно и съ чувствомъ.

Трагическая исторія эта разказана была уже подъ вечеръ, на берегу того самаго озера гдѣ погребены кости молодой Евфросиніи и ея бѣдной няни; она была разказана такъ близко отъ столба разсвѣченнаго самимъ Али-пашою, такъ близко отъ тѣхъ старыхъ досокъ пробитыхъ пулями по которымъ текла въ послѣдній разъ кровь безстрашнаго тизана.

Все задумались и долго молчали. Г. Бакѣевъ вздохнулъ глубоко. Я самъ содрогнулся отъ ужаса и въ первый разъ по приѣздѣ въ Ялану голубое это озеро, которое насъ окружало, показалось мнѣ страшнымъ.

Отецъ мой первый прервалъ молчаніе.

— Сердечная нянька! сказалъ онъ грустно.—Вотъ любовь!

— Ужасная эпоха! воскликнулъ г. Бакѣевъ.

— Другая эпоха, сказалъ Чувалиди примирительно,—другая эпоха. Гдѣ эти времена?

Мало-по-малу по этому поводу завязался горячій споръ о Туркахъ. Г. Бакѣевъ и патриотъ Исаакидесъ доказывали что времена все тѣ же* и что Турки измѣниться не могутъ; докторъ защищалъ Турокъ. Отецъ мой и Чувалиди держались середины. Они находили что Исаакидесъ преувеличиваетъ пороки мусульманъ, а докторъ возвышаетъ ихъ добрыя качества, и умышленно, изъ духа противорѣчія Грекамъ, малчиваетъ обо всемъ худомъ, обо всемъ лукавомъ, жестокомъ, грубомъ и бессмысленномъ.

Мы съ Бостанджи-Оглу внимательно слушали старшихъ.

Г. Бакѣевъ разказалъ какъ въ Трапезунтѣ, тотчасъ послѣ кончанія Восточной войны, мусульмане вообразили что алдыныя державы принудили Россію измѣнить свой флагъ.

* Парамант, мать матери, нянька, кормилица; эпохома въ смѣ.

Россія, думали они, для того имѣла прежде красный цвѣтъ ввиду чтобы показать какъ она ползираетъ Турцію ногами. Ибо красный цвѣтъ на флагѣ—цвѣтъ турецкій. Съ радости разказывали они что теперь этого болѣе не будетъ, что красный цвѣтъ на русскомъ флагѣ будетъ теперь наверху ввиду будетъ бѣлый. По возвращеніи Русскаго консульства въ ихъ городъ они увидали что красный цвѣтъ все попрежнему ввиду. „Но это консулъ, говорили они, — это онъ дѣлаетъ самовольно, изъ гордости!“ Консула оскорбить они боялись, но нашли случай выразить досаду свою иначе. Пришелъ въ Трапезунтъ кулеческій корабль подъ русскимъ флагомъ. И на немъ красный цвѣтъ былъ ввиду! Тогда нѣсколько турецкихъ солдатъ (и кажется съ разрѣшенія офицера) сѣли въ лодку и поѣхали на этотъ корабль; они напали на немъ мало людей и прибили ихъ; капитанъ и другіе матросы были на берегу. На возвратномъ пути Турки встрѣтились съ лодкой капитана. Тутъ же на водѣ произошла схватка; Турки одолѣли матросовъ, побросали полуживыхъ въ воду, и самъ капитанъ, съ переломленною ногою, едва утонулъ. Подоспѣли на помощь другія лодки; матросовъ избитыхъ и несчастнаго капитана спасли. А Турки успѣшли уѣхать.

— Что жъ сдѣлалъ русскій консулъ? тревожно и послѣдственно спросилъ Исаакидесь.

— Разумѣется онъ принялъ строгія мѣры, отвѣчалъ г. Бакѣвъ.—Папа не осмѣлился медлить удовлетвореніемъ. Всю роту солдатъ привели на консульскій дворъ; при чивованіи Порты вывели виновныхъ и во главѣ ихъ сообщника ихъ офицера, раздѣли и били палками. Папа предоставилъ количество ударовъ на волю консула. Консулъ смотрѣлъ изъ открытаго окна. Офицеру первому дали,—не помню названіе, — по крайней мѣрѣ пятьдесятъ, если не сто ударовъ. Потомъ били двухъ-трехъ солдатъ слабѣе, остальныхъ консулъ простилъ.

— А, bravo, bravo! закричалъ Исаакидесь.—Такъ ихъ надо! Такъ ихъ слѣдуетъ учить. Дай Богъ консулу этому долгой жизни и здоровья... Пусть живетъ долго и счастливый ему часъ во всемъ!.. Bravo ему, bravo!..

— Это подтверждаетъ, однако, мою мысль, сказалъ Чувалиди спокойно.—Фанатизмъ въ простомъ народѣ и у людей отсталыхъ есть, но правительство турецкое подобныхъ ве-

щей терпѣть не намѣрено и мало-по-малу достигнетъ до того что мы съ Турками станемъ жить недурно.

Отецъ послѣ этого разказалъ г. Бакѣву подробно свою собственную исторію съ нанятымъ убійцей Мыстикъ-агою въ Добруджѣ и прибавилъ:

— А я думаю скорѣй, хоть бы по примѣру этого благодѣтеля и спасителя моего Мыстикъ-аги и по многимъ другимъ, что въ народѣ Турецкомъ есть много добрыхъ и честныхъ душъ, но въ управленіи нѣтъ ни честности, ни порядка.

— Я разсматриваю мусульманизмъ иначе, шире и гораздо возвышеннѣе! сказалъ докторъ съ чувствомъ.—Я люблю суровую простоту этой идеальной, воинственной и таинственно сладострастной религіи. „Богъ одинъ!“ Какой Богъ? не знаю! Одинъ Богъ. „И я Магометъ—его пророкъ.“ Величіе! Я люблю когда темною зимнею ночью съ минарета раздается возгласъ муэцина — „Аллахъ экберъ!“ Богъ великъ! Аллахъ „экберъ!“ На какомъ языкѣ вы скажете лучше?... „Dieu est grand?“ Не то! „Ο Θεος εινε μεγαλος?“ Не то... „Аллахъ экберъ!“ А многоженство? О! я другъ многоженства! Я другъ таинственнаго стыдливаго сладострастія!..

— Прежде было лучше въ Турціи, началъ Исаакидесъ, не обращая никакого вниманія на лозвію доктора.—Прежде янычаръ подавалъ тебѣ только платокъ въ которомъ были завернуты пуля и золотая монета. „Выбирай!“ Ты вынималъ; давалъ ему золото и онъ становился твоимъ защитникомъ. А теперь? Теперь кто спасетъ отъ грабежа чиновниковъ и судей, отъ жандармовъ, которые отнимаютъ у селянина послѣднюю курицу и послѣдняго барана и говорятъ еще:—дѣйствуй дитя-параси, зубныя деньги. Сколько я зубъ истеръ у тебя въ домѣ, оттого что много жевалъ! Въ селахъ еще грабятъ народъ по-янычарски, въ городахъ—по новымъ методамъ. Чтò вы скажете, почтеннѣйшій нашъ докторъ, на это? Вы человекъ видъ воспитанный въ Италиі... За нашъ простой разумъ платра не даете и судите дѣла подобнымъ иначе, возвышеннѣе... Просвѣтите насъ...

Это послѣднее обращеніе Исаакидеса къ доктору Коввино было искрой для гнѣва, уже давно накопившагося въ душѣ доктора. Коввино вообще ненавидѣлъ Исаакидеса. За чтò? За многое. За то что онъ эллинскій патріотъ и говорить часто „глушья, свободолюбивыя фразы“, за то что неопря-

тенъ, за то что криво и гадко выбриваетъ себя подъ длиннымъ носомъ промежутокъ между усами; — за все! за все!. Еще прежде разъ, у Благова на обѣдѣ (разказывали людивъ Янивѣ), Коввино вскочилъ изъ-за стола и пересѣлъ на другое мѣсто, гораздо ниже, чтобы не быть противъ Исаакидеса, и когда Благовъ его дружески утрекалъ за этотъ скамьялъ, Коввино отвѣтилъ ему:

— О, мой добрый, благородный другъ! Простите мнѣ... О, простите! Я такъ обожаю все изящное, все прекрасное, что предпочелъ сѣсть на нижній конецъ стола, откуда я во время обѣда видѣлъ противъ себя вашу красивую наружность. Я не могъ спокойно обѣдать когда предо мной былъ этотъ глупый взглядъ, этотъ длинный носъ, эти пробритые усы, этотъ комическій патріотизмъ великой Элады, величиною въ кулакъ мой!

Исаакидесъ зналъ что Коввино и призираетъ и ненавидитъ его, но онъ не огорчался, считая доктора, какъ и многіе въ Янивѣ, полупомѣшаннымъ; обращался съ нимъ всегда внимательно и вѣжливо, но любилъ дразнить его и говоря съ нимъ какъ будто почтительно, насмѣшливо улыбался.

Это и я замѣтилъ еще въ началѣ при встрѣчѣ ихъ на островѣ.

Исаакидесъ съ улыбкой:

— Какъ вы докторъ? Какъ ваше здорovie? Здорова ли кира Гайдуша? Ахъ, она здѣсь... Очень радъ!..

А Коввино мрачно:

— Здоровъ. Хорошо. Благодарю!

Еслибы ты могъ видѣть что случилось съ докторомъ, когда Исаакидесъ обратился къ нему вдругъ съ такимъ ироническимъ волросомъ. Онъ вздрогнулъ и черные глаза его заблистали...

— Что я думаю? Что я думаю объ этомъ? Ха! ха! ха! Я думаю что Турки хорошо дѣлали, обращаясь съ Греками жестоко... да! они прекрасно дѣлали! О, о, о! Вы были лучше тогда когда надъ вами висѣлъ всегда Дамокаовъ мечъ... Тогда вы были идеальнѣе, теперь вы низкіе торгаша, вы мошенники...

— Докторъ, прошу васъ, успокойтесь и умѣрьте ваши выраженія, замѣтилъ ему г. Бакъевъ серьезно.

— Нѣтъ! нѣтъ! я не умѣрю ихъ! воскликнулъ докторъ,

вставая и принимая угрожающій видъ.—Греки были лучше, когда надъ ними висѣлъ Дамокловъ мечъ...

—Постой, докторъ, сказалъ ему отецъ, стараясь взять его за руку.

—Нѣтъ, кричалъ Козвино, отстраняя отца.—Нѣтъ! Греки были лучше, когда надъ ними висѣлъ Дамокловъ мечъ мусульманскаго гнѣва! а теперь? Теперь вы что? Вы ничтожные искатели вещественныхъ интересовъ. У васъ нѣтъ рыцарскаго воспитанія въ прошедшемъ... У васъ не было Байардовъ и Рогановъ... у васъ нѣтъ ни романтической чистоты, ни изящныхъ пороковъ... да! вы всѣ кулцы, разнощики, продавцы бубликовъ, носильщики, саложники, мерзавцы!.. Вамъ былъ полезенъ ужасъ; ваши чувства тогда были отъ страха идеальнѣе... у васъ тогда по крайней мѣрѣ было глубоко православное чувство... Вы за церковь, за Христа въ старину отдавали жизнь... Я матеріалистъ, я, можетъ-быть атеистъ, но я понимаю высоту христіанства... а теперь, когда Турки перестали васъ бить и рѣзать, вы уже не строите монастырей; вы строите ваши національныя школы, гдѣ оборванный осель-учитель (дуракъ! дуракъ!) кричить: „Эллада! Эллада!“ Вы теперь не вѣруете, вы не бѣжите въ пустыню, не молитесь, рыдая... нѣтъ! вы лжете, обманываете, торгуете... вы какъ Жиды грабите процентами Турокъ, которые гораздо лучше, благороднѣе васъ... Вы...

—Докторъ! перебилъ Исаакидесъ краснѣя,—вы гордитесь вашимъ воспитаніемъ... будьте-ка вѣжливые...

—Зачѣмъ, съ кѣмъ? противъ кого? возразилъ Козвино въ себя:—Противъ тебя, несчастный... тебя! тебя!.. Ты первый фальшивыми росписками и незаконными процентами ограбить хочешь бѣднаго Шерифъ-бея, которому ты не достоинъ развязать ремень на обуви...

Исаакидесъ побѣднѣлъ... и всѣ смутились крѣпко, слыша это; отецъ мой въ отчаяніи схватилъ себя за голову руками...

Тогда г. Бакъевъ тоже всталъ съ ковра и обратился къ доктору очень строго и твердо.

—Г. Козвино, сказалъ онъ, — и я вамъ говорю, наконецъ, умѣрьте ваши выраженія... Вы грубо оскорбляете моихъ друзей. Я вамъ это говорю... Повяли вы? Это я... а!..

Козвино побѣднѣлъ; онъ взглянулъ нѣсколько разъ, весь вздрагивая, въ лицо г. Бакъеву.

—Вы, г. Бакъевъ? вы? Знайте же что и отъ васъ... да! и

отъ васъ мнѣ нейдетъ принимать уроки хорошихъ манеръ... Да!.. прощайте. Лодку мнѣ! лодку... Гайдума! лодку!..

Бакъевъ и за нимъ Исаакидесъ громко захохотали ему вслѣдъ.

Отецъ мой и Чувалиди звали доктора назадъ, умоляя его образумиться, но просьбы ихъ были тщетны! напрасно и я бѣжалъ за нимъ, по приказанію отца, до берега, повторяя ему: „Вернитесь, докторъ, вернитесь, отецъ мой проситъ васъ... Во имя Божіе просимъ васъ, вернитесь...“ Все напрасно! онъ прошелъ грозно мимо всѣхъ слугъ и кавассовъ, которые съ удивленіемъ вскочили и слушали какъ онъ кричалъ: „Лодочникъ! лодку мнѣ! лодку!“

Гайдума кинулась собирать свои вещи въ корзину. Но и она не послѣла за докторомъ.

На берегу онъ нашелъ спорящихъ лодочниковъ, толкнулъ одного изъ нихъ ногой и самъ вскочивъ въ лодку закричалъ ему: „Вставай! бери весло!“

Напрасно я взывалъ къ нему: „докторъ, милый нашъ, золотой докторъ... вернитесь...“

Онъ былъ уже далеко и сама быстрая Гайдума приближалась къ берегу съ корзиной слишкомъ поздно.

Безъ доктора всѣ стали скучнѣе.

Г. Бакъевъ, узнавъ отъ меня что Козвино ужъ далеко отплылъ отъ берега, презрительно пожалъ плечами и обратившись къ отцу моему сказалъ:

— Безумный и нестерпимый человекъ. Я всегда дивлюсь г. Благову, какъ онъ можетъ проводить съ нимъ такъ часто цѣлые вечера. Я очень радъ что онъ убрался. Пусть играетъ музыка!

Но музыка не оживила никого. Самъ Бакъевъ задумчиво молчалъ. Чувалиди говорилъ о какихъ-то дѣлахъ съ Бостанджи-Оглу. Исаакидесъ опять отвелъ отца моего въ сторону и шепталъ съ нимъ...

Мнѣ стало сперва жалко доктора, надъ которымъ всѣ смѣялись, потомъ грустно, а потомъ и странно...

Я сѣлъ за монастыремъ на камнѣ и смотрѣлъ какъ заходило солнце за гору, по ту сторону города, какъ темнѣло широкое озеро, въ которомъ утопили Турки молодыхъ архитекторовъ и несчастную параману.... Ахъ! горько! горько жить на этомъ свѣтѣ!..

Все темнѣло и темнѣло... Музыка умолкла. Г. Бакъевъ приказалъ готовиться къ отъѣзду.

Ударилъ съ крѣпости противъ насъ пушки... На минаретахъ въ городѣ загорѣлись плошки... Я вспомнилъ что у Гурокъ начался *рамазанъ*.

— Когда бы скорѣй домой, въ теплое и тихое жилище... Отчего такъ грустно мнѣ и страшно... отчего — не знаю!

Я бросился послѣшно за г. Бакъевымъ чтобы не отставать отъ него и быть подъ его покровительствомъ.

Отецъ мой былъ тоже близко и мы втроемъ сѣли въ перую лодку. Въ другой повѣхали Чувалиди, Исаакидесъ съ докторской Гаїдушей и съ Маноли кавассъ-баши. Въ остальныхъ лодкахъ вѣхали музыканты, слуги и старый, семидесятилѣтній кавассъ Ставри, тотъ самый который въ двадцатыхъ годахъ сражался подъ начальствомъ Караискаки и такъ хорошо умѣлъ танцовать по-албански.

Нашъ первый лодочникъ былъ Турокъ и гребець хорошій и мы скоро оставили всѣхъ другихъ далеко назадъ.

Г. Бакъевъ и отецъ молчали. Я все смотрѣлъ съ нелюбопытнымъ содраганіемъ то на черную бездну, по которой плыла наша плоская и ветхая лодка, то на огни дальнихъ минаретовъ, то на суровое, не бритое и усатое лицо Турка лодочника нашего. Я сидѣлъ около него и мнѣ показалось что онъ раза два окинулъ всѣхъ насъ свирѣлымъ взглядомъ.

Я молился про себя Божьей Матери и Св. Георгію Янинскому и искалъ глазами въ темнотѣ того низменнаго берега къ которому мы должны были пристать.

Отецъ сдѣлалъ наконецъ одинъ вопросъ г. Бакъеву:

— Я осмѣлюсь спросить, сказалъ онъ, — сколько драгомановъ трактаты позволяютъ имѣть консуламъ въ Турціи?

— Простое консульство можетъ имѣть трехъ, генеральное четверыхъ, отвѣчалъ г. Бакъевъ.

— Отчего же, ваше благородіе (простите мое любопытство), продолжалъ отецъ: — здѣшнее консульство держитъ только одного? Мнѣ кажется что и двое были бы полезны.

— Не знаю, отвѣчалъ Бакъевъ. — Это не мое дѣло. Это распоряженіе консула... Чтò жь до этого... Посмотрите какъ эти фанатики освѣтили свои минареты.

Услыхавъ это неосторожное слово я съ ужасомъ взглянулъ на суроваго лодочника... Всѣ янинскіе Турки знаютъ по-гречески какъ Греки, а г. Бакъевъ говоритъ по-гречески. Опять

вообразилъ я мгновенно и капитана съ переломленною ногою брошеннаго въ воду и Евфросиню и няньку. Лодка качалась отъ малѣйшаго движенія... Лодочникъ молчалъ и гребъ какъ будто медленное прежняго.

Смотрите, думалъ я, стчего жь онъ гребетъ медленное? Отчего это? Боже, спаси Ты насъ! Боже спаси насъ.

Помолчавъ, отецъ мой еще спросилъ:

— Осмѣлюсь обезпокоить васъ, ваше благородіе; вы никакой записки не получали отъ господина Благова изъ Загоръ обо мнѣ?

— Записку? Записку объ васъ? Записка была и было что-то тамъ, кажется, и объ васъ... подъ конецъ... двѣ строки... Не помню.. У г. Благова отвратительный почеркъ, и я признаюсь, не слишкомъ трудился все разбирать. Довольно мнѣ и той скуки что по обязанности долженъ разбирать его скверный почеркъ на казенныхъ бумагахъ... Вы какъ находите Янику? Не правда ли, прескверный городишка.. Тоска!

— Конечно, городъ не европейскій, отвѣчалъ отецъ мой.

— Еще бы! Какая тутъ Европа!.. Это такая скука, такое варварство! У меня нервы разстроены отъ одной мостовой здѣшной.

Отецъ не отвѣчалъ. Все опять стихло... Вода кругомъ чернѣла; лодочникъ медленно гребъ; а я опять молился.

Наконецъ изменный берегъ близко. Воскликнувъ мысленно: „Слава Тебѣ Боже, слава Тебѣ!“ Я выскочилъ вслѣдъ за г. Бакъевымъ, не дожидаясь отца. Отецъ за мною...

Вдругъ въ эту самую минуту человѣкъ шесть или семь турецкихъ солдатъ съ чаушемъ явились предъ нами изъ мрака, съ ружьями на плечахъ.

— *Ясакъ!* * грозно воскликнулъ чаушъ, толкая въ грудь отца: — Назадъ, назадъ... Запрещено изъ острова по заходу денію солнца. Ясакъ! говорятъ тебѣ! повторилъ онъ прогоняя отца къ водѣ.

— Постой, добрый человѣче, сказалъ ему кротко отецъ,— постой, мы не знали этого. Вотъ и самъ московскій консулъ.

— Ясакъ!...

Г. Бакъевъ тогда схватилъ за руку чауша и воскликнулъ взволнованнымъ голосомъ:

* *Ясакъ*—запрещено.

— Ты не видишь кто я... Ты пьянъ, животное....

Чаушъ отдернулъ грубо руку и, взмахнувъ прикладомъ, воскликнулъ:

— Я пьянъ, я пьянъ? Постоите же, покажу я вамъ... Окружи ихъ и приставь штыки, скомандовавъ оны солдатамъ.

Вмигъ всѣхъ насъ троицхъ замкнули въ кругъ и штыки со всѣхъ сторонъ почти уперлись въ наши груди.

— Кто вы такіе? спросилъ еще разъ чаушъ грозно.

Я трепеталъ и не могъ даже и молиться... Вотъ мои предчувствія. Сбылись они. Я держался крѣпко за платье отца.

— Ты строго отвѣтишь за это, сказалъ чаушу г. Бакъевъ.

Голосъ его все также дрожалъ.

— Я говорю, кто вы такіе? повторилъ чаушъ.

Но въ эту самую минуту причалила вторая лодка. Съ нея быстро и легко какъ птичка вылетѣлъ старшій Ставри, обнажилъ мгновенно ятаганъ и закричалъ звѣрскимъ голосомъ на солдатъ:

— Прочь вы, сволочь безсмысленная! Не видите вы, анаемы, что вы оскорбляете русскаго консула... Прочь всѣ сейчасъ.... Или я васъ всѣхъ какъ собакъ въ озерѣ утопаю....

Тутъ же раздалось бряцаніе дослѣховъ Манюли кавассъ-баши... Онъ тоже вынулъ ятаганъ и воскликнулъ:

— Разойдитесь, животные. Прочь!

За нимъ бѣжала и Гайдуша съ крикомъ:

— Бей, бей ихъ, Манюли! Рѣжь ихъ, Ставри!

Солдаты разступились... Чаушъ молчалъ...

Кавассы наши и Гайдуша продолжали ихъ ругать.

— Я чтò жь, сказалъ наконецъ чаушъ угрюмо. — Я не зналъ кто это. Мнѣ приказано не пускать; оказано *асагъ*, я и говорю *асагъ*.

— Дуракъ, возразилъ ему Ставри. — Развѣ ваши законы для консуловъ писаны...

— Ты мнѣ отвѣтишь за это завтра, сказалъ чаушу г. Бакъевъ сильнымъ, уже спокойнымъ голосомъ.

И мы пошли... Исаакидесъ и Чувалиди скоро догнали насъ. Исаакидесъ былъ въ негодованіи и говорилъ что простить этого невозможно. Чувалиди молчалъ.

При входѣ въ городъ мы растались съ ними. Намъ съ отцомъ и Гайдушѣ нужно было повернуть къ доктору.

Къ счастью ключъ отъ дверей былъ не у доктора, а у Гайдуши, и мы могли отпереть домъ безъ него.

Самъ Коввино вспомнилъ о ключѣ только подходя къ дому. Дѣлать ему было нечего. Онъ ушелъ къ Абдурраимъ-эффенди и тамъ провелъ цѣлый вечеръ, понося Исаакидеса и расхваливая Турокъ. Такъ онъ самъ говорилъ намъ радостно на другой день.

Когда мы раздѣвались и ложились спать, отецъ мой сказалъ мнѣ:

— Много, сынокъ мой, видѣли мы вещей сегодня, очень много....

— Да, отецъ, сказалъ я,—много мы видѣли. А ты не огорченъ ли, отецъ?

— Нѣтъ, сынокъ мой, нѣтъ. Съ Божьей помощью все будетъ хорошо. Бакъевъ, я вижу, не сердится на меня.

— А знаешь, отецъ, сказалъ я еще,—ты не знаю какъ объ этомъ думаешь... А я думаю что Бакъевъ Благова не любить. Все онъ какъ будто не радъ когда ты о Благовѣ ему говоришь.

— Вотъ ты какой хитрый, отвѣчалъ мнѣ отецъ смѣясь.— Несториди нашъ бѣдный порадовался бы на это. Сказано: Грекъ, да еще загорокій.

— А послушай, отецъ, какъ ты скажешь, а вѣдь величія дипломатическаго у Бакъева больше чѣмъ у Благова. Ростъ какой...

Отецъ засмѣялся олять.

— Плоть сильна, но духъ немощенъ у него, сказалъ онъ.— Ты смотри только, объ этомъ никому не говори, дитя мое. Я тебѣ скажу что русскому чиновнику не надо бы и кавасовъ ждать, а самому бы чауша этого сегодня крѣпко ударить... Я думаю, Благовъ хоть и раздушенный какъ барышня, а сдѣлалъ бы такъ. Я слышалъ о немъ уже такія дѣла. Только все-таки намъ по городу смѣяться надъ русскими чиновниками не слѣдуетъ. И ты смотри, исторію эту для г. Бакъева выгодноѣ разказывай. Русскіе всѣ, каковы бы они ни были, наши первые благодѣтели. А ума и мужества не всѣмъ удѣлилъ Богъ въ одной мѣрѣ. Покойной ночи тебѣ, сынокъ. Бѣдному этому чаушу, я думаю, завтра будетъ худо. Судьба, все судьба... А ты помолись Богу и спи спокойно, дитя мое.

Я помолился, поблагодарилъ Бога за спасеніе отъ воды и отъ Турокъ, снялъ съ отца сапоги и платье и мирно уснулъ.

На другой день вѣсть о томъ что Турки оскорбили управляющаго Русскимъ консульствомъ разнеслась по всему городу.

Иные говорили что г. Бакъева ударили Турки прикладомъ, другіе, напротивъ того, что онъ ударилъ въ лицо чауша и сказалъ ему: „О, необразованный, дикій ты человѣкъ! Ты не знаешь о трактатахъ великихъ державъ.“

Я съ утра выпросилъ у отца позволеніе сходить въ Русское консульство въ гости къ Бостанджи-Оглу, который еще прежде приглашалъ меня, и тамъ былъ свидѣтелемъ многого.

Чаушъ съ разсвѣта пришелъ въ консульство и ждалъ г. Бакъева, чтобы просить у него прощенія. Его послалъ самъ полковникъ. Но у Бакъева на квартирѣ былъ также уже съ утра Исаакидесъ. Когда чауша допустили къ г. Бакъеву, Исаакидесъ уже успѣлъ раздражить его.

— Эти фанатики!.. Эти звѣри!.. Не вѣрьте что онъ не знаетъ кто вы такой!.. Не вѣрьте. Они всѣ такого азійскаго духа!.. Всѣ пытаются оскорбить иностранцевъ на удачу. Если удастся, хорошо, не удастся — просятъ прощенія и лгутъ!.. Весь городъ уже знаетъ о томъ что васъ вчера оскорбили!..

Эти же самыя слова повторилъ Исаакидесъ и внизу, при мнѣ, въ канцеляріи.

Напрасно чаушъ униженно кланялся, напрасно онъ хваталъ полу Бакъева, управляющій не обратилъ на него никакого вниманія и приказалъ осѣдлатъ себѣ лошадь чтобы ѣхать ко всѣмъ консуламъ и къ лашѣ. Онъ зашелъ на минутку въ канцелярію и объяснилъ Бостанджи-Оглу въ какомъ духѣ надо приготовить для лаши ногу!..

Мы всѣ стѣя саушали.

— Жестче, понимаете, жестче! говорилъ онъ.

Исаакидесъ краснѣлъ отъ радости. Бостанджи-Оглу также какъ будто радовался. Но мнѣ, признаюсь, стало жаль бѣднаго чауша. Я вѣрилъ его раскаянію; вѣрилъ и тому что онъ ошибся вчера. Къ тому же онъ исполнялъ лишь приказанія своего начальства.

Г. Бакъевъ вышелъ изъ канцеляріи въ стѣни чтобы сѣсть на лошадь; чаушъ еще разъ кинулся къ нему!..

— Эффенди! произнесъ онъ, прикладывая руку къ сердцу.

Г. Бакъевъ остановился и сказалъ ему:

— Любезный мой, ты виноватъ меньше твоего полковника: онъ долженъ учить тебя... Но я простить не могу.

Въ эту минуту въ большихъ дверяхъ консульства показались два чужихъ кавасса и за ними вошли сперва г. Бреше, а потомъ Ашенбрехеръ, австрійскій консулъ. Оба были въ форменныхъ фуражкахъ.

— Quoi! mon très-cher Monsieur! воскликнулъ съ перваго слова г. Бреше. — Правда ли что васъ осмѣлили оскорбить вчера?

— Да! вообразите! отвѣчалъ г. Бакъевъ, съ чувствомъ пожимая руки обоимъ консуламъ. — Я собирался ѣхать ко всемъ коллегамъ моимъ и подвергнуть дѣло это ихъ безпристрастному суду.

— Montens et rasontez-nous! воскликнулъ Бреше. — Что сдѣлала вамъ эта сволочь?.. Cette gasaille! Я выучу ихъ помануть что такое европейское консульство.

— Мы всѣ солидарны, всѣ солидарны, говорилъ толстый Ашенбрехеръ.

И они ушли на верхъ.

Старый Ставри сказалъ тогда чаушу:

— Я говорилъ тебѣ вчера что ты дуракъ. Видишь, несчастный, что я правду тебѣ говорилъ. Еслибы ты вчера на мѣсто попросилъ бы прощенія, нашъ бы простилъ. А теперь когда Французъ вмѣшался, пропала твоя голова. Жаль и мнѣ тебя, несчастный. Но ты, я сказалъ тебѣ, дуракъ.. Слышишь?

— Судьба, сказалъ Турокъ, вздохнувъ, и пошелъ печальный изъ консульства.

— Бѣдный, сказалъ я,—обращаясь къ Бостанджи-Оглу.

— Да, отвѣчалъ Бостанджи-Оглу,—теперь его строже накажутъ, когда Бреше вмѣшался... Бреше звѣрь.

— Не звѣрь, возразилъ ему Исаакидесъ, — а ловецъ коронный на дикихъ звѣрей. Консулъ какимъ долженъ быть на Востокѣ консулъ.

Немного погодя, оба западные консулы и г. Бакъевъ сошли сверху и простились у дверей. Г. Бакъевъ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ къ лашѣ, а Бреше и Ашенбрехеръ пошелъ въ другую сторону.

Я тоже хотѣлъ идти домой, но Исаакидесъ удержалъ меня на минуту, отвелъ въ сторону и сказалъ:

— Скажи по секрету отцу что его дѣло по драгоманату почти устроено и чтобъ онъ непременно зашелъ сегодня въ консульство. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Возвратившись домой, я засталъ доктора еще дома. Онъ вообще выходилъ къ больнымъ поздно. Хоть въ Яницѣ было и въ Италіи, но Ковино и до сихъ поръ считается у насъ лучшимъ. У него быстрый взглядъ, рѣшительность въ дѣлѣ, находчивость, счастливая рука. Поэтому онъ и знать никого не хотѣлъ. Напрасно было приглашать его рано, напрасно было умолять его и давать ему деньги чтобъ онъ вышелъ изъ дома раньше чѣмъ ему хочется. Ни дружба, ни состраданіе, ни корысть не могли измѣнить его привычекъ. Онъ пилъ кофе и курилъ не слѣша, въ турецкой одеждѣ; потомъ чесался и передѣлывалъ себѣ проборъ разъ десять по-англійски до затылка; вынималъ изъ коммода нѣсколько паръ французскихъ перчатокъ, разглаживалъ ихъ, расправлялъ, выбиралъ то коричневую, то зеленую, то сѣрую пару, нюхалъ ихъ съ восторгомъ, опять пряталъ. Потомъ надѣвалъ модную, чистую, вѣнскую рубашку, одѣвался долго съ помощью Гайдуша. Чистилъ долго самъ свой новый цилиндръ.

— Гайдуша! Чтò я сегодня надѣну? Я думаю черный *мигре*? (такъ звалъ онъ сюртукъ.)

— Надѣньте *мигре* или коричневый *жакетонъ*.

— А? Какъ ты думаешь? А? Или *мигре*?..

— Въ *жакетонѣ* вы моложе, въ *мигре* серіознѣе, отвѣчала Гайдуша.

— А! *Жакетонъ!* *жакетонъ!* Я сегодня хочу быть моложе. Великій Дэнгъ сказалъ. Ты помнишь, Гайдуша, тотъ великій, великій Италіанскій поэтъ, который объ адѣ писалъ: *Lasciate ogni speranza*. Помнишь? Давай *жакетъ*... А! а! а! молодость весна жизни. Учись, Одиссей, по-италіянски непременно учись.

Если случался поутру при этомъ какой-нибудь знакомый или пріятель, докторъ начиналъ безконечные споры объ астрономіи, религіи, любви, поэзіи (менѣе всего онъ любилъ говорить о политикѣ). И въ это время, когда онъ чесался, помадился, глядѣлся въ зеркало или говорилъ, то о разстояніи земли отъ солнца, то объ Уголино грызущемъ въ аду

голову врага своего кардинала, въ это время никакая сила не могла вызвать его къ больнымъ изъ дома.

Разъ одинъ богатый албанскій бей, изъ дикои и воинствен-ной Чамурьи, пріѣхалъ лѣчить сына въ Янику. Онъ вошелъ къ доктору весь въ золотѣ, въ оружїи и гордо потребовалъ, кладя на столъ десять англійскихъ золотыхъ, чтобы Коввино *сейчасъ же* слѣшилъ къ нему на домъ.

Это было поутру и проборъ доктора еще былъ не пробранъ.

— Я! я! слѣшить?.. Я? воскликнулъ онъ; швырнулъ все золото предъ беємъ на полъ, ушелъ и заперся въ спальнѣ.

Гордый бей, привыкшій повелѣвать въ Чамурьѣ, удивился что Грекъ не хочетъ денегъ; но медицинская слава Коввино была велика въ городѣ и онъ рѣшился ждать въ гостиной пока докторъ одѣнется и соблаговолитъ выйти.

Въ это утро, возвращаясь изъ Русскаго консульства уже довольно поздно, я засталъ Коввино еще въ халатѣ и фескѣ.

Онъ былъ веселъ, несмотря на вчерашнюю ссору съ Исаакидесомъ и Бакѣвымъ; громко хохоталъ и шумѣлъ и спорилъ съ отцомъ.

Гайдуша принимала отчасти тоже участіе въ спорѣ, то стоя у дверей, то прыгая по комнатѣ, то поправляя уголья въ *мангалъ*. Разсуждали о томъ: освободятъ ли рабовъ въ Россїи или нѣтъ, о томъ каково дворянство русское и что такое г. Бакѣвъ, дворянинъ по породѣ или нѣтъ. Разсерженный на Бакѣва докторъ утверждалъ что вѣроятно онъ не дворянинъ; что вкусы у него слишкомъ низки, что онъ проводитъ слишкомъ много времени съ Куско-беємъ, у котораго сюртукъ блеститъ какъ зеркало, и съ осломъ Исаакидесомъ, у котораго тоже сюртукъ салея и который выбриваетъ себѣ криво промежутки между усами. „Онъ не аристократъ!“ говорилъ докторъ. Отецъ возражалъ ему что здѣсь и не знаютъ что такое русское дворянство; что у Русскихъ есть благородные люди у которыхъ нѣтъ ничего, несмотря даже на то что они имѣютъ десятка два, три рабовъ. Въ Бессарабіи, напримѣръ, онъ видѣлъ подобныхъ людей очень бѣдными; но они были горды и разсердясь говорили богатымъ кулцамъ: „Хоть ты и богатъ, но я дворянинъ, а ты все-таки мужикъ!“

Коввино услыхавъ это пришелъ въ восторгъ, въ изступленіе:

— А! а! Это испанское! это испанское! Кавалеръ! Бѣдный рыцарь! Я не ошибся въ Русскихъ!.. О! какъ я люблю эту гордую независимость крови.

Лицо его дѣлалось попеременно то блаженнымъ и сладкимъ, то грознымъ и воинственнымъ; онъ носился по комнатамъ то къ отцу, то ко мнѣ, то къ Гайдусѣ, выхваляя Испанцевъ и мелкихъ русскихъ чиновниковъ за то что они не кулцы и не банкиры.

На мигъ онъ успокоивался и говорилъ тихо и медленно:

— Когда здѣшніе Бичо, Куско-беи, Кондѹ и другіе яинскіе такъ-называемые архонты, говорятъ про свой кругъ „наша мѣстная *аристократія*“, я возражаю имъ такъ. „Слушайте; аристократія происходитъ или отъ силы меча, отъ великихъ военныхъ подвиговъ, или дается за высокіе гражданскіе труды на пользу государства... Да! Въ Европѣ есть аристократія. Напримеръ... (Козвину вставалъ и шелъ черезъ всю комнату къ отцу). — Напримеръ *Principes* (князья! тихо подходя ко мнѣ.) *Dukides!*... (Герцоги! громче) *Contides!*... (Графы! еще громче, обращаясь къ Гайдусѣ. Опять шелъ къ отцу на другой конецъ комнаты и еще громче и басистѣе:) — *Viscontides!* (Виконты!)

И все важно, медленно и гордо; а потомъ какъ вдругъ взвизгнеть, вспрыгнеть, захохочеть, закричить:

— А вы? Вы всё что такое, не только здѣсь, но и вы Эдладъ? А? Семиджѹ, варкаджи, бояджи, палуджи, лустраджи!.. * Ха! ха! ха!..

Мы всё трое, отецъ, Гайдуша и я, умирали отъ смѣха.

Однако, и на этотъ разъ веселость наша не была продолжительна; кто-то застучался въ дверь. Гайдуша пошла отпереть, возвратилась и вслѣдъ за нею вбѣжала въ комнату старая бѣдно одѣтая Турчанка и съ крикомъ: „Хекумъ-баши мой, эффенди мой... Аманъ, эффенди, спаси моего сына...“ бросилась къ ногамъ доктора, хватая его полу.

Въ первую минуту, мы всё думали что она проситъ вылѣчить бѣднаго сына; но Гайдуша сказала что она мать тому чаушу который вчера оскорбилъ г. Бакѣва и зная

* *Семиджѹ*, равнощикъ баранокъ, бубайковъ. *Варкаджи*, лодочникъ. *Бояджи*, красильщикъ. *Палуджи*, башмачникъ. *Лустраджи*, *dérotteur*.

что докторъ очень близокъ съ Русскимъ консульствомъ пришла просить его заступничества.

Старушка была очень жалка. Зеленое *фредузе* ея было потерто; *яшакъ* старъ и грубъ; рабочія руки жесткія; день былъ осенній и сырой и она дрожала и отъ волненія, и отъ холода. Она говорила по-гречески также какъ говорятъ простыя наши Гречанки; употребляла тѣ же самыя ласковыя или горькія слова... „Золотой мой докторъ“. „Богъ да благословить тебя, мой сынъ, мой барашекъ милый... Спаси мѣя сына“. „Я ему невѣсту нашла недавно, барашекъ мой докторъ, добрый мой докторъ!... Поди, сынъ мой, лоди эффенди мой. Русскій тебѣ другъ... Попроси его чтобъ онъ простилъ моего Мехмеда... Богъ наградитъ тебя, Богъ, сынокъ мой!...“

Мать, все мать... Я съ безпокойствомъ смотрѣлъ на Козвино, и ждалъ что онъ скажетъ. Докторъ былъ впечатлительнъ и добръ. Онъ былъ тоже взволнованъ и молча, содрагаясь всѣми чертами своего оживленнаго лица, глядѣлъ въ дорнетъ на старуху. Она въ утомленіи сѣла наконецъ у ногъ его на ковръ и плакала, утираясь старымъ своимъ покрываломъ.

Гайдуша вопросительно глядѣла на своего господина. И она хотѣла помочь старухѣ. Отецъ тоже замѣтно былъ тронутъ и сидѣлъ на диванѣ задумчиво.

Докторъ вздохнулъ, наконецъ, и сказалъ:

— Ты говоришь Мехмедъ чаушъ твой сынъ!... Что мать дѣлать?

— Эффенди мой! сказала старушка складывая предъ нимъ руки.

— Непріятно!... воскликнулъ Козвино обращаясь къ отцу. Потомъ онъ сказалъ старухѣ:—Бѣдная, я не этому консулу другъ, а тому который уѣхалъ...

— Эффенди мой, будь живъ и здоровъ! повторила Турчанка необыкновенно ласково и кратко.

Докторъ былъ въ большомъ волненіи и долго молчалъ. Потомъ онъ сказалъ отцу:

— Слушай, Полихроніадесь, сдѣлай ты это доброе дѣло. Видишь, мой другъ, Бакъевъ не джентльменъ... Если я пойду... Я готовъ... Я жалю эту женщину. Но если... если... (Ляцо Козвино налилось кровью.) Если онъ меня не приметъ или приметъ со своими гримасами... „Гм! да!... Гм! да!... Конечно!..“

„Можетъ быть...“ О! о! мой другъ.... Тогда!.. Нѣтъ люди ты! У тебя и нравъ иной, и нервы крѣпче и ты не былъ въ ссорѣ съ нимъ...

Отецъ пожалъ плечами...

— Какъ идти! И я не близокъ съ нимъ.... Что значитъ моя защита въ его глазахъ?... И меня онъ можетъ не принять...

Въ эту минуту я вспомнилъ о словахъ Исаакидеса на порогѣ консульства и съ радостью вызвалъ отца въ другую комнату...

Я передалъ ему тамъ по секрету что г. Бакъевъ будетъ его ждать сегодня и что *дѣло его почти сдѣлано*... Такъ какъ сказалъ Исаакидесъ.

— Вотъ и попросишь и за женщину, отецъ... Будь живъ и здоровъ... Жалко бѣдную старушку.

Отецъ сначала не хотѣлъ и вѣрить, заставилъ меня еще разъ повторить слова Исаакидеса и, наконецъ, смѣясь сказалъ:

— Какой интриганъ этотъ человекъ! Когда такъ, можно пойти...

Турчанку, впрочемъ, усложнить было не легко; она очень огорчилась когда узнала что не докторъ пойдетъ, а неизвестный ей человекъ, мой отецъ. Гайдуша, однако, сумѣла объяснить ей что докторъ съ этимъ консуломъ не другъ, а будто бы первый другъ ему именно мой отецъ...

Отецъ одѣлся и пошелъ въ консульство, и я изъ любопытства за нимъ; а Турчанка шла немного особо вслѣдъ за нами.

Неподалеку отъ консульства, отецъ мой еще разъ спросилъ меня, не ошибся ли я? Онъ заставилъ меня повторить еще разъ слова Исаакидеса...

Напряженіе умовъ въ консульствѣ продолжалось. Г. Бакъева еще не было дома. Онъ возвратился на минуту изъ кабинета, подписалъ ту бумагу которая была имъ заказана на случай неудачныхъ словесныхъ переговоровъ съ лашой, отправилъ ее и тотчасъ же ушелъ къ Бреше.

Бостанджи-Оглу разказывалъ намъ что Рауфъ-паша сначала притворился будто ничего не знаетъ о вчерашнемъ, но потомъ, когда г. Бакъевъ сказалъ ему, черезъ переводчика, что онъ дивится какъ начальство не знаетъ о томъ что простые солдаты оскорбляютъ иностранныхъ представителей,

Рауфъ-паша смутился и началъ извиняться и увѣрять что онъ дѣло разберетъ и чауша примѣрно накажетъ...

— Дѣло не въ чаушѣ, а въ полковникѣ, который долженъ былъ, отдавая полицейское приказаніе, прибавить: „исключая консуловъ и чиновниковъ ихъ“!

Бакъевъ предупредилъ Рауфъ-пашу что если къ вечеру полковникъ не явится просить у него извиненія, онъ долженъ будетъ прибѣгнуть къ мѣрамъ крайне непріятнымъ.

Паша на это ничего не отвѣтилъ. Бреше обѣщаль пойти самъ, если переговоры Бакъева не приведутъ къ концу... Ашенбрехеръ сказалъ что онъ сдѣлаетъ то же. Киркорини отговаривался болѣзнью и обѣщаль послать драгомана, а Корбетъ де-Леси, у котораго Бакъевъ былъ вмѣстѣ съ Бреше, сначала сталъ было защищать чауша, но когда Бреше сердито сказалъ ему: „Итакъ, господинъ де-Леси, я прошу васъ сказать мнѣ рѣшительно, желаете ли вы быть солидарны со всѣмъ консульскимъ корпусомъ или нѣтъ въ этомъ случаѣ?“ Леси отвѣчалъ лукаво что онъ и самъ очень заинтересованъ этимъ вопросомъ; что драгоманъ его и безъ того долженъ идти по дѣламъ сегодня въ Порту и онъ прикажетъ ему „выикнуть между прочимъ и въ то, какъ имперска мѣстная власть отнестись къ поступку чауша“.

Вскорѣ пришелъ и самъ г. Бакъевъ. Онъ любезно поздоровался съ отцомъ и позвалъ его на верхъ. Тамъ они разговаривали долго; потому отецъ сошелъ и г. Бакъевъ провожая его на лѣстницу повторялъ ему:

— Очень вамъ благодаренъ... Очень благодаренъ. Будьте и вы покойны! Я все сдѣлаю что могу.

Отецъ велѣлъ мнѣ ждать и самъ послѣдно пошелъ въ конакъ.

Въ чемъ же было дѣло? Ты, я думаю, отчасти уже догадался...

Послѣ отецъ разказалъ мнѣ все.

Исаакидесь, у котораго, какъ ты знаешь, было дѣло съ Шерифъ-беемъ, молодымъ племянникомъ Абдурраимъ-эффенди, дѣло залутанное и не чистое, давно желалъ перевести тяжбу эту, посредствомъ векселей, на имя какого-нибудь русскаго подданнаго или на имя чиновника Русскаго консульства. На искусство и вѣсъ эллинскаго консула онъ также мало надѣялся, какъ и отецъ мой. Людей записанныхъ въ русское подданство въ Элпирѣ было человекъ шесть-

семь, но двое изъ нихъ были въ отсутствіи; другіе жили не въ Яникѣ, а въ селахъ: цыне были люди простые и ничтожныя. Драгоманъ, который уѣхалъ съ Благовымъ, не хотѣлъ мѣшаться въ это дѣло. Исаакидеса самого Благовъ не хотѣлъ сдѣлать вторымъ драгоманомъ и не стѣсняясь отказалъ ему, когда Исаакидесъ предлагалъ свои услуги. „Вы, я знаю, приверженецъ великой идеи, отвѣчалъ онъ ему, человекъ безлокойный и какъ разъ начнете либо ссориться съ Турками каждый день въ судѣ и конакѣ, либо будете чуть не съ тарелкой ходить по базару и собирать на возстаніе. Къ тому же у васъ все одна фраза: „Турція и варварство!“ а я этого терпѣть не могу. Завтракать милости просимъ; а довѣряться я такому фанатику какъ вы не могу.“

Исаакидесъ, узнавъ откуда-то что Благову очень понравился мой отецъ, порѣшилъ поскорѣе устроить его вторымъ драгоманомъ при Русскомъ консульствѣ. Онъ находилъ удобнымъ начать это дѣло немедленно, при г. Бакъевѣ, по нѣсколькимъ причинамъ. Вопервыхъ, потому что онъ самъ на Бакъева имѣлъ гораздо больше вліянія чѣмъ на Благова, который надъ нимъ подсмѣивался; вовторыхъ, потому что Благовъ, пожалуй, и для Подихроніадеса не захотѣлъ бы пустить въ ходъ сомнительную тяжбу, а разъ уже отецъ сдѣлался драгоманомъ и тяжба признана, то и Благову будетъ неловко отступить отъ тяжбы или удалить отца. И наконецъ, для того чтобы вообще времени не терять и пользоваться тѣмъ что отецъ здѣсь, а не въ Тульчѣ.

Руководясь этими цѣлями, Исаакидесъ, съ одной стороны, уговаривалъ отца проситься въ русскіе драгоманы, какъ для того чтобы имѣть лучшую защиту отъ Петраки-бея, такъ и для того чтобы съ него, Исаакидеса, взять деньги за переводъ векселей Шерифъ-бея на свое имя... (*будто бы то-есть Исаакидесъ долженъ отцу и поручаетъ ему разыскать съ бея.*) Съ другой стороны, онъ звалъ Бостанджи-Оглу вѣсть къ себѣ варенье и увѣряя его что онъ и уменъ, и тихъ, и образованъ, что жена его даже соскучилась безъ него, старался чтобы и онъ примирилъ Бакъева съ отцомъ моимъ. А самъ, лаская молодого лица, бросилъ его наединѣ съ г. Бакъевымъ. Мы послѣ узнали все въ точности, что онъ говорилъ Бакъеву въ этотъ день такъ: „Я отчасти жалѣю что Бреше вмѣшался. Хорошо Турокъ пугать. Но вся честь достанется теперь не вамъ, а французскому консулу. Къ тому

же лучше бы ограничиться наказаніемъ чауша; а теперъ съ помощью Бреше дѣло приняло такой оборотъ что надо ждать извиненій полковника или слустить флагъ. Это ужь слишкомъ затруднить ваши отношенія съ Портой на долго*.

— Пусть трепещутъ меня Турки, такъ какъ они трепещутъ Бреше... говорилъ ему Бакъевъ.—Развѣ Россія хуже Франціи? или я хуже Бреше?

Исаакидесъ не говорилъ ему на это правды, то-есть, что онъ не сумѣетъ быть такъ свирѣль и рѣшителенъ, какъ Бреше, который на его мѣствѣ зарѣзалъ бы чауша, можетъ быть самъ, ятаганомъ.

— Главное, говорилъ онъ,—безъ хорошаго драгомана невыгодно. Бостанджи-Оглу и молодъ и неспособенъ къ дѣламъ. Безъ достоинства, безъ вѣса въ конакъ, и ломается и стыдится. Даже фizioномія у него неприятная, такой слабый и худой, и борода уже предливная; Турки зовутъ его „Москов-Яуды“... * Они его не любятъ. Черезъ дружбу со второстепенными чиновниками можно большаго достичь. Теперъ развѣ можно послать Бостанджи-Оглу въ конакъ и сказать ему просто:—Ну смотри тамъ, что будетъ. Все узнай и все сдѣлай... Я всѣхъ обстоятельствъ, сидя дома, предусмотрѣть не могу. Можно? Нѣтъ нельзя. Я бы пошелъ... Но меня Турки ненавидятъ. То ли дѣло, еслибы Полихронидесъ вамъ служилъ... Испытайте его; пошлите сегодня его въ Порту...

Бакъевъ послушался совѣта и послалъ отца въ Порту съ просьбой и разузнать какъ можно больше, и сдѣлать что-нибудь, чтобы дѣло не доходило безъ крайности до разрыва.

Отецъ мой, пользуясь минутой, не забылъ о бѣдной матери чауша и просилъ г. Бакъева пощадить бѣдняка, обращаясь прямо съ требованіями къ его начальству.

— Такъ и сдѣлано уже, сказалъ г. Бакъевъ.

Когда отецъ ушелъ въ Порту, г. Бакъевъ, довольно веселый, сошелъ къ намъ внизъ, въ канцелярію, любезно поговорилъ со мною и велѣлъ позвать Турчанку.

— Только ради Бога, сказалъ онъ,—чтобъ она мои нервы пощадила и не выла бы много.

Мы уговорили старушку не кричать и привели ее въ канцелярію.

* *Москов-Яуды*—московскій Іудей, русскій Жидъ.

Г. Бакъевъ принялъ ее величественно, но благосклонно, и сказалъ ей:

— Вашъ сынъ не такъ виноватъ какъ его полковникъ. Будьте покойны, я сумѣю наказать полковника и защитить вашего сына. Идите.

— Эффенди мой... закричала было мать. — Я скажу тебѣ, эффенди мой.

— Идите! сказалъ ей твердо г. Бакъевъ, и когда мы вышли, онъ почти упалъ на диванъ, восклицая:

— Однако, какіе тутъ нужны воловьи нервы. Порядочный человѣкъ можетъ ли здѣсь долго дышать!

Бостанджи-Оглу молчалъ, а я даже и смѣяться смѣлъ безъ приглашенія и почтительно сложивъ спереди руки, стоялъ въ углу. Хотя и самъ отецъ отозвался о немъ и вчера и прежде еще не совсѣмъ выгодно, я все еще никакъ не могъ лаять въ чемъ дѣло... Почему и чѣмъ онъ неспособнѣе или хуже Благова? Благовъ былъ веселѣе, правда; со мною любезнѣе и съ отцомъ, но за то этотъ дипломатичнѣе, величачнѣе, строже.

Помолчавъ онъ спросилъ:

— Скажите, Бостанджи-Оглу, не дѣла ли у васъ та записка г. Благова которую онъ прислалъ мнѣ изъ Загоръ?... У меня ея нѣтъ... Тамъ что-то есть о г. Полихроніадесѣ. А... вы, молодой человѣкъ, все еще стоите? Я и не замѣтилъ. Стыдитесь, сядьте! Чтò это за гнусное рабство. Нынче не та эпоха... Записка? Гдѣ же записка?

Бостанджи-Оглу тотчасъ же отыскалъ въ бумагахъ записку. Бакъевъ началъ читать ее пожимая плечами и презрительно приговаривая:

— Конечно, конечно!.. Кто же будетъ разбирать эти іероглифы? Это просто невѣжливо такъ писать ко мнѣ. Начальству онъ такъ не пишетъ. Вотъ онъ чтò пишетъ подъ ковецъ вотъ объ отцѣ его... „Полихроніадесъ человѣкъ... Человѣкъ опытный... Рекомендую... знаніе страны... умъ...“ А подъ самый ковецъ ужасно написано... „Если онъ пріѣдетъ въ Яниву безъ меня съ сыномъ; отведите имъ одну или двѣ комнаты въ домѣ и вообще устройте чтобъ имъ было хорошо!“ Вотъ я этого тогда и не разобралъ, даже вниманія не обратилъ, признаюсь... Жаль, очень жаль.

Такъ мы узнали что не г. Благовъ забылъ о своемъ обѣ-

щани принять насъ къ себѣ въ домъ, а г. Бакъевъ недалъ себѣ труда дочитать до конца его записку.

Черезъ часъ отецъ мой возвратился изъ конака и ушелъ опять съ г. Бакъевымъ на верхъ.

— Что у нихъ за секреты, Одиссей? спросилъ меня *Московъ-Яуды*, Бонстаджи-Оглу, которому самому хотѣлось быть вторымъ драгоманомъ.

— Я почему знаю! отвѣчалъ я.—Развѣ отецъ станетъ все говорить мнѣ, такому мальчику еще неразумному!

— Лжешь, мошенникъ, знаешь! Когда знаешь, будь другъ какъ другъ и скажи мнѣ. Какія у отца дѣла съ Исаакидесомъ?

Я поклялся что ничего не слышалъ. И почувствовалъ тотъ-часъ же что поклялся ложно, мысленно просилъ прощенія у Божіей Матери загорскаго параклиса нашего, *Широчайшей Небесъ*.

XVI.

Отецъ въ конакѣ узналъ многое и устроилъ кое-что по мѣрѣ силъ своихъ. Онъ видѣлся съ Феимъ-беємъ и Чуваалиди; говорилъ съ ними долго; встрѣтилъ тамъ Абдураимъ-эффенди, и отъ него узналъ нѣкоторыя подробности. Феимъ-бей намекнулъ возможность свести его и къ гордому Ибрагиму, зятю лаши.

Одни желали защитить чауша; другіе хотѣли принести его въ жертву, сохраняя достоинство Порты и полковника.

Феимъ-бей говорилъ отцу:

— Несчастіе наше, киръ-Йоргаки, въ простотѣ нашего народа. Этотъ чаушъ долженъ былъ самъ понять что такой порядокъ не для консуловъ и ихъ чиновниковъ; а для пьяницъ и лободягъ, которые возвращаются съ острова ночью въ нетрезвомъ видѣ. Полковникъ не можетъ извиняться за простаго солдата.

Чуваалиди, напротивъ того, по секрету сообщалъ отцу что чаушъ клянется будто самъ полковникъ ему такъ сказалъ: „Хоть бы бей, хоть имамя, хоть самъ дьяволъ выйдетъ на берегъ, кричи: „ясакъ“, и силой не пускай въ городъ. Я отвѣчаю... А теперь онъ отъ этого отрекается...

Абдураимъ-эффенди говорилъ такъ:

— Девлетъ это, эффенди мой? Или не Девлетъ? До чего же

дойдетъ наше удивленіе, когда каждый босоногій пришлецъ изъ Франціи или Россіи будетъ полагать на все свои законы? Если нашъ Девлетъ не Девлетъ, то зачѣмъ же Англія и Франція погубили столько людей и денегъ въ Крыму? Россія не искала взять Константинополь. Они изъ могучаго нашего союда создали намъ непримиримаго врага; тогда какъ Россія два раза уже доказала намъ свою умѣренность: въ 29мъ и въ 40мъ году... Они не для насъ, эфенди мой, воевали съ Россією; а для своихъ торговыхъ выгодъ и для своей славы. Да! и теперь они больше Русскихъ командуютъ нами. „Мы друзья!“ Аллахъ! Пусть лучше мы отъ русскаго штыка потеряемъ съ честью то что мы приобрѣли мечомъ Османа, Амурата и султана-Магомета... Чѣмъ видѣть каждый день злобу и интриги нашихъ европейскихъ друзей.. Аллахъ! Аллахъ! Какъ не лопать этого!... Какъ не лопать: но сказано давно: „Баши бостанди бетледзи!“ (Головы не растутъ въ садахъ; не скоро ихъ найдешь).

Потомъ прямой и независимый бей прибавлялъ съ презрѣніемъ:

— Полковникъ нашъ бѣдный хотѣлъ устрашить всѣхъ; а теперь самъ боится... Паша расположился послать его съ извиненіемъ; но Ибрагимъ-бей и Ферикъ его отстаиваютъ...

— Такимъ образомъ отецъ мой узналъ что есть надежда заставить полковника извиниться. Онъ сказалъ и Чувалиди, и Абдуллахъ-эфенди, и Феимъ-бею (каждому особенно и по секрету) что Бреше рѣшилъ во что бы то ни стало поддерживать Бакъева. Отецъ, сообщая это и застрашивая французскимъ консуломъ Турокъ, надѣялся избавить г. Бакъева отъ необходимости слустить флагъ. Драгоманъ французскій и австрійскій уже были по этому дѣлу въ конакъ: но австрійскій наединѣ съ Ибрагимъ-беемъ сказалъ что онъ не собственно по этому дѣлу, а по другимъ, „хотя г. Ашер-брехеръ очень сожалѣетъ что столкновеніе“ и т. д.

Драгоманъ французскій говорилъ прямо и сначала по этому дѣлу самому пашѣ; но онъ былъ Италіянецъ; мягкій и сладкій человекъ, лортой при этомъ и шилъ на Турокъ платье. Грозныя рѣчи Бреше были: „Подите скажите этимъ осламъ чтобъ они не забывали о солидарности всѣхъ консульствъ по нѣкоторымъ вопросамъ и... что они будутъ имѣть дѣло со мной, если Бакъевъ не будетъ удовлетворенъ...“

Но вмѣсто свирѣлаго, худаго и сморщеннаго лица Бреше,

вмѣсто его твердаго взгляда и рѣшительной поступи, Турки видѣли предъ собою сладкогласнаго, румянаго и подобострастнаго синьора Какачіо и рѣчь его выходила вовсе иная: „Паша-эффенди мой!... Г. Бреше свидѣтельствуешь вамъ свое почтеніе. Онъ очень жалѣетъ что давно не имѣлъ счастья васъ видѣть. Онъ и самъ хотѣлъ зайти и спросить что такое за неприятность случилась... Онъ полагаетъ что надо удовлетворить Русское консульство. Паша-эффенди мой!“

Рауфъ паша медлилъ... Зная это отецъ и сказалъ Феимъ-бею: „Предохраните Рауфъ-пашу отъ неприятностей съ Французомъ, когда вы хотите ему добра. Бреше былъ въ Русскомъ консульствѣ и поклялся придти сюда и надѣлать скандалъ... Вы его знаете!... Бакъевъ тоже твердо рѣшился слустить къ вечеру флагъ. У него въ консульствѣ уже укладываютъ архивы въ ящики, кавассы уже торгуются съ погонщиками. Быть-можетъ завтра запрутъ консульство и уѣдутъ всѣ отсюда... Я слышалъ что въ подобныхъ случаяхъ имъ велѣно не уступать... Вы знаете, Русскіе не дерзки, какъ эти Французы, но они чрезвычайно тверды въ государственныхъ дѣлахъ... А я желаю блага и вамъ, и Ибрагиму-эффенди, а нашему доброму пашѣ... самые мои интересы того требуютъ... Берегитесь Бреше... Онъ при мнѣ былъ въ Русскомъ консульствѣ; и Апенбрехеръ, и Эллинь не отдѣлятся отъ Бреше и Бакъева въ этомъ случаѣ...“

Феима-эффенди эти слова сильно поразили и онъ тотчасъ же пошелъ къ пашѣ.

Отецъ, узнавъ и объ этомъ, пошелъ искать портнаго Какачіо и сказалъ ему: „Какія неприятности, синьоръ! Что будутъ дѣлать консулы теперь? И чего ждать намъ бѣднымъ если ихъ не будутъ бояться?“

— О! сказалъ портной,—я довольно напугалъ пашу... ина г. Бреше, его тѣнь достаточна для нихъ!...

— Незамѣтно чтобы Турки боялись, сказалъ ему отецъ на всякій случай и ушелъ.

Возвратившись въ Русское консульство онъ передалъ все это г. Бакъеву, который крѣпко пожалъ ему руку и сказалъ: „Благодарю! благодарю! Я не ошибся въ васъ“.

Не прошло и часу какъ раздался у воротъ стукъ копытъ конскихъ. Г. Бакъевъ бросился къ окну... Это г. Бреше возвращался верхомъ съ прогулки. Онъ не хотѣлъ сходить съ

лошади. Г. Бакъевъ радостно сбѣжалъ къ нему внизъ. Я отворилъ окно и слушалъ:

— Eh bien? спросилъ Французъ.

Г. Бакъевъ пожалъ съ отчаяніемъ плечами.

— Еслибы вы сами, г. консуль, потрудились съѣздить туда.. Ваше появленіе...

Говоря съ Французомъ г. Бакъевъ утратилъ все то величіе которое онъ имѣлъ съ отцомъ, со мной, съ чаушемъ, со старою матерью чауша, съ Козвино, когда на островѣ дѣлалъ ему строгія замѣчанія. Мнѣ не понравилось это.

Бреше сухо отвѣтилъ ему на это: „Nous verrons!“ и ускакалъ.

— Ему хочется чтобы вы спустили флагъ и поссорились съ Турками, сказалъ г. Бакъеву отецъ мой.

Г. Бакъевъ покраснѣлъ и не отвѣчалъ на это ни слова.

Отецъ мой опять пошелъ въ Порту. Онъ имѣлъ получить вѣскольکو тысячъ лѣстровъ долга съ одного села и прикрывалъ этимъ дѣломъ главную причину своихъ частыхъ появленій въ этотъ день въ конакѣ.

— Не спрашивай, другъ, о дѣлахъ своихъ сегодня, сказалъ ему Чувалада.—Весь конакъ верхъ дномъ... Кто за полковника, кто противъ... Наскучили и мнѣ. Поди скажи скорѣе Бакъеву чтобъ онъ написалъ скорѣе ноту о слускѣ флага, и полковникъ извинится, я ручаюсь тебѣ.

Отецъ пошелъ, но на лѣстницѣ его догналъ посланный отъ Феимъ-бея. Феимъ-бей свелъ отца моего къ Ибрагиму.

— Что есть и чего вѣтъ, эффеади мой? спросилъ его какъ будто между другимъ дѣломъ и небрежно самъ Ибрагимъ.— Вы, кажется, другъ со всѣми консулами.... Чего эти люди отъ насъ хотятъ? Скажите откровенно?

Отецъ отвѣчалъ ему на это такъ:

— Я, эффеади мой, слишкомъ неважный человѣкъ чтобъ имѣть вѣсъ въ глазахъ дипломатовъ. Я имѣлъ счастье заслужить только личную благосклонность г. Благова и Бакъева и еще съ г. Леси знакомъ давно, потому что онъ уже вѣскольکو лѣтъ занимаетъ у меня домъ.

— Прекрасный домъ! воскликнулъ Ибрагимъ.— И г. Леси нашъ другъ и почтенный человѣкъ. Скажите мнѣ, что хочетъ отъ насъ г. Бакъевъ, который съ вами друженъ? Умный ли онъ человѣкъ или вѣтъ?.. Умный человѣкъ долженъ различить злобу отъ ошибки. Ошибся чаушъ и его накажутъ.

Въ эту минуту заставъсь на дверяхъ внезапно подвинулась и въ дверяхъ предсталъ г. Бреше, блѣдный, въ салогатъ со шпорами и съ большимъ бичомъ въ рукѣ.

Отецъ говорилъ что и его самого, и Феймъ-бея подвинула вдругъ съ дивана невѣдомая сила.

Гордый Ибрагимъ подвинулся медленнѣе ихъ и сдѣлаавъ было нѣсколько шаговъ на встрѣчу, не теряя достоинства. Но г. Бреше, звеня шпорами, подошелъ къ нему и сказалъ, махая ему предъ лицомъ бичомъ своимъ.

— Эффенди мой! Вы славитесь вашими цитригами противъ консуловъ. Совѣтую вамъ быть осторожнѣе и не раздражать меня. Если паша не пришлетъ черезъ часъ полковника извиниться къ г. Бакъеву, вы будете имѣть дѣло со мной... Вы, а не кто другой.

Отецъ поскорѣе вышелъ. Онъ боялся чтобы Турки не возненавидѣли его за то что онъ былъ свидѣтелемъ такой унижительной для нихъ сцены.

Все это, конечно, онъ тотчасъ же передалъ г. Бакъеву, который былъ очень радъ. Отецъ объяснилъ ему что слово сказанное имъ мимоходомъ сладкому, но самолюбивому портному Какачио, принесло плоды. Онъ должно-быть передалъ г. Бреше что Турки не очень испугались его угрозъ.

Черезъ часъ, дѣйствительно, послышался олять конскій топотъ. Это былъ полковникъ въ сопровожденіи Феймъ-бея.

Увѣряю тебя что мнѣ стало жадко этого Турка отъ всей души! Онъ мнѣ показался добрымъ человѣкомъ; высокій, толстый, пожилой уже, тихій. Онъ медленно и, опустивъ глаза, подвинулся мимо всѣхъ насъ на дѣстницу. Мы, конечно, послѣдили тоже на верхъ и Бостанджи-Огау показалъ мнѣ внутреннее окошко въ стѣнѣ изъ котораго была видна вся большая зала Благова.

Г. Бакъевъ уже услѣлъ състь величественно, какъ паша, на диванѣ. Онъ едва приподнялся съ него, принимая Феймъ-бея и бѣднаго полковника.

Толстый Турокъ подошелъ къ нему, по моему, съ большимъ достоинствомъ, не улыбаясь и не унижаясь, но, приложивъ руку къ сердцу, сказалъ печально и серьезно:

— Pardon, консулосъ-бей, pardon!..

Г. Бакъевъ тогда попросилъ ихъ обоихъ състь и Феймъ-бей началъ по-французски длинную и цвѣтстую рѣчь о трактатахъ и о взаимной дружбѣ государствъ.

Полковникъ молчалъ.

Феймъ-бей прибавилъ подъ конецъ, вставая:

— Что касается до чауша, то онъ будетъ лишень должно-сти и пробудеть въ тюрьмѣ столько сколько вы желаете, г. консуль. Это приказаніе его превосходительства, Рауфъ-паша....

Г. Бакъевъ отвѣчалъ на это:

— Мое желаніе чтобъ этого человѣка простили. Простулокъ лица столь ничтожнаго не можетъ унижить насъ. Къ тому же онъ клянется что ошибся. И старшіе болѣе его виноваты плохими распоряженіями.... До свиданья....

Такимъ образомъ старанія отца способствовали тому что Русское консульство флага не слустило, что честь его была удовлетворена черезъ мѣру, что бѣдный чаушъ былъ спасенъ и что досада и ненависть Турокъ за событія этого дня обратилась олять-таки больше на Бреше и Францію, чѣмъ на Бакъева и Россію.

Репутація отца была составлена въ глазахъ Бакъева; Чуваиди кромѣ того говорилъ ему потомъ что и Турки его хвалятъ. Они говорятъ: „бѣдный Полихроніадесъ совѣтовалъ намъ утушить скорѣе. Онъ предвидѣлъ и зналъ что Бреше оскорбитъ и пашу и даванъ-эффендиса Ибрагимъ-бея! Хорошій человѣкъ! Прямой человѣкъ Полихроніадесъ.“

Вечеромъ отецъ радовался всему этому и сказалъ мнѣ:

— Это все за доброе дѣло которое я хотѣлъ сдѣлать этой бѣдой Турчанкѣ меня благословилъ Богъ въ этотъ день. Я пошелъ больше для нея, а выигралъ и для себя. Учись этому, сынъ мой. Добро у Господа Бога не пропадетъ никогда!

Черезъ три дня послѣ этого пришла намъ изъ Тульчи ужасная вѣсть. Домъ нашъ Тульчинскій сгорѣлъ. Дядя писалъ отцу что вскорѣ успѣли почти все сласти, но отъ дяди осталась только одна стѣна. Онъ писалъ также что послѣ этого несчастія Петраки-бей сталъ олять настойчивѣе и даже, встрѣчаясь съ нимъ въ кофейняхъ или на базарѣ, говорить ему: „Когда же вашъ эллискій консуль посадить васъ въ турецкую тюрьму за Полихроніадеса? Пора бы! У него телерь сгорѣлъ домъ, который я все собирался конфисковать. Остается одна надежда на ваши деньги!“ „Отвѣтилъ бы я ему на это, писалъ дядя: — но если говорить правду, то надо обвинять и правительство; а я, ты знаешь, оскорблять телерь Турокъ не могу, ибо собираюсь купить

землю для магазиновъ на берегу Дуная и хочу попробовать паровую мельницу построить. Турки же готовы все для меня сдѣлать, если я самъ перейду въ турецкое подданство. „Намъ такихъ образованныхъ людей нужно!“ сказалъ мнѣ самъ паша. Что мнѣ дѣлать, разсуди ты самъ? Одна надежда на твой прїѣздъ. Новый греческїй консулъ нашъ личный мнѣ врагъ, ибо я не хотѣлъ подписаться на томъ прошенїи которое многіе изъ тульчинскихъ Грековъ нашихъ подали на его предвѣстника. Человѣкъ онъ ничтожный и мстительный; а главное, жена его очень зла. На позоръ и всеобщїй нашъ срамъ, вообрази себѣ что г. консулъ послалъ людей съ кавассомъ своимъ и музыкой выкалывать мачту съ греческимъ флагомъ которая стояла у дома его предвѣстника, для того чтобы перенести ее къ себѣ въ домъ, желая оскорбить его! Удалилъ прежняго драгомана и писца, которые были люди очень полезные, и даже одного бѣднаго Турка, который служилъ консульству вѣрно уже нѣсколько лѣтъ. За что же? За то что бѣдный Гуссейнъ пошелъ не спросясь провожать на пристань своего прежняго господина! Жаль старика Гуссейна; семейный человѣкъ, заслуженный, раненый! Изъ этой черты ты легко себѣ представишь что за консула прислало намъ наше свободное Ролейское государство! Увы! когда оно было бы свободно отъ интригъ и низостей! При такомъ консулѣ, при враждѣ его ко мнѣ, какъ къ другу его предвѣстника, и при необходимости въ которой я нахожусь не ссориться съ Турками, одно спасенїе твой скорый прїѣздъ въ Тульчу. Иначе за добро мое ты заплатишь зломъ.“

Отецъ такъ долго плакалъ, читая это письмо, что докторъ Коввино, оласаясь за его больные глаза, послалъ за лѣкарствомъ.

И докторъ, и Гайдуша въ эту тяжелую минуту показали и отцу и мнѣ очень много доброты. Докторъ серьезно придумывалъ что бы такое посоветовать отцу и гдѣ бы достать ему денегъ на поѣздку. Гайдуша радушно прислуживала отцу, приносила ему лѣкарство, ободряла его и видя мое сокрушенїе о бѣдномъ отцѣ и о разстройствѣ дѣлъ нашихъ говорила мнѣ ласково:

— Мужайся, мужайся, бѣдный Одиссей!.. Мужемъ будь, мальчикъ мой хорошій... Богъ великъ, помни!

И начинала мнѣ разказывать о другихъ людяхъ, какъ страдалъ тотъ или другой и какъ они опять поправились.

— Благодарю васъ, кира Гайдуша, говорилъ я ей, — что вы насъ такъ утѣшаете.

И вѣрь, мнѣ всякій разъ становилось легче отъ ея словъ... Какъ огонь или желѣзо раскаленное была эта отчаянная женщина! Взглядъ ея, слова, — все у нея было крѣпкое, быстрое, жгучее!..

Докторъ тоже выражалъ свое состраданіе не одними словами: онъ одѣлся (конечно все-таки франтомъ и вовсе не слѣша) и пошелъ самъ отыскать Чувалиди, чтобы тотъ далъ отцу какой-нибудь хорошій, практическій совѣтъ. Чувалиди тотчасъ же пришелъ и успокоилъ отца. Они долго говорили одини и шепотомъ; я входилъ и выходилъ; отъ меня они какъ будто не скрывались, но я могъ слышать только отрывки ихъ рѣчей. Позднѣе мнѣ отецъ подробно разказалъ о чемъ у нихъ шла секретная эта бесѣда. Она шла все о тѣхъ же извѣстныхъ тебѣ дѣлахъ: о процессѣ отца съ Петраки Стояновичемъ, о переводѣ на имя отца векселей шерифъ-бея, племянника благороднаго Абдураимъ-эффенди, о совѣтѣ который давалъ отцу господинъ Благовъ еще въ Загорахъ, начать дѣло противу Стояновича въ уголовномъ смыслѣ, у каки и по шаріату, о русскомъ драгоманатѣ и проч.

Пока мы не получили извѣстія о тульчинскомъ пожарѣ, отецъ не соглашался на соблазнительныя предложенія Исаакидеса. Исаакидесъ давалъ ему двѣсти золотыхъ лиръ задатка тотчасъ же и одну треть всей суммы послѣ взысканія съ Шерифъ-бея, если онъ пріобрѣтетъ русское подданство или получить должность русскаго драгомана въ Яниѣ и переведетъ тяжбу эту на свое имя. Отцу не хотѣлось влутываться въ такое сомнительное и нечистое дѣло. Шерифъ-бей онъ зналъ съ хорошей стороны; молодой человѣкъ этотъ былъ очень расточителемъ и преданъ кутежу; но очень добръ, откровененъ и любимъ многими христіанами, особенно низшаго класса. Его старая мать была благочестивая, хорошая христіанка, а онъ былъ по отношенію къ ней самый почтительный, любящій и послушный сынъ. Неприятно и совѣстно было безъ всякой причины и личной вражды способствовать разоренію такого хорошаго человѣка. О тяжбѣ Исаакидеса отзывался дурно не одинъ только капризный и страстный Ковино; многіе другіе Яніоты говорили что кромѣ незаконно

большихъ процентовъ, вписанныхъ въ капиталъ, кромѣ неслыханнаго роста всей суммы, въ числѣ росписокъ у Исаакидеса есть еще двѣ или три которыя онъ долженъ былъ возвратить бею и не возвратилъ посредствомъ какой-то очень грубой воровской уловки.

Правда, другіе утверждали что это клевета враговъ, что это выдумки нѣкоторыхъ Эллиновъ, противъ политики которыхъ Исаакидесъ писалъ анонимныя корреспонденціи въ аеинскихъ газетахъ. Эти защитники Исаакидеса говорили что его тяжба нейдетъ впередъ потому что Чувалиди, пресѣдатель торговаго суда, взялъ съ бея хорошую взятку. „Есть разбойники въ горахъ, прибавляли эти люди; но это тѣ разбойники которые ходятъ въ звонкихъ сапогахъ и стучать на весь свѣтъ, они не такъ страшны, а есть другіе разбойники болѣе опасныя; они носятъ мягкіе *чарухи*...“ * Ихъ не слышно. Чувалиди носить чарухи и сидитъ спокойно на широкомъ диванѣ европейски устроеннаго судилища.“

Отецъ не звалъ кто правѣе, враги или друзья Исаакидеса... Но во всякомъ случаѣ ему мало было охоты начинать новыя дѣла. „Я хочу, наконецъ, отдохнуть, говорилъ онъ: и часто завидую тѣмъ бѣднымъ людямъ въ Загорахъ нашихъ которые искали на чужбинѣ малаго и давно уже успокоились въ родномъ селѣ. Они сидятъ теперь у церкви подъ платаномъ, наслаждаются здоровьемъ, женятъ дѣтей своихъ и играютъ съ внучатами, а я?.. Я боленъ, старъ, хлопочу и тоскую по родинѣ“....

Однако тяжба Шерифъ-бея иное дѣло, и вовсе иное—русскій драгоманъ. Богъ знаетъ еще откроютъ ли консульство Русское въ Тульчѣ и когда откроютъ, а состоять подъ русскимъ покровительствомъ въ Янивѣ и помогать политикѣ русской было бы отцу очень пріятно. Поэтому онъ не только не мѣшалъ Исаакидесу трудиться для доставленія отцу драгоманства, но и самъ онъ (если помнишь) на лодкѣ ночью пробовалъ, хотя и тщетно, заводить объ этомъ иславоль рѣчь съ г. Бакѣевымъ.

Отецъ былъ также согласенъ съ Исаакидесомъ вотъ въ чемъ. Поступить въ драгоманъ, по мнѣнію Исаакидеса, надобно было именно теперь, при Бакѣевѣ; Благовъ самъ пріять новаго драгомана можетъ-быть и не согласится; его взглядъ на это неизвѣстенъ, имѣть вліяніе на него труднѣе

* Мягкая, красная и красивая обувь Эпиротовъ.

чѣмъ на Бакѣва; онъ иногда на зло не сдѣлаетъ чего-нибудь, если замѣтитъ что имъ хотять явно руководить. Однажды Исаакидесъ очень наскучилъ ему просьбой дать въ другое Русское консульство хорошую рекомендацію одному священнику, который уѣзжалъ изъ Элѣира. Благовъ разсердился и написалъ такъ: „Рекомендую вамъ отца Савватія. Онъ священникъ. Больше я про него ничего не знаю. Развѣ только то что онъ очень дурно служить литургію, слѣшать, шаркаетъ туда-сюда по церкви и вовсе неприлично иногда оборачивается и выглядываетъ на ластву изъ царскихъ дверей.“ „Что съ нимъ дѣлать?... говорилъ Исаакидесъ отцу. Принять онъ можетъ-быть и васъ не согласится, но удалить именно васъ ему будетъ, конечно, трудно. Попробуемъ!“ „Попробуемъ!“ говорилъ и отецъ самъ съ собою. „Драгоманство не обяжетъ меня вмѣшаться непремѣнно въ тяжбу Шерифъ-бей, но можетъ стать для меня великою опорой противу Богарина Стояновича и негодяя Хахамолуло... Не говоря уже объ удовольствіи помогать Благову въ мѣстной политикѣ, когда придется.“

Событія послѣднихъ дней, исторія чауша и помощь которую отецъ оказалъ консульству въ конакѣ еще болѣе укрѣпили въ немъ желаніе стать русскимъ драгоманомъ. Онъ уже мечталъ продать свой Тульчискій домъ и магазины, передать всѣ торговля дѣла на Дунай дядѣ, или вовсе оставить ихъ, нанять квартиру въ Янинѣ, перевезти сюда мать и бабушку Евгенку изъ села, и предпринять какіе-нибудь обороты въ самомъ Элѣирѣ или развѣ-развѣ въ соседней хлѣбородной Фессалии. Пусть ищутъ его оба Стояновичи, Петраки и Марко-бей! Въ Тульчѣ у него нѣтъ русскаго консула, а только греческій. Здѣсь у него будутъ и греческій консулъ на защиту подданнаго свободной Элады, и русскій на поддержку своего драгомана; вмѣстѣ они будутъ всесильны. Въ Тульчѣ предсѣдатель *тиджарета*, Болгаринъ Марко-бей Стояновичъ, личный врагъ и родной братъ противной тяжущейся стороны; здѣсь у него предсѣдательство того же торговаго суда Загорець, товарищъ дѣтства и другъ, хитрый, умный Чувалиди! Пусть попробуютъ отсюда вытребовать его на Дунай, если онъ будетъ драгоманомъ! Пусть назначаетъ Петраки Стояновичъ себѣ въ Янинѣ *эмитрона*, повѣреннаго, кого хочетъ и какъ знаетъ!... Пусть его судятъ съ нимъ здѣсь!...

Отецъ отъ этихъ мыслей очень повеселѣлъ-было за послѣдніе дни. Шутилъ со мной, съ Гайдушѣй, съ докторомъ, написалъ матери длинное и радостное письмо и все повторялъ: „Эта бѣдняга старая, мать чауша, счастье мнѣ принесла въ дѣлахъ. Если я буду драгоманомъ, сдѣлаю ей подарокъ. Одиссей, скажи мнѣ что подарить приличнѣе Турчакъ? Скажи что мнѣ ей подарить?“

Письмо дяди разстроило всю эту радость. Надо вѣхать скорѣе въ Тульчу. Денегъ мало, сынъ не устроенъ, погода вдругъ началась зимняя, дождливая; глаза болѣли, съ семьей не простился, драгоманомъ еще не признавъ! Быть-можетъ надо будетъ на Дунавъ или въ Константинополь дать что-нибудь не малое тому или другому лицу. Соперникъ Болгаринъ такъ вліятеленъ, такъ богатъ и такъ ловокъ! Быть-можетъ даже придется уступить и помириться на половинѣ, заплатить хоть часть небывалаго долга. Что теперь дѣлать? что предпринять? гдѣ деньги на дорогу? занять? кто дастъ? Домъ заложить Янинскій или Загорскую землю бабушки? Боже! неужели и до этого дойти послѣ столькихъ заботъ, трудовъ многолѣтнихъ, лишеній и одиночества на чужбинѣ, вдалекѣ отъ дорогой и доброй жены, отъ дома, отъ родины, отъ сына единственнаго?

— Погибель моя! дитя мое, погибель моя! говорилъ бѣдный отецъ и облокотившись на столъ плакалъ.

А я плакалъ, слушая, еще горьче его...

Глаза стали хуже болѣть.

— Ослѣвнешь, отецъ! говорилъ я ему.

— Ослѣвну, дитя мое, ослѣвну!... отвѣчалъ отецъ.

Боже! Боже мой... Ни на какой ступени общественной нѣтъ спокойствія людямъ въ этомъ живомъ свѣтѣ... Землю ли ты паешь, торгуешь ли ты, царствомъ ли правишь — горе ждетъ тебя какъ дикій звѣрь въ логовищѣ своемъ, чтобы растерзать твое сердце въ куски...

Дай Богъ здоровья хитрецу Чувалиди! Онъ устроилъ тогда дѣла наши.

Каковъ бы онъ ни былъ, какова бы ни была его *разбойничья обувь*, а я не могъ иногда не благословлять его, вида какъ онъ скоро осушилъ слезы моего добраго отца...

Позднѣе изъ этого добра вышло худо и намъ и еще больше другимъ. Но развѣ есть добро безъ худа въ этой тцетѣ тцеты, въ которой мы боремся всѣ до гроба!

XVII.

Итакъ, отецъ разказалъ Чувалиди все откровенно и подробно: о предложеніяхъ Исаакидеса, о своемъ разговорѣ на лодкѣ съ г. Бакъевымъ, о драгоманствѣ, о совѣтѣ г. Благова (еще въ Загорахъ) на счетъ русскаго паспорта и уголовного суда противъ Петраки-бея и Хахамолуло. На это Чувалиди отвѣчалъ ему такъ:

— Г. Благовъ очень умный молодой человѣкъ и несмотря на молодость свою хорошо понимаетъ и страну и свои обязанности; но и онъ можетъ иногда ошибаться. Уголовный судъ — это ошибка. Нѣтъ примѣра чтобы въ Турціи такого рода тонкіе уголовные процессы рѣшались бы чѣмъ-нибудь. Другое дѣло убійство, грабежъ, драка... Эти преступленія еще судятся... Но я желалъ бы знать какой это русскій консулъ найдетъ вѣрное средство выиграть въ Турціи уголовную тяжбу противъ Марко-бея, предсѣдателя *тиджарета*, и его брата Петраки-бея? Благовъ говоритъ что будущій тульчинскій консулъ можетъ дѣйствовать посредствомъ лоякости и дружбы съ кади. Но во первыхъ, консула тамъ еще нѣтъ; а во вторыхъ, надо полагать что Турки, за малыми исключеніями, боятся облизаться дружески съ иностранцами; они боятся своего начальства, боятся доносовъ, стыдятся своего незнанія европейскихъ обычаевъ, боятся проговориться... Кади тульчинскій, какъ и всѣ другіе кади и моллы, знаетъ что они на мѣстѣ долго не остаются. Чтѣ ему любезность консула, когда Петраки-бей ему взятку дастъ? Онъ слѣшитъ казиться. Положеніе этихъ людей такъ не легкое. Люди они семейные, привыкли имѣть по вѣскольку женъ. А тутъ переѣзды съ мѣста на мѣсто. Правительство само разорено и въ платежахъ не всегда аккуратно; это не то что Россія или Англія, гдѣ общество стоитъ на прочныхъ основахъ. Жизнь турецкихъ судей и чиновниковъ въ этихъ отношеніяхъ тяжка, страданія Турокъ теперь быть-можетъ жерѣдко глубже нашихъ, но ими никто не интересуется. Чтѣ кому за дѣло до бѣдности и разоренія турецкихъ семействъ, до ихъ домашнихъ горестей?.. Войди

ты въ жилище кади; ты увидишь опрятность, въ которое изящество, потребность даже роскоши... Какъ же удовлетворить этому? На любезности консуловъ шелковыхъ шубокъ на рысьемъ мѣху тремъ женамъ не сошьешь, Черкешенку имъ въ помощницы не кулишь. Чубуки съ янтарями и серебряныя чашечки для кофея не заведешь! А Петраки-бей даетъ и на шубку и на чубукъ и даже на Черкешенку.. Овъ самъ отыщеть ему даже эту Черкешенку! И Турки, мой другъ, люди, и у нихъ есть душа, желанія, нужды и горести! Чтѣ жь дѣлать! Вотъ тебѣ и уголовный судъ. Быть драгоманомъ русскимъ? это дѣло другое. Достигни этого, и тогда Исаакидесъ дастъ тебѣ, по крайней мѣрѣ, 200 лиръ золотыхъ, теперь же. Положимъ, дѣло его не совсѣмъ чисто; есть подозрѣнiе что нѣкоторыя росписки украдены имъ у бея. Но тебѣ чтѣ до этого за дѣло? Ты этого знать не обязанъ. И много ли дѣлъ въ торговомъ судѣ такихъ чтобъ одинъ былъ чистъ, а другой вовсе нечистъ? Мнѣ, какъ пресѣдателю тиджарета, тоже нѣтъ до этого дѣла. Я, конечно, насколько позволяетъ мнѣ законъ, буду защищать бея, ибо консулы завели обычай и въ правомъ и въ неправомъ дѣлѣ защищать своихъ подданныхъ. На насъ, турецкихъ чиновниковъ, повѣтому лежитъ прямая обязанность сколько возможно отстаивать права турецкихъ подданныхъ противъ иностранныхъ. Консулы хвастаются другъ предъ другомъ количествомъ процессовъ которые они выиграли неправдой. Турція — это для нихъ арена самоуправства и молодечества и больше ничего. Ты знаешь чтѣ дѣлаютъ французскiе консулы? Или лучше сказать, чего только они не дѣлаютъ? И такъ, мнѣ дѣла нѣтъ до вашихъ сдѣлокъ съ Исаакидесомъ; будучи судьей, я свидѣтелемъ быть не могу. Тебя я люблю и вижу твое горе. Возьми деньги съ Исаакидеса, переведи тяжбу съ Шерифъ-беемъ на себя и будь покоенъ. Если Исаакидесъ въ послѣдствiи проиграетъ дѣло — ты такъ денегъ не потеряешь которыя возьмешь съ него въ задатокъ теперь. Не выиграешь лишь той части которую выдалъ бы тебѣ Исаакидесъ при взысканiи съ бея всего. Что касается до Петраки-бея, то въ соглашенiе съ нимъ не входи и ничего ему не уступай и не плати теперь. Достань себѣ мѣсто русскаго драгомана, возьми 200 лиръ съ Исаакидеса, возьми отлускъ и лошажай скорѣй въ Тульчу. Я тебѣ дамъ письмо

къ одному Жида банкиру въ Константинополь, которому, я знаю, много должень тульчинскій телерешай паша. Онъ приметъ тебя хорошо, и съ рекомендаціей этого Жида, ты иди къ пашѣ смѣло. Онъ будетъ на твоей сторонѣ, сколько есть силъ. Вотъ тебѣ еще совѣтъ. Въ сношеніе съ Петраки не входи, а если будетъ очень трудно, дай Марко-бею, его брату, председателю тиджарета, хорошую взятку. Это все-таки облегченіе.

Когда Чувалиди это сказали, отецъ мой говоритъ что онъ вскочилъ отъ изумленія на диванѣ.

— Какъ брату родному противъ брата дать взятку? Но вѣдь они не въ ссорѣ и всѣ дѣла у нихъ вмѣстѣ!?

А Чувалиди, сказывалъ отецъ, какъ демонъ улыбался и смотрѣлъ на него...

— Дай взятку Марко-бею, повторилъ онъ;—не очень большую; лиръ тридцать, сорокъ, не самъ, а черезъ кого-нибудь, для того чтобы далъ тебѣ честное слово хоть годъ одинъ тебя не трогать и дать тебѣ поправиться. Надо поставить и себя на ихъ мѣсто. Они не въ ссорѣ между собой, ты говоришь? Тѣмъ лучше. Они посоветуются между собою по братски. Жить у нихъ есть чѣмъ, слава Богу. Зачѣмъ же имъ слѣшать? Какая выгода? „Вотъ, скажутъ они про тебя, дуракъ, еще платитъ сверхъ того что мы съ него лосаѣ возьмемъ!“ Подумають и о томъ что ты русскій драгоманъ телерь и что телерь съ тобой труднѣе бороться. А ты дай взятку, братья подѣлятся быть-можетъ, ты же отдохни и пріѣзжай сюда назадъ. Все легче такъ чѣмъ идти на соглашеніе; за что же? Меньше 500 лиръ они не возьмутъ.

Такими рѣчами этотъ хитрецъ нашъ загорскій оживилъ, воскресилъ отца.

Отецъ обвинялъ его, а Чувалиди былъ самъ очень тронутъ и говорилъ: „Что жъ дѣлать, другъ! свѣтъ такой!“

Теперь затрудненіе главное было за г. Бакъевымъ. Отецъ попросилъ было доктора идти къ нему и помириться для его пользы. Но докторъ затопалъ, закричалъ: „Нѣтъ, никогда, никогда! Бакъевъ слишкомъ ничтоженъ чтобы я могъ предъ нимъ смириться. Это не Благовъ! Нѣтъ! Никогда!“

Что было дѣлать? Пошелъ отецъ самъ къ Исаакидесу, и съ Бакъевымъ все тотчасъ же устроилось. Къ счастью Исаакидесъ не зналъ ничего еще ни о томъ что домъ нашъ въ

Тулчѣ сторѣлъ, ни о томъ что отецъ самъ собирается на Дунай. Конечно, отецъ ничего ему не сказалъ; иваче онъ далъ бы меньше. Теперь, считая отца въ самомъ хорошемъ положеніи, онъ съ радостію согласился дать ему 200 лиръ тотчасъ же какъ только увидитъ что Бакѣвъ сообщилъ въ Порту бумагу о назначеніи отца драгоманомъ русскимъ. Исаакидесъ сказалъ: „Я самъ пойду просить объ этомъ г. Бакѣва.“ И тотчасъ же пошелъ, предлагая отцу подождать его въ кофейнѣ. Бакѣвъ согласился; но затрудненіе вышло неожиданное изъ Порты.

Паша отвѣтилъ на бумагу Бакѣва что Порта Полихроніадеса эллинскимъ подданнымъ признать не можетъ, и потому, какъ турецкому подданному, Полихроніадесу необходимо вытребовать особый фирманъ изъ Константинополя для признанія его драгоманомъ.

Опять мученье и хлопоты!

Тутъ и мнѣ пришлось бѣгать по разнымъ мѣстамъ, потому что дождь полился проливной, и отцу моему Коввино запретило выходить нѣсколько дней, чтобы не испортить глаза на дорогу.

Я внимательно выслушивалъ приказанія отца и исполнялъ ихъ съ величайшею точностью... Я видѣлъ что отецъ былъ доволенъ мною.

Трудно было. Бакѣвъ сердился на пашу; и это отчасти сдѣлало намъ пользу, потому что онъ горячѣе взялся отъ досады за дѣло. Онъ говорилъ: „Я покажу пашѣ что я знаю.“

Исаакидесъ совѣтовалъ, напротивъ, не горячиться; онъ входилъ что можно ужъ и не слишкомъ слѣзнуть.

„Напишите въ Константинополъ“, говорилъ онъ Бакѣву.

А намъ нужно было, напротивъ того, именно слѣзнуть... Признаться Бакѣву о пожарѣ? Быть-можетъ онъ Исаакидесу скажетъ. Просить: „не говорите?“ „Почему?“ Подозрѣнія будутъ, недовѣріе. Просили Чувалиди хлопотать въ Портѣ; но онъ отказался рѣшительно и сказалъ: „Нѣтъ, этого я не могу.“ Но совѣтъ опять хорошій далъ, чтобы г. Бакѣвъ по крайней мѣрѣ выхлопоталъ у пашы такого рода согласіе: обозначить отца въ бумагѣ отъ консульства просто загорскій уроженецъ, не упоминая о подданствѣ. Исаакидесъ опять уговорилъ Бакѣва. Бакѣвъ написалъ новую бумагу и частнымъ образомъ послалъ предложить пашѣ что-

бы старая была возвращена и сочтена, какъ говорится по международному праву, „*nulle et non avenue*“. Папа колебался. Мы не знали что дѣлать.

Можно было бы доктору пойти къ Абдурраимъ-эффенди и просить его ходатайствовать черезъ друзей въ Портѣ. Но отецъ находилъ что это уже слишкомъ подло и жестоко, дѣйствовать по этому дѣлу черезъ дядю, когда цѣль всѣхъ хлопотъ есть переводъ на имя наше тяжбы Исаакидеса съ Шерифъ-беємъ, который ему замѣнялъ сына и который его очень любилъ. „Нѣтъ у меня на это сердца“, говорилъ отецъ. И противъ доктора было стыдно.

Разъ утромъ встали; я сталъ говорить съ Гайдусей объ этихъ затрудненіяхъ (конечно не обо всемъ; о дѣлѣ Исаакидеса и Шерифъ-бея я тогда почти и не зналъ ничего, а только о пожарѣ и о драгоманатѣ, который намъ былъ бы полезенъ). Гайдуса сказала:

— Не бойся, Богъ великъ. Скажи-ка еще разъ пояснѣе чего хочетъ отецъ?

Я сказалъ съ точностью о греческомъ и турецкомъ подданствѣ, и фирманѣ, и колебаніяхъ паши.

Гайдуса сейчасъ же пошла въ гаремъ Ибрагимъ-бея, зятя паши. Тамъ служила по найму одна Арабка, старая приятельница Гайдуси. Она прежде была рабою другаго хозяина, убѣжала отъ него, нуждалась, боялась наказанія и Гайдуса долго скрывала ее у доктора въ домѣ, кормила и свела потомъ во Французское консульство, гдѣ ее приняли подъ защиту и освободили вовсе изъ рабства.

— Я все сдѣлаю, сказала Гайдуса уходя.

Черезъ два-три часа она возвратилась изъ гарема съ триумфомъ. Дочь паши взялась попросить мужа о признаніи отца драгоманомъ безъ обозначенія подданства въ бумагѣ.

Отецъ отдыхалъ когда она принесла эту радостную вѣсть. Но мы съ докторомъ посадили энергичную хромушку и заставили подробно разказывать какъ она это дѣло обдѣлала. И она разказала намъ все.

— Я взяла цѣлый узелъ тѣхъ маленькихъ апельсиновъ которые намъ прислали изъ Корфу. Потомъ зашла въ Англійское консульство и отъ имени доктора попросила у самого консула большой букетъ лучшихъ его цвѣтовъ. Она велѣла мнѣ нарвать сколько хочу. Оттуда я пошла прямо на кухню къ своей Арабкѣ. Она мнѣ очень обрадовалась. Я отдала

ей букетъ и апельсины и сказала: „Эти фрукты, которые намъ присланы издалека и зовутся *мандаринами*, докторъ Коввино посылаетъ съ большими поклонами Ибрагимъ-эффенди. Цвѣты также онъ посылаетъ ему какъ рѣдкость въ это время года и потому что бей любить все прекрасное.“

— Bravo, bravo! кричалъ докторъ и рукоплескалъ ей.

Гайдуша продолжала:

— Арабка отнесла все дочери паши, возвратилась съ благодарностью и сказала: „У нея жена Мухасе-беджи въ гостяхъ сидитъ; она критская и по-гречески знаетъ“. Потомъ Арабка стала смѣяться, а я говорю ей: „Не смѣйся, голубка, душа моя болитъ!“ Она спрашиваетъ: „Отчего, гаулая, имѣешь ты такую печаль?“ Я тогда говорю: „Есть у доктора другъ, Загорець, г. Полихроніадесъ; онъ живетъ у насъ теперь въ домѣ и глазами страдаетъ. У него на Дунаѣ домъ сгорѣлъ, а его паша драгоманомъ русскимъ признавать не хочетъ. И онъ плачетъ и сынокъ молодой плачетъ... Вотъ печаль моя.“ Арабка говоритъ: „Подожди.“ И пошла туда. „Иди, говорить, тебя зовутъ. Я сказала что ты лѣсни знаешь хорошія.“ Пошли мы. Сидитъ дочь паши, важная, хотя и рябовата, но пріятная очень женщина; воздухъ отъ нея такой пріятный вѣтъ. Одѣта по-домашнему, просто; а рядомъ съ ней Мухасе-беджинина красуется. Молоденькая, волосики какъ у мальчика остриженные съ боковъ, носикъ какъ у канареечки и голосокъ какъ у соловья... И одѣта, одѣта! Въ настоящій шелкъ небеснаго цвѣта. Съ длинными двумя хвостами на широкихъ шальварахъ. А на головкѣ три звѣздочки изъ алмазовъ трясутся. „Ба, думаю я,—нашелъ себѣ нашъ Мухасе-беджи сокровище!“ И веселая такая; все говоритъ и все смѣется. Пашалула логордѣе; больше молчитъ и стыдится. А та критская сейчасъ мнѣ по-гречески: „Это ты хорошія лѣсни знаешь? Пой чтобы намъ веселѣе было“. Я говорю: „Что прикажете?“ Она по-турецки у пашалуды спросила; та говоритъ: „Что знаетъ. Хорошее.“ Я стала прямо противъ пашалуды и заплѣла:

А, а! Ханумъ-эффенди моя....

А, а! Пашалуда моя...

Изъ заата было то чрево что родило тебя!

Изъ серебра были сосцы что питали тебя...

И пою, и пою.

Дочь паши улыбается. „Еще!“ оказала Мухасе-беджидина. Я еще люблю.—„Еще“.—Я еще.—„Ну довольно, говорить сама пашалула,—отдохни, сядь“. Я не сажусь. Она опять: „Сидь“. Я сѣла на полъ. „На стулъ сядь“. Я говорю: „Не могу на стулъ я при такихъ султаншахъ сѣсть. Этого слова и не говорите мнѣ!“ Посидѣли. Велѣла она Арабкѣ мнѣ кофею дать. Арабка говоритъ: „Она и сказки знаетъ“. А Мухасе-беджидина вдругъ закрылась рукой, засмѣялась и спрашиваетъ: „А докторъ отчего не женится?“ Пашалула ей: „Бракъ, бракъ!“ (оставь, оставь это). А та прилала къ ней на плечо, умираетъ отъ смѣха. „Нѣтъ, скажи, отчего твой докторъ не женится?“ Я говорю: „Не нравятся ему дѣвцы здѣшнія. Онъ все жалѣетъ что онъ не Турокъ; онъ говоритъ: Турчанки благороднѣе нашихъ, воспитаннѣе, нѣжнѣе... У нашихъ руки грубы.“ — „Смотри, смотри!“ говоритъ Мухасе-беджидина. А пашалула ей: „Переведи по-турецки что она говоритъ.“ И когда та ей перевела, пашалула тоже покачала головой и сказала „*bâks! bâks!*“ Смотри,—какія слова!“ Такъ я ихъ долго занимала и веселила. А потомъ Арабка моя говоритъ мнѣ: „Она другихъ веселитъ, а сама печаль о друзьяхъ имѣетъ“. И разказала мнѣ о киръ-Йоргаки. Пашалула покала плечами и сказала съ гримасой: „Я такія вещи почему знаю!“ Я говорю Арабкѣ: „Ты зачѣмъ это сказала? Гослова гнѣвается теперь“. Начали онѣ тогда по-турецки скоро, скоро говорить и обѣ гослови и Арабка. Я сижу и не понимаю ничего. Подъ конецъ пашалула говорила что-то Мухасе-беджидинѣ долго, и толковала ей, и глаза у нея заблестали, и щеки зарумянились. И послѣднія ея слова и я даже поняла. „Скажи ей это по-ромейски. Хорошо, хорошо!“ Мухасе-беджидина перевела. „Вотъ тебѣ что Хавумъ-эффенди говоритъ. Отчего жь вы, христіане, отъ насъ помощи просите? Вѣдь вы говорите что Турки всѣ злые и жестокіе... Отчего?“ Я говорю: „Простите. Это не такъ!“ — „Какъ не такъ?“ — „Не такъ!“ — „А какъ?“ — „А вотъ какъ. Когда я еще маленькой была, отецъ мой простымъ носильщикомъ былъ. Случился неурожай въ нашихъ селахъ, голодъ. Потомъ собрали и хлѣба и денегъ. А пришлось такъ что мать моя три дня не ѣла. Пріѣхалъ простой турецкій солдатъ въ село.—„Хозяйка, говоритъ онъ матери, что ты лежишь? Вставай. Жарь мнѣ курицу. Да что съ тобой? Отчего

ты такъ крѣпко подпоясалась?" Мать ему сказала: „Я три дня не ѣла!“ Тогда онъ изъ своего мѣшка вынулъ хлѣбъ большой, отдалъ ей и сказалъ: „Больше нѣтъ у меня,“ и самъ голодный уѣхалъ. Тогда мать говорила мнѣ: „Ахъ, дочка, дочка! добрѣе добраго Турка нѣтъ человѣка другаго! За ихъ доброту видно Богъ и Девлетъ ихъ сохраняетъ такъ долго!“ Это разъ, говорю я, а другое то что я у доктора Коввино давно живу, который Турокъ больше уважаетъ чѣмъ христіанъ и я отъ него много просвѣтилась. Человѣкъ онъ учености не здѣшней, а европейской, извольте хотя бы у вашихъ сулруговъ, у беевъ спросить.“ Кончила я. А Мухасе-беджидина птичка по-турецки залѣла и пашалула улыбалась, слушая ее. Потомъ отпустили онѣ меня ласково, и дочь лаша обѣщалась попросить мужа за киръ-Йоргаки. Арабка проводила меня и сказала: „Заходи чаще. Онѣ тебя хвалятъ. „Тюрлю, тюрлю белиръ“ говорятъ. (*Разное, разное—знаетъ эта женщина!*) Вотъ какъ я сдѣлаала!

Такъ кончила Гайдуса свой разказъ, и мы съ докторомъ опять руколаескали ей.

Отецъ проснувшись узналъ отъ насъ все; онъ былъ и радъ, и благодарилъ Гайдусу много за ея труды, но вѣрить успѣху не хотѣлъ.

— Нѣтъ мнѣ добраго часу ни въ чемъ въ этотъ разъ! говорилъ онъ, вздыхая.—Ошибся я, когда думалъ что старая мать чауша принесла мнѣ удачу!

Мы всѣ старались его утѣшить.

Пашалула, однако, сдержала свое обѣщаніе. На другой же день лаша, увидавши Чувалиди, спросилъ у него объ отцѣ:

— Ты знаешь его?

— Онъ соотчичъ мнѣ, изъ одного села, отвѣчалъ Чувалиди.

— Хорошій человѣкъ?

— Человѣкъ тихій, сказалъ Чувалиди.

— Ссоръ въ судахъ и дерзостей не любитъ?

— Нѣтъ, не любитъ.

— Это главное въ драгоманѣ. А то они хуже консуловъ, дерзки и горды становятся, когда ихъ консула изъ грязи поднимутъ. А каковъ онъ съ политической стороны?..

Чувалиди на это отвѣчалъ, смѣясь:

— Меня, лаша-эффенди, считаютъ всѣ вашимъ шпиономъ и потому при мнѣ остерегаются. Я не знаю какія мнѣнія у Полихроніадеса. Знаю только что онъ въ дѣлахъ худыхъ

и опасныхъ, кажется, замѣшавъ никогда не былъ. Впрочемъ поручителемъ я ни за кого быть въ политикѣ не берусь.

Паша засмѣялся и велѣлъ признать отца моего драгоманомъ.

Въ тотъ же вечеръ, Исаакидесъ далъ отцу моему двѣсти лиръ и вексель на Рауфъ-бей. О пожарѣ и о скоромъ отъѣздѣ отца онъ все еще и не подозрѣвалъ ничего и когда отецъ сказалъ ему что не такъ-то пристойно будетъ новому драгоману прямо начинать службу съ защиты собственного процесса въ торговомъ судѣ, Исаакидесъ сказалъ: „это правда; это вы хорошо говорите. Подождемъ двѣ недѣли! Сказать и то, что такъ какъ Благову не будетъ охоты удалять васъ, потому что онъ васъ любитъ, то при немъ будетъ и лучше для тяжбы, онъ защищать дѣла умѣетъ, разумѣется, искуснѣе чѣмъ бѣдный мосье Бакъевъ. У Бакъева одно слово: „это возмутительно!“ А толку мало; хоть онъ и другъ мнѣ: „но Платонъ другъ, а истина еще жить милѣ!“

Такъ усложнилась Исаакидесъ; и мы съ отцомъ тоже спокойно взяли тогда за мое устройство въ Янинѣ и за приготовленіе къ отъѣзду на Дунай.

XVIII.

Всѣ страданія отца и всѣ заботы его о тяжбахъ, о нуждахъ, о торговлѣ нашего дома, не могли, однако, заставить его ни на мигъ забыть о моемъ устройствѣ въ Янинѣ, то есть о такомъ устройствѣ которое могло бы быть и надежно и безвредно для моей нравственности.

О домѣ г. Благова отецъ въ первые дни запретилъ и думать. Образъ жизни въ Русскомъ консульствѣ казался ему слишкомъ открытымъ и шумнымъ для той ученической и трудовой жизни которой я долженъ былъ (да и самъ хотѣлъ отъ всего сердца) предаться.

О самомъ Благовѣ отзывался хорошо не одинъ только Коввино, но очень многіе.

Люди говорили что политики его еще нельзя было ясно понять въ теченіе какихъ-нибудь четырехъ мѣсяцевъ его службы въ Элирѣ. Замѣчали всѣ, однако, что онъ сразу умѣлъ очень понравиться лашѣ и вотъ по какому, можетъ-быть и ничтожному, поводу.

Г. Благовъ очень любитъ простой народъ. „Онъ, кажется, демократъ“ (такъ говорили наши Греки; но они ошибались).

Разъ было гулянье за городомъ. Народу было много. Благовъ пришелъ туда съ Бакъевымъ, съ Козвино, съ Бостанджи-Оглу и нѣсколькими другими гостями; съ двумя кавассами, со слугами, разодѣтыми по праздничному, въ золотыя куртки и фустанелы чистыя какъ снѣгъ; съ коврами разноцвѣтными, съ чаемъ, русскимъ самоваромъ, фруктами и виномъ; самъ расфранченный по-русски въ бархаты и выпустивъ красную шелковую рубашку поверхъ шальваръ. Велѣлъ разостлать ковры въ тѣни; послалъ за музыкой, выбралъ лучшихъ юношей изъ толпы чтобъ они плясали около него албанскія пляски. Молодцы пили вино, лѣли и плясали во здравіе консула; а г. Благовъ пилъ свой чай и кофе съ друзьями на коврахъ. Пришелъ старикъ Хаджи-Судейманъ (тотъ самый дервишъ съ алебардой который меня налугалъ); Благовъ посадилъ его съ собой на коверъ, угощалъ его чаемъ и далъ ему свѣжую розу подсунуть на вискъ подъ колпакъ.

Народъ весь, и христіане и Турки, и Евреи, всѣ радовались на благородное консульское веселье. Составила вся толпа широкій, преширокій кругъ, передніе посѣли на землю, чтобы заднимъ не мѣшать смотреть, и полиція турецкая сидѣла тутъ же и веселилась.

Говорятъ что это было прекрасно!

Проѣхалъ тоже по дорогѣ около этого мѣста г. Бреше съ женой; оба верхами. Залтіе тотчасъ же въ испугѣ поскакали; встали и христіане нѣкоторые; но г. Благовъ сказалъ громко своимъ кавассамъ:

— Скажите имъ чтобъ они сидѣли смирно и веселились, когда я тутъ.

Такъ злой Французъ и проѣхалъ мимо, замѣченный только на минуту. Хотѣлъ, кажется, и австрійскій консулъ, бѣдный, показаться народу. Вышелъ толстакъ съ женой и шестью дѣтьми своими. Такъ они и прошли, никто на нихъ и не взглянулъ даже. Только одна старуха сказала: „Вотъ какъ эту Франкису, католичку эту, благословилъ Богъ! сколько дѣтей! А у твоей дочери ни одного нѣтъ.“

Все такъ было мирно и весело. Немного-было испортилось дѣло на минуту, но г. Благовъ и то поправилъ сейчасъ же. Одинъ пожилой Грекъ, который долго жилъ въ Египтѣ и

умѣя танцовать по-арабски, закричалъ изъ круга дервишу Хаджи-Сулейману: „не хочеть ли онъ вмѣстѣ пропаясать?“

Хаджи-Сулейманъ былъ родомъ феллахъ. Онъ согласился и сталъ съ Греками лясать. Разбѣгались они и сбѣгались по-арабски долго; потомъ Грекъ, желая, по глупости своей, надъ столѣтнимъ дервишемъ позабавиться, толкнулъ его; тотъ ему отвѣтилъ и началась борьба. Грекъ былъ роста большаго, силенъ и лѣтъ не старше пятидесяти; онъ шутилъ, но дервишъ сердился и начиналъ уже драться крѣпко, видя что не можеть одолѣть Грека. Г. Благовъ тотчасъ же полагалъ что такого рода игры не удобны предъ толпою разновѣрною и разнородною. Когда Грекъ повалилъ дервиша, Благовъ закричалъ ему по-гречески: „брось его, дуракъ; чему ты обрадовался? Что поборолъ столѣтняго старца! Полагалъ бы ты ему лѣтъ двадцать тому назадъ, онъ показалъ бы тебѣ каковъ онъ былъ прежде!“

Грекъ нашъ вкочилъ и скрылся въ толпу; а Хаджи-Сулейманъ важно возвратился къ благородному обществу на ковры и сѣлъ около консула.

Турки хвалили доброе сердце г. Благова; а греческіе архонты хвалили его умъ. „Могли бы отъ неосторожности ссора и скандалъ великій выйти. Наши Греки, египетскіе работники, головорѣзы великіе; и Турокъ тоже было довольно много на гуляньѣ. Умный человекъ г. Благовъ!“

Молодцы христіане, которые лясали на гуляньѣ, пришли послѣ въ консульство и тамъ праздновали до полуночи, пили, лясали опять на дворѣ и пѣли разныя лѣсни. Одинъ изъ нихъ бросилъ вверхъ пустой стаканъ выше дома и стаканъ не разбился.

Тогда всѣ молодцы закричали: „Zito! Да здравствуетъ Россія. Крѣпка она! Zito!“

Г. Благовъ вышелъ на балконъ, посмѣялся съ ними и отпустилъ ихъ говоря: „Смотрите, не буяньте, а то попадетесь Туркамъ.“ И легъ спать. Только-что онъ легъ, вдругъ въ двери консульства стучать. Чтò такое? Матери молодцовъ пришли и плачуть что ихъ сыновей Турки въ тюрьму заперли. Г. Благовъ успокоилъ этихъ женщинъ и самъ потру вставши лѣхалъ къ лашѣ.

— Мнѣ очень жаль, сказалъ онъ ему,—что въ самомъ началѣ нашего знакомства уже случаются неприятности.

Разказалъ какъ у него народъ гнѣвъ на дворѣ и какъ заперли молодцовъ.

— Здѣшній элпирокій простой народъ, и мусульмане и Греки, всѣ драчуны и буяны, я ихъ знаю, сказалъ ему паша смѣясь. — Они любятъ всякія исторіи. Эти шаауны были безъ фонаря и кричали на улицѣ. Когда залтіе ихъ остановили, они выругались и часть ихъ ушла, а двое попались. Они брали полицію.

На это Благовъ отвѣчалъ:

— Я не имѣю официальнаго права защищать турецкихъ подданныхъ и вѣрю что эти мальчишки виноваты сами; но знаете чтò? Хорошо ли для васъ самихъ, для турецкой власти, чтобы народъ говорилъ: „Не за то что мы брались насъ заперли, а за то что мы именно у русскаго консула веселились. Намъ и веселиться съ единовѣрцами нельзя!“

— Это я и самъ понимаю и хочу забыть это дѣло въ угоду вамъ, сказалъ паша. Онъ позвалъ офицера и велѣлъ ихъ вылустить.

Съ этой минуты паша и Благовъ сошлись.

Паша хвалилъ его и за тактъ, съ которымъ онъ не далъ разыгратъ страстямъ при себѣ на гуляньѣ (ибо, конечно, онъ узналъ все объ исторіи съ дервишемъ), и за то что онъ такъ добродушно угощаетъ этого юродиваго дервиша, не дѣлаетъ различія между своими единовѣрцами и Турками и за то, наконецъ, что онъ такъ деликатно и тонко выхлопоталъ прощеніе молодымъ ловѣсамъ нашимъ.

Всѣ говорили что старый паша съ тѣхъ поръ уже очень полюбилъ г. Благова и что онъ предпочитаетъ его всѣмъ остальнымъ консуламъ. Самъ онъ бываетъ у него рѣдко, боясь возбудить зависть другихъ агентовъ, къ которымъ у него нѣтъ и охоты даже ѣздить часто; но онъ ужасно радъ когда Благовъ приходитъ къ нему; вскакиваетъ, слѣшитъ къ нему на встрѣчу съ крикомъ: „Милости просимъ, милости просимъ!“ угощаетъ его турецкими пирожками, совѣтуется съ нимъ на счетъ своихъ археологическихъ занятій и съ удовольствіемъ дѣлаетъ ему *xatırs* * тамъ гдѣ только можетъ.

Чувалиди, который несмотря на всю свою важность и медленность, умѣлъ иногда очень хорошо передразнивать людей,

* *Xatırs*—угода.

презабавно представлялъ какъ паша хвалить *остяхъ* консуловъ. Все они у него хорошіе люди; каждый „эи-адамъ!“ по званію ихъ, старикъ такъ искусно умѣлъ мѣнять тонъ и выраженія лица что каждый понималъ всю глубокую разницу его чувствъ и скрытыхъ мѣнній.

Надо было видѣть какъ умѣлъ Чувалиди сидя на диванѣ подражать ему, какъ у него удивительно и быстро мѣнялись лицо и голосъ.

Про Корбетъ де-Леси, напимѣръ, Рауфъ-паша говорилъ снисходительно и сострадательно:

— Эи-адамъ! Хорошій человекъ! *старичокъ.*

Про Киркориди, Элина, сухо и равнодушно: „эи-адамъ.“

Про австрійскаго консула серьезно и значительно:

— Эи-адамъ. Очень хорошій человекъ; уступчивый, сговорчивый, вчера онъ мнѣ одѣлалъ большую уступку.

Про г. Бреше съ досадою и безпокойствомъ:

— Эи-адамъ! Хорошій человекъ. Что будемъ дѣлать! Франція очень сильная держава!

Но когда рѣчь заходила о Благовѣ, Рауфъ-паша восклицалъ съ восторгомъ:

— А! Благовъ, прекрасный молодой человекъ! Прекрасный! Приятный молодой человекъ, откровенный, умный! Это *садъ*, уверяю васъ, это *садъ*, а не человекъ.

Говорятъ будто бы паша даже часто обнималъ и цѣловалъ Благова и звалъ его: „сынъ мой!“

Вліяніе сильное имѣли на пашу только Благовъ и Бреше. Англичанинъ и Австріецъ охотно сами ему во всемъ почти уступали, одинъ по равнодушію и лѣни, другой по личной боязливости и вслѣдствіе слабой поддержки отъ интернуція. Киркориди тоже уступалъ пашѣ нерѣдко, хотя и по неволѣ. Самъ онъ былъ довольно тонокъ и очень твердъ; но Греція была слаба и вѣчно враждебна.

Рауфъ-паша угождалъ только двумъ агентамъ: Бреше, изъ страха, и личнаго, и политическаго, а Благову изъ политическаго страха и изъ душевной къ нему симпатіи.

Къ тому же люди говорили что Благовъ когда захочетъ такъ умѣетъ быть очень рѣшительнымъ и твердымъ.

Благовъ въ короткое время успѣвалъ также пріобрѣсти и расположеніе, конечно, не всѣхъ, но многихъ архонтовъ анискихъ. Они приходили въ консульство съ утра. И г. Благовъ принималъ ихъ всѣхъ рано и просто лилъ при нихъ свой чай,

смѣлся, разспрашивалъ новости, выслушивалъ жалобы, самъ разказывалъ имъ много и если не всегда могъ помочь, то старался ободрить и утѣшить. Часто обѣдали у него наши Греки-купцы, доктора, учителя. Часто въ консульствѣ играла музыка; и самъ г. Благовѣ дѣлалъ Грекамъ нередко визиты; по вечерамъ у него иногда консула или архомты наши играли въ карты далеко за полночь. Проигрывалъ онъ какъ будто охотно и не огорчался. Большія ворота консульства были съ утра до ночи настежь открыты по его приказанію; нищихъ не отгоняли никогда, и живнь, и движенье, дѣятельность, разговоры и шумъ въ этомъ домѣ не прекращались ни на мигъ.

Отцу моему очень нравилось все что онъ слышалъ о г. Благовѣ и онъ говорилъ, слушая эти разказы:

— Вотъ консулъ! вотъ молодецъ!

Но меня отдавать въ такой шумный и веселый домъ онъ, разумѣется, не желалъ. „Всякому свое мѣсто!“ говорилъ онъ.

Особенно одно обстоятельство было ему не по вкусу.

При одной труппѣ явившихъ Цыганъ-музыкантовъ была ложилая танцовщица мусульманка и у нея была молоденькая дочка Зельха.

Зельха имѣла отъ роду всего четырнадцать лѣтъ; собой она была то что Турки зовутъ *назикъ*, граціозная, нѣжная, милая. Я ее видѣлъ тогда же и не нашелъ ее красивою: губы у нея были очень толсты и носикъ круглый какъ у черныхъ Арабовъ, глаза только были живые, большіе, пресмытые, черные-пречерные. Худа была такъ Зельха что ее многіе считали за переодѣтаго мальчика. Думали что старая танцовщица, не имѣя дочери, на замѣнъ себѣ обучала сына плясать и обирать деньги съ тамбуриномъ, разчитывая что онъ успеетъ набрать довольно до тѣхъ поръ пока возьмется замѣтно.

Другіе говорили что это ложь, и что Зельха дѣвушка.

Вотъ эту Зельху г. Благовѣ очень ласкалъ и баловалъ; это была его любимая танцовщица на всѣхъ вечерахъ и пикникахъ, которые онъ давалъ у себя или за городомъ.

Зельха стала скоро нарядна какъ картинка; у нея были голубыя, лиловыя, красныя юлкі съ большими цвѣтами и золотю бахромой, курточки шитыя, фески новыя съ голубыми кистями; шея ея была вся убрана австрійскими червонцами и турецкими лирами, и незадолго до своего отъѣзда

въ Загоры, г. Благовъ далъ ей громадную золотую австрійскую монету въ шесть червонцевъ, чтобы носить; напередѣ ожерелья.

Когда у нея спрашивали: „Зельха, дитя мое, откуда у тебя столько золота на шеѣ?“ она отвѣчала: „Мнѣ его отецъ мой московскій далъ.“

Молодые Греки, которые вмѣстѣ съ нею иногда у Благова плясали, звали ее: „Турецкій червонецъ съ російской печатью“.

Турки въ городѣ тоже смотрѣли на эту дружбу довольно благосклонно и смѣялись.

Самъ старикъ Рауфъ-паша разъ пошутилъ съ дѣвочкой этой. На одномъ турецкомъ пиру, Зельха, по приказанію хазана, подава пашѣ на подносѣ водку. Паша тихонько спросилъ ее: „Ну, какъ идутъ дѣла съ Русскимъ?“

Зельха отъ ужаса чуть не уронила подносъ; онъ обѣ съ матерью едва дождались окончанія вечера, до утра проплакали, а поутру пришли въ консульство и закричали:

— Аманъ! Аманъ! Мы погибли! Насъ въ далекое изгнаніе пошлютъ!... Грѣхъ великій у насъ такія дѣла...

Благовъ очень этому смѣялся, и конечно, никто танцовщицу и не думалъ тревожить.

Люди которые знали дѣло близко увѣрили что отношенія эти между молодымъ консуломъ и танцовщицей совершенно лживыя и чисты. Просто турецкое дитя очень занимаетъ консула новизной рѣчей своихъ, капризовъ и разныхъ ужимокъ. И онъ жалѣетъ ее къ тому же.

Козвино, напримѣръ, ручался за Благова и клялся что Благовъ любитъ и жалѣетъ Зельху платонически.

— Благовъ веселъ, говорилъ докторъ,—но очень благороденъ и нравственъ, а Зельха слишкомъ молода. Но Благовъ сходенъ со мной, онъ любитъ все оригинальное, выразительное, особенное. О! я увѣренъ, онъ любитъ Зельху идеально, за то что она мусульманка, дика и дерзка, и ничего не знаетъ. Онъ говорилъ мнѣ самъ: „Я васъ, Козвино, люблю, ха! ха! ха! Да! я васъ, Козвино, люблю за то что вы безумецъ и оригиналъ“.... О! Благовъ! о! мой артистъ.... О! мой рыцарь! о! прекрасный Благовъ....

Такъ объяснялъ Козвино отношенія консула къ молодой Турчанкѣ. Такъ было и въ самомъ дѣлѣ, но не всѣ этому вѣрили.

И отецъ мой сказалъ доктору: „Все это хорошо, но не для насъ. Консулы люди большіе и могутъ имѣть свои фавориты, а я человѣкъ неважный и желаю чтобы сынъ мой жилъ въ домѣ скромномъ и тихомъ.“

Я тогда подумалъ что отецъ нарочно такъ сказалъ чтобы вызвать доктора на предложеніе помѣстить меня въ одной изъ нижнихъ комнатъ, но тутъ же убѣдился что это ошибка. Докторъ дѣйствительно помолчалъ, поморгалъ бровями, поглядѣлъ на насъ въ ринсе-pez, еще помолчалъ, а потомъ съ нѣкоторымъ волненіемъ спросилъ: „А у меня нѣсколько времени жить онъ не можетъ?“

Отецъ поблагодарилъ его и отвѣчалъ что подумаетъ. „Какъ бы не обременить тебя, и къ тому же отъ училища далеко.“

Докторъ, по всему было замѣтно, очень обрадовался. Что касается до меня, то мнѣ уже надоѣла эта нервѣзливость, эти ожиданія и перемѣны. Къ умной Гайдусѣ за всю эту недѣлю я расположился всѣмъ сердцемъ и очень любилъ слушать ея лѣсни, остроты и разказы. Доктора тоже пересталъ бояться. Я охотно остался бы въ этомъ просторномъ домѣ и сидѣлъ бы часто у окна, любясь на зеленую площадь, открытую старыми плитами еврейскаго кладбища, на турецкую большую караульню и на проходной и проѣзжий народъ.

Я и сказалъ отцу наединѣ:

— Отецъ, отчего жъ бы здѣсь не остаться, если докторъ хочетъ?

— Оттого что не надо, отвѣчалъ отецъ, и я замолчалъ.

Отчего жъ не надо? Чтò за перемѣна? Я пересталъ бояться, а отецъ испугался чего-то. Безразличности? Отношеній доктора съ Гайдусей? Но Гайдуса хрома, худа, постарѣла. Примѣръ не искусительный, и живя одинъ въ городѣ, посѣщая друзей и молодыхъ товарищей, я увижу, если захочу, какіе-нибудь пороки болѣе соблазнительные и страшные своей пріятельностью? Не то это было!

Отецъ испугался, это правда; но чего? Онъ за эти дни узналъ отъ людей отчего у Гайдуси на лѣвой щекѣ шрамъ небольшой, отчего у нея ротъ чуть-чуть искривленъ, когда она улыбается, и какъ года два тому назадъ у доктора горѣлъ домъ. Я тоже замѣтилъ и шрамъ и улыбку страшную, слышалъ что-то еще въ Загорахъ объ этомъ пожарѣ, но не обратилъ ни на то, ни на другое большаго вниманія.

Года два тому назадъ и прежде еще, хаживалъ къ доктору въ домъ одинъ молодой столяръ. Онъ чинилъ потолка,

мебель, двери, окна, и съ Гайдусей былъ очень друженъ. Однажды послѣ полуночи, на самую великую утреню Пасхи, когда почти всѣ христіане были по церквамъ, увидѣлъ одинъ Еврей пламя въ зеленомъ домѣ имама. „У Козвино горитъ!“ закричалъ онъ, и тогда вмѣстѣ съ нимъ бросилось двое турецкихъ жандармовъ изъ караульни и нѣсколько Гречанокъ сосѣднихъ. Дверь выломали и погасили огонь. Докторъ былъ въ церкви и домъ казался пустымъ. Но заглянувъ въ одну изъ комнатъ, люди съ ужасомъ увидели на полу окровавленное тѣло Гайдуси. У нея на шеѣ и на щекѣ были раны; волосы вырваны клоками и крови вытекло изъ нея такъ много что платье и тѣло ея были прилипли къ полу. Однако замѣтили въ ней признаки жизни; любѣжали люди въ разные стороны. Пришли доктора; пришли турецкіе чиновники; англійскій драгоманъ и кавассы. (Козвино былъ подданный Юническихъ острововъ.) Гайдуса ожила, и началось слѣдствіе. Убійца былъ столяръ; онъ и не долго отпирался; но увѣрялъ что Гайдуса пригласила сама его этою ночью, чтобы вмѣстѣ ограбить доктора и убѣжать съ нимъ („такъ какъ она меня любила,“ сказалъ въ судѣ столяръ); онъ увѣрялъ еще что она напоила его пьянымъ и потомъ деньгами хотѣла завладѣть одна. Это показалось неправдоподобнымъ. Гораздо было естественнѣе и проще объясненіе Гайдуси; она признавалась что можетъ-быть и была нѣсколько расположена къ столяру, что онъ даже хотѣлъ на ней жениться; но грабить онъ вздумалъ самъ; началъ ломать ящикъ комода, въ которомъ у Козвино лежало золото; она вступилась за собственность своего „хозяина, отца и благодѣтеля, который (такъ она и въ судѣ выразилась) ее душой деревенской и сиротой въ домъ взялъ и человекъ изъ нея сдѣлалъ“. Она вступилась, и тогда завязалась между ею и грабителемъ борьба на жизнь или смерть. Докторъ пламенно отстаивалъ вездѣ Гайдусу, и предъ Турками и у консуловъ, прося ихъ поддержки. Столяра осудили работать въ тюрьмѣ Яинской въ цѣляхъ на нѣсколько лѣтъ и уплатить Гайдусѣ изъ заработковъ значительную сумму.

Однако, дѣло многимъ все-таки казалось темнымъ. „Отчего же она не звала на помощь? Отчего она не кричала? говорили иные люди... Борьба видимо была долгая и тяжелая; Гайдуса ужасно сильна и сильна, несмотря на свою худобу и малый ростъ“ Такъ разсуждали иные люди... Отецъ готовъ

былъ больше вѣрить доктору и Гайдушѣ; онъ говорилъ что столяръ могъ съ начала самаго зажать ей ротъ или сдвинуть ей горло; и, видѣвши преданность ея доктору и его хозяйству, вспоминая ихъ долгую жизнь вмѣстѣ, отецъ говорилъ: „Не думаю чтобы женщина которая не беретъ жалованья у человѣка за столько лѣтъ, вздумала грабить его! Но... но... лучше подалее отъ домовъ гдѣ случаются подобныя дѣла!“

Позднѣе онъ объяснилъ мнѣ и больше.

— Ты тогда только-что сталъ подростать и былъ уже очень красивъ. Гайдуша женщина страстная, рѣшительная, бурная... Я боялся, дитя мое, за тебя.

Вотъ была та неизвѣстная мнѣ тогда причина которая вооружила отца моего противъ докторскаго дома.

Мнѣ было очень это досадно тогда; я хмурился и грустилъ, размышляя:

„Два дома веселыхъ въ Янинѣ, я слышу, есть: консулатство Русское и докторскій домъ, и въ нихъ-то мнѣ жить не дозволено! Нѣтъ, видно, мнѣ бѣдному счастья хорошаго въ этомъ городѣ!“

Послѣ того какъ было получено изъ Тульчи письмо о пожарѣ, отецъ дядя два только и думалъ что о драгоманствѣ и о дѣлѣ Исаакидеса; но кончивъ все это, онъ принялся думать опять обо мнѣ и даже ходилъ со мной вмѣстѣ смотреть мнѣ квартиру. Долго мы не могли найти ничего по нашему вкусу. Тамъ далеко отъ училища, тамъ очень дорого; здѣсь семейство не такъ-то хорошо; а тамъ по составу все Цыганки живутъ, танцовщицы изъ оковъ выгадываютъ, нарумяненные женщины на порогахъ сидятъ и смѣются.

Опять все та же Гайдуша сказала намъ: „Я васъ въ хорошее мѣсто сведу!“ И привела она насъ въ церковь Св. Николая, къ отцу Арсенію, старому священнику, у котораго мы и нашли маленькую комнату, окномъ на дворъ.

Отецъ Арсеній былъ вдовый старикъ, воспитывалъ при себѣ двухъ внучатъ и кромѣ этихъ дѣтей и пожилой параманы никого у него и не было въ домѣ. Въ комнаткѣ моей стѣны были чистыя, бѣлая, одинъ простой диванъ, шкапы въ стѣнахъ по-турецки; на окнахъ занавѣски бѣлая; предъ окнами снаружи по стѣнѣ большія лозы винограда; столикъ и стулъ. Чего же лучше? Мнѣ полюбилася сразу тихій церков-

ный дворъ, мощный лаитами; а когда я остался на минуту одинъ въ той комнатѣ которую мнѣ назначали и облокотился на открытое окно, сухіе листья виноградной лозы вдругъ зашелестѣли отъ вѣтра; я вспомнилъ Загоры и сердце мое сказало мнѣ: „здѣсь тебѣ жить!“ Такая же точно лоза висѣла у бабушки подъ окномъ, также шелестѣли на ней осенью сухіе листья и точно такая же трепетная тѣнь ладала отъ нихъ на бѣлую занавѣску!...

„Здѣсь тебѣ жить!“ сказало мнѣ сердце. Старикъ священникъ былъ сѣдой, почтенный, веселый, ласковый. Въ городѣ его уважали. Цѣну онъ взялъ небольшую за комнату и лицу моему. И такимъ образомъ все вдругъ хорошо устроилось. И отъ училища недалеко, и недорого, и тихо, и удобно, и нравственно. Отецъ радовался и я былъ радъ, и про себя еще прибавлялъ: „И отъ Русскаго консульства очень близко.“

По возвращеніи домой отъ отца Арсенія, отецъ мой тотчасъ же сталъ собираться въ путь. Ему хотѣлось уѣхать, не начиная дѣла съ Шерифъ-беємъ. Доставъ себѣ на всѣ непредвидѣнные расходы 200 лиръ съ Исаакидеса, онъ разчитывалъ такъ: „надо уѣхать внезапно и оставить Исаакидесу записку съ извиненіями и обѣщаніемъ скоро вернуться. въ Тульчѣ кончить поскорѣе всѣ дѣла, возвратиться въ Янину и тогда уже, вникнувъ хорошенько въ сущность тяжбы Шерифъ-бея, рѣшиться либо начать ее, если въ ней нѣтъ мошенничества со стороны Исаакидеса, а если есть, то сказать ему что раздумалъ и возвратить ему тогда безъ труда эти 200 лиръ, которые *теперь* намъ такъ дороги и необходимы. Обмануть Исаакидеса, такъ-сказать, внутренно, оставаясь по вѣщности правымъ, и возвратить ему поздне его деньги, казалось отцу менѣе вѣзкимъ чѣмъ грабить въ судѣ за одно съ этымъ безсовѣстнымъ интригамомъ хорошаго человѣка. Но надежда перехитрить аеинскаго патриота не осуществилась. Человѣкъ этотъ былъ вовсе не уменъ; но онъ былъ тѣмъ что мы зовемъ „кутопокиросъ“, глупо-хитрый человѣкъ. Когда дѣло касалось его денежныхъ выгодъ или политическихъ интригъ, онъ былъ неутомимъ, бдитель и ни на минуту не терялъ изъ вида своей главной цѣли. Онъ какъ-то сумѣлъ узнать о сборахъ отца на Дунай; прибѣжалъ взволнованный къ дому Ковачио и, не смѣя войти внутрь, просилъ чтобъ отецъ вышелъ на улицу.

Отецъ, въ оправданіе свое, показалъ ему письмо дяди; но

Исаакидесъ сейчасъ же вспомнилъ когда пришла послѣдняя почта и сказалъ отцу:

— Письмо это вамъ уже нѣсколько дней тому назадъ получено, а вы мнѣ ничего не сказали. Оно было получено, сознайтесь, прежде чѣмъ вы просили меня идти къ Бакъеву по дѣлу вашего драгоманства?

— Это правда, сказалъ отецъ,—но я не считалъ себя обязаннымъ говорить вамъ о пожарѣ. Это дѣло касалось только меня одного.

Исаакидесъ потребовалъ чтобъ отецъ тотчасъ же шелъ къ нему на домъ писать прошеніе въ Русское консульство о начати дѣла противъ Шерифъ-бея подъ русскимъ покровительствомъ; отецъ, колеблясь, вздыхая и сокрушаясь, уступилъ. Исаакидесъ нашелъ въ тотъ же день для веденія дѣла безъ отца ловкаго повѣреннаго, съ которымъ согласился въ цѣвѣ за хлопоты; написалъ самъ прошеніе и отвелъ отца въ консульство. Бакъева не было дома и они объяснили о чемъ идетъ рѣчь Бостанджи-Оглу. Отецъ сознавался мнѣ послѣ не разъ что онъ очень страдалъ въ этотъ день. Онъ часто говаривалъ потомъ что считаетъ этотъ поступокъ свой хотя и вынужденнымъ обстоятельствами, но все-таки очень дурнымъ, очень грѣшнымъ, худшимъ изъ всѣхъ своихъ поступковъ въ жизни.

Бостанджи-Оглу, который досадовалъ на то что отца него, а не его сдѣлали вторымъ драгоманомъ, принялъ прошеніе неохотно и сказалъ даже Исаакидесу:

— Чтò это вы, въ самомъ дѣлѣ, точно всѣ условились разорять эту турецкую семью! Куско-бей на старика Абдурраима напалъ, а вы на бѣднаго Шерифъ-бея. Вы погубите их!

— Ты плетешь еще безгласный, мой другъ, отвѣчалъ ему Исаакидесъ грубо. — Молчи, любезный! Вопервыхъ, развѣ ты не понимаешь что разорять и губить всячески Турокъ есть долгъ всякаго хорошаго христіанина? Не можемъ мы съ тобой взять оружія и проливать вражью кровь? Если такъ, то по крайней мѣрѣ инымъ путемъ мы должны уничтожить враговъ отчизны. Да! А къ тому же чтò тутъ до тебя? Ты долженъ подать эту бумагу г. Бакъеву, вотъ и все твое назначеніе. Понимаешь, дружокъ?

Отецъ возвратился домой опять убитый и разстроенный; его мучила совесть, онъ цѣлый вечеръ вздыхалъ и, возводя

глаза къ небу, говорилъ: „О, Боже! всѣ мы люди! Всѣ чело-
вѣки!“

Я не смѣлъ спросить что съ нимъ такое и только гораздо позднѣ узналъ всѣ тайныя пружины и подробности этого дѣла, которое его такъ смущало.

На другой день отецъ уѣхалъ въ Тульчу; я провожалъ его одинъ до хана. Докторъ прослалъ; Чувалиди занимался съ Турками во время Рамазана по ночамъ, а днемъ отды-
халъ. Исаакидесъ вѣрно не хотѣлъ пріѣхать. Погода опять
немного поправилась въ день отцовскаго отъѣзда.

Въ хану, въ двухъ часахъ разстоянія отъ города, мы про-
стились съ отцомъ; я поцѣловалъ его руку и онъ сказалъ
мнѣ: „Учись, матери чаще лиши; о пожарѣ и о глазахъ мо-
ихъ ей теперь не лиши, а только старику Стилову, церковь
не забывай. Что же тебѣ еще сказать? Какъ бы это мнѣ
сказать тебѣ—не знаю. Полагаю что у тебя уже есть свой
разумъ?“

Я отвѣчалъ что разумъ уже есть у меня. Тогда отецъ
сказалъ мнѣ такъ: „А если разумъ есть, то связей не бро-
сай; ходи въ хорошіе дома, бери полезныя въ нихъ примѣры
образованности и благородства, а на то что твоему возра-
сту не пристойно и что несообразно со строгою нравствен-
ностью добраго православнаго, отъ того устранийся. Вотъ
тебѣ мое слово отеческое. Я сказалъ, а ты это помни!“

Отецъ сѣлъ на мула и скоро скрылся со своими лѣшими
проводатыми за горой; а я сперва долго плакалъ сидя одинъ
у дверей лустаго хана; а потомъ тоже сѣлъ на мула и по-
ѣхалъ не скѣша и въ горькомъ раздумьѣ въ городъ, на свою
новую квартиру.

„Что-то ждетъ меня тамъ? Что-то ждетъ меня молодого,
глулаго, робкаго, одинокаго и всѣмъ теперь въ этомъ го-
родѣ чужаго?“ спрашивалъ я себя, проливая слезы.

К. ЛЕОНТЬЕВЪ.

ОТЕЦЪ И СЫНЪ *

ОПЫТЪ КУЛЬТУРНО-БИОГРАФИЧЕСКОЙ ХРОНИКИ

Г Л А В А X.

(1822—1827)

Вторая поѣздка въ столицу. — Перемены наденныя Второвымъ въ Москвѣ — Хапопы его въ Петербургѣ о полученіи Владимірскаго креста. — Доброе вліяніе на него столичной жизни. — Новые литературныя знакомства: Н. И. Гречъ, Ф. В. Бугаринъ, Н. И. Страховъ, И. А. Козацько и др. — Характеристика тогдашняго петербургскаго общества; Карамзинъ и рукописная литература; петербургскій театр. — Возвращеніе въ Самару. — Опять хандра. — Пріѣздъ императора Александра въ Самару. — Государь приглашаетъ къ себѣ Марью Васильевну и ея старшую дочь Катеньку. — Семейные раздоры Второвыхъ. — Смерть Марьи Васильевны. — Кончина императора Александра. — Общая паника послѣ 14го декабря: „Дурацкій Архивъ“. А. Е. Алфимова, казанская литераторша. — Замужство К. И. Второвой за М. Г. Темниковъ. — Поѣздка И. А. Второва въ Илецкую Запиту. — Жизнь младшей сестры его въ супружествѣ съ В. Ф. Ефремовскимъ. — Наставленіе ея дѣтямъ.

20го декабря 1822 года, въ жестокіе морозы, выѣхалъ Второвъ изъ Симбирска, съ любимымъ слугою своимъ Дмитриемъ, въ Москву. Путь его лежалъ черезъ тѣ же мѣстности по которымъ онъ проѣзжалъ назадъ тому двадцать два года. Все прежнее, знакомое было ему на этомъ пути; но самъ онъ былъ, увы! уже не тотъ. Но тѣмъ не менше домашнія дразги были позабыты: одиночество, просторъ полей, перемѣна мѣстъ и частыя встрѣчи съ проѣзжающими подѣ-

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 3, 4 и 5.

ствовали на него благотворно: ему дышалось легко, на него пахнуло воспоминаніями далекаго прошлаго, рисовавшагося ему теперь въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ. Подъ вліяніемъ такого настроенія онъ заѣхалъ въ Алатырь, гдѣ пробылъ сутки въ семействѣ Ивановыхъ (Николай Ивановичъ и Варвара Александровна). Здѣсь онъ встрѣтился со старою знакомой, Анною Ефимовною Алфимовой, переводчицей проповѣдей Массильйона,* женщиной весьма умною и пріятною. Она жила въ это время въ монастырѣ и готовилась принять постриженіе; но это нисколько не помѣшало радости и задушевности ихъ свиданія. „Она, кажется, писалъ къ женѣ Второвъ, стала добрѣе, любезнѣе и святѣе. Она надавала мнѣ нѣсколько тетрадей своего перевода Массильйоновыхъ проповѣдей. Всѣхъ помнить, любить и прощаетъ за огорченіе; молится о всѣхъ, особливо, говоритъ, за меня, чтобъ обратить меня; также весела и даже шутила.“ Въ Москву нашъ герой вѣхалъ утромъ въ праздникъ Рождества Христова. Настроеніе его духа было также самое праздничное, подъ вліяніемъ старыхъ воспоминаній; но оно вскорѣ смѣнилось тоскливымъ и, на этотъ разъ, глубоко искреннимъ чувствомъ. „Я пріѣхалъ сюда, говоритъ онъ, съ прежними чувствами, какія были за двадцать лѣтъ предъ симъ, но нашелъ здѣсь *могилу* и прежняго города, и прежнихъ жителей! Городъ не тотъ: уже онъ помолодѣлъ и переѣвился въ лучшій видъ, а люди... или устарѣли; или умерли, совсѣмъ новое и мнѣ не знакомое поколѣніе! Видѣлъ одну только женщину, Дарью Борисовну Кошелеву (у которой и стою въ домѣ), но едва примѣтно прежнее сходство: совсѣмъ стала старухой! Людей прежде близкихъ моему сердцу никто даже не знаетъ и только по слуху говорятъ что многіе уже давно померли!“ Въ Москвѣ пробылъ Второвъ всего пять дней, которые оказались ему за нѣсколько часовъ, такъ какъ онъ нашелъ еще въ живыхъ нѣкоторыхъ изъ старыхъ друзей своихъ и знакомыхъ. „Я былъ, говоритъ онъ, точно также доволенъ, веселъ, здоровъ и молодъ какъ за двадцать лѣтъ. Какія были пріятнѣйшія свиданія со старыми моими московскими друзьями, съ Павломъ Ивановичемъ Комаро-

* Этотъ переводъ вышелъ въ 1824—1825 годахъ подъ названіемъ: *Бесѣды Массильйона, епископа Клермонскаго, славнаго французскаго проповѣдника*. Слб. Т. Медіц. Департ. 7 частей. Безъ означенія имени переводчицы (роспись № 606).

вымъ и его семействомъ, съ Ал. Нак. Усовымъ, съ семействомъ Ратьковыхъ! У Комарова двѣ дочери и сынъ, но старше нашихъ дѣтей; Усовъ недавно женился. Они какъ родные не хотѣли разстаться со мною. Въ домѣ Катерины Алексѣевны Мельгуновой и зятя ея Константина Алексѣевича Левашева я былъ принятъ какъ родной. * Былъ въ Благородномъ Собраніи. Публика блестящая, но какая разница въ многолюдствѣ противу прежняго! Тогда бывало по три и четыре тысячи, а нынѣ не болѣе осьмисотъ дамъ и кавалеровъ; тогда были всѣ въ мундирахъ и башмакахъ, а нынѣ, кромѣ военнослужащихъ, во фракахъ; за то дамы въ брилліантахъ и самыхъ модныхъ нарядахъ. Иванъ Алексѣевичъ навѣстилъ въ Москвѣ бывшего своего начальника, тогда, кажется, сенатора, князя А. А. Долгорукова, который принималъ его очень любезно и снабдилъ рекомендательнымъ письмомъ въ Петербургъ къ Дубенскому, также бывшему симбирскому губернатору. Услѣлъ посѣтить герой нашъ и театръ, былъ на бенефисѣ актера Зубова; давали: *Султеты*,** *Жидъ въ бочкѣ* и балетъ *Русскія качели на Рейнѣ*; балетъ показался нашему путешественнику лучше прежняго, игрой актеровъ онъ остался очень доволенъ. Въ Твери задержалъ Второва на нѣсколько дней его двоюродный братъ, В. Г. Пяткинъ, бывший въ это время уже окружнымъ генераломъ внутренней стражи VI округа и имѣвшій свое мѣстопробываніе въ этомъ городѣ. Въ Петербургъ герой нашъ прибылъ 4го января 1823 года и остановился у Пановыхъ; отецъ Анны Васильевны, В. И. Чемезовъ, также жилъ эту зиму въ сѣверной столицѣ. Цѣль поѣздки Ивана Алексѣ-

* Съ другимъ, старшимъ зятемъ Мельгуновыхъ, Петромъ Ивановичемъ Шалашниковымъ, богатымъ симбирскимъ помѣщикомъ, Второвъ былъ уже давно и очень близко знакомъ. Эти два семейства, Мельгуновыхъ и Шалашниковыхъ, самарской резиденціей которыхъ было село Новый Буякъ, Второвъ любилъ, кажется, больше всѣхъ своихъ знакомыхъ, конечно, по отношеніямъ къ старому своему другу Степану Григорьевичу. Второву пришло въ голову не только родство и процвѣтаніе дѣтей его (у него былъ еще сынъ Михаилъ), но и встрѣтится со внуками, съ третьимъ поколѣніемъ, которое, въ свою очередь, не забываетъ о дружескихъ отношеніяхъ нашего героя къ ихъ дѣду.

** *Султеты или Спартанцы XVIII столѣтія*, въ 5 д. Сочиненіе Льва Неваховича. Спб. Т. Губ. Права. 1810.

вича въ Петербургъ, какъ мы видѣли, состояла въ полученіи Владимірскаго креста, на который онъ имѣлъ право; но предвидѣлись и предстали большія хлопоты, и теперь вся задача состояла въ томъ чтобъ ихъ по возможности сократить. Второвъ разчитывалъ что ему удастся это сдѣлать при посредствѣ Пановыхъ и Чемезовыхъ, съ помощію ихъ обширныхъ связей, при посредствѣ и своихъ отношеній, старыхъ и новыхъ; въ особенности онъ разчитывалъ на Тургеневыхъ, Александра и Николая Ивановичей, игравшихъ уже въ то время значительную роль въ петербургскомъ обществѣ и посѣщавшихъ дома казанскихъ его друзей. Въ содѣйствіи и помощи своихъ друзей и пріятелей онъ не обманулся; но дѣло его затянулось на четыре слишкомъ мѣсяца, которые онъ безвыѣздно прожилъ въ Петербургѣ. Зависѣло оно главнымъ образомъ отъ директора Департамента Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ и Горнаго Корпуса, Мечникова, но послѣдній въ это время былъ очень боленъ; и Иванъ Алексѣевичъ едва добился съ нимъ свиданія только въ концѣ февраля. Другое офиціальное лицо необходимое для его дѣла былъ Дубенскій (Никол. Порф.), бывшій симбирскій губернаторъ, тогда директоръ какого-то департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; * но этотъ послѣдній никого не принималъ на дому. Второву едва черезъ мѣсяць пришлось поймать его въ департаментъ. Дубенскій очень ласково принялъ прежняго своего сослуживца, насудилъ ему кучу обѣщаній, и между прочими предлагалъ какое-то мѣсто по управленію государственными крестьянами; но, разговаривая съ нимъ, не посадилъ его, а потомъ видимо началъ избѣгать и свиданій. Но несмотря на содѣйствіе друзей, безпрестанныя лутешествія въ Горный Корпусъ, гдѣ жилъ Мечниковъ, и въ департаментъ которымъ управлялъ Дубенскій, страшно надоѣли нашему герою и приводили его въ отчаяніе: два мѣсяца онъ прожилъ въ Петербургѣ совершенно даромъ. Вотъ что онъ писалъ по поводу своихъ неудачъ:

„Здѣсь, кажется, всѣ живутъ только для себя и забываютъ о другихъ. Эгоизмъ царствуетъ во всей силѣ. Поживу еще недѣли двѣ, и если увижу что будутъ только одни обѣщанія на словахъ, а дѣла никакого, то брошу все и уѣду: Богъ

* Кажется, характеристика этого самаго Дубенскаго представляема г. Ивсарскимъ въ его *Запискахъ* (*Русск. Арх.* 1873, стр. 515—531).

съ ними!.. Мнѣ столько омерзѣли всѣ обѣщанія, пустыя и невѣрныя, что я бросилъ бы все и уѣхалъ бы опять въ Самару... Вельможи и богатые чиновники, кажется, всѣ безчувственные эгоисты; мелкіе чиновники — также. Всякій думаетъ о себѣ. Какая нужда имъ заботиться о другихъ!.. Избави Боже кто пріѣзжаетъ сюда за дѣлами! Никто не думаетъ о другомъ, о нуждахъ его и крайности; всякій живетъ для себя. Обѣщаютъ много, но ничего не выполняютъ. Когда Богъ приведетъ меня выдраться отсюда, хоть бы ни съ чѣмъ! Все лучше, лишь бы донесъ Богъ обратно.“

Вотъ какъ описываетъ Второвъ свиданіе съ Мечниковымъ: „Наконецъ я удостоился видѣть г. директора. И хотя принялъ онъ меня довольно ласково, но, несмотря на давное имъ Николаю Александровичу Астафьеву обѣщаніе сдѣлать все что мнѣ угодно, лично мнѣ почти начисто отказалъ, говоря что не его дѣло до старой службы моей (по дворянскимъ выборамъ), а по нынѣшней обѣщанъ представить въ свое время, то-есть въ сентябрѣ мѣсяцѣ, съ тѣмъ и откланялся со мною.“ Потерпѣвъ съ этой стороны неудачу, Иванъ Алексѣевичъ не зналъ что ему дѣлать. Онъ составилъ записку о своей службѣ и о своихъ правахъ на орденъ. Друзья его возили эту записку въ Сенатъ и въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ; но вездѣ получался тотъ же самый отвѣтъ который далъ ему Мечниковъ. Наконецъ отыскался добрый человекъ, нѣкто Дружининъ (Яковъ Александр.), который взялъ эту записку и хотѣлъ попробовать нельзя ли убѣдить Мечникова дѣйствовать въ ея смыслѣ. Къ счастью, попытка эта увѣнчалась успѣхомъ, хотя не ранее конца марта, когда зимній путь началъ уже портиться. Превидя затяжку дѣла, Иванъ Алексѣевичъ выпросилъ у Струкова отсрочку и порученіе приобрести и отправить водой, по лѣтнему пути, какіе-то химическіе инструменты и другія вещи, потребныя для солянаго дѣла; все это, конечно, было исполнено. Благодаря участію Дружинина, Мечниковъ сдѣлалъ, наконецъ, то что и слѣдовало, отнесся къ министру внутреннихъ дѣлъ, прося его ходатайства о Второвѣ. Дѣло, казалось, пошло по прямому пути; но потребовалось еще такое же отношеніе министра юстиціи и особенное расположеніе въ пользу нашего героя директора канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ и директора того департамента къ которому относилось его дѣло, такъ какъ послѣднее можно

было направить или въ Сенатъ, или прямо въ Кавалерственную Думу, что было не одно и то же. Пройти по всемъ этимъ мытарствамъ, для полученія Владимира 4й степени, помогали Второву Дубенскій, вышедшій изъ своей неподвижности и, очевидно, налускной холодности, и Александръ Ивановичъ Тургеневъ*. Они расположили въ министерствѣ въ пользу Второва всѣхъ кого нужно; но ускорить представленіемъ его къ ордену со стороны министра, раньше августа, не было никакой возможности, потому и Ивану Алексѣевичу ничего не оставалось какъ питаться надеждой и убираться восвояси, куда онъ спѣшилъ самымъ искреннимъ образомъ; только распутица, отправка казенныхъ вещей, купленныхъ по порученію Струкова, и болѣзнь вѣрнаго слуги его Дмитрія (кажется чахотка) задержали его въ Петербургѣ до 8го мая.

Всѣ эти передраги наводили тоску на нашего героя, такъ какъ въ концѣ концовъ лѣзетка его оказывалась бесполезною; долгая разлука съ семьей увеличивала тоскливое расположеніе его духа; самарскія картины начали рисоваться ему въ иномъ видѣ, и самыя отношенія къ Марьѣ Васильевнѣ окрасились въ другой цвѣтъ. Но и за всемъ тѣмъ пребываніе въ Петербургѣ освѣжило его; столичная жизнь напомнила ему прежнее молодое время. Бывали долгіе часы въ которые онъ забывалъ и о Самарѣ, и о своихъ ссорахъ съ Марьей Васильевной, и о всемъ на свѣтѣ, когда онъ былъ вполнѣ счастливъ и чувствовалъ въ себѣ ту полноту жизни, которая дается человѣку только въ молодости. Въ такія минуты онъ приходилъ въ восторгъ даже отъ уличнаго

* Вотъ что о немъ, между прочимъ, говорится въ любопытной характеристикѣ мещанскаго автора *Старой Записной Книжки*: „Онъ не только дѣлалъ добро по вызову, но просьбѣ, онъ отыскивалъ случаи помочь, обезлечить, устроить участь меньшей братіи, гдѣ ни была бы она. Онъ былъ провидѣніемъ забытыхъ, а часто обстоятельствами и судьбой забытыхъ чиновниковъ; провидѣніемъ сирыхъ, неприютныхъ, безпомощныхъ... Въ ходатайствѣ за другихъ былъ онъ ревностенъ, упоренъ, неотвязчивъ. Онъ смѣло, горячо заступался за всѣ нужды и оскорбленія противъ неправдъ, ратовалъ противъ произволовъ, беззаконностей начальства... Русская литература, русскіе литераторы нуждавшіеся въ покровительствѣ, въ поддержкѣ, всегда встрѣчали въ немъ ходатая и умнаго руководителя.“
(*Русск. Архивъ*, 1875 стр. 62—63.)

шума сѣверной столицы и отъ невиданнаго имъ прежде зрѣлища, освѣщенія улицъ газомъ. „12 часовъ, 10 минутъ, лишеть оны 1го марта 1823 года. Ночь претемная. Сію минуту пришелъ я изъ гостей. Около трехъ верстъ шелъ я лѣшкомъ, но луть самый пріятнѣйшій. Длинныя цѣли огней по улицамъ освѣщаютъ дорогу, особливо на Невскомъ Проспектѣ—милліоны огней неподвижныхъ и летающихъ съ каретами и колясками. Въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ освѣщено газомъ, свѣтъ самый разительный, на который трудно глядѣть. И теперь еще шумитъ у меня въ ухахъ отъ ужаснаго грома производимаго, вдали и вблизи скачущими каретами, колясками и дрожками по кремнистымъ голышамъ мощеныхъ улицъ. Искры огня отъ копытъ и колесъ, вмѣстѣ съ летающими горизонтально туда и сюда фонарями, составляютъ прекрасный фейерверкъ. Какая картина для лѣшиходовъ, идущихъ покойно и безопасно по гладкимъ тротуарамъ. Три версты покажутся за 30 шаговъ; вотъ каково и ночью ходить здѣсь! А днемъ, при солнечномъ свѣтѣ, всѣ тротуары наполнены толпами франтовъ и красавицъ, въ лучшихъ нарядахъ платьяхъ, съ веселыми лицами гуляющихъ по проспектамъ. Здѣсь уже около двухъ недѣль совершенная весна; свѣгу ни клока на большихъ проспектахъ; чистота удивительная! Каждый день по два раза метутъ и чистятъ.“

„Здѣсь очень весело, писалъ оны еще ранѣе. Почти всякій день то на вечерахъ, то въ театрахъ, въ Эрмитажѣ, въ Кунсткамерѣ, горномъ музеумѣ и пр. и пр. Для любопытства и удовольствій много лицъ.“ Въ эту поѣзду кругъ его знакомыхъ увеличился до обширныхъ размѣровъ, чему способствовала, кромѣ его общительности, и охота, если не страсть къ картежной игрѣ, которой оны предавался съ увлеченіемъ и которая ловсюду отворяла ему двери. Но не однѣ карты, не одни служебные, чиновничьи, но и другіе, выстїе, умственные, литературные интересы занимали нашего пятидесятилѣтняго героя. Оны, человекъ стараго поколѣнія, питомецъ XVIII вѣка, вошелъ въ кругъ тогдашней современной русской интеллигенціи, среди которой ему дышалось легче. По природному благодущію и воспріимчивости своей природы Второвъ былъ не способенъ относиться не только враждебно, но и антипатично къ явленіямъ новой жизни, смыслъ которыхъ былъ ему не всегда ясенъ. „Я чаще воѣхъ вижусь и бы-

ваю, писалъ онъ вскорѣ по прїѣздѣ въ Петербургъ, въ домахъ Чезезова, Булыгиныхъ, Молостова, Бардинскаго, Ковальки и нашего земляка, Николая Ильича Татарина, съ которымъ завтра ѣду къ Ѳедорову, бывшему самарскому прокурору "... Татарины были очень умные и образованные люди, въ домѣ которыхъ собирались тогдашніе петербургскіе литераторы. Второвъ былъ знакомъ съ ихъ дядей Аржевитиновымъ (Семенъ Васильевичъ), также симбирскимъ помѣщикомъ, старымъ масономъ, путешествовавшимъ по Европѣ и собравшимъ большую бібліотеку. „Но прїятѣе всего (пишется мѣсяцемъ поздѣе) я провожу время въ бесѣдахъ здѣшнихъ литераторовъ. Недавно познакомился я съ Николаемъ Ивановичемъ Гречемъ, издателемъ *Сына Отечества*. Онъ прекрасный и прелюбезный изо всѣхъ коихъ я здѣсь знаю: вѣжливъ, ласковъ и милъ въ обращеніи. У него бывають по четвергамъ всѣ авторы.* По приглашенію его, вчера (22го марта) я былъ у него въ первый разъ. Какъ президентъ Общества Словесности, онъ обѣщаль мнѣ билетъ на входъ въ публичныя чтенія, бывающія въ домѣ Державиной.“ Въ первый разъ у Греча былъ Иванъ Алексѣевичъ 20го марта, во вторникъ. Разговоръ шелъ о русской грамматикѣ. Хозяинъ пригласилъ гостя на свои четверги и представилъ ему бывшаго у него тогда Булгарина, который также очень понравился нашему провинціальному автору. Въ первый четвергъ, о которомъ упомянуто выше, Второвъ посѣтилъ Греча вмѣстѣ съ Ѳедоровымъ и нашелъ у него небольшое собраніе, состоящее только изъ Бестужева (какого, неизвѣстно), Кутозова и какихъ-то четырехъ офицеровъ. Во второй разъ Второвъ посѣтилъ Греча въ слѣдующій четвергъ, 29го числа, и нашелъ у него большое собраніе. Въ числѣ другихъ были: князь Цертелевъ (Николай Андреевичъ); Бестужевъ, Сомовъ, Булгаринъ, Кутузовъ и Княжевичъ. На этомъ вечерѣ Гречъ читалъ записки Казаковы, по нѣмецкой книгѣ, перевода очень скоро и совершенно свободно текстъ ея на русскій языкъ. Затѣмъ рѣчь была о тогдашней литературѣ, партияхъ, и особенно долго остановились на Воейковѣ (Александрѣ

* Объ этихъ четвергахъ была малечатама въ журналѣ *Заря* 1871, № 4, особая статья. См. также статьи *Петербургскаго Старожилца* (Вурмашева) въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1872, №№ 5, 6, и 7.

Федоровичъ), на его ссорѣ съ Булгаринымъ, причѣмъ посабд- ній прочиталъ письмо свое къ Воейкову и рѣзкій отвѣтъ этого журналиста. „По мнѣнiю присутствующихъ, говоритъ Второвъ, Воейковъ имѣлъ дурной нравъ и дурное сердце.“ Третье посѣщенiе было на первый день Свѣтлаго праздника, 21го апрѣля. Гречъ былъ одинъ и очень ласково принялъ своего гостя, которому подарилъ первую тетрадь своей грамматики. Онъ, между прочимъ, рассказывалъ ему анекдотъ случившiйся съ Нарышкинымъ (Алекс. Льв.). Министръ финансовъ Гурьевъ согласился было выдать Нарышкину, для путешествiя, 700 тысячъ руб., подъ залогъ его дачи; но противъ этого возсталъ баронъ Кампенгаузенъ, указавъ на то что, по недостатку средствъ, было отказано въ помощи крестьянамъ двухъ бѣлорусскихъ губернiй, находившихся въ самомъ бѣдственномъ положенiи. Мнѣнiе барона поддержалъ Мордвиновъ, который написалъ энергическую записку въ пользу крестьянъ. Государь, прочтя эту записку, пришелъ въ негодованiе отъ поступка Гурьева, отказалъ Нарышкину въ займѣ, приказавъ просимую имъ сумму раздать Бѣлоруссамъ, которымъ, сверхъ того, простилъ всѣ недоимки и отсрочилъ взносъ податей на десять лѣтъ. * Четвертое посѣщенiе Греча не сопровождалось ничѣмъ особеннымъ: это былъ прощальный визитъ. Другiя литературныя знакомства завязалъ Второвъ въ Англiйскомъ Клубѣ, у Татариновыхъ (Ник. Ил. и Анна Семен.) и у книгопродавцевъ Косицкаго (Ефимъ Васил.), Слепина и Пяшара и у Измайлова. Въ Англiйскомъ Клубѣ онъ познакомился (21го февраля) съ Иваномъ Андреевичемъ Крыловымъ, тогда уже извѣстнымъ баснописцемъ. При второмъ посѣщенiи клуба, 3го марта, во время обѣда, Второвъ уже садится подлѣ Крылова и разговариваетъ и шутитъ съ нимъ какъ со старымъ знакомымъ. Это второе посѣщенiе Англiйскаго Клуба совпало со днемъ годичнаго собранiя его членовъ. Изъ литераторовъ, кромѣ Крылова, здѣсь находились: адмиралъ Шиш-

* О дѣлѣ Нарышкина говоритъ Карамзинъ въ письмѣ къ Дмитрiеву (стр. 349). „Записка Мордвинова“ напечатана въ *Чтенiяхъ Общ. Ист. и Древн. Росс.*, 1839, III, 29—36. Баронъ Кампенгаузенъ (Валтасаръ Валтасаровичъ), тайный совѣтникъ и членъ Государственнаго Совѣта, былъ государственнымъ контролеромъ. О Мордвиновѣ см. отдѣльную монографiю г. Иконникова, профессора Киевскаго университета: „Графъ Н. С. Мордвиновъ“.

ковъ, князь Шаховскій, Свиньинъ (Павель Петровичъ), Александръ, Сергѣй и Борисъ Тургеневы * и Гнѣдичъ. Во время обѣда играла музыка и пѣли пѣвчіе Измайловскаго полка. Послѣ тоста за здоровье государя, возвратившагося въ Петербургъ съ Веронскаго конгресса, 21го января, одинъ изъ пѣвчихъ, красавецъ собою, пѣлъ сочиненный на этотъ случай гимнъ: „Ты возвратился, благодатный!“ Въ домахъ Панаевыхъ и Татариновыхъ, особенно же у послѣднихъ, чаще другихъ бывали братья Тургеневы; здѣсь Второвъ познакомился съ знаменитымъ графомъ Хвостовымъ. Въ домѣ В. В. Измайлова, съ которымъ Второвъ въ эту поѣздку близко сошелся и котораго онъ посѣщалъ не разъ, онъ познакомился съ Панаевымъ (Владим. Ив.), Бестужевымъ (Никол. Фед.), Рыльевымъ (Кондр. Фед.), съ Княжевичами, тремя братьями, издателями *Прибавлений къ Сыну Отечества*, Остолоповымъ (Никол. Фед.), ** Сомовымъ (Орестомъ Михайл.), Спасскимъ (Григ. Ив.) издателемъ *Сибирскаго Вѣстника*. Не меньшую, если не большую охоту имѣлъ Второвъ къ знакомству съ книгопродавцами; изъ нихъ онъ сблизился и, можно сказать, подружился съ Косицкимъ, у котораго не рѣдко бывалъ и въ домѣ и который также навѣщалъ его на квартирѣ. Косицкій былъ не просто книгопродавецъ, но и библіофилъ. Онъ былъ автодилактъ, занимался химіей, собиралъ рѣдкости и дѣлалъ значительныя пожертвованія въ пользу образованія, напримѣръ, для училища глухонѣмыхъ. Косицкій познакомилъ Второва съ своимъ пріателемъ, книгопродав-

* С. И. Тургеневъ, редкой братъ Александра Ивановича, директора Департамента Духовныхъ Дѣлъ при князь А. Н. Голицынѣ, служилъ секретаремъ при графѣ М. С. Воронцовѣ. Борисъ Петровичъ Тургеневъ—двоюродный братъ ихъ, сынъ Петра Петровича, члена Дружескаго Общества.

** Остолоповъ издавалъ *Журналъ Департамента Народнаго Просвѣщенія*, съ 1821 по ноябрь 1823. Свиньинъ въ это время издавалъ *Отечественныя Записки*, появившіяся съ мая 1820 и продолжавшіяся по 1828 годъ. А. И. Тургеневъ уже былъ извѣстенъ издаваніемъ (вмѣстѣ съ Жуковскимъ и Воейковымъ) двѣнадцати частей *Собраніе образъ. русск. сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ*. (Спб. 1815—1817.) О князь Шаховскомъ, извѣстномъ драматургѣ, мы имѣемъ любопытные разказы С. Т. Аксакова, въ его *Литературныхъ и Театральныхъ Воспоминаніяхъ*.

цемъ Ильичимъ. У книгопродавца Сленина Иванъ Алексѣевичъ познакомился съ Воейковымъ (Александръ Ѳедор.), Плетневымъ (Петр. Алекс.) и Туманскимъ (Ив. Осип.), а Плюшара, бібліотеку котораго онъ расхваливаетъ, съ барономъ Дельвигомъ (Антономъ Антонов.), котораго называетъ „умнымъ и прекраснымъ молодымъ человекомъ“. Герой нашъ не брезговалъ и безвѣстными торговцами книжнаго товара букинистами; такъ онъ посѣтилъ на Гребенцкой улицѣ одного изъ такихъ торговцевъ, у котораго купилъ нѣсколько книгъ; вообще книжнаго товара въ этотъ разъ онъ не малъ вывезъ изъ Петербурга. Кромѣ Греча и Измайлова, Иванъ Алексѣевичъ чаще другихъ бывалъ у двухъ тогдашнихъ литераторовъ, Страхова, Николая Ивановича, автора книги о Калмыкахъ, ** и Кованька, Ивана Афанасьевича, писавшаго

* Авторъ извѣстной сатиры *Домъ Сумашедшихъ* и членъ литературнаго общества „Арзамасъ“, подъ именемъ „Дымной Печурки“. О немъ смотри: Колюбакина *Литературные Дѣятели Прѣжнихъ Времени* (стр. 243—291); Вигеля *Воспоминанія*, ч. V, 44—45; Бурашова (*Русскій Вѣстникъ* 1871 года №№ 9ѣ, 10ѣ, 11ѣ и 12ѣ) „Знакомство съ Воейковымъ“. Воейковъ издавалъ съ Гречемъ (съ 1821 по мартъ 1822) историческій и политическій журналъ *Сынъ Отечества*, съ 1821 по 1828 годъ. *Русскій Инвалидъ*, одимъ, съ июля 1822 по 1825 годъ, *Новости Литературы*, вмѣстѣ съ В. Козловымъ, и этотъ же журналъ, въ 1825—1826, одимъ. Туманскій авторъ и издатель нѣсколькихъ серьезныхъ сочиненій, историко-географическихъ; кромѣ того, онъ былъ издателемъ слѣдующихъ журналовъ: 1) *Зеркало Свѣта*, на 1786—87; 2) *Еженедѣльникъ*, на 1792 годъ и 3) *Россійскій Магазинъ*, съ сентября 1792 по мартъ 1794 года.

** Вотъ ея заглавіе: *Нынѣшнее состояніе Калмыцкаго народа, съ присовокупленіемъ калмыцкихъ законовъ и судопроизводства, десяти правилъ ихъ вѣры*, и пр. Слб. Т. Шнора. 1810. Страховъ принадлежалъ къ числу плодовитыхъ авторовъ конца прошлаго и первыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Онъ, между прочимъ, былъ издателемъ журнала *Сатирической Вѣстникъ*, удобствоующій разсуживать на морщенное чело старичковъ и пр., девять книгъ, изданіе котораго повторилось въ Москвѣ въ 1795. Если этотъ Страховъ былъ изъ казанскихъ, родственникъ Панаевыхъ, то сбавженіе съ нимъ Второва будетъ совершенно поматно. Служа прежде главнымъ приставомъ Калмыцкой Орды, Н. И. Страховъ выучился по-калмыцки и познакомился съ бытомъ Калмыцкаго народа. Здѣсь въ степи, познакомился съ Д. В. Мертваго, который называется

стихи, съ которыми Второвъ сошелся ближе всѣхъ и у котораго бывалъ почти ежедневно. Съ ними-то, со Страховымъ и Кованькой, особенно съ послѣднимъ, велись тѣ интимныя бесѣды о которыхъ распространяться нашъ герой находилъ неудобнымъ даже въ своемъ журналѣ. Говорили о прошломъ, о послѣднихъ дняхъ царствованія императора Павла, объ исторіи Сперанскаго, о Семеновской исторіи, о Татаркиной, о какихъ-то ея „дочкахъ“, бывшихъ въ замужествѣ за Палинымъ и Чернышевымъ; говорили о настоящемъ, о послѣднихъ годахъ царствованія императора Александра I, временахъ реакціи и Аракчеевщины, объ общественной распущенности. Герой нашъ не принадлежалъ ни къ какимъ тайнымъ обществамъ; человѣкъ стараго поколѣнія, онъ не имѣлъ ничего общаго съ декабристами и не былъ посвященъ въ ихъ лавны; его знакомство съ ними не могао быть близкимъ, но онъ понималъ болѣзнь времени. Кованько гдѣ-то служилъ и имѣлъ большую семью, восемь сыновей и двѣ дочери. Былъ онъ человѣкъ очень общительный, но, кажется, принималъ большую частію своихъ земляковъ, Малороссовъ, какъ напри- мѣръ, Ковалевскаго, Любарскаго и др. Но ни семьей, ни обществомъ своихъ гостей онъ не стѣснялся и давалъ полный просторъ своему языку. Имѣлъ ключъ ко всѣмъ тогдашнимъ новостямъ, слухамъ и къ современной, довольно обширной рукописной литературѣ. Всѣмъ этимъ онъ дружески дѣлился со Второвымъ, который любилъ не только послушать и почитать, но и переписать запрещенную вещь. Императоръ Александръ, какъ извѣстно, почасту и подолгу оставялъ Петербургъ. Возвращеніе его съ Веронскаго конгресса на этотъ разъ оживило сѣверную столицу, въ которой въ это время находилась также и намѣстникъ Царства Польскаго, цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Парадамъ и ученьямъ не было конца. Общественное настроеніе въ эту пору (1818 — 1825), какъ въ провинціяхъ, такъ и въ столицахъ, было весьма не блестяще: всѣ были недовольны; воз- шли и распространялись тайныя общества съ политиче-

го „человѣкомъ умнымъ и съ просвѣщеніемъ“. Жена Страхова Варвара Давидовна) была изъ Столыпинскихъ актрисъ. (*Русскій Архивъ* 1868, стр. 128).

скою цѣлю. * Но личность императора Александра I никогда не теряла своего обаятельнаго вліянія. Съ появленіемъ его въ Петербургѣ, воскресали надежды, и, хотя временно, оживлялось общество. Особенное оживленіе замѣтно было въ Петербургѣ на Святой Недѣлѣ, когда произошли важныя перемѣны въ составѣ высшей администраціи, когда, вмѣсто Гурьева, назначенъ былъ министромъ Канкринъ, вмѣсто Лобанова-Ростовскаго—князь Алексѣй Куракинъ. Рукописная литература не замедлила отозваться на эти перемѣны тучей стиховъ, которые тщательнѣе собиралъ Кованько и которые не лѣнились переписывать нашъ самарскій литераторъ; къ сожалѣнію, въ бумагахъ послѣдняго они не сохранились. Не всѣ эти стихи были хороши и остроумны, не мало было и грубыхъ виршей; но всѣ они любопытны, какъ выраженіе духа времени. Для примѣра указываемъ на одно плохое сатирическое стихотвореніе, сохранившееся въ бумагахъ Второва и относящееся къ нѣсколько раншему времени. Піеса называется *Рождество Христова*. Неизвѣстный авторъ представляетъ Спасителя сидящимъ на колѣнахъ у Пресвятой Дѣвы. Къ Нему являютъ съ поздравленіемъ и подарками множество народа, „всякій сбродъ: монахи, ризмачи, вельможи“. Вотъ—

Христу на новоселье
Несетъ министръ ** овецъ,
Россійское издѣлье,—
Сукомый образецъ.
„Я знаю, говорить, сукно мое дражное,
„Но Ты носи, любя меня,
„И въ Сѣверной о другъ я
„Скажу словцо, другое.“
Нашъ Неккеръ *** запыхался,
Спасителю, сквозь слезы,
У ногъ Его вадался,
Молитву произнесъ:

* См. *Исторія царствованія императора Александра I в Россіи въ его время*, соч. Богдановича, т. VI, главы 79 — 81, стр 386—504.

** Козодавлевъ (Осипъ Петровъ), министръ внутреннихъ дѣлъ † 1819 года.

*** Гурьевъ, графъ Дмитр. Александр., министръ финансовъ † 1825.

„Мой Богъ! Сдѣлай въ нашу пользу чудо,
 „А безъ того, боюсь, у насъ
 „Финансамъ будетъ худо.

„Скажись на просьбу нашу,—
 „Рука Твоя легка!
 „А для Тебя я кашу
 „Начну варить пока.
 „О мастерствѣ моемъ ужъ каждый свидѣль:
 „Я кашу лучше всѣхъ варю,
 „И съ той поры какъ ваять къ царю,
 „Я только то и дѣлалъ.“

Слодвижникъ знаменитый
 Его достойныхъ дѣлъ,
 Румянами покрытый, *
 Къ Маріи вдругъ подбѣлъ.
 И говорить: „Себѣ подобнаго не знаю!
 „Военныхъ былъ среди ширныхъ дѣлъ;
 „Теперь, когда торгованъ мѣтъ,
 „Торговлей управляю.“

Вдругъ слышеть шумъ у входа.
 Березинскій герой **
 Кричить толпѣ народа:
 „Раздвиньтесь предо мной!“
 Пропустимте его, тутъ каждый повторяетъ,
 Держать его грѣшно бы намъ:
 Мы знаемъ, онъ другихъ и самъ
 Охотно пропускаетъ. ***

Украшенный въ камп,
 Приходитъ Витгенштейнъ;
 Герсю риемачамъ
 Давно приписанъ Рейнъ.
 Онъ говоритъ: „Богъ вѣсть какъ съ вами очутился!
 „Летѣлъ я къ славѣ налегкѣ,
 „Летѣлъ-лѣтѣлъ, съ мечомъ въ рукѣ;
 „Но съ Люцера я сбился!“

* Образковъ, Мих. Алексѣевъ, генералъ-лейтенантъ, директоръ департамента вѣшной торговли.

** Чичаговъ.

*** Последніе два куплета, какъ отдѣльное осмысленіе, напечатаны во 2й книгѣ XIX Вѣка Бартелева, стр. 296.

Пронравивый отъ вѣка,
Сибирскій Лалапутъ,
Обращикъ челоуѣка,
Явилася Пестель тутъ.

„Что править Богъ съ небесъ земаей,—ни въ грошъ не ставлю;
„Дави, пожалуй, онъ гаупцовъ!
„Сибирью самъ съ Невы бреговъ
„И правяю я, и грабую.“

Трактатъ е воспитанья

Приноситъ новый Локкъ. *

„Въ малюткѣ, при стараньи,
„Повѣрьте будетъ прокъ.
„Отдайте мнѣ его! Могу на Нижній смѣло
„Сослаться объ умѣ своемъ;
„Въ Гиппаньи—не таюсь грѣховъ—
„Совсѣмъ другое дѣло.

* Муравьевъ-Апостолъ, И. М., умершій въ 1851 году. Онъ былъ членомъ *Бесѣды*, получивъ основательное классическое образованіе, переводилъ Горациа и писалъ „Письма изъ Сожженной Москвы въ Нижній-Новгородъ, къ другу“ (числомъ 15), печатавшіяся въ *Сынѣ Отечества*, въ 1813—1815 годахъ, трактующія о воспитаніи и направленныя главнымъ образомъ противъ галломаніи и поверхностнаго образованія. И. М. Муравьевъ-Апостолъ былъ прежде нашимъ посланникомъ въ Испанію. Авторъ приведеннаго стихотворенія, очевидно, принадлежавшій къ противникамъ *Бесѣды*, не могъ понять значенія и достоинства Муравьева, одного изъ серьезнѣйшихъ писателей своего времени. То же пристрастіе видно въ отзывѣ о такихъ писателяхъ, какими были князь Шаховской и братья (двоюродные) Львовы, друзья Державина, люди очень даровитые, въ особенности старшій, Николай Александровичъ († 1803). Шаринскій-Шахматовъ, Кикимъ, Захаровъ и Языковъ были крайніе шашковисты. Первый называется въ стихотвореніи „каikuшей“, второй—„онъ въ армію *Бесѣды* членъ, онъ—генералъ въ *Бесѣдѣ“*; Языковъ—„ероуъ задрѣ присяжный“; Захаровъ, авторъ сочиненія *Похвала Женамъ*,—

.... пресоавутый
Присяжный Савакинъ,
Ораторъ жемъ надутый,
Бесѣды исполникъ.

Хвостовыхъ было двое: одинъ извѣстный графъ, бездарный стихотворецъ; другой—саависа (или имѣлъ претензію) своимъ остроуміемъ.

„Горація на шею
 „Себѣ я называлъ;
 „Хоть мало разумію,
 „Но много прочитаю.
 „Малютку радъ учить всѣмъ лексиконамъ въ мірѣ;
 „Но математикѣ—никакъ!
 „Воюсъ, докажетъ—я дуракъ,
 „Какъ дважды два четыре!“

Далѣе являются къ Спасителю тогдашніе литераторы: Кикинъ, Хвостовы, братья Львовы, князь Ширинскій-Шихматовъ, Карабановъ, князь Шаховской, Языковъ и Захаровъ; нѣкоторые изъ нихъ изображаются чертами сатиры Воейкова *Домъ Сумашедшихъ*.

Замѣчательно что Второвъ въ эту поѣздку въ Петербургъ не только ни разу не былъ у Карамзина, но и совсѣмъ о немъ не упоминаетъ въ своемъ журналѣ. Вообще имя этого писателя, которому онъ такъ много обязанъ своимъ развитіемъ, послѣ 1803 года встрѣчается у него не болѣе двухъ, трехъ разъ, и притомъ безъ прежняго восторженнаго отношенія; оно упоминается только при названіи его исторіи, которую нашъ герой прочитывалъ по мѣрѣ ея выхода. Находясь въ Петербургѣ, Второвъ самымъ тщательнымъ образомъ перелисываетъ (вѣроятно у Кованьки) сатиру на Карамзина, подъ названіемъ *Бракосочетаніе г. Карамзина*.

Такъ какъ эта піеса еще не была нигдѣ напечатана, то приводимъ ее въ редакціи записанной Второвымъ.

*Бракосочетаніе г. Карамзина. **

„Кажется, вся природа брала участіе въ свадьбѣ г. Карамзина; поэтому и церемоніаль ея заслуживаетъ особеннаго вниманія. Заря утренняго начала уже красить восточное небо, и розовый цвѣтъ ея сыпался на бѣлые граниты; но солнце не выказывало еще лица своего, когда начался благовѣстъ

* Н. М. Карамзинъ въ первый разъ былъ женатъ (1801 года) на Елизаветѣ Ивановнѣ Протасовой, во второй (1804 года)—на княжнѣ Екатеринѣ Андреевнѣ Вяземской. Кажется, приводимая сатира относится ко второй женитьбѣ.

вздохами чувствительныхъ сердець. Онъ продолжался до тѣхъ поръ пока

Солнце красное авилося
На лазури неба чистаго,
И лучами злата яркаго
Освѣтило роццу тихую.

Въ сію минуту стѣнанія престади, потому что она (роцца) назначена была для бракосочетанія. Здѣсь опишу я мѣсто на которомъ должно было ему совершиться. Въ тѣни липовой роцци возвышается небольшой холмикъ, размаринами увѣнчанный. Внизу разстилаются тучные, густозеленые, бѣлыми, синими и красными цвѣточками расщепренныя дуга, за которыми по желтымъ пескамъ журчитъ кристалльный ручеекъ; далѣе пасутся многочисленныя стада; тамъ молодые пастухи, сидя подъ тѣнію деревъ, поютъ простыя пѣсни и тѣмъ сокращаютъ лѣтніе дни. На верху холмика стоить миртовая бесѣдка съ надписью: *Храмъ Любви*. Въ ней все просто, но все дышетъ любовью. Простой деревный жертвенникъ, украшенный ландышами и васильками, сооруженъ посреди ея; на жертвенникѣ статуя божества, которому посвященъ храмъ сей. По стѣнамъ видны изображенія: а) Геркулеса старающаго отъ любви къ Омфалъ; 2) Венеры пылающей въ объятіяхъ Марса; 3) Пенелопы съ ея безконечнымъ ковромъ и пр. Входъ стерегутъ два кулидона съ извительными своими стрѣлами. Здѣсь-то долженъ былъ Карамзинъ получить руку своей любезной. Минута соединенія ихъ наступила, — и....

Улыбнулось все твореніе.
Воды съ блескомъ заструилися,
Травки ночью освѣженныя
И цвѣточки благовоныя
Растворили воздухъ утренній
Сладкимъ духомъ ароматами.
Всѣ кусточки оживилися,
И перматя малюточки,
Кополдичка съ машиной,
Въ нѣжныхъ лѣсныхъ славить началъ
День, безпечность и спокойствіе.

Однимъ словомъ, —

Никогда въ Россійской области
Не бывало утро лѣтнее
Веселѣе и прекраснѣе.

Страстные любовники вышли изъ миртовыхъ своихъ палатъ чтобъ идти ко храму. Самые жители Олимпла осчастливили своимъ присутствіемъ чувствительныхъ любовниковъ: вотъ порядокъ ихъ шествія:

- 1) Впереди Аполлонъ; за нимъ:
- 2) Девять Музъ съ своими атрибутами;
- 3) Невзнузданный Пегасъ;
- 4) Три граціи;
- 5) Игры, Смѣхи и Веселости съ корзинками фіалокъ и незабудочекъ, которыми они усыпаютъ путь любовниковъ;
- 6) Новобрачные въ бѣлыхъ одеждахъ, съ распущенными по плечамъ волосами и препоясанные розовыми гирляндами;
- 7) Вторая половина Игръ и Смѣховъ;
- 8) Три купидона, навьюченные твореніями жениха;
- 9) Шествіе заключается толпою чувствительныхъ писателей разныхъ лѣтъ и состояній, съ заплаканными глазами, съ воздымающеюся отъ вздоховъ грудью и съ бѣлыми платками въ рукахъ.

Въ такомъ порядкѣ пришла процессія въ храмъ, гдѣ жрецъ природы, въ одеждѣ небснаго цвѣта, ожидалъ ихъ. На правомъ клиросѣ пѣли соловьи, а на лѣвомъ желтобокіе чижечки.

Обрядъ бракосочетанія.

Новобрачные имѣли въ рукахъ по букету ландышей. Жрецъ природы предшествуя имъ пѣлъ съ обоими ликами слѣдующій псаломъ съ припѣвомъ:

Лишась способности грѣшить,
И другу, недругу закажемъ
Кого-нибудь въ собаку вводить,
Лишась способности грѣшить.
Прямымъ раскаяньемъ докажемъ
Что можемъ праведными быть,
Лишась способности грѣшить.
Отнынѣ будетъ все шлое:
Чтобъ строгимъ людямъ угодить,
Мужей оставимъ мы въ покоѣ,
А женъ начнемъ добру учить,
Лишась способности грѣшить.
Среди собраній свѣтскихъ будемъ
Ругать, какъ можно больше, свѣтъ,
Лишась способности грѣшить.

Послѣ сего жрецъ говорилъ краткое поучительное слово слѣдующаго содержания: „Именемъ природы заклинаю васъ любить другъ друга; именемъ той которая велика въ трескѣ громовъ и бурь, въ дыханіи Зефира и въ ревѣ Борея... (въ сіе время сильно подулъ вѣтеръ).“ По окончаніи же слова, жрецъ спросилъ: „Кроткій юноша! Хочешь ли ты соединить судьбу свою съ судьбой этой прекрасной дѣвицы?“ На что Карамзинъ отвѣчалъ:

Чиномъ я не генералъ
И богатства не имѣю.
Но любить ее умѣю.

Потомъ жрецъ вопрошаетъ о томъ невѣсту:

Тутъ прекрасная вздохнула,
На любезнаго взглянула
И сказала: я твоя!

Послѣ того жрецъ читалъ слѣдующее воззваніе къ природѣ:

Жрецъ. Воззовемъ къ природѣ!
Ли къ. Мать любезная природа! Улыбнись!
Жрецъ. Очарованъ оми тобою.
Богъ, играющій судьбою,
Богъ, коварный Купидомъ!
Ядовитою стрѣлою
Ты лишилъ его покою.
Какъ ужасенъ твой законъ!
Мудрыхъ мудрости лишаетъ.

И лаки другое воззваніе къ природѣ:

Жрецъ. Воззовемъ къ природѣ!
Ли къ. Мать любезная природа! Улыбнись!
Жрецъ. Священная природа!
Твой вѣжнѣй другъ и сынъ
Невиненъ предъ тобою.
Ты сердце мнѣ дала.
Твои дары благіе
Украсили ее.
Природа! Ты хотѣла
Чтобъ я ее любилъ.

По окончаніи воззваній, двѣ горлицы привели вѣнки для новобрачныхъ, которые жрецъ принялъ и возложилъ на нихъ, говоря:

Слетевшій вамъ вѣнокъ изъ бѣлыхъ туберозъ,
Изъ свѣжихъ ландышей, изъ юныхъ алыхъ розъ,
Для васъ однихъ слетенъ оми чистою рукою.

Прокимень, гласъ е:

Простите, скромные диваны,
Свидѣтели нескромныхъ дѣлъ!

Стихъ ид:

Простите, хитрости, обманы,
Вѣда мужей, забава жемъ!

Чтеніе вмѣсто Апостола:

„Къ другу моего сердца, единственному, безцѣнному по-
славля чтеніе:

„Мы живемъ въ печальномъ мѣрѣ. Но кто имѣетъ друга, тотъ лади на колѣна и благодари Вездѣсущаго! Мы живемъ въ печальномъ мѣрѣ, гдѣ часто страдаетъ невинность и гибнетъ добродѣтель; но человекъ имѣетъ утѣшеніе — любить! Сладкое утѣшеніе: любить друга, любить добродѣтель! Любить и чувствовать что мы любимъ!.. Любезная! Си двѣ слезы, которыя выкатились изъ глазъ моихъ, тебѣ посвящаю.“

Апостоль читала Любовь-Малиновка. Затѣмъ *аллилуйя* и чтеніе вмѣсто Евангелія:

„Ты молчишь, прекрасная! Пожимаешь руку мою и слезы блистаютъ въ глазахъ твоихъ. Ахъ! Онѣ капають, капають на мое сердце, подобно перламъ небснаго дожда, падающимъ сквозь солнце. Бѣлый флеръ поднимается на груди твоей. Сердца наши разумѣютъ другъ друга. И я также могу плакать вмѣстѣ съ тобою! Вотъ слезы мои.“

Абіе малая эктинія. Граціи приносятъ чашу со слезами чувствительности. Жрецъ природы подноситъ ее трижды сперва мужу, потомъ женѣ, въ которую нѣжныя ихъ сердца прибавляютъ еще по нѣскольку капелек сего небснаго дара. Граціи отдають чашу Зефирамъ, которые и относятъ ее во святилище. Посемъ жрецъ ведетъ ихъ вокругъ жертвенника и поетъ слѣдующій тропарь, а за нимъ и оба лика.

Тропарь, гласъ д, вмѣсто: „Исайе! ликуй!...“ и пр.

Пора, друзья, за умъ намъ взятъся,
Безлутство килуть, жить путемъ;
Не вѣкъ за бабочкой гонаться,
Не вѣкъ быть рѣзвымъ мотылькомъ!

Иной тропарь, гласъ д, вмѣсто: „Слава, Тебѣ...“ и пр.

Какой законъ святѣ
Врожденныхъ сердца чувствъ!
Какая власть сильнѣе
Люби и красоты!

Иный тропарь, гласъ и, вмѣсто: „Святіи мученицы, иже“ и проч.:

Я неволенъ,
Но доволенъ
И желаю плавнымъ быть.
Милы музы
Ваши узы.
Ахъ! не тягостно носить!

Музы сняли съ нихъ вѣнки. Аполлонъ и вся процессія (sic) привѣтствовала ихъ, а жрецъ говорилъ еще краткое поученіе:

Любовь и дружба — вотъ чѣмъ можно
Себя подъ соакдемъ утѣшать.

Искать блаженства намъ не должно,
Но должно менѣ страдать.

Новобрачные, будучи вѣрные послѣдователи своего исповѣданія, читали послѣ сего акаѳистъ природѣ съ призывомъ: „Мать любезная природа! Улыбнись!“ По окончаніи оного, жрецъ благословилъ ихъ и учинилъ обычный отлустъ.

Страстные любовники повторили клятвы въ шалапахъ своихъ и, залечатлѣвъ ихъ пламенными поцѣлуями, наконецъ „небо на землѣ вкусили...“

Эта сатира-пародія отнюдь не можетъ служить доказательствомъ враждебнаго настроенія къ Карамзину молодого поколѣнія тогдашнихъ литераторовъ. Были насмѣшки, полемика, но ожесточенной вражды не было. Занятый своей Исторіей, Карамзинъ не принималъ непосредственнаго участія въ литературномъ движеніи первыхъ двухъ десятилѣтій этого вѣка; но самое это движеніе, — дѣятельность и борьба двухъ литературныхъ партій, *Бесѣды* (1811—16) и *Арзамас* (1815—18), — было вызвано знаменитымъ писателемъ. Герой нашъ искалъ литературныхъ знакомствъ безъ различія кружковъ и притворствъ и очень легко находилъ ихъ, такъ какъ тогдашніе литературные кружки были не такъ замкнуты, а тогдашніе литераторы были очень сообщительны.

Иванъ Алексѣевичъ чуть ли не ежедневно бывалъ въ Петербургскомъ театрѣ. Въ тогдашній сезонъ пользовались большимъ успѣхомъ пьесы поучительнаго содержанія, посвящія названіе *уроковъ*, — *Урокъ Дочкамъ*, *Урокъ Холостымъ*, *Женатымъ* и т. д.; впрочемъ, играли: *Отелло*, *Калифа Багдадскаго*, *Ябьду* и *Иоаннію въ Авлидѣ*. Публику восхищали сѣдующіе актеры и актрисы: Сосницкій, Толченковъ, Брянскій, Семенова и обѣ Сандуновы. * Распространившись объ ихъ

* *Урокъ Дочкамъ*, въ 1 дѣйстви, соч. Ивана Крылова. С. Т. Театральн., 1807. *Урокъ Холостымъ, или Наслѣдники*, въ 1 дѣйстви, въ стихахъ, соч. Михаила Загоскина. М. Т. Семена, 1822. *Урокъ Женатымъ*, въ 1 дѣйстви, въ стихахъ, соч. князя Александра Шаховскаго. Спб. Т. Театральн., 1823. Кроме этихъ, были еще два „урока“: *кокеткамъ, или Лилеукія Воды*, знаменитая, по модѣекому ея шуму, комедія князя Шаховскаго, въ 5 дѣйствиахъ, имѣвшая два изданія (1815 и 1819), и *Мужьямъ*, перев. съ французск. Вальберга (Лѣсогорова). Упоминаемый здѣсь *Отелло* — передѣлка Дюссеса,

телектуальныхъ интересахъ, занимавшихъ нашего героя въ Сѣверной Пальмирѣ, къ числу которыхъ относится также посѣщеніе Эрмитажа, горнаго музея, Кунсткамеры, училища глухонѣмыхъ и пр. Не можемъ умолчать что бѣольшая часть его времени уходила на хожденія по канцеляріямъ и департаментамъ, на посѣщенія чиновниковъ, кружныхъ и мелкихъ, нужныхъ и ненужныхъ, на игру въ бостонъ. Карточная игра, по его словамъ, доставляла лучшее знакомство. Въ посѣщеніяхъ своихъ Второвъ не забылъ и Магницкаго. Михаилъ Леотьевичъ принялъ его ласково, расспрашивалъ о Симбирскѣ и распространялся о тогдашнемъ правосудіи. Между прочимъ, онъ разказывалъ объ одномъ воронежскомъ происшествіи, случившемся во время его вице-губернаторства: какъ богатые, но жестокіе помѣщики, Сивявины, мужъ и жена, заѣхикіе до смерти двухъ человекъ, были оправданы судомъ, Сенатомъ и Государственнымъ Совѣтомъ, и какъ, однакоже, покарало ихъ Божеское правосудіе, внезапною и мучительною смертію.

Собираясь выѣзжать изъ Петербурга, Второвъ распорядился такимъ образомъ: Дмитрій съ вещами долженъ былъ плыть водой до Нижняго, а самъ онъ, налегкѣ, въ дилижансѣ, отправился въ Тверь, куда призывалъ его Пяткинъ, обѣщавшійся сопутствовать ему до Самары. Прощаясь съ баринкомъ, вѣрный слуха горько плакалъ. Бѣдлага все время болѣлъ въ Петербургѣ. Героя нашего очень тревожили жалобы Дмитрія на боли головы и груди и колотье въ боку, хотя онъ и пересылалъ, черезъ Марью Васильевну, женѣ его, „Дуныкѣ“, успокоительныя извѣстія. Собственно для Марьи Васильевны, съ которой онъ изъ-за этого „Митьки“ подемизировалъ, даже находясь въ Петербургѣ, прибавляются слѣдующія слова: „Я очень доволенъ его услугами. Онъ оберегалъ меня въ дорогѣ отъ холода, самъ не спавши и сидя на козлахъ во всю дорогу по ночамъ“. Непритворную грусть

перев. Изъ Вельяминовымъ (Слб. Т. Театр., 1808). *Калифъ Багдадскій*, или *приключенія въ молодости Гарунъ-аль-Рашида*, въ 2 д., соч. Дюдо. М. Тип. Кузнецова, 1822. *Июгенія въ Авлидѣ*, въ 5 дѣйств., соч. Расина, перев. Михаила Лобановъ. Слб. Тип. Сенатск. 1815. *Ябѣда* Каплиста напечатана въ Петербургѣ (Импер. Тип.), въ 1798. Объ упоминаемыхъ здѣсь актерахъ можно найти любопытныя подробности въ *Воспоминаніяхъ* Аксакова и Вигеля.

чувствовалъ Второвъ до самой Твери, сидя въ дилижансѣ, въ обществѣ незнакомыхъ ему лицъ.

Второвъ возвратился въ Самару 24го мая, найдя въ домѣ все благополучно и новорожденную дочь Юлію. Торопясь домой, въ надеждѣ отдохнуть отъ петербургскихъ тревоженій, успокоиться отъ житейскихъ бурь на лонѣ семейнаго счастья, Иванъ Алексѣевичъ, больше чѣмъ когда-нибудь, обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Не только счастья, но и сколько-нибудь сносной, спокойной жизни не нашелъ онъ въ Самарѣ: все его раздражало и волновало до такой степени что онъ не охотно и рѣдко принимался за дневникъ, а если и принимался, то большею частію изливалъ въ немъ свои жалобы на судьбу, службу, жену и людей; онъ замѣтно становился желчнымъ, сварливымъ и очень часто цѣлыя ночи проводилъ безъ сна. Начинающаяся старость, или переходъ къ ней, могли быть причиною такой перемѣны въ его характерѣ; но могла быть и причина другая, петербургская поѣздка, петербургская жизнь. Скучно и тоскливо ему стало въ Самарѣ. Въ октябрѣ 1823 года умеръ другъ его юности, Николай Львовичъ Хардинъ. „Я пережилъ всѣхъ друзей моихъ! грустно онъ восклицаетъ: чего еще остается ждать мнѣ!“ Но изъ воспоминаній его давно изгладилась ранніе друзья юности, Веревкинъ и симбирскіе педагоги. Чтò съ ними случилось? не извѣстно. Въ мартѣ слѣдующаго года умерла сестра Марьи Васильевны, Дарья Васильевна Дзычканецъ, оставивъ двухъ малолѣтнихъ дочерей и большого мужа. Катерина Федотовна старѣла и хирѣла; Марья Васильевна чахла и становилась нестерпимою по своей раздражительности. Хотя отношенія со Струковымъ были по прежнему не дурны; но Григорій Никаноровичъ большею частію проживалъ теперь въ Илецкой Западѣ, которая обязала его своимъ устройствомъ; приходилось имѣть дѣло съ его помощниками, совѣтниками правленія, а сношенія съ ними приводили къ ссорамъ и непріятностямъ всякаго рода. Изъ Петербурга долго не было ни слуху ни духу о дѣлѣ, объ орденахъ и дворянствѣ. Казалось, петербургскіе друзья совсѣмъ забыли нашего героя; но В. Г. Пяткинъ стоялъ на стражѣ его интересовъ. Въ мартѣ 1824 года онъ писалъ что Сенатъ отказалъ министру въ представленіи Второва къ Владимірскому кресту, на томъ основаніи что права на полученіе этого ордена принадлежатъ только дворянамъ про-

служившимъ три трехлѣтія, а не дворяне имъ пользоваться не могутъ. „Вотъ какое правленіе! восклицаетъ герой нашъ при этой вѣсти; гдѣ искать правосудія? Можетъ ли быть патриотизмъ къ несправедливому отечеству!“ Но Василій Гавриловичъ, имѣвшій связи въ Петербургѣ, не переставалъ ободрять своего родственника: онъ совѣтовалъ ему бросить службу и переѣхать на жительство въ Петербургъ, мысль нѣкоторое время соблазнявшая все семейство Второвыхъ; но Ивана Алексѣевича начинала уже лугать старость и ослабѣвающее зрѣніе. Но и въ эту невеселую пору два обстоятельства оживили его уладшій духъ. Первое случилось въ іюнь 1824 года. Это было кратковременное пребываніе въ Самарѣ Павла Петровича Свиньина, отправлявшагося въ Астрахань, Гурьевъ, Уральскъ, Защиту, Оренбургъ и далѣе въ Сибирь. Онъ разспрашивалъ Второва о достопамятностяхъ Самары: о Царскомъ Курганѣ, о Лысой Горѣ, о какой-то надписи Петра I; обо всемъ этомъ не только разказалъ ему Второвъ, но и составилъ для него записку. Второе событіе было болѣе важное, пріѣздъ въ Самару государя.

Императоръ Александръ прибылъ въ Самару 8го сентября, по Волгѣ,* изъ Ставрополя, гдѣ онъ ночевалъ въ домѣ Катерины Федотовны. Съ пристани до коляски онъ шелъ лѣшкомъ, привѣтливо раскланиваясь со множествомъ народа, столпившагося къ этому мѣсту не только изъ города, но и изъ окрестныхъ деревень. Квартира ему была отведена въ домѣ Г. Н. Струкова, до которой онъ ѣхалъ шагомъ, задерживаемый восторженно встрѣчавшимъ его народомъ. Изъ квартиры онъ не разъ выходилъ на крыльцо чтобы раскланиваться съ народомъ. Обѣдалъ уже при огнѣ, съ Дибичемъ, Виаше, Соломкой и хозяиномъ дома, Струковымъ. Тотчасъ же послѣ обѣда императоръ пожелалъ чтобъ ему была представлена жена чиновника Второва; можно судить объ изумленіи Ивана Алексѣевича и Марьи Васильевны! Между тѣмъ дѣло объяснилось просто: квартируя въ домѣ Катерины Федотовны, благодушный императоръ разговорился со старушкой о ея семьѣ, обласкалъ всѣхъ ея членовъ жившихъ въ

* Экипажи свиты ѣхали нагорною стороною. Тарасовъ, говоря объ этомъ путешествіи (см. *Русскую Старину* 1872, т. V, стр. 357—258), съ восторгомъ говоритъ о плаваніи по Волгѣ отъ Ставрополя до Самары.

Ставрополѣ, то-есть двухъ сыновей съ ихъ женами, а прѣхавъ въ Самару вспомнилъ о дочери. Марья Васильевна со старшею дочерью, Катериной Ивановной, были представлены государю Струковымъ. Императоръ Александръ милостиво разговаривалъ съ перепугавшимися отчасти женщинами, разспрашивалъ ихъ о семействѣ, шутилъ съ дѣвицей Второвой и подарилъ ей бриллиантовый фермуаръ. Богатые подарки, въ видѣ перстней, часовъ и т., п. онъ разсылалъ щедрою рукой вездѣ и всюду, за малѣйшее къ нему вниманіе или услугу; то же самое было въ Ставрополѣ и Самарѣ. Кому не давались подарки, какъ на примѣръ людямъ изъ низшаго класса общества, тѣ получали щедрое денежное вознагражденіе. Такъ въ Самарѣ матросы военнаго гардкоута, на которомъ находился императоръ, получили по десяти рублей, унтеръ-офицеры по двадцати рублей на человѣка, а переводчики, перевозившіе царскіе экіпажи черезъ Волгу, двѣсти рублей. Но не подарки, не матеріальныя выгоды, а необыкновенная пріятливость и добродушіе привлекали къ императору умы и сердца. На другой день, при общемъ представленіи, императоръ Александръ обратился къ Второву со слѣдующими словами, сопровождаемыми улыбкой: „Я познакомился въ Ставрополѣ съ вашею тещей.“ Посѣтивъ соборъ и пройдя нѣсколько улицъ, императоръ отправился по тракту на Оренбургъ. Вслѣдъ за нимъ поскакалъ Струковъ, захвативъ съ собою записку по дѣлу Второва, которую онъ надѣялся гдѣ-нибудь, во время пути, вручить Дибичу. Въ официальномъ описаніи царскаго пріѣзда въ Самару, которое мы нашли въ бумагахъ Второва и которое, кажется, имъ составлено, говорится что Самара, въ теченіи столѣтія, два раза видѣла русскихъ государей: въ 1722 году Петра I, а въ 1824 году Александра I. Здѣсь кстати будетъ привести разказъ о посѣщеніи Самары императоромъ Александромъ I другаго очевидца, Второва сына:

„Мнѣ только-что исполнилось семь лѣтъ, когда покойный императоръ, путешествуя по Россіи, посѣтилъ нашъ уездный городокъ. Онъ пріѣхалъ туда изъ Ставрополя водою, 8го сентября. Толла народа ждала его у пристави, на берегу Волги. Выстрѣлы съ катера на которомъ ѣхалъ государь возвѣстили его приближеніе. Приставъ къ берегу государь шелъ лѣшкомъ до коляски, которая его ожидала вблизи. На-

ружности его хорошенько я не помню и едва ли могу отдать себѣ отчетъ, кто именно былъ государь,³ изъ двухъ генераловъ шедшихъ рядомъ впереди царской свиты: съ государемъ шелъ Дибичъ. Народъ, по обыкновенію, привѣтствовалъ государя крикомъ: ура! и бросая вверхъ шалки. Пріѣздъ Александра въ Самару составляетъ для нашего семейства достопамятное событіе. Будучи въ Ставрополѣ, онъ оставался въ домѣ моей бабушки, Мильковичъ, которую очень обласкалъ, какъ и все ея семейство, и, узнавъ, между прочимъ, что въ Самарѣ дочь ея въ замужествѣ за однимъ изъ тамошнихъ чиновниковъ, немедленно по пріѣздѣ въ нашъ городъ потребовалъ къ себѣ маменьку и старшую сестру мою, Екатерину. Квартира для него отведена была въ домѣ управляющаго солянымъ правленіемъ, Струкова, одномъ изъ лучшихъ въ то время. Можно себѣ представить изумленіе которое произвело требованіе государя въ нашемъ семействѣ, еще ничего не знаящемъ о причинѣ! Маменька болѣе испугалась нежели обрадовалась, и ее большого труда стоило уговорить ѣхать къ государю. Приемъ государя былъ какъ нельзя болѣе ласковъ: онъ довольно долго говорилъ съ маменькой, шутилъ съ сестрой и подарилъ ей фермуаръ. Маменька послѣ того почти боготворила Александра, и когда вскорѣ потомъ онъ скончался, она оплакивала потерю его какъ бы ближайшаго сердцу ея человѣка. Паленькѣ онъ сказалъ также нѣсколько привѣтливыхъ словъ при общемъ представленіи къ нему всѣхъ чиновниковъ.“

Но ожиданія возбужденныя въ семьѣ Второвыхъ пріѣздомъ императора не исполнились: Дибичъ отказался принять записку отъ Струкова. Приведенный въ отчаяніе, Второвъ послалъ къ государю письмо; но письмо это, по его выраженію, „валялось“ до конца апрѣля 1825 года, а потомъ, чрезъ министра юстиціи, возвратилось къ главному источнику его горя, въ общее собраніе Сената. „Настоящее ужасно, пишетъ нашъ герой, будущее еще ужаснѣе: вотъ что къ старости! Почти съ самаго пріѣзда изъ Петербурга такія все непріятности!.. Отчего это? Прежде я былъ бѣднякъ; теперь, можетъ-быть, много и лишняго; но утѣшаетъ ли богатство? Богъ знаетъ что я такое: ни рабъ, ни господинъ; но первый меня счастливѣе по чувствамъ. Господи, успокой меня!“ Но покой не приходилъ, а семейные раздоры дошли до того что въ концѣ 1824 года Иванъ Алексѣевичъ откровенно сознается

что ему ничего не остается, какъ бѣжать куда глаза глядятъ, оставивъ дѣтей на произволъ судьбы. Но пока онъ размышлялъ объ этомъ, Марья Васильевна, въ концѣ января 1825 года, послѣ крупной ссоры, взявъ съ собою вторую дочь „Анюшку“, уѣхала послѣшью въ Катериновку, объявивъ мужу что она „оставляетъ его на вѣки“. Яблокомъ раздора между супругами послужилъ все тотъ же заполучный „Митька“. Однажды, разсердившись, Марья Васильевна прогнала его вонъ, объявивъ что отдастъ его въ рекруты. Иванъ Алексѣевичъ вступился за своего любимца и залыла война, продолжавшаяся два мѣсяца, до конца марта, до возвращенія въ Самару Марьи Васильевны. Не должно, впрочемъ, думать что Иванъ Алексѣевичъ баловалъ своего любимца до крайности „до безнаказанности; вѣтъ“; онъ его наказывалъ и разъ даже очень чувствительно, за то что не ночевалъ дома и явился только на другой день пьянымъ. Завося это событіе въ свой журналъ, герой нашъ прибавляетъ слѣдующія строки: „Ахъ, люди! Какіе варвары! Кажется, они меньше мучатся и при самомъ наказаніи, нежели тотъ кому должно ихъ наказывать. Я цѣлый день въ огорченіи“. Но громы семейной войны смолкли не на долго: она безпрестанно возобновлялись до тѣхъ поръ пока злая чашотка не сложила въ постель бѣдную Марью Васильевну и не свела ее въ могилу, что случилось 27го апрѣля 1826 года. Иванъ Алексѣевичъ искренно оплакивалъ ея потерю. Преклонная горечь отношеній имъ была забыта, и въ его воспомнаніи остался одинъ свѣтлый образъ „друга“ съ которымъ онъ прожилъ двадцать лѣтъ. Конечно, фантазія и сентиментальное настроеніе его мыслей рисовали образъ этого друга далеко не въ дѣйствительномъ свѣтѣ; но, съ другой стороны, мы не имѣемъ права сомнѣваться и въ искренности его чувства, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію что Второвъ любилъ, насколько могъ и былъ способенъ, свою жену. Со дня погребенія, въ продолженіи многихъ лѣтъ, до самой смерти своей, не разъ приходилъ онъ на ея могилу, большею частію въ началѣ мая, грустилъ, мечталъ, плакалъ и срывалъ нѣсколько лучковъ „душистой травы и свѣжихъ цвѣтовъ“. Вѣрный Дмитрій не долго пережилъ свою барыню: онъ умеръ черезъ два мѣсяца и похороненъ на томъ же Самарскомъ кладбищѣ. Иванъ Алексѣевичъ

подробно и съ непритворною скорбью разказываетъ о его бо-
лѣзни и смерти. Посѣщая могилу жены, онъ иногда заходилъ
и къ мѣсту гдѣ покоился прахъ его „добраго слуги“; онъ
оставлялъ здѣсь сорванную траву и цвѣты, можетъ-быть,
символомъ загробнаго примиренія враждовавшихъ на землѣ
покойниковъ. Въ началѣ 1825 года овдовѣла и Анна Василье-
вна Панова, вѣрный другъ Второва; но смерть Василя Ник-
олаевича не измѣнила ни ея образа жизни, ни ея общественна-
го положенія.

Извѣстiе о смерти императора Александра I было получе-
но въ Самарѣ 9го декабря 1825 года. Вотъ что записано у
Второва объ этомъ происшествiи: „Вчера съ послѣ обѣда по-
лучено ужасное извѣстiе о кончинѣ государя. Боже мой, до
чего еще дожилъ я! Что будетъ въ моемъ любезномъ отече-
ствѣ! Оно осиротѣло. Кажется, Константинъ будетъ его пре-
емникомъ; но будетъ ли онъ такъ добръ, кротокъ и мило-
стивъ? Это въ Твоей святой волѣ.“ Несмотря на достовѣр-
ность извѣстiя, въ Самарѣ, 12го декабря, въ день рожденiя
императора, продолжали молиться о его здоровьѣ, такъ какъ
распоряженiе о присягѣ новому императору привезено было
уже послѣ молебствiя. Въ день Нового 1826 Года Второвъ
пишетъ слѣдующiя строки: „Какiя событiя въ нашемъ по-
литическомъ мирѣ! Мы присягали двумъ новымъ царямъ въ
короткое время. Константинъ, по первородству, отказался
отъ престола еще прежде кончины Александра. У насъ те-
перь императоръ Николай I. Какiе ужасные слухи о
Петербургѣ! Тамъ было возмущенiе за присягу друго-
му; лилась кровь человѣческая. И что теперь дѣлается, и
что будетъ послѣ, извѣстно Богу!“ О судьбѣ декаб-
ристовъ Второвъ узналъ изъ газетъ въ половинѣ янва-
ря 1826 года. „Извѣстiе напечатанное въ *Инвалидѣ* о заго-
ворщикахъ поразило меня: тутъ есть мои знакомые: два
брата Бестужевы, Рыльевъ, Сомовъ, особливо Николай Але-
ксѣевичъ Пановъ, котораго участь занимала меня во всю до-
рогу до Ставрополя.“ Декабристъ Пановъ, по всей вѣроят-
ности, родственникъ В. Н. Панову, служилъ поручикомъ въ
лейбъ-гренадерскомъ полку. вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ,
поручикомъ Сутгофомъ, онъ старался взбунтовать этотъ
полкъ, но успѣлъ только нѣсколько ротъ его повести на Се-
ватскую площадь, которая и присоединилъ къ мятежникамъ.
По опредѣленiю верховнаго уголовнаго суда, Пановъ (20)

отнесень къ первому разряду государственныхъ преступниковъ, присужденныхъ къ смертной казни отсѣченіемъ головы; но наказаніе смягчено и замѣнено каторжною работою. Второвъ еще разъ упоминаетъ о декабристахъ въ августѣ того же года, подъ 15мъ числомъ: „Болѣе мѣсяца общее любопытство занимала участь заговорщиковъ. Вотъ уже 5 человекъ изъ нихъ повѣшено, въ томъ числѣ и знакомый мнѣ Рыльцевъ; прочіе сосланы въ каторгу, а цѣны въ солдаты. Здѣсь чрезъ Самару провезли въ концѣ іюля слѣдующихъ лицъ, въ солдаты: Петра Бестужева, Веденяпина и Кожевникова, а до 9го августа: Мусина-Пушкина, Вишневецаго и Лаллу. Сихъ трехъ послѣднихъ я видѣлъ.“ * Между тѣмъ въ Симбирскѣ схватили князя Баратаева, ** въ Самарѣ — Христа (Ив. Ив.); повсюду распространилась паника; въ Казани прошелъ слухъ о самоубійствѣ Второва. Литературныя занятія и знакомства его были поводомъ этого слуха. Разказывали что Иванъ Алексѣевичъ, испугавшись ареста Христа, отвезеннаго въ Москву, и страшась за свои бумаги, самъ себя лишилъ жизни. Этотъ слухъ не только огорчилъ, но и оскорбилъ сестру нашего героя, Александру Алексѣевну Ефремовскую. „Бумаги ваши, пишетъ она брату, я знаю и ваши правила; то не повѣрила бъ ничему. Еслибъ государь имѣлъ къ себѣ поближе и побольше такихъ людей, какъ вы; то не нужны бы тѣлохранители. На сей конецъ я была спокойна, хотя клевета преслѣдуетъ всегда добрыхъ; но, вѣрно, вы бы, при своей невинности, не были такъ малодушны. Уже падали подозрѣнія на Х. (Христа),

* Мичманъ Петръ Бестужевъ, прапорщикъ Веденяпинъ 2й, лейтенантъ Мусинъ-Пушкинъ, лейтенантъ Вишневецкій и подпоручикъ Лалла, отнесенные къ XI разряду государственныхъ преступниковъ, были разжалованы только въ солдаты; но подпоручикъ Кожевниковъ, причисленный къ X разряду, по разжалованіи, былъ сосланъ въ Сибирь. Бестужевы и Сомовъ (Орестъ Мих.), сотрудники Рыльева по *Полярной Звѣздѣ*. Сомовъ, авторъ *Гайдамака*, малороссійской была, былъ извѣстенъ своими критическими статьями.

** Михаила Петровича, упоминаемаго выше. Онъ былъ († 1856) извѣстный археологъ и нумизматъ и, по возобновеніи въ 1820 году масонскихъ ложъ, мастеръ Симбирской ложи *Ключъ къ Добродѣтели*. Онъ былъ тоже другомъ А. Θ. Лабзина, издателя *Сіонскаго Вѣстника*, и помогалъ послѣднему въ то время когда онъ былъ сосланъ (1822) въ Симбирскъ.

не по его ли что затѣямъ? Но я не вѣрю чтобы могъ имѣть подлость... Слава Богу, слава Богу, что клевета клеветой осталась! Не думаю чтобы вы все имѣли еще охоту собирать дурацкія письма и т. л., клевета и это поставить въ черномъ видѣ. Истребите, ради Бога, дурацкій архивъ свой. Я не понимаю за что вы имѣете недоброжелателей, при всѣхъ святыхъ вашихъ правилахъ и добромъ сердцѣ!" Но мысль о *дурацкомъ архивѣ* * долго еще не даетъ покою простодушной

* „Дурацкій архивъ“ (если только онъ не истребленъ атворомъ въ 1825 году) состоитъ изъ разныхъ выписокъ изъ печатныхъ книгъ, русскихъ и французскихъ, изъ статей автора и друзей его (Фурмана, Гермаза, Литвинова и др.) и изъ произведеній которыя не могли явиться въ печата. Къ числу послѣднимъ относятся: *Путешествіе* Радицева, стихотворенія на смерть императора Павла, стихотворенія приводимыя нами въ этой части, нѣкоторыя мѣсяца адмирала Мордвинова, переводы статей изъ французскихъ журналовъ о первой польской революціи и т. л. Всѣ эти рукописи переплетены (кажется, самимъ владѣльцемъ) въ три большія книги. Произведенія самого Второва состоятъ изъ дѣловыхъ бумагъ, разныхъ проектовъ по судоустройству и изъ писемъ къ нѣкоторымъ высокооставленнымъ лицамъ. Изъ запретныхъ стихотвореній обращаетъ на себя вниманіе, кажется, нигдѣ не напечатанное, довольно длинное посланіе Словцова къ Сперанскому, изъ Сибири. Приводимъ изъ него нѣкіе стихотворца о своемъ другѣ:

Къ словесности въ тебѣ вдохнула муза склонность,
 А философскій вѣкъ доставилъ мыслямъ вольность.
 Къ отважнымъ мѣнѣямъ ты также склоненъ былъ.
 Чертами смѣлыми, какъ я, блистать любилъ.
 Но помни, что тому фортуна измѣняетъ
 Кто остроумію, не времени ласкаетъ.
 Не начинай играть Вольтеровымъ перомъ;
 Читай Вольтера, но... Экзарховымъ умомъ.
 Россія хоть давно читаетъ вольмодумовъ,
 Но рано ей еще отважить остроумовъ:
 Она благодаритъ Монтановъ и Руссовъ;
 Но сынъ ея—ей врагъ, когда онъ философъ.
 Кто въ сей странѣ злодѣй, въ другой тотъ просвѣтитель.
 Однѣ и тотъ же умъ и критикъ, и учитель.
 Не то пишу, что бѣ ты новозыникъ былъ умомъ:
 Народу подлому довадетъ быть рабомъ.

..... будь смѣлъ,

Да только съ тѣмъ, чтобы свѣтъ тебя не разумѣлъ. И т. д.

Александръ Алексѣевичъ, несмотря на усложнительныя письма брата и на возвращеніе изъ Москвы Христа.

Повѣзка въ Казань, о которой уломянуто выше, случилось въ январѣ 1826 года, еще до смерти Марьи Васильевны. По обыкновенію, Иванъ Алексѣевичъ, отправляясь въ этотъ городъ, останавливался въ Симбирскѣ и гащивалъ здѣсь по нѣскольکو дней. Знакомъ ему былъ весь городъ, начиная отъ тогдашняго губернатора Лукьяновича, съ которымъ онъ особенно сблизился въ Петербургѣ.

Въ Казани пробылъ Второвъ ровно четыре недѣли, въ кругу своихъ старыхъ друзей, А. В. Пановой, барона Пирха, Геркеней (Катер. Петров.) Въ Казани жилъ въ это время знаменитый М. Л. Магницкій, полечитель учебнаго округа. Въ Казани же была въ это время Анна Ефимовна Алфимова, уже извѣстная намъ переводчица *Бесѣды Массильйона*, кажется, отказавшаяся отъ ивоческой жизни, но не отъ литературной дѣятельности. Она явилась въ Казань прямо изъ Петербурга, гдѣ хлопотала о печатаніи своего перевода, прошедшаго всѣ мытарства духовной цензуры въ концѣ прошлаго царствованія. Второвъ, по обыкновенію, остановился у Пановой, куда Анна Ефимовна сдѣлала ему первый визитъ; потомъ они видѣлись ежедневно. Алфимова старалась повліять на религиозное настроеніе нашего героя, вполнѣ христіанское, но отзывавшееся масонскою теософіей. Она разказывала ему любопытныя, но, къ сожалѣнію, неприводимыя имъ, подробности о своемъ знакомствѣ съ императоромъ Александромъ, императрицами Маріей Теодоровной и Елизаветой Алексѣевной, показывала ихъ подарки и т. п. Можно догадываться только что ея разказы о Фотіи и гр. А. А. Орловой не лишены были комическаго характера, хотя, вскорѣ по отъѣздѣ Второва, Алфимова подружилась съ Магницкимъ, казанскимъ архіепископомъ Амвросіемъ, славскимъ архимандритомъ, и сокрушалась о томъ что ей не удалось *обратить* нашего героя; съ Магницкимъ и Геркеней познакомилъ ее Второвъ. Самъ онъ въ эту свою повѣзку познакомился въ Казани съ двумя профессорами, съ Суровцовымъ (Григ. Стел.) и Симоновымъ (Ив. Михайл.), недавно возвратившимся изъ своего заграничнаго путешествія. Этотъ послѣдній сообщалъ ему любопытныя подробности о своемъ пребываніи въ Парижѣ, Вѣнѣ и Италиі,

показывалъ письма къ нему Гумбольдта, барона Цаха и другихъ знаменитостей въ тогдашнемъ ученomъ мiрѣ.

Въ сентябрѣ 1826 года Второвъ былъ обрадованъ прїѣздомъ двоюроднаго своего брата, В. Г. Пяткина, давножданнаго гостя. Генералъ Пяткинъ прибылъ въ качествѣ ревизующаго команды внутренней стражи, а потому въ Самарѣ и Симбирскѣ былъ принимаемъ съ большимъ почетомъ. Губернаторъ Лукьяновичъ сдѣлалъ ему первый визитъ и пригласилъ его къ себѣ обѣдать; Второвъ вездѣ сопутствовалъ своему сановному родственнику. Посѣтивъ своихъ самарскихъ знакомыхъ, Василій Гавриловичъ не забылъ навѣстить и могилы своей старушки матери. Могила Марьи Васильевны случайно была рядомъ съ нею. Братья служили лавниками по дорогимъ покойницамъ и оба горько плакали. Векорѣ послѣ отъѣзда Пяткина, 23го сентября, Иванъ Алексѣевичъ былъ обрадованъ важною переименованіемъ въ его семьѣ. Старшей дочери его, Катеринѣ Ивановнѣ, въ это время было безъ малаго двадцать лѣтъ. Она полюбилась кѣкому Михаилу Григорьевичу Темникову, чѣмъ-то служившему въ солдакомъ правленіи, и отвѣчала ему взаимностью. Темниковъ учился (съ 1816 года) въ Казанскомъ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента и уже получилъ на него дипломъ. Но Магницкій, признавъ экзамены и выданные по нимъ въ 1819 году аттестаты неправильными, потребовалъ ко вторичному испытанію всѣхъ молодыхъ людей окончившихъ курсъ въ университетѣ. Явившіеся были утверждены въ ихъ званіяхъ и степеняхъ, а у не явившихся они были отняты по распоряженію Магницкаго. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и М. Г. Темниковъ, происхождение котораго намъ неизвѣстно. Темниковъ сдѣлалъ предложеніе, на которое дочь и отецъ изъявили согласіе. Свадьба была 5го февраля 1827 года, въ присутствіи дядей невесты, Сергѣя и Николая Васильевичей Мильковичъ, ихъ женъ и немногихъ знакомыхъ. Иванъ Алексѣевичъ какъ-то сталъ жаловаться въ послѣднее время на холодность къ нему знакомыхъ, на ихъ безучастіе къ его положенію. Въ кругу родныхъ онъ былъ теперь самымъ старшимъ: шурья уже обзавелись семействами; дочь выходила замужъ; другая, „Аннушка“, была также почти невѣстой; у Ефеевскихъ дѣти были еще старше. Молодое поколѣніе росло; старое ложилось въ могилы. Замужество дочери должно было произвести въ семействѣ стараго вдовца опу-

стошеніе и навело на него еще большую тоску. Къ счастью, въ послѣднее время дѣла Ивана Алексѣевича, при содѣйствіи Пяткина, начали какъ будто улучшаться: изъ Департамента Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ присланъ былъ запросъ: какую должность желаетъ занять Второвъ въ этомъ департаментѣ? Но онъ просилъ Пяткина только о томъ чтобъ его вытребовали въ Петербургъ по дѣламъ службы. Всѣ эти житейскія тревоженія сильно подѣйствовали на нашего героя: съ нимъ сдѣлалась желчная горячка; онъ былъ близокъ къ смерти и проболѣлъ болѣе мѣсяца. Во время болѣзни пришли къ нему разныя вѣсти, прискорбныя и отрадныя. Къ послѣднимъ принадлежатъ письма Пяткина, извѣщавшія о близкомъ полученіи Владимірскаго креста и о вызовѣ въ Петербургъ по дѣламъ службы. Двадцать сенаторовъ уже были на сторонѣ Второва и въ числѣ ихъ его прежній патронъ князь А. А. Долгоруковъ, тогдашній товарищъ министра юстиціи. Директоръ Департамента Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ, Каряевъ (Егоръ Васил.), также исполнилъ свое обѣщаніе: Второвъ былъ вызванъ въ Петербургъ по дѣламъ службы. Но прежде чѣмъ туда отправиться, онъ рѣшился предпринять путешествіе въ Илецкую Защиту, чтобы навѣстить Г. Н. Струкова, теперь большею частію въ ней жившаго. Темниковы еще раньше отравились въ Уральскъ, гдѣ чѣмъ-то служилъ зять нашего героя. 27го іюля 1827 года отправился Второвъ въ Бузулукъ, а оттуда въ Оренбургъ, гдѣ у него было уже много знакомыхъ (Кустовская, Германъ, Головинъ (Вас. Дав.), Рычкова, Углицкій и пр.) и гдѣ вновь познакомился онъ съ Сушковымъ (Петр. Вас.), генераломъ Бекбулатовымъ, Веселіцкимъ (Гавр. Петр.) и Жемчужниковымъ (Алола. Степ.). Изъ этихъ знакомыхъ самый замѣчательный былъ Германъ (Фед. Ив.), почасту и подолгу проживавшій въ Самарѣ, подобно Фурману и Литвинову, большой пріятель Второва, человекъ очень даровитый и литераторъ. Онъ писалъ о приуральскихъ инородцахъ, о Башкирахъ и Киргизъ-Кайсакахъ, объ экспедиціи въ Хиву и т. п.; намъ извѣстны эти записки въ рукописи, изъ бумагъ Второва. Вообще Оренбургъ въ ту пору былъ не бѣденъ людьми образованными, большими проектерами и реформаторами, къ числу которыхъ принадлежали и обитатели Защиты, Струковъ со своими слугами. Въ Защитѣ прожилъ нашъ герой недѣлю, проведя это время очень пріятно и найдя въ этомъ новомъ

для него мѣстѣ очень много для себя любопытнаго, именно въ богатствѣ и разнообразіи царства ископаемаго. Здѣсь также отыскались знакомые, что и не удивительно, ибо весь край отъ средняго теченія Волги и до Урала и за Уралъ колонизовался постоянно новыми переселенцами изъ населенныхъ мѣстѣ лежащихъ по берегамъ великой русской рѣки; Самара и Симбирскъ принадлежали всегда къ числу мѣстѣ наиболѣе населенныхъ; почти вплоть до Оренбурга тянулись помѣстья самарскихъ и симбирскихъ помѣщиковъ. Возвратившись домой и сдавъ свою должность другому, Иванъ Алексѣевичъ отправился въ Петербургъ, 7го сентября 1827 года, въ третій уже разъ.

Мы уломянули о прискорбной вѣсти дошедшей до нашего героя въ то время когда онъ былъ еще боленъ: это было смерть сестры его Александры Алексѣевны Ефеевской, послѣдовавшая въ томъ же году 2го іюня. Стоитъ сказать нѣсколько словъ объ этой женщинѣ, нѣкогда возбуждавшей большія надежды, по крайней мѣрѣ въ братѣ. Но, увы! эти надежды не оправдались, и жизнь заѣла ее совѣтъ. Александра Алексѣевна вышла замужъ по любви, за нѣкоего Ефеевскаго, Василья Ѳедоровича, вопреки совѣтамъ брата. Ефеевскій, кажется, происходилъ изъ духовнаго званія: догадываемся объ этомъ по его фамиліи и письмамъ, совершенно правильнымъ орфографически и довольно литературнымъ, что было тогда большою рѣдкостью, и по его бойкому почерку, далеко непохожему на тѣ каракульки которыми писало большинство тогдашнихъ русскихъ людей. Человѣкъ неслоримо даровитый, страстный, онъ сумѣлъ увлечь такую дѣвушку какъ Александра Алексѣевна, истинная воспитанница своего брата, выросшая подъ вліяніемъ сентиментальной Карамзинской литературы. Она не только имѣ „плѣнилась“, но выйдя замужъ усыновила его побочнаго сына, Андришу, при жизни матери, съ которою отецъ этого мальчика и женившись, кажется, не прерывалъ связи. Первые семь лѣтъ замужества прошли счастливо, пока Ефеевскіе жили въ Сеугилѣ, гдѣ Василій Ѳедоровичъ служилъ чѣмъ-то по земской полиціи, кажется, застѣвателемъ земскаго суда, то-есть въ той должности которая потомъ сдѣлалась какъ бы его специальностью. Пошли дѣти; ихъ явилось на свѣтъ трое: дочь, Любинька, и два сына, Ѳеда и Паша. Василій Ѳедоровичъ любилъ своихъ законныхъ дѣтей, но болѣе всего

на свѣтѣ любилъ онъ Андрюшу. Ревность закралась въ душу Александры Алексѣевны: она стала бояться за судьбу своихъ дѣтей и, будучи слабого здоровья, оласалась что послѣ ея смерти мужъ женится на матери Андрюши. Она стала преслѣдовать этого мальчика, которому отецъ далъ фамилію Молодцова и какимъ-то образомъ выхлопоталъ ему какія-то гражданскія права, дозволившія ему потомъ вступить въ военную службу и получить чинъ. Удаленіе Андрюши изъ дому, а его матери и бабки изъ города въ которомъ жили Ефеевскіе, стало предметомъ горячихъ настояній Александры Алексѣевны; она достигла своей цѣли, но Василій Федоровичъ жестоко отплатилъ ей за это. Въ немъ проснулись самыя дикія страсти; бурсакъ и приказный прошлаго вѣка воскресли въ немъ во всемъ своемъ безобразіи. Рыская по уѣзду, онъ началъ предаваться пьянству и самому циническому разврату; онъ мало стѣснялся и городскою жизнью, зная благодушныя отношенія тогдашняго общества ко всякимъ безобразіямъ. По отношенію къ женѣ онъ сталъ звѣремъ, котораго укротить могъ только одинъ Андрюша, такъ что бѣдная Александра Алексѣевна стала искренно сожалѣть о его удаленіи, не разъ призывала его къ себѣ и задавила въ себѣ всякое неприятое къ нему чувство; ея ближайшіе родные, И. А. Второвъ и В. Г. Пяткинъ, ласкали Молодцова какъ близкаго родственника. Но все это мало облегчало участь бѣдной женщины. Явились нужда, бѣдность; Ефеевскаго стали отрѣцать отъ должности или переводить изъ уѣзда въ уѣздъ: изъ Сенгилея въ Царевкокшайскъ, оттуда въ Мамадышъ и затѣмъ въ Казань. Въ то время какъ мужъ кутилъ въ уѣздѣ, женѣ приходилось жить въ курныхъ избахъ и голодать. Къ счастью, нашлись добрые люди, „благодѣтели“, которые взяли Федю въ Москву, гдѣ онъ и учился и откуда отправился въ Петербургъ въ строительное или инженерное училище, гдѣ навѣщалъ его нерѣдко дядя Второвъ, въ 1823 году, во время второй своей поѣздки въ сѣверную столицу. Чѣмъ далѣе, тѣмъ становилось хуже. Ефеевскій возненавидѣлъ жену и, по непостижимому противорѣчію человеческой природы, въ то же самое время ревновалъ ее самымъ дикимъ, самымъ безумнымъ образомъ. На этомъ пунктѣ онъ рѣшительно помѣшался. Призраки женинныхъ любовниковъ и притомъ самаго низшаго разряда, Татаръ, кучеровъ, дворниковъ и пр., не давали ему покоя; но

при этомъ ни проблеска любви или страсти, какой, впрочемъ, никогда оны и не любили къ женѣ. Не разъ терпѣла она отъ него жестокіе побои, не разъ выгоняема была изъ дому. Такая жизнь сломила здоровье бѣдной женщины: она преждевременно состарѣлась и получила чахотку. Одно чувство, страстная любовь къ дѣтямъ, поддерживало ея жизненные силы; оно же было причиною что она не порвала всѣхъ отношеній съ мужемъ, любовь къ которому, впрочемъ, долгое время не оставляла ея разбитаго сердца. Мужа своего она понимала отлично и совершенно справедливо объясняла его поступки съ нею безуміемъ происходившимъ отъ пьянства и разврата. „Скажите, можно ли, говорить она въ одномъ изъ писемъ къ брату, переносить равнодушно обиды не заслуженныя даже и помышленіемъ! Да еслибы совершенно развратная женщина, и той весьма бы больно было имѣть отъ мужа такое расположеніе; но Богъ съ нимъ! Можетъ оны и самъ не радъ сему: мерзавки и Соломона развратили! Да сколько погибло отъ нихъ не только семействъ, даже царствъ, напримѣръ Троя! А вѣдь оны не Соломонъ и не законодатель.“ Къ брату Александра Алексѣевна писала самое теплое и почтительное чувство: въ письмахъ она иначе не называла его какъ „батьюшка братецъ“, „братъ и отецъ мой“. Марью Васильевну и дѣтей ея она также очень любила. Здѣсь кстати будетъ привести въ извлеченіи письмо ея отъ 28го ноября 1824 года:

„Батьюшка братецъ и сестрица Марья Васильевна! Вы единственные друзья мои. Братъ и отецъ мой! Тебѣ была известны всѣ правила и чувства мои. Никогда не извѣдала я чести, ни родству, ни дружбѣ. Сердце мое ко всѣмъ ближнимъ моимъ открыто съ любовію, и совѣсть моя ни въ чемъ меня не укоряетъ, окромѣ какъ въ нетерпѣливости обидъ которыхъ я не заслужила. Еслибы вы видѣли и знали теперешнія скорби мои, вы содрогнулись бы отъ ужаса. Я сама не знаю къ чему причислить поступки со мною Василія Федоровича; думаю болѣе что оны помѣшался на одномъ пунктѣ—ревности, и похудѣлъ ужасно; впрочемъ дѣла дѣлаетъ и судитъ какъ здоровый. Какъ скоро до меня, то первое—во всемъ недовѣрчивость, ругательства самыя непотребныя, ревность ко всякому. Словомъ, что оны самъ дѣлалъ, то все это говорить обо мнѣ: дразнить какъ его мерзавки предъ нимъ говорили, обманывая мужей, и я будто то же

дѣлаю предъ мужиками. Ужасно когда все это произвсится съ изступленіемъ, такъ что должна трепетать о жизни: разъ едва не была удушена. Всему этому свидѣтель хозяева гдѣ мы квартируемъ. Я боюсь что это болѣзнь, и не знаю на что рѣшиться! Оставить его въ такомъ положеніи не могу; что случится съ нимъ? и совѣсть меня тогда замучитъ, что больнаго оставила. Добровольно не отпускаетъ: говоритъ что я условилась уѣхать съ любовниками. Эта исторія для всѣхъ ужасный смѣхъ! Да и я, когда проходятъ ругательства, сама смѣюсь такому чуду: на пятномъ десяткѣ жизни своей, изсохшая, въ чахоткѣ, когда близка уже ко гробу, и меня укоряютъ въ такихъ непотребствахъ! Но этого мало: когда самъ прѣвѣжаетъ изъ уѣзду, только чтобы поругать. И письма всѣ наполнены разной гадостью, что стыдно послать къ вамъ.... Не знаю что мнѣ дѣлать! Не достаётъ терпѣнія, а особливо когда онъ бываетъ въ ужасныхъ изступленіяхъ: боюсь чтобы себя или меня не убилъ. Все испытано, ко всему примѣнялась. Всякое увѣреніе и оправданіе съ моей стороны лучше его бѣситъ; ласки, свисхожденіе, терпѣніе называетъ коварствомъ, мерзкими удловками, хитростью; словомъ, всякій мой шагъ, дыханіе ему подозрительны; молчу,—это значитъ восхищеніе, какіе-то восторги о любовникахъ. Прѣвѣхавши изъ Мамадыша, уславши всѣхъ дѣтей кататься и выждавши всѣхъ изъ горницъ, въ февралѣ мѣсяцѣ подходитъ ко мнѣ съ таинственнымъ видомъ и ужаснымъ остервененіемъ, такіе началъ дѣлать допросы что гнусно и мерзостно слышать, укоряя что Александръ я сжила для того что онъ видѣлъ за мною какія-то штриги мои. Я плаювала и хотѣла убѣждать, но тутъ пошло такое рванье что еслибы не прибѣжали люди, то не знаю что бы могло случиться! Только я осталась безъ правой руки и почти до сихъ лоръ страдаю“ и т. д.

Почти въ томъ же родѣ, тѣми же почти подробностями наполнены всѣ письма Александры Алексѣевны къ брату. Безуміе Ефребовскаго дошло до того что онъ жаловался на жезу каждому встрѣчному, жаловался консисторіи. Подобныя жалобы, конечно, возбуждали смѣхъ, прошенія его не принимались; но все это, какъ выражалась жена, только лучше его бѣсило. Наконецъ послѣдняя, больная, еле-дышущая старуха, рѣшается въ 1826 году на изумительный поступокъ. По требованію мужа, она принимаетъ такъ-называемую *очистительную при-*

сагу, то-есть идти въ церковь и предъ крестомъ и Евангелиемъ кланется въ своей вѣрности, но и это средство не помогаетъ. Слѣвшимъ оговориться что о послѣднемъ фактѣ сообщаетъ И. А. Второвъ въ своихъ запискахъ; сама же Александра Алексѣевна представляетъ это дѣло въ иномъ свѣтѣ. По ея словамъ, мужъ предложилъ ей слѣдующее условіе для того чтобы жить вмѣстѣ съ дѣтьми: она должна была сдѣлать письменное признаніе въ своемъ распутствѣ и присягнуть въ соборѣ предъ царскими дверьми что впредь распутничать не будетъ; но условіе этого она не приняла, считая его „глупымъ и гнуснымъ“. Замѣчательно что Ефремовскаго не только не сажаютъ въ домъ умалишенныхъ, не только не удаляютъ изъ службы, но съ нимъ не прекращаютъ сношеній, его поддерживаютъ. Замѣчательно что къ дѣтямъ и ко всему оны относилась какъ человѣкъ здравомыслящій; въ службѣ и жизни оны были, правда, безобразникъ, но не безумецъ. Вотъ какъ писалъ оны, напримѣръ, ко Второву о своихъ отношеніяхъ къ женѣ:

„... Я изъ Казани никуда, а жена писала къ вамъ, но обо мнѣ ни слова, потому что она тогда была не въ себѣ. На вопросъ вашъ: не разладили ли мы? олять скажу вамъ что мы проводимъ жизнь свою, какъ играемъ на театрѣ, по методѣ Коцебу: одно дѣйствіе громко хохочемъ, а другое громко плачемъ, и влачимъ крестъ свой, какъ везли возъ журавль со щукой. Теперь (письмо безъ даты) хотя ладимъ, но вы, по отдаленности, всегда можете предполагать и то и другое..“

Въ натурѣ Ефремовскаго было что-то если не актерское, въ стародавнемъ смыслѣ, то цыганское, степное. Степь, просторъ, деревня, съ ея свободою отъ всѣхъ гражданскихъ узъ, съ ея приманками, въ видѣ разливаннаго водочнаго моря и жемчужинъ, вольныхъ и невольныхъ участницъ оргій, вотъ что ему было нужно! Рискавъ по татарскимъ деревнямъ, оны самъ преобразился въ 1827 году въ Татарина: обрилъ себѣ голову, надѣлъ тубетейку, чиги и бешметъ и въ такомъ нарядѣ лустился въ уѣздъ, гдѣ пробылъ болѣе двухъ мѣсяцевъ, почти до самой смерти жены.

При такомъ мужѣ, Александру Алексѣевну не могла не сокрушать будущая судьба ея дѣтей. Много горя и хлопотъ надѣлалъ ей старшій сынъ, Федя. Этотъ мальчикъ кончилъ курсъ въ строительномъ училищѣ, но что-то тамъ набѣдо-

курилъ, такъ что ему не дали мѣста, выслали изъ Петербурга и цѣлый годъ не выдавали его бумагъ. Заступничество В. Г. Пяткина не могло ему помочь. Онъ пріѣхалъ къ родителямъ въ 1825 году, когда они жили въ Казани, въ эпоху наибольшихъ безобразій отца. Въ этомъ году Александра Алексѣевна оставила мужа: онъ выгналъ ее изъ дома и отнял у нея всѣ вещи. Она нашла себѣ пріютъ, самый радушный, въ семействѣ Немировичъ-Данченковъ (Емельяна Петровича и Агаеи Трифоновны); братъ, И. А. Второвъ, присылалъ ей деньги, необходимыя для ея потребностей; В. Г. Пяткинъ, А. В. Павова, Катерина Иларіоновна Жемчужникова и др. принимали самое живое участіе, какъ въ ней самой, такъ и въ ея дѣтяхъ. Второй сынъ ея, Паша, въ это время уже оканчивалъ курсъ въ гимназіи, а въ слѣдующемъ году поступилъ въ Казанскій университетъ; Любонька училась въ пансіонѣ. Повидимому, Василій Ѳедоровичъ понималъ необходимость образованія; но о воспитаніи онъ имѣлъ свои оригинальныя понятія, не стѣсняясь предъ дѣтьми ни своими поведеніемъ, ни своими отношеніями къ ихъ матери. Оставить дѣтей при такомъ отцѣ, разлучиться съ ними, Александра Алексѣевна не могла; не могла она, по этой причинѣ, отпустить Любоньку къ Пяткинымъ, а самой переселиться въ Самару, какъ предлагали ей братья. Съ дѣтьми она видѣлась украдкой, когда Василія Ѳедоровича не было дома, или когда онъ разѣзжалъ по уѣзду; нельзя было ей придти, когда отецъ жилъ въ городѣ; сами дѣти навѣщали мать, которой они были безгранично преданы. Покойная на счетъ Паши и Любоньки, которыхъ и мужъ любилъ и по отношенію къ которымъ онъ слушался еще совѣтовъ добрыхъ людей, она тревожилась судьбою Ѳеди. Мать опредѣляетъ слѣдующими чертами его характеръ: „Этотъ человѣкъ—какъ мягкій воскъ. Участъ его зависитъ отъ тѣхъ съ кѣмъ онъ обращается; и потому можно все изъ него сдѣлать. Онъ добръ до крайности. Ожесточеніе его отъ петербургской жизни, кажется, прошло; но съ развратнымъ товарищемъ готовъ и теперь дѣлать компанію.“ По словамъ Александры Алексѣевны, Ѳея ея, лицомъ, голосомъ, характеромъ, былъ очень похожъ на своего дядю, героя нашего разказа; но въ послѣднемъ сходствѣ позволяется крѣпко усомниться. Какъ бы то ни было, но бездѣйствіе, скука и несчастныя семейныя обстоятельства томилъ молодого человѣка, въ которомъ, есте-

ственно, не могли заглушить всѣ добрыя качества. Мать, при содѣйствіи добрыхъ людей, устроила было его по дворянскимъ выборамъ, но помѣшанный отецъ воспротивился этому, видя и здѣсь, въ присканіи сыну мѣста, женыны кѣсци, предполагая что это дѣлается для того чтобы матери жить съ сыномъ и чтобы его, отца, лишить мѣста; пришлось, разумѣется, отказаться Федѣ отъ службы по дворянскимъ выборамъ. Въ половинѣ марта 1827 года Феда заболѣлъ отчаянно. Мать забыла свою болѣзнь и всѣ страхи и ужасы лобоевъ и оскорбленій. Отецъ былъ въ уѣздѣ, но пріѣхалъ на два дня. Увидѣвъ у постели больного сына жену свою, онъ не оскорбилъ ее ничѣмъ; онъ даже разговаривалъ съ нею, но какъ съ постороннимъ человѣкомъ, о состояніи больного; только смотрѣть на жену онъ боялся и, при ея взглядѣ на него, слѣзилъ опускать глаза. Надобно думать что совѣсть и раскаяніе проснулись въ немъ, при видѣ этой соевѣсть умирающей старухи, безтрепетно, но, вѣроятно, укоризненно на него смотрѣвшей. Возбужденная болѣзнью сына, Александра Алексѣевна рѣшается „умереть при дѣтяхъ“ и остается въ домѣ мужа. Ей, наконецъ, удалось привести въ исполненіе это рѣшеніе, не встрѣтивъ сопротивленія со стороны мужа: смерть уже стояла близко и, въ ожиданіи конца, Василій Федоровичъ даже принималъ участіе въ заботахъ дѣтей, окружавшихъ умирающую мать. За нѣсколько дней до ея смерти, вотъ что между прочимъ писалъ Ефремовскій Второму:

„.... Дѣйствительно, время все исцѣляетъ, что послѣдовало и съ Алексашей, которую я силлся прежде убѣдить всѣми мѣрами жить со мною вмѣстѣ и согласно, для окончанія воспитанія дѣтей; но ничто, даже и вы, не могли мнѣ помочь. Но время сдѣлало то что она сама, и безъ меня, вначалѣ юста пришла, а потомъ и перешла, и живемъ теперь вмѣстѣ, и хорошо. И какъ другой моей претензіи не было, то я и доволенъ, и покоенъ, и — помнитъ больше нечего. Сіе говоря предъ вами теперь, не отрекусь повторить и предъ самимъ Богомъ.“

Подъ изголовьемъ уже умершей (2го іюня 1827) А. А. Ефремовской найдено было *наставленіе* ея дѣтямъ, писанное я рукою. Въ этомъ сочиненіи она прежде всего обращается къ своимъ сыновьямъ, которыхъ проситъ жить между

собою дружно, любить сестру и замѣнить ей мѣсто родителей. Приводимъ изъ этого *наставленія* слѣдующія мѣста.

„Любите и почитайте отца. Онъ всегда заботился и пекся о васъ какъ лучшій отецъ. Не осуждайте, а пожалѣйте о его слабостяхъ, которыя могутъ послужить вамъ урокомъ. Онъ съ добрымъ и вѣрнымъ сердцемъ; но несчастное образование съ дѣтскихъ лѣтъ, безъ правилъ и безъ религіи, его испортили. Онъ не имѣлъ хорошаго руководителя; но самъ добрый отецъ и вы будьте къ нему добрыми дѣтьми.“ Обращаясь за симъ къ дочерп, Александра Алексѣевна воть что ей, между прочимъ, совѣтуетъ: „Будь кротка и терпѣлива. Сяси всѣ обиды и всѣ несчастія съ великодушiемъ. Помни что есть люди которые болѣе твоего терпятъ, и что Богъ посылаетъ несчастіе, испытуя наше терпѣніе. Обращайся всегда къ религіи: она учитъ насъ всѣмъ добродѣтелямъ, особливо терпѣнію. Когда ты чувствуешь что совѣсть твоя ни въ чемъ тебя не упрекаетъ, то полагайся на власть Божію... Ради Бога, не читай безъ разбору романовъ: они разстраиваютъ чувства и всѣ вещи показываютъ въ глупомъ, очаровательномъ видѣ. Есть хорошіе, напримѣръ Лафонтеновы, ихъ читай, а лучше спрашивай тѣхъ кто будетъ тебѣ наставникомъ. Занимайся рукодѣліемъ, хозяйствомъ и чтеніемъ полезныхъ книгъ, напримѣръ русской исторіи и т. п. Будь почтительна и послушна къ старшимъ. Съ рабами не братайся, потому что рѣдкіе изъ нихъ хорошихъ правилъ, но обходись ласково: они такіе же люди, только грубѣе воспитаны. Ни съ кѣмъ не спорь, хотя бы ты совершенно знала то что оспариваешь. Скажи только что знаешь, и замолачи, ежели противорѣчатъ: чрезъ споръ можно сдѣлаться ненавидимой. Не забывай родныхъ; лиши къ нимъ, преодолевая лѣнь свою. Кто будутъ твои благодѣтели, люби ихъ“. О братѣ, И. А. Второвѣ, Ефеевская выражается въ *наставленіи* такъ „Онъ мой отецъ, учитель и наставникъ“.

XI.

(1827 — 1834).

Третья поѣздка въ Петербургъ. — Жмакины. — Проектъ Струкова. — Такая болѣзнь постигшая Второва въ Петербургъ. — Приятность столичной жизни. — Сбавленіе съ Н. И. Гречемъ, В. И. Панаевымъ и барономъ А. А. Дельвигомъ. — Знакомство съ А. С. Пушкинымъ. — Возвращеніе въ Самару. — Устройство библіотеки. — Холера. — Холерные комитеты в бунты. — Замужество А. И. Второвой за П. Т. Жедринокаго и ея скорая смерть. — Наставленіе и совѣты Второва — отца сыну; ихъ педагогическое и практическое значеніе. — Пяткины берутъ на воспитаніе меньшую дочь И. А. Второва, Юленьку. — Второвъ выходитъ въ отставку и думаетъ о выѣздѣ изъ Самары. — Частыя поѣздки въ Казань. — Новые родные, Грацинскіе. — Семейство Рымдовскихъ. — Фукусы.

Третье свое путешествіе въ Петербургъ Иванъ Алексѣевичъ началъ съ Симбирска, гдѣ у него въ это время былъ большой пріятель *Самойловъ* Илья Ивановичъ), въ домѣ котораго онъ постоянно останавливался. Въ Симбирскѣ задержало его на двое сутокъ семейство новаго губернатора Жмакина (Александръ Яковлевичъ и Марья Павловна), которое приняло нашего героя съ особенною любезностію. До этого времени Жмакинъ служилъ въ Казани вице-губернаторомъ и послѣ Нилова, то-есть, съ 1823 по 1826, управлялъ Казанскою губерніей. Иванъ Алексѣевичъ два раза обѣдалъ у Жмакиныхъ и не нахвалится ихъ радушіемъ. Разговоръ шелъ о литературѣ (В. И. Панаевъ былъ зятемъ Жмакиныхъ), объ Оренбургѣ и о соляныхъ дѣлахъ, по поводу перевода солянаго правленія въ Илецкую Защиту и незавидныхъ экономическихъ обстоятельствъ Г. Н. Струкова: два послѣднихъ дѣла составляли крупный интересъ для всей Симбирской губерніи. Жмакины съ любопытствомъ слушали разказы Второва о незнакомъ имъ краѣ. Марья Павловна пожелала узнать что такое *манна*. Иванъ Алексѣевичъ обѣщавъ доставить ей это удовольствіе и потому писалъ къ своимъ дѣтямъ въ Самару, чтобъ они яслившими исполнить желаніе губернаторши. Заласшись рекомендательными письмами отъ Жмакиныхъ, Иванъ Алексѣевичъ выѣхалъ изъ

Симбирска 11го сентября. Путешествіе его до Москвы ичѣмъ особеннымъ не ознаменовалось, кромѣ одного, впрочемъ, случая, рисующаго тогдашніе нравы. Проѣхавъ первую станцію отъ Владиміра (Лилки), Второвъ остановился въ селѣ Пекшѣ, населенномъ плотниками, ежегодно приходившими въ Самару на заработки. Федоръ, слуга Второва, привезъ имъ кучу писемъ отъ ихъ самарскихъ земляковъ, да и Ивану Алексѣевичу хотѣлось найти здѣсь одного знакомаго плотника, Якова Абакумова, о свиданіи съ которымъ вотъ что онъ разказываетъ въ письмѣ къ дѣтямъ:

„...Полавшійся на дорогѣ крестьянинъ сказалъ мнѣ что во второмъ дворѣ съ краю живетъ Яковъ Абакумовъ, знакомый всѣмъ Самарянамъ плотникъ. Я остановился у его двора и велѣлъ выслать его къ себѣ. Онъ вышелъ. Я говорю ему: „Ну; Яковъ! Садись и поѣдемъ въ Самару: ты у меня не додѣлалъ фундамента, и я нарочно за тобою прѣѣхалъ.“ Онъ, узнавъ меня по голосу, вылучилъ глаза и только словъ его было: „Ахъ, батюшка Иванъ Алексѣвичъ! Вы ли это? Ахъ, батюшки!..“ Цѣловалъ у меня руки и со слезами звалъ меня къ себѣ. Я принужденъ былъ вытѣ изъ повозки, вошелъ въ избу. У него много было гостей: онъ провожаетъ отца, Абакума Прокофьева. „Вотъ, батюшка, тотъ баринъ о которомъ я тебѣ много говорилъ.“ Ихъ ласки и простая, непритворная радость всѣхъ сихъ сыновъ природы были мнѣ очень пріятны. Я нашелъ тутъ много знакомыхъ лицъ, кои у меня съ Яковымъ работали. Скажите Степану Петрову, подрядчику, который нанимался у меня перестроить полы, что я тутъ же видѣлъ его сына. Они праздновали какую-то свадьбу, потчивали меня медомъ и брагою и надавали мнѣ на дорогу яблоковъ и орѣховъ.“

Въ Москву прибылъ Второвъ 16го сентября и остановился на Кузнецкомъ Мосту, въ гостиницѣ Шора, откуда, впрочемъ, на другой день онъ переѣхалъ къ старому своему другу, Петру Михайловичу Ратькову, на Малой Дмитровкѣ, въ приходѣ Стараго Пимена, № 24. Отъ него узналъ Второвъ о смерти другаго друга, Павла Ивановича Комарова, семейство котораго жило въ это время въ деревнѣ. Въ Москвѣ герой нашъ пробылъ до 22го сентября. Онъ проводилъ свое время въ обществѣ старыхъ и новыхъ знакомыхъ, былъ въ новомъ Большомъ Театрѣ, на балетѣ *Князь Невидимка*, посѣтилъ Англійскій Клубъ. Изъ старыхъ знакомыхъ онъ

нашелъ въ Москвѣ графа Петра Степановича Толстаго и графиню Пелагею Сергѣевну Салтыкову, сестру графа Григорія Сергѣевича, уже совершенную старуху, пережившую всѣхъ своихъ родныхъ. Въ Москвѣ навѣщалъ его, зачѣмъ-то очутившійся въ древней столицѣ, Андриша Молодцовъ, и Иванъ Алексѣевичъ принималъ очень радушно этого любимца Ефремовскаго, своего зятя, довѣряя ему разныя порученія. Своего Федора съ вещами Второвъ отправилъ до Петербурга на протяжномъ извозчикѣ, котораго договорилъ за 40 руб., а самъ съѣлъ въ дилижансѣ, заплативъ за мѣсто 120 руб. Въ сѣверную столицу онъ прибылъ 25го сентября и остановился на квартирѣ у В. Г. Пяткина, на Петербургской Сторонѣ, въ 6й улицѣ, въ домѣ Берзинга. Это было лѣтнее мѣсто-пробываніе, дача, Василія Гавриловича; позже они переехали въ Троицкій переулокъ.

Въ Петербургѣ нашъ герой пробылъ до 10го марта слѣдующаго года, задержанный не столько дѣломъ, сколько тяжкою, продолжительною болѣзью. Практической пользы эта петербургская поѣздка не принесла ему ровно никакой. Правда, онъ получилъ давно желанный Владимірскій крестъ, который не ушелъ бы отъ него и въ Самарѣ; но о мѣстѣ въ Петербургѣ, о должности, никто не намекалъ ему ни полсловомъ. Впрочемъ, замѣтно становилось что червь честолюбія угомонился въ героѣ нашей хроники. Полученный крестъ, давшій потомственное дворянство, не привелъ его въ восторгъ; молчаніе объ обѣщанномъ мѣстѣ его не особенно тревожило. Въ Петербургѣ Второвъ хлопоталъ больше по дѣламъ Струкова, по дѣламъ своего зятя Темникова, чѣмъ по своимъ собственнымъ. Въ это время, дома, въ Самарѣ, жила у него старшая замужняя дочь, Катерина Ивановна. На счетъ маленькихъ дѣтей онъ былъ совершенно покоенъ. Разъ въ недѣлю онъ обмѣнивался письмами съ своей семьей, которая сообщала ему только одни успокоительныя вѣсти; рѣзкаго, призывающаго голоса Марьи Васильевны уже не раздавалось. По всѣмъ этимъ причинамъ, третье пребываніе нашего героя въ сѣверной столицѣ, до времени болѣзни, было для него самымъ пріятнымъ. „Я бы остался на всегда здѣсь, говорить онъ, ежелибы не было у меня дѣтей въ Самарѣ и еслибы могъ здѣсь содержать себя съ ними.“ Жилось ему очень весело; знакомыхъ было множество. Не безъ некотораго чувства самодовольства Второвъ приводитъ въ

т. сѣвнн. 19*

своемъ журналѣ длинный списокъ знакомыхъ ему петербургскихъ домовъ, въ которыхъ онъ былъ хорошо приваѣтъ. Такихъ домовъ оказалось 46, но на дѣлѣ ихъ было несравненно больше, какъ доказываютъ тотъ же журналъ и письма. Въ этомъ списокѣ встрѣчаемъ слѣдующія литературныя имена: Булгарина, Греча, Свиньина, Алфимовой, Панаева, барона Дельвига.

Струковъ, для того чтобы поправить разстроенныя свои обстоятельства, составилъ какой-то проектъ по соляной операціи, что-то въ родѣ компаніи на акціяхъ. Иванъ Алексѣевичъ вызвался помочь своему благопріятелю, дать ходъ этому проекту, административный и литературный. Для исполненія послѣдней цѣли Второвъ отправился съ нимъ къ Булгарину; но не заставъ его дома, оставилъ у него бумагу.

— Читали вы оставленную мною у васъ бумагу? спросилъ, придя на другой день, Второвъ редактора *Сѣверной Пчелы*.*

— Читалъ и съ удовольствіемъ. Не вы ли сочинитель? спросилъ послѣдній.

— Не я, отвѣчалъ Второвъ,—а генераль Струковъ. Скажите мнѣ откровенно ваше мнѣніе.

— Отъ чистой души говорю, воскликнулъ Фаддей Введенковичъ:—мысль прекрасная, патриотическая! Я самъ желаю быть первымъ акціонеромъ; но дайте мнѣ время и не говорите объ этомъ ни съ кѣмъ. Я покажу эти бумаги Сперанскому и Кочубею. Надѣюсь что они пустятъ въ ходъ дѣло и сдѣлаютъ извѣстнымъ имя сочинителя. Если не примутъ и не рѣшатся бороться съ богатыми, тогда я все напечатать въ газетѣ и послѣ уведомя васъ что изъ этого будетъ. Такъ и напишите г. Струкову, но не упоминайте объ именахъ Сперанскаго и Кочубея.

Второвъ соблюлъ тайну, разказавъ о ней только одному Гречу. „Ну, ничего! замѣтилъ этотъ на просьбу о молчаніи: онъ мнѣ товарищъ.“ Но толку отъ Булгарина не вышло ни какого, онъ кормилъ Второва завтраками, увѣряя его что бумаги Струкова все еще находятся у Сперанскаго, который ихъ почему-то не возвращаетъ, а напечатать ихъ, безъ позволенія министра финансовъ, нельзя, да и цензоръ не пропуститъ. Недовольный Булгариннымъ, герой нашъ хотѣлъ взять у него бумаги Струкова и отдать ихъ Свиньину.

* *Сѣверную Пчелу* на 1825—27 издавали Гречъ и Булгаринъ.

редактору *Отечественныхъ Записокъ*, доброму и общему ихъ со Струковымъ знакомому по путешествію этого литератора въ приволжскія и приуральскія губерніи; но дальнѣйшая судьба проекта осталась неизвѣстной. Знакомствомъ съ Гречемъ, Иванъ Алексѣевичъ, попрежнему, не нахвалится. Съ Гречемъ онъ видѣлся гораздо чаще прежняго. Бывалъ у него на обѣдахъ, вечерахъ, домашнихъ дѣтскихъ спектакляхъ, подолагу съ нимъ просиживалъ днемъ, гулялъ съ нимъ по петербургскимъ улицамъ. Въ 1827 году еще были свѣжи воспоминанія о 14мъ декабря, еще не стерлись на нѣкоторыхъ домахъ по Исакиевской площади слѣды картечи. Гуляя по этимъ мѣстамъ Гречъ знакомилъ своего солутника съ подробностями кроваваго событія и съ топографіей мѣстности на которой оно разыгралось. Иванъ Алексѣевичъ познакомился съ братомъ Греча, гвардейскимъ офицеромъ, его матерью (Катериной Яковлевной), женою (Варварой Давиловной), тремя дочерьми и двумя сыновьями, которыхъ онъ по именамъ не называетъ. Гречъ подарилъ ему свою пространную грамматику и *Сынъ Отечества* за 1826 годъ; но за *Сѣверный Архивъ*, *Пчелу* и *Дѣтскій Собесѣдникъ* взялъ деньги. * Живя въ Петербургѣ, Второвъ попрежнему, если не болѣе, заботился о пополненіи своей бібліотеки. Онъ положительно становился бібліофиломъ и не оставался предъ средствами для пріобрѣтенія нужной ему книги. Онъ не только самъ, для своей бібліотеки, подписывался на всѣ журналы, петербургскіе и московскіе, но для распространенія ихъ составлялъ компаніи изъ своихъ знакомыхъ, о чемъ можно судить по его письмамъ къ домашнимъ, дочери и зятю, которыхъ онъ неоднократно проситъ о вербовкѣ охотниковъ на чтеніе періодическихъ изданій. Въ одной изъ такихъ компаній, устроенной въ Самарѣ, Второвъ лично принималъ дѣятельное участіе; здѣсь было положено прочитанныя книги, по окончаніи года, жертвовать въ бібліотеку уѣзднаго училища. Ближе чѣмъ съ Гречемъ, были отношенія нашего героя съ В. И. Панаевымъ и барономъ А. А. Дельвигомъ. Панаевъ жилъ тогда на Миліонной, въ домѣ Департамента Удѣловъ; у него собирались

* *Сынъ Отечества* съ 1825 по 1828 издавался Гречемъ и Вугаршинымъ. *Сѣверный Архивъ* на 1822 — 1824 издавалъ одинъ Вугаршицъ, а на 1825 — 1828 вмѣстѣ съ Гречемъ. *Дѣтскій Собесѣдникъ* на 1826—1827 издавали Гречъ и Вугаршицъ.

по средамъ. Баронъ Дельвицъ былъ знакомъ Второву еще со второй его повѣдки. Знакомство это теперь упрочилось, кажется, чрезъ баронессу Софью Михайловну, дочь Михаила Александровича Салтыкова, бывшаго казанскаго полечителя. Такимъ образомъ, съ В. И. Панаевымъ и барономъ Дельвигомъ прежде всего обдижали Второва мѣстные областные интересы, а потомъ уже литература, которая, впрочемъ, была всегдашнимъ предметомъ ихъ бесѣдъ. И большинство петербургскихъ знакомыхъ Второва состояло изъ земляковъ, самарскихъ, симбирскихъ и казанскихъ, наполнявшихъ тогда Сѣверную Пальмиру. Иванъ Алексѣевичъ вездѣ отзывается о Панаевѣ какъ о самомъ милымъ, добродушномъ челоуѣкѣ. Владиміръ Ивановичъ чаще другихъ посѣщалъ Второва во время его продолжительной болѣзни; но не разъ навѣщалъ его въ эту пору и Антонъ Антоновичъ Дельвицъ. * Но чаще всѣхъ видѣлся Иванъ Алексѣевичъ со своею старинною знакомкой-авторомъ, Анною Ефимовной Алфимовой. Эта бойкая особа, промѣнявшая монастырскую келью на шумную жизнь столицы, принимала у себя гостей и часто выѣзжала сама. Она не покидала и прежняго рода своей дѣятельности и, кажется, способствовала къ обращенію въ православіе супруги генерала Пяткина, Эмили Александровны, которой она, вмѣстѣ со Второвымъ, была воспріемницей и которую Иванъ Алексѣевичъ называетъ женщиной „не изъ обыкновенныхъ“. Близость съ семействомъ Пяткиныхъ была, конечно, причиною частыхъ свиданій Анны Ефимовны съ ея самарскимъ пріятелемъ, который хотя уже и былъ обращеннымъ, но все еще далеко не въ смыслѣ этой почтенной писательницы. Нашего стараго литератора занимала мысль совсѣмъ объ иномъ знакомствѣ, съ тогдашнимъ свѣтиломъ литературы, Пушкинымъ. Въ это время нашъ великій поэтъ еще не имѣлъ постоянного пребыванія въ сѣверной столицѣ; по словамъ его біографа (*Матеріалы* Н. В. Аянекова, стр. 200), за это время „мы ищевы данныхъ чтобы хронологически слѣдить за его перѣздами изъ столицы въ столицу, въ концѣ 1827 и зимой

* Панаевъ, не разъ упоминаемый авторъ любопытныхъ *Воспоминаній*, былъ въ это время уже извѣстенъ своимъ *Идилліями*, напечатанными въ 1820 (Слб. Т. Греча). Баронъ Дельвицъ съ 1826 года издавалъ *Сѣверные Цветы*.

1828 года; слѣды людей пропадають скоро, если не помѣчены особенными обстоятельствами“. Изъ дневника Второва становится несомнѣннымъ что осень 1827 Александръ Сергѣевичъ провель въ Петербургѣ. Съ Пушкинымъ хотѣлъ познакомиться Второва общій ихъ знакомый, А. Н. Остафьевъ; но почему-то это знакомство чрезъ Остафьева не состоялось. Познакомился нашъ герой съ великимъ поэтомъ чрезъ барона Дельвига, у котораго встрѣтилъ его 26го ноября 1827 года. Вотъ что записано у Второва по поводу этого перваго свиданія: „Я пошелъ во 2мъ часу къ барону Дельвигу. У него засталъ Ѳ. В. Булгарина и Александра Сергѣевича Пушкина. Въ бесѣдѣ съ ними я просидѣлъ до 3 часовъ. Послѣдняго я желалъ давно видѣть и увидѣлъ—маленькую бѣлоглазую (?) штучку, болѣе мальчика и вѣтренаго шалуна чѣмъ мужа. Но его шутки, разказы, критика—совершенно лирическіе; мнѣ не понравилось только что онъ считаетъ „дрявью“ Гнѣдичеву идиллію *Рыбаки*.“ Дальнѣйшаго сближенія не было, но они еще разъ встрѣтились, хотя и не въ Петербургѣ. Мать поэта, Надежду Осиповну, и одну изъ сестеръ его Иванъ Алексѣевичъ еще прежде видѣлъ у Дельвига. Прежнія литературныя знакомства Второва — съ Ольдекопомъ, * Кованькой, Воейковымъ, графомъ Хвостовымъ и др.—продолжались, хотя свиданія бывали рѣже, чѣмъ во вторую поездку, вѣроятно, по причинѣ долговременной болѣзни; о нѣкоторыхъ прежнихъ литературныхъ своихъ знакомствахъ Второвъ не упоминаетъ теперь совсѣмъ. Графъ Хвостовъ и Воейковъ надѣлили Второва своими изданіями: первый—стихотвореніями, второй—журналомъ *Славянинъ* за 1827 годъ. ** Изъ пишущаго люда умеръ въ это время въ Петербургѣ нѣкто Корсунскій (Алекс. Вас.), изъ казанскихъ, оставившій послѣ себя множество какихъ-то бумагъ, которыя долго разбирались и читались Второвымъ и Пяткинымъ и ихъ знакомыми и литераторами, но о содержаніи которыхъ ничего не говоритъ Иванъ Алексѣевичъ. Пышное погребеніе Корсунскаго дало возможность Второву въ первый разъ познаком-

* Ольдекопъ, Евстаѣй, извѣстный составитель словарей французско- и немецко-русскихъ. Второвъ съ нимъ былъ очень близокъ и находился въ постоянной перепискѣ, которая, впрочемъ, не сохранилась. Подробности ихъ отношеній намъ неизвѣстны.

** *Славянинъ*, военно-литературный журналъ, на 1827 годъ издавалъ одинъ Воейковъ.

миться съ мертвымъ Петербургомъ, съ Волковымъ кладбищемъ, гдѣ одновременно принесенные тринадцать гробовъ привели его въ невольное содрганіе и расположили его къ мрачнымъ размышленіямъ. Но это былъ единственный случай потревожившій его душевный покой. Посѣщеніе кузовъ, спектаклей, балета, игра въ карты (въ „мушку“, вшедшую тогда въ моду), безпрестанные обѣды и дружескія бесѣды во всякую пору дня поглощали все время нашего героя. Въ этотъ сезонъ Каратыгинъ уже пожиналъ обильные лавры. Жена его, бывшая Колосова, Брянскій, Бобровъ, Калининъ, Боченковъ, по свидѣтельству Второва, играли также не дурно; но отъ Каратыгина онъ былъ постоянно въ восторгѣ. Часто упоминаемая болѣзнь Второва продержала его почти три мѣсяца дома, въ квартирѣ Пяткиныхъ, въ Троицкомъ переулкѣ. На него ополчились, кажется, всѣ роды болѣзней: карбункулъ, желчная горячка, засореніе мочевого канала и т. л. Къ счастью, онъ попалъ въ хорошія руки: его пользовалъ Николай Федоровичъ Арндтъ, тогдашняя медицинская знаменитость. Генералъ Пяткинъ, бывавшій часто при дворѣ, былъ хорошо знакомъ съ этимъ лейбъ-медикомъ, чѣмъ и объясняется особенное вниманіе послѣдняго къ больному. Во время этой тяжелой болѣзни не разъ навѣщала стараго друга и А. В. Панова, сама въ это время часто прихварывавшая и видимо начинавшая стариться. Дома Чемезовыхъ (ея брата) и Пановыхъ хотя и существовали еще въ Петербургѣ, но уже не съ прежнимъ блескомъ. Нечего и говорить что въ семьѣ своихъ родныхъ, у Пяткиныхъ, Иванъ Алексѣевичъ жилъ какъ у себя дома. Эмилія Александровна во время болѣзни ухаживала за нимъ какъ за сыномъ. Василій Гавриловичъ былъ все тотъ же великій роднелюбецъ: о всѣхъ онъ заботился, всѣмъ приискивалъ дѣло, службу. При его вмѣнѣи удалось приискать мѣсто для Темникова по таможенной части въ Уральскѣ, подъ начальствомъ Сущкова (П. В.); не удалось, правда, ничего приискать для Ивана Алексѣевича, по этому былъ виною не Пяткинъ, а пятьдесятъ пять лѣтъ лежавшія на плечахъ нашего героя, угомонъ въ немъ честолюбивыхъ порывовъ и, можетъ-быть, сознаніе что для бюрократической дѣятельности въ немъ многого не достаетъ и что остающуюся жизнь не стоить на нее тратить. На обратномъ пути, въ Москвѣ Второвъ пробылъ три недѣли, съ 16го марта по 8е апрѣля. Дурная погода и не оправившееся еще здо-

ровые задержали его въ древней столицѣ, гдѣ онъ провелъ и Пасху. Остатывливался онъ опять у Ратькова и бывалъ изрѣдка, когда позволяли здоровье и погода, у старыхъ своихъ знакомыхъ, графа П. С. Толстаго, С. С. Кроткаго, графа Салтыкова, Татищева, Мельгуновой (К. А.), Аничковыхъ (Андр. Фед.), князя Чегодаева (Ник. Ник.) и пр., далеко, впрочемъ, не всѣхъ. Въ Самару возвратился Второвъ 17го апрѣля, но не засталъ уже здѣсь зятя и дочери, которые еще Великимъ Постомъ уѣхали въ Уральскъ.

По возвращеніи въ Самару, жизнь Второва потянулась медленнымъ, скучнымъ шагомъ. Онъ остался почти одинъ въ этомъ городѣ. Струковъ окончательно переѣхалъ въ Илецкую Защиту, куда было переведено, въ концѣ октября 1828 года, и Соляное Правленіе. Темниковы отодвинулись отъ Самары на тысячу верстъ далѣе на востокъ, въ Троицкъ. Второй дочери Ивана Алексѣевича, „Аннушкѣ“, въ это время было уже шестнадцать лѣтъ; но Анна Ивановна рѣдко бывала дома: она гащивала то у своихъ дядей Мильковичей, то у своей престарѣлой бабушки, Катерины Федотовны. Иванъ Алексѣевичъ большую часть времени оставался теперь съ своими маленькими дѣтьми, сыномъ Николаемъ и дочерью Юлией. Сыну было десять лѣтъ, и онъ уже готовился къ поступленію въ гимназію. Юленькѣ было лять лѣтъ, но и она начала учиться. Отецъ былъ очень доволенъ успѣхами своихъ дѣтей, вообще даровитыхъ; сынъ уже начиналъ помогать отцу, ослабѣвшему въ зрѣніи, чтеніемъ книгъ по вечерамъ и перелиской; въ это время Иванъ Алексѣевичъ былъ занятъ устройствомъ своей библіотеки: переплетомъ книгъ и составленіемъ каталога. Служилъ или считался на службѣ онъ полпрежнему; но дѣла, съ переводомъ Правленія въ Илецкую Защиту, еще менѣе стало чѣмъ прежде. Сверстники и старые друзья его вымирали; повалился и старый вѣтвистый вязъ, красиво возвышавшійся на берегу рѣки Самары, куда Второвъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка часто хаживалъ, особенно весной, мечтать и на стволѣ котораго вырѣзывалъ начальныя буквы дорогихъ ему тогда особъ*. Отъ величественнаго дерева остался одинъ пень; дорогіе люди лежали въ землѣ. Смерть еще далеко была отъ нашего

* Объ этомъ вязѣ онъ говоритъ въ статьѣ своей: *Здравствуй, мой!* напечатанной въ VI ч. *Илюстремъ* на 1800 годъ.

героя; но все о ней больше чѣмъ прежде стало ему напоминать. Эти напоминанія не ослабили, впрочемъ, души его, напротивъ, они почти уничтожили въ немъ сентиментальное настроеніе и дали ему относительно спокойную, болрую старость. Проживая въ Самарѣ, тогда уѣздномъ городѣ, являясь въ Симбирскъ или Казань, вездѣ Второвъ былъ выходящимъ изъ общаго низменнаго общественнаго уровня явленіемъ; въ Самарѣ — тѣмъ болѣе. Вотъ почему все пріѣзжающее и навѣщающее Самару изъ столицъ и иныхъ мѣстъ слѣдило познакомиться съ мѣстною замѣчательною, съ героемъ нашей хроники. Это, конечно, его радовало; но объ этомъ онъ ни полслова не говоритъ въ своихъ запискахъ. До 1830 года въ семействѣ Второвыхъ не произошло ничего особеннаго.

1830 годъ былъ холернымъ годомъ, въ которомъ болѣзнь эта въ первый разъ появилась въ Европейской Россіи, свѣршествовала со страшною силой и повсюду распространяла ужасъ, а въ народѣ неслыханные толки объ отравленіи. Завезенная изъ Бухары cholera morbus, какъ называли ее тогда письменные люди, еще въ 29 году появилась въ Оренбургѣ, гдѣ распространила такое опустошеніе и панику что множество оренбургскихъ эмигрантовъ появились почти во всѣхъ городахъ расположенныхъ по Волгѣ, надѣясь найти въ нихъ спасеніе. Болѣзнь ослабѣла, а зимой совершенно прекратилась. О ней уже стали забывать, и тѣмъ болѣе когда прошла благополучно половина лѣта 30го года. Въ концѣ августа (20го) Иванъ Алексѣевичъ выѣхалъ изъ Самары со всѣмъ своимъ семействомъ въ Ставрополь. Здѣсь онъ у своего шурина, Н. В. Мильковича, оставилъ дочерей, а самъ съ сыномъ отправился въ Симбирскъ, чтобъ оттуда ѣхать далѣе, въ Казань, для опредѣленія сына въ тамошнюю гимназію. Въ Симбирскѣ онъ услышалъ нерадостныя вѣсти о появленіи страшной гостыи въ Астрахани и Саратовѣ. Въ Симбирскѣ въ это время молились объ избавленіи города отъ холеры, что, впрочемъ, не мѣшало нисколько общественному веселому теченію жизни. Здѣсь герой нашъ пробылъ до 28го числа, въ обществѣ Жмакиныхъ, Столыпина (А. А.), Самойлова и Смирнова, ѣздилъ съ сыномъ въ деревню князя М. П. Баратаева, славившуюся мушкетерскою библіотекою и великолѣпнымъ садомъ съ фонтанами, и затѣмъ отправился въ дальнѣйшій путь на Казань уже по указанному нами

разъ маршруту, чрезъ деревни: Архангельское (Н. М. Наумова), Юркули (П. М. Наумова), Никольское (Х. Л. Молострова), Бездну (Мих. Ник. и Александры Семен. Мусины-Пушкины)*. Ивану Алексѣвичу прежде всего хотѣлось представить старымъ друзьямъ своимъ своего двѣнадцатилѣтняго сына; вотъ почему онъ не особенно торопился въ Казань и, казалось, не думалъ вовсе о холерѣ. Но прѣѣхавшій въ Никольское баронъ А. К. Пархъ, старинный его знакомый, возвращавшійся въ это время съ Кавказа, привезъ извѣстіе что холера уже появилась въ Самарѣ. Вѣсть эта потревожила Второва, оласавшагося въ особенности за жизнь дочерей. Онъ послѣдшилъ въ Казань, гдѣ уже въ воздухѣ было слышно приближеніе холеры, по распространившемуся въ городѣ страху. Впрочемъ, эти страхи не помѣшали Второву опредѣлить сына въ гимназію и устроить его на квартирѣ, въ домѣ своего хорошаго знакомаго Аристова (Вас. Вас.), гдѣ мальчикъ долженъ былъ жить въ обществѣ сверстниковъ, имѣлъ репетитора, прислугу и все нужное. Нѣсколько дней въ Казани еще бодрились и не уладили духомъ, именно до тѣхъ поръ пока не показалъ примѣръ тогдашній архіепископъ Филаретъ Амфитеатровъ (1828 — 1836),** запершійся въ своемъ Воскресенскомъ монастырѣ и распустившій воспитанниковъ семинаріи. Послѣдніе разошлись по деревнямъ, распространяя повсюду ужасъ. Примѣръ архіепископа подѣйствовалъ заразительно: изъ Казани всѣ бѣжали, кто только могъ, еще до появленія самой болѣзни. Аристовы уѣхали съ дѣтми въ Юркули; училища въ городѣ всѣ были позакрты; послѣдшія выѣхать изъ Казани и Второвъ. Онъ оставовился въ Симбирскѣ, гдѣ задержалъ его губернаторъ, Жмакинъ, дружески къ нему расположенный. Въ Симбирскѣ, однако, не трусили, и болѣзни тамъ еще не было; но въ Самарѣ она свирѣпствовала съ такою силой что въ одну недѣлю умерло 160 человекъ, а больные были почти въ каждомъ домѣ. Въ Симбирскѣ Второвъ пробылъ десять дней, съ 14го по 24е сентября, перелисывался въ это время съ шуриномъ и съ дочерью Анной Ивановной и собирая вѣсти о самарскихъ происшествіяхъ. Между

* А. С. Мусина-Пушкина была урожденная княжна Баратаева, дочь Семела Михайловича, казанскаго губернатора (1789—1796).

** Съ 1837 по 1857 годъ митрополитъ Кіевскій. См. *Списки Архіереевъ*, стр. 99.

тѣмъ учреждались холерные комитеты, по дорогамъ ставились кордоны, состоявшіе изъ крестьянъ, подъ начальствомъ дворянъ и чиновниковъ; крестьяне получали по 50 коп. въ день; но несмотря на денежное вознагражденіе, всѣ, и помѣщики первые, старались какъ-нибудь отдѣлаться отъ этой скучной и небезопасной обязанности. Но правительство не дремало. Въ Саратовѣ ожидали пріѣзда сенатора Энгеля съ цѣлюю комиссіей, состоящею изъ докторовъ, лѣкарей, аптекарей и т. п. Въ Симбирскѣ предполагалось устройство центральнаго холернаго комитета. Взявъ дочерей въ Ставрополѣ, Иванъ Алексѣвичъ возвратился въ Самару 27го сентября. По его словамъ, при встрѣчѣ съ знакомыми, онъ плакалъ и здоровался, какъ бы съ воскресшими изъ мертвыхъ. По официальнымъ донесеніямъ, въ Самарѣ жертвою холеры было 272 человека, но на дѣлѣ ихъ было вдвое больше; многіе хоронили мертвыхъ, никому объ этомъ не заявляя; „ужасъ былъ чрезвычайный“, говоритъ Второвъ. 9го октября окуривали всѣ дома въ городѣ и сняли карантинъ. Изъ городовъ холера распространилась по деревнямъ, гдѣ свирѣпствовала осенью и гдѣ произвела во многихъ мѣстахъ, преимущественно въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, крестьянскія движенія, такъ-называемые бунты; народъ вѣрилъ слухамъ объ отравленіи колодезей лѣкарями. Въ Ставропольскомъ уѣздѣ, уже въ ноябрѣ, крестьянское волненіе приняло такіе размѣры что туда сочли нужнымъ отправить, для усмиренія, военную команду, состоявшую изъ Калмыковъ. Въ домѣ Второва также переболѣло холерою нѣсколько человекъ, но смертности не было. На слѣдующій годъ, по лѣту, болѣзнь появилась снова, но была уже гораздо въ меньшей степени; въ эту же пору, въ августѣ 1831 года, тяжело болѣлъ ею и Иванъ Алексѣвичъ. Холерный 1830 годъ ознаменовался смертью Екатерины Федотовны: старушка тихо скончалась въ Ставрополѣ, 15го декабря, въ глубокой старости. Въ этомъ же городѣ рѣшилась участь второй дочери Ивана Алексѣвича, „Аннушки“. Ей сдѣлалъ предложеніе нѣкто Илья Тимофеевичъ Жедринскій, мелкопомѣстный помѣщикъ. У него была небольшая деревушка Моркваши, въ семидесяти верстахъ отъ Самары, на самомъ берегу Волги, въ пятнадцати верстахъ отъ Жигулей; онъ имѣлъ мать (Александрю Сергѣевну) и множество сестеръ. Женихъ почему-то очень не нравился невѣстѣ, и бѣдная дѣвушка не разъ горько плакала и провела не одну без-

сонную ночь, прежде чѣмъ дала свое согласіе. Свадьба совершилась 27го января 1831 года. Невѣсту почти безъ чувствъ проводили къ вѣнцу. Жедринскій, какъ помѣщикъ, былъ выгоднымъ женихомъ; со стороны Второвъ были совѣты дочери не пренебрегать хорошею партіей, но принужденія не было и быть не могло. Страхъ огорчить родителя не позволялъ бѣдной „Аннушкѣ“ отказаться отъ нежелаемаго союза. Подробности объ этомъ бракѣ въ запискахъ Второва нѣтъ. Въ декабрѣ 1831 года Анна Ивановна родила дочь, вскорѣ умершую, а затѣмъ и сама стала быстро таять отъ чахотки, которая въ слѣдующемъ 1832 году, въ іюнь мѣсяцѣ, свела ее въ могилу. Она была похоронена въ Морквашахъ, по ея желанію. Отецъ, до конца своей жизни, горько оплакивалъ преждевременную ея смерть. Бѣдная женщина должна была испытать тяжелую, непосильную борьбу. Она вышла за нелюбимаго, хотя и добраго, человѣка; мужъ ее очень любилъ, но семья его, кажется, возбуждала въ ней глубокую антипатію. Преданнымъ и покорнымъ сыномъ долго, до сороковыхъ годовъ, оставался И. Т. Жедринскій по отношенію къ своему тестю. Онъ почти безвыѣздно жилъ въ Самарѣ, безкорыстно за нимъ ухаживалъ и развлекалъ старика въ его одиночествѣ. И. А. Второву въ 1832 году минуло 60 лѣтъ.

Второвъ былъ отецъ чадолюбивый; не только дочерей, но и зятьевъ своихъ онъ очень любилъ. Но главнымъ предметомъ его нѣжности, идоломъ его сердца, былъ единственный сынъ его „Николенька“. Отправляя сына изъ родительскаго дома въ Казань, въ гимназію, Второвъ написалъ для него *Наставленіе*, текстъ котораго приводимъ съ буквальною точностью.

„Ты отдѣляешься, милый Николенька, изъ дома родительскаго, разлучаешься съ отцомъ и сестрами; будешь жить одинъ въ чужихъ людяхъ, въ другомъ мѣстѣ, далеко отъ своихъ родныхъ и ближнихъ. Поручаю тебя Богу и добрымъ, честнымъ людямъ и совѣтую тебѣ въ горести, въ нуждѣ и болѣзни прибѣгать съ молитвою и сердечнымъ умиленіемъ просить помощи и утѣшенія у милосердаго Бога и совѣтоваться съ добрыми людьми. Вотъ правила по коимъ ты долженъ поступать:

„1. Каждое утро и вечеръ благодарить Бога за сохраненіе жизни и здоровья твоего. Проси Его о ниспосланіи на тебя

Его благодати и просвѣщенія, въ ученіи твоёмъ успѣховъ отвращенія отъ дурныхъ поступковъ и привычекъ.

„2. Наставниковъ и учителей своихъ слушай и исполняй ихъ приказанія. Будь ко всѣмъ вѣжливъ и ласковъ, даже къ прислужникамъ твоимъ.

„3. Никогда не лги, особливо шутками не оскорбляй никого, притѣняя къ себѣ: что тебѣ непріятно, того и другимъ не дѣлай.

„4. Изъ товарищей своего возраста избирай себѣ въ друзья людей кроткихъ, съ добрыми нравами и склонностями, любя и угождай имъ взаимно, а съ порочными уклоняйся отъ знакомства, но не презирай ихъ, а жалѣй и не огорчай своими укоризнами.

„5. Въ утреннее время и вечеромъ, мысли бываютъ свѣжѣе, а потому не пропуская ни одной минуты драгоценнаго времени безъ занятія науками или чтенія полезныхъ книгъ, тверженія уроковъ и т. п.

„6. Будь опрятенъ и бережливъ въ одеждѣ. Привыкай одѣваться и раздѣваться самъ, безъ прислуги, и наблюдай чистоту своего тѣла; для сего надобно, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ недѣлю мыться; а платье всегда было бы свернуто и положено такъ чтобы не измялось, особливо чтобы не замаралось и не изодралось.

„7. Привыкай и къ хозяйству. Знай самъ и записывай сколько у тебя бѣлья и другихъ вещей. Также и маленькоіи суммѣ денегъ твоихъ веди счетъ; записывай, сколько и куда употреблено ихъ и сколько осталось. На ненужныя вещи и игрушки не трать ихъ, а покупай что необходимое, и то всегда спрашивайся своего наставника: купить ли? и чего это стоить?

„8. Я приучалъ тебя записывать въ журналъ свои мысли, чувствованія и происшествія; итакъ, не оставяя сего занятія. Каждый день записывай все что ты чувствовалъ, весело ли тебѣ было или грустно, что ты видѣлъ или слышалъ и пр. Это будетъ бесѣда съ самимъ собою, которая научить тебя размышлять и сочинять. Пиши даже и сокровенныя твои мысли и происшествія, и никому не показывай своего журнала изъ товарищей, чтобы они не стали шутить надъ тобою, развѣ доброму наставнику твоему. Окончивши тетрадь, присылай оную ко мнѣ: я буду знать чрезъ то и твои успѣхи въ наукахъ, и твое поведеніе.

„9. Пиши ко мнѣ каждую недѣлю, а иногда и въ двѣ недѣли по одному письму.

„Вотъ тебѣ, милый другъ, совѣты отца и друга. Слѣдуй имъ непремѣнно и прочитайвай чаще сіи наставленія; для дѣтскаго возраста твоего этого довольно. А когда войдешь въ юношескія лѣта и какъ науки и опыты научать тебя, тогда самъ увидишь что должно дѣлать тебѣ, чтобы быть добрымъ гражданиномъ, вѣрнымъ и усерднымъ слугою своему государю и полезнымъ своимъ соотечественникамъ. Писми мои совѣты, когда меня и на свѣтѣ не будетъ.

„Твой отецъ и другъ
„И. Второвъ.“

„Самара,
августа 19го, 1830 года.“

За исключеніемъ 8го пункта, бѣльшая часть наставленія Второва - отца сыну состоитъ изъ общихъ мѣствъ. Но 8й пунктъ, о веденіи журнала, о бесѣдѣ съ самимъ собою, характеристиченъ. На этомъ 8мъ пунктѣ Второвъ настаиваетъ всею силой своего отцовскаго авторитета даже въ то время когда сынъ былъ уже юношей, студентомъ, и онъ пользовался полною свободой. Отецъ извинялъ сыну неаккуратность переписки, неисполненіе нѣкоторыхъ своихъ совѣтовъ, но не прощалъ ему небрежнаго отношенія къ журнальной работѣ, къ которой онъ приучалъ его съ дѣтства; онъ даже совсѣмъ отказывался отъ сыновнихъ писемъ, лишь бы послѣдній не прерывалъ своего журнала и пересылалъ его, частями, къ отцу. Наставленіе Второва - отца сыну далеко впрочемъ не исчерпываетъ всѣхъ совѣтовъ перваго. Этихъ совѣтовъ не мало находится въ письмахъ къ сыну. Нѣкоторые изъ этихъ совѣтовъ интересны для характеристики подававшего ихъ и духа времени.

„Мнѣ пріятно (говорится въ письмѣ отъ 5го декабря 1830 года) что ты учишься на скрилкѣ; продолжай, мой другъ. Всякое изящное искусство я одобряю. Не забывай рисованія, а болѣе старайся успѣть въ математикѣ и языкахъ.“

„Я очень доволенъ (2го января 1831 года) что ты пользу предпочитаешь удовольствію и не согласился ѣхать сюда на праздникъ. Хорошо дѣлаешь, ибо время прошло бы только въ перѣздѣ. Лѣтомъ гораздо тебѣ будетъ пріятнѣе послѣ

экзимена погостить у насъ. Чтò дѣлать, потерпи! Вѣрно эти Святки тебѣ тамъ (въ Казани) веселѣе будутъ, а болѣе полезнѣе: ты приготовишься къ дѣлу которому помѣшала холера. А когда доучишься до шпаконки, которую жалуютъ студентамъ, тогда еще утѣшительнѣе будетъ намъ встрѣтиться съ тобою. Смотри же, дурачокъ, не ударь лицомъ въ грязь. Какъ ты общаешься, учишься и наукамъ и изящнымъ искусствамъ. На все доброе тебя благословляю и ничего для тебя не пожалѣю чѣмъ только въ силахъ буду. Учишься на скрилкѣ, на гитарѣ, лѣтъ, рисовать, танцовать и пр., чтò будетъ тебѣ нравиться.“

„Сіе письмо посылаю (27го марта 1831 года) чрезъ вашего директора, Николая Алексѣевича (Галкина). Бываешь ли ты у него по праздникамъ, а также у Петра Михайловича (Васильева, инспектора)? Увѣдомь.“

„Я уже писалъ къ тебѣ, мой дружочекъ, и теперь повторю, что кромѣ гимназическихъ ученій, какія встрѣтятся еще науки къ коимъ ты будешь имѣть охоту, не только позволяю тебѣ, но приказываю и прошу: учишься хотя по урокамъ, и чего будетъ стоить, денегъ для тебя не пожалѣю. Напримѣръ музыкѣ, танцовать, рисовать и пр. Особливо старайся усовершенствовать себя въ живыхъ языкахъ: нѣмецкомъ, французскомъ и, ежели можно, англійскомъ“. (Изъ письма отъ 12го февраля 1832 года.)

„Спасибо тебѣ, милый мой дружочекъ Николенька, что ты помнишь людей кои ласкали тебя; но ты ни слова не сказалъ былъ ли ты у барона Альберта Карловича (Ширха)? * Ежели не былъ, то ты очень виноватъ предъ нимъ и предо мною. Я именно приказывалъ тебѣ каждый праздникъ быть у него; исполняи и напishi ко мнѣ когда былъ и какъ тебя приняли. За дружбу съ Сашенькой Рындовскимъ спасибо тебѣ: это семейство доброе и почтенное. Бывай чаще у нихъ, но не забывай и другихъ кто тебя ласкалъ.“ (24го февраля 1833 года.)

„Не огорчайся, милый другъ, что тебѣ не позволяютъ перейти въ домъ (недавно купленный въ Казани). Это для соб-

* Бывшаго коменданта, исправлявшаго въ 1830—1831 году должность казанскаго губернатора.

ственного твоего блага и благодареніе г. полечителя, который опасается, по молодости твоей, за нравственность (студенту-сыну, жившему въ университетскомъ домѣ, было въ это время 17 лѣтъ). На сей почтѣ я пишу къ нему и благодарю его за сіе одолженіе, а прошу только позволять тебѣ въ свободное время посѣщать свой домъ и смотрѣть за людьми. Слѣдовательно, ты всегда можешь туда ходить, а ночевать и обѣдать будешь въ университетѣ. Да, кажется, это къ лучшему, ибо у тебя дома нѣтъ ни постели, ни подушки—все забыто. Какъ быть! Потерли, мой дружокъ, не болѣе мѣсяца, когда я самъ пріѣду, и тогда мы съ тобой заживемъ вмѣстѣ.“ (22го марта 1835 года.)

Отдавъ сына въ гимназію, Иванъ Алексѣевичъ остался одинъ въ домѣ съ маленькою своею дочкою Юліей. Осьмилѣтній ребенокъ Юлія, оставшись на рукахъ престарѣлаго отца, по выходѣ замужъ старшихъ сестеръ, была бы для него тяжелымъ, хотя и дорогимъ бременемъ; о простомъ уходѣ за нею, кромѣ служанокъ, некому было позаботиться. Къ счастью судьба въ образѣ Пяткиныхъ послала ей и отцу благодѣтелей. Еще въ 1830 году генералъ Пяткинъ получилъ мѣсто военнаго губернатора въ Астрахани; мѣняе чѣмъ черезъ годъ онъ и Эмилія Александровна просили Второва отдать имъ Юленьку на воспитаніе. Иванъ Алексѣевичъ, увѣренный въ своихъ родныхъ, рѣшился на эту тяжелую разлуку. Въ началѣ февраля 1832 года Юленька была отвезена въ Астрахань Темниковымъ, пріѣхавшимъ не задалога предъ тѣмъ къ тестю. У Пяткиныхъ была своя большая семья, четыре дочери и три сына; въ это время самой старшей дочери ихъ (Елизаветѣ) было двѣнадцать лѣтъ. Воспитаніемъ дѣтей руководила умная и образованная Эмилія Александровна; генералъ не былъ къ этому подготовленъ, да и не имѣлъ достаточно времени. Большой военный чинъ, извѣстность государю и важныя должности которыя занималъ онъ, давали ему достаточныя средства для самаго лучшаго, по времени, воспитанія дѣтей, именно дѣвочекъ; ни о чемъ подобномъ Иванъ Алексѣевичъ не могъ и помыслить.

Послѣ смерти Анны Ивановны Жедринской и отъѣзда Юленьки, одиночество Ивана Алексѣевича сдѣлалось тѣмъ тяжелѣе, что въ домѣ у него перемерли опытыя, пожилыя служанки: сначала нянька всѣхъ дѣтей Аксинья, а вслѣдъ за нею двѣ другія: Денисьевна и уже извѣстная намъ Софья

(въ мѣѣ 1832). Въ хозяйствѣ водворился полнѣйшій хаосъ. „Страдавшая давно отъ болѣзни, лишаетъ онъ сыну, наша Софья кончила жизнь; сегодня (бго мая) ее будутъ хоронить. Пожалѣй, мой другъ, и посуди о моемъ положеніи. Теперь кому я поручу что! Никто ничего не знаетъ: все было у нея на рукахъ. А мнѣ какъ и когда заниматься мелочнымъ хозяйствомъ!..“ То-есть досугу-то было очень много, но герой нашъ по этой части всегда былъ плохъ. Хозяйственное положеніе его было, въ самомъ дѣлѣ, незавидно: молодая прислуга излѣвилась и баловалась; женщины распутничали; мужчины, разные Доримедонки и Николашки, льянствовали безъ удержа. Иванъ Алексѣевичъ началъ думать объ отставкѣ, хотя служба его заключалась въ достройкѣ соляныхъ амбаровъ и въ распродажѣ оставшихся запасовъ соли; вскорѣ и эта операція отошла въ вѣдѣніе Симбирской казенной палаты. Туристъ по натурѣ, теперь онъ сталъ мечтать о безпрестанныхъ поѣздкахъ въ тѣ мѣста гдѣ жили люди близкіе его сердцу, въ Казань, Астрахань, Оренбургъ, мѣстопребываніе старшей дочери и зятя. В. Г. Пяткинъ, окруженный сонмомъ родныхъ, слетѣвшихъ къ нему на казенный кормъ, неоднократно звалъ его въ Астрахань; но астраханскую поѣздку удалось устроить Второву не ранѣе апрѣля 1834 года, по вскрытіи водъ. Самара ему опротивѣла, хотя въ ней не переводились люди съ которыми онъ находился въ самыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ, напримѣръ, постояльцы его Шалашниковы, Путиловы *, графъ М. С. Толстой и др.; хотя не забывали навѣщать его здѣсь старые знакомые, пріѣзжавшіе къ нему даже издалека, напримѣръ Петръ Васильевичъ Сушковъ. Въ Самарѣ какъ-то все не клеилось, все раздражало его. Подаль онъ было въ отставку (въ августѣ 1832); но отставки ему не дали, а наложили запрещеніе на домъ и имѣніе за то что оказался какой-то недочетъ соли и что другой самарскій соляной приставъ, Никитинъ, сотоварищъ Второва по храненію соли и исправлявшій казначейскую должность, разстратилъ болѣе восьми тысячъ рублей, вырученныхъ за продажу соли и хранившихся на его рукахъ, въ чемъ самъ сознался предъ чиновникомъ казенной палаты, пріѣхавшимъ въ Самару для пріемки магазиновъ. Правда, потомъ это запрещеніе

* Путиловыхъ было два брата, Дмитрій и Аристархъ Азаревича.

какъ несправедливое, было снято и отставка была получена; но такой благоприятный исходъ стоилъ ему многихъ хлопотъ и потребовалъ перелиски съ Астраханью и Петербургомъ: съ Пяткинымъ, Пановой и Корнѣевымъ, директоромъ Департамента Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ. Другое огорченіе въ Самарѣ, начинавшей принимать видъ богатаго торговаго города, причинили ему кулеческіе амбары, построенныя для ссылки хлѣба на площади противъ воротъ и оконъ его дома. Тутъ уже ничто не помогло ему, ни просьба къ министру внутреннихъ дѣлъ, ни всякаго рода петербургское заступничество, ни знакомство съ губернаторомъ и служебною симбирскою аристократіей; съ 1832 года въ Симбирскѣ былъ уже новый губернаторъ, Загряжскій, хотя также знакомый, но уже не столь любезный человекъ, какъ Жмакинъ, тестъ В. И. Панаева. Итакъ, бѣжать изъ Самары Иванъ Алексѣевичъ имѣлъ свои основательныя причины; теперь онъ оставался въ ней только по крайней необходимости, хотя совершенно одинокимъ и не бывалъ, благодаря сожительству съ нимъ Жедринскаго, пріѣздамъ его семьи и своихъ шурьевъ Мильковичей. Въ эту же пору онъ очень часто видѣлся съ Дмитріемъ Васильевичемъ Пановымъ, сыномъ Анны Васильевны, который въ это время (въ февралѣ 1834) былъ уже женатъ, и проживалъ то въ Самарѣ, то въ Симбирскѣ. Что касается до самой Анны Васильевны, она въ это время уже безвыѣздно жила въ Петербургѣ, удрученная горестями и лѣтами: въ 1831 году умеръ холерою старшій сынъ ея, Владиміръ, потеря котораго была для нея тяжкою утратой и не менѣе тяжело отозвалась въ сердцѣ ея стараго самарскаго друга *. До поѣздки въ Астрахань, составившей въ нѣкоторомъ родѣ эпоху въ старческой жизни нашего героя, онъ успѣлъ побывать четыре раза въ любезной своей Казани, нѣсколько разъ бывалъ въ Симбирскѣ и Ставрополѣ и колесилъ въ своей доморощенной коляскѣ по

* Владиміръ Пановъ учился въ Казанскомъ университетѣ. Онъ перевелъ *Вѣднюю Лизу* Карамзина (*La pauvre Lise*, 1817, 12°) съ посвященіемъ à ma très chère mère. Дмитрій Пановъ, служившій въ гвардіи, былъ сосланъ, за какую-то шалость, на Кавказъ. По возвращеніи, онъ жилъ почти безвыѣздно или въ деревнѣ, или въ Самарѣ, ведя образъ жизни далеко не безупречный; по этой причинѣ Второвъ былъ съ нимъ въ самыхъ холодныхъ отношеніяхъ. Желатый два раза, онъ умеръ бездѣтнымъ.

деревнямъ Наумовыхъ, Молоствовыхъ, Баратаевыхъ, Мусина-Пушкина, Пирха, Аристова, Мельгуновыхъ и т. д., якобы лежащихъ по тракту между этими главными пунктами приволжской гражданственности, хотя прямой путь сообщенія между ними былъ гораздо короче. Старые друзья, иногда неожиданныя встрѣчи и почти всегда новыя знакомства оживляли старика самымъ пріятнымъ образомъ. Такъ въ 1833 году, въ июль, онъ встрѣтился и познакомился на сѣрныхъ водахъ съ Полякомъ Томашемъ Запомъ, „котораго участь и достоинства, какъ онъ выражается, были описаны въ журналѣ *Revue Britanique* 1831“, а въ сентябрѣ того же года, видѣлъ въ Симбирскѣ А. С. Пушкина. Къ сожалѣнію, о послѣдней встрѣчѣ (9го сентября) онъ пишетъ къ сыну только слѣдующее: „Въ Симбирскѣ у губернатора я видѣлъ Пушкина Александра Сергѣевича. Онъ сказывалъ мнѣ что былъ въ Казани у Фукса и стоялъ вмѣстѣ съ Баратынскимъ.“ *

Пребываніе сына въ Казани и участившіяся, ради этого, поѣздки туда увеличили и безъ того немалый кругъ знакомыхъ Второва. Прежде всего выступаетъ на сцену громадная семья В. Б. Плотникова, мужа Єіоны Васильевны, раздѣлившаяся на двѣ части. Плотниковъ отъ первой жены имѣлъ трехъ, да отъ второй, Єіоны, двухъ дочерей и двухъ сыновей. Самъ онъ жилъ въ Астрахани, а всѣ дочери въ Казани, у зятя его Грацинскаго (Ив. Фролов.), учителя гимназіи. Грацинскій былъ женатъ на Дарьѣ Владиміровнѣ, родной племянницѣ М. В. Второвой. Иванъ Алексѣевичъ отдалъ своего сына на попеченіе этого новаго родственника, съ которымъ не замедлилъ войти въ самыя дружескія отношенія. У Грацинскаго былъ въ Казани женатый братъ (Мих. Фрол.), тоже учитель гимназіи. Такимъ образомъ составила одна громаднѣйшая семья, носившая общее названіе Грацинскихъ, гдѣ Второвъ - отецъ, въ качествѣ дяди (по женѣ) и еще болѣе по личнымъ своимъ достоинствамъ, игралъ роль почетнаго родственника. Прибавимъ, что въ Казани жилъ въ это время другой родственникъ

* Подробности объ этой поѣздкѣ находятся въ *Материалахъ для біографіи А. С. Пушкина* П. В. Анненкова (Сочиненія Пушкина. Томъ I. С.-Петербургъ. 1855. Стр. 370—373). Занъ, студентъ Валацкаго университета и основатель общества „Лучезарныхъ“ былъ сосланъ (1823) во внутреннія губерніи.

Ивана Алексѣевича, Андрей Петровичъ Второвъ, внучатный его племянникъ. По словамъ дяди, онъ, по легкомыслію, потерялъ какое-то мѣсто въ Петрозаводскѣ и чинъ 8го класса, вслѣдствіе чего жилъ въ Казани въ большой крайности, нигде не выходя изъ своей квартиры, одичалъ, однакоже не потерялъ амбиціи, потому что отказался отъ денежной помощи предложенной ему дядей. Иванъ Алексѣевичъ принималъ въ немъ большое участіе, писалъ къ нему, просилъ сына и Градинскаго побывать у него, „окуражить“, вытащить въ люди и писалъ о немъ А. В. Пановой и Пяткину, когда онъ отправился въ Петербургъ для пріисканія себѣ мѣста, которое ему и удалось получить гдѣ-то въ Олонецкой губерніи. Вѣроятно, тамъ и исчезла, со смертію его, старшая вѣтвь Второвыхъ. У этого Второва была еще сестра, Екатерина, въ замужествѣ за какимъ-то чистопольскимъ чиновникомъ, многолѣтнимъ старикомъ-вдовцомъ, да мать, Марья Гавриловна, жившая въ Самарѣ на попеченіи Ивана Алексѣевича.

Къ этой же порѣ относится сближеніе Второва съ казанскими литературными домами, съ семействами Фуковъ и Рындовскихъ. Если не удивительно что въ семействѣ университетскаго профессора, каковымъ былъ Фукъсъ, литературные интересы, назадъ тому почти полстолѣтія, стояли на первомъ планѣ, что члены этого семейства, мужъ и жена, сами занимались съ неослабнымъ рвеніемъ литературой, то нельзя не назвать замѣчательнымъ явленіемъ тѣ же вкусы и стремленія въ семействѣ совсѣмъ не принадлежавшемъ къ университету, какъ семья Рындовскихъ. Федоръ Михайловичъ Рындовскій былъ чистокровный Малороссъ, сынъ священника въ заштатномъ городѣ Березнѣ, Черниговской губерніи. Онъ учился въ Черниговской семинаріи въ концѣ прошлаго или въ первыхъ годахъ нынѣшняго вѣка. Братъ его, Семенъ Михайловичъ, учившійся въ той же семинаріи и женатый на дѣвицѣ Мизкѣ, происходившей изъ рода богатыхъ помѣщиковъ Екатеринославской губерніи, былъ весь свой вѣкъ священникомъ въ бѣдномъ уѣздномъ городкѣ Черниговской губерніи, Борзнѣ, и есть родоначальникъ очень извѣстной въ харьковскихъ кружкахъ фамиліи Рындовскихъ, отецъ Григорія Семеновича, бывшаго профессоромъ на медицинскомъ факультетѣ, и Николая Семеновича, одного изъ извѣстныхъ нашихъ педагоговъ послѣдняго времени.

шаго инспекторомъ училищъ Западной Сибири. Замѣчательно что С. М. Рындовскій вынесъ изъ Черниговской семинаріи отличное классическое образованіе, и что въ концѣ двадцатыхъ годовъ, будучи уже разбитъ параличомъ, былъ первымъ (и лучшимъ) учителемъ для одного изъ сыновей своихъ въ нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ, основательными знаніями которыхъ отличались всегда братья Рындовскіе, дѣти отца Семена. * Не слѣдуетъ забывать при этомъ что малороссійское духовенство до самаго позднѣйшаго времени не составляло замкнутой касты; поэтому и складъ его образованія и бытовая обстановка были нѣсколько иныя чѣмъ у прочаго русскаго духовенства. По выходѣ изъ семинаріи, Ѳ. М. Рындовскій поступилъ въ Медико-Хирургическую Академію; окончивъ курсъ съ званіемъ лѣкаря, онъ сдѣлался военнымъ врачомъ и въ этомъ качествѣ, служа при рекрутскихъ делѣ, въ военныхъ госпиталяхъ и при полкахъ, исколесилъ всю европейскую Россію, съ сѣвера на югъ, до Кіева и Таганрога, и съ запада на востокъ, отъ Вильны до Казани. Въ первый разъ Рындовскій явился въ Казань въ 1811 или 1810 году, познакомился съ профессорами и обратился въ мѣстное Общество Любителей Отечественнѣй Слоvesности съ просьбою, выраженною въ письмѣ на имя Ковдырева (25го мая 1811), о принятіи его членомъ, приложивъ къ этому письму „поэму на *Сотвореніе міра*, переложенную изъ сочиненій аббата Рейрака“. * Онъ былъ единогласно выбранъ въ члены, а поэма была напечатана въ первой (и единственной) книжкѣ *Трудсъ Казанскаго Общества Любителей Слоvesности* (Казань, 1815). Въ Казани Ѳ. М. Рындовскій поселился въ началѣ двадцатыхъ годовъ и служилъ тамъ сначала при военномъ госпиталѣ, а потомъ по удѣльному вѣдомству. Въ Казань прибылъ Рындовскій уже съ литературною извѣстностью, легко дававшюся въ ту пору, какъ авторъ книжки стихотвореній, издавнкой въ 1809 году, въ Петербургѣ, подъ названіемъ: *Печальныя, Веселыя и Унылыя Тоны Моего Сердца*. ** Въ литератур-

* Впрочемъ это не единственный случай: извѣстный переводчикъ греческихъ классиковъ, И. И. Мартыновъ (1771—1833), былъ обязанъ своими свѣдѣніями въ классическихъ языкахъ Перелазавской (а не Полавекой, какъ сказано у Колабасина, тогда еще не существовавшей) семинаріи.

** Сообщено Н. Н. Буличемъ.

ной Казани, не оскудѣвавшей въ ту пору стихотворцами, производительность Рындовскаго значительно усилилась и онъ писалъ очень много и печаталъ наиболѣе въ *Заволжскомъ Муравь* (1832—183), казанскомъ литературномъ журналѣ. Стихотворенія его, не отличающіяся повѣстическими достоинствами, по направленію своему принадлежали къ сентиментально-мистическимъ; но онъ писалъ и въ сатирическомъ родѣ, подсмѣваясь надъ женщинами и задѣвая нѣкоторыя казанскія самолюбія, естественно къ нему не благоволившія; стихотворенія въ послѣднемъ родѣ расходились по Казани въ рукописяхъ и очень много читались. Но одними литературными достоинствами Рындовскому не удалось бы играть значительной роли въ университетскомъ городѣ, еслибы жена его не принадлежала также къ литературному семейству и къ числу образованныхъ женщинъ своего времени. *Θ. М. Рындовскій* былъ женатъ два раза: въ первый разъ на вдовѣ Турчаниновой, во второй—на Поликсеніи Ивановнѣ Панаевой, дочери Ивана Ивановича и любимой сестрѣ Владиміра Ивановича Панаева, автора идиллій и любопытныхъ *Воспоминаній*, не такъ давно напечатанныхъ. ** Братья Панаевы (четверо) были товарищами С. Т. Аксакова по Казанской гимназій и, подобно отцу своему, любили литературныя занятія: „Всѣ мы, братья и сестры, говоритъ авторъ *Воспоминаній*, получили любовь къ уединенію, нерасположеніе къ шуму большого свѣта, нѣкоторую застѣнчивость, склонность къ мечтательности, къ

* Въ „Смирдинской Росписи“ эта книга значится подъ № 6641. Перечисляемъ извѣстныя намъ изданія стихотвореній *Θ. М. Рындовскаго*: 1) *Отъ Городскаго Обитателя къ Сельской Затворницѣ*, неизвѣстнаго года и мѣста печати; 2) *Путешествіе и Отдыхъ*, Казань 1833 года; 3) *Сотвореніе Мира*, поэма въ трехъ пѣсняхъ (вѣроятно передѣлка), посвященная императору Николаю Павловичу, Петербургъ, 1832, тал. А. Пшотара. Есть нѣкоторое основаніе предполагать что *Θеодоръ Михайловичъ* замышлялъ даже полное собраніе своихъ стихотвореній; но, надобно думать, его оставили намятку Полеваго. Поэму *Сотвореніе Мира* онъ читалъ въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности при Казанскомъ университетѣ 1го июля 1832 года.

** Въ *Вѣстникъ Европы* 1867 года, томы III и IV. Въ этихъ *Воспоминаніяхъ* В. И. Панаевъ представляетъ любопытную характеристику своего отца, Ивана Ивановича, друга масоновъ, страстнаго любителя литературы и театра.

ловзіи.“ Поликсенія Ивановна была второю изъ трехъ сестеръ и находилась въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ братомъ своимъ Владиміромъ, котораго была, впрочемъ, старше пятью годами. Фамилыя наклонности, о которыхъ говорить послѣдній, развились въ немъ подъ вліяніемъ мѣстности гдѣ протекло его дѣтство, и университетскаго образованія. По смерти отца, вся семья Панаевыхъ, вмѣстѣ съ ихъ матерью, жила въ имѣніи ихъ дядей Страховыхъ, въ заштатномъ городѣ Тетюшахъ, въ шестидесяти верстахъ отъ Симбирска, въ лѣвобережной мѣстности расположенной по лѣвому берегу Волги. В. И. Панаевъ былъ изъ первыхъ студентовъ Казанскаго университета. Изъ его *Воспоминаній*, какъ равно и изъ воспоминаній его современника, С. Т. Аксакова, можно судить о направленіи которое господствовало тогда между студентами университета, благодаря вліянію такихъ профессоровъ какими тогда были Яковкинъ (Илья Ѳедоровичъ), Тимьянскій (Василій Ильичъ), Ибрагимовъ (Николай Михайловичъ) и Фуксъ. * Восторженный идеализмъ въ соединеніи съ значительною долей сентиментальности, увлеченіе Карамзинымъ, страсть къ театру, литературѣ, вотъ чѣмъ отличалось направленіе университетской казанской молодежи того времени (1805—1815). Подъ такими-то вліяніями, заимствуемыми отъ братьевъ, проходила жизнь Поликсеніи Ивановны. Выйдя замужъ за Ѳ. М. Рындовскаго, литератора-Малоросса, она не имѣла надобности отказаться отъ своихъ прежнихъ наклонностей и привычекъ. Поэтому нечего удивляться что въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ домъ Рындовскихъ былъ въ Казани если не первымъ литературнымъ домомъ, то вторымъ послѣ Фуковъ. У нихъ былъ обширный кругъ знакомства, литературные вечера и домашніе спектакли. У Рындовскихъ было четверо дѣтей, два сына (Александръ и Владиміръ) и двѣ дочери (Софья и Татьяна). Сыновья учились въ гимназіи вмѣстѣ со Второвымъ-сыномъ. Богатые можетъ-быть лѣвобережными идеалами, Рындовскіе очень нуждались въ средствахъ и вошли въ большіе долги;

* Впрочемъ С. Т. Аксаковъ, товарищъ Панаевыхъ по гимназіи и университету и съ юности уже шиковскій, указываетъ нѣсколько на цѣлыя вліянія и всего болѣе останавливается на Ибрагимовѣ (см. въ *Воспоминаніяхъ*, отдѣлъ *Гимназія*, періодъ второй, стр. 263—327).

дѣла ихъ стали разстраиваться съ того времени когда зрѣніе начало измѣнять Федору Михайловичу, очевидно, плохому житейскому практику. Старикъ Второвъ любилъ Рындовскихъ съ нѣкоторою нѣжностію, чему, кажется, способствовала весьма симпатическая личность Поликсеніи Ивановны: онъ былъ въ восторгѣ когда узналъ что сынъ его подружился съ „Сашенькой и Володенькой“ Рындовскими; онъ искренно печалился когда узнавалъ что его Николенка рѣдко бываетъ у „почтенныхъ и любезныхъ Федора Михайловича и Поликсены Ивановны“. „Спасибо, мой дружокъ, пишетъ онъ сыну въ годъ выхода поэмы *Сотвореніе Мира*, что ты подписался на книгу Федора Михайловича; ибо, кромѣ того что онъ прекрасный и достойный человекъ, книга его очень хорошая.“ Но не ограничиваясь этимъ, Второвъ принималъ участіе и въ ихъ дѣлахъ и помогалъ имъ въ облегченіи или въ разсрочкѣ какого-то значительнаго долга, что и удалось ему устроить благодаря его знакомству съ кредиторами (братьями Путиловыми). Знакомство съ В. И. Панаевымъ еще болѣе сближало его съ Рындовскими.

Къ тому же времени относится знакомство и сближеніе Второва съ Александрю Андреевною Фуксъ, супругой профессора, которую онъ называетъ „казанскою стихотворкой“; съ мужемъ ея, какъ мы видѣли, онъ былъ знакомъ давно. Но прежде скажемъ о мужѣ, а потомъ о женѣ.

Профессоръ Фуксъ болѣе четверти вѣка принадлежалъ Казанскому университету и болѣе сорока лѣтъ городу Казани. Въ исторіи города и еще болѣе въ исторіи университета на его долю выпала такая крупная, такая блестящая роль, какая дается только не многимъ лицамъ, отмѣченнымъ особенными дарованіями. Съ нимъ можно сравнить харьковскаго профессора Кронеберга, первоначальная судьба котораго имѣетъ много общаго съ судьбою Фукса, но который, при всѣхъ своихъ талантахъ, кажется, долженъ будетъ уступить первенство своему казанскому современнику и содлеменнику. Университетскія знаменитости явившіяся въ 30—40 годахъ, Русскіе по происхожденію, составляютъ уже другой типъ ученыхъ, дѣйствовавшихъ при иныхъ обстоятельствахъ, и, стало-быть, сравниваемы съ Фуксомъ и Кронебергомъ быть не могутъ.

Карлъ Федоровичъ Фуксъ родился въ 1779 году, въ небольшомъ городкѣ, въ княжествѣ Нассау. Мать его была дочерью

Гофмана, извѣстнаго медика, изобрѣтателя капель его имени. Живя дома, онъ основательно изучилъ древніе языки и въ 1793 году поступилъ въ Нассаускую академію. Затѣмъ нѣсколько лѣтъ онъ учился въ Геттингенскомъ университетѣ, занимаясь преимущественно медициною и естественными науками. Въ 1798 году онъ получилъ въ Марбургскомъ университетѣ степенъ доктора медицины и сдѣлался практическимъ врачомъ. Въ 1800 году онъ переѣхалъ въ Петербургъ, откуда въ слѣдующемъ году (неизвѣстно, на чей счетъ) дѣлаетъ уже путешествіе по Россіи, съ естественнонаучною цѣлю. Въ 1804 году онъ былъ назначенъ врачомъ при китайскомъ посольствѣ графа Головкина, хотя у Вигеля, при описаніи этого посольства, имени его совсѣмъ не упоминается. По всей вѣроятности, онъ и не ѣздилъ съ Головкинымъ; ибо въ сентябрѣ 1805 года онъ былъ уже назначенъ ординарнымъ профессоромъ естественной исторіи и ботаники во вновь открытый Казанскій университетъ. Кромѣ роднаго, нѣмецкаго, языка, Фуксъ отлично говорилъ по-французски, хорошо выучился русскому и татарскому языкамъ и, кажется, понималъ нѣкоторые восточные. Прелюданіе его, какъ профессора, было увлекательно и живо. Какъ практическій врачъ, онъ пользовался громадною извѣстностію какъ въ Казанской, такъ и во всѣхъ сосѣднихъ губерніяхъ. Состоятельные больные пріѣзжали къ нему толпами; но онъ лѣчилъ и множество бѣднаго люда, не только безмездно, но покупая имъ, на свои деньги, лѣкарства. Кромѣ своего предмета, онъ читалъ въ университетѣ патологію, терапію, занимался клинкою, былъ нѣкоторое время библіотекаремъ, нѣсколько разъ деканомъ врачебнаго факультета и одинъ разъ (до 1827 года) ректоромъ, во время ревизіи генерала Желтухина, послѣ удаленія Магницкаго. Прежде всѣ училища находящіяся въ учебномъ округѣ непосредственно зависѣли отъ университетовъ, и обыкновенно ихъ осматривали (дѣлала *visitation*) профессора. Эти визитаціи дали возможность Фуксу изучить громадный край, входившій въ составъ Казанскаго учебнаго округа, во всевозможныхъ отношеніяхъ. Но, не оставляя ничего безъ вниманія, онъ, кажется, болѣе всего обращалъ вниманія на этнографическія свѣдѣнія: онъ чрезвычайно интересовался инопородцами, знакомился съ ихъ нарѣчіями, изучалъ ихъ преданія. Отъ его высокой наблюд-

дательности не ускользнули и разныя секты нашего раскола: онъ собиралъ раскольничьи рукописи, старопечатныя книги, любилъ бесѣдовать съ раскольниками и не рѣдко являлся ходатаемъ ихъ предъ властью. У Фукса былъ свой собственный кабинетъ разныхъ древностей и рѣдкостей по естественной исторіи, значительное собраніе монетъ, преимущественно восточныхъ, большая и весьма разнообразная бібліотека, въ которой находилась такая, между прочимъ, рѣдкость, какъ Острожская Библія. Всякій европейскій путешественникъ являвшійся въ Приволжскій или Приуральскій край (а ихъ было не мало) прежде всего сближался съ Фуксомъ и получалъ отъ него громадный запасъ свѣдѣній всякаго рода; такъ поступали Гумбольдтъ, Гакстаузенъ и другіе. Вотъ какое впечатлѣніе произвелъ Фуксъ на Сперанскаго, во время посѣщенія имъ (въ 1819 году) Казанскаго университета, о чемъ мы говорили выше: „Профессоръ одинъ, Фуксъ, чудо!... Вечеру визитъ профессору Фуксу. Многообразность его познаній. Страсть и знаніе татарскихъ медалей. Знанія его въ татарскомъ и арабскомъ языкѣ. Благочестивый и нравственный человѣкъ. Весьма дѣятельнъ. Большое его вліяніе на Татаръ по медицинѣ.“ * На обратномъ пути изъ Сибири, пробывъ въ Казани два дня (17го и 18го февраля 1821 года), Сперанскій снова посѣтилъ университетъ и „такъ полюбившагося ему въ первый проѣздъ профессора Фукса“, замѣчаетъ его біографъ. Приводимъ, кстату, воспоминаніе о Карлѣ Федоровичѣ одного изъ лицъ его знавшихъ: **

„На людей его знавшихъ и чѣмъ-либо интересовавшихся Фуксъ производилъ обаятельное впечатлѣніе. Мои личныя воспоминанія слишкомъ ничтожны. Я узналъ этого глубокопочтеннаго старика въ тотъ годъ (1845 года) когда кончилъ курсъ, а этотъ годъ былъ послѣднимъ въ его жизни. Я

* Это выдержки изъ дневника Сперанскаго. Гр. М. А. Корфъ *Жизнь графа Сперанскаго*, II, 190.

** Профессора Казанскаго университета Н. Н. Булица, обязательно доставившаго намъ матеріалы для очерка четы Фуксовъ. Изъ капитальныхъ сочиненій К. Ф. Фукса можно указать на *Путешествіе по Казанской губерніи, Краткую исторію города Казани, Казанскіе Татары въ статистическомъ и этнографическомъ отношеніи*. По мнѣнію спеціалистовъ, эти сочиненія въ своемъ родѣ классическія.

встрѣтился съ Фуксомъ на Сергіевскихъ сѣрныхъ водахъ, этомъ для многихъ памятномъ мѣстѣ, которое, безъ сомнѣнія, не разъ встрѣчается и въ воспоминавіяхъ старика Второва. Жилъ я тамъ тогда не долго, но бывалъ у Фукса, пріѣхавшаго туда, кажется, для больной и единственной дочери. Надобно замѣтить что жена его, извѣстная повѣстесса, сразу не влюбилась меня, кажется, за рѣзкіе отзывы о поэзіи вообще, а можетъ-быть и о ея собственной, отзывы извиняемые только молодостью. Но съ дряхлымъ, хотя и бодрымъ умственно старикомъ я раза два ѣздилъ въ окрестности. Онъ ботанизировалъ; я слушалъ его рассказы и сужденія и заслушивался! Я только-что написалъ тогда кандидатскую диссертацию о Шеллингѣ и его философіи; былъ свѣжо знакомъ съ его идеями о природѣ, увлекался Слизозомъ, его *natura naturans* и *naturata*. Фуксъ какъ бы раздѣлялъ мое молодое увлеченіе. Предо мною и теперь, какъ живое, стоитъ это старческое, большое, съ крупными, немногочисленными чертами лицо, напоминающее бюстъ Гёте въ старости, и раздается его шелестящая, какъ у Грановскаго, но полная умственной бодрости рѣчь. Я помню какъ онъ объяснялъ общій характеръ, или скорѣе общую краску флоры разныхъ поясовъ и сравнивалъ синій колоритъ пиренейскихъ долинъ съ тѣмъ блѣдно-желтымъ ковромъ какой мы видѣли предъ собою.“

Какъ человекъ, К. Фуксъ не изъять былъ отъ слабостей. Онъ, на примѣръ, былъ характера очень мягкаго и чрезчуръ уклончиваго; впрочемъ, этотъ недостатокъ помогъ ему удержаться при Магницкомъ, хотя послѣдній долженъ былъ нуждаться въ немъ, какъ въ отличномъ практическомъ врачѣ. Любопытно что Магницкій, предлагая уничтоженіе Казанскаго университета и рекомендуя вмѣсто него медицинскій факультетъ, указывалъ на Фукса какъ на его директора. При ревизіи генерала Желтухина, Фуксъ былъ на сторонѣ противниковъ полечителя. * Была у Карла Федоровича одна слабость, о которой знала чуть не вся Казань и по поводу которой многіе надъ нимъ подтрунивали: онъ былъ большой ловеласъ и поклонникъ женской красоты.

* Е. М. Феоктистовъ, *Магницкій* (*Русскій Вѣстникъ* 1864 года, июль—августъ).

Жена Фукса, Александра Андреевна Алѣхтина, была родная племянница казанскаго поэта Г. П. Каменева, о которомъ будетъ сказано ниже. Она была очень недурна собою, ловка, умна и отъ дяди унаслѣдовала страсть къ стихотворству, которымъ занималась съ увлеченіемъ отъ молодыхъ лѣтъ. По смерти матери, она жила и воспитывалась въ домѣ родной своей тетки Дѣдовой, гдѣ и познакомилась съ немъ Фуксъ, какъ практическій врачъ. Разказывали что призванный лѣчить ее отъ какой-то неважной болѣзни, скоро прошедшей, онъ, имѣя уже болѣе сорока лѣтъ, увлекся поэтической дѣвушкой и любезничалъ съ нею, нисколько, впрочемъ, не помышляя о бракѣ. Но однажды, въ то время когда онъ упалъ предъ нею на колѣни и началъ распространяться о своихъ чувствахъ, явилась громко позванная тетка, гжа Дѣдова, и дала свое согласіе на просимую руку племянницы. Не менѣе оригинальна была и свадьба, происходившая (лѣтомъ 1821) въ деревнѣ богатыхъ родственниковъ невѣсты, Невловыхъ, недалеко отъ Казани. Въ самый день свадьбы, Фуксъ съ утра отправился въ лѣсъ ловить бабочекъ и насѣкомыхъ и совершенно забылъ о предстоящемъ торжествѣ. Приходить и проходить часъ назначенный для вѣчанія,—женуха нѣтъ; невѣста въ отчаяніи, гости въ тревогѣ. Вся эта суматоха до тѣхъ поръ продолжалась пока разосланная прислуга не отыскала въ лѣсу ученаго жениха. Эти анекдоты были извѣстны всей Казани, и по поводу-то ихъ П. М. Нилова жестоко трюнула надъ Карломъ Федоровичемъ; впрочемъ и самъ онъ относился къ исторіи своей любви нѣсколько юмористически. Семейная жизнь Фуковъ, имѣвшихъ пятерыхъ дѣтей, кажется, не сопровождается никакими бурями, не отнесется до нашего разказа. Но бракъ знаменитаго ученаго съ умною и поэтической А. А. Алѣхтиной составилъ эпоху въ исторіи Казани: въ домѣ Фуковъ образовался литературный салонъ, который держался четверть вѣка: безпримѣрное явленіе въ исторіи русскихъ провинцій. Стихотворенія А. А. Фуксъ печатались въ казанскомъ литературномъ журналѣ *Заволжскій Муравей* (1832—1834). Фуковъ, какъ извѣстно, посѣтилъ въ сентябрѣ 1833 года Пушкинъ, о пребываніи котораго въ Казани разказала потомъ (*Каз. Губ. Вѣд.* 1844, № 2) Александра Андреевна. Великій поэтъ, по словамъ его біографа, „съ живою благодарностію покинулъ и Казань, и семейство Фукса“ (*Соч. Пушкина*, изд.

П. В. Анненкова, 1, 371—372). Но встрѣча съ Пушкинымъ оставила еще болѣе замѣтный слѣдъ, чѣмъ указанное воспоминаніе, въ литературной семьѣ Фуксовъ. Несомнѣнно подъ вліяніемъ мужа, Александра Андреевна, написавшая такъ много стиховъ, обратилась потомъ къ этнографическимъ замѣткамъ и сочиненіямъ; въ этомъ родѣ она оставила труды очень почтенные и теперь еще не потерявшіе своей цѣнности, таковы: *Польздка къ Вотьякамъ* (Каз. Губ. Вѣд. 1844), и *Записки о Чувашахъ и Черемисахъ* (отдѣльная книга, напечатанная въ Казани въ 1840). Вліянію Пушкина можно приписать написанный (но не напечатанный) ею романъ: *Зюлима, или Пугачевъ въ Казани*, снабженный предисловіемъ Карла Фёдоровича, въ которомъ, между прочимъ, говорится: „Въ 1833 году, А. С. Пушкинъ, проѣзжая въ Оренбургскую губернію, останавливался на однѣ сутки въ Казани. Я имѣлъ счастье видѣть этого знаменитаго поэта въ моемъ домѣ и провести нѣсколько пріятнѣйшихъ, незабвенныхъ часовъ въ бесѣдѣ съ нимъ. Онъ желалъ получить отъ меня нѣкоторыя свѣдѣнія о пребываніи Пугачева въ Казани; но я, никогда не занимаясь этимъ предметомъ, не могъ въ полной мѣрѣ сдѣлать ему угодное, однакожь передалъ все что зналъ до того времени. Его обязательная признательность за такія маловажныя услуги мои заставила меня дать ему слово заняться этимъ предметомъ серіознѣе; къ сожалѣнію, не имѣя довольно свободнаго времени, не могъ я скоро исполнить желанія незабвеннаго Пушкина. Смерть похитила его у Россіи и лишила меня счастья показать ему мою преданность исполненіемъ его желанія; однако я взялъ твердое намѣреніе, и по смерти его, сдержать данное ему слово, чтобъ исполняя волю его, принести признательную дань и незабвенному его праху. Четыре года я собиралъ, съ неусыльнымъ стараніемъ, всѣ свѣдѣнія, всѣ историческія истины, всѣ рукописи и изустныя сказанія казанскихъ старожиловъ, бывшихъ очевидными свидѣтелями тогдашнихъ происшествій при самозванцѣ Пугачевѣ...“ *

* Сообщено Н. Н. Буличемъ. Извѣстіе о написаніи романа *Зюлима* гжой Фуксъ было напечатано въ *Каз. Губ. Вѣд.* 1843, № 44. По смерти мужа (1846), А. А. Фуксъ уже ничего болѣе не писала и не печатала, но литературный салонъ еще года три-четыре поддерживала, до замужества дочери. Она скончалась въ 1853 году.

Познакомившись съ Александрой Андреевной, Второвъ сталъ часто бывать въ домѣ Фуковъ, гдѣ собиралась вся тогдашняя казанская интеллигенція и гдѣ происходили литературные вечера, правильно организованные; но „казанская стихотворка“, кажется, не пользовалась симпатіями нашего героя: щедрый на похвальные эпитеты, онъ не даетъ ей ни одного. Въ домѣ Фуковъ Второвъ познакомился съ Баратынскимъ (Евген. Абрамов.). Женатый на дочери Л. Н. Энгельгардта (автора извѣстныхъ *Записокъ*), Баратынскій пріѣзжалъ иногда въ женино имѣніе, Каймары, не далеко отъ Казани. Бывая въ деревнѣ, онъ пріѣзжалъ и въ Казань, гдѣ имѣлъ нѣкоторыхъ знакомыхъ, въ томъ числѣ и Фуковъ.

(До слѣд. №.)

ДЕ-ПУЛЕ.

ВОЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ ПРУССІИ

РОМАНЪ ГАКЛЕНДЕРА *

СОКРАЩЕННЫЙ ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I. Родители и родина героя.

Нашъ разказъ начинается въ старомъ домѣ, построенномъ на высокомъ холмѣ, среди густаго пограничнаго лѣса. Тамъ, съ холма, изъ-за величественныхъ сосенъ и елей открывается прекрасный видъ на живописныя вершины значительнаго хребта горъ, на далекіе луга, засѣяныя поля, перемежающіяся сверкающими поверхностями озеръ.

Этотъ домъ издавна былъ жилищемъ лѣсничаго. Нѣкогда онъ былъ хорошо выбѣленъ и глядѣлъ привѣтливо. Потомъ отъ времени онъ сдѣлался какъ бы кофейнаго цвѣта и пришелъ въ такую ветхость что ежеминутно можно было опасаться его разрушенія. Однако онъ не разрушался и можетъ-быть и теперь стоитъ невредимо. Этому онъ не столько обязанъ прочности известковаго раствора, сколько деревяннымъ стѣнамъ и той прочной, непопятной связи которая образуется въ постройкахъ между камнемъ и деревомъ.

* *Der letzte Bombardier* von F. W. Hackländer.

Лѣсничій оставилъ домъ, опасаясь что онъ не выдержитъ напора вѣтра, нерѣдко бурно устремлявшагося съ горъ, и постройка рухнула бы еслибы не нашелся жилецъ сумѣвшій искусно подправить и поддержать ее.

Этотъ жилецъ служилъ прежде въ артиллеріи унтеръ-офицеромъ и получилъ затѣмъ гражданское мѣсто, послѣ долгой и усердной службы. Онъ былъ сдѣланъ коннымъ таможеннымъ надсмотрщикомъ. Этому мѣсту было присвоено небольшое содержаніе, фуражъ для лошади, но квартиры не полагалось. Онъ самъ устроился въ домѣ покинутомъ лѣсничимъ, и такъ былъ доволенъ своимъ жилищемъ что не безъ гордости хвалился своимъ лѣснымъ замкомъ въ трактирѣ, стоявшемъ подъ горою. Съ сознаніемъ собственного достоинства давалъ онъ замѣтить что слесобный артиллеристъ, при помощи ловкаго маневра, можетъ достигнуть невѣроятнаго.

— Тотъ, обыкновенно говаривалъ онъ, — тотъ кто дѣйствовалъ какъ я въ виду стараго полковника фонъ-Туксена, изъ орудія у котораго не доставало лѣваго колеса у передка, а на мѣстѣ праваго колеса было подвязано бревно, тотъ не задушается справиться со старымъ домомъ.

Таможенный надсмотрщикъ былъ женатъ, но его жена умерла прежде нежели онъ оставилъ военную службу. Еслибъ она была жива, онъ бы не торопился пріисканіемъ гражданского мѣста. Это была аккуратная, прилежная женщина, прекрасно занимавшаяся хозяйствомъ. Она хозяйничала на всѣхъ офицеровъ батарей, стирала ихъ бѣлье и нерѣдко готовила имъ ужинъ. У нея было кромѣ того нѣсколько десятковъ нахлѣбниковъ унтеръ-офицеровъ, бомбардировъ, вольноопредѣляющихся и рядовыхъ. Она была слесобна на все и все за что ни бралась, дѣлала съ особымъ умѣемъ. Никто не могъ понять откуда у нея бралось столько времени. Въ свободныя минуты она работала шляпки и челчики для своихъ закащиковъ въ городѣ и находила еще время по вечерамъ давать уроки музыки единственному сыну своему, герою нашего романа, на старомъ, разбитомъ фортепіано, принадлежавшемъ вахмистру.

Унтеръ-офицерша Фрейбергъ была во всѣхъ отношеніяхъ превосходная, честная женщина и обладала когда-то необыкновенною красотою. Многіе знавали ее въ молодости и нерѣдко вспоминали объ этомъ. Даже батарейный командиръ,

старый калитанъ Гейцельманъ, увидѣвъ ее безукоризненно одѣтою и переходящею дворъ легкою постулюю, не могъ удержаться чтобы не сказать первому поручику:

— Послушайте, мой милый, еслибы въ жизни моей я встрѣтилъ подобную женщину, разумѣется, при извѣстныхъ условіяхъ, армія обогатилась бы калитаншею Гейцельманъ.

Прошедшее гжи Фрейбергъ мало извѣстно. Нѣкоторые увѣрѣвали что она, будучи хорошаго происхожденія, служила горничною дѣвушкою въ знатномъ домѣ, но ей было очень трудно жить тамъ и она согласилась на предложеніе красиваго воина. Другіе же рассказывали что она занимала незначительное мѣсто при театрѣ и не разчитывала на дальнѣйшій успѣхъ. Съ досады она вышла за перваго встрѣчнаго, какъ это часто случается. Несомнѣнно что она обладала музыкальнымъ талантомъ и въ молодые годы пѣла романсы, сама себѣ аккомпанируя на фортепiano. Пѣніе ея обладало много художественнаго вкуса.

Къ сожалѣнію, она рано умерла. Послѣ ея смерти, Фрейбергъ былъ не въ силахъ оставаться въ казармахъ, и рекомендованный своимъ батарейнымъ командиромъ, онъ получилъ гражданское мѣсто, обязанности котораго отнимали у него много времени и льстили его честолюбію. Какъ и прежде, онъ отправлялъ свою службу сюда на конѣ и притомъ сюда на собственномъ конѣ. Нерѣдко случались заманчивыя преслѣдованія контрабандистовъ. Прежній унтеръ-офицеръ былъ склоненъ къ поэзіи. Проѣзжая на разсвѣтѣ зеленый лѣсъ, онъ любовался постепеннымъ пробужденіемъ природы. Нерѣдко приостанавливалъ онъ своего коня предъ живописно освѣщеннымъ горнымъ ущельемъ или для того чтобы полюбоваться неожиданно раскрывшеюся поляной, освѣщенной утреннимъ солнцемъ.

Даже теплая ночь, въ которыя онъ медленно объѣзжалъ границу или подкарауливалъ въ засадѣ подозрительныхъ людей, имѣли для него особую прелесть, несмотря часто на бурю и дождь. Воротившись въ такіе вечера домой и надѣвъ свою грубую, но теплую куртку, онъ съ особеннымъ восторгомъ описывалъ своему маленькому сыну про лѣсную жизнь, или рассказывалъ ему изъ прошлаго о большихъ ларадахъ или особенно удавшихся маверахъ.

Мальчику было двѣнадцать лѣтъ. Его особенно интересовало все относящееся къ военной службѣ. Это былъ ребѣ-

нокъ со счастливыми наклонностями, унаслѣдовавшій хорошія качества своей матери, а отъ отца энергію и упрямство. Наружность его имѣла пріятное сходство съ его родителями. Нѣжныя черты его лица, большіе, темные, выразительные глаза, свѣтлые, вьющіеся отцовскіе волосы, смягчали нѣсколько гордое выраженіе лица. Это гордое выраженіе лица, въ соединеніи съ крѣпкимъ сложеніемъ, давало ему поразительное сходство съ отцомъ.

О его характерѣ ничего нельзя было сказать дурнаго, но онъ много бы выигралъ еслибъ его кроткая, благоразумная мать прослѣдила за его воспитаніемъ до юношескаго возраста. Послѣ же ея смерти онъ остался безъ должнаго присмотра. Отецъ взялъ къ себѣ старую родственницу для завѣдыванія хозяйствомъ, которая была не хуже и не лучше другихъ женщинъ и отличалась только своею глухотой. Нужно было говорить съ нею медленно, внятно и громко, отчего мальчикъ привыкъ говорить громко и ясно, какъ бы онъ командовалъ предъ фронтомъ. Отцу это очень нравилось и онъ рѣшилъ что его сынъ избересть военную карьеру. Старикъ былъ увѣренъ что его сынъ будетъ хорошимъ артиллерійскимъ офицеромъ еще въ молодыхъ годахъ. Какъ бы для своего будущаго назначенія, молодой Фрейбергъ въ ежедневномъ обращеніи съ слугою и старою Лизою изучалъ главныя основанія субординаціи: безусловное молчаніе предъ старшими. Для нея было рѣшительно все равно противорѣчилъ онъ ей или нѣтъ. Она не слушала его и продолжала свои разсужденія. Мальчикъ выбралъ самое благоразумное: терпѣливо переносилъ ея рѣчи, не дѣлая ни малѣйшаго возраженія.

Эрикъ—это имя дано было ему старымъ капитаномъ Гейнвельманомъ, его крестнымъ отцомъ—посѣщалъ школу, находившуюся въ сосѣдней деревнѣ. Кромѣ того онъ бралъ частныя уроки у учителя, господина Шмельцера, обучавшаго его рисованію, математикѣ и началамъ французскаго языка. Передавъ своему ученику все что зналъ, учитель добродушно сталъ снова проходить то же что проходилъ прежде. Такимъ образомъ нашъ герой не пошелъ дальше первыхъ буквъ великой азбуки человѣческаго знанія. Несравненно основательнѣе были тѣ познанія которыя онъ потерялъ изъ окружающей его природы. Лѣсъ, степь, глубокая и быстрая сосѣдняя рѣка, все было для него полно

значенія. Онъ взбирался на самыя высокія деревья, спускался въ самыя глубокія рвы, дѣлалъ самыя смѣлыя прыжки. Онъ даже бросался съ утеса въ шумныя волны рѣки. Онъ погружался, смѣясь, въ самую глубину и долго плылъ подъ водою, плылъ далеко и потомъ олять показывался надъ поверхностью рѣки. Даже старая лошадь его отца была для него средствомъ обогатить свои познанія. Послѣ первыхъ же наставленій, сидѣлъ онъ на сѣдлѣ покойно и увѣренно. Онъ научился также ходить за лошадыю. Часто по утрамъ онъ ее чистилъ. И бывшій унтеръ-офицеръ не могъ нарадоваться глядя съ какимъ умѣньемъ и усердіемъ его сынъ пользовался скребницей.

Но эти игры и занятія вскорѣ утратили для него свою прелесть. Однажды старый, угрюмый учитель Эриха, глубоко привязавшійся къ мальчику, показалъ ему пожелтѣлыя ноты. Потомъ онъ началъ объяснять ему смыслъ и значеніе этихъ круглыхъ или перечеркнутыхъ головокъ. Покойная мать его не объясняла ему этого, да можетъ-быть и не умѣла. Но какъ удивился школьный учитель когда Эрихъ сѣлъ за церковный органъ и началъ играть небольшія пьески. Съ этихъ поръ начались уроки музыки.

Господинъ Шмельцеръ самъ глубоко любилъ музыку. Замѣтивъ какъ воспріимчива была душа мальчика, онъ понялъ что терпѣньемъ и временемъ можно будетъ создать изъ него вѣчто прекрасное. Эриху было четырнадцать лѣтъ. Онъ страстно любилъ стрѣлять, плавать, ѣздить верхомъ. Онъ проводилъ цѣлыя дни, цѣлыя ночи въ лѣсу. Сердце и умъ его были воспріимчивы въ высшей степени. Все что онъ видѣлъ, все производило на него впечатлѣніе, на все откликалась его душа. Соображаясь со всѣмъ сказаннымъ, можно было ожидать что сухое, отвлеченное изученіе основныхъ правилъ музыки скорѣе могло оттолкнуть мальчика, нежели привлекаетъ его. Вышло наоборотъ. Онъ не могъ дожидаться той минуты когда господинъ Шмельцеръ, окончивъ занятіе въ школѣ, скроется съ нимъ въ церкви. Учитель заиралъ за собою дверь и на клавишахъ органа объяснялъ ему практически правила которыя предъ тѣмъ указалъ ему на нотахъ.

Нелостижимо скоро понялъ онъ значеніе интерваловъ, секунды, терціи, кварты, квинты, сексты, септими; онъ легко составлялъ аккорды во всевозможныхъ тонахъ. Старый учитель былъ счастливъ. Онъ видѣлъ въ своемъ ученикѣ не

обыкновенный талантъ, а геній. Сила и смѣлость игры Эриха поражала иногда господина Шмельцера до того что у него захватывало духъ. Эрихъ дѣлалъ громадныя успѣхи не въ одной теоріи. Его игра на органѣ усовершенствовалась.

Случилось неожиданное событіе. Таможенный надсмотрщикъ Фрейбергъ вернулся домой въ одно пасмурное декабрьское утро, послѣ своей ночной службы, совершенно больнымъ и разслабленнымъ. Онъ былъ блѣденъ, обезображенъ и почти висѣлъ на своей хромои лошади. Бѣдное животное едва дотащилося до конюшни. Здѣсь оно терпѣливо ждало пока Эрихъ и глухая родственница его помогли старику сойти съ лошади. Старика отвесилъ домой. Его лѣвая нога была сломана, а лѣвая рука вывихнута. Деревенскій цирюльникъ, уложивъ его въ постель и осмотрѣвъ его увѣчья, побѣжалъ тотчасъ же въ сосѣдній городокъ. Здѣсь онъ отыскалъ хорошаго хирурга и просилъ его пойти съ нимъ въ деревню. „Видите ли“, сказалъ онъ глухой родственницѣ, высоко поднявъ руки, „я не въ силахъ все это исправить“. Но вспомнивъ что она глуха и не можетъ его понять, онъ началъ всевозможными движеніями представлять безпомощнаго человѣка, изобразивъ при этомъ больнаго въ видѣ сложеннаго перочинаго ножа.. Потомъ онъ, поднявъ быстро руки, вышелъ.

Эрихъ сидѣлъ у постели своего отца. Старикъ, пересиливавшій себя все время, лежалъ теперь въ глубокомъ обморокѣ. Пришелъ школьный учитель и съ помощью укеуса и напатырнаго спирта старался привести больнаго въ себя. Наконецъ, послѣ разныхъ усилій, это удалось. Старикъ открылъ глаза и взглянулъ на сына. Эрихъ сидѣлъ блѣдный, разстроенный, со сложенными руками. Его большіе, темные глаза были устремлены на отца боязливо, пристально. Тогда этотъ суровый, твердый старикъ не выдержалъ. Онъ притянулъ правою рукою сына къ себѣ и, прижавъ свое лицо къ его свѣтлымъ, вьющимся волосамъ, зарыдалъ какъ ребенокъ.

Шмельцеръ потихоньку вышелъ и возвратился со стаканомъ согрѣтаго вина, выпрошеннаго имъ у трактирщика. Послѣдній потомъ разказывалъ что Шмельцеръ выпрашивалъ у него это вино съ такимъ видомъ что еслибъ отказать ему, то пожалуй онъ готовъ бы былъ покуситься на убійство. Подкрѣпленный виномъ, таможенный надсмотрщикъ могъ разказать о своемъ несчастіи. Разказъ его прерывался кашлемъ; онъ дышалъ съ трудомъ.

Подозрѣвая что контрабандисты выбрали предшествовавшую темную декабрьскую ночь чтобы обдѣлать свои дѣла, онъ уже напалъ на ихъ слѣдъ, когда его лошадь поскользнулась и онъ упалъ вмѣстѣ съ нею съ высокаго обрыва.

— Такъ лежалъ я, сказалъ онъ, — болѣе часа, прежде нежели опомнился. Мѣсяцъ свѣтилъ изъ-за облаковъ. Вокругъ меня стояли люди, которыхъ при другихъ обстоятельствахъ я бы не затруднился застрѣлить, но тутъ я долженъ былъ допустить чтобы они подыали меня и осторожно посадили на лошадь. Они же вывели меня на большую дорогу, которая ведетъ сюда, черезъ Кёнигсдорфъ. Они не говорили со мною ни слова. Одинъ только тихо спросилъ своего товарища: „Не слѣдуетъ ли намъ проводить его до деревни?“ На это тотъ отвѣчалъ: „Сѣрка хорошо стоитъ на ногахъ и знаетъ дорогу.“ Самъ я не различалъ пути и когда подѣхалъ къ дому, то мнѣ казалось что мы объѣхали весь міръ. Теперь пусть будетъ какъ Богу угодно.

Черезъ нѣсколько времени пришелъ хирургъ и при помощи цирюльника слѣлалъ перевязку. Онъ привезъ съ собою и лѣкарство. Сказавъ чтобы больнаго не беспокоили, онъ приказалъ опустить шторы, взялъ за руку мальчика и вышелъ въ другую комнату. За нимъ послѣдовалъ и г. Шмельцеръ. Тамъ онъ отдалъ необходимыя приказанія, обѣщавъ придти на слѣдующее утро, и на вопросъ Шмельцера отвѣчалъ, пожимая плечами:

— Знаете ли, имѣя въ виду его крѣпкое сложеніе, я бы не безпокоился за исходъ излома ноги и вывиха руки. Но здѣсь, — докторъ указалъ на собственную грудь, — здѣсь онъ получилъ довольно сильный ударъ, который и заставляетъ меня всего опасаться. Быть-можетъ я и ошибаюсь.

На этотъ разъ, однако, хирургъ не ошибся. Лучшее всего это чувствовалъ самъ таможенный надсмотрщикъ и высказалъ это Шмельцеру, когда они были безъ Эриха. Шмельцеръ взялся устроить нѣкоторыя дѣла умирающаго и написать нѣсколько писемъ прежнимъ товарищамъ и начальникамъ. Между прочимъ, онъ написалъ старому капитану Гейнцельману, отвѣтъ отъ котораго пришелъ не очень-то скоро, да притомъ не успокоительный.

Капитанъ писалъ: „Любезный таможенный надсмотрщикъ, бывший артиллерійскій унтеръ-офицеръ Фрейбергъ, — Прошло нѣкоторое время, прежде чѣмъ я вспоминалъ вашу особу.

Предъ носомъ каждаго начальника проходить столько людей что необходимо было прежде вспомнить вашу жену, нашу превосходную такъ-называемую „хозяйку“, чтобы быть au fait. Но что же мнѣ сказать относительно вашего вопроса? Прежде всего, самъ я, съ весьма тощимъ пенсіономъ, отправленъ на покой и каждый день думаю: „чортъ лобери эту каторгу, которая дается нѣсколько лѣтъ и которую называютъ военною службой!“ Будь у меня сынъ, любезный Фрейбергъ, я бы не допустилъ его до этого бѣдствія, развѣ бы онъ самъ захотѣлъ испытать его, да и то еслибъ онъ имѣлъ при этомъ большія познанія, былъ исполненъ воинскаго духа и имѣлъ бы сильную протекцію. Что же касается вашего сына, то я глубоко его сожалею, если онъ разчитываетъ на мою протекцію. Чего я самъ добился? Ничего, даже не достигъ майорскаго чина: Капитанъ я есмь, капитаномъ я и умру. Затѣмъ прощайте и пощите для вашего сына что-нибудь лучше.“

Письмо же полученное отъ брата покойной жены Фрейберга г. Шмельцеръ не считъ даже удобнымъ показывать ему. Писавшій занимался торговлей въ небольшомъ городкѣ и нѣсколькими словами выразилъ удивленіе, почему онъ удостоился получить письмо отъ бывшаго унтеръ-офицера г. Фрейберга. Онъ помнитъ что уже нѣсколько лѣтъ назадъ было условлено не признавать этого родства, „а за тѣмъ имѣю честь быть съ глубоколочитаніемъ“ и т. д.

Странно было еще то что письмо капитана Гейнцельмана, уничтожившее самыя завѣтныя мечты отца Эриха, не подействовало на него такъ сильно, какъ можно было предполагать. Сильно страдая, онъ мало-по-малу сталъ совершенно равнодушенъ ко всему и даже не спросилъ удостоилъ ли деверь его отвѣтомъ. Къ сыну онъ привязался самою нѣжною любовью. Только тогда когда послѣдній сидѣлъ у его постели, онъ, казалось, забывалъ и боль, и страданія и горе. Онъ, глядя на сына, ласково улыбался, глаза его тогда сіяли и своею дрожащею правою рукою онъ то гладилъ бѣлокурую голову Эриха, то пожималъ ему руку. Прежде онъ тоже не былъ жестокимъ и крутымъ съ сыномъ. Но въ немъ осталось много прежней солдатской грубости. Онъ часто прибѣгалъ къ ней, считая ее необходимою и думая такимъ образомъ возстановить между собою и сыномъ нѣкоторую субординацію. Онъ, казалось, хотѣлъ теперь своею нѣжностью

вернуть всю любовь сына, которую онъ утратилъ. Эрихъ былъ счастливъ этими проявленіями нѣжности и любви. Но онъ замѣчалъ, въ то же время, какъ взгляды хирурга становились все серіознѣе. Однажды утромъ, онъ даже слышалъ какъ тотъ сказалъ: „Имѣйте въ виду, г. учитель, онъ скоро тихо преставится“.

Такъ и случилось. Въ одно теплое мартовское утро, Эрихъ, войдя въ комнату больного, сдвинулъ съ оконъ занавѣси. Яркіе солнечные лучи проникнувъ въ комнату освѣтили больного. На лицѣ его сіяла кроткая, невообразимо счастливая улыбка. Долго стояли предъ нимъ Эрихъ и тихо вошедшій въ комнату школьный учитель. Они предполагали что больной спитъ. Они ошибались. Онъ скончался.

Все послѣдующее было до того грустно, тяжело и въ то же время неизбежно что лучше и не вспоминать объ этомъ.

Старый таможенный надсмотрщикъ умеръ и на его мѣсто поступилъ другой. Домикъ покойнаго Фрейберга показался ему слишкомъ ветхимъ. Онъ отказался отъ него. Сѣрку онъ оставилъ за собою. Лошадь легче перенесла послѣдствія паденія нежели ея бывшій господинъ. Деревенскій ветеринаръ вылѣчилъ или, какъ онъ выражался, „починилъ“ ее.

Старая глухая родственница Эриха собрала лошадей похоронъ свои пожитки. Эрихъ спросилъ куда она намѣрена уйти. Она не слышала и не поняла его. Однако желая его утѣшить, она взглянула на небо и нѣсколько разъ показывала туда указательнымъ пальцемъ. Потомъ она, несмотря на всѣ его увѣщанія, уѣхала. Г. Шмельцеръ успокоилъ его, сказавъ что въ городѣ живетъ сестра старой Лизы, и что она уѣхала къ ней.

— А я, кого я имѣю? Кто ждетъ меня? Никто, никто, никто!

Г. Шмельцеръ увелъ его къ себѣ. Онъ приготовилъ Эриху постель за маленькою перегородкой, рядомъ со школьною комнатою. Затѣмъ онъ увѣщевалъ его подчиниться на первое время судьбѣ, а потомъ спокойно обдумать что дѣлать дальше.

Куда дѣлись его завѣтныя, блестящія мечты и всѣ эти чудныя картины солдатской жизни!.. Какъ далеки онъ отъ него, какъ недосагаемы!..

Мѣстный пасторъ дѣятельнѣе всѣхъ заботился о томъ чтобъ обезпечить дальнѣйшую судьбу Эриха. Онъ далъ ему

рекомендательное письмо къ мельнику Бурбусу, жившему около Цвингенберга. Этотъ мельникъ былъ большой оригиналь. Человѣкъ образованный, докторъ медицины, онъ ходилъ въ платьѣ простаго селянина, хотя и изъ тонкаго сукна, и отличался благотворительностью. Не одного молодого человѣка направилъ онъ уже на истинный путь и не одному помогъ въ жизни.

II. Война въ мирное время.

Все что осталось по смерти отца Эриха, было продано. Долги были уплачены и на остальные деньги куплены черныя сюртукъ и необходимое бѣлье. Г. Шмельцеру удалось даже, несмотря на строгіе взгляды пастора, удѣлить Эриху нѣсколько музыкальныхъ твореній. Такимъ образомъ Эрихъ, въ одно прекрасное утро, отправился въ путь, имѣя при себѣ рекомендательное письмо.

Школьный учитель сопровождалъ его до ветхаго дома, въ которомъ Эрихъ еще такъ недавно жилъ. Какъ измѣнилось все, какъ печально стало здѣсь въ эти немногіе мѣсяцы! Какъ разрушительно подѣйствовали на это убогое зданіе дождь и вѣтры. Между тѣмъ природа жила полною жизнью. Роскошная зелень лѣсовъ и ароматы полевыхъ цвѣтовъ тѣшили зрѣніе и обоняніе. Птицы весело чирикавая перелетали съ вѣтки на вѣтку. Какимъ ароматомъ, какою нѣгой былъ наполненъ воздухъ! По голубому небосклону тихо скользили легкія, бѣлая облака. А жаворонокъ будто утѣшая пѣлъ: „все будетъ попрежнему хорошо“. Онъ высоко поднялся и скрылся въ голубой дали. Эрихъ долго слѣдилъ за нимъ. Потомъ взглядъ его улетѣлъ на далекія, покрытыя снѣгомъ, горы. По направленію къ нимъ лежалъ его путь. Онъ взглянулъ еще на продолговатое, темно-синее озеро, которое онъ также долженъ миновать. Станный, таинственный блескъ его поверхности, постоянно измѣняющаяся игра красокъ часто и сильно занимали воображеніе мальчика. Особенно ему нравилась одна часть озера, которую при ясной погодѣ онъ отчетливо могъ видѣть. Тамъ лежалъ покрытый роскошною зеленью небольшой островокъ, походившій на роскошный букетъ или вѣнокъ брошенный въ воду.

Наконецъ Эрихъ простился рыдая и съ этой мѣстностью,

гдѣ онъ былъ такъ счастливъ, и со своимъ дорогимъ учителемъ, который былъ такъ добръ къ нему. Ему было трудно уйти. Онъ обошелъ еще разъ вокругъ дома. Онъ касался рукою стѣнъ и разбитыхъ оконныхъ стеколъ; подоѣлкъ къ дверямъ онъ нагнулся и присѣлъ еще разъ, можетъ-быть въ послѣдній разъ, на истоптанныя ступени лѣстницы. Какъ часто сидя здѣсь игралъ онъ съ сосѣдними дѣтми, какъ часто дожидался отца.

— Если мнѣ повезетъ въ жизни, давалъ онъ себѣ обѣтъ, — то я вернусь сюда и построю себѣ великолѣпный домъ съ башнею. Я буду смотрѣть съ этой башни на эти горы, на долину, на этотъ громадный лѣсъ съ его оврагами и ущельями, наконецъ, на это сверкающее озеро.

Хорошій лѣшкодъ достигъ бы Цвингенберга, — такъ называлось мѣстечко около котораго жилъ мельникъ, — въ одинъ день. Конечно, еслибъ онъ шелъ съ раняго утра до ночи. Но Шмельцеръ посоветовалъ ему переночевать въ Кенигсброннѣ.

Переночевавъ въ Кенигсброннѣ, Эрихъ продолжалъ свой путь. Пройдя около милиц, онъ остановился для отдыха у каменнаго милеваго столба.

„Еслибы теперь осѣнилъ меня свѣтлый духъ, думаю онъ положивъ руку на камень. — Мѣсто подходящее. Здѣсь жертвенникъ.... Еслибъ я могъ по полету птицы узнать судьбу свою!“

Но онъ напрасно смотрѣлъ на небо. Небо было чисто, ясно. Вдругъ онъ замѣтилъ очень высоко черную точку. Глазъ у него былъ зоркій и онъ призналъ точку за хищную птицу. Эрихъ началъ за нею слѣдить и видѣлъ какъ она полетѣла внизъ и скрылась за небольшими холмами въ кустарникѣ. Но каково было его удивленіе, когда ближе показался оттуда густой бѣлый дымъ. Вслѣдъ за тѣмъ показался рядомъ такой же густой дымъ и вѣскольکو секундъ спустя раздались два громивистые удара. Что это было такое? Дымъ и выстрѣлы были слишкомъ сильны чтобы можно было ихъ принять за ружейные. Онъ съ любопытствомъ началъ оглядывать мѣстность на которой стоялъ. Бѣлый, густой дымъ показался теперь во многихъ мѣстахъ и вслѣдъ за ними раздавались тѣ же глухіе удары.

— А-а-а! сказалъ Эрихъ, вздохнувъ глубоко и радостно. — Ужъ не имѣетъ ли для меня значенія полетъ этой хищной

птицы, за которою я только-что сѣдиль. Не находится ли ея паденіе въ связи, хотя и непонятнымъ образомъ съ тѣмъ что мнѣ готовить судьба?.. Но онъ самъ началъ смѣяться, въ сѣдующую же минуту, надъ этими дѣтскими фантазіями. Эрихъ взобрался на милевой камень и устремилъ пронзительные, блестящіе глаза на равнину. Онъ увидѣлъ что съ двухъ параллельныхъ линій, расположенныхъ на большомъ разстояніи другъ отъ друга, подымались густые слои бѣлаго дыма и раздавались безчисленные выстрѣлы. Глаза его были такъ зорки что онъ могъ даже разглядѣть что дѣлалось въ ближайшей къ нему линіи. Онъ различалъ движеніе людей и лошадей, блескъ оружія, пестрые развѣвающіяся знамена на высокихъ колейныхъ древкахъ. Затѣмъ онъ слышалъ весьма слабые и неясные звуки сигнальныхъ роговъ, которые раздались также съ этой линіи. Онъ понялъ что эти сигналы означали приказъ къ отступленію.

Жаль! подумалъ Эрихъ, рѣшительно взявшій сторону арміи которая стояла ближе къ нему. Поиди она впередъ, онъ послѣдовалъ бы за нею безусловно, не долго думая. Войска отступали по направленію къ небольшому возвышенію, черезъ которое проходила большая дорога, гдѣ онъ стоялъ. Жадно прислушивался Эрихъ къ звонкому шуму производимому отступавшею батареей и ржанію кавалерійскихъ лошадей, къ короткимъ, отрывистымъ, сильнымъ звукамъ барабаннаго боя. Громко раздался снова звукъ трубъ и сигнальныхъ рожковъ и вся линія остановилась какъ вкопанная. Затѣмъ все снова двинулось впередъ, приближалась все болѣе и болѣе къ Эриху. Вслѣдъ за дымомъ, послѣ каждаго лучшаго выстрѣла, раздавался громоносный ударъ, потрясавшій воздухъ, и конечно каждый выстрѣлъ ложесъ бы съ собою смерть въ ряды непріятелей, еслибъ орудія были заряжены снарядами, а не лыжами.

Вслѣдствіе этой же причины началось и вторичное отступленіе друзей Эриха. Все ближе и ближе гремѣли выстрѣлы. Тамъ гдѣ большая дорога у Цвингенберга образовывала небольшой поворотъ, двигались густые ряды пѣхоты, драгунъ, и всевозможныхъ военныхъ повозокъ. Какой завидный пунктъ занялъ Эрихъ для наблюденія. Онъ находился по серединѣ сражающихся. Вправа отъ него шла небольшая проселочная дорога, на которой неожиданно показалась цѣлая батарея, двигавшаяся пѣлымъ галопомъ. Лошала ржали, орудія гре-

мѣли на своихъ лафетахъ, колеса дребезжали. Поддавшись на приговоръ къ шоссе, она представила великолѣпное и въ то же время безпорядочное смѣшеніе стѣдокъ, лошадей, орудій, лафетовъ, передковъ и зарядныхъ ящичковъ.

— Батарея стой! заражай ядромъ, рикошетъ на двѣсти шаговъ дистанціи!

Быстро и неожиданно все пришло въ порядокъ. Въ нѣсколько секундъ орудія сняты съ передковъ и поставлены близко другъ къ другу, на указанныхъ мѣстахъ. Лошади и передки съ частью артиллерійской прислуги отъѣхали за плотину, подъ защиту отряда уланъ. Люди оставшіеся на мѣстѣ суетились около орудій.

— Первое орудіе—лай!!.....

Съ какимъ восторгомъ услышалъ Эрихъ выстрѣлъ, раздавшійся въ его ухахъ немедленно послѣ команды, но вслѣдъ за тѣмъ почувствовалъ сильное движеніе воздуха, изъ предосторожности сошелъ съ камня на которомъ стоялъ, чтобы не скатиться съ него при слѣдующихъ выстрѣлахъ. Да, онъ былъ посреди горячій, ожесточенной битвы. Непріятельскія линіи приближались все болѣе и болѣе, при громѣ пушечной пальбы, къ которой изрѣдка примѣшивались и ружейные залпы. Войска занявшія высоту имѣли твердое намѣреніе удержать до послѣдней возможности занятую ими позицію, представлявшую большія выгоды для обороны. Выстрѣлы слѣдовали одинъ за другимъ съ быстротою приводившею въ восторгъ Эриха.

Въ десяти шагахъ отъ него стоялъ командиръ батареи, капитанъ фонъ-Брандъ, худощавый, со строгимъ выраженіемъ лица. Густые, длинныя рыжіе усы его были закручены горизонтально. Глаза имѣли въ себѣ нѣчто хищное.

— Чортъ побери, въ какомъ порядкѣ! закричалъ онъ первому поручику, развѣзжавшему позади орудій и приближавшемуся изрѣдка къ своему начальнику.

— Вы говорите, въ порядкѣ, господинъ капитанъ? Да, если можно назвать порядкомъ цѣль бѣгущихъ барановъ. А тамъ, какъ разъ предъ нами, расположился цѣлый кирасирскій полкъ. Эти лентюхи, въ своихъ бѣлыхъ мундирахъ, стали тамъ какъ будто въ насмѣшку, чтобы служить цѣлью для нашихъ выстрѣловъ.

— Дешевая храбрость, проговорилъ капитанъ.—Передвиньте обѣ гаубицы на край шоссе и осыпьте эту дурацкую кавалерію гранатами. Еслибы не имѣть въ виду что это мане-

вры, можно было бы выдвинуть уланъ, составляющихъ наше прикрытіе, изъ-за пригорка и атаковать весь кирасирскій полкъ. На всякій случай пошлите имъ нѣсколько добрыхъ гранатныхъ выстрѣловъ.

— Это будетъ бесполезно, господинъ капитанъ. Они и не отступятъ и не укроются. Въдѣ дѣтямъ даже должно быть ясно что съ нашего пункта, мы давно должны были бы ихъ уничтожить.

— Ничего! задайте имъ перцу!

Объ гаубицы были выдвинуты впередъ и стали такъ близко къ каменному столбу у котораго стоялъ Эрихъ, что командовавшій поручикъ закричалъ:

— Пошелъ прочь! или получишь въ глаза кое-что похуже песка и пыли!

Эрихъ не хотѣлъ уступить и только укрылся за столбомъ.

— Посмотрите, кажется ввизу, подъ пригоркомъ, сидитъ на своемъ длинноногомъ конѣ полковникъ фонъ-Гайль, сказалъ капитанъ, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ данныхъ изъ гаубицъ.— Кажется подсмѣивается надъ нами. Чуть ли кирасиры не строятся къ атакѣ?

— О, не беспокойтесь, господинъ капитанъ, отвѣчалъ поручикъ,—имъ слишкомъ для этого дороги ихъ лошади. Не потрудитесь ли навести вашу трубу немного лѣвѣе. Я вижу тамъ нѣсколько колоннъ красныхъ гусаръ укрывшихся въ лоцинѣ, имѣющей прямое сообщеніе съ шоссе.

— Вѣрно, вѣрно. Это какъ разъ въ духъ этой легко-кавалерійской сволочи. Она всегда хочетъ захватить конную батарею дешевымъ способомъ. Только мы имъ протремъ глаза. Лучше всего возьмемъ на передки, отступимъ къ тому небольшому возвышенію и огорошимъ ихъ картечью!

— Это и отсюда можно сдѣлать, господинъ капитанъ, если вамъ угодно, отвѣчалъ поручикъ, смотря на планъ мѣстности, который онъ быстро разложилъ предъ собою на сѣдѣльной лукѣ.—Тутъ лоцина обозначена и дѣйствительно выходитъ на шоссе, только нужно будетъ пройти порядочный кусокъ сосноваго лѣса, который они не рѣшатся проходить.

Эрихъ не пропустилъ изъ этого разговора ни одного слова. Онъ видѣлъ также какъ красные неприятельскіе гусары скрылись въ лоцинѣ. Но онъ зналъ больше нежели было обозначено на планѣ бывшемъ въ рукахъ у офицера. Онъ

зналъ что сосновый лѣсокъ былъ недавно вырубленъ и что лошадямъ ничего не значило пробѣжать въ нѣсколько минутъ вырубленное пространство и очутиться на возвышеніи у большой дороги.

Родина была въ опасности и онъ не задумался ни на минуту, бросилъ свое убѣжище за столбомъ и передалъ батареинному командиру свои важныя свѣдѣнія. Онъ даже указалъ на небольшой пригорокъ, на которомъ должны были показаться красные гусары, для того чтобъ избѣжать крутые склоны ущелья.

— Въ самомъ дѣлѣ такъ должно быть, проговорилъ первый поручикъ, бросивъ еще разъ взглядъ на свой планъ.— Какъ вы полагаете, еслибы мы приказали батареѣ повернуть плечомъ и стать около вотъ того ряда холмовъ, и дать замъ изъ всехъ орудій, какъ только красные гусары, увѣренные въ своемъ успѣхѣ, покажутся изъ лощины. Тамъ разстояние не болѣе трехсотъ шаговъ и ни одна лошадь не вернется домой съ хвостомъ.

— Очень хорошо! радостно отвѣчалъ капитанъ.— Мы имъ зададимъ нѣсколько картечныхъ залповъ. Трехъ, я думаю, будетъ вполне достаточно, а затѣмъ люди быстро должны взять на передки и вернуться назадъ на назначенное мною возвышеніе. Наши уданы должны покончить съ тѣми гусарями которые остались бы еслибы это была настоящая война.—Эй! молодой человекъ,—вскрикнулъ онъ затѣмъ Эриху,—благодарю васъ. Будь мы на войнѣ, я бы выхлопоталъ для васъ награду получше!

— И тогда не нужно бы было, господинъ капитанъ. Слѣдая такую прекрасную батарею отъ нападенія, я выполняю только свою обязанность.

— Не видно ли гусаровъ? спросилъ поручика капитанъ.

— Нѣтъ, отвѣтилъ тотъ, приподнявшись на стременахъ.

— Вы не будете противъ, вмѣшался снова Эрихъ,—если я влѣзу на каменный столбъ и посмотрю кругомъ.

— Пожалуй, отвѣчалъ смѣясь первый поручикъ.—Тѣмъ болѣе будетъ награда.

Было довольно забавно когда юноша, въ своемъ длинномъ черномъ сюртукѣ взобрался на мѣловой камень. „Какъ корова на яблони“, сострилъ командиръ перваго орудія. Замѣчаніе это было не вполне справедливо: Эрихъ взобрался

на камень съ замѣчательною ловкостью. Внимательно осматривалъ онъ мѣстность, когда орудія тихо приближались къ указаннымъ имъ пригоркамъ. Уатерь-офицеры и канониры батареи находились въ такомъ напряженномъ состояніи, какъ будто они были не на обыкновенныхъ маневрахъ, а дѣйствительно должны осыпать непріятеля градомъ ядеръ и картечи.

Эрихъ видѣлъ съ возвышенія какъ гусары огибали пригорки; чтобы не быть замѣченными, всадники наклонялись къ самой шеѣ лошади. Онъ передалъ это тотчасъ же батареинному командиру, а тотъ указалъ поручику концомъ своей сабли на мѣсто съ котораго надо ожидать появленія непріятельской кавалеріи. Еслибы батарея осталась на прежней позиціи, она была бы взята во флангъ гусарами самымъ непріятнымъ и самымъ неожиданнымъ образомъ. Теперь же батарея была неуязвима и всѣ радовались предполагаемому удивленію атакующихъ, когда ихъ встрѣтятъ мѣткіе залпы. Эта великая минута приближалась.

Поднявъ кверху сабли, гусары вѣхали на пригорокъ. Командиръ батареи дозволилъ имъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, имѣя въ виду встрѣтить ихъ такимъ картечнымъ огнемъ чтобы отъ нихъ не осталось ни одного человѣка, ни одной лошади.

По всей вѣроятности это успѣлъ замѣтить старикъ-офицеръ командовавшій обѣими колоннами красныхъ гусаръ. Онъ немедленно приказалъ затрубить отступленіе и столь же быстро скрылся за пригоркомъ. Немедленно вслѣдъ гусарамъ была пущена не картечь, а гомерическій неудержимый хохотъ всей батареи. Эрихъ былъ въ восторгѣ и хохоталъ вмѣстѣ со всѣми.

— Не отступить ли теперь? спросилъ капитана поручикъ.

— Подождите минутку. Къ намъ скачетъ бригадный адъютантъ. Нѣтъ ли чего новаго.

— Какое приказаніе? обратился батареинный командиръ къ подвѣхавшему офицеру.

— Батареѣ приказано занять третью позицію, но на ней не стрѣлять, и перейти немедленно на четвертую позицію, впереди большаго дефиле; туда его превосходительство придетъ самъ. Прощайте, господа!..

— Должно-быть жалѣютъ порохъ расходовать, замѣтилъ батареинный командиръ. — Хорошо я буду на позиціи съ

которой не смѣи даже выстрѣлить. Да это курамъ на смѣхъ. Этакъ ни одинъ человекъ ничему не выучится. Мы затѣ славно распорядились. Поладись мнѣ когда-нибудь на глаза красный гусарь, я ему прочту наставленіе. Батарея къ отступленію! На передку!

Снова все пришло на нѣсколько секундъ въ безпорядокъ, но затѣмъ прислуга быстро вскочила на лошадей, трубачи дали сигналъ къ отступленію, батарея вытянулась въ одно орудіе и поскакала по дорогѣ. Калитинъ не забылъ махнуть Эриху саблей въ знакъ благодарности. По всему полю войска пришли снова въ движеніе, особенно по лѣвую сторону шоссе. По долину двигалась пѣхота и подымала такую пыль что кромѣ сверкающихъ на солнцѣ штыковъ, рѣшительно ничего не было видно. Отовсюду неслись перекатная дробь барабановъ, свистъ флейтъ, звуки сигнальныхъ рожковъ, и звучные отголоски хоровъ военной музыки.

Конная батарея, которой Эрихъ оказалъ такія услуги, была уже далеко, когда на шоссе показались неприятельскія войска. Въ авангардѣ шли красные гусары. Впереди ихъ ѣхали три офицера и вели оживленный разговоръ.

— Могу васъ увѣрить, господа, что командиръ конной батареи былъ правъ, перемѣнивъ позицію.

— Все-таки жаль что мы не дорвались до батареи. Мы такъ обошли пригорокъ что они никакъ не могли насъ видѣть.

— Батарея, конечно, не видала, воскликнулъ третій офицеръ и съ рѣзкимъ неудовольствіемъ сказалъ:—Развѣ вы не замѣчаете этотъ проклятый черный сюртукъ вскарабкавшійся на миловой камень. Я еще снизу видѣлъ какъ этотъ ларень работалъ и руками и ногами, точно телеграфъ. Жаль что мы на маневрахъ, а не на войнѣ, я бы повѣсилъ его, или чортъ бы меня побралъ. Все-таки я спрошу его что онъ дѣлаетъ тамъ на верху.

— Оставьте его, графъ Зеefeldъ, вы рискуете получить грубый отвѣтъ.

— Ну это мы увидимъ, отвѣтилъ графъ, и направилъ своего прекраснаго арабскаго бѣлаго коня къ камню, на которомъ стоялъ Эрихъ:—Что ты тамъ дѣлаешь на верху въ районѣ маневровъ? закричалъ онъ приближаясь.—Я не прочь тебя согнать внизъ фухтелями. Стоить на верху словно лугало и лугаетъ лошадей. Сейчасъ внизъ! Долой!

— Нѣтъ, я не пойду, гордо отвѣчалъ тотъ, сложивъ руки на груди.—Даже еслибы вы могли согнать меня внизъ фухтелями; но я бы не прочь былъ посмотрѣть какъ это вы будете меня бить.

— Знаешь ли ты, мальчишка, съ кѣмъ говоришь?

— Конечно. Я говорю съ нѣкимъ господиномъ сидящимъ на лошади, въ то время какъ другой нѣкто стоитъ на камнѣ, въ этомъ вся разница.

Послѣ этихъ словъ оба молодые человѣка взглянули другъ на друга сверкающими глазами. Оба, какъ бы бессознательно, старались заломить черты другъ друга. Оба были почти однихъ и тѣхъ же лѣтъ, во всякомъ случая разница была невелика, такъ какъ у гусарскаго офицера едва показывался вмѣсто усовъ легкій лушокъ. Онъ былъ крѣпко сложенъ; блѣдный, длиннотелый, съ выраженіемъ отталкивающимъ, онъ казался еще некрасивѣе вслѣдствіе презрительной улыбки, не сходившей съ его лица, и привычки вытягивать шею. Но какъ кавалерійскій офицеръ онъ былъ безукоризненъ, начиная съ лошади до султана на мѣховой шапкѣ, до колесъ его шпоръ. Надѣтое на немъ лагье говорило о его богатствѣ.

Но Эрихъ смотрѣлъ на него безъ малѣйшаго стѣсненія. Глаза его сверкали, ротъ былъ полуоткрытъ, лицо выражало такую рѣшимость и твердость что кавалерійскій офицеръ счелъ за лучшее отвѣхать, въ то время какъ подѣхавшій къ нему товарищъ говорилъ:

— Графъ Зеefeldъ, я убѣдительно прошу васъ оставить его. Можно ли такъ забыться?

— Да, вы правы, трогаешь смолу—замараешься. Но я не забуду это лицо. Если встрѣчу его въ другомъ мѣстѣ, я ему возвращу и капиталъ и проценты.

Ничто въ томъ же родѣ думалъ и Эрихъ. Онъ былъ убѣжденъ что никогда не забудетъ это блѣдно-желтое лицо съ его ненавистнымъ выраженіемъ въ глазахъ и вокругъ рта.

Когда проѣхали гусары, Эрихъ сошелъ съ камня и смотрѣлъ на слѣдовавшія войска. Онъ наслаждался зрѣлищемъ разныхъ родовъ войскъ; изъ нихъ онъ нѣкоторые зналъ по наслышкѣ, или видѣлъ на картинахъ. Вотъ показались кирасиры. Все сильныя, крѣпкія люди, бодрыя, рослые кони. Какъ весело бряцали шпоры, стремена и палаши. Какъ

блестѣли шлемы и кирасы. Но если слѣдовавшій затѣмъ баталіонъ конныхъ егерей и не былъ такъ блестящъ, какъ кирасиры, онъ показался юношѣ не менѣе интересенъ. Ихъ онъ видѣлъ въ первый разъ; небольшіе ростомъ они шгли ружья перекинутыя за плечо и шалки съ темнымъ султаномъ изъ перьевъ. Они непринужденно сидѣли на коняхъ и проѣзжали весело разговаривая и палѣвая. За ними шли драгуны, а потомъ показалась тяжелая двѣнадцатифунтовая батарея. Эрихъ приподнялся чтобы лучше разглядѣть батарею и тѣмъ засвидѣтельствовать свое почтеніе орудію при которомъ служилъ его отецъ. Нельзя не сознаться что тяжелая батарея всегда проѣзжаетъ такъ что невольно вселяетъ къ себѣ уваженіе. Грохоть орудій, видъ большихъ, сильныхъ лошадей, общее впечатлѣніе производимое высокими, стройными, заслуженными людьми, идущими спокойно, безъ шума, все это производитъ сильное впечатлѣніе. Какаа разница между нею и шедшею позади пѣхотой. Тутъ все шло въ безпорядкѣ, во всю ширину дороги. У многихъ ружья были повѣшены черезъ плечо на ремняхъ; нѣкоторые, утомленные и недовольные, молчали; другіе, напротивъ, шумно разговаривали, острили и пѣли. Веселые солдатики обратили вниманіе на Эриха, приложили руки къ козырьку киверовъ и рекомендовали его своимъ товарищамъ шедшимъ позади какъ оберъ-священника арміи. Посылались разнаго рода остроты на его счетъ и на счетъ его долгоголога сюртука. Когда рота прошла мимо Эриха, солдатики крикнули ему на прощаніе ура и залѣли извѣстную пѣсню:

Ведеть Фридрихъ нашъ въ козакскѣ,
И ведеть насъ въ поле.
Разобьемъ мы въ лухъ Французовъ
Лѣтъ черезъ семь, не боатъ.
Будемъ счастливы, довольны,
Будемъ счастливы, довольны,
Ай! Да! Ай! да!

Это „Будемъ счастливы, довольны, Ай! да!“ долго раздавалось и Эриху казалось что онъ все еще слышитъ эту пѣсню, хотя давно уже войска скрылись изъ глазъ, а кругомъ на поляхъ и въ лѣсу снова вступилъ въ свои права прекрасный осенній день.

III. Мельникъ и мельница.

Эрихъ сидѣлъ еще долго на камнѣ и мечталъ. Воображеніе его было живо занято только-что видѣннымъ прекраснымъ и живописнымъ зрѣищемъ. Теперь ему стала ясна та любовь, тотъ восторгъ съ какими его отецъ говорилъ ему о тѣхъ временахъ когда служилъ въ артиллеріи. То была прекрасная, чудная жизнь!

Эрихъ взглянулъ на свой длинный, черный сюртукъ и тяжело вздохнулъ. Да, ему слѣдовало испытать свое счастье въ военной службѣ. Онъ вспомнилъ то время когда гулялъ по лѣсу и по лугамъ въ своей сѣрой, короткой курткѣ. Зачѣмъ онъ не отправился тогда же, годъ тому назадъ, въ этой же самой сѣрой курткѣ, въ батарею въ которой служилъ нѣкогда его отецъ? Зачѣмъ онъ не отыскалъ тогда капитана батареи, не сказалъ ему: „Я сынъ солдата и хочу также быть солдатомъ“? Зачѣмъ онъ послушался тогда г. Шмельцера, а не послушался собственнаго, внутренняго голоса?

Эти мысли глубоко волновали и огорчали Эриха. Онъ чувствовалъ себя вполнѣ безпомощнымъ и одинокимъ.

Эрихъ сошелъ съ камня и пошелъ вдоль большой дорожки. Вскорѣ онъ увидѣлъ предъ собою Кенигсброннскую мельницу. Это было громадное, прекрасное зданіе. Оно прищало къ высокой, отвѣсной скалѣ. Изъ скалы вырывался югучій, бѣшеный ручей. Напротивъ мельницы находились оюшны, сараи, амбары. Направо отъ этихъ построекъ большой, чистый прудъ, полный безчисленными и разнообразными водяными птицами.

На мельницѣ не работали. Время было обѣденное. Эрихъ не зналъ что ему дѣлать: войти или обождать пока кончится ѣда. Пока онъ раздумывалъ, большая дворовая собака, завизжавъ его, принялась громко лаять. Вслѣдъ затѣмъ показался на прогѣ старшій сынъ мельника и ласково предложилъ Эриху йти въ домъ.

— Вотъ и прекрасно, вы пришли вовремя, сказалъ старшій мельникъ, когда Эрихъ вошелъ въ комнату. — У насъ превосходный куриный супъ съ далшей, если я не ошибаюсь, милости просимъ, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

Эрихъ много слышалъ про гостепріимство стараго мельника. Онъ не заставилъ себя упрашивать, но принялся усердно ѣсть.

За столомъ сидѣла вся семья мельника. Все это были красивые, здоровые люди. На первомъ мѣстѣ сидѣлъ онъ самъ. Затѣмъ слѣдовала его старшая дочь, Розина, красивая и сильная дѣвушка, лѣтъ тридцати. Старикъ оловѣлъ при рожденіи младшаго сына и Розина приняла съ тѣхъ поръ на себя всѣ обязанности матери и хозяйки. Направо отъ старика сидѣли старшіе сыновья, Иванъ и Готфридъ, а лѣво маленькій Фридрихъ. Затѣмъ слѣдовала старая дѣвица, Лена, дальняя родственница мельника.

Она помогала Розинѣ въ хозяйствѣ. Она страстно любила толковать сны и гадать на картахъ и на кофейной гущѣ. Старый мельникъ хотя и любилъ ее, тѣмъ не менѣе часто смѣялся надъ нею и всегда постулалъ наперекоръ ея снамъ и гаданіямъ.

Все въ комнатѣ было просто, и безукоризненно чисто и явно говорило о довольствѣ, даже о богатствѣ стараго мельника. Скатерть на столѣ была тонкая; столовый приборъ фарфоровый. Мебель старая, но крѣпкая и удобная. Предъ изразцовой печкой стояло большое, мягкое кресло, а въ углу комнаты видѣлся стеклянный шкафъ, наполненный ружьями и другими принадлежностями охоты. Старикъ и Розина были одѣты по-городскому. Готфридъ, второй сынъ, былъ одѣтъ въ изящный охотничій костюмъ; на старшемъ же сынѣ, Иванѣ, была синяя куртка, хотя и тонкаго сукна, но покрытая пылью и мукой, что ясно доказывало что онъ работалъ на мельницѣ.

По окончаніи обѣда, Лена приказала маленькому Фридриху отвести лошадямъ хлѣба и соли. Старый мельникъ облокотился на спинку своего кресла и, протянувъ Эриху руку, сказалъ ему:

— Привѣтствую васъ еще разъ, дорогой г. Фрейбергъ. Я надѣюсь что вы пришли сюда не на одинъ часъ, а останетесь съ нами нѣсколько недѣль. Безъ противорѣчій! У насъ мѣста довольно и Розина приготовитъ вамъ удобное и хорошее помѣщеніе.

— Я и не намѣренъ противорѣчить вамъ. Я пришелъ сюда съ намѣреніемъ просить васъ чтобы вы приняли меня на нѣсколько дней.

— Итакъ, вы остаетесь пока у меня. Я радъ этому. Мы выпьемъ въ честь вашего прибытія по стаканчику хорошаго вина. Мамзель Барбара,—продолжалъ онъ, лукаво улыбаясь и прищуривая глаза, — мамзель Барбара, принесите-ка бутылочку того, вы знаете, какого я хочу.

— Хорошо, братецъ, отвѣтила старая родственница, уходя. Но вдругъ она остановилась, положила плечами и тихо сказала: — Г. Фрейберъ подумаетъ что меня въ самомъ дѣлѣ зовутъ Барбарой, но это не правда. Мое имя Лена, мамзель Лена.

— Правда, правда, мамзель Лена и мы этого не забудемъ. Но я вамъ долженъ опять сказать, мамзель Лена, что вы мнѣ сильно напоминаете одну старую знакомую, мамзель Барбару. Встѣ отчего я постоянно перемѣшиваю ваши имена. Ну, не сердитесь, мамзель Лена.

Мамзель Лена, нѣсколько минутъ спустя, вернулась, держа въ рукѣ бутылку вина. Оказалось что это было не то вино которое желалъ старикъ. Мамзель Лена, на замѣчаніе мельника, подняла вверхъ указательный палецъ правой руки, приняла важную, серьезную осанку и сказала:

— Я сошла въ погребъ и увидѣла что лаукъ обвилъ свою лаутиной всѣ тѣ бутылки которыя вы приказали принести. Я не могла ни одну изъ нихъ вынуть, не разорвавъ при этомъ лаутину. А если разорвать лаутину, то нельзя пить это вино за чье-либо здоровье: это приноситъ несчастье.

— Мамзель Лена права, отвѣтилъ мельникъ, придавъ также своему лицу серьезное и важное значеніе.— Поэтому я прошу васъ отнести обратно эту бутылку и принести, взамѣнъ ея, двѣ изъ тѣхъ бутылокъ которыя покрыты лаутиной.

Мамзель Лена исполнила волю стараго мельника. Затѣмъ они, вмѣстѣ съ Розиной, вышли изъ комнаты и пошли хозяйничать. Иванъ отправился на мельницу, а Готфридъ, старикъ и Эрихъ принялись за вино.

Затѣмъ Эрихъ разказалъ о маневрахъ, о томъ какъ онъ спасъ конную батарею отъ нападена красныхъ гусаръ и какъ онъ, вслѣдствіе этого, получилъ выговоръ отъ одного изъ кавалерійскихъ офицеровъ, называвшагося графомъ Зефельдомъ.

— А, а, это онъ! Я его знаю! воскликнулъ старый мельникъ, забарабанивъ пальцами по столу.—Знаю я его! Ему не клади пальца въ ротъ. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ

людей которые думаютъ что всѣ другіе люди, все живущее на бѣломъ свѣтѣ, существуетъ только для того чтобы подчиняться имъ, служить имъ. У нихъ только тотъ человекъ кто не ниже барона! Знаю я ихъ!

— Вы знаете семейство графовъ Зеefeldъ?

— Знаю ли я ихъ! Мы сосѣди. Мой лѣсъ граничитъ съ его лѣсомъ. Я поведу васъ когда-нибудь туда. Это полезно и поучительно. Дѣло въ томъ что между нашимъ лѣсомъ и лѣсомъ Зеefeldовъ находится громадная лощина. Лощина эта изобилуетъ всякой дичью. Она принадлежала издавна нашему семейству, то-есть собственно говоря семейству моей жены. Вдругъ Зеefeldы заявили свои притязанія на эту лощину; мы не уступали и началась тяжба. Правда была на нашей сторонѣ, всѣ нужныя бумаги были въ цѣлости и мы выиграли процессъ. Тяжба была долгая, упорная. Сосѣди, узнавъ что мы, простые люди, начали процессъ со знатнымъ графомъ Зеefeldомъ, были поражены этимъ и многіе изъ нихъ избѣгали даже встрѣчи съ нами. Но дѣло кончилось все-таки въ нашу пользу: лощина осталась за нами и, кромѣ того, мы получили еще въ придачу прекрасную столѣтнюю лилу, которая стоитъ на другомъ краю лощины. Торговцы лѣсами предлагали мнѣ за нея большія деньги, но я всегда отказывалъ имъ. Надѣюсь что и дѣти и внуки мои никогда не срубятъ ея.

Старый мельникъ весело засмѣялся и еще громче забарабанилъ пальцами по столу. Затѣмъ онъ продолжалъ:

— Я былъ тогда еще молодъ и кровь во мнѣ была горячая. Тяжба меня тѣшила и занимала. Я велѣлъ, чтобъ ознаменовать нашу побѣду, вырѣзать на корѣ старой лилы, на той сторонѣ которая была къ ихъ лѣсу, сажающія слова: „на зло“. Зеefeldы поняли къ кому относились эти слова и подослали ко мнѣ одного изъ своихъ охотниковъ. Тотъ сказалъ мнѣ что жаль было бы еслибы такое старое и прекрасное дерево, какъ моя лила, начала бы вдругъ чахнуть или, вслѣдствіе какой-либо неосторожности, вдругъ бы сгорѣла. Я отвѣтилъ на это что на все воля Господа: что отъ Него зависитъ чтобы не только сгорѣло одно дерево, но даже цѣлые лѣса. Охотникъ поглялъ меня и ушелъ.

— Слѣдовательно, молодой гусарскій офицеръ о которомъ я говорилъ, сынъ графа Зеefeldъ? спросилъ Эрихъ.

— О, нѣтъ! Онъ племянникъ стараго графа, сынъ его

младшаго брата. Но графъ Зеффельдъ усыновилъ его и онъ наследуетъ современемъ все громадное состояніе старика.

— Следовательно, у настоящаго владѣльца этихъ помѣстій дѣтъ дѣтей?

— Нѣтъ. Онъ женился всего пять, шесть лѣтъ тому назадъ. Это былъ старый холостякъ, пріѣзжавшій сюда только на охоту и проводившій остальное время или въ столицѣ, или въ Италіи, Франціи, Англійи. А еслибы вы знали какую жизнь онъ велъ! Счастье его что онъ наследовалъ отъ родителей своихъ милліоны и желѣзное здоровье, иначе его давно не было бы въ живыхъ. Правда, онъ представляетъ собою теперь только тѣнь человека, но тѣмъ не менѣе онъ живетъ изо дня въ день, то-есть изъ ночи въ ночь. Днемъ онъ спитъ и начинаетъ жизнь только тогда когда просыпаются летучія мыши. Затѣмъ онъ, при первомъ лѣтніи лѣтутуховѣ, ложится снова спать. Я уже говорилъ вамъ что онъ женился шесть лѣтъ тому назадъ на молодой женщинѣ, лѣтъ двадцати семи. Она была также урожденная графиня Зеффельдъ и имѣла порядочное состояніе. Говорили что она хотѣла выйти замужъ за еврейскаго барона и что это такъ поразило и разсердило стараго графа что онъ рѣшился пожертвовать собою, чтобы только спасти семью и имя свое отъ этого неровнаго брака. Впрочемъ, это васъ не касается! Но радуйтесь что молодой графъ былъ сегодня въ хорошемъ расположеніи духа или что его удержали другія побудительныя причины, иначе, вѣрьте мнѣ, онъ не преминулъ бы избить васъ фухтелями.

— Въ такомъ случаѣ ваша встрѣча повлекла бы за собою большія непріятности и несчастія, отвѣтилъ Эрихъ мрачно нахмуривъ лицо.

— Ну, надо объ этомъ думать, продолжалъ весело старый мельникъ.— Выльемте лучше еще по стакану этого прекраснаго вина и поблагодаримте Бога что мы не имѣемъ никакого дѣла съ этими знатными, гордыми людьми.

Но Эрихъ не могъ еще отогнать отъ себя наплывъ мрачныхъ мыслей овладѣвшихъ имъ. Предъ нимъ, точно преслѣдуя его, мелькалъ все тотъ же блѣдный, непріятный образъ молодаго гусарскаго офицера. Онъ никакъ не могъ забыть ту презрительную усмѣшку и тѣ колкія слова съ которыми молодой графъ обратился къ нему.

— Надѣюсь что мы больше не увидимся, сказалъ Эрихъ

послѣ нѣкотораго раздумья. — Не знаю, гдѣ судьба можетъ стоакнуть насъ еще разъ лицомъ къ лицу.

— Э, это дѣло возможное! Тѣмъ болѣе что вы, какъ я надѣюсь, проживете у насъ нѣкоторое время. Старый графъ, какъ я уже говорилъ вамъ, проводитъ всегда нѣсколько мѣсяцевъ, съ начала мая до конца декабря, здѣсь, въ своихъ помѣстьяхъ. Онъ страстно любитъ природу и это говоритъ въ его пользу и доказываетъ что при другомъ воспитаніи изъ него могъ бы выйти прекрасный человѣкъ. Вотъ и вы любите природу, это я уже замѣтилъ.

— О, да! Я страстно люблю природу, люблю лѣсъ, луга, люблю наше голубое, безоблачное, прекрасное небо, люблю лѣтніе птицъ, особенно лѣтніе соловья.

— Ну, вы еще такъ молоды что эта сильная любовь природы нисколько меня не удивляетъ, засмѣялся въ отвѣтъ мельникъ. — Но взгляните на меня. Я двадцать лѣтъ прожилъ въ большомъ городѣ, я занималъ тамъ прекрасное мѣсто, заслужилъ уваженіе всѣхъ знакомыхъ и незнакомыхъ, нажилъ порядочное состояніе и, говоря правду, я вполнѣ сознавалъ что мое присутствіе не лишнее, что я приношу пользу, и все-таки любовь моя къ природѣ была такъ сильна что я не выдержалъ и оставилъ городскую жизнь. Мнѣ было тамъ душно, тѣсно... Душа рвалась на просторъ, въ лѣсъ... Сначала я боролся съ собою, скрывалъ свою тоску—я не желалъ огорчать свою семью, да къ тому же дѣти мои росли, имъ нужно было дать воспитаніе, избрать имъ карьеру. Но вскорѣ я замѣтилъ что наклонности и стремленія моихъ дѣтей вполнѣ соответствовали моимъ желаніямъ. Иванъ, старшій сынъ, отдался весь изученію механики, особенно строенію мельницъ, а вотъ этотъ, Готфридъ, занялся сельскимъ хозяйствомъ и лѣсоводствомъ. Я родился въ этой мельницѣ, но я былъ еще мальчишкой когда родители мои продали ее. Вдругъ, живя въ городѣ, я узналъ что мельницу продаютъ снова, а вмѣстѣ съ нею и сосѣднее имѣніе, съ полями, ривами и лѣсомъ. Тогда я объявилъ женѣ что куплю мельницу и что намѣренъ жить въ ней лѣтомъ. Я имѣлъ уже тогда въ виду уменьшить, насколько было возможно, мою городскую практику. Вы смотрите на меня съ удивленіемъ? Видите ли, я въ молодости много чему научился. Впрочемъ, объ этомъ рѣчь еще впереди. Я купилъ и мельницу, и имѣніе. Зеефельды, узнавъ объ

этомъ, предложили мнѣ большія деньги, съ тѣмъ чтобъ я уступилъ имъ имѣніе и лѣсъ. Я же сказалъ имъ свое quod non и такимъ образомъ заслужилъ нерасположеніе гордыхъ аристократовъ. Дѣти мои несказанно обрадовались узнавъ объ этой покупке. Иванъ занялся мельницей, исправилъ ее, ввелъ новыя, отличныя машины, словомъ, привелъ мельницу въ то состояніе въ которомъ она находится въ настоящее время. Затѣмъ принялся за работу и Готфридъ: онъ отдался весь сельскому хозяйству и лѣсоводству. Я долженъ сказать что работа его шла успѣшно. Такимъ образомъ прошло нѣсколько лѣтъ. Мы, старики, держались въ сторонѣ. Вдругъ мнѣ предложили мѣсто главнаго врача въ первоклассной больницѣ города.

— Значить, вы были врачомъ? спросилъ Эрихъ, сильно удивленный.

— Да, другъ мой, я, подобно тысячѣ другимъ, впрочемъ весьма уважаемымъ и почтеннымъ личностямъ, занимался тѣмъ что лѣчилъ больныхъ, часто неудачно. Это удѣлъ всѣхъ врачей. Всѣ мы дѣйствуемъ болѣе или менѣе наудачу, всѣ съ завязанными глазами. Впрочемъ я былъ главнымъ образомъ хирургомъ, слѣдовательно, дѣйствовалъ болѣе сознательно и вѣрно. Да, Гёте былъ правъ, сказавъ:

Man durchstudirt die gross und kleine Welt
Um es am Ende gehen zu lassen,
Wie's Gott gefällt!

Впрочемъ довольно объ этомъ. Я спросилъ свою жену желаетъ ли она чтобы мужъ ея былъ членомъ врачебной управы, а современемъ господиномъ фонъ-Бурбусъ, или же просто мельникомъ. Она выбрала послѣднее и мы, къ великому удивленію и недоумѣнію всѣхъ, оставили городъ и переѣхали навсегда сюда. Ужь сколько надъ нами смѣялись! Меня прозвали глупцомъ, сумасбродомъ. Но увѣряю васъ, молодой человѣкъ, они были не правы, а я въ выигрышѣ. Если одинъ походъ въ военной службѣ равняется двумъ обыкновеннымъ годамъ, то точно также одинъ годъ проведенный въ прекрасномъ имѣніи, на свободѣ, можетъ смѣло сравниться съ двумя годами прожитыми въ душномъ городѣ. Итакъ, — продолжалъ мельникъ, выливая остатокъ вина въ стаканъ Эриха, — я разказалъ вамъ все о моей прежней жизни и теперь вы знаете у кого находитесь. О васъ я уже слы-

шалъ. А прогос,—сказалъ мельникъ, вскочивъ со стула,—посмотри-ка, Готфридъ, есть ли кто-нибудь при нашемъ больномъ гостѣ. Необходимо чтобы примочки переменялись какъ можно чаще.

— Я посмотрю, сказалъ Готфридъ. — Если я не ошибуюсь, Лена наверху у больного.

— Если при больномъ Лена, то я вполнѣ спокоенъ. Она мѣняетъ примочки не только каждые десять, но каждые пять минутъ. Она не даромъ видѣла сонъ о какомъ-то несчастіи. Ей снилось будто ласточка, улавъ на землю, развалилась на четыре куска, издавъ при этомъ страшный трескъ. Затѣмъ эти четыре куска вскочили въ воду и не только вновь соединились, но превратились въ бѣлаго голубя и улетѣли. Молодой больной, по ея словамъ, можетъ излѣчиться только водою и поэтому она постоянно прикладываетъ ему холодныя примочки. Я не противъ этихъ примочекъ, но мнѣ право непонятно какимъ образомъ превратится артиллерійскій офицеръ въ бѣлаго голубя. Вы, кажется, не совсемъ меня понимаете, обратился онъ къ Эриху, когда Готфридъ ушелъ. — У меня, дѣйствительно, лежитъ тамъ, наверху, больной артиллерійскій офицеръ. Онъ упалъ вчера на маневрахъ съ лошади и сильно вывихнулъ себѣ руку. Боль была нестерпимая, врача при немъ не было, онъ и пріѣхалъ сюда, на мельницу. Теперь онъ лѣчится у меня. Ну, намъ и встать пора. Радуюсь отъ всего сердца вашему прибытію.

Старикъ протянулъ Эриху обѣ руки и продолжалъ дружескимъ, мягкимъ, искреннимъ тономъ:

— Не думайте чтобъ я каждого привѣтствовалъ такъ ласково и дружески. Я сдержанъ и холоденъ съ другими. Но вашъ открытый взглядъ, ваше честное, гордое лицо говорятъ въ вашу пользу. Къ тому же, глядя на васъ, я вспоминаю невольна одного добраго, стараго друга, друга моей молодости.

Эрихъ началъ благодарить его, глубоко растроганный этимъ участіемъ, но старикъ прервалъ его и сказалъ:

— За чтѣ же вы меня благодарите? Не за лицу ли или за пріемъ въ мой домъ? Не стоитъ того, мой молодой другъ. Но если вамъ понадобится современемъ хорошій дружескій совѣтъ, тогда обратитесь ко мнѣ и я сумѣю оцѣнить ваше довѣріе.

Готфридъ вернулся съ извѣстіемъ что Лена наверху и что

вслѣдствіе постоянныхъ примочекъ, весь полъ покрытъ водою. Онъ сказалъ также что артиллерійскій офицеръ проситъ исполнить его порученіе къ начальнику батареи, который эту ночь проведетъ на бивуакѣ, вмѣстѣ съ другими войсками, не далеко отъ мельницы, въ степи.

— Въ такомъ случаѣ прикажи осѣдлать лошадь и поѣзжай самъ съ порученіемъ господина поручика. Или ты имѣешь что-нибудь другое въ виду?

— Если ты позволишь, я прикажу запречь вашу охотничью телѣгу и поѣду къ бивуаку съ Фридрихомъ и съ нашимъ гостемъ, господиномъ Фрибергомъ.

Глаза Эриха засверкали отъ восторга. Старый мельникъ замѣтилъ это и отвѣтилъ:

— Если это сдѣлаетъ вамъ удовольствіе, пусть будетъ по твоему. Но возьми съ собою работника. Твои лошади слышкомъ бойки; боюсь чтобы что-нибудь не случилось, когда вы подъѣдете къ войскамъ. Постои,—продолжалъ онъ, замѣтивъ что Готфридъ собирался уходить,—въ твоемъ шкалу найдется, вѣроятно, дивный охотничій костюмъ. Передай его нашему молодому другу. Онъ обережетъ такимъ образомъ свой черный, даивный, почтенный спортукъ, да ему и телѣге будетъ.

— Мы переодѣнемъ его, отвѣтилъ Готфридъ, смѣясь. — Я покажу ему также его комнату. Мы выбрали голубую комнату, знаешь, ту которая близъ моей.

— Хорошо, хорошо, дай ему голубую комнату.

IV. На бивуакѣ.

Пѣхота, кавалерія, артиллерія и салеры, маневрировавшіе близъ Цвингенберга, продолжали еще нѣкоторое время маневрировать и разстрѣляли не мало пороха, направляя выстрѣлы въ воображаемыхъ враговъ. Было совершено не мало подвиговъ. Многіе отличились, кто необыкновеннымъ терпѣніемъ, кто настойчивостью, кто неутомимостью, а кто мѣткостью стрѣльбы. Одни прекрасно защищались, другіе удачно нападали, особенно на телѣги и корзины маркитантшъ. Генералъ былъ видимо доволенъ ходомъ маневровъ; все начальство, слѣдомъ за нимъ, также высказывало удовольствіе. Только ротные командиры, по обыкновенію, никогда

не бывають довольны. Послѣ долгихъ упрековъ, выговоровъ и замѣчаній, они сказали спасибо лишь немногимъ избраннымъ. Отдали приказъ стать бивуакомъ. Каждая отдѣльная часть должна была расположиться на томъ мѣстѣ на которомъ она кончила бой. На бивуакъ нужно было ожидать тревоги. Тревога подготавливалась въ тайнѣ, хотя всѣ, начиная съ капитана, до послѣдняго офицера, знали даже часъ когда будетъ ударена тревога. Въ мирное время расположеніе на бивуакъ, особенно въ хорошую погоду, представляетъ много и пріятнаго и заманчиваго. За то въ военное время бивуачная жизнь тяжела и непріятна. Отъ нея страдаютъ не одни простые солдаты, но даже полковое начальство. Даже и ему приходится нерѣдко отдыхать подъ старою половою обзвонъ лошади. Но бивуакъ о которомъ мы ведемъ рѣчь былъ бивуакъ мирнаго времени. Была осень, во вечеръ, тѣмъ не менѣе, былъ необыкновенно теплымъ, мягкимъ. Небо было ясное, земля сухая. Дровъ было достаточно и сторожевые огни ярко и весело горѣли. Мясa и картофеля было также много и солдатамъ предстоялъ сытый ужинъ. Что же касается вина и водки, то телѣги и корзины маркитантовъ и маркитантъшъ были полны бутылками.

Бригада къ которой принадлежала батарея перваго поручика лежавшаго больнымъ въ домѣ мельника бивуакировала на прекрасной мѣстности, въ разстояніи часа ѣзды отъ мельницы. Мѣстность эта была окружена невысокими холмами. Посрединѣ пролегла большая дорога. Одинъ конецъ этой дороги былъ искусно застроенъ засѣлкой, для того чтобы оградить ее отъ нападенія непріятеля. Здѣсь, въ передовомъ караулѣ, стояли два орудія, эскадронъ кавалеріи и двѣ роты пѣхоты. Тутъ относились очень строго ко всѣмъ приходящимъ. Даже королевскія почтовые кареты были останавливаемы кавалерійскимъ патрулемъ, приводимы къ шалаткѣ полковаго командира и затѣмъ уже были пропускаемы за границу лагеря. Всѣ же прочія кареты и коляски, а также и всѣ шедшіе пѣшкомъ или ѣхавшіе верхомъ и желавшіе посмотрѣть на бивуакъ, должны были отправляться на особое мѣсто, приготовленное для нихъ заранѣе.

Готфридъ Бурбусъ, подѣхавъ къ этому мѣсту, оставилъ экипажъ и лошадей подъ присмотромъ Андрея, а самъ, въ сопровожденіи Эриха и Фридриха, отправился къ лагерю.

Было еще свѣтло. Лагерь былъ въ безпорядкѣ: солдаты

устраивались на ночлегъ. Кавалеристы разсѣдывали лошадей, артиллеристы выпрягали ихъ. Въ землю вколачивались длинными рядами деревянные колья, ихъ обтягивали веревками и привязывали къ нимъ лошадей, надѣвъ имъ торбы.

Далеко отъ того мѣста на которомъ должны были загорѣться бивуачные огни, былъ расположенъ артиллерійскій паркъ. Орудія были разставлены въ строгомъ порядкѣ, какъ на учебномъ плацу.

Пѣхота, составивъ ружья въ козлы, разложила около нихъ аммуницію и рады и весело разговаривала и смѣялась. Пѣхота не знаетъ ухода за лошадьми. У нея меньше дѣла. На сторонѣ противоположной артиллерійскому парку горѣли бивуачные огни и готовилась ужина. Варили рисовую кашу и картофель съ саломъ. Солдаты свободные отъ занятій группами сидѣли вокругъ котловъ или лежали на животѣ, опираясь на руку. Они пили водку, курили, шутили и пѣли. Пѣхота пѣла:

Сидитъ мельникъ въ мельницѣ,
Мельникъ—ты бѣги, бѣги! и т. д.

Кавалерія пѣла:

Какъ попасть солдату въ рай?
Капитанъ, поручикъ?
Сядь на бѣлаго коня,
Онъ доставитъ тебя въ рай.
Капитанъ, поручикъ,
И солдатикъ удалой,
Мы подхватимте, подхватимъ,
Краску дѣвицу съ собой.

Артиллерія пѣла другую пѣсню, въ которой каждый куплетъ оканчивался прилѣвомъ:

Нашъ ударъ неотразимъ.
Мы въ горячій, жаркой битвѣ
Громоу, молвіей разимъ.

Пѣсни эти заглушались то радостными восклицаніями солдатъ, то фырканьемъ и ржаньемъ лошадей, то отдаленными звуками рожка или дробью барабана, то опять торжественною, прекрасною военною музыкой, игравшей предъ палаткой полковника.

Тамъ и самъ красовались бѣлыя холщевыя офицерскія

палатки, изукрашенныя пестрыми ротными значками или даже большими вѣтками изъ дубовыхъ листьевъ.

Но болѣе всего жизни и движенія было замѣтно у деревяннаго барака командующаго генерала. Это было очень удобное и прелестное помѣщеніе, устроенное по новому образцу и употребленное еще въ первый разъ на маневры. Здѣсь одна картина смѣнялась другой. Играла прекрасная военная музыка. Народу было много: всякій кто былъ свободенъ стремился сюда.

Эрихъ и его новые друзья бродили по лагерю взадъ и впередъ. Эрихъ былъ въ восторгѣ. Лицо его пылало, глаза сверкали. Онъ видѣлъ теперь предъ собою то о чемъ мечталъ будучи еще мальчикомъ, что постоянно занимало его воображеніе, постоянно преслѣдовало его. Предъ нимъ раскрылись картины той веселой, прекрасной военной жизни, о которой такъ любилъ разказывать его покойный отецъ. То онъ подходилъ къ пѣхотѣ, прислушивался къ веселому, оживленному разговору, радовался солдатскому смѣху и смотрѣлъ какъ солдатики курили изъ короткихъ трубокъ и какъ бутылка обходила непрерывно кругомъ. Онъ наблюдалъ какъ многіе изъ молодыхъ солдатъ или волонтеровъ, желая похвастаться, бились объ закладъ и выпивали цѣлые стаканы вина. То онъ опять подходилъ къ кавалеріи. Его трогала та заботаливость, та нѣжность съ какой солдатъ относился къ своей лошади. Здѣсь было больше согласія между солдатами, больше дружбы. Казалось что всѣ эти солдаты съ ихъ лошадьми представляли собой одну громадную семью. Вальтрапы и большія полоны употреблялись вмѣсто подушекъ. Солдаты пили водку и вино уже не изъ бутылокъ, а изъ стакановъ, и курили, вмѣсто трубокъ, сигары. Но больше всего привлекала Эриха артиллерія. Ему нравились блестящія, громадныя артиллерійскія орудія и онъ подходилъ къ нимъ такъ близко какъ только разрешали ему это часовые. Онъ нашелъ даже случай оказать конной батарее небольшую услугу. Онъ замѣтилъ что одна гнѣдая лошадь, постоянно качая головою, отвязала недоуздокъ отъ веревки прикрѣпленной къ колу, и готова была луститься по лагерю. Эрихъ подошелъ осторожно, но быстро къ лошади, прикрѣпилъ снова недоуздокъ къ веревкѣ и заслужилъ, такимъ образомъ, похвалу подбѣжавшаго артиллерійскаго унтеръ-офицера.

Затѣмъ они отправились къ бараку генерала. Когда они уходили, молодой лѣсничій улыбауся и сказалъ Эриху:

— Вы тамъ увидите и того господина съ которымъ встрѣнитесь сегодня утромъ. Взгляните туда гдѣ стоятъ эти два рагуа. — Вотъ тотъ гусарскій офицеръ и есть графъ Зефельдъ!

— Да, да! Это онъ!

— А, да тамъ собралась вся семья Зефельдовъ! Пойдите-ка поближе, это интересно!

И дѣйствительно, тяжелое, щегольское ландо остановилось, въ это мгновеніе, предъ палаткой генерала. Ландо сопровождалъ кавалерійскій патруль и оно должно было, какъ и другіе экипажи, стать на площадь назначенную для зрителей. Но въ это время показался на порогѣ палатки самъ генералъ и, сдѣлавъ рукою привѣтливое движеніе улыбающему офицеру, командовавшему патрулемъ, сказалъ:

— Не нужно. Мы слѣваемъ на этотъ разъ исключеніе. Завѣтъ онъ подошелъ къ ландо, окруженному офицерами, и сдалъ руку сидящему господину. Господинъ этотъ былъ не такъ старъ. Онъ не сидѣлъ, а скорѣе лежалъ въ своемъ ландо. Онъ былъ укутанъ въ широкую, дорогую шубу, и только изъ подъ собольяго, мягкаго воротника выглядывало блѣдно-желтое, восковатое лицо. Его фуражка имѣла длинныя, широкіе наушники. Для того чтобы лучше слышать, онъ отодвигалъ ихъ, изрѣдка, своими исхудалыми, дрожащими руками.

— Какъ я радъ, воскликнулъ генералъ, — что ваше сіятельство рѣшились, несмотря на прохладный осенній вечеръ, удостоить насъ своимъ посѣщеніемъ!

— Да, да, отвѣтилъ его сіятельство, такимъ голосомъ котораго никакъ вельзя было ожидать отъ этого дряхлаго, дупкаго тѣла. — Я, несмотря на мои привычки, всталъ сегодня чортъ знаетъ какъ рано, но я не могъ удержаться отъ желанія пріѣхать сюда, захотѣлось вспомнить прежнія, счастливыя времена. Ха, ха, мой старый генералъ, — смѣялся онъ, — предъ вами старая, давно отправленная на покой загодностью, лошадь, которая однако, при первомъ ударѣ рабана, наостряетъ уши. Однако, вы избрали себѣ прекрасное и удобное мѣсто.

— Да, ваше сіятельство, кажется что мѣстность удобна. Мы приняла бы съ радостью ваше приглашеніе и взяли бы

приступомъ вашъ замокъ. Но мой многоуважаемый другъ и начальникъ, нашъ ревизіонный генералъ боялся чтобы вашъ богатый погребъ не подѣйствовалъ слишкомъ увеселительно на многоуважаемыхъ господа офицеровъ!

— Нашъ многоуважаемый другъ слишкомъ строгъ, какъ на службѣ, такъ и въ службѣ. Однако мы его, — прибавилъ онъ, хрипло смѣясь и скорчивъ отвратительную гримасу, — мы его проведемъ, насколько возможно. Я велѣлъ приготовить и снабдить всѣмъ необходимымъ перядочную повозку. Чортъ знаетъ, она могла бы давно ужъ быть здѣсь. Твоя тетка, Дагобертъ, также будетъ здѣсь.

Послѣднія слова относились къ молодому графу Зеесфельду, стоявшему по другой сторонѣ экипажа. Старикъ, произнося ихъ, медленно повернулъ голову и окинулъ поле сѣбымъ, усталымъ взглядомъ.

— Не дурно бы было тебѣ посмотреть не прѣѣхала ли она, конечно, если тебѣ это позволить господивъ генералъ.

— Отправляйтесь верхомъ, дорогой графъ Зеесфельдъ, сказалъ генералъ самымъ любезнымъ голосомъ. — И такъ, мы будемъ имѣть удовольствіе видѣть здѣсь также графиню; какъ я радъ этому! Пользайтесь, пользайтесь скорѣе, а вамъ приказываю! Молодой гусарскій офицеръ легко вскочилъ на красиваго, гнѣдаго, стройнаго коня, котораго ему подвелъ верховой, и, поклонившись присутствующимъ, помчался по полю.

— Онъ молодъ, но дѣловый, прекрасный офицеръ! сказалъ генералъ, глядя ему вслѣдъ.

— Да, онъ еще очень молодъ и можетъ-быть со временемъ будетъ дѣловымъ солдатомъ.

— Онъ имѣетъ всѣ способности къ тому, ваше сіятельство. Это ужъ лежитъ въ крови. Сегодня утромъ, онъ съ своимъ эскадромъ, едва не завладѣлъ неприятельскою двѣнадцатифунтовою батареей. Будь теперь настоящая война, ему, вѣроятно, удалось бы это. Но вы знаете артиллерию. На нее, во время маневровъ, нельзя надѣяться. Она крѣпко придерживается разъ предначертанному плану и къ тому же она, на этотъ разъ, имѣла при себѣ шпіона. Онъ и выдалъ насъ.

— Не дурно, сказалъ, улыбаясь, старикъ. — Но я бы послалъ шпіона.

— Да, еслибъ вы были на войнѣ, ваше сіятельство, —

сегодня! Ну, какъ говорятъ, онъ не избѣгъ фухтелей. Но кто можетъ поручиться что черезъ вѣсколько дней объ этомъ не будетъ малечатаво въ газетахъ и постулокъ этотъ будетъ названъ жестокостью, своеволіемъ. Правда всѣ эти газеты куда негодное изобрѣтеніе.

— Скажите лучше, генераль, что это нечестивое, беззаконное изобрѣтеніе. Наши времена были лучше, впрочемъ, я хотѣлъ сказать что въ мое время было лучше, вы, сравнительно со мною, почти юноша.

— Полноте, ваше сіятельство, вы прекрасно сохранились.

— Можетъ-быть, если имѣть въ виду что мнѣ семьдесятъ лѣтъ. За то же я и живу точно картезіанецъ. Я провожу дѣлые дни въ постелѣ: сонъ, или, по крайней мѣрѣ, покой въ постелѣ только и поддерживаютъ мои силы.

Эрихъ слышалъ весь разговоръ. Онъ былъ блѣденъ и весь дрожалъ отъ гнѣва.

— Ахъ, не удерживайте меня, умоляю онъ, обращаясь къ молодому лѣсническому,—я хочу сказать имъ что тотъ кто увѣрялъ что меня били, солгалъ... Не одинъ ударъ не коснулся меня...

— Полноте ребячиться, отвѣчалъ Готфридъ, удерживая за руку Эриха, который стремился впередъ.—Будьте спокойны и не дѣлайте себѣ непріятностей. Они уже привыкли цѣлые дни боатать и выдумывать всякій вздоръ. Имъ вѣтъ никакого дѣла до того что дожъ ихъ кладетъ лятно, тѣмъ на пестъ ихъ ближняго. Право, не стоить, ради нихъ, навлекать на себя непріятности. Къ тому же мы можемъ потерять тогда это мѣсто, съ котораго такъ удобно наблюдать за всѣмъ что происходитъ вокругъ. А вотъ и графиня. Она довольно хороша собой.

И дѣйствительно, съ возвышенія спускалась небольшая группа наѣздяковъ. Впереди всѣхъ ѣхала амазонка. Она ѣхала вободно, смѣло управляя своимъ прекраснымъ воронимъ конемъ, безстрашно перескакивая рвы, небольшіе кустарники и большіе каменья. Направо отъ нея ѣхалъ графъ Зеefeldъ, малъ—штаалмейстеръ стараго графа. За нимъ, на порядочномъ разстояніи, слѣдовали стремляемые.

Старый графъ съ трудомъ повернулся въ своемъ экипажѣ и устремилъ свой тусклый, усталый взглядъ на блестящую гавалькаду. Онъ, видимо, хотѣлъ придать лицу своему болѣе жизни, оживленія, и не могъ. Губы его зашевелились, будто

онъ хотѣлъ что-то сказать. Но онъ промочалъ и съ улыбкой взглянулъ на молодую наѣздницу, приближавшуюся къ нему. Она близко подѣхала къ его экипажу, прижала руку своего хлыста къ губамъ и весело поклонилась старику.

— *Bon jour, mon amie*, сказалъ графъ.—Мы безпокоились на счетъ тебя. Господинъ генералъ былъ настоолько любезенъ что послалъ тебѣ на встрѣчу одного изъ своихъ кавалеристовъ.

— Генералъ очень любезенъ и добръ, отвѣтила прекрасная женщина, весело улыбаясь и низко поклонившись. Затѣмъ она бросила поводъ одному изъ стремянныхъ, слегка оперлась на плечо шталмейстера и легко и граціозно соскочила на землю.

— Счастливецъ, ты племянникъ достойный глубокой зависти! сказалъ одинъ изъ драгунскихъ офицеровъ, обращаясь къ молодому графу Зеefeldу.

— Да, но только племянникъ, отвѣтилъ пожимая плечамъ молодой графъ. Блѣдное лицо его при этомъ ясно говорило что онъ не лгалъ.

— Да, но во всякомъ случаѣ ты имѣешь право, въ качествѣ племянника, быть съ нею, оказывать ей небольшія услуги. Завидую тебѣ что ты можешь смотрѣть на нее, говорить съ ней.

— Я того же мнѣнія, сказалъ другой, уже пожилой драгунскій офицеръ.—Я подойду поближе къ палаткѣ, чтобъ имѣть только возможность быть въ ея оосѣдствѣ. Эта женщина можетъ съ ума свести челоуѣка. Взгляни-ка на эти изящныя, плавыя движенія, на эту грацію, на этотъ прекрасный станъ.

— Да, должно-быть чортъ помогъ изобрѣсти женщинамъ этотъ костюмъ для верховой ѣзды. Взгляни, какъ плавно обхватываетъ платье ея бюстъ. Нѣтъ, если я женюсь когда-нибудь, то главнымъ условіемъ въ брачномъ контрактѣ будетъ чтобы жена моя никогда не смѣла надѣвать амазонку. Я того мнѣнія что другимъ нѣтъ дѣла какъ сложена моя жена.

— Ты извѣстный ревнивецъ. Счастье что не всѣ твоего мнѣнія.

— И имѣть при этомъ, сказалъ пожилой драгунъ, — мужемъ такое пугало. Онъ былъ не лучше даже въ день своего брака. Его едва притащили въ калеллау. Она была тогда прелесною дѣвушкой, а теперь—это страстная, пылкая жена.

— Да, но только не жена своего мужа.

— Это предположеніе. Но кто можетъ похвалиться тѣмъ что заслужилъ хотя малѣйшую тѣнь вниманія этой прекрасной, очаровательной женщины? Она внимательна, вѣжлива, вотъ и все.

— Советую тебѣ, молодой Донъ-Жуанъ, испробовать въ слѣдующую зиму свое умѣнье и свои силы. Ты убѣдишься что здѣсь побѣда невозможна.

— Жаль, очень жаль, если ты говоришь правду.

— Впрочемъ это не должно помѣшать намъ увиваться около нея, подобно двумъ влюбленнымъ бабочкамъ, порхающимъ вокругъ цвѣтка. Помнишь лѣсню гранадскаго охотника:

Другой пусть розу ту возьметъ,
Не для меня она цвѣтетъ.

— Если съ нами будетъ то же, не унывай.

— За то насъ ждетъ шампанское. Фургонъ графа прибылъ и остановился предъ палаткой генерала. Взгляни, онъ зоветъ насъ.

— Ты былъ уже представленъ графинѣ? спросилъ пожилой драгунъ.

— Нѣтъ еще.

— Въ такомъ случаѣ пойдемъ. En passant я представлю тебѣ.

Фургонъ дѣйствительно остановился предъ палаткой генерала. Прислуга его сіятельства разостлала на травѣ громадный коверъ и начала разгружать повозку. Вскорѣ коверъ укрылся всевозможными лаштетами, дичью, жаркими и безисленными бутылками шампанскаго, бордо и другихъ винъ.

Графиня взяла на себя роль хозяйки. Она собрала всѣхъ дѣтянатовъ и всѣхъ офицеровъ - ординарцевъ генерала и азослала ихъ по всему бивуаку приглашать офицеровъ всѣхъ родовъ къ ужину. Желающихъ было много. Особенно было много молодежи у того мѣста гдѣ сидѣла молодая графиня. Ея грація, ея любезность, ея красота очаровывали всѣхъ.

И какое живописное, веселое зрѣлище представляло собою то громадное общество. Пировали и старые и молодые, тѣмъ было весело, всѣ шутили, смѣялись, заглушая своими голосами даже громкую военную музыку. Видѣлись всевозможные мундиры, и все это сверкало, искрилось золотомъ. Все это блестящее, яркое, шумное, ликующее общество

окуждало экилажъ стараго графа Зеefeldъ и единодушно просило его сѣятельство принять участіе въ ихъ ужинѣ. Увертеръ-офицеры и солдаты, привлеченные веселостію и шумомъ своихъ начальниковъ, стояли поодаль и радовались ихъ веселью.

Въ это время показалась на возвышеніи небольшая телѣга, покрытая бѣлымъ холстомъ. Двѣ сильныя, небольшія, но прекрасныя англійскія лошади были запряжены въ телѣгу. Трудно было разглядѣть кто правилъ лошадьми, такъ какъ повода лежали внутри телѣги, подъ холцевымъ матромъ. Видно было что сидящіе въ телѣгѣ желали привлечь на себя вниманіе. Доказательствомъ могли служить всевозможныя странныя вещи прикрѣпленныя къ задней части телѣги. Тамъ видѣлись маленькіе, окрашенные въ яркую краску дѣвственныя, видѣлся большой, бѣлый шаръ, покрытый золотыми звѣздами, свернутые флаги, всевозможныя цвѣтныя, потомъ нѣсколько трубъ и большой барабанъ. Наконецъ, за телѣгой бѣжали четыре прекрасныя, блестящія луделя, привязанныя одинъ къ другому. За телѣгой ѣхалъ конный патруль.

— Чортъ возьми, это что за гости? воскликнулъ сѣдѣющій генералъ.

— Это фокусники, артисты, доложилъ уланскій офицеръ. Они ѣдутъ изъ Берхгейма и хотятъ переночевать въ Цингенбергѣ. Я думаю что ихъ можно пропустить?

— И да и нѣтъ! весело вскричалъ главнокомандующій. Я думаю что эти фокусники пригодятся намъ. Потрудитесь графъ Зеefeldъ, разузнать кто эти люди, и не пожелаю ли они что-нибудь заработать.

— Генералъ, у васъ прекрасная идея! сказала графиня. Взгляните на этихъ луделей, они удивительно хороши.

Молодой графъ послѣдовалъ исполнить желаніе генерала быстро подошелъ къ телѣгѣ, стоявшей недалеко отъ лавки начальника. Въ телѣгѣ было тихо; ничто не мешало. Тогда онъ поднялъ холстяную покрывку. Крикъ, удивленіе и восторгъ вырвался изъ его груди. Глаза его встретились съ черными, блестящими глазами молодой, поразительно прекрасной дѣвушки. Ей было не болѣе восемнадцати лѣтъ. Костюмъ ея былъ какой-то фантастическій и удивительно шелъ къ ней. Корсетъ ея былъ разстегнутъ, да вообще весь костюмъ былъ въ какомъ-то обольстительномъ

безпорядкѣ. Она сидѣла на соломѣ телѣги, и завидѣвъ молодого офицера, улыбулась, показавъ при этомъ свои маленькіе, блестящіе, бѣлые зубки. Она была смугла, но кожа ея была такъ тонка и нѣжна что сквозь нея видѣлись всѣ жилки.

Молодой офицеръ просунулъ еще глубже свою голову подъ холстинную покрывку, желая узнать кто еще находился въ телѣгѣ. Онъ увидалъ что лошадьми правила старая, грязная женщина, курившая изъ короткой трубки. Въ углубленіи же телѣги сидѣла другая, еще молодая женщина, закутанная въ большую шаль и на колѣняхъ которой лежала дѣвочка лѣтъ десяти, двѣнадцати. Дѣвочка открыла глаза, но потомъ опять закрыла ихъ и, точно дрожа отъ холода, прижалась крѣпче къ блѣдой, молодой женщинѣ. Та старательно и заботливо покрыва ея старымъ ковромъ.

— Говоришь ли ты по-нѣмецки? спросивъ молодой графъ.

— Да, говоримъ, отвѣчала молодая дѣвушка. — Мы знаемъ также и по-чешски.

— Вы артистка? спросилъ опять графъ Зеefeldъ. Онъ и самъ не зналъ отчего перешелъ вдругъ отъ грубаго „ты“ къ вѣжливому „вы“.

— Мы составляемъ одну громадную семью артистовъ, фокусниковъ. Наши мушкетеры, со своими обозами и телѣгами, поѣхали впередъ другою дорогою.

— Ага! засмѣялся гусарскій офицеръ.— Они хотѣли избѣжать войска: должно-быть совѣсть ихъ не совѣсть чиста! Жаль однако что большая семья артистовъ здѣсь не вся, она могла бы заработать здѣсь хорошія деньги.

Старуха, заслышавъ слово „заработать“, опустила трубку, обернулась къ женщинѣ сидѣвшей въ углубленіи телѣги и сказала ей нѣсколько словъ на непонятномъ для графа Зеefeldъа языкѣ.

Блѣдая женщина нагнулась къ дѣвочкѣ и прошептала ей нѣсколько словъ. Дѣвочка, открывъ глаза, быстро встала и отвѣтила по-нѣмецки:

— Отчего же нѣтъ, если ты этого желаешь.

Тогда молодая красавица обратилась къ графу Зеefeldу, который смотрѣлъ на нее горячими глазами, и сказала ему:

— Если многуважаемые господа прикажутъ, то мы можемъ дать имъ небольшое представленіе. Будутъ танцы, а чудесное дитя покажетъ свою игру съ большимъ ядромъ.

Показать фокусы верховой ѣзды не совѣмъ удобно на этомъ луку; къ тому же тогда нужно осѣдлать и убраться лошадей, а это займетъ много времени.

— Это прекрасно, моя прелестная Эсмеральда, отвѣтилъ смѣясь молодой гусарь. — Но приказывать вамъ мы не можемъ; мы только просимъ. А вотъ и доказательство того какъ мы наградимъ васъ, если вы исполните наше желаніе.

Онъ приподнялъ свою ташку, открылъ искусно вдѣланный въ нее футляръ и вынулъ оттуда золотую монету. Затѣмъ онъ быстрымъ движеніемъ опустил монету за открытый корсетъ молодой красавицы. Дѣвушка вздрогнула, потомъ спокойно кивнула головой и начала тихо застегивать свой корсетъ. Молодой гусарь, опустивъ холщевую покрывку, отошелъ отъ телѣги и направился обратно къ генералу. Онъ доложилъ ему что въ телѣгѣ сидятъ женщины и дѣти, которыя согласны, если генераль того пожелаетъ, дать представленіе съ танцами и фокусами на большомъ шарѣ.

— Чтò вы скажете на это, графиня? воскликнулъ весело генераль.

— Я готова посмотреть ихъ представленіе. Прикажите имъ начать.

— А его сіятельство?

— О, что касается меня, возразилъ графъ Зеefeldъ, — то я, пользуясь правами старости, удалюсь во-своа си. Правда, на небѣ звѣзды ярко горятъ, но тѣмъ не менѣе уже сыро и мнѣ лора домой. Но я прошу мою жену и васъ, генераль, не стѣсняйтесь и прикажите этимъ артистамъ танцовать и играть сколько вамъ захочется. Изабелла разкажетъ мнѣ обо всемъ сегодня вечеромъ. Прощайте, генераль! Надѣюсь что на дняхъ вы прїѣдете ко мнѣ поохотиться. Прощай, та chère amie, до свиданія! Закройте экипажъ, — приказалъ онъ затѣмъ, — а теперь назадъ, домой!

Старикъ уѣхалъ. Молодой графъ Зеefeldъ и его друзья разостлали по травѣ большой коверъ и помогли женщинамъ снять съ телѣги лѣстницы и большой шаръ.

— У насъ нѣтъ музыки, сказала молодая дѣвушка.

— Ну, въ этомъ нѣтъ недостатка! возразилъ лодошедшій генераль. Онъ принялся, съ видомъ знатока, осматривать стройную, прелестную Цыганку. Но онъ далеко не видѣлъ того что видѣлъ прежде молодой гусарь. Эсмеральда, какъ

ее прозвалъ молодой графъ, накинула на свои черные, роскошные волосы красный платокъ, а вокругъ тонкой талии обвила изящную, шитую золотомъ шаль.

— Музыки у насъ достаточно, повторилъ генераль, и позволялъ къ себѣ капельмейстера.—Ну-съ, дѣтя мое, что прикажете играть?

— Качучу.

— Итакъ, г. капельмейстеръ, прикажите сыграть качучу. Это мой любимый танецъ.

Заиграли качучу, и молодая Цыганка начала танцевать. Она танцевала легко, граціозно. Каждое движеніе горѣло огнемъ, страстью. Особенно удался ей конецъ танца.

Молодые офицеры, окружавшіе ее, бѣшено аллодировали ей и громко выражали свое удивленіе и свой восторгъ.

Молодой графъ Зеefeldъ весь отдался заботѣ объ этой маленькой труппѣ. Нѣсколько солдатъ, по его приказанію, накормили, конечно тайкомъ, прелестныхъ лошадей молодой Цыганки и угостили старуху остатками лаштета и бутылкой хорошаго вина. Блѣдная женщина, сидѣвшая въ углубленіи тѣлѣги и не локидавшая во все время своего мѣста, также не была забыта. Она выпила рюмку вина и съѣла кусочекъ хлѣба. Отъ всего же другаго она отказалась. Графъ Зеefeldъ приказалъ также отвезти всѣ остатки ужина и оставшіяся бутылки вина въ тѣлѣгу. Затѣмъ, по окончаніи качучи, онъ подошелъ къ генералу и доложилъ что теперь начнетъ свое представленіе чудесное дитя.

— Слушайте господя, и смотрите! воскликнулъ весело лавнокомандующій. — Обратите вниманіе, теперь начнетъ чудесное дитя!

И дѣйствительно, предъ зрителями оказалась прелестная, стройная дѣвочка. На ней была бѣлая шерстяная юбочка, голубая кофточка и красные полусаложки. Густые, свѣтлые волосы придерживались блестящими металлическими обручами. Трудно было опредѣлить сколько ей лѣтъ. Она была довольно высока, необыкновенно стройна и грудь и плечи ея казались уже нѣкоторую округлость. Но ея блѣдное, тонкое личико, ея большіе, прекрасные глаза носили въ себѣ отпечатокъ полнаго дѣтства, невинности, чистоты. Она осталась предъ зрителями и тихо, граціозно поклонилась. Оркестръ заигралъ блестящую польку и дѣвочка, стоя на шарѣ, начала свои удивительные фокусы.

Графъ Зеефельдъ подошелъ къ Эсмеральдѣ, стоявшей за тѣлгой, и, предложивъ ей стаканъ шампанскаго, тихо спросилъ ее:

— Гдѣ будете вы сегодня ночью?

— Въ деревнѣ называемой Цвингенбергомъ, мой прекрасный офицеръ. Деревня эта не далеко отсюда.

Она говорила вѣжливо, но тѣмъ не менѣе въ звукѣ ея голоса слышался оттѣнокъ насмѣшки, злой насмѣшки. Затѣмъ она продолжала болѣе спокойнымъ голосомъ:

— Старуха знаетъ дорогу въ Цвингенбергъ, она уже бывала тамъ.

— Могу я тебя отыскать тамъ?

— Къ чему? Нѣтъ! Тамъ всѣ наши, это можетъ вселить въ нихъ подозрѣнiе. Да и что вамъ отъ меня, простой Цыганки!

— Я хочу достать золотую монету которую я опустилъ тебѣ за корсетъ и я дамъ тебѣ, взаменъ ея, десять другихъ, прошелталъ онъ, наклонившись къ ней.

— О, эта монета не лучше другихъ, подобнахъ ей! сказала она, смѣясь, показывая свои прекрасные, бѣлые зубы.

— Нѣтъ, ты ошибаешься. Та монета дорога для меня: она согрѣта горячею кровью твоего сердца, твоей груди.

— Вы ошибаетесь, отвѣтила она, отступивъ назадъ. — И кровь и сердце во мнѣ холодны какъ ледъ.

— Bravo, bravissimo! раздавалось оттуда гдѣ было чудесное дитя. Затѣмъ раздался громкiй голосъ генерала:

— Дѣйствительно, это чудесное дитя! Увѣряю васъ, господа, я не видалъ ничего подобнаго.

Чудесное дитя, стоя на шарѣ, катилась на немъ по ковру, вокругъ, съ необыкновенною силой и быстротой. Затѣмъ, когда шаръ еще былъ въ подномъ движенiи, она опустилась, сѣла на него и, управляя руками, продолжала быстро кататься вокругъ. Зрители были въ восторгѣ.

— Итакъ, нѣтъ никакой возможности увидеть тебя сегодня ночью въ Цвингенбергѣ? продолжалъ настойчиво молодой гусаръ.

— Нѣтъ.

— А куда вы отправитесь завтра?

— Не знаю. Я думаю, мы пробудемъ здѣсь нѣсколько дней и затѣмъ отправимся въ столицу.

— Я найду тебя и тамъ, порывисто прошелталъ молодой

офицеръ. Онъ слышалъ какъ его позвали. — Можетъ-быть я встрѣчусь съ тобою завтра или послѣзавтра... Иду! что случилось?

Генералъ ласково кивая ему головой шель ему на встрѣчу.

— Вы прекрасно устроили все, а теперь, будьте такъ добры, наградите, отъ моего имени, этихъ людей. Смѣю ли я просить....

— Онъ протянулъ свою руку молодому офицеру. Но тотъ, отстранивъ ее съ глубокимъ поклономъ, отвѣтилъ:

— Если вы не будете противъ этого, генералъ, то я покорнѣе просилъ бы васъ позволить мнѣ наградить ихъ отъ имени моего дяди. Мы въ его имѣніи и на его землѣ, и онъ не простилъ бы мнѣ еслибъ я наложилъ такимъ образомъ контрибуцію на его уважаемыхъ гостей.

— Ну, я не буду спорить съ вами объ этомъ, возразилъ генералъ, ловко олутивъ кошелекъ въ карманъ. — Я слишкомъ уважаю и почитаю господина графа, вашего дядюшку, и не намѣренъ идти противъ его желанія?

Графиня Зеefeldъ съ видимымъ удовольствіемъ присутствовала при этомъ представленіи. Вечеръ былъ прекрасный. Небо сверкало звѣздами. Музыка играла непрерывно: одинъ военный оркестръ смѣнялся другимъ. Графиня играла роль королевы въ этомъ блестящемъ, разнообразномъ обществѣ. Генералъ не отходилъ отъ нея; всѣ офицеры, старые и молодые, валереры въ старались занять ее своими шутками, ловили каждое ея слово, каждый взглядъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нея стоялъ ея штабмейстеръ. Онъ былъ высокъ, строенъ, прекрасенъ. Онъ наблюдалъ за лошадьми графини Зеefeldъ, которыхъ водили позади палатки его превосходительства, ю въ то же время онъ былъ неотлучно близъ своей госпожи. Онъ слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ, желая предвидеть ея желанія, приказанія, не спускалъ съ нея глазъ.

Графиня подозвала, по окончаніи представленія, къ себѣ иудское дитя. Она дала дѣвчкѣ золотую монету и начала съ нею разговаривать. Это было странное, необыкновенное дитя. Она была необыкновенно стройна, тонка. Лицо блѣдое, исхудалое, но со строго правильными чертами. Замѣчательно было то полное равнодушіе, холодность, съ какимъ она относилась ко всему окружающему. Глаза дѣвочки были стремлены на прекрасную графиню, но видно было что мысли

ей были далеко, что ей не было никакого дѣла ни до графини, ни до другихъ.

Дѣвочка, принявъ отъ графини деньги, нагнулась и поцѣловала ея платье. Но она это сдѣлала механически, будто по привычкѣ. Лицо ея не выражало ни радости, ни участія. Оно осталось спокойно, безжизненно, и только на губахъ ея задрожала едва замѣтная презрительная улыбка.

Затѣмъ графиня встала и, протянувъ генералу руку, сказала:

— Однако, пора домой. Какъ вдругъ стемнѣло. Какое прекрасное зрѣлище представляютъ собою эти бивуачные огни.... Жаль что у меня нѣтъ времени проѣхать по лагерю. Правда, наша большая дорога влодвѣ безопасна, но я, тѣмъ не менѣе, не хотѣла бы вернуться поздно домой.

— Я счелъ бы за особенное счастье, отвѣтилъ любезный старикъ, — еслибы вы разрѣшили мнѣ проводить васъ домой съ эскадромъ гусаръ. Что вы скажете на это, господа?

Со всѣхъ сторонъ пронесся ропотъ одобренія, слышалось *delicieux, superbe, charmant*, какъ это весело! Охотниковъ проводить графиню оказалось много. Но графиня, поблагодаривъ всѣхъ, объявила что ѣдетъ одна. Она сдѣлала движеніе рукой и къ ней подошелъ шталмейстеръ, подвода ея лошадей. Но въ это же самое мгновеніе произошла рѣзкая перемѣна въ лагерѣ. Бивуачные огни, музыка, веселье и смѣхъ, все измѣнилось.

V. Тревога и нападеніе на лагерь.

Офицеры и солдаты старались такимъ образомъ развѣять, насколько было возможно, скуку и однообразіе лагерной жизни. Патрули, между тѣмъ, непрерывно ѣздили къ форпостамъ чтобъ убѣдиться что бивуаку не угрожаетъ опасность. Нечего и говорить что опасности никакой не было. Все было спокойно. Патрули привезли форпостамъ нѣсколько бутылокъ хорошаго вина и получили, въ замѣнъ этого, прекрасныя сигары.

— Расположитесь хорошенько, насколько это возможно, оказали они форпостамъ. — Тревоги и нападеныя со стороны неприятеля не произойдетъ, вѣроятно, раньше трехъ часовъ.

— Чортъ бы лобралъ эту службу на форпостахъ! отвѣтилъ молодой драгунскій поручикъ.

Онъ расположился лагеремъ со своимъ эскадронемъ по ту сторону большой дороги, на очень низменной мѣстности. При немъ не было огня.

— Вы, говорятъ, ведете совсѣмъ разгульную жизнь. Товарищъ мой лѣхотный, офицеръ, который лежитъ вотъ тамъ, отправился внизъ потихоньку и передалъ мнѣ что у васъ тамъ молодая Цыганка танцуетъ. Ну, еслибы старикъ за горамъ подозрѣвалъ это, задалъ бы онъ вамъ перцу.

— Насъ это нисколько не беспокоитъ, другъ мой. Развѣ у насъ не превосходные форпосты? Развѣ твоя рука не охраняетъ насъ? Нѣтъ, мы вполне покойны. Не худо было бы даже прилечь немного. Итакъ, нѣтъ ничего новаго?

— Хотѣлъ бы я знать что можетъ произойти здѣсь новаго: все тотъ же прохладный вѣтеръ и та же дурная водка, voilà tout! Правда, товарищъ мой, лѣхотинецъ, говоритъ что слышалъ стукъ экилажей или повозокъ, но это, вѣроятно, повозки нагруженные товарами или дровами. Впрочемъ я, на всякій случай, двинулъ впередъ патруль. Если я не ошибаюсь, это онъ тамъ возвращается!

Молодой драгунскій офицеръ всталъ при этихъ словахъ, и заслонилъ, будто отъ свѣта, глаза рукой.

— Чортъ возьми, вотъ такъ патруль.... Смотри, какъ быстро онъ скачетъ.

— Послушай, это что-то подозрительное.... Я на твоёмъ мѣстѣ приказалъ бы созвать всѣхъ сигналомъ и приказалъ бы сѣсть всѣмъ на лошадей.

— А ваше мнѣніе, вахмистръ Кляндлеръ? воскликнулъ молодой драгунскій офицеръ.

— Я того мнѣнія, господинъ поручикъ, что это не что иное какъ неожиданное нападеніе со стороны непріятеля. Чортъ меня возьми, если я ошибаюсь! Взгляните, на молодцахъ походныхъ фуражки. Примите мой совѣтъ, господинъ поручикъ, прикажите созвать всѣхъ по сигналу и сѣсть всѣмъ на лошадей. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Но къ несчастью, трубачъ скрылся куда-то, и не было возможности найти его. Къ тому же многіе пошли на возвышенія, чтобы послушать оттуда музыку.

— Чортъ бы ихъ всѣхъ лобралъ! воскликнулъ молодой

драгунскій офицеръ, вскочивъ на лошадь. Вахмистръ и остальные солдаты послѣдовали его примѣру.

— Что же дѣлать теперь?

— Тебѣ предстоитъ теперь прекрасный случай отличиться, возразилъ смѣясь другой драгунскій офицеръ, направляя свою лошадь къ бивуаку. — Тебѣ слѣдуетъ встрѣтить здѣсь на верху кавалерію, слѣдуетъ биться и умереть геройскою смертью. Я тѣмъ временемъ поскачу внизъ и подниму тревогу въ лагерѣ. Это также въ своемъ родѣ удовольствіе.

— Пожалуй, пусть будетъ по твоему! закричалъ ему во слѣдъ другой. Онъ и сердился и смѣялся. — Итакъ, я умру здѣсь на верху геройскою смертью. Прощай, товарищъ, заплати мои долги и поклонись отъ меня Лотхенъ!

Тотъ быстро поскакалъ. Онъ былъ уже на возвышеніи большой дороги. Предъ нимъ былъ раскинутъ лагерь. Все наслаждалось покоемъ, все беззаботно веселилось. Бивуачные огни ярко горѣли. Оркестръ игралъ успокоительную, меланхолическую и всѣмъ извѣстную пѣсню:

Ich weiss nicht was soll es bedeuten,
Dass ich so traurig bin.

Драгунскій офицеръ остановился и выстрѣлилъ на воздухъ изъ ружья. Его солдаты послѣдовали его примѣру.

Выстрѣлы эти раздались какъ разъ въ ту минуту когда прекрасная графиня, сидя на лошади, прощалась съ генераломъ. Она протянула ему руку, которую генералъ поцѣловалъ съ уваженіемъ. Вдругъ раздались выстрѣлы. Генералъ испуганно отскочилъ назадъ, взглянулъ на верхъ и сказалъ:

— Кажется самъ чортъ разыгрался тамъ на верху. Что бы это означало?

Но въ слѣдующее мгновеніе стало уже все ясно. Драгунскій офицеръ не успѣлъ еще подѣхать къ генералу какъ уже все на большой дорогѣ измѣнилось, ожило. Показалась громадная, темная масса, которая быстро приближалась къ лагерю. Затѣмъ сверкнулъ налѣво острый, точно молнія, лучъ и раздался глухой пушечный выстрѣлъ. Послѣ перваго луча сверкнулъ второй, затѣмъ третій, четвертый, пятый, шестой.

— Однако это противъ всякаго порядка и условія! вскричалъ разсерженный генералъ. Адъютанты его и дежурные офицеры, вскочивъ на лошадей, поднимали тревогу въ отдѣльных частяхъ войска.

— Развѣ возможенъ надлежащій порядокъ, если нападеніе, напередъ извѣстное, совершается нѣсколько часовъ ранѣе назначеннаго времени!

— Извините меня, графиня, но я долженъ послать этимъ бандитамъ на встрѣчу часть кавалеріи. Я былъ бы не прочь еслибъ они схватились хорошенько и побили плетью этихъ дерзкихъ артиллеристовъ. Господинъ полковникъ фонъ-Швенкенбергъ, закричалъ онъ драгунскому командиру, скакавшему на верхъ, — форпосты тамъ на верху принадлежатъ къ вашему полку. Слѣдуетъ хорошо изслѣдовать дѣло и строго наказать ихъ. Чортъ бы подралъ этихъ лѣнливцевъ! Соберите немедленно ваши эскадроны и сдѣлайте нападеніе на эти проклятыя батареи. Я вышлю вамъ немедленно лѣхоту!

Затѣмъ генераль, поклонившись графинѣ, вскочилъ на лошадь и помчался на встрѣчу своей артиллеріи, приказавъ ей вернуться назадъ и расположиться на возвышеніяхъ, окружающихъ лагерь.

Драгунскій полковникъ фонъ-Швенкенбергъ подѣхалъ къ полковому адъютанту и сердито спросилъ его:

— Скажите, кто изъ этихъ вертопраховъ сыгралъ съ нами эту шутку? Нечего сказать, онъ прекрасно сторожилъ! Развѣ это лорядокъ, господинъ ротмистръ фонъ-Бланкеншейдъ! Наказать его! Кто этотъ несчастный? Однако пойдемте, а то мы не застанемъ его. Какъ имя этого несчастнаго?

— Поручикъ графъ фонъ-Горнъ, отвѣтилъ адъютантъ, мчась за своимъ начальникомъ.

— Онъ умеръ геройскою смертью, сказалъ смѣясь своему товарищу драгунскій офицеръ, ведшій патруль. — Миръ его праху!

— И да будетъ ему честное погребеніе при штабномъ профосѣ!

Прекрасная графиня все еще находилась на бивуакѣ. Она смотрѣла какъ быстро офицеры садились на лошадей, какъ быстро они исчезали. Глаза ея сверкали, губы были полуоткрыты. Она прислушивалась къ звукамъ трубъ, къ дроби барабановъ, къ раскатистымъ громовымъ ударамъ лушекъ. Затѣмъ она, не обративъ никакого вниманія на боязливые взгляды своего шталмейстера, ударила свою лошадь и полетѣла за драгунами, которые сомкнутымъ фронтомъ приближались къ возвышенію.

Всѣ зрители, окружавшіе палатку генерала, также разбрелись по разнымъ сторонамъ, разыскивая свои экипажи. Стрѣльба была оглушительная, непрерывная. Молодой Бурбусъ, схвативъ маленькаго Фридриха за руку, направился къ своей повозкѣ. Онъ просилъ Эриха слѣдовать за нимъ.

Эрихъ не двигался съ мѣста. Окружающая картина дѣйствовала на него такъ сильно что онъ просто оцѣмѣлъ отъ восторга. „Да, такъ должно быть и на войнѣ“, думалъ онъ. „Только удары тамъ смертельны, да пушки и ружья заряжены пулями“. И дѣйствительно, эта ночная битва представляла собою прекрасное зрѣлище. Вездѣ кругомъ стояла войска и все было въ движеніи. Эрихъ стоялъ на прекрасномъ мѣстѣ: онъ могъ наблюдать за всѣмъ что происходило вокругъ него. И какъ красиво было отдѣльныя батареи, то погруженныя во мракъ и представлявшія собою одну сплошную темную массу, то опять освѣщаемыя, правда на секунду, сверкающимъ огненнымъ свѣтомъ выстрѣловъ! Канониры при этомъ освѣщались яркимъ свѣтомъ и стояли точно демоны въ облакахъ бѣлаго, высоко поднимающагося дыма.

Нападающіе дѣйствовали, должно-быть, не совсѣмъ обдуманно. Видно было также что у нихъ не было достаточно войска. Хотя батареи ихъ и стояли на возвышеніи и стрѣляли непрерывно, тѣмъ не менѣе видно было что силы не увеличивались. Къ обороняющимся, напротивъ, постоянно прибывали новыя батареи. Эти послѣднія подвигались все впередъ и стрѣляли такъ сильно что Эрихъ, несмотря на прекрасную картину открывшуюся ему, видѣлъ необходимость удалиться.

Эрихъ хотѣлъ уже идти поперекъ поля, чтобы догнать повозку молодаго лѣсничаго. Но онъ остановился, замѣтивъ что Цыганки все еще стояли на прежнемъ мѣстѣ. Онъ слышалъ также ясно, какъ молодой, сильно взволнованный голосъ сердился, упрекалъ кого-то. Эрихъ тотчасъ же понялъ въ какомъ положеніи находились эти бѣдные люди. Онъ приблизился къ нимъ, чтобы предложить имъ свои услуги. Молодая, красивая дѣвушка, прозванная офицерами Эсмеральдой, стояла у повозки, сдерживая горячихъ, нетерпѣливыхъ лошадей. Глаза ея сверкали гнѣвомъ, голосъ дрожалъ. Предъ нею стояла старуха, почти лылая, съ бутылкой въ рукѣ. Эсмеральда упрекала ее горько, страстно. Изъ повозки показалась блѣдая, болѣзненная женщина. Она говорила на нѣ-

медкомъ языкѣ и звала къ себѣ чудесное дитя: „Войди, Бланда, войди. Они могутъ тебя не замѣтить и переѣхать. Въ повозкѣ безопасно. Войди, Бланда, я прошу тебя!“

Но чудесное дитя не двигалось съ своего мѣста, не отвѣчало. Она съ видимымъ интересомъ смотрѣла на происходившее предъ нею зрѣлище. Но лицо ея выражало все то же глубокое, поражающее спокойствіе. Эсмеральда не унималась. Она бросилась на старуху, сильно потрясла ее, выхватила у нея бутылку и откинула ее далеко въ поле. Въ это же самое время лошади, почувствовавшія себя на свободѣ, сдѣлали сильное движеніе впередъ. Эрихъ, къ счастью, сдержалъ ихъ.

— Ахъ, мой прекрасный молодой господинъ! воскликнула, плача, молодая Цыганка. — Помогите намъ въ нашемъ несчастіи, помогите намъ, бѣднымъ женщинамъ. Зачѣмъ насъ удержали, мы теперь были бы давно уже со своими!

— А куда хотите вы?

— Мы ѣдемъ къ мѣстечку называемому Цвингенбергъ. Наши мужья и наши женщины уже давно тамъ. Но какъ намъ отправиться теперь туда? Я не знаю дороги, а старуха совершенно пьяна отъ вина, которое ей дали.

— Времени, конечно, не слѣдуетъ терять, сказалъ Эрихъ, взглянувъ озабоченно на возвышеніе большой дороги. Тамъ все еще стояли войска. Эрихъ замѣтилъ что они намѣревались выступить въ самую долину.

— Помоги намъ, прекрасный господинъ. Небо наградитъ васъ!

— Хорошо. Но прежде всего нужно отнести старуху въ повозку. Я возьму дѣвочку. Пойдемъ, дитя мое, сказалъ онъ дѣвочкѣ, — вамъ опасно оставаться здѣсь долѣе.

— О, я не боюсь!

— Можетъ-быть. Ты еще не знаешь что такое оласность. Но послушайся меня. Позволь, я подниму тебя и посажу въ повозку.

— Пожалуй!

Эрихъ взялъ на руки прелестное дитя, подошелъ къ повозкѣ и положилъ дѣвочку на колѣни блѣдной молодой женщины. Она тихо улыбнулась Эриху. Глаза ея сіяли кротко, ласково.

Не такъ - то легко было Эсмеральдѣ усадить старуху. Но наконецъ, употребивъ всѣ силы, она отнесла ее въ повозку. Старуха упала на солому и заснула. Затѣмъ

Эсмеральда съѣла около Эриха, который правилъ лошадьми. Эрихъ окинулъ острымъ взглядомъ окружающее его пространство, разчитывая по какой дорогѣ ѣхать. Ѣхать по большой дорогѣ было невозможно; оставалось поле. Но Эрихъ, къ счастью, вспомнилъ что черезъ ровъ большой дороги ведетъ небольшой мостъ. Онъ направился къ этому мосту. Войска были отъ него такъ близко что онъ ясно слышалъ командныя слова, слышалъ бряцанье лошадиныхъ сбруй, слышалъ какъ ржали лошади.

Наконецъ, они проѣхали мостикъ. Эрихъ направилъ лошадей направо, и онъ быстро побѣжали.

Надѣво отъ него находились сплошныя массы пѣхоты. Онъ ждалъ приказанія начальника чтобъ атаковать непріятеля, находившагося на возвышеніи.

Они ѣхали всего нѣсколько минутъ, какъ вдругъ встрѣтили отрядъ кирасировъ. Ихъ остановили, спросили кто они и куда ѣдутъ.

— Женщины и дѣти, которыя спасаются бѣгствомъ, отвѣтилъ Эрихъ.

— Слѣдовало бы задержать ихъ, особенно если онъ хороши, отвѣтили ему смѣясь. Эрихъ сильно ударилъ лошадей. Онъ полетѣли по полю, миновали небольшое возвышеніе и вскорѣ были въ сторонѣ отъ лагеря. Выстрѣлы доносились все неяснѣе, все рѣже.

На небѣ показался мѣсяцъ. Его мягкіе, ясные лучи освѣтили все поле, по которому ѣхала повозка, освѣтили и самую повозку. Они ѣхали по покатою, ухабистой дорогѣ. Миновавъ ее, они выѣхали въ темное, узкое ущелье и наконецъ, послѣ порядочнаго обѣзда, очутились опять на большой дорогѣ.

Мѣсяцъ ярко освѣщалъ Эриха. Молодая Цыганка нѣсколько разъ смотрѣла на него украдкой. Видно было что нарѣчность Эриха нравилась ей. Затѣмъ она, вздрагивая будто отъ холода, закуталась въ свою старую шаль и прижалась къ плечу Эриха. Молодой человѣкъ ласково улыбнулся ей и просилъ ее не стѣсняться, а сѣсть такъ какъ ей удобно.

— Мы скоро выѣдемъ на хорошую дорогу, сказалъ онъ ей.

— А въ Цвингенбергъ мы скоро пріѣдемъ? спросила Эсмеральда.

— Если Богу угодно, то черезъ четверть часа пріѣдемъ. Вотъ это ущелье немного опасно, здѣсь придется тише

ѣхать.... А вотъ и большая дорога. Въ какую гостиницу Цвингенберга отвезти васъ: въ гостиницу „Бѣлаго Лебеда“ или въ „Виноградную Лозу“? Это были названія обѣихъ гостиницъ маленькой деревни.

Но Цыганка, покачавъ головой, засмѣялась и отвѣтила:

— Ни въ одну, ни въ другую. Мы имѣемъ свою собственную гостиницу; она лучше, прекраснѣе другихъ, особенно въ такую чудную ночь. Насъ ждетъ мягкій, зеленый коверъ.... Ждутъ прекрасныя, вѣтвистыя деревья и холодный журчащій ручей.... А надъ нами блестящій покровъ, усыянный мириадами свѣтлыхъ, чудныхъ звѣздъ....

— А, я понимаю! отвѣтилъ Эрихъ. — А освѣщать васъ будетъ ясный, свѣтлый мѣсяцъ, не правда ли?

— Да, васъ будетъ освѣщать мѣсяцъ, будутъ освѣщать звѣзды.... Но у насъ и огни горятъ, правда, не такіе какіе горѣли въ лагерѣ, продолжала она, весело улыбаясь.— Тамъ, вокругъ огней, стояли дикія лошади, дикіе люди.... Нѣтъ, у насъ тихо, мирно.... Мы сидимъ по цѣлымъ часамъ предъ нашими огнями, любуемся переливами и красными огнями... Эти огни разказываютъ намъ старыя, чудныя сказки, вспоминаютъ намъ нашу дальнюю родину. Ахъ, какъ они прекрасны, какъ я люблю ихъ!

Они вѣхали на большую дорогу. Они должны были проѣхать мимо каменнаго столба, на которомъ Эрихъ сидѣлъ сегодня утромъ. Эрихъ, взглянувъ на него, невольно улыбнулся. Сколько новыхъ, чудныхъ ощущеній пережилъ онъ въ этотъ день! Это былъ самый замѣчательный, самый богатый день его молодой жизни! А вотъ и Цвингенбергъ! Эрихъ былъ доволенъ тѣмъ что ему не нужно было ѣхать ни въ гостиницу „Бѣлаго Лебеда“, ни въ „Виноградную Лозу“. Еще сегодня утромъ видѣли его всѣ въ длинномъ, черномъ сюртукѣ, а теперь онъ одѣтъ въ прекрасномъ охотничьемъ костюмѣ. Его бы всѣ осудили, тѣмъ болѣе еслибъ увидѣли что онъ ѣдетъ съ Цыганками.

Но куда же ихъ везти? Гдѣ ихъ таборъ? Они уже вѣзжали въ деревню. Эрихъ взглянулъ на свою молодую спутницу. Она ловяла его взглядъ и отвѣтила ему:

— Тамъ, налѣво отъ дороги, протекаетъ ручей. Нашъ таборъ остановился у большаго, прекраснаго луга, который долженъ лежать направо отъ ручья.

Эрихъ поѣхалъ вдоль ручья. Дѣйствительно, нѣсколько

минуть спустя, показались свѣтлые, веселые огни. Молодая Цыганка, завидѣвъ ихъ, быстро вскочила съ своего мѣста, обернулась назадъ и произнесла сидѣвшимъ въ повозкѣ нѣсколько словъ, на непонятномъ для Эриха языкѣ.

Эрихъ подѣхалъ къ самому большому очагу. Вскорѣ повозку окружила толпа мушницъ, женщинъ и дѣтей.

Это были странные, смуглые, пестро-одѣтые люди.

Высокій, широкоплечій мушницинъ подошелъ также къ повозкѣ и поднялъ изъ нея Эсмеральду. Она тихо сказала ему нѣсколько словъ. На мрачномъ лицѣ его показалась довольная, почти веселая улыбка. Затѣмъ онъ откинулъ холщевую покрывку повозки и бережно помогъ блѣдой молсдой женщинѣ сойти. Онъ посадилъ ее на траву, у самаго огня.

Нѣсколько молодыхъ женщинъ подошли къ Бландѣ, взяли ее на руки, поднесли къ огню и усадили ее на кучу одѣвъ и ковровъ. Затѣмъ онѣ принялись согрѣвать ея окоченѣвшія руки и ноги. Дѣвочка оставалась ко всему равнодушною. Она молчала и не благодарила за эти изъявленія ласки и заботы. Только изрѣдка кивала она головою подходившимъ къ ней мушницамъ и дѣтямъ. Всѣ они толпились около нея и ласково улыбались ей.

Эрихъ, между тѣмъ, долженъ былъ выслушивать изъявленіе благодарности со стороны Эсмеральды и высокаго, широкоплечаго мушницина. Послѣдній видимо пользовался большимъ значеніемъ въ цыганскомъ таборѣ. Молодая блѣдая женщина также подошла къ Эриху. Она положила свои руки на плеча его и сказала своимъ мягкимъ, глубоко взволнованнымъ голосомъ:

— Благодарю васъ, мой добрый другъ. Я вѣчно буду молить Господа чтобъ Олъ былъ всегда съ вами и не покидалъ васъ въ минуту горя и страха!

Свѣтлые лучи мѣсяца ярко свѣтили на нее, и Эрихъ, взглянувъ на ея блѣдное, благородное лицо, изумился тому сходству которое оне имѣло съ личикомъ Бланды. Эрихъ понялъ что предъ нимъ стоитъ мать чудеснаго дитяти. Онъ хотѣлъ уже покинуть таборъ, какъ вдругъ къ нему подбѣжали дѣти. Они требовали чтобъ онъ подошелъ къ Бландѣ, желавшей также поблагодарить его.

Бланда, быстро соскочивъ со своихъ подушекъ, подошла къ Эриху и сказала ему:

— Благодарю тебя за то что ты былъ такъ добръ и при-

везь насъ сюда. Поцѣлуй меня, я не забуду тебя!“ Она протянула ему свои руки, но потомъ, когда онъ нагнулся къ ней, быстро обняла его и прижала свои тонкія, холодныя губы къ его лицу. „Прощай! Прощай!“

Странно, ни одна благодарность, ни одна ласка не подѣйствовала на него такъ сильно, какъ благодарность этой удивительной, ко всему равнодушной дѣвочки. Онъ ушелъ, но нѣсколько разъ поворачивался и кивалъ головою Бландѣ. Она все еще стояла у костра и смотрѣла на него.

Эрихъ долго еще воспоминалъ эту странную, своеобразную картину: яркій, пылающій огонь, а у огня стройный, почти воздушный образъ дѣвочки. Долго воспоминалъ онъ ея блѣдное, изящное, благородное личико, освѣщаемое полною луной... Оно было такъ печально, такъ серьезно и такъ страшно блѣдно...

Эрихъ слѣдилъ на мельницу. Онъ только теперь вспомнилъ что заставилъ, вѣроятно, Готфрида ждать и искать его. Ему стало неловко, и онъ слѣдилъ извиниться предъ нимъ. Но подойдя къ мельницѣ, онъ засталъ у порога всю семью, которая встрѣтила его смѣясь и шутя. Затѣмъ Эрихъ долженъ былъ разказать старому Бурбусу всѣ подробности своего ючного приключенія. Старикъ много смѣялся, слушая разказъ молодаго человѣка.

— Я вижу, молодой человѣкъ, сказалъ мельникъ,—что вы имѣете особую склонность къ военной службѣ; хорошо же, я помогу вамъ, насколько хватитъ силъ и умѣнья.

Старикъ, при этихъ словахъ, протянулъ Эриху свою руку. Эрихъ пожалъ ее съ благодарностью.

— Я представлю васъ завтра утромъ моему гостю, перому поручику артиллеріи. Я говорилъ ему объ васъ. Онъ много провѣзаетъ васъ. Если онъ найдетъ васъ способнымъ поступить въ бригадную школу, тогда мы поставимся этому содѣйствовать. Безъ благодарностей, ради Бога, безъ благодарностей. Я становлюсь грубымъ, если вижу лезы на глазахъ другаго человѣка. А теперь пора на покой.

VI. Радость и горе.

Голубая комната была очень мила. Постель была удобна, мягка. Никогда Эриху еще не лежалось такъ хорошо. При этомъ всякій разъ какъ онъ вспоминалъ послѣднія слова доктора Бурбуса, имъ овладѣвало такое блаженство, такой восторгъ что онъ невольно пряталъ лицо свое въ подушку. Тихо журчали воды у мельничной плотины: онъ разказывалъ такія таинственныя сказки молодому человѣку что голова его и нервы возбуждались, и онъ видѣлъ предъ собою чудные, яркіе образы и краски. Зима была близка, запасы зерновыхъ хлѣбовъ были велики, а потому на мельницѣ работали день и ночь. Эрихъ вслушивался въ движеніе тяжелыхъ мельничныхъ колесъ. Движенія эти были ровны, однообразны, точно старыя колыбельныя лѣсны. Тихо, таинственно дрожала комната отъ движенія этихъ колесъ. Эрихъ впадалъ въ глубокій сонъ.

На другой день, послѣ завтрака, мельникъ повелъ его къ раненому офицеру. Послѣдній, одѣтый въ зеленый халатъ и съ трубкою во рту, сердито прохаживался по комнатѣ. Онъ смотрѣлъ на Эриха нѣсколько минутъ молча, со сдвинутыми бровями. Затѣмъ онъ сказалъ:

— Ну, онъ лучше того что я ждалъ. Глаза у него свѣтлые и мускулы крѣпкіе. Который годъ?

— Шестнадцать лѣтъ, господишь первый поручикъ.

— Вашъ отецъ былъ артиллерійскимъ унтеръ-офицеромъ?

— Точно такъ, господишь первый поручикъ. Отецъ мой, Иохимъ Фрейбергъ, служилъ въ четвертой батареѣ седьмой бригады, у господина капитана Гейнцельмана.

— Я зналъ его. Онъ получилъ пенсію и вышелъ въ отставку. Вы хотите сдѣлаться солдатомъ, можетъ-быть и офицеромъ? Неужели вы не нашли ничего лучшаго для вашихъ молодыхъ силъ?

— Отецъ мой сильно желалъ чтобъ я сдѣлался солдатомъ, именно въ артиллеріи. Я также съ раняго дѣтства имѣлъ къ тому сильное стремленіе.

— Да и сколько молодыхъ людей стремятся къ тому же! отвѣтилъ артиллерійскій офицеръ пожавъ плечами.— Да, мудръ съ виду красивъ. Все въ немъ блеститъ, сверкаетъ, зве-

вить, дребезжить. Къ тому же въ книгахъ много врутъ о веселой, счастливой, свободной солдатской жизни. Ну, что касается веселья, оно у васъ скоро пройдетъ. Попробуйте-ка вѣсть полгода солдатскій хлѣбъ. Что же касается солдатскаго счастья, то взгляните на меня. Мнѣ сорокъ лѣтъ, а я только первый поручикъ. Я долженъ служить еще восемь лѣтъ чтобы дослужиться до капитана. А теперь,—продолжалъ онъ, взглянувъ недовольно, сердито на свою раненую руку,—теперь меня отлустятъ, пожалуй, послѣ двадцатипятилѣтней службы въ отставку и дадутъ пенсію по десяти талеровъ въ мѣсяцъ. Наконецъ, эта такъ-называемая „свободная жизнь“, ну откуда ей взяться! Это самая тяжелая сторона солдатской жизни. Откуда взяться свободной, вольной солдатской жизни, если вы постоянно находитесь въ крѣпостной зависимости отъ сотни господъ? Та свободная солдатская жизнь о которой мечтаетъ молодежь можетъ сравниться съ недовольными, упрямыми движеніями молодого, бодрого, пойманнаго быка, который желаетъ облегчить свою неволю тѣмъ что онъ упрямится, борется. И все-таки онъ въ неволѣ. Но довольно этой Гереміады! Мнѣ она не помогла, да и вамъ не поможетъ, и не поможетъ тысячѣ другимъ. Лучше сдѣлаемъ удовольствіе нашему любезному хозяину и проэкзамуемъ васъ немного.

Экзаменъ былъ очень строгій, серьезный. Оказалось что Эрнхъ ни особенно силенъ, ни особенно слабъ.

— Приемъ его могъ бы устроиться, сказалъ немного спустя первый поручикъ Бурбусу.—Но онъ немного слабъ въ математикѣ, а этого больше всего требуется. Есть у васъ знакомые?

— Нѣтъ, господинъ первый поручикъ. Я не знаю ни одной живой души которая приняла бы участіе во мнѣ.

— И это имѣетъ свою добрую сторону. Кому съ самаго начала покровительствуютъ, тотъ рѣдко въ послѣдствіи сумѣетъ самъ стать на ноги. Есть небольшое состояніе?

— Нѣтъ.

— Ну, это чертовски мало. Это скверно. Не знаю, примутъ ли васъ въ школу. Конечно, вы получите тамъ обычное жалованье, хлѣбъ и тому подобное. Но всякій молодой человѣкъ вашихъ лѣтъ имѣетъ и другія потребности, о которыхъ нужно позаботиться. Люди безо всякихъ средствъ обыкновенно начинаютъ съ долга, что вредитъ всякой карьерѣ, а для офицера просто безнадежно.

— Но на первый случай можно и сколотить что-нибудь, сказалъ добродушно старый мельникъ.—Вы говорили мнѣ о небольшомъ наслѣдствѣ вашего отца?

— Да, но оно такъ мало что только и хватитъ на мою поѣздку.

— Ну это еще устроится, сказалъ Бурбусъ, устремивъ пристальный взглядъ на первого поручика.—Очень можетъ быть что казна не откажетъ помочь сыну храбраго стараго унтеръ-офицера?

Первый поручикъ хотѣлъ отвѣтить отрицательно. Но старый мельникъ сдѣлалъ такую гримасу что онъ понялъ его и сказалъ:

— Это не такъ легко какъ думаютъ, но все-таки возможно. Нужно надѣяться.

Первый поручикъ поправлялся. Эрихъ часто навѣщалъ его. Онъ любилъ бесѣдовать съ Эрихомъ, любилъ чтобы Эрихъ читалъ ему вслухъ газеты или книги. Первый поручикъ былъ серьезный, молчаливый человекъ. Видно было что онъ пережилъ много тяжелаго. Но онъ не любилъ вспоминать свое прошлое, не любилъ говорить о своей военной карьерѣ и не любилъ когда и Эрихъ о ней думалъ. Онъ скрылъ отъ Эриха что написалъ объ немъ своему другу, учителю въ бригадной школѣ. Последний могъ быть очень полезенъ Эриху. Первый поручикъ разказалъ ему все что касалось Эриха и сообщилъ о его познаніяхъ. Нѣсколько дней спустя, прибылъ и отвѣтъ. Онъ призвалъ Эриха и прочелъ ему письмо. Эрихъ глубоко обрадовался. Оказалось что ему не такъ трудно будетъ поступить въ школу какъ онъ предполагалъ.

„Любезный другъ!“ писалъ оберъ-фейерверкеръ Доаль первому поручику Шрамму. „Съ большимъ прискорбіемъ узналъ о твоей ранѣ и очень радъ что тебя окружаетъ хорошее полеченіе. О своемъ скудномъ существованіи могу сказать: слава Богу что нѣтъ ничего дурнаго. Завидую тебѣ. Ты такъ расписалъ свое теперешнее мѣстопробываніе что просто зависть меня разбираетъ. Ты говоришь о лѣсномъ уединеніи, о цвѣтахъ окрашенныхъ осенними красками, о веселомъ ручьѣ и т. л. Какъ бы и я хотѣлъ туда, хотя немало облегчить свою душу, выйти изъ этой однообразной,

будничной жизни. Выйти изъ этихъ вѣчно-прямыхъ линій, изъ этихъ тупыхъ и острыхъ угловъ, изъ полукруговъ и спиралей, изъ всей этой математической чепухи, которая все болѣе и болѣе поглощаетъ меня. Скоро настанетъ время когда весь этотъ прекрасный міръ будетъ служить для меня только для того чтобы сравнивать его и высчитывать. Я нисколько не удивлюсь, если современемъ, при открытіи моего черепа, въ мозгу моемъ найдутъ одни равносторонніе треугольники.

„Что касается молодаго человѣка о которомъ ты пишешь, то пусть онъ прійдетъ ко мнѣ. Ты пишешь что онъ лодонъ самобытности и чистосердечія, что онъ прямодушенъ, здоровъ и честенъ. Это прекрасно. Почти всѣ поступающіе сюда очень грубы и испорчены. Правда, многіе изъ нихъ имѣютъ порядочныя научныя свѣдѣнія, но во всемъ остальномъ куда не годятся для артиллерійской службы. Такъ какъ онъ сынъ бывшаго храбраго артиллерійскаго унтеръ-офицера, то пріемъ его не будетъ такъ труденъ. Что же касается его недостаточныхъ математическихъ свѣдѣній, то я займусь имъ. Къ счастью, пріемный экзаменъ отложенъ еще на четыре недѣли. Въ зданіи школы идутъ передѣлки. Во всякомъ случаѣ, онъ долженъ прійхать не позже 25го октября.“

Эрихъ былъ счастливъ.

Готфридъ спросилъ однажды Эриха, знаетъ ли онъ что такое ружье. Эрихъ разказалъ ему въ отвѣтъ, какъ онъ, будучи мальчикомъ, часто охотился съ сыновьями ихъ лѣсничаго. Тогда Готфридъ передалъ Эриху прекрасное двустольное ружье, сумку съ дробью и пороховницу. Затѣмъ онъ заставилъ его заряжать ружье, стоя на одномъ мѣстѣ и на ходу. Эрихъ долженъ былъ также стрѣлять въ цѣль. Убѣдившись что Эрихъ способенъ и къ охотничьему искусству, Готфридъ взялъ его съ собою въ лѣсъ. Старый мельникъ остался этимъ очень доволенъ. По его мнѣнію, охота за дичью могла принести пользу будущему артиллеристу, научая его вѣрно владѣть ружьемъ и дѣйствовать имъ ловко и обдуманно.

Мы бы сказали неправду, еслибы стали увѣрять что Эрихъ настрѣлялъ много дичи. Онъ, говоря правду, мало занимался охотой. Онъ наслаждался болѣе тѣмъ что странствовалъ по лѣсу взадъ и впередъ. Онъ съ восторгомъ смотрѣлъ на осеннее ясное небо, на солнечные лучи, пробивав-

пѣся сквозь желтую и красную листву, на блескъ чистаго горнаго ручья. Его окружали высокіе вѣковые дубы и буковыя деревья и ясени. Вдругъ раздался выстрѣлъ. Эрихъ любѣжалъ по тому направленію откуда посышался выстрѣлъ и увидалъ Готфрида. Тотъ указалъ Эриху рукою въ чащу лѣса, гдѣ онъ застрѣлилъ оленя.

— Не бойтесь, сказалъ Готфридъ, — онъ сильно раненъ и далеко не убѣжитъ. Нехорошо одо, что мы очень близки къ границамъ нашего охотничьяго округа. Пойдемте скорѣе и держите крѣпче собаку.

Эрихъ едва могъ идти за бѣжавшею собакой. Она подошла къ тому мѣсту гдѣ былъ раненъ олень. Они выпустили собаку. Та скоро нашла слѣды оленя и любѣжала впередъ. Скоро раздался ея громкій и рѣзкій лай, доказывавшій что собака нашла раненое животное. Готфридъ и Эрихъ послѣдили за собакой.

Они сошли съ холма, перешли черезъ русло горнаго ручья и потомъ вверхъ къ мѣсту начиная отъ котораго лѣсъ былъ вырубленъ.

— Какое счастье что я застрѣлилъ этого оленя! сказалъ во время ходьбы молодой лѣсничій. — Какое несчастье что это случилось именно здѣсь!

— Развѣ мы такъ близки къ границѣ?

— Чертовски близки! Тамъ, за этимъ возвышеніемъ, лежитъ лощина о которой вамъ разказывалъ отецъ мой. Если олень не перешелъ лощину, тогда все хорошо, но если онъ перешелъ....

Предъ нимъ лежала лощина. Но оленя не было видно; собака также замолкла.

— Меня это не удивляетъ, замѣтилъ Готфридъ. — Паккеръ отлично дрессированъ и напрасно не станетъ лаять. Но, чу! это онъ! слышите? А, теперь я понимаю гдѣ онъ: по ту сторону лощины, между дубами, гдѣ озеро: раненое животное вѣроятно тамъ. Взгляните, — продолжалъ онъ торжествуя, — взгляните, развѣ я не былъ правъ! Вотъ озеро, а вотъ и нашъ олень! Смотрите, съ какою жадностью лжетъ Паккеръ его кровь....

Они подошли къ оленю. Онъ ужъ не дышалъ.

— Намъ остается идти домой, позвать людей и затѣмъ вернуться сюда.

— А олень? Кто будетъ сторожить его? спросилъ Эрихъ. — Позвольте я останусь здѣсь и обожду васъ.

Готфридъ согласился. Рѣшено было что Эрихъ перейдетъ опять къ границѣ ихъ лѣса и оттуда станетъ наблюдать за оленемъ. Готфридъ ушелъ. Прошло около получаса. Все было тихо. Но вдругъ раздался шорохъ. Эрихъ привсталъ и началъ прислушиваться. Онъ замѣтилъ не вдалекѣ что-то темное у большаго буковаго дерева. Онъ рѣшился узнать въ чемъ дѣло. Зарядивъ ружье онъ тихо приблизился къ дереву. Вдругъ, изъ-за дерева что-то выскочило, и грубый, рѣзкій голосъ вскричалъ ему:

— Мальчишка, если жизнь тебѣ дорога, то опусти ружье. Иначе я застрѣлю тебя.

Какъ долженъ былъ поступить Эрихъ? Стрѣлять въ незнакомца? Но того защищало громадное дерево, за которымъ онъ стоялъ. Къ тому же Эрихъ и не намѣревался убивать людей. Вѣроятно кто-нибудь изъ охотниковъ графа Зеefeldъ. Но не все ли равно ему? Какое ему дѣло до Зеefeldовъ? Къ тому же и Готфридъ скоро вернется. Эрихъ опустилъ ружье на траву. Изъ-за дерева вышелъ высокій, сильный человѣкъ. Это былъ охотникъ графа Зеefeldъ.

— Такъ, такъ, сказалъ онъ, окинувъ молодаго человѣка мрачнымъ взглядомъ, — смѣть прохаживаться по нашему лѣсу!

Положимъ, особеннаго вреда отъ этого быть не можетъ, во все-таки ты долженъ быть наказанъ. Отдай свое ружье.

— По какому праву требуете вы мое ружье?

— Во первыхъ, по праву сильнаго, такъ какъ я могу тебя убить однимъ взмахомъ; во вторыхъ, потому что я, въ качествѣ охотника графа Зеefeldъ, долженъ преслѣдовать неподаевъ подобныхъ тебѣ.

— Хорошо, сказалъ Эрихъ, послѣ горькой внутренней борьбы, — хорошо, я уступаю силѣ. Вотъ мое ружье. А теперь что?

— Объ этомъ ты узнаешь въ замкѣ, куда послѣдуешь за мною.

— Мнѣ нечего дѣлать въ вашемъ замкѣ.

— Ого, вотъ какъ! Тиме, Плутонъ! вскричалъ онъ собаку, которую держалъ за ошейникъ и которая всѣми силами рвалась впередъ. — Тиме, что съ тобой? Хочешь на свободу? Ну иди! Онъ выпустилъ собаку, которая бросилась по направлению къ озеру. Охотникъ пошелъ за нею, ведя предъ

собою Эриха. Собака подбѣжала къ тому мѣсту гдѣ лежалъ убитый олень.

— Это что такое? вскричалъ охотникъ, взглянувъ на оленя. Затѣмъ онъ устремилъ удивленный, пораженный взглядъ на молодого человѣка.—Ну, голубчикъ, нажилъ ты себѣ бѣду! Маршъ впередъ! Иди скорѣе, а то ты узнаешь силу этого приклада.

VII. Старый графъ.

Замокъ Вальдбургъ, въ которомъ жилъ старый графъ Зеefeldъ, находился на возвышеніи и былъ окруженъ громадными лѣсами, полями и лугами.

Въ концѣ четырнадцатаго столѣтія, мѣсто на которомъ красовался теперь замокъ Вальдбургъ было покрыто густымъ лѣсомъ. Но пришли какіе-то монахи, вырубили на возвышеніи часть лѣса и построили небольшую часовню и нѣсколько келій. Прошли года. Часовня превратилась въ большую церковь, а келіи — въ богатый монастырь. Монастыри подвергались, между тѣмъ, преслѣдованіямъ: бóльшая часть изъ нихъ были закрыты и зданія распроданы. Той же участи подпала и церковь выстроенная монахами. Отецъ графа Зеefeldъ купилъ ее, монастырь и всѣ окружающіе лѣса, луга и нивы, и отдалъ все въ аренду.

Графъ, тогда еще молодой человѣкъ, служилъ въ это время въ арміи.

Поступая на военную службу, онъ надѣялся года два насладиться военною жизнью и потомъ подать въ отставку. Но вышло иначе. Начались такъ — называемыя „французскія войны“, и молодой графъ принялъ въ нихъ участіе. Въ одномъ сраженіи его тяжело ранили. Здоровье графа было желѣзное; онъ выздоравливалъ, но подалъ въ отставку и пустился путешествовать. Болѣе всего пробылъ онъ въ Англіи. Онъ изучалъ жизнь англійскихъ аристократовъ, осматривалъ ихъ обширныя помѣстья, знакомился со всѣми нововведеніями. Затѣмъ онъ вернулся на родину и принялся за преобразование своего монастырскаго имѣнія.

Графъ былъ чрезвычайно богатъ, а потому не жалѣлъ денегъ чтобы обстроить и украсить бывшій монастырь по своему

вкусу. Нѣсколько лѣтъ спустя стоялъ вмѣсто монастыря великолѣпный, роскошный замокъ Вальдбургъ. Это было громадное четырехъугольное зданіе, посреди котораго находилась красивая средневѣковая церковь. Вокругъ замка простирался англійскій паркъ, полный оленей и другой дичи, а за паркомъ сѣдовали лѣса, поля и нивы.

Графъ страстно любилъ свой замокъ и свое имѣніе. Онъ постоянно украшалъ Вальдбургъ, сѣдилъ самъ за всѣмъ. Неудивительно поэтому что все было въ безукоризненномъ порядкѣ и что многіе пріѣзжали издалека чтобы полюбоваться прекраснымъ замкомъ. Чтобы облегчить себѣ хозяйственный присмотръ, графъ устроилъ особый кабинетъ, гдѣ посреди комнаты стоялъ рельефный планъ замка со всѣми его окрестностями. Старикъ садился обыкновенно на низкое кресло на колесахъ и объѣзжалъ вокругъ плана, указывая длинною палкой своему секретарю на тѣ мѣста гдѣ хотѣлъ что-нибудь исправить или украсить.

Секретаря звали Рено. Родители его были Французы. Онъ прошелъ сначала курсъ правовѣдѣнія, затѣмъ занимался архитектурой и садоводствомъ. Г. Рено былъ лѣтъ сорока, очень красивъ собою, уменъ, талантливъ и обладалъ необыкновенно разнообразными познаніями. Впрочемъ, нужно прибавить что онъ не напрасно употребилъ столько времени и столько стараній на свое образованіе. Будучи еще очень молодымъ человѣкомъ, онъ мечталъ всегда добиться современемъ мѣста секретаря графа Зеefeldъ. Рено добился своего и уже нѣсколько лѣтъ управлялъ имѣніями стараго графа. Власть его въ замкѣ была неограничена. Что онъ хотѣлъ, то и дѣлалъ. Онъ сумѣлъ такъ повести свои дѣла что сталъ необходимъ старому графу.

Обстановка г. Рено была прекрасная. У него была хорошая квартира, собственная канцелярія, экипажъ и лошади. Онъ вѣроятно и объѣдалъ бы за графскимъ семейнымъ столомъ, еслибы такой столъ существовалъ. Но дѣло въ томъ что старый графъ объѣдалъ почти всегда одинъ. Онъ прочелъ когда-то въ какой-то медицинской книгѣ что старикамъ полезно проводить большую часть дня лежа, избѣгая всякихъ умственныхъ и тѣлесныхъ возбужденій. Поэтому графъ Зеefeldъ проводилъ большую часть дня въ своей комнатѣ и не любилъ чтобы его беспокоили незваными

посѣщеніями. Только одинъ Ремо имѣлъ къ нему свободный доступъ.

Мы уже знаемъ что графъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ женился на своей родственницѣ, прекрасной молодой женщинѣ. Молодость свою онъ прожилъ холостякомъ. Говорили, правда, что графъ многіе, многіе годы тому назадъ имѣлъ какія-то таинственныя отношенія, былъ даже женатъ. Но это было такъ давно что почти всѣ отвергали эти слухи, тѣмъ болѣе что никто никогда не видалъ таинственную жену графа, и графъ самъ никогда объ этомъ не говорилъ.

Графиня имѣла свободный доступъ въ покои своего мужа; но она рѣдко пользовалась этимъ правомъ. Она знала страсти старика, знала что онъ любитъ покой, и часто проходила цѣлые мѣсяцы въ теченіе которыхъ она видалась съ нимъ только въ восемь часовъ вечера, когда старый графъ обѣдалъ.

Было около четырехъ часовъ полудни. Графъ Христіанъ все еще покоится. Онъ никакъ не можетъ оправиться послѣ своей послѣдней поѣздки въ лагерь. Но вотъ онъ тихо звонитъ въ серебряный колокольчикъ. Дверь въ переднюю растворяется и въ комнату входитъ камердиверъ графа. Камердиверъ этотъ былъ мастеръ своего дѣла. Жилось ему хорошо. Онъ, живя на всемъ готовомъ, получалъ еще жалованье въ тысячу талеровъ. Это жалованье должно было въ послѣдствіи перейти ему въ пенсію. Онъ получалъ кромѣ того дорогіе подарки и ходилъ вполнѣ на важнаго знатнаго господина. Графъ Христіанъ часто разказывалъ что во время его путешествій, его камердивера часто принимали за вельможу. Звали этого камердивера Бенъяминъ. Графъ сократилъ это имя въ „Бенъ“.

Итакъ Бенъ вошелъ въ спальню стараго графа и подошелъ къ единственному высокому, широкому окну, предъ которымъ стоялъ туалетный столъ необыкновенной величины. Туалетъ этотъ спереди имѣлъ полукруглый вырѣзъ. Здѣсь были безчисленные, невѣроятные и непонятные предметы изъ золота, серебра, слоновой кости и черепаха. Этажерки были полны всевозможныхъ щеточекъ, гребней, ножницъ и тому подобныхъ мелочей.

Въ постелѣ между тѣмъ никто не шевелился. Старый графъ лежалъ съ закрытыми глазами, покрытый весь, до под-

бородка, тонкимъ кашмировымъ одѣяломъ. На головѣ его былъ шелковый ночной колпакъ. Видны были только его закрытые глаза, костлявый носъ и впадный ротъ.

Бенъ намочилъ батистовый платокъ одеколономъ, снялъ съ головы графа ночной колпакъ и принялся тихо вытирать лобъ его сіятельства.

— Погода пріятная: всего десять градусовъ тепла, земля немного сыра, но солнце сіяетъ ярко.

Проговоривъ эти слова, Бенъ, не дождавшись отвѣта, вернулся опять къ туалету и взялъ оттуда маленькую золотую коробочку. Затѣмъ онъ снялъ съ графа легкое кашмировое одѣяло, освободилъ съ рукъ графа другое одѣяло изъ дорогой свѣтло-голубой шелковой матеріи, и подалъ ему коробочку. Графъ вынулъ изъ коробочки нѣсколько маленькихъ, сильно, но пріятно благоухающихъ лепешекъ, вложилъ ихъ себѣ въ ротъ, открылъ глаза и вопросительно взглянулъ на своего камердинера.

— Сегодня повѣдѣльникъ, ваше сіятельство, и шестнадцатое октября. Господа офицеры отправились на охоту. Ея сіятельство графиня провожали ихъ въ коляскѣ. Въ восемь часовъ вечера будетъ, согласно вашему приказанію, общій обѣдъ въ большой залѣ.

— Хорошо, Бенъ. Я доволенъ.

— Не прикажете ли, ваше сіятельство, начать туалетъ?

— Да, Бенъ. Но осмѣливаюсь просить васъ не торопиться.

Просьбу эту графъ высказывалъ своему камердинеру каждый день. Но она была излишня: туалетъ графа совершался такъ медленно какъ только можно было.

Постель графа имѣла механическое устройство, посредствомъ котораго она поднималась и графъ безъ малѣйшаго движенія съ своей стороны приходилъ въ сидячее положеніе. Какъ только это случилось, Бенъ опустилъ вокругъ постели тяжелыя шелковыя занавѣси и позволилъ. Въ комнату вошелъ маленькій лакей. Въ рукахъ у него была серебряная чаша наполненная теплою водою. Онъ подошелъ къ кровати. Камердинеръ взялъ чашу и скрылся съ нею за занавѣсами. О томъ какія совершались тамъ таинства Беню можно было судить по тому что нѣсколько времени спустя Бенъ опять появился и отвесъ къ туалету весьма изящный и весьма дорогой бритвенный приборъ. Затѣмъ онъ отодвинулъ немного занавѣсы и показался графъ въ сидячемъ

положеніи, хотя и окруженный подушками. На немъ былъ надѣтъ свѣтло-голубой бархатный халатъ. Онъ держалъ въ рукахъ маленькое зеркальце и оглаживалъ себя, въ то время какъ Бенъ чесалъ его стѣды, жидкіе волосы.

Вслѣдъ затѣмъ занавѣски у кровати снова опустились, но такимъ образомъ что образовали собою что-то въ родѣ перегородки между верхнею частью тѣла его сіятельства и его ногами. Явился вновь маленькій лакей и принялся, подъ руководствомъ камердинера, мыть ноги его сіятельства одколономъ. Затѣмъ онъ вытиралъ ихъ бѣлыми фланелевыми полотенцами. Когда совершилось омовеніе ногъ, занавѣски вновь опустились совершенно. И графъ и камердинеръ скрылись. Нѣсколько минутъ спустя открылись занавѣсы въ третій разъ. На постелѣ отдыхалъ графъ Христіанъ, одѣтый въ прекрасномъ утреннемъ костюмѣ и шитыхъ золотомъ туфляхъ.

Затѣмъ Бенъ придвинулъ къ графу небольшой столикъ. На немъ лежали множество маленькихъ ножницъ и пилки, всевозможныхъ величинъ. Его сіятельство принялся за чистку своихъ ногтей.

Бенъ подошелъ къ дверямъ, широко открылъ ихъ, и въ комнату вошелъ г. Рено.

Графъ, не переставая чистить ногти, внимательно слушалъ что ему докладывалъ его секретарь, дѣлалъ свои замѣчанія, отдавалъ новыя приказанія.

— Это все. Новаго ничего нѣтъ? спросилъ графъ Зеффель.

— Есть, но дѣло не особенно важно. Въ нашемъ дѣлѣ поймали чужаго охотника.

— *Sacre bleu!* И говоря это, вы принимаете самую спокойную мину!

— Увѣрю васъ, ваше сіятельство, что здѣсь нѣтъ ничего серьезнаго. Я докладываю вамъ объ этомъ только потому что молодой господинъ графъ приказалъ строго наказывать виновнаго.

— Bravo, Дагобертъ знаетъ свое дѣло и меня это радуетъ! Ну, расскажите въ чемъ дѣло?

— Успокойтесь, ваше сіятельство. Вы напрасно волнуетесь изъ-за такихъ пустяковъ.

— Оставьте мое волненіе! Этотъ скучный докторъ увѣряетъ что эти волненія полезны мнѣ, что они приводятъ въ движеніе кровь мою. Итакъ, слушаю васъ.

— Сегодня утромъ одинъ изъ нашихъ лѣсныхъ смотрителей осматривалъ наши лѣса.

— Кто это былъ?

— Это былъ Кеттелеръ.

— Это спокойный, разсудительный человѣкъ; да?е?

— Онъ замѣтилъ въ нашемъ лѣсу, близъ лощины, гдѣ стоитъ старая липа....

— Ага, это липа нашего добраго друга Бурбуса.

— Точно такъ, ваше сіятельство. Онъ замѣтилъ что между деревьями прогуливался молодой человѣкъ, одѣтый въ прекрасномъ охотничьемъ костюмѣ и хорошо вооруженный.

— Ага! не дурно... Ну, что жь, Кеттелеръ схватилъ его?

— Да, и не безъ опасности. Дерзкій мальчишка уже приладывался, но Кеттелеръ предупредилъ его.

— И выстрѣлилъ въ него? спросилъ равнодушно старый графъ.—Ну теперь суди опять, ни за что, ни про что, испишутъ цѣлыя столы бумагъ. Эти писаря отвратительный народъ!

— Вы правы, господишь графъ, отвѣтилъ Рено, какъ-то странно улыбаясь, — а повтому Кеттелеръ поступилъ благо-разумно не застрѣливъ молодца. Онъ привелъ его съ собою.

— Пожалуй; а потомъ?

— И привелъ его сюда, въ замокъ, и представилъ его молодому графу. Молодой графъ, завидѣвъ молодца, сейчас же закричалъ: „Э, да это все тотъ же дерзкій негодяй!“

— Слѣдовательно, это отъявленный воръ чужой дичи. Ну, въ такомъ случаѣ, мы не обойдемся и безъ этихъ новыхъ, глупыхъ законовъ.

— Молодой графъ приказали засадить его въ башню. Теперь мы ждемъ только приказанія вашего сіятельства.

— Хорошо. Напомните маѣ объ этомъ положже. Я хочу видѣть этого негодяя. Это все?

— Точно такъ, ваше сіятельство, отвѣтилъ секретарь, вставая.

— Слѣдовательно, въ восемь часовъ вечера большой обѣдъ. Передайте дворецкому что я желаю чтобы все было въ порядкѣ и торжественно. Между гостями будутъ лица которыхъ я почитаю и уважаю.

Г. Рено молча поклонился и направился къ дверямъ. Но едва онъ отворилъ ихъ какъ въ комнату вошелъ докторъ

старого графа, г. Гербертъ. Это былъ человекъ лѣтъ за сорокъ, одѣтый въ охотничій костюмъ. Онъ былъ средняго роста, крѣпкаго сложенія и выглядывалъ веселымъ, счастливымъ человекомъ.

Докторъ подошелъ къ кровати графа Зеefeldъ.

— Ахъ, докторъ, вы месете съ собою свѣжій, лѣсной воздухъ, сказалъ графъ.

— Точно такъ, ваше сіятельство. Этотъ воздухъ полезенъ всѣмъ лѣкарствъ.

— *Sacre bleu*, это я и самъ знаю! Но вы эгоистъ, докторъ, вы не позаботитесь о томъ чтобъ и я подышалъ лѣснымъ воздухомъ.

— По очень простой причинѣ, ваше сіятельство. Не могу же засѣять эту комнату деревьями и не могу же я допустить чтобъ вашу кровать перенесли въ чащу лѣса.

— Да, да! Эта постель вамъ бельмо на глазу.

— Полноте, господишь графъ. Я радъ что вижу васъ здоровымъ. Ноги у васъ больше не болятъ?

— Слава Богу, нѣтъ! Кто былъ на охотѣ?

— Всѣ гости вашего замка.

— Что, они остались довольны охотой?

— Очень. Выстрѣловъ было много, но и промаховъ также. Но тѣмъ не менѣе охота была прекрасная, и всѣ остались довольны, въ особенности генералъ. Онъ былъ въ восторгѣ отъ завтрака. Дѣйствительно, ваше сіятельство, я долженъ признаться что дворецкій вашъ неподражаемъ и неоцѣнимый человекъ. Онъ отличился какъ и всегда. Завтракъ былъ безукоризненный. Генералъ утѣрялъ со слезами на глазахъ что дворецкій приготовилъ всѣ его любимыя блюда. Еслибы вы видѣли съ какимъ восторгомъ, съ какимъ благоговѣніемъ взиралъ онъ на какое-то *timbale de rôté de foie gras au faisán!* Жаль что вы не были съ нами! Но не побдете ли вы, ваше сіятельство, немного прогуляться?

— Да, я думаю.

— Въ такомъ случаѣ я удаюсь чтобъ одѣться къ обѣду.

VIII. Обѣдъ въ замкѣ Вальдбургъ.

Большая зала въ замкѣ Вальдбургъ была построена по образцу знаменитой англійской залы въ Варвикъ-Кастль. Графъ не жалѣлъ денегъ чтобъ украсить ее. Меблировка, украшеніе, оружіе вокругъ стѣнъ стоили громадныхъ денегъ. Онъ собралъ сюда все что было замѣчательнаго и драгоценнаго въ его другихъ, многочисленныхъ замкахъ. Эта зала служила когда-то столовою монахамъ. Но тогда она была и ниже и меньше. Ее окружала громадная галлерей. Графъ соединилъ галлерейю съ залой и поднялъ потолокъ, давъ ему куполообразную форму. На восточной сторонѣ залы находились четыре высокія, широкія окна. Они были такъ близки другъ отъ друга что ихъ можно было принять за одно колоссальное окно. Каждое окно находилось въ нишѣ, которая была такъ велика что стоило опустить тяжелыя оконныя занавѣси и всякому казалось что онъ находится въ небольшой комнатѣ. Глубоко подъ окнами журча протекала рѣчка. Берега этой рѣчки были отлоги и покрыты вѣковыми дубами и ивами. На другой сторонѣ залы, противъ самыхъ оконъ, находился каминъ, лучшее украшеніе замка. Каминъ этотъ былъ до того громаденъ что въ немъ могъ свободно стоять человекъ въ шпальѣ. Капитель камина изъ бѣлаго мрамора была необычайно тонкой работы и суживаясь къ верху касалась потолка. Стѣны направо и налево отъ камина были на верху украшены старыми гобленами, изображавшими разныя сцены охоты. Подъ нимъ, вдоль всѣхъ четырехъ стѣнъ залы, красовались обшивки, искусно вырѣзанныя изъ дерева. Стѣнъ почти не было видно: все было покрыто всевозможными украшеніями. Вдоль короткой стѣны, примыкавшей ко внутреннимъ локотамъ, были развѣшаны фамильные портреты графовъ Зеefeldовъ. Почти всѣ изображали собою знатныхъ вельможъ, одѣтыхъ въ бѣлый атласъ и въ латы. Подъ ними были подписаны имена и года, которые доказывали что графы Зеefeldы были знатнаго, очень древняго рода. Кромѣ того, вдоль стѣны висѣли всевозможныя древнія и современныя оружія, панцири, шлемы, изорванныя и поликаныя знамена,

лики и другія принадлежности рыцарскаго костюма и охоты.

Оружіе современнаго изобрѣтенія было развѣшано вдоль узкой стѣны, гдѣ находилась выходная дверь, напротивъ стѣны покрытой фамильными портретами графовъ Зеefeldовъ. Выходная дверь была постоянно открыта и вела на широкій портикъ. Посреди лортика билъ фонтанъ. Направо отъ портика дверь вела въ кухню, налево въ паркъ. Здѣсь же стояли буфеты изъ тяжелаго дубоваго дерева. Они были наполнены фарфоровою, серебряною и хрустальною посудой.

Мы уже знаемъ что графъ давалъ въ этотъ день большой обѣдъ. Поэтому во всю длину залы былъ накрытъ большой обѣденный столъ. Сервировка была самая роскошная. На столѣ стояли самые дорогіе сосуды и вазы изъ золота, серебра, хрустала и бронзы. Освѣщеніе было яркое и въ высшей степени своеобразное. Съ потолка висѣли тяжелыя бронзовыя, но въ то же время изящныя цѣли. Цѣли эти прикрѣплялись къ потолку съ помощью громадныхъ оленьихъ роговъ. Внизу каждой цѣли висѣли бронзовыя же подпоры, наполненные безчисленными восковыми свѣчами. Освѣщеніе отъ этихъ многочисленныхъ и громадныхъ свѣчей было ослабительное. Каминъ ярко горѣлъ. Воздухъ въ залѣ былъ теплый, благоухающій. На мраморномъ полу лежало множество ковровъ, медвѣжьихъ, тигровыхъ и львиныхъ шкуръ.

Когда все было готово, въ залу вошелъ секретарь графа Рено. За нимъ слѣдовали дворецкій, камердинеръ Бенъ, главный кухмистеръ, одѣтый въ бѣлоснѣжный костюмъ, затѣмъ двое тафельдекеровъ, управляющій серебромъ и столовымъ бѣльемъ и цѣлая толпа лакеевъ.

Г. Рено осмотрѣлъ залу, сервировку и объявилъ что доволенъ. Онъ нашелъ что температура подходящая и что освѣщеніе хорошо. На столѣ стоялъ золотой средневѣковой бокалъ, въ видѣ рога, съ надписью: „Храброму принадлежитъ свѣтъ“. Рено поставилъ этотъ бокалъ предъ приборомъ генерала.

Рено еще разъ приказалъ лакеямъ избѣгать малѣйшаго шороха при прислуживаніи и затѣмъ отпустилъ ихъ. Онъ остался одинъ въ залѣ, повернувшись спиной къ камину.

Рено былъ одѣтъ не во фракъ, а въ сюртукъ. Это было

желаніе генерала. Обѣдъ былъ данъ по случаю охоты, и генералъ желалъ чтобъ онъ былъ непринужденный, по домашнему.

Вскорѣ въ залу вошли молодые офицеры, одѣтые или въ мундирахъ или въ сюртукахъ. Секретарь привѣтствовалъ ихъ и былъ съ ними все время пока не явился графъ Дагобертъ Зеefeldъ. Затѣмъ онъ удалился въ задній конецъ залы.

Въ продолженіи четверти часа только и были слышны восклицанія: очаровательно, délicieux, superbe! Наконецъ офицеры собрались всѣ вмѣстѣ и стали у камина.

— Господа, кто изъ васъ видѣлъ „покойнаго“ Горна? спросилъ графъ Дагобертъ.

— Онъ исчезъ съ той минуты какъ мы вернулись съ охоты, отвѣтилъ драгунскій офицеръ который доложилъ на маневрахъ о нападеніи непріятеля.

— Онъ, право, несносный человѣкъ. Я увѣренъ что онъ подкулилъ сегодня твоего главнаго ловчаго. Тотъ, вѣроятно, по его просьбѣ, ставилъ его начальника, полковника фонъ-Швенкенберга, на самыя лучшія мѣста.

— Это вѣрно, сказалъ смѣясь одинъ гусарскій офицеръ.— Я готовъ биться объ закладъ что онъ былъ за одно съ полковникомъ и что онъ помогъ ему застрѣлить этого прекраснаго оленя. А полковникъ-то такъ гордится своимъ выстрѣломъ!

— Но знаете ли кто, по моему, стрѣляетъ превосходно? Это вашъ докторъ, графъ! вскричалъ молодой артиллерійскій капитанъ.—Онъ прекрасно владѣетъ ружьемъ и отлично сидитъ на лошади! Ему можно позавидовать!

— Да, что касается охоты и верховой ѣзды, то онъ на это мастеръ, сказалъ Дагобертъ какъ-то коротко и мрачно.— Графъ любитъ чтобъ его подчиненные веселились. Я другою мнѣнія. Съ этими людьми нельзя стать на короткую ногу: они начинаютъ забываться. Дисциплина необходима.

Говоря это графъ Дагобертъ улыбнулся гордо, насмѣшливо.

— Да, строгій порядокъ и дисциплина необходимы. А между тѣмъ, у насъ ея нѣтъ. А то мы не лишились бы того превосходнаго оленя о которомъ я вамъ разказывалъ сегодня утромъ.

— А ты знаешь, кто его похитилъ?

— Знаю. Это одинъ изъ нашихъ сосѣдей, драмой, вегод-
ный вольнодумецъ. Говорятъ что онъ когда-то учился, былъ
даже докторомъ. Теперь онъ просвѣщаетъ крестьянъ, то-
есть онъ подстрекаетъ ихъ противъ всѣхъ существующихъ
законовъ и обычаевъ и противъ нашихъ нравъ, данныхъ
намъ вѣка тому назадъ.

— Но надѣюсь что вы поймали молодца бывшего при
оленѣ?

— Да. Если графъ не будетъ противъ того, то мы послѣ
обѣда осмотримъ его.

— Графъ и графиня!

Въ залу вошли графъ и графиня, сопровождаемые осталь-
ными гостями.

Графъ былъ одѣтъ въ черномъ бархатномъ кафтанѣ, об-
шитомъ дорогимъ мѣхомъ. На графинѣ было длинное, бланое
шелковое платье, шитое въ средневѣковомъ вкусѣ. Вокругъ
талиі лежалъ поясъ изъ драгоценныхъ камней. Она была
удивительно хороша собой.

Затѣмъ появился у дверей дворецкій, сопровождаемый че-
тырьмя егерями. Послѣдніе сыграли на охотничьихъ рогахъ
веселую, шумную охотничью лѣсю.

Многіе изъ молодыхъ офицеровъ, заслышавъ музыку, не-
волью взглянули на свои мундиры и сюртуки и невольно
пожалѣли что не были одѣты въ цвѣтныхъ бархатныхъ ко-
стюмахъ, не имѣли при себѣ меча, не имѣли берета, съ
длинными развѣвающимися перьями.

Хотя кромѣ графини и ея двухъ компаньенокъ не бы-
ло другихъ дамъ, тѣмъ не менѣе общество сидящее за сто-
ломъ было самое веселое, самое изысканное. За каждымъ
стуломъ стоялъ лакей одѣтый въ богатую лаврею. Кромѣ
того, были безчисленные камердинеры, егеря. Всѣ блистали
въ золотѣ и въ серебрѣ.

Всѣ гости были исключительно офицеры. Нѣкоторые изъ
нихъ пріѣхали изъ столицы, но большая часть были офице-
ры участвовавшіе на маневрахъ и стоявшіе на квартирахъ
въ различныхъ помѣстьяхъ графа Зеефельда. Здѣсь были
офицеры всѣхъ родовъ оружія.

— Никогда еще не тѣшилъ меня такъ звукъ рожка, какъ
теперь, сказалъ толстый лѣхотный капитанъ. — Такъ и хо-
чется сдѣлать на кого-нибудь наладеніе. Взгляните-ка на

эти батареи, разставленныя предъ нами на столѣ, развѣ онъ не возбуждаютъ въ васъ сильное желаніе къ атакѣ?

— Еще бы! отвѣтилъ его сосѣдъ.— Меня радуешь что графъ придерживается старинны и приказалъ разставить на столѣ эти сосуды и бутылки полныя вина. Въ настоящее время очень дурная мода что лакей разливаешь вамъ вино въ бокалы... Стоитъ онъ за вашимъ студомъ, и вамъ такъ и кажется что онъ считаетъ каждый стаканъ который вы выпиваете и потѣшается надъ вами!

— Вы правы, товарищъ, а потому, смѣло въ атаку!

— Совѣтую вамъ выпить лослѣ суя этого хереса.

— Милостивый государи! вскричалъ своему сосѣду одинъ старый майоръ.— Просту васъ, взгляните на это прекрасное собраніе самыхъ драгоценныхъ и рѣдкихъ сосудовъ! Въдь это настоящій музей! Взгляните-ка хоть на эту вазу, полную бордо, въ формѣ афета; она мнѣ живо напоминаетъ шанды подъ Майнцемъ во время осады.

— Въ прошломъ столѣтїи, не правда ли, господинъ майоръ? спросилъ молодой гусаръ.

— Нѣтъ, любезный другъ, это было гораздо позже. Вамъ бы не слѣдовало этого забывать!

— Эхъ, господинъ майоръ, это такая незначительная исторія!

— Позвольте! Это было самое серіозное событіе того времени! Вы знаете что Французы...

Намъ трудно опредѣлить кому именно разказывалъ свою исторію старый салерный майоръ. Его сосѣди или вели совершенно другіе разговоры или же были, по примѣру толстаго пѣхотнаго капитана, погружены въ свои стаканы и бокалы. Толстый капитанъ пѣхоты дѣлалъ при этомъ маленькіе шарики изъ хлѣба и всякій разъ когда выливалъ стаканъ вина, онъ откладывалъ по шарикъ въ сторону. По мѣрѣ того какъ увеличивалась кучка шариковъ, увеличивалась также краснота носа г. капитана.

Графъ сидѣлъ рядомъ съ генераломъ. Графиня сидѣла на другой сторонѣ стола, напротивъ мужа. Графъ Дагобертъ сидѣлъ у верхняго конца стола, Рено у нижняго. Последній сидѣлъ за прислугой и за порядкомъ. Сказать правду, порядокъ и тишина со стороны прислуги были поразительныя. Не было слышно ни стука тарелокъ, ни звона хрустала и серебра, ни одного шага прислуживающихъ лакеевъ. Они при-

служивали быстро, ловко, неслышно, точно безтѣлесные духи. У входной двери стоялъ дворецкій и управлялъ всѣмъ однимъ взглядомъ своихъ темныхъ, строгихъ глазъ.

Веселѣе всего было на томъ концѣ стола гдѣ сидѣлъ Дагобертъ, окруженный кавалеристами. Графъ и графиня часто обращались въ ихъ сторону и не рѣдко предлагали тостъ за какого-нибудь хорошаго друга дома.

Направо отъ графини сидѣлъ драгунскій полковникъ фонъ-Швенкенбергъ, нынѣ командиръ артиллерійской бригады. Послѣдній былъ высокаго роста и очень худъ. Лицо его было серьезное, выразительное, волосы почти сѣдые, но борода такой черноты что невольно заставляла предполагать искусственную краску.

Боле всего тѣшилъ и заставлялъ шумѣть молодыхъ офицеровъ „локоный“ графъ Горнъ. Прозвище это осталось за нимъ. Онъ придавалъ лицу своему выраженіе какого-то безконечнаго горя и отчаянія. Если ему случалось встрѣтиться глазами со взглядомъ его полковника, онъ невольно вздрагивалъ всякій разъ. Это тѣшило всѣхъ его товарищей. Полковникъ замѣчая это всякій разъ грозилъ ему пальцемъ и разъ даже сказалъ:

— Несмотря на все, молодой человекъ, судьба васъ ужасно балуетъ!

— Но вѣдь была и заслуга съ его стороны, прибавилъ, улыбаясь, генералъ.

Мы должны прибавить что графъ Горнъ, офицеръ во всѣхъ отношеніяхъ блестящій, былъ избалованное дитя своего полка и любимецъ всего высшаго общества. Онъ былъ очень богатъ, держалъ прекрасныхъ лошадей, танцевалъ съ принцессами и дирижировалъ на всѣхъ балахъ. Его ждала блестящая карьера.

— Въ чемъ состояла заслуга этого офицера? спросилъ серьезный артиллерійскій офицеръ съ черною бородой.

— Это онъ долженъ самъ сказать, закричалъ Дагобертъ. — Конечно, если его превосходительство будетъ такъ милостивъ и разрѣшитъ это.

— Отчего же вѣтъ. Мы даже можемъ потомъ, съ согласія милостивой графини, наградить или наказать его нѣсколькими стаканами вина.

— Разказывайте, Горнъ!

Молодой драгунскій офицеръ всталъ съ своего мѣста, вы-

прямился и взялъ изъ золотой вазы алейсинъ, который онъ обернулъ въ салфетку и держалъ вмѣсто лимона высоко надъ головой, въ знакъ глубокаго горя. Товарищи встрѣтили эту выходку громкимъ смѣхомъ.

— Тихе, господа! честь храброму лавшему воину!

— Покойный Горнъ говорить!

— И кони мои неслись съ адскою силою, не повинаясь бо-
лѣе моей волѣ, декламировалъ молодой драгунъ.—И я былъ
увѣренъ что конная батарея капитана фонъ-Брандта, кото-
рую почти взялъ сегодня утромъ Дагобертъ, найдетъ на
меня и раздавить. Она скачетъ точно бѣшеная... Я уже ви-
дѣлъ какъ искрилась, точно свѣтящійся огонекъ, рыжая бо-
рода ихъ угрюмаго начальника...

— Въ такомъ случаѣ у васъ превосходные глаза, пору-
чикъ, замѣтилъ сухо начальникъ артиллеріи.—Желаю вамъ
сохранить ихъ и на слѣдующій разъ.

— Благодарю васъ, господинъ полковникъ. Но именно въ
эту минуту глаза мои раскрылись, и я увидѣлъ какую кашу
наварилъ. Я рѣшилъ исправить во чтѣ бы то ни стало свою
ошибку. Темнота была страшная, давка и сумятица необъ-
яснимая. Артиллерія скакала какъ сумашедшая. Я пробился
со своими солдатами сквозь ряды артиллеріи и къ великому
счастью нашелъ своего трубача позади кустарниковъ. За-
тѣмъ мы повернули назадъ, сдѣлали около тысячи шаговъ
и очутившись у непріятельскаго флага, я приказалъ своимъ
протрубить по всей линіи тревогу.

— Да, да, замѣтилъ смѣясь полковникъ фонъ-Швенкен-
бергъ.—Трубачъ былъ пьянъ, а солдатъ было всего двѣнад-
цать человекъ.

— Но ихъ хватало, если господинъ полковникъ повѣрить
мнѣ. Къ тому же они рѣзли какъ двѣнадцать черт... про-
шу извинить меня, епшн, они до того кричали что непріа-
тель оторопѣлъ и прекратилъ огонь.

— Да, но предъ тѣмъ мы васъ хороше-таки отдѣлали,
сказалъ серьезный артиллеристъ.

— Совершенно вѣрно, вмѣшался въ разговоръ ротмистръ
фонъ-Бланкеншейдъ, адъютантъ драгунскаго полковника.—И
послѣ того какъ офицеры съ другой половины привесли при-
казъ прекратить наладеніе, произведенное слишкомъ прежде-
временно.

— И съ полнымъ правомъ, замѣтилъ командующій гене-

раль.—На кой чортъ назначать мнѣ напередъ плавъ манеровъ, если ихъ не исполняютъ въ точности!

„Покойный“ Горнъ, заслышавъ слова генерала, прошепталъ своему сосѣду:

— Это и я хотѣлъ бы знать! Вообще на что мнѣ плавъ, если онъ не закрываетъ меня!

— Поэтому, продолжалъ весело генералъ,—я согласенъ признать подвигъ Горна геройскимъ и предлагаю ему выпить большой стаканъ вина.

Слова эти были произнесены громкимъ голосомъ. Немного и говорить что не только Горнъ, но и всѣ остальные послѣдовали приглашенію генерала. При этомъ было много шума и много смѣха.

Только молодые кавалерійскіе офицеры окружавшіе Дагоберта были заняты въ это время другимъ разговоромъ. Дѣло было въ томъ что Дагобертъ скавалъ своему сосѣду:

— Знаешь что? Я придумалъ для насъ нѣчто особое.

— Что жь, вѣроятно макао или ландскнехтъ?

— Къ чему это? Зачѣмъ намъ отнимать другъ у друга наши деньги! Нѣтъ, я придумалъ нѣчто лучшее. Я приказалъ разыскать Цыганъ и привести ихъ сюда. Графъ Христианъ сначала, конечно, не соглашался на это; но графиня взяла мою сторону, и онъ разрѣшилъ чтобы Цыганки пропандовали намъ что-нибудь въ портикѣ.

— Вотъ такъ прекрасная идея! Что, ихъ много?

— Да, около шести или семи дѣвушекъ! Правда, всѣ онѣ уступаютъ въ красотѣ Эмеральдѣ.

— Которую ты, вѣроятно, сберегъ для себя? спросилъ „покойный“ Горнъ.

Дагобертъ отвѣтилъ, смѣясь:

— Бездѣлный духъ, подобный тебѣ, не долженъ бы интересоваться такими вещами. Впрочемъ, я не настолько эгоистъ и не забываю обязанности порядочнаго хозяина. Къ тому же, вѣрьте мнѣ, что Цыгане слишкомъ берегутъ и стерегутъ своихъ красавицъ. Нѣтъ, нѣтъ, я собралъ все общество и они теперь на другомъ концѣ замка, гдѣ я приказалъ отвести имъ особое помѣщеніе. Они развели тамъ свои огни. Я приказалъ накормить ихъ и надѣюсь что имъ тамъ лучше нежели подъ открытымъ небомъ.

— Однако, знаешь ли, Дагобертъ, не посѣтитъ ли намъ потомъ ихъ таборъ?

— Это невозможно, отвѣтилъ молодой графъ Зеefeldъ сухо.— Они ужь объявили что не желаютъ никакихъ посѣщеній; къ тому же это было бы неприяно графу Христиану.

— Развѣ ему все извѣстно что творится въ замкѣ?

— Почти. Ему передаетъ все господинъ Рено.

— Жаль! Ну насладимся по крайней мѣрѣ лицезрѣніемъ прекрасныхъ Цыганокъ!

— Конечно!

— Но ты не забылъ того молодца который похитилъ и застрѣлилъ сегодня утромъ вашего оленя? Ты намъ покажешь его?

— Непремѣнно. Мы сѣлаемъ ему тамъ, въ портикѣ, небольшой допросъ. Конечно, до прихода Цыганокъ.

— Прекрасно! Сначала работа, потомъ удовольствіе!

Обѣдъ кончился и все лишнее было убрано со стола. За то видны были на разныхъ частяхъ стола огромные серебряные сосуды наполненные льдомъ, изъ которыхъ торчали по шести бутылокъ шампанскаго. Помянуто раздавались выстрѣлы высоко летающихъ пробокъ. Графъ Христианъ настрого приказалъ подавать къ этому охотничьему обѣду всѣ бутылки неоткрытыми. Графиня, съ своими компаньонками, удалилась къ себѣ. Но прощаясь съ генераломъ, который граціозно поцѣловалъ ея руку послѣ обѣда, она обѣщала вернуться въ залу къ чаю.

Старый графъ оставался. Замѣчательно было что онъ не только не утомился, но не разъ выливалъ до дна свой бокалъ шампанскаго. Вообще всѣ замѣчали что чѣмъ ближе подходила ночь, тѣмъ оживленнѣе, тѣмъ бодрѣе становился старикъ. Впрочемъ, было еще рано: часы пробили всего десять часовъ.

Дагобертъ угощалъ своихъ гостей на верхнемъ концѣ стола; г. Рено и въ особенности докторъ Гербертъ оживляли своими шутками и бесѣдами нижній конецъ стола. Особенно веселилъ всѣхъ докторъ Гербертъ. Офицеры слушали его съ раскраснѣвшимися лицами, съ блистающими глазами. Толстый пѣхотный капитанъ все набавлялъ шариковъ въ свою кучку и, казалось, и не думалъ прекратить атаку на стоявшія предъ нимъ бутылки.

IX. Тюрма и судъ гг. офицеровъ.

Мы должны теперь перенести воображеніе читателя из уютной, роскошной столовой замка Вальдбурга въ бѣдную, сырую, холодную и почти темную комнату. Окно этой комнаты задѣлано желѣзною рѣшеткой, стѣны и полъ каменные, сѣрые. Меблировки никакой нѣтъ. Только въ углу стоятъ, вмѣсто постели, деревянные нары. Въ этой-то комнатѣ находился Эрихъ. Онъ ходилъ взадъ и впередъ по сѣрому каменному полу. Иногда онъ останавливался и поднималъ голову вверхъ, къ маленькому рѣшетчатому окну. Онъ видѣлъ оттуда часть голубаго неба, видѣлъ небольшую, пожелтѣвшую вѣтку липы, которая тихо колыбалась и дрожала. Онъ вслушивался въ шумъ вѣтра и невольно вспоминалъ прекрасный лѣсъ, въ которомъ еще утромъ такъ беззаботно гулялъ. Какіе чудные, какіе разнообразныя и таинственныя звуки и голоса слышались ему тамъ!.. Онъ думалъ о томъ какъ Готфридъ и друзья его ищутъ его, какъ стараются объяснить себѣ его исчезновеніе. Потомъ, при одной мысли что онъ исчезъ одѣтый въ охотничій костюмъ Готфрида и вооруженный его ружьемъ,—при одной этой мысли краска стыда и отчаянія покрывала его лицо. Чтѣ подумаетъ о немъ докторъ Бурбусъ и его семья? Эрихъ не боялся за себя. Правда, изящный г. Рено, который его допрашивалъ, объявилъ ему что Эрихъ одѣлалъ большое преступленіе и что его ждетъ строгое наказаніе. Но Эриха это не безпокоило. Онъ признавалъ себя не виноватымъ и зналъ что давно прошли тѣ времена когда охотящагося на чужой землѣ приковывали къ оленямъ и замучивали до смерти.

Но всякій разъ когда онъ вспоминалъ что находится въ замкѣ графа Зефельда, что онъ можетъ встрѣтиться здѣсь съ ненавистнымъ ему гусарскимъ офицеромъ, молодымъ графомъ Зефельдомъ, всякій разъ при этой мысли имъ овлаждало страшное безпокойство. Онъ зналъ что молодой гусарь не преминетъ его обвинить какъ охотящагося на чужой землѣ. Онъ зналъ также что еслибъ онъ и оправдался отъ подобнаго обвиненія, то обстоятельство это все-таки помѣшало бы ему поступить въ военную школу.

Къ счастью, человекъ въ молодости не мудрствуетъ много и не предаётся долго отчаянію. Это удѣлъ человека зрѣлыхъ лѣтъ. Сердце человека въ молодости воспріимчиво, легко отдается и радости и горю. Но не надолго: радость скоро смѣняется горестью, а горесть—радостью. Въ молодости человекъ надѣется и какъ бы ни было тяжело его настоящее, онъ вѣритъ, онъ ждетъ лучшаго впереди, ждетъ себя счастья.

То же было и съ Эрихомъ. Онъ цѣлые часы ходилъ по комнатѣ, погруженный въ черныя, мрачныя мысли. Но мало-помалу отчаяніе проходило. Онъ забылъ наконецъ происшествія этого дня, забылъ что его ждетъ, и весь отдался радостнымъ, веселымъ мечтамъ.

Онъ сѣлъ на деревянныя нары и усталый и измученный заснулъ.

Онъ спалъ долго. Когда онъ проснулся, онъ вскочилъ на ноги и въ изумленіи оглянулся вокругъ себя. Онъ долго не понималъ что съ нимъ. Въ комнатѣ царила такая темнота что онъ ничего не могъ разглядѣть. Онъ взглянулъ на верхъ: тамъ едва-едва мерцалъ небольшой свѣтъ. Онъ вспомнилъ что это окно его темницы, вспомнилъ все. Да, онъ долго спалъ. Но сонъ не укрѣпилъ его. Къ тому же онъ чувствовалъ холодъ и голодъ.

Что хотять они сдѣлать съ нимъ? Вотъ и вечеръ насталъ, а никто не вспомнилъ объ немъ. Неужели его забыли здѣсь?

Онъ подошелъ къ двери. Онъ зналъ что она была замкнута и заложена засовомъ. Онъ приложилъ ухо къ замочной скважинѣ. Холодный вѣтеръ пахнулъ на него, и только: ни малѣйшаго шороха, ни одного звука не было слышно. Онъ всталъ на деревянныя нары и вскарабкался къ окну. Бѣжать было невозможно: окно было покрыто желѣзною рѣшеткой. Тогда онъ принялся жадно смотрѣть въ окно. Онъ различалъ, несмотря на темноту, массу темныхъ деревьевъ, а между ними свѣтлый, ясный полумѣсяцъ. Онъ сошелъ съ нары и началъ опять ходить по комнатѣ взадъ и впередъ. Часы ударили гдѣ-то, должно-быть на башнѣ, восемь часовъ. Затѣмъ опять та же невозмутимая, томительная тишина.

Онъ чувствовалъ сильный голодъ и холодъ. Эрихъ началъ бѣгать по комнатѣ чтобы согрѣться. Онъ согрѣлся, но голодъ продолжалъ его мучить. Тогда онъ опять вернулся на нары и прижался въ отчаяніи къ углу.

Но вотъ раздался снаружи шорохъ. Эрихъ ожилъ и сталъ прислушиваться. Это вѣроятно идутъ за нимъ, его выведутъ изъ этой тюрьмы! Эрихъ ясно слышалъ приближавшіяся шаги нѣсколькихъ людей. Но они шли не къ нему; они прошли мимо. Затѣмъ онъ слышалъ шумъ колесъ, слышалъ какъ ржали лошади. Въ маленькое окно проникъ лучъ свѣта, освѣтилъ на секунду всю комнату и вслѣдъ затѣмъ опять исчезъ. Опять та же страшная темнота и та же утомительная тишина. Кто бы это былъ? Часы пробили девять. Онъ опять началъ бѣгать по комнатѣ. Онъ вспомнилъ мельника, вспомнилъ старика Бурбуса. Какъ тамъ должно-быть уютно, хорошо теперь! Старикъ вѣроятно прохаживается по большой комнатѣ, а старая Лена объясняетъ ему на картахъ причины исчезновенія молодаго человѣка.

Эрихъ и не подозрѣвалъ какъ близкокъ онъ былъ къ истинѣ. Онъ позабылъ только Готфрида. Дѣйствительно, вся семья стараго мельника собралась теперь въ большую комнату и слушала разказъ Готфрида о результатѣ его посѣщенія замка Вальдбургъ. Готфридъ передавалъ отцу что онъ былъ въ замкѣ, справлялся объ Эрихѣ, но долго не могъ получить никакого положительнаго отвѣта. Тогда онъ подкупилъ одного изъ служителей замка. Тотъ разказалъ ему что Эрихъ былъ дѣйствительно пойманъ охотникомъ Кеттелеромъ и отведенъ въ замокъ. Старый мельникъ, выслушавъ сына, тихо кивнулъ головой и приказалъ къ слѣдующему утру, въ шесть часовъ, залечь свою коляску. Онъ рѣшился отправиться въ сосѣдній городъ въ судъ.

Конечно, Эрихъ былъ бы спокойнѣе еслибы подозрѣвалъ что друзья знаютъ гдѣ онъ и хлопчуть объ его освобожденіи. Но онъ этого не зналъ, а потому всякому будетъ понятно его глубокое отчаяніе. Онъ чувствовалъ себя совершенно одинокимъ на свѣтѣ. Развѣ онъ имѣлъ право сердиться на стараго Бурбуса и Готфрида, если тѣ не станутъ разыскивать его, забудутъ его? Вѣдь онъ былъ имъ совершенно постороннимъ человѣкомъ.

И онъ вспоминалъ свое дѣтство. Онъ былъ маленькимъ мальчикомъ и лежалъ больнои въ постелѣ. Какъ всѣ ласкали его тогда, какія прекрасныя сказки разказывали ему! Какъ уютно, какъ тепло было ему подъ мягкимъ одеяломъ. Онъ вспоминалъ также какъ сидѣла около него тогда старая, глухая родственница, вспоминалъ большую паку кото-

рую она держала въ рукѣ. Она говорила мальчику что прогонитъ этой лалкой всѣ тяжелые сны и видѣнія, мучившіе бѣднаго ребенка.

Неужели онъ опять задремалъ?

Да, вѣроятно, онъ спалъ. Онъ вскочилъ на ноги, открылъ глаза и встрѣтилъ яркій потокъ свѣта, почти ослѣпившій его. Затѣмъ онъ разслышалъ голосъ, кричавшій ему:

— Выйди-ка на минуту, голубчикъ! Тебя желаютъ видѣть. Вотъ, возьми свою шпалу. Совѣтую тебѣ быть поскромнѣе и не отвѣчать другимъ также дерзко какъ ты отвѣчалъ мнѣ.

Эрихъ узналъ въ говорившемъ графскаго охотника Кеттелера. Онъ былъ такъ пораженъ его появленіемъ что въ первую минуту совершенно растерялся и не двинулся съ мѣста. Кеттелеръ подошелъ ближе къ нему, и освѣтивъ его факеломъ, продолжалъ:

— Чтожь, развѣ ты не слышишь?

— Куда же долженъ я слѣдовать за вами? спросилъ Эрихъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Узнаешь.

— Ну, а если я не пойду за вами?

— Ого, голубчикъ! отвѣтилъ охотникъ, грубо разсмѣявшись:—Я и не подумалъ объ этомъ! Да и не думаю чтобы твое намѣреніе было серьезно. Вѣроятно, ты уже убѣдился въ томъ что ты со своей волей далеко не уйдешь!

— Да, это правда! вскричалъ Эрихъ, вскочивъ съ наръ:—Развѣ я могу противостоять той грубой силѣ которую употребляютъ со мною? Но вы за нее еще горько заплатите! Справедливость должна восторжествовать!

— Поищи-ка ее, дружокъ. Но боюсь, ты не найдешь ее тамъ гдѣ думаешь найти; къ тому же, справедливость на нашей сторонѣ. Тебѣ это докажутъ. Однако, маршъ впередъ! У насъ не привыкли ждать!

Что могъ сдѣлать Эрихъ? Держаться за наръ и не идти? Но въ такомъ случаѣ онъ могъ подвергнуться оскорбленіямъ со стороны суроваго охотника. Къ тому же, всякая лембѣна въ его положеніи была ему теперь пріятна. И потому онъ узнаетъ, наконецъ, что они желаютъ сдѣлать съ нимъ. Онъ спокойно надѣлъ на голову шпалу и послѣдовалъ за охотникомъ.

При Кеттелерѣ была его большая, сильная собака. Онъ пропустилъ Эриха впередъ, а самъ пошелъ за нимъ. Они шли

въ некоторое время мимо длинныхъ, темныхъ строеній. Затѣмъ Кеттелеръ приказалъ Эриху повернуть направо. Они вошли въ освѣщенные ворота, потомъ въ большой, круглый дворъ, посреди котораго стояла готическая церковь.

Противъ главнаго входа церкви возвышалась средняя часть замка.

Широкія, высокія окна замка были ярко освѣщены. Они илюминировали церковь, направились къ замку и вошли въ большія, ярко освѣщенные сѣни. Здѣсь суетилась толпа лакеевъ, одѣтыхъ въ богатые ливреи. Нѣкоторые изъ нихъ уносили драгоценные сосуды изъ хрустала и серебра, пустыя бутылки, другіе опять вносили новые сосуды, полные всевозможныхъ винъ. Послѣдніе исчезали со своею ношею въ сосѣдную комнату.

Кеттелеръ, отворивъ дверь этой комнаты, приказалъ Эриху войти въ нее. То что Эрихъ увидѣлъ представляло такой яркій контрастъ съ бѣдною, темною, холодною темницею, въ которой онъ пробылъ все время, что онъ остановился какъ вкопанный.

Онъ находился въ высокой осьмиугольной комнатѣ. Посреди комнаты билъ фонтанъ и тысяча восковыхъ свѣчей освѣщавшихъ комнату отражались въ его струяхъ. Нога его скользила по паркетному полу, а теплый, благоухающій воздухъ подѣйствовалъ на него съ невыразимою силой. Но эта комната была ничто сравнительно съ той которую онъ видѣлъ предъ собою изъ-за открытой двери. Та была такъ велика, такъ роскошна, такъ ослѣпительно блестяща что Эриху показалось что онъ видитъ сонъ, что онъ находится въ заколдованномъ замкѣ сильнаго чародѣя.

Неужели могла существовать такая роскошь, такой блескъ?

Но это не былъ сонъ, не была сказка. То была правда, дѣйствительность, но чудная, чарующая дѣйствительность. Развѣ не гуляли тамъ люди одѣтые въ военные мундиры, развѣ не были они тѣ же самые съ которыми онъ встрѣтился на маневрахъ? Онъ увидѣлъ между ними и артиллеристовъ, и кавалеристовъ и даже ненавистныхъ ему красныхъ гусаръ.

Весь этотъ блескъ, эта роскошь, которые онъ видѣлъ предъ собою, были ему такъ новы что онъ совершенно забылся въ созерцаніи ихъ.

Но онъ не долго мечталъ.

Толпа молодыхъ офицеровъ, весело разговаривая и смѣясь,

направлялась изъ залы въ портикъ. Эрихъ узналъ между ними молодаго графа Зеefeldа. Имъ овладѣло такое сильное чувство ненависти и горечи что онъ спрятался за фонтанъ только чтобы не встрѣтиться съ молодымъ гусаромъ. Но Кеттелеръ оттолкнулъ его назадъ и указалъ ему на приближавшихся офицеровъ.

— Ага, вотъ и нашъ преступникъ! сказалъ голосъ, который Эрихъ немедленно узналъ. Эрихъ стоялъ къ нимъ спиною.—Посмотрите, какъ дерзко повернулъ онъ намъ спину! Право, онъ воображаетъ что замокъ принадлежитъ ему и что онъ здѣсь хозяинъ. Да, за чужимъ добромъ таскаться, это онъ умѣетъ. Ну, Кеттелеръ, каковы ваши дѣла съ этимъ молодцомъ? Онъ, кажется, все еще упрямится.

Эрихъ, замѣтивъ что Кеттелеръ подошелъ къ нему съ угрожающимъ движеніемъ, повернулся къ присутствующимъ лицомъ. Онъ видѣлъ что у всѣхъ у нихъ губы были сжаты и глаза сверкали гнѣвомъ.

Едва графъ Дагобертъ взглянулъ на Эриха, какъ отскочилъ отъ него, громко вскричавъ:

— Чортъ возьми, да вѣдь это нашъ шпіонъ! Ну, Кеттелеръ, спасибо! Вы сдѣлали прекрасную находку! Взгляните, господа, обратился молодой графъ къ своимъ товарищамъ, и лицо и голосъ его задрожали отъ гнѣва,—взгляните, господа, вотъ тотъ негодяй о которомъ я вамъ рассказывалъ. Это онъ выдалъ насъ на маневрахъ, онъ помѣшалъ нашему нападенію! Правда, тогда онъ былъ въ другой шкурѣ. Не знаю только, господа, съ кого начать допросъ: со шпіона или съ охотящагося на чужой землѣ?

— Я думаю, сказалъ смѣясь одинъ изъ драгунскихъ офицеровъ,—что слѣдуетъ начать со шпіона. Онъ намъ всѣмъ ненавистнѣе, развѣ, исключая, покойнаго Горна... Можетъ-быть онъ, во время своего нападенія, желалъ себѣ подобнаго же шпіона!

— Я не нуждаюсь въ немъ, отвѣтилъ графъ Горнъ.—Я ненавижу всѣхъ шпіоновъ, и слава Богу пробился и безъ ихъ помощи!

— Bravo, Горнъ! воскликнулъ Дагобертъ.—Слова твои радуютъ мое сердце. А ты теперь отвѣчай!—обратился онъ къ Эриху, приблизившись къ нему:—Какъ осмѣлился ты выдать насъ тогда своимъ оглушительнымъ крикомъ?

Эрихъ не отвѣчалъ. Онъ только пожалъ плечами и устре-

милъ твердый, прямой взглядъ на озлобленнаго и разгоряченнаго виновца противника.

— Однако, онъ упрямъ! замѣтилъ одинъ изъ гусаровъ.

Одинъ изъ драгуновъ, уже пожилой ротмистръ, видимо хотѣлъ дать дѣлу другой оборотъ. Онъ обратился къ Дагоберту:

— Оставьте эту исторію о маневрахъ, графъ. Здѣсь вѣтъ ничего серьезнаго.

— Позвольте, господамъ ротмистръ, вскричалъ Дагобертъ, — дѣло это можетъ быть очень серьезно. Я обѣщала этому негодяю фухтелей; онъ получитъ теперь двойную порцію. Онъ не только шлюня, но онъ охотится на чужой землѣ.

— Что касается послѣдняго, отвѣтилъ ротмистръ, отворачиваясь въ другую сторону, — то вамъ лучше знать, какъ поступать.

— Взгляните, какъ онъ стоитъ предъ нами, съ какою дерзостью смотритъ на насъ! Будто онъ и въ самомъ дѣлѣ правъ!

— Эй, молодецъ, сказалъ „покойный“ Горнъ, — берегись чтобы съ тобою не случилось чего-нибудь весьма неприятнаго.

— Я ничего не боюсь, проговорилъ съ трудомъ Эрихъ. — Но я посмотрю какъ далеко прострете вы свое насиліе надо мною.

— Но развѣ тебя не поймали въ нашемъ лѣсу вооруженнымъ и рыскающимъ за дичью? Говоря это, графъ Дагобертъ заскрежеталъ зубами и подошелъ такъ близко къ Эриху что послѣдній, невольно, отступилъ назадъ. — Что, я не правъ, негодяй?

— Меня, дѣйствительно, схватили въ чужомъ лѣсу; у меня силой отняли мое ружье. Но тотъ лжетъ кто говоритъ что я рыскалъ въ чужомъ лѣсу за чужою дичью.

— Слышите, Кеттелеръ?

— Какъ, ты осмѣливаешься назвать меня лжецомъ? вскричалъ Кеттелеръ, выступая впередъ. — Развѣ ты не прицѣпился? Я еще разъ повторяю, ваше сіятельство, что онъ былъ съ заряженнымъ ружьемъ, что онъ прицѣпился въ меня и только по трусости остановился.

— Говорите что хотите, возразилъ Эрихъ, обращаясь къ охотнику. — Я не стану здѣсь отвѣчать и оправдываться. Ведите меня въ судъ, тамъ я сумѣю защитить себя.

— Да, да, мы хорошо знаемъ какъ дѣла идутъ въ этихъ судахъ! отвѣтилъ съ насмѣшкой графъ Дагобертъ. — Мы тебя выддимъ суду, но прежде я справлюсь съ тобой по своему.

Ты получишь фухтелей, и въ добавокъ, съ солью. Эй, вы понимаете меня? обратился онъ къ Кеттелеру. Графъ быстро откинулъ, при этихъ словахъ, голову, и на его некрасивомъ, противномъ лицѣ блеснула злая усмѣшка.

Еслибъ Эрихъ былъ хладнокровнѣе и умѣлъ бы лучше владѣть собою, то эта отвратительная сцена, вѣроятно, на этомъ и покончилась бы.

Хотя, сказать правду, лицо молодого графа выражало сильнѣйшее бѣшенство, и отдавая приказаніе Кеттелеру, онъ съ такой силой сгибалъ свой хлыстъ, будто хотѣлъ собственноручно избить молодого человѣка.

Но бываютъ люди которые вселяютъ въ насъ такую ненависть, такое отвращеніе къ себѣ, что мы не имѣемъ силы оставаться предъ ними спокойными. Мы готовы вынести скорѣе всевозможныя непріятности, но смириться предъ ними не желаемъ.

То же было и съ Эрихомъ. Онъ быстро обернулся къ Дагоберту и отвѣтилъ ему:

— Дѣлайте со мною что хотите. Но знайте, я вамъ все возвращу. Всѣ оскорбленія, все возвращу!

— Какъ, ты осмѣливаешься угрожать мнѣ! Дагобертъ былъ въ страшномъ бѣшенствѣ.—Такъ вотъ же тебѣ, негодяй, посмотримъ, какъ ты вернешь мнѣ это!

И онъ быстро поднялъ правую руку, державшую хлыстъ. Но Эрихъ, хотя и блѣдный отъ волненія, не двинулся съ мѣста. Глаза его страшно сверкали. Онъ не стводилъ глазъ съ кончика хамста.

Потомъ онъ, съ быстротой молніи, бросился впередъ и схватилъ хлыстъ изъ рукъ графа.

Положеніе обоихъ измѣнилось. Эрихъ стоялъ высоко поднявъ рукой хлыстъ. Противникъ его, дрожа отъ злости, искалъ свою саблю и не находилъ ея.

Однако никто изъ присутствующихъ, хотя они и накнулись всѣ на Эриха, не могъ бы оказать что въ движеніяхъ Эриха было желаніе ударить графа Зеefeldа. Напротивъ, онъ, видимо, самъ испугался того что случилось. Онъ раскрылъ пальцы и тихо опустилъ хлыстъ на полъ. Затѣмъ онъ проговорилъ глухимъ, глубоко взволнованнымъ голосомъ:

— Я не допущу чтобъ меня били!

Молодой графъ, заскрежетавъ зубами и сжавъ кулаки,

хотѣлъ вторично броситься на него. Но въ это время раздался глубоко-серіозный голосъ:

— Эготъ молодой человекъ въ полномъ правѣ не допускать чтобъ его избили. Да и кто, господа, подумалъ бы объ этомъ, при подобныхъ обстоятельствахъ! Надѣюсь, графъ Зеefeldъ, что не вы!

Всѣ немедленно обернулись, даже Дагобертъ, и всѣ, узнавъ говорившаго, отступили назадъ.

Предъ ними стоялъ серіозный, строгій полковникъ артилеріи, съ спокойнымъ лицомъ и черною бородой. Онъ подошелъ къ офицерамъ, схватилъ руку молодого графа и сказалъ:

— Графъ, дядя вашъ просилъ меня узнать что причиняетъ такое громкое веселье. Такъ предполагалъ онъ, и теперь, когда я узналъ въ чемъ дѣло, я прошу васъ, господа, удалиться со мною въ залу.

— Однако, господинъ полковникъ, вы еще не знаете въ чемъ именно дѣло!

— Напротивъ, господинъ поручикъ, я достаточно видѣлъ и слышалъ. А теперь смѣю просить васъ, господа!

Бываютъ такого рода просьбы, особенно въ военномъ быту, которыя равносильны приказаніямъ, и не исполнить которыхъ невозможно. Всѣ присутствующіе молча последовали за артиллерійскимъ полковникомъ. Даже Дагобертъ не осмѣлился остаться. Но онъ, предъ тѣмъ какъ уйти, судорожно сжалъ свои руки и сказалъ Кеттелеру:

— Заприте его и ждите дальнѣйшихъ приказаній!

Эрихъ слышкомъ много испыталъ въ послѣднія четверть часа. Онъ стоялъ какъ ошеломленный. Какъ хотѣлось ему поблагодарить серіознаго полковника! Онъ былъ готовъ шцѣловать его руку, былъ готовъ со слезами на глазахъ разказать ему все что они сдѣлали съ нимъ, что онъ пережилъ въ послѣдніе часы. Но какое дѣло было полковнику до него? Развѣ онъ оставилъ офицеровъ ради него? Нѣтъ, онъ оставилъ ихъ потому что считалъ неприличнымъ ихъ громкій разговоръ! Эрихъ это глубоко чувствовалъ. Сердце его сильно билось; онъ тако рыдалъ. Онъ невольно прижалъ руки къ глазамъ и когда охотникъ грубо тронулъ его за плечо, онъ только проговорилъ своимъ грустнымъ, умоляющимъ голосомъ:

— О, оставьте меня. Я не стану больше бороться и пойду за вами, куда вы меня поведете!

— Чортъ тебя поберетъ, мальчишка! Сколько бѣдъ надѣлаешь ты!

Затѣмъ они ушли. Сердце Эриха было въ глубокомъ, страшномъ отчаяніи. Онъ судорожно сжималъ свои руки низко опустилъ голову.

Они опять очутились на дворѣ. Но Эрихъ ничего не видалъ. Онъ не замѣтилъ что на дворѣ пылали огни и факелы, не видалъ что на немъ двигались человѣческія фигуры, одѣтыя въ фантастическіе костюмы. Кто-то говорилъ на какомъ-то странномъ, непонятномъ для него языкѣ. Эриху казалось что это журчаніе дальняго лѣснаго ручья... Раздалось дребезжанье тамбурина, затѣмъ несмѣлые, едва слышимые звуки гитары или мандолины... Эриху показалось что вѣтеръ бушуетъ сквозь сухія вѣтви деревьевъ. Но вдругъ онъ почувствовалъ прикосновеніе тонкихъ, теплыхъ пальцевъ, и это прикосновеніе привело его въ себя. Онъ вздрогнулъ, поднялъ голову, оглянулся и понялъ все. Онъ узналъ выганы, узналъ ихъ веселые, беззаботные голоса, узналъ звуки ихъ бубенъ, гитаръ и мандолинъ. И онъ видѣлъ предъ собою блѣдную, изящную Бланду, державшую въ своихъ тонкихъ, теплыхъ рукахъ его руки и устремившую на него оживленный, вопрошающій взглядъ.

О, еслибъ онъ могъ остановиться хотя на минуту чтобы сказать ей и Эсмеральдѣ, подходившей къ нимъ, все что имъ случилось! Но грубый проводникъ толкнулъ его впередъ, повелъ его мимо церкви, черезъ ворота, опять по темнымъ, мрачнымъ корридорамъ. Нѣсколько минутъ спустя онъ сидѣлъ опять въ своей холодной, мрачной темницѣ.

Х. Былое.—Бѣгство и любовь.

Въ большой, блестящей и шумной залѣ многое между тѣмъ происходило. Обѣдъ былъ давно оконченъ. Со столовъ было убрано, исключая сосудовъ и бутылокъ съ шампанскимъ. Офицеры образовали различныя группы: одни сидѣли у большаго стола, другіе за маленькими столами. Группы сидѣвшія за маленькими столами были особенно оживлены. Они курили, лили шампанское и вели оживленный, горячій разговоръ.

Всѣ молодые офицеры и всѣ курящіе усаиись, будто сто ворившись, на заднемъ концѣ залы. Вслѣдствіе этого передняя часть залы была менѣе шумна и воздухъ въ ней былъ свободенъ отъ дыма сигаръ. Въ этой части залы, недалеко отъ каміна, находилась графъ Христіанъ.

Онъ сидѣлъ за картами, недалеко отъ чайнаго стола, з которыми сидѣла графиня. Вокругъ карточнаго и чайнаго столовъ, для избѣжанія малѣйшаго сквознаго вѣтра, были поставлены довольно высокія ширмы. Графъ находился такимъ образомъ въ отдѣльной маленькой комнатѣ. Эти ширмы имѣли только одно отверстіе выходившее къ камину. Громадный каминъ ярко пылалъ и распространялъ вокругъ себя пріятную, теплую атмосферу.

Старый графъ страстно любилъ играть въ вистъ, особенно въ болваномъ. Сегодня его партію составляли: докторъ Гербертъ, его всегдашній партнеръ, какой-то тихій пѣхотный полковникъ и знакомый намъ серьезный командиръ артиллерійской бригады Ширмеръ. Тотъ изъ четырехъ партнеровъ и котораго выдала очередь выходить, конечно, исключая стараго графа, остававшагося спокойно въ своемъ мягкомъ креслѣ, отправлялся обыкновенно къ чайному столу. Здѣсь сидѣла прекрасная графиня, и разговоръ велся веселый, полный остроумія и граціи. Графиню окружали командующій генералъ, полковникъ фонъ-Швенкенбергъ, нѣкоторые другіе командиры и около полдюжины молодыхъ офицеровъ. Всѣ они почти безъ исключенія, принадлежали къ древнимъ аристократическимъ фамиліямъ. Были между ними и князь, и герцоги. Впрочемъ на послѣднее обстоятельство здѣсь не обращалось никакого вниманія. Г. Рено былъ также въ залѣ. Но онъ не сидѣлъ ни за чайнымъ столомъ, ни за карточнымъ. Онъ то исчезалъ, то опять показывался. Чаще всего стоялъ онъ за стуломъ стараго графа. Послѣдній вертелъ когда игра затруднялась, обращалъ на своего секретаря прошающій взглядъ.

— Эти молодые люди, замѣтилъ генералъ, намекая на шу происходящій въ портикѣ,—очень часто отдаются недавно своимъ впечатлѣніямъ и вспышкамъ. Найдись, генералъ, одинъ полковникъ Ширмеръ, вы передали имъ что дѣлать имъ, нахожу этотъ шумъ чудовищнымъ?

— Не совсѣмъ этими словами, господинъ генералъ, сухо вѣтилъ артиллеристъ.—Я былъ того мнѣнія что дѣло это

сится по всемъ правамъ къ нашему высокоуважаемому хозяину, а повтому и объявилъ имъ что господинъ графъ просилъ меня освѣдомиться о причинѣ ихъ шумнаго веселья.

— Благодарю васъ, господинъ полковникъ. Впрочемъ не мѣшало бы есаубы вы обошлись немного строже съ моимъ племянникомъ. Онъ страшно своеволенъ. Будь я его начальникомъ, онъ сидѣлъ бы у меня постоянно подъ арестомъ. Sacre bleu! Но, къ сожалѣнію, я только старый, дряхлый человѣкъ!

Впрочемъ, въ настоящую минуту старый графъ далеко не походилъ на такого стараго и дряхлаго человѣка. Ему можно было дать не болѣе шестидесяти лѣтъ. Онъ такъ бодро сидѣлъ за своимъ столомъ, съ такимъ интересомъ слѣдилъ за игрой, такъ мило и оживленно перекидывался словами съ сосѣднимъ столомъ, за которымъ сидѣла его молодая красавица жена. Время все еще было до полуночи, а это было время когда старый графъ все болѣе и болѣе оживалъ, становился бодрѣе, веселѣе, и юморомъ, и умомъ могъ поспорить съ любимымъ молодымъ человѣкомъ. Не было и слѣда прежней усталости, безучастности, вялости, болѣзненности. Впрочемъ, этотъ временный огонь, эта временная сила, съ разсвѣтомъ исчезали. Къ утру Бенъ обыкновенно относилъ его точно ребенка на постель, укладывалъ его и олускалъ вокругъ постели занавѣси. И какъ слабъ, какъ безпомощенъ былъ тогда графъ! Можно было подумать что ему не встать уже болѣе. А между тѣмъ это повторялось уже цѣлые годы и вѣроятно будетъ повторяться еще годы. Но никогда графъ не былъ еще такъ веселъ какъ въ этотъ вечеръ. Онъ постоянно, не уставая, сыпалъ свои остроумныя и подчасъ колкія замѣчанія то въ ту, то въ другую сторону.

— Да кто онъ такой, этотъ молодецъ, и что намѣрены они слѣлать съ нимъ? спросилъ онъ своего секретаря Рено.

— Онъ говоритъ что онъ сынъ артиллерійскаго унтеръ-офицера.

— Вотъ какъ! Ну, это по вашей части, господинъ полковникъ.

— Бываютъ всякіе артиллерійскіе унтеръ-офицеры, графъ, отвѣчалъ тотъ, какъ-то особенно улыбаясь. — Есть и хорошія, есть и дурныя личности. Это встрѣчается во всякомъ сословіи. Очень вѣроятно что отецъ этого бездѣльника былъ порядочнымъ человѣкомъ. Подобныя примѣры встрѣчаются часто. Какъ зовутъ его?

— Онъ называетъ себя Эрихъ Фрейбергъ.

— Фрейбергъ—Фрейбергъ—вѣтъ, не помню. Память у меня хорошая, но этого имени я никогда не слышалъ.

— Покинувъ Цвингенбергъ, онъ отправился къ нашему доброму сосѣду мельнику, господину доктору Бурбусу. Рено проговорилъ эти слова самымъ спокойнымъ голосомъ, только на губахъ его промелькнула прощическая улыбка—Затѣмъ онъ вѣроятно зашелъ въ наши лѣса и застрѣлъ лучшаго оленя его сіятельства.

— Ну не чудовище ли онъ! вскричалъ графъ Христіанъ.— И вѣроятно онъ застрѣлилъ со злобы моего лучшаго оленя! О, увѣряю васъ, я имѣю полное право желать чтобы чортъ поbralъ этого доктора Бурбуса! Онъ бунтовщикъ, онъ покровитель всѣхъ либеральныхъ воззрѣній, онъ народный возмутитель, онъ...

Докторъ Гербертъ положилъ карты на столъ, взглянулъ улыбаясь на старика и тихо, едва слышно, засвисталъ извѣстную мелодію:

Mironton, mironton, mirontaine.

— Ахъ, докторъ, знаю я что означаетъ вашъ неумолкающій свистъ. Я и безъ того избѣгаю всякаго волненія. Но вы себя и представить не можете что человѣкъ чувствуетъ когда у него предъ носомъ убиваютъ его лучшаго оленя!

Mironton, mironton, mirontaine,

продолжалъ насвистывать докторъ. Но вдругъ онъ остановился и сказалъ:

— Объ этомъ я имѣю понятіе. Особенно понимаю все что касается этого оленя. Ужь сколько разъ прицѣливался я въ него и всегда неудачно.

— Докторъ, говорятъ, вы настоящій Немвродъ, правда ли это? спросилъ его пѣхотный полковникъ. Но докторъ не успѣлъ еще отвѣтить, какъ генералъ замѣтилъ смѣясь:

— Да, правда. Но въ то же время онъ прекрасный врачъ, какъ сейчасъ доказалъ. Вы нашли прекрасный способъ чтобы усложнить нашего многоуважаемаго друга и хозяина. Поздравляю васъ.

— Честь изобрѣтенія, господинъ генералъ, принадлежитъ не мнѣ. Оно собственность господина графа. Я только исполнитель. Его сіятельство сами приказали мнѣ, при малѣйшемъ волненіи съ ихъ стороны, насвистывать имъ прилѣвъ этой любимой мелодіи.

— Это правда. Но этотъ несносный домашній тиранъ часто злоупотребляетъ моимъ позволеніемъ. Такъ и теперь. Онъ нарочно засвисталъ чтобы заставить меня замолчать и не бранить его любимаго друга, доктора-мельника Бурбуса.

— Не скажу чтобъ онъ былъ моимъ любимымъ другомъ: это было бы слишкомъ. Но онъ совсѣмъ не такъ дуракъ какъ о немъ здѣсь говорятъ. Къ тому же, я имѣю сильныя основанія думать что оленя застрѣлили въ его лѣсу, а что онъ только скончался въ нашемъ. Это мое мнѣніе.

Теперь старый графъ началъ, въ свою очередь, тихо насвистывать:

Mironton, mironton, mirontaine.

Всѣ засмѣялись.

— Признайтесь, дорогой докторъ, продолжалъ графъ,—признайтесь что вы все-таки во многомъ демократъ. Впрочемъ, это не мѣшаетъ намъ уважать васъ. Но согласитесь все-таки это и мнѣ иногда приходится насвистывать чтобъ умѣрить аше волненіе?

— Я приму это къ свѣдѣнію, сказалъ весело полковникъ юнгъ-Швенкенбергъ.—Я прикажу своему адъютанту также насвистывать мнѣ *Malborough* если онъ сочтетъ это за необходимое.

Г. Рено снова подошелъ къ стулу стараго графа и сказалъ ему тихо:

— Цыгане въ портикѣ, ваше сіятельство. Не прикажете ли вы что-нибудь?

— Нѣтъ. Устройте все такъ какъ того желаетъ Дагертъ. Но позаботьтесь,—прибавилъ онъ тише,—чтобы не произошло безпорядокъ и чтобы Цыгане потомъ были хорошо устроены.

— Я приказалъ имъ приготовить на эту ночь большую лагу лѣваго флигеля.

— Воп. Позаботьтесь также чтобъ у нихъ былъ разведенъ огонь и чтобъ ихъ накормили и напоили. Цыгане въ портикѣ!—вскричалъ затѣмъ графъ громко.—Графиня предлагаетъ всѣмъ желающимъ отправиться смотрѣть на пляску. Хотите-быть, Изабелла, ты сама того же желаешь?

— Нѣтъ, нѣтъ, благодарю! отвѣтила прекрасная женщина.—осталась очень довольна въ послѣдній разъ; но повторю я не желаю. Но прошу васъ, господа, не стѣсняться.

Нѣкоторые изъ молодыхъ офицеровъ удалились. Генералъ

глядѣлъ на нихъ улыбаясь, затѣмъ онъ обратился къ своему другу:

— Признайся-ка, Швенкенберъ, ты вѣдь не прочь еще разъ взглянуть на прекрасную Цыганку? Простите, графиня, но я ясно видѣлъ какіе тоскливые взгляды бросалъ этотъ старый драгунъ по направленію къ портику. Онъ вѣдь еще холостъ и молодъ.

— Да, да, господинъ полковникъ, обязательно сказалъ старый графъ.—Карты могутъ немного отдохнуть, отправляйтесь-ка съ докторомъ туда. Онъ вѣдь ихъ не видалъ еще. Идите, докторъ. Когда вы вернетесь, я стану насвистывать вамъ *Malborough'a*.

— Мы обязаны повиноваться графу, отвѣтилъ полковникъ фонъ-Швенкенбергъ, пожимая плечами.—Пойдемте, докторъ.

Оба ушли. Графъ спросилъ генерала, правда ли что представленія Цыганъ на бивуакѣ были необыкновенно хороши?

— Конечно, я видѣлъ въ своей жизни представленія гораздо лучшія и гораздо худшія. Но, если принять во вниманіе что представленія свои Цыганки совершали, въ послѣдній разъ, при сумеркахъ и при освѣщеніи факеловъ, то, конечно, сказать правду, онѣ были очень искусны. Особенно хороша была дѣвочка на своемъ шарѣ.

— Кто же была эта малютка?

— Это былъ ребенокъ лѣтъ десяти. Правда, она была очень блѣдна и худа, но личико у нея было необыкновенно выразительное и благородное. Не правда ли, графиня Изабелла?

— Вы правы. Мнѣ было жаль малютку. Она такъ мало походила на прочихъ Цыгалонокъ. Я невольно воображала ее себѣ прекрасно одѣтою, въ хорошемъ обществѣ. Правъ, мнѣ казалось что она знатнаго происхожденія!

— Слѣдовательно, это была маленькая Преціоза.

— Ну, времена Преціозъ давно прошли. Къ тому же, это нѣ скорѣе подходило къ другой, поразительно красивой, цыганкѣ. Она танцевала очень граціозно.

— Дѣйствительно, жаль, графъ, что вы ее не видѣли.

Съ портика раздались въ это время громкіе, восторженные крики и рукоплесканія. Въ то же время вошелъ въ комнату Рено. Графъ спросилъ его, весело ли молодымъ людямъ.

— Очень, ваше сіятельство. Да и есть чего. Цыгане въ

своихъ фантастичныхъ костюмахъ удивительно хороши при яркомъ освѣщеніи портика.

— Не хочешь ли ты посмотреть? спросила графиня.

— Нѣтъ, благодарю. Да и къ чему? Но сдѣлай мнѣ одолженіе, Изабелла, отправься туда съ нашимъ многоуважаемымъ генераломъ и съ другими господами. Я тоже думаю что представленія сегодня, при хорошемъ освѣщеніи, должны быть гораздо лучше.

— Пожалуй! сказалъ генералъ, предложивъ графинѣ руку. Затѣмъ все общество вышло изъ залы.

Старый графъ прислонился къ креслу. Глаза его устремились на пылающій огонь камина. Чѣмъ больше смотрѣлъ онъ на огонь, тѣмъ серьезнѣе и серьезнѣе становилось выраженіе его лица. Онъ вспомнилъ давно прожитые года, вспомнилъ свою молодость. Было время когда онъ страстно любилъ звуки бубенъ и мандолины, когда никакая человѣческая сила не удержала бы его здѣсь, у камина, въ то время какъ въ портикѣ танцовали прелестныя Цыганки. И сколько онъ ихъ видѣлъ въ теченіе своей долгой, разнообразной жизни!.. Сколько прекрасныхъ, блестящихъ, огненныхъ дѣвичьихъ глазъ отвѣчали ему нѣжною, веселою лаской на его улыбку. Но были и такіе глаза которые смотрѣли на него съ гнѣвомъ, смотрѣли со слезами.

И вспомнилъ онъ другіе глаза, прекрасные, любящіе, смотрѣвшіе на него съ такою безграничною преданностью. Вспомнилъ онъ ихъ послѣдній, умирающій, но все еще полный взглядъ. Онъ вздрогнулъ. Какой-то холодъ пробѣжалъ по залѣ, охватилъ всею его существомъ. Развѣ не было такъ весело тамъ, отчего же онъ вспомнилъ эти печальныя, мрачныя картины? Съ портика доносились тихіе, нѣжные звуки мандолины. Бѣлые, худые пальцы графа задрожали и онъ тихо, едва слышно зашѣлъ:

Malborough s'en va-t-en guerre,
Mironton—mironton—mirontaine,
Malborough s'en va-t-en guerre,
Ne sait quand il reviendra.

Нѣтъ ничего удивительнаго что графъ вспомнилъ именно эту мелодію. Нѣсколько минутъ предъ тѣмъ былъ разговоръ объ ней. Онъ увѣрялъ что она дѣйствовала на него успокоительно. Но теперь онъ какъ-то весь олустился и едва ды-

шалъ. И опять предстали предъ его глазами картины прожитаго, грустныя, мрачныя картины...

Malborough s'en va-t-en guerre.

Эта мелодія имѣеть въ себѣ что-то убаюкивающее, особенно если ее тихо, медленно напѣваешь. Какъ часто въ счастливые дни своего дѣтства засыпалъ онъ подъ ея одвообразный, меланхолическій напѣвъ! Сначала напѣвала ему эту лѣсню его старая няня, Француженка. Съ ея помощью онъ заучилъ мелодію для отца своего, конечно, сначала припѣвъ:

Mironton—mironton—mirontaine.

Нѣсколько лѣтъ спустя онъ самъ сталъ учителемъ этой мелодіи. И старикъ, вспомнивъ это время, опустилъ свою голову еще ниже на грудь.

Ne sait quand reviendra.

Ахъ, это счастливое, блаженное время никогда ужъ больше не возвращалось, никогда!...

Mironton—mironton—mirontaine.

Ахъ, эта чудная, счастливая пора его первой любви, какой страшный конецъ имѣла она!... Развѣ они не играли, не любили, не жили вмѣстѣ какъ счастливыя беззаботныя дѣти... Такъ полно, такъ глубоко было ихъ счастье что они не замѣчали черныхъ, мрачныхъ тучъ, покрывавшихъ ихъ небосклонъ.

*Monsieur Malborough est mort,
Mironton—mironton—mirontaine.*

Столько счастья, о Господи, столько счастья!

Какъ весело, какъ искренно улыбались ея большіе, прекрасные глаза, какъ граціозно искривлялся ея ротикъ когда она произносила трудныя для нея слова:

*Madame à sa tour monte,
Mironton—mironton—mirontaine*

*Madame à sa tour monte
Si haut qu'elle peut monter.*

И когда онъ бывало смѣялся съ нею вмѣстѣ, она закрывала ему глаза своими маленькими, изящными руками и приказывала ему спать послѣ утомительной вѣзды въ дождь и вихрь...

Mironton—mironton—mirontaine.

И какъ охотно ловиновался онъ ей!... Она закрывала ему глаза, она цѣловала ихъ...

Mironton—mironton...

Развѣ она не была его счастьемъ, его ангеломъ-хранителемъ?... И когда она тихо отходила отъ него, онъ открывалъ глаза, полный сладкой нѣги и сна, и слѣдилъ за нею. Она подходила къ камину, поправляла огонь и хозяйничала у кипящаго котла, висящаго на бронзовой цѣпи надъ огнемъ. Потомъ онъ закрывалъ глаза, засыпалъ и все-таки грезилъ объ ней, видѣлъ только ее...

Miron....

Да, онъ видѣлъ ее будто въ полуснѣ, но ясно, стоящею предъ каминомъ. Это она, это ея тонкій, стройный станъ, все еще дышавшій чистотой, дѣтствомъ...

Miron—ton....

Такъ ясно видитъ онъ ее, будто то не видѣніе, вызванное мелодіей, но дѣйствительность.

Mironton—mironton—mirontaine.

Старикъ прижался еще глубже въ кресло. Онъ грезилъ объ ней и онъ видѣлъ ее такъ ясно предъ собой... Ему даже слышалось какъ голосъ ея тихо пѣлъ:

Mironton—mironton—mirontaine.

Она стояла отвернувшись отъ него и задумчиво смотрѣла на огонь. Но вотъ она тихо повернула къ нему лицо, и онъ увидѣлъ ее всю задитую яркимъ пламенемъ. Да, это были ея черты, но она была такъ блѣдна, такъ исхудавши... И стройный станъ ея былъ еще такъ неразвѣтъ точно у ребенка.

Mironton—mironton—mirontaine,

пѣла она громко и ясно.

Онъ вздрогнулъ опять. Точно такую же блѣдною, исхудавшую, какъ теперь, видѣлъ онъ ее и тогда когда она лежала въ бѣломъ саванѣ.

И теперь она явилась предъ нимъ живою, движущеюся, но все такую же блѣдною, такую какою она была въ день смерти, или какою можетъ-быть была въ первой молодости—страшная, мрачная воспоминанія!

Онъ глубоко вздохнулъ. Она все еще стояла у камина и

должно-быть услышала этотъ вздохъ. Она обернула къ нему голову, устремила на него почти испуганно свои большіе глаза. Но она не подошла къ нему, какъ въ бывшія времена, нѣтъ, она медленно отошла отъ каміна и исчезла. Ужасный сонъ!

Да, все это были грезы. Онъ задремалъ, убаюканный одобрительными звуками мандолины и своимъ собственнымъ тихимъ налѣвомъ.

Послышались опять громкіе, восторженные крики и рукоплесканія. Затѣмъ стало тише, и раздались веселые голоса приближавшагося общества.

Графиня подошла къ мужу, положила свою руку на его плечо и объявила ему что представленіе окончилось и что Цыгане удалились.

— Дагобертъ отлично выдумалъ, устроивъ гостямъ это удовольствіе, прибавила она.

— Дѣйствительно зрѣлище было прекрасно! воскликнулъ восторженно генераль.—Эти люди знаютъ свое дѣло. Я настойчиво уговаривалъ ихъ посѣтить скорѣе столицу.

— Берегись, генераль, замѣтилъ полковникъ фонъ-Швенкенбергъ.—Прекрасная Эсмемальда можетъ, чего добраго, представиться тебѣ въ городѣ въ качествѣ старой знакомой, а тогда горе твоему семейному очагу! Мы молодые холостяки въ этомъ случаѣ счастливыѣ.

Произнося эти слова, онъ выпрямился и началъ кокетливо крутить свои усы.

— Да, хороша молодость! сказалъ, кивнувъ головой, графъ Христианъ. — Простите меня, любезный полковникъ, но я говорю о настоящей золотой юности. Сколько въ ней красоты, поэзіи! Пока молодежь наслаждалась глазами прекрасныхъ Цыганокъ, я задремалъ.

— За что мы заслуживаемъ полный упрекъ, замѣтилъ генераль.

— Du tout, du tout! Небольшой сонъ подкрѣплялъ меня. Но я видѣлъ также сны.—Онъ устремилъ на огонь неподвижный взглядъ. Но вслѣдъ за тѣмъ онъ, будто напрягая всѣ силы, выпрямился и весело сказалъ:—Радуюсь что всѣ остались довольны! Что жъ, онъ вѣроятно таядовали и показывали фокусы?

— Да еще какіе! отвѣтилъ генераль.—Но малютка, на своемъ шарѣ, произвела на меня тяжелое впечатлѣніе. Она такъ

блѣдна и худа. Къ тому же, видно что блѣдяжка заѣсъ не на мѣстѣ: она такъ разнится отъ прочихъ Цыганокъ. Но какъ Цыганки танцовали, просто прелесть! Особенно Эсмемальда! Она возбуждаетъ восхищеніе, она отуманиваетъ.

— Гдѣ же онѣ теперѣ? спросилъ графъ, устремивъ свои глаза на господина Рено. Послѣдній стоялъ предъ каминомъ, но, услышавъ вопросъ старика, быстро подошелъ къ нему и отвѣтилъ:

— Въ восточной залѣ, какъ приказали ваше сіятельство. Онѣ тамъ въ полной безопасности. Я отвелъ имъ также комнату въ башнѣ. Тамъ могутъ помѣститься женщины и дѣти, если онѣ того пожелаютъ:

— Вон, вон, отвѣтилъ улыбаясь старшій графъ.— Хорошій хозяинъ долженъ обо всѣхъ позаботиться. Благопристойность также не должна быть забыта. Однако, позаботьтесь, любезный Рено, чтобы молодежь не прозябла тамъ въ снѣгахъ. Предложите имъ карты. Да и мы, я думаю, можемъ продолжать нашу партію виста. Вѣдь еще очень рано. Къ тому же всякій часъ который вы отнимаете отъ сна, протягиваетъ вашу жизнь. Гдѣ докторъ?

— Вотъ онъ идетъ.

— Если не ошибаюсь, онъ старался продолжить свое удовольствіе и провожалъ Цыганокъ въ башенную комнату.

— И да и нѣтъ, отвѣтилъ докторъ, подходя къ игорному столу.— Я точно былъ въ круглой башнѣ, но я навѣстилъ тамъ больную женщину, должно-быть мать блѣдной дѣвочки. Я заключаю это изъ того что она постоянно нѣжно обнимала и ласкала больную, въ то время какъ другіе спокойно уживали.

— Чѣмъ же больна блѣдная женщина? спросила графиня.

— Она страдаетъ, въ настоящее время, отъ простуды. Но я предполагаю что у нея, кромѣ того, сильная чахотка.

— Бѣдная! И съ такою болѣзнью она должна странствовать съ одного мѣста на другое! День и ночь быть подъ открытымъ небомъ, безъ врача, безъ покоя. Господи, чтѣ за судьба! Неправда ли, господинъ Рено, обратилась графиня къ секретарю, — вы позаботитесь объ этой несчастной женщинѣ? Я не хочу чтобъ она въ чемъ-нибудь нуждалась. А вы, господинъ докторъ, вѣроятно будете столь любезны и сообщите мнѣ завтра утромъ какъ здоровье больной. Ей бы можно было предложить остаться здѣсь нѣсколько дней.

— Я и самъ думалъ объ этомъ. Но это не такъ-то легко.
— Сдѣлайте, докторъ, что можете, а теперь пора и за игру. Господинъ полковникъ Швенкенбергъ играетъ съ болваномъ и ему начинать.

Господинъ Рено употреблялъ, между тѣмъ, всѣ усилія чтобы занять другихъ старыхъ и молодыхъ офицеровъ. Онъ устроилъ нѣсколько карточныхъ столовъ. Впрочемъ, офицеры играли не въ вистъ, но или въ макао, или въ ландскнехтъ. Кромѣ того, имъ были предложены чай, кофе и сигары. Последнія употреблялись въ такомъ количествѣ что офицеры буквально находились въ какомъ-то густомъ, бѣловато-сѣромъ дыму, доходившемъ почти до потолка.

Дагобертъ также игралъ. Но онъ былъ очень разсѣянъ и, видимо, чѣмъ-то озабоченъ. Онъ часто устремлялъ свои блуждающіе взгляды на лортикъ. Онъ часто понтировалъ невѣрно или съ такимъ равнодушіемъ какого въ немъ никогда не замѣчали. Товарищи, знавшіе его страстную любовь къ игрѣ, предложили ему быть банкومتомъ. Но онъ отклонился отъ ихъ предложенія, объявивъ что въ качествѣ племянника стараго графа, не можетъ оставаться на одномъ мѣстѣ, а долженъ быть со всѣми гостями.

Онъ, дѣйствительно, подходилъ то къ одному столу, то къ другому. Потомъ всѣ видѣли какъ онъ направился къ лортику и затѣмъ исчезъ. Онъ вышелъ въ сѣни. Здѣсь человѣкъ, дожидавшій его, передалъ ему плащъ и фуражку. Накинувъ плащъ сверхъ мундира, онъ миновалъ готическую церковь, прошелъ весь дворъ и вышелъ въ ворота.

Онъ находился у восточной стороны замка. Здѣсь царилъ мертвая тишина. Длинные ряды оконъ смотрѣли какъ-то мрачно, опустѣло. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣли слабый, странный свѣтъ, но то былъ отблескъ луны. Дагобертъ прошелъ и эту часть замка и остановился у самаго конца, близъ высокой, круглой башни.

Конецъ восточной части замка былъ ярко освѣщенъ. Дагобертъ слышалъ громкіе голоса, которые лѣли и смѣялись. Нижнее окно круглой башни было также освѣщено, хотя и слабо. Но оттуда не было слышно ни смѣха, ни лѣнія. Онъ подошелъ какъ можно ближе къ башнѣ и прижался лицомъ къ окну. Онъ зналъ что нельзя было его замѣтить, такъ какъ башня была круглая. Но тамъ было все тихо; только изрѣдка раздавался слабый кашель.

Онъ не могъ видѣть кто находился въ комнатѣ и что тамъ дѣлалось: окно было внутри завѣшено темнымъ платкомъ.

Дагобертъ отошелъ отъ башни и, недовольный, плотнѣе закутался въ свой плащъ.

Ночь была свѣжа. Небо было безоблачно и сверкало яркими, дрожащими звѣздами. Всюду царствовала гробовая тишина. Дагобертъ ясно слышалъ какъ журчали воды водопада, находящагося въ сосѣднемъ паркѣ. Онъ уже хотѣлъ повернуться, чтобъ опять пойти вдоль замка, какъ вдругъ остановился. Изъ воротъ вышли двѣ человѣческія фигуры и медленно приближались къ нему. Дагобертъ не желалъ чтобъ его увидѣли здѣсь. Онъ вернулся къ башнѣ и спрятался въ углубленіи, находившемся въ задней части башни. Здѣсь было темно, и онъ надѣялся что его не замѣтятъ. Обѣ фигуры были различнаго роста: одна была широка и длинна, другая мала и тонка. Онъ приближались къ башнѣ. Дагобертъ слышалъ какъ высокая фигура сказала:

— Теперь самое время. Которая это дверь, Бланда?

Дѣвочка—это была она—отвѣтила Цыгану:

— Навѣрно не знаю, Цареггъ, которая это дверь. Но если ты будешь внимателенъ, ты замѣтишь на одной изъ дверей нашъ обыкновенный знакъ. Это и будетъ та дверь.

— Хорошо. Повторяю тебѣ что теперь самое удобное время. Прислуга теперь вся въ кухнѣ и мы одни. А потомъ, чего добраго, они, пожалуй, запрутъ насъ, изъ боязни что мы можемъ уйти. Къ тому же, они могутъ поставить часовыхъ.

— Въ такомъ случаѣ, Цареггъ, исполни все такъ какъ я приказала. Тебѣ не будетъ трудно войти туда. Мнѣ и самой почти удалось, да показались чужіе люди и я должна была уйти. Передай ему также что все дѣлалось изъ благодарности и потому что намъ известно какъ несправедливы и какъ жестоки они съ нами.

Графъ Зеefeldъ не могъ слышать послѣднихъ словъ, такъ какъ Цыгане были уже далеко отъ него. Наконецъ онъ совершенно потерялъ ихъ изъ виду.

„Ого! подумалъ онъ.— Ужь не замышляетъ ли чудесное дитя какое-нибудь лохищеніе, или нѣчто подобное? Она, кажется, владычица, царица этого цыганскаго табора; ей видимо всѣ повинуются. Ну, осторожность не мѣшаетъ. Я, дѣйствительно, прикажу поставить часовыхъ. Пусть исполнятся предчувствія этого длиннаго Цыгана.“

Онъ вышелъ изъ своего убѣжища и олять подошелъ къ освѣщенной части замка. Онъ сталъ у громаднаго каштана и началъ смотрѣть въ окна. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ не произошло никакой перемѣны. Но вдругъ онъ замѣтилъ что отворилась дверь въ круглой башнѣ. Кто-то вышелъ, обогнулъ башню и прижался къ каменной стѣнѣ замка.

Дагобертъ быстро подошелъ и увидалъ Эсмеральду. Должно быть она его ждала, по крайней мѣрѣ онъ такъ думалъ. Онъ схватилъ ея руки и страстнымъ, прерывистымъ голосомъ началъ ей говорить о томъ какъ долго ждалъ ее, какъ желалъ ее видѣть. Она молчала и слушала его совершенно спокойно. Онъ порывисто обхватилъ ее вокругъ стройнаго станна и хотѣлъ прижать къ себѣ. Но она ловко отклонилась отъ него и сказала твердымъ, хотя и ласковымъ голосомъ:

— Тихе, тихе, мой прекрасный офицеръ! Тихе, здѣсь не мѣсто. Здѣсь часто проходятъ люди, и наши, несмотря на темноту, все-таки узнаютъ меня.

— Если такъ, то пойдемъ со мною, Эсмеральда. Ты обѣщала мнѣ что выйдешь ко мнѣ и позволишь сказать тебѣ какъ горячо я люблю тебя. И я надѣюсь что и твое сердце немного бьется для меня.... Но ты права, здѣсь не мѣсто, пойдемъ со мною.

Было очень темно, къ тому же прекрасная Цыганка опустила низко свою головку. Не будь этого, Дагобертъ замѣтилъ бы какъ насмѣшливо улыбались ея прелестныя губы. Но графъ этого не видалъ. Онъ не слышалъ также что голосъ ея звучалъ далеко не вѣжно, когда она спросила его:

— Но куда же вы поведете меня, мой прекрасный офицеръ?

— Куда ты хочешь. Въ замкѣ много мѣста, намъ есть гдѣ укрыться. О, пожертвуй мнѣ только часъ, одинъ часъ!

Она слегка покачала головою и отвѣтила ему:

— Этотъ большой, большой замокъ страшитъ меня. Чистый, сіяющій звѣздами небосводъ мнѣ милѣе всѣхъ залъ въ замкѣ, даже еслибъ онѣ были такъ прекрасны какъ та въ которой я танцовала.

— Ты упряма и ты не доверяешь мнѣ!

— Отчего же мнѣ не довѣрять вамъ, мой прекрасный офицеръ? И еслибъ я не довѣряла вамъ, я имѣла бы на это полное право. Вы неосторожны, я слышу шаги.

Она обернула голову и стала прислушиваться. Все было тихо. Но Дагобертъ воспользовался этою минутой, обхватилъ

ее рукой и тихо увлекъ ее въ ближайшій садъ. Она тихо, едва-едва сопротивлялась ему. Онъ прижалъ ее крѣпче къ себѣ и горячо поцѣловалъ ее почти обнаженное плечо. Паркъ находился за большою дорогою, окружавшею замокъ. Въ немъ стояли громадные, вѣковые деревья, хотя и лишенные теперь почти всѣхъ листьевъ. Всюду видѣлись бѣлыя мраморныя фигуры, освѣщенныя луною. Дагобертъ подвелъ молодую дѣвушку къ одной изъ многочисленныхъ скамеекъ. Она шла за нимъ не сопротивляясь и только изрѣдка оборачивалась назадъ головой и смотрѣла на каменныя стѣны замка.

Онъ сѣлъ на скамью, притянулъ къ себѣ на колѣни Эмеральду и укуталъ ее одною половиною своего плаща. Она была одѣта очень легко.

— Ты заблѣешь, сказалъ онъ, — для тебя ночь холодна. Мнѣ же, продолжалъ онъ, тяжело дыша, — мнѣ душно и жарко. Смотри какъ горитъ мой лобъ! Онъ взялъ ее руку, прижалъ ее сначала къ своему лицу, а потомъ обвилъ ее вокругъ своей головы.

— Еслибы ты знала, Эмеральда, какое сильное впечатлѣніе ты произвела на меня съ первой же встрѣчи! Еслибы ты знала какъ я былъ несчастенъ всѣ эти дни, не зналъ гдѣ ты находишься... Эмеральда, моя дорогая Эмеральда!

Она старалась освободиться изъ его объятій. Правда, старанія эти не были настолько энергичны, сколько можно было ожидать глядя на нее. Ея крѣпкій, ловкій станъ, ея гордо сжатые губы, ея глаза, сверкавшіе и искраціеся точно звѣзды, выражали гораздо больше силы и энергіи, нежели она выказывала теперь. Но стоило Дагоберту приблизиться губами къ ея лицу какъ она отклоняла его такимъ сильнымъ и въ то же время такимъ легкимъ движеніемъ что онъ вскорѣ убѣдился что ее склонить не такъ легко. Онъ понялъ что здѣсь требовалась осторожность, нужно было выждать.

Но эта борьба, это сопротивленіе, наконецъ, прикосновеніе ея мягкаго, горячаго, упругаго тѣла разгорячали еще болѣе его кровь, разгоряченную и безъ того излишнимъ употребленіемъ вина.

— Эмеральда, отчего ты такъ холодна, такъ сурова со мною? Ты не доверяешь мнѣ... Ты думаешь что я сегодня же, завтра, забуду счастье этого часа. О, еслибы я могъ увѣрить тебя что я дѣйствительно люблю тебя, что я буду всегда

любить тебя! Я независимъ, я богатъ, очень богатъ, я могу исполнять всѣ твои желанія, я могу и я хочу сдѣлать изъ тебя повелѣвающую госпожу! Я положу къ ногамъ твоимъ золото и драгоценные камни. Понимаешь ли ты меня, Эсмеральда? Твоя маленькая, прекрасная ножка будетъ ступать по мягкимъ коврамъ; ты не будешь больше жить подъ открытымъ небомъ, но въ богатомъ, роскошномъ домѣ. Ты будешь на всю жизнь богата и счастлива... Я же прошу тебя только одного, полюби меня немного и люби меня долго, насколько ты можешь. О, Эсмеральда!

Она молчала. Но она вся дрожала и по временамъ сильно вздрагивала. Онъ приписывалъ это сильному волненію, произведенному его словами. Онъ ошибался. Она дрожала, потому что сдерживала себя, потому что каждую минуту наирывалась оттолкнуть его руки, оттолкнуть его самого отъ себя. Еслибы Дагобертъ могъ взглянуть теперь на ея лицо, онъ понялъ бы ея внутреннюю борьбу. Черты лица ея были строги, суровы, губы крѣпко сжаты, глаза горѣли мрачнымъ огнемъ. Но онъ не могъ видѣть ея лица. Какъ онъ ни старался повернуть ея лицо къ себѣ, ему это не удавалось.

Но отчего же она избѣгала взглянуть на него? Отчего она, несмотря на все свое отвращеніе, не вырывалась изъ его рукъ? Отчего оставалась она, въ то время какъ сердце ея видимо было занято чѣмъ-то другимъ?

Оттого что это было необходимо. Глаза ея не отрывались отъ темныхъ, высокихъ стѣнъ замка. Она, казалось, напрягала всѣ силы своего зрѣнія чтобы наблюдать за чѣмъ-то важнымъ для нея. И дѣйствительно, ея провоцательные, цыганскіе глаза замѣтили вскорѣ челоуѣческую фигуру, медленно подкрадывавшуюся вдоль каменныхъ стѣнъ Ваальдбурга.

Но молодой офицеръ ничего не замѣчалъ. Сильно взволнованный и потрясенный, онъ прижалъ вдругъ лицо свое крѣпко ко груди молодой дѣвушки. Цыганка вздрогнула, точно испуганная, сдѣлала движеніе будто желала его оттолкнуть, но остановилась... Она слышала шорохъ, потому звукъ желѣза, прошло нѣсколько минутъ, шорохъ повторился.

Тогда Эсмеральда, глубоко вздохнувъ, оттолкнула отъ себя молодого офицера съ такою силой что тотъ почти испугался.

— Довольно, довольно, проговорила она тихо, но энерги-

чески. Она дрожала сильно, и глаза ея горѣли гнѣвомъ. Молодой офицеръ въ изумленіи взглянулъ на ея лицо, которое она обратила теперь къ нему. — Да, довольно, тысяча разъ довольно! Я больше ничего не хочу слышать!

— Будь же благоразумнѣе, милая, и выслушай меня. Я говорю дѣльные слова.

— О, я наслышалась довольно этихъ дѣльныхъ словъ! Отпустите меня къ моимъ, я слышу шаги.

— Полно, кто же можетъ придти сюда, Эмеральда? Будь умнѣе, моя красавица! Если это кто-нибудь изъ нашихъ, такъ онъ уйдетъ, узнавъ меня.

— Но это можетъ-быть также кто-нибудь изъ табора, сказала она, и прибавила съ особымъ удареніемъ: — а я увѣрена что если это наши, они не уйдутъ отсюда спокойно, узнавъ меня. Пустите меня добровольно, господинъ, или я...

Но Дагобертъ, казаась, и не думалъ отпустить отъ себя прекрасную Цыганку. Напротивъ, онъ объялъ ее еще крѣпче. Тогда она, схвативъ его за обѣ руки, оттолкнула его съ необыкновенною силой и быстро пошла впередъ. Ошеломленный и въ высшей степени взбѣшенный, онъ, въ первую минуту, не зналъ что дѣлать. Вслѣдъ затѣмъ онъ вскочилъ чтобы послѣдить къ ней. Но онъ замѣтилъ въ ту же минуту двѣ темныя фигуры, которыя поравнялись съ нею. Она сказала имъ, на непонятномъ для него языкѣ, нѣсколько словъ и исчезла.

Дагобертъ замѣтилъ также что одна изъ фигуръ осталась на мѣстѣ, а другая проходила большую дорогу и направлялась къ лѣсу.

Бываетъ часто что человѣкъ потерпѣвшій неудачу въ самомъ пламенномъ желаніи приходитъ въ такое неистовство что готовъ броситься подъ ноги дикой лошади. Часто, желая облегчить себя, онъ готовъ выместить свою неудачу и свою злобу на первомъ встрѣчномъ. То же чувствовалъ теперь молодой графъ. Онъ видѣлъ что кто-то прокрадывался къ лѣсу. Человѣкъ показался ему подозрительнымъ, къ тому же онъ чувствовалъ такую злобу что въ одинъ мигъ очутился предъ незнакомцемъ. Мѣсяцъ ярко освѣщалъ темную фигуру. Дагобертъ взглянулъ на него и въ изумленіи отскочилъ. Онъ узналъ Эриха Фрейберга, котораго воображалъ подъ желѣзнымъ замкомъ, въ темницѣ.

Такъ это онъ помѣшалъ его свиданію съ Эсмеральдой! Онъ схватился за лѣвый бокъ, но сабли тамъ не было. Онъ, подобно прочимъ офицерамъ, снялъ ее и оставилъ въ большой залѣ. Тогда онъ опять приблизился къ нему, устремилъ на него пылающіе гнѣвомъ глаза и едва проговорилъ дрожащими губами:

— Остановись и сейчасъ же вернись! Не то я закричу и помогу и прикажу тебя затравить собаками.

— Чтò жь, дѣлайте если можете и смѣете, отвѣтилъ ему Эрихъ, рѣшительно подступивъ къ нему со сжатыми кулаками.—Но знайте, прежде нежели прибѣгутъ ваши люди, вы убѣдитесь въ томъ кто сильнѣе изъ насъ двухъ. Я испыталъ столько оскорбленій съ вашей стороны что, клянусь вамъ, задушю васъ прежде нежели вы услѣдете кричать.

Сверкающіе глаза и вся фигура молодого человѣка выржали такую силу, такую дикость, что графъ невольно отступилъ. Онъ вспомнилъ свое положеніе въ обществѣ, вспомнилъ что онъ офицеръ. Онъ взглянулъ на Эриха съ выраженіемъ глубокаго презрѣнія, поднялъ, будто угрожая ему, руку и закричалъ ему:

— Мальчишка, я найду еще тебя!

— Этого и я желаю. Я надѣюсь что мы еще разъ встретимся и тамъ будемъ въ состояніи выказать свою ненависть другъ къ другу другими оружіями.

Затѣмъ онъ тихо, не оборачиваясь назадъ, пошелъ вдоль большой дороги. Но, вступивъ въ лѣсъ, онъ ускорилъ свои шаги.

Онъ помнилъ что Цыганъ, освобождая его изъ темницы, сказалъ ему:

— Гляди все на созвѣздіе Великана, который держитъ въ рукѣ дубину и окруженъ сверкающимъ поясомъ. Иди по этому направленію.

Цыганъ говорилъ о созвѣздіи Ориона, объ этомъ прекрасномъ созвѣздіи, находящемся на юго-восточной части неба. Эрихъ смотрѣлъ на него и шелъ впередъ, пробиваясь сквозь чащу лѣсовъ. Съ этой ночи созвѣздіе Ориона сдѣлалось его любимымъ созвѣздіемъ и часто, въ минуту глубокой душевной муки, онъ глядѣлъ на него и находилъ отраду и успокоеніе.

Эрихъ часто останавливался: онъ боялся логови графъ

скихъ собакъ. Но все было тихо вокругъ, только ручей журчалъ издали, и сухіе листья шелестили подъ его ногами.

И какъ вѣрно показывало ему созвѣздіе его дорогу! Предъ нимъ ужь сверкало маленькое озеро у котораго вчера скончался олень. А вотъ и лощина! Эрихъ ускорилъ шаги свои и черезъ нѣсколько минутъ уже стоялъ у старой липы. Ясные лучи мѣсяца падали на вѣковое дерево, и Эрихъ отчетливо прочелъ слова вырѣзанныя на немъ, слова: „На зло“.

Эрихъ остановился чтобы немного отдохнуть. Онъ былъ свободенъ, онъ былъ счастливъ. Цыганъ объявилъ ему, освобождая его, что это дѣлалось по волѣ Блады. Эрихъ почувствовалъ глубокую благодарность къ бѣдной, блѣдной дѣвочкѣ.

Еще полчаса, и Эрихъ стоялъ уже у мельницы. Собаки, слышавъ его, громко залаяли. Отворилось окно, и показался мельникъ, спросившій громкимъ голосомъ: „кто тамъ и чего желаютъ?“

Но тѣмъ и кончились для Эриха всѣ горести и бѣдствія этого дня. Онъ сидѣлъ, нѣсколько минутъ спустя, въ теплой и уютной столовой стараго мельника и разказывалъ ему и Готфриду свое приключеніе. Предъ нимъ стоялъ сытный ужинъ и, между прочимъ, кусокъ того прекраснаго оленя котораго застрѣлилъ Готфридъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ІЕЗУИТЫ ВЪ ЛИТВѢ*

IV.

Программа дѣйствій Іезуитовъ.—Совращеніе въ католичество.—Кардиналъ Радзивиллъ.—Новыя коллегиумы, школы, костелы.—Борьба съ иновѣрцами.

Мы старались уяснить положеніе Литовско-Русскаго государства до временъ Баторія. Мы видѣли что несмотря на союз Ягайлы съ Польшей, на Виленскій и Городельскій договоры, на стѣсненія православныхъ при Казимірѣ подъ конецъ его царствованія, и даже на Люблинскую унію, дѣло полонизаціи подвигалось очень медленно. Люблинскій союз не представлялъ ничего прочнаго; при первомъ случаѣ, при первомъ выборѣ новаго короля, онъ могъ рушиться. Поляки понимали что всѣ усилія употреблявшіяся со временъ Ягайлы не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Высшее сословіе отчасти усвоило польскую цивилизацію; во въ то же время знаменитѣйшіе изъ представителей русской національности владѣли значительными средствами для поддержанія своихъ единовѣрцевъ и противодѣйствія стремленіямъ Поляковъ. Польскій языкъ становился языкомъ при-

* См. *Руск. Вѣст.* № 7.

ворнымъ; но государственнымъ языкомъ, языкомъ закона, удопроизводства, наконецъ, народнымъ, оставался еще рускій. Католичество было подорвано. Власть папы исчезала, примасть Уханскій готовилъ совершенное низложеніе этой власти и отторженіе отъ Рима. Отношенія къ Московскому государству принимали для Польши болѣе и болѣе опасное положеніе. Если Литва не отторглась совершенно отъ Польши и не предалась Московской династіи, виновать Іоаннъ IV, не сумѣвшій воспользоваться общественнымъ настроеніемъ на Руси, гдѣ, какъ говоритъ Поссевицъ, въ досеніи своемъ къ папѣ, во время войны съ Баторіемъ, въ Подоліи, Волыни, даже въ Литвѣ и Самогитіи, жители упорно держались греческаго исповѣданія, хотя господа ихъ были уже католики или кальвины.

Ревнителі католицизма, кардиналъ Гозиусъ, легаты папы Коммендони, Поссевицъ, многіе изъ свѣтскихъ сенаторовъ Польши понимали что такое настроеніе губительно для Польши, для интересовъ папы. И вотъ мы видимъ въ Литвѣ могущественныхъ защитниковъ папской власти, иезуитовъ. Обстоятельства сами собою начертали для нихъ программу дѣйствій. Ежели эта программа была неосуществима при Сигизмундѣ-Августѣ, даже при Стефанѣ Баторіи, во многихъ случаяхъ проявлявшемъ вѣротерлимость, то ее должно было осуществить время, пожалуй, цѣлымъ столѣтіемъ, и не отдѣльными личностями, но цѣлая корпорація связанная единствомъ цѣлей, силой воли и неслыханною энергіей.

Программа дѣйствій иезуитовъ въ Литвѣ состояла въ слѣдующемъ: уничтожить силу и могущество кальвинизма; свратить въ католичество все православное дворянство; поколебать прочность православія въ простомъ народѣ посредствомъ *переходнаго періода*, представлявшаго возможность почти нечувствительнымъ образомъ подчинить народъ папѣ, словомъ, создать церковную унию; образованію дать чисто польское направленіе; постепенно выводить изъ употребленія русскій языкъ и замѣнять его польскимъ; сближать, роднить Литовцевъ и Русскихъ съ Поляками посредствомъ смѣшанныхъ браковъ, и наложивъ нравственныя цѣли какъ на короля, такъ на государственныхъ дѣятелей и все высшее сословіе, заставить всѣхъ идти однимъ путемъ къ неизмѣнной цѣли.

Ежели мы вспомнимъ про почти двухвѣковую борьбу, про самоотверженныя усилія Русскихъ защищать свою вѣру и народность, про безуспѣшность до сихъ поръ дѣйствій Палаковъ въ этомъ отношеніи, то нельзя не согласиться что іезуитамъ предстояла задача трудная. Но и нельзя не удивляться ихъ изобрѣтательности, постоянству стремленій и единодушію съ которыми они такъ усердно работали въ теченіе двухсотъ четырехъ лѣтъ въ Литвѣ и двухсотъ сорока одного года въ Бѣлоруссіи.

Насколько сочувствовалъ этой программѣ, и такъ ли понималъ ее, или лучше, такъ ли предвидѣлъ ее Баторій, трудно рѣшить. Баторій по всей вѣроятности никогда бы не одобрилъ правила которое въ послѣдствіи сдѣлалось девизомъ іезуитовъ: цѣль оправдываетъ средства; но въ данную минуту іезуиты являлись въ его глазахъ лучшимъ и надежнѣшимъ орудіемъ для осуществленія его собственныхъ политическихъ предначертаній. Онъ покровительствовалъ имъ, хотя не всегда соглашался съ ними, не всегда одобрялъ ихъ дѣйствія и умѣлъ пріудерживать ихъ ревность.

Замѣчательно то что знаменитѣйшій изъ государственныхъ людей Польши, Андрей Замойскій, кажется, глубже другихъ прозрѣвалъ будущее и никогда не сочувствовалъ іезуитамъ.

Мы уже говорили про первые успѣхи іезуитовъ въ Вильнѣ. Совращеніе такихъ вліятельныхъ лицъ, какъ Ходкевичъ и Гозиусъ, было очень важно, но еще недостаточно для упроченія силы и власти іезуитовъ въ Литвѣ. Они прежде всего занялись кальвинистами, такъ какъ все знатнѣшее дворянство принадлежало къ евангелическо-реформатскому исповѣданію. Чтобы положить прочное начало дѣлу, они сочли необходимымъ ударить прямо въ цѣль, именно явить приверженцамъ кальвинизма примѣръ обращенія въ католичество главныхъ дѣятелей, составлявшихъ ихъ опору. Извѣстно что князь Николай Радзивиллъ Черный былъ главнымъ двигателемъ и могущественнымъ защитникомъ кальвинизма. Дворянский братъ его, князь Николай Рыжій, послѣ смерти брата, сталъ во главѣ своихъ единовѣрцевъ. Іезуиты уже убѣдились что на него не могутъ имѣть никакого вліянія. Но князь Николай Черный оставилъ сыновей: Николая-Христофора, Юрія, Альберта и Станислава, основателей особыхъ ординацій:

Несвижской, Олыцкой и Клецкой. На нихъ кальвины возлагали всѣ свои надежды въ будущемъ. На нихъ и иезуиты, еще даже не поселившись въ Литвѣ, обратили особенное вниманіе, съ самой кончины князя Николая Чернаго. Въ годъ кончины отца, то-есть въ 1565, князю Николаю-Христофору было 16 лѣтъ, Юрію 9, Альберту 7 и Станиславу 6. Нѣкоторые писатели стараются доказать что жена Николая Чернаго, Елизавета, урожденная Шидловецкая, была ревностною католичкою и только угождая мужу своему притворялась кальвинкою, * что будто бы ова и старшему сыну своему внушила идеи о святости католицизма. Съ этимъ нельзя согласиться. Елизавета умерла прежде мужа, именно въ 1562 году, когда сыну ея было только 13 лѣтъ. Изъ другихъ источниковъ извѣстно что онъ будучи ребенкомъ ненавидѣлъ все католическое, переодѣвалъ своихъ ровесниковъ изъ придворной шляхты въ монашескія рясы и забавлялся этимъ вмѣстѣ съ своими братьями. Сестра ихъ Елизавета, получившая отличное воспитаніе, когда иезуиты появились въ Вильнѣ, любила вести ожесточенные споры съ ними по религіознымъ вопросамъ. ** Помянуто что всѣ дѣти Радзивилла Чернаго съ колыбели слышали однѣ насмѣшки надъ ксендзами и католическими обрядами. Князь Николай-Христофоръ, прзванный Сирота, *** воспитывался въ Вильнѣ, въ высшей кальвинской школѣ, потомъ въ Лейпцигской академіи, откуда возвратился предъ смертью отца. На одрѣ болѣзни умирающій Николай Черный завѣщалъ своему шестнадцатилѣтнему сыну любовь и уваженіе къ реформатскому исповѣданію. „Съ набожностію и чистою вѣрою, въ которой я тебя воспиталъ, и передаю церкви, проводи всю жизнь свою“, говорилъ ему умирающій. **** Послѣ смерти отца, сперва за границей, а потомъ

* Котаубай, 308.

** Приачовскій, II, 4. Несецкій.

*** Однажды, когда родители его были въ Варшавѣ, на свадьбѣ одного изъ придворныхъ Сигизмунда-Августа, и смотрѣли фейерверкъ, король незамѣтнымъ образомъ оставилъ общество и вошелъ въ квартиру, вблизи находившуюся, занимаемую Радзивиломъ Чернымъ, нашелъ здѣсь въ кроваткѣ плачущаго ребенка, всаки оставленного, ибо всѣ побѣжали смотрѣть фейерверкъ. Сигизмундъ-Августъ, угѣшая и убаюкавая ребенка, называлъ его сиротой. Прозвище это и осталось за нимъ на всю жизнь.

**** Лукатевичъ, I, 24.

въ Литвѣ, иезуиты олутали неопытнаго юношу своею свѣтлою ни для кого почти неувидимыхъ случайностей и даже чудесъ. Такъ совершенно неожиданно гдѣ-то найдено было письмо въ родѣ предсмертнаго сознанія написаннаго дочеркомъ совершенно схожимъ съ рукой отца, въ которомъ онъ жаалуется на своихъ духовныхъ министровъ, до того будто бы запутавшихъ его религіозныя убѣжденія что онъ какъ въ туманѣ, самъ не знаетъ гдѣ искать истины. Понятно что письмо было подложное, но князь Николай-Христофоръ повѣрилъ что оно дѣйствительно оставлено было отцомъ. Письмо это невольно родило сомнѣнія въ душѣ неопытнаго юноши на счетъ святости исповѣдуемой имъ религіи. Во время путешествія князя, во Франціи и особенно въ Италіи и въ Римѣ, иезуиты проникали къ нему всѣми путями. Однажды за границей князь оласко занемогъ. Иезуиты окружили ложе больного, обѣщали ему выздоровленіе, если дастъ клятву обратиться въ католичество. Но князь еще упорствовалъ, выздоровѣлъ и возвратился на родину. Здѣсь получилъ должность надворнаго маршала литовскаго. Иезуитъ Видзницкій, въ надгробной рѣчи послѣ смерти князя, рассказываетъ что возвращаясь однажды изъ Варшавы въ Вианну, въ Страстную пятницу, и остановясь на пути въ гостиницѣ для отдыха, князь велѣлъ изжарить къ обѣду калуновъ. Калуны были поданы; но едва до нихъ дотронулись, они подыались съ блюда. Чудо чрезвычайно подѣйствовало на князя.

Сестра его Елизавета, которая любила такъ много спорить съ иезуитами и удивляла ихъ знаніемъ почти всей Библіи наизусть, была уже въ то время совращена въ католичество иезуитомъ Гербестомъ и вышла замужъ за ревностнаго католика, Николая Мелецкаго, воеводу подольскаго, великаго гетмана короннаго. Она безпрестанно настаивала, какъ удостоверяють сохранившіяся письма, чтобы братъ перешелъ въ католицизмъ. Наконецъ проповѣди и увѣщанія Скарги окончательно поколебали его вѣру. Напрасны были всѣ просьбы и старанія дяди его, князя Николая Рыжаго; князь Николай-Христофоръ забылъ завѣты отца, забылъ послѣднюю его волю на смертномъ одрѣ и торжественно принялъ католическое исповѣданіе (1572). * Иезуиты праздновали это событіе какъ

* Котлубай пишетъ (308 стр.) что это случилось въ 1570. но Скарга пріѣхалъ въ Вианну едва въ 1572 или даже 1575. Впрочемъ положе-

великую побѣду. И въ самомъ дѣлѣ для нихъ это была побѣда. Старшій братъ долженъ было потянуть за собою въ латинство и младшихъ. Примѣръ могущественнаго вельможи, сына основателя Кальвинова ученія въ Литвѣ, неминуемо долженъ былъ родить подражателей.

Младшіе братья князя Николая Христофора Сироты также воспитывались сначала дома, въ кальвинской школѣ, подъ наблюденіемъ и поличительствомъ князя Николая Рыжаго, а потомъ въ Лейпцигской академіи. Изъ нихъ князь Юрій, въ 1572 году, шестнадцати лѣтъ, возвращаясь вмѣстѣ съ братомъ на родину изъ Лейпцига, проѣздомъ остановился въ Познани. Иезуиты слѣдили за нимъ вездѣ, на каждомъ шагу. Неизвѣстно какимъ образомъ они это устроили, но князь Юрій съ братомъ посѣтили ихъ костель и коллегіумъ, гдѣ все было приготовлено для торжественной встрѣчи. Колокольный звонъ, прекрасная музыка, витіеватыя и льстивыя привѣтственные рѣчи, понятно, произвели вліяніе на мальчиковъ и въ особенности на князя Юрія, не скрывавшаго своего удовольствія. Иезуиты тотчасъ замѣтили что съ нимъ имъ легче всего совладать. Съ этого времени они были уже неотступны. Возвратясь въ Вильну, князя застали въ своемъ домѣ большія перемены; гдѣ при отцѣ была устроена модельня, вмѣсто торжественно мрачнаго убранства, вмѣсто большого стола покрытаго чернымъ сукномъ, съ Евангеліемъ и большими серебряными подсвѣчниками, они увидѣли великолѣпно отдѣланную католическую часовню, съ образами, иконами, цвѣтами. Въ залахъ дома, портреты папы, еписколовъ, рядомъ съ суровыми лицами отца и предковъ. Прибавьте къ этому живую рѣчь, увлекательное обращеніе отцовъ-иезуитовъ, сдѣлавшихся уже хозяевами въ домѣ послѣ совращенія старшаго брата. Юноши, до времени, еще держались; завели даже диспуты, но понятно, такому человѣку какъ Скарга не трудно было ихъ побѣдить. Князь Николай Рыжій былъ тогда въ Краковѣ. Некому было остановитъ, и князь Юрій первый сдался. Вскорѣ послѣ этого онъ отправился въ Римъ, гдѣ Ахиллъ Галиардъ, ученый иезуитъ, назначенъ былъ его учителемъ и руководителемъ.

Между тѣмъ семидесятилѣтній епископъ Протасевичъ

только неизвѣстно гдѣ имѣло послѣдовало совращеніе, въ Вильнѣ или въ Познани.

доживалъ свои дни въ Веркахъ. И имъ, и его епархіей управляли іезуиты. Безъ ихъ воли и совѣта болѣзненный старецъ ничего не предпринималъ, и во всемъ ихъ слушался. Іезуиты отлично воспользовались своимъ положеніемъ и рѣшились на смѣлый шагъ: они уговорили больнаго епископа назначить своимъ коадьюторомъ, съ правомъ преемства, шестнадцатилѣтняго юношу князя Юрія Радзивилла, хотя онъ еще и не былъ въ духовномъ санѣ. Протасевичу возвратились силы и молодость, говоритъ его біографъ, при одной мысли что его преемникомъ будетъ сынъ заклатаго врага его, могущественный князь Радзивиллъ. 17го мая 1574 года, Протасевичъ пріѣхалъ въ капитулъ и объявилъ что желаетъ назначить своимъ коадьюторомъ *нальпревающаго вступити въ духовное званіе* князя Юрія Радзивилла. 28го мая капитулъ записалъ протоколъ, одобряя и утверждая выборъ епископа. Черезъ годъ, 10го мая 1575 года, были присланы три буллы папы Григорія XIII, отъ 22го декабря 1574 года: къ епископу, въ капитулъ и къ князю Радзивиллу, коими послѣдній назначался виленскимъ епископомъ-коадьюторомъ. * 4го іюля 1575 года князь Юрій Радзивиллъ поступилъ въ духовное званіе, и папскій легатъ Монтисъ Регалисъ совершилъ надъ нимъ *первое поселеніе*.

Около этого же времени, то-есть 1575 гола, и младшіе братья князя Юрія, Альбертъ и Станиславъ, приняли также католичество. Итакъ, всѣ четыре сына Радзивилла Чернаго были уже лоборниками іезуитовъ. Въ февралѣ 1580, епископъ Протасевичъ скончался. Онъ оставилъ духовное завѣщаніе, коимъ нѣсколько домовъ своихъ отписалъ капитулу, съ тѣмъ чтобы получаемый съ нихъ доходъ былъ отдаваемъ іезуитамъ на воспитаніе шести мальчиковъ. Запись эта и содежавшіеся на счетъ ея ученики извѣстны подъ названіемъ *Валеріановой бурсы*.

Князь Юрій все это время прожилъ въ Римѣ и былъ уже субдіакономъ когда получено было извѣстіе о кончинѣ епископа Протасевича. Пала велѣлъ ему немедленно отправиться въ Вильну и занять кафедру. Епископъ Бодегетто рукоположилъ его во священника, и немедленно въ санъ епископа. **

* Acta Cap. vil. GG. 136—407, 139—418, 174—492.

** Пржіаговскій говоритъ что князь Юрій Радзивиллъ пріѣхалъ въ Вильну только субдіакономъ, діакономъ же в тотъ

Въ августѣ 1581 прибылъ двадцатичетырехлѣтній князь Юрій въ Вильну и тотъ жественно возведенъ на кафедру виле-скихъ еписколовъ. Радостно встрѣтили его иезуиты и родные братья; съ негодованіемъ дядя князь Николай, двоюродные братья и всѣ иновѣрцы. Юноша еписколъ тотчасъ же послѣ пріѣзда началъ на дѣлѣ оправдывать довѣріе своихъ наставниковъ, и потомъ въ продолженіе всей своей духовной дѣятельности былъ слѣпымъ орудіемъ ихъ воли. Онъ началъ съ преслѣдованія виле-скихъ книгопродавцевъ, продававшихъ кальвинскія книги и брошюры. Мы уже упомянули что отецъ епискола, князь Николай Черный, основалъ въ 1558 году въ Брестѣ типографію, въ которой печатались разные молитвенныя и богословскія сочиненія. Здѣсь же издана имъ въ 1563 году извѣстная, кальвинская, Радзивилловская Библия, составляющая нынѣ большую библиографическую рѣдкость. Изданіе ея стоило 5.000 дукатовъ. Братъ епискола, князь Николай-Христофоръ Сирота, желая явить съ своей стороны усердіе, закрылъ въ городѣ Брестѣ типографію отца и перенесъ ее въ Вильну, предоставивъ въ распоряженіе иезуитовъ; мало того, онъ пожертвовалъ такую же сумму, то-есть 5.000 дукатовъ, чтобы скулить возможно большее число экземпляровъ помянутой Библии. Гдѣ не могли купить, отнимали силой. Собранные такимъ образомъ экземпляры, по распоряженію епискола, были сожжены публично на добномъ мѣстѣ (другіе же говорятъ, что кажется въ Фроятѣ, возлѣ костела Св. Іоанна). вмѣстѣ съ Библиями жгли и другія иновѣрческія книги всѣхъ исповѣданій. Ясно что иезуитамъ, покровительствуемымъ княземъ-епископомъ, хотѣлось показать свою силу. Это были уже не смиренныя иноки, просившіе только дозволенія поучать народъ. Иновѣрцы теперь ясно видѣли чего можно ожидать отъ богобоязненныхъ латеровъ. Каждый праздникъ, каждое воскресенье,

священникомъ посвященъ уже посѣтъ, въ 1582 году, въ Рижѣ, въ костелѣ Св. Іакова, гдѣ совершилъ и первую обѣдню, въ память чего основалъ въ этомъ храмѣ великолѣпный престолъ. Пржіаговскій говоритъ что находясь въ Рижѣ онъ былъ еще не совершеннолѣтнимъ, то-есть не шѣлъ 21го года. Но Пржіаговскій ошибается, — князь Юрій родился въ 1556 году, 31го мая, следовательно въ августѣ 1581 года, когда онъ пріѣхалъ въ Вильну епископомъ, ему было уже двадцать четыре года.

іезуиты проповѣдовали на пяти рынкахъ. Число ихъ слушателей съ каждымъ днемъ возрастало. Въ толпу вмѣшивались студенты академіи. Употреблялись всѣ усилія чтобы этимъ публичнымъ поученіямъ придать наиболѣе значенія, чтобы число поучающихся было громадное. Кальвинисты, видя такое возрастающее вліяніе іезуитовъ, рѣшились прибѣгнуть къ тому же средству. Они стали высылать на рынки лучшихъ своихъ министровъ и сеньйоровъ, кои тоже начали говорить проповѣди и, разумѣется, находили слушателей. Образовались двѣ враждебныя партіи. Такой шагъ, вѣроятно, испугалъ іезуитовъ. Они подготовили западню, и въ слѣдующій разъ когда начались проповѣди іезуитовъ и кальвинистовъ, между послѣдователями ихъ произошла ссора, а потомъ драка. Мало того, іезуитскіе студенты и вѣроятно подкупленные вожаки черни, съ толпой народа, напали на двухъ кальвинскихъ пасторовъ, возвращавшихся съ похоронъ, потомъ на кальвинскій соборъ, на ихъ типографію. Кальвинисты и лютеране сбѣжались чтобы защищаться. Произошло волненіе, драка, всякаго рода безчинства, а іезуиты держали себя какъ будто ничему не причастные. Въ это время виленскій воевода, князь Николай Рыжій, какъ великій гетманъ, находился съ Баторіемъ подъ Псковомъ. Получивъ извѣстіе о виленскихъ безпорядкахъ, онъ жаловался королю на іезуитовъ. Баторій писалъ въ Вильну: „Мы дали клятву не нарушать ни чьей свободы совѣсти; убѣжденія людей принадлежатъ суду Господа. Поэтому повелѣваемъ отнюдь не допускать подобныхъ безчинствъ.“ Повелѣніе это оставовило на время публичныя безчинства; но не могло оставовить общаго хода дѣлъ, согласнаго съ видами Поляковъ и самого короля. * Въ этомъ же году (1582) епископъ Радзивиллъ основалъ въ Вильнѣ римско-католическую духовную семинарію, которой доселѣ не было. На содержаніе семинаріи епископъ пожертвовалъ собственныя имѣнія: Коркожишки, Колпеницу, Луки, Островиту, Вазгелишки и Поставы. Ежегодный доходъ съ этихъ имѣній составлялъ болѣе трехъ тысячъ золотыхъ. Кроме того, подарилъ еще собственный каменный домъ. Стефанъ Баторій утвердилъ основаніе семинаріи и предоставилъ въ ея пользу доходы съ богатой

* Лукашевичъ I, 49. Крашевскій, Вильна, II, 422. Котлубай, 72.

Новогрудской плебаніи. * Семинарія помѣщена рядомъ съ палатами епископа, въ домѣ приобретенномъ еще Протасевичемъ, гдѣ предполагалось воздвигнуть костель для іезуитовъ. Имѣнія отданы въ вѣдѣніе калитула, но завѣдываніе семинаріей и преподаваніе предоставлено было іезуитамъ.

Около этого же времени основана вторая семинарія, стараніями извѣстнаго Поссевина. Она называлась Палскою, потому что пала Григорій XIII пожертвовалъ 1.000 дукатовъ на содержаніе въ ней двѣнадцати клириковъ; наследники его увеличили ежегодные взносы до 2.000 дукатовъ, и клириковъ было уже двадцать четыре. И здѣсь преподавателями были іезуиты. Они управляли семинаріей безъ всякаго посторонняго вмѣшательства. Въ послѣдствіи эта семинарія предназначена была исключительно для униатовъ. Поэтому понятна и особенная заботливость о ней палъ.

1582 годъ достопамятенъ введеніемъ извѣстнаго Григоріанскаго календаря, по повелѣнію Григорія XIII, принятаго всѣми католическими державами; но въ Литвѣ, князь Константинъ Острожскій и вообще православные, а также всѣ протестанты, отказались слѣдовать новому счисленію. Самое сильное сопротивленіе заявили виленскіе мѣщане, такъ что Баторій, избѣгая народнаго раздраженія, приказалъ не принуждать православныхъ къ принятію новаго календаря. Они и оставались при прежнемъ, Юліанскомъ, до того времени пока Брестская унія не успѣла привлечь на свою сторону большинства православныхъ. Въ Ригѣ, по случаю введенія новаго календаря, дошло даже до кровавыхъ столкновеній. Здѣсь былъ намѣстникомъ или главнымъ правителемъ инфлянтскимъ тотъ же князь Юрій Радзивилъ, виленскій епископъ. Когда Баторій находился въ Ригѣ (1582), при немъ, кромѣ епископа Радзивилла, находились епископъ жмудскій Мельхіоръ и три знаменитые іезуита: Скарга, Мартинъ Латерна, постоянный духовникъ при войскахъ во время походовъ, и Іоаннъ Винцеръ. Въ Ригѣ не было уже ни одного католическаго костела, всѣ были обращены въ лютеранскія кирки, которыя лютеране ревниво хотѣли сохранить всѣ за

* *Liber Privileg.* № 10, p. 284. *Acta* p. 385, § 255. *Prжиаговскій*, II, 12.

собой. Баторій, видя явное сопротивленіе лютеранъ, сказалъ что католики требуютъ возврата своей собственности и велѣлъ силой отнять бывшіе костелы Св. Іакова и Св. Маріи Магдалины. Первый изъ нихъ онъ отдалъ іезуитамъ и они основали въ немъ свой коллегіумъ.

Еще прежде, въ 1580 году, послѣ взятія Полоцка, гдѣ въ то время не было ни одного католическаго костела, або хотя еще въ 1498 году построенъ былъ монастырь Бернардиновъ, но во время войны совершенно разрушенъ, Баторій, по настоянію Скарги, разрѣшилъ іезуитамъ построить костелъ, коллегіумъ и училище. 2го іюля онъ присутствовалъ при закладкѣ коллегіума. Здѣсь при немъ находились три іезуита, Станиславъ Ленчицкій, Янъ Аландъ и Войтъхъ Гвтиусъ, а также духовникъ Баторія, Антоній Аріасъ, родомъ Исланецъ, имѣвшій на него большое вліяніе. Полоцкій воевода Дорогостайскій, прославившійся вождь и усердный кальвинистъ, а также всѣ православные граждане, всѣми силами противились поселенію іезуитовъ въ Полоцкѣ; воевода рѣшился даже осларивать мѣсто которое король назначилъ для постройки костела. Тогда Баторій не токмо привудилъ тотчасъ исполнить свое приказаніе, но еще подарилъ іезуитамъ 737 дворовъ, принадлежавшихъ разореннымъ православнымъ церквямъ и монастырямъ, изъ коихъ 420 находились въ развалинахъ. Уцѣлѣли только имѣнія принадлежавшія полоцкому архіепископу, которому Баторій особою грамотой обезлечилъ свободное исполненіе богослуженія въ соборной церкви Св. Софіи. Іезуиты, изъ числа отведенныхъ для нихъ мѣстностей, 320 уступили полоцкимъ гражданамъ, за что взаимно получили въ собственность на Двинѣ, противъ города, небольшой островъ и лежащую на противоположномъ берегу слободу Екиманію. Еще при Сигизмундѣ Августѣ, послѣ опустошительной войны 1563 года, когда церкви, костелы, монастыри были разрушены, разныя лица захватили принадлежавшія духовенству имѣнія. Баторій учредилъ особую комиссію для обнаруженія неправильно захваченныхъ имѣній. Комиссія, раскрывъ подробности дѣла, отняла отъ разныхъ владѣльцевъ одиннадцать значительныхъ имѣній и отдала ихъ въ собственность іезуитамъ. Коллегіумъ въ Полоцкѣ, какъ въ странѣ чисто русской, имѣлъ особенное значеніе; Скарга назначенъ былъ первымъ ректоромъ новаго коллегіума.

Мы уже упоминали что въ Несвижѣ князь Николай Радзивиллъ Черный основалъ кальвинскій сборъ и знаменитую типографію. Въ сборъ обращенъ былъ старинный фарный католическій костелъ. Кальвинскимъ министромъ здѣсь назначенъ былъ извѣстный въ то время ученый Лаврентій Кржишковскій. Въ типографіи перепечатана была, подъ руководствомъ Данила изъ Ленчицы, извѣстная Брестская Библия, съ нѣкоторыми, впрочемъ, отступленіями. Но послѣ смерти князя Николая Чернаго обстоятельства измѣнились; Кржишковскій началъ явно приставать къ арианизму и вскорѣ совершенно усвоилъ его себѣ. Найдя сочувствіе въ мѣстныхъ дворянахъ, особенно болѣе богатыхъ изъ нихъ, братьяхъ Ковѣчинскихъ, онъ отказался отъ ученія Кальвина и сдѣлалъ Несвижъ гнѣздомъ литовскихъ арианъ. Данилъ изъ Ленчицы послѣдовалъ за нимъ, и состоявшая въ его вѣдѣніи типографія начала печатать исключительно арианскія сочиненія Григорія Паула, Буднаго и самого Кржишковскаго. Въ 1570 года напечатана здѣсь социніанская Библия, переведенная Буднымъ, изданная потомъ вторично въ 1579 году. Несвижъ достался старшему сыну Николая Чернаго, князю Николаю Христофору Сиротѣ. Странно что въ то самое время когда онъ, изъ усердія къ иезуитамъ и ревнуя о славѣ брата своего епископа, истреблялъ Библии напечатанныя его отцомъ въ Брестѣ, въ Несвижѣ, ему принадлежащемъ, печаталась социніанская Библия. Государственныя дѣла, безпрестанныя поѣздки за границу, продолжительное странствованіе ко Гробу Господню, отвлекали его вниманіе отъ Несвижа, такъ что здѣсь съ 1565 до 1585, то-есть въ продолженіи 20 лѣтъ, былъ главный притонъ арианъ. Наконецъ, когда князь Николай - Христофоръ возвратился изъ Іерусалима, иезуиты заставили его выкинуть въ несвижскія дѣла. Радзивиллъ, сопровождаемый иезуитами, послѣдовалъ въ Несвижъ (1585); бывшій католическій фарный костелъ, потомъ кальвинскій сборъ и наконецъ арианскую моделью онъ отдалъ иезуитамъ и основалъ при немъ коллегіумъ, для помѣщенія котораго воздвигъ прекрасное зданіе; на содержаніе же иезуитовъ подарилъ имѣніе Лилскъ съ восьмью деревнями. Этимъ усердіе князя Радзивилла не ограничилось. Въ послѣдніе годы, въ этомъ же Несвижѣ, онъ основалъ костелъ и монастырь ксендзовъ-Бернардиновъ, костелъ и монастырь

для монахинь Бенедектинокъ и костель Св. Михаила, вблизи города.

Такимъ образомъ іезуиты имѣли уже академію въ Вильнѣ, коллегіумы въ Ригѣ, въ Полодкѣ, въ Несвижѣ. Покровитель ихъ, князь Юрій, въ 1854 году, наименованъ папою Григоріемъ XIII кардиналомъ. Въ Вильнѣ въ то время находился папскій нунцій Робертъ Бологнета. Папа одновременно прислалъ для него и для Радзивилла знаки кардинальскаго достоинства; на обоихъ Стефанъ Баторій возложилъ кардинальскія шалки, при торжественномъ служеніи въ Вильнѣ, въ кафедральномъ соборѣ.

Дѣятельность іезуитовъ была неутомима. Они проникли всюду, заискивали въ домахъ богатыхъ вельможъ, сопутствовали князю еписколу-кардиналу въ его поѣздкахъ по пространной епархіи. Въ этихъ поѣздкахъ, въ числѣ прочихъ, находился и извѣстный іезуитъ Испанецъ Кріась, духовникъ Баторія, во время кратковременнаго своего пребыванія въ Литвѣ отлично выучившійся по-литовски. Онъ всегда говорилъ проповѣди на понятномъ сельскому сословію языкѣ и тысячами переманивалъ въ католицизмъ. Мы уже говорили что до іезуитовъ было еще очень мало католическихъ костеловъ, но и тѣ большею частью обращены въ кальвинскіе сборы. Такъ въ Минскомъ воеводствѣ оставалось всего два костела и іезуиты нашли необходимымъ усилить здѣсь католическое богослуженіе. Съ этою цѣлію князь Юрій основалъ костель въ Старжинахъ, въ Минскомъ уѣздѣ. Иныя же основаны костелы въ Першаяхъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Многимъ приходамъ подарилъ онъ разныя угодія и улучшилъ средства содержанія духовенства. Во время такихъ поѣздокъ іезуиты старались вездѣ заводить братства, какъ одно изъ могущественныхъ средствъ распространенія религіозной пропаганды, преимущественно же братство Св. Анны, основанное первоначально въ Краковѣ, по желанію Анны Ягеловки, супруги Баторія. Средства іезуитовъ въ это время вообще были уже столь значительны что они сами начали строить костелы и учреждать приходы для свѣтскаго духовенства. Такъ Гарсія Алабинусъ, ректоръ коллегіума въ Вильнѣ, построилъ костелы въ Жмуидкахъ и Трокаяхъ. Знаменитый іезуитъ Симеонъ Высоцкій построилъ часовню на горѣ Понарской, близь Вильны. Въ то же время братья епископа-кардинала являли не менѣе усердія. Мы уже указали на соору-

женія князя Николая-Христофора. Второй братъ его, Альбертъ, прозванный литовскимъ Юстиніаномъ, потому что въ особенности содѣйствовалъ Стефану Баторію въ основаніи, въ 1581 году, особаго трибунала для рѣшенія дѣлъ великаго княжества Литовскаго, уничтожилъ въ Клецкѣ кальвинскій сборъ и устроилъ изъ него костелъ; его издержками воздвигнуть въ Вильнѣ въ костелѣ Св. Іоанна великолѣпный главный престолъ, онъ же выписалъ сюда органъ, на которомъ часто самъ игралъ во время богослуженія и пѣлъ въ хорѣ съ иезуитами. Равно и въ другихъ своихъ имѣніяхъ уничтожалъ оборы и строилъ костелы. Такъ воздвигнуты имъ костелы: въ Субботникахъ, въ Ошмянскомъ уѣздѣ; въ имѣніи своемъ Лавдунахъ; въ староствѣ Румшишки и въ другихъ мѣстахъ. Наконецъ, третій братъ, Станиславъ, былъ тоже во всю жизнь вѣрнымъ слугою иезуитовъ и сдѣлалъ для нихъ громадныя пожертвованія. Любимую резиденцію отца своего, Лукшкы, предместье Вильны, подарилъ иезуитамъ. Въ Нагубокахъ построилъ костелъ во имя Св. Антонія, въ Олыкѣ установилъ приходской костелъ съ больницею для бѣдныхъ *сплѣт исповѣданій*.

Успѣхи иезуитовъ въ отношеніи совращенія православныхъ въ католичество, во время Баторія были еще не велики. Но и въ эту эпоху видимъ уже нѣсколько примѣровъ подобнаго совращенія, изъ коихъ особенно одинъ надѣялся въ то время много шума. Мы уже говорили что знаменитѣйшимъ изъ православныхъ родовъ былъ, какъ извѣстно, родъ князей Омельковичей-Слуцкихъ. Иезуиты, принявъ въ основаніе своей системы смѣшанные браки, успѣли такъ повести дѣло что ревнитель и защитникъ православія, князь Юрій Юрьевичъ Омельковичъ - Слуцкій женился на усердной католичкѣ Екатеринѣ Тенчинской, дочери графа Станислава Тенчинскаго, воеводы краковскаго. При ея ревностномъ содѣйствіи, иезуиты успѣли перетянуть его на свою сторону: князь принялъ католичество, основалъ даже особую часовню при костелѣ иезуитовъ въ Люблинѣ, гдѣ и похороненъ въ 1578 году.* Сынъ его, послѣдній въ мужскомъ

* После смерти мужа, княгиня Омельковичъ вышла замужъ за извѣстнаго усерднаго кальвиниста, князя Христофора Николаевича Радзивилла, но не успѣла совратить его въ латинство.

колѣнѣ, князь Иванъ-Семенъ Юрьевичъ Олельковичъ-Слуцкій, женился тоже на Полькѣ-католичкѣ, Софіи Мѣлецкой, дочери великаго гетмана коронаго, былъ усерднымъ католикомъ и основалъ костелъ въ Новогрудкѣ, въ Цѣлековачахъ, похороненъ тоже въ іезуитскомъ костелѣ въ Люблинѣ, въ 1593 году. * Этимъ пока и ограничиваются совращенія изъ высшаго сословія при Баторіи.

Въ 1582 году епископъ-кардиналъ созвалъ въ Вильнѣ епархіальный синодъ, въ которомъ участвовали всѣ благочинные (деканы) и настоятели (пробыты). На этомъ-то синодѣ кіевскій епископъ Николай Пацъ, состоявшій также прелатомъ Виленской каѳедры, лишенъ этого званія и сопряженныхъ съ нимъ доходовъ, за свое сочувствіе къ протестантизму. Въ то же время отъ него отяла богатый Новогрудскій приходъ, коего доходы, какъ уже мы упомянули, предоставлены были въ пользу Виленской семинаріи.

Въ 1586 году въ самой Вильнѣ было уже 54 іезуита. Было кому дѣйствовать; можно было усилить торжественность обрядовъ, всегда столь привлекательныхъ для народа. Виленская академія уже пользовалась извѣстностью даже за предѣлами Литвы. Здѣсь были главными профессорами: Эмануилъ Вега, Италіянецъ, преподаватель богословія; Брюгеръ, Англичанинъ, математики, геометріи и агрономіи; Симеонъ Блецкій, Полякъ, философіи; Станиславъ Гродзицкій, Полякъ, схоластическаго богословія и церковнаго краснорѣчія; Маркъ-Автоній Мурета, Римлянинъ, латинской и греческой литературы (получавшій отъ короля 1.500 дукатовъ жалованья), и Гарсія Алабинусъ, бывшій учителемъ епископа Радзивилла въ Римѣ. Канцлеромъ академіи считался самъ кардиналъ-епископъ. Въ этомъ году совершился первый крестный ходъ іезуитовъ въ день Тѣла Господня. Колокольный звонъ, музыка, пѣніе, переодѣтые студенты, игравшіе роли ангеловъ, херувимовъ, знамена, статуи, куреніе, все это было употреблено для того чтобы вскружить головы иновѣрцамъ. Въ разныхъ частяхъ города устроены были четыре

* Князь Юрій имѣлъ трехъ сыновей: Юрія, Ивана-Семена и Александра. Однѣ только князь Юрій имѣлъ дочь Софію, о которой мы будемъ имѣть случай поговорить подробнѣе; другіе братья умерли бездѣтными. Слуцкое княжество вполнѣ перешло во владѣніе княжны Софіи.

престола, украшенные иконами, фигурами, цвѣтами, зеленью, коврами, множествомъ зажженныхъ свѣчей. Нетокомо многочисленныя толпы христіанскихъ иновѣрцевъ, но Татары и Евреи тысячами высыпали на улицы чтобы видѣть никогда здѣсь небывалое зрѣлище.

Въ то же время постоянно устраивались новыя братства. Такъ въ Вильнѣ, кромѣ братства Тѣла Господня, учреждено при костелѣ Св. Іоанна братство Милосердія Господня, для котораго отведена была особая часовня; потомъ въ 1586 году при томъ же костелѣ учреждено братство Маріи (*Sodalitas Mariana*), вскорѣ распространившееся по всей странѣ.

Кромѣ этихъ, при Доминиканскомъ костелѣ существовало еще братство Пресвятыя Богородицы *Рожанцовой*, первоначально уставовленное Св. Доминикомъ, основателемъ ордена Доминикановъ, въ началѣ XIII столѣтія.

При всей своей вѣротерлимости, Баторій, подстрекаемый иезуитами, можетъ-быть и безсознательно, подкалывалъ уже основы православія. Иезуиты присвоили себѣ неограниченное право назначать по собственному избранію и переводить съ одного мѣста на другое православныхъ епископовъ. Возводились иногда люди свѣтскіе, а иногда даже католики. * Такъ епископомъ брестскимъ назначенъ былъ Ѳедосей Лозовскій, а луцкимъ, Іона Красенскій. Несмотря однако на это, православные находили еще оплотъ въ сильныхъ вельможахъ того времени, остававшихся вѣрными православію, какъ напиримѣръ, въ князяхъ Острожскихъ, Тышкевичахъ и многихъ другихъ. Въ самой Вильнѣ было много православныхъ храмовъ, по словамъ летописца, богато украшенныхъ золотомъ, серебромъ, драгоценными камнями, священными иконами и богатыми ризами.

Можетъ-быть, король-герой услѣлъ бы замѣтить свою ошибку, услѣлъ бы вовремя остановить лагубное вліяніе иезуитовъ и страшную силу которую они приобрѣтали такъ скоро; но смерть не дозволила ему довершить ни одного изъ его начинаній, а будущія судьбы сложились такъ что иезуиты быстрыми шагами шли къ полнѣйшему порабощенію страны. 2го декабря 1586 года, Баторій скорлостижно скончался въ Гроднѣ, послѣ одиннадцатилѣтняго царствованія. Польскимъ королемъ, одолѣвъ соперниковъ, былъ избранъ Сигизмундъ III.

* *Акты относящіяся къ исторіи западной Россіи* т. III, № 158.

V.

Сигизмундъ III (1587—1632). Вліяніе іезуитовъ на дѣла общества.—Замоискій и Боболи.—Левъ Сапѣга.—Чума.—Патріархъ Іеремія.—Митрополитъ Рогоза.—Православныя епископства.—Братства.—Сельское сословіе.—Кардиналъ Радзивиллъ и епископъ Мацѣевскій.—Необходимость переходнаго времени.

Сигизмундъ III родился въ 1566 году; онъ былъ сынъ Іоанна короля шведскаго. Въ 1561 году, Іоаннъ, будучи еще княземъ финляндскимъ, въ Вильнѣ, въ присутствіи Сигизмунда-Августа, сочетался бракомъ съ сестрою его, Екатериною Ягеллонкою. Такимъ образомъ Сигизмундъ III былъ племянникомъ послѣдняго великаго князя литовскаго изъ рода Ягеллоновъ и это въ глазахъ Литовцевъ придавало ему столько значенія что, хотя они и не участвовали въ его избраніи, но тѣмъ не менѣе сочли долгомъ, чтя память Ягеллоновъ, ему покориться. Іоаннъ шведскій былъ лютеранскаго исповѣданія; Екатерина католическаго. Онъ воспитывалъ сына въ лютеранскомъ законѣ, а мать внушала идеи католицизма. При Сигизмундѣ состоялъ наставникомъ Дюнисій, лютеранскій докторъ богословія; при матери же его постоянно находились іезуиты: Семень Никовскій, Семень Высоцкій, подъ главнымъ руководствомъ извѣстнаго въ то время ревнителя латинства, іезуита Бернарда Голынскаго. Такъ юношу тянули на двѣ стороны, но когда отецъ замѣтилъ преобладающее вліяніе іезуитовъ, немедленно удалилъ ихъ отъ двора. Остался одинъ только Никовскій, въ качествѣ духовника королевы, и слѣдовательно тайнаго наставника ея сына. Сочувствіе Сигизмунда къ іезуитамъ проявилось весьма явственно, какъ только прибыли первые послы изъ Польши съ предложеніемъ короны; ибо когда они объявили что для обладанія Польшею необходимо гарантировать господствующее исповѣданіе, то-есть католическое, Сигизмундъ отвѣчалъ: что для полученія польскаго престола онъ не токмо сталъ бы католикомъ, еслибъ имъ еще не былъ; но даже, еслибъ это было нужно, готовъ былъ бы сдѣлаться іезуитомъ. Слова эти сбылись вполнѣ: Сигизмундъ во всю

жизнь свою оставался настоящимъ иезуитомъ. Вѣра въ иезуитовъ, какое-то подобострастіе къ нимъ, проявлялись во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Сигизмундъ Ш являетъ собою рѣзкій примѣръ до чего можетъ довести человѣка, и человѣка вовсе не слабого характера, глубоко обдуманная система, съ юныхъ лѣтъ внушаемая и развившаяся на основѣ самаго дикаго фанатизма. Мы уже видѣли съ какимъ предвидѣніемъ иезуиты отыскивали для своихъ цѣлей неопытныхъ юношей, какое услѣдали давать имъ направленіе и какъ удачно дѣлали изъ нихъ самыхъ усердныхъ исполнителей своей воли и стремленій. Съ такимъ же предвидѣніемъ олутали они Сигизмунда и неизмѣнно вели по предначертанному пути, пока не одѣлали надежнѣйшимъ оплотомъ своихъ стремленій. Нѣкоторые полагаютъ что даже и отецъ его, Іоаннъ Ш, въ тайнѣ былъ лоборникомъ иезуитовъ. Извѣстно что онъ посылалъ къ папѣ Григорію XIII посланника своего Понтуса-де-ла-Гарди для секретныхъ переговоровъ о введеніи въ Швецію католицизма. Съ этою же цѣлю пріѣзжали къ Іоанну послы отъ папы: иезуитъ Варшевицкій, ректоръ вилевскаго коллегіума, а потомъ извѣстный Поссевиизъ; но воля народа, глубоко ненавидѣвшаго папство, не дозволила осуществиться надеждамъ папы и иезуитовъ. Маймбургъ въ своей исторіи лютеранизма увѣряетъ что въ самомъ Стокгольмѣ долго былъ тайный агентъ папы, переодѣтый иезуитъ Лаврентій Николаи. Онъ былъ даже нѣкоторое время профессоромъ Стокгольмской академіи. При возведеніи Сигизмунда на шведскій престолъ, въ 1594 году, послѣ смерти Іоанна, шведскій сенатъ уговаривалъ Сигизмунда чтобъ онъ для блага народа отказался отъ католицизма. На это онъ патетически отвѣчалъ: „Такъ лучше я лишусь шведскаго, нежели небеснаго царства.“* На медали которую кардиналъ князь Юрій Радзивиллъ, епископъ вилевскій, а потомъ краковскій, положилъ въ основаніе при закладкѣ костела Свв. Петра и Павла въ Краковѣ, въ 1597 году, на лицевой сторонѣ находится грудное изображеніе Сигизмунда Ш, а на оборотной надпись: *Боге даде королю царство; король воздвигъ Богу храмъ. Такъ Боге на небесахъ почитаетъ короля; такъ король на землѣ вели-*

* Слова эти приводитъ Ольшевскій въ надгробной рѣчи послѣ смерти Сигизмунда.

часть Бога. Вокругъ же надпись: къ возвеличенію чести и славы братства Іисуса, 1597 года.

Сигизмундъ, въ угоду іезуитамъ, отрекся отъ своей родины и не поддержалъ сложившагося было союза Польши со Швеціею подъ однимъ скипетромъ; Шведы, въ 1599 году, вида что король къ нимъ не пріѣзжаетъ и не соглашается отдать имъ своего сына на воспитаніе, чтобъ изъ него можно было сдѣлать достойнаго со временемъ властителя, исповѣдующаго одну съ народомъ вѣру, низвергли его съ престола съ исходящимъ потомствомъ.

Первоначальные воспитатели Сигизмунда, іезуиты Нисковскій, Высоцкій, Гольянский, потомъ главные представители ордена Варшевицкій и Скарга, Мартинъ Латерна, Маттѣй Бембусъ, были придворными проповѣдниками. Гольянский, Фридрихъ Бартшъ (Bartsch), изъ Варміи, Юстъ Рабъ, изъ Кракова, Михаилъ Беканъ и Яковъ Марквартъ, оба изъ Пруссіи, попеременно состояли при немъ духовниками. При супругѣ Сигизмунда, Аннѣ, эрцгерцогинѣ австрійской, стоялъ Фабіанъ Квадратный; при второй супругѣ, Констанціи, сестрѣ первой, Валентинъ Зейдель; при сыновьяхъ: Владиславъ, Александръ и Іоаннъ, состояли наставниками и руководителями Рудницкій, Бравтъ, Клигеръ. Вдова Баторія Анна тоже окружена была іезуитами. Последняя ежедневно по восьми часовъ проводила въ костелѣ, а во время постовъ по сорока часовъ безъ лица оставалась въ костелѣ. Почти то же дѣлали и жены Сигизмунда. Двору подражали ближайшія къ нему лица. Всѣ старались казаться набожными. При каждомъ магнатѣ поселялся іезуитъ и былъ съ нимъ неразлученъ. Общаго настроенія не раздѣлялъ одинъ только Замоискій, открытый недоброжелатель іезуитовъ, врагъ всякаго пронырства и кощунства. Но доблестный мужъ правды и закона былъ уже въ тѣни: іезуиты его отгѣсняли, прелятствовали всѣмъ его мѣропріятіямъ.

Владѣя совѣстью короля, всего двора и большей части сенаторовъ, іезуиты, помянуто, имѣли преобладающее вліяніе на сенатъ, руководили сеймами. Для прикрытія своихъ дѣйствій имъ нужно было подставное лицо которое бы думало ихъ жизнью, думало ихъ головою, работало ихъ умомъ. Выборъ палъ на Андрея Боболи. Ови успѣли возвести его на важную должность короннаго подкоморія.

Черезъ него сыпались награды и королевскія милости, разумеется, только на такихъ лицъ на коихъ указывали отцы иезуиты. Онъ докладывалъ о важнѣйшихъ дѣлахъ государственныхъ, докладывалъ такъ какъ рѣшалъ конклавъ иезуитскій, по предварительно собраннымъ свѣдѣнiямъ отъ духовниковъ, наставниковъ, руководителей при дворѣ, въ домахъ сановниковъ, въ коллегіумахъ. Свѣдѣнiя о дѣлахъ и людяхъ почерпнулись кратчайшимъ и вѣрнѣйшимъ путемъ, нарушенiемъ тайны исповѣди.*

„Вотъ гдѣ была источникъ заблужденiй короля“—говоритъ современный писатель Пясецкiй—„какъ въ дѣлахъ домашнихъ, такъ и въ публичныхъ; вотъ единственный источникъ бѣдствiй претерпѣнныхъ отъ Швеціи, Москвы, Инфляндъ. А между тѣмъ осуждать рѣчи и дѣйствiя иезуитовъ считалось святотатствомъ. Кто желалъ получить какую-либо милость отъ двора, тотъ долженъ былъ заискивать, лотворствовать иезуитамъ. Дѣла ихъ нѣсколько пошатнулись со смертiю Боболи, который вполнѣ соответствовалъ ихъ видамъ.“**

Были однако и въ то время люди, не только изъ иновѣрцевъ, но и изъ числа католиковъ, громко осуждавшiе иезуитовъ. Въ самой Польшѣ нельзя было явно ничего печатать противъ иезуитовъ; но за границею, или тайно въ самой Польшѣ издавались брошюры указывавшія на стремленiя и цѣли иезуитовъ, на тотъ нравственный вредъ который они приносятъ обществу и на тѣ бѣдствiя которыя готовятъ отечеству, подтачивая корни политическаго существованiя Польши. Но иезуиты мало обращали вниманiя на эти препреданiя немногихъ частныхъ лицъ; они имѣли несокрушимую опору въ королѣ, въ епископахъ и совращенныхъ ими въ католичество вельможахъ.

Въ Литвѣ къ прежнимъ важнымъ приобрѣтенiямъ иезуитовъ прибавились новыя. Къ числу древнихъ и знаменитыхъ родовъ въ Литвѣ принадлежали Салтѣги. Они происходятъ отъ Шунгайлы, сына Наримунда, въ христіанствѣ Глѣба, внука Гедимина, и всегда отличались усердiемъ къ православію. Извѣ-

* О Боболи говоритъ безпристрастно и правдиво современный историкъ Павелъ Пясецкiй. См. *Chronica P. Piasecki*, p. 339.

** Боболи умеръ въ 1616 году, 80 лѣтъ.

стно что Витовтъ для православныхъ супруговъ своихъ, Анны, княжны Смоленской, и Юліаніи, княжны Гольшанской, строилъ православныя церкви въ Трокахъ. Одна изъ нихъ воздвигнута была на прекрасномъ островѣ на озерѣ Гальва, между двумя замками, во имя Св. Георгія. * Послѣ смерти Витовта и Юліаніи, Салтъга едѣлались ктиторами этой церкви и здѣсь устроили фамильный окаянъ, гдѣ хоронились члены этого рода. Въ XVI столѣтіи, знаменитый въ литовской исторіи Левъ Салтъга (род. въ 1557), сѣдуя общему тогда направленію, перешелъ еще въ юности изъ православія въ реформацию. Теперь, убѣжденный Скаргою, и конечно изъ политическихъ видовъ, принялъ католическое исповѣданіе. Вѣроятно пріобрѣтеніе это высоко цѣнилъ, когда самъ папа Климентъ VIII послѣдствовалъ написать письмо къ Салтъгѣ, поздравляя его со вступленіемъ на путь истины, прислалъ ему богатый крестъ, а женѣ его, урожденной Фирлей, одновременно съ нимъ принявшей католичество, золотую розу. Левъ Салтъга, по уму и глубокимъ познаніямъ, но вѣротерпимости, по благородству правилъ, для Литвы былъ тѣмъ же чѣмъ Замойскій для Польши. Его заслуги, какъ законодателя, издавшаго по-русски Литовскій Статутъ (1588), его заботы объ устройствѣ литовскаго трибунала, его замѣчательное письмо къ Юсафату Кунцевичу, о которомъ мы будемъ говорить ниже, доказываютъ что Левъ Салтъга былъ выше іезуитскихъ кованей и едва ли могъ имъ сочувствовать; но несмотря на это, какъ дипломатъ, какъ честолюбивый вельможа, Салтъга составлялъ большое пріобрѣтеніе для іезуитовъ и верѣяко долженъ былъ дѣйствовать въ ихъ духѣ.

Послѣ Салтъги, изъ русскихъ вельможъ первый поддался вліянію іезуитовъ Иванъ Глѣбовичъ, воевода трокскій. За нимъ послѣдовалъ Петръ Веселовскій, маршалъ литовскій, и нѣкоторые другіе, число коихъ впрочемъ было еще не велико.

Изъ числа протестантскихъ магнатовъ тоже не многіе еще присоединялись къ латинству. Виленскій воевода и великій канцлеръ литовскій, князь Христофоръ Николаевичъ Радзивиллъ, поддерживалъ, насколько у него оставалось еще силъ и

* Фундаменты этой церкви открыты нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

вѣданія, своихъ единовѣрцевъ. Сигизмундъ III не могъ забыть что князь Христофоръ былъ открытымъ его противникомъ при выборахъ, что онъ велъ переговоры съ Москвою, и потому боялся его, боялся оставить въ его рукахъ большую печать великаго княжества, т. е. дѣлать его великимъ канцлеромъ. Иезуиты, видя въ немъ непримиримаго врага своего, старались ослабить его вѣданіе на дѣла государствамиа. Сигизмундъ III уже рѣшилъ съ своими тайными совѣтниками не допустить диссидентовъ къ занятію сенаторскихъ должностей, но приступить вдругъ къ осуществленію столь крутой мѣры считали невозможнымъ; благоразуміе требовало на первыхъ порахъ уступокъ. Къ тому же князь Христофоръ не разъ уже успѣлъ явить замѣчательныя воинскія способности и оказалъ важныя заслуги отечеству. Поэтому рѣшиши предоставить князю Христофору (1588) должность великаго гетмана литовскаго, остававшуюся въ продолженіе четырехъ лѣтъ, со смерти отца его, незанятою; но за то отняли званіе великаго канцлера, предоставивъ оное Льву Сапѣгѣ. Черезъ одиннадцать лѣтъ, дочь Радзивилла Елизавета вышла замужъ за Сапѣгу, послѣ смерти первой супруги его Фирлей, и къ великой горести отца вскорѣ была совращена въ католицизмъ и подобно первой супругѣ Сапѣги получила отъ папы золотую розу, которую она повѣсила предъ иконою Богородицы въ костелѣ Св. Михаила, основанномъ ея мужемъ въ Вильнѣ въ 1594. Несмотря на эту родственную связь съ великимъ канцлеромъ, вѣданіе князя Христофора на дѣла диссидентовъ не имѣло уже прежней силы. Всѣ его требованія на сеймахъ большею частью не исполнялись. Видя возрастающую силу и значеніе иезуитской академіи въ Вильнѣ, князь Христофоръ сознавалъ необходимость такого учрежденія которое бы могло парализовать дѣйствія иезуитовъ. Съ этою цѣлію онъ предположилъ основать въ Вильнѣ же высшее учебное заведеніе, преобразовавъ въ академію существовавшее здѣсь кальвинское училище. Но виленскому воеводѣ скоро пришлось убѣдиться что всякое посягательство на могущество иезуитовъ не мыслимо. Когда уже задуманное дѣло, несмотря на препятствія, было близко къ осуществленію, Сигизмундъ III написалъ письмо къ князю Радзивиллу, которымъ рѣшительно запрещалъ ему заводить евангелическую академію.

Въ 1588 году, въ Вильнѣ и въ другихъ мѣстахъ Литвы опять явилась чума и іезуиты опять имѣли случай отличиться въ глазахъ народа. Но надобно имъ отдать справедливость, отличіе это было дѣйствительное. И въ этотъ разъ они самоотверженно посвящали себя несчастнымъ больнымъ. Кто могъ, бѣжалъ изъ города, а іезуиты почти одни взились за дѣло съ энергіею и умѣньемъ. Они устроили въ городѣ госпитали, образовали *Mona pietatis*, то-есть братство милосердія, городъ раздѣлили на части, изъ каждой въ каждой были постоянные дежурные изъ іезуитовъ; помогали больнымъ, отвозили ихъ въ госпитали, исповѣдовали и причащали умирающихъ, поднимали оставшихся безъ чувствъ, очищали улицы и рынки отъ тружовъ, хоронили. Мало того, ежедневно у четырехъ воротъ іезуитской академіи бѣднымъ раздавали хлѣбъ и теплую пищу. Іезуиты Красовскій, два брата Голыньскіе, извѣстный Аріасъ сами пали жертвою своего усердія и умерли въ то время когда исповѣдовали другихъ страдальцевъ. На похоронахъ ихъ присутствовали жители всѣхъ исповѣданій и національностей. На гробѣ ихъ умогла вражда и ненависть и самые враги іезуитовъ не могли отказать въ уваженіи къ ихъ доказанной на дѣлѣ любви къ ближнему. Современные лѣтописцы упоминаютъ что въ эти роковые дни всеобщаго бѣдствія, многіе изъ православныхъ, протестантовъ, Евреевъ, даже Татаръ, видя эту неустрашимость, непоколебимое исполненіе долга, невольно покорались силѣ іезуитовъ и переходили въ католичество.

Открытыя дѣйствія Литовцевъ и Русскихъ въ пользу царя Московскаго, послѣ смерти Баторія; надменность и явное пренебреженіе съ которыми они вели себя на избирательномъ сеймѣ, требованія трокаго воеводы Глѣбовича чтобы Польша сохраняла дружескія отношенія съ Москвою, ясно показывали общественное настроеніе умовъ въ Литвѣ и Русѣ. Несмотря на блестящія услуги іезуитовъ, они видѣли что съ православнымъ населеніемъ предстоитъ борьба почти безнадежная.

Въ 1587 избранъ былъ митрополитомъ Олисифоръ Петровичъ Дѣвочій или Дѣвочка и съ дозволенія Константинопольскаго патріарха посвященъ въ Вильнѣ въ митрополитальномъ соборѣ Пречистыя Богородицы. При немъ возобновились гоненія за непріятіе православными Григоріанска-

го календаря, коего введеніе между православными, какъ мы уже говорили, было приостановлено Баторіемъ (1585). * Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій немедленно донесъ объ этомъ патріарху, который предписалъ митрополиту Описифору ни подъ какимъ предлогомъ не принимать новаго календаря. Въ 1588 пріѣхалъ въ Литву патріархъ Іеремія, собиравшій приношенія на постройку новой церкви въ Константинополѣ, по случаю превращенія Амуратомъ славной Софійской церкви въ мечеть. Сигизмундъ снабдилъ патріарха окружною грамотою, подтверждавшею зависимость отъ него всѣхъ церквей и духовныхъ православнаго исповѣданія въ Литвѣ. Въ Вильнѣ патріарха встрѣтили съ большими почестями князья, сенаторы и многочисленныя толпы народа; но король, находившійся тогда въ Вильнѣ, не выѣхалъ на встрѣчу. Патріархъ счелъ это для себя обиднымъ и поручилъ спросить черезъ придворныхъ: отчего ему отказано въ этой почести, когда не задолго предъ тѣмъ король лично привѣтствовалъ папскихъ легатовъ Алдобранди и Каэтано? Сигизмундъ отвѣчалъ что ежели патріархъ пріѣхалъ *съ унию*, онъ охотно явится къ нему на встрѣчу. (Слѣдовательно планъ униі имѣлся уже въ виду.) Но Іеремія, конечно, не думалъ объ униі и занялся дѣлами церкви. Онъ обратилъ особенное вниманіе на то что многіе изъ духовныхъ были двоеженцы и троеженцы. Къ этому числу принадлежалъ самъ митрополитъ Описифоръ, дважды женатый. Патріархъ лишилъ его каѳедры. Король долженъ былъ одобрить эту мѣру. Мало того, патріархъ лишилъ духовнаго званія супрасльскаго архимандрита Тимофея Злобу, какъ обличеннаго въ смертоубійствѣ. Къ епископамъ разослалъ окружное посланіе, требуя отъ нихъ чтобы всѣ двоеженцы были лишены занимаемыхъ ими мѣстъ и званій, не исключая и епископовъ. Епископамъ холмскому и ливскому, назначеннымъ еще при Баторіи, приходилось тоже оставить свои богатые каѳедры. Помянуто что суровыя мѣры принятыя Іереміей породили не мало недовольныхъ.

Нѣкоторые изъ тогдашнихъ православныхъ епископствъ были очень богаты. Такъ напримѣръ епископъ брестскій

* Баторій даже предписалъ чтобы въ праздничные дни восточной церкви православные не были призываемы къ суду.

и владимірскій владѣлъ укрѣпленнымъ замкомъ во Владимірѣ, мѣстечками Квасовомъ и Озеранами и Кулетовскою волостью, 27 селеніями, островомъ Волославоиъ на рѣкѣ Лугѣ, гдѣ находился монастырь Св. Оуфрїя. Луцкій епископъ владѣлъ двумя укрѣпленными городками и 36 селеніями. Во Владимірѣ былъ епископомъ Василиій, сынъ шляхтича Ивана Борзобогатаго - Красевскаго. Василиій въ 1565 вооруженною силою завладѣлъ кафедрою. Но вскорѣ послѣ этого епископъ холмскій, Θεодосій Лазовскій, устрѣмъ получить королевскую грамоту на то же епископство, собралъ войска, овладѣлъ замкомъ и выгналъ Василия. По жалобѣ посадыяго, король отправилъ нарочнаго къ Θεодосію. Нарочный засталъ епископа въ соборѣ, и послѣ службы тутъ же объявилъ ему королевское рѣшеніе чтобы епископъ явился въ судъ. Θεодосій бросился на него съ посохомъ и велѣлъ своимъ людямъ выгнать его изъ замка. Такъ ничего съ нимъ и не сдѣлали. Утвердившись на кафедрѣ, онъ велъ широкую, буйную жизнь, давалъ пиры, обѣды, дѣлалъ наѣзды на сосѣднихъ владѣльцевъ. Впрочемъ этотъ же Θεодосій учредилъ школу для дѣтей, богадѣльню, великоколѣно украсилъ церковь Владимірскую, назначилъ еще при жизни своимъ преемникомъ архимандрита Кіево-Печерскаго монастыря Мелетія Хребтовича - Богурянскаго и умеръ въ 1588 году.

Красевскому, лишенному Владимірскаго епископства, король пожаловалъ Луцкую кафедру. Въ 1571 году онъ былъ посвященъ, подъ именемъ Іоны.* Красевскій былъ не лучше Лазовскаго. Сыновья его расточали церковные доходы, а дочери своей онъ далъ въ приданое одно изъ богатыхъ епископскихъ имѣній. Своеволие дошло до такихъ размѣровъ что Баторій лишилъ его кафедры и назначилъ на его мѣсто Кирилла Семеновича Терлецкаго, епископа ливскаго.

Въ Червоной Руси епископомъ былъ Гедеоиъ Балабанъ, получившій кафедру по наслѣдству послѣ отца своего, епископа Арсенія. Послѣ Терлецкаго, на Пинскую кафедру назначенъ былъ Леонтій Пельчинскій, изъ архимандритовъ Лещинскаго монастыря. Наконецъ, въ Холмѣ епископомъ былъ Діонисій Збирутскій.

* Предшественникъ его Марко-Жоравивскій шесть лѣтъ управлялъ епархіею не будучи монахомъ.

Низложивъ Онисифора, патріархъ, по общему желанію православныхъ вельможъ Литвы, назначилъ митрополитомъ Михаила Рагозу, архимандрита минскаго Вознесенскаго монастыря. Посвященіе совершено въ Вильнѣ, въ митрополитальномъ соборѣ. При этомъ патріархъ сказалъ къ окружающимъ вельможамъ: „Если оны не достойны, а вы его достойнымъ выставляете, то я чистъ, вы узрите“. (Аще достоинъ есть, по вашему глаголу буди достоинъ, аще же ли нѣсть достоинъ, а вы его достойнаго удаете, азъ чистъ есмь: вы узрите.) Этими словами Іеремія слагалъ отвѣтственность выбора на литовско-русскихъ вельможъ, которые, впрочемъ, имѣли основаніе ходатайствовать за Рагозу, какъ человѣка образованнаго, тихаго, богобоязненнаго, и въ отношеніи своей нравственности вовсе не похожаго на другихъ тогдашнихъ епископовъ. Въ Вильнѣ патріархъ учредилъ патріаршую ставрологию, при церкви Св. Духа, благословилъ учрежденіе братства при церкви Св. Троицы. Братство обязывалось воспособлять бѣднымъ два раза въ годъ, на Свѣтлое Воскресеніе и Рождество Христово, раздавать милостыню по тюрьмамъ, госпиталямъ и нищимъ; учить бѣдныхъ дѣтей братчиковъ и сиротъ языкамъ русскому, греческому, латинскому и польскому; издавать церковныя и учебныя книги на языкахъ греческомъ, славянскомъ, польскомъ и русскомъ. Сигизмундъ III, 15го іюля 1589 года, особою грамотою утвердилъ назначеніе ставрологіи, а 21го іюля, учрежденіе братства съ училищемъ и типографіею. Около этого же времени образовалось братство съ училищемъ и богадѣльнею въ городѣ Минскѣ, при соборной церкви Рождества Богородицы. Въ 1592 году оно утверждено Сигизмундомъ. Въ окружной своей грамотѣ, о которой мы уже упомянули, патріархъ сдѣлалъ выговоръ литовскому епископу Леонтію за то что оны допуская въ своей епархіи двоеженцевъ и троеженцевъ; научалъ епископовъ строго соблюдать церковныя правила. Этого мало. Патріархъ учредилъ особое экзаршество, то-есть старшаго изъ епископовъ, или намѣстника патріаршаго, съ правомъ смотрѣть за соблюденіемъ епископами церковныхъ установленій, наставлять ихъ и даже низвергать виновныхъ. Такимъ экзархомъ патріархъ назначилъ епископа луцкаго Кирилла Терлецкаго. Подобное назначеніе, доселѣ не бывающее, вооружило противъ Терлецкаго какъ митрополита, такъ и епископовъ.

Посѣщеніе Литвы патріархомъ, казалось, должно было имѣть благотѣльные послѣдствія. Въ православныхъ дѣятеляхъ возбудилась энергія. Величіе службы патріарха, окруженнаго мѣстными и сопутствовавшими ему епископами, архимандритами и игуменами, внушало уваженіе и радовало православныхъ. Братства образовавшіяся въ Западной Россіи, особенно въ городахъ гдѣ существовало магдебургское право и гдѣ самое устройство общинъ много содѣйствовало развитію и закрѣпленію ихъ, теперь воодушевились новою жизнію и силою для борьбы съ іезуитами. Старые вельможи поддерживали родную вѣру и поощряли средніе и низшіе классы, преимущественно городскія сословія, въ то время еще въ значительной степени православныя. Чѣмъ больше было ухищреній со стороны іезуитовъ, тѣмъ больше возрождалось мужества и патріотизма у угнетаемыхъ. Іезуиты понимали все это хорошо. Они знали что съ отживающимъ поколѣніемъ ничего не сдѣлаютъ, что борьба съ православными труднѣе чѣмъ съ протестантами.

Посевинъ, такъ неудачно исполнившій порученіе папы въ отношеніи подчиненія Московскаго государства Римскому престолу, пришелъ къ тому убѣжденію что только тогда можно будетъ совратить Восточную Русь когда папа приобрѣтетъ Западную. Для этого-то онъ добивался устройства училищъ для Русскихъ не только въ Вильнѣ и въ другихъ городахъ Западной Россіи, но даже въ Римѣ.

Петръ Скарга разъяснилъ эту мысль еще глубже. Онъ ловилъ что для успѣха католичества надобно прежде изъ Русскихъ сдѣлать Поляковъ; надобно чтобъ они срослись съ польскою жизнію, усвоили польскій языкъ, переняли польскіе обычаи, нравы, чтобы государственные интересы Польши сдѣлались интересами Литвы и Руси, чтобы господствовавшая тогда рознь, вѣковая вражда между Поляками и Литовцами совершенно изгладилась; тогда только переходъ въ католичество будетъ естественнымъ послѣдствіемъ ополченія.

Примѣръ этой розни, взаимнаго недоброжелательства, былъ тогда у вѣхъ на глазахъ.

Въ 1590 году открылась вакансія краковскаго епископа. Канцлеръ Замоискій и многіе изъ сенаторовъ находили со-

ответственнымъ предоставить это важное мѣсто кардиналу Андрею Баторію, племяннику покойнаго короля Стефана Баторія. Замойскій приготовилъ уже дипломъ и приложилъ канцлерскую печать, но король, негодуя на Замойскаго, не почувствовавшаго иезуитамъ, не подписалъ диплома. Слѣдуя основной своей задачѣ сближенія Литовцевъ съ Поляками, иезуиты уговорили короля назначить краковскимъ епископомъ Литовца, виленскаго епископа, кардинала князя Юрія Радзивилла. Въ то же время, на мѣсто Радзивилла, виленскимъ епископомъ назначенъ былъ Полякъ, Бернардъ Мацѣвскій, епископъ лудскій. Все это дѣлалось, конечно, съ тою цѣлю чтобы разорвать основныя начала Люблинскаго договора и замѣщая высшія должности въ Польшѣ Литовцами, а въ Литвѣ Поляками, сдѣлать воедино общіе интересы двухъ народовъ. Но назначеніе Радзивилла въ Краковъ произвело общее негодованіе. На сѣздѣ въ Бядржеувѣ поднялся общій ропотъ; роптали даже братья кардинала. Несмотря на это князь Юрій уѣхалъ въ Краковъ (1591).

Въ Вильнѣ дѣло оказалось еще труднѣе. Калитуаъ написалъ къ Мацѣвскому, требовавшему уже присылки 10.000 злотыхъ, что денегъ не дасть, ибо не признаетъ его епископомъ, потому что онъ Полякъ. Виленская епархія была гораздо богаче Лудкой и потому прельщала Мацѣвскаго. Онъ имѣлъ большія связи въ средѣ магнатовъ, но несмотря на ихъ старанія, на происки иезуитовъ, не только Виленскій калитуаъ, но знатнѣйшіе сенаторы, какъ Юрій Ходкѣвичъ, староста жмудскій, Иванъ Абрамовичъ, воевода мнискій, Григорій Война, кастелянъ брестскій, и много другихъ, встали противъ нарушенія коренныхъ правъ и условій договора 1569 года. Появились даже особыя брошюры по этому случаю. Такъ Прокопъ Балтронѣвичъ въ 1598 году напечаталъ въ Вильнѣ рекламу *, въ которой рѣзко и сильно уговариваетъ соотечественниковъ чтобы не допускали Мацѣвскаго къ занятію виленскаго епископства, ибо тогда, говорить онъ, воеводы, гетманы, канцлеры и всѣ сенаторы будутъ у насъ изъ Поляковъ. Указываетъ на 12ю статью 3го

* Любопытная брошюра эта, напечатанная готическимъ шрифтомъ, составляетъ имѣть большую библиографическую рѣдкость.

раздѣла Литовскаго Статута, въ которой сказано что въ Литвѣ всѣ высшія, какъ духовныя, такъ и свѣтскія, должности должны быть заняты исключительно только Литовцами. Постоянство Литовцевъ было такъ сильно въ этомъ дѣлѣ что всѣ старанія Мацѣвскаго и его сторонниковъ ни къ чему не привели. Наконецъ, когда на сеймѣ 1598 года произошли большіе беспорядки, когда и самому Мацѣвскому объявили что ежели онъ рѣшится прійхать, то его силою выгонятъ изъ Вильны, Мацѣвскій вынужденъ былъ уступить и отказался отъ Виленскаго епископства *. Такимъ образомъ Виленская катедра десять лѣтъ оставалась безъ епархіальнаго епископа и едва въ 1600 году назначенъ былъ прелатъ Венедиктъ Война, сынъ мстиславскаго кастелана Матвѣя Войны, ученикъ іезуитовъ, сперва въ Виленской академіи, а потомъ въ Римѣ.

Чтобы изгладить эту разнь, чтобы связать интересы литовско-русскіе съ польскими, требовалось *переходное время* и *переходныя мѣры*. Чтобы облегчить путь къ ополяченію страны и изгладить отвращеніе православныхъ къ католицизму, нужно было создать временную, *переходную стѣну*, союзъ двухъ церквей, восточной съ западною, подъ однимъ главенствомъ папы. Этотъ союзъ составлялъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ переходнаго періода. Какимъ образомъ достигнуть этого союза, іезуиты не долго думали. Ихъ правые:

* Бернардъ Мацѣвскій, племянникъ Самуила Мацѣвскаго, епископа Краковскаго, великаго канцлера короннаго, временъ Сигизмунда-Августа; Бернардъ служилъ при дворѣ Сигизмунда-Августа и Гемриха; Баторію же солутствовалъ во всѣхъ его походахъ, и послѣ заключеннаго стараніемъ Поссевина мира, Мацѣвскій, по приказанію короля, повѣсилъ въ костелѣ Св. Іоанна въ Вильнѣ знаки которое онъ носилъ предъ кородемъ во время походовъ. Потомъ уѣхалъ въ Римъ, совершенно предался Геміусу и іезуитамъ и скоро возвратился оттуда краковскимъ каноникомъ, а затѣмъ назначенъ былъ епископомъ луцкимъ. Чтобы вознаградить Мацѣвскаго за неудачу получить Виленскую катедру, Сигизмундъ III, въ 1600 году, когда умеръ кардиналъ Радзивиллъ, назначилъ его епископомъ краковскимъ, а въ 1604 году папа Климентъ VIII пожаловалъ его кардиналомъ. Мацѣвскій былъ двоюроднымъ братомъ воеводы сандомирскаго Юрія Мнишка, и потому принималъ нѣкоторое участіе въ возведеніи Дмитрія на престолъ Московскій.

„цѣль оправдываетъ средства“ облегчало путь дѣйствию. Иезуиты предвидѣли что лишая православныхъ сенаторскихъ званій и вообще высшихъ должностей, не давая имъ староствъ, легко притянуть многихъ къ союзу. Городскія общины можно поколебать привилегіями, вліятельныхъ людей приманкою дворянскаго достоинства. Для народа хороши и болѣе крупныя мѣры. Зная въ какомъ состояніи находится сельское населеніе, иезуиты были увѣрены что сельскій людъ перейдетъ на ихъ сторону почти безсознательно, лишь бы сначала богослуженіе по внѣшности ничѣмъ не отличалось отъ прежняго. Вотъ какъ между прочимъ современный лѣтописецъ Гвальбини рисуетъ намъ тогдашній бытъ крестьянъ: „Сельское сословіе терпитъ здѣсь большое угнетеніе отъ владѣльцевъ; когда господинъ разсердится за что на своего крѣпостнаго, то его приколотить, ограбить, захвативъ все его имущество. Тяжелую службу исполняютъ крестьяне безъ отдыха. Когда же нужно пособіе отъ владѣльца, то безъ привошенія крестьянина не смѣетъ даже явиться. Нужно прежде задобрить прислугу чтобы получить доступъ, а затѣмъ обыкновенно владѣлецъ отсылаетъ къ управляющему; здѣсь же опять нужно задобрить привошеніемъ. Пять дней работаютъ на владѣльца, а только шестой, именно въ понедѣльникъ, на себя. Поэтому работаютъ даже по воскресеньямъ и въ другіе праздники, а когда ихъ спросятъ, зачѣмъ это дѣлаютъ, они отвѣчаютъ: да вѣдь ѣсть надобно и по праздникамъ. Подати и повинности улачиваютъ четыре раза въ годъ. Чинаши тоже весьма тягостны для бѣднаго населенія. Хлѣбъ ѣдятъ пополамъ съ мякиною и пр.“

Владѣлецъ продавалъ своихъ крестьянъ по произволу, семьями или по одиночкѣ. У крестьянина не было ничего своего: все могъ отнять владѣлецъ. Но и этого мало. Случалось что ужъ не владѣлецъ, но посторонній, заѣхавъ въ деревню, ежели ему что не понравится, прибѣтъ до полусмерти, да еще истребить все до тла. Гдѣ же и у кого искать суда и расправы? Извѣстное дѣло, хлопъ всегда проиграетъ, а свой владѣлецъ не заступится. Для крестьянина, въ его безотрадномъ положеніи, не было выхода. Правда, православный могъ поступить въ духовное званіе, но и на это требовалось согласіе владѣльца. Владѣлецъ былъ единственнымъ и непосредственнымъ судьей надъ своимъ крѣпостнымъ не только въ свѣтскихъ дѣлахъ, но даже и въ

духовныхъ. Онъ могъ наказывать даже смертию: на это легко найти доказательства въ такъ-называемыхъ генеральныхъ конфедераціяхъ.

Положеніе крестьянъ принадлежащихъ духовенству, какъ католическому, такъ и православному, было нисколько не лучше помѣщичьихъ. Современникъ Іоаннъ изъ Вышви,* въ своемъ отзывѣ къ русскимъ архіереямъ, архимандритамъ и игуменамъ (дворянскаго происхожденія), говоритъ между прочимъ: „Ваши милости отнимаеете воловъ и лошадей у бѣдныхъ поселянъ, выдираете отъ нихъ денежные дани, дани лота и труда, дулите ихъ, мучите, томите, гоните до *колягъ* (плотовъ) и *шкунтъ* (рѣчныхъ судовъ) зимою и лѣтомъ въ непогодное время, а сами, какъ идолы, сидите на одномъ мѣстѣ, а если и случится ваши идолотворные труды перенести съ одного мѣста на другое, то перевозите ихъ въ коляскахъ, и во время дороги вамъ какъ дома, а бѣдые подданные день и ночь на васъ трудятся и страдаютъ. Вы сасывая изъ нихъ кровь, вы одѣваете фалендышами, утrophимами и каразіями своихъ приставниковъ и слугъ, любуетесь ихъ уборомъ, а у бѣдныхъ подданныхъ и сермажи лорядочной нѣтъ чѣмъ бы прикрыть наготу свою.“

Къ чести того времени надобно прибавить что многіе изъ современныхъ писателей сильно возставали противъ варварскаго обращенія съ крестьянами. Довольно упомянуть имена Скарги, Оржеховскаго, Рея изъ Нагловиць и многія другія. Многіе хотѣли защитить по крайней мѣрѣ вольныхъ людей; но и въ этомъ случаѣ коренной законъ служилъ несоодолимою преградой: законъ запрещалъ имъ засиживаться у одного владѣльца и на одномъ мѣстѣ болѣе десяти лѣтъ. Если до истеченія этого срока онъ не успѣлъ перебраться, то дѣлался уже навсегда крѣпостнымъ. Все, казалось, было разсчитано, обдуманно, съ предвидѣніемъ. Одного іезуиты не предвидѣли, что ихъ же усердіе можетъ выдти изъ предѣловъ умѣренности, что рвенію трудно назначить границы; что злоупотребленія, при бесилии правительства и безразсудствѣ многихъ начальствующихъ лицъ, вовлекутъ Польшу въ продолжительную внутреннюю борьбу, которая доканаетъ ее. Но они, за исключеніемъ Скарги, Варшевицкаго и немногихъ другихъ, мало и заботились о Польшѣ, лишь бы только возрастало стадо намѣстника Св. Петра.

* *Акты южн. и зап. Россіи*, т. II.

VII.

Скарга и уніа.—Терлецкій и Подѣй.—Брестскій соборъ.—Князь Константинъ Острожскій.—Сеймъ въ Варшавѣ.—Синодъ въ Вильнѣ.—Смерть Рагозы.

Мысль о церковной уніи давно занимала палу и латинское духовенство, но попытки къ осуществленію ея до эпохи Поссевина и Скарги не были удачны. Скарга развилъ давно занимавшую латинскую іерархію идею и воплотилъ ее въ дѣло. Еще въ 1577 году онъ напечаталъ сочиненіе *О единствѣ церкви Божіей и объ отступленіи отъ нея восточной церкви*. * Вскорѣ послѣ этого явилось новое его сочиненіе: *Воззваніе къ единой спасительной вѣрѣ*, съ эпиграфомъ: *Соблюди единство Духа въ союзъ съ миромъ; одинъ Господь, одна вѣра, одинъ Богъ и Отецъ всѣхъ*. ** Въ первомъ изъ сихъ сочиненій авторъ подробно говоритъ о раздѣленіи церквей и указываетъ на женитьбу священниковъ какъ на великій, по его мнѣнію, недостатокъ восточной церкви. Женитьба, говоритъ онъ, отрываетъ ихъ отъ самоотверженнаго посвященія себя пользамъ прихожанъ и отъ науки. И Индіецъ, говоритъ далѣе Скарга, можетъ бесѣдовать съ Полякомъ о Богѣ, ибо если они католики, то знаютъ всемірный языкъ церкви, то-есть латинскій, по-славянски же никто не понимаетъ. Въ заключеніе Скарга, отчасти противорѣча себѣ, указываетъ на единственное и по его мнѣнію главное средство соединенія: оставить всѣ обряды нетронутыми, но признать главенство палы.

Такъ думалъ Скарга и всѣ иезуиты еще при Баторіи. Но при немъ подобныя идеи были неосуществимы. Когда Баторію говорили о необходимости соединенія церквей, мудрый король отвѣчалъ, съ удивительною предусмотрительностію и предвидѣніемъ будущаго: „Мы благодаримъ Господа за то что, прибывъ въ Польское государство, наши великій и могущественный Русскій народъ въ мирѣ и согласіи съ наро-

* Второе изданіе вышло въ 1590 году, съ нѣкоторыми измѣненіями.

** См. краковское изданіе 1838.

домъ Польскимъ и Литовскимъ“. Потомъ онъ же прибавилъ: „Въ римскихъ костелахъ и греко-русскихъ церквахъ отправляется богослуженіе равно спокойно и безпрельатственно. Мы радуемся этому согласію и не считаемъ нужнымъ привуждать къ соединенію русской церкви съ римскою. Мы не знаемъ что изъ этого можетъ выдти и что вырастетъ въ послѣдствіи; но думаемъ и предчувствуемъ что вмѣсто желаннаго единства и согласія, мы водворимъ только внутреннюю рознь и вражду между Польшею и Русью, откроемъ для нихъ путь постоянныхъ несчастій, который можетъ довести ихъ до окончательной погибели.“

Такъ думалъ и откровенно высказывался Баторій. Иначе посмотрѣлъ на это дѣло его преемникъ, Сигизмундъ III.

Сигизмундъ III прильнулъ къ идеи уніи всею душою и совершенно положился въ этомъ на іезуитовъ. Они и дѣйствовали. Прежде всего надобно было отыскать человѣка въ средѣ православнаго духовенства которому бы они могли вполнѣ довѣряться. Имъ надобно было устроить дѣло такъ чтобъ и въ цѣломъ составѣ епископовъ не было противорѣчій, чтобъ епископскія каѳедры заняли люди готовые на всякія уступки. Тринадцать лѣтъ въ тайнѣ обдумывалось дѣло. Наконецъ сама судьба указала имъ на патріаршаго намѣстника, Терлецкаго, какъ на человѣка соответствующаго ихъ видамъ. Въ самомъ дѣлѣ, это былъ человѣкъ умный, хитрый, наружно болѣе другихъ отличавшійся набожностью и соблюденіемъ религіозныхъ обрядовъ; но въ то же время до крайности честолюбивый, въ предпріятіяхъ настойчивый и твердый. Какъ ливскій уроженецъ, имѣвшій тамъ собственное имѣніе, Терлецкій зналъ хорошо мѣстныя условія, зналъ людей и всѣ пружины двигавшія тогда государственнымъ строемъ. Рагоза былъ настоящій монахъ, человѣкъ тихій, боязливый, слабого характера. Прочіе епископы тоже менѣе или болѣе были подходящи къ дѣлу. Минута была самая удобная: всѣ епископы и самъ митрополитъ негодовали на патріарха за разныя стѣсненія, за предпочтеніе оказанное Терлецкому назначеніемъ его патріаршимъ экзархомъ. Не предчувствовалъ патріархъ что его экзархъ воспользуется своимъ положеніемъ чтобы предать его. Терлецкій имѣлъ тайный поводъ негодовать на патріарха: еписколъ владимірскій, Мелетій, жаловался патріарху Іеремію на Терлецкаго и доказывалъ что онъ совершалъ насильственные поступки даже съ ли-

цами присылавшимися отъ самого патріарха. Когда патріархъ отдыхалъ отъ трудовъ дальняго странствованія въ Замостьѣ у Яна Замойскаго, съ которымъ они сошлись и подружились, пріѣхалъ туда епископъ Гедеоуъ Балабанъ и тоже обвинялъ Терлецкаго въ наѣздахъ, буйствѣ, развратѣ, даже дѣланіи фальшивой монеты. Мало этого. Семейство Сышевскихъ жаловалось что Терлецкій съ толпою изъ двухсотъ человѣкъ вооруженныхъ *законниками, ружьями и сагайдаками*, а также съ крестьянами своими напалъ и захватилъ силою чужую землю. Другой сосѣдъ Терлецкаго, Янъ Жоравицкій, жаловался суду что Терлецкій напалъ на его домъ съ своею дворовою челядью, состоящею изъ Угровъ, Сербовъ, Волоховъ, съ пушками, ружьями и свѣчками.*

Тогда патріархъ потребовалъ къ себѣ въ Замостьѣ епископа Кирилла (Терлецкаго) и свелъ ихъ съ глазу на глазъ съ епископомъ Гедеономъ. Къ удивленію однако всѣхъ, послѣдній отказался отъ своихъ показаній. Ловкій Терлецкій успѣлъ отклонить и всѣ другія подозрѣнія. Его обвиняли также въ томъ что онъ ограбилъ въ Пивскихъ лѣсахъ митрополичьяго писаря Григорія, посланнаго патріархомъ съ грамотою къ митрополиту въ Вильну. Но онъ и тутъ извернулся. Тѣмъ не менѣе патріархъ велѣлъ митрополиту разобрать дѣло по жалобамъ на Терлецкаго на соборѣ. Это-то и озлобило Терлецкаго; ему не нравилась эта зависимость отъ митрополита, когда онъ, въ качествѣ патріаршаго экзарха, считалъ себя ему равнымъ и даже старше его.

Иезуиты нашли возможнымъ войти въ переговоры съ Терлецкимъ и, конечно, приобрѣли его вполнѣ; но онъ хитрилъ и окончательно ни на что еще не соглашался. Нашла коса на камень. Иезуитамъ не легко было совладать съ нимъ.

Главнѣйшимъ защитникомъ православія былъ слѣшкомъ восьмидесятилѣтній князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, дряхлый тѣломъ, но еще бодрый духомъ. Сила и вліяніе его на православныхъ были велики. Иезуиты это знали, но зналъ и Терлецкій. Онъ заискивалъ у князя и пользовался его благорасположеніемъ.

Эти близкія его отношенія и дружба съ княземъ Острожскимъ не нравились иезуитамъ. Острожскаго боялись. Надобно было прежде ихъ поссорить. Случай представился. Тер-

* *Архивъ Юго-западной Россіи* I, 228—230, 394, 426.

лицкій сильно заболѣлъ въ Савдомирѣ. Распространивъ слухъ что онъ умеръ. Урядникъ князя Острожскаго, Боровицкій, послѣдовалъ воспользоваться этимъ случаемъ, напалъ на домъ епископа и разграбилъ. Терлецкій между тѣмъ въздоровѣлъ, вернулся домой и жаловался на Боровицкаго князя; но послѣднему еще прежде успѣли представить дѣло въ другомъ видѣ. Боровицкій былъ любимцемъ князя; онъ очернилъ Терлецкаго и повелъ дѣло такъ что епископъ съ княземъ совершенно разсорились. Какъ только узнали что епископъ луцкій лишился покровительства и расположенія могущественнаго Острожскаго, тотчасъ нашлись охотники подражать Боровицкому. Иезуиты успѣли перетянуть въ католицизмъ православнаго Александра Семашку, луцкаго старосту. Надобно было вывести изъ терлѣвнн Терлецкаго и заставить его дѣйствовать. Условились съ Семашкой. Въ апрѣлѣ 1591 года, на Страстной недѣлѣ, какъ староста, онъ поставилъ часовыхъ возлѣ собора и не велѣлъ никого впускать, кромѣ одного епископа; не пустили даже духовенство. Поэтому служенія не было. Потомъ Семашко установилъ особую подать за входъ въ церковь. Въ это же время, Мартинъ Бровевскій, королевскій секретарь, напалъ съ толпою на одно изъ имѣннй епископа и разорилъ его совершенно. Терлецкій вышелъ изъ себя; понялъ въ чемъ дѣло, окончателно поддался иезуитамъ, и когда епископы съѣхались въ Брестъ-Литовскъ, 24го июня 1591 года, на совѣщаніе, во исполненіе постановленія собора предшествовавшаго года, онъ прямо заявилъ что нѣтъ имъ житья и что одно средство *образовать церковную унию*. Мысль эта понравилась въ которымъ владыкамъ. Изъ Брестъ-Литовска же они отправили прошеніе къ королю, въ которомъ заявили: „Мы, нижеподписавшіеся епископы, желаемъ признавать пастыремъ нашимъ и главою намѣстника Св. Петра, святѣйшаго папу Римскаго, отъ чего ожидаемъ великаго умноженія хвалы Божіей въ церкви Его святой; но желая быть въ новововеніи у святѣйшаго отца папы, мы хотимъ чтобъ оставлены намъ были всѣ церемоніи, службы и порядки, какіе издавна церковь наша святая восточная держитъ, и чтобъ его королевская милость вольности намъ грамотами обезлечилъ, и артикулы, которые нами будутъ поданы, утвердилъ; мы же обязываемся быть подъ властію и благословеніемъ отца папы, и листъ этотъ съ подписью нашихъ собственныхъ рукъ

и приложеніемъ печатей, дали мы брату нашему старшему, отцу Кириллу Терлецкому, экзарху и епископу лудскому и острожскому.* Прогрешеніе подписали: Кириллъ лудскій, Геденъ Львовскій, Леонтій ливскій и Діонисій холмскій. Митрополитъ уклонился отъ подписи. Иезуиты снабдили митрополита секретною инструкціей какъ нужно дѣйствовать.* Православные ничего объ этомъ не знали; не знало даже Львовское братство. Оно постоянно жаловалось патриарху на Балабана, но о составленіи прошенія ничего не упоминало, такъ что едва въ сентябрѣ 1592 года братство сообщило какъ о слухѣ что епископы намѣрены предаться папѣ.

18го марта 1592 года, Сигизмундъ III прислалъ отвѣтъ епископамъ. Король благодарилъ ихъ за заявленное желаніе признать главенство папы, обѣщалъ защищать ихъ отъ патриарха, хотя бы тотъ наложилъ на нихъ анаѣму, обѣщалъ сохранить за ними занимаемыя мѣста и даровать имъ такія же права и преимущества какими пользовались католическіе епископы. Но и эта королевская грамота оставалась еще въ тайнѣ для русскаго общества.

Въ апрѣлѣ 1593 года, сенаторъ Поцѣй, другъ и приверженецъ иезуитовъ, неожиданно вступаетъ въ духовное званіе, дѣлается инокомъ, вмѣсто Адама, получаетъ имя Ипатія и послѣ смерти брестскаго и владимірскаго епископа, Мелетія Хребтовича, назначается на его мѣсто епископомъ-прототрокіемъ.** Онъ прямо открывается князю Острожскому и заявляетъ мысль о необходимости сближенія двухъ исповѣданій, восточнаго и западнаго; но не говоритъ прямо объ униі. Острожскій поладается въ ловушку, хочетъ вести дѣло открыто и явно, хочетъ чтобъ и самого патриарха помиритъ съ папой, чтобы посоветоваться съ царемъ Московскимъ и тамошнимъ духовенствомъ; обѣщаетъ даже самъ ѣхать въ Римъ къ папѣ чтобъ устроить дѣло *соединенія церквей*. Не того хотѣли иезуиты и ихъ клеветы. Рѣшено торолить дѣло. 21го мая 1594 года, Терлецкій съ соборнымъ духовенствомъ своей каеэдры явился въ Лудскій судъ и заявилъ что по желанію короля, сенаторовъ духовныхъ и свѣтскихъ, *совершилось*

* Лукашевичъ.

** Адамъ Поцѣй былъ сыномъ Льва, литовскаго подскарбіа, былъ женатъ на знатной Полькѣ Острожецкой, съ которою прижилъ трехъ сыновей: Ивана, Христофора и Петра, и трехъ дочерей: Анну, Александрю и Екатерину.

соединеніе восточной церкви съ западною, и папа признавъ единымъ главою церквей; для утвержденія же этого союза, оны, Терлецкій, съ епископомъ Поцѣмъ отправляются въ Римъ испросить благословеніе святѣйшаго отца. Это было первое официальное заявленіе объ униі. Вслѣдъ за симъ, 2го іюня, собрался соборъ въ Брестъ-Литовскѣ. Пріѣхалъ митрополитъ, до сихъ поръ не принимавшій прямаго участія въ униі. Но на соборѣ объ униі не было рѣчи. Самое собраніе митрополита съ епископами, вѣроятно, не входило въ программу дѣйствій, потому что примасъ королевства, архиепископъ гнзневскій, прислалъ грамоту, объявляя собраніе собора незаконнымъ, такъ какъ въ отсутствіе короля, — Сигизмундъ III былъ тогда въ Швеціи, — всякіе съѣзды, сеймы и соборы воспрещаются. Дѣйствія собора немедленно были прекращены.

Наконецъ, 2го декабря того же 1594 года, состоялся актъ о соединеніи церквей, *дабы вѣрность съ милыми братіями панами Римлянами* славить Господа. Митрополитъ не подписалъ этого акта. Но послѣ тайныхъ переговоровъ съ Терлецкимъ, оны вручили послѣднему свои условія, на основаніи коихъ соглашался приступить къ униі, для передачи канцлеру Замошскому. Условія эти заключались въ томъ чтобы православные владыки и духовенство сравнены были въ правахъ съ духовными римскими и чтобы епископы засѣдали въ сенатѣ; чтобы отъ патріарха никакія грамоты не допускались въ польско-литовскія владѣнія. Епископы же, кромѣ адреса къ королю, подписавшаго только Поцѣмъ и Терлецкимъ, составили особый подробный наказъ чего требовать отъ короля. Наказъ этотъ подписали, кромѣ главныхъ дѣятелей, Поцѣя и Терлецкаго, епископы: Михаилъ перемышльскій, Гедзонъ львовскій, Діонисій холмскій. Рагоза не подписалъ наказа. Терлецкій даже скрывалъ предъ другими епископами о своихъ тайныхъ сношеніяхъ съ митрополитомъ. Ему хотѣлось одному руководить дѣломъ. Поцѣй, ничего не зная о намѣреніяхъ митрополита, и также желая быть главнымъ дѣтелемъ, съ своей стороны, тоже вошелъ въ сношенія съ послѣднимъ. Положеніе Рагозы было самое затруднительное; съ одной стороны его привлекали обѣщанія которыя судилъ ему Поцѣй отъ имени правительства, съ другой же — боязнь сильныхъ вельможъ православныхъ, особенно князя Острожскаго и Скумина-Тышкевича. Между ними начинается продол-

жительная переписка. Рагоза представлялся предъ нимъ совершенно безучастнымъ и сваливалъ всю вину на епископовъ; но вельможи скоро провѣдали всю нить дѣла и безлощадно уличали митрополита въ его прямомъ участіи, такъ какъ онъ предлагалъ уже, съ своей стороны, условія правительству.*

Сильнымъ защитникомъ православія явилось Львовское братство, съ своимъ епископомъ во главѣ, еще недавно со-звывавшимъ съѣздъ епископовъ по дѣлу униі, но затѣмъ разорвавшимъ всякій союзъ съ ея приверженцами и лютымъ врагомъ Герлецкаго. Братство послало въ Вильну одного изъ вліятельныхъ своихъ членовъ, учителя Стефана Зизанія, напечатавшаго сочиненіе, *Кириллову книгу объ антихри-стѣ*, направленное противъ лалства. Въ Вильнѣ Зизаній раскрылъ православнымъ жителямъ замыслы епископовъ. Впечатлѣніе произведенное сильною рѣчью Зизанія было столь велико, и до такой степени вооружило все виленское и вообще литовское духовенство, дворянство и жителей что митрополитъ принужденъ былъ лубячно оправдываться, и

* Колаовичъ въ своей *Литовской Церковной Униі* (т. I. 265) оспариваетъ мысль высказанную въ *Православномъ Собесѣдникѣ* (1858) о томъ что Михаилъ Рагоза воспитывался у иезуитовъ и потомъ былъ тайнымъ ихъ единомышленникомъ. Что Рагоза не могъ быть воспи-танникомъ иезуитовъ, это очень ясно; иезуиты поселились въ Литвѣ въ 1569 году, даже въ Польшѣ едва въ 1564. Михаилъ же назначенъ митрополитомъ въ 1589, и былъ уже архимандритомъ въ Мимевѣ. Что же касается до единомыслія съ иезуитами—это другой вопросъ. До 1594 года дѣйствительно нѣтъ ясныхъ уликъ въ извѣстѣ митрополита; но что его могли подговаривать и сунуть золотыя горы—не подаетъ сомнѣнію. Рагоза не принималъ прямаго соучастія въ дѣлѣ, но въ то же время и не заявилъ себя никакимъ особеннымъ усердіемъ и энергическими мѣрами чтобы разрушить въ самомъ началѣ замышляемую унию, о чемъ ему не могло не быть извѣстно. Принялъ ли онъ участіе отъ иезуитовъ въ 1592 или въ 1594, все равно: дѣло въ томъ что *принялъ*, а вѣдь могъ *не принять!* Рагоза былъ просто челоѣкъ малодушный, слабый характеромъ; но въ то же время и хитрый. Это лучше всего видно изъ его писемъ къ Острожскому и Тышкевичу, гдѣ онъ защищается отъ всякаго участія въ униі, да-же тогда когда уже представлялъ правительству свои условія. Мы согла-сны что онъ любилъ родную вѣру, родной языкъ; но въ немъ не было ни силы, ни даже большаго желанія бороться за свою вѣру и за вѣты предковъ. Передавая ихъ, онъ просилъ одного: сенаторскаго кресла.

отъ 16го іюля, прислалъ грамоту въ Вильну, запрещающа визанію и прочему духовенству порочить его доброе имя, такъ какъ онъ, будто бы, не принималъ никакого участія въ предположенной униі. Но Виленцы этимъ не довольствовались. Они, имѣя во главѣ своего знаменитаго защитника, Тышкевича, требовали гласнаго собора, который бы отвергъ притязанія епископовъ и утвердилъ церковь на прочныхъ протеческихъ началахъ. Объ этомъ послѣднимъ сообщили князю Острожскому. Послѣдній принялъ горячо къ сердцу это дѣло и написалъ къ королю прося о дозволеніи созвать соборъ. Король отказалъ. Мало того, онъ написалъ къ Острожскому письмо, упрощая его не прелятствовать дѣлу униі; въ то же время особыми грамотами обезпечилъ митрополита и епископовъ отъ проклятій патриарха, ручался за предоставленіе имъ занимаемыхъ мѣстъ и судилъ разныя милости. Между тѣмъ іезуиты торопили епископовъ составить депутацію для поѣздки въ Римъ. Противъ этой поѣздки возсталъ Острожскій, Тышкевичъ, повидимому даже самъ Рагоза. Послѣдній, 1го сентября, издалъ окружное пастырское посланіе духовенству и мірянамъ, въ которомъ, отказываясь отъ всякаго участія въ замыслахъ епископовъ, поручалъ твердо оставаться при вѣрѣ отцовъ, не поддаваться никакимъ искушеніямъ и попрежнему почитать власть патриарха.

Этимъ посланіемъ митрополитъ торжественно соединялся съ народомъ и объявлялъ войну правительству, іезуитамъ и своимъ братьямъ, епископамъ. Возникла самая ожесточенная борьба. Одни іезуиты знали истину; они знали что это только уловка со стороны Рагозы. Но это посланіе помогало имъ склонить короля на рѣшительную мѣру чтобы покончить дѣло разомъ: король, 24го сентября, объявлялъ всемирно что *епископы и великое множество святскихъ людей* соединились съ римскою церковью, и поощрялъ всѣхъ остальныхъ скорѣе присоединиться къ этому священному дѣлу. Въ концѣ этого же мѣсяца, Поцѣй и Терлецкій отправились въ Римъ, куда прибыли чрезъ шесть недѣль, 15го ноября, имѣли частное свиданіе съ папой, потомъ начались совѣщанія съ іезуитами и кардиналами, и наконецъ, когда все было улажено, 23го декабря, папа Климентъ VIII далъ имъ торжественную аудіенцію, въ присутствіи всего Ватиканскаго двора. Епископы, приложившись къ туфлѣ святѣйшаго отца, представили ему грамоту, писанную по-русски. Ее громко прочелъ Евстафій Воловичъ

еще въ юности совращенный въ католичество, виленскій каноникъ (въ послѣдствіи епископъ), ученикъ и сподручникъ иезуитовъ, пріѣхавшій въ Римъ съ епископами въ качествѣ королевскаго секретаря. Волѣдъ за симъ прочтѣвъ былъ переводъ грамоты на латинскомъ языкѣ. Папа отвѣчалъ рѣчью чрезъ своего подкоморія, благодарилъ епископовъ за пріѣздъ, обѣщала сохранить неприкосновенными воѣ церковные обряды восточной церкви. Затѣмъ владимірскій епископъ Поцѣй прочелъ по-латыни, *отъ имени митрополита* и всѣхъ епископовъ, обѣщаніе особо составленное по этому случаю, и епископъ луцкій Терлецкій прочелъ то же самое по-русски, а вслѣдъ за симъ епископы, также отъ имени митрополита и всѣхъ отсутствующихъ епископовъ, приняли присягу на вѣрность папѣ. Послѣ сего Климентъ VIII, не скрывая своей радости, подозвавъ къ себѣ епископовъ, оказалъ имъ: *желаю не господства надъ вами, но немощи ваши носить на себѣ.* На слѣдующій день, наканунѣ Рождества, папа торжественно совершалъ вечерню въ соборѣ Св. Петра, причемъ находились и епископы въ восточномъ облаченіи. Въ память событія вычекана медаль съ надписью: *Ruthenis recertis.*

Присяга была принята и отъ имени Рагозы. Нельзя было долѣе скрываться. Православные теперь уже ясно видѣли что митрополитъ измѣнилъ заветамъ церкви. Въ началѣ 1596 года, на сеймѣ въ Варшавѣ, князь Острожскій и православные депутаты, въ присутствіи короля, объявили сейму что они протестуютъ противъ уніи, что не признаютъ Поцѣя и Терлецкаго своими епископами. Составленъ былъ особый официальный протестъ; Мартынь Буховецкій долженъ былъ прочесть его публично; но сеймъ до этого не допустилъ. Тогда князь Острожскій внесъ этотъ протестъ въ актовыя книги сейма. Протестъ этотъ былъ внесенъ также въ актовыя книги и въ другихъ судахъ по воеводствамъ, а копии съ оного разошланы по всему краю между православными.

Дѣло принимало оборотъ крайне затруднительный. Никакихъ уступокъ нельзя было добиться отъ православныхъ и иезуиты увидѣли необходимость дѣйствовать круто, чего въ предварительныхъ планахъ вовсе не имѣлось въ виду, ибо полагали что унія пойдетъ легко, и что всѣ православные почти незамѣтнымъ образомъ перейдутъ въ нее.

Въ отвѣтъ на протестъ, король, 21го мая, далъ подтвердительныя грамоты епископамъ, обѣщая защищать ихъ про-

тыву всѣхъ тѣхъ кои бы рѣшились не признавать ихъ епископами. Къ народу же, 29го мая, онъ издалъ манифестъ, въ коемъ извѣщалъ о послѣдовавшемъ соединеніи церквей, но ручался что всѣ догматы и обряды восточной церкви будутъ сохранены неприкосновенно, согласно постановленіямъ и древнимъ ученіямъ святыхъ отцовъ греческихъ и апостольскихъ соборовъ. Въ этомъ же манифестѣ король приказывалъ митрополиту Михаилу созвать соборъ въ Брестъ-Литовскі, въ которомъ могли участвовать какъ духовные, такъ и свѣтскіе православнаго и католическаго исповѣданій.

Итакъ, соборъ долженъ былъ рѣшить судьбу униі. Ревнителі православія готовились къ этому собору чтобы самоотверженно отстаивать свою родную церковь. Время собора назначено было въ октябрѣ. Къ 6му числу прибыли въ Брестъ-Литовскі: митрополитъ Михаилъ Рагоза, архіепископъ полоцкій Гермогенъ, епископы: владимірскій и брестскій Игнатій Поцѣй, лудскій и острожскій Кириллъ Терлецкій, лисскій и туровскій Іоаннъ Хохоль, холмскій Девисъ Збѣровскій, львовскій и галицкій Гедеонъ Балабанъ и перемышльскій Михаилъ Колыстенскій; архимандриты, игумены, протоіереи и много другихъ лицъ изъ духовенства. Отъ Константинопольскаго патріарха, несмотря на запрещеніе Сигизмунда III, прибылъ протосингелль (т.-е. намѣстникъ патріарха) Никифоръ (Грекъ); Александрійскій же патріархъ Мелетій прислалъ своего протосингелла Кирилла; прибылъ также сербскій митрополитъ Лука. Отъ папы явились послами: Іоаннъ Дмитрій Соликовскій, архіепископъ львовскій, Бернардъ Мацѣевскій, епископъ лудскій; Станиславъ Гомулинскій, епископъ холмскій, со стороны іезуитовъ представителемъ былъ Петръ Скарга съ ассистентами. Послами отъ короля—князь Николай-Христофоръ Радзивиллъ, воевода виленскій; Лезъ Салѣга, канцлеръ литовскій, и Дмитрій Халецкій, подскарбій литовскій. Изъ православныхъ вельможъ главнымъ представителемъ былъ князь Константинъ Острожскій съ сыномъ Александромъ, а съ нимъ до двухсотъ дворянъ православной вѣры.

Соборъ долженъ былъ собраться въ соборной церкви Св. Николая; но въ самомъ началѣ произошло раздвоеніе. Приверженцы униі собрались въ церкви; ревнителі православія въ частномъ домѣ. Тѣ и другіе отправили пословъ

прося соединиться вмѣстѣ; но обѣ стороны улоуствовали. Скарга и королевскіе послы старались привлечь на свою сторону князя Острожскаго, но онъ былъ непреклоненъ.

9го октября, митрополитъ и епископы, вмѣстѣ съ епископами католическими, въ торжественныхъ облаченіяхъ, духовенство обоихъ исповѣданій и всѣ приверженцы униі собрались въ соборъ Св. Николая. Здѣсь архіепископъ полоцкій прочелъ актъ соединенія восточной церкви съ западною. Когда чтеніе кончилось, епископы униатскіе и католическіе поцѣловали другъ друга въ знакъ любви и согласія. Потомъ исполненъ былъ совмѣстно всѣми гимнъ: *Te Deum*. На другой день латинскіе епископы вмѣстѣ съ униатскими, сопровождаемые королевскими послами, совершили крестный ходъ въ соборъ Св. Николая, гдѣ слушали литургію по восточному обряду, а Скарга произнесъ проповѣдь по-польски о единствѣ церкви.

Въ эти же самыя дни, совершенно другое происходило въ средѣ православныхъ, оставшихся вѣрными восточной церкви. Они собрались, какъ уже мы говорили, въ частномъ домѣ, подъ предсѣдательствомъ протосингелла Никифора, положили на столѣ Св. Евангеліе, вокругъ него сѣли оба протосингелла, митрополитъ Лука, епископъ львовскій Гедеонъ Балабанъ, епископъ перемышльскій Михаилъ Колыстенскій, архимандриты съ Востока: святогорскій Макарій, Св. Пантелеимона Моисей, русскіе: печерскій Туръ, ливскій, дорогобужскій и другіе, двѣнадцать протоіереевъ, нѣсколько іеромонаховъ и все духовенство Брестской епархіи. Князь Острожскій со свѣтскими людьми помѣстился особо. Послѣ молитвы, епископъ Гедеонъ произнесъ сильную рѣчь на русокомъ языкѣ. Православные рѣшили послать къ митрополиту Рагозѣ и пригласить его въ собраніе; посломъ избранъ былъ архимандритъ Никифоръ Туръ. Рагоза отвѣчалъ уклончиво что прежде посоветуется съ католическими епископами. На другой день повторилось то же, но митрополитъ опять не явился. Наконецъ на третій день митрополитъ отвѣчалъ чтобъ его съ епископами не ожидали; „справедливо или несправедливо мы поступили, только мы отдались западной церкви.“ Въ то самое время когда православные требовали къ себѣ митрополита, Скарга наединѣ бесѣдовалъ съ Острожскимъ и

старался перетянуть его на свою сторону; но краснорѣчіе знаменитаго проловѣдника не подѣйствовало. Протоси-геллъ Никифоръ посылалъ просить Скаргу въ засѣданіе, для богословскихъ преній; но Скарга не явился. На четвертый день, 10го октября, по разсмотрѣніи жалобъ и заявленій отъ разныхъ городовъ Литвы, а также подлинныхъ писемъ Рагозы къ разнымъ лицамъ, въ которыхъ оны увѣрялъ что не думаетъ объ отступничествѣ, составленъ былъ соборный приговоръ, коимъ митрополитъ Рагоза, архіепископъ полоцкій Гермогенъ и епископы: Поцѣвъ, Терлецкій, Хохоль, Збѣровскій — признаны виновными въ томъ что рѣшились отложиться отъ патріарха и покорились власти папы; что будучи позваны въ соборъ, не явились, за что соборъ положилъ лишить всѣхъ вышеприведенныхъ владыкъ архіерейскаго сана. Никифоръ Туръ съ ассистентами отправился къ митрополиту и вручилъ ему копію этого акта.

Въ этотъ же самый день состоялся и другой приговоръ, составленный митрополитомъ и епископами подчинившимся власти папы. Этимъ приговоромъ епископы Гедеонъ Балабанъ и Михаилъ Копыстенскій, со всѣми сообщниками отвергшими унію, преданы проклятію и лишены сановъ.

Конечно, эти проклятія и отрѣшенія нисколько не препятствовали какъ однимъ, такъ и другимъ, оставаться при своихъ мѣстахъ и званіяхъ. Но положеніе Балабана и Копыстенскаго было гораздо труднѣе. Епископовъ подчинившихся папѣ защищало правительство; этихъ правительство, напротивъ, преслѣдовало. Тотчасъ послѣ братскаго собора, Сигизмундъ III издалъ грамоту, въ которой говоритъ: „Митрополитъ съ епископами, со всѣмъ духовенствомъ и многими людьми греческой русской вѣры, сѣшлись въ соборной Брестской церкви Св. Николы, послѣ молитвы, три дня разбирали дѣло, справляясь со Священнымъ Писаніемъ, съ правилами святыхъ отецъ, братски призывали къ себѣ епископовъ Михаила и Гедеона съ ихъ товарищами, но они, хотя сначала сами добровольно приступили къ уніи и объ этомъ къ намъ господарю писали, но теперь, по наущенію узорныхъ людей, оставили святой храмъ Божій, въ которомъ во все время собора ни разу не были, пожелали соединиться съ анабалтистами, аріанками, богохульниками и съ другими старыми еретиками, непріятелями и поругателями вѣры православной русской. Мало того,

соединясь съ какимъ-то еретикомъ Никифоромъ и другими Греками, со шпіонами и измѣнниками нашими, зашли въ еретической божницѣ, гдѣ съ окаменѣлымъ фараоновымъ сердцемъ, съ упорствомъ и злостью, осмѣлились рѣшать дѣла къ нимъ не подлежація, возстали противъ насъ, своего господара, противъ Рѣчи Посполитой и своихъ начальниковъ, отлучились отъ церкви Божіей, составили тайные протесты и заговоры, подлисывали бланкеты и прикладывали печати, призывали къ рукоприкладству людей не принадлежащихъ къ собору, насильно заставляя ихъ подписываться, а потомъ на этихъ бланкетахъ что-то писали и по государству нашему разсылали.“ Далѣе король извѣщалъ всѣхъ что епископы Михаилъ и Гедеонъ прокляты, а потому запрещается почитать ихъ епископами и входить съ ними въ какія-либо сношенія; всѣ же правительственныя власти и должностныя лица обязываются уважать постановленіе Брестскаго собора, въ противникахъ же онаго видѣть преступниковъ.

Такимъ образомъ король призналъ однихъ униатовъ преданными престолу и отечеству и объявилъ что на противниковъ уни, т.е. православныхъ, смотритъ какъ на нарушителей общественнаго спокойствія, *отступниковъ отъ церкви Божіей*. Это было начало преслѣдованій, открывшее широкое полрище интригъ, мелкой зависти, фанатичнымъ проискамъ.

Несправедливое рѣшеніе короля не столько испугало, сколько озлобило православныхъ. Еще 9го октября, въ Брестѣ, православные избрали изъ среды своей двухъ свѣтскихъ депутатовъ, Малиновскаго и Древинскаго, и снабдили ихъ инструкціей какъ они должны дѣйствовать и чего требовать отъ короля и сейма. Въ инструкціи говорится что предки ихъ и они сами болѣе шестисотъ лѣтъ подчинялись Константинопольскому патріарху; что составляя только часть восточной церкви, они не могутъ признать надъ собою власти папы. Въ заключеніе просили короля низложить митрополита Михаила и епископовъ принявшихъ унию, лишить ихъ правъ на церковныя имущества, раздавъ таковыя тѣмъ лицамъ кои будутъ избраны по смыслу конституцій 1575, 1576 и 1589 годовъ.

Последующія событія остановили на время борьбу. Вспыхнуло возстаніе козаковъ. Князь Константинъ Острожскій долженъ былъ воевать сначала съ Григоріемъ Лободой, а потомъ съ Наливайкой. Едва въ слѣдующемъ 1597 году, когда

локончили съ козаками и ловѣсили Наливайку, Острожскій занялся дѣлами уни. Между тѣмъ протосиגעлъ Никифоръ, обвиненный какъ политическій агентъ патріарха, былъ арестованъ и находился подъ сѣдствомъ. Острожскій постыжился защитить его въ сенатѣ; произнесъ предъ королемъ рѣчь, въ которой рѣзко высказался противъ нарушенія правъ православныхъ и указалъ обиды причиняемая церкви; требовалъ освобожденія Никифора; „крови его“, говорилъ разсерженный старецъ, „на страшномъ судѣ Божіемъ исхать буду!“ Окончивъ свою рѣчь, князь вышелъ изъ залы не дождавшись отвѣта короля. Другъ и зять Острожскаго, князь Христофоръ Радзивиллъ, вилевскій воевода, всѣми силами поддерживалъ православныхъ, старался какъ-нибудь уладить дѣло; король поручилъ ему даже воротить Острожскаго, чтобы помириться съ могущественнѣйшимъ изъ вельможъ; потомъ даже пала писаль къ нему, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ уговаривая принять унию; но старикъ былъ непреклоненъ. Соглашенія не состоялось. Никифоръ былъ заключенъ въ крѣпости Мальборгъ.

Въ 1598 году православные подали на сеймъ жалобу на митрополита и епископовъ; но разсмотрѣніе жалобы было отложено. Въ 1599, въ день Свѣтлаго Воскресенья, вилевскіе іезуиты подговорили своихъ учениковъ сдѣлать нападеніе на братскую православную церковь въ Вильнѣ, гдѣ они произвели разныя безчинства.

Князь Острожскій и князь Христофоръ Радзивиллъ, чтобы составить надежный оплотъ противъ преслѣдованій католиковъ и униатовъ, назначили соборъ въ Вильнѣ, 15го мая того же 1599. Здѣсь присутствовали православные, Квартгелики и лютеране. Кромѣ князей Острожскаго и Радзивилла, а равно сына перваго изъ нихъ, князя Александра Острожскаго, воеводы волинскаго, и всѣхъ ихъ многочисленныхъ сторонниковъ, изъ знатнѣйшихъ вельможъ находились: князь Григорій Котерскій, князья Адамъ и Михаилъ Вишневецкіе, князь Ефимъ Корецкій, князь Рожимскій, князь Юрій Горскій, князья Богданъ и Иванъ Соломерецкіе, князь Юрій Пузыма и др. Изъ числа реформатовъ: князь Христофоръ Радзивиллъ, воевода вилевскій, Иванъ Глбовичъ, стольникъ литовскій, князь Ярославъ Головчинскій, князь Федоръ Друцкій-Горскій, князь Юрій Соколицскій, князь Иванъ Друцкій-Горскій, князь Жиженскій, Федоръ Поцѣй и др. Синодальный актъ подписавъ 168

ленами, * въ томъ числѣ 17 сенаторовъ православныхъ и 12 рогестантовъ. Изъ православнаго духовенства присутствовали Грекъ Лука, митрополитъ бѣлградскій, Исаакъ, игуменъ [убенскій, и Гедеонъ, архидіаконъ Дубенскій. Епископы Геонъ и Михаилъ не присутствовали. Синодъ установилъ генеральныхъ провизоровъ въ числѣ 120 человекъ, кои должны были наблюдать за цѣлостію православныхъ церквей и евангелическихъ сборовъ. Постановлено общими силами противоѣствовать стремленіямъ иезуитовъ и въ случаѣ опасности немедленно собираться всѣмъ вмѣстѣ.

Въ Новогрудкѣ, въ этомъ же году, по увѣренію другихъ въ 600, умеръ митрополитъ Рагоза, несмотря на столько объѣздовъ, не добившійся осуществленія завѣтной своей мысли, вступить въ сенатъ. Современники пишутъ что совѣсть предѣловала его, и въ послѣднюю минуту онъ объявилъ желаніе умереть православнымъ; но окружавшіе ложе больного уіаты не допустили до этого.

Королевскою грамотой, 8го апрѣля 1600, пріемникомъ его назначенъ вѣрный и надежный слодвижникъ иезуитовъ Іпатій Поцѣй.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

И. СЛИВОВЪ.

* Подлинный актъ на польскомъ языкѣ хранится въ архивѣ Радзивилловъ, въ Кенигсбергѣ: Переводъ на русскій напечатанъ у митрополита Евгенія; *Описаніе Кіево-Соборскаго Собора*, въ прибавленіи, № 15, стр. 68—72. У. Лукашевича, по-польски, 1, 124—135.

БАДНІЙ ДЕНЬ И БОЖИЧЬ

ВЪ СЕРБІИ

Статья *Ө. И. Буслаева* *О сравнительномъ изученіи народной живологии и поэзи*, въ которой есть ссылки на сербскіе обычаи, навела меня на мысль посмотрѣть на празднованіе въ Сербіи *Бадняго дана* и *Божича*, то-есть Сочельника и Рождества Христова, такъ какъ къ этимъ днямъ приурочено много древнихъ обрядовъ. Постараюсь передать видѣнное, дополнивъ слышаннымъ и свидѣніями найденными мною объ этомъ предметѣ въ сербской печати *. Надѣюсь что читатель не посѣтуетъ на меня, ежели въ моемъ разказѣ, не

* Я пользовался слѣдующими сочиненіями: *В. Караджичъ*, Ресик. Сербскіе народне песме, Живот и обичаи народа српског; *Милочевича*, Живот Срба селяка, Гласник српског ученог друштва, XXXVII; *Петрановича*, Обичаи србског народа у Босне, id. XXIX; *Милоевича*, Песме и обичаи укупног народа србског, Београд, 1869; *Дучича*, Как се и Zrnoj Gori Bozić slavī, Dubrovnik, 1867; *Илича*, Narodni slavonki običaji; *Палучины*, Божич у Герцеговинѣ, Сербско-Даламатински Магазин, 1866 г. На русскомъ языкѣ мнѣ извѣстны по этому предмету лишь нѣсколько страницъ въ 58й главѣ обширнаго труда г. Асманьскаго, „Поэтическое возвращеніе Славянъ на природу“, и статьи Потехина во второй книгѣ Чт. Общ. Ист. и Древн. за 1865 годъ, о мѣсячномъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій.“

ограничиваясь описаніемъ обрядовъ и повѣрій, я коснусь и другихъ сторонъ быта Сербовъ, столь мало еще у насъ извѣстнаго.

У Сербовъ Рождество самый почитаемый и самый веселый праздникъ въ году: осень наполнила амбары хлѣбомъ, погребъ виномъ и *ракією*, скотъ откормился на пастбищахъ, словомъ, домъ полная чаша, есть чѣмъ угостить гостей, можно попить на славу, зажарить жирнаго барана, запить *сливовицею* или *коловицею* *.

Какъ надо праздновать Божиць,** это ясно и отчетливо означено обычаями, слившимися въ слѣдующую лѣсню, которая можетъ служить какъ бы программой праздника:

Божиць зоветъ сверху горы той высокой:

„Веселитесь, братья Сербы! пора вамъ,

Приготовьте мнѣ *бадняки* все текомъ украшенныя,

А двери и окна лаврами, а иконы и столы масличными вѣтвями.

Разложите пшеничную солому вмѣсто трапезы,

А по ней скатерти золотомъ вышитыя,

Добрыхъ барановъ наткните на вертелеы,

Ветчину рѣжьте не вѣса,

Жгите крупныя полѣнья не раскалывая,

Приготовьте мнѣ вдоволь вина рыааго, краснаго,

И *ракія* виноградной перваго перегона;

Вы молодки и дѣвушки хоровадь водите,

Вы юмаки (молодцы) изъ ружей часто стрѣляйте,

А вы старые и слабые Богу молитесь.“

Но чтобы посмотрѣть на этотъ веселый сербскій Божиць мнѣ надо было поѣхать въ село: въ городахъ уже исчезли особенности празднованія, и въ Бѣлградѣ, какъ и въ Сараевѣ, о *баднякѣ* вѣтъ и помину; въ дальнихъ округахъ Княжества, напримѣръ въ Ужичкомъ, крѣпко держатся старины, но обстоятельства не позволяли мнѣ оставить Бѣлградъ на продолжительное время, а декабрь мѣсяць, хотя исключительно мягкій въ этомъ году, угрожалъ внезапнымъ снѣгомъ и перерывомъ сообщеній. Е. Е. Голубинскій, собиравшій въ то

* *Ракія*—водка вообще; *сливовица*—водка изъ сливъ, *коловица*—изъ винограда.

** *Божиць* собственно уменьшительное отъ Богъ, слѣдовательно значить *Божокъ*, мамелькій и новорожденный Сынъ Божій (ср. „Бѣлорусскія лѣси“ П. А. Безсонова), а въ переносномъ смыслѣ означаетъ праздникъ Рождества Христова.

время въ Сербіи матеріалы для своихъ работъ по исторіи славянскихъ церквей, охотно согласился быть моимъ слугникомъ; нашимъ путеводителемъ въ этой поѣздкѣ вызвался быть однимъ изъ лучшихъ знатоковъ сербскихъ народныхъ обычаевъ и быта поселенъ, г. Миланъ Миличевичъ, авторъ „Живот Срба селяка“, „Путничке писма“ и редакторъ *Школы*. Рѣшено было ѣхать въ Рипань, большое село верстахъ въ двадцати отъ Бѣлграда и мѣсто рожденія г. Миличевича; это послѣднее обстоятельство не только обезпечивало намъ радушный приемъ, который, въ качествѣ Русскихъ, мы бы нашли во всякомъ сербскомъ домѣ, но подавало намъ надежду что предъ нами будутъ менѣе стѣсняться и что намъ удастся въ возможной полнотѣ видѣть сохранившіеся еще обычаи.

Отъ Бѣлграда до Рипаня считается четыре лѣтшихъ часа, и, желая пріѣхать засвѣтло, мы въ Сочельникъ въ полдень уже тряслись въ крытой *арабѣ* (родъ брнчки) по неровной бѣлградской мостовой. День былъ теплый, но пасмурный, свѣга совсѣмъ не видать, а голыя деревья и поблекшая трава лишали не особенно живописныя окрестности сербской столицы всякой прелести. Мы ѣхали по большой дорогѣ въ Крагуевацъ, по хорошему шоссе, на парѣ крѣпкихъ лошадокъ, съ которыми нашъ русскій ямщикъ легко отхваталъ бы версть двѣнадцать въ часъ. Но такая ѣзда въ Сербіи неизвѣстна, и та мелкая рысь которой обыкновенно плетутся сербскіе *кочиши* (извозчики) должна навести хандру на самого веселаго человѣка.

Версты за двѣ за Бѣлградомъ, налѣво отъ дороги, среди группы тополей, стоитъ памятникъ, воздвигнутый, какъ гласитъ надпись, „у славу и чест сръбюнацима за отачество храбро изгинувшима при узиманью Београда 30 новембра 1806“. На этомъ мѣстѣ погребены сподвижники Карагеоргія, которые, захвативъ хитростью ворота Бѣлграда, ворвались въ городъ, зажгли его съ разныхъ сторонъ и овладѣли имъ, загнавъ Турокъ въ крѣпость, которую тѣ вскорѣ очистили.

Вскорѣ за Бѣлградомъ дорога начинаетъ подниматься и извилинами огибать гору *Авалу* съ ея живописными развалинами. Высота Авалы всего 1.190 футовъ надъ морскимъ уровнемъ, но, стоя особнякомъ, ея остроконечная голова кажется гораздо выше; замокъ на ея вершинѣ происхожденія средневѣковаго, но еще во времена Римлянъ на Авалѣ были

укрѣпленія, и самое названіе ея, по мнѣнію многихъ, есть не что иное какъ *aula*. *

По дорогѣ мы встрѣтили нѣсколько Цыганъ, отправляющихся въ столицу къ празднику на заработокъ; они несли съ собою свои музыкальные инструменты: бубны, дудки и скрипку, а также деревянные стулья, ложки и т. п., которыми они торгуютъ съ издавнаго времени. Сербское правительство не допускаетъ кочевыхъ Цыганъ: всѣ должны имѣть осѣдлость въ какомъ-либо селѣ; большею частію они занимаются кузнечнымъ ремесломъ и деревянными издѣліями, но не сливаются съ мѣстнымъ населеніемъ; выйти замужъ за Цыгана или жениться даже на богатой Цыганкѣ считается между сербскими поселянами позорнымъ. Даже смерть не уравниваетъ Цыганъ съ ихъ сербскими согражданами: тому служить доказательствомъ маленькое цыганское кладбище, около котораго мы проѣхали, свернувъ съ большой дороги, и неприкосновенность котораго отъ захватовъ соседнихъ поселянъ Цыганамъ удалось отстоять лишь съ большимъ трудомъ.

Село Рипань, дѣль нашей поѣздки, если вѣрить народнымъ поговоркамъ, отличается бойкостью дѣвушекъ; пѣсня говоритъ что Рипань

Та то ти е варош:

У нему су пашале девојке,

Саме суде, саме пресудю,

Свако вече по една утече. *

Въ самомъ дѣлѣ село это, самое значительное во всемъ бѣлградскомъ окружѣнн, насчитываетъ 378 *порезскихъ* главъ, то-есть хозяевъ платящихъ подати (порез) и 1,839 душъ. Село разбросано по горной косѣ, продолженію Космайскаго хребта, а отъ Авалы отдѣляется Рипаньскою рѣчкой, владающею въ Саву, немного выше Бѣлграда, и вносящею при устьѣ названіе Толчидерской рѣчки. Прежде большая дорога изъ Бѣлграда въ Крагуевацъ шла чрезъ Рипань, но теперь село это остается въ сторонѣ, что однако не препятствуетъ его благоденствію. Оно развилось быстро и усилилось особенно

* Замокъ или дворецъ (аулъ), откуда пускался на подвиги елисейскій герой *Порцій*, Portius, по-сербски *Порча*.

** То-есть, Рипань что твой городъ: въ немъ властвуютъ дѣвушки, сами судятъ, сами присуждаютъ, всякій вечеръ по одной убѣгаетъ.

переселенцами, такъ какъ въ 1813 году въ немъ насчитывалось всего 40 домовъ; теперь есть переселенцы и изъ Босгаріи, и изъ Босніи, и изъ Краины, что замѣтно даже и въ выговорѣ. Такъ въ Рилѣ слышно: „с мокомъ“ (по-левачки) вмѣсто са мном, „сијено“ (по-боснійски) вмѣсто сено, „дете“ (по-восточному) вмѣсто дијете; вообще же языкъ чистъ и правиленъ, кромѣ извѣстныхъ удареній: дукать, чѣвек, аднац, вода и т. д. Названіе Рилань, по разказамъ стариковъ, идетъ отъ источника называвшагося такъ или отъ скалы находящейся близъ села и называемой Рила (гѣра?).

Рилань разбросанъ по пригоркамъ и какъ вообще всѣ сербскія села скорѣе напоминаетъ малороссійскія чѣмъ великорусскія; въ Сербіи село не что иное какъ нѣсколько болѣе или менѣе близко расположенныхъ хуторковъ, усадьбы тянутся на нѣсколько верстъ, и даже тамъ гдѣ онѣ строятся вдоль улицъ, гдѣ село *ушорено* (шор—рядъ), все-таки домъ стоитъ посреди двора или сада и отдѣленъ отъ улицы заборомъ.

Вѣхавъ въ село, мы зашли въ церковь, узнать въ которомъ часу служба на Рождество, и выходя неволью оставились полюбоваться видомъ: красныя черепичныя крыши риланьскихъ домовъ весело выглядывали изъ темныхъ соломенныхъ и тесовыхъ крышъ амбаровъ и хлѣбовъ; струйки дыма, тянушіяся изъ вымазанныхъ бѣлою глиной трубъ, возвѣщали о приготовленіяхъ къ завтрашнему торжеству; то же, только болѣе шумно, говорили ружейные и листовые выстрѣлы, которыми молодежь заявляла объ успѣшномъ окончаніи жаренья „леченицы“; солнце сидѣло за лѣсистыми холмами, склоны которыхъ мѣстами бѣлѣли отъ снѣга; въ долину уже ложилась тѣнь и послѣдніе лучи озаряли красноватымъ свѣтомъ развалины замка на Авалѣ, гдѣ по преданію гнѣздился страшный

....од Авале Порча,

Дана нема кад се не привлачи,

И по едног роба не одводи,

Я по мртву не одмоси главу. *

Отъ церкви мы почти полчаса ѣхали до дома въ кото-

* То-есть: отъ Авалы Порча, нѣтъ дна чтобъ онъ не подкрадывался и по одному не уводилъ рабу или по мертвой не умосилъ голову.

рый мы назвались праздновать Божиць. Но вотъ и прѣѣхали: ворота отворены, хозяева встрѣчаютъ насъ съ радушнымъ „добро дошли“; „боле васъ нашла“, * отзывается мы согласно обычаю; начинаются привѣтствія: со старшими, то-есть съ хозяиномъ и его братомъ, мы обнимаемся, съ остальными мужинами „рукуемся“, жмемъ руку; женщины, начиная отъ хозяйки до ея внучекъ, подходятъ намъ къ рукѣ. Это общій обычай для какого бы то ни было гостя, а у особенно почитаемыхъ стариковъ и мужины цѣлуютъ руку. Вообще привѣтствія опредѣлены въ Сербіи обычаемъ до тонкостей, въ началѣ не мало смущающихъ иностранца. До лоддья говорятъ: „добро утро“ (утро), на это надо отвѣчать: „добро ти Богъ дао“; тому кто что-нибудь съѣстъ или выпьетъ, въ Бѣградѣ говорятъ: „на здравье“ (на здоровье); вообще во всякое время дня можно въ видѣ привѣтствія говорить: „помози Богъ“, на что слѣдуетъ отвѣчать: „Богъ ти помагао“ или „добро ти Богъ дао“, но и тутъ обычаемъ опредѣлено что старшій привѣтствуетъ младшаго, конный пѣшаго, идущій сидящаго.

Когда привѣтствія окончились, насъ ввели въ *собу*, то-есть чистую комнату, съ желѣзною печью; по стѣнамъ стояли очень широкія лавки, покрытыя коврами домашняго издѣлія, а вдоль стѣвъ лежали подушки; надъ печью висѣло зеркало, нѣсколько ружей, пистолетовъ, анжаровъ (родъ кинжала) и сабель, а въ углу предъ иконой теплилась лампада; нѣсколько большихъ сундуковъ, служащихъ и кроватями, и большой круглый столъ довершали убранство комнаты; стулья, согласно обычаю, о которомъ я буду говорить далѣе, были вынесены.

Вообще усадьба въ сербскомъ селѣ состоитъ изъ большой комнаты съ очагомъ, гдѣ по зимнимъ вечерамъ собираются у огня домочадцы; къ этой комнатѣ примыкаютъ одна или нѣсколько другихъ „соб“ (по герцеговинскому нарѣчію *изба*), въ которыхъ спать, преимущественно зимою, и держать сундуки и рухлядь. Когда семья очень велика,—а при *задругахъ*,** особенно прежде, бывало до сорока и пятидесяти человекъ,—то въ одномъ дворѣ строятъ нѣсколько домиковъ. Такъ

* То-есть слово въ слово: „добро пожаловать, хорошіе гости“;— „еще лучше нашла васъ, хозяевъ“.

** Семейная или домашняя община.

было и у нашего хозяина: среди двора стоялъ низенькій домикъ, гдѣ помѣщался очагъ и двѣ „собы“; другой домикъ, въ который насъ помѣстили, состоялъ изъ чулана и собы съ окошками на три стороны, съ погребомъ внизу; сбоку стоялъ хлѣвъ и конюшня съ сѣноваломъ, нѣсколько амбаровъ для пшеницы, кукурузы и т. д. Вся усадьба обнесена загородкомъ изъ огромныхъ расколотыхъ брусковъ, положенныхъ концами одинъ на другой и держащихся собственною тяжестью: можно себя представить сколько на подобныхъ заборы изводится лѣса, да еще лучшаго, строеваго.

Едва мы успѣли сѣсть, какъ намъ подали *сладко*, то-есть варенье, которое берутъ ложечкой и заливаютъ водой, и *сливовицу*, водку перегоняемую изъ сливъ самими поселянами. Г. Милевичъ послѣдшилъ объяснить хозяевамъ желаніе наше видѣть во всей полнотѣ обряды при празднованіи Бадняго дня и Божича, и просилъ ничего не сокращать и не забывать. Но на бѣду *доматинъ* (хозяинъ, старшій въ домѣ), крѣпкій, сухой старикъ лѣтъ 60, оказался уже раціоналистомъ. „Какіе обычаи, какія *старини*,“ толковалъ онъ, „все бабы выдумали, *лудоріе* (глупости) все это.“ Не легко намъ было убѣдить его что мы пріѣхали смотрѣть именно эти глупости. Жена его, правда, почитала старину, но за то боялась что мы будемъ смѣяться надъ обрядами для нея священными. Это послѣднее опасеніе скоро впрочемъ разсѣялось и благодаря *доматицѣ* (хозяйкѣ), не позволявшей своему мужу уклоняться отъ обязанностей возложенныхъ на него обычаемъ, мы могли видѣть хоть часть обрядовъ. Перехожу къ описанію ихъ.

Приготовленія къ празднованію Божича начинаются наканунѣ Сочельника, въ такъ-называемый *Туцин-дан* (туцати—закалывать). Въ этотъ день на зорѣ собираются изъ всего дома стулья и скамьи и прячутся на чердакъ или въ какое-либо другое мѣсто, чтобы на Бадній день ихъ не трогали, иначе скоту угрожаетъ хромота; прячутъ также желѣзные кочерги, щипцы и треножникъ, на которомъ ставятъ котелъ, и все замѣняютъ деревянными. Въ этотъ же день убиваютъ поросенка, предназначеннаго для *печеницы* (жаренаго), кускомъ соли,—въ Сербіи употребляютъ исключительно каменную соль, — на который и собирается кровь отъ заколотого животнаго. Соль эту даютъ потомъ скоту, чтобы былъ

здоровъ и плодился. Кто кого-либо на Туцинь день или на Бадній день ударить, будетъ въ наступающемъ году страдать отъ чирьевъ: потому въ этотъ день дѣти шалать беззаботно, зная что ихъ никто не смѣетъ тронуть. Не слѣдуетъ также въ эти дни поминать о вѣдьмахъ, вампирахъ, чертахъ и всякой нечистой силѣ; брань приноситъ несчастье; надо избѣгать даже дурныхъ словъ, всѣмъ должно быть весело и приятно: такъ въ Бадній день не скажутъ про жареное „окрени“ (поверни), а „весели“, не скажутъ даже „завылъ волкъ“, а „завеселился весельчакъ“.

На *Бадній день* до восхода солнца хозяинъ идетъ въ лѣсъ и выбираетъ *баднякъ*; найдя молодое *дубовое* дерево, онъ намазываетъ медомъ или посылаетъ лшеницею мѣсто гдѣ хочетъ рубить, и обращаясь къ дереву говорить: „добро утро, *бадняче*, наш милы батолѣ, да си нам жив и здрав, младичу“. * На это кто-либо другой отвѣчаетъ за *баднякъ*: „сеците нас ту и ту с те и те стране. Ту е наша старост и смрт“. ** Въ Черногоріи, подойдя къ выбранному заранѣе дереву, *доматинъ* снимаетъ шалку, крестится на востокъ и начинаетъ рубить говоря: „помози ми Боже и Божичу.“ По тому какъ упалъ *баднякъ* и какъ отломился, гадаютъ счастливъ ли будетъ годъ или нѣтъ: если обрубокъ выступаетъ *клиномъ*—счастье, если выемка—дурной годъ.

Рубятъ дерево только съ одной стороны, потомъ сваливаютъ однимъ ударомъ; уласть *баднякъ* долженъ непременно на востокъ, иначе принимаютъ за другое дерево; домой приносятъ *баднякъ* хозяиномъ или самымъ почитаемымъ въ домѣ человекомъ и прислоняется къ кровлѣ; при этомъ поютъ:

Ето нама милог Бога,
Младича Божица,
Младича Божица!
И са њиме свако добро,
Младича Божица,
Сварожица Божица!
Свако добро, свака сретя,
Сварожица Божица,
Сварожица Божица! ***

* То-есть: доброе утро, *баднякъ*, нашъ милый братецъ (или батюшка), будь намъ живъ и здоровъ, молодецъ!

** То-есть: рубите насъ тамъ и тамъ, съ той и той стороны. Тутъ шла старость и смерть.

*** То-есть: вотъ намъ милый Богъ, молодой Божиць, молодой

Вершина отъ срубленнаго дерева улотребляется иногда вмѣсто кочерги, а потомъ хозяйка привязываетъ къ ней связку льна и бросаетъ на крышу; въ Босніи этой верхнею вѣткой обмахиваютъ домашній скотъ на привязи, приговаривая: „пошумкамъ я тебе, докъ вьнеси мене, и да те пошумка никадъ шумковацъ, да насъ сачува Богъ и Св. роделье Христово и на овай веселякъ, да будете вазда здраво и весело. Аминь“.*

Въ Черногоріи, возвращающагося съ баднякомъ хозяйка хозяйка встрѣчаетъ у воротъ держа въ одной рукѣ пшеничный *колач* (родъ пирога), а въ другой стаканъ вина; „добро утро и честитъ ти Бадній дан!“ говоритъ она ей, а она отвѣчаетъ: „добра ти сретя и с тобомъ за едно и они и сваки други!“ ** Потомъ *доматинъ* откусываетъ съ трехъ сторонъ *колача* по куску и заливаетъ виномъ.

Въ это же время на дворѣ приступаютъ къ жаренью на канути убитаго поросенка, получающаго названіе *печеницы*, *божуръ*, *заоблицы* или *веселицы*; въ Герцеговинѣ его называютъ печенью, *погачею* (прѣсная лепешка), жиромъ, изюмомъ и однимъ померанцемъ; иногда же лѣтучомъ, въ котораго зашито яйцо, и жарятъ пока яйцо не лопнетъ—тогда печеница готова. Натыкая поросенка на вертелъ—длинную деревянную жердь—и снимая стрѣляютъ изъ ружей и листолетовъ. Изжарить хорошо печеницу не легко; надо чтобъ огонь былъ сбоку, чтобы дымъ относился въ сторону, чтобы жаръ былъ ровный; лучше всего жарить надъ ямой, наполненной виноградною лозой, которой дають перегорѣть: она потомъ долго держитъ жаръ. Тотъ кто жарилъ печеницу не долженъ въ продолженіе мѣсяца кормить скотину: въ противномъ случаѣ она будетъ болѣть и бѣситься. Во время жаренья печеницы поютъ лѣсни, напримѣръ:

Божиць! и съ нимъ всякое добро, молодаго Божица, Сварожица Божица!
всякое добро, всякое счастье, Сварожица Божица, Сварожица Божица!
(Милоевичъ, Песне и обичаи).

* То-есть: обмахну я тебя, пока не ты меня, и да не обмахиваетъ тебя никогда „шумковацъ“ (родъ растенія), да сохранить насъ Богъ и Св. Рождество Христово и на этотъ веселякъ (баднякъ), да будете всегда здоровы и веселы. Аминь.

** То-есть „доброе утро и счастливый тебѣ Бадній день“. Отвѣтъ: „доброе тебѣ счастье и съ тобою вмѣстѣ и этотъ и всякій другой (день)“.

У Божича три ножича,
 Ой Боже ле
 Ой Боже мой!
 Едакъ свече леченицу,
 Ой Боже ле и т. д.
 Други свече гиваницу,
 Ой Боже ле и т. д.
 Трети ружеже чесницу,
 Ой Боже ле
 Ой Боже мой! *

Когда смерклося, насъ позвали смотрѣть какъ внесуть *баднякъ*. Наполнивъ мѣшокъ соломою, хозяйка три раза обходила вокругъ дома съ ребятишками, кудахтая какъ насѣдка; они же пищали какъ цыплята: квохъ, квохъ, квохъ; вью, вью, вью, слышались голоса, смолкавшіе при нашемъ приближеніи; войдя въ комнату гдѣ горѣлъ очагъ, хозяйка и дѣти разбросали по полу солому, котарая должна пролежать три дня и быть сожжена въ сливнякѣ, чтобы хорошо уродились сливы; на солому бросали орѣхи, которые дѣти слѣпили подбирать, продолжая подражать лиску цыплять.

Въ Босніи рассылаютъ солому по всему дому, приговаривая: „Куд год се просилала ечмена слама, развила се Христова слава! Нашем доматину и дому и свему роду христьянскоме даровао Господ Бог мир, благодет и славу до вѣка.“ ** Свясла съ этихъ словъ соломы сохраняются до Рождества, и послѣ обѣда, свернувъ ихъ кругомъ, рассылаютъ по нимъ зерна и кормятъ домашнюю птицу, приговаривая: „Какъ вмѣстѣ кормились, такъ вмѣстѣ и неситесь,“ или „какъ куры вмѣстѣ кормились, пусть такъ и овцы вмѣстѣ ягнятся.“

Когда солома была разбросана по-полу и всѣ домашніе собрались, все стихло и хозяйка, надѣвъ рукавицы и шалку, вошелъ, неся *баднякъ* комлемъ впередъ, и сказалъ: „Добро вам вече и честит Божич,“ а хозяйка съ *прочелья* (красный уголь) отвѣчала ему: „А ти жив и здрав био,“ *** и

* То-есть: у Божича три ножичка, ой Боже ле и пр. Одинъ рѣжетъ *леченицу*, другої *гиваницу* (родъ сырниковъ), третій *чесницу* (сдобная лепешка), ой Боже и пр.

** То-есть: гдѣ рассыпалась ячменная солома, пусть развивается Христова слава! Нашему *доматину* и дому и свему роду христьянскому даруй Господь Богъ миръ, благодать и славу на вѣки.

*** То-есть, добрый вамъ вечеръ и счастливый Божичъ; отвѣтъ: „А ты будь живъ и здоровъ.“

стала посылать своего мужа разнымъ зерномъ и особенно пшеницею, въ которой съ утра лежала первая щелка отъ бадняка.

На огонь бадняка кладутъ такъ чтобы комель выступалъ наружу и надъ нимъ цѣлуются ластухи, чтобъ овцы любили своихъ ягнятъ; этотъ же конецъ бадняка цѣлуютъ и входящiе въ домъ, и намъ говорили что въ старину произносили, обращаясь къ бадняку, особую молитву, повторить которую однако намъ не могли. Въ Гружѣ, юго-восточной части Шумадии, баднякъ мажутъ медомъ, который дѣти облизываютъ. За горѣниемъ бадняка слѣдятъ внимательно и обѣщаютъ ягненка тому кто первый замѣтитъ что онъ перегорѣлъ. Между обгорѣвшими кусками проходятъ, приговаривая: „Прoшелъ между двухъ огней и третьяго не боюсь“. Всѣ кто это дѣлали не боятся въ теченiе года горячки; въ нѣкоторыхъ домахъ мальчики прыгаютъ черезъ перегорѣвшiй баднякъ, чтобы плодились телята, ягната и лестрыя ярки. Когда вносятъ баднякъ, въ Боснiи говорятъ: „добра вече, честита бадня вече“; на что отвѣчаютъ: „дао вам Бог добро! честите вам душе и честите вам веселяци (бадняци) билу.“* Поютъ также лѣсни, напримѣръ:

Божиц, Божиц бата
Носи куту злата
Да позлати врата,
Обоа поболе
И сву кутю до края.**

Въ Герцеговинѣ, положивъ баднякъ на огонь, стрѣляютъ изъ ружей и хозяинъ держась за баднякъ поетъ:

О-ой! добро нам вечер умркнуао,
А на боле ютро освануао;
Добро ютро, Христово Рожанство,
Сваког нам добра донцело,
А найвше здравла и весела.***

* То-есть, добрый вечеръ, счастливый Бадний вечеръ. Отвѣтъ: „Дай вамъ Богъ добро, да будутъ счастливы ваши души и ваши бадняки.“

** То-есть, Божицъ, Божицъ братецъ несетъ лучекъ золота чтобы позолотить двери, обѣ полудне и весь домъ до края.

*** То-есть, хорошо намъ вечеръ смѣркаса, а чтобы лучше утро свѣтало, хорошее утро, Христово Рождество, всякого бы намъ добра примесало, а всего больше здоровья и веселья.

Хозяйка мажетъ баднякъ масломъ, чтобы сливки густо смалились на сколахъ и чтобы много выходило масла.

Въ Шумадиі, какъ и въ Черногоріи, кладутъ только *одинъ* баднякъ, въ Босніи *три* и *пять*, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ по числу живущихъ въ домѣ; въ Подибрѣ три бадняка, изъ которыхъ одинъ называется *баднякъ*, другой *бадчица*, а третій ихъ *дитя*. Видѣнный нами баднякъ былъ всего вершковъ пяти въ комлѣ, но въ Герцеговинѣ срубаютъ дѣлая деревья, которыя на трехъ или четырехъ парахъ воловъ волокутъ въ самый домъ и оставляютъ у очага, выходящая воловъ въ противоположныя двери. Иногда внесшій баднякъ *доматинъ* „наливаетъ здравцу“, то-есть льетъ здоровье своихъ домашнихъ; въ Черногоріи же, положивъ баднякъ, онъ дѣлаетъ на немъ застѣвку ножемъ и отрѣзавъ кусокъ подаваемой ему *погачи* (лепешки), кладетъ на застѣвленное мѣсто, лодивая виномъ изъ глинянаго сосуда, *кращае*, говоря: „здрав бадняче, веселяче! ми теби вина и погаче, а ти намъ здравля, мира, мушке дече, рода, плода и сваке добре сrete.“* Потомъ самъ доматинъ, а за нимъ вся семья по старшинству, отливаютъ по немногу вина; въ это время трѣпаютъ. Обычай эти соблюдаются по всей Черногоріи и а Цетиньѣ владѣтельный князь Черногоріи вноситъ самъ баднякъ во дворецъ свой.

Положивъ баднякъ на огонь, его трижды двигаютъ впередъ; когда же онъ перегоритъ, то надѣвъ рукавицу берутъ верхній кусокъ, обносятъ вокругъ ульевъ и кладутъ на какую-нибудь молодую сливу или яблоню, чтобы хорошо уродились плоды. Въ Рисанѣ (Risano, въ Бокѣ Которской) бадняки крашаютъ лаврами, а въ Герцеговинѣ на Бадній день-весь день убираютъ плющемъ и зеленью, и даже на нивахъ втыкаютъ вѣтки дуба и плюща, чтобы хлѣба были зелены, какъ плющъ, и густы, какъ дубовый листъ.

Стадо въ этотъ день гоняютъ особыми прутьями, называемыми *малыми бадняками*, и которые должны быть сръбны непремѣнно нечетнымъ числомъ ударовъ ножа. Пастухи держатъ свои стада врозь, не разговариваютъ другъ съ другомъ и домой пригоняютъ скотъ поздно, когда уже смерк-

* То-есть, будь здравъ баднякъ веселякъ! Мы тебѣ вина и погаче, а ты намъ здоровья, мира, дѣтей мальчиковъ, уржаа, плодовъ и какого хорошаго счастья.

нется; *доматинъ* выходитъ къ воротамъ и становится по одну сторону, *пастухъ* по другую; оба держатъ въ рукахъ зажженные восковыя свѣчи и *скотъ* проходитъ между ними; *пастухъ* считаетъ его своимъ прутомъ, малымъ бадьякомъ, а *доматинъ* молится Богу, чтобы стадо не подверглось дурному глазу; потомъ *пастухъ* беретъ отъ хозяина огниво, стискиваетъ зубами и говоритъ: „сколько я повредилъ этому огниву зубами, пусть столько же вреда будетъ нашему дому отъ злыхъ людей, а нашему скоту отъ волковъ“. Въ Боснии *пастухи* ломаютъ приготовленный для нихъ *колачъ* на головѣ перваго вошедшаго во дворъ домашняго животнаго. Этотъ *колачъ*, называемый тогда *навратнякъ*, дается *пастуху* хозяйкой у самыхъ воротъ: она поверачиваетъ *колачъ* въ рукахъ и *пастухъ* долженъ зубами выхватить три куска, которые онъ прячетъ за поясъ, а на другой день, то-есть на Рождество, смѣшавъ съ солью, даетъ скоту, чтобы и тотъ разговѣлся.

Когда кончились всѣ обряды съ бадьякомъ, мы возвратились въ отведенную намъ комнату, гдѣ начались приготовления къ *вечеру*, то-есть ужину; хотя по обычаю *вечера* должна бы происходить у очага гдѣ горитъ бадьякъ, но во избежаніе тѣсоты, она была устроена въ нашемъ помѣщеніи, какъ самомъ удобномъ.

Бадній вечеръ долженъ быть веселъ; вотъ какъ описывается его въ *Горскомъ Вѣнцѣ* Владыка черноморскій:

Огонь пылаетъ лучше чѣмъ когда-либо,
 Передъ огнемъ разложена солома,
 На огнѣ перекрещены бадьяки,
 Ружья стрѣляютъ, вертится жаркое,
 Гудятъ *гусли*, поютъ хороводы,
 Со звуками дѣды пляшутъ,
 По три колѣна вертятся въ хороводѣ,
 Сказалъ бы что все однопѣтки!
 Все радостью дивной сравлено;
 А что больше всего нравится,
 Что всякому надо *наздравить* (пить за здоровье).

Пока *доматица* съ дочерьми хлопотала объ ужинѣ, мы

* *Гусли* — малодлинъ съ одной волосаюю струною, на которой играютъ смычкомъ.

отали разспрашивать доматина объ его житьѣ-бытьѣ. Вотъ что мы узнали: домъ въ которомъ мы находились второй или третій по богатству въ селѣ; семья состоитъ изъ двухъ братьевъ, изъ дѣтей и внучатъ; всего въ семьѣ двадцать два человѣка; братъ *доматина* елужилъ въ регулярномъ войскѣ, грамотенъ и теперь *кметомъ*, то-есть старшиною въ селѣ, но въ домѣ онъ непрекословно подчиняется своему старшему брату, ведущему все хозяйство; о количествѣ принадлежащей дому земли намъ не могли сказать ничего положительнаго. Земли въ Сербіи не только не размежеваны, но даже и не вымѣрены приблизительно и черезлосица страшная; считаются земли *дьями оранья*, пашни, но попятно что количество вслаханной въ день земли значительно развится и зависитъ отъ почвы, пахаря, воловъ, времени года. Доматинъ нашъ свѣтъ преимущественно пшевицу, но также конолю и кукурузу; у него до 20 головъ рогатаго скота, 65 свиней, 85 овецъ и, что главное, нѣтъ долговъ. Вообще Риланъ на этотъ счетъ счастливое село: въ немъ едва наберется человѣкъ двадцать задолжавшихъ, да и то незначительно, между тѣмъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сербіи у рѣдкаго поселянина не заложена и не перезаложена земля, а до какой степени это разорительно, можно судить зная что въ Княжествѣ *законный* и наименьшій ростъ 12%, а по 20% и 30% легко можно погнѣстить деньги безъ особеннаго риска; такъ-называемые *зеленаши*, ростовщики, покупающіе хлѣба на кормю, зелень, составляютъ одну изъ язвъ сельской промышленности въ Сербіи и разныя мѣры правительства пока остались безплодными. Вообще благоденствіе сельскаго населенія въ Княжествѣ нельзя нигдѣ приписать особенному трудолюбію или предприимчивости: нерасположеніе къ земледѣлію, несмотря на плодородіе почвы, веденіе его самими первобытными способами и предпочтеніе оказываемое скотоводству и садоводству, показываютъ склонность сербскихъ поселянъ къ болѣе легкому, хотя бы и менѣе производительному, способу добыванія денегъ и нежеланіе разставаться съ вѣковыми привычками. Но не имѣя ни трудолюбія Болгаръ, ни предприимчивости Грековъ, Сербы отличаются двумя несомнѣнными качествами, бережливостью и умѣренностью. Этимъ-то медленнымъ, но вѣрнымъ путемъ и составляются состоянія; хорошо когда накопленныя деньги идутъ на покупку земли

или скота, но плохо когда Сербъ-поселянинъ открываетъ лавочку: незнакомый съ торговымъ дѣломъ, онъ обыкновенно разоряется.

Но вотъ и ужинъ готовъ. Столъ по обычаю накрытъ мѣшкомъ въ которомъ берегутъ зерно, а подъ мѣшокъ положена солома, чтобы былъ урожай; блюда, конечно, постылыя, безъ рыбы. Посреди стола разложены *колачи бадняг дана*, постылыя лепешки, наши сочни, изъ которыхъ каждая имѣетъ свое значеніе и которыя съ утра лежали въ ситѣ съ разнымъ зерномъ; одна изъ нихъ называется *ораница*, нива: она больше всѣхъ другихъ, величины съ большой коровай, но всего пальца въ два толщины, и по ней проведены ножомъ восемь полосъ, представляющія борозды на нивѣ; *доматица* объявила намъ что онѣ значатъ: первая борозда пахарю, вторая—пшеница, третья—кукуруза, четвертая—ячмень, пятая—овесъ, шестая—просо, седьмая—счастье, осьмая — здоровье. Около *ораницы* лежитъ *кошница*, пчела, лепешка на которой шарики изъ тѣста представляютъ ульи; наконецъ *соловь*, печенье состоящее изъ двухъ продолговатыхъ кусковъ, соединенныхъ узкою полоской тѣста, и представляющее запряженныхъ въ ярмо воловъ. Пекутъ также *колачи* изображающіе мелкій скотъ, домашнюю птицу и т. п. и кромѣ того по *колачу* на всякого въ домѣ; *колачи* эти различаются видами и названіемъ: предназначаемые для мушницъ имѣютъ видъ рѣдкы и называются *кыак*, * предназначаемые для женщннъ похожи на залетѣнную косу и называются *плетенкуы*.

Посреди стола въ высокомъ подсвѣчникѣ была поставлена восковая свѣча; *доматинъ* взялъ кадильницу, глиняную чашечку на подставкѣ, которая есть во всякомъ сербскомъ домѣ, покадилъ предъ образами и предъ всякимъ изъ насъ, а одинъ изъ домашнихъ, учащійся въ школѣ мальчикъ, прочелъ по книгѣ слѣдующія молитвы: Царю Небесный, Святый Боже, Отче нашъ и Богородице Дѣво; при этихъ молитвахъ должны присутствовать всѣ домашніе безъ исключенія, даже грудными дѣти, и размѣщаться по старшинству, мушницы впереди.

Нашъ хозяинъ ограничился приведенными мною молитвами, но обыкновенно *доматинъ* при этомъ случаѣ самъ сочиняетъ молитву, приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Во имя Отца и Сына и Св. Духа! Со страхомъ помолимся

* То-есть, кій, дубина, также кукшъ.

Господу Богу и Святой Богоматери. О Боже, помоги мнѣ глулому и безумному; прости мои согрѣшенія; помоги мнѣ, Боже, молю Тебя превеликимъ именемъ Твоимъ! Боже, молю Тебя, помоги моей семьѣ, Св. Лука (или какой другой святой), мой Святитель, Св. Никола путникъ и странникъ, молю Тебя, помоги мнѣ на всякомъ пути въ темномъ лѣсу и въ мутной водѣ! Господи, сохрани меня отъ нечистаго и отъ его нечестивой силы! Жаркое солнце на восходѣ, а Господь Богъ на помощь! Прости мнѣ Господи мои согрѣшенія и беззаконія! Даруй мнѣ удачу и успѣхъ, сохрани меня отъ скорби и налести, и моихъ домашнихъ, и мой скотъ, которыми я кормлюсь, отъ всякаго зла оборони. Съ нами Богъ, и крестъ честной, и ангелы Божіи, и всѣ угодники Божіи!“ Женщины молятся обыкновенно такъ: „Помоги мнѣ Св. Богородица, Св. Петка (Пятница) и Св. Недѣля (воскресенье)! Завтрашнее утрошко и яркое воляшшко, на радость мнѣ покажитеся!“

Помолясь Богу, мы сѣли за столъ, то-есть мы, гости, хозяинъ и братъ его; ихъ старшія дочери, дѣвушки лѣтъ шестнадцати, прислуживали намъ; хозяйка хаолотала и страдала на завтрашній праздникъ. Вообще женщины въ селѣ не садятся за столъ, а только прислуживаютъ своимъ мужьямъ. Ужинъ начался съ ломленія описаннаго мною *колача ораницы*; мы всѣ разомъ взяли его одною рукой, правою, и поворачивая справа на лѣво старались отломить кусокъ: кому достанется больше, тому годъ сулитъ счастье. Е. Е. Голубинскій отломилъ чуть не половину *колача* — надѣюсь что доброе предзнаменованіе оправдалось во время путешествія почтеннаго профессора по Святымъ Мѣстамъ.

Въ Сербіи, какъ и въ Малороссіи, на Сочельникъ набожные люди не ѣдятъ до звѣзды; за то ужинъ въ этотъ вечеръ состоитъ изъ множества блюдъ, въ числѣ которыхъ непременно должна быть *варица*, смѣсь ячменя, пшеницы, гороха, бобовъ, кукурузы, проса съ сухими сливами, яблоками, орѣхами, словомъ, тотъ же *узваръ* который бывало въ дѣтствѣ я съ такимъ наслажденіемъ ѣдалъ въ Украинѣ.*

За ужиномъ гадаютъ: вытаскиваютъ изъ-подъ мѣшка, покрывающаго столъ, солому и по длинѣ соломинки и величинѣ колоса судятъ о будущемъ урожаѣ; по орѣхамъ,—необходи-

* По другимъ мѣстностямъ *кутъя* или *сладкая кашуца*.

т. схиш.

мой принадлежности ужина,—гадаютъ такимъ образомъ: три орѣха кладутъ на деревянное блюдо, наполненное виномъ или водкою съ медомъ, потомъ вынимаютъ и замѣтивъ одинъ на *здоровье*, другой на *плодъ*, третій на *родъ*, бросаютъ въ три угла комнаты, а послѣ ужина или обѣда, если гадаютъ въ день Рождества, разбиваютъ эти орѣхи; если который-нибудь окажется пустымъ, то годъ будетъ неудачный; берутъ также орѣхъ въ руку и просятъ Бога чтобы былъ полонъ домъ какъ орѣхъ. Разказываютъ что одинъ хозяинъ, взявъ орѣхъ, сталъ говорить: „Дай Богъ и Божичъ, чтобы какъ этотъ орѣхъ полонъ, также былъ бы полонъ мой домъ всякого счастья, кошель денегъ, амбары жита, подвалы масла и сыра; чтобы, какъ этотъ орѣхъ, была полна хлѣва овецъ, козъ, коровъ и лошадей!“ Потомъ онъ разбилъ орѣхъ, но орѣхъ оказался пустымъ. Перепуганная хозяйка вскочила и завопила изо всѣхъ силъ: „Не чуи, Боже, што лас дае“, то-есть не слушай Боже что ласъ даетъ.

Въ Босниі за ужиномъ на Сочельникъ льютъ здравицы, какъ и на Божичъ, и поютъ разныя пѣсни. Приведу слѣдующую. Въ ней передается разговоръ солнца съ утреннею звѣздой:

Яркое солнце зарницу (утреннюю звѣзду) подзываетъ:

„О, зарница, моя сестрица!
 Я зову тебя и молю братски,
 Завтра намъ Христово рожденье,
 Когда зарею на востокъ выйдешь,
 Обожди меня на востокѣ, сестрица,
 Надо завтра играть на весельѣ.“
 Сестра брата своего посаушала
 И зарница обождала солнце,
 Встрѣтилась съ братомъ на весельѣ.
 Когда увидѣла Христово рожденье,
 Отъ радости трижды выгнала,
 Всѣ по раду: на востокѣ солнце
 И съ нимъ зарница-сестрица
 И остальные по лебу звѣзды.
 Рядомъ поютъ зарница и солнце:
 Слава Богу и Богородицѣ!
 Чудно украсилось веселье,
 И на здорье роду христіанскому,
 Чтобы славно славилъ его во вѣки.

Въ нѣкоторыхъ сербскихъ мѣстностяхъ и до сихъ поръ

ходятъ *колядовать*, но въ Княжествѣ обычай этотъ уже исчезъ; колядующихъ собирается обыкновенно семь человекъ, и число ихъ должно быть всегда нечетное: одинъ изъ нихъ *коледъ*, и носить на головѣ *самуръ-капкаъ*, мѣховую шапку. Колядующіе ходятъ по домамъ и собираютъ дары; имъ даютъ солонины, колбасъ, ветчины, а иногда на смѣхъ орѣховъ, что ихъ сердить, такъ какъ имъ нѣтъ охоты разгавливаться постнымъ. Обычай колядовать существуетъ не только у Сербовъ православныхъ и католиковъ, но и у Сербовъ магометанъ, которые въ Босніи ходятъ по домамъ съ тамбурой, и поютъ тѣ же пѣсни, но не собираютъ даровъ. Г. Милоевичъ издалъ пятнадцать коледскихъ пѣсенъ, преимущественно изъ Старой Сербіи, и въ сборникѣ Вука напечатано восемнадцать. Пѣсни эти очень своеобразны, но такъ какъ онѣ не всѣ записаны самимъ издателемъ, то должны быть принимаемы съ осторожностью, тѣмъ болѣе что упоминаемый въ нихъ *Божичъ Сварожичъ* не встрѣчается, насколько мнѣ извѣстно, ни въ одномъ изъ другихъ сборниковъ пѣсенъ.

Когда колядующіе собираются, они поютъ:

Ми дойдсмо, Коледо,
Коледо!
Нашем цару, Коледо,
Коледо!
Нашем цару, Коледо, и т. д.
Младом богу, Коледо,
Младом цару, Коледо,
Том Божичу, Коледо,
Сварожичу, Коледо,
Сварожичу Божичу,
Коледо!

Когда колядующіе входятъ въ домъ, они поютъ:

Ой ти аспа Коледу,
Коледу! (повторяется послѣ каждого стиха).
Ой ти веаь Коледу,
Мили Божо Коледу,
Наш ти мили Коледу,
Сварожичу Коледу,
Наш Божичу Коледу,
К нама, к нама, Коледу,
Нашем дому, Коледу,
К нашем тору, Коледу,
К нашим кивам, Коледу,
Коледу!

Узнавъ о прїѣздѣ гостей, къ нашему хозяину пришелъ его старшій братъ, живущій отдѣльнымъ домою, и сосѣдъ, и кумъ его Миланъ. Сначала разговоръ не клеился, но мало по малу всё разговорились и мы стали толковать и о старомъ и о новомъ, и о поствѣяхъ, и о *Студеной Руси*, о Туркахъ и о начальствѣ....

Хотя сербскій поселянинъ при случаѣ и прикидывается простакомъ, бѣднякомъ, охотно жалуется на свое *сиромашество* (бѣдность), но въ сущности въ немъ весьма развито чувство равноправности, ему едва понятно различіе словій. Освободясь отъ Турокъ, всё Сербы были почти на одномъ уровнѣ образованія и богатства, или, вѣрнѣе, невѣжества и бѣдности; между ними, правда, выдѣлились нѣсколько человекъ, но выдѣлились личными заслугами и не успѣли создать могущественныхъ родовъ; большинство сербскихъ *великашей* не оставили ни власти, ни богатства даже своимъ сыновьямъ и потомки ихъ совершенно неизвѣстны.

Относительно своего начальства Сербъ послушенъ, почтителенъ, но не искателенъ, а какъ только дѣло кончено, какъ только начальникъ дѣлается, на примѣръ, его гостемъ, простой поселянинъ становится непринужденнымъ въ обхожденіи; онъ шутитъ съ своимъ *капитаномъ* (среднее между ставнымъ и исправникомъ) какъ съ равнымъ, онъ угощаетъ его какъ своего пріятеля, сохраняя впрочемъ всегда нѣкоторое достоинство, нѣкоторую серіозность, никогда не покидающую простаго Серба. Для меня, во время моихъ путешествій по Сербіи, разговоры со старыми поселянами были всегда большимъ наслажденіемъ, и я не могъ достаточно налюбоваться прямою взглядовъ, осторожностью и даже хитростью вопросовъ, ловкостью отвѣтовъ, а особенно изящностью и живостью выраженій. Куда дѣваются всё эти качества въ такъ называемой образованной молодежи? воспитанные въ Парижѣ или въ Вѣнѣ, эти молодые люди, въ большинствѣ случаевъ, теряютъ связь съ своимъ народомъ; выучась плясать кадрили въ *Val-Mabil* и вальсировать въ вѣнскихъ танцъ-классахъ, носить модные воротнички и изящные галстуки, они считаютъ себя въ правѣ съ пренебреженіемъ смотрѣть на свой народъ. Одни изъ нихъ пытаются создать какую-то чиновническую аристократію, думая что для этого достаточно пересылать свою рѣчь французскими фразами; другіе считаютъ себя призванными быть пророками въ сво-

емъ отечествѣ и знакомить его съ „идеями Запада“, начиная съ социализма или эманципациі женщины, а также толковать объ интересахъ и требованіяхъ народа, который еще менѣе знаетъ своихъ непрошенныхъ защитниковъ, чѣмъ они его нужны.

Но возвратимся къ нашему ужину. Хотя коледованья и не было, но вечеръ безъ лѣвня не обошелся, да и мыслима ли сербская вечеринка безъ лѣвни? Кумъ Миланъ оказался мастеромъ *гудѣть на гусляхъ* и лѣть лѣвни. Правда, онъ сначала поломался,—безъ этого нельзя уже,—увѣрялъ что гусли не хороши, что не въ голосъ онъ, что не знаетъ что лѣть, но нѣсколько стакановъ вина и наши уговариванья заставили его затянуть одну изъ тѣхъ однообразныхъ по налѣву, лишенныхъ можетъ-быть музыкальной прелести, но столь живыхъ и живописныхъ по содержанию лѣвней. Кому приходится слушать сербскую лѣвню, не понимая вполнѣ смысла ея, на того заунывный голосъ, вѣчно повторяющійся послѣ нѣсколькихъ стиховъ и не менѣе заунывный мотивъ на гусляхъ наводятъ тоску и скуку; но кто можетъ слѣдить за разказомъ, того невольно увлекаетъ яркость красокъ и простота изложенія, тотъ невольно переносится за лѣвцомъ въ міръ, гдѣ подъ облаками носятся вилы-волшебницы, гдѣ на своемъ вѣрномъ конѣ Шарцъ краевичъ Марко совершаетъ богатырскіе подвиги, въ тотъ міръ поэзіи и народнаго творчества гдѣ отразилось и запечатлѣлось на вѣки все пережитое Сербскимъ многострадальнымъ народомъ, гдѣ доселѣ поминается съ благодарностью просвѣтитель Сербіи Св. Савва, съ гордостью—царь Душанъ, гдѣ оплакивается горькими слезами гибель Сербіи на Косовомъ полѣ, гдѣ не забыты боровшіеся противъ турецкаго ига *гайдуки*, гдѣ прославлены Кара-Георгій и Милошъ Обреновичъ, разбившіе турецкія оковы. Нельзя утомиться слушая такую лѣвню, слѣдя за впечатлѣніемъ производимымъ на Сербовъ, неграмотныхъ поселянъ или образованныхъ людей, все равно. Поетъ ли лѣвня объ удачныхъ подвигахъ славныхъ юнаковъ, Сербъ подбоченясь крутитъ свой усъ; разказываетъ ли страданія *райи* подъ турецкимъ игомъ, Сербъ опустивъ голову слушаетъ вздыхая, трипоминная время которое можетъ-быть пережилъ самъ; запутитъ ли лѣвня—и онъ засмѣется; пошлетъ ли проклятье

врагамъ и измѣнникамъ—и онъ прибавитъ свое крѣпкое слово...

Пѣвнѣ пѣсенъ не составляетъ у Сербовъ ремесла; есть, правда, свѣдцы въ Сремѣ и Банатѣ живущіе исключительно пѣніемъ, но въ Княжествѣ, а особенно въ Герцеговинѣ, въ рѣдкомъ домѣ нѣтъ гуслей и всякій болѣе или менѣе хорошо умѣетъ слѣть пѣсню.

Миланъ оказался мастеромъ своего дѣла; понемногу онъ разошелся, сталъ выводить такія высокія ноты что ему могла позавидовать любая изъ дѣвушекъ, и пѣть такія чертовщины что хозяйка стала отлеживаться, ребятки фыркать и даже доматыя разумники улыбаться; пролѣвъ онъ намъ какъ погибъ гайдукъ Раде изъ Сокола, обманутой Туркомъ побратимомъ Ашин-бегомъ, и какъ ужасно отомстил за него его товарищи; какъ голый дервишъ похитилъ дочь богача Османъ-аги, какъ женился Іово Сараїлія... „Еще одну, еще одну,“ уговаривали мы его, ну-ка, Миланъ, еще одну; „деде, Милане, пошъ одну“, прошамкалъ старшій братъ нашего доматина. Миланъ хлебнулъ вина, откашлялся и затянулъ пѣсню о князѣ Михаилѣ, объ его заслугахъ предъ народомъ, объ его ужасной смерти въ Толчидери подъ ножомъ убійцъ:

Прокаетъ био и ко ихъ родно,
 Прокаетъ био ко ихъ маучно,
 Прокаетъ био ко ихъ послушаю
 И ко трагомъ ѡхивомъ пошао!.. *

Закончилъ онъ свою пѣсню. Посыпались проклятія на измѣнниковъ: „Дря нимъ образъ био!“—почернѣй ихъ лицо—и благословенія на князя: „Богъ му душу опрости, лака му земля била!“ то-есть прости Боже его душу, пусть легка ему земля будетъ, а кое-кто изъ слушателей украдкою утеръ слезу. Чья это пѣсня, кто ея сочинитель, право не знаю, она стала пѣсней народной. Имя князя Михаила уже нашло свое мѣсто среди *юнаковъ* лавшихъ за сербство; всего четыре года минуло послѣ Толчидерскаго кроваваго дѣла, а уже личность князя получила легендарный характеръ, значительно укрупняющійся отъ исторіи; нельзя не замѣтить что ежели это обстоятельство выставляетъ силу эпического творчества въ

* То-есть: проклять будь кто ихъ родилъ, проклять будь кто ихъ маучилъ, проклять будь кто ихъ послушалъ и кто пошелъ по ихъ саѣдамъ.

Сербскомъ народѣ, оно наглядно доказываетъ насколько можно довѣрять сербскимъ былинамъ какъ историческому материалу.

Слушая пѣсни Милана, мы засидѣлись до полночи, а на другой день надо было подниматься рано; потому, осушивъ еще *чаю вина* и пожелавъ другъ другу *лаку* (легкую) *ночь*, мы простились съ приходившими гостями и расположились было спать, какъ вдругъ появилась хозяйка въ сопровожденіи двухъ другихъ женщинъ, несшихъ локанъ съ теплою водою и полотенца, и объявила намъ что надо, по обычаю, мыть гостямъ ноги; я отказался отъ этой чести, уговоривъ г. Милчевича исполнить обрядъ, чтобы не нарушать порядка. Наконецъ все успокоилось; и утомленный всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ, я, конечно, задремалъ бы скоро, еслибы одинъ изъ моихъ спутниковъ не толкалъ меня во снѣ въ бокъ, а другой не кашлялъ подъ ухо, но и они уговорились, а я уснулъ.

На дворѣ еще было темно когда насъ разбудили ружейные и пистолетные выстрѣлы, возвыцавшіе съ разныхъ концовъ села что наступилъ день Рождества Христова, Божицъ. Стрѣльба открывалась обыкновенно послѣ первыхъ пѣтушковъ и все въ домѣ слѣзши подаяться, начинаются *обряды Божицныя*.

Въ Босніи и Герцеговинѣ хозяинъ выходитъ первый къ воротамъ своего дома и *скажетъ*, то-есть кричитъ: „сіаѣ Боже и Божичу и нашему или нашей“—называя имена домочадцевъ. Тотчасъ кто-нибудь изъ дома идетъ за водою, въ Босніи непременно мужчина и въ рукавицахъ, потому что такъ прислуживали пастухи Богородицѣ, и подходя къ источнику говорить: „добро утро, водице, и честит ти Божицъ,“ а въ Старой Сербіи посылаютъ пшеницею, говоря: „ево ти знака Христова, па га однеси нашимъ умрлимъ (има рекъ) и кажи имъ за Христово Роденъе.“ * Водю этой всякій въ домѣ слѣзши умыться, что считается особенно здоровымъ. На этой же водѣ хозяйка мѣситъ *чесницу*.

Чесница — большая, слобная, пѣсная въ родѣ пряженца лелешка, въ которую вездѣ запекаютъ маленькую монету, а въ Гружѣ и Ужичкомъ окруживъ сдѣланныя изъ дерева

* То-есть: вотъ тебѣ знакъ Христовъ, отнеси его къ нашимъ покойникамъ и скажи имъ о Христовомъ Рожденіи.

изображенія овецъ, ульевъ, воловъ, плуга и принадлежностей разныхъ ремеслъ; въ Босниі залекаютъ гвоздь отъ подковы, солому и сыръ, и за обѣдомъ, когда рѣжутъ *чесницу*, то по этимъ замѣткамъ гадаютъ кому въ чемъ будетъ счастье: кому достанется монета—будетъ торговецъ, кому гвоздь—будетъ счастливъ въ коняхъ, кому сыръ—будутъ овцы, кому солома—урожай хлѣба. Замѣтивъ *чесницу*, хозяйка покрываетъ ее углями, кажда столько угольковъ сколько есть въ домѣ полевыхъ и разнаго рода имуществъ: уголь покрывшійся гуще другихъ волею предвѣщаетъ урожай соответствующаго ему полевья.

Намъ тоже дали умыться *Божичной водою* и потому хозяйка принесла *дремосины*, терновыхъ вѣтокъ, отъ которыхъ надо съѣсть нѣсколько почекъ для здоровья и закусить претертымъ *дулкою* (тыквою), чтобы толстѣть какъ тыква; все это надо залить *Божичною водою*.

Пока домашица и часть домашнихъ оставались стрелять обѣдъ, другіе стали снаряжаться въ церковь и нарядились въ самое лучшее платье; на дѣвучкахъ звенѣли цѣлѣе ряды двугривенныхъ и рублей, навианныхъ какъ ожерелье или монеты и влетенныхъ въ косы, а у молодыхъ вся голова была покрыта серебромъ, какъ шлемомъ. Намъ запрягли нашу телѣгу, *арабу*, и мы поѣхали въ церковь; начинало свѣтать, но туманъ былъ такъ густъ что не видать было черезъ улицу; нашъ извозчикъ не зналъ дороги и намъ пришлось взять изъ дому проводника, который шелъ предъ лошадьми съ зажженною свѣчей—такъ было тихо. По народнымъ примѣтамъ какова погода на Бадній день, такова и на мѣсяцъ предъ Юрьевымъ днемъ, а какова на Божичъ, такова и на весь слѣдующій мѣсяцъ.

По дорогѣ въ церковь мы остановились около дома одного пріятеля и кума г. Милчевича; въ этомъ домѣ нашъ путеводитель хотѣлъ быть *полажайникомъ*. Мы же рады были посмотреть эти обычаи.

Полажайникомъ или *полазникомъ* называется гость который первый войдетъ (взайтъ) на Рождество въ домъ; онъ приноситъ на весь годъ счастье или несчастье; въ однихъ мѣсяцѣхъ его приглашаютъ заранѣе, въ другихъ ежегодно приходитъ тотъ же самый, большею частію родственникъ или сосѣдъ. Тамъ гдѣ *полажайникъ* назначенъ заранѣе, прежде его и-

кто не смѣетъ войти въ домъ, и даже священникъ, приходящій съ крестомъ, останавливается и совершаетъ молебствіе въ домъ.

Въ Герцеговинѣ полажайникъ приходитъ послѣ обѣда и подходя къ дому стрѣляетъ изъ ружья и кричитъ издалека: „Христос се роди!“ а домашнѣ ему отвѣчаетъ: „Ва истину се роди!“ Когда онъ входитъ въ домъ всѣ должны встать и *мирбажиться*, т.-е. цѣловаться говоря: „Мир Божи и Христос се роди, покланяемо се светоме Христову Рожанству“; потомъ полажайникъ подвигаетъ головки бадняка къ огню, поливаетъ виномъ и подъ баднякъ кладетъ присесенное съ собой яблоко со вдавленной въ него монетою.

Въ Шумадиіи обычаи нѣсколько разнятся отъ герцеговинскихъ. Входя въ домъ, на зорѣ, полажайникъ говоритъ: „Христос се роди“ и сылетъ ло дому зерномъ присесеннымъ въ рукавъ; „ва истину се роди“, отвѣчаютъ ему хозяева и посылаютъ его лпеницею; потомъ онъ подходитъ къ бадняку, ему выносятъ кочергу, спрятанную еще на Туцинь день, и ударяя ею при каждомъ словѣ по горящему полѣну, чтобы летѣли во всѣ стороны искры, полажайникъ говоритъ: „А бадняче, веселаче, у добри час, да Бог да, оволико намъ здрава, мира, рода, лаода, весела, мушке деце и сваке добре сретѣ“, * или „оволико говеда, оволико копя, оволико коза, оволико оваца, оволико крмака, оволико трмака, оволико сретѣ и напредка.“ ** Иногда онъ становится на колѣни и цѣлуетъ потухшія головки бадняка, но обыкновенно кладетъ лишь въ лелезъ нѣсколько денегъ и садится на скамейку, тоже спрятанную на Туцинь день и которую выносятъ для него перваго; когда онъ хочетъ сѣсть, стараются выдернуть изъ-подъ него скамейку, чтобъ онъ сѣлъ на полъ—тогда насѣдки будутъ хорошо высиживать; иногда онъ привѣшиваетъ къ потолку свой *опанокъ* (родъ кожанаго лапта), желая чтобы такой вышины уродилась коноля; женщины покрываютъ полажайника самымъ толстымъ одѣяломъ или половою, чтобы густо собирались славки. Послѣ этихъ

* То-есть: а баднякъ, веселакъ, въ добрый часъ, дай намъ Богъ столько (сколько искръ) здоровья, мира, урожая, приплода, веселья, дѣтей мальчиковъ и всякаго добраго счастья.

** То-есть: столько коровъ, столько коней, столько козъ, столько овецъ, столько борововъ, столько ульевъ, столько счастья и успѣха.

обрядовъ онъ разглагольвается и идетъ домой, возвращается опять послѣ обѣда, и тогда его угощаютъ на славу, тѣмъ болѣе что ежели онъ нальется пьянъ, это принесетъ счастье дому; когда онъ уходитъ, ему дарятъ разукрашенный *колачъ*, кисо, всякая женщина по связкѣ льна, а взявшая деньги изъ-подъ бадьяка—варежки.

Какъ я уже сказалъ, мы заѣхали въ гости ни свѣтъ ни зоря, но все было на ногахъ, а хозяинъ ушелъ уже въ церковь. Г. Милочевичъ добросовѣстно совершилъ всѣ тѣ молажайные обряды которые въ обычаѣ въ Риппѣ, и мы поѣхали дальше, въ церковь.

Рипанская церковь заслуживаетъ особеннаго вниманія: она можетъ служить прекраснымъ образцомъ такъ-называемой *Осатанской постройки*. При первыхъ же попыткахъ освобожденія и въ тѣ короткіе годы услѣшной борьбы противъ Турокъ, подъ предводительствомъ Кара-Георгія, Сербы принялись обновлять свои храмы и строить новые; какъ въ то время, такъ и позднѣе, при князѣ Милошѣ, средствъ было весьма мало и церкви строились преимущественно деревянныя, латвники же приходили изъ Осата, около Сребреницы въ Босніи, и ихъ постройки, весьма искусныя, носятъ названіе *Осатанскихъ*. Рипанская церковь выстроена въ 1820 году; размѣры ея не велики и прежде всего поражаетъ ея высокая тесовая крыша съ острымъ гребнемъ, закругленнымъ съ востока и запада; вся церковь срублена изъ дубовыхъ бревенъ стесанныхъ въ стѣну; алтарь закругленъ очень искусно и еще удачнѣе сдѣланъ сводъ изъ узкихъ тесинокъ, подшитыхъ подъ крышу вмѣсто потолка; иконостасъ изъ многихъ иконъ одинаковой величины, окна узки и высоко прорѣзаны, двери весьма низки и отдѣланы рѣзбою изъ дерева; вдоль стѣнъ, по восточному обычаю, сдѣланы сидѣнья въ видѣ креселъ. Вся эта внѣшняя и внутренняя отдѣлка изъ того же потемнѣвшаго отъ времени дуба; гармонія цвѣта, отсутствіе пестроты, правильность пропорцій, безъискусственность исполненія, придаютъ Рипанской церкви печать изящества, заставляя забывать о томъ безвкусномъ стилѣ въ которомъ выстроены новыя сербскія церкви, что столь справедливо возмущаетъ всѣхъ путешественниковъ.

Когда мы вошли въ церковь, она была полна народу: впереди, какъ и у насъ, стояли мужчины, назади женщины.

Утренняя кончалась, благообразный священникъ служилъ весьма чинно, а пѣли ученики школы довольно согласно. Самая церковь съ зажженными лавикадилами и множествомъ свѣчей предъ мѣстными иконами, обливавшими свѣтомъ ея красивый иконостасъ, представляла праздничный видъ.

Служба въ Сербіи совершается съ нѣкоторыми особенностями: я замѣтилъ что „Отче нашъ“ и „Вѣрую“ читаютъ, а не поютъ, а такъ-называемые „блаженны“, напротивъ, поютъ, Евангеліе же читаютъ обратясь къ народу. При концѣ литургіи священникъ, выходя съ крестомъ и благословляя народъ, обратился къ нему, говоря трижды: „Христосъ се роди“, на что ему всѣ отвѣчаютъ: „за истину се роди“, такъ какъ у насъ на Свѣтлое Воскресенье. Въ прежнее время, выходя изъ церкви, всѣ между собою цѣловались, *мирбожились*, и до сихъ поръ этотъ обычай сохранился въ Герцеговинѣ, гдѣ при этомъ случаѣ мирятся враги и прощаютъ другъ друга. Выйдя изъ церкви мы зашли отдохнуть въ находящуюся рядомъ школу; туда же зашелъ священникъ, нѣсколько поселанъ и въ томъ числѣ *чика* (дядя) Степанъ, почтенный старикъ, риланскій старожилъ и церковный староста, присутствующій при всякой службѣ. Изъ разговоровъ съ ними, а особенно благодаря разказамъ нашего путеводителя г. Милчевича, я узналъ исторію Риланской школы и Риланской церкви, которую разкажу здѣсь: она довольно любопытна.

Школа въ Рилѣ существуетъ издавна и уже при Кара-Георгіѣ были учителя, первый изъ Турціи, второй изъ *преко*—т.-е. изъ-за Дуная или Савы, изъ австрійскихъ Сербовъ, а въ числѣ учениковъ былъ *чика* Степанъ. Послѣ разгрома 1813 года, разумѣется, закрылась и школа, такъ какъ весь народъ разбѣжался по лѣсамъ и *чика* Степанъ, тогда еще мальчишка, скрывался съ родными близъ Рилы, но разъ явился кто-то изъ села, посадилъ Степу на лошадь и повезъ въ хавъ (постоялый дворъ), гдѣ находились турецкія власти. Испугался Степа, во дѣлать нечего; вошелъ дрожа въ хавъ, поклонился низко и сталъ ждать своей участи. Одинъ изъ Турокъ вытащилъ изъ-за лазухи клочекъ бумаги, сунулъ Степѣ и велѣлъ читать; письмо было по-сербски и пришло со нарочнымъ изъ Бѣграда, но грамотныхъ въ Рилѣ не оказалось и пришлось отыскивать молодого *дяка*—ученика; заарябилъ у Степы въ глазахъ, но кое-какъ онъ разобралъ что

рѣчь идетъ въ письмѣ о немедленномъ доставленіи въ Бѣградъ шести стоговъ сѣна. Турки остались довольны ученостію Степана, хвалили его, дали даже кусокъ хлѣба, въ то время лакство, и отпустили къ своимъ. Чика Степанъ разказываетъ на старости дѣтъ это приключеніе дѣтства и размышляетъ, какой опасности подвергла было его репутація грамотника. Вскорѣ какъ только гоненія Турокъ нѣсколько прекратились, школа открылась вновь и учителемъ былъ нѣкій Берисавлевичъ изъ Срема, который на свою бѣду замѣшался въ попытку сдѣланную въ 1825 году братьями Чараличами, поднять восстаніе противъ князя Милоша Обреновича; заговорщики начали было бунтъ въ дѣсу подъ горою Авалой, но поселяне, подъ впечатлѣніемъ только-что подавленнаго возмущенія Милое Дьяка, остались спокойны. Зачинщики и участники были отысканы, схвачены и казнены близъ Рилня со своею тогдашнимъ нравамъ жестокостію; не даромъ говорятъ Сербъ что братская месть хуже турецкой злобы. Признанные виновными были набиты на колъ или колесованы, а учителю рилнянскому вырвали языкъ и отрублены руки. Послѣ такихъ бѣдъ о школѣ долго не было и рѣчи, но доброе сѣмя было брошено и тѣ нѣсколько выучившихся грамотѣ челоувѣкъ при первой возможности озаботились отысканіемъ учителя: школа вновь была открыта въ 1843 году и съ тѣхъ поръ не прекращала своей дѣятельности; теперь въ Рилнѣ тридцать пять учениковъ; ученики-старики, заботившіеся о школѣ, озаботились и о церкви Рилнянской, которая выстроена ихъ настояніемъ; поселяне заготовили матеріалъ, а князь Милошъ взялся заллатить рабочимъ. Рядъ почтенныхъ священниковъ сумѣлъ поддержать благочестіе въ народѣ и приучить его посѣщать церковь. Этимъ объясняется поразившее меня множество народу; Сербъ вообще рѣдко и неохотно идетъ въ церковь, что не мѣшаетъ ему стойко держаться своей вѣры. На клиросѣ Рилнянской церкви вотъ уже полвѣка поетъ чика Степанъ; съ двумя изъ своихъ товарищей по школѣ, въ томъ числѣ отцомъ г. Милчевича, онъ далъ обѣтъ поочередно править должность псаломщика, и строго исполняетъ эту добровольную обязанность; но онъ остался одинъ, товарищи измѣнили ему и покоятся на Рилнянскомъ кладбищѣ, а чика Степанъ держится еще бодро представителемъ стараго отживающаго поколѣнія. Мы обѣщали предъ отъѣздомъ завернуть къ старику.

— Я тутъ близко, съ доброю улыбкой говорилъ онъ указывая на свой домъ,—недалеко будетъ выносить меня отлѣвять въ церковь.

Въ разговорахъ въ школахъ и у священника незамѣтно прошло время и мы поторопились вернуться къ нашему домашству, ждавшему насъ обѣдать.

Обѣдаютъ въ этотъ день рано, только лишь вернутся изъ церкви. Столъ остается накрытымъ, какъ и на Бадній день, мѣшкомъ, подъ который кладется солома, на столѣ разставляютъ всѣ кушанья, а чесноцу, о которой я говорилъ выше, рѣжутъ на куски по числу присутствующихъ; на столѣ долженъ непременно быть *овечій сыръ*, которымъ обыкновенно и разгавливаются, съѣвъ прежде кусокъ принесенной изъ церкви просфоры; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ варятъ особенную кашу, очень жирную, называемую *божичное масло*; вино наливаютъ въ большую деревянную *конату* (сосудъ), изъ которой разливаютъ въ кружки, потому что на Божицъ, какъ и на *Славу*, * льютъ изъ кружекъ, а не изъ стакановъ. Когда все къ обѣду готово, берутъ прядь льна и два раза обмакиваютъ въ растопленный воскъ и рѣжутъ на куски; по одной такой *божичной свѣчѣ* даютъ всякому изъ домохозяевъ; потомъ дѣлаютъ выстрѣлъ, всѣ встаютъ, зажигаютъ свѣчи и начинаютъ молиться Богу; молитвы сходны съ произносимыми на Сочельникъ и приведенными мною выше; по окончаніи этихъ молитвъ, держа въ рукахъ свѣчи, всѣ по очереди, начиная со старшихъ, *мирбожатся*; старшій *доматинъ* говоритъ: „Христосъ се роди“; „на истину се роди“, встрѣчаетъ ему тотъ къ кому онъ обратился и оба трижды цѣлуются въ щеку, говоря вмѣстѣ: „Миръ Божи и Христосъ се роди, поклоняемо се светомъ Христову Рожанству“. Женщины кромѣ того цѣлуютъ мужчинамъ руку. Вообще до самаго Богоявленія всѣ встрѣчаясь приветствуютъ другъ друга словами: „Христосъ се роди“. Послѣ окончанія *мирбожатся*, *доматинъ* собираетъ всѣ свѣчи въ одинъ лучокъ, обмакиваетъ краснымъ шелкомъ или шерстью и ставитъ на столѣ чашку съ ячменемъ или пшеницей, гдѣ онъ долженъ глотать до конца обѣда; по тому, на какую сторону наклонится пепель свѣтилень, гадаютъ что уродится, виноградъ зимъ или яровое; по тому, чья свѣча прежде угаснетъ, гадаютъ кто ранѣе умретъ; въ концѣ обѣда хозяинъ долженъ

* Слѣва—правдованіе святаго считающагося патрономъ рода.

эти свѣчи *утышить*, то-есть перекрестясь погасить кучкомъ вырѣваннымъ заранѣе изъ *чесницы* и обмакнутымъ въ вино; иногда ихъ засыпаютъ зерномъ, въ которомъ они стояли. И свѣчи и зерно это хранятся въ домѣ весь годъ и имѣютъ особенныя цѣлебныя свойства.

Описанный мною обрядъ мирбожанья въ Рилѣ уже исчезъ, хотя сохранился еще въ нѣкоторыхъ округахъ Сербіи. Мы сѣли за столъ послѣ короткой молитвы и любо было посмотреть какъ мы принялись разгавливаться. Блюды было очень много: послѣ *чорбы*, кислаго супа въ родѣ рассолика, дали вареную говядину, потомъ *наприкаиш* изъ куръ, соусъ приправленный сильно *наприкой*, краснымъ стручковымъ перцемъ, потомъ жаренаго барашка, потомъ цыплитъ въ *каймак* (варенныя сливки), жаренаго наканунѣ холоднаго поросенка—*печеницу* и наконецъ *гибаницу*, жирные сырники.

Въ началѣ обѣда доматинъ долженъ *напить* двѣ *здравицы*, произносимыя обыкновенно въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Здрави сте, моя дело братѣ! првом а сретном, било нам са сретѣм! за сретнога данашнег празника светога Христова роденья, а у велики добри час, даровао Господ Бог! да нас даруе миром и благодетом Божьим, даровао Господ Бог, и да обрадуе ови дом и вас хриштяски род, даровао Господ Бог.“ *

Эта первая здравица называется *у добар час*, въ добрый часъ. Вторая называется *у боли час*, въ лучшій часъ; при этомъ выливается вторая чаша вина. Доматинъ говоритъ: „другом, здрави сте, моя дело братѣ, чашом другом а любави дугом, а доматиновим луном с трудом, а честитом сретѣм даровао Господ Бог. Чаше по двие, да Бог душмаве лобив, а ловыси кумове и пріятеле; овоме дому и свом хриштяскоме роду, даровао Господ Бог! Де год се по двие чаше лива лиле, свака се добра сретя вила, з найвше изобилна радост, даровао Господ Бог!“ **

* То-есть: „будьте здоровы, мои любезные братья! первую (вану вина) и счастливую, чтобы быть намъ со счастьемъ! за счастливый кылѣшкій праздникъ Св. Рождества Христова, и въ великій добрый часъ, даруй Господь Богъ! да намъ даруется миръ и благодать Божья, даруй Господь Богъ! и да обрадуеть этотъ домъ и весь христіанскій родъ, даруй Господь Богъ!“

** То-есть, другою (чашею вина) будьте здоровы любезные братья! Чашею другою, любви доагожь, а даа доматина поаомо трудъ, и

Посреди обѣда совершился обрядъ ломленія *колача*. На столъ принесли большой круглый пирогаъ изъ пшеничнаго *машенаго* тѣста; верхняя сторона его была украшена слѣдующимъ образомъ: по срединѣ выдавлены были знаки ІС. ХР. НІ. КА., какъ у насъ на просфорахъ. Знаки эти называются *слова*; около нихъ изображены были изъ тѣста четыре цвѣтка *руже*, розы, два четырехугольника побольше и два поменьше — *боченки* для вина и для водки, кругомъ всего пирога былъ слѣдующій ободокъ изъ тѣста, *поласъ*; около „словъ“ ободки поменьше, разогнутые на стороны и изображавшіе собою *божичныя свѣчи*. На колачъ положенъ былъ родъ обручика изъ тонкой восковой свѣчи съ загнутыми вверхъ и зажженными концами, украшенными красною шерстью; въ некоторыхъ домахъ прицѣпляютъ по нѣскольку свѣчъ. Это не что иное какъ сокращеніе обряда въ *божичныя свѣчи*, о которыхъ я говорилъ выше, явившагося съ исчезновеніемъ мирбожанья.

Когда принесли колачъ и зажгли свѣчи на немъ, всѣ подвинулись вокругъ стола; доматинъ перекрестясь покардилъ предъ каждымъ и приступилъ къ ломленію колача съ г. Милочичемъ, который, взявъ колачъ, съ нижней стороны надрѣзалъ крестообразно, по надрѣзанному мѣсту полилъ виномъ и вмѣстѣ съ доматиномъ три раза обернулъ; при этомъ они пѣли „Исаія луюй“ и „Святіи мученицы“; затѣмъ, разломавъ по надрѣзамъ колачъ на два куска и по три раза хлебнувъ надитаго вина съ куска который въ рукахъ у другаго, поцѣловавъ колачъ и поцѣловавшись трижды между собою, они окончательно разломали его на четыре части; двѣ изъ нихъ раздѣлили тутъ же между обѣдавшими, а остальное хранится до Малаго Божича, то-есть Новаго Года.

Видѣнное нами ломленіе колача на Божичъ вполне сходно съ совершаемымъ на „*славу*“, съ тою разницей что тогда ломаетъ колачъ доматинъ со священникомъ.

Когда ломленіе колача кончилось, мы всѣ продолжали стоять, съевъ шалки и фесы, которые носятъ обыкновенно и въ

печи и счастья, даруй Господь Богъ! Чаши по двѣ, Богъ враговъ погуби, а зовысь кумовей и пріятелей; этому дому и всему христіанскому роду, даруй Господь Богъ! Тамъ гдѣ по двѣ чаши питья пили, пусть всакое доброе счастье разливается, а больше всего изобильная радость, даруй Господь Богъ!“

комнатѣ, а доматынъ перекрестясь началъ: „За помози Боже! да попием ло чашу вина за тверде славы небеске, коя може да поможе на сваком месту, сваком брату хриштявину кой се нѣй моли; гди се слава Божья дизала, ту и помагала са да и вазда, да Бог да“.* Потомъ овъ опять перекрестясь и хлебнулъ немного вина; тоже сдѣлали и всѣ стоявшіе во кругъ стола, приговаривая: „амен, да Бог да“, то-есть подай Господи. Послѣ этой здравицы во „славу Божью“, такыя же порядкомъ пили здравицу въ честь Св. Троицы. „За Свету Троицу! Света Троица да нам е помотьница на путу, на суду, у тамной гори, на мутной води, из кала нас избавила, на лут направила, руку додала, муке недала!“** Наконецъ, все стоя, пили въ честь праздника: „здрави сте моя лепо братѣ, десно и лево, да нам било сретно и лепо: у име Бога и аелого златного и сьвяного часного крста, да нам помаже Бог и часни крст, и празник свето Роденье Христово, да Бог да“***

Послѣ этихъ трехъ здравицъ всѣ мы сѣли и продолжали обѣдъ, а отъ здравицъ *духовныхъ* мы перешли къ здравицамъ *мирскимъ*. Первая изъ нихъ называется *добродошница* и предлагается домашнимъ въ честь гостей: „добродошница добро ради, добро сте ми дошли, гости мои, добар глас довели, а боли повели!“**** Потомъ, согласно обычаю, я предложилъ здоровье доматына, пожелавъ ему добраго успѣха, урожая, счастья, здоровья и т. д., а доматынъ предложилъ здоровье „кумовеі и пріятелей“. Содержаніе и порядокъ всѣхъ этихъ здравицъ установленъ обычаемъ и неизмѣненъ.

* То-есть: Помоги Боже! выпьемъ чашу вина за твердую славу небесную, которая можетъ помочь на всякомъ мѣстѣ всякому брату хриштявину который ей молится; тамъ, гдѣ въ Божью славу подымались (пить), тамъ она да поможетъ теперь и всегда, подай Боже!

** То-есть: За Св. Троицу! Св. Троица будь намъ помощницей на путу, на судѣ, въ темномъ мѣсу, на мутной водѣ, изъ грязи избавь, на луть направь, руку подай, мукъ не дай.

*** То-есть: Будьте здоровы, дорогие братцы, направо и налево, чтобы намъ было счастливо и прилично: во имя Бога и великоцѣпного золотого и сіящаго честнаго Креста, помоги намъ Богъ и честный Крестъ и праздникъ Св. Рождества Христова, подай Боже!

**** То-есть „Добродошница добро творить: добро пожаловать, гости мои! Добрую молву принесши, а чтобы ачашую еще отсюда выплесни!“

Горѣвшіе на колачѣ свѣчи хозяйка логасила въ стаканѣ вина и предложила выпить это вино, по обычаю, своему мужу, но старикъ отказался наотрѣвъ лить вино съ воскомъ въ угоду бабьихъ выдумокъ, и хозяйка выпила его сама.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сербіи, предъ обѣдомъ кто-нибудь выходитъ предъ домъ и спрашиваетъ черезъ окошко доматина, что у него есть въ домѣ. „Всего вдоволь“, отвѣчаетъ хозяинъ, „а больше всего здоровья и веселья, чести и почтения, урожая и прилода, ломовъ домъ челяди, мбаръ жита, хлѣвъ скота и т. д.“ А чего нѣтъ въ домѣ? Нѣтъ мухъ, блохъ, клоповъ, нѣтъ ни калѣки, ни увѣчнаго, ни нѣмаго, ни слѣлаго!“

Печеницу ѣдятъ не всю; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ голову ставятъ до Малаго Божица, а также одну четверть; хояинъ долженъ съѣсть верхъ языка, чтобы когда будетъ сунуться съ Турками и другими врагами, языкъ былъ у него стрый, а мозгъ долженъ съѣсть чтобы умъ былъ свѣтелъ, выстръ и открытъ на всякое доброе лопышленіе противъ раговъ „честнаго Креста и закона христіанскаго“; жердю а которой жарилась печеница ударяють по плечамъ, чтобы е болѣли плечи; нѣкоторые кусаютъ бичевку которой была ривязана печеница, чтобы не было ижжогги; сердце и внутренности ея имѣють тоже цѣлебныя свойства. Кость изъ орла печеницы сохраняется цѣлый годъ; у кого заболитъ орло, того поятъ чрезъ эту кость водою три раза, говоря: имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь. Дѣвушки собирають послѣ обѣда кости отъ печеницы и разставляютъ на орогъ столько костей сколько въ домѣ или селѣ дѣвушекъ вторымъ время выходитъ замужъ, и каждую кость обозначаютъ именемъ одной изъ нихъ, которую кость возьметъ между собака, та дѣвушка выйдетъ первая замужъ; дѣвушки берутъ также послѣ обѣда просо и рассыпають рукою; на изъ нихъ спрашиваетъ: „что ты сестрица съешь?“ Съю просо чтобы просили (просватали) и меня и тебя, и ту око-тебя. Просо уродилось и насъ испросили. Аминь.“ Поютъ кже разныя пѣсни.

Нельзя не замѣтить при этомъ разницу между пѣснями

Божичъ и Бадній день которыя поются у Сербовъ православныхъ, и тѣми которыя поются у Сербовъ католиковъ, тогъ у Хорватовъ и Славонцевъ. Въ пѣсняхъ у Сербовъ православныхъ первое мѣсто занимаетъ *Божичъ*, илгда *Солнце*;

Коледь, старый богъ; *баднякъ*, къ которому обращаются какъ къ святыни. О Христѣ уломяется рѣдко, о Богородицѣ еще рѣже; у Сербовъ католиковъ, несмотря на то что обряды и обычаи въ Бадній день и на Рождество почти одинаковы съ соблюдаемыми у православныхъ, лѣсни прониклись вломя библейскимъ разказомъ о Рождествѣ Христовѣ; онѣ очень напоминаютъ бѣлорусскія канты, изданныя П. А. Безсоновымъ (выпускъ четвертый, *Канты Перехожіе*), и безспорно относятся къ *Младшимъ Стигамъ*. Приведу для наглядности лѣсно помѣщенную г. Иличемъ въ его „Народныхъ Славонскихъ обычаехъ“.

У граду Бетаему звезда даица,
 Пред старцемъ Іозипомъ дева краица,
 Туд стане найдоше симчита родит,
 У сааму простерше гди те га ловит,
 Туд волак надъ асае дойде стаати,
 И чедо родито поче грияти,
 Од саме свѣтаости то е штаица,
 Гди Исус у малыхъ лежи асаица.
 У поа ноци биме детешце мило,
 Узе га девица у свое криао.
 Сад андеа над градомъ лева Гаориа,
 Да се развесели симку Мариа.
 Пастури свираю овце водечи,
 Истину леваю свуда летечи,
 Туд краљи дойдоше страаски дариват,
 И ти га сад даруй, луче керстамску! *

За приведенными мною, такъ-сказать обязательными, зарѣвцами послѣдовали другія; хозяева благодарили насъ за наше посѣщеніе, мы ихъ за гостепріимство, желали имъ всякого успѣха и наконецъ хотѣли проститься и ѣхать. Подо-

* То-есть: въ городѣ Виедземѣ звезда утренняя, предъ старцемъ Іосифомъ дѣва королева; тутъ время пришло симку родити, простерши солому, гдѣ его спеленать; тутъ волак надъ асаими прѣшевъ стоять, а дитя рожденое начало свѣтити, положъ свѣта тотъ хайвокъ, гдѣ Исусъ лежитъ въ малыхъ асаицахъ. Въ поамочь родѣлось дитя милое, взяла его дѣвица къ своей груди. Теперь андеа надъ городомъ поетъ „gloria“, чтобы радовалась симку Мариа. Пастури свирѣяютъ веда овецъ, истину поютъ (ангелы) всюду аста, тутъ иностранныя короли съ дарами: и ты имѣй даруй, народъ христіанскій!

матинъ воспротивился: онъ объявилъ что такъ ѣхать нельзя, что надо выпить здравицу за счастливый путь, и не одну, а цѣлыхъ девять „девет лута (рава) за сретног (счастливый) лута“. Какъ мы ни отпѣкивались, пришлось еще посидѣть, выпить *горку кафу*, черной кофе, и стакавъ вина. Хозяйка въ то же время поднесла намъ подарки, вязаные шерстяные носки и перчатки, а г. Миличевину, сверхъ того, въ качествѣ полажайника, колачъ, украшенный, согласно обычаю, льномъ и шерстью. Заялатить за угощеніе и пріемъ мы не могли; это было бы оскорбленіемъ для хозяевъ. Обычай позволяетъ лишь оставить нѣсколько монетъ „девојкама“, то-есть прислуживающимъ дочерямъ или племянницамъ хозяйскимъ, и данныя деньги постулають въ ихъ полную собственность; мы и исполнили обычай, въ увѣренности что подаренные нами червонцы будутъ красоваться на ожерельяхъ „девоск“ и перейдутъ въ ихъ приданое.

Распростившись самымъ радушнымъ образомъ съ нашими хозяевами, мы пустились наконецъ въ обратный путь, но по дорогѣ пришлось заѣхать еще въ нѣсколько домовъ. Всюду насъ хотѣли угощать во что бы то ни стало, и священникъ, не удовольствовавшись угощеніемъ виномъ и кофеемъ, почти насильно положилъ намъ въ арабу „печено прасе“, жаренаго лоросенка, увѣряя что онъ пригодится въ дорогѣ. Исполняя обѣщаніе данное утромъ, заѣхали мы и къ чикѣ Степану. Старикъ ждалъ насъ и не ломалъ еще колача, желая исполнить этотъ обычай съ рѣдкими гостями. Пришлось намъ вновь сѣсть за столъ и исполнить уже описанный мною обрядъ ломленія колача.

Послѣ обычныхъ здравицъ мы взяли за шапки, но чика Степанъ удержалъ насъ; „подождите немного,“ просилъ онъ, „есть еще у меня завѣтная здравица.“ И взявъ обѣими руками огромную *чутуру* (деревянную флягу) онъ вновь налилъ намъ „дрвеног вина“, перекрестясь поднялъ свой стаканъ: „Да Богъ поживи нашегъ * русскогъ Цара,“ сказалъ онъ, и всѣ подыались: „амен, да Богъ да,“ промолвили всѣ присутствующіе, на дворѣ раздались выстрѣлы, знакъ радости и веселья, вокругъ стола заплѣли стройно „многая лѣта“, и въ этомъ многолѣтіи нашему Государю сливались голоса и

* То-есть: нашего — православнаго, въ отличіе отъ султана, по-Сербски называемаго тоже Цар.

старика дѣда, видѣвшаго какъ лилась русская кровь въ сербскихъ ущельяхъ и долинахъ, сражавшагося рядомъ съ русскимъ солдатомъ, и голосъ внука, слышащаго съ дѣтства что Русскіе друзья Сербамъ и что Русскій Царь ихъ покровитель, и голосъ школьнаго учителя, которому учение въ столицѣ не доказало еще вполнѣ что истинные друзья Сербовъ Нѣмцы и Мадыяры, и что Русскіе народъ опасный...

Обнявшись съ чикой Степаномъ, сказавъ ему теплое спасибо за дорогую русскому сердцу здравицу и выливъ предложенную мною здравицу за надежду Сербіи, молодого ея владѣтеля „светлог господара князя Милана Обреновича“—мы пустились наконецъ въ обратный путь.

Наша поѣздка въ Рилань,—кромѣ ея прамой цѣли, изученія Божичныхъ обрядовъ,—дала намъ еще случай не только ближе ознакомиться съ бытомъ сербскихъ поселянъ и воспользоваться ихъ гостепримствомъ, но и видѣть лишній разъ проявленіе привязанности ихъ къ православной Руси, привязанности, изстари живущей въ сердцѣ каждаго простаго Серба, здравый смыслъ котораго, не колеблемый вѣтвыми вліяніями, не обознается въ своихъ друзьяхъ...

КНЯЗЬ А. ЦЕРЕТЫЛЕВЪ.

НА РОГАЧЕВКѢ

СЕЛЬСКАЯ ДРАМА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I.

Апрѣльское солнце ярко освѣщало группы прихожанъ выходившихъ отъ обѣдни изъ церкви села Завьялова что на Рогачевкѣ, по старой Петербургской дорогѣ. Между невысокими избами селенія кой-гдѣ были видны двухъэтажные дома, съ выбѣленными трубами и расписными ставнями.

Было Омино воскресенье. Пестрая толпа разряженныхъ дѣвушекъ и молодухекъ шла изъ храма по лѣвую сторону, а по правую — степенные мужики въ длинныхъ на распашку суконныхъ чуйкахъ, изъ-подъ которыхъ выглядывала поддевка лерепоясанна я краснымъ кушакомъ. Между ними молодые ребята щеголяли новыми лоярковыми шляпами украшенными ленточкой и лавлинымъ перомъ. Особенно отличались изъ нихъ франтовствомъ сынки тѣхъ бородачей которые обладали двухъэтажными домами.

Но вотъ посреди всей разряженной толпы, смиренно склонивъ голову предъ народомъ, одна за другою идутъ „вѣко-

вуши“, * всѣ повязанныя низко, ло самыя брови, чернымъ платкомъ съ бѣлою каемкой, и сарафаны на нахъ безъ всякой „окрасы“.

Изъ толпы крестьянъ выдѣлилась небольшая группа, отличавшаяся отъ нихъ одеждой и приемами. Высокая, стройная блондинка шла подлѣ пожилой женщины одѣтой въ зеленое люстриновое пальто; около нихъ подпрыгивали двѣ большія дѣвчурки. На молодой дѣвушкѣ было кафтчатое шотландское платье, и черный драповый казакъ красиво обхватывалъ ея гибкій станъ; сквозь голубую вязаную косынку видѣлась большая золотистая коса завернутая на грбенку.

— Съ праздникомъ васъ, Агаея Ивановна, раздался жесткій голосъ позади нихъ. Мать и дочь обернулись. Предъ ними стояла молодая дѣвушка, сопровождаемая высокими брюнетомъ.

— Ахъ, Марья Львовна. Какъ ваше здоровье?

— Слава Богу, благодарю васъ.

Молодой человекъ слегка приподнял фуражку и заговорилъ съ бѣлокурою дѣвушкой, у которой въ то же мгновеніе ямочки на щекахъ заились рѣзкимъ румянцемъ, и черные глаза блеснули какъ звѣздочки. Говоря съ молодымъ человекомъ, она нѣсколько конфузилась, застѣливо поправляя на лбу волнистые волосы, которые вѣтеръ безпощадно луталъ; но скоро потомъ она оправилась и начала свободнѣе шутить и смѣяться, показывая свои блестящіе бѣлые зубы.

Присоединившаяся къ нимъ Марья Львовна была блѣдноватая брюнетка, небольшого роста, съ синими задумчивыми глазами, которые она такъ кротко и ласково вскидывала на того съ кѣмъ говорила. Двѣ черныя глядovitыя косы спускались изъ-подъ розовой шапки.

* Не всѣмъ читателямъ, вѣроятно, извѣстно что такое „вѣковуха“. Это такъ-сказать мірскія монашески. Въ ихъ мѣстахъ ихъ называютъ „кедейницами“. Дѣвушка или молодая вдова не думающая идти замужъ выучивается грамотѣ, начинаетъ носить черное платье и не посвящается ни на игрищахъ, ни въ хоровахъ. Если же желаетъ остаться въ семьѣ, то не рѣдко міромъ выстраиваютъ ей на огородѣ избушку. Случится ли кто въ деревнѣ занеможетъ, вѣковуха является ходить за больнымъ; помереть ли кто, она читаетъ по покойникѣ Псалтырь, и учить малыхъ ребятшекъ. Такихъ мірскихъ монашесокъ довольно большое число въ Каинскомъ уездѣ.

— Однако, Сережа, намъ пора домой, сказала она обращаясь къ молодому человѣку: — тета ждетъ насъ къ чаю.

— Ну вотъ, сейчасъ ужь и домой, съ упрекомъ взглянула на нее блондинка.

— А ты и рада тутъ калякать, крикнула на нее мать, покачивая головой.— Отецъ сейчасъ придетъ изъ церкви... Бѣги скорѣй, ставь самоваръ.

И Агаея Ивановна съ любовью толкнула въ спину свою хорошенькую дочку; а та обернулась на Машу и ея спутника, и съ выразительною улыбкой закричала имъ: „до свиданья“, а сама перепрыгнувъ канавку побѣжала черезъ большую дорогу въ крайній новенькій домикъ, стоявшій рядомъ съ большимъ домомъ священника, въ квартирѣ котораго помещалось народное училище. Этотъ домъ былъ выкрашенъ коричневою краской, съ бѣлыми карнизамъ, съ мезониномъ и параднымъ крыльцомъ на улицу.

Между тѣмъ Марья Львовна, потолоковавъ съ Агаею Ивановной о хозяйствѣ, о томъ, о другомъ, стала наконецъ просить ее отпустить Таню вмѣстѣ съ нею посмотреть на хороводы.

— Мы зайдемъ къ вамъ послѣ обѣда, вѣдь вы отпустите ее съ нами, не правда ли?

— Съ вами-то, моя голубушка, какъ не отпустить. Отъ васъ она кромѣ добра ничему не займется.

Маша поблагодарила ее, и онѣ разошлись. Въ эту минуту изъ церкви вышелъ священникъ, сѣдой, высокій, нѣсколько сутоловатый старикъ, со строгимъ выраженіемъ лица, которое въ мигъ просіяло удовольствіемъ при видѣ дѣтей. Молодой человѣкъ былъ сынъ его, а Маша дальняя родственница, сиротка, которую отецъ Павелъ воспиталъ какъ родную дочь. Онъ давно уже овдовѣлъ, и вся нѣжность души его сосредоточилась на этихъ двухъ существахъ.

Агаея Ивановна была жена пономаря, который въ это время заперъ церковь и заговорился со странницей, присѣвшею отдохнуть на ступеняхъ лалерти. Пономарь, Николай Спиридоновичъ, былъ мужчина широкоплечій, съ рябоватымъ добродушнымъ лицомъ, въ длинномъ казачьемъ сюртукѣ; его жидкіе волосы были залетены въ одну косу, торчавшую на затылкѣ. Замѣтивъ усталость странницы, Спиридоновичъ пригласилъ ее зайти къ нему въ домъ отдохнуть и обогрѣтья чайкомъ ради праздника.

— Вотъ я къ вамъ гостью веду. Встрѣчай-ка Агаша, закричалъ онъ женѣ, входя въ свою новую съ молоточка горенку.

Горница пономара была съ двумя перегородками; кругомъ стѣнъ стояли лавки, въ переднемъ углу продолговатый столъ, надъ столомъ угольная полка съ иконами драпированными подъ потолокъ кисеей. За образами торчалъ большой пучокъ вербы; и тутъ же съ боку на гвоздѣ висѣло мѣдное кашио. На зеркалѣ красовалось полотенце съ вышитыми кодами, Таниной работы. Въ противоположномъ углу стоялъ столъ.

Агаея Ивановна охотно привѣтствовала странницу, и сейчасъ же усадила къ столу за самоваръ.

— Спаси васъ Царица Небесная! сказала старушка, сямая съ плечъ большую котомку. Тая вскочила съ мѣста и начала помогать старушкѣ.

— Ахъ ты мое дитятко, барышня ты моя хорошая! заговорила странница, съ благодарною улыбкой взглянувъ на Тяню; но вдругъ лицо ея приняло серіозное, почти страдальческое выраженіе. Она влерила въ молодую дѣвушку свои небольшіе сѣренькіе глаза, и какимъ-то вѣщимъ голосомъ промолвила:

— Коли тебѣ, мое дитятко, приведетъ Господь быть одноккою на чужой сторонѣ, не откажутъ тебѣ добрые люди ни въ ночлегѣ, ни въ кускѣ хлѣба...

Услыша это странное привѣтствіе, Тая грустно поникла головой и безотчетно задумалась. Но скоро лицо ея прояснилось, и снова дѣтская улыбка заиграла на пухленькихъ губкахъ; бойкій взглядъ заискрился.

Странница между тѣмъ напилась чайку, отобѣдала, поблагодарила добрыхъ людей, и отправилась далѣе въ свой безконечный путь.

Послѣ обѣда, Завьялово быстро оживилось; вся молодежь высыпала на улицу. Кто слѣдилъ къ качелямъ, повѣшеннымъ посреди сѣла, кто подходилъ подъ окна выкрикать знакомыхъ на колокольню, позвонить въ послѣдній разъ до будущей Святой. Сельскія дѣвушки небольшими кружками собирались у воротъ и перешелтывались искоса поглядывая на проходившимъ мимо ихъ ребятъ, которые посвистывали съ гармоніями въ рукахъ, напѣвая въ полголоса плавковыя

лѣсни. Наконецъ всѣ собрались и гурьбой повалили на заворки, на Половскую луговину, чтобы „заиграть въ хороводы“. Луговина эта лежала на полдень, вѣскольکو на пригоркѣ; здѣсь всегда показывалась первая проталинка и рано просыхало.

II.

Въ двухъэтажномъ домѣ украшенномъ разноцвѣтною рѣзбой, за дубовымъ раскиднымъ столомъ сидѣлъ богатый крестьянинъ Бобошинъ. Предъ нимъ стоялъ высокій жбанъ и разрисованная фаянсовая кружка съ лѣвившимся квасомъ. Тутъ же на столѣ лежали огромные деревянные счеты окованные мѣдью.

Агаеонъ Кузьмичъ Бобошинъ былъ человекъ малограмотный, но смысленный. По раздѣлѣ съ братьями, на долю его досталось семейнаго капитала тысячки полторы, которыя онъ своимъ дѣльнымъ, практическимъ умомъ, мало-по-малу, и годъ отъ году, такъ умножилъ что его теперь, какъ говорится, и лалкой не спибешь. Съ открытiемъ „чугунки“ онъ началъ скупать дрова на корню и мелкій камень, да подряды брать; такимъ образомъ и разжился. Сына своего отправилъ въ Питеръ, въ Гостиный Дворъ; а дома на селѣ, какъ говорилъ онъ, „открылъ женѣ для забавы“ лавочку и сталъ чаемъ, сахаромъ и другими съѣстными припасами торговать. Правда что въ околоткѣ всѣ считали его мужикомъ „себѣ на умѣ, съ разчетомъ“; но вѣдь скудость не глупость, рѣшали степенные люди; и всѣ отъ мала до велика съ почтенiемъ снимали шалки предъ Агаеономъ Кузьмичемъ Бобошинымъ. Сожительницу свою, Ульяну Семеновну, онъ крѣпко держалъ въ рукахъ. Несмотря, впрочемъ, на строгость, жена въ немъ души не чаяла.

Кончивъ свои счеты и расчеты, онъ подозвалъ къ себѣ сулругу, и началъ съ нею держать совѣтъ о томъ какъ бы нынѣшнимъ годомъ Бориса оженить: пора привести въ домъ помощницу, да и парень неравно за глазами въ Питерѣ поизбалуется, тогда его и „въ оглобли не введешь“. Только-что они было разговорились, какъ вдругъ отворяется дверь и входитъ пономариха. Помолвившись на иконы и раскланиваясь съ хозяевами, она извинялась что де незваная въ гости пришла.

— Какъ это можно, Агаея Ивановна? Много чести.... милости просимъ! добро пожаловать!... привѣтствовалъ хозяйнѣ вошедшую гостью.

— Я только-что сама было хотѣла къ тебѣ, воскликнула Бобошина, обнимая пономариху, — а ты какъ тутъ, моя родимая!... И усадивъ гостью, Ульяна бросилась со связкой ключей наверхъ и принесла оттуда разнаго угощенья.

— Вотъ спасибо, Агаея Ивановна, что не послѣсвивались и безъ зову пришли, заговорилъ Бобошинъ, разглаживая бороду.

— Предъ вами-то слѣсвиться? Чтò вы это, Агаею Кузмицъ!.. Кабы не вы, такъ мы до сихъ поръ сидѣли бы въ старой, худой избѣ, да дули себѣ въ кулаки; не только намъ лѣсу повѣрили, и деньжонками ссудили, дай Богъ вамъ здоровья!

— Какъ не помочь въ нуждѣ доброму человѣку. Твой Спиридонъ-то у насъ мужикъ хорошій, поискать такого... Поправится, такъ, Богъ дастъ, поплатится съ нами.

— Конечное дѣло, поплатимся, да вѣдь дорого личко къ Великому Дню... прибавила пономариха.

— А чтò ваша Танюша подѣлываетъ? спросила Ульяна нарѣзывая къ чаю слобнаго кулича.

— Да пошла съ Марьей Львовной на хороводы посмотрѣть, и маленькихъ сестренокъ взяла съ собой; дѣло молодое, погулять хочется.

— Отчего же не прогуляться? Ну, а Спиридонъ — ничего?... въ добромъ здоровьѣ по приходу кончалъ? таинственно прибавила Бобошина, когда мужъ ея вышелъ изъ горницы. Бобошины съ пономаремъ испоконъ вѣка водили хлѣбъ-соль.

— Да чтò, родная, будешь въ добромъ здоровьѣ, какъ нужды-то въ глаза глядятъ, отвѣчала пономариха. — Нынчѣ, по зимѣ-то было дѣло, разка три хорошихъ.... прибавила она со вздохомъ.

Ульяна сочувственно покачала головой:

— Ты бы его полѣчила, въ Москву бы свозила. Тамъ, говорятъ, баринъ очень хорошо отъ запоя лѣчить, и ни съ кого колѣйки не беретъ. Федоръ Свистуновъ у него лѣчился, телерь вина на духъ не принимаетъ.

— Господи! кабы можно было помочь этому горю!.. воскликнула Агаея Ивановна, поднявъ глаза на иконы

въ серебряныхъ ризахъ, предъ которыми теплилась лампада.— А то вѣришь ли, мы съ Таней мукой измучились глядя на него. Вѣдь добрый человекъ, трезвый мухи не обидитъ, а ужъ какъ заплачетъ, то завязалъ бы глаза да и бѣжалъ изъ дому вонъ.

— Что и говорить, тяжело терлѣть тебѣ, сердечная; да и Танюша-то съ этихъ лѣтъ настрадается; вѣдь какая она у тебя умница, да руководѣльница; правду сказать, хоть и горе иногда терлишь, за то ужъ въ дѣткахъ утѣшилъ тебя Господь: дочки красавицы, а сынокъ каково хорошо на крылосѣ поетъ.

— Да, слава Богу! сказала Агаѣя Ивановни, улыбаясь сквозь слезы.— Нынче Васю въ *реторику* переведутъ; хоть трудненько намъ содержать его въ семинаріи, за то онъ радуется насъ, учится хорошо.

— А московскій деверекъ-то помогаетъ ли вамъ?

— Какъ же, дай Богъ здоровья! Къ Святой Танюшѣ драгоще лалыто прислали.

Оставимъ двухъ пріятельницъ токовать между собою, и заглянемъ на Поповскую луговину, гдѣ веселится молодежь.

III.

Часа въ три пополудни, Поповская луговина, вплоть до Волковского бугра, поросшаго частымъ березникомъ, была вся покрыта деревенскимъ людомъ. Тутъ народъ сходился не только изъ Завьялова, но и изъ другихъ сосѣднихъ деревень. Дѣвушки выряженныя въ штофные сарафаны со множествомъ обкладокъ изъ позумента и бархата, въ короткихъ разноцвѣтныхъ душегрѣйкахъ, всѣ какъ одна покрыты алыми „фатами“. Парни, заломивъ набокъ шляпу съ павлинымъ перомъ и бойко набросивъ чуйку на одно плечо, прохаживаются мимо дѣвушекъ, перекидываясь острою шуткой и луттовски обмѣниваясь краснорѣчимъ взглядомъ.

Молодые молодки въ гучковскихъ шалаяхъ, распустивъ концы до земли, чинно ходятъ съ платочками въ рукахъ и многія матушки и даже батюшки пришли сюда же помотрѣть и полюбоваться на молодежь.

Дѣвушки, взявшись за руки, молча начали водить хороводъ. Ребята прошлись мимо нихъ раза три, наконецъ под-

ходятъ и съ молодецкою осанкой, кланяются дѣвкамъ; тѣ же
малю разступились, и одинъ изъ парней тихо, лавво зата-
нулъ:

„Охъ!—да! какъ на го-о-оркѣ, на горѣ, да
На высокой, на крутой!...“

Тутъ присоединились женскіе голоса, и всѣмъ хороми гра-
нули пригвѣзъ:

Ай-да аюу! аюушки аюу! Да —
На высокой на крутой!...
Охъ — да! на высокой на крутой. да —
Ст ить зеленый дубокъ
Ай-да аюу!...

Какъ подъ этимъ подъ дубкомъ
Стоитъ дѣвка съ молодцомъ.

Она стоячи стоитъ,
Словно зорюшка горитъ,

Словно зорюшка горитъ,
Во глаза дружка брачитъ:

Ужь и что же ты за другъ
Коли любишь семь подругъ,

А восьмая дѣвка я,
А девятая жема!...

Коли десятую полюбишь,
То я прочь отойду:

То я прочь отойду
Къ хороводу подойду,

Ай-да аюу! аюушки аюу! да —
Къ хороводу подойду.

— Затягивайте ребята, какую повеселѣе! предложилъ кто-
то со стороны, и статный, высокій дѣтина, съ едва проба-
вавшимся усомъ, въ малиновой канаусовой рубахѣ, трахнулъ
черными кудрями, пріосахился и пріятнымъ теноровымъ го-
лосомъ залѣлъ:

У воротъ, воротъ, воротъ,
Воротъ батюшкиныхъ,
Новыхъ матушкиныхъ,
Разыгралися ребята, распотѣшались,

Охъ! Дунай, мой Дунай

Охъ веселый Дунай!...

— А никакъ это Бобошинъ, Таня, сейчасъ плясалъ въ хороводѣ? спросила Таню Марья Львовна.

— Какъ же, онъ. Не правда ли какой молодецъ! Лучше его во всемъ селѣ никто не умѣетъ въ хороводѣ ходить.

— Смотрите, Татьяна Николаевна, не влюбитесь въ него, вмѣшавшаяся въ разговоръ стоявшій съ ними рядомъ поповичъ, слѣдя за направленіемъ взгляда молодой дѣвушки.

— А что же будетъ тогда? усмѣхнулась Таня.

— Тогда я этому болвану разможжу лобъ.... отвѣтилъ онъ полусуто.

— А вамъ-то что до меня за дѣло? Вотъ мило! Не прикажете ль вамъ докладывать если неравно кто мнѣ понравится, отрѣзала Таня, стараясь скорчить серьезную гримасу.

— Оставьте пожалуста эти глупыя шутки! съ волненіемъ въ голосѣ прервала ихъ Мама.—Вотъ, кажется, Савиновыхъ молодая подходитъ къ намъ, прибавила она, строго посмотрѣвъ на Таню.

— Не буду, не буду, не сердись! говорила Таня, наклоняясь къ плечу строгой подруги, которая привыкла къ подобнаго рода выходкамъ рѣзвой дѣвушки и ласково улыбаясь погрозила ей пальцемъ.

— Вы, Марья Львовна, кажется, необыкновенно совершенствуетесь въ деспотизмѣ, ѣдко замѣтилъ Сергѣй,—впрочемъ не удивляюсь, мудроно ли въ этомъ совершенствоваться, имѣя такого прекраснаго учителя какъ мой родитель.

Мама ничего не отвѣтила на эти заносчивыя слова, только лицо ея мгновенно отуманилось такою грустью что она едва удерживала слезы уже мелькнувшія на ея длинныхъ, темныхъ рѣсницахъ. Въ это время къ нимъ подошла невѣстка Савиновыхъ, и поздравивъ ихъ съ праздникомъ, стала приглашать въ хороводы.

Марья Львовна быстро овладѣла собою, и силилась улыбнуться, протягивая Савиновой руку.

— А гдѣ же ваша Катя? спросила она, чтобы заговорить о чемъ-нибудь, — что-то ея не видно въ хороводѣ.

— Да вонъ она! Въ зеленой штофной душегрѣйкѣ, вотъ рядомъ съ Митюшиной молодой стоитъ. Говоря это, Савинова показала рукой на красивую дѣвушку, съ тонкими, какъ смоль черными бровями, которыя какъ-то характеристично сходились на переносицѣ и придавали лицу ея очень боікое выраженіе. Въ эту минуту Катю выбрали въ хороводъ, а

молодая невѣстка ея начала опять приглашать половскихъ дѣвицъ поиграть съ ними въ хороводы.

— Какъ ты думаешь, Таня, не пора еще намъ домой? Не разсердятся наши домашніе?

— Не знаю какъ ваши, а моя тятенька отлустилъ хотъ до вечера, а мамелька навѣрное долго просидитъ у Бобошиныхъ.

— Ну такъ давайте поводимъ неможко хороводы. Согласилась Маша.

— Наконецъ-то наша Марья Львовна стала великодушнѣе, улыбнулся Сергѣй, лукаво поглядывая на Таню, которая хотъ и обѣщала Машѣ не дурачиться, а самой смерти хотѣлось подразнить поповича; ей презабавнымъ казалось что оны вдругъ ни съ того, ни съ сего приревновалъ ее къ крестьянскому ларю.

Когда они всѣ трое стали въ хороводѣ, хоръ пѣлъ:

Изъ-за лѣсику, да лѣсу темнаго
Вылетали тутъ, да два сокола,
Изъ-за садику, да изъ зеленого
Выходили тутъ, да два молодца.

Въ средину хоровода вышли Бобошинъ и другой бѣлокурый парень, въ голубой ситцевой рубахѣ и пласовой безрукавкѣ. Молодцы одинъ предъ другимъ, размахивая шелковыми платками, пошли гулять по хороводу.

— А что если которую изъ васъ выберутъ въ средину? спросилъ Сергѣй у своихъ дѣвицъ.

— Что жъ тутъ особеннаго? Не пойдемъ да и только, отвѣтила Маша.

— Отчего же не пойти? вмѣшалась Таня,—посмотрите какъ я отличусь! особенно если выберетъ меня Бобошинъ.

Хоръ продолжалъ:

Два молодчика, два удалье,
Они шацъ-прошаи становилися,
Промежду себа разбиралися
За одну душу красну дѣвицу —

При этомъ оба молодца показали на Таню, и хоръ грянулъ:

За Татьяну свѣтъ Николаевку.

Красна дѣвица выходила къ нимъ,
Выходила къ нимъ, говорила имъ:

Вы молодчики, вы удамые,
Вы удамые, парни бравые!

Таня чинно вышла въ хороводъ, и съ улыбкой поглядывая на своихъ, сейчасъ же вошла въ свою роль и начала выражаться жестаи, по смыслу пѣсни:

Вы не соретесь, не бранитесь,
Вы по совѣсти разойдитесь;
Колѣ съ волюшкой я растаюся,
Одному изъ васъ я дастаюся.

Либо черному, чернобровому,
Либо бѣдому, бѣлокурому.
Даставаалася красна дѣвица
Парню черному, чернобровому.

И онъ взялъ ее, взялъ за рученьку
И повелъ ее да вдооль по кругу.
Всѣмъ товарищамъ выхваляется,
Красной дѣвицей величается.

Таня пошла по хороводу рука объ руку съ Бобошинымъ, и оглядываясь на своихъ кивала имъ головой, какъ бы давая знать: „только де меня и видѣли, прощайте!“

По окончаніи пѣсни половицъ нахмурилася не на шутку и сейчасъ же предложилъ идти домой.

Молодые дѣвушки не солпротивлялись, вышли изъ хоровода, и всѣ трое молча, не слѣша, направились къ дому.

Бобошинъ остался одинъ посреди хоровода и печально смотрѣлъ вслѣдъ удалявшейся Тани.

— Чтѣ братъ Боря? обжогся!.. подтрунивала надъ нимъ товарищи.—Чего стоишь, затагивай! нечего тужить о ловиѣ, „хороша каша, да не наша“... руби-ка братъ лучше по себѣ дерево.

— А чѣмъ наши дѣвки хуже ея? задорно вступился рыжеватый, невзрачный паренекъ за честь своихъ сельскихъ красавицъ.

— Такъ, такъ! Волчокъ, вози его хорошенько! Кричало нѣсколько голосовъ; и Бобошинъ не успѣвалъ отгрызаться.

— Ты-то чтѣ, комаръ, горячишься? окрикнулъ Волчокъ одинъ изъ пріятелей Бобошина: — Борькѣ стѣбитъ руку поднятъ, отъ тебя и праху не останется! Съ этими словами выскочилъ, широкоплечій паренъ вытолкалъ забяку изъ хоровода.

Того это такъ взорвало что онъ дѣйствительно какъ разъяренный волчонокъ набросился на своего противника.

— Митюха!.. Борисъ Агаеоничъ! оставьте!

— Чего же намъ стоять тутъ, да смотрѣть на нихъ, кричали женскіе голоса; пойдете, подружки, домой! мы и безъ нихъ обойдемся. Домой! Эй! Дуляша! Акуля!.. домой!..

— А все изъ-за этой „кутейницы“, шелгала Катя, красѣя отъ досады.

— Смирно ребята! загремѣлъ басомъ пріятель Бобошина:— а то дѣвки и взаправду разсердятся.

— Миръ!.. закричало нѣсколько голосовъ, и въ минуту все стало тихо и чинно.

Каждый выбралъ себѣ дѣвицу, и всѣ взялись за руки: огромная цѣль образовала полукругъ, съ одной стороны первая пара подняла вверхъ руки, представляя ворота, въ которыя съ другаго конца, наклонившись, одна за другою, входили играющія пары; и всѣмъ хоромъ пѣли:

Залаетиса плетень, залаетиса!
Ты завѣйся труба золотая,
Заверниса камка хрущатая.
О-охъ! свѣтъ, сѣрая утица!
Потопила ты маалыхъ дѣтушекъ
Во меду сладкомъ, да во патокаъ..

Последнія слова пѣсни долговали стоя въ летѣнѣ и не трогаясь съ мѣста: руки каждого обвивались вокругъ шеи своего сосѣда. Такъ какъ мушкетеру первому предоставляется право залѣзать *Расплетиса плетень*, то они обыкновенно стараются помедлить, перекоряясь другъ съ другомъ: Петръ на Ивана, Иванъ на Петра; и такимъ образомъ довольно ищѣютъ времени забавляться смущеніемъ дѣвушекъ, которыя краснѣютъ и улыбаются, лотуля глазки.

Наконецъ Бобошинъ первый началъ:

Разплаетиса, плаетень, разплаетиса!
Ты развѣйся труба золотая,
Разверниса камка хрущатая!
О-охъ! свѣтъ сѣрая утица!
Вынимай-ка маалыхъ дѣтушекъ,
Ты възъ меду, да възъ патоки..

Быстро и шумно разледелся плетень, громко и весело звучала лѣсня, на лицахъ играла рѣзвая улыбка. Только Катя Савинова смотрѣла сентябрёмъ, потому что Борисъ Бобошинъ на этотъ разъ не выбралъ ея въ пары.

Полѣли еще, полѣяли подъ балалайку и гармонику; но вотъ солнышко закатилось за лѣсъ, и вся рѣзвая ватага, сгруппировавшись въ небольшие кружки и затаивъ протяжную хоровую лѣсню, тихими шагами начала подвигаться къ селу; и тамъ скоро воѣ разбрелись, направляясь каждый къ своему жилищу, гдѣ семейные поджидали ихъ къ ужину.

— Ну что, Боря, какъ дѣла?... облюбовалъ ли себѣ невѣсту? спрашивалъ Бобошинъ сына, когда они встали изъ-за стола отъ ужина. — Кажись у насъ въ этомъ товарѣ недостатка нѣтъ: съ лятокъ такихъ наберется что одна другой краше, у нѣкоторыхъ и достаточекъ водится.

Борисъ только тряхнулъ кудрявою головою и ни слова.

— Что крутишь головою? не все же гулять по волѣ. Пора, братъ, насъ, стариковъ, ввучатами лотѣшить. Пока Господь грѣхамъ терпитъ, насчетъ домашняго достатку все идетъ хорошо... Ну, сказывай: облюбовалъ что ли? аль ужъ намъ съ матерью прикажешь самимъ постараться объ этомъ?..

И Агаеонъ, принимая за стыдливость молчаніе сына, продолжалъ, одушевляясь:

— Коли такъ, то ужъ правду тебѣ сказать: по невѣсту далече не поѣдемъ, а вотъ только перейдемъ черезъ дорогу, какъ разъ прямо напротивъ...

И Агаеонъ показалъ рукой на окна противоположнаго дома.

— Дѣвка что твой маковъ цвѣтъ! работающая, да и за словомъ не полѣзетъ въ карманъ; а ужъ выряженная ровно куколка. А не то такъ у десятскаго Матреша, невѣста тоже какъ лебедь бѣлая.

— Батюшка, не торопите меня съ женитьбой! началъ Борисъ почти умоляющимъ голосомъ: — Подождите хоть до осени! не корю я тѣхъ невѣсть о которыхъ вы сейчасъ упомянули; только скажу вамъ какъ предъ Богомъ, не лежитъ мое сердце ни къ одной изъ нихъ, а безъ охоты женитьба не въ радость; сами понимаете.

Агаеонъ почесалъ въ затылкѣ, поморщился и пристально посмотрѣвъ на сына, молвилъ не слѣша:

— Невольно не стану, время еще не ушло, въ другой разъ потолкуемъ объ этомъ.

Старикъ всталъ, оправилъ лампаду и началъ молиться на сонъ грядущій. Борисъ поклонился родителямъ и пошелъ наверхъ спать.

Послѣ того какъ Боботаны много перехоронили дѣтей, изъ которыхъ уцѣлѣлъ одинъ Борисъ, они не могли вымѣшаться на сына, какъ на единственное сокровище. Отсюда, несмотря на свой крутой нравъ, любилъ его до слабости. И теперь не въ силахъ былъ приневолить его къ женитьбѣ; хотя, по его убѣжденію, двадцатидвухлѣтняго парня непременно слѣдовало женить.

Мать, сколько ни думала, ни гадала, все-таки никакъ не могла взять въ толкъ почему бы ея сыну ни одна изъ сельскихъ дѣвокъ не по сердцу, даже и Катя Савинова, которой по красотѣ и богатству не было равной во всемъ Завьяловскомъ приходѣ.

Воидя въ свѣтелку, Борисъ долго прохаживался, заложивъ руки за спину; наконецъ открылъ окошко, и началъ насвистывать заунывную лѣсню.

Слушая минуту отворилось другое окно, въ свѣтелкѣ противоположнаго дома, и женскій голосъ зазвѣлъ:

Ты заодѣй ац, мой заодѣй,
Заодѣй добрый молодець!
Засушилъ ты, зазвобилъ
Мое сердце дѣвичье...

Въ этихъ страстныхъ переливахъ голоса было столько неподдѣльной тоски что простая лѣсня невольно хватала за сердце и заражала своею тоской. Пѣла Катя Савинова; ея грустная мелодія далеко раздавалась по вору и зымыралась въ вечерней тишинѣ, прерываемой лишь изрѣдка лаемъ неугомонной дворятки.

Борисъ сердито захлопнулъ окно, раздѣлся и легъ въ постель.

IV.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, къ отцу Павлу пріѣхала одна дальняя родственница, вдова дьякона, и просила пріютить ее на нѣсколько времени подъ своимъ кровомъ. Она только что схоронила мужа, какъ вслѣдъ за тѣмъ го-

ремь домикъ и всё пожитки ея сгорѣли; едва она успѣла спасти спящаго ребенка, свою пятилѣтнюю дочку Машу, и снять со стѣны образъ, родительское благословенье, какъ уже пламя охватило весь домъ. Сострадательная жена отца Павла не отказала ей въ пріютѣ. Черезъ нѣсколько времени вдова отправилась въ Москву хлопотать о просвирническомъ мѣстѣ, а Машу оставила на рукахъ у нихъ. Долго они ожидали возвращенія Машиной матери, наконецъ получаютъ извѣстіе что вдова съ горя заболѣла въ Москвѣ и умерла, покинувъ свою малютку на волю Божию.

Вѣрно Самъ Господь намъ послалъ это дитя, рѣшили благочестивые супруги, и начали воспитывать Машу какъ родную дочь; своихъ дочерей у нихъ не было, только и росъ одинъ сынъ Сережа; мальчикъ, въ свою очередь, скоро подружился съ названною сестрой.

Спустя семь лѣтъ жена отца Павла опасно занемогла; предчувствуя свою кончину, она безпокоилась за будущность сиротки и просила мужа, въ случаѣ ея смерти, не разставаться съ дѣвочкой.

Когда у Маши не стало второй матери, отецъ Павелъ съ такою нѣжностью началъ дѣлать ее, и такъ привязался къ ней что не могъ отдать себя отчета кого онъ любилъ болѣе, сына, или питомцу. Сына отецъ Павелъ нѣсколько поизбаловалъ, но Машу нельзя было избаловать; она, съ ея кроткимъ характеромъ, была для него всегда ангеломъ утѣшителемъ. Кромѣ того, Маша прекрасно училась, прилежно занималась рукодѣльями и въ послѣдствіи замѣняла отцу Павлу хорошаго помощника по училищу.

Когда Машѣ исполнилось семнадцать лѣтъ, отецъ Павелъ, видя постоянную привязанность къ ней Сергѣя, задумалъ ихъ повѣнчать. „Вотъ, Богъ дастъ, онъ окончитъ семинарскій курсъ, думаетъ старикъ, тогда чего же для него лучше?... Маша дѣвушка красивая, о нравственныхъ ея качествахъ и говорить нечего.... Сдамъ ему свое мѣсто и соединю ихъ судьбу; домъ мой полная чаша—будутъ себѣ жить прилѣвающимъ.“ И такъ глубоко укоренилась въ сердцѣ старика эта отрадная мысль, такъ сроднился онъ съ нею что не могъ себѣ представить какъ бы могло случиться иначе.

Маша, узнавъ о намѣреніи своего воспитателя и видя юношескую дружбу Сергѣя, сама полюбила его всею душой.

Когда Сергѣй окончилъ семинарскій курсъ по первому

разряду, то отецъ высказалъ ему свое намѣреніе. Къ удивленію старика, молодой человѣкъ принималъ это холодно, и сказалъ что онъ еще не торопится съ жевитьбой.

Погрустился, посердился отецъ Павелъ, да и думаетъ: „Бъ самомъ дѣлѣ, онъ еще молодъ для обязанности священника, пускай повременитъ и сдѣлается поосновательнѣе; Машины года тоже не уйдуть...“

И такимъ образомъ, старикъ, не покидая завѣтной надежды, началъ терпѣливо ожидать согласія сына.

Намѣренія отца Павла ни кому не были извѣстны, кромѣ его сестры просвирни, которая жила у него въ домѣ со смерти жены.

Послѣ хорождовъ, Маша и Сергѣй шли всю дорогу молча задумчиво; одна только Тая баззаботно щебетала какъ птичка, тщетно пытаясь развеселить своихъ спутниковъ.

Когда они подошли къ дому священника, Маша молча поцѣловала подругу, а Сергѣй прощаясь съ Таней такъ сильно сжалъ ея руку что дѣвушка вскрикнула и сказала что она съ этихъ поръ никогда больше не подаетъ ему руку.

Войдя въ гостиную, Сергѣй закурилъ палиросу и скорыми шагами началъ ходить по комнатамъ. Семейныхъ никого не было дома. Маша не снимая бурнуса сѣла на клеенчатый диванъ; лицо ея то вспыхивало, то снова покрывалось блѣдностью, наконецъ она дрожащимъ отъ волненія голосомъ произнесла:

— Сережа! скажи, ради Бога, за что ты на меня сердиться? я готова просить у тебя прощенья если чѣмъ-нибудь неумышленно оскорбила тебя.

— Я и не думалъ на васъ сердиться, да и съ какого повода?...

— Нѣтъ, Сережа, будь хоть на этотъ разъ откровеннѣе! я давно уже собиралась поговорить съ тобой.

— Къ вашимъ услугамъ... Съ загадочною улыбкой сказалъ Сергѣй, останавливаясь противъ молодой дѣвушки, которая тяжело переводя дыханіе съ грустнымъ упрекомъ подыала на него глаза и продолжала:

— Скажи, пожалуйста, съ чего ты вздумалъ съ нѣкоторыхъ поръ говорить мнѣ *онъ*? Были всегда какъ братъ съ сестрой, а теперь вдругъ ни съ того, ни съ сего, на *онъ*. Значить я я должна тебѣ говорить *Сергѣй Павловичъ, онъ*?

— Какъ вамъ угодно, это совершенно зависитъ съ васъ; голько позволяте васъ увѣрить въ одномъ, что я ровно ничего не имѣю противъ васъ. Если я давеча пошутилъ касательно *деспотизма*, то я увѣренъ что вы понимаете что это съ моей стороны простая шутка.

Говорилъ Сергій уставивъ на молодую дѣвушку безучастный, металлическій взглядъ, и она съ ужасомъ читала въ этомъ взглядѣ лютѣйшее равнодушіе если не пренебреженіе.

— Вы, Марья Львовна, кажется, очень взволнованы, готовы плакать. Увѣряю васъ, какъ честный человекъ, что вы никогда въ жизни ничѣмъ не оскорбили меня; напротивъ, всегда были слишкомъ внимательны ко мнѣ. Ну теперь довольны ли вы моимъ отвѣтомъ?

— Довольна! Глухо произнесла дѣвушка, уходя къ себѣ въ комнату, и тамъ уткнулась лицомъ въ подушку, чтобы не слышно было ея рыданій.

Сергій оставшись одинъ думалъ про себя: „Недурно что я такъ ее огоршилъ... Надо же когда-нибудь вывести изъ заблужденія этого стараго мечтателя. Онъ усердно поддерживаетъ въ ней свою химерическую надежду... А этому не бывать.“

Старыиъ мечтателемъ онъ называлъ своего отца.

„Очень я нуждаюсь его мѣстомъ; продолжалъ онъ мысленно,—лучше предоставляетъ Марья Львовна. А мнѣ если не придется поступить въ Москву во дьяконы, такъ пойду въ свѣтское званіе, и жемюсь на комъ хочу.“

Такъ мечталъ Сергій Колоколовъ, и въ его воображеніи мгновенно мелькнула рѣзвая улыбка Тани. Тутъ онъ весело потирая руки схватилъ фуражку и вышелъ изъ комнаты.

Отецъ Павелъ былъ въ отлучкѣ, на слѣдствіи, въ округѣ своего благочинія. Сестра же его, просвиря Аграеена Алексѣевна, сидѣла у дьяконицы, и въ цѣломъ домѣ священника не было живой души; одна только Маша, приклонившись къ изголовью, дала полную волю накопившимъ слезамъ.

V.

— Маша! вдругъ раздалось въ гостиной; вслѣдъ затѣмъ просвирня вошла въ комнату плачущей дѣвушки, и торопливо зажгла свѣчу.

— Царь ты мой Небесный! воскликнула она, увидя свою любимицу въ слезахъ. — Маша, да скажи ради Господа что это у насъ такое случилось?...

— Ничего, тетя, не безлокойтесь! особеннаго ничего не случилось. Говорила Маша, утирая слезы, и стараясь придать какъ можно больше твердости своему голосу.

— Такъ о чемъ же ты, глухая, расплакалась? А гдѣ же Сергѣй? ужь не онъ ли чѣмъ огорчилъ тебя?

Не отвѣчая на вопросы, Маша схватила за сердце и глубоко вздохнувъ, начала рѣшительнымъ тономъ:

— Душечка, тетя! поговорите вы съ лалашей; у меня самой не хватитъ на это силъ....

— О чемъ это еще? съ ужасомъ спросила тетка.

— Чтобъ онъ оставилъ и выкинулъ изъ головы свое намѣреніе о моемъ устройствѣ; я никогда не пойду замужъ!...

И тутъ молодая дѣвушка передала весь свой разговоръ съ Сергѣемъ, прибавивъ:

— Теперь все кончено. Я не намѣрена больше его связывать собой. И приданое перестану шить, буду опять, съ лалашей заниматься въ училищѣ.

— Вотъ пустяки какіе! Съ сердцемъ крикнула Аграфена Алексѣвна. — Я думала и невѣсть что случилось! Неужто ты не видишь что Сергѣй просто дурачится; и съ тѣхъ поръ какъ тогда побранился съ отцомъ за деньги, все и старается дѣлать ему на зло. Вотъ какъ отецъ протурить его хорошенько, не пошлетъ ему ни гроша, тогда скорѣй схлыветъ съ него дурь-то.... А то ужь больно зазнался... Какой ему еще невѣсты?

— Нѣтъ, тетя, я знаю, я убѣждена что онъ.... что я ему просто противна!... Прервала ее Маша, глотая слезы.

— Полно, глухая, что полусту надрывать!... уговаривала ее тетка, глядя по головкѣ; а Маша тоскаиво прижималась къ ея плечу и съ отчаяніемъ повторяла:

— Все кончено; звать не угодно было Господу!...

— Да почему это ты думаешь что ты ему противна? и съ которыхъ это поръ пошло у васъ такъ?...

— Я не знаю за что онъ меня возненавидѣлъ; и съ которыхъ поръ, тоже не знаю.

— Это вздоръ, лустаки, за что ему тебя возненавидѣть? а началъ онъ дурачиться ровно съ тѣхъ поръ какъ взялъ это нечистое, богоупраздное мѣсто, съ тѣхъ поръ и оставила го благодать Божія... Какъ же, вѣдь, не хочу де отцомъ одолжаться, самъ буду „зарабатывать“... да вотъ и втюрился въ этотъ, прости Господи, вертепъ!...

Аграѣена Алексѣевна энергически отлаювулась.

Мама вѣсколько утихла, и молча скрестивъ на груди руки, жадно ловила каждое слово, какъ будто желала найти въ нихъ опоры своему разбитому сердцу, и надежда противъ воли ея готова была придраться къ чему-нибудь чтобы снова ожить.

— Почему вы думаете, тетя, что это мѣсто имѣетъ на него такое дурное вліяніе? Промолвила она, устремивъ на просвирию свои кроткіе синіе глаза, на которыхъ еще дрожали слезы.

— Какъ не думать, когда я своими глазами все видѣла и слышала... Тебѣ въ ту пору, по пріѣздѣ изъ Москвы, ничего не сказала, не хотѣла огорчать; а у самой съ тѣхъ поръ душа не на мѣстѣ. Пытались его уговаривать чтобы бросилъ этихъ Чучулиныхъ, такъ вотъ вѣтъ: „Вы де, тетя, не понимаете ихъ, они всѣ образованные, ученые люди“. Гдѣ ужъ мнѣ сговорить съ нимъ, онъ и отцу-то слова вымолвить не дастъ; „по старинному, дескать, палаша разсуждаетъ“... Легко-ль дѣло, какой сталъ умница!...

— Чу! идетъ!.. Это кажется она!.. вскрикнула Мама, и лицо ея мгновенно покрылось матовою блѣдностью.

— Прошелъ на верхъ, въ свою комнату. Ну чего ты вся затрясаясь? Что онъ тебѣ сдѣлаетъ? Идетъ, такъ идетъ, что за бѣда? Я и при немъ могу говорить что знаю...

— Теперь, тетя, разкажите! Мнѣ хочется узнать все подробно какъ вы были въ Москвѣ.

Аграѣена Алексѣевна съ минуту подумала, усѣлась на лежаночку, и начала свое повѣствованіе о томъ какъ она по осени пріѣзжала въ Москву навѣстить милаго племянничка, посмотрѣть на его житье-бытье, и свезти ему именинный пирожекъ.

VI.

— Прїѣзжаю я тогда съ вечернимъ поѣздомъ, захожу къ этимъ Чучулинымъ; вышла кухарка, я и спрашиваю: Гдѣ, молъ, миленькая, мнѣ тутъ найти учителя Сергѣя Колоколова? Я молъ его тетка.—А вотъ, говоритъ, пожалуйста въ комнату; и показала мнѣ на дверь. Я отряхнулась, оправилась съ дороги и вошла въ чистую горницу; гляжу и въ тотъ уголъ, а въ другой, куда бы помолиться, нигдѣ нѣтъ ни одного образа. Знать молъ нехристи какіе живутъ; прости Господи! За столомъ у окошка сидитъ какая-то барынька, гадаетъ въ карты, и такъ уткнулась въ нихъ что и меня не замѣтила. На диванѣ лежитъ молодой человекъ, вздремнулъ къверху ноги; онъ эдакъ искоса поглядѣлъ на меня, да отвернулся, легъ на другой бокъ, спидой ко мнѣ. Я шагнула шага два на средину комнаты, поклонилась этой барынькѣ и спрашиваю: — Вы молъ хозяйшка что-ль здѣшная? — Да, говоритъ, я дочь господина Чучулина; а что вамъ угодно? — Я пришла, говорю, навѣстить моего племянника Сергѣя Колоколова. Эта барынька глянула на меня таково не притѣливо и говоритъ: — Его теперь дома нѣтъ. Не угодно ль, говоритъ, пріѣхать; только если вы сегодня хотите его видѣть, то вамъ придется долго ждать. — Подожду, говорю. Я молъ изъ села Завьялова, домой далече ѣхать. Тутъ она показала мнѣ на стулъ, а сама опять принялась за гаданье. Посидѣла этакъ я минутъ съ пятью, гляжу, открывается дверь и входитъ какой-то мужчина; голова какъ овинъ косматая, подъ мышкой тащить цѣлую охапку книгъ. Тутъ барынька всполошилась, живо спрятала карты, и вскочила съ мѣста. А онъ сперва на меня прищурился, поглядѣлъ, и безъ поклона подошелъ къ хозяйкѣ, да какъ бухнетъ на столъ всѣ книги.—Вотъ, говоритъ, Ольга Назаровна! всѣ пять частей досталъ; а вы молъ все меня не хвалите?—Мерси, отвѣчаетъ она, закуривая папиросу;—я, говоритъ, всегда знала что вы дѣльный господинъ. За это я васъ угощу папироской. И усадила его возлѣ себя. Тутъ она начала толковать объ этихъ книгахъ.

— Что она молода? хороша собой? робко спросила Мама.

— Куда, хороша! рыло такое что поискать... на видъ за

тридцать, рыжая, носастая, ужась что за чучело; недаромъ Чучулиной называется.

У Маши отлегло отъ сердца, и она съ нетерпѣніемъ просила тетку продолжать.

— Потолковали, потолковали, потомъ косячекъ вынулъ изъ кармана какую-то бумагу, да и началъ читать. Глажу, и тотъ шалопай что лежалъ все время на диванѣ живо повернулся и привсталъ, зѣвая и потягиваясь, какъ на смѣхъ, прямо на меня; и начали они всѣ трое хохотать. Тотъ читалъ какіе-то стихи; почитаетъ, почитаетъ, и всѣ олять примутся хохотать. Послушала я, послушала, ничего въ тоакъ не возьму, надоѣло мнѣ: — А позвольте молъ, говорю, васъ спросить куда это Сергѣй-то ушелъ? — Онъ пошелъ въ театръ, нехотя отвѣтила рыжая. — Какъ, наканунѣ ангела, вскрикнула я. Такъ то онъ Бога-то читъ! — А нешто вамъ Богъ-то съ родни что вы такъ за него заступаетесь, отвѣтилъ косматый. — Да, молъ, не знаю какъ съ, а я создана по образу и по подобію Божію, отвѣтила я. — Ну а вотъ мы, говорить, матушка, всѣ отъ обезьяны приходимъ. И захохоталъ. — Господи! заволила я, въ эдакой-то адъ мой Сережа попалъ!.. — А Сергѣй-то какъ тутъ; за нимъ вбѣжалъ мальчишка лѣтъ двѣнадцать и заоралъ: — Несчастіе!.. — Что вѣрно билетовъ не нашли? спросили всѣ въ одинъ голосъ. — Да, не достали, отвѣчалъ Сергѣй. — Нешто молъ нынче ко всеобщей-то ужъ по билетамъ пускаютъ? Промолвила я, да вдругъ и подхожу къ нему. — Узнаешь ли молъ меня, Сережа? Съ наступающимъ ангеломъ!.. — Ахъ! тетенька! вы какъ здѣсь очутились? И какъ лутный нагнулся поцѣловалъ у меня руку; а я загребла его другой рукой за вихоръ-то, качаю да приговариваю: Ты молъ сызъ священника, да и самъ готовишься принять этотъ великій санъ... Онъ рванулся, да какъ лихлетъ меня, а самъ весь поблѣднѣлъ и не знаетъ что сказать. — Такъ-то ты молъ день своего ангела встрѣчаешь? Въмѣсто храма Божьяго да по театрамъ шатаешься? Мой Сергѣй стоитъ какъ тѣнь, ни слова! — Что молъ, знать языкъ прильле къ гортани?... Не диваюсь что ты здѣсь такой сталъ: въ этой безбожной компаніи мудрено ль человѣку развратиться. Тутъ мой Сергѣй какъ заоретъ на меня, а самъ хлопнулъ дверью со всего размаха и ушелъ. — Ну, молъ, хорошо... Вижу что мнѣ тутъ дѣлать больше нечего, поклонилась, да и вышла вонъ; а у самой въ три

ручья слезы. Пошла съ горя на Арбатъ, къ Марѣ Гавриловѣ вочевать, и пирожокъ не услѣла поднести своему шмашнику, такъ онъ тамъ и остался на стулѣ. Вотъ теперь видишь отчего нашъ Сергѣй на себя не похожъ сталъ?—привадила Агравена Алексѣевна кончивъ свой разказъ.—И тебѣ много печалиться не совѣтую; повѣрь ты мнѣ что они на него словно туманъ какой нагнали, вотъ дай срокъ, опомнится и опять все пойдетъ по-старому.

Машу ни мало не успокоилъ этотъ разказъ, она ясно видѣла что тетюшка по невѣдѣнію и по мѣжвости своей къ лаеманику слагаетъ всю бѣду на Чучуаиныхъ, а въ чемъ они тутъ виноваты, она ясно не сознавала. „Онъ просто разбилъ меня“, думаетъ дѣвушка грустно лоникши головой, и въ раздумьи она не замѣтила какъ старушка слѣзла съ лежанки и такими шагами вышла вонъ изъ комнаты.

VI.

— Боря! да что ты заспался сегодня? Блины простынутъ. Я ужъ въ третій разъ прихожу будить тебя. Вставай.

Такъ говорила Бобошина притащивъ въ свѣтелку къ столу горячихъ блиновъ и съ творогомъ и съ яицами. Но Борисъ дѣшнво потягивался, пользуясь послѣдними минутами домашняго приволья. Не плохое ему было житье и въ Питерѣ, а все же не то что дома.

— Вставай, вставай! говорила мать. — Для него нарочно блины безо время затѣяла, а онъ тутъ потягивается, да почесывается. Отецъ ужъ давно въ роцъ уѣхалъ, а тебѣ строго приказалъ перелисать все что записано карандашомъ въ зеленой книгѣ. Слышишь! вставай!.. А послѣ обѣда мы позваны къ Спиридоничу въ гости; пойдешь что ль съ нами?

При послѣднихъ словахъ парень живо вскочилъ на ноги, куда и сонъ дѣлся.

— Какже, матушка, безпремѣнно пойду! И Борисъ наскоро поѣлъ блиновъ; не прошло и четверти часа какъ онъ уже сидѣлъ за счетною книгой, усердно переписывалъ и подводилъ итоги.

Нынѣшнюю ночь онъ, правду сказать, почти до разсвѣта яворочался съ боку на бокъ. Лишь только хочетъ задремать, предъ нимъ сейчасъ, какъ живая, явится высокая, гиб-

кая фигура блѣкурой красавицы. Эта рѣзвая лутовка съ улыбкой глянетъ ему въ очи; у ларя словно мурашки ползутъ по сердцу, вздрогнетъ онъ, откроетъ глаза и совъ улетитъ какъ испуганная птица.

Не болѣе часа сидѣлъ Борисъ за счетною книгой, живо все переписавъ, повѣрилъ итоги, положилъ книгу на полку и началъ съ нетерпѣніемъ поглядывать въ окошко: скоро ль отецъ вернется къ обѣду.

Приготавливаясь въ гости, Борисъ тщательно вычистилъ свои оловянные салоги съ красными отворотами и тонкаго сукна поддевку; стирая съ нея каждую лылилку, онъ не разъ вздохнулъ по своему новому сюртуку, въ которомъ щеголялъ въ Питерѣ. И порядкомъ побранилъ себя что не захватилъ его на всякій случай.

Таяя вышла въ хороводъ для шутки, чтобы подразнить поповича, и сама не подозрѣвая того, не шутя затронула ретивое молодого Бобошина.

Послѣ обѣда Николай Спиридовичъ отправился съ полуштофомъ въ деревню Волково, чтобы купить для Бобошиныхъ сладкой водки, такъ какъ никто изъ нихъ не пилъ простаго вина. Деревня Волково была отъ нихъ въ двухъ верстахъ, и Спиридовичъ живо слеталъ туда.

— Вотъ тебѣ, Агаша! Чистъ скорѣй на закуску, говорилъ онъ женѣ, подавая двѣ селедки; затѣмъ вытащилъ изъ кармана сладкую водку и еще косушку очищеннаго.

— Вотъ ужъ этого-то, годубчикъ, напрасно купилъ, сказала жена, съ грустью посмотрѣвъ на простое вино.

— Эхъ, матушка! Какъ напрасно? неравно еще кто на-вернется... Сейчасъ мнѣ Дементій Пѣтушковъ встрѣтился, хотѣлъ тоже завернуть къ намъ; кстату надо и тому поднести рюмочку. Добрые люди впередъ пригодятся: „не имѣй сто рублей, а имѣй сто друзей“. Да вотъ и Пѣтушковъ уже здѣсь, какъ разъ легокъ на поминѣ, прибавилъ Спиридовичъ взглянувъ въ окно.

Пономариха мигомъ схватила со стола сладкую водку и спрятала въ заваокъ; чтобы не рослили ее прежде времени.

Не прошло и четверти часа какъ къ дому ихъ подошли Бобошины; проходя мимо оконъ, Уляна заглянула въ кухню, гдѣ пономариха рѣзала селедку.

— Дома ль? крикнула Бобошина съ добродушною улыбкой. Агаея Ивановна бросилась за ворота встрѣчать доро-

гихъ гостей, а Ульяна, здороваясь, сунула ей въ руку узелокъ съ мятвыми пряниками, изюмомъ и орѣхами изъ своей лавочки, приговаривая:

— Прощу не взыскать на моемъ маломъ гостинцѣ.

— Чтѣ ты, родная, все съ своимъ угощеньемъ приходишь? отговаривалась пономариха.

— Какое тутъ угощенье! Это я немножко принесла твоимъ ребяткамъ позабавиться.

— Наше почтеніе Николаю Спиридоновичу съ сожителницей и дѣтками! Провозгласилъ самъ Бобошинъ, помоглась на иконы, и ставъ посреди избы важно раскланывался. Борись же молча поклонился хозяевамъ и, несмѣло озираясь, искалъ глазами Таню, но ея не было въ комнать.

Пonomарь засуетился и началъ усаживать гостей на почетное мѣсто; а пономариха поставила посреди стола сладкую водку, и кругомъ нея разложила на маленькихъ тарелочкахъ закуски: тутъ были соленые огурцы, качанная капуста, мелко наръзанная говядина и селедка.

Въ полыхахъ Спиридоновичъ усадилъ самого Бобошина прямо подъ кадиломъ, которое загремѣло и на голову тому посыпалась зола и уголья.

Пonomарь проворно вскочилъ на лавку, схватилъ съ гвоздика кадило и началъ имъ помахать, приговаривая на распѣвъ:

Сіе малое кадило
Всѣхъ на свѣтѣ уходяю,
Добирается того,
Кто и носитъ его!..

Спиридоновичъ намекалъ на похоронный обрядъ. Гости засмѣялись.

— Чтѣ и говорить, ты у насъ мастеръ на все!.. замѣтилъ Пѣтушковъ:—Лучше тебя наврядъ ли кто скажетъ шуточку и прибауточку. А вамъ то и на руку, не все же человѣку унывать, да сидѣть повѣся носъ: сторбатитесь прежде времени; подчасъ не мѣшаетъ и разсмѣяться. Вотъ еще завтра на могилахъ по родителямъ заплачемся....

— Нѣтъ, братъ, завтра „радуницу“ править не ставемъ, некогда; послѣ обѣдни сейчасъ на выгонъ.

— Ахъ, да, вѣдь завтра Егорьевъ день! восклицнулъ Бобошинъ:—Какъ же это, радуница-то стало-быть останется?

— До субботы отложимъ, сказалъ пономарь, въ субботу ужь и запоемъ:

Пришла Дмитрова суббота,
 Всѣмъ кутейничкамъ работа.
 Любезные блинчки!
 Пресладкая кутья!
 На могилахъ бабы воютъ,
 Кутейнички блинчки ловятъ.
 Любезные блинчки!
 Пресладкая кутья!

— Ха-ха-ха! покатывались гости со смѣха.

Всѣмъ гостямъ было весело, только Борисъ не переставалъ смотрѣть на дверь и думалъ: „Вотъ, вотъ войдетъ Татьяна Николаевна“.

— А гдѣ же ваша Таня? спросила наконецъ Ульяна пономариху.

— Пошла въ ваши края, да вотъ что-то долго засидѣлась; къ Ариушкѣ побѣжала за ляльцами. Та вздумала на Святой вышивать тамбуромъ полотенце и выпросила у насъ ляльцы, а теперь Таня сама хочетъ впляивать; Савиновы обѣ ло-ротничку заказали ей.

При этомъ разговорѣ смуглая, слегка подернутая лугомъ, щеки Бориса сильно разгорѣлись, глаза отуманились.

— Теперь ты, Дементій, разкажи намъ про свое питерское житье-бытье! молвилъ Спиридоновичъ, наливая Пѣтушкову рюмку вина:—Я слышалъ что ты тамъ какъ сыръ въ маслѣ катаешься.

— Нечего Бога гнѣвить, житье мнѣ такое что и умирать почитай не надо. Вотъ Борисъ знаетъ какъ хозяинъ хорошъ до меня; люди встаютъ ранехонько, да бѣгутъ въ лавки, а я какъ живу при хозяйской квартирѣ, то встану себѣ не слыша, помаленичку, и прежде всего чайкомъ позабавлюсь.

— Утромъ-то небось съ аплетитомъ чайку-то польешь, вмѣшался пономарь,—не то что вотъ наше дѣло: вскочишь съ постели, да бѣжишь на колокольню звонить; и порядкомъ пересохнешь у тебя въ глоткѣ лока обѣдно-то поѣшь. Приходь большой, почти всякій день заказныя службы.

— Да вѣдь служите-то не даромъ; кабы мы не заказывали обѣденъ, то вамъ и чайку бы не на что было купить, замѣтилъ Бобошинъ, съ улыбкой прищурясь на пономаря.

— Чтò и говорить, Агаѳонъ Кузмичъ, спохватился Спиридовичъ,—спасибо наши мужички усердны къ храму Божьему, и съ нашимъ братомъ хорошо платятся... Я, братъ, перебилъ тебя, Дементій, продолжай какъ ты тамъ съ аппетитомъ чаекъ распиваешь?

— Нетокмо что съ однимъ, иной разъ и съ двумя аппетитамъ; съ двусмысленною улыбкой началъ Пѣтушковъ.

— Какъ же это такъ? допрашивала пономариха, заваривая чай.

— А вотъ какимъ образомъ: утромъ выйдешь въ людскую, тамъ молодая чернобровая прачка сидитъ за самоварчикомъ; разумеется, и меня сейчасъ дернетъ за рукавъ и усадитъ возлѣ себя. А тамъ, глядишь, выходитъ горничная: въ раскрашленномъ платьѣ, такъ юлками и шуршитъ, а сама бѣленькая, румянькая, курносенькая, глазки съ просяны какъ щелочки. Войдетъ, этакъ манерно покловится и подсядетъ къ намъ со своимъ чайничкомъ. Вотъ я такимъ образомъ и распиваю чаекъ съ двумя аппетитами.

— Смотри, Пѣтушковъ! полушутя погрозилъ ему Бобшинъ.—Вотъ я женѣ твоей скажу чтобъ она тебѣ хорошенько бороду вытаскала за эти „аппетиты“... Этакъ ты у меня и ларенька моего введешь тамъ во искушеніе... А знаешь чтò въ Писаніи сказано: „Горе тому чрезъ кого соблазвъ входить въ міръ“.

— Чтò жь тутъ за соблазвъ и какая вамъ изъ того обада что я въ компаніи чайку палюсь? Дѣвушки онѣ смарныя; да у насъ и хозяйка кое-какихъ-то держать не станутъ. А что касается до вашего Бориса, то онъ живетъ посреди насъ чтò твоя монашенка, на женскій полъ и глазъ не поднимаетъ... надо правду сказать, ларень примѣрный.

Борисъ сконфузился и отвернулся къ окну; глядитъ, а тамъ Тая скоро бѣжитъ своей частенькою походочкой. У ларня сердце ёкнуло и чашка затряслась въ рукахъ.

Войдя въ комнату, Тая съ привѣтливою улыбкой поклонила гостямъ, поставила въ уголокъ ляльцы, сняла съ головы платочекъ и поправивъ за уши свои золотистые волосы, подошла къ столу.

„Ровно сахарная куколка“, подумалъ Борисъ.

— Чтò это ты, сударыня, засидѣлась? Видь я тебѣ строго приказала скорѣй приходитъ домой! прикрикнула не мать.

— Не сердитесь, мамочка, я право все слѣшила домой, но къ Аринушкѣ пришла тетка, прямо изъ Кіева, и такъ хорошо начала разказывать про этотъ чудный градъ, про святую мощи; какія тамъ есть пещеры!.. И много, много поразказала интереснаго, такъ что я заслушалась и не замѣтила какъ промелькнуло время. Пустите меня, мамочка, въ Кіевъ; на свои „трудова“ лодку! съ жаромъ говорила Таля.

— Теперь ты наливай намъ чай и подчивай, Таля, сказала мать, уступая ей свое мѣсто.

— А значить радуницу-то нынѣ въ субботу будемъ править? спросилъ пономаря Бобошинъ.

— Въ субботу, отвѣчалъ тотъ.

— Подумаешь какъ народъ-то былъ уменъ въ старину, разсуждалъ старикъ Бобошинъ,—всякому то-есть обряду вѣрное названіе далъ: хоть бы теперича „радуница“. Мы радуемся Свѣтлому празднику, а на Фоминой творимъ память по усопшимъ родителямъ, чтобъ и ихъ души на томъ свѣту возродовались.

— Разумѣется въ старину народъ больше для Бога да для души своей старался, а нынче всякій паровитъ о мамонѣ да о нарядахъ думать, заявила свое мнѣніе пономариха.

— Чтѣ и говоритъ! поддакнула ей Бобошина.

— Хорошо толковать о душеполезныхъ дѣлахъ, перебилъ ихъ хозяинъ,—а все же за компанію не мѣшало бы и лѣсенку слѣть. За тобой чередъ, Дементій! Ну-тка, начинай какую позакатиствѣй!

Тутъ Дементій раза два откашлялся, вскинулъ голову и, подбоченясь, залаялъ звонкимъ теноромъ; Спиридоновичъ не выдержалъ, началъ ему подтягивать:

Ужъ какъ всѣ мужья до жемъ своихъ добры,
 Покупили имъ сибирскіе бобры,
 Ужъ какъ мой-то мужичокъ-дурачокъ
 Мнѣ на зло купилъ коровушку,
 Загубилъ мою головушку!
 Все коровушку подой, да подой,
 А теленочка калой, да калой...
 Помою ли я коровушку лѣскомъ,
 Закричу я своимъ звонкимъ голоскомъ:
 Ты медвѣдь ли мой, медвѣдушка лѣсной,

Ты посаужай-ка молодки молодой,
Обдери мою коровушку,
Развяжи мою головушку!

— Экіе озарники! усмѣхнулась Ульяна. — Бабь на зубки поддѣваютъ; а сами безъ бабь ни на шагъ.

Агаеовъ приподнялся и началъ собираться домой, говоря:

— Будеть, полпировали, пора и хозяевамъ дать покой; не то Спиридоновичъ пожалуй утрею проспитъ дая Егорьева дня.

Предложеніе отца не со всѣмъ-то было по-сердцу Борису, ему хотѣлось еще хоть бы часокъ посидѣть съ Таней, которая какъ нарочно только-что была съѣла подлѣ него. Но дѣлать было нечего, всѣ уже встали.

— Когда же телерица къ намъ-то... ваше... какъ бишь тебя величать-то? ваше *священство*, ужь больно высоко; ваше *степенство* будетъ не справедливо... шутилъ Бобошинъ, прощаясь съ пономаремъ.

— Мой титулъ тоже не маловаженъ, съ обычною находчивостью отколосъ Спиридоновичъ, — меня на три маера можно величать: кадило-раздуватель, свѣщи-возжигатель, церковно-залиратель. Выбирай любое!

Шутка вызвала общій смѣхъ, затѣмъ всѣ распрощались.

VIII.

На зарѣ Агаея Ивановна разбудила мужа къ заутрени. Спиридоновичъ всталъ, надѣлъ свой долгій казиковый сюртукъ и отправилась въ коморку пошарить въ залавкѣ, не осталось ли чего послѣ вчерашнихъ гостей... Пономариха, услышавъ что мужъ скрикнулъ залавкомъ, встревожилась и окликнула:

— Николай Спиридоновичъ! ты чего тамъ ищешь?

— Табаку насыпаю въ табатерку, солгалъ Спиридоновичъ.

— То-то; а я ужь было думала что ты какія-нибудь глупости затѣялъ.

Спиридоновичъ молча шмыгнулъ въ дверь.

Агаея Ивановна встала и открыла залавокъ, глядя, а въ полуштофѣ сухохонько... Ну, думаетъ она, дѣло плохо!.. Тѣмъ болѣе что Спиридоновичъ давно ушелъ звонить, а удара въ колоколъ все еще не было. Больше получаса она съ трепе-

томъ прислушивалась и сердце ея сжималось страхомъ: Не отправился бы муженекъ вмѣсто церкви, да въ Волково...

Но вотъ, послышался благовѣсть, пономариха перекрестилась и стала класть въ печку дрова.

— Тая! вставай! картофелю надо начистить на похлебку; слышишь? а то не управимся къ выгону.

Дѣвушка, протирая глаза, живо вскочила съ постели и начала помогать матери стряпать.

Когда по кухнѣ все ужь было готово, Тая, нарядивъ своихъ сестеръ, причесалась и одѣлась сама, и пошла съ ними въ церковь.

— На отходѣ обѣдни смотри прибѣги домой, выгнать скотину! крикнула ей вслѣдъ мать, сажая въ печку пироги.

— Хорошо, маменька, приду!

Входитъ Тая въ церковь, постояла тамъ нѣсколько минутъ, и видитъ что отца ея нѣтъ на клиросѣ. Съ болью въ сердцѣ догадалась дѣвушка что вѣрно его сегодня и не было здѣсь... Ея свѣжее личико мгновенно поблѣднѣло и омрачилось безлокойствомъ.

„Какъ быть, думаетъ она: пойти ли сказать матери, или ужь не огорчать ея до времени?“ Рѣшивъ на послѣднемъ, она усердно принялась молиться.

На концѣ обѣдни приходитъ Тая домой; мать встрѣтилась ей въ слѣзахъ съ заплаканными глазами; дѣвушка уже знала причину ея слезъ. Входитъ въ комнату, смотреть, отецъ лежитъ поперекъ кровати и ноги свѣшены долой.

Хотя это горе было не новое, но тѣмъ не менѣе оно сокрушило семейныхъ. Огорченная Тая подставила скамейку и осторожно положила на нее ноги спящаго отца, который хралѣлъ на всю горницу.

Но вотъ, затрещали во всѣ колокола, и народъ, по выходѣ изъ церкви, слѣшилъ выгонять свой домашній скотъ.

Агаея Ивановна зажгла Богоявленскую свѣчу предъ образами, вынула изъ-за кивота лучокъ вербы, раздѣлила его дѣтямъ и всѣ присѣли на лавку. Въ эту минуту Спиридоновичъ промывалъ что-то сквозь зубы и вдругъ дикимъ, хрилымъ голосомъ залѣлъ:

Жигумъ, жигумъ, жигумець!

Разудалый молодець!

Пойду выдержу тычишку...

Сама шмыгъ въ огородъ...

Жигуль, жигуль, жигулецъ!..

— Царица Небесная! шептала пономариха тихо вслашывая.— Матерь Божія, укрѣли насъ терпѣніемъ!

Затѣмъ всѣ встали, помолились, и пошли въ хлѣва выгонять свою скотинку. Таня обратала гнѣдка и повела его подъ уздцы; мать погнала коровушку съ телкой; а маленькія дѣвочки подгоняли овецъ, около которыхъ рѣзво полрыгивали бѣленькіе ягнята.

Крестьяне дружною толпою, съ вербовыми вѣтвями въ рукахъ, гнали мелкій и крупный скотъ черезъ село къ загогу. Колокольный звонъ какъ-то торжественно сливался съ ревомъ коровъ, ржаніемъ лошадей и блякнѣмъ овецъ. Животныя шумно выражали свою радость, почувя лѣтнее приволье послѣ долгаго заключенія въ хлѣвахъ.

Загонъ представлялъ четверугольникъ, съ поддесятью земли обнесенной изгородью, куда вогнали весь мелкій и крупный скотъ, и гдѣ теперь поставили посрединѣ накрытый бѣлою скатертью столъ, на которомъ была приготовлена большая деревянная чаша съ водой. Два пастуха стали у входа, одинъ съ хлѣбомъ-солью, другой съ иконой Св. Власія, покровителя домашнихъ животныхъ.

Колокольный звонъ продолжался; но скотъ уже стоялъ тихо, какъ вкопанный, вытянувъ шею по направленію къ воротамъ; и казалось ожидалъ чего-то, и какъ будто къ чему прислушивался.

Вдали, у церкви, заколыхались хоругви, заблестѣли на солнцѣ мѣстные образа, народъ двинулся, и по вѣтру донеслось пѣніе: *Христосъ Воскресе!*

Скоро священникъ вошелъ съ крестомъ, дьяконъ съ кропиломъ. Затѣмъ пѣвчіе разставили иконы вокругъ стола и начался молебенъ съ водосвятиемъ.

— Посмотрите, маменька! наша буренка молиться не хочетъ, пошла въ уголъ!.. огорчилась Параша, маленькая дочка пономаря.

— Тс! тише! остановила ее мать, и дѣвочка принялась усердно молиться.

Бобошинъ Борисъ стоялъ не подалеку отъ пономаревыхъ и все время не слускалъ глазъ съ Тани, которая держал

лошадь подъ уздцы. Ихъ гнѣдка нельзя было пустить въ табунъ; онъ имѣлъ дурную привычку кусаться съ прочими лошадьми. Обыкновенно во время выгона заботился о немъ самъ пономарь; хотя и Танѣ было не въ диковину обращаться съ лошадью, но на эту пору ей сдавалось что каждый уже догадывался о причинѣ отсутствія ея отца.

Молебень кончилась, иконы съ лѣвнємъ повесли въ церковь, священникъ на всѣ стороны осѣнилъ крестомъ скотину, а дяковъ окропилъ ее святою водою.

Проводивъ святыню, ластухъ затрубилъ въ рожокъ, и громко похлопывая кнутомъ, погналъ свое стадо въ зеленѣвшіе луга. Народъ долго еще стоялъ провожая глазами своихъ четвероногихъ питомцевъ, наконецъ разсыпался по полямъ, и каждый отыскавъ свою полосу, воткнулъ въ нее вербочку, чтобы рожь такъ крупна уродилась какъ распуковки на вербѣ, и чтобы не лобило ея градомъ.

Послѣ обѣда Борису надо было собираться въ Питеръ. Отецъ послалъ работника запрягать лошадь, а мать стала увязывать сдобныя лепешки, которыя наклея сынку на дорогу. Борисъ собирался нынче какъ-то нехотя, часто задумывался и по временамъ взглядывалъ на отца, какъ бы желая что-то сказать ему, но видимо не рѣшался.

Когда телѣжку подали къ крыльцу, Агаеонъ широко осѣнилъ себя крестомъ и присѣлъ на лавку; за нимъ последовали мать и сынъ; наконецъ всѣ встали, помолились и Бобошинъ, прощаясь съ сыномъ, сказалъ ему въ наставленіе:

— Ну, Борисъ, смотри держи себя хорошенько! Помни: что пошьешь, то и ложнешь. Забаловаться человѣку немудрено, лиха бѣда разъ полустить себя, а тамъ ужъ и не лотрафишь на добрую колею. Смотри сынокъ, я надѣюсь на тебя крѣпко! заключилъ отецъ обнимая Бориса. Потомъ тихими шагами приблизилась къ нему мать и со слезами припавъ на грудь сына приговаривала:

— Прощай, мой соколикъ, мое красное солнышко, лоскорѣй письмоце-то пришли къ намъ!

Боря нагнулся чтобы обнять ее, и мать начала цѣловать его и въ щеки, и въ глаза, и въ губы.

Затѣмъ всѣ трое вышли изъ избы. Борисъ съ матерью сѣлъ въ телѣжку и взявъ въ руки вожжи оглянулся на отца, который въ эту минуту быстро отиралъ глаза рукавомъ красной рубахи.

Телѣжка тронулась, но отецъ долго еще стоялъ безъ шапки у воротъ, глядя вслѣдъ удалявшемуся сыну.

Пока Бобошины прощались, Катя Савинова все время стояла подъ навѣсомъ своего дома. Проводивъ Бориса глазами, она вошла къ себѣ въ свѣтелку, сѣла у открытаго окна и олуствивъ головушку на сѣбѣ руки, крѣпко задумалась. Агаѣонъ наблюдалъ за ней, и видѣлъ какъ потомъ подвела она разгорѣвшееся лицо, взглянула еще разъ въ ту сторону куда скрылась телѣжка Бориса, вытерла глаза кисейнымъ рукавомъ и тихо заплакала. Щеки ея пылали, янтари колебались на высокой груди, голосъ дрожалъ и мало-по-малу становился все громче и звучнѣе, такъ что Агаѣонъ, стоя у воротъ, невольно заслушался ея пѣсни. Катя пѣла:

Солнце красное, оставь ты небеса!
 Ты скорѣй катись за темные лѣса!
 Свѣтелъ мѣсяцъ, ты оставься за горой!
 Покрывайся все ночью темнотою!
 Ужь вы дайте мнѣ малакаться маадою,
 Съ моею лютою сердечною тоскою.
 Со всего свѣта пришла ко мнѣ бѣда:
 Разсердилася мой любезный на меня;
 Омъ сѣдаетъ своего ворома кома
 И сѣзжаетъ со широкаго двора.
 Поровналася со мной краснымъ окномъ,
 Не махнулъ мнѣ левантиновымъ платкомъ,
 На прощаньѣ омъ не смотритъ мнѣ въ лицо...
 Разомнись мое вѣнчаальное кольцо!
 Разорвися сердце бѣдное тоскою!...
 Милый ѣдетъ за невѣстою шой.
 Ты развейся моя русая коса!
 Пропадай моя дѣвичья красота!...

„Вѣдъ это она на него лѣсней-то мѣтитъ“, подумалъ Бобошинъ, выразительно тряхнувъ головой, „люди ты вотъ, слало-быть еще глушь парень.... Этакая красота по немъ тудитъ, а онъ себѣ и ухомъ не ведетъ.“

Телѣжка между тѣмъ остановилась на концѣ села, противъ пономарева домика. Борисъ, передавъ вожжи матери, соскочилъ съ облучка, говоря:

— Я, матушка, забѣгу на минуту къ Спиридоничу; ввсера, кажется, у нихъ забылъ свои лосинныя перчатки.

Съ этими словами онъ подбѣжалъ къ окну; Таня отворила. Три видѣ ея у парня едва хватило духу спросить о перчаткахъ. Молодая дѣвушка засуетилась, сейчасъ отыскала зеленыя лосиные перчатки и подавая ихъ Борису привѣтливую спросила:

— Вы вѣрно ужь въ Петербургъ отправляетесь?

— Да-съ, ужь нагулялся, пора и за работу.

Въ эту минуту за перегородкой забурлилъ льяный Спиридоновичъ; Таня со страхомъ взглянула на перегородку, отъ тыда готова была провалиться сквозь землю. Въ смущеніи протянувъ руку Бобошину, она торопливо проговорила:

— Прощайте! Дай Богъ вамъ всякаго благополучія! и заклопнула окно.

Борисъ пошелъ отъ окна ловѣя голову и думалъ про себя: „Такъ вотъ она сердечная отъ чего была такъ печальна за выгонѣ, значитъ олять закутилъ.“

Всю дорогу до самой станціи онъ проговорилъ съ матерью о семействѣ пономаря; но про любовь свою къ Танѣ онъ все-таки не рѣшился намекнуть ей ни однимъ словомъ.

IX.

Послѣ Егорьева дня Сергѣй тоже началъ собираться въ Москву и предъ отъѣздомъ ему во что бы то ни стало хотѣлось повидаться съ Таней. „Но какой бы взять для этого предлогъ? Зайти ли самому къ пономаревымъ или вызвать ее сюда какъ-нибудь чрезъ Марью Львовну? Впрочемъ та еще пожалуй подумаетъ что я заискиваю ее самое; нѣтъ, это нейдетъ“, обдумывалъ Сергѣй сидя въ своей комнатѣ и тогладывая въ боковое окно на крышу пономарева домика. Но вдругъ онъ вскочилъ съ мѣста, быстрымъ движеніемъ приложилъ руку ко лбу и воскликнулъ: „Эврика, эврика!“ Ватѣмъ мигомъ сбѣжалъ съ лѣстницы, вошелъ въ гостиную и увидя тамъ отца молча подошелъ къ нему подъ благословеніе.

— Что это значитъ: здороваается мой богословъ или прощается? заговорилъ отецъ Павелъ съ любовью глядя на сына.

— Какъ хотите сочтите, отрѣзалъ Сергѣй,—сегодня въ пять часовъ я дѣйствительно намѣренъ отправиться въ Москву.

— Что такъ скоро?

— Обязанность призываетъ.

— А мнѣ на праздникъ путемъ не пришлось и посмотреть на тебя; а главное, нужно бы поговорить съ тобой о дѣлѣ...

— Между нами о дѣлахъ, надѣюсь, разговоры кончены, послѣшилъ прервать его Сергѣй, догадываясь куда клонить рѣчь старикъ.—Я выжидаю какъ только откроется въ Москвѣ дьяконское мѣсто, и когда постуляю на него, то извѣщу, конечно, и васъ.

— О-охъ! вздохнулъ отецъ Павелъ, покачавъ головой на сына, затѣмъ согнулся старичокъ и молча побрелъ въ свой кабинетъ.

Сергѣй же прошелъ въ комнату Машы, и сухо спросилъ:

— Не здѣсь ли моя старая хрестоматія?

— Да, кажется здѣсь, отвѣчала дѣвушка доставая съ полки потертую книгу; Сергѣй молча взялъ ее и вышелъ изъ комнаты. Онъ проворно опять вбѣжалъ наверхъ, схватилъ листокъ бумаги, разорвалъ его пополамъ, и написавъ нѣсколько словъ, вложилъ эту записку въ книгу, а самъ началъ охорашиваться предъ зеркаломъ, усердно възерошивая свой чубъ, который и безъ того всегда торчалъ къ верху, что впрочемъ шло къ его греческому профилю.

Затѣмъ Колоколовъ взялъ подъ пальто приготовленную книгу и отправился къ лономаревымъ.

— Погляди-ка, Танюша, вѣдь кажется это къ намъ идетъ поповичъ? Такъ и есть, къ намъ!... сказала Агаея Иванова, заглянувъ въ окошко.

— Ахъ! Боже мой! какъ же быть-то? онъ увидитъ тятеньку... встревожилась Таня, торопливо запирая дверь на крючокъ.

— Бѣги скорѣй, спроси, зачѣмъ онъ, и скажи что молъ отецъ нездоровъ.

— Чего вы тамъ еще хитрите, окрикнулъ ихъ пьяный Спирidonовичъ.—У меня не лгать! Понеже отецъ жи есть дѣволъ.

— Не безпокойся, голубчикъ, спи! кротко уговаривала его жена:—Это я унимаю ребятшекъ чтобъ они не шумѣли. И лономариха дала Танѣ знакъ рукой чтобъ она вышла. Та на цыпочкахъ прокралась къ двери и мигомъ выбѣжала за калитку.

— Какое счастье! воскликнулъ Сергѣй увидя Таню; но она

лослѣшила объявить что отецъ боленъ и извинилась что они никакъ не могутъ принять его.

— Мнѣ никого и не надо видѣть, кромѣ васъ, вырвалось у него.—Вы, кажется, желали прочесть хрестоматію Галахова, вотъ она! молвилъ Сергѣй подавая Танѣ книгу:—это моя собственность, и вы можете оставить ее въ ваше владѣніе; она мнѣ не нужна больше.

Таня вся вслыхнула, глаза ея блеснули дѣтскою радостью; она бережно повертывала въ рукахъ книгу, и съ какой-то робкою улыбкой взглянула на Сергѣя, проговоривъ:

— Покорно васъ благодарю! и хотѣла удалиться; но Сергѣй остановилъ ее за руку и шелнулъ:

— Обратите вниманіе на двадцатую страницу...

— Тамъ вѣрно стихи которые вамъ особенно нравятся? наивно спросила Таня.

Не отвѣчая на вопросъ, Сергѣй пристально посмотрѣлъ ей въ глаза и со сдержанною улыбкой сказалъ что онъ сегодня увѣзжаетъ, но зайдетъ къ ней подъ окно проститься.

Дѣвушка съ недоумѣніемъ посмотрѣла на него, молча поклонилась и исчезла за дверь.

— Волшебница! прошелталъ Сергѣй глядя ей вслѣдъ:— съ каждымъ днемъ все хорошеетъ.

— Маменька, душечка, посмотрите какую книгу подарилъ мнѣ Сергѣй Павловичъ; сколько тутъ стиховъ! шелтала Таня отъ радости, не зная куда спрятать подарокъ.

— Чтò это ему вздумалось?.. сказала мать, какъ-то подозрительно поглядывая на книгу.

— Онъ слышалъ какъ я одинъ разъ говорила Машѣ что мнѣ хочется почитать хрестоматію, взялъ да и подарилъ мнѣ, говорить, она у него лишняя.

Помоариха, видя откровенность дочери, успокоилась и сказала:— Спасибо ему за это.

Таня бросилась съ книгой въ холодную горницу чтобъ одной на просторѣ просмотрѣть ее, открыла двадцатую страницу, гдѣ къ удивленію нашла записку, и стала читать:

„Я увѣжаю, и увожу съ собой вашъ прелестный образъ, который живетъ и будетъ вѣчно жить въ моемъ сердцѣ. Пусть эта книга когда-нибудь наломнитъ вамъ безпредѣльно любящаго васъ С. К.“

Таня задумалась, щеки ея вспыхнули яркимъ румянцемъ; съ минутою она въ смущеніи смотрѣла на записку, потомъ,

какъ бы желая преодолѣть какое-то смутное чувство, отрицательно потрясла головой, прошептавъ:

— Пустяки! глупости!.. Это одна насмѣшка... Онъ думаетъ что я такъ сейчасъ и повѣрю.

И схвативъ чернилицу она нетвердою рукою закрестила записку, приписала подъ ней нѣсколько словъ и положила въ карманъ обдумывала какъ бы ей похитрѣе передать эту записку Сергѣю, чтобы не замѣтили домашніе. Къ счастью ея матери не было дома, она ушла съ бѣльемъ на рѣчку, а маленькія сестры любѣжали на усадьбу за молодою крапивою для зеленыхъ щей; одинъ только отецъ громко храпѣлъ за перегородкой, и Таня въ ожиданіи Сергѣя придвинула яляцы подъ самое окно и сѣла за вышиванье.

Сергѣй собрался въ Москву. Отецъ Павелъ молча, съ прискорбнымъ видомъ, благословилъ его, а тетюшка прощаясь сунула ему въ руку двѣ десятирублевыя ассигнаціи; это были деньги Машины, которыя отецъ Павелъ подарилъ ей на платье, по раздѣлѣ дохода; но она видѣла что у Сережи сильно потерто пальто, и знала что отецъ имъ крайне недоволенъ, не станетъ набиваться съ деньгами, а тотъ по гордости не попроситъ; Маша уговорила тетку передать ему эти деньги, такъ чтобы онъ не подозрѣвалъ чьи онѣ; а сама она не вышла изъ комнаты, когда прощался Сергѣй: ей больно было бы встрѣтить его холодный поклонъ.

Просвирия было собралась провожать милаго племянника, но тотъ остановилъ ее, говоря что терпѣть не можетъ никакихъ проводовъ. Дѣлать нечего, вздохнула Аграфена Алексѣевна, сняла шугай, и проворчавъ „Господь съ нимъ“, влѣзла на лежанку и подгорюнилась.

Сергѣй пустил работника съ лошадыю впередъ, а самъ забѣжалъ къ пономаревымъ подъ окошко.

Увидя его Таня растерялась, покраснѣвъ до ушей, она торопливо вынула изъ кармана записку, молча сунула ее Сергѣю въ руку и спряталась за простѣнокъ.

Молодой человѣкъ съ восторгомъ схватилъ отвѣтъ на свое *billet doux*, живо догналъ работника и вскочивъ въ телѣжку, дрожащими руками развернулъ отвѣтъ, но увы! какъ велико было разочарованіе когда ему бросилась въ глаза его собственная записка, зачерченная жестокою рукою; особенно когда прочелъ подъ ней слѣдующую фразу:

„Просту васъ впередъ никогда не дѣлать мнѣ такія глупости. Лучше возьмите назадъ свою книгу.“

Эти слова сильно задѣли за живое нашего студента. Онъ злобно скомкалъ въ рукѣ роковой отвѣтъ, и что есть мочи крикнулъ на работника:—Чего мямлишь, погоняй проворнѣе!..

X.

Настала вакація, въ церковныхъ слободкахъ всюду начали поджидать гостей изъ Виѣанской и изъ Московской семинарій; кто своихъ членовъ семьи, а кто тѣхъ родственниковъ которымъ некуда пріютиться на вакантное время.

Нѣкоторые изъ семинаристовъ нерѣдко проводятъ всю лѣтнюю вакацію совершенно у чужихъ, въ семействахъ одного изъ своихъ товарищей. Ихъ вообще принимаютъ радушно, въ особенности тѣхъ которые уже на богословскомъ курсѣ. Имѣющіе взрослыхъ дочекъ или племянницъ мѣтять такимъ образомъ породниться.

Молодые дѣвушки предъ вакаціей въ особенности хлопчуть сохранить свое личико отъ загара: исполняя огородныя и полевыя работы, онѣ тщательно укрываются кисейными платками, и приберегаютъ къ этому времени свои наряды.

Въ Завьяловскомъ причтѣ также поджидали изъ Виѣаніи гостей.

— Слышала ты, Маша, новости? говорила Таня своей подругѣ, когда онѣ въ сумерки сидѣли съ ней вдвоемъ на крыльцѣ.

— Какія новости?

— Вотъ еще какія!.. будто ужъ ты ничего и не знаешь?

И Таня ущипнула подругу за щеку и сказала что ей все пойдетъ хитрить.

— Странная ты дѣвочка, сказала Маша,—зачѣмъ бы я стала хитрить? Если ты что-нибудь знаешь, лучше разкажи жорѣй!

— Да какъ же, начала Таня,—развѣ ты не слышала что на эту вакацію собираются сюда гости изъ Виѣаніи?

— Ахъ, да! Слышала, только не знаю кто и къ кому.

— Къ дьякону, послѣшила объявить Таня,—пріѣдетъ братъ и сестра, молодая дѣвушка, а къ дьячихѣ двое племянниковъ

изъ-подъ Вереи. То-то будетъ весело! радовалась Таня, хлопая въ ладоши:—Можетъ и къ вамъ кто-нибудь взглянетъ...

— Нѣтъ, я не думаю, грустно отвѣтила Маша,—Сережа, пожалуй, на всю вакацію уѣдетъ къ дядѣ въ Коломну.

— Вотъ тебѣ разъ! Что это ему вздумалось?

— Палаша вчера отъ дяди получила письмо: онъ зоветъ Сережу на все лѣто къ себѣ.

Дѣвицы обѣ задумались.

Маша вспомнила какъ прежде бывало она считала дни и минуты ожидая Сергѣя на вакацію, приготавливала для него разные сюрпризы, доставала у знакомыхъ книгъ и мечтала какъ они будутъ вдвоемъ читать ихъ. Съ какой любовью она шила и вышивала для него маншкы, которыми онъ ще голялъ предъ товарищами. И вотъ теперь все кончено!...

Маша очень любила Таню и во всемъ довѣрялась ей, кромѣ любви къ Сергѣю. Она не рѣшалась подѣлиться съ подругой своимъ сердечнымъ горемъ, зная что всѣ со стороны привыкли смотрѣть на нихъ какъ на брата съ сестрой.

Таня въ свою очередь нѣсколько разъ порывалась повѣдать подругѣ что Сергѣй уѣзжая написалъ къ ней любовную записку, только ее останавливало одно, что пожалуй Маша будетъ ее бранить и упрекать въ нескромности. Сегодня ей особенно хотѣлось открыть своему благоразумному другу это обстоятельство; но странно, она чувствовала что слова замирали на языкѣ ея.

Подъ вліяніемъ этой нерѣшительности, она молча положила свою маленькую головку на колѣни подруги, а та также молча, задумчиво, начала гладить ея мягкіе золотистые волосы и вдругъ спросила:

— Скажи мнѣ, Таня, любила ты когда-нибудь или нѣтъ?— Я что-то не замѣтила чтобы тебя кто-нибудь особенно интересовалъ.

— Что тебѣ вздумалось спрашивать меня объ этомъ? Тутъ Таня быстро подняла голову съ колѣнъ подруги.

— Да такъ, пришло на умъ, да и только.

— По правдѣ тебѣ сказать, начала Таня,—меня многіе интересуютъ; въ особенности какое-нибудь новое лицо.— Но чтобы полюбить кого-нибудь одного, такъ сильно какъ это лишутъ въ романахъ, то я думаю, со мной этого никогда не случится.

— Будто у тебя такое холодное сердце?

— Во первыхъ, ты сама же и маменька моя всегда твердите мнѣ что если кто изъ мушкетъ сильно ухаживаетъ за дѣвуршкой, то значитъ онъ ее ни во что не считаетъ; потомъ, я сама хорошо знаю что мной не будутъ интересоваться богословы и даже философы; коль стануть ухаживать, такъ разумѣется только изъ насмѣшки, зная что дьячкова дочь имъ не годится въ невѣсты... Да что это я растолковалась объ этомъ? какъ будто меня ужъ сейчасъ замужъ отдають.

И Таня разсмѣялась. Она говорила сущую правду: сердце ея дѣйствительно еще не вѣдало любви.

— Ну а ты? спросила она Машу: — Знаешь что такое сильная, безпредѣльная любовь? Слово *безпредѣльная* она цѣлкомъ взяла изъ Сергѣевой записки.

— Знаю, тихо промолвила Маша, — только ты пожалуйста не болтай никому!

— Сохрани Богъ! Какъ это можно? Будь увѣрена...

— Марья Львовна! ужинать пожалуйста! закричала въ эту минуту кухарка, высунувъ голову въ ларадную дверь.

Маша вздрогнула и вскочила на ноги.

— Какъ же это?.. Я думала что ты расскажешь мнѣ что-нибудь побольше!.. говорила Таня, ухвативъ половну за обѣ руки.

— Не теперь, но можетъ-быть когда-нибудь, со временемъ... таинственно прибавила Маша и, поцѣловавъ подругу, скрылась за дверь.

„Вотъ ужъ никакъ не ожидала что Машѣ кто-нибудь сильно нравится“, размышляла Таня, и долго продумала въ эту ночь, перебирая въ умѣ всѣхъ знакомыхъ семинаристовъ, но никакъ не могла угадать кто бы это былъ изъ нихъ. Про Сергѣя ей менѣе всего могло придти въ голову. „Что-то прїѣдетъ ли онъ? или въ самомъ дѣлѣ отправится въ Коломну? И каковы тѣ гости что собираются сюда на вакацію?“ Съ этими мыслями Таня завернулась въ худенькое крашенное одѣяло и заснула беззаботнымъ, младенческимъ сномъ.

XI.

Противъ ожиданія Машы, Сергѣй прїѣхалъ домой на первыхъ же дняхъ вакаціи; онъ стремился въ Завьялово чтобы видѣть Таню. Ея суровый отвѣтъ на извѣстную записку не только не охладилъ его, но скорѣй подлил смолы въ огонь

быстро обхватившій угловатую натуру избалованнаго семинариста. Таня избѣгала съ нимъ встрѣчи. Видя свою неудачу, Сергѣй раздражался, и подъ вліяніемъ этой любви сдѣлался еще мрачнѣе и непривѣтливѣе съ домашними.

Отецъ Павелъ молча горевалъ глядя на сына, а тотъ также молча дулся на отца безо всякой видимой причины. Старику наконецъ невыносимы стали подобныя отношенія, и онъ началъ придумывать средства какъ бы разсѣять свое единственное чадо и сдѣлать для него жизнь пріятнѣе въ родительскомъ домѣ. „Скучаетъ онъ“, оправдывалъ отецъ Павелъ сына въ умѣ своемъ... И приказалъ работнику заложить тележку чтобъ отправиться въ сосѣднее село Васильевское, съ намѣреніемъ привезти оттуда къ себѣ въ гости одного изъ товарищей Сергѣя, также кончившаго богословскій курсъ.

Алексѣй Ефимовичъ Любомудровъ съ удовольствіемъ пріянялъ приглашеніе отца Павла; съ Сергѣемъ онъ былъ еще съ малолѣтства друженъ и хотя въ послѣднее время они стали нѣсколько расходиться во мнѣніяхъ, но все-таки остались хорошими пріятелями. Къ тому же между семинаристами было извѣстно что въ Завьяловскомъ причтѣ разцвѣли „розы и лиліи“ и молодой человекъ обрадовался случаю бывать въ ихъ обществѣ.

Марью Львовну онъ встрѣчалъ у своей родственницы, жены объѣзднаго надзирателя, и всегда восхищался ея начитанностію и умомъ.

Любомудровъ былъ самъ изъ числа нѣжныхъ натуръ, съ оттѣнкомъ мечтательности, что очень гармонировало съ его открытымъ лбомъ, блѣднорозовыми щеками и какъ левъ блелокурыми выщипаннми волосами. Вся фигура его была нѣсколько миниатюрна, но отличалась изяществомъ. Въ семинаріи онъ кое-когда писалъ стихи, вслѣдствіе чего былъ прозванъ отъ товарищей „Гораціемъ“.

Дорогой отецъ Павелъ разговорился съ молодымъ человекомъ о его намѣреніи касательно выбора карьеры, и Любомудровъ высказался что онъ желаетъ поступить во священники.

— Вотъ и видно что вы „Любомудровъ“, одобрилъ его старикъ,—а мой „Колоколовъ“ вышелъ лустозвонъ: все воровать въ свѣтское званіе.

— Нынче это въ модѣ между нами, уныбулся студентъ,—

у меня тоже три брата вышли въ свѣтское званіе, но мнѣ оно какъ-то не по характеру; да при томъ же изъ нашей семьи ужъ никого не останется предъ престоломъ Божиимъ, некому будетъ и родителей помянуть.

За послѣднія слова отецъ Павелъ обнялъ и поцѣловалъ въ маковку молодого человѣка, говоря что онъ надѣется увидѣть его счастливейшимъ семьяниномъ.

Когда они [подъѣхали къ дому, отецъ Павелъ показалъ рукою наверхъ, гдѣ была комната Сергѣя: — Э тотъ аппаратъ въ вашемъ полномъ распоряженіи.

Молодой человѣкъ почтительно ему поклонился и побѣждалъ по лѣстницѣ, прямо наверхъ.

— Ба! ба! ба! самъ „Горацій“ явился, какими судьбами? обрадовался Сергѣй. Онъ не подозрѣвалъ что отецъ готовилъ ему такой сюрпризъ.

— Очень просто, отвѣчалъ гость, отряхиваясь и оправляя свой синій галстукъ, — твой батюшка заѣхалъ къ намъ изъ Осиповки и пригласилъ меня погостить у васъ, и я, какъ видишь, сейчасъ же и воспользовался.

— Bravo! bravissimo! воскликнулъ Сергѣй: — Значитъ „нашего полку прибыло...“ Вотъ ужъ не ожидалъ что мой почетный паленька откинетъ такую умную штуку.

— Твой отецъ, кажется, добрейшій человѣкъ, серьезно замѣтилъ гость.

Сергѣй скорчилъ кислую гримасу и процѣдилъ сквозь зубы:

— Коль хочешь, пожалуй онъ и добръ, только по своему...

— Ахъ! я и забылъ что ты вѣчно разыгрываешь мизантрола, съ мирною улыбкой перебилъ его пріятель.

— Я, конечно, смотрю на жизнь положительно, безъ всякой сентиментальности и предоставляю однимъ любимцамъ музъ видѣть все въ розовомъ цвѣтѣ.

— Опять старая глѣзня, опять допекаетъ меня музами! смѣялся Любомудровъ. — Оставь музъ въ покоѣ; онъ право предобрый старушки.

— Хорошо, согласился Сергѣй, ударивъ по плечу своего школьнаго товарища. — Ну, затѣмъ, идемъ къ обѣду!

Пріятели обнялись и отправились въ гостиную, гдѣ уже былъ накрытъ столъ, и только-что поджидали отца Павла изъ классовъ.

Аграфена Алексѣевна ласково приняла гостя, котораго Сергѣй отъ нея сейчасъ [потащилъ къ Марѣ Львовнѣ.

— Самъ „Горацій“! рекомендовалъ овъ Любомудрова.

Мама съ улыбкой протянула гостю руку, говоря:

— Мы давно уже знакомы.

За обѣдомъ всё наперерывъ вели оживленную бесѣду. Когда же вышли изъ-за стола, молодые люди отправились гулять по селу; а Мама посмотрѣла имъ вслѣдъ, и подумала: „Хорошо что палашѣ пришла мысль пригласить его сюда, авось теперь Сережа будетъ повеселѣе.“

Не прошло недѣли какъ собрались Виоанцы въ Завьялово, живо всё перезнакомились съ причтомъ, и начали каждый вечеръ собираться къ полюву крыльцу, куда выносились стулья, скамейки, и гдѣ съ восьми часовъ вечера затѣвались игры въ фанты, хороводы и горѣлки.

Днемъ обыкновенно всё въ разбродѣ, такъ какъ и у духовныхъ въ эту пору кипитъ горячая работа на поляхъ, на сѣнокосѣ и въ огородахъ. Въ домахъ живой души не остается, кромѣ малыхъ ребятешекъ. Семинаристы тоже всё разбредутся, кто куда: одинъ съ удочкой, другой съ ружьемъ, а кто лежа на усадьбѣ, въ высокой травѣ, подтѣвлю черемухи, готовить лекціи, въ то время какъ нѣкоторые изъ нихъ помогаютъ домашнимъ убирать сѣнокосы. Но вечеромъ вся молодежь, какъ по данному знаку, собиралась у полюва крыльца. Дѣвицы, наскоро поужинавъ, уходятся, причешутся, надѣвнутъ чистенькія платья и идутъ въ компанію, и гуляютъ часовъ до одиннадцати, несмотря на то что завтра надо вставать почти съ солнцемъ наравнѣ.

Таня тоже намѣревалась веселиться въ эту ваканцію и радовалась пріѣзду виоанскихъ гостей, но вотъ уже прошла недѣля какъ всё начали собираться у полюва крыльца, а она все не рѣшалась присоединиться къ рѣзвой молодой компаніи, не зная какъ встрѣтиться и какъ ей обращаться съ Сергѣемъ послѣ его записки.

Однажды вечеромъ прибѣгаютъ Вася съ Грушей отъ полюва крыльца и объявляютъ что тамъ всё толкуютъ: „отъ чего наша Таня не выходитъ на улицу“.—Сегодня и насъ про тебя спрашивали, добавилъ Вася, обращаясь къ сестрѣ.

Таня въ это время чистила огурцы къ ужину и до крови обрѣзала себѣ руку, съ досады что ей изъ-за половича пришлось сидѣть дома, когда всё подруги веселятся.

— Въ самомъ дѣлѣ, Танюша, что это ты сидишь какъ кукимора? Пошла бы повеселилась наряду съ другими, молвила Агаея Ивановна, садясь за столъ.

— У меня платье не глажено, проговорила сквозь зубы дѣвушка и вся покраснѣвъ потупилась.

— Вотъ какая важность! долго ль его выгладить;—завтра какъ растоплю печку, пока до растряски сѣна живо разгладись. Да пожалуй и растрясать-то не придется: солнышко садится въ тучу, наврядъ ли будетъ красный день, добавила пономариха, заглянувъ въ окно.

„И въ правду, думаетъ Таня, не сидѣть же мнѣ изъ-за него все лѣто дома; и что это на меня за страхъ такой напалъ? Вотъ завтра же пойду къ имъ, да и только! а на него не буду обращать никакого вниманія.“

XII.

На другой день съ самага утра пошелъ дождь, и вся молодая компанія собралась къ полу въ училище.

Мушкетеры мигомъ разобрали всѣ столы и лишнія скамейки, взгромоздивъ ихъ горою къ одной стѣнѣ, чтобы пошире и полпросторнѣе было затѣвать игры.

— Что это Таня запропала? Сейчас напишу ей строгую записку, говорила Марья Львовна, когда всѣ собрались.

Сергѣй такъ этому обрадовался что отъ восторга вскочилъ на самый верхъ скамеекъ.

Лишь только Маша успѣла выговорить эти слова, какъ вдругъ является Таня.

— Ба, ба, ба! Наконецъ-то... закричалъ Сергѣй разводя руками и отъ радости не трогаясь съ мѣста.

Таня краснѣя обвела глазами все общество, наскоро поклонилась мушкетерамъ и подошла къ Машѣ здороваться. Та пожурила ее что такъ долго не показывалась, а Таня оправдывалась общею фразой: все де было некогда. Затѣмъ она торопливо успѣла подлѣ дьяконовой сестры, съ которою прежде уже успѣла познакомиться.

— Давайте въ „сосѣди“ играть, предложили мушкетеры; и Сергѣй быстро соскочилъ со скамейки чтобы помѣститься рядомъ съ Таней.

Желая познакомиться читателя съ обществомъ которое тутъ

собралось, я постараюсь представить его въ короткихъ словахъ.

Съ Любомудровымъ мы уже знакомы; онъ съ своею счастливою наружностью, которая была вѣрнымъ отпечаткомъ его души, съ перваго же взгляда располагалъ почти каждаго въ свою пользу. Всѣмъ было съ нимъ легко, и ему было со всѣми легко и пріятно. Съ Сергѣемъ они представляли полнѣйшій контрастъ: одинъ—олицетворенное спокойствіе, другой же, казалось, созданъ весь изъ крайностей: душевные порывы часто отражались на всѣхъ мускулахъ его лица, на страстныхъ, съ приподнятыми краями, губахъ не рѣдко мелькала саркастическая улыбка, а стальные глаза его порою зажигались такимъ блескомъ, который какъ-то непріятно волновалъ и въ то же время невольно притягивалъ къ себѣ.

Тутъ были еще другіе семинаристы: братъ дьякова Михайло Васильевичъ Соколовъ, скромный, застѣчивый молодой человѣкъ который очень мало говорить, но за то хорошо поетъ и играетъ на скрилкѣ. Двадцатилѣтняя сестра его, дородная деревенская красавица, съ круглымъ, румянымъ лицомъ, наивнымъ взглядомъ и вздернутымъ къ верху носикомъ; одѣта она въ кисейное платье.

Двое дьячковыхъ племянниковъ, Поспѣловы: старшій маленькаго роста, съ большою, шершавою головою; его плотная фигура на коротенькихъ ножкахъ чрезвычайно подвижная, и комически остроумный взглядъ такъ и сверкалъ изъ-подъ черныхъ, широкихъ бровей.

Братъ же его очень высокій, сухощавый, съ орлинымъ носомъ и разноцвѣтными волосами: у него были русые, почти бѣлокурые волосы, черныя брови и рыжіе огненные усы.

Мама была интересна, въ свѣтлолиловомъ платьѣ и съ такою же ленточкой въ волосахъ. На Танѣ нарядъ былъ бланже другихъ, но очень къ лицу: голубое ситцевое платье шло къ ея золотистымъ волосамъ, тоненькая талія была перехвачена чернымъ поясомъ съ бронзовою пряжкой, и на пышныя плечи наброшена бѣлая кисейная пелеринка съ вышитыми краями, своего руководѣля.

Мы оставили общество за игрою въ „сосѣди“.

Когда спросили Сергѣя: „доволея ли онъ своею сосѣдкою“, молодой человѣкъ окинулъ восторженнымъ взглядомъ

Тая и сдерживая улыбку проговорилъ съ разстановкой: пока доволенъ“.

— А я недовольна, сказала въ свою очередь Тая.

Сергѣй бросилъ на нее одинъ изъ свойственныхъ ему взглядовъ, тихо проговоривъ:

— Жестокая!

Скоро игра въ „софѣи“ смѣнилась фантами, и тутъ шершавый, коротенькій господинъ Писпѣловъ началъ распорядиться, и всѣхъ смѣнить остротами, шуточками и гримасами. Ему съ братомъ, какъ нарочно, достались фанты: одному раздавать ленты, другому быть аршиномъ; аршинъ оказался въ полтора раза больше самого разнощика.

— Не желаете ли ленты, барышни! ленты! Прикажете отмѣрить! Ей-Богу ленты здоровыя, хоть въ косу впадей, не то такъ возъ затагивай ими! кричалъ маленькій человекъ поддѣлываясь подъ томъ „Петрушки“ и съ копическою строгостью постоянно оглядываясь на брата окрикая:

— Аршинъ! иди за мной!

Покупателей было мало, и нашъ разнощикъ приходилъ въ тѣченіе что весь товаръ останется у него на рукахъ.

— Подойди-ка, братъ разнощикъ, я тебя выручу: отмѣрай мнѣ двадцать аршинъ! сказалъ Любомудровъ. Но продавецъ началъ просить чтобы покупатель убавилъ требуемое число, увѣряя что его ленты гнилыя и липючія. Любомудровъ настаивалъ; и наконецъ помирились на трехъ аршинъ.

Писпѣловъ ожесточенно схватилъ брата за обѣ руки и рипрыгивая ворчалъ:

— Хоть бы аршинъ-то помилѣй достался, а то извольте вдоваться съ такою дубиной.

Слѣдующій фантъ предлагалъ сказать „правду и неправду“.

— Фантъ!

— Чей! закричали всѣ.

— Татьяны Николаевны!

Тая встала и пошла обходить всѣхъ по порядку.

Сергѣй съ нетерпѣніемъ повертывался на стулѣ ожидая гдѣ она ему скажетъ?

— А вамъ какую бы правду сказать? вдругъ обратилась къ нему Тая съ валупскою смѣлостью.

— Какую вы знаете, отвѣчалъ Сергѣй, вливаясь въ ее глазаи.

— Правду говорятъ... заливаясь начала Таня.

— Что говорятъ?

— Что вы очень ловко умѣете льстить дѣвицамъ. Испит которая въ расплохъ положить вамъ пальцы въ ротъ...

— Опасно! перебилъ Сергѣй:—Я сейчасъ ихъ и поймаю.

Таня застыдилась и убѣжала на прежнее мѣсто.

— Позвольте! вы еще не кончили! Это была неправда, закричалъ ей вслѣдъ Сергѣй.—Правда еще за вами!.

— За неточное исполненіе фантовъ подвергаются тройному штрафу! вступился маленькій Поспѣловъ, бросающійся на Таню и взявъ ее за руку подвелъ опять къ Сергѣю.

Мимоходомъ она обратилась къ Машѣ:

— Подкажи пожалуйста!

Та что-то шепнула ей на ухо; Таня бойко подошла къ Сергѣю.

— Правда что у васъ твердый, непоколебимый характеръ! сказала она.

— На этотъ разъ вы не совсѣмъ ошиблись, не безъ гордости отозвался Сергѣй взъерошивая волосы.

— Чей фантъ вылетѣлъ тому ваѣтъ на вершину скамеекъ, и сказать какіе-нибудь стихи, предложилъ Михайло Васильевичъ, дяконовъ братъ.

— Bravo, Соколовъ!.. Превосходно!.. воскликнулъ Поспѣловъ, подпрыгнувъ на стулѣ и съ торжествующею миной началъ подтасовывать фанты.

Любомудровъ въ эту минуту разговаривалъ съ Маріей Львовной.

— Музы, на сцену! скомандовалъ маленькій человѣчекъ.—„Горацій“, твой фантъ!

— Что вы, господа? Я вижу заговоръ! Вы 'на меня выдаете! защищался Алексѣй.

Колоколовъ проворно вынулъ изъ кармана записную книжку, вырвалъ изъ нея листокъ и подавая ваѣтъ съ карандашомъ Любомудрову, повелительнымъ жестомъ показалъ на верхъ скамеекъ говоря:

— Извольте отправляться на „Парнасъ“!

Товарищъ его молча повиновался, и въгромоздившись на верхнюю скамью глубококомлено провелъ ладонью по лбу сокому лбу и быстро окинувъ глазами все общество, съ крѣ-

ской на лицѣ, началъ чертить карандашомъ. Всѣ сидѣли въ безмолвномъ ожиданіи, но нашъ ловецъ изорвалъ листокъ на мелкіе клочки и связавъ съ „Парнаса“ сконфуженно проговорилъ:

— Если вы уже непременно требуете отъ меня стиховъ, то позвольте завтра исполнить мой фаэтъ, не то всѣмъ скучно бы показалось дожидаться. Вѣдь я плохой импровизаторъ.

При этомъ молодой человекъ робко посмотрѣлъ на Машу; та послѣдила кивнуть ему головой, говоря:

— Конечно, конечно.

Затѣмъ въ училище вошелъ Спиридоновичъ, и помахивая церковными ключами, провозгласилъ на распѣвъ:

— Миръ вамъ, и я къ вамъ!

Семинаристы съ радостными криками обступили пономаря и упрашивали участвовать въ играхъ; у нихъ устраивалось разыгрыванье лѣсенъ въ картинахъ.

Спиридоновичу это было на руку, хотя для прилику онъ тоже отговаривался: я де ужъ старъ, куда де мнѣ.

Семинаристы и слышать не хотѣли. Отняли у него шляпу и церковные ключи, а сами усѣлись на полу въ кружокъ и посадили въ средину Спиридоновича: онъ долженъ былъ представлять „атамана“ и послѣ каждого куплета вызывать эсаула. * Затѣмъ всѣ хоромъ плавно заплѣли:

Внизъ по матушкѣ по Волгѣ

По широкому раздолью! и т. д.

При этомъ покачивались, перекидывая руки то въ ту сторону, то въ другую, въ подражаніе гребцамъ.

Но вотъ подошла очередь атаману вызывать эсаула. Спиридоновичъ открякнулся раза два, вынулъ изъ кармана табатерку и постукивая по ней, вспоминалъ какъ его научили семинаристы; забылъ на бѣду и, не долго думая, грозно командовалъ:

* Эсаулы! Выйдѣ на корму, посмотри ко дну!

Нѣтъ ли пеньевъ, кореньевъ,

Подводныхъ каменьевъ!

Эсаулъ вскакиваетъ на ноги и повертываясь на воѣ четыре стороны, ударяетъ въ ладоши, говоря: „А вотъ посмотрю, разъ! а вотъ посмотрю, два! и такъ до четырехъ. Затѣмъ садится на прежее мѣсто, и хоръ продолжаетъ.

— Эсауль!!

— Чтò прикажешь, атаманъ?!

— Выдь-ка въ воду, посмотри на погоду!.. Нейдетъ ли кто? не несетъ ли чтò?!

Пѣвцы покатались со смѣха; Спиридоныча изъ атамановъ разжаловали.

Посреди общей веселости маленькій Послѣловъ, лихо побоченясь, прервалъ товарищей, и выступилъ на средину зашѣкъ:

Скажи, скажи мамеыка!

Скажи государыня!

Какъ бѣлый лемъ брати?

За нимъ хоромъ подхватили:

Учила Дуньку мати—мати—мати,

Какъ бѣлый лемъ брати—брати—брати:

Вотъ такъ, Дунька!

Вотъ такъ, сердце!

Уродился лемъ мой—лемъ!—бѣлый лемъ!

Диво на горѣ!—диво на крутой!

Лемъ мой лемъ! бѣлый лемъ!!

Ужь я брѣла, я брѣла лемокъ,

Ужь я бравши приговаривала:—

Чеботами приколачивала—

Ты удайся, удайся лемокъ!

Ты удайся лемокъ бѣленькой!

Не жури меня мой миленькой....

Диво на горѣ!—диво на крутой!

Лемъ мой лемъ!—бѣлый лемъ!!

Когда въ лѣснѣ Дунька мяла, прядла и ткала лемокъ, Послѣловъ въ пляскѣ жестаи показывалъ всѣ эти дѣйствія, и наконецъ пустился въ присядку. Поднявъ надъ головою руки съ краснымъ платкомъ, онъ какъ вихорь носился по комнатѣ и выкидывалъ всевозможныя колѣнца: то мелкою дробью сменилъ на мѣстѣ, то извивался какъ вьюнъ, то грудью выступалъ впередъ, гордо кивая головою, какъ бы вызывая на бой противника; и братъ его, огромный, не выдержалъ, замахалъ длинными руками, затопалъ на мѣстѣ, да какъ пустился въ соревнованіе съ маленькимъ человѣчкомъ; и пошли они вдводемъ откатывать пляску, одинъ другаго удаляе.

Глядя на нихъ у каждаго изъ присутствующихъ невольна задрожали всѣ жиаки, и руки-ноги заходили ходуномъ. Сп-

ридоновичъ отъ восторга розинулъ ротъ даже и лѣтъ пересталъ.

— Ай-да, молодцы! ай-да, ловко! экъ васъ лихая-то болѣсть угораздила!... похваливалъ онъ, машинально подобравъ обѣ полы своего долгаго сюртука; и повидимому, тоже готовъ былъ пуститься въ плясъ.

Только-что было разгулялись наши Виеанцы, по-своему, по-семинарски, какъ вдругъ появленіе неожиданныхъ гостей помutilo ихъ веселье въ самомъ разгарѣ. Въ училище вошелъ отецъ Павелъ, съ клинскимъ стрялчимъ и разодѣтою молодою дѣвушкой, въ локонахъ, въ бѣломъ кисейномъ платьѣ съ лунцовымъ кушакомъ изъ широкихъ лентъ. Это дочь стрялчаго Глафира Петровна, съ которой Маша была знакома. „Палашенька“ ея былъ въ форменномъ сюртукѣ съ ясными луговицами и въ туго накрахмаленныхъ воротничкахъ, которые прикрывали его гладко выбритый трехъ-арусный подбородокъ.

Семинаристы затихли, вытянувъ физиономію; Спиридоновичъ, увидя „батьку“, сейчасъ на вытяжку, а самъ бочкомъ-бочкомъ по стѣнкѣ да и маршъ къ двери.

— Куда жъ ты, Николай Спиридоновичъ? остановилъ его отецъ Павелъ.

— Домой пора, ваше благословенье!

Пріѣзду клинской гостьи обрадовалась одна только Маша, остальные же всѣ искоса на нее озирались, думая про себя: „Вотъ тебя нелегкая принесла сюда.“

Видя что игры не клеятся попрежнему, Маша, какъ хозяйка, предложила идти на прогулку; кстати выглянуло солнышко. Семинаристы обрадовались этому предложенію, и чрезъ нѣсколько минутъ отецъ Павелъ съ своими клинскими гостями и остальнымъ обществомъ отправился въ поле по направленію къ Волковскому бугру.

Погода разгулялась, іюльскій вѣтерокъ скоро обсушилъ траву, мухи зажужжали на солнцѣ, въ кустарникѣ раздалось чириканье птицъ; и вся молодая компанія разсыпалась по мелколѣсью Волковскаго бугра. Кто искалъ въ высокой травѣ клубнику, кто рвалъ васильки и колокольчики, а кто составлялъ изъ мелкихъ цвѣтотъ полевые букеты; — только отецъ Павелъ съ гостемъ шалъ себѣ чинно по дорогѣ и трактовали о житейскихъ дѣлахъ.

XIII.

Время было уже за полночь, въ домѣ священника всѣ спали, только въ мезонинѣ сквозь зеленую занавѣску еще свѣтился огонекъ.

— Ты все бьешься, отыскиваешь тему? спросилъ Сергѣй своего пріятеля, сидѣвшаго облокотясь на руку за письменнымъ столомъ. — Давай-ка братъ лучше спать: утро вечера мудренѣе...

— Ложись, я тебѣ не мѣшаю, у твоей постели ширмы, нехота отвѣтилъ Любомудровъ.

— Вотъ же твои „добрыя старушки“! знать ужь черезчуръ состарѣлись, ни одна нейдетъ къ тебѣ на помощь, поддразнивалъ Сергѣй поклонника музъ. Я совѣтую тебѣ взять темой нашъ вчерашній разговоръ касательно любви и разсудка.

— Хорошо, согласился Любомудровъ, — попытаюсь доказать стихами чего не сумѣлъ прозой.

— Доказывай какъ хочешь, а я былъ и буду при своемъ мнѣніи, что любовь сильнѣе разсудка, а сильный всегда побѣждаетъ слабого. Огонь страсти не подчиняется никакимъ условіямъ. Никакую силу нельзя противопоставить силѣ любви, даже и самая совѣсть почти всегда подчиняется ей.

— Это еще вопросъ!... Я буду возражать.

Пока Любомудровъ ораторствовалъ, Сергѣй сидѣлъ неподвижно, поникши головой. Любомудровъ, принимая его молчаніе за безсиліе, торжественно хлопнулъ его по плечу сказавъ:

— Чтò, знать и ты наконецъ согласился?

— А? Чтò? воскликнулъ Сергѣй, протирая глаза. Онъ преспокойно заснулъ подъ тихій, равномерный голосъ Любомудрова. Тотъ расхохотался что такъ краснорѣчиво ораторствовалъ самъ съ собою; и затѣмъ погасилъ свѣчу, и оба студента затихли подъ наитіемъ крѣпкаго сна на зорѣ.

На другой день, едва подошелъ роковой срокъ восемь часовъ вечера, какъ уже семинаристы начали похаживать мимо порога крыльца да поглядывать на окна церковной слободки, въ ожиданіи скоро ль соберутся дѣвицы. Алексѣй съ озабоченнымъ видомъ ходилъ взадъ и впередъ по улицѣ; приго-

говорясь стихи лежали у него въ карманѣ. Сергѣй, угрюмый и злой, сидѣлъ одинъ въ своей комнатѣ. Сегодня утромъ онъ видѣлъ Таню, она лопала огурцы въ огородѣ, а онъ прогуливался по межѣ своего сада и заговаривалъ съ нею живозъ изгородку; но дѣвушка ничего не отвѣчала, притворяясь будто не слышитъ. Онъ пытался заговоривать раза три, все было безуспѣшно. Таня уткнулась еще ниже въ борозду, какъ будто и не къ ней относились.

Первая вышла на крыльцо Маша съ клинскою гостьей, которая осталась у нея недѣлки на двѣ, попить молока и подышать чистымъ деревенскимъ воздухомъ. Увидя ее, оба Поспѣловы съ досадою переглянулись и скорчивъ кислую гримасу долго не рѣшались подойти къ крыльцу. Наконецъ, слегка приподнявъ фуражки, они спросили Марью Львовну гдѣ Сергѣй Павловичъ, и затѣмъ отправились къ нему на верхъ.

Но вотъ вышли дяконовы гости, потомъ Таня съ Васей и двумя маленькими сестрами; и когда Сергѣй сошелъ съ лѣтницы, то уже все молодое общество было въ сборѣ.

Товарищи, увидя Любомудрова, сейчасъ же потребовали исполненія вчерашняго фанга. Нашъ „Горацій“ краснѣя вынулъ изъ кармана стихи, и подалъ ихъ Соколову, который громко началъ читать:

Когда обманчивыя страсти
Нашъ душу станутъ волаговать,
Чтобъ избѣжать бѣды, напасти,
Рассудокъ долженъ воевать.

Но если въ сердцѣ засвѣтитса
Желанный лучъ любви святой,
То разумъ строгій примирится,
Вкушая совѣсти покой.

Лишь та любовь поема отрады,
Что умъ собой животворить;
Она одна, какъ свѣтъ лампы,
Нашъ путь тернистый озарить.

— Недурно, рѣшили въ одинъ голосъ Поспѣловы:—хоть и на глагольныхъ приемахъ выѣжалъ, но все-таки написано изрядно!...

— Не только „изрядно“, но даже великолѣпно! не правда ли, Марья Львовна? подтвердилъ Соколовъ.

Маша съ улыбкой сочувствія взглянула на поэта и задумчивымъ тономъ прибавила:

— Я вполне согласна съ вами.

Любомудровъ отъ восторга такъ растерялся что даже не нашелся поблагодарить молодую дѣвушку, мнѣнiе которой было для него неизмѣримо дороже самыхъ восторженныхъ похвалъ со стороны товарищей.

Затѣмъ, начались какъ и всегда игры, хороводы, горѣлки и веревочка.

XIV.

Каждый вечеръ собиралась молодежь церковной слободки и шумно веселилась послѣ дневныхъ трудовъ. Тама почти всегда была первой „затѣщицей“: начинала игры, придумывала фанты, и ея звучный серебристый смѣхъ раздавался всѣхъ чаще. Красотой своею и веселостью характера она нерѣдко побѣждала сердца семинаристовъ, но сама не обращала ни на кого вниманiя, не исключая и Сергѣя. Наконецъ и онъ пересталъ выбирать ее въ сосѣди и хороводы и началъ ухаживать за клинскою гостью, которая была недурна собой, нарядно одѣвалась и любила спорить о всевозможныхъ предметахъ.

На лицѣ Маши постоянно лежала тѣнь меланхоли, хотя она и старалась казаться веселой, но сквозь привѣтливую улыбку просвѣчивала грусть и въ голосѣ слышалось затаенное горе. Всѣхъ болѣе наблюдали за ней свѣтло-голубые глаза Любомудрова; онъ томился болѣе чѣмъ любопытствомъ разгадать причину ея душевной тревоги.

Однажды, по окончанiи вечернихъ забавъ, Сергѣй съ Любомудровымъ пошли провожать товарищей; возвратившись домой нашли Машу еще на крыльцѣ; ночь была мѣсячная, она сидѣла поникши головою, погруженная въ думу, и не замѣтила какъ они подошли и долго молча стояли позади нея. Наконецъ, Алексѣй робко и тихо спросилъ:

— О чемъ это вы такъ задумались?

Маша вздрогнула и, не подавая головы, отвѣчала:

— Такъ себѣ, положительно ни о чемъ.

И сказавъ это послѣшила ускользнуть въ дверь чтобъ утеретьъ глаза, прежде чѣмъ студенты войдутъ въ комнату.

Послѣ ужина, когда молодые люди вошли къ себѣ наверхъ,

Алексѣй сѣлъ у окна и долго барабанилъ по столу пальцами. Сергѣй подошелъ къ нему.

— Что, братъ, опять на облакахъ витаешь? и хорошо дѣлаешь; на землѣ скверно! Я и самъ охотно залетѣлъ бы туда же, еслибъ имѣлъ твои идеальныя крылья.

— Нѣтъ, голубчикъ Сергѣй, и меня тяветъ къ землѣ.. Но вдругъ переѣхавъ тояъ, съ притворнымъ равнодушіемъ спросилъ:— Не знаешь ли, Сережа, почему Марья Львовна такъ измѣнилась?

— Въ какомъ отношеніи?

— Она кажется очень грустна и задумчива, я встрѣчалъ ее въ Бережкахъ у моей двоюродной сестры, она была совсѣмъ не та что теперь; я просто не узнаю ее.

Сергѣй хорошо зналъ причину ея грусти, но мало придавалъ этому значенія, въ силу того что де и у нея есть свое самолюбіе; не считая нужнымъ объяснять товарищу истину, онъ вздумалъ схитрить и сказалъ:

— Почему же я могу знать что происходитъ у нея въ душѣ? Можетъ она влюбилась въ тебя.

— Что ты говоришь?! вскрикнулъ Алексѣй.

— Да что же тутъ удивительнаго? Вы какъ нельзя лучше оозданы другъ для друга: оба сентиментальны, оба летаете на облакахъ. Вотъ бы штука-то была, кабы вы съ ней повѣнчались!

— Гдѣ мнѣ мечтать о такомъ счастьѣ, сказалъ Любомудровъ, пристально и недоувѣрчиво посмотрѣвъ на товарища.— Да скажи пожалуйста, кто она тебѣ доводится?

— Кто? повторилъ Сергѣй,—я и самъ хорошенько не знаю въ которомъ колѣнѣ наше родство; кажется не ближе чѣмъ нашему сараю двоюродный плетень.

— Въ такомъ случаѣ ты можешь быть счастливейшимъ человѣкомъ, можешь жениться на Марьѣ Львовнѣ, какъ-то беззвучно добавилъ Алексѣй.

— Нѣтъ, она не въ моемъ характерѣ, задумчиво промолвилъ Сергѣй, перебирая свой портфель.

— Чей это портретъ? спросилъ Любомудровъ заглядывая на карточку, которую Сергѣй повертывалъ въ рукахъ.

— Смотри, иль не узнаешь? Кажется фотографія очень похожа.

— Марья Львовна?

— Тебя, я вижу, она не на шутку интересуютъ; чудакъ ты,

право чудакъ! вѣззася по уши, а самъ все съ ней серьезничаетъ. Дѣлай скорѣй предложеніе! чего измывать намъ обоимъ? Честнымъ лиркомъ да и за свадьбу.... препятствій нѣтъ.

— Не шути пожалуйста! это право нисколько не остроумно... сказалъ Алексѣй, вскочивъ съ мѣста.

— Что, братъ, вѣать порядкомъ забрало за живое?... Хочешь я отъ тебя сдѣлаю ей предложеніе? скажу что ты съ ума сходишь по ней; она расчувствуется и сейчасъ же дастъ согласіе, продолжалъ трунить Сергѣй, помышляя въ душѣ что это дѣйствительно могло бы осуществиться.—Эхъ! а еще Горацій! Я на твоёмъ мѣстѣ не сталъ бы минуты задумываться, завтра же сдѣлалъ бы предложеніе.

Алексѣй молча сѣлъ противъ него; щеки его горѣли, дыханье спиралось въ груди; внимательно посмотрѣвъ на Сергѣя, онъ довѣрчивѣе заговорилъ:

— Предложеніе сдѣлать не долго, только я увѣренъ что будетъ полусту; сколько я могъ замѣтить, сердце ея не свободно; и этотъ счастливецъ ни кто другой, какъ ты.

— Вѣдь я уже сказалъ тебѣ что я не люблю ея! Пошли же наконецъ! Нѣтъ, я вижу ты просто съ ума спятилъ, Алекса.

— Утѣшительнаго для меня мало въ томъ что ты ея не любишь; это я видѣлъ и прежде и вижу теперь: это-то и есть причина ея задумчивости.

— Полно вздоръ городить! Мы съ ней не сейчасъ познакомились, слава Богу, выросли вмѣстѣ, лятнадцать лѣтъ знаемъ другъ друга, а ты самъ же говоришь что встрѣчалъ ее веселою въ Бережкахъ.

И разговоръ ихъ кончился на томъ что Алексѣй далъ ему слово выбрать удобную минуту и посвататься за Марью Львовну.

Въ концѣ-концовъ фотографія Мамы перешая въ руки Любомудрова, который обрадовался ей какъ ребенокъ; и уловивъ удобную минуту, прижалъ карточку къ губамъ, лотомъ къ сердцу, и затѣмъ скоро заснулъ, убаюканный лучезарными мечтами.

Сергѣю же не спалось, онъ долго проворочался съ боку на бокъ и, не имѣя силъ заснуть отъ разнообразныхъ ощущеній, всталъ, накинулъ на себя отцово полукафтанье, служившее ему халатомъ, и тихо притворивъ за собою дверь, вышелъ изъ комнаты.

Проходя по большой дорогѣ, мимо оконъ пономаря, онъ тяжело вздохнулъ. „Дожго ль она еще будетъ издѣваться надо мной?“ съ досадою спрашивалъ онъ самого себя, машинально останавливаясь противъ пономарева домика, гдѣ давно уже все покоилось безмятежнымъ сномъ. Церковный сторожъ ударилъ въ колоколъ двѣнадцать разъ, и вдали послышалось перекликанье деревенскаго караула. Затѣмъ снова водворилась полная тишина.

XV.

— Ну, ребятунки, теперь намъ не грѣхъ и отдохнуть маленько, говорилъ Спиридоновичъ, распоясывая свой зеленый кушакъ и садясь за горячія сочни. *— На корову и на лошадь сѣна напасли вдоволь; съ покосомъ, можно сказать, порѣшили, а живо еще сыровато, съ прозеленью, недѣльку-другую надо повременить.

— А пустыри-то заовражные не считаешь? возразила ему жена, снимая свой стряпучеій фартукъ.

— Чтò жь, пустыри, они еще не уйдуть, въ кустахъ трава не выгорить; успѣемъ ислодоволь выкосить. А теперь пусть ребята грибовъ потаскають. Вчера я иду изъ кузницы, а мнѣ на встрѣчу Домна съ Ариушкой, столько гриба пригнали что диво, да все однихъ бѣлыхъ.

— Знать олять будетъ солдатчина, вздохнула пономариха.

— А тебѣ-то чтò приболѣло? Насъ съ тобой въ солдаты не возьмутъ, не годимся, усмѣхнулся пономарь.

— Ты все только о себѣ думаешь, небось и добрыхъ людей жалко....

— Ну, вотъ, „жалко“. Ты лучше по грибы-то собирайся. Поповы завтра всей семьей хотятъ въ Жараамовскій березникъ, и каинскую гостью вишь охота беретъ: для нея „батка“ приказалъ лѣвшку завтра не лущать въ поле—дѣло городское, не привычное, устанетъ неравно. Кстату оттуда и грибы всѣ подвезуть. Половичъ такъ и юлитъ около гостыи; поди, чай, за ней приданого-то не одну тысячу дадутъ: у приказныхъ крочковъ денегъ много.

* Ржаные лепешки съ творогомъ, пережутыя въ видѣ пирожковъ.

— Ну и дай Богъ, замѣтила пономариха,—онъ же все въ свѣтскіе норовитъ, вотъ и мѣѣста готова.

Таня ласмурно сдвинула брови и отвернулась къ окну. Разговоръ о клинскоѣ гостьѣ ей былъ не по сердцу; онъ называлъ у нея яркій румянецъ, глаза зажглись какимъ-то страннымъ блескомъ, похожимъ на негодование.

— Танюша, чай и ты пойдешь съ ними? обратилась къ ней мать.

— Коль отпустите, мы всѣ пойдѣмъ, отвѣтила Таня.

— Всѣмъ нельзя, я маленькихъ не пуцую безъ себя; вотъ ты съ Васюткой, это другое дѣло, а самой мнѣ некогда у меня завтра хлѣбушки.

— Марья Львовна ужъ распорядилась чтобъ я завтра чѣмъ свѣтъ разбудилъ Таню, сказалъ Спиридоновичъ.

— И мы пойдѣмъ, маменька, лустите! запросились Груша и Параша.

— Сказала не пуцую! и молчать! Отстанете, залутаетесь, кто васъ будетъ отыскивать по лѣсу?

Дѣвочки обѣ ударились въ слезы.

— А это вотъ чтó? крикнулъ на нихъ отецъ, показывая на ремennую плетку висѣвшую черезъ матицу для остроты. И дѣвочки живо присмирѣли.

Послѣ завтрака Таня начала разглаживать свое синее китайчатое платье, въ которомъ она ходила по грибы. На этотъ разъ молодая дѣвушка особенно позаботилась о своемъ грибномъ нарядѣ; даже кофточку обшила новою тесемкой, чтобъ не очень отличаться отъ подругъ, которымъ были ни почемъ и ситцевыя платья. „Вотъ она-то небось разодѣнется, съ горечью думаетъ Таня, я буду предъ ней какъ нищенка.“

Это „она“, относилось къ Глафирѣ Петровнѣ, которую Таня почему-то не влюбила.

Ухаживанье Сергѣя за клинскою гостьей оказалось наилучшею мѣрой для достиженія его дѣли. Глафира Петровна благосклонно принимала вниманіе поповича и нерѣдко, говоря съ нимъ, смуглыя щеки ея загорались румянцемъ, что не ускользало отъ бойкаго взгляда Тани. Сперва она хотѣла доказать что ей рѣшительно все равно; но возвращаясь съ гулянья, она уже не разъ чувствовала безотчетную тоску, и нерѣдко продумавъ всю ночь, она лишь подъ утро засыпала.

да тяжелымъ сномъ; по утру ея первая мысль была о Сергѣѣ.

Вся молодая компанія замѣтила что Тая съ нѣкоторыхъ поръ совсѣмъ стала не та. Сквозь порывистую веселость минутами проглядывала у нея такая грусть что она, не имѣя силъ скрывать ее, вдругъ ни съ того, ни съ сего оставляла игры, уходила домой; и тамъ уткнувшись въ уголокъ холодной горницы обливалась горячими слезами. Но спросивъ самое себя что у нея за горе случилось, иногда разсмѣется, посмотрится въ зеркало; и если глаза не очень красны, то умоется и опять побѣжитъ гулять.

Наблюдая за ней, Сергѣй окончательно торжествовалъ.

XVI.

Лишь только выглянуло солнышко и народъ на селѣ едва закопошился, Тая съ Васей уже были на ногахъ; они увязывали въ крашенки вчерашнія делешки, огурцы и яйца, тихо перешелтываясь чтобъ не проснулись маленькія сестры и не подняли опять ревъ. Тая накинула на голову кисейный платокъ съ голубыми полосками, взяла крашенку, перекрестилась на иконы и тихо притворивъ за собою дверь вышла съ братомъ изъ комнаты.

Спустя нѣсколько минутъ, по дорогѣ лежавшей полемъ съ шумнымъ говоромъ шла молодежь церковной слободки. Впереди нихъ, на досчатой телегѣ ѣхала просвирия, какъ клауша въ гнѣздѣ, вся обставленная кузовками. Дорога повернула подъ гору, по олушкѣ сосноваго лѣса, и говоръ молодежи, перемѣшанный съ громкимъ смѣхомъ, оживился еще болѣе. Коротенькій господишъ Послѣловъ ухитрился надѣть себѣ на голову двѣ дравичныя крашенки одна на другую, привязавъ къ тросточкѣ два платка, красный и бѣлый, въ видѣ знамени, и гордо выстулая впереди всѣхъ вожакомъ, походилъ какъ нельзя болѣе на Сильсъ Толстаго.

— Этотъ Послѣловъ иногда бываетъ удивительно остроуменъ, сказала Глафира Петровна Машѣ, — только ужъ слишкомъ много на это претензіи...

— Тихонько, пожалуйста, онь услышатъ, шопотомъ предостерегаа ее Маша.

— Что дѣлать, бываетъ и коса притуляется... вдругъ оглянулся на нихъ маленькій человѣчекъ.

Обѣ дѣвицы сконфузились; и чтобы загладить проступокъ, Глафира Петровна заговорила съ чудакомъ. Между прочимъ спросила его, что онъ навѣрное первымъ въ своемъ классѣ?

— Да-съ, безъ похвалы могу сказать что я одинъ весь классъ поддерживаю, то-есть правильнѣе выразиться, *скрам-ляю...*

— Значить вы *перемла?* вмѣшалась въ разговоръ Маша Товарищи всѣ съ улыбкой переглянулись.

— Точно такъ-съ, отвѣчалъ Послѣловъ, ни мало не сконфузася,—я дѣйствительно первымъ, только съ другаго конца.

Онъ въ самомъ дѣлѣ плохо учился, чего по его игривому остроумію нельзя, казалось, было предполагать.

— Что же это вы отстали? сказалъ Сергѣй, подходя къ Танѣ, и заглянулъ ей прямо въ глаза.

Молодая дѣвушка попятилась отъ него и надувъ губки не вдумъ стала отвѣчать:

— Я дожидаюсь Васю, онъ тамъ въ кустахъ вырѣзываетъ себѣ дудочку.

Въ голосѣ Сергѣя попрежнему слышалась нѣжная струя, и его смѣлый, жгучій взглядъ какъ электрическая искра мгновенно проникъ въ душу Тани. „Опять вѣрно хочетъ меня дурачить“, подумала она, стараясь вооружиться искусственною холодною.

— Колоколовъ! что жь ты отсталъ? оглянулся на него товарищи; и тетюшка просвирня покачала съ телеги на него головой.

— Да уйдите же вы отъ меня ради Бога! воскликнула Тани, почувствовавъ неловкость что осталась вдвоемъ съ Сергѣемъ, который не спуская съ нея своего упорнаго взгляда тихо вздохнулъ, проговоривъ:—Богъ съ вами!

— Вася, скорѣй! всѣ уходятъ!.. крикнула Тани и бѣгомъ поспѣшила присоединиться къ компаніи.

Сергѣй же остался дожидаться Васю, и потому что она оба пошла позади всѣхъ, разговаривая о чемъ-то вполголоса. Вася вырѣзывалъ себѣ свистульку.

— О чемъ это вы толковали съ нашимъ Сергѣемъ? спросила Таню Графиня Алексѣевна, съ язвительною улыбкой.

— Мнѣ толковать съ нимъ не о чемъ, рѣдко отвѣтила Тани, ловявъ ея улыбку,—братъ вырѣзывалъ себѣ дудочку, а я

дожидалась его; не знаю зачѣмъ подошелъ къ намъ Сергѣй Павловичъ...

Наконецъ достигли Харламовскаго березника; лѣтшаку отпрягли и привязали на арканъ. Вся компанія усѣлась въ кружокъ на мягкую зеленую траву, и каждый началъ выгружать изъ своей крашенки озыбтые припасы. Просвириа разостлала синюю скатерть, куда разложили всѣ лепешки, огурцы и яйца, а посрединѣ поставили штофъ съ толченымъ молокомъ. Пройдясь лѣшкомъ пять верстъ, молодежь порядкомъ проголодалась и очень охотно принялась за вечернія лепешки.

Сидя за завтракомъ, заговорились кому съ кѣмъ аукаться и условились входя въ лѣсъ всѣмъ держать вправо. Вася попробовалъ свою свистульку. Она ему такъ удалась что всѣ присутствующіе невольно зажали уши, и мальчишкѣ торжественно объявилъ что онъ на всѣ ауканья намѣренъ отвѣчать своей дудочкой.

Тутъ каждый повѣсилъ себѣ крашенку чрезъ плечо, и всѣ пошамъ въ разсыпную. Вслѣдъ зачѣмъ начало раздаваться громкое „ау!“ и буйный вѣтеръ перекатами разносилъ его по лѣсу, славая съ шумомъ листьявъ дрожавшей осины и вѣсковыхъ березъ.

XVII

Грибовъ было зволю, крашенки живо начали наполняться, красное солнышко незаметно поднялось на лодень, вѣтеръ стихъ, и жара стала невыносимая. Тутъ вся компанія начала громко переключаться, чтобы повернуть назадъ ко дворамъ. Но на грибы глаза завистливы, особенно женскіе: которая набрала себѣ полный кузовъ, той не лишнимъ казалось наполнить еще и платокъ и фартукъ. А на выходѣ, какъ нарочно, куда вы оглянешься, все грибы стоятъ: тутъ, глядишь, за кустомъ тройчатка молодыхъ выставили рыженькія головки изъ-за зеленого моху, тамъ большой червоголовикъ толстокоренный; ну какъ тутъ не увлечься? невольно еще, и еще похватаетъ.

Такая нѣсколько поотстала отъ своихъ, и стащивъ съ шеи бумажный платокъ, начала грибы собирать въ узелъ.

Компанія между тѣмъ незаметно удалилась, только слышалась неподалеку одна Васина свистулька; разчитывая на

нее дѣвушка не робѣла, въ полной увѣренности что и всѣ здѣсь; но странно ей казалось одно: бросится она по направленію къ свистулькѣ, а та какъ на смѣхъ раздается черезъ минуту въ другой сторонѣ. Таия замѣчала что она все углубляется дальше въ лѣсъ.

Бѣгая по жарѣ за Васиной дудочкой и безпрестанно аукалась то тому, то другому, она наконецъ совершенно выбилась изъ силъ, ужь не рада была и грибамъ. Дѣвушка надрывается всѣ силы въ звонкое „ау!“ и въ голосѣ ея не шута посыпались слезы.

Вдругъ неподалеку отъ нея на полянкѣ показался Сергѣй, спокойно перекачивая изъ стороны въ сторону почти пустою крашенкой.

— Гдѣ же Вася? гдѣ всѣ?.. крикнула оробѣвшая Таия.

Сергѣй показалъ рукой въ глубину лѣса; и дѣвушка бросилась туда со всѣхъ ногъ; половичъ поспѣдовалъ за нею.

Часъ тому назадъ онъ выпросилъ у Васи дудочку, въ надеждѣ залутать ею Таию, которая, ни мало того не подозревая, бѣгала по лѣсу въ страшной тревогѣ.

Сергѣй догналъ ее, говоря сдержанно-успокоительнымъ тономъ:

— Со мной вы ни въ какомъ случаѣ не можете залутаться, я хорошо знаю весь этотъ лѣсъ, и знаю гдѣ мы находимся. Совѣтую вамъ невозможно присѣсть отдохнуть, потому я выведу васъ на дорогу.

Измученная Таия робко вскинула на него глаза, повторяя сквозь слезы: — Но гдѣ же всѣ? Гдѣ Вася?..

— Они нѣсколько ушли впередъ, хитрилъ Сергѣй, слегка постукивая своей тросточкой о сухое дерево.

Видя его невозмутимое хладнокровіе, Таия доверчивѣе взглянула на него; а онъ совершенно просто подошелъ къ ней и помогъ ей снять съ плечъ большую крашенку, которую отвесъ потомъ шага за два подъ тѣнь, гдѣ лежала огромная, сломанная бурей береза.

Усталая дѣвушка молча повиновалась; положивъ подлѣ себя узелокъ съ грибами, она въ изнеможеніи опустилась на траву.

Ей было нестерпимо жарко. Тяжело переводя дыханіе, она быстро сняла съ головы кисейный платокъ. Гребенка выпала изъ ея косы, и золотистые волосы, тяжелою вошной покрывая весь станъ, разсыпались по плечамъ свѣяго лѣтня.

Тая такъ была измучена что и не замѣтила безпорядка своего туалета; жадно вдыхая въ себя воздухъ, она съ полу-улыбкой взглянула на Сергѣя, который почему-то въ эту минуту не казался ей тѣмъ чѣмъ былъ для нея за нѣсколь-ко часовъ.

Чтобы болѣе заикать ея довѣріе, Сергѣй помѣстился на бугоркѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея; въ тайнѣ онъ едва могъ сдерживать свой восторгъ что судьба ему такъ благопріятствуетъ: онъ съ ней вдвоемъ... среди дремуча-го лѣса... Какое блаженство!

И молодой человѣкъ старалъ желаніемъ хоть разъ утолить жажду трепетавшаго сердца, прижать ее къ груди своей и слить всю свою душу въ одномъ томительно-сладкомъ поцѣ-луѣ. Но зная характеръ Таи и дорожа ея минутною довѣр-чивостью, онъ дѣлалъ надъ собою усиліе, чтобъ удержать маску хладнокровія.

Прошло минутъ десять въ молчаніи, Тая, нѣсколько от-дохнула; замѣтивъ что волосы ея въ безпорядкѣ, она торо-пливо подобрала ихъ подъ гребенку и подвывая голову къ солнцу проговорила:

— Который теперь часъ? Небось ужъ поздно, пора домой. Мнѣ страхъ какъ хочется пить!

Говоря это, она посмотрѣла на Сергѣя. Онъ былъ блѣденъ какъ мертвецъ, глаза ея встрѣтились съ его страстнымъ взглядомъ и она невольно вся затрепетала.

Услыша ея голосъ, онъ машинально вскочилъ на ноги, вы-нулъ изъ своей крашенки два огурца, разрѣзалъ ихъ и, пода-вая Тая, сказалъ:

— Пожалуста возьмите!

Въ голосѣ и во всѣхъ движеніяхъ Сергѣя не было и тѣни прежней самоувѣренности; напротивъ, въ эту минуту онъ былъ робокъ какъ дитя, которому дарятъ хорошую игрушку.

— Теперь пойдемте! сказала Тая, избѣгая его взгляда, и встала съ мѣста.

Сергѣй какъ бы опомнился, видя что драгоценныя для него минуты кончаются; и долѣе не владѣя собою онъ су-дорожно схватилъ Танину руку и сквозь блѣдныя дрожащія губы у него вырвалось:—Нѣтъ! вы не уйдете.... прежде чѣмъ... Онъ не докончилъ.

— Вы сами же обѣщались вывести меня на дорогу! въ

недоумѣннн вскрикнула дѣвушка пытаясь высвободить свою руку.

Видя ея испугъ, Сергѣй опять овладѣлъ собою, пустил руку и съ умоляющимъ взглядомъ присѣлъ подлѣ нея на сухую березу.

Тая вздохнула, сдвинула брови и молча сурово смотрѣла на него.

— Ради Бога, выслушайте меня! прерывисто началъ Сергѣй.—И несчастнѣйшій человекъ!... Я люблю васъ до безумія.... Вы должны мнѣ сказать! Не то, я убью себя... Перестань же меня мучить!... добавилъ онъ, понизивъ голосъ; и, какъ бы сознавъ свое безсиліе, поникъ головою.

Тая въ смущеніи стояла подлѣ него. Все существо ея охватило какое-то невѣдомое доселѣ чувство, сердце дрожало, ныло и рвалось къ нему; но воспоминаніе о кляской гостьѣ какъ остріе ножа коснулось его, и дѣвушка пришла въ себя.

— Я не понимаю зачѣмъ вы все это говорите мнѣ, а мнѣ не ровня. У меня нѣтъ такихъ нарядовъ и столько принаго, какъ напримѣръ у Глафиры Петровны. А надо мной им просто смѣются! залапачиво добавила она и отвернулась чтобы скрыть слезы которыя вдругъ обильными ручьями потекли по ея раскраснѣвшимся щекамъ.

Сергѣй съ восторгомъ было протянулъ къ ней обѣ руки чтобы заключить ее въ свои объятія, но Тая быстро отступила и строго выпрямилась, повторяя сквозь рыданія:

— Вы не смѣете подходить ко мнѣ, слышите, не смѣете! Я бѣдна и не могу быть вашей невѣстой и не позволю смѣяться надо мной!

— Клянусь тебѣ честью, я никогда и не думалъ надъ тобой смѣяться. Ты видишь, я готовъ умереть у твоихъ ногъ какъ собака... Не сердись же на меня, мой ангелъ, выслушай!

Тая улорно стояла отвернувшись и Сергѣй клятебно началъ увѣрять ее говоря:—Я потому только ухаживалъ за кляскою гостьей чтобы затронуть твою ревность и убѣдиться въ твоихъ чувствахъ. Я за счастье сочту жениться на тебѣ какъ только получу „вольное“ * мѣсто.

* Прежде часто поступали на мѣсто съ обязательствомъ жениться на той дѣвушкѣ за которой оно предоставляемо, безъ этого условія мѣста назывались „вольными“.

Таня не хотѣлось вѣрить его словамъ, но все-таки она чувствовала что у нея какъ-то отлегло отъ сердца; взглянувъ на Сергѣя, она проговорила:

— Пора домой.

— Хорошо, мой милый тиранъ, моя мучительница, сейчасъ пойдемъ; только скажи мнѣ хоть одно слово: согласишься быть моею женой? и я тогда съ терпѣніемъ буду выжидать себя мѣста.

Таня молчала, но ея взглядъ и выраженіе улыбки были краснорѣчивѣе всякаго отвѣта.

У Сергѣя застучало въ виски, сердце заняло сладкою болью и дрожація руки горячо обвили вокругъ молодого, стана.

— Ты моя, не правда ли, моя, несравненная Таня? Мое божество! шепталъ онъ почти въ безпамятствѣ, прижимая ее къ груди своей, и только-что уста ихъ слились въ жгучій поцѣлуй, какъ вдругъ почти совсѣмъ подлѣ нихъ громко раздалось:

— Таня, ау-у!

Дѣвушка мгновенно поблѣднѣла и быстро вырвалась изъ объятій. Сквозь чащу мелькнуло сѣренькое нанковое пальто и Вася показался изъ-за кустовъ.

— Гдѣ ты, сударыня, пропадаешь? крикнулъ онъ на сестру.—Я доходилъ до самаго Глухова оврага, весь лѣсъ избѣгалъ! съ досадой говорилъ мальчикъ, вытирая на лбу взмокшіе бѣлокурые волосы.

— Я все откликнулась на твою дудочку, а ты вдругъ пропалъ; чѣмъ же я виновата? Меня бросили. Я кричала, кричала, даже охрипла. Но гдѣ же всѣ?

— Гдѣ, сердито повторилъ Вася,—чай давнымъ-давно поблѣдали дома.

— Какъ же ты-то отсталъ отъ нихъ? спросилъ Сергѣй, поднимая на свои плеча Татьяну крашенку.

— Да вотъ по ея милости, отвѣчалъ мальчикъ, показывая на сестру,—вижу что ея нѣтъ, поставилъ свои грибы на телѣгу; они всѣ поѣхали, а я пошелъ отыскивать Татьяну.

— Ахъ ты мой добрый Вася! Да ты чай измучился, родненькій, говорила Таня ласково обвивая руку вокругъ шеи своего любимаго брата. И такъ они втроемъ отправились домой.

Дорогой Сергѣй, уловивъ минуту, сказалъ Таня́ что́бы она никому не говорила о томъ что онъ за нее посватался.

— Пусть это будетъ тайной для всѣхъ, пока я не получу себя́ мѣста.

Особенно онъ просилъ не проговориться какъ-нибудь Марья Львовна. И Таня обѣщала ему свято сохранить их тайну.

Время подходило уже къ вечернямъ, когда наши запаздывающіе грибаики возвратились изъ дѣса.

XVIII.

Однажды утромъ Маша вошла зачѣмъ-то въ кухню. Увидя ее, кухарка Ѳекла бросила чистить грибы и торопливо вытирая руки, съ таинственною улыбкой вынула изъ кармана фотографическую карточку, говоря:

— Посмотрите-тка, матушка барышня, вѣдь это *мыъ патреть*.

Маша взглянула на карточку и очень удивилась, спрашивая:

— Гдѣ ты взяла ее?..

— Вчера нашъ-то гость далъ мнѣ зашить рукавъ у сортука, начала Ѳекла озираясь вокругъ,—вотъ я и стала зашивать; гляжу, изъ грудоваго кармана что-то бухъ на полъ, гляжу, ахъ! молъ батюшки свѣты! да вѣдь это наша писаная красавица Марья Львовна! Какъ она сюда попала? А онъ давеча прибѣжалъ ко мнѣ какъ угорѣлый. „Не видала ль, говоритъ, ты карточку?“ А я ему: нѣтъ, молъ, сударикъ, ничего такого не видала. Ужь солгала, прости Господи!

— Ну что жъ онъ, огорчился? спросила Маша.

— Вѣстимо дѣло огорчился, всего иида въ жаръ бросило.

— Что жъ ты не отдала ему назадъ?

— Ишь ты, матушка барышня, „назадъ“, статочко ль дѣло? Можетъ онъ гдѣ лотихоньку отъ васъ взялъ; а тамъ межъ своими *стракулистами-то* и зачалъ бы васъ на зубки поднимать.

— Правда твоя, Ѳекла, хорошо сдѣлала что прежде мнѣ показала, сконфуженно проговорила Маша, повертывая въ рукахъ свою карточку, и вдругъ увидѣла что на другой сторонѣ мелкимъ почеркомъ написанъ ея акростихъ:

Мнѣ всего ты милѣй,
 Ангелъ жизни моей,
 Рвется сердце тоской;
 И къ тебѣ лишь одной
 Я стремлюсь всею душой.

Прочтя эти стихи, Маша грустно улыбулась и, съ минуту подумавъ, подала карточку Ѳеклѣ, говоря:

— Отдай ее назадъ Алексѣю Ефимовичу, только смотри не говори что ты показывала ее мнѣ; скажи что просто нашла подъ лавкой. Онъ вѣрно взялъ ее у Бережковской барыни, она ему сродни; а насчетъ того что онъ сталъ бы смѣяться надо мной, я не думаю, онъ кажется такой добрый, смирный человѣкъ.

— Что правда, то правда, вѣстимо дѣло, смирный человѣкъ, худаго слова объ немъ грѣхъ сказать; онъ изо всѣхъ ихъ лучше здѣсь. Вотъ бы вамъ, Марья Львовна, чѣмъ не женихъ? добавила Ѳекла плутовски моргнувъ глазами.— Небось ужъ и вамъ пора замужъ?

— И безъ меня ему невѣсты найдутся. Уклончиво отвѣтила Маша.

— Отчего же такъ? продолжала Ѳекла оскала свои широкіе зубы,—молодецъ, кровь съ молокомъ, а изъ лица всегда такой умильный. Мнѣ право ужъ не одна приходило въ голову, пока онъ у насъ въ гостѣхъ находится, чего бы молъ лучше для нашей барышки? Я право, посватаю васъ за него.

— Что ты, съума сошла! вскрикнула Маша.— Сохрани тебя Богъ! Лучше и не заикайся!..

— Чего жъ вы испужались-то? Неужто я ужъ и вправду такая дура что такъ вотъ просто и брякну.... Я могу сказать какъ-нибудь примѣрно, обивакомъ; что деѣвотъ бы вамъ, батюшка, такую невѣсту кабы Богъ послалъ....

Маша разсмѣялась на слова простодушной Ѳеклы говоря:

— Не хитру же ты околесицу придумала; вѣтъ ужъ лучше впередъ не пускайся въ свахи.

Ѳекла обидѣлась и насулившись опять принялась перебирать грибы, которые на вареве, которые на жареве, а которое въ прокъ, сушить на зиму.

Клиевская гостья уѣхала. Незамѣтно подошелъ Успеневъ день, а за нимъ живо нагрѣнуло и роковое первое сентября, конецъ вакаціи. Грустно понуривъ головы собрались семинаристы въ послѣдній разъ у полова крыльца.

Веселье и игры у нихъ какъ-то не клеились сегодня; какъ ни старались молодые люди сохранять бодрый видъ: что де мы понимаемъ свои обязанности — не все гулять, во въ голосъ каждаго изъ нихъ слышалась невольна монотонная нота. Даже и чудакъ Послѣловъ на этотъ разъ какъ-то присмирѣлъ; вмѣсто безконечныхъ остротъ, шутокъ и прибаутокъ, онъ изрѣдка корчилъ какую-нибудь гримаску и затѣмъ меланхолически почесывалъ себѣ затылокъ, да многозначительно побрякивалъ переглядываясь съ товарищами.

Даже отецъ Павелъ замѣтилъ что сегодня молодежь что-то особенно присмирѣла; отворивъ окошко изъ кабинета, онъ выглянулъ къ нимъ въ своей пласовой ермолкѣ, рѣзко отдѣлявшейся отъ сѣдыхъ волосъ.

— Что это вы, господа, словно на поминки собрались, сидите всѣ повѣся носы; я слушалъ, слушалъ, иида тоска взяла; хоть бы пѣсенку спѣли на послѣдокъ.

. Семимаристы встали, поклонились старичку и вопроситель-но взглянувъ другъ на друга, единодушно промовали:

— Зачѣмъ же дѣло стало? Соколовъ, начинай!

Соколовъ тихо вздохнулъ и заглѣлъ своимъ симпатичнымъ теноромъ, а за нимъ и его товарищи грянули отъ всей души:

Прости ваканція драгая!

Простите всѣ мои друзья!

Прости о дѣва молодая!

Прости, прости! уѣду я...

Прости приволье дорогое!

Прости родимая семья!

Промчалось время золотое...

Суровый дозгъ зоветъ меня—

Зоветъ онъ въ скрытый домъ высокій,

Сидѣть съ тетрадкой за столомъ,

Учиться мудрости глубокой;

И горе запивать виномъ.

Ужъ близко стрѣла роковая—

И вотъ настала разлука часъ!...

О дѣва, дѣва молодая!

Ну подѣлуй въ послѣдній разъ!

— Ну что же вы, господа, не послѣдуете словамъ пѣснѣ! выглянулъ опять отецъ Павелъ и привѣтливо улыбался шутилъ съ молодыми людьми.

— Это не отъ насъ, батюшка, зависить.... Въ одинъ годъ отвѣчали семинаристы.

Дѣвцы покраснѣли и съ серіозною миной отвернулись въ сторону, какъ будто не объ нихъ идетъ рѣчь.

— Если ваше благословеніе разрѣшитъ намъ столь благопріятную для насъ повинность, то мы со всякимъ удовольствіемъ!.. ради стараться по вашему приказанію! боіко отпрапортовалъ маленькій Послѣловъ, вскочивъ съ своего мѣста.

Дѣвцы всѣ перелопостились.

— Разрѣшаю! крикнулъ отецъ Павелъ, любившій подъ часъ потрунить надъ молодыми дѣвушками, которыя едва слышали слово „разрѣшаю“, какъ дикія козы бросились съ криками въ разныя стороны; семинаристы за ними. Маленькій Послѣловъ изловилъ дяконову сестру за шею и повелительно тащилъ ее къ окошку изъ котораго смотрѣлъ отецъ Павелъ покатываясь со смѣху, и похваливалъ ловкость Послѣлова, который одинъ дѣйствовалъ энергически въ данную минуту. Авдотья Васильевна визжала, но удалецъ нашъ ни мало не обращалъ на это вниманія, крѣпко держа въ рукахъ свою жертву, прехладнокровно спрашивалъ:

— Какъ, батюшка, прикажите, *за оба уха, аль за подбородочекъ?* И съ этими словами онъ припрыгнулъ и громко чмокнулъ Авдотью Васильевну прямо въ толстенькія губки.

Дѣвушка чуть не заплакала отъ стыда и досады.

Въ сумерки, когда семинаристы всѣ разошлись, Сергѣй быстрыми шагами ходилъ по своей маленькой комнатѣ. То онъ въ нетерпѣніи перевѣшивался въ окно, прислушиваясь, то опять принимался ходить взадъ и впередъ. Наконецъ отворилась дверь и вошелъ Любомудровъ.

— Алекса! Это ты? окликнулъ его Сергѣй зажигая свѣчу.

Алексѣй подошелъ къ нему и глухимъ, беззвучнымъ голосомъ произнесъ:

— Все кончено!.. завтра ѣду...

— Ну что, говорилъ съ ней? поговаривался, аль олять струсилъ? съ безпокойствомъ допрашивалъ Сергѣй заглядывая въ лицо пріятеля.

— Говорилъ....

— Ну что же она тебѣ сказала?

— То что я давно уже и прежде зналъ....

— Да говори же яснѣй: отказала чтоль?...

— Разумѣется отказала, когда любить другаго. Съ этими словами Алексѣй взялъ фуражку и вышелъ изъ комнаты.

Сергѣй, старая нетерпѣливѣе, накинулъ пальто и бросился за нимъ; догнавъ его, опять заговорилъ:

— Она сама тебѣ сказала что любить другаго?

Алексѣй тяжело вздохнулъ, и началъ не слѣша:

— Не буквально такъ.... она говоритъ что уважаетъ меня, но... но... замужъ не пойдетъ ни за кого въ мірѣ... и все это изъ-за тебя... укоризненно добавилъ Алексѣй.— Впрочемъ, не будемъ больше объ этомъ говорить....

— Вотъ прекрасно! вздумалъ теперь меня упрекать. Что же, по твоему, я долженъ жениться на ней безъ всякаго мѣненія, чтобы только удовлетворить ея капризному чувству!..

—Замолчи ради Бога, не говори о ней съ такою злобостью! вспылалъ наконецъ Алексѣй.—По правдѣ тебѣ сказать, ты и мизинца на ногѣ ея не стѣишь.

— Вкусы различны, мирно отвѣчалъ Сергѣй, не желая спориться и въ тайнѣ все-таки не теряя надежды что это дѣло въ послѣдствіи еще можетъ уладиться.

Проводивъ Любомудрова, Сергѣй и самъ вскорѣ уѣхалъ въ Москву, и началъ усердно посѣщать консисторію, въ отданіи дьяконскаго мѣста.

XIX.

Когда разѣхались гости изъ села Завьялова, въ притѣ сдѣлалась такая тишина что долго послѣ нихъ все казалось пусто и мертво, даже старики ходили повѣся носы, словно потеряли что-то.

Таня взяла шитье и съ горя отправилась къ Марьѣ Львовнѣ, которой конецъ вакаціи не такъ сильно отозвался въ сердцѣ; она, напротивъ, казалось, рада была этой мертвой тишинѣ, ей наскучили шумныя вечернія игры, и надобно притворяться веселою, да глотать слезы въ тихомолку по ночамъ. Оставшись совершенно одна, она только-что было собралась поплакать на просторѣ какъ вошла Таня.

— Господи, какая скука! какая пустота вездѣ, даже дѣло изъ рукъ валится, да и не знаешь за что приняться, говорила Таня, откровенно выражая свою тоску.

— Таше, пожалуйста! Здѣсь тетя прилегла отдохнуть, оставила ее Маша.

— Въ самомъ дѣлѣ?... ахъ, извини, я не знала, зашептала Таша, и хотѣла было уйти.

— Куда же ты? подожди, пойдемъ въ свѣтелку, тамъ и будемъ толковать на просторѣ. Удержала ее Маша и повела по лѣстницѣ на верхъ.

Отправляясь въ комнату Сергѣя, у Тани сердце порядкомъ забило тревогу.

Въ свѣтелкѣ былъ страшный беспорядокъ: столъ весь усыпанъ табачнымъ пепломъ, на полу вездѣ разбросаны окурки папирозъ, клочья бумаги и очистки огурцовъ.

Молодые дѣвушки принялись прибирать все и приводить въ порядокъ.

Танѣ не въ первый разъ приходилось съ Машей сидѣть въ этой комнатѣ, но она никогда еще не была для нея такъ дорога какъ теперь. Ей милы казались эти пропитанныя табакомъ стѣны, онѣ ей говорили о недавнемъ присутствіи дорогаго существа. Она воломнила какъ онъ прощаясь сказалъ ей: „Не позабудь же меня, моя дорогая невѣста.“ При этомъ воспоминаніи лицо ея разгорѣлось румянцемъ, глаза подернулись влагой, на полуоткрытыхъ губахъ неволью мелькнула счастливая улыбка. Она вздохнула и задумалась.

Послѣ известной сцены въ лѣбу, Танѣ почти не приходилось встрѣчаться съ Сергѣемъ наединѣ. Сколько разъ въ сумерки ей хотѣлось поговорить съ нимъ сквозь изгородку сада, особенно когда изъ открытаго окна холодной горницы она слышала какъ онъ ходитъ по межѣ и поетъ:

Ты для меня душа и сила,
Ты для меня огонь святой!
Ты жизнь мнѣ новую открыла...
Сли ангелъ мой! спи Богъ съ тобой!...

Сердце затрелецеть бывало въ ней, какъ птичка въ клѣткѣ, и начнетъ ее манить въ огородъ; но вдругъ какой-то тайный голосъ грозно шелчетъ ей: „Что ты дѣлаешь, очаянная?... онъ насмѣется надъ тобой, да и женится на богатой невѣстѣ. А тутъ еще вдругъ увидитъ мать, или другой кто-нибудь, заговорятъ дурно.... тогда хоть не живи на свѣтѣ.“ И Таша послушается этого голоса, утретъ горячую слезу и затаивъ въ груди спертое дыханье, пошлетъ ему по вѣтру

тайный поцѣлуй, закроетъ окошко, помолится да и ляжетъ въ постель.

Лишь только дѣвцы поприбрали комнату и было услышались съ шитьемъ около стола, какъ вдругъ на порогѣ появилась отецъ Павелъ въ своей ерможкѣ на головѣ и съ кляпою бумагъ въ рукахъ.

— Вы что, лалаша, хотите здѣсь заниматься? спросила Маша. — Садитесь, мы сейчасъ уйдемъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же; я было думалъ что тутъ мухъ поменьше... да сидите, сидите, я васъ не потревожу, заговорилъ старичокъ затворяя дверь.

— Куда же вы, лалаша?! Мы ужъ готовы!... И дѣвцы, схвативъ работу, живо обѣжали его по лѣстницѣ. Видя это отецъ Павелъ привѣтливо посмотрѣлъ на нихъ и вернулся въ свѣтлицу.

— Знаешь что, Маша, пойдѣмъ къ намъ, будемъ тамъ сидѣть однѣ-однихоньки.

— А гдѣ же ваши?

— Маменька повезла Васю въ семинарію, а татенька убираетъ снолы съ поля.

— Хорошо, пойдѣмъ! согласилась Маша.

Въ горницѣ пономаря всегда было чисто, свѣтло и уютно; дѣвцы сѣли у открытаго окошка и олять принялись за шитье. Но вдругъ Маша нечаянно осмотрѣлась кругомъ и увидѣла на столѣ Хрестоматию Гадахова, которую конечно сейчасъ же узнала по переплету; взявъ ее въ руки, она съ недоумѣніемъ посмотрѣла на Тяю.

— Скажи пожалуйста, какъ она попала къ тебѣ? Я думала что Сережа увезъ ее въ Москву.

Тая вся покраснѣла и запинаясь начала:

— Да, это... она еще съ самой Святой... Еще тогда подарилъ мнѣ Сергій Павловичъ. Развѣ онъ... развѣ ты отъ него не слыхала?...

— Нѣтъ, онъ не имѣетъ привычки докладывать мнѣ ни о чемъ... въ особенности о томъ что касается тебя... рѣзко отвѣтила Маша и вся поблѣднѣвъ бросила на Тяю холодный, почти презрительный взглядъ.

Тая оробѣла и сконфузилась чуть не до слезъ.

Видя что подруга на нее разсердилась и не зная что дѣлать, она начала упрашивать Машу взять эту книгу отъ нея назадъ.

— Вотъ дустяки какіе! отвѣтила Маша взволнованнымъ голосомъ.— Коль онъ тебѣ подарилъ эту книгу, такъ мнѣ-то что до этого? Она твоя и береги ее у себя *на память объ немъ*.

Губы Маши нервно подергивались и слезы начали душить горло. Она поскорѣе свернула свое шитье и молча вышла изъ горницы.

Таня не посмѣла уговаривать ее остаться; она со страхомъ смотрѣла ей вслѣдъ и горько заплакала. Въ эту минуту только ее освѣтила мысль: „Неужели и она его любитъ не какъ брата? Вѣдь на самомъ-то дѣлѣ онъ ей не братъ, а дальняя родня; они могутъ обвѣчаться если только *онъ*.“

Эта мысль мгновенно какъ молнія поразила Таню и уничтожила ее въ собственныхъ глазахъ.

„Такъ вотъ почему, думала она,—*онъ* взялъ съ меня слово не проговориться *ей*!... Боже! теперь мнѣ все ясно.... Но что же мнѣ дѣлать?... Неужели онъ меня обманывалъ?..“

И Таня, обхвативъ обѣими руками голову, въ тяжеломъ раздумьи наклонилась на столъ и такъ просидѣла до самаго вечера, пока не прибѣжали маленькія сестры съ крикомъ, возвѣщая что отецъ ѣдетъ съ поля и велѣлъ собирать ужинать.

Маша досадовала на себя и рассказывалась что такъ рѣзко поступила: „Зачѣмъ я доказала ей что это мнѣ непріятно? Однако какъ она покраснѣла, какъ растерялась,—это ясно что и она къ нему неравнодушна. Но все-таки глупо было съ моей стороны доказывать.... Что мнѣ за дѣло *до мнѣ*? Вѣдь онъ все равно же меня больше не любитъ. Я видѣла и прежде что она ему нравится.... И отчего сегодня мнѣ такъ больно это показалось...“ съ горечью помышляла дѣвушка, стараясь благородіемъ подавить чувство ревности, которое давно уже начало гнѣздиться въ душѣ ея.

XX.

Живо прокатило лѣто, настала дождливая осень, затѣмъ подошли и морозные утренники. Бабы и дѣвки мнутъ и треплютъ ленъ, раслѣвая величальныя лѣсны и поддразнивая другъ дружку сватами да женихами, такъ какъ объ эту пору, около Покрова, на селѣ и по деревнямъ всюду наклеивались свадьбы.

За Катю Савинову жениховъ отбою нѣтъ, но она упорно всѣмъ отказывается, тоскливо поглядывая на Бобошинскія окна: вотъ уже три дня какъ пріѣхалъ домой Борисъ, а сватовъ все еще не засылаетъ къ ней и самъ на глаза не показывается.

Погостилъ онъ у отца съ матерью четыре денька, не вышель во все время ни разу, не только къ хорооводу, но даже и къ воротамъ своимъ; на пятый уѣхалъ въ Петербургъ. Катя ходитъ въ тоскѣ, сама не своя.

Однажды въ воскресенье приходитъ отъ обѣдни молодая невѣстка Савиновыхъ и объявляетъ за обѣдомъ новость: Всѣ говорятъ что Борисъ Бобошинъ посватался за повареву Таню и далъ ей на приданое 300 рублей, а свадьбу вѣшь отложили до Красной Горки.

— Вотъ какъ нынче пошло! лоловны зачали у нашихъ дѣвокъ жениховъ отбивать, съ неудовольствіемъ замѣтилъ Прохоръ Савиновъ, заглядывая, изъ-за плеча старухи матери, на свою любимицу дочку Катюшу. А та сидитъ молча, слушаетъ, крѣпко закусивъ нижнюю губу, только ложка съ кашей затряслась въ рукахъ.

— Можетъ это еще и не правда, а только такъ, полусту языки треплать.... сказала бабушка, видя что у внучки навернулись слезы.

— Вѣдь этакая, право, нынче молодежь безстыдная!... хоть бы телерича Борисъ года два ужъ сестрицу Катю въ хорооводъ выбиралъ, а самъ постылый женится на кутейницѣ, озлобленно проворчала невѣстка.

Послѣ этой новости, цѣлый день сама не своя проходила Катя; ей стыдно было предъ семейными показать свое сердечное горе, но слезы такъ и душили ее, готовая всякую минуту брызнуть ручьями изъ глазъ.

Лишь только дождалась она первыхъ сумерекъ, накинула на плечи плицовую шубейку, завернула въ фартукъ мылавокъ и веретенъ, да и отправилась въ поѣздку къ своей пріятельницѣ „вѣковухѣ“ Аринушкѣ, которая жила у Бобошинныхъ на огородѣ.

Проходя мимо Бобошинской избы, Катя глубоко вздохнула и послала проклятье своей солерницѣ.

Повернувъ на задворки, она увидѣла огонекъ изъ двухъ маленькихъ окошечекъ шестиаршинной кельи.

„Вотъ ужъ я наплачусь тамъ въ волюшку и нарыдаюсь на

просторѣ. Только дай Богъ чтобъ у Арины не было ничего изъ монашенокъ.“

Подойдя къ избушкѣ, Катя заглянула въ окно и видитъ что Арина стоитъ предъ образами и читаетъ Псалтырь; постоявъ съ минуту, дѣвушка тихонько постучалась.

Аринушка положила земной поклонъ, закрыла книгу, повѣсила четки на гвоздикъ и заглянула въ окошко.

— Можно что-ль войти? я къ тебѣ въ посѣдки, крикнула Катя утирая слезы.

„Вѣковушка“ съ огаркомъ бросилась отпирать калитку и свѣтить гостѣ; но лишь только отворила дверь, какъ вѣтеръ съ дождемъ и снѣгомъ задулъ свѣчу. Тутъ Арина схватила Катю за рукавъ и повела ее оцулюю къ себѣ въ келью, приговаривая:

— Пойдемъ, пойдемъ моя красавица, милости просимъ.

— Ты никакъ, родная, стояла на молитвѣ, я тебя потревожила? оговаривалась Катя переступая порогъ тихаго жилища мірской монашенки.

— Нѣтъ, моя ласточка, ты мнѣ не помѣшала; я ужь кончила. Сафроновы по теткѣ сорокоустъ заказали, а я давеча на-тощакъ-то не успѣла каѳизму вычитать, помѣшали, такъ вотъ ужь теперъ и выполнила, говорила Аринушка снимая съ Кати шубейку и усаживая ее на переднюю лавку.—Вотъ спасибо что пришла съ мыканками, продолжала Арина, и я съ тобой попряду маленько. Да что это у тебя глазки-то опухли и голосокъ дрожить? Ужь нѣтъ ли у васъ въ домѣ горя какого?

— Нѣтъ.... отвѣчала Катя и зарывавъ закрыла лицо руками. Мыканки и веретена повалились у нея изъ фартука на полъ.

— Господи Иисусе! Мать Пресвятая Бсгородица!... восклицала озадаченная Арина, собирая по полу веретена.

Въ кельѣ „вѣковуши“ была безукоризненная чистота, полъ бѣлый, стѣны всѣ улѣплены лубочными картинками духовнаго содержанія, чело у печки занавѣшено чистымъ полотенцемъ, у образовъ теплилась лампадка; подъ угольникомъ стоялъ маленькій столикъ, накрытый бѣлою скатертью. Сама Аринушка была еще довольно красивая, бѣлокурая дѣвушка, лѣтъ тридцати съ небольшимъ, высокая, худощавая; на ея добродушномъ лицѣ мелькала томная улыбка, подъ глазами и вокругъ губъ лежала легкая тѣнь и мелкія морщинки, сви-

дѣтельствовавшія о многихъ житейскихъ тревогахъ. Говорятъ она въ ранней молодости имѣла несчастье не собластоу себя, и съ тѣхъ поръ уже навсегда затворилась въ эту келлейку.

— Погадай-ка ты мнѣ, родненькая! начала Катя: — ты вотъ Матрешѣ десятскаго какъ разъ угадала правду; помнишь, объ Святой?... На картахъ выходило все что она выдетъ замужъ за бѣлокураго парня; такъ и есть: Поликарпъ за нее сватается, совсѣмъ дѣло порѣшили; въ это воскресенье сговоръ.

— Нѣтъ, моя ласточка, ты ужъ картами меня не смущай; я зарокъ дала: больно отецъ Павелъ бранить меня за гаданье; въ Слажанки не хотѣлъ было причастья давать.

— Одинъ только разокъ метни. Я ужъ грѣхъ на свою душу приму, упрашивала ее Катя, — авось на сердцѣ полегчаетъ, да ну же, болѣзная, погадай!..

— Нѣтъ, ягодка, не проси; гадать не стану. А лучше дай потолкуемъ: что у васъ было съ Борисомъ-то, любилась что ль вы? таинственно шепнула „вѣковуша“, наклоняясь къ самому уху Кати.

— Нѣтъ, такого ничего не было... Онъ просто бывало норовить встрѣтить меня, а иной разъ такъ заглянетъ въ глаза что ровно иглой кольнетъ въ сердце, а вотъ съ тѣхъ самыхъ поръ какъ эта кутейница вышла однава съ нимъ въ хороводъ, съ тѣхъ поръ и шабашъ.... словно она его корешками обведа какими; телерь ужъ и къ намъ ни ногой.

— Та-а-къ, протянула Арина и пододвинувшись ближе къ Катѣ, начала гладить ея черные волосы. — Можетъ вы съ нимъ цѣловались когда? Ужъ ты отъ меня не таись, я не выдамъ, вкрадчиво продолжала „вѣковушка“, и вздохнувъ робко подняла глаза на иконы, какъ бы чувствуя упрекъ совѣсти что де уста свои сквернить такими мѣрскими соблазнами.

Катя потулилась и сквозь зубы проговорила: „Только одинъ разъ“... и сама вся зардѣлась какъ зарево.

— Какъ же это было и когда?

— Объ Святкахъ, вздохнувъ начала Катя. — Ночь была свѣтлая, морозная; у меня сидѣла Матреша десятскаго, она и говоритъ: „Пойдемъ, дѣвка, посмотримъ на ряженныхъ, сейчасъ, говоритъ, провалила цѣлая ватага къ Митюшинымъ,“ вотъ мы съ ней и побѣжали; глядимъ, а за нами гонятся

двое ряженымъ; Борьку я сейчасъ узнала по росту и по ку-
дрямъ. Онъ схватилъ меня за оба плеча, да и давай цѣловать.

— Ну а ты что?

— А я, вѣстимо, дала ему кулакъ въ спину, даа прилику,
да обругала окаяннммъ.

— Ну а онъ что?

— Ничего, только захохоталъ, и убѣжали оба. Теперь вотъ,
повѣришь ли, дѣвонька, словно ножомъ меня пропорело въ
сердце какъ услышала что онъ женится; а эту проклятую
кутейлицу, такъ бы вотъ, кажется, своими руками задушила...

— Что ты, что ты это говоришь... съ ужасомъ остановила
ее Арина;—да еще полно правда ли что онъ посватался за
подмареву Таню, можетъ одинъ лустыя смаетни?...

— Правда, правда. У меня сердце давно ужъ это чуло,
сказала Катя, заливаясь горькими слезами.

XXI.

Борисъ дѣйствительно посватался за Таню. Отецъ съ ма-
герью были рады-радехоньки, но Таня изъ рукъ вонъ: „Ни
на что, говорить, не пойду, не прельщайте меня его богат-
ствомъ: и черезъ золото слезы катятся; лучше дома буду
чишлыя корки ѣсть, да день и ночь работать, а за мужика
не пойду.“

— Дура ты, говорить ей отецъ, — Борисъ, коль захочетъ,
завтра же вышется въ купцы, и ты сама же послѣ будешь
благодарить родителей что не посмотрѣли на твою ребяческую
глупость. Легко ль дѣло: „за мужика не хочу“. Твой отецъ
ють и не мужикъ, да предъ всякимъ лалотникомъ долженъ
лину гнуть... Прихолится кланяться и тому который въ ра-
отники не годится къ Бобошинымъ.

— Что съ ней много толковать, сказала на это пономари-
а,—ладить дѣло, да и только.

— Вы меня хотите насильно отдать! вскрикнула Таня, от-
аянно посмотрѣвъ на мать. — Что жъ, воля ваша, ладьте дѣ-
о, а я руки на себя наложу... вся помертвѣвъ, дрожащимъ
олосомъ говорила дѣвущка и слезы вдругъ хлынули у нея
учьями.

— Этакая, право, супротивница, сказалъ отецъ, не зная
акъ быть и на что рѣшиться. — Ладно, неволить не ста-

лемъ; сама чай знаешь отцовскій карманъ. Не пойдемъ за Бобошина, такъ будешь вѣкъ косами трепать, денегъ нѣтъ. Мѣста сдавать не могу, ты не одна у меня.

— Этимъ вы меня не застрачиваете, твердо возразила Тая, — коль останусь въ дѣвушкахъ, то проживу рукодѣльщица, а подъ старость въ монастырь пойду; лучше посвятить себя Богу чѣмъ покеволѣ выходить замужъ.

— Охъ, дѣвка! подумай хорошенько: Послѣ ужъ на себя лежай... сказала мать, грустно покачивая головой.

— Мамочка! роденькая! не сердитесь. Зачѣмъ вы такъ скоро хотите меня съ рукъ сбить? чѣмъ я вамъ такъ мѣдохла?... говорила Тая сквозь слезы, ласкаясь къ матери.

— Тятенька! зачѣмъ? не надо... заплакали обѣ младшія дѣвочки.

— Чего еще не надо?! крикнулъ отецъ.

— Не надо Тяю замужъ отдавать!... рыдая проговорила Груша.

— Ну, ну! что съ вами дѣлать; не отдамъ, пока сама не захочетъ, молвилъ отецъ, глядя дѣвочку по головкѣ.

Тая подошла, обняла отца и поцѣловала у него руку.

Потолковали между собой родители, и рѣшили: Что до неволить дѣвку опасно; подождемъ, можетъ сама еще оумывается и согласится.

А Бобошинымъ дали такой отвѣтъ: „Просимъ-девать по временити хоть до весны, наша де невѣста очень молода; ей не мѣшаетъ еще ума-разума покопиться, да полотенцевъ на дары нашить.“ * А мы этимъ временемъ повидаемся съ московскимъ братцемъ, перетолкуемъ; онъ и въ придачу сколько-нибудь поможетъ.“

Съ тѣмъ Борисъ и уѣхалъ въ Питеръ. А что касается до трехсотъ рублей, это уже было доплачено со стороны перскащиковъ.

Однажды Спиридоновичъ несетъ къ священнику церковныя ключи, а просвирия оставила его въ сѣняхъ и спрививаетъ:

— Можно что ль васъ поздравить?...

— Съ чѣмъ прикажете? усмѣхнулся помомарь.

* По народному обычаю, каждая невѣста должна обдаривать своего женихову родню вышитыми полотенцами.

— Съ нареченнымъ затемъ; говорятъ за вашу Таню богатый женихъ сватается.

— Кто же это говоритъ?

— Ну вотъ „кто“; слухомъ земля полнится. Не скрывайтесь, мы разбивать не станемъ. Но насъ дай Богъ всякому....

— Да еще нечего пока и разбивать-то...

— Подвоте талтаться-то; а вы скажите лучше, скоро ль у васъ свадьба?

— До свадьбы еще долга лѣзла, можетъ на весну, а можетъ и никогда.... махнувъ рукой, добавилъ Спиридоновичъ, и хотѣлъ-было удалиться.

— Зачѣмъ же дѣло стало? остановила его опять просвирня.

— Да, какъ вамъ сказать то? и за приданнымъ, да и невѣста еще подь ладъ не дается. Что ты будешь съ ней дѣлать: нынче молодежь упрямая, не то что въ наше время.... брякнувъ спроста Спиридоновичъ, и передавъ ключи, съ низкимъ поклономъ ушелъ домой, ворча себѣ подъ носъ: „Поди ты вотъ, сейчасъ уже всѣ затрезвоили!“

— Такъ и есть! Я такъ и знала что она отъ этого жениха рыло отвернетъ. Какъ же вѣдь, за пола коровить!... воскликнула просвирня, входя въ Машину комнату. Та тревожно подняла на нее глаза и спросила:

— Развѣ разошлось дѣло?

— Татьяна не желаетъ! Какъ можно, такая барыня да за мужика пойдетъ!... И какъ дурень то все ей ручки жметъ, да въ глаза гладитъ, вотъ она и возмечтала....

— Вы думаете что она изъ-за него отказала Бобошину? обратилась къ ней Маша, не зная что сказать; въ душѣ она ни мало не сомнѣвалась въ томъ.

— Извѣстное дѣло изъ-за него. Я тебѣ дивно ужъ говорила: не дружись ты съ этою стрекозой, вотъ и вышла моя правда, а ты ротъ-то разинула; все зовешь ее къ себѣ, наряжаешь да причесываешь, выкройки даешь отъ своихъ платьевъ, книги ей суешь. Безъ тебя она путемъ и словомъ не умѣла бы сказать, а теперь поди какъ стала модничать!.. Глорискала просвирня Машу, не зная на чемъ сорвать досаду: Она не на шутку боялась что если Сергѣй вдругъ получить большое мѣсто, то, чего добраго, какъ разъ женится на подкаревой Татьянѣ, и разрушить ихъ завѣтныя надежды.

— На все воля Божія, отвѣтила Маша съ поною покорностію.

У просвири же было другое на умѣ: „Нѣтъ, думаетъ она, этому дѣлу надо издали помѣшать.“ И не сказавъ ни слова домашнимъ, въ тотъ же день обдумала планъ и приступила къ дѣлу. Въ сумерки она поймала пономариху у колодца, когда та накачивала воду, и долго вкрадчиво толковала съ ней; а сама между тѣмъ сообщала будто бы по секрету: „Что де и у насъ можетъ скоро свадьба. Такъ и такъ, у насъ де ужъ это дѣло задумано давно. Только вы ради Господа никому не говорите, кромѣ Тани, да и той крѣпко на крѣпко закажите... Я это такъ ужъ только по дружбѣ открываюсь вамъ.“

— Съ какой стати мы будемъ разказывать, будьте покойны, отъ насъ никогда не выйдетъ слетень, отвѣчала пономариха, не мало удивляясь въ душѣ такой неожиданной откровенности со стороны хитрой просвири.

— Таня, скажи „слава Богу“, таинственно шепнула пономариха дочери, завидя ее на крыльцѣ.

— Слава Богу. А что, маменька, какую радость хотите мнѣ сказать? съ живостью спросила Таня.

— Те! Тише! Это секретъ. Марья Львовна скоро будетъ нашею поладьей.

— Правда? За кого? Ужъ просватана?...

— Вась давно ужъ, только она никому не говорила...

— Да за кого же? съ нетерпѣніемъ спрашивала Таня.

— Женихъ не чужой, свой домашній, Сергѣй Павловичъ.

У Тани помутилось въ глазахъ и олустились руки.

— Да ты смотри и рта никому не развѣвай объ этомъ! строго добавила мать:— Сохрани Богъ, кто узнаетъ, выйдетъ сплетня, и тогда отъ поповыхъ не уйдешь.

Таня вся похолодѣла отъ этой новости.

— Что ты вздрагиваешь? спросила ее мать.

— Ничего, маменька, такъ что-то озябла, съ усиленіемъ проговорила она.

— Батюшки! Да что съ тобой? Въ избѣ жара: голова какъ огонь, а сама вся холодная?

— Право, ничего, увѣрала дѣвушка, и отказавшись отъ ужина, залѣзла на лѣчку, прижалась тамъ въ темный уголокъ и вся предалась своему отчаянію. „Значитъ я не ошиб-

лась тогда“... съ невыразимою болью раздавалось у нея въ душѣ. „Она ужь давно его невѣста... Зачѣмъ же онъ меня обманывалъ? Клялся, увѣрялъ... Ахъ! Какой же онъ безчестный человѣкъ! А я-то, безумная, все ему вѣрила“... терзалась Таня, крѣпко зажимая себѣ ротъ подушкой чтобы домашніе не услышали ея рыданій.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

П. ГУСЕВА.

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦІИ

ОБЗОРЪ МАЙСКОЙ СЕССИИ НАЦИОНАЛЬНАГО СОБРАНІЯ.

Послѣдній разъ, въ апрѣлѣ, намъ пришлось закончить нашу политическую лѣтопись повѣствованіемъ о провозглашеніи, вопервыхъ, окончательнаго республиканскаго образа правленія во Франціи, возторыхъ, шестнадцатой конституціи Французскаго народа.

Въ началѣ марта все казалось окончательно улаженнымъ, на пользу и преуспѣваніе новопровозглашеннаго режима. Дель 25го февраля провозглашенъ „отнынѣ историческимъ“.

Конституція принята 436 голосами противъ 262, то-есть большинствомъ 174 голосовъ.

По одной изъ своихъ статей,* эта конституція признавала *de jure* существованіе республики во Франціи.

Легитимисты, разбитые на всѣхъ пунктахъ, замолкали и сложили оружіе.

На бонапартистовъ открылось гоненіе; протоколы о ихъ продѣлкахъ занимали цѣлые томы, слѣдственныя дѣла о нихъ—цѣлую комнату въ архивѣ.

Министерство, самаго блестящаго состава, поддерживалось „однороднымъ, конституціоннымъ“ большинствомъ въ 436 голосовъ.

* „Президентъ республики“ и пр., гласитъ 2а статья конституціи.

Во главѣ всего этого стоялъ маршалъ Макъ-Магонъ, приговаривая любимую фразу свою: „*J'y suis, j'y reste*“.

Чего же лучше?

— Теперь за одну сессію мы все покончимъ! восклицали листки всякакъ оттѣнковъ.

Кончилась сессія, опустился завѣсъ лоскѣ перваго дѣйствія лѣсы которую можно наименовать: *Шестнадцатая конституція, или за чѣмъ пойдешь то и найдешь*. Но ничего не кончено; открытіе слѣдующей сессіи отложено до будущаго 4го ноября, изъ чего, по самому простому расчету, можно заключить что въ псевдо-конституціонномъ тысяча восемьсотъ семьдесятъ лятѣ году ничего и не будетъ кончено. Взгляните при какихъ условіяхъ разошлись почить на лаврахъ семьсотъ представителей верховной законодательной власти во Франціи:

1) Бонапартизмъ, считавшійся нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ уложеннымъ въ лоскѣ, оказывается сильнѣе чѣмъ прежде.

2) Легитимизмъ, олицетворенный маркизомъ де-Франльё, круче и рѣшительнѣе чѣмъ когда-либо заявляетъ наканунѣ закрытія сессіи о непреклонной своей вѣрности законной династіи; круче и рѣшительнѣе чѣмъ когда-либо отвергаетъ и порицаетъ существующіе порядки.

3) Союзныя силы едва удерживаются отъ того чтобы не сцѣлиться другъ съ другомъ и ищутъ помощи, правые — вправо, лѣвые—влѣво.

4) Министерство на ножкахъ.

5) Группы депутатскія, и то уже саншкомъ многочисленныя, подробились на мелкія кучки, день ото дня болѣе и болѣе расходящіяся между собою.

Приступимъ къ разбору перваго дѣйствія; но предварительно позвольте поговорить о вещахъ, повидимому, нисколько не идущихъ къ дѣлу, но тѣмъ не менѣе находящихся въ тѣсной связи съ трактуемымъ предметомъ.

Лѣтъ пять тому назадъ, нѣкто X, парижскій житель и французскій гражданинъ, навязъ, по рекомендаціи одного изъ своихъ друзей, лакея. Этотъ лакей, сѣдовласый старикъ почтеннаго вида, явилъ себя въ первые четыре года примѣрнѣйшимъ изъ камердинеровъ. Но на пятый онъ вдругъ свихнулся, запылъ, сталъ воровать вещи и деньги. X терпѣлъ довольно долго, пробовалъ было взять добромъ ста-

раго негодяя, пригрозилъ два-три раза; наконецъ, заставъ его разъ въ кабинетѣ сидящимъ за письменнымъ столомъ и роющимъ въ бумагахъ, X окончателно вышелъ изъ терѣнія и прогналъ своего камердинера.

— Ага! Такъ вотъ какъ! Хорошо же, я вамъ отомщу за это! сказалъ уходя слуга.

X только пожалъ плечами и вытолкалъ за дверь старика льянцу.

Этотъ X красивъ, молодъ, богатъ, здоровъ, веселъ, любимъ всѣми, словомъ, счастливѣйшій человекъ. Одно только: онъ обреченъ носить имя своей матери, потому что въ регистравой книгѣ рожденій, онъ показанъ „отъ неизвестнаго отца“.* Короче говоря, X незаконнорожденный сынъ. Онъ однако знаетъ человека которому былъ обязанъ жизнью; послѣдній очень любилъ своего побочнаго сына, далъ ему отличное воспитаніе и оставилъ ему по смерти значительное состояніе, но не могъ, или не хотѣлъ, или не успѣлъ его признать.

Въ половинѣ прошлаго февраля, недѣли три послѣ изгнанія сѣдовласаго слуги, къ X является какая-то темная личность и объявляетъ ему приблизительно слѣдующее:

— Я, милостивый государь, ходатай по дѣламъ и пришелъ предложить вамъ покончить ваше тяжбное дѣло полюбозло.... Убѣжденъ что оно крайне для васъ неприятно, и что вы съ удовольствіемъ....

— Какое тяжбное дѣло? У меня нѣтъ никакого тяжбнаго дѣла.

— Позвольте; вы изволите ошибаться. Я уполномоченъ вашимъ батюшкою пещись о его интересахъ и явился сюда отъ его имени.

— Отъ имени моего отца! вскричалъ съ поватымъ удивленіемъ X.

— О, милостивый государь! Я вполнѣ понимаю ваше волненіе и изумленіе, и глубоко сочувствую вамъ, продолжая темная личность:—До сихъ поръ вы были лишены счастья знать своего отца.... Вы не надѣялись, вѣроятно, что этотъ почтенный человекъ рѣшится поправить свою ошибку... Я такъ и зналъ что вы будете чрезвычайно рады этому извѣстію, и убѣжденъ что мы сейчасъ сойдемся относительно размѣра мѣсячнаго содержанія, въ которомъ вы,—я и вашъ

* Père inconnu.

батьошка не сомнѣваемся въ этомъ нисколько,—конечно не откажете вашему отцу, Жану М..., признавшему васъ своимъ сыномъ.... Вотъ копія съ нотаріальнаго акта признанія....

Вмѣсто отвѣта Х указалъ собесѣднику на дверь съ такимъ внушительнымъ видомъ что тотъ поспѣшилъ убраться по добру по здорову.

Жанъ М..., усыновившій „нотаріальнымъ порядкомъ“ Х, былъ никто иной какъ прогнанный лакей послѣдняго. Х началъ немедленно, съ своей стороны, *тяжебное* дѣло. Другаго ему ничего не оставалось дѣлать, и вопросъ еще, выиграетъ ли онъ или нѣтъ это, по видимому, ясное какъ Божій день дѣло, потому что французскій законъ въ этомъ случаѣ противъ него. По закону, этому человѣку остается только покориться своей участи; онъ зналъ своего отца, прожилъ съ нимъ нѣсколько лѣтъ, получилъ отъ него наслѣдство, и тѣмъ не менѣе, теперь онъ вдругъ становится совершенно неожиданно, *законнымъ* или *узаконеннымъ* сыномъ лакея выгнаннаго за лянство!

Обоимъ тяжбынымъ дѣламъ, иску Жана М... и встрѣчному иску Х, данъ законный ходъ. Это не сказка! Таковъ французскій законъ. Первый встрѣчный можетъ явиться къ нотаріусу, сдѣлать „декларацию“, то-есть объявить себя отцомъ „ребенка котораго дѣвица или вдова такая-то родила тогда-то“, и совершить нотаріальнымъ порядкомъ актъ усыновленія этого ребенка. Мало того, нѣсколько человѣкъ могутъ сдѣлать такую „декларацию“ и самовольно усыновить одного и того же ребенка. Несчастному остается только начать дѣло противъ каждаго изъ непрощенныхъ отцовъ, объявить на судѣ какъ и отъ кого онъ родился, имя своей матери и пр.; словомъ, ему предстоитъ скандальный процессъ, если только онъ не откупится и не помирится. Правда, если на судѣ будетъ доказано какъ бѣлое на черномъ что непрощенное усыновленіе совершено съ цѣлю *шантажа*, то виновный карается по всей строгости законовъ, но ловкіе аферисты пускающіеся на такіа дѣла умѣютъ спрятать концы въ воду.

Вотъ вамъ одна исторія. Перейдемъ къ другому предмету.

Франція считается образованною страной, и каждое изъ девяносто девяти правительствъ, смѣнявшихъ другъ друга въ этомъ государствѣ, заявляло о неустанныхъ заботахъ

своихъ по великому дѣлу народнаго образованія. Оговорившись такимъ образомъ, позвольте представить вамъ слѣдующую сравнительную таблицу:

Въ Голландіи, наставники первоначальныхъ школъ (сельскіе учителя) получаютъ содержаніе въ 1.500 франковъ; въ Швейцаріи—не менѣе 1.200 фр.; въ Бельгіи, средняя сумма содержанія выдаваемого наставникамъ — 1.272 фр., наставникамъ — 1.256; въ Австріи, съ 1го января текущаго года, наставники получаютъ отъ 1.500 до 2.000 франковъ.

Эти цифры изображаютъ тщательно выработанный приблизительный *minimum* необходимыхъ расходовъ для скромнѣйшаго независимаго существованія; независимаго въ томъ отношеніи что человѣку получающему одно изъ означенныхъ содержаній не нужно прибѣгать по необходимости къ исканію другихъ дополнительныхъ средствъ къ жизни. Замѣтимъ при этомъ что „жизнь“ во всѣхъ поименованныхъ странахъ несравненно дешевле чѣмъ во Франціи.

Во Франціи средняя цифра содержанія положеннаго наставникамъ первоначальныхъ школъ (*maîtres d'écoles primaires*) едва достигаетъ 820 франковъ. Пенсіи за выслугу извѣстнаго количества лѣтъ не полагаются. Были случаи что люди отбывшіе сорокъ лѣтъ тяжкаго наставническаго труда, почти буквально умирали съ голода. Эти почти невѣроятныя вещи официально подтверждаются циркуляромъ министра народнаго просвѣщенія, циркуляромъ регулирующимъ способъ выдачи единовременныхъ пособій, въ крайнихъ случаяхъ, служащимъ и отставнымъ наставникамъ.*

Национальное собраніе, тронутое бѣдственнымъ положеніемъ сельскихъ учителей и наставниковъ первоначальныхъ школъ, и сознавая первостепенное значеніе и великія услуги приносимыя этою корпораціей дѣлу народнаго образованія, основъ величія и благоденствія страны, увеличило ихъ содержаніе на восемьдесятъ франковъ, т.-е. возвысило его до 900 франковъ. Такимъ образомъ, этимъ счастливымъ, благодаря новому распоряженію, будетъ теперь недоставать всего только франковъ триста чтобъ имѣть возможность владѣть человѣческое существованіе, предаваясь исключительно своему священному дѣлу. Что же касается до наставницъ, онѣ

* Въ началѣ нынѣшняго года.

будутъ отнынѣ получать круглую сумму въ 700 франковъ ежегоднаго содержанія. *

Не забудьте что эти 200 рублей (700 фр.) даются на голъ въ странѣ гдѣ фунтъ говядины стоить среднимъ числомъ 18 копѣекъ. Фунтъ масла стоить среднимъ числомъ 47 коп. Фунтъ хлѣба стоить среднимъ числомъ 6 коп. Объ остальномъ, исключая предметовъ роскоши, судите по этимъ цѣнамъ.

Перейдемъ къ другому вопросу.

Положеніе женщины и брачный вопросъ.... Но объ этомъ горькомъ предметѣ говорить будетъ здѣсь излишне; объ этомъ мнѣ уже пришлось подробно бесѣдовать (*Парижская Женщина, Русскій Вѣстникъ* сентябрь 1874).

Вы спросите меня, съ какой стати я заговорилъ обо всѣхъ этихъ вещахъ, по поводу политики?

Я взялъ на выдержку нѣсколько фактовъ чтобы вскрыть нѣсколько уголковъ гражданскаго строя Франціи, и представить возможно нагляднѣе *спесимены* нѣкоторыхъ законовъ дѣйствующихъ въ странѣ.

Повторяю, я бралъ на выдержку, бралъ первое что попа-

* Не лишнимъ будетъ представить нѣкоторыя выдержки изъ доклада депутата Франциска Рива по этому вопросу.

.. Не то чудо, *какъ* могли существовать до сихъ поръ эти труженики при тѣхъ ничтожныхъ средствахъ которыя имъ выдавались, но то что, не смотря на столь злоую прокію бюджета, большинство общинъ Франціи не лишилось совершенно наставниковъ и наставницъ*..

.. При первой возможности учителя бросаютъ свою должность; они ея не любятъ и не могутъ любить; понимаютъ что они не предъются ей вполнѣ, и терять драгоценное время въ другихъ, *добавочныхъ* занятіяхъ и должностяхъ, или въ поискахъ за ними. У нихъ только одна мысль: приискать себѣ другую карьеру*..

.. Департаментъ Сѣвера, напримѣръ, представляетъ въ этомъ отношеніи особенно опасный характеръ. Въ этомъ департаментѣ уже обнаружилось то явленіе котораго мы должны такъ страшиться: тамъ начинается ощущаться огромный недостатокъ въ преподавателяхъ; много школъ, не смотря на старанія и попытки генеральнаго совета, закрыты потому что некому преподавать. Если бы не удалось выписать тридцать наставниковъ—Альзасцевъ (явленіе это случайное), согласившихся съ радостью переселиться во Францію, — тридцать лишнихъ школъ остались бы и по нынѣ закрытыми. *Rapport de M. Francisque Rive à l'Assemblée Nationale.*

далось на глаза. А теперь позвольте мнѣ объяснить почему я объ нихъ заговорилъ.

Ни въ одной странѣ не смѣнилось, за послѣдніе восемьдесятъ лѣтъ, такого количества правительствъ, законодателей и кормчихъ, какъ во Франціи. Сколько сдѣлано, передѣлано, воздвигнуто, настроено и разрушено всѣхъ конституцій и законовъ. Тутъ правила страню и шли возможность вводить реформы не одни тѣ которые, по понятіямъ радикальной и республиканской массы, изображаютъ торжиз прогрессивнаго и совершенствовательнаго движенія; тутъ были не одни Наполеоны, де-Виллели, и герцоги де-Броу; тутъ были представители всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ политической радуги, начиная съ багровѣйшихъ и кончая блѣднѣйшими. Одни сваливали другихъ въ силу того что сваливаемый не понималъ нужды и потребностей народа, а сваливавшій понималъ эти нужды и потребности отлично. Такъ они всѣ утверждали, по крайней мѣрѣ.

Что же внесли существеннаго въ общественную организцію, разъ ставъ у власти, люди наиболѣе раздражавшіеся негодующими филиппиками противъ существовавшихъ и новыхъ благополучно существующихъ порядковъ? О комъ они заботились?

О комъ? На это намъ даетъ отвѣтъ исторія послѣднихъ французскихъ революцій. Въ 1848 году Луи Бланъ изобрѣлъ „національныя мастерскія“, то-есть предлогъ чтобы выдать парижскому безпокойному, бунтующему пролетаріату по полтора франка въ день „харчевыхъ денегъ“. Зачѣмъ это дѣлалось—понятно: привлечь къ себѣ безпокойныя общественныя плебелы, весь бездомный людъ лѣвтяевъ и тунеядцевъ, находившихъ очень удобнымъ получать полтора франка въ день за то чтобы лежать сутки на боку и ничего не дѣлать.

Въ 1870 году повторилось то же съ національгардами; имъ выдавало правительство 4го сентября по семидесяти лти сантимовъ въ сутки, и возвысило въ послѣдствіи, для *полноты*, эту плату до полтора франка женатымъ національгардамъ. Какъ только стало извѣстно это распоряженіе, національгарды принадлежавшіе къ лодонкамъ общества пожелали массами. Браки эти получили мѣткое названіе: *marriages à quinze sous*,* такъ какъ завѣдомо заключались изъ-за

* Браки въ пятнадцать су.

лишей семидесятипятисатимной (пятнадцать су) поденной платы. Какое это было войско и что за воины были парижскіе національгарды, извѣстно. Они были скорѣе помѣжкою чѣмъ помощью, но распускать и разоружать ихъ правительство не рѣшалось, въ видахъ популярности. Вотъ о комъ заботились, кого хотѣли приручить, кого надѣялись задобрить и сдѣлать своимъ орудіемъ.

Наличать администрацію своими крестурами и задобрить подонки Парижа—вотъ дѣятельность людей выставявшихъ себя защитниками нуждъ и потребностей народа, обвинителями несовершенствъ общественнаго строя.

Les opinions politiques sont le reflet des intérêts privés, * позволилъ себѣ сказать Бейль (Стендаль). Какъ справедливо оказывается это, исполненное ѣдкаго скептицизма, замѣчаніе, когда внимательно, безъ предвзятой мысли, изучаешь политическую исторію Франціи за текущее столѣтіе. Французская политическая литература изобилуетъ куріозными документальными перлами, свидѣтельствующими какъ, смотря по обстоятельствамъ, мѣнялись мнѣнія людей, какъ практика расходилась съ теоріей, и какъ тѣ же принципы одиной цѣлью нещадно осуждались тѣми самими кто въ другой были ихъ главными служителями.

„Владычество массы имѣетъ въ себѣ что-то буйное, дикое и почти всегда кровавое.“ ** Кто писалъ эти слова? Ихъ писалъ Луи Бланъ, сторонникъ безусловной и неограниченной всеобщей подачи голосовъ.

„Республиканцы—акулы и воры,“ *** восклицалъ во время революціи Викторъ Консилеранъ, революціонеръ и социалистъ.

„Съ вашими грозными словами, съ вашей войною противъ королей и вашими братствомъ народовъ, съ вашими революціонными возгласами и демагогическою шумихою, есть вы не что иное какъ благодѣи,“ писалъ Прудонъ.

* Политическія мнѣнія не что иное какъ отраженіе частныхъ интересовъ.

** „La domination de la multitude a quelque chose de tumultueux, de sauvage et presque toujours de sanglant. C'est de la barbarie.“ Louis Blanc, *Histoire de dix ans*.

*** „Les républicains sont des requins et des voleurs.“ Victor Considérant.

„Соціализмъ есть конечная мечта изступленной совѣсти,“ * писалъ онъ же, Прудонъ.

„Они хотятъ чтобы правительство, будь оно только демократическимъ, дѣлало бы все, рѣшалось на все, держало бы все. Тираниа, представляющаяся имъ отвратительною на вершинѣ, кажется имъ отличною внизу. Они забываютъ что самоволье, передвигаясь, не измѣняетъ своего существа, и что, если самоволье аристократовъ надменно, то самоволье народа отвратительно,“ ** писалъ Ламартинъ, одинъ изъ столповъ февральской революціи.

А съ другой стороны? Прочтѣте, напримѣръ, слѣдующіе отрывки изъ *profession de foi* 1848 года гг. Бюффе и Руэра.

„Республиканская форма правленія единственная годящаяся отнынѣ для Франціи“, писалъ г. Бюффе, 26го марта 1848 года, избирателямъ Вогезовъ. „Палата должна будетъ утвердить то что провозгласилъ народъ. Да, по моему глубокому убѣжденію, палата должна будетъ дать намъ республику, и въ видѣ какой-нибудь попытки которую пробуютъ, особенно безпокоясь за успѣхъ, и съ затаянною мыслью отлично мириться съ неуспѣхомъ. Нѣтъ, господа, намъ надо работать и трудиться съ цѣлью положить твердую основу республикѣ.“ (*Circulaire aux comités électoraux des Vosges*).

„Сумѣемъ закрѣпить завоеванное; положимъ твердое, неизбѣжное основаніе республикѣ доставшейся намъ путемъ столькихъ жертвъ и столь геройскихъ усилій... Республика! Наше благоденствіе, наше величіе, наше будущее въ этомъ словѣ!“ (*Aux électeurs du Gard. Circul. de M. Rouher*).

Это слова г. Руэра. Слодвижникъ Наполеона III, надо полагать, заламятовалъ ихъ въ знаменательную ночь на 2е декабря 1851 года.

И сколько такихъ цитатъ, куріозныхъ заднимъ числомъ.

* „Avec vos grands mots de guerre aux rois et de fraternité des peuples, avec vos paroles révolutionnaires et tout ce tintamarre de démagogues, vous n'êtes que des *blagueurs*.“ Proudhon.

„Le socialisme est le dernier rêve de la crapule en délire.“ Онъ же.

** „Ils veulent que le gouvernement, pourvu qu'il soit démocratique, fasse tout, ose tout, tienne tout. La tyrannie, qui leur paraît exécrable en haut, leur paraît excellente en bas. Ils oublient que l'arbitraire ne change pas de nature en se déplaçant, et que, si l'arbitraire des aristocrates est insolent, l'arbitraire du peuple est odieux.“ Lamartine.

живо привести. *Что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ.* Для оправданія подобрава, впрочемъ весьма тягучая и ловкая отпустительная формула: *Les imbéciles seuls ne argent jamais.* *

Извините за это длинное отступление.

Приступимъ теперь къ обзору истекшей парламентарной сессии Версальскаго національнаго собранія.

Вся эта почти трехмѣсячная сессія, столь изобиловавшая парламентскимъ „трудомъ“, сводится къ слѣдующему итогу: сборъ членовъ новой Коммиссии Тридцати, законъ о свободѣ высшаго образованія, вердиктъ относительно бонапартистской агитаціи и назначеніе срока открытія будущей сессии. стальное все, имѣвшее быть разрѣшеннымъ и локомченнымъ, оттянуто и отложено. Въ желаніи продать и затануть несколько возможно дебаты и кроется настоящая причина того несмысленнаго количества всяческихъ поправокъ, предложеній, противупроектовъ которыми такъ изобиловали засѣданія Версальской палаты за послѣдніе три мѣсяца.

Выборъ членовъ новой Коммиссии Тридцати, имѣющей разработать законоположенія и законопроекты соответствующіе новой конституціи, считался очень важнымъ.

Монархическія конституціонныя фракція палаты не могли идѣяться послѣ 25го февраля имѣть, по количеству голосовъ, верхъ въ новой коммисіи, но они хотѣли по крайней мѣрѣ чтобы чисто республиканскій элементъ не преобладалъ въ ней, и чтобы радикализмъ не имѣлъ ни единаго представителя.

Республиканцы, съ своей стороны, надѣялись одолѣть на готъ разъ и образовать большинство въ коммисіи. Надежды желанія ихъ, однако, не взирая на всю самоувѣренность и зносчивость главныхъ вожаковъ, были очень умѣренны. Уда по тому что правому центру предлагалось ими двѣнадцать мѣствъ на тридцать. **

Руководящіе политики праваго центра сдѣлали въ этомъ случаѣ значительную ошибку. Возмечтавъ несравненно болѣе чѣмъ слѣдовало о своемъ вліяніи, они потребовали четырнадцать чистыхъ (то-есть утвержденныхъ впередъ съ общаго

* Одна дураки никогда не мѣняются.

** То-есть что двѣнадцать обязывалось подать голоса за двѣнадцать спутатовъ избранныхъ правымъ центромъ въ члены коммисіи.

согласія) голосовъ, а объ остальныхъ отозвались такъ: „пусть голосованіе большинствомъ рѣшить объ этомъ“. Рѣшѣтса лѣвыя отвергли такой черезчуръ диктаторскій ультиматумъ.

Ошибка праваго центра тѣмъ болѣе непростительна что разчитывать на поддержку легитимистовъ палаты имъ было невозможно, такъ какъ они отшатнулись 25го февраля отъ послѣднихъ. На что они разчитывали, трудно понять.

Послѣдствія такого образа дѣйствій не заставали себя долго ждать. 25го мая состоялись выборы и дали слѣдующій, плачевный для консервативныхъ фракцій, результатъ.

Лѣвый центръ—двадцать членовъ; *лѣвая*—шесть членовъ; *крайняя лѣвая*—одинъ членъ, и наконецъ, *группа Лавернь*, то-есть правѣйшая часть лѣваго центра—семь членовъ. Такимъ образомъ, въ новой комиссіи, двадцать шесть мѣстъ на тридцать достались лѣвымъ группамъ палаты. Остальные четыре мѣста распредѣлились такъ: *правый центръ* получилъ три, *правая*—одно.

Президентомъ Комиссіи Тридцати (или Конституціонной) былъ избранъ Лавернь, одинъ изъ депутатовъ обрѣтавшихся до 25го февраля между лѣвыми и правыми центрами и обрѣзовавшихъ, подъ именемъ „группы Лавернь“, первое ядро большинства Валловской конституціи.

Вице-президентами были избраны чистокровные гѣмые централисты: Лабуэ и Леруайе.

Наибольшее количество голосовъ получили: Дюклеръ (401), Лабуэ и Лавернь (371), Делормъ (350), Сезанъ (324), Бетмонъ (320), Пикаръ и Ферри (319), Рикаръ, Вуазель и Краецъ (318). Все лѣвые централисты.

Непосредственною виновницей такого рѣшительнаго перемѣненія правыхъ была крайняя правая, воздержавшаяся при баллотировкѣ отъ подачи голосовъ и упрямившая этимъ услѣхъ лѣвыхъ. * Чувство мщенія за вотированную правыми централистами конституцію заглушило въ этомъ случаѣ политическое чутье и вставило монархистовъ въ цѣлый рядъ такъ-называемыхъ „актовъ возмездія“ противъ праваго центра, дѣйствій послужившихъ только на пользу непримиримыхъ враговъ монархіи.

* Число вотировавшихъ было 636; абсолютное большинство следовательно 319. Лѣвые, которыхъ около 330 человекъ, могли такимъ образомъ легко одерживать побѣду.

Непосредственнымъ результатомъ такого состава комиссіи было то что огромное большинство ея (24 члена) высказались за всеобщее и неограниченное голосованіе, за голосованіе по „общему департаментскому списку“ (*scrutin de liste*). Избирательный законъ вырабатывается комиссіею въ этомъ смыслѣ, къ величайшему негодованію тѣхъ самыхъ которые въ своемъ злопамятномъ увлеченіи допустили подобный попятный шагъ. Воздержаніе монархистовъ въ этомъ случаѣ бытъ мнѣе извинительно что заявленіе членовъ комиссіи въ пользу *scrutin de liste* не было и не могло быть ни для кого неожиданностью, такъ какъ за четыре дня до баллотирования, весь лѣвый центръ, въ полномъ составѣ, высказался за подачу голосовъ по общему департаментскому списку.

Что могло побудить лѣвыхъ централистовъ принять такое рѣшеніе противорѣчащее предшествовавшимъ заявленіямъ членовъ этой группы? Причина въ одномъ изъ тѣхъ компромиссовъ которыми такъ богата закулисная политическая исторія Франціи за послѣдніе годы, въ союзѣ умѣренныхъ республиканцевъ съ радикалами.

Въ январѣ текущаго года, вся радикальная группа національнаго собранія и слышать не хотѣла ни объ организаціи власти съ двумя палатами и полномочнымъ президентомъ (главою исполнительной власти), ни объ ограниченіи тѣмъ-либо всеобщей подачи голосовъ. Однако къ концу февраля, благодаря нѣкоторымъ комбинаціямъ вожаковъ лѣвой группы, эти политическія убѣжденія исчезаютъ въ рядахъ багровыхъ депутатовъ и исчезновеніе совершается подъ громкимъ именемъ „великодушныхъ уступокъ и великодушнаго самоотверженія на пользу страны“. Словомъ, къ двадцать пятому февралю радикалы вотируютъ за конституцію вторую палату и полномочную президентскую исполнительную власть.

Откуда могли явиться столь неожиданная уступчивость? Очевидно это былъ результатъ компромисса съ лѣвымъ центромъ, что впрочемъ совершенно ясно открылось когда нѣкоторые изъ непримиримыхъ радикаловъ (Луи Блязъ, Мидье-де-Монжо и пр.) отказались было подать голосъ за провозглашенную республиканскую форму правленія.—*Соглашайтесь! Подавайте голоса съ нами!* кричали имъ.—*Вѣдь это кратковременно и переходно. Наступитъ время—наши принципы восторжествуютъ!*

Полагая что въ отвѣтъ и въ вознагражденіе за столь великодушный образъ дѣйствія, лѣвый центръ долженъ былъ согласиться, съ своей стороны, на нѣкоторыя уступки, изъ которыхъ главная была неприкосновенность „бессмертнаго“ принципа всеобщей подачи голосовъ.

Считаю нужнымъ выяснитъ въ чемъ именно заключается болѣе важное мѣсто „неприкосновенности“ принципа всеобщей подачи голосовъ, и почему радикалы приходятъ въ столь раздражительное состояніе какъ только саучается коснуться этого болѣе важнаго мѣста.

Посягнуть на неприкосновенность священнаго принципа, ни въ средѣ правительства, ни между правоцентристскими конституціонными союзниками, никто нѣмѣ мечтаетъ. Всѣ они, прита къ убѣжденію что какія-либо попытки измѣнить болѣе или менѣе радикально или ограничить его повели бы къ серіознымъ столкновеніямъ, рѣшились признать въ принципѣ неограниченную всеобщую подачу голосовъ. Но признавъ ее, консервативныя конституціонныя фракціи и правительство сознали вмѣстѣ съ тѣмъ настоятельную и безусловную необходимость насколько возможно осмыслить и избавить отъ демагогическаго вліянія это страшное и сильное орудіе народной воли.

Нынѣ оно дѣйствуетъ такъ. Каждый департаментъ дѣлится на нѣсколько избирательныхъ округовъ, но дѣленіе это совершенно фиктивное и обозначаетъ только количество депутатовъ которыхъ департаментъ имѣетъ право послать въ національное собраніе. Фиктивно это дѣленіе потому что всѣ избирющій людъ департамента участвуетъ въ избраніи *каждого* изъ кандидатовъ. Въ случаѣ общихъ выборовъ, составляется списокъ нѣсколькимъ кандидатамъ для всего департамента, и затѣмъ получившіе наибольшее и законное количество голосовъ считаются избранными. Отсюда названіе *scrutin de liste*, * столь дорогое для радикальнаго люда.

Послѣдствія такого порядка выборовъ повятны. Большая часть кандидатовъ — лица неизвѣстныя для огромнаго большинства избирателей; вслѣдствіе этого всякой пропагандѣ, бонапартистско-демократической или иной, совершенно развязаны руки: организуются избирательныя комитеты, вербуются и нанимаются пропагандисты, политическая режиссѣ.

* Буквальный переводъ: баллотировка по списку.

въ видѣ афишъ, газетныхъ статей, прокламацій, заявленій, стодокъ и пр., звонить во все колокола и превозносить до небесъ патронируемыхъ лицъ предъ сбитыми съ толку избирателями, для которыхъ совершенно невѣдомы эти фекисы, долженствующіе представлять ихъ и ихъ интересы въ палатѣ. При этомъ, избираемому не обязательно быть туземцемъ той мѣстности гдѣ онъ избирается; онъ даже не обязанъ прожить предварительно въ „своемъ“ департаментѣ известное количество времени. Понятно что происходитъ: демагогія и радикализмъ превосходно дисциплинированы коль скоро дѣло идетъ о враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ другихъ партій; центральный парижскій радикальный комитетъ составляетъ кандидатскій списокъ для такого-то департамента (гдѣ должны состояться выборы) и посылаетъ туда своихъ агентовъ, которые, войдя немедленно въ связь съ мѣстными избирательными комитетами того же закала, предпринимаютъ послѣднимъ законы и навязываютъ изготовленный въ Парижѣ списокъ. Пропаганда сосредоточиваетъ главныя усилія и средства въ городахъ, гдѣ фабричный людъ и пролетаріатъ составляютъ отлично подготовленный персоналъ для образованія ядра избирательной массы. Этому персоналу имя кандидата - фаворита передается какъ лозунгъ, безъ особенныхъ объясненій, и вотировать идетъ этотъ персоналъ массою, какъ одинъ человекъ. Мѣстные комитеты поручаютъ нѣкоторымъ лицамъ убѣждать избирателей не полѣниться сходить въ назначенный день въ мерію, выбираютъ на большихъ заводахъ или въ рабочихъ ассоціаціяхъ „избирательныхъ надсмотрщиковъ“, людей которымъ поручено непосредственно слѣдить за сборами и отправленіемъ рабочихъ въ мерію въ день выборовъ, поддерживать жаръ, подпускать его гдѣ нужно, усовѣщивать, стыдить равнодушныхъ, отмѣчать отсутствующихъ и пр. Французскій избиратель, благодаря вращающемуся предъ его глазами политическому калейдоскопу, день ото дня становится болѣе и болѣе равнодушнымъ къ своимъ обязанностямъ гражданина - избирателя и зачастую пренебрегаетъ своимъ правомъ. Отсюда огромное количество „не принявшихъ участія въ голосованіи“, то-есть по большей части людей просто полѣвившихся сходить въ мерію и бросить въ избирательную урну свой бюллетень. Большинство этихъ абсентеистовъ принадлежитъ къ буржуазіи и высшимъ клас-

самъ. Сельское населеніе, съ своей стороны, идетъ второвать совершенно равнодушно, даже нехотя, махая рукою и приговаривая скептически: *Eh! ben! quoi? et après?* Нисіе же городскіе классы, рабочій, фабричный людъ и пролетаріатъ, благодаря радикальной пропагандѣ и „организациі избирательныхъ когортъ“, давать на выборахъ цѣликомъ, всюю массою, и не мудрено что девять разъ изъ десяти полагаютъ большинствомъ и одерживаютъ побѣду.

При общемъ спискѣ кандидатовъ департамента, то-есть при *scrutin de liste*, эта побѣда радикализма ставится особенно легкою. Подбираются въ Парижѣ или въ другомъ мѣстѣ (предпочитаютъ въ этомъ случаѣ брать кандидатовъ не изъ тѣхъ мѣстностей гдѣ должны происходить выборы, чтобы развязать руки пропагандѣ и политической рекламѣ: о личности которой прошлое и настоящее совершенно неизвестны избирательной массѣ, удобнѣе и легче говорить что угодно) кандидаты заявившіе преданность радикализму; однихъ изъ набольшихъ этого лагеря рекомендуетъ и расхваливаетъ въ „циркулярѣ избирателямъ“ выставленныхъ незнакомцевъ, и дѣло сдѣлано.

Такъ дѣлали и дѣлаютъ радикалы, такъ дѣлали бонапартисты.

Чтобы сколько-нибудь парализовать вліяніе подобныхъ пропагандъ, оставляя притомъ неприкосновеннымъ принципъ всеобщей подачи голосовъ, правительство (нынешній кабинетъ) и консервативно-конституціонная фракція рѣшили голосованіе по общему списку, то-есть общее для цѣлаго департамента, замѣнить голосованіемъ по избирательному округу, такъ чтобы каждый избирательный округъ избиралъ самостоятельно и отдѣльно своего представителя. Ограниченія свободы выборовъ здѣсь нѣтъ, такъ какъ количество вотирующихъ остается то же какъ и при *scrutin de liste*. Одно только: избираемый долженъ быть жителемъ (или прожить не менѣе трехъ лѣтъ) территоріи избирательнаго округа. При этихъ условіяхъ заглазная политическая пропаганда и реклама была бы очень стѣснена. Избиратели болѣе или менѣе сами знали бы съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и вѣроятно основывали бы свои вердикты на чемъ-нибудь болѣе положительномъ чѣмъ кудреватая прокламація избирательныхъ комитетовъ и *professions de foi* кандидатовъ. Наконецъ разнымъ авантюристамъ и политическимъ проко-

лицамъ жаждущимъ подвизаться на полрщѣ парламентаризма и политики, прикрываясь мантией „друзей народа“, было бы несравненно труднѣе добиться чести представлять въ Версальской палатѣ такой-то или такой-то департаментъ, котораго они, представители, до тѣхъ поръ никогда и въ глаза не видали. Представителямъ избраннымъ между осѣдлыми жителями округа будутъ всегда лучше знакомы истинныя потребности и требованія земляковъ.

Замѣчательно что республиканцы (не умѣренные) выставляютъ это послѣднее неоспоримое обстоятельство какъ одинъ изъ главныхъ недостатковъ системы выборовъ по округамъ (*scrutin d'arrondissement*). Мѣстные интересы и законы мѣстнаго значенія (*lois d'intérêt local*) вытѣснятъ де изъ стѣнъ палаты политическіе дебаты и разработку интересовъ высшаго порядка мыслей.

Вотъ почему радикалы такъ ревностно отстаиваютъ систему выборовъ „по общему списку“ (*scrutin de liste*), обезпечивающую имъ электоральную побѣду, и почему они считаютъ выборы по округамъ (*scrutin d'arrondissement*) посягательствомъ на неприкосновенность пресловутаго священнаго принципа.

Избирательный законъ (*loi électorale*), имѣющій рѣшить способъ подачи голосовъ, пройдетъ третьимъ и окончательнымъ чтеніемъ въ будущую сессию, вѣроятно, въ послѣднихъ числахъ ноября. Правительство твердо рѣшилось отвергнуть безусловно *scrutin de liste* и высказалось за *scrutin d'arrondissement*. Между тѣмъ въ палатѣ, благодаря повороту въ пользу *scrutin de liste* лѣваго центра, а въ особенности группы Лаверь, * голосованіе по округамъ, вѣроятно, будетъ, хотя и при самомъ незначительномъ большинствѣ, отвергнуто. Такъ можно по крайней мѣрѣ предполагать, если только до того времени не произойдетъ какой-нибудь перемѣны въ политикѣ поименованныхъ группъ національнаго собранія. Такимъ образомъ можно почти съ увѣренностію предсказать министерскій кризисъ въ началѣ будущей сессіи, потому что по самымъ категорическимъ заявленіямъ вице-президента совѣта, Бюффе, нынѣшній кабинетъ связалъ свое существованіе съ избирательнымъ закономъ основаннымъ на самостоятельности выборовъ по округамъ.

* При помощи двадцати голосовъ этой группы перевѣсъ въ пять, шесть голосовъ долженъ оказаться на сторонѣ лѣвыхъ.

Вернемся къ занятіямъ національнаго собранія.

28го мая, депутатъ монсеньоръ Дюланлу, епископъ орлеанскій, потребовалъ безотлагательность дебатовъ о законѣ имѣющемъ предметомъ свободу высшаго образованія.

Заявленіе прелата вызвало шумъ и протесты со стороны лѣвыхъ группъ, въ особенности то мѣсто рѣчи гдѣ монсеньоръ Дюланлу, настаивая на необходимости немедленнаго разсмотрѣнія закона, объявилъ что „многія конгрегаціи, убѣжденныя въ либерализмъ палаты, уже купили недвижности для школъ и приготовили все для будущихъ курсовъ“.

— Слышите! слышите! раздалось въ противномъ лагерѣ. — Они прямо и нагло сознаются что закупили уже впередъ дома чтобъ учредить свои клерикальныя школы.

Епископъ орлеанскій, одинъ изъ энергичнѣйшихъ и краснорѣчивѣйшихъ ораторовъ палаты, нѣсколькими словами усмирилъ эту бурю.

— А почему же намъ не сознаться въ этомъ прямо и откровенно? воскликнулъ онъ. — Я вамъ говорю то что есть. Мы покупаемъ дома подъ школы и факультеты. Вы свободны дѣлать то же самое. Гдѣ же была бы свобода еслибы намъ возбранено было дѣлать то же самое что вамъ?

Законопроектъ о свободѣ высшаго образованія былъ представленъ „католическими“ депутатами.

Католики требовали измѣненія въ существовавшей системѣ высшаго образованія. По ихъ мнѣнію университетскіе факультеты не представляютъ достаточныхъ гарантій для религіи и католичества; многіе профессора, утверждаютъ они, стараются вселять въ молодыхъ умахъ безвѣріе и атеизмъ. Поэтому, католики полагали необходимымъ дать молодымъ людямъ свободу выбора между системою высшаго университетскаго и клерикальнаго высшаго образованія.

— Такимъ образомъ, утверждали они, — только и можно достигнуть равноправности и свободы въ великомъ дѣлѣ образованія и подготовленія юношества на служеніе отечеству. Доктрина будетъ противопоставляться доктринѣ, теорія — теоріи. Молодые умы изберутъ сами, смотря по своему складу и по средѣ въ которой выросли, ту или другую систему обученія.

Послѣ продолжительныхъ дебатовъ законъ былъ вотированъ палатою при довольно значительномъ большинствѣ голосовъ.

По новому закону, правительство отказывается от монополии университетскаго образованія. По инициативѣ частныхъ лицъ и конгрегацій могутъ быть учреждены новые университеты, система преподаванія въ которыхъ будетъ совершенно свободна. Но будущимъ университетамъ не даровано самостоятельнаго права выдавать ученые степени окончившимъ курсъ наукъ. Для присужденія этихъ степеней будутъ назначаться такъ-называемыя *jury mixtes*, * составленныя на половину изъ профессоровъ государственнаго университета, и на половину изъ профессоровъ вольныхъ университетовъ.

Дебаты по поводу закона о свободѣ высшаго образованія продолжались съ небольшими перерывами болѣе мѣсяца: начатые 6го іюня, они заключились лишь 12го іюля. Особенно ожесточенно схватились противники въ послѣдніе дни. Въ умахъ тѣхъ и другихъ этотъ законъ пріобрѣталъ первостепенное значеніе: республиканцы видѣли въ немъ „захватъ всей молодой Франціи клерикализмомъ; покушеніе наверстать на другомъ поприщѣ все то что было потеряно монархистами 25го февраля“. Монархическія фракціи видѣли въ этомъ законѣ спасительный якорь для ультра-скептической и разнузданной французской молодежи. Клерикалы видѣли иное: возможность захватить снова въ свои руки утраченное. Въ итогѣ, и тѣ и другіе и третьи слишкомъ увлеклись въ своихъ надеждахъ и осласеніяхъ.

Нѣкоторыя статьи закона и поправки осларивались и отстаивались яро и прошли при совершенно ничтожныхъ большинствахъ, напримѣръ *deux* голосовъ (поправка Люсіена Брѣна). Особенно ѣдкіе и бурные дебаты вызвала статья касающаяся присужденія ученыхъ степеней. Лѣвыя требовали чтобы присужденіе исходило исключительно отъ государственной испытательной комиссіи, на томъ основаніи что „одно лишь государственное учрежденіе представляетъ гарантію безпристрастія и справедливости, которыхъ нельзя найти на сторонѣ...“ **

Поправокъ (*amendements*) всякаго рода, возраженій и противопроектовъ, затянувшихъ дебаты, внесено было необычайное количество. Они вносились каждый день, на каждую ста-

* Смѣшанныя испытательныя комиссіи.

** Речь депутата лѣвой Лепети (Lepetit), 10го іюля.

тью, на каждый параграфъ. О ихъ количествѣ можно судить по тому что въ послѣднее засѣданіе, когда все почти было уже кончено и оставалось только вотировать весь законъ слова (*l'ensemble de la loi*), представлено было президенту двадцать восемь новыхъ поправокъ, которыхъ палата, рѣшившая покончить наконецъ съ закономъ, не приняла въ уваженіе и вовсе не хотѣла прослушать. Законъ (*l'ensemble de la loi*) былъ принятъ *тремястами шестнадцатью голосами противъ двѣхсотъ шестидесяти шести*, т.-е. при большинствѣ *пятидесяти* голосовъ.

Эта масса поправокъ и проектовъ не была внесена съ исключительною цѣлью повернуть дебаты о высшемъ образованіи въ ту или другую сторону: тутъ была еще другая, „сокровенная“ (настолько впрочемъ что ее всѣ знали) цѣль, именно, затянуть и затормозить насколько возможно пренія. Затянуть же и затормозить ихъ желали для того чтобы не хватило времени покончить, за истекшую сессию, съ нѣкоторыми законами первостепеннаго значенія. Легитимисты имѣли въ виду тормозить и задерживать все касающееся организаціи вновь провозглашенной конституціи, надѣясь Богъ знаетъ на что; старались вселить раздоры между союзными конституціоналистами, сѣяли поправки, возраженіями, проектами, переносили свои голоса то къ лѣвымъ, то къ правымъ. Бонапартисты дѣйствовали также, но несравненно безцеремоннѣе: они въ полномъ смыслѣ слова вели торгъ своими голосами, соглашаясь вотировать *это*, если тѣ которымъ нужна была ихъ помощь соглашались вотировать при случаѣ *то*, какъ на примѣръ, ихъ предложеніе правой: „подайте голоса за утвержденіе избранія де-Бургуана, мы будемъ вотировать за вашихъ кандидатовъ въ сенатъ...“ Умѣренная правая тормозила дѣла въ надеждѣ что между конституціонными союзниками возникнутъ серьезныя распри. Правый центръ оттягивалъ, боясь что при окончательныхъ дебатахъ объ избирательномъ законѣ ему придется совершенно разойтись со временнымъ союзникомъ своимъ, лѣвымъ центромъ; при этомъ онъ питаетъ себя слабою надеждою что къ ноябрю произойдутъ можетъ быть какія-нибудь благоприятныя перемѣны. Радикалы, съ своей стороны, оттягивали нѣкоторые изъ дебатовъ (и въ особенности налегали на законопроектъ о высшемъ образованіи), надѣясь что какія-нибудь парламентскія случайности

поселятъ окончательный раздоръ между правымъ центромъ и остальными правыми группами палаты. Словомъ, почти всѣ тормозили и оттягивали рѣшенія, въ виду всевозможныхъ и самыхъ противоположныхъ интересовъ. Не удивительно поэтому что, не взирая на кажущійся наружный жаръ, дѣло шло черепашинымъ шагомъ.

Нѣкоторые утверждаютъ что даже окончательное вотированіе закона о высшемъ образованіи состоялось только благодаря совершенно побочному обстоятельству, а именно желанію палаты приступить поскорѣе къ разбору скандальнаго дѣла выборовъ департамента Ньевры, иначе говоря, избранія бонапартистскаго депутата де-Бургуана. Это предложеніе тѣмъ болѣе вѣроятно что на другой же день (нѣкоторые депутаты требовали даже въ тотъ же день) послѣ окончательнаго голосованія закона о высшемъ образованіи, разразилось, къ величайшему удовольствію любителей парламентскихъ скандаловъ, дѣло де-Бургуана.

Напомню вамъ это дѣло въ нѣсколькихъ словахъ.

Въ концѣ мая прошлаго года, бонапартистскій кандидатъ де-Бургуанъ былъ избранъ Ньеврскимъ департаментомъ, побивъ противника своего, республиканскаго кандидата, ничтожнымъ большинствомъ голосовъ въ лятьсотъ (вотировавшихъ было около семидесяти четырехъ тысячъ). Недѣли три спустя, когда избраніе де-Бургуана не было еще утверждено палатою, одинъ изъ радикальныхъ депутатовъ, Жиреръ, представилъ, 9го іюня, на благоусмотрѣніе національнаго собранія документъ найденный случайно въ вагонѣ желѣзной дороги. Документъ былъ нечто въ родѣ предписанія отъ какого-то „центрального комитета призыва къ народу“ подвѣдомственному бонапартистскому агенту имѣющему свой кругъ дѣйствій въ департаментѣ Ньевры. Дѣло шло объ инструкціяхъ и способахъ привлеченія на сторону имперіализма отставныхъ военныхъ проживающихъ въ департаментѣ, по случаю кандидатуры де-Бургуана. Подпись на документѣ невозможно было разобрать. Чтеніе этого документа подняло цѣлую бурю въ палатѣ, тѣмъ болѣе что уже до того ходили слухи о многихъ злоупотребленіяхъ происшедшихъ, какъ разказывали, при выборахъ департамента Ньевры. Бонапартистовъ, въ особенности Руэра, стали обвинять, въ подпольной пролагандѣ и преступной агитаціи. Въ отвѣтъ на это, Руэръ взшелъ на трибуну (9го же іюня 1874 года) и торжественно заявилъ между про-

чимъ слѣдующее: „Заявляю что, насколько мнѣ извѣстно, никакого центрального комитета призыва къ народу не существуетъ въ Парижѣ. Этотъ документъ подложный. Прошу министра юстиціи и министра внутреннихъ дѣлъ выдать слѣдствіе чтобъ убѣдиться въ этомъ. *Что же касается лично до меня, ручаюсь честью что, насколько мнѣ извѣстно, такого комитета не существуетъ.*“

Не буду напоминать здѣсь прискорбныхъ и скандальныхъ сценъ ознаменовавшихъ это парламентское происшествіе.*

Слѣдствіе было произведено несравненно строже и тщательнѣе чѣмъ предполагали, протянулось безъ малаго семь мѣсяцевъ, и открыло невѣроятныя вещи насчетъ бонапартистской подпольной агитаціи. Между прочимъ, по докладу префекта полиціи Леона Рено, существованіе бонапартистскихъ комитетовъ и центрального комитета оказалось не подлежащимъ ни малѣйшему сомнѣнію. Найденные протоколы засѣданій этихъ тайныхъ сборищъ служатъ неопровержимыми тому доказательству. Вотъ одинъ изъ этихъ протоколовъ (за подписью Руэра), который интересно сопоставить съ вышеприведенными деклараціями главы бонапартистской агитаціи во Франціи.

Засѣданіе 1го мая 1874 года.

„Засѣданіе открыто въ часъ съ четвертью.

„Присутствуютъ:

„Гг. Руэръ; его свѣтлость принцъ Іоакимъ Мюрать, герцогъ де-Паду, графъ Казабіанка, Аври Шевро, Леверъ, Пьетри, Бессонъ, Леонъ Шевро, Коттенъ, Жирадо и Манзаръ.

„Протоколъ засѣданія 24го апрѣля прочитанъ и принятъ.

„Г. Берже, бывшій депутатъ, докладываетъ подробно о департаментѣ Мены-и-Лоары съ точки зрѣнія выборовъ, и пр.

„Комитетъ занимается затѣмъ выборами въ департаментъ Ньевры, и, вслѣдствіе предложенія предсѣдателя, рѣшено сумму предоставленную въ распоряженіе г. де-Бургуана увеличить до десяти тысячъ франковъ.

„Президентъ предлагаетъ отпечатать 100.000 экземпляровъ рѣчи императорскаго принца, и пр.

„Засѣданіе закрыто въ четыре съ половиною часа пополу-

* Выходка Гамбетты, назвавшего бонапартистовъ *мерзавцами*; бурная сцена на станціи Сентъ-Лазаръ, и наконецъ пощечина даваемая Гамбеттѣ вѣкиемъ Сентъ-Круа, отраженнымъ бонапартистами.

днѣ, и слѣдующее назначено на вторникъ, 4го мая, въ 9 часовъ утра.“

„Предсѣдатель комитета,
(Подписано:) Руэръ.“

„Секретарь,
(Подписано:) Манзаръ.“

Въ январѣ сѣдствіе насчетъ выборовъ Ньевры было окончено и представлено національному собранію. Назначена была коммиссія для подробнаго разсмотрѣнія дѣла и дѣлопроизводитель ея, депутатъ Савари (правый центристъ), долженъ былъ представить палатѣ отчетъ о заключеніяхъ коммиссіи. На основаніи этихъ заключеній національное собраніе имѣло утвердить или не признавать избраніе де-Бургуана.

13го іюля, то-есть на другой день послѣ окончательнаго вотированія закона о высшемъ образованіи, палата приступила къ этому дѣлу.

Какъ обыкновенно происходитъ при всѣхъ дебатахъ, нѣсколько ораторовъ говорили за, нѣсколько противъ. Разумѣется за утвержденіе рѣшились говорить только бонапартисты, Жуберъ, Казо, и наконецъ самъ де-Бургуанъ, избравшій на трибунѣ самую плачевную и сконфуженную фигуру, какую только можно себя вообразить.

Наконецъ самъ Руэръ является на помощь. Онъ проситъ оставить „вопросъ опредѣлительнѣе“. По его мнѣнію вопросъ этотъ дѣлится надвое: первая половина касается избранія г. де-Бургуана, вторая — бонапартистскихъ комитетовъ.

— Первая часть ясна какъ Божій день, говорилъ Руэръ.— Департаментъ Ньевры долженъ былъ послать депутата въ палату. Онъ избралъ г. де-Бургуана своимъ представителемъ... Объ этомъ распространяться нечего. Вторая же часть вопроса, касающаяся бонапартистскихъ комитетовъ, заключаетъ въ себя нѣкоторые пункты насчетъ которыхъ я считаю долгомъ объяснить. Но прежде чѣмъ говорить по этому поводу, я прошу палату высказаться насчетъ избранія г. де-Бургуана.

Палата тутъ же высказалась, признавъ, триста тридцатью голосами противъ трехсотъ десяти, избраніе де-Бургуана не-фактивнымъ.

Столь плачевный результатъ не обезкуражилъ Руэра. Вы-

ждавъ минуту для вѣщаго эффекта, онъ появился на трибунѣ съ такимъ запросомъ правительству:

„О поведеніи и образѣ дѣйствій бонапартистовъ во Франціи.“

Смѣхъ и недоумѣніе встрѣтили эту необычайную интеллигенцію, сдѣланную правительству бонапартистами насчетъ дѣйствій бонапартистовъ же. Бюффе отъ имени правительства отвѣтилъ что не понимаетъ такого вопроса, а потому, разумѣется, не можетъ на него ничего отвѣтить. Тогда Рауль Дюваль, самый неутомимый и краснорѣчивый изъ империалистскихъ депутатовъ, послѣдшилъ измѣнить форму представленнаго запроса въ слѣдующую:

„Какой образъ дѣйствія намѣрено принять правительство относительно комитетовъ призыва къ народу.“

Дюваль всходитъ на трибуну, объясняетъ запросъ, обвиняетъ Савари и комиссію въ пристрастныхъ, предосудительныхъ дѣйствіяхъ и въ публикаціи документовъ неужмыхъ и поворящихъ честь постороннихъ и непричастныхъ къ дѣлу людей. Затѣмъ ораторъ предлагаетъ національному собранію принять слѣдующій переходъ къ очереднымъ дѣламъ:

„Палата, имѣя довѣріе къ безпристрастію правительства относительно всѣхъ партій, переходитъ къ стоящимъ на очереди дѣламъ (*passé à l'ordre du jour*).“

Бюффе отвѣчаетъ отъ имени правительства что послѣднее будетъ оставаться нейтральнымъ въ отношеніи всѣхъ партій, пока эти партіи не совершатъ чего-нибудь незаконнаго.

Затѣмъ Руврѣ всходитъ на трибуну и начинаетъ свои объясненія по поводу бонапартистскихъ комитетовъ...

Глава бонапартизма говорилъ очень долго: вся послѣдняя часть засѣданія 13го іюля и цѣлое двойное засѣданіе слѣдующаго дня были исключительно заняты его рѣчью.

Прежде всего ораторъ объявилъ что „говорилъ совершенную правду отрицая существованіе большаго централнаго комитета, имѣющаго развѣтвленія по всей Франціи“.

Такого комитета, говорилъ онъ, нѣтъ и не было, и вѣданный въ вагонѣ документъ не что иное какъ не подлежащая сомнѣнію грубая поддѣлка... „А теперь, вотъ правда: я дѣйствительно предсѣдаю въ частномъ собраніи, совершенно законномъ, не имѣющемъ того значенія, ни тѣхъ помысловъ которые придаютъ ему, состоящемъ изъ десятка членовъ, на засѣданіяхъ котораго никогда не

исуществовало болѣе девятнадцати человекъ, числа дозво-
ннаго закономъ для частныхъ сборищъ....“

Такъ объяснилъ г. Руэръ свои слова 9го іюня 1874 года и
юи комитеты.

Затѣмъ ораторъ подробно разобралъ дѣйствія слѣдствен-
ной комиссіи, слѣдователей, докладчика Савари; жаловался
на пристрастность, несправедливости, злоупотребленія; пори-
залъ обнародованіе доклада Савари, находя публичность дан-
ую этому документу беззаконіемъ и возмутительнымъ зло-
употребленіемъ „судебной тайны“; обвинялъ депутата Сава-
ри въ превышеніи правъ и обязанностей; силится доказать
его всѣ такъ-называемые „обличительные документы слѣд-
ствія“ на самомъ дѣлѣ ничего не обличаютъ и не доказыва-
тъ, что выводы и заключенія сдѣланы докладчикомъ про-
зволью и пристрастно...

Такова первая часть рѣчи Руэра. Она продолжалась четыре
и половиною часа. Во второй части ораторъ объяснялъ
дѣлъ и законность бонапартистской пропаганды“.

— Приступаю, говорилъ онъ,—къ общимъ фактамъ, въ ко-
орыхъ обвиняютъ имперіалистскую партію, и докажу что
се сдѣланное ею, она была въ полномъ и законномъ правѣ
дѣлать. Да, въ 1871 году, когда разнузданныя страсти осы-
пали оскорбленіями низложеннаго государя и его семью
шумъ слева), я принялъ миссію бороться посредствомъ пе-
ечати противъ зла которое намъ дѣлала печать. Я былъ въ
воемъ правѣ. Развѣ послѣ мученической смерти императо-
а на островѣ Св. Елены (*шумъ слева*) приверженцы Импе-
иіи перестали защищать его? Развѣ въ 1830 году привержен-
ы стараго короля локинули его въ изгнаніи? Почему же въ
871 году я не имѣлъ бы права сдѣлать то что всѣ эти лю-
и сдѣлали, то что преданность Имперіи и честь моей карьеры
повелѣвали мнѣ сдѣлать? (*Шумъ.*)

Маркизъ де-Франкль (легитимистъ).— Тутъ нельзя дѣлать
равнеій! (*Аплодисменты слева и въ рядахъ легитимистовъ.*)

При этомъ недвусмысленномъ протестѣ крайней правой
уэръ поблѣднѣлъ, но не смутился.

— Развѣ въ 1848 году, продолжалъ онъ,—когда революція
валила монархію, друзья падшаго короля не приняли энер-
чно его защиты?

Боше (*орлеанистъ, одно изъ главныхъ лицъ этой партіи.*)—
равительство которое пало въ 1848 году оставило Францію

свободною, могущественною и цѣлою. Имперія оставила Францію униженною, ослабленною, раззоренною. (*Англоиспанцы слева, въ центрѣ и справа.*)

Эти два протеста встрѣчены были аплодисментами, столь продолжительными что ораторъ, не взирая на весь свой выхъ и умѣнье, вынужденъ былъ три раза приостановиться въ начатой рѣчи. Кроме того, эти протесты, и сопровождавшіе ихъ знаки одобренія справа, ясно указывали что дебаты попали на неблагопріятнѣйшую почву для бонапартистовъ и что дѣла послѣднихъ портились. Руэръ становился все ближе и съ каждою минутою терялъ все болѣе своей обычной самоувѣренности. Шумъ увеличивался, протесты и возраженія сыпались, не взирая на явныя усилія бывшаго вице-императора отвѣчать какъ можно мягче.

Ораторъ старается доказать законность бонапартистскихъ комитетовъ, „которые на самомъ дѣлѣ не что иное какъ сходки предаваемыхъ людей старающихся разбить и разсѣять низкія клеветы которыми осылаютъ Имперію“... Затѣмъ Руэръ произноситъ въ полномъ смыслѣ слова обвинительнаго рѣчи противъ префекта полиціи, Леона Рено, докладъ котораго о дѣйствіяхъ бонапартистовъ произвелъ столь сильное впечатлѣніе въ прошломъ февралѣ. Ораторъ обвиняетъ префекта въ пристрастіи и преувеличенныя и живыхъ выводахъ и догадкахъ; отвергаетъ сообщничество бонапартистскихъ агентовъ съ заключенными коммунарами, защищаетъ слишкомъ извѣстнаго Жюль-Амига... Наконецъ заключеніе. — Что такое въ сущности этотъ процессъ? кончаетъ свою рѣчь Руэръ. — Это не что иное какъ предисловіе къ предстоящимъ выборамъ. Декретъ отверженія изданный противъ насъ! Конституціонные законы вотированы. Бонапартисты становятся неудобною *partie*. Надо повторить еще разъ изложеніе ея. Позвольте мнѣ объяснить: да, вы провозгласили республику окончательною формою правленія. Съ нашей стороны, я считаю долгомъ уважать эту конституцію. Здѣсь бывший участникъ государственнаго переворота 20 декабря 1851 года былъ прерванъ ядовитою выходкою Гамбетты.

— Вы садовательно отказываетесь отъ рецидивы (повторенія преступленія)? *

* *M. Gambetta.* — Vous renoncez à la récidive alors? (*Très bien bruit.*)

— Господишь Гамбетта не такъ счастливъ какъ мы, возилъ ораторъ,—потому что мы отказываемся отъ „повторя“, а онъ нѣтъ. Онъ объявилъ всей Франціи что не хотѣлъ отрубить своего радикальнаго хвоста. **

Рѣчь Руэра окончилась среди шума и неудержимаго смѣха, вызваннаго замѣчаніемъ Гамбетты и возраженіемъ оратора.

На этомъ окончилось засѣданіе 14го іюля. Бонапартисты аурили головы. Рѣчь ихъ предводителя, на которую они магали радужныя надежды, не только не произвела ожидаемаго впечатлѣнія и дѣйствія, но, напротивъ, окончатель-испортила дѣло, въ особенности вторая ея часть. Легитимизмъ и левая, обѣщавшіе вотировать массою за мягчайшіи бонапартистовъ *ordre du jour* (за утвержденіе де-Бургуана и всѣ подали голоса), были возмущены солоставленіями вра, неоднократно обращавашагося къ сравненію имперіализма съ законою и Орлеанистскою монархіями, и восхва-шаго всѣмъ ламятный режимъ Второй Имперіи. Испол-ныя негодованія возраженія маркиза де-Франлье и Боше травили еще болѣе дѣло. Словомъ, бонапартисты чувстви-ли себя побитыми. Руэръ въ продолженіе всей второй ча-ти своей объемистой рѣчи былъ блѣденъ какъ полотно, и держался на ногахъ и, сходя съ трибуны, цѣплялся су-ужно за перила.

Вечеромъ разнесся слухъ въ политическихъ кружкахъ о адполагаемыхъ перемѣнахъ долженствовавшихъ будто бы оизойти въ имперіалистскомъ лагерѣ. Говорили что въ зельгёрствѣ твердо рѣшено отнять у Руэра верховное авленіе бонапартистскою агитаціей во Франціи; что рѣ-ніе это принято уже давно, съ тѣхъ поръ какъ резуль-ты тактики руководителя имперіализма оказались отри-гельными; что онъ, Руэръ, одинъ изъ всѣхъ высшихъ и жайшихъ совѣтниковъ императрицы, высказался за этого а пропаганду и союзъ съ консервативными фракціями ла-ты, и настоялъ, вопреки всѣмъ, на своемъ; что онъ втя-лъ бонапартизмъ въ отчаянное и неприличное поло-

* M. Rouher. — M. Gambetta est moins heureux que nous, car si a renonçons à la récidive, lui n'y renonce pas. Il a dit à toute la nce qu'il ne voulait pas couper sa queue radicale. (*Bruit, rires longs.*)

женіе и пр. Преемникомъ Руэру прочили Рауля Дювалл сторонника „либеральнаго бонапартизма“. Присовокупили что въ политикѣ бонапартистовъ произойдетъ крутой поворотъ съ этимъ новымъ вождемъ, что „молодой прищипъ“ Рауль Дювалль *font faire du socialisme à outrance* (начнутъ агитировать социализмъ), чтобы войти въ доверіе рабочихъ классовъ и пр. Одна изъ самыхъ юркихъ и извѣстныхъ личностей бонапартистской агитаціи, Жюль Амигъ явившійся въ Версааль чтобы присутствовать при дебатахъ, громогласно заявлялъ вечеромъ 14го числа что Руэръ поршешенный человекъ что это „упрямый Оверньятъ (Руэръ родомъ изъ Оверни), удирающійся какъ оселъ на своемъ“, что онъ много подгадилъ бонапартистамъ и ему самому, Амигу, что онъ выдалъ его, Амигу, въ лапы сыщиковъ префекта полиціи, и пр., и пр., и пр. Словомъ, на Руэра, какъ почти всегда случается при неудачѣ, обрушились все, и недруги, и свои. Дѣло бонапартистовъ считалось поршешеннымъ, и все отдали съ увѣренностью что на слѣдующій день палата заклеймитъ разгромительнымъ *ordre du jour* ихъ подпалами продѣлки.

Les jours se suivent et ne se ressemblent pas, гласитъ французская пословица. Такъ вышло и на этотъ разъ.

15го іюля засѣданіе начинается тѣмъ что докладчикъ комиссіи, Савари, всходитъ на трибуну „для отвѣтовъ господу Руэру“, иначе говоря чтобы окончательно доказать бонапартистовъ. Возразивъ побѣдоносно, въ длинной рѣчи на все обвиненія Руэра, ораторъ покидаетъ трибуну среди грома аплодисментовъ большей части палаты.

Бонапартисты рѣшаются попытать еще усиліе. Одинъ изъ депутатовъ „призыва къ народу“, отличающійся неумѣренностью слова, произноситъ бранную рѣчь противъ префекта полиціи. Бюффе, министръ внутреннихъ дѣлъ, считая своимъ долгомъ защитить подвѣдомственное ему административное лицо, отвѣчаетъ что Леонъ Рено исполнилъ только свой долгъ, что онъ доказалъ свое безпристрастіе въ этомъ дѣлѣ.

— Господина префектъ полиціи, присовокупили Бюффе-указалъ, какъ вамъ извѣстно, не на оди агитационныя дѣствія бонапартистовъ; онъ открылъ намъ что возлѣ людей получающихъ приказанія изъ Чисельгѣрста, копошится и

* Объ этомъ Жюль Амигъ много говоритса въ докладѣ Савари.

дѣйствуетъ другая партія, получающая пароль изъ Женевы, Лондона и Брюсселя. Это одно доказываетъ безпристрастный образъ дѣйствій господина префекта. Правительство юрко слѣдитъ за агитаціями какого бы рода онѣ ни были, и тончаетъ откуда грозитъ опасность.

Этотъ ясный намекъ на радикальную пропаганду очень не понравился крайней лѣвой группѣ палаты. Давно уже, почти съ самаго начала образованія нынѣшняго кабинета, радикалы питали неприязнь къ главѣ министерства и искали случая свалить его. Они считали его (и считаютъ теперь болѣе лѣвъ когда-либо) представителемъ реакціонернаго элемента нынѣшняго кабинета. Случай оказался имъ на этотъ разъ удобнымъ. Гамбетта появляется на трибунѣ, взволнованный, раздраженный, и требуетъ у министра объясненій.

— Слова господина министра чрезвычайно темны, воскликнулъ между прочимъ эксъ-диктаторъ Франціи.—Онъ представилъ какія-то смягчающія обстоятельства въ пользу господина префекта, какъ будто послѣдняго нужно было въ чемъ-нибудь извинить. Господинъ Бюффе тайный бонапартистъ наполняющій администрацію бонапартистами. Онъ отвлекъ вопросъ отъ ненавистной партіи живущей обманомъ и цинизмомъ. Онъ указалъ на насъ (крайнюю лѣвую) говоря что „правительство понимаетъ откуда грозитъ настоящая опасность“. Повторяю это бонапартистъ держащій сторону своихъ!... Министерство должно намъ дать положительныя обѣщанія, а оно намъ же угрожаетъ!...

Рѣчь Гамбетты, страстная и неумѣренная, произвела дѣйствіе совершенно противоположное тому какого ожидали. Въ этомъ отношеніи она могла служить *pendant* рѣчи Руэра. Выходка эксъ-диктатора была одна изъ самыхъ замѣтныхъ ошибокъ которыя когда-либо были занесены въ лѣтопись Версальскихъ засѣданій, столь богатыхъ, однако, ошибками всякаго рода: онъ пріобщилъ правительство къ бонапартизму и побудилъ поставить вопросъ о довѣрїи (*vote de confiance*). Такимъ образомъ вопросъ о бонапартизмѣ отступилъ на второй планъ и могъ совсѣмъ ускользнуть.

Такъ и случилось.

Бюффе возразилъ Гамбеттѣ; Гамбетта—Бюффе; министръ потребовалъ „воту довѣрїя“ отъ палаты, то-есть *ordre du jour* въ которомъ выражалось бы довѣрїе къ дѣйствіямъ пра-

вительства; депутатъ Бараньковъ предложилъ слѣдующую редакцію: „Національное собраніе, довѣряя деклараціямъ правительства, переходитъ къ очереднымъ дѣламъ“; этотъ *ordre du jour* поставленъ на голоса и принятъ палатой четырьмястами восемьюдесятью тремя голосами противъ трехъ Радикаловъ и двѣа, а также часть крайней правой, воздержавшись отъ вотированія.

Побѣда министерства была полная. Что же касается бонапартистовъ, то они, разумѣется, подали голоса за министерство, такъ какъ объ нихъ въ *ordre du jour* и помину не было, и слѣдовательно, оказавшись на сторонѣ большинства, волей-неволей одержали побѣду.

Благодаря этому промаху, рѣчь Руэра оказалась, совершенно случайно, верхомъ тонкой политики. Бонапартистскаго вожака обвиняли наканунѣ, между прочимъ, въ томъ что онъ вызвалъ противъ себя отвѣты Бюффе и Дюфера, а теперь оказалось что эти отвѣты и происшедшій вслѣдствіе ихъ случай выручили все дѣло. Со свойственнымъ имъ умѣньемъ пользоваться обстоятельствами, бонапартисты и ихъ органы приписали все искусству Руэра.

Гамбетта, злѣйшій врагъ бонапартизма, оказалъ въ этомъ случаѣ послѣднему медвѣжьёу услугу. Онъ воюмился въ лебату, по выраженію *Figaro: comme un éléphant dans un magasin de porcelaines*, * съ цѣлью свалить Бюффе. Главу кабинета онъ не свалилъ, а только поставилъ себя и свою партію въ неловкое положеніе.

Были впрочемъ, какъ слѣдуетъ предполагать, еще другія причины побудившія Гамбетту совершить свой неудачный набѣгъ на министерство. Уже въ началѣ іюля начали ходить слухи о томъ что „уступки“ ** консерваторамъ сдѣланными предводителемъ радикаловъ произвели на послѣднихъ очень невыгодное впечатлѣніе, что авторитетъ ультралибераловъ, *** Луи Блана, Марку, Мадье-де-Монжо и пр., очень усилился и такъ даѣе.... Это, вѣроятно, побудило Гамбетту искать слу-

* Какъ слонъ въ лавку фарфоровыхъ вещей.

** Вотированіе конституціи и нѣкоторыхъ предложеній правительства.

*** Тѣхъ радикальныхъ депутатовъ которые не соглашались вотировать конституцію и были почти принуждены своими подать голоса въ послѣднюю минуту.

чая схватиться съ министерствомъ и заявить возможно громко свое радикальное убѣжденіе.

Роль Бюффе во всей этой исторіи не совсемъ ясна. Служи что онъ былъ заодно съ Руэромъ и бонапартистами, что вся исторія была условлена и ведена такъ чтобы вывести изъ терлѣнія радикаловъ, что императрица Евгенія послала главѣ министерства благодарственную депешу и пр., конечно, пустяки. Но что Бюффе показалъ въ отношеніи бонапартистовъ на вершокъ болѣе расположенія чѣмъ слѣдовало, съ этимъ трудно не согласиться.

Непосредственнымъ послѣдствіемъ происшествія 15го іюля было потрясеніе конституціоннаго союза. Въ самую первую минуту, какъ только Гамбетта разразился своею діатрибой противъ кабинета, неутомимый герцогъ де-Броль бросился снова въ депутатскимъ группамъ и пропагандировать необходимость саянія консервативныхъ элементовъ палаты. Эта попытка возстановить большинство 24го мая 1873 года не осталась безъ послѣдствій (правый центръ былъ пораженъ враждебнымъ настроеніемъ крайней лѣвой противъ конституціи и правительства) и стала даже находить отголосокъ въ правомъ центрѣ, когда декларация Дюфора, объявившаго что всѣ члены кабинета солидарны между собой, успокоила лѣвыхъ и правыхъ централистовъ. Попытка герцога де-Броля рухнула, но тѣмъ не менѣе оставила слѣды: правые централисты увидѣли, съ одной стороны, легкую возможность этого союза, съ другой, ненадежность лѣвыхъ своихъ союзниковъ, въ особенности когда лѣвая группа и радикалы воздержались отъ подачи голоса за довѣріе министерству.

На другой день послѣ этой парламентской бури, на трибунѣ національнаго собранія появился г. Малартръ. Известно что означаетъ появленіе г. Малартра: это специалистъ по части ваканцій. До сихъ поръ онъ всходилъ на ораторскую трибуну только для того чтобы предлагать палатѣ ваканціи на возможно продолжительные сроки; ни о чемъ другомъ этотъ почтенный депутатъ никогда не говорилъ ни слова на трибунѣ.

— Не нужно ваканцій! Мы должны кончить наши труды! мадалось на нѣкоторыхъ депутатскихъ скамьяхъ при одномъ появленіи Малартрана на трибунѣ: такъ известна специальность того почтеннаго представителя.

На этотъ разъ Малартръ предложилъ палатѣ разойтись до января.

— Котораго года? спрашиваютъ на нѣкоторыхъ скамьяхъ.

Однако, не смотря на болѣе или менѣе проницательскіе протесты, предложеніе г. Малартра принято на разсмотрѣніе, и послѣ довольно продолжительныхъ дебатовъ, 23го іюля палата рѣшила, 470 голосами противъ 155, разойтись 4го августа, на три полные мѣсяца, то-есть до 4го ноября.

Въ послѣдній періодъ сессіи, тихій и спокойный какъ обыкновенно бываютъ всѣ послѣдніе періоды сессій, палата работала довольно много, спустила на почтовыхъ огромное количество мѣстныхъ законовъ и покончила съ нѣкоторыми конституціонными законами и законами объ организациіи властей.

О незначительномъ количествѣ вотированныхъ палатою законовъ двухъ послѣднихъ категорій говорить мы здѣсь не станемъ, такъ какъ окончательное обсужденіе и вотированіе главнѣйшихъ и существеннѣйшихъ изъ конституціонныхъ и организаціонныхъ законовъ (напримѣръ избирательный законъ) отложено до будущей сессіи. Составить сужденіе о нихъ можно будетъ только тогда когда всѣ они будутъ вотированы въ полномъ составѣ, тѣмъ болѣе что до сихъ поръ эти *окончательныя* организаціи и законы всѣмъ кажутся чѣмъ-то очень не серіознымъ.

Замѣчательное дѣло! Масса относится съ крайнимъ скептицизмомъ и равнодушіемъ ко всѣмъ законамъ обставляющимъ левому новую конституцію. Всѣ чувствуютъ что эти статьи и пункты, выработываемые съ такими усиліями, не удовлетворяютъ и не удовлетворятъ никого, а потому искренно не приняты никѣмъ; всѣмъ извѣстно что эти пункты и статьи изображаютъ *minimum* требованій и *maximum* уступокъ нѣсколькихъ враждебныхъ политическихъ лагерей, и что они принимаются тѣми и другими въ силу настоятельной необходимости. Чувствуется что тотъ и другой лагерь считаютъ участіе свое въ голосованіи вынужденнымъ, а слѣдовательно, подавляющій голосъ *нѣсколько не обязательныхъ совѣсти*. Такъ по крайней мѣрѣ разсуждаетъ современная парламентарная мораль...

На одинъ пунктъ провозглашенной конституціи всматриваютъ съ надеждами всѣ партіи, на тотъ гдѣ говорится о *ревисіи*.

Резиція — вотъ общій лозунгъ, а конституція и въ исполдженіе еще не приведена.

Въ заключеніе посмотримъ при какихъ условіяхъ закрылась истекшая сессія.

Не блестящи эти условія.

Между министерствомъ и лѣвымъ центромъ—разладъ. Лѣвые централисты, по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ, заявляли совершенно открыто что вотировали за предложенія вице-президента совѣта (Бюффе) только потому „чтобъ избѣгнуть покамѣсть министерскаго кризиса“.

Въ средѣ министерства — разладъ. Дюфоръ и Бюффе, которые и до вступленія своего въ кабинетъ ни на чемъ не сходились, которые только по необходимости и для предотвращения кризиса заявляли о своей мнимой солидарности—Дюфоръ и Бюффе пришли теперь, повидимому, къ рѣшительному убѣжденію что имъ не жить бокъ-о-бокъ въ министерствѣ. Дюфоръ (лѣвый централистъ) чувствуетъ что дѣлая уступки онъ вооружаетъ противъ себя лѣвыхъ, то-есть *своихъ*; Бюффе не хочетъ сдаваться ни на что, чувствуя, съ своей стороны, что только при этомъ условіи за нимъ будетъ стоять, кромѣ праваго центра, группа монархистовъ, примкнувшихъ въ послѣднее время къ правительственному большинству. Что же касается лѣвыхъ, разумѣется, Бюффе на нихъ разчитывать не можетъ, въ особенности послѣ рѣчи своей 15го іюля, въ которой, можетъ-быть не безъ основанія, находятъ филобонапартистскій духъ.

Лѣвые воздержались отъ вотирования довѣрія министерству, въ числѣ членовъ котораго стоятъ такіе лѣвоцентристскіе столпы какъ Дюфоръ и Леонъ Сэ. Это показываетъ что слѣва начинаетъ образовываться очень серьезная оппозиція правительству. Справа, въ крайнихъ монархическихъ фракціяхъ, эта оппозиція дошла до ожесточенія.

Политическій организмъ именуемый Версальскимъ національнымъ собраніемъ досталъ, повидимому, послѣдней степени раздробленія.

Крайняя лѣва разбилась на два лагеря: одни—интрансигенты, съ Луи Бланомъ во главѣ, и слышать не хотятъ теперь объ уступкахъ, когда сами нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ вотировали конституцію. Они утверждаютъ что каждодневныя уступки, требуемыя отъ радикаловъ, приведутъ по немногу къ тому что вся радикальная программа окажется

„вышвырнутою за окно“. Группа ультралибераловъ, объявляющихъ себя теперь врагами конституціи, увеличивается съ каждымъ днемъ. Другіе радикалы, подъ начальствомъ Гамбетты, стараются, по крайней мѣрѣ наружно, заявлять какъ можно болѣе умеренности, чтобы приобрести довѣріе въ умеренномъ лагерѣ. Но, какъ выше сказано, этотъ послѣдній образъ дѣйствій не пользуется особеннымъ расположеніемъ радикальной массы.

Лѣвый центръ разложился. Одни (группа Лавернь) привалили вправо, другіе (бывшая группа Тьера) влѣво, третьи рѣшились остаться при своей программѣ. Въ итогѣ, вмѣсто одной, три группы.

Правый центръ совершилъ ту же эволюцію: часть его и слышать не хочетъ о программѣ Дюфора, другая привалила влѣво, третья (группа Клеръ) образовала нѣчто чрезвычайно симпатизирующее бонапартизму, четвертая (бывшая группа Одифрѣ-Пакье), напротивъ, яро стоитъ противъ бонапартистовъ. Въ итогѣ, четыре группы вмѣсто одной.

Правая раздробилась на примкнувшихъ къ конституціи, на „симпатизирующихъ правительству“ (группа де-Кердреля) и на не желающихъ имѣть ничего общаго ни съ конституціей ни съ правительствомъ. Въ итогѣ три группы.

Итакъ въ палатѣ теперь не пять-шесть группъ, а пятнадцать-шестнадцать, и постоянно слышно о новыхъ дробленіяхъ.

Бонапартисты кричатъ что преслѣдуются правительствомъ; республиканцы кричатъ что преслѣдуются правительствомъ. Первые жалуются на то что умеренные республиканцы пользуются протекторствомъ министерства; вторые кричатъ что бонапартисты пользуются тѣмъ же протекторствомъ. Словомъ, въ настоящую минуту французская политика забралась въ дебри непроходимыя. Сами дѣятели чувствуютъ что выхода не будетъ, и не ищутъ его, поджидая насильственной развязки, то-есть раслуценія.

ПЕТРЪ ПЕТРОВЪ.

Парижъ
10го августа.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

И

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНѢНІЕ ВЪ ГЕРМАНИИ

Die deutschen Zeitschriften und die Entstehung der öffentlichen Meinung, von Geinrich Wuttke. Leipzig. 2 Aufl. 1875.

Къ числу наиболѣе распространенныхъ въ наше время политическихъ аксіомъ безспорно принадлежитъ и та что свобода печати есть лучшая гарантія политической свободы и политическихъ правъ гражданъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ во всѣхъ государствахъ пользующихся въ большей или меньшей степени этою свободой давно слышатся крики негодованія противъ того употребленія какое дѣлаетъ изъ нея значительная доля періодической печати. Повсюду слышны толки о деморализаціи печати, о продажности редакторовъ и ихъ сотрудниковъ, о подкупѣ ихъ правительственными агентами, о подчиненіи въ которомъ они находятся у биржевыхъ тузовъ и т. д. Нигдѣ жалобы эти не слышатся такъ часто какъ въ Германіи, по той простой причинѣ что продолжающаяся тамъ уже который годъ борьба, съ одной стороны, между Сѣверомъ и Югомъ, съ другой стороны, между католицизмомъ и протестантизмомъ, послужила къ разоблаченію такихъ вещей о возможности

существованія которыхъ при иныхъ, болѣе нормальныхъ, условіяхъ никто бы не могъ и подозрѣвать. Ожесточеніе съ какимъ ведется борьба, въ свою очередь, имѣетъ весьма пагубныя послѣдствія для германской журналистики. Борьба причила обѣ стороны къ безразборчивости въ выборѣ полемическихъ средствъ, къ беззастѣливому полнранію основныхъ принциповъ нравственности во имя преслѣдуемой цѣли. Не будучи строги къ самимъ себѣ, нѣмецкіе журналисты вмѣстѣ съ тѣмъ неумолимы по отношенію къ своимъ оппонентамъ и не жалѣютъ ни труда, ни денегъ, ни времени чтобы втоптать ихъ въ грязь, сорвать съ нихъ маску, изобличить низость ихъ побужденій, корыстные виды, угодничество сильными міра и т. п. Поэтому-то благоразуміе заставляетъ не слишкомъ вѣрять всѣмъ тѣмъ обвиненіямъ которыя появляются въ печати; очевидная ихъ утрировка и натянутость значительно понижаютъ ихъ цѣну. Если послушать клерикаловъ, то вся некатоліческая печать Германіи находится на жалованьи у правительства и Берлинское центральное бюро печати, имѣя въ своемъ безконтрольномъ распоряженіи такъ-называемый *фондъ преслѣжающихся*, систематическими подкулами подчинило себѣ всѣхъ тѣхъ которые не идутъ подъ однимъ знаменемъ съ ультрамонтанами. Въ свою очередь, печать считающая себя національною и либеральною готова видѣть въ каждомъ католикѣ единомышленника и, при удобномъ случаѣ, даже соперника Кульмана.

Но если, съ одной стороны, обоюдныя обвиненія несомнѣнно утрированы, то съ другой стороны, кому приходилось вблизи наблюдать за современною борьбой и за полемическими приѣмами нѣмецкой печати, для того становится яснымъ что значительная часть обвиненій имѣетъ дѣйствительное основаніе и что на долю озлобленія и раздраженія приходится далеко не такъ много какъ можно было бы предположить *a priori*. Не далѣе какъ на дняхъ изумленная публика изъ офиціальнаго источника узнала что бюро печати дѣйствительно существуетъ въ Берлинѣ при двухъ министерствахъ, внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ, послѣднее подъ руководствомъ доктора Эгиди. Правда и до того времени никто не сомнѣвался въ его существованіи, но офиціально при всякомъ удобномъ случаѣ до сихъ поръ это отрицалось. Не мало свѣта пролилъ на дѣйствія Берлинскаго бюро и процессъ графа Арнима.

Но все это были отдѣльныя разоблаченія, и до послѣд-
няго времени не доставало такой книги которая бы рас-
крывала въ полнотѣ закулисныя стороны германской печат-
ти. Въ 1866 году, лейпцигскій профессоръ Вуттке пробовалъ
сдѣлать подобный очеркъ, но предпріятіе его въ то время не
имѣло большаго успѣха, по двумъ причинамъ. Волервыхъ,
самое зло не имѣло еще тогда такихъ размѣровъ какъ те-
перь, а вовторыхъ, вспыхнувшая въ то самое время война
отвлекла вниманіе публики отъ этого предмета, отодвинутого
временно на задній планъ. Къ тому же политическія тенден-
ціи Вуттке, извѣстныя его симпатіи къ Австріи, не пред-
располагали прусскихъ читателей въ его пользу, а напротивъ
того, скорѣе склоняли относиться съ недоувѣріемъ къ мрач-
ной картинѣ имъ рисуемой. Однимъ словомъ, въ первый годъ
разошлось всего 303 экземпляра книги и уже Вуттке на-
чиналъ думать что его трудъ пройдетъ безслѣдно, по-
добно легиону политическихъ брошюръ, забываемыхъ чуть
ли не на другой день послѣ выхода изъ-подъ печат-
наго станка. Однако случилось иное. Книга, хотя и мед-
ленно, получила успѣхъ и въ нынѣшнемъ году авторъ рѣ-
шился приступить къ новому изданію, значительно допол-
ненному и доведенному до настоящаго времени. Сочиненіе
это носитъ названіе: *Die deutschen Zeitschriften und die Ent-
stehung der öffentlichen Meinung. Ein Beitrag zur Geschichte
des Zeitungswesens.* Съ нимъ-то мы и желаемъ въ главныхъ
чертахъ познакомить читателей. Оно заслуживаетъ вниманія
какъ попытка съ подобающею наглядностью изложить внут-
ренній механизмъ газетнаго дѣла въ Германіи и процессъ
искусственнаго возбужденія общественнаго мнѣнія.

Насколько Вуттке компетентенъ для выполненія своей
задачи видно изъ того что онъ въ теченіе двадцати лѣтъ
былъ директоромъ Лейпцигскаго Общества Литераторовъ
и хотя самъ не участвовалъ въ изданіи газетъ, ни въ каче-
ствѣ редактора, ни въ качествѣ постояннаго сотрудника, но
за то находился въ непрерывныхъ сношеніяхъ со всевозмож-
ными журналистами со всѣхъ концовъ Германіи и Австріи.
Замѣтимъ что по политическимъ своимъ мнѣніямъ Вуттке
принадлежитъ къ категоріи защитниковъ федерализма, счи-
тающихъ единство телерешней Германіи лишь эфемернымъ.
Это не мѣшаетъ имѣть въ виду при оцѣнкѣ его сужденій.
Измѣняя нѣсколько порядокъ изложенія принятой авто-

ромъ мы будемъ послѣдовательно говорить: 1) объ анонимности и матеріальной обстановкѣ журналистовъ; 2) о литературной и научной критикѣ; 3) о такъ-называемыхъ литографическихъ корреспонденціяхъ; 4) О бюро для печати; 5) о фондахъ для пресмыкающихся; 6) о телеграфныхъ агентствахъ, и 7) о рекламахъ и отношеніяхъ биржеваго ажіотажа къ періодической печати.

I.

Нынѣшнее положеніе законодательства о печати, уголовные законы и главнымъ образомъ уголовная практика нѣмецкихъ судовъ вынуждаютъ нѣмецкую печать прибѣгать къ анонимности въ весьма широкихъ размѣрахъ. Ввозьмите любой номеръ газеты. Въ девятиности девяти случаяхъ изъ ста читателю неизвѣстно кто говоритъ съ нимъ чрезъ посредство газеты. Передовая статья безъ подписи, мѣстная хроника тоже, корреспонденціи снабжены непонятными знаками, извѣстными одной только редакціи. Развѣ только фельетонъ или беллетристическое прибавленіе печатается за подписью, и то потому что авторъ подобныхъ статей не олашается ответственности за печатаемыя произведенія его фантазіи. * Можно возразить что безыменность газетныхъ статей составляетъ особое изъ преимущество, что читатель можетъ судить о нихъ не взирая на лица человѣческія, наконецъ, что за печатаемую въ газетѣ статью принимаетъ юридическую и нравственную отвѣтственность редакція, придающая газетѣ направленіе, политическую окраску. Такое возраженіе совершенно справедливо по отношенію къ странамъ гдѣ, какъ у насъ, значущееся на послѣдней страницѣ имя редактора обыкновенно не составляетъ еще ложной вывѣски, но по отношенію къ Германіи, лишено убѣдительной силы. Въ большинствѣ случаевъ читающая публика не знаетъ, а часто и не подозрѣваетъ, имевъ редакторовъ, если только подъ именемъ редакторовъ понимать не тѣхъ подставныхъ лицъ которыя за сходную цѣну соглашаются взять на себя юридическую отвѣтственность и подписываются подъ нечитаннымъ ими газетнымъ

* Въ Германіи фельетонъ не вмѣщаетъ въ себя хроника общественной жизни, и ограничивается романами и повѣстями.

истомъ, а тѣхъ которые, оставаясь въ тѣни, руководятъ газетой, дѣлаютъ изъ нея органъ той или другой партіи. Вслѣдствіе необыкновенной строгости судовъ, германскія газеты принуждены прибѣгать къ системѣ подставныхъ редакторовъ. Подобно тому какъ играютъ въ ералашъ съ *болваномъ*, такъ точно можно и издавать газету съ *болваномъ*. Въ этомъ отношеніи законъ принуждаетъ суды быть неразборчивыми: былъ бы только козелъ очищенія. По этому-то органы мало-мальски враждебныхъ правительству партій, какъ-то клерикальной, польской, соціально-демократической, прогрессивной и др., прибѣгаютъ къ найму двухъ, трехъ субъектовъ, по очереди отбывающихъ налагаемыя на нихъ наказанія; иначе бы пришлось останавливать часто изданіе газеты, что равносильно разоренію. Подобные подставные редакторы носятъ названіе *Prügeljungen* или *Stroh und Strafredacteurs*. Вербуются они въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ общества: между прокутившимися журналистами, отставными военными, даже между ремесленниками и рабочими. Приведемъ два курьозные случая. Въ одной изъ берлинскихъ газетъ, весной 1873 года, появилось слѣдующее странное объявленіе. „Ищутъ участка разсылнаго для занятія должности отвѣтственнаго редактора прогрессивной газеты“. Поиски увѣнчались блистательнымъ успѣхомъ: нѣкій Фрасъ, разсылный № 107, сдѣлался редакторомъ образовавшейся тогда *Deutsche freie Zeitung* и очень скоро послѣ того попалъ подъ судъ. Судьи колеблясь призвали его отвѣтственнымъ редакторомъ, а какъ слѣдуетъ упекали въ тюрьму. Нужно однако отдать справедливость Фрасу что онъ весьма ловко велъ свою защиту. Не отрицая того что онъ не участвуетъ въ изданіи газеты, онъ утверждалъ однако что считаетъ себя солидарнымъ съ дѣйствительными редакторами. „Когда мнѣ перестанетъ нравиться газета, тогда я и перестану подписывать свое имя“, говорилъ онъ. Въ послѣднее время прусскіе суды измѣнили свой взглядъ на этотъ вопросъ, и признаютъ подставныхъ редакторовъ виновными въ мошенничествѣ. Вотъ что случилось недавно (уже послѣ выхода въ свѣтъ книги Вуттке) въ одномъ изъ прирейнскихъ городовъ. Редакторъ (изъ числа соломенныхъ) тамошней клерикальной газетки попалъ подъ судъ, и былъ присужденъ къ тюремному заключенію. Начальникъ мѣста заключенія, какъ человѣкъ гуманнѣйшій, пожелалъ занять его по возможности согла-

сно съ его прежнимъ образомъ жизни. Съ этой цѣлью онъ помѣстилъ его въ свою канцелярію и для испытанія его почерка продиктовалъ ему нѣсколько словъ. Каково же было его изумленіе когда эксъ-редакторъ принесъ ему слѣдующую безграмотную пробу пера: „*Zufulllichen :urteilen des Kolligellantgerichts binich redadactar der (слѣдуетъ имя) Seivng :i ener gevangenis verurteteilt,—29 April. 1875.*“ Оказалось что ультрамонтанская газета завербовала себя въ редакторы салатника, послѣ школьной скамьи никогда не бравшаго въ руки пера. Насколько намъ извѣстно, противъ него начато уголовное преслѣдованіе за мошенничество.

Такимъ образомъ подпись редактора лишь въ исключительныхъ случаяхъ составляетъ дѣйствительную гарантію по отношенію къ читателю. Но и этого мало. Газетное предпріятіе требуетъ въ настоящее время такихъ громадныхъ матеріальныхъ затратъ что лишь въ рѣдкихъ случаяхъ чело-вѣкъ способный редижировать газету имѣетъ достаточно для того средствъ. Обыкновенно ему приходится вступать въ соглашеніе съ капиталистомъ или даже съ акціонерною компаніей, и тутъ-то начинается весьма лагубное для печати раздвоеніе руководящей газетою личности. Съ одной стороны является издатель, смотрящій на дѣло какъ на коммерческое предпріятіе и требующій отъ нанятаго имъ редактора не столько знанія дѣла, честности и стойкости убѣжденій, сколько умѣнья при минимумѣ расходовъ добывать емко возможно болѣе доходовъ, а такъ какъ расходы типографскіе не могутъ быть подвергнуты самопроизвольному сокращенію, то жертвами экономическихъ тенденцій являются сотрудники газеты, говораріи которыхъ можно безнаказанно пожать, благодаря громадной конкуренціи господствующей въ литературномъ рынкѣ Германіи. Вуттке приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ, изъ которыхъ видно что средняя плата за строчку равняется $\frac{2}{3}$ гроша, многіе же несчастливцы изъ числа постоянныхъ сотрудниковъ газетъ получаютъ по два и даже по одному пфеннигу за строчку, то-есть имъ приходится *одинъ талеръ* за 150 или за 300 строкъ! Плата левымъ редакторамъ бываетъ также весьма ничтожная: 1.500—2.000 талеровъ въ годъ. Скудость получаемого жалованья и безпрестанныя ловушканія со стороны издателя не удаются главнымъ образомъ изъ вида матеріальнаго интереса издаванія должны производить неотразимое дѣйствіе на его нравствен-

е настроеніе. Будь оъ вооруженъ лучшими намѣреніями, въ мало-по-малу становится безразборчивымъ въ выборѣ средствъ. Сначала заботится оъ интересахъ своего на-мателя, а потомъ уже начинаетъ открывать новые источ-ки доходовъ и для самого себя. Театральныя рецензіи, ритическій отдѣлъ, отдѣлъ биржевой, извѣстія о промыш-енности, даже передовыя статьи и политическія корреспонденціи, дѣлаются статьями дохода. Все это совершается еще въ большихъ размѣрахъ когда издателемъ состоить не от-вѣльное лицо, а акціонерное общество. Случается еще что от-вѣльное лицо рѣшается пожертвовать капиталомъ безъ ко-астной мысли, для основанія газеты долженствующей пре-гдывать дѣла той партіи къ которой оно принадлежитъ. Но змыслимо чтобъ акціонерное общество пресѣдовало ка-ія-нибудь высшія дѣла, и не имѣло бы въ виду исключи-ельно денежную сторону предпріятія. Въ настоящее время льшинство газетъ издаваемыхъ въ большихъ городахъ ерманіи принадлежитъ акціонернымъ компаніямъ. *Шне-ерова Газета* за послѣдній годъ своего существованія при-адлежала Шёнгеймерскому банку; *Съверо-Германская Все-щная Газета* находится въ рукахъ гамбургской компаніи акціонеровъ, что ей не мѣшаетъ однако быть офиціоз-нымъ органомъ; *Національная Газета* издается тоже на исто-коммерческихъ основаніяхъ, равно какъ и *Южно-Гер-манская Пресса*, издаваемая въ Мюнхенѣ на счетъ Баварскаго орговаго банка. Подобныхъ примѣровъ можно привести де-атки, въ особенности если подвергнуть разсмотрѣнію вѣн-скую печать, давно уже подчинявшуюся тамошнимъ бирже-ымъ тузамъ (*Fremdenblatt, Старая Пресса, Новая Свободная Пресса, Tageblatt, Morgenpost, Konstitutionelle Vorstadtzeitung*—се это издается на акціонерныхъ началахъ).

Благодаря анонимности, въ Германіи нѣтъ извѣстныхъ жур-алистовъ, хотя десятки тысячъ людей существуютъ лите-атурнымъ, и въ частности журнальнымъ трудомъ, издаются ысячи газетъ и журналовъ. Кто слыхалъ о редакторахъ звѣстной *Дюссбургской Всобщей Газеты*, Герстенбергъ и 'обертъ Лидманъ? Кто знаетъ имена редакторовъ наиболѣе наменитой въ Германіи *Кельнской Газеты*? Съ дру-ой стороны, человѣкъ подписывающійся полнымъ име-емъ подчиняетъ себя контролю общественнаго мнѣнія.)къ знаетъ что всякое отклоненіе отъ истины не только

вызоветъ опроверженіе, но въ состояніи набросать тѣмъ на его доброе имя. Кромѣ того онъ будетъ несомнѣно прилагать болѣе стараній, болѣе обращать вниманія и на внѣшнюю сторону дѣла, на форму изложенія, изящность языка, ясность и краткость своихъ словъ. Неясность изложенія далеко не такъ часто зависитъ отъ неясности мыслей, какъ отъ того слѣха съ которымъ приходится работать. Войдите въ положеніе пролетарія-журналиста получающаго одна талеръ за 300 строкъ. Слова голову принуждаетъ онъ писать требуемую отъ него статью, и все-таки работа 8—10 часовъ въ день врядъ ли зарабатываетъ талера четыре или пять. Не извинительно ли что при такихъ условіяхъ онъ не можетъ обращать должнаго вниманія на стилистическія требованія, и отдаетъ въ редакцію неперечитанную рукопись, полную шероховатостей? Прибавьте къ тому что отъ него требуютъ ежедневной доставки матеріаловъ для наполненія столбцовъ газеты, что многія редакціи, платя по пфенингу за строчку, очевидно, обращаютъ болѣе вниманія на количество, чѣмъ на качество доставляемыхъ статей. Соблазнъ для журналиста сознающаго себя подъ защитой анонимности великъ. Является мѣстный директоръ театровъ съ жалобами на враждебныя рецензіи театральныхъ представленій, общается неподокупному сотруднику известное число даровыхъ билетовъ, и разовыя за каждую критическую статью. За симъ является съ подобною просьбой какой-нибудь Юлианъ Гофъ, добивающійся того чтобы мальцъ-экстрактное пиво и желудочный ликеръ удостоились похвального отзыва не на послѣдней страницѣ газеты, а въ самомъ текстѣ; лучшимъ аргументомъ служить и въ этомъ случаѣ презрѣнный металлъ. Потомъ на сцену является молодой поэтъ только-что выпустившій въ свѣтъ первый томъ своихъ стиховъ; на его газета не упоминала о его произведеніи, и вотъ онъ несетъ скрѣпя сердце послѣдній грошъ, чтобы окончить на свою сторону присяжнаго критика. Наконецъ, главный соумышленникъ является въ лицѣ лаутоватаго учредителя какого-нибудь новаго невозможнаго акціонернаго предпріятія. Онъ ведетъ дѣло грандіознѣе, принимаетъ сотрудника газеты на жалованье, съ тѣмъ чтобы тотъ помѣщалъ его статьи, выдавая ихъ за свои, статьи конечно аполлогетическаго содержания, доказывающія съ математическою точностью что

питаеиствъ не помѣщающій свои свободныя суммы въ это едпріятіе обкрадываетъ самого себя.

Почти никому не извѣстно, говорить Вуттке, какому сиематическому ограбленію подвергаются со стороны прес- театральные артисты. Между ними и театральными рекціями существуетъ еще одна инстанція: театральнаго агентства. Сначала они были очень полезны въ качествѣ посредниковъ между обѣими сторонами, но потомъ мѣли повернуть дѣло такъ что закрѣпостили большинство тистовъ. Безъ ихъ рекомендаціи не найдетъ себѣ мѣста теръ не имѣющій огромной репутаціи, дебютанты же не могутъ сдѣлать ни одного шага. Обыкновенно они обязуются выплачивать ежегодно опредѣленный процентъ съ получаемаго жалованья (отъ 3хъ до 5ти); часто отъ нихъ требуются еще большія жертвы, какъ-то: не принимать ангажемента иначе какъ чрезъ посредство театральнаго агентства. Инымъ приходилось уступать половину жалованья, и даже Лукка, догства изъ Берлина, наравнѣ съ простыми оперными лѣвицами, вносила свою подать. Мало того, театральныя агентства даютъ газеты, очень дорогія и не интересныя, высылаемыя подлищикамъ подъ бандеролью. Абонентами состоятъ исключительно театральные артисты, къ числу обязанностей которыхъ принадлежатъ между прочимъ и подписка на уломатныя газеты. Подлищикамъ своимъ газета куритъ еиміамъ; ихъ же кто отказывается отъ подписки, она толчетъ въ язь. Вуттке увѣряетъ что ему извѣстнее былъ одинъ соудникъ подобный газетамъ, составлявшій проскрипціонныя листы, куда вносилъ всѣхъ кто такъ или иначе заслужилъ себѣ о неблаговоленіе. Полавшій въ списокъ заранѣе можетъ разтывать на всевозможныя непріятности: въ день бенефиса его звидцуть, хотя бы онъ игрой перецеголялъ Девріента; когда вмять ему откажетъ, суфлеръ не выручитъ изъ бѣды, приашенія гостить на чужой сценѣ прекратятся, и все это удетъ продолжаться до тѣхъ поръ пока нужда не заставитъ его искать примиренія, покулаемаго дорогою цѣной. Но не только театральныя агентства обираютъ актеровъ: редакторы и сотрудники обыкновенныхъ газетъ не выпускаютъ изъ рукъ такого жирнаго куска. Одна первоклассная актриса увѣряла Вуттке что хотя она сама никогда не латила рецензентамъ, но ей достовѣрно извѣстно что многіе берутъ взятки отъ артистовъ. Неужели и X? спросилъ

Вуттке про одного извѣстнаго берлинскаго критика, и онъ не лучше другихъ," отвѣчала она. „Пріятельница моя предъ своимъ первымъ дебютомъ поѣхала къ нему на квартиру, и привезла съ собою подарокъ: денегъ она не рѣшилась ему предложить. Она не застала его дома, но сироту его приняла ее, взяла подарокъ, а ребенокъ ея, слова повторяя заученый урокъ, твердилъ: „Мама, вѣдь тебѣ нужно то-то и то-то.“ Пріятельница моя повела кашекъ, и на другой день доставила недостающіе предметы.“ Не однѣ театральныя рецензіи составляются подобнымъ образомъ, и вообще всѣ рецензіи, всѣ статьи гдѣ расточается похвала или лориданіе. Одинъ политико-экономистъ разказывалъ Вуттке что онъ откладываетъ на черный день весь получаемый гонорарій. Вуттке, удивленный этимъ и зная что онъ живетъ литературнымъ трудомъ, спросилъ его на какія же средства онъ содержитъ семью? Тотъ не малое смущаясь отвѣтилъ ему что живетъ на счетъ получаемыхъ подарковъ. „Не ставу же я даромъ трудиться," откровенно прибавилъ онъ. Про Цаага, редактора *Смерной Вѣнской Прессы*, разказываютъ что онъ, уѣзжая изъ Вѣны, говаривалъ своему замѣстителю: „Смотрите у меня, не принимайте ничего даромъ!“ Другой публицистъ изъ Берлина имѣлъ обыкновеніе говорить про себя и про издаваемую имъ газету: „Что дѣлать! откровенно скажу что придерживаюся тѣхъ же правилъ что берлинскія публичныя желѣзныя. Выкладываете деньги, если желаете чтобы то-то и то-то было у меня напечатано.“ Захеръ-Мазохъ, сотрудникъ *Новой Свободной Прессы*, рисуетъ подобную же картину. „Представьте себѣ, говоритъ онъ:—что редакторъ газеты состоитъ въ выгодныхъ дѣловыхъ отношеніяхъ съ какимъ-либо банкомъ. Онъ не будетъ ограничиваться предоставленіемъ въ полное распоряженіе банка финансоваго отдѣла своей газеты. Если директоръ банка протезируетъ какую-нибудь актрису или танцовщицу, то театральныи рецензентъ получитъ предписаніе восхвалять эту даму во что бы то ни стало. Послушный рецензентъ пишетъ при всякомъ удобномъ случаѣ дисирамбы въ честь балетной граціи. Если какой-либо богатый издатель помѣщаетъ въ извѣстной газетѣ объявленія о всѣхъ издаваемыхъ имъ книгахъ, то литературный критикъ получитъ приказаніе возносить ихъ къ небесъ. Авторъ помѣщающій свои сочиненія у этого издателя

геля можетъ твердо разчитывать на самое благосклонное обсужденіе *par ordre de Mufti*, подобно тому какъ можетъ онъ разчитывать на немотивированную бравь, если издатель его имѣетъ дерзость игнорировать газету. *

Какъ помочь дѣлу? Не могутъ ли журналисты не зараженные современною болѣзью сами вмѣшаться въ дѣло и возстановить уладающее въ публнкѣ уваженіе къ періодической печати? Къ сожалѣнію, изъ двухъ средствъ находящихся въ распоряженіи журналистовъ, и даже въ распоряженіи всякаго, одно оказывается совершенно недостаточнымъ, а второе соединено съ такими неприятностями и даже оласностями что рѣдко у кого-нибудь достанетъ гражданского мужества чтобы прибѣгнуть къ нему. Разсмотримъ ближе каждое изъ этихъ средствъ. Волервыхъ, *a priori* можетъ показаться что простое возстановленіе истины совершенно достаточно чтобы убѣдить читателей въ недобросовѣстности газеты помѣщающей завѣдомо ложныя извѣстія, хотя бы въ этомъ возраженіи ни на кого не возводилось прямаго обвиненія. Въ сущности же мѣра эта оказывается вполнѣ недѣйствительною. Нельзя разчитывать чтобы опроверженіе ваше помѣщено было въ той самой газетѣ въ которой стояло опровергаемое извѣстіе. Вы принуждены обращаться къ редакціи другой газеты, имѣющей совершенно иныхъ читателей, можетъ-быть и не подозревающихъ вовсе о существованіи той лжи противъ которой вы ратуете. Такимъ образомъ ваша цѣль не достигнута, опроверженіе ваше не дошло до свѣдѣнія тѣхъ которые наиболѣе въ немъ нуждались. Но предположимъ что они случайно прочли вашу статью. Неужели вы думаете что они охотнѣе повѣрятъ вашимъ доводамъ, нежели увѣреніямъ той газеты которую ежедневно читаютъ и въ которой ложное извѣстіе возбудившее ваше негодованіе было помѣщено можетъ-быть не разъ, тогда какъ вы по неопытности воображаете что съ перваго же раза своимъ разоблаченіемъ отрубилъ всѣ сто головъ гидры? Кроме того, можетъ легко случиться что ваше опроверженіе вовсе не будетъ принято къ напечатанію. Нѣчто подобное случилось съ самимъ Вуттке. Читая много дней сряду разукрашенный разказъ о засѣданіяхъ какого-то про-

* См. Sacher-Masoch. *Über den Werth der Kritik, Erfahrungen und Andeutungen.*

мышленнаго общества, на которыхъ онъ самъ случайно присутствовалъ, онъ пожелалъ раскрыть публицѣ дѣйствительное положеніе дѣла, написалъ статью и далъ ее для напечатанія своему пріятелю, редактору газеты, который обѣщалъ что статья появится на другой же день. Каково же было удивленіе ихъ обоихъ когда въ обѣщанномъ номерѣ статьи не оказалось! Пошли за справками и узнали что содержатель типографіи самопроизвольно выпустилъ ее, на томъ основаніи что онъ получаетъ иногда заказы отъ того промышленнаго общества и боится потерять выгодную практику въ случаѣ напечатанія неблагопріятной для него статьи.

Второе средство хотя и гораздо дѣйствительнѣе перваго, но за то и опаснѣе, при существованіи закона преслѣдующаго *диффамацию*, то-есть сообщеніе слуховъ, извѣстій, фактовъ изъ жизни какого-либо лица, могущихъ нанести ущербъ его доброму имени, подорвать его кредитъ. Диффамационный искъ, при которомъ обвиняемый не допускается къ доказательству своихъ обвиненій, есть любимое средство не защиты, а нападенія, для такихъ личностей для коихъ честь, о которой они такъ часто кричатъ, составляетъ одно лишь пустое слово. Послѣдствіемъ такого иска бываетъ почти всегда осужденіе обвиняемаго. Вуттке приписываетъ это тому что въ подобныхъ случаяхъ судьями являются коронные юристы, которые, будучи связаны буквой закона, принуждены весьма часто произносить приговоры противъ совѣсти.

Приведемъ случай разказанный Вуттке въ его книгѣ. Въ одномъ кружкѣ литераторовъ шла рѣчь о несостоятельности критическаго отдѣла газетъ, о злоупотребленіяхъ театральныя рецензентовъ, которые за деньги готовы писать что имъ ни прикажешь. Одинъ изъ присутствующихъ вызвался написать статью обвинительнаго содержанія, посвятить публицѣ тайны составленія газетныхъ рецензій, и подвергнуть статью предварительно разсмотрѣнію кружка. Дѣйствительно, онъ исполнилъ свое обѣщаніе. Не называя ни мѣстъ, ни лицъ, онъ съ крайнею осторожностью описалъ въ общихъ чертахъ существующіе въ Германіи порядки, и, между прочимъ, разказалъ извѣстный ему случай какъ одинъ рецензентъ получилъ въ подарокъ золотыя часы отъ мужа одной актрисы которую до того времени ругалъ на чемъ свѣтъ стоитъ, а съ тѣхъ поръ сталъ превозносить. Обвиненія, какъ видите, весьма неопредѣленныя, и трудно было бы подумать что

го-нибудь пожелаетъ въ этомъ портретѣ узнать себя. Однако это случилось. Явился нѣкій X который заявилъ убащлю въ своей газетѣ что именно его оскорбили назаніемъ взяточника, такъ какъ дѣйствительно мужъ одной берлинской актрисы подарилъ ему золотые часы, но все не въ видѣ взятки, а въ видѣ вознагражденія за акія-то прежнія, неизвѣстныя никому, услуги. Мало того, зъ представилъ письменное удостовѣреніе отъ другой актрисы что она ему дала золотой, безъ всякой задней мысли, а въ уплату за предоставленное ей право пролѣть рчиненный рецензентомъ романъ. Вооруженный такими вскими доказательствами своей нравственной неприкосновенности, оскорбленный рецензентъ, при первой встрѣчѣ съ юимъ изобличителемъ, презрительно плюнулъ ему подъ ги и началъ противъ него уголовное преслѣдованіе въ оффамаціи. Обвиняемый отрицалъ сначала что онъ оскорилъ рецензента, и требовалъ чтобъ ему доказали что онъ гѣлъ въ виду именно его. На это судъ не согласился и, наоборотъ, потребовалъ чтобъ обвиняемый указалъ съ кого зъ снималъ портретъ въ своей статьѣ. Въ концѣ концовъ, виняемый сознался что имѣлъ въ виду истца, и судъ, не глашаясь на просьбу его о вызовѣ свидѣтелей, призналъ о виновнымъ и приговорилъ къ денежному взысканію во 0 талеровъ и къ уплатѣ $\frac{2}{3}$ судебныхъ издержекъ: осталью треть пришлось заплатить самому рецензенту, въ наказаніе за левокъ. Куріознѣе всего то что разбиравшій дѣло дья неоднократно повторялъ обвиняемому: „А вамъ-то кае дѣло если онъ взятки беретъ?“ Даже самая громкая ретациа не спасаетъ въ подобныхъ случаяхъ отъ обвинильнаго приговора. Извѣстный докторъ Бокъ, авторъ мнохъ гигиеническихъ сочиненій, пострадалъ такимъ образомъ то что написалъ въ журналѣ *Gartenlaube* статью противъ ной газеты помѣщавшей объявленія о какихъ-то лотаеиыхъ медицинскихъ средствахъ, вредныхъ для здоровья. Побныхъ примѣровъ можно привести десятки.

Многіе промышленники, театральные директоры, издатели вели въ своихъ счетныхъ книгахъ особую рубрику подъ енемъ *расходоы на печать*, чего не слѣдуетъ смѣшивать съ сходами на рекламы, о которыхъ будетъ рѣчь въ послѣдвіи. Расходы эти бываютъ самые разнообразныя. Въ Берли, напримѣръ, г. Гельдъ (Held), редакторъ *Staatsbürgerzeitung*,

къ Рождеству получилъ однажды поздравительную записку отъ директора Фридрихъ-Вильгельмштадтскаго театра, съ приложеніемъ кредитки въ 50 талеровъ. Будучи изумленъ такою любезностью, онъ спросилъ что обозначаетъ подобное приношеніе. Ему объяснили что всѣ берлинскія театральныя дирекціи имѣютъ обыкновеніе посылать рецензентамъ маленькіе подарочки къ Рождеству, какъ бы въ вознагражденіе за необходимые расходы которые имъ приходится дѣлать на дрожки, туалетъ, и т. д., тогда какъ они посвящаютъ театръ не для собственнаго удовольствія. Есть еще и другой, болѣе тонкій способъ расположить газету въ пользу театральной дирекціи, онъ состоитъ въ слѣдующемъ. Театральный антрепренеръ абонируется на всѣ мѣста газеты, имѣющія театральный отдѣлъ, притомъ же подписывается не на одинъ экземпляръ, а на 50, 75, даже на сотню. И вотъ газеты наполняются похвалами театральной дирекціи, онъ выставляютъ на видъ ея рвеніе, превосходный составъ труппы, выборъ пьесъ, законченность исполненія, и т. д. Захочетъ директоръ отдѣлаться отъ какого-либо негоднаго ему актера, онъ шепнетъ словечко редактору. Вздумается ли директору дешево пригласить лѣвицу которая при первомъ дебютѣ не поправила публичкѣ, онъ обращается къ рецензенту, и тотъ начинаетъ восторгаться голосомъ, игрой, осмысленностью музыкальнаго выраженія, колоратурной способностью новой лѣвицы. Публика, въ большей части случаевъ, принимаетъ брань и похвалы за чистыя деньги, и въ концѣ-концовъ дѣлаетъ своими фаворитами тѣхъ изъ артистовъ которыхъ неустанно хвалить знающій свое дѣло рецензентъ.

II.

Германія всегда славилась своими критическими журналами. Еще въ прошломъ столѣтіи было нѣсколько подобныхъ журналовъ, отличавшихся добросовѣстностью, основательностью, даже педантичностью своихъ статей. Особеннымъ уваженіемъ пользовалась *Allgemeine Literatur Zeitung*, издаваемая Шютцемъ въ Йенѣ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія эта газета, вслѣдствіе переселенія редакціи въ городъ Галле, распалась на двѣ части: образовались изъ ея сотрудниковъ двѣ газеты, *Jenaische* и *Gallesche*

gemeine Litteratur Zeitung. Но и этими двумя библиографическими органами не удовлетворялись потребности германского читающаго міра. Для ученой критики возникъ цѣлый рядъ періодическихъ изданій при университетахъ, въ Мюнхенѣ, Берлинѣ, Гейдельбергѣ, Геттингенѣ, Лейпцигѣ; для литературной, беллетристической критики центромъ сдѣлался Инцигъ, гдѣ извѣстный Брокгаузъ сталъ издавать еженеельный журналъ подъ названіемъ *Blätter für litterarische terhaltung*. При этомъ надо замѣтить что ни одинъ изъ важныхъ журналовъ не становился органомъ какой-либо партіи, а напротивъ того, ставилъ себя въ обязанность докладывать читателямъ безпристрастную, объективную оцѣнку важныхъ новинокъ въ области литературы. Не ранѣе конца двадцатыхъ годовъ, появляется первый журналъ подвергающій разсмотрѣнію литературу съ точки зрѣнія заранѣе принятой теоріи: то былъ журналъ *Jarbücher für wissenschaftliche itik*, основанный въ 1827 году кружкомъ берлинскихъ профессоровъ, находившихся подъ исключительнымъ вліяніемъ гегелевской философіи. Съ тѣхъ поръ чисто объективная критика съ каждымъ днемъ становится рѣже и рѣже отечествѣ Лессинга. Остановимся нѣсколько долѣе на ввненіи критическихъ приѣмовъ добраго стараго времени приѣмами современныхъ рецензентовъ.

Упомянутая выше литературная газета издававшаяся въ Берлинѣ имѣла свои особые статуты, изъ которыхъ особенно вниманія заслуживаетъ слѣдующее, обязательное для всѣхъ сотрудниковъ, постановленіе. „Ни одинъ изъ ученыхъ сотрудниковъ газеты не имѣетъ права рецензировать въ ней чуждыя сочиненія, сочиненія своихъ друзей, такихъ друзей съ которыми онъ состоитъ въ отношеніяхъ могущихъ вліять на его обсужденіе или дать поводъ залозорить его пристрастію. Сотрудникъ обязуется отказываться отъ рецензій если редакторомъ будетъ предложено ему, по названію, обсужденіе такихъ книгъ съ сочинителями которыхъ онъ состоитъ въ упомянутыхъ отношеніяхъ. Отказъ допускается въ томъ случаѣ когда рецензентъ чувствуетъ себя оскорбленнымъ критическими статьями автора о его произведеніяхъ, или сочиненіяхъ его друзей.“ Сотрудниками критическихъ газетъ въ прежнее время бывали извѣстнѣйшіе ученые, какъ-то: Шаоссеръ, Варкѣнигъ, Ранке, Гриммъ, и т. д.

люди на сужденіе которыхъ можно было смѣло полагаться. Сотрудники получали приличное вознагражденіе за свои труды. Сорокъ таллеровъ за критическую статью была для того времени весьма высокая плата, а между тѣмъ при тогдашнихъ условіяхъ можно было легко получить столько, такъ какъ хотя за печатный листъ платили три золотыхъ (около 20 таллеровъ), но не стѣсняли въ размѣрѣ статьи, какъ это принято дѣлать телеръ во многихъ журналахъ. За послѣдніе двадцать лѣтъ произошли коренныя перемѣны въ дѣлѣ критической литературы. Мало-по-малу критическіе спеціальныя журналы стали терять подписчиковъ и сотрудниковъ, и вслѣдствіе недостатка матеріальныхъ средствъ принуждены были прекращать свое существованіе. Началось это въ сороковыхъ годахъ, вслѣдствіе того что около того времени вниманіе публики болѣе стало сосредоточиваться на событіяхъ политическихъ; прежде въ южно-германской печати а затѣмъ и въ сѣверной критика окончательно переселилась въ политическія газеты. Изъ всего числа прежнихъ критическихъ журналовъ сохранился только *Blätter für literarische Unterhaltung*. Кромѣ того въ Лейпцигѣ есть другое предпріятіе подобнаго рода: *Litteralisches Centralblatt*, издаваемое профессоромъ Цорнке, пользующеся малою извѣстностью. Какъ же ведутъ свои дѣла оба журнала? На это Вуттке отвѣчаетъ очень обстоятельно, имѣя въ своемъ распоряженіи дѣльную массу данныхъ. Первый платитъ сотрудникамъ отъ 12 до 16 таллеровъ за печатный листъ, что составляетъ три или четыре пфенига за строчку (около 1 копѣйки). Если рецензія занимаетъ цѣлый столбецъ журнала, то автору приходится за свой трудъ около талера. Прибавьте еще къ тому что такіе длинныя рецензій почти никогда не бываетъ, такъ что рѣдко статья приноситъ рецензенту болѣе 15—20 грошей. За эту плату рецензенту приходится прочесть цѣлый томъ, а иногда и нѣсколь'ко томовъ, и въ нѣсколькихъ строкахъ привести итогъ всему читанному, указать то мѣсто которое занимаетъ рецензуемое сочиненіе среди подобныхъ же литературныхъ произведеній. Чѣмъ короче рецензія, тѣмъ, очевидно, труднѣе ее составить, предполагая что отъ рецензента требуется указаніе на достоинства и недостатки разбираемаго сочиненія. Между тѣмъ трудно допустить чтобы чело-вѣкъ обладающій необходимымъ запасомъ свѣдѣній и лите-

натурнымъ талантомъ согласился писать рецензіи по талеру за *штуку*? Одинъ нѣмецкій журналистъ, докторъ Готшалъ, проверяя нѣкоторые выводы Вуттке, между прочимъ говоритъ что по большей части критическія статьи лишутся такими людьми которые и безъ того познакомились бы съ разбираемыми ими книгами. Этимъ, по его мнѣнію, совершенно игнорируется минимая непропорціональность между трудомъ и вознагражденіемъ. Но плата приведенная нами настолько низка что не можетъ быть признана достойнымъ вознагражденіемъ за одинъ физическій трудъ написать сотню строкъ. По справедливому замѣчанію Вуттке, она не заслуживаетъ названія гонорарія, а скорѣе смахиваетъ на обычный въ рабочемъ мірѣ „на часекъ“. Точно также платитъ сотрудникамъ и журналъ *Magazin für die Litteratur des Auslandes*.

Еще выгодаѣ устроилъ свои дѣла докторъ Цорнке. Повидимому онъ нѣсколько щедрѣ своихъ конкурентовъ, но за то онъ придумалъ маленькую хитрость, объявивъ своимъ сотрудникамъ что онъ полагаетъ максимумъ для рецензіи во 120 строкъ, что соотвѣтствуетъ гонорарію въ два талера. Никому не воспрещается посылать и болѣе длинныя статьи. Цорнке предпочитаетъ ихъ весьма охотно, но платитъ лишь за первыя 120 строкъ, остальное же печатается безвозмездно. Вуттке приводитъ куріозную таблицу статей заключающихся въ одномъ изъ номеровъ журнала Цорнке, выбраннымъ на удачу собственно говоря онъ выбранъ не совсѣмъ на удачу, такъ какъ содержитъ весьма вѣдную статью направленную противъ самого Вуттке). Въ этомъ номерѣ разбираются двадцать сочиненій. Первая статья, нѣчто въ родѣ передовой, заключаетъ въ себѣ 310 строкъ, слѣдовательно по тактѣ, автору, одному лейпцигскому профессору, пришлось 2 талера за первыя 120 строкъ, а за остальныя 190 ни единого гроша. За нимъ слѣдуютъ девятнадцать статей занимающія отъ девяти до 107 строкъ. Такимъ образомъ по расчету Вуттке выходитъ что гонорарій статьи колеблется въ слѣдующихъ предѣлахъ: отъ 1 талера 23¹/₂ грошей (за 107 строкъ) и до 4¹/₂ грошей (за 9 строкъ). При этомъ въ числѣ разбираемыхъ книгъ не мало было фолиантовъ въ 700, 750 и даже 1.260 страницъ, появляющихся не вторымъ изданіемъ, а впервые.

Очевидно что два, три спеціальныя критическія журнала далеко не могутъ удовлетворять потребностямъ публцики. По

этому-то критика пріютилась, вопервыхъ, въ ученыхъ периодическихъ изданіяхъ, недоступныхъ большинству читающей публики, а вовторыхъ, въ ежедневныхъ политическихъ газетахъ. Надо сознаться что послѣднее послужило во вредъ и самой критикѣ и газетамъ, для которыхъ явилась новый источникъ искушеній. Прослѣдимъ за процессомъ составленія критическаго отдѣла въ современныхъ германскихъ газетахъ. Прежде всего замѣтимъ что въ Германіи за послѣднее время появляется въ свѣтъ ежегодно масса книгъ. Изъ этой массы, конечно, лишь нѣкоторыя заслуживаютъ вниманія. Следовательно необходимо сдѣлать выборъ, рѣшить какія книги достойны упоминенія въ газетѣ, а для этого требуется, во-первыхъ, знаніе дѣла, а вовторыхъ, много времени. Редакторъ газеты не имѣетъ обыкновенно ни того ни другаго. Будучи заваленъ дѣлами, огромною перепиской, политическимъ отдѣломъ, счетовою частью и тому подобными занятіями, онъ не можетъ удѣлять и часа времени на разсмотрѣніе книгъ вышедшихъ, положимъ, за послѣднюю недѣлю. Но хотя бы у него и было достаточно времени, онъ не въ состояніи за это приняться. Положимъ, онъ знаетъ толкъ въ политической экономіи, въ исторіи, въ литературѣ; но какъ же онъ будетъ поступать по отношенію къ книгамъ по части законовѣдѣнія, богословія, филологіи, педагогіи, естественныхъ наукъ, стратегіи, математики и т. д.? Самое простое средство было бы имѣть особыхъ рецензентовъ-спеціалистовъ для каждой части. Но это средство, при всей своей простотѣ, имѣетъ одно неудобство, дѣлающее его совершенно негоднымъ для большей части редакцій—дороговизну. При современномъ направленіи печати, при стремленіи къ быстрой наживѣ, нельзя отдать чтобы редакціи тратили много на критическій отдѣлъ. Напротивъ того, они стремятся превратить его въ доходную статью, и вужно признаться что имъ удалось это блестящимъ образомъ, при помощи слѣдующихъ не хитрыхъ маневровъ. Издатели имѣютъ обыкновеніе посылать въ редакцію по экземпляру печатаемыхъ у нихъ книгъ еще до выхода ихъ въ свѣтъ; экземпляры эти носятъ техническое названіе *рецензионныхъ*, и составляютъ собственность редакціи, которая получивъ книги поручаетъ своему присланному критику перечестъ ихъ, если у него на то есть время и главнымъ образомъ, написать по нѣскольку строкъ о каждой изъ нихъ. При этомъ ему ставится въ обязанность не

очень увлекаться, то-есть не позволять себѣ рѣзкихъ отзывовъ о рецензируемыхъ книгахъ. Дѣлается это для того чтобы не оскорбить издателя и не побудить его приостановить выгодную для редакціи присылку. Выгода же заключается въ томъ что редакціи даромъ достается матеріалъ для критическихъ статей, который иначе приходилось бы покупать дорогою цѣной; нужды нѣтъ при томъ что издатель присылаетъ не то что заслуживаетъ вниманія публики, но то что наиболѣе нуждается въ луссированіи. Отъ рецензионныхъ экземпляровъ редакторъ имѣетъ прямой доходъ, продавая ихъ съ аукціона въ концѣ года; такимъ образомъ можно выручить 200 или 300 талеровъ, а большія газеты выручаютъ и большія суммы *Аугсбургская Всеобщая Газета*, критическій отдѣлъ которой, всегда отличался полнотой и добросовѣстностью, печатаетъ ежемѣсячно списки присылаемыхъ ей книгъ отъ издателей и авторовъ. Мы имѣли терпѣніе съ карандашомъ въ рукахъ дѣлать приблизительный расчетъ стоимости этихъ книгъ за одинъ мѣсяцъ. Оказалось что книгъ прислано было примѣрно на 800 талеровъ. Предполагая что каждый мѣсяцъ въ году приносить столько же, принимая во вниманіе что при продажѣ съ аукціона современныхъ сочиненій всегда можно выручить 30—40 процентовъ съ номинальной цѣны, мы приходимъ къ заключенію что *Аугсбургская Всеобщая Газета* должна имѣть около тысячи талеровъ барыша отъ рецензионныхъ экземпляровъ. За исключеніемъ первоклассныхъ газетъ, вездѣ критическій отдѣлъ поручается веденію одного сотрудника, которому назначается при томъ самое скудное вознагражденіе. Такимъ образомъ выходитъ что книгу медицинскаго содержанія рецензируетъ человекъ не имѣющій отдаленнѣйшаго понятія о медицинѣ, что за разборъ сочиненія по финансовой части берется человекъ не имѣющій яснаго понятія что такое *регалия* въ финансовомъ смыслѣ сего слова (такой фактъ извѣстенъ намъ изъ собственнаго опыта). Одинъ нѣмецкій профессоръ, къ которому приходилъ за совѣтомъ молодой критикъ жалующійся на крайнее утомленіе причиняемое усидчивымъ чтеніемъ разбираемыхъ книгъ, присеріозно говорилъ ему: „Это вы слишкомъ основательно дѣлаете; надо умѣть работать съ такою скоростью какъ женщины чулокъ вяжутъ.“ Вуттке разказываетъ по этому поводу слѣдующій анекдотъ: „Нѣкій Элизенъ встрѣтилъ однажды одного извѣстнаго журналиста

Т, и началъ съ жаромъ доказывать ему какъ несправедливъ былъ его отзывъ о недавно вышедшемъ сенсационномъ сочиненіи. „Могу васъ увѣрить,“ отвѣчалъ ему Т, „я былъ безпристрастнымъ судьей: я вовсе не читалъ книги о которой вы мнѣ говорили.“

Подобно тому какъ многіе редакторы находятся въ известной зависимости отъ театральныя дирекцій, точно такъ часто бываетъ что они находятся подъ вліяніемъ богатой издательской фирмы. До известной степени всѣ газеты испытываютъ на себѣ подобную зависимость вслѣдствіе присылки даровыхъ рецензионныхъ экземпляровъ, какъ мы говорили выше. Но нѣкоторыя, болѣе ловкія, газеты не только избегаютъ подобной зависимости, но наоборотъ, захватываютъ въ свои лапы издателей и уже не выпускаютъ ихъ не выжавши сока. *Шпенерова Газета* считалась одной изъ лучшихъ берлинскихъ, и имѣла тѣмъ болѣе важности что она составляла ежедневное чтеніе короля Прусскаго (что не спасло ея, впрочемъ, отъ преждевременной смерти). Эта самая *Шпенерова Газета* разсылала въ мартѣ 1874 года слѣдующій циркуляръ ко всѣмъ германскимъ издателямъ, за подписью собственника газеты, Гейберга. „Имѣю честь переслать вамъ при семъ номерѣ литературнаго приложенія къ *Шпенеровой Газетѣ*, появляющагося разъ въ три недѣли. Осмѣливаюсь просить васъ чтобы, познакоившись съ нимъ, вы потрудились высылкой новинокъ вашего изданія и обращаете ваше вниманіе на то обстоятельство что въ вашихъ интересахъ давать намъ къ напечатанію ваши объявленія одновременно съ помѣщеніемъ рецензій объ объявляемыхъ книгахъ. Изобиліе новыхъ произведеній литературы служитъ достаточнымъ оправданіемъ нашего обыкновенія рецензировать *такія только книги о которыхъ въ нашей газетѣ помѣщаются объявленія.*“ Къ циркуляру приложена была вполнѣ изготовленная форма для заказа подобныхъ объявленій, на которыхъ редакція обѣщала сдѣлать 25% уступки. Стоило только выдать заглавіе книги, число, и подпись, и за снѣгъ можно было разчитывать на свисходительное обсужденіе книги въ прогрессивномъ органѣ доктора Брауна. Нѣтъ никакого сомнѣнія что другія газеты давно усвоили себѣ этотъ приемъ, и издателямъ не остается ничего болѣе дѣлать какъ подчиниться любезнымъ приглашеніямъ въ родѣ письма

г. Гейберга. Неминуемымъ послѣдствіемъ этого бываетъ то что издатели изъ кожи лѣзутъ чтобы пробить дорогу книгамъ посредственнымъ, надѣясь что хорошая вещь и безъ того будетъ оцѣнена по достоинству. Но эта надежда оказывается несостоятельною. Научная критика не имѣетъ особыхъ органовъ и не допускается на газетныхъ столбцахъ; въ свою очередь, газетные рецензенты обращаютъ вниманіе исключительно на то что имъ доставляютъ издатели, и такимъ-то образомъ выходитъ что часто газеты игнорируютъ самыя замѣчательныя произведенія науки и литературы. Вуттке указываетъ на *Исторію Греціи* Кертума, на сборникъ лекцій по части исторіи Нибура, на дополнительные томовъ написанныхъ Шлоссеромъ къ новому изданію его *Всемирной Исторіи*, какъ на сочиненія не удостоившіяся никакого отзыва со стороны печати.

Одновременно съ паденіемъ критики въ Германіи произошло еще другое явленіе въ области печати, а именно значительное поднятіе беллетристики. Такъ какъ разсмотрѣніе той части періодической печати не входитъ въ нашу программу, то мы ограничимся приведеніемъ лишь нѣсколькихъ цифръ, рекомендуя желающимъ познакомиться поближе съ этимъ вопросомъ четвертую главу книги Вуттке. Чрезвычайное распространеніе беллетристическихъ журналовъ заслуживаетъ вниманія какъ признакъ времени не говорящій въ пользу ежедневной печати, до извѣстной степени конкурирующей съ беллетристическими журналами при помощи фельетона, особыхъ приложений и т. д. Для сравненія приведемъ нѣсколько цифръ относящихся къ изданіямъ того и другаго рода. Во всей Германской Имперіи имѣется лишь 13 газетъ въ 10—20.000 подлищиковъ; всего шесть газетъ имѣютъ 20—30.000 подлищиковъ, и лишь двѣ имѣютъ еще большее число подлищиковъ, а именно *Кельнская Газета* (32.000) и ерлинская *Volks-Zeitung* (35.000). Сравните съ этимъ распространеніе беллетристическихъ журналовъ. Первое мѣсто занимаетъ *Gartenlaube*, печатаемая въ количествѣ 460.000 (цифра та относится къ концу 1873 года). За ней слѣдуетъ *Illustrierte Familienzeitung* и *Chronik der Zeit*, имѣющія по 200.000 подлищиковъ каждая; *Über Land und Meer* (140.000), *Bazar* (40.000), *Daheim* (80.000), *Kladderadatsch* (50.000), ганверскій *mnibus* (48.000) и т. д. Однимъ словомъ, за послѣдніе 20 лѣтъ беллетристическіе журналы удесятирили число подли-

щиковъ, вслѣдствіе чего въ собственныхъ интересахъ значительно повысилъ гонорарій своихъ сотрудниковъ. Теперь немислимо чтобы такой талантливый писатель какъ Гаке за *пятнадцать* томовъ романовъ получалъ всего 630 талеровъ. Благодаря громадному числу журналовъ можно печатать нѣсколько разъ тотъ же самый разказъ и, напримеръ, новеллы Фридриха дѣйствительно проходятъ черезъ 70—80 журналовъ и приносятъ автору весьма изрядный доходъ.

III.

Читающимъ нѣмецкія газеты вѣроятно не разъ приходится дѣлать замѣчанія что во многихъ изъ нихъ помѣщаются тѣ же самыя статьи и что тождество этихъ статей относится не до содержанія только, но и до внѣшней формы изложенія. Прежде всего приходитъ въ голову что это безцеремонное заимствование одной газеты отъ другой, но при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи подобное предположеніе оказывается несостоятельнымъ. Вопервыхъ, часто случается что въ одинъ и тотъ же день въ газетахъ издаваемыхъ на различныхъ концахъ Германіи печатается слово въ слово то же самое, а во вторыхъ, въ каждой газетѣ статья помѣчена особымъ знакомъ, кружкомъ, звѣздочкой, треугольникомъ, что указываетъ на самостоятельное ея происхожденіе изъ пера особаго корреспондента. Изъ этого становится ясно что для данныхъ газетъ существуетъ общій источникъ изъ котораго почерпаются извѣстія съ правомъ выдавать ихъ за произведеніе собственныхъ сотрудниковъ. Дѣйствительно подобный источникъ существуетъ, но благодаря тайнѣ въ которую его облачаютъ, лишь немногіе подозреваютъ о его существованіи. Такимъ источникомъ служатъ *литтографическія корреспонденціи*, краткій очеркъ историческаго развитія которыхъ мы и собираемся представить читателямъ на основаніи любопытныхъ данныхъ собранныхъ Вуттке въ его сочиненіи. Первый опытъ изданія подобнаго корреспонденцій сдѣланъ былъ въ Германіи послѣ июльской революціи. Нѣкій докторъ Зингеръ, ловкій журналистъ изъ Бадена, возымѣлъ мысль издавать совершенно частнымъ образомъ маленькую газету спеціально для германскихъ дипломатовъ. Чтобы избѣгнуть цензуры онъ не печаталъ своихъ

сообщеній, а придавъ имъ форму писемъ, которыя и обязался доставлять въ извѣстные сроки за весьма значительную сумму. У него набралось всего 23 подлищика (въ числѣ ихъ князь Меттернихъ), и какъ говорятъ послыавшіяся имъ сначала изъ Мангейма, а потомъ изъ Страсбурга письма были чрезвычайно интересны, такъ какъ сообщали много такого, чѣмъ печатныя газеты не могли и заикнуться, благодаря цензурнымъ строгостямъ. Впрочемъ вскорѣ послѣ того Зингеръ прекратилъ свою корреспонденцію, такъ какъ по окончаніи волненій во Франціи, Бельгіи и Польшѣ, жажда полученія неизданныхъ политическихъ извѣстій замѣтно уменьшилась. Однако примѣръ данный Зингеромъ подѣйствовалъ, и уже въ 1832 году бундестагъ всѣ свои мѣропріятія относительно книгопечатанія и періодической прессы распространилъ и на литографическія произведенія. Такимъ образомъ литографическія корреспонденціи были на время парализованы въ Германіи, и при помощи предприимчивыхъ журналистовъ еврейскаго происхожденія перенесены были на болѣе удобную почву, во Францію. Нѣкто Бернштейнъ основалъ въ Парижѣ въ 1832 году литографированную *Correspondance Garnier*, которая настолько понравилась Лудовику-Филиппу, что онъ послѣднимъ прибравъ къ рукамъ это удобное орудіе для подчиненія французской прессы. За 600 франковъ въ годъ корреспонденція разсылалась въ редакціи различныхъ газетъ, доставляла выдержки изъ всевозможныхъ газетъ и обсужденіе вопросовъ дня въ духѣ угодномъ правительству. Мало-по-малу возникли и другія предпріятія подобнаго же рода, изъ коихъ корреспонденціи Гаваса и Бюлье играли и играютъ до сихъ поръ самую важную роль. Нѣмецкія газеты еще въ тридцатыхъ годахъ стали выписывать французскія литографированныя корреспонденціи, при полученіи которыхъ можно было не абонироваться на цѣлую массу французскихъ газетъ. Въ свою очередь, Бернштейнъ, дорожа своими нѣмецкими подлищиками, придумалъ для нихъ новое облегченіе и сталъ издавать сначала прибавленія на нѣмецкомъ языкѣ, а потомъ и особенную нѣмецкую корреспонденцію подъ именемъ *Correspondance Allemande*, существующую до сихъ поръ при агентствѣ Гаваса-Бюлье. Въ сороковыхъ годахъ завелась нѣмецкія корреспонденціи въ Брюссель и Лондонъ, и наконецъ настало время для самой Германіи воспользоваться въ полномъ объемѣ выгодами и

невыгодами собственнаго изобрѣтенія. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Франкфуртскому парламенту 1848 года, и въ частности такъ-называемой партіи центра, которая для распространенія своихъ тенденцій стала разсылать газетамъ литографическую корреспонденцію по весьма умирной цѣнѣ. Противоположная партія, желавшая объединенія всей Германіи въ федеративной формѣ послѣдшила издавать съ той же цѣлью свой органъ, подъ редакціей Вуттке. Все это были лишь временныя учрежденія, но они не прошли безслѣдно въ томъ отношеніи что съ тѣхъ поръ литографированная корреспонденція приобрѣла право гражданства въ Германіи и расплодилось до безконечности. При каждомъ необыкновенномъ случаѣ, при открытіи какого-либо конгресса или съѣзда, при началіи войны, устраиваются подобныя корреспонденціи, обыкновенно редактируемыя въ интересахъ какой-либо партіи. Такова была корреспонденція издаваемая Фрейтагомъ въ Гатѣ въ 1864 году, въ интересахъ герцога Аугустенбургскаго; таковъ же былъ характеръ Эраангенской корреспонденціи издаваемой въ 1865 году прогрессивною партіей для привлеченія южной Германіи къ союзу съ Пруссіей противъ Австріи. Съ подобною же цѣлью основалъ Братеръ въ 1867 году *Нюрнбергскую Литографическую Корреспонденцію*, которая однако вовсе не послужила къ примиренію Юга съ Сѣверомъ и въ скоромъ времени перешла въ руки баварскихъ предпринимателей. Во время послѣдняго польскаго возстанія, тамошніе вожаки рѣшили завести въ западной Европѣ особую литографированную корреспонденцію для снабженія иностранныхъ газетъ *достоверными* извѣстіями о судьбахъ возстанія. Дѣйствительно, они учредили въ Вѣнѣ особое *дипломатическое* агентство, а графъ Платеръ сталъ издавать въ Цюрихѣ особую корреспонденцію. Попытка завести нѣчто подобное въ Лейпцигѣ не удалась польской эмиграціи. Кромѣ подобныхъ временныхъ корреспонденцій, существуетъ еще большое число постоянныхъ, изъ которыхъ мы уломяемъ лишь о главныхъ, имѣющихъ наибольшее вліяніе на нѣмецкую печать. Центръ литографической журналистики составляетъ съ начала шестидесятыхъ годовъ Берлинъ. Каждая партія имѣетъ тутъ свой органъ, иныя даже по нѣскольку органовъ, разсылаемыхъ по всей Германіи и Австріи. Особенно извѣстностью пользуется

я либеральная корреспонденція издаваемая докторомъ Авшерштейномъ и Штейницемъ. Другая корреспонденція, издаваемая Штерномъ, находится съ недавняго времени и въ тѣсной связи съ редакціей *Сѣверо-Германской Всѣобщей Газеты*, слѣдовательно, имѣетъ характеръ офиціозный. Третья служитъ органомъ феодальной партіи, и редактируется Цейдлеромъ. Кроме того, есть еще *Берлинская національно-либеральная автографическая корреспонденція* и двѣ корреспонденціи имѣющія спеціальною обязанностью сообщать отчетъ о засѣданіяхъ ландтага и рейхстага. Иностранныя свѣсті почерпаются нѣмецкими газетами изъ четырехъ корреспонденцій: изъ парижской Гавасъ-Бюлье, изъ лондонской издаваемой извѣстнымъ Максомъ Шлезингеромъ, изъ австрійской *Корреспонденціи*, издаваемой въ Вѣнѣ и содержащей спеціально извѣстія изъ Италіи и Востока, и, наконецъ, изъ Гамбургской, занимающейся преимущественно выиманіемъ сока изъ скандинавскихъ и датскихъ газетъ.

Прусское правительство первоначально не обращало вниманія на существованіе автографическихъ корреспонденцій. Но когда во время извѣстнаго конфликта при помощи этихъ корреспонденцій національно-либеральная партія стала весьма мѣлжно агитировать во всей странѣ противъ правительства, тогда рѣшено было подвергнуть автографированные органы имъ же ограниченіямъ какія установлены были для періодической печати, т. е. главнымъ образомъ штемпельному налогу и залогамъ. Въ 1864 году Цейдлерова корреспонденція была присуждена къ уплатѣ денежнаго штрафа за изданіе съ предварительнаго внесенія залоговъ, и этотъ приговоръ былъ признанъ правильнымъ кассационнымъ судомъ. Но не въ прусскіе суды подчинились взгляду кассационнаго суда, даже въ самомъ Берлинѣ упомянутый нами Штернъ былъ оправданъ по обвиненію въ неплатежѣ штемпельнаго налога. Въ настоящее время подобный споръ не можетъ имѣть мѣста, къ какъ по новому закону о печати 1874 года постановленія сего закона не распространяются на сообщенія воспроизводимыя путемъ механическимъ или химическимъ, если сообщенія эти предназначаются для однихъ только газетныхъ редакцій. Поэтому въ каталогъ періодическихъ изданій которыя можно выписывать черезъ Берлинскій почтамтъ, каталогъ обнимаетъ слѣдующее количество названій, не

помѣщена ни одна изъ литографическихъ корреспонденцій, какъ не предназначенныхъ для публики.

Легко себѣ представить какую выгоду представляютъ литографическія корреспонденціи редакціямъ газетъ средней руки. Правда, онѣ стоятъ дорого (отъ 6 до 20 талеровъ въ мѣсяцъ, а *Correspondenz Havas-Bulier* 600 франковъ въ годъ), но тѣмъ не менѣе онѣ троякимъ образомъ служатъ къ сокращенію расходовъ. Прежде всего, дѣлается совершенно излишнимъ получать такое число газетъ безъ которыхъ прежде невозможно было обойтись. Вторыхъ, получая иностранныя корреспонденціи редакціи не имѣютъ надобности дѣлать расходы для перевода иностранныхъ извѣстій на нѣмецкій языкъ. Третьихъ, является возможность обходиться безъ особыхъ, постоянныхъ корреспондентовъ не только за границей, но и въ городахъ собственнаго отечества. Литографическая корреспонденція даетъ массу матеріаловъ. Тамъ есть миниатюрныя передовыя статьи и хроника столичной жизни, театральныя обозрѣнія, биржевыя извѣстія, оригинальныя корреспонденціи изъ главныхъ европейскихъ городовъ, и заимствованія изъ всевозможныхъ газетъ, причѣмъ уже отъ каждой редакціи зависитъ указывать на источникъ или выставлять собственный знакъ. Наконецъ, есть даже вылежащій запасъ анекдотовъ и криминальныхъ исторій, переходящихъ обыкновенно изъ журнала въ журналъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ являющихся опять въ качествѣ новинокъ.* Притомъ по справедливости надо сказать что сама форма литографическихъ корреспонденцій выбрана очень удачно и упрощаетъ до крайности обязанности редактора. Представьте себѣ листъ бумаги большаго размѣра нежели обыкновенная газета. Листъ этотъ раздѣленъ на извѣстное число столбцовъ, а сообщенія и корреспонденціи литографируются такъ чтобъ и между отдѣльными извѣстіями оставалось пустое пространство шириной въ дюймъ. По полученіи корреспонденціи редактору остается просмотрѣть ее, вооружиться ножницами и вырѣзать тѣ статьи которыя ему кажутся болѣе подходящими, даже переписывать нѣтъ ни малѣйшей надобности. Для газетъ средней руки литографическія корреспонденціи составляютъ чуть

* Одинъ журналистъ сѣнъсь разказывалъ Вутке что онъ составилъ себѣ цѣлую коллекцію анекдотовъ и страшныхъ исторій, собственнаго измышленія, которыми и занимаетъ публику; когда же запасъ истощается, онъ опять начинается съ начала.

ни единственный источникъ извѣстій, и не будь они столько богаты содержаніемъ что каждая газета можетъ спользоваться лишь шестой или осьюмой долей всѣхъ сообщаемыхъ ими новостей, то всѣ нѣмецкія газеты (конечно за исключеніемъ большихъ) были бы похожи между собою какъ Сіамскіе близнецы. Теперь же, хотя сходство и есть, но далеко не такое поразительное какъ можно было думать. Вопервыхъ, у каждой есть свой самостоятельный истинный отдѣлъ, а вовторыхъ, многія пользуются услугами спеціальныхъ корреспондентовъ, съ тою только разницей отивъ прежняго что онѣ симъ послѣднимъ ничего не платятъ или же платятъ самую ничтожную цѣну. Литографическія корреспонденціи освободили газеты отъ той зависимости которой онѣ прежде находились отъ столичныхъ корреспондентовъ, заставлявшихъ платить себѣ по три, четыре гроша за строку. Теперь эти послѣдніе не могутъ быть особеннотребовательны, такъ какъ въ случаѣ крайности редакція жетъ обойтись и безъ ихъ услугъ, довольствуясь сообщеніями литографическаго листка. Большія газеты, въ родѣ *Кельмннй*, *Аугсбургской Всеобщей*, *Берлинской Народной* и т. д., имѣтъ до сихъ поръ повсюду собственныхъ постоянныхъ корреспондентовъ, и кромѣ того весьма часто высылаютъ спеціальныхъ, для описанія различныхъ празднествъ, событій выдающихся изъ уровня всенедневной жизни. Отъ послѣднихъ ебуется главнымъ образомъ литературный талантъ фельеннаго пошиба, условіе которому, впрочемъ, они весьма рѣдудовлетворяютъ. Тѣмъ не менѣе и эти органы прессы не гутъ въ настоящее время обходиться безъ помощи автоафическихкихъ корреспонденцій, хотя бы только для отчетвъ о засѣданіяхъ законодательныхъ собраній *. Обыкновенно же они пользуются ими въ гораздо большихъ размѣхъ, не столько въ видахъ экономіи, какъ для приданія газтѣ всесторонности.

Изъ всего сказаннаго видно что литографическія корреспонденціи, съ одной стороны, оказываютъ самыя существенныя услуги редакціямъ мелкихъ и среднихъ газетъ, а съ другой стороны, наносятъ серіозный ущербъ тому многочисленному въ Германіи классу который Риль называетъ *проле*

* Только одна *Кельмнская Газета* ищетъ спеціальнаго парламентскаго репортера въ Берлинѣ.

таріатомъ умственнаго труда, то-есть классу живущему литературными занятіями. Остается рѣшить вопросъ: выгодно ли для публики измѣненіе произведенное въ периодической прессѣ литографическими корреспонденціями? Прежде всего замѣтимъ что одновременное появленіе той же самой передовой статьи въ Келигсбергѣ и Мюнхенѣ не можетъ считаться большимъ вредомъ для публики, такъ какъ кругъ читателей въ обоихъ случаяхъ совершенно различный, а по всей вѣроятности немногимъ придется жаловаться что заплативъ за двѣ газеты приходится получать два экземпляра той же самой газеты. Нѣкоторые даже находятъ что въ подобныхъ случаяхъ литографическія корреспонденціи оказываютъ благотворное вліяніе, служа, такъ - сказать, къ объединенію общественнаго мнѣнія. * Съ подобнымъ взглядомъ можно было бы согласиться только въ такомъ случаѣ еслибы сами литографированныя корреспонденціи были образцовыми газетами. Но то что разказываетъ про нихъ Вуттке вовсе не служитъ для нихъ хорошею рекомендаціей. Редакторами ихъ состоятъ люди весьма неизвѣстные, сотрудники у нихъ нанимаются помѣсячно и исполняютъ чисто писарскія обязанности, выписывая изъ газетъ подчеркнутыя редакторомъ краснымъ карандашомъ мѣста. Передовыя статьи изводятся до возможно малой величины, соответственно потребностямъ мелкой прессы, корреспонденціи тоже, и во всякомъ случаѣ мы имѣемъ право сказать что невыгодныя стороны анонимности печати обнаруживаются здѣсь еще болѣе рельефно. Публика не въ состояніи контролировать литографическія корреспонденціи; она даже весьма рѣдко заботится объ ихъ существованіи, и сами редакціи пользующіяся ими не знаютъ чьи слова онѣ печатаютъ. Весьма ловлято что литографическая корреспонденція можетъ быть весьма могущественнымъ орудіемъ въ рукахъ завладѣвающаго ею. Во Франціи, какъ мы видѣли, еще во время июльской монархіи правительство завладѣло литографическими корреспонденціями, и до самаго послѣдняго времени не выпускало ихъ изъ рукъ. Извѣстно что агентство Гаваса, имѣющее кромя того телеграфную монополию во Франціи и контору обяза-

* Такъ думаетъ и Вуттке хотя самъ же раскрываетъ публикѣ глаза относительно несостоятельности и способа составленія литографическихъ корреспонденцій.

, отличалось яркимъ бонапартизмомъ. Въ Германіи правительство имѣло уже другія средства чтобы вліять на общественное мнѣніе (объ этихъ средствахъ будетъ рѣчь въ слѣдующихъ главахъ), а потому оно не пользовалось литографическими корреспонденціями, предоставляя ихъ національно-либеральной партіи, охотно подчиняющейся всѣмъ командамъ правительства. * Дѣйствительно, большая часть сѣверо-германскихъ газетъ отличается специфическимъ национально-либеральнымъ оттѣнкомъ, происходящимъ непосредственно отъ пользованія литографическими корреспонденциями и еще отъ другихъ причинъ, о которыхъ будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ. Теперь же, чтобы показать тотъ дѣлъ который могутъ принести литографическія корреспонденціи издаваемые въ узкихъ интересахъ какой-либо партіи, олять-таки воспользуемся примѣромъ приведеннымъ въ гдѣ Вуттке.

Въ Германіи существуетъ одно благотѣльное учрежденіе называемое *Schiller-Stiftung*; оно имѣетъ цѣлью вспоможеніе бѣднымъ литераторамъ, ихъ вдовамъ и сиротамъ. Здѣсь имѣющійся въ его распоряженіи довольно значительный, такъ что ежегодно расходуется отъ 13 до 15.000 талеровъ главный комитетомъ. Учредители фонда, выходя изъ справедливой мысли что право раздачи столь значительной суммъ можетъ быть легко употреблено въ исключительную пользу какой-либо партіи, постановили что каждыя пять лѣтъ члены комитета будутъ избираемы вновь, и будутъ перемѣняться мѣсто нахождения самаго комитета. Первымъ выборомъ улазъ на Веймаръ и тамъ случилось то опасались учредители. Комитетъ очевидно протектировалъ своимъ Веймарцамъ, и по окончаніи пяти лѣтъ возымѣли наглостіе оставить за собою право распоряженія деньгами на нѣсколько лѣтъ. Съ этой цѣлью, за нѣсколько времени съѣзда представителей мѣстныхъ комитетовъ для новыхъ выборовъ, веймарскіе члены комитета устроили вредную литографическую корреспонденцію, содержащую въ

обязательно говоря, прусская *Провинціальная Корреспонденція* была на той же мысли что и автографическія корреспонденціи. Большая разница составляетъ то что *Провинціальная Корреспонденція* печатается, подвергается тѣмъ же условіямъ что и въ органахъ прессы, и открыто признается офиціознымъ изданіемъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

себѣ тенденціозное изложеніе всего происходящаго на сѣвѣ. Ее разсылали даромъ во всѣ редакціи большихъ газетъ, съ тою цѣлью чтобы приготовить лублику къ нарушенію статутовъ и склонить ее въ пользу плановъ Веймарскаго комитета. Дѣйствительно, все обошлось благополучно. Послѣ многихъ криковъ и слоровъ, Веймаръ былъ вторично выбранъ мѣстомъ нахожденія комитета, а газеты не получающія свѣдѣній кромѣ какъ изъ литографической корреспонденціи не нашли въ томъ ничего предосудительнаго и оставили публику въ полномъ невѣдѣніи относительно дѣйствительно происходившаго на выборахъ. Только энергическіе протесты мѣстнаго Лейпцигскаго комитета и вмѣшательство саксонскаго правительства помѣшали осуществленію плановъ Веймарцевъ. Случай этотъ самъ по себѣ можетъ-быть и незначителенъ, но онъ заслуживаетъ вниманія какъ доказательство того съ какою легкостью можно подчинить себѣ общественное мнѣніе при помощи литографическихъ корреспонденцій. Справедливая французская пословица говоритъ что истина есть результатъ конфликта противоположныхъ мнѣній (*du choc des opinions jaillit la vérité*). Тутъ же конфликта быть не можетъ: всякое индивидуальное мнѣніе устраивается, и цѣлый хоръ газетъ поетъ въ одну ноту подъ тою заданною незримымъ капельмейстеромъ изъ Берлина.

IV.

Въ 1849 году къ Мантейфелю явился нѣкій докторъ Эльснеръ, по происхожденію Нѣмецъ, но по воспитанію, по знакомству съ положеніемъ французской печати и по своей изворотливости, настоящій Французъ. Онъ предложилъ намъ устройство тайнаго правительственнаго бюро для руководства періодическою печатью. Обязанности сего бюро заключались въ вербовкѣ и подготовкѣ журналистовъ, которые, сохранивъ видимому самостоятельность и независимость, должны были втираться въ редакціи различныхъ газетъ и проводить въ нихъ тенденціи угодныя правительству. Мантейфель былъ весьма доволенъ планомъ Эльснера, и тотчасъ же предложилъ ему постъ директора. Эльснеръ сначала принялъ предложеніе, воображая въ своемъ невѣдѣніи что подобныя услуги одинаково хорошо оплачиваются въ Германіи какъ и во Франціи.

Когда же ему было объявлено что ему назначается жалованье 500 талеровъ, то онъ не пожелалъ продать свои услуги за столь дешевую цѣну и предпочелъ вернуться во Францію. Цѣль не менѣ мысли его суждено было осуществиться въ очень скоромъ времени. Мантейфель не оставилъ мысли объ учрежденіи бюро по плану Эльснера. Остановка была за присканіемъ подходящаго человѣка, на ловкость и скромность котораго можно было бы положиться; кромѣ того, было желательно чтобъ искомый субъектъ удовольствовался мизерною суммой 1500 талеровъ въ годъ. При крайнемъ изобиліи журналистовъ въ Германіи, задача была далеко не такъ трудна, какъ могло бы показаться съ перваго взгляда. Дѣйствительно, очень скоро нашелся подходящий человѣкъ въ лицѣ редактора газеты *Dansiger Dampfboot*, нѣкоего доктора Рино Квеля (въ послѣдствіи въ видѣ награды онъ назначенъ былъ генеральнымъ консуломъ въ Коленгагенѣ, гдѣ и умеръ уже довольно много лѣтъ тому назадъ). Докторъ Квель оказался чрезвычайно ловкимъ администраторомъ. Въ короткое время онъ набралъ себѣ цѣлую армію изъ числа мелкихъ журналистовъ и отставныхъ чиновниковъ, которые за самую ничтожную плату (15—30 тал. въ мѣсяцъ) обѣщались воспользоваться своими связями съ различными редакціями чтобы доставить туда доступъ статьямъ составленнымъ въ самомъ бюро. Кромѣ того они обязывались сами писать подъ диктовку Квеля, стараться проникнуть и въ другія редакціи. Успѣхъ предпріятія былъ самый неожиданный. Редакціи не подозрѣвали настоящаго происхожденія статей доставляемыхъ сотрудниками-подчищенными Квеля и были увѣрены въ ихъ независимости отъ посторонняго вліянія. А между тѣмъ тонкій наблюдатель уже въ то время могъ замѣтить что газеты до того времени ни въ чемъ не соглашавшіяся другъ съ другомъ, мало-по-малу стали сходиться въ своихъ мысляхъ и принимать направленіе болѣе благоприятное для прусскаго правительства. Въ 1851 году Квель разослалъ нѣчто въ родѣ циркуляра тѣмъ изъ редакторовъ консервативныхъ газетъ съ которыми не былъ лично знакомъ. Ссылаясь на свое официальное положеніе какъ чиновникъ государственнаго министерства, онъ предлагалъ имъ присылать отъ времени до времени сообщенія относительно важнѣйшихъ политическихъ вопросовъ для.

Неизвѣстно что отвѣчали редакторы на это предложеніе; достовѣрно лишь то что съ каждымъ годомъ поле дѣятельнаго Берлинскаго бюро расширялось, а вмѣстѣ увеличивался и личный его составъ. Скоро бюро распалось на два отдѣленія: иностранное и внутреннее, изъ коихъ каждое было подчинено соотвѣтствующему министерству. Первое находилось сначала въ вѣдѣніи Квеля, а по назначеніи его въ Коллегію, поручено Меделю, за симъ доктору Ясмунду и, наконецъ, въ настоящее время директоромъ состоитъ бывшій профессоръ Эгиди. Руководителемъ внутренняго отдѣленія былъ долгое время Ганъ, теперь же это отдѣленіе находится, кажется, въ вѣдѣніи того же Эгиди, о которомъ современныя германскіе журналисты говорятъ менѣе какъ съ лѣвой у рта.

Исторія Берлинскаго бюро печати распадается на два рѣзко отличающіяся другъ отъ друга отдѣла. Первый отдѣлъ обнимаетъ періодъ до 1866 года и характеризуется тѣмъ что суммы находившіяся въ распоряженіи бюро были крайне незначительны, а потому невозможно было успѣшно дѣйствовать на иностранную прессу. Второй періодъ, съ 1866 года по настоящее время, отличается, напротивъ того, изобиліемъ средствъ полученныхъ изъ такъ-называемаго *фонда для пресмыкающихся*, вслѣдствіе чего вліяніе Берлинскаго бюро распространяется на всю германскую прессу, основываются новыя газеты, покупаются за высокую цѣну старыя, и т. д. Разсмотримъ сначала поближе образъ дѣятельнаго Квеля, Галя и К^о въ то время когда у нихъ въ распоряженіи былъ очень скудные средства (примѣрно отъ 30—80.000 тал. въ годъ). Слѣдующую главу мы посвятимъ специально *фонду для пресмыкающихся* и его операціямъ.

На Берлинскомъ бюро лежала съ самаго начала двойная обязанность. Прежде всего, тамъ ежедневно составлялись выписки изъ всевозможныхъ газетъ для представленія министерству вѣрной картины общественнаго мнѣнія: это называлось *тайною газетою*. Вторыхъ, бюро должно было чрезъ находящихся на жалованьи журналистовъ доставлять въ различныя газеты статьи о такихъ предметахъ которые въ данную минуту представляли наиболѣе важности для правительства. Естественнымъ образомъ журналисты состоявшіе въ вѣдѣніи бюро часто могли доставлять болѣе свѣжія извѣстія нежели другія лица, не находящіяся въ сношеніяхъ съ прав-

тельственными сферами. Благодаря этому, бюро съ легкостью распространяло свое вліяніе на газеты всѣхъ политическихъ отдѣлковъ. Дѣйствительно, случалось иногда что недовѣрчивая редакція сначала отказывала въ помѣщеніи корреспонденцій предлагаемыхъ неизвѣстными ей лицами; но когда въ послѣдствіи оказывалось что всѣ предсказанія сдѣланныя въ отвергнутой корреспонденціи сбывались, то редакція слѣвшила заглазить свою ошибку, и уже сама обращалась къ автору ея съ просьбой почтаще одолжить ее присылкой статей. Агентъ Берлинскаго бюро не только втирался такимъ образомъ въ число постоянныхъ сотрудниковъ, но получалъ еще репутацію *достовернаго* корреспондента (такъ именуются постоянные корреспонденты газетъ). Этимъ объясняется гакже крайняя ничтожность содержаній получаемыхъ наемными журналистами. Главный доходъ ихъ составляетъ гонорарій за статьи, что, наравнѣ съ надеждой со временемъ сдѣлаться, при помощи правительства, редакторомъ какой-либо газеты, привлекаетъ многихъ превратиться въ орудіе Берлинскаго бюро. Въ просторѣчій журналисты служащіе у Эгида извѣстны подъ названіемъ *свинопасовъ* (Saubirten). * Каждый день бюро получаетъ свыше приказаніе о чемъ должны писать *свинопасы* и въ какомъ духѣ должны быть составлены ихъ статьи. Но такъ какъ бюро состояло изъ двухъ независимыхъ отдѣленій, руководимыхъ враждующими между собой министрами, Бисмаркомъ и Эйленбургомъ, то иногда выходило что подчиненные Эгиду говорили диаметрально противоположное нежели „свинопасы“ Гана. Впрочемъ подобныя недоразумѣнія встрѣчались не часто, и обыкновенно лѣвіе клеветовъ Берлинскаго бюро отличалось пресосходнымъ ансамблемъ.

Въ 1863 году Ганъ придумалъ новое средство для усиленія своего вліянія на періодическую печать и въ этомъ случаѣ заимствовалъ мысль изъ литографическихъ корреспонденцій. Подъ его редакціей, хотя и не за его подписью, * стала

* Вотъ еще нѣсколько техническихъ выраженій того же рода. Принадлежать къ бюро значить „*брать грязныя ванны*“, вслѣдствіе этого слово „*Schlambäder*“ равносильно *свинопасу*; ежедневное расписание ваннъ называется „*Waschzettel*“; журналисты работающіе для бюро, но не входящіе въ его составъ, называются *свинопасами* (*Pfeiffer*) и т. д.

** Въсѣмъ извѣстно что прежній редакторъ Людке и теперешній

выходитъ еженедѣльная газета *Провинціальная Корреспонденція*, но не литографированная, а печатная. Она высылалась всѣмъ газетамъ не состоящимъ въ прямой оппозици къ правительству и кромѣ того всѣмъ присутствующимъ въ стамъ. Подписка для послѣднихъ была обязательна. Содержаніе *Провинціальной Корреспонденціи* весьма слабо и бѣдно. Любая литографическая корреспонденція содержитъ въ себѣ вдесятеро болѣе матеріала и къ тому же выходитъ не разъ въ недѣлю, а каждый день, иногда даже въ утреннемъ и вечернемъ изданіи. Въ *Провинціальной Корреспонденціи* вы не найдете ни выдержекъ изъ газетъ, ни дѣйствительныхъ корреспонденцій. Въмѣсто передовой статьи помѣщается (къ тому же очень поздно) рѣчь Бисмарка или Фалька въ рейхстагѣ, рѣчь которую можно найти въ любой газетѣ тремя, четырьмя днями раньше. Присылаютъ къ тому извѣстія придворныя и жидкія обсуждения законодательныхъ проектовъ, ограничивающіяся обыкновенно сообщеніемъ опять-таки и безъ того всѣмъ извѣстныхъ мотивовъ. Этимъ вы исчерпали все содержаніе *Провинціальной Корреспонденціи*. Въ 1873 году сдѣлана была новая попытка въ томъ же направленіи, но безъ всякаго успѣха. Нѣкій докторъ Робольскій (въ Германіи, какъ видите, всякій редакторъ есть докторъ чего-либо) придумалъ издавать особую маленькую газету, безъ особаго названія и съ пустою послѣднею страницей. Расчетъ при этомъ былъ таковъ. Робольскій предполагалъ составлять весьма тщательно политическій отдѣлъ газеты, и разсылать ее во всѣ маленькіе города Пруссіи, гдѣ при его помощи должны были организоваться особая редакція. Эти, въ свою очередь, должны были выставлять заглавіе газеты (обыкновенно по имени города), и на пустой послѣдней страницѣ помѣщать отдѣлъ мѣстныхъ извѣстій и объявленія. Мысль повидимому блистательная, еще болѣе упрочающая обязанности редактора нежели литографическія корреспонденціи. Тутъ за дешевую цѣну редакторъ доставлялъ уже напечатанный номеръ газеты, даже типографскіе расходы доведены были до минимума. Однако предпріятіе это

Дѣръ суть чиновники Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, къ служебнымъ обязанностямъ которыхъ относится подписываніе собственнаго имени подъ газетой редактуемой безъ всякаго съ ихъ стороны участія.

имѣло большаго успѣха, и не поколебало, во всякомъ случаѣ, значенія *Провинціальной Корреспонденціи*. Эта послѣдняя ставляетъ еще ту выгоду что безчисленные мѣстные официальные органы, такъ-называемые *Amtsblätter*, почерпали преимущественно изъ нея политическія извѣстія. Распространеніе же сихъ *Amtsblätter* самое обширное, такъ какъ исключительно въ нихъ однихъ помѣщаются казенныя объявленія, публикуются распоряженія мѣстныхъ административныхъ властей и т. д. Къ тому же подлищники этихъ газетъ принадлежатъ къ самому низшему классу народонаселенія, большинство случаевъ вовсе не читающему другихъ газетъ. Посудите же каково должно быть могущество Берлинскаго бюро.

Не маловажную роль играютъ и члены бюро корреспондирующіе въ различныхъ газетахъ. Какъ мы уже сказали, ни умѣли пробраться повсюду, въ прусскія и не прусскія немецкія газеты. *Аугсбургская Всеобщая Газета* долго сопротивлялась, не желая принимать сотрудника навязываемой ей изъ Берлина. Наконецъ она должна была уступить, когда къ настоятельнымъ просьбамъ присоединена была угроза запретить газету въ предѣлахъ Пруссіи. Сама *Аугсбургская Всеобщая Газета* откровенно изложила весь ходъ бытія, когда въ 1864 году все-таки постигло запрещеніе въ Пруссіи, несмотря на принятіе въ число сотрудниковъ гилендіата Берлинскаго бюро. Въмѣстѣ съ тѣмъ прусское правительство всѣми зависящими отъ него средствами защищаетъ бюро и его чиновниковъ. Такъ напримѣръ, сочиненіе Юргенса *Die deutsche Politik Preussens und das Berliner Centralpressbureau* было запрещено тотчасъ послѣ его выхода въ свѣтъ, а когда газета *Deutsche Volkshalle* въ Кельнѣ смѣстила оскорбительный отзывъ о Берлинскомъ бюро на печати, то редакторъ ея Эюкерлингъ былъ отданъ суду, по обвиненію въ возбужденіи ненависти и пренебреженія къ государственному учрежденію. И тогда какъ до этого времени официальное значеніе бюро и самое его существованіе постоянно отрицалось, на сей разъ въ суду былъ представленъ официальный отзывъ изъ государственнаго министерства, признававшій бюро *государственнымъ учрежденіемъ*.

За неимѣніемъ большихъ средствъ, докторъ Квель и его соратники не могли оказывать большаго вліянія на иностран-

ную печать. Нѣмецкія газеты издаваемыя въ Пруссіи легко подчинились Берлинскому бюро, но ни на одну газету на иностранномъ языкѣ разчитывать было нельзя и приходилось довольствоваться помѣщеніемъ изрѣдка статей на столбцахъ немногихъ газетъ куда успѣли втереться прусскіе журнальные агенты. Но уже и это имѣло очень выгодныя послѣдствія. Если какой-либо Нѣмецъ не вполне соглашался съ дѣйствіями и мѣрами которыя расхваливали нѣмецкія газеты при помощи офиціозныхъ сотрудниковъ, то онъ въ состояніи былъ переимѣнить свое мнѣніе когда видѣлъ что и иностранныя газеты находятъ эти мѣропріятія достойными похвалы. Конечно, не всякій читаетъ иностранныя газеты; но за то сами нѣмецкія газеты слѣшили сообщать читателямъ отзывы *иностранной* прессы, составленные въ Берлинѣ чиновниками Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Въ послѣдствіи, какъ мы увидимъ, сношенія Берлинскаго бюро съ иностранною прессой сдѣлались гораздо болѣе частыми и болѣе подотвораыми.

Приближалось время столкновенія между Пруссіей и Австріей, и первая изъ всѣхъ силъ старалась склонить въ свою пользу общественное мнѣніе, во первыхъ, въ самой Пруссіи, а во вторыхъ, и въ южной Германіи, колебавшейся между обими враждующими сторонами. Правительства Саксоніи, Баваріи, Ганновера и Виртемберга, рѣшившіяся стать на сторону Австріи, съ ужасомъ стали замѣчать что и у нихъ печать начинаетъ сворачивать въ противоположную сторону, подъ вліяніемъ Берлинскаго бюро. Пришлось подражать прусской политикѣ и устраивать у себя бюро печати на подобіе Берлинскаго. Прежде всего учрежденъ былъ въ Ганноверѣ *Королевскій литературный кабинетъ*, и во главѣ его поставленъ правительственный совѣтникъ Медиагъ, тотъ самый который черезъ нѣсколько лѣтъ спустя предсталъ предъ публикой въ качествѣ романиста подъ именемъ графа Самарова. Въ Баваріи не скоро рѣшились на подражаніе, и только послѣ 1866 года при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ учреждено было особое присутствіе подъ вѣдѣніемъ графа Тауфкирхена, да и то оно имѣло лишь цѣлю доставлять вѣрныя свѣдѣнія журналистамъ обращающимся къ нему за справками. Вообще въ Пруссіи болѣе дѣйствительнымъ средствомъ оказалось основаніе офиціозныхъ газетъ. Сама Пруссія не прелебрегала этимъ средствомъ, и всегда имѣла въ своемъ распоряженіи

динъ или два такихъ органа, сначала газету *Die Zeit*, потомъ *Съверо-Германскую Всеобщую Газету*, къ которой въ полѣднее время присоединилась еще *Die Post*, купленная консервативнымъ товариществомъ во главѣ котораго стоялъ Фриенталь; съ назначеніемъ сего послѣдняго министромъ, *Почта* получила характеръ офиціознаго органа. Саксонскій министръ Бейстъ любилъ особенно прибѣгать къ этому средству, и съ переходомъ своимъ въ австрійскую службу перенесъ и въ Вѣну любимую систему. Еще въ 1849 году купилъ онъ у лейпцигскаго извѣстнаго издателя Тейбнера принадлежавшій ему *Dresdener Journal* и первый завелъ въ Германіи офиціозную газету въ настоящемъ смыслѣ этого слова, то-есть газету сохраняющую за собою видъ независимости, но вмѣстѣ съ тѣмъ печатающую статьи доставляемыя правительствомъ, *безъ обозначенія источника*. Примеръ этотъ нашелъ подражателей во всѣхъ концахъ Германіи. Въ Ганноверѣ завелась офиціозная *Deutsche Nordsee Zeitung*, подъ вліяніемъ Виндгорста и Мединга, въ Мюнхенѣ учреждена была *Баварская Газета*, въ Вѣнѣ *Австрійская Конституціонная Газета*. Даже Мекленбургъ, врагъ всякихъ нововведеній, отступилъ на этотъ разъ отъ своихъ правилъ и устроилъ свою офиціозную газету, подъ именемъ *Norddeutsche Correspondenz...*

V.

Съ 1866 года Берлинское бюро получило еще большую важность вслѣдствіе значительности суммъ постулившихъ въ его распоряженіе, именуемыхъ *фондами пресмыкающихся* (*Reptilienfond*).

Въ то засѣданіе ландтага когда имъ было рѣшено наложить секвестръ на имущество короля Ганноверскаго, князь Бисмаркъ (тогда еще графъ) выступилъ съ моліебною рѣчью въ защиту предложенія правительства. Любя употребленіе смѣлыхъ метафоръ, онъ между прочимъ сказалъ что намѣренъ преслѣдовать *вредоносныхъ пресмыкающихся* до самыхъ [ихъ] гнѣздъ, чтобы видѣть чѣмъ они тамъ заняты. Съ тѣхъ поръ нѣмецкіе остряки и придумали для фонда находящагося въ распоряженіи Эгиди-Гана названіе *Reptilienfonds*, хотя по мысли Бисмарка вѣрнѣе было бы назвать его *Antireptilienfonds*. Какъ бы то ни было,

теперь въ Германіи подразумѣвается подъ именемъ „пресмыкающагося“ не тотъ кто строить козни Пруссіи, а тотъ кто посвящаетъ себя подлою дѣятельности въ интересахъ Берлинскаго бюро. Параллельно съ увеличеніемъ средствъ бюро, шло также и увеличеніе его персонала. Измѣнились и самыя приемы пропаганды. Начали платить большыя жалованья, и вслѣдствіе того наемныя журналисты получили возможность посылать свои статьи не требуя вознагражденія, что доставляло имъ легкій доступъ и въ другія, до тѣхъ поръ закрытыя для нихъ, редакціи Эгиди были неутомимы. По своимъ прежнимъ занятіямъ находясь въ связи со многими редакціями газетъ, онъ постоянно старался о расширеніи этихъ связей, о доставленіи новыхъ рынковъ для фабрикуемыхъ въ его бюро статей. Онъ былъ до того навязчивъ что въ которыя газеты безъ всякаго стѣсненія жаловались читателямъ на его докучливыя предложенія. Брауншвейскій *Tagblatt* въ 1873 году объявлялъ что онъ доведетъ до отчаянія безпрестанными прямыми и косвенными сообщеніями достовѣрныхъ извѣстій отъ агентовъ Эгиди. На то же стовала и *Воржская Газета*. Однако въ большинствѣ случаевъ рыба наклѣвывалась на выброшенную приманку, и газета мало по малу теряла самостоятельность, всецѣло подчинялась Берлинскому бюро. Это послѣднее устроило цѣлую лѣствицу наградъ для послушныхъ газетъ. Инымъ редакторамъ возвращались залогомъ и штемпельный налогъ, другимъ выдавались единовременныя пособія, третьимъ назначался даже постоянный окладъ жалованья. Особенно щедро вознаграждались тѣ изъ редакторовъ которые соглашались на уступку газеты журналисту изъ числа протестируемыхъ „пресмыкающихся“: для нихъ открывалась выгодная служебная карьера и даже дипломатическое поприще имъ становилось доступнымъ. Въ печати раздавались не разъ обвиненія противъ различныхъ газетъ въ принятіи субсидій отъ правительства, за справедливость которыхъ не можеть отвѣчать. Заслуживаетъ однако вниманія процессъ клерикальной *Германіи* съ Веренлфеннигомъ, редакторомъ прогрессивной *Шпенеровой Газеты*. Дѣло въ томъ что *Германія* утверждала въ одной изъ передовыхъ статей что *Шпенерова Газета* находится на жалованьи у правительства. Веренлфеннигъ не снесъ такого оскорбленія, пожаловался въ судъ, и подъ присягой объявилъ что никогда не получалъ

субсидій отъ правительства. Тѣмъ не менѣе судъ освобожденъ отъ отвѣтственности редактора *Германіи*, такъ какъ сообщеніе его хотя и оказалось ложнымъ, но не могло поколебать довѣрія публики къ *Веренинфеннигу*!

Особое вниманіе обратило Берлинское бюро на южно-германскую печать, и на Альзась-Лотарингію. Недостатка въ деньгахъ не было, и вотъ начинается покулка газетъ и учрежденіе новыхъ органовъ печати. При помощи посольства въ Мюнхенѣ Эгиди вступилъ въ постоянныя сношенія съ *Южно-германскою Прессой* и за послѣдніе годы истратилъ на нее одну 24.000 талеровъ, не считая расходовъ на получение ста экземпляровъ этой водянистой газеты, экземпляровъ рассылаемыхъ на счетъ бюро къ различнымъ гостиницамъ и кофейнямъ въ различныхъ городахъ Баваріи. Въ Альзасѣ, со времени его присоединенія, возникъ цѣлый рядъ газетъ чисто-прусскаго направленія; другія же существовавшія и прежде, настолько рѣзко измѣнили свое направленіе, что это нельзя приписать ничему другому какъ вліянію агентовъ Эгиди. Чувствуя необходимость подавить враждебную *Кольмарскую Газету*, правительство склонило на свою сторону другую газету, *Volkzeitung*, издающуюся въ томъ же Кольмарѣ, пожертвовавъ въ ея пользу 10.000 франковъ. Его же щедрости должно приписать внезапную любовь къ Германіи проповѣдуемую въ *Страсбургской Газетѣ*, въ *Нижнерейнскомъ Курьерѣ*, въ *Мюльгаузенской Газетѣ*, и т. д. Подъ руководствомъ оберъ-президента Мёллера работаетъ въ Страсбургѣ особое литературное бюро, издающее между прочимъ официальную литографическую корреспонденцію, доставляемую безвозмездно во всѣ газетныя редакціи Альзаса и Лотарингіи; только однимъ строптивымъ недоступенъ этотъ источникъ достовѣрныхъ извѣстій. Кромѣ того въ рукахъ страсбургскаго оберъ-президента есть еще другое могущественное средство вліять на тамошнюю прессу. Несмотря на введеніе въ Альзасѣ конституціи, за нимъ осталась чисто-диктаторская власть. Онъ можетъ самопроизвольно удалять не нравящихся ему людей, и онъ не разъ уже пользовался этимъ правомъ для склоненія къ покорности наиболѣе рьяныхъ изъ редакторовъ-патріотовъ. За симъ онъ имѣетъ возможность не допускать въ предѣлы Альзась-Лотарингіи тѣ газеты которыя, по его мнѣнію, могутъ вредно подѣйствовать на настроеніе тамошняго народонаселенія.

Поэтому лишь немногія французскія газеты проникаютъ туда, и даже многія нѣмецкія не имѣютъ туда доступа, вопреки, большинство клерикальныхъ газетъ, которыя наши бы благодарную почву въ новоприсоединенныхъ провинціяхъ *Германія*, чрезъ посредство депутатовъ центра, жаловалась на это въ рейхстагъ, но правительственный комиссаръ отвѣчалъ что безъ такого полномочія оберъ-президентъ будетъ совершенно безсиленъ обезоруживать враждебныя Германіи партіи, тѣмъ болѣе опасныя въ Альзасѣ что онѣ готовы вступить тамъ между собою въ союзъ.

Берлинское бюро не щадитъ денегъ когда представляется особенно важное въ политическомъ отношеніи событіе, когда требуется подготовить общественное мнѣніе къ какому-либо экстраординарному событію. Особенно замѣтно это при выборахъ. Тутъ начинается для агентовъ бюро тяжелое время. Имъ приходится безъ устали писать во всѣ стороны, составлять программы для официальныхъ кандидатовъ, идти на мѣсто выборовъ, чтобы своимъ краснорѣчіемъ дѣйствовать въ ихъ пользу, входить въ сношенія съ ководами противной партіи и склонять ихъ къ уступкѣ, достигнутой обыкновенно при помощи наубѣдительноѣйшаго аргумента, наличныхъ денегъ. Редакторъ газеты *Католикъ*, г. Каллаанъ Міарка, въ печати заявлялъ будто бы ему при послѣднихъ выборахъ было предложено 7.500 талеровъ, если онъ до выборовъ и во время ихъ будетъ писать менѣе рѣзко и откажется отъ всякаго вліянія на избирателей. Возраженіи на это заявленіе не послѣдовало, слѣдовательно надо думать что г. Міаркѣ дѣйствительно были дѣлаемы подобныя предложенія. Не малую помощь получаетъ, наконецъ, прусское правительство отъ телеграфнаго агентства Вольфа, о чемъ будемъ говорить въ слѣдующей главѣ. За то онъ пользуется покровительствомъ. По увѣренію Вуттке, депешамъ его отдается предпочтеніе предъ всѣми частными телеграммами, такъ что никто не можетъ получить политическое извѣстіе ранѣе подлищиковъ Вольфа. Развѣ только одна *Кельнская Газета* въ состояніи конкурировать съ нимъ, и то только по отношенію къ извѣстіямъ изъ Германіи, такъ какъ въ ея исключительномъ распоряженіи находится тамъ отдѣльный телеграфный аппаратъ.

Есть слухъ что въ послѣднее время князь Бисмаркъ сталъ поговаривать объ уничтоженіи Берлинскаго бюро. Прежде

всего имѣлась де въ виду перемѣна въ личномъ его составѣ. Имя Эгиди пользовалось слишкомъ малымъ уваженіемъ публики, и задача сводилась къ подысканію ему преемника. Но тутъ-то оказалось неожиданное затрудненіе. Предложили занять сей постъ доктору Каро, извѣстному автору *Исторіи Польши*, помѣщенной въ большомъ историческомъ сборникѣ Герена и Укерта. Каро однако не пожелалъ занять столь неприятный постъ. Тотъ же самый отвѣтъ, какъ говорятъ, дали и другія лица, къ которымъ обращались съ подобнымъ предложеніемъ. Пришлось оставить за Эгиди его прежнее официальное положеніе, но измѣнить нѣсколько кругъ обязанностей самого бюро печати. По послѣднимъ извѣстіямъ, за Эгиди остается докладъ князю Бисмарку о дѣлахъ печати, но вмѣстѣ съ тѣмъ у него отнимается право сноситься официально съ газетами и содержать корреспондентовъ. Такая перемѣна, если она серьезно залумана, равносильна закрытію самого бюро. Нововведенія, впрочемъ, повидимому, касаются только иностраннаго отдѣленія бюро. Прибавить надо что до сихъ поръ ничего положительнаго по этому вопросу неизвѣстно; все основывается на слухахъ и догадкахъ.

VI.

Телеграммы составляютъ въ настоящее время весьма важную часть газеты. Читатели настолько привыкли получать ежедневно извѣстія о томъ что творится сегодня во всѣхъ концахъ міра что они негодуютъ когда по какимъ-либо причинамъ телеграфное агентство не доставитъ делешъ. Многие даже ограничиваются чтеніемъ однихъ только телеграммъ, игнорируя все остальное. Поэтому съ каждымъ годомъ телеграфическія делеша пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе важности, увеличиваются въ объемъ и числѣ, становятся разнообразнѣе по своему содержанію, сообщаютъ не одни только политическія извѣстія, но и торговля, биржевая, придворная, художественная, наконецъ, даже извѣстія никого не интересующія. Въ книгѣ Вуттке мы нашли забавный анекдотъ, служащій подтвержденіемъ вышесказаннаго. Въ бытность свою въ Россіи, принцъ Вельскій ходилъ на охоту, и если не ошибаемся, убилъ одного звѣря. Это дало

поводъ корреспонденту одной англійской газеты послать въ редакцію телеграмму, въ которой говорилось что здѣсь очень восхищаются искусною верховою ѣздой принца. Англійская фраза *the prince's skill in riding* не была понята телеграфистомъ въ Лондонѣ, который не могъ себя представить что о такихъ лустякахъ кто-нибудь ставеть телеграфировать. Вотъ онъ и разставилъ буквы по-своему, и вошло будто бы принцъ Вельскій убитъ (*prince is killed*). Это печальное извѣстіе помѣщено было сначала въ англійскихъ газетахъ, и за симъ сообщено на континентѣ, такъ что повсюду разнеслась вѣсть о смерти наследника Англійскаго престола.

Мы такъ привыкли къ изобилію телеграфическихъ делешъ что съ трудомъ можемъ себя представить то время когда вовсе не было этого отдѣла, а между тѣмъ едва прошла четверть столѣтія съ тѣхъ поръ какъ впервые газеты стали пользоваться телеграфами. *Кельнская Газета* отчасти этому нововведенію обязана своимъ успѣхомъ, и до сего дня телеграфическій отдѣлъ особенно богатъ и разнообразенъ. *Кельнская Газета* стала помѣщать телеграммы изъ Парижа еще тогда Парижъ не былъ соединенъ съ Кѣльномъ телеграфною нитью: парижскія делеша на ея счетъ посылались въ Брюссель, откуда доставлялись ей съ нарочнымъ. Въ Германіи первыя телеграфныя линіи были открыты въ концѣ сороковыхъ годовъ, но вслѣдствіе дороговизны делешъ газеты лишь мало ими пользовались. Когда въ 1850 *Лейпцигская Газета* сообщила по телеграфу текстъ тронной рѣчи короля Саксонскаго, публика была въ себя отъ изумленія, и дѣйствительно это было сдѣлано не просто. Саксонскій премьеръ заблаговременно переслалъ редактору названной газеты копию тронной рѣчи, съ просьбой помѣстить ее въ качествѣ делеша, если до извѣстнаго часа ему не будетъ прислано по телеграфу другое приказаніе. Такъ и случилось. Редакторъ ждалъ до назначеннаго часа и не получивъ новыхъ предписаній помѣстить тронную рѣчь цѣликомъ въ видѣ делеша изъ Дрездена. Теперь намъ это кажется невѣроятнымъ: такъ мы привыкли къ саженымъ делешамъ. Во время перваго процесса графа Арнима, въ любой нѣмецкой газетѣ телеграммы занимали цѣлые столбцы самыхъ большихъ размѣровъ, и по нашему разчету одна изъ нихъ въ *Кельнской Газетѣ* должна была стоить слишкомъ 150 талеровъ, еслибы только редакція г-

еть платили столько же сколько простые смертные. Невозможность тратить такіа громадныя суммы на одинъ отдѣлъ газеты, хотя и важный, но занимающій наименѣе мѣста, чень скоро породила мысль учредить особыя агентства, которыя бы снабжали большую массу газетъ телеграммами, подобно тому какъ литографическія корреспонденти доставляли имъ готовый политическій отдѣлъ. Дѣйствительно, получаютъ собственныя депеши для редакцій чезчуръ разорительно, хотя и теперь многія изъ нихъ предоставляютъ своимъ корреспондентамъ въ главнѣйшихъ ородахъ извѣстныя суммы, иногда довольно значительныя, для сообщенія имъ по телеграфу особенно важныхъ извѣстій. Говорятъ что газета *Hamburger Nachrichten* ежегодно тратитъ отъ 20 до 30.000 марокъ на собственныя депеши, не считая подати вносимой ею въ Телеграфное Агентство Зольфа. Первый опытъ учрежденія телеграфныхъ агентствъ въ Германіи сдѣланъ былъ пріобрѣтшимъ въ послѣдствіи всеобщую извѣстность Рейтеромъ. Въ 1849 году онъ устроилъ въ Ахенѣ особенное агентство, имѣющее специальную дѣль снабжать газеты биржевыми, торговыми и промышленными извѣстіями. Несмотря на невыгодное положеніе Ахена, находящагося въ дали отъ всѣхъ значительныхъ центровъ, предпріятіе Рейтера увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Телеграфныхъ линій было тогда чрезвычайно мало, и Ахенъ былъ соединенъ собственно съ однимъ только Берлиномъ. Но изобрѣтательность Рейтера нашла исходъ изъ столь затруднительнаго положенія: онъ воспользовался голубиною почтой для сообщенія съ мѣстами находящимися внѣ телеграфной сѣти. Вѣрности ради, каждая телеграмма, примѣрно во Франкфуртѣ или Брюсселѣ, составлялась въ трехъ экземплярахъ и поручалась тремъ голубямъ, вслѣдствіе чего ни одна не терялась. За симъ черезъ два года Рейтеръ переселился въ Берлинъ, сталъ сообщать политическія извѣстія, вошелъ въ сношеніе со всѣми странами западной Европы, и вскорѣ послѣ того перебрался на постоянное жительство въ Лондонъ, гдѣ въ теченіе десятилѣтія не имѣлъ конкурентовъ. Содержа повсюду корреспондентовъ, онъ доставлялъ публикѣ извѣстія ранѣе нежели само правительство узнавало о нихъ офиціальнымъ путемъ. Въ особенноти прославился онъ въ Крымскую и Италіанскую кампанію, доставая самыя подробныя и вѣрныя свѣдѣнія. Съ отъѣздомъ его изъ Берлина, Гер-

манія не осталась безъ телеграфнаго бюро. Почти въ одно время съ еженскимъ предпріятіемъ Рейтера возникло въ Берлинѣ агентство Вольфа. Цѣль его была первоначально также спеціальная: доставлять чисто-коммерческія извѣстія. Но съ 1855 года онъ сталъ разсылать уже и политическія телеграммы. Вольфъ ловелъ свои дѣла также ловко какъ и Рейтеръ. Онъ не щадилъ денегъ чтобъ удовлетворять потребностямъ своихъ кліентовъ и все-таки умѣлъ реализовать громадныя барыши, благодаря чисто еврейской способности открывать все новые и новые источники доходовъ. Зная что не всякая газета въ состояніи жертвовать большія суммы на телеграфическій отдѣлъ, онъ раздѣлялъ газеты на нѣсколько классовъ; съ однихъ бралъ больше, доставляя больше делешъ, для другихъ съ большимъ искусствомъ дѣлалъ выборъ наиболее важныхъ извѣстій, и умѣлъ приравниваться къ индивидуальнымъ особенностямъ каждой газеты, словомъ, умѣлъ угодить всякому. Не малую пользу приносило ему покровительство правительства, въ силу котораго его телеграммамъ отдавалось предпочтеніе предъ всѣми частными делешами. Въ свою очередь, онъ отплачивалъ за это правительству двумя важными услугами: вопервыхъ, доставленіемъ ко двору и ко всѣмъ министрамъ своихъ телеграммъ нѣсколькими часами ранѣе нежели онѣ попадаютъ въ газеты; а вовторыхъ, главнымъ образомъ сообщеніемъ въ газеты по преимуществу такихъ извѣстій которыя не могутъ поставить правительство въ не-пріятное положеніе. Достоверно что агентство Вольфа всегда слѣзило сообщать выписки изъ иностранныхъ газетъ если послѣднія съ похвалою отзываются о германской политикѣ. При противоположныхъ условіяхъ, голосъ иностранной печати рѣдко проникаетъ въ Германію, и во всякомъ случаѣ не черезъ посредство Вольфа. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Вольфъ учредилъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ вспомогательное отдѣленіе агентства для южной Германіи, подъ именемъ агентства Вагнера, а въ 1865 году передалъ за 250.000 талеровъ оба агентства въ руки акціонерной компаніи, въ которой участвовали всѣ биржевые тузы Берлина. Компанія приняла названіе „континентальнаго телеграфнаго агентства Верделя и Виммеля“, и стремилась къ достиженію монополіи въ этомъ дѣлѣ. Вольфъ остался руководителемъ технической части, чѣмъ и объясняется сравнительно незначительная сумма которою онъ довольствовался.

Въ учебникахъ политической экономіи принято говорить о конкуренціи какъ о регуляторѣ цѣвъ: если одинъ предприниматель реализуетъ огромные барыши, то найдутся немедленно другіе предприимчивые люди которые, доводяствуясь нѣсколько меньшими барышами, понижаютъ цѣвы, перетягиваютъ сначала всѣхъ потребителей на свою сторону, а за симъ заставляютъ и перваго предпринимателя отказаться отъ первыхъ высокихъ цѣвъ. Въ практической жизни однако случается иногда совершенно иное. Оказывается что два предпріятія требующія огромныхъ затратъ и дѣйствующія въ томъ же направленіи, не только отказываются отъ конкуренціи, но зная что третье предпріятіе подобнаго же рода не легко можетъ возникнуть, изъ всѣхъ силъ быются о сохраненіи за собой прежнихъ доходовъ, и часто соглашаются на сдѣланіе другъ съ другомъ, что бываетъ равносильно монополіи известной отрасли промышленности въ известномъ районѣ. Доказательствомъ тому служатъ Англія, гдѣ сдѣланіе воедино соперничающихъ желѣзнодорожныхъ компаній случалось не одинъ разъ въ ущербъ путешествующей публикѣ и товаропроизводителямъ. Дальнѣйшимъ подтвержденіемъ вышесказаннаго могутъ служить и телеграфныя агентства. Между Вольфомъ, Рейтеромъ, французскимъ агентствомъ Гавасъ-Бюлье, италіанскимъ Стефени существовало, какъ говорятъ, негласное соглашеніе въ силу котораго они раздѣлили между собой землія. Рейтеръ долженъ былъ въ силу этого условія работать на одну Англію, Вольфъ на одну Германію и т. д. Для того же чтобы никто не догадывался о подобной сдѣлкѣ они рѣшили отъ времени до времени посылать депеши и внѣ своихъ округовъ, съ тѣмъ однако чтобы за подобныя сообщенія получалъ особое вознагражденіе тотъ коего интересы отъ этого страдали. Напримѣръ, Вольфъ могъ посылать депеши и во французскія газеты, но за это долженъ былъ выдавать весь барышъ Гавасу-Бюлье. Конкурировать съ этими четырьмя потентатами было крайне трудно, въ особенности съ Вольфомъ, пользующимся благосклоннымъ покровительствомъ Пруссіи. Въ 1866 году, незадолго до войны, во Франкфуртѣ-на-Майнѣ завелось было самостоятельное телеграфное бюро, принадлежащее нѣкому Рейлю, и состоящее въ особенно частыхъ сношеніяхъ съ Сѣверною Америкой. Это было тѣмъ важнѣе для Франкфурта что на тамошней биржѣ американскія бумаги обращаются

чуть ли не въ большемъ количествѣ нежели нѣмецкія. Такъ не менѣе, по занятіи города Прусаками, агентство Реймъ подверглось всевозможнымъ придиркамъ и преслѣдованіямъ со стороны новаго правительства, и не далѣе какъ черезъ годъ было закрыто.

Возникновеніе телеграфныхъ агентствъ значительно уменьшило расходы редакцій, хотя и до сихъ поръ приходится тратить на депеши несоразмѣрно много. Въ началѣ своей дѣятельности Вольфъ бралъ по 1 талеру 10 грошей за каждую телеграмму, въ какомъ бы городѣ ни находилась редакція. Кто желалъ получать избранныя главнѣйшія депеши, тотъ долженъ былъ платить по 2 талера за штуку. Теперь, благодаря пониженію телеграфнаго тарифа и учрежденію вспомогательнаго бюро во Франкфуртѣ, требованія агентства Вольфа значительно уменьшились, такъ что за 1.000 талеровъ въ годъ можно имѣть хорошо снабженный телеграфическій отдѣлъ. Многія провинціальныя газеты не могутъ, конечно, позволить себѣ и такого расхода, а потому часто случается что двѣ или три газеты, если онѣ только не преслѣдуютъ діаметрально противоположныхъ цѣлей, входятъ въ соглашеніе съ Вольфомъ чтобъ онъ присылалъ имъ всѣхъ одинъ экземпляръ депешъ. Такимъ образомъ расходы значительно сокращаются.

Мы говорили уже о значеніи агентства Вольфа. При терпѣннѣмъ положеніи вещей, германская печать стоитъ въ подчиненныхъ къ нему отношеніяхъ: она *должна* пользоваться его услугами. Но этой монополіей еще не ограничивается вліяніе агентства. Случается что какая-либо большая газета, находящаяся во враждѣ съ другою газетою, располагающею не столь значительными средствами, лишаетъ сію послѣднюю возможности пользоваться услугами Вольфа. Вотъ что разказываетъ Вуттке по этому поводу.

Издатель знаменитой *Кельнской Газеты* сдѣлалъ замѣчаніе что телеграфный отдѣлъ его газеты перепечатывается въ другомъ періодическомъ изданіи, въ *Kölnische Blätter*. Чтобъ имѣть возможность начать обвиненіе противъ него въ плагіатѣ, необходимо было заручиться доказательствами того что телеграммы были перепечатаны именно изъ *Кельнской Газеты*, а не изъ другаго какого-либо источника. Доказательствъ у него не было, и вотъ онъ придумалъ весьма хитрость, помѣстивъ одну депешу въ исковерканномъ видѣ

тѣсто того чтобы напечатать что Брайтъ находился у мертвѣнаго одра Кобдена, онъ напечаталъ будто бы умеръ райтъ, а при кончинѣ его присутствовалъ Кобденъ. Дѣйстви-тельно *Kölnische Blätter* перепечатали эту челуху, тогда какъ во всѣхъ другихъ газетахъ извѣстіе сообщено было въ астоящемъ видѣ. Доказательство литературной кражи было я лицо: начался процессъ. Обвиняемый редакторъ, ко всеобщему изумленію, не думалъ отрицать своего поступка, но вмѣстѣ съ тѣмъ разказалъ такую странную исторію что ни-то не хотѣлъ ему вѣрить до тѣхъ поръ пока слова его не получили дальнѣйшаго подкрѣпленія черезъ показанія сви-дѣтелей. Оказалось что *Кельнская Газета* отрѣзала свою противницу отъ источника телеграммъ и тѣмъ принудила ея къ противузаконному перепечатанію. Дѣло происходило такъ. Газета *Kölnische Blätter* получала телеграммы изъ Загнерова бюро во Франкфуртѣ. Въ одинъ прекрасный день она получаетъ извѣщеніе что отнынѣ депеши ей болѣе не будутъ доставляться, такъ какъ по послѣднему соглашенію состоявшемуся между Вольфомъ и Вагнеромъ городъ Кельнъ причисленъ къ области перваго изъ нихъ, вслѣдствіе чего Вагнеръ не имѣетъ права посылать туда депеши. *Kölnische Blätter* послѣдшили обратиться въ Берлинъ къ самому Вольфу, выславъ напередъ слѣдующую за нѣсколь-ко мѣсяцевъ сумму денегъ. Сначала Вольфъ высылалъ имъ телеграммы, но поздно и не въ такомъ количествѣ какъ дру-гимъ своимъ клиентамъ, а черезъ нѣсколько дней вовсе пересталъ высылать ихъ и возвратилъ полученныя деньги, при-бавая что Дюмонъ (издатель *Кельнской Газеты*) не дозво-ляетъ ему болѣе посылать депеши со сложными адресами, го-естъ нѣсколькимъ редакціямъ разомъ. Иначе сказать, *Кельнская Газета* дала взятку агентству и оно безъ церемоніи призналось въ этомъ.

VII.

Объявленія стали неперемѣнною составною частью каждой газеты нѣсколько ранѣ нежели телеграфныя извѣстія. Уже въ концѣ прошлаго столѣтія вошло въ обыкновеніе посвящать послѣднюю страницу газеты извѣстіямъ о предстоящихъ увеселеніяхъ, о новоприбывшемъ товарѣ, объ аукціо-нахъ и т. д. За тѣмъ вошло въ моду печатать на столбцахъ

газеты объявленія о различныхъ событіяхъ изъ семейной жизни, о смерти, рожденіи, свадьбѣ, помолвкѣ, счастливыхъ разрѣшеніи отъ бремени, что замѣняло особымъ уваженіемъ разсылавшіяся друзьямъ и знакомымъ. Некогда число помѣщаемыхъ въ газетахъ объявленій стало такъ велико что есть много редакцій издающихъ для подписчиковъ газету за болѣе дешевую цѣну нежели околько она еі стоила. Вуттке приводитъ въ примѣръ вѣнокую *Новую Свободную Прессу*, каждый годовою экземпляръ которой редакціи обходится отъ 30 до 34 гульденовъ, тогда какъ подписчики платятъ всего 18 гульденовъ. Весьма невыгодно для большой печати то обстоятельство что въ настоящее время сильно распространяются и размножаются газетныя ищющія спеціальною цѣлью помѣщать объявленія. Это лишаетъ ихъ двоякаго дохода: во первыхъ, дохода отъ объявленій, и во вторыхъ, дохода отъ подписчиковъ, число которыхъ замѣтно уменьшается съ возникновеніемъ подобныхъ газетокъ. Случается это потому что сіи послѣднія, не довольствуясь помѣщеніемъ объявленій, обзаводятся своимъ политическимъ отдѣломъ, цѣлкомъ почерпнутымъ изъ *Провинціальной Корреспонденціи*, и совершенно удовлетворяющимъ любопытство многихъ подписчиковъ. Подобныя газетки имѣютъ иногда громадное число подписчиковъ и приносятъ значительный доходъ. Напримеръ газета *Дрезденскій Указатель* имѣетъ 24.000 подписчиковъ и приноситъ чистаго дохода 40.749 таллеровъ; *Schwarzwälder Bote* расходится въ 22.000 экземпляровъ, *Münchener Nachrichten* болѣе нежели въ 30.000 экземпляровъ и т. д. Слѣдующій шагъ въ развитіи дѣла печатанія объявленій принадлежитъ Франціи: мы подразумѣваемъ изобрѣтеніе рекламы, то-есть объявленія печатаемаго хотя и по инициативѣ и на счетъ заинтересованнаго лица, но помѣщаемого не въ одномъ мѣстѣ съ остальными объявленіями, а непосредственно послѣ политическаго и литературнаго отдѣла, вслѣдствіе чего они логичному исходятъ какъ бы отъ самой редакціи, дѣлаются болѣе заманчивыми и убѣдительными. Изобрѣтеніе это приписывается Эмилю де-Жирардену, и въ пятидесятихъ годахъ проникло въ Германію, гдѣ сдѣлалось общепотребительнымъ. Заботящіяся о своей репутаціи газеты, хотя и принимаютъ рекламы, но отдѣляютъ ихъ чертой отъ такъ-называемаго редакціоннаго отдѣла газеты, вслѣдствіе чего редакція никакъ не можетъ быть заподозрена въ сол-

дарности съ тѣми личностями которыя прибѣгаютъ къ рекламамъ. Другія, менѣе разборчивыя въ средствахъ могущихъ доставить хорошій доходецъ, помѣщаютъ рекламы всюду куда ни пожелаетъ заказчикъ. Отъ биржеваго туза прижимаются за значительную плату статьи для финансоваго отдѣла, въ которыхъ расточаются похвалы самому гиллому предпріятію; въ критическомъ отдѣлѣ помѣщаются одобрительныя отзывы о книгахъ годныхъ развѣ только на макулатуру; театральныя и музыкальныя рецензіи выходятъ сплошь да рядомъ изъ-подъ пера тѣхъ самыхъ артистовъ о которыхъ въ нихъ идетъ рѣчь; даже фельетоны становятся орудіемъ рекламы. Многія нѣмецкія газеты, предъ Рождествомъ, когда публика особенно склонна дѣлать покупки, получаютъ порученіе отъ различныхъ торговцевъ за приличное вознагражденіе упомянуть въ фельетонѣ о ихъ *geschieft*, напомнить публикѣ о ихъ существованіи. И вотъ когда такіе заказы скопились у редакціи въ достаточномъ количествѣ, является фельетонъ-реклама, въ самой грубой формѣ, что-нибудь въ слѣдующемъ родѣ. „Мы думаемъ“, начинается фельетонистъ, „оказать не малую услугу публикѣ, обращая ея благосклонное вниманіе на многочисленныя, великолѣпныя выставки товаровъ, на эlegantныя базары предоставляющіе публикѣ въ нынѣшнемъ году такой богатый выборъ для рождественскихъ подарковъ, такое разнообразіе изящныхъ, чисто художественныхъ вещицъ, какого до сихъ поръ не бывало въ нашемъ городѣ, повсюду славящемся громадностью своихъ промышленныхъ ресурсовъ, утонченнымъ вкусомъ своихъ ремесленниковъ и т. д. Взгляните напримѣръ на выставку въ ювелирномъ магазинѣ N: что за роскошь, что за богатство являются предъ вашими изумленными глазами въ видѣ сверкающихъ брилліантовыхъ звѣздъ, сыпящихся искры рубиновъ, ослаблительныхъ жемчужныхъ ожерелій! Какая художественная законченность въ этихъ золотыхъ и серебряныхъ вещицахъ, сколько времени пришлось посвятить каждой изъ нихъ! Поистинѣ N заслуживаетъ названіе втораго Беневеруто Челлини! Однако читателю можетъ-быть скажутъ что вмѣсто того чтобы доставлять имъ развлеченіе, я ввожу ихъ въ дурныя чувства, такъ какъ не всякому изъ нихъ средства позволяютъ пользоваться сими благами. Проидемте еще нѣсколько шаговъ дальше, и мы очѣтимся предъ другимъ, громаднымъ магазиномъ, могущимъ удовлетворить

потребностямъ богатаго и бѣднаго. Тутъ богатые аіонскіе бархаты и шелка лежатъ рядомъ со скромнымъ, но прочнымъ ситцемъ, продуктомъ нашей собственной промышленности' и т. д. Такимъ-то образомъ фельетонистъ ловзатитъ по нѣсколькx словъ и башмачнику, и игрушечному магазюу, и книжной лавкѣ — все это подъ видомъ восхваленія народной промышленности. Какъ ни груба ловушка, но находится, вѣроятно, легковѣрные, принимающіе сказанное за чистую монету, безусловно вѣрящіе всякому печатному слову: иначе не повторялся бы этотъ маневръ изъ года въ годъ. Замѣчательно что даже столичныя газеты не только соглашаются на составленіе такихъ заказныхъ фельетоновъ, но даже съ особымъ рвеніемъ ищутъ подобныхъ заказовъ, разсылаютъ торговцамъ особыя къ тому приглашенія.

По мѣрѣ того какъ газеты стали наводняться объявленіями, начали устраиваться особыя агентства, служашія посредниками между редакціями газетъ и всѣми тѣми кому приходится печатать объявленія. Чтобы подобное агентство вело дѣло успѣшно, необходимо чтобы оно имѣло связи съ массою газетъ издаваемыхъ въ наибольшемъ рабкѣ. Малкія предпріятія до сихъ поръ не удавались: ихъ губила конкуренція съ большими агентствами, а также невозможность реализовать сносныя барыши, довольствуясь малой платой за свои труды; большая же плата заставляла ихъ предпочтительно прямо обращаться въ самую редакцію. Поэтому-то въ пятидесятыхъ годахъ въ Германіи одно агентство лопалось за другимъ, и только два предпріятія пережили этотъ фатальный періодъ. Рудольфъ Моссе, долгое время работавшій на одинъ Берлинъ, въ 1866 году рѣшился распространить свои дѣла, и учредилъ въ различныхъ городахъ Германіи до 13ти вспомогательныхъ конторъ, и съ тѣхъ поръ дѣла его пошли блестящимъ образомъ. Въ настоящее время одно только агентство въ состояніи успѣшно конкурировать съ нимъ въ Германіи, а именно агентство Газенштейна и Фоглера во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, съ бесчисленными конторами, по преимуществу въ южно-германскихъ городахъ. Кромѣ того существуетъ порядочное число другихъ агентствъ; но всѣ они мало доходны, ограничиваются незначительнымъ территоріальнымъ округомъ и не могутъ быть сравнены съ двумя названными нами по вліянію на печать. Мы не даромъ употребили въ настоящемъ случаѣ

выраженіе *сміяніе*, такъ какъ дѣйствительно въ настоящее время г. Моссе и компанія составляетъ *силу*, предъ которою не разъ приходится преклоняться редактору. Они не только принимаютъ порученія отъ различныхъ промышленниковъ, но даютъ имъ часто совѣты куда помѣстить данное объявленіе. Во многихъ случаяхъ выборъ газеты вполнѣ предоставляется ихъ усмотрѣнію. Помѣстите ли объявленіе о моемъ новомъ изобрѣтеніи, пишетъ кто-либо, въ двадцати нѣмецкихъ газетахъ, наиболѣе распространенныхъ, и въ какихъ—мнѣ все равно. Очевидно Моссе и компанія отдаютъ предпочтеніе тѣмъ газетамъ которыя, въ свою очередь, склонны отплатить любезностью за любезность, а въ чемъ состоитъ эта любезность, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ узнается публикой, можетъ-быть въ одной денежной уступкѣ, а можетъ-быть и въ какой-либо другой болѣе важной уступкѣ. Вліяніе Моссе и К^о усиливается еще болѣе благодаря тому обстоятельству что они берутся и за помѣщеніе рекламы. Еще одинъ шагъ — и онъ дѣлается распорядителемъ редакціоннаго отдѣла газеты, въ интересахъ промышленности и торговли заставляя принимать статьи только одного направленія, и отклонять всѣ остальные и т. д. Подражая Французамъ, нѣмецкія агентства занимали извѣстное число страницъ газеты, и за симъ получали возможность самопроизвольно назначать цѣны за объявленія своимъ клиентамъ. Моссе прибралъ въ руки 16 газетъ, и въ томъ числѣ *Имперскій Указатель*, *Сову*, *Кладдерадачъ*, *Капиталистъ* и другія, нанявъ у нихъ весь отдѣлъ объявленій. Кромѣ того онъ завелъ спеціальнаго органа для объявленій, берлинскій *Tageblatt*, имѣющій до 30.000 подписчиковъ, и вошелъ въ сношеніи со всѣми странами Европы. Газетштейнъ и Фоглеръ не отставали отъ него, заручились, въ свою очередь, десяткомъ газетъ, и не конкурируя съ своимъ соперникомъ на Сѣверѣ, съ тѣмъ большимъ услѣхомъ дѣйствовали на Югѣ. Въ послѣднее время однако неоднократно раздаются жалобы на оба агентства, жалобы направленные противъ моволодіи которою они пользуются и противъ того подчиненія въ которомъ они держатъ прессу. Конечно, для большихъ газетъ въ родѣ *Национальной* или *Кельнской* или же для органовъ подобныхъ *Имперскому Указателю* эти господа не могутъ быть опасны, но по отношенію къ мелкимъ газетамъ они находятся въ положеніи диктаторовъ.

Легко можно себя представить что Моссе и К° пользуются своею неограниченною властью безъ всякой церемоніи. Лично про Моссе разсказываютъ слѣдующую характеристическую исторію. Читателямъ вѣроятно памятно что два года тому назадъ въ Мюнхенѣ предъ судомъ присланнымъ являлась дѣвица Адель Шлицедеръ, по обвиненію въ мошенномъ банкротствѣ. Тысячи людей изъ низшихъ классовъ лишились вѣсущаго хлѣба благодаря мошенническимъ спекуляціямъ ея Дахаускаго банка. Вместе съ тѣмъ дѣвица Шлицедеръ вела дѣла свои весьма хитро, и сознавая вліяніе прессы, содержала на свой счетъ до десяти лисакъ обязанности писать въ газетахъ хвалебные гимны ея предприятию. Платила она имъ очень щедро, что обнаружилось во время процесса, когда одинъ изъ няятытъ ея журналистовъ раскаялся и возвратилъ полученные имъ 15.000 гульденовъ. Къ числу ихъ обязанностей принадлежало между прочимъ забрасывать грязью всякъ тѣхъ кто осмѣлился бы поднять голосъ противъ солидности и честности образа дѣйствій Дахаускаго банка. На судѣ между прочимъ обнаружилось что Аделе Шлицедеръ заплатила 300 гульденовъ Рудольфу Моссе, съ тѣмъ чтобъ онъ не принималъ къ напечатанію тѣхъ объявленій которыя могли бы повредить ея предприятию. Моссе сначала отрицала справедливость этого обвиненія, но такъ какъ суду предъявлена была собственноручная его расписка съ обозначеніемъ принимаемаго имъ на себя обязательства, то мы имѣемъ право не вѣрить его голословному отрицанію. Вутткѣ приводитъ этотъ фактъ какъ доказательство того что необходимо сдѣлать обязательнымъ приемъ всякъ объявленій безъ разбора для редакцій. Намъ же кажется что принятіе взятки лицомъ состоящимъ во главѣ агентства объявленій доказываетъ лишь то что учрежденіе агентствъ имѣетъ свои темныя стороны, и что вредное дѣйствіе ихъ могло бы быть легко парализовано еслибы *de facto* Моссе и Газенштейнъ не пользовались монополіей въ этомъ дѣлѣ.

Биржевая горячка, опустошившая въ послѣдніе годы главные германскіе торговые центры, не осталась безъ вліянія на періодическую печать. Мы уже упоминали о томъ что многія газеты перешли въ собственность акціонерныхъ обществъ, что даже офиціозная *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета* принадлежитъ гамбургской компаніи. Кромѣ того вліятельные на биржѣ люди все имѣли желаніе издавать особыя

газеты, чтобы проводить въ нихъ свои финансовыя идеи, подкупать публику искусными словами въ пользу задуманныхъ ими предпріятій. Штратенбергъ приобрѣлъ себѣ газету *Die Post*, ради ружьенскихъ желѣзныхъ дорогъ, Даубицъ купилъ *Staatsbürgerzeitung*, банкирскій домъ Ши въ Дрезденѣ *Дрезденскую Прессу* и т. д. У кого не было своей газеты, тотъ во что бы то ни стало добивался при помощи денегъ расположить въ свою пользу какую-нибудь вліятельную газету. Особенно въ Вѣнѣ можно было удобно дѣлать наблюденія надъ маневрами спекулянтовъ силившихся подчинить себѣ прессу. Редакторы получали отъ учредителей всевозможныхъ акціонерныхъ предпріятій приглашеніе принять участіе въ предпріятіи безъ всякаго риска и отвѣтственности. Имъ присылалось опредѣленное число акцій, за которыя они платили, разумѣется, не деньгами, а похвальными отзывами о самомъ предпріятіи. Благодаря газетнымъ похваламъ акціи шли въ гору, и тогда редакторы слѣзили съ рукъ ненадежныя бумаги, заживаить ихъ наличными деньгами. Другіе же прямо объявляли въ отвѣтъ на предложенія что акцій они не берутъ, а предпочитаютъ наличныя деньги, называя обыкновенно ту сумму за которую согласны превозносить новое предпріятіе. Съ достовѣрностью можно сказать что милліоны гульденовъ перешли такимъ образомъ въ карманы вѣнскихъ редакторовъ и главныхъ ихъ сотрудниковъ. Про одного изъ спекулянтовъ, Плахта, достовѣрно извѣстно что онъ въ теченіе одного года истратилъ на рекламы и объявленія 155.000 гульденовъ. Одинъ изъ вѣнскихъ банковъ, такъ-называемый *Renten und Ratenbank*, при помощи щедрой раздачи денегъ заручился 54 газетами, какъ вѣнскими такъ и иностранными. Обѣ *Прессы* и *Тазенблатъ* получили отъ него по 2.500 гульденовъ, *Fremdenblatt* 1.500, и такъ далѣе, вплоть до самыхъ незначительныхъ юмористическихъ журналовъ, удовольствовавшихся 50 гульденами; всего вышло на 33.000 гульденовъ. Гораздо грандіознѣе велъ подкупъ Англо-Австрійскій Банкъ, когда ему во что бы то ни стало потребовалось поднять курсъ турецкихъ бумагъ на биржѣ. На это ему пришлось ухлопать уже не десятки, а сотни тысячъ. *Tageblatt* получила 32.000, обѣ *Прессы* по 25.000, *Montagsrevue* и *Fremdenblatt* по 12.000, *Vorstadtzeitung* 16.000 и т. д.; всѣхъ стилендіатовъ Англо-Австрійскаго Банка было числомъ 73.

Естественно что принятіе редакторами столь значительныхъ суммъ не могло оставаться тайной, и это, въ свою очередь, побудило многія темныя личности основать маленькія газетки, и уже не выжидать пока учредитель придетъ къ нимъ на поклонъ, а выпытывать у нихъ деньги подъ всевозможными предлогами. Развилась цѣлая система ватажа. Журналисты силились проникнуть въ тайны приваженій различныхъ акціонерныхъ обществъ, садились и частію жизнью высокопоставленныхъ лицъ, съ цѣлю доискаться чего-либо предосудительнаго, и тогда грозили опубликовать все въ газетахъ, если имъ не будетъ выплачена известная сумма. Иногда просто выдумывали какую-либо скандальную исторію, и такъ какъ многимъ не желательно чтобы про нихъ печатали дурное, хотя бы то и была ложь, то и этимъ способомъ имъ удавалось набивать кошку. Подобнымъ журналистамъ въ Вѣнѣ дана особая кличка: ихъ называютъ „Revolverjournalisten“. Вуттке приводитъ въ сколко примѣровъ ихъ дѣятельности, которые настолько характеристичны что заслуживаютъ помѣщенія въ нашей статьѣ. Къ директору одной желѣзной дороги неоднократно прислали письма отъ одного журналиста, въ которыхъ отъ него требовалась опредѣленная сумма; въ случаѣ отказа угрозили какими-то разоблаченіями. Сознывая свою невинность, директоръ не платилъ назначенной суммы. Въ одинъ прекрасный день, его подчиненнымъ, служащимъ на желѣзной дорогѣ, съ почты присылаютъ въ огромномъ количествѣ экземпляровъ номеръ одной газеты, въ которомъ помѣщено было начало грязнѣйшей, и конечно выдуманной исторіи, героемъ которой являлся самъ строптивый директоръ. Нечего было ему дѣлать, пришлось заплатить тяжелый выкупъ, вслѣдствіе чего обѣщанное продолженіе скандальной исторіи перестало появляться, яко бы „по независящимъ отъ редакціи причинамъ“. Другой разъ та же самая газета стала печатать всякія слухи про одну вѣнскую актрису и ея родственниковъ и въ то же время дала знать что у нея еще большой запасъ подобныхъ біографическихъ свѣдѣній обо всемъ семействѣ. Отецъ актрисы послѣдшилъ привести редакціи умилостивительную жертву въ 300 гульденовъ, и преслѣдованія прекратились. Есть въ Вѣнѣ газета, редакторъ которой дворянинъ и къ тому же юристъ. Онъ послалъ директору Западной дороги копію со статьи, которую онъ обѣщалъ напечатать въ

своей газетѣ, если ему не будетъ выплачено 150 гульденовъ. Статья, конечно, была бранная; но редактору въ сущности все равно было, какого мнѣнія публика о Западной дорогѣ, поэтому онъ предлагалъ напечатать статью совершенно противоположнаго направленія, если ему сверхъ 150 гульденовъ будетъ данъ даровой билетъ на проѣздъ по желѣзной дорогѣ на неопредѣленное время.

Бываетъ шантажъ еще другаго рода, состоящій [въ томъ что газеты печатаютъ такіа объявленія которыя имъ вовсе не поручались. Представьте себѣ что какой-нибудь банкъ помѣстилъ объявленіе въ одной газетѣ. На другой день 20—30 газетъ являются съ подобными же объявленіями, а въ то же самое время директоръ банка получаетъ отъ редакцій сихъ газетъ письма примѣрно слѣдующаго содержанія: „Мы очень изумлены были прочитавъ ваше объявленіе въ газетѣ N; не можемъ себѣ объяснить иначе какъ вашею разсѣянностью, что вы не дали намъ порученія помѣстить таковое же въ нашей газетѣ, пользующейся столь огромнымъ распространеніемъ. Поэтому мы въ вашихъ собственныхъ интересахъ рѣшили перепечатать ваше объявленіе, и имѣемъ честь приложить къ сему письму счетъ.“ Не заплатитъ банкъ по этому счету, газета начинаетъ преслѣдовать его, распространяя слухи о несолидности его и т. д.; война ведется до тѣхъ поръ пока дирекція банка не признаетъ себя] побѣжденною и не внесетъ своей подати. Вотъ что случилось недавно, уже послѣ выхода въ свѣтъ сочиненія Вуттке, въ той же самой Вѣнѣ. Скоро послѣ студенческихъ волненій въ Грацѣ, по поводу пріѣзда туда дона Альфонса, редакторъ одной [вѣнской] малоизвѣстной иллюстрированной газеты, выходя изъ той мысли что испанскій принцъ есть, такъ-сказать, герой дня, обратился къ нему съ письменною просьбой удостоить его присылкой портрета своего и доны-Бланки, которые будутъ въ такомъ случаѣ помѣщены въ ближайшемъ номерѣ газетѣ. Дона Альфонсъ послѣшилъ выслать фотографическія карточки, и дѣйствительно скоро появились въ газетѣ оба портрета, въ сопровожденіи біографій, написанныхъ въ самомъ дружелюбномъ духѣ. Расчетъ редактора былъ вѣренъ. Газета никогда не раскудалась такъ нарасхватъ какъ въ тотъ день когда на страницахъ ея было помѣщено изображеніе испанскаго принца.

Но редакторъ этимъ профитомъ не удовольствовался и послалъ донъ-Альфонсу маленькій счетецъ, а именно:

За два портрета ихъ высочествъ, вырѣзанные на деревѣ, по 75 гульденовъ.....	150 гулд.
За вѣрноподадантическую (<i>loyale</i>) біографію его высочества, считая по 15 крейцеровъ за строчку.....	35 .
За такую же біографію дожны-Ванки, по 15 крейцеровъ за строчку.....	18 .
За десять экземпляровъ газеты, по 20 крейцеровъ за каждый.....	1 .
Итого.....	204 .

Впрочемъ надо замѣтить что царство „журналистовъ революера“ было сильно поколеблено послѣднимъ биржевымъ крахомъ. Сравнительно съ Вѣной берлинскіе журналисты находятся еще въ состояніи блаженной кевинности. Вліяніе ажіотажа выразилось главнымъ образомъ въ образованіи акціонерныхъ компаній захватившихъ въ руки главныя газеты. Реклама же и шантажъ не успѣли получить тамъ большаго развитія, благодаря тому что биржевая горячка продолжалась не такъ долго, и скоро послѣдовавшій разгромъ биржи не далъ укорениться безобразнымъ пріемамъ, которые и тамъ начали было пріобрѣтать право гражданства.

БАРОНЪ Н. КОРФЪ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

Т О М А С Т О В О С Е М Н А Д Ц А Т А Г О .

І Ю Л Ь .

	Стр.	
[езуиты въ Литвѣ. Гл. I—III. <i>И. Сризова</i>	5	✓
Отецъ и сынъ. Опытъ культурно-біографической хрони- ки. Гл. VHI—IX. <i>М. Ф. Де-Пуле</i>	56	
Семейство Баклановыхъ. (Изъ моихъ воспоминаній.) Окончаніе. <i>Н. Г. Чаплыгина</i>	108	✓
Мое дѣтство и наша семья. (Воспоминанія Одиссея По- лихроніадеса, загорскаго Грека.) Гл. X—XIV. <i>К. Н. Леонтьева</i>	199	✓
Мегалитическіе памятники въ Крыму. <i>М. Сосногоровой</i> . „Ямщикъ заснулъ, мы ѣдемъ шагомъ“. Стихотвореніе <i>Д. Д—ва</i>	266	✓
Судебная реформа въ Царствѣ Польскомъ. Гл. VI. <i>М. П. Соловьева</i>	288	
Парижскіе силуэты и очерки. <i>Петра Петрова</i>	317	
Первая гроза. Разказъ. <i>Л. Стечкиной</i>	354	✓
Прибавленіе къ статьѣ: „Еще нѣсколько словъ объ украинофилахъ“. <i>С. С. Гогоукаго</i>	413	✓
Литературныя замѣтки. <i>А.</i>	416	

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Парижане. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. Переводъ съ англійскаго. Окончаніе.		✓
Военныя дѣйствія на Оксустъ и паденіе Хивы. Макъ- Гахана. Переводъ съ англійскаго (съ рисунками). Окончаніе.		✓

А В Г У С Т Ъ .

	Стр.
Судебная реформа въ Царствѣ Польскомъ. Окончаніе <i>М. П. Соловьева</i>	449
✓ Мое дѣтство и наша семья. (Воспоминанія Одиссея Полихроніадеса, загорскаго Грека.) Гл. XVI—XXIII <i>К. Н. Леонтьева</i>	490
Отецъ и сынъ. Опытъ культурно-біографической хроники. Гл. X—XI. <i>М. Ѳ. Де-Пуле</i>	550
✓ Военная жизнь въ Пруссіи. Романъ Гаклендера. Часть первая	622
✓ Иезуиты въ Литвѣ. Гл. IV—VII. <i>И. Сливова</i>	724
✓ Бадній день и Божичъ въ Сербіи. <i>Кн. А. Н. Церетелова</i>	770
✓ На Рогачевкѣ. Сельская драма. Часть первая. <i>И. Е. Гусевой</i>	805
Внутренняя политика Франціи. Обзоръ майской сессіи національнаго собранія. <i>Петра Петрова</i>	886
Періодическая печать и общественное мнѣніе въ Германіи. <i>Барона Н. Ѳ. Корфа</i>	919

Сего 1го августа вышла и разослана подлинникамъ VIII, АВГУСТОВСКАЯ, книга ежемѣсячнаго историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“.

Содержаніе книги: I. Архимандритъ Фотій, настоятель Новгородскаго Юрьева монастыря, историко-біографическій очеркъ по его бумагамъ, 1792—1838 гг., сост. *Е. П. Карновичъ*. (Окончаніе.)—II. Дневникъ и литературныя замѣтки Вильгельма Кюхельбекера, писанныя въ Динабургѣ 1831—1832 гг.—III. Петербургскій Воспитательный Домъ подъ управленіемъ *И. И. Бецкаго*, историческое изсѣдованіе *А. П. Пятковскаго*, глава четвертая.—IV. Записки *Ивана Степановича Жиркевича*, главы IX—XI: событія 1815—1820 гг.: дѣло о дуэли въ гвардейской артиллеріи; знакомство съ гр. Сергѣемъ Каменскимъ и разказы о его чудачествахъ; семейство гр. Чернышева и пр.—V. Александръ Николаевичъ Сѣровъ, 1820—1871 гг. Очеркъ его жизни. Письма и музыкальныя его очерки, 1840—1841 гг., съ примѣчаніями *В. В. Стасова*.—VI. Князь Паскевичъ въ эпоху Крымской войны, 1854—1855 гг., историко-критическій очеркъ, съ замѣтками и примѣчаніями *г. Шильдера*.—VII. Взрывъ Павловскаго форта въ Севастополѣ 29го августа 1855 года, разказъ очевидца.—VIII. Императоръ Александръ I въ селѣ Позисовѣ въ 1816 году.—IX. Библиографическій листокъ русскихъ историческихъ книгъ.

Приложенія. Къ этой книгѣ приложены: I. Записки о Россіи генерала Манштейна, 1727—1744 гг. Главы IX—X, событія 1737—1739 гг., переводъ съ подлинника французской рукописи.—II. Рисунокъ памятника Александру I въ селѣ Позисовѣ, въ Калужской губерніи.

Подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1875 года продолжается. 12 книгъ, съ портретами, рисунками и пр. приложеніями цѣна 8 руб. съ пересылкой. (*Осталось 87 экз.*)

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“—въ книжномъ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова* (Невскій, 30); въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ *Ив. Григорьевича Соловьева*—на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Гг. шногородныхъ подлищиковъ просятъ обращаться *исключительно* въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ въ С.-Петербургъ, Надеждинская, д. № 42, кв. 12.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ 1872 года, изданіе второе, можно получить всѣ 12 книгъ съ приложениями. Цѣна восемь рублей съ пересылкой. *(Осталось 30 экземпляровъ.)*

Только-что отпечатано и поступило въ продажу третье изданіе перваго года „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, то-есть 1870 года, въ трехъ томахъ, 2.700 страницъ, съ двумя гравированными портретами (А. Т. Болотова и Пугачева), шестидесятью латью рисунками и вишѣтками, снимками съ долинныхъ писемъ кв. М. И. Голевищева-Кутузова-Смоленскаго изъ-подъ Измаила, 1790 годъ, и съ предсмертнаго письма композитора М. И. Глинки, и пр.

Лицамъ заблаговременно подписавшимся на третье изданіе „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870 года сборникъ этотъ вышѣ же высылается за 8 рублей.

Желающіе получить „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1870 года благоволятъ высылать восемь рублей, и журналъ будетъ немедленно высланъ, всѣ три тома. 8.306

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1875 году.

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, будетъ стоить въ 1875 въ Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки, **пятнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ**, съ доставкою на домъ въ Москвѣ и Петербургѣ **шестнадцать рублей** и съ почтовою пересылкою во всѣ мѣста Россіи **семнадцать рублей**.

Заграничныя высылаютъ за доставку въ государства Германскаго Почтоваго Союза—18 р.; въ Италію, Бельгію, Нидерланды, Швейцарію, Сербію и Румынію—19 р.; въ Англию, Данію, Швецію, Грецію, Европейскую Турцію и Францію—20 р. 50 к.; въ Испанію, Португалію, Норвегію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты—21 р. 60 к. Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается:

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ Университетской Типографіи на Страстномъ Бульварѣ; въ книжной лавкѣ И. Г. Соловьева (бывшей Базунова), на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Алексѣева.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжной лавкѣ Базунова, на Невскомъ Проспектѣ, у Казацкаго моста, домъ № 30.

Въ почтовыхъ мѣстахъ Имперіи подписка на Русскій Вѣстникъ не принимается.

Иногородныя адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1875 году.

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1875 годъ: въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, на 12 мѣсяцевъ, безъ казенныхъ объявленій **тринадцать рублей сер.**; съ доставкою на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкою во всѣ мѣста Россіи **шестнадцать рублей сер.**; съ казенными объявленіями, издаваемыми особо три раза въ недѣлю, цѣна безъ доставки **пятнадцать рублей**; съ доставкою и пересылкою **восемнадцать рублей сер.**

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Страстномъ Бульварѣ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К^о)
на Страстномъ Бульварѣ.

711-11-

80. 1914

